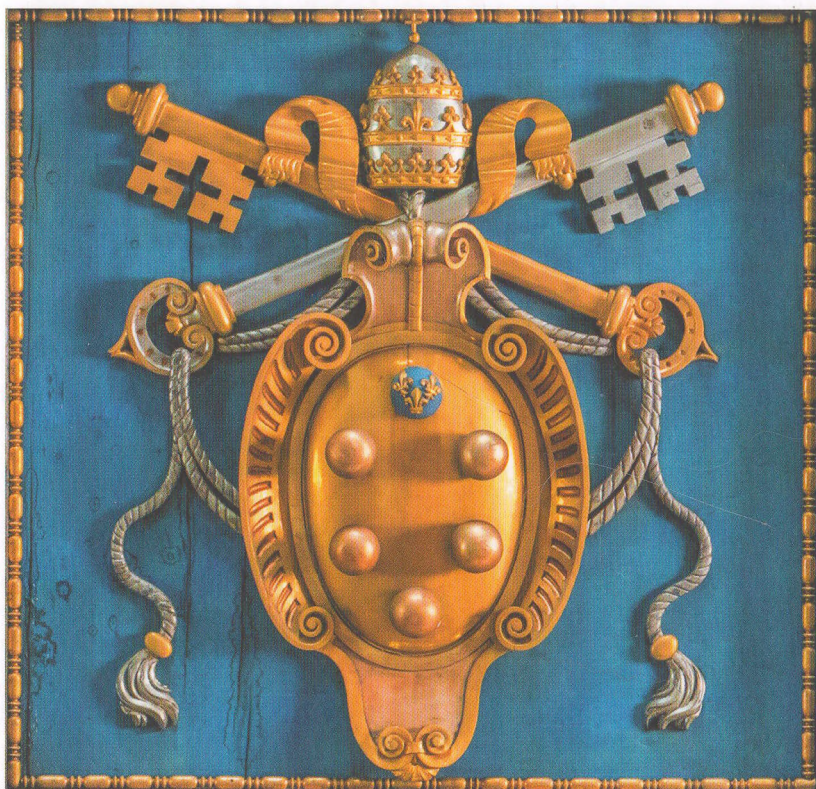

ИСТОРИЯ РЕНЕССАНСА

ОТ ВОЗВРАЩЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ
К ЗАВОЕВАНИЮ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Сьюзен Уайс БАУЭР

Susan Wise Bauer

**THE HISTORY
OF THE RENAISSANCE
WORLD**

Сьюзен Уайс Бауэр

ИСТОРИЯ РЕНЕССАНСА

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
Б 29

Susan Wise Bauer
THE HISTORY OF THE RENAISSANCE WORLD
From the Rediscovery of Aristotle to the Conquest of Constantinople

Перевод с английского В. Гончарова, А. Немировой

Компьютерный дизайн В. Воронина

*Выражаем благодарность за помощь в переводе
В. Черных и В. Конкину*

Печатается с разрешения издательства
W. W. Norton & Company, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бауэр, Сюзен Уайс.

- Б29 История Ренессанса. От возвращения Аристотеля до завоевания Константинополя / Сюзен Уайс Бауэр ; [пер. с англ. В. Гончарова, А. Немировой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 960 с.

ISBN 978-5-17-081399-5 (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-110845-8 (Страницы истории)

История мира Ренессанса с XII века до середины века XV — от возрождения интереса к Античности, от Первых крестовых походов до падения Константинополя и конца Византийской империи.

В этой книге Сюзен Бауэр продолжает широкими мазками живописать историю западных и восточных цивилизаций, как делала это в «Истории Древнего мира» и «Истории Средневекового мира».

Ее книги — не просто сухие факты, но подробный и яркий рассказ о внешней и внутренней политике государств эпохи Возрождения, об их литературе, религии и мифологии, повседневной жизни и системе управления.

Результатом становится потрясающая мозаика событий, свидетельств и документов, в которой в равной степени важен каждый элемент.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-17-081399-5 (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-110845-8 (Страницы истории)

© Susan Wise Bauer, 2013

© Перевод. В. Гончаров, 2018

© Перевод. А. Немирова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Благодарности

Хочу поблагодарить коллектив издательства «У. У. Нортон» за все, что они сделали в поддержку не только настоящей книги, но и двух предшествовавших ей томов. Не могу перечислить здесь всех, но особенно хочу отметить Илин Ченг, Мелоди Конрой, Джулию Друскин, Райана Харрингтона, Билла Русина и Наоми Виктор. Более же всего я благодарна моему бессменному редактору Старлинг Лоуренс — которая помимо редактуры оказывала мне и моральную поддержку, всегда внимательно выслушивала меня, а в тяжелые минуты велела бросить хныкать и браться за дело.

Я многим обязана Стар и Дженни за их гостеприимство, вкусную еду, за столь необходимые порой крепкие напитки. Такой обширный проект, как этот, никогда не бывает делом одного человека. Благодарю также команду из Пис-Хилл: Джастина Мура, который знает больше исторических подробностей (и разнообразных интересных фактов), чем «Гугль»; Сару Парк, чрезвычайно умелую составительницу карт и еще более талантливую поэтессу; Ким Нортон, самого невозмутимого администратора во всей известной части Вселенной; Джеки Вайолет, чьи обязанности постоянно разрастались, но так и не лишили ее добродушия; Марка Хикса, который не дал хозяйству развалиться, пока я бродила по XIV столетию. Особая благодарность — Патрисии Уорт, моей ассистентке, способной организовать полет в Прагу, договориться о выступлении в школе, проверить качество белья в гостинице — и все это за один восьмичасовой рабочий день. И да, ей не нужно подыскивать себе новую работу.

Также спасибо Мелу Муру, Лиз Барнс и Аксе Фишер-Наклз за то, что все-таки отвечали на мои письма и телефонные звонки, даже когда я ужасно запаздывала с ними; Борису Фишману за то, что разделял мои профессиональные увлечения; Грегу Смиту за

постоянный интерес к моим трудам; Дайяне Уилер — просто за то, что она живет на этом свете.

Мое семейство все еще признает меня, несмотря на частые приступы кататонии, вызванные погружением в историю. Кристофер, Бен, Ден, Эмили! Я пеку *очень* хорошее печенье. Надеюсь, оно возместит вам необходимость много раз окликать меня, прежде чем я вынырну из глубин прошлого и спрошу: «Что?»

Джей и Джесси Уайс: вы научили меня читать — видите, что из этого вышло? Питеру: *Sumus exules, vivendi quam auditores**. Это все еще так — но не всегда.

* Занимаясь наукой, мы становимся изгнанниками (лат.).

Предисловие

Вскоре после 1140 года нашей эры итальянский ученый Герард Кременский приехал на Пиренейский полуостров, надеясь найти здесь редкий экземпляр греческого сочинения по астрономии тысячелетней давности, известного под названием «Альмагест». Здесь он мог рассчитывать на удачу больше, чем где-либо еще в Европе. Южная половина полуострова уже несколько столетий находилась под властью арабов, и правящие династии мусульманской Испании способствовали переводу на арабский тысяч классических текстов, давно утраченных в оригиналах на языках Запада. В библиотеках города Толедо, в центре полуострова, хранилось множество ценных томов. Толедо же как раз недавно был отвоеван одним из христианских королевств Севера, а значит, у европейских ученых появилась возможность относительно безопасно добраться сюда.

Герард нашел куда больше, чем искал: не только тексты по астрономии, но и труды античных и арабских авторов по диалектике, геометрии, философии, медицине; неизвестные сочинения Евклида, Галена, Птолемея и Аристотеля — целую сокровищницу знаний. Потрясенный, он поселился в Толедо и взялся за изучение арабского языка.

«Сожалея о скудости латинян в этом отношении, — писал один из его учеников, — он выучил арабский язык, чтобы переводить [эти находки]... До конца дней своих он продолжал снабжать латинский мир (как будто своего любимого наследника) теми книгами, которые он считал самыми лучшими, по многим предметам, и делал это со всей доступной ему точностью и тщательностью»¹.

Так началось Возрождение.

Данная книга не является «историей Возрождения». Это скорее история *мира* в тот период, когда начал возрождаться интерес к наукам Античности — такой период выделяют многие историки, хотя отнюдь не все. Как показывает биография Герарда, подобный интерес возник гораздо раньше XIV столетия. Одним из первых итальянцев, обративших внимание на усиление интереса к науке греков и римлян, был поэт Петрарка, который в начале 1340-х годов констатировал, что поэты и ученые готовы вести города Италии к былой славе времен Рима. Античная наука впала, по словам Петрарки, во тьму забвения. Теперь настало время вновь открыть ее, обеспечить ее *возрождение*.

Петрарка добивался, пусть вполне вежливо и пристойно, однако весьма настойчиво, официального звания римского Поэта-лауреата. В то время это было не менее почетным отличием, чем сейчас — Национальная премия по литературе; оно являлось публичным признанием заслуг интеллектуала и его права претендовать на внимание к своим идеям.

В рамках своей «предвыборной кампании» Петрарка занял место лидера в уже давно идущем процессе. Со времен Герарда Кремонского (и даже раньше) западные ученые, по большей части итальянцы, работали в арабских библиотеках, заново знакомясь с трудами мыслителей Греции и Рима. Эти основополагающие интеллектуальные труды приобрели такой размах, что многие современные историки говорят о «Возрождении XII века». Иными словами, к 1340 году Возрождение развилось уже настолько, что стало видимым.

Исторические эпохи нельзя распознать, когда они начинаются; они становятся заметны лишь на расстоянии. Возрождение, как покажут следующие главы, уходит корнями в XII век. Именно в этот век началась борьба между церковными иерархами и Аристотелевой логикой, борьба, которая до сих пор продолжается в Соединенных Штатах, перевоплотившись в конфликт Священного Писания и науки, креационистской и эволюционной теорий — хотя на дворе уже XXI столетие.

На XII век приходится извращение идеи крестовых походов, взлет Плантагенетов, господство сегунов в Японии и проникновение ислама в Центральную Африку. Это был век многих возрождений, и именно с него я начну свой рассказ. Завершится он описанием штурма Константинополя в мае 1453 года — когда победа турок навсегда положила конец мечтам о господстве Рима.

Культурный феномен, именуемый итальянским Возрождением (Ренессансом), еще долго существовал и после 1453 года; но в этой книге я не касаюсь широко известных достижений последующего периода (политические трактаты Макиавелли, живопись Микеланджело и Рафаэля, изобретения Леонардо да Винчи, открытия Галилея). В мировом масштабе процесс возрождения к моменту падения Константинополя уже начал угасать, наступала новая эпоха.

Как и Возрождение, последующие эпохи также получили свои названия гораздо позднее. Но почва для Реформации была уже подготовлена, и семена ее начали прорастать; последователи английского ученого Джона Уиклифа и чешского священника Яна Гуса готовились восстать против власти Рима. Близилась эпоха Великих географических открытий. Всего через двадцать лет после падения Константинополя португальский капитан Жиль Эаннеш наконец-то обогнул мыс Бохадор и разведал земли южнее него. Еще через десять лет после достижения Эаннеша принц Генрих Португальский организовал первый в Европе рынок рабов. Это событие было широко разрекламировано и способствовало более активному внедрению европейцев в Африку*.

Падение Византийской империи стало поворотной точкой в истории. Историк Кэролайн Финкель (*Caroline Finkel*) отмечает, что даже сами турки сокрушались по поводу падения Константинополя; османский летописец Турсун-Бей, единственный из турок, кто описал решающую битву, называет ее «подлинной пучиной бедствий, грозою, которую обрушил с небес сам Аллах».

Превращение Константинополя в Стамбул стало и концом и началом, восклицательным знаком и новым параграфом в мировой истории. Но переход от Возрождения к следующему периоду эволюции человечества, пожалуй, еще более ярко озаменовали

* Мыс Бохадор (*Bojador*), ключ к морскому пути на юг Африки и в Индию, находится на побережье северной части Западной Сахары. Исчезновение многих европейских кораблей, пытавшихся обогнуть этот мыс (известно 15 попыток), породило легенды о морских чудовищах и кипящих водах. Сам по себе мыс невелик — но в море он продолжается в виде подводного рифа, тянущегося на несколько километров. Разбиваясь о скрытую преграду, волны бурно вспениваются, и море «кипит» здесь даже в тихую погоду. Неудивительно, что суеверные мореходы Средневековья боялись этих мест. Эаннеш совершил свое плавание по приказу принца Генриха, прозванного Мореплавателем (1394–1460). В итоге выяснилось, что мыс Бохадор лучше огибать мористее, но дурная репутация его сохранялась и позднее. Только между 1790 и 1806 годами здесь произошло не менее тридцати кораблекрушений. (*Прим. ред.*)

события, случившиеся годом ранее. Папа-итальянец Николай V издал буллу, названную по первым словам «*Dum Diversas*» («Доколе различные...»). Признавая заслуги португальцев, которые затратили огромные усилия и средства на разведку побережья Африки, Церковь официально одобрила порабощение африканцев и установила право португальских королей торговать рабами; оно было подтверждено спустя три года хартией «*Romanus Pontifex*»*.

Стремясь заручиться поддержкой могущественного короля Португалии, папа придал рабовладению такой статус, что впредь все европейцы могли извлекать из этого занятия выгоду, не испытывая чувства вины. Названия «эпоха рабства» историки еще не ввели — но в ретроспективе мы можем видеть, что папские буллы 1450-х годов определили будущее трех континентов и стали началом совершенно новой эпохи.

* Рынки рабов существовали в Венеции и Византии гораздо раньше. Но здесь автор имеет в виду торговлю африканскими рабами, приобретающую массовый и общеевропейский характер. (Прим. ред.)

Часть первая

ВОЗРОЖДЕНИЕ БЫЛО НЕ ОДНО

Глава 1

Логика и компромиссы

Между 1100 и 1122 годами император Священной Римской империи и король Англии выступают против папы, а один архиепископ пользуется наукой Аристотеля

Первый крестовый поход окончился — а вместе с ним и век. Спустя восемьсот лет после того, как римский император Константин повел армию против собственного народа под знаком креста, христианские воины переправились через Босфор в составе единой армии веры, настроенные предводителем церкви на борьбу против турок, надвигающихся с Востока. Но не успел крестовый поход успешно завершиться, как христианские рыцари-победители забыли об интересах веры и вернулись к своим делам. В первую очередь они были не сынами церкви, а правителями собственных владений. Быть *христианином*, слугою Господа, помимо прочего, означало быть причастным к *власти*. И этот аспект оставался главным на протяжении следующих четырех с половиной столетий.

* * *

Последствия Первого крестового похода далеко распространились из Сирии, будто круги по воде, захватывая и Восток, и Запад. В Англии трон перешел к незаконному наследнику. Вильгельм II, правивший островом с 1087 года, охотился в лесу; его спутник, опытный охотник по имени Уолтер Тиррел, прицелился в оленя, но попал в короля. Вильгельм рухнул наземь и скончался на месте. Уолтер, вместо того чтобы дожидаться подмоги и объяснить, что случилось (как пишет английский историк Уильям из Мальмсбери), «поспешно вскочил на коня и, крепко подгоняя его шпорами,

умчался прочь. Но его никто не преследовал». Вместо этого остальные охотники, среди них и младший брат Вильгельма II, Генрих, направились прямо в Лондон и короновали Генриха королем Англии. Это было 5 августа 1100 года¹.

Однако Генрих не являлся наследником Вильгельма. Английский престол должен был перейти к старшему брату Генриха, Роберту, герцогу Нормандскому — но тот еще не вернулся из крестового похода. Прежде чем он успел возвратиться в Англию, Генрих вторгся в Нормандию.

Братья сошлись в битве неподалеку от нормандского селения Таншбре; войско герцога Нормандского потерпело поражение, сам Роберт попал в плен и оставался в заключении до конца своих долгих дней. Он так и умер под стражей на девятом десятке. Что касается Генриха I, то он забрал Нормандию себе, сделавшись (как и его отец, Вильгельм Завоеватель) и королем Англии, и герцогом Нормандии. Его царствование, начавшееся с насилия и узурпации, отличалось особым вниманием к законности. Одним из первых актов Генриха стала декларация, получившая название Хартии вольностей. Ее первый параграф гласил, что «святая Церковь Господня» будет неподконтрольна королю, а ее земли не подлежат конфискации. Остальные 13 статей были обращены к населению Англии — в первую очередь к баронам.

Бароны были новорожденной аристократией Англии. Вильгельм Завоеватель наградил своих соратников, разделив завоеванную страну на части и раздав их в качестве владений нормандским рыцарям. Англосаксонская знать — *thegns*, или «таны», — когда-то могла потягаться с королевским родом в могуществе и влиятельности, но войны с завоевателями сильно проредили ее ряды. Теперь те из танов, кому посчастливилось выжить, лишились большинства своих земель, оставшись лишь при крошечных личных наделах².

Однако в отличие от танов, нормандские бароны считались не владельцами полученных земель, а лишь их *держателями*. Вильгельм Завоеватель привнес в Англию новую систему власти: в качестве монарха, то есть единоличного правителя, он провозгласил себя собственником всего королевства. Английские или нормандские земли — все они стали отныне личным владением короля. Бароны же были его «подчиненными», и в обмен на новые поместья они обязаны были предоставлять королю определенное число вооруженных людей: это называлось «долгом службы» — *servitium debitum*³.

Эта система зародилась около X века во Франции, где хаос и беззаконие вынудили бедняков служить своим более зажиточным соседям в обмен за защиту. Система получила название феодальной; суть ее заключалась в том, что право жить на участке земли, возделывать ее и передавать по наследству обуславливалось службой и оброком (денежным и продовольственным). В Англии при Вильгельме Завоевателе все феоды и их держатели были переписаны чиновниками; в итоге получилась объемистая рукопись в двух томах, прозванная «Книгой Страшного суда». Это был до смешного амбициозный замысел: зафиксировать состояние и принадлежность каждого клочка английской территории. В списке лордов-феодалов англосаксонские имена составляют едва один процент. Все остальные явились в Англию, состоя на службе у Вильгельма*.

Эти-то бароны и были теперь обязаны Генриху исполнять *servitium debitum*. Однако они ревниво оберегали свои привилегии, и потому Хартия вольностей содержит заверения в том, что новый король не будет требовать с них дополнительных платежей, а также не станет препятствовать им распоряжаться своими поместьями как заблагорассудится.

Для короля нормандского происхождения добровольное ограничение собственной власти было весьма нетипично — этот факт свидетельствовал о том, что в XII столетии Англия стояла на пороге новой эпохи. Тем не менее, при помощи Хартии вольностей Генрих ухитрился укрепить свой престол. «Знайте же, что милостию Божьей, — значилось в ее первых строках, — а также по общему согласию баронов всего королевства Английского, я был коронован как король». Генрих был узурпатором, корону он получил лишь благодаря поддержке баронов, и Хартия нужна была ему для того, чтобы удержать их на своей стороне. На самом деле Генрих намеревался сполна пользоваться властью в том объеме, какой вытерпит его народ. И, как выяснилось вскоре, он не преминул перейти пределы, поставленные ему папой.

Папа Пасхалий II, как и его предшественники, настаивал на соблюдении своих прав на *инвеституру* — назначать епископов по всему христианскому миру. Инвеститура давала очень большие возможности: епископы в городах обладали властью над всеми ресурсами церковной системы — землями, казной и людьми. Они имели право, как и мирские графы или герцоги, собирать налоги,

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира. От Константина до первых крестовых походов*. М.: АСТ, 2014. Глава 78.

заниматься строительством, нанимать солдат, и, по сути, создавать собственное государство внутри владений монарха.

Однако, в отличие от графов и герцогов, епископ не мог жениться и передать свои имения наследнику. Поэтому каждый раз, когда епископ умирал, либо у папы, либо у короля возникала новая возможность поставить на это место верного человека, который предоставил бы огромные (и неуклонно растущие) ресурсы в распоряжение своего господина. Генрих в качестве признанного богом монарха Англии, и именем Господа помазанного на царствование, не желал отказываться от этой привилегии. А вот архиепископ Кентерберийский, глава английской церкви, был против. Ансельму Кентерберийскому было около семидесяти во время Первого крестового похода. Это был новатор и интеллектуал-диссидент. Он получил образование в школе при аббатстве Бек, в Нормандии, где преподавал известный ученый Ланфранк; в этом «прославленном очаге знаний, — как пишет английский историк XII века Уильям из Мальмсбери, — ученики надували щеки и брызгали во все стороны диалектикой»⁴.

Под диалектикой здесь следует понимать строгую систему логических правил для анализа и исследования, выработанную Аристотелем. Подобные принципы в XII столетии были новшеством. Духовенство в целом было весьма слабо знакомо с Аристотелем, священникам и монахам были доступны лишь те труды великого грека, которые перевел на латынь римский философ VI века Боэций — но он успел справиться лишь с текстами по логике, прежде чем поссорился с королем остроготов Теодорихом, который приказал отрубить ему голову*. Теодорих всего лишь хотел избавиться от (предполагаемого) изменника. Однако заодно он избавил Запад и от аристотелевской философии. За переводы больше никто не брался в течение следующих пятисот лет, и ученые-монахи Европы знали Аристотеля только как логика. Вдобавок большинство клириков не слишком высоко ценило его учение — ведь оно позволяло думающему человеку без опоры на Священное Писание прийти к логическим выводам, универсально применимым ко всему миру. Аристотель давал возможность найти истину без божьей помощи, он предлагал разум вместо веры.

Ирландский богослов Иоанн Скотт Эригена в IX веке и Берengar Турский в XI веке уже пользовались категориями Аристо-

* О карьере острогота Теодориха, который стал королем Италии в последнем десятилетии V века, см. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 21.

теля в дискуссии о пресуществлении (то есть о доктрине, утверждающей, что при совершении обряда евхаристии хлеб и вино, оставаясь неизменными по внешнему виду, изменяются по сущности, превращаясь в тело и кровь Христа)*. Другие клирики сурово порицали обоих ученых за то, что осмелились применить метод Аристотеля в теологии. Епископ Труа возмущенно обзывал Эригену «мастером заблуждений», который позволял себе «рассуждать о божественной истине... не обращаясь к высшему, достоверному авторитету Священного Писания», а сочинения Беренгара Турского были осуждены рядом церковных соборов, несмотря на его уверения, что он всегда оставался, по сути, ортодоксальным сыном Церкви⁵.

И все же идеи Аристотеля выжили. Ланфранк, учитель Ансельма, изучал логику в Италии, прежде чем поселился в аббатство Бек: «Он перенес свободные искусства из Италии во Францию... и придал им особый блеск благодаря своему разуму», — сообщает нам Уильям из Мальмсбери. Ланфранк учил своих студентов пользоваться диалектикой как инструментом для более ясного понимания божественных откровений; Ансельм, обучаясь под его руководством, обнаружил, что Аристотелева логика удачно совмещается с направлением его собственных мыслей⁶.

Впоследствии Ансельм сам стал преподавать в аббатстве Бек, и в те годы он все глубже внедрял логику Аристотеля в свои богословские труды. Он осмеливался задаваться вопросом, по какой причине существует Бог, — во времена, когда подобные вопросы никому в голову не приходили. (Это был, как выразился Дж. Р. Эванс, век «почти всеобщей веры».) Более того, он рисковал искать ответы, пользуясь только рациональными доводами. «Я начал спрашивать себя, — писал Ансельм в предисловии к своему сочинению *«Proslogion»*, — можно ли найти *один* аргумент, который не нуждался бы в других аргументах для его доказательства, будучи достаточным сам по себе, и доказывал бы существование Божье, а также то, что Бог есть высшее благо»⁷. «Не нуждался бы в других аргументах для его доказательства» — это формулировка, пред-

* Аристотель различал сущность предмета (*субстанцию*) и его случайные проявления (*акциденцию*). Эта теория требовала полностью пересмотреть понятие пресуществления; средневековые богословы начали разрабатывать «новый аспект следствий из правил, выведенных из *«Категорий»* Аристотеля, согласно которому акциденции по определению могут изменяться (ибо такова природа акциденций), но субстанция остается неизменной». Заинтересованные читатели могут найти более подробное объяснение в книге: G. R. Evans, ed., *the Medieval Theologians* (Wiley-Blackwell, 2001), pp. 90ff. (Прим. авт.)

ставляющая собой приложение Аристотелевой диалектики к основополагающему постулату христианской веры. Ансельм, унаследовавший преимущества, накопленные несколькими поколениями очень осторожных ученых, смело переступил традиционные границы теологии*.

Ансельм продолжал углубляться в неразведанные области, исследуя посредством чистого разума не только существование Бога, но также основные христианские доктрины воплощения и искупления. («Сие сочинение, — пишет он во введении к написанному в 1098 году трактату *«Cur Deus Homo»* [«Почему Бог стал человеком»], — ...завершается аргументированным доказательством, — не рассматривая образ Христа, как если бы нам ничего о нем не было известно, — того, что ни единый человек не может спастись без него»⁸.) Создавая подобные тексты, Ансельм по-прежнему упорно отстаивал исключительное право папы назначать епископов.

Занимаясь учеными трудами, Ансельм, должно быть, всю жизнь чувствовал, что ходит по краю пропасти: постоянно задавая вопросы, он продолжал веровать, что никакая логика, никакие греческие силлогизмы, никакие категории Аристотеля не могут пошатнуть божественную истину. Быть может, по ночам, в тишине своей спальни, он с ужасом осознавал, что зашел слишком далеко; что когда-нибудь истина, за которую он цеплялся изо всех сил, рухнет под напором его же вопросов. И все же он продолжал писать и рассуждать. И, вероятно, старался убедить себя, что остается добрым сыном Церкви.

В любом случае до конца своих дней он был сторонником папы. В 1093 году Вильгельм II, наследник Вильгельма Завоевателя, назначил Ансельма архиепископом Кентерберийским. Ансельм согласился принять назначение — но отказался принять *паллий*, мантию, которая служила символом должности епископа, из рук Вильгельма II. Он настаивал на том, что мантию следует возложить на алтарь с тем, чтобы он затем сам мог взять ее. Ансельм мыслил так: взять мантию с алтаря — все равно что быть назначенным папой, а не королем⁹.

* Рассуждение Ансельма в *«Proslogion»* относится к разряду «онтологических доказательств» бытия Бога: он определяет Бога как «нечто, лучше которого ничего нельзя вообразить» и пытается доказать, что Бог непременно существует потому, что мысль о нем существует в нашем разуме. Полезное для неспециалистов изложение вопроса см. в: Alvin Plantinga, *God and Other Minds: A Study of the Rational Justification of Belief in God* (Cornell University Press, 1990), pp. 26ff. (Прим. авт.)

Преданность Ансельма выражалась в том, что он упорно отстаивал право папы на инвеституру. В результате отношения между ним и Генрихом обострились настолько, что Ансельм, опасаясь за свою жизнь, вынужден был бежать в Рим. Пока он там укрывался, Генрих продолжал настаивать на своих правах, а Пасхалий II — отказывать ему. Папа писал королю: *«Мы ощущаем тяжкое бремя от того, что ты требуешь от нас сделать нечто, чего мы никоим образом не можем. И посему, когда ты говоришь „Это мое по праву“, — воистину ты заблуждаешься, ибо право сие принадлежит не императорам либо королям, но Господу нашему, и никому иному»*. Далее папа многозначительно добавлял: *«Касательно сего дела мы советуем тебе поразмыслить, что ты потеряешь»*¹⁰.

А потерять он мог самое главное: спасение души. Пасхалий II имел возможность своей властью отлучить Генриха от церкви, запретив ему участие в таинствах, которые обладали спасительной силой. Папа мог даже наложить интердикт на все население Англии. Тогда церкви закроют, распятия обернут черной тканью, мертвых будут хоронить в неосвященной земле — ни богослужений, ни венчаний, ни звона колоколов. Интердикт являлся священным оружием массового поражения, способным сделать короля, ставшего причиной такого несчастья, весьма непопулярным в собственной стране¹¹.

В конце концов Генрих I, вовлеченный в серьезную войну с мятежными баронами в Нормандии, понял, что бороться одновременно с папой и нормандцами он не может. В 1107 году он согласился на компромисс: право назначать английских епископов осталось за Пасхалием II, но каждый епископ должен был теперь явиться к королю и принести ему оммаж, чтобы получить возможность занять назначенное ему место в Англии. Хотя таким образом Генрих сохранял частичный контроль над владыками епархий, Пасхалий II согласился, поскольку было очевидно, что это максимальная уступка, на какую согласится пойти король. Однако папа ухитрился «сохранить лицо», добавив особый параграф к официальному соглашению, получившему название «Лондонский конкордат». Согласно этому пункту, епископы должны были исполнять требования оммажа лишь до тех пор, пока «ливень молитв» верующих не смягчит сердце Генриха так, что он сам от этого откажется¹². Генрих не возражал. Видимо, он меньше верил в эффективность молитв, чем Пасхалий II.

Таким образом, папа и Англия временно примирились, Ансельм вернулся в Кентерберии, где и служил еще два года до своей

смерти. Но борьба за верховенство над Англией не завершилась, а лишь на время прервалась.

* * *

В 1105 году Генрих IV, энергичный император Священной Римской империи, отрекся от престола. Его девятнадцатилетний сын и соправитель Генрих V стал единоличным владыкой Священной Римской империи — собранного под одной рукой сложного конгломерата германских княжеств и североитальянских городов. Однако это не сделало юного Генриха императором. В течение трех предыдущих столетий сложилась неписаная традиция: наследник империи мог прийти к власти по праву наследования — но для подтверждения его права на титул императора Священной Римской империи требовалось, чтобы папа согласился провести церемонию коронации в Риме.

Но Генрих V, взойдя на трон, проявил не меньшее упорство, чем его легендарный отец. Он не желал поступаться властью ради признания папы и предпочел отложить императорскую коронацию до тех пор, пока не будет решен вопрос об инвеституре. Он все более настойчиво требовал права назначать церковных иерархов по всей империи — а Пасхалий II, поначалу готовый на кое-какие уступки ради мира с новым правителем, теперь тоже упорствовал.

Даже в юности Генрих V был человек непростой, и игру он вел непростую. Оглядываясь вокруг в поисках естественных союзников, он остановил свой выбор на короле Англии, все еще не «смягчившемся» под воздействием молитв. В 1110 году Генрих Германский договорился с Генрихом Английским о своей помолвке с девятилетней дочерью короля, Матильдой, что принесло ему немалое приданое. Затем, воспользовавшись деньгами Генриха I, юноша набрал войско и двинулся походом на Папскую область в Италии, чтобы положить конец разногласиям.

Обнаружив грозное войско у своих границ, Пасхалий согласился на компромисс. Генрих V уступит свое право назначать епископов, предоставив папе решать, кому достанется духовная власть. Взамен Пасхалий передаст ему все земли и политические привилегии, которые на протяжении веков скопились в епархиях. Тем самым мирские и духовные привилегии инвеституры были четко разделены. Епископы империи подчинятся папе и будут выполнять его волю — но они больше не смогут контролировать те обширные угодья, которые были основой их могущества. Генрих

Карта 1.1. Англия и Священная Римская империя

победил, и Пасхалий понимал это; он настоял на том, чтобы условия договора как можно дольше сохранялись в тайне¹³.

Остаток денег, полученных в приданое, Генрих V потратил на поездку в Рим в самом начале 1111 года; соглашение было подписано вечером 11 февраля, а на следующее утро он направился на коронацию в собор Святого Петра. Перед началом церемонии был зачитан текст договора. Для большинства собравшихся епископов это стало неприятным сюрпризом, поскольку они не ожидали, что папа согласится отдать императору столь многие из их привилегий. Когда прозвучал самый важный параграф, в котором речь шла о запрете (под страхом отлучения) епископам пользоваться доходами от *«городов, княжеств, марок, графств, прав на чеканку монет и вспашку земли, прав на устройство ярмарок, создание ополчений, на пользование замками по всему королевству»*, возмущенные епископы подняли такой шум, что чтение пришлось прервать¹⁴.

Видя такую реакцию, Пасхалий отказался подтвердить договор. Генрих немедленно заявил, что, если Пасхалий не сможет выполнить свою часть обязательств, он, Генрих, не отдаст права на инвеституру. Пасхалий возразил, что тогда он не станет короновать Генриха императором; в этот момент Генрих приказал своим людям взять папу «под защиту» — чтобы епископы не причинили вреда своему пастырю. Он вывез Пасхалия из Рима и продержал его в плену две недели, после чего Пасхалий издал новый декрет. *«Твое королевство связано особыми узами со святой Римской церковью, — говорилось в нем. — Посему... мы уступаем тебе, ради любви... право инвеституры посоха и кольца касательно епископов и аббатов твоего королевства»*¹⁵.

Затем Генрих позволил Пасхалию провозгласить его императором Священной Римской империи и отправился домой. Спор он выиграл, но добытое силой соглашение было крайне непопулярно как среди клириков, так и в его собственном королевстве — у знати, которая страшилась усиления его власти. Следующие десять лет Генрих провел, умирняя местные мятежи в Германии, все больше истощая свои силы непрерывными войнами.

Смерть Пасхалия в 1118 году дала ему возможность пойти на попятный без ущерба для своего достоинства. В 1122 году, после длительных переговоров в германском городе Вормсе, Генрих V и новый папа Каликст II сумели прийти к соглашению. Генрих V наконец-то отказался от права на инвеституру, а Каликст II согласился с тем, что — только в Германии — назначаемые епископы

должны будут приносить оммаж Генриху V как своему королю до посвящения. Тем самым император мог быть уверен, что в центральной части его владений епископскую митру будут носить только преданные ему люди.

Вормсский конкордат, как и лондонский, был решением прагматичным: пять параграфов этого короткого документа определяют уступки Генриха, в четырех перечисляются привилегии, отдаваемые Каликстом. В нем не было ответов на богословские вопросы, не было и решения конфликтов, лежавших в основе спора. Узел, связавший власть светскую и духовную, не был развязан. Проблемы лишь спрятались, на время, под тонким покровом показного согласия.

Хронологическая таблица 1

Папство	Англия	Священная Римская империя	Палестина
		Генрих IV (1053–1105)	
	Вильгельм Завоеватель (1066–1087)		
Урбан II (1088–1099)	Вильгельм II (1087–1100)		
	Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1093–1109)		
			Первый крестовый поход (1095–1099)
Пасхалий II (1099–1118)		Генрих V (1099–1125)	
	Генрих I (1100–1135)		
	Лондонский конкордат (1107)		
Каликст II (1119–1124)			
		Вормсский конкордат (1122)	

Глава 2

Крестоносцы — враги

Между 1100 и 1138 годами император Константинополя и крестоносцы сражаются друг с другом

Алексей Комнин, христианский император Константинополя, не доверял крестоносцам с самого начала. Поскольку каждый германский, итальянский или франкский дворянин прибывал в Константинополь с собственной частной армией, готовой пересечь пролив Босфор и столкнуться с врагом, Алексей потребовал принесения ими священной клятвы. Любые «города, страны или армии, которые они в будущем покорят... они передадут офицеру, назначенному императором». В конце концов, крестоносцы прибыли для сражения за христианский мир — а Алексей Комнин был правителем этого мира на Востоке¹.

Как и опасался Алексей, возможность создания собственного княжества в Святой земле оказалась слишком заманчивой. Первым рыцарем, вкусившим запретный плод, был норманнский воин Боэмунд, прибывший в Константинополь в начале Первого крестового похода и немедленно ставший одним из ведущих командиров армии крестоносцев. Возглавив в 1098 году захват крупного города Антиохии, Боэмунд в конце концов объявил себя князем и наотрез отказался исполнить свою клятву. (Дочь и биограф Алексея, Анна Комнина, отметила: «Боэмунд был по природе своей лжецом»).

К 1100 году к Антиохии присоединились два других владения крестоносцев — королевство Иерусалимское и графство Эдесса. Боэмунд сам занялся подстрекательством христиан из Малой Азии против Византии. К 1103 году Боэмунд уже планировал прямое нападение на стены самого Константинополя².

Для проведения этой операции Боэмунду необходимо было набрать больше воинов. Наиболее вероятным источником подкреплений была Италия; покойный отец Боэмунда, Роберт Гвискар, сам завоевал область на юге Италии (горделиво названную «герцогством Апулии и Калабрии») — и Боэмунд, не бывший в Италии с начала Первого крестового похода, теоретически унаследовал его корону. Алексей знал это, как и Боэмунд, и византийский флот стоял в Средиземном море, готовый перехватить любые корабли, отправляющиеся в Италию из княжества Антиохийского.

Поэтому Боэмунд был вынужден действовать скрытно. Анна Комнина рассказывает, что

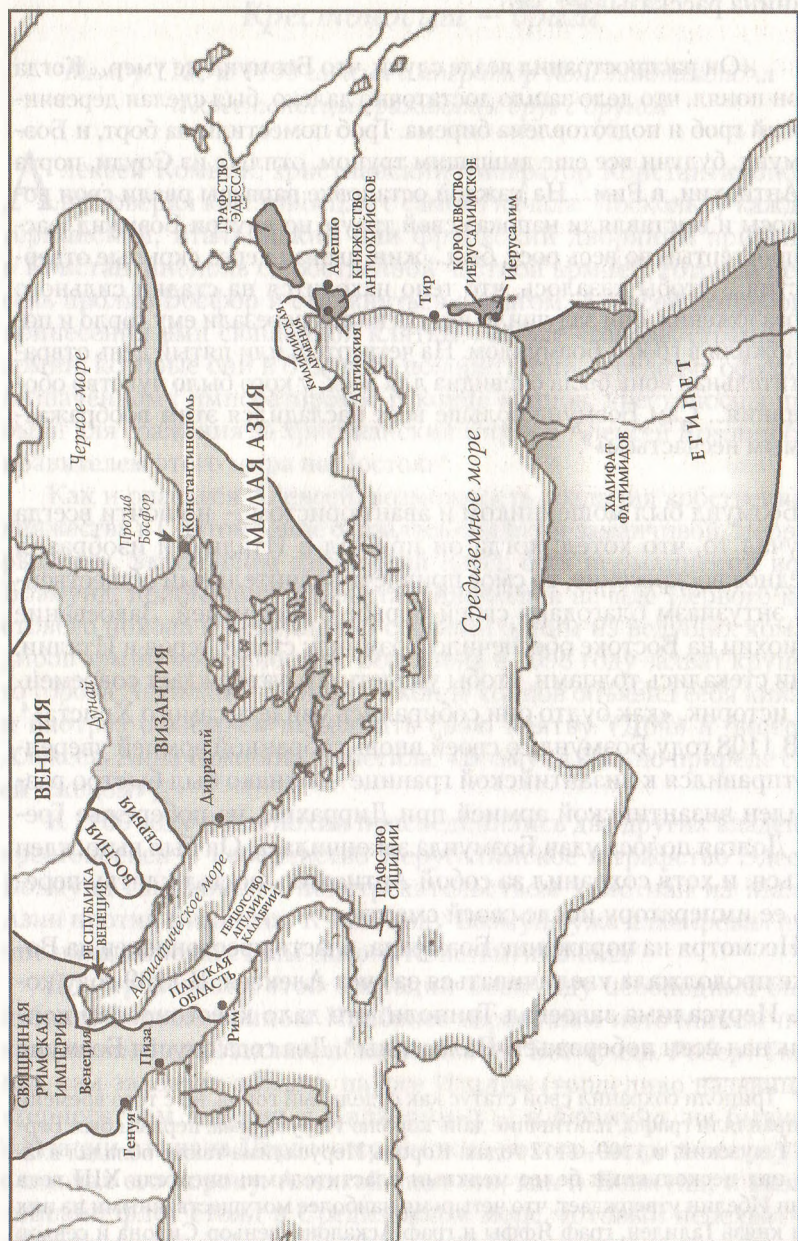
«Он распространил везде слухи, что Боэмунд-де умер... Когда он понял, что дело зашло достаточно далеко, был сделан деревянный гроб и подготовлена бирема. Гроб поместили на борт, и Боэмунд, будучи все еще дышащим трупом, отплыл из Соуди, порта Антиохии, в Рим... На каждой остановке варвары рвали свои волосы и выставляли напоказ свой траур, но внутри Боэмунд, распростертый во весь рост, был... жив, дышал через скрытые отверстия... Чтобы казалось, что тело находится на стадии сильного разложения, они задушили петуха или перерезали ему горло и положили в гроб с Боэмундом. На четвертый или пятый день отвратительная вонь была очевидна для всех, у кого было чувство обоняния... Сам Боэмунд больше всех наслаждался этим воображаемым несчастьем»³.

Боэмунд был мошенником и авантюристом — но почти всегда получал то, что хотел; когда он прибыл в Италию и изобразил победное воскресение, то смог привлечь значительный общественный энтузиазм благодаря своей борьбе с Византией. Завоевание Антиохии на Востоке обеспечило Боэмунду статус героя в Италии. Люди стекались толпами, чтобы увидеть его, утверждает современный историк, «как будто они собирались увидеть самого Христа»⁴.

В 1108 году Боэмунд со своей вновь собранной армией уверенно отправился к византийской границе — однако был быстро разгромлен византийской армией при Диррахии, на побережье Греции. Долгая полоса удач Боэмунда закончилась. Он был вынужден сдаться, и хотя сохранил за собой Антиохию, но дал клятву передать ее императору после своей смерти.

Несмотря на поражение Боэмунда, власть крестоносцев на Востоке продолжала увеличиваться за счет Алексея. В 1109 году король Иерусалима завоевал Триполи, что дало крестоносцам контроль над всем побережьем Палестины*. Два года спустя Боэмунд

* Триполи сохранил свой статус как отдельный город, но с того времени им управляли графы, платившие дань королю Иерусалима; первым был Бертран Тулузский, в 1109–1112 годах. Король Иерусалима также обладал властью над несколькими более мелкими властителями; писатель XIII века Иоанн Ибелин утверждает, что четырьмя наиболее могущественными из них были князь Галилеи, граф Яффы и граф Аскалона, сеньор Сидона и сеньор Трансиордании. Все эти владыки были самостоятельными, но находились под крепким надзором Иерусалима. (*Прим. авт.*)

Антиохийский умер, но его наследники отказались передать Антиохию Византии, как было обещано. Алексей Комнин, занятый войной с тюрками, не пытался отвоевать неприступную Антиохию, но не простил ее потерю. На горизонте уже маячили новые христианские угрозы для императорской власти, идущие из Италии.

«Итальянского королевства» в природе не существовало: как заметил в 1814 году австрийский канцлер Меттерних, Италия являлась всего лишь «географическим объектом». В XII веке дела обстояли точно так же⁵. Севером полуострова правил император Священной Римской империи Генрих V; центр его контролировал папа Пасхалий II, глава христианской церкви Запада; юг находился под властью норманнских королей. По побережью были разбросаны «морские республики» — итальянские города, контролировавшие участки побережья, и порты, которые, по сути, сами себя контролировали. Тремя наиболее могущественными из них были Генуя и Пиза на западном побережье, а также Венеция на северном берегу Адриатического моря. Все три города отправили солдат в крестовый поход; все три теперь были союзниками королевств крестоносцев. Пизанские, венецианские и генуэзские корабли помогали королям крестоносцев в их борьбе против турок, обеспечивая морскую мощь и пути снабжения, необходимые для обеспечения военных действий. В обмен королевства крестоносцев позволяли итальянским городам создавать на Востоке торговые фактории, где жители Пиренейского полуострова вели постоянно разрастающуюся торговлю перцем, корицей, мускатным орехом и шафраном — и жили свободно от любого правительства, по собственным правилам⁶.

До Первого крестового похода, когда Константинополь и западные рыцари все еще находились на одной стороне, Алексей Комнин заключил собственный союз с морскими республиками; и самый первый год своего правления, 1081-й, он разрешил венецианцам выстроить в Константинополе их собственный квартал, со своими церквями и правом вести торговлю, не облагаемую налогом. Но когда государства крестоносцев набрали силу, морские республики стали проявлять растущую готовность выступить против христианского императора Византии⁷.

В 1118 году Алексей Комнин скончался в Константинополе, медленно задушенный опухолью в легких и пищевode. Его преемником стал старший сын, Иоанн II. Среди главных проблем, которые ему предстояло решить, было поведение венецианцев, становившихся все более дерзкими по отношению к византийской

власти. В попытке поставить их на место Иоанн Комнин отменил договор его отца с Венецией от 1081 года. Это разгневало венецианцев, и в ответ венецианские корабли начали грабить и разорять небольшие острова империи⁸.

В результате этого противостояния Венеция усилила свое влияние в королевствах крестоносцев. В 1123 году венецианский флот помог королю Иерусалима осадить город Тир, все еще находившийся в руках халифата Фатимидов — арабской династии, продолжавшей править Египтом. На следующий год объединенные силы Иерусалимского королевства и Венеции захватили Тир. В благодарность король дал венецианцам в Иерусалиме еще больше привилегий: собственную улицу, церковь, пекарню и освобождение от налогов всех видов⁹.

Действия Иоанна Комнина положили начало еще более крепкому союзу крестоносцев и венецианцев; осознав, что это принесет Константинополю лишь вред, Иоанн отступил. В 1126 году он вернул Венеции все ее привилегии в Константинополе. Это временно разрешило конфликт — но Венеция четко продемонстрировала свою мотивацию. Крестоносцы нарушили единство креста ради политической цели, ради возможности создать собственные острова политической власти на Востоке; венецианцы нарушили его ради возможности построить коммерческую империю в тех же землях.

Мир не продержался долго. В 1136 году вражда между Византией и государствами крестоносцев вспыхнула заново. Фитиль поджег князь Антиохии, остававшийся бельмом на глазу императора. После смерти Боэмунда Антиохией от имени его младенца-сына правили регенты. Но теперь Боэмунд II, достигший двадцати восьми лет, сам управлял собственным княжеством; и он желал расширить свои владения, захватив находившееся на севере христианское царство — Киликийскую Армению.

Боэмунд II был недостаточно силен для прямого нападения, но, как и его отец, являлся завзятым интриганом. Он пригласил армянского царя Левона I в Антиохию для дружеской беседы — и захватил его в плен, требуя, чтобы тот купил свободу, отдав юг своих владений. Левон I согласился, был освобожден — и немедленно собрался отвоевывать потерянные земли*.

* В действительности Левон I (годы правления 1129–1137) приехал к Боэмунду на переговоры для заключения мира. На условия освобождения он согласился потому, что Киликия, оставшаяся без правителя, подверглась нападению данишмендидского эмира Мухаммеда. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 2

Италия и Папская область	Англия	Священная Римская империя	Палестина	Византия	Киликийская Армения
		Генрих IV (1053–1105)			
Роберт Гвискар, герцог (1072–1085)	Вильгельм Завоеватель (1066–1087)				
Урбан II (1088–1099)	Вильгельм II (1087–1100)			Алексей Комнин (1081–1118)	
	Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1093–1109)		Первый крестовый поход (1095–1099)		
			Княжество Антиохийское и графство Эдесса (1098) Бозмунд I Антиохийский (1098–1111)		
Пасхалий II (1099–1118)	Генрих I (1100–1135) Лондонский конкордат (1107)	Генрих V (1099–1125)	Королевство Иерусалимское (1099) Завоевание Триполи (1109) Бозмунд II Антиохийский (1111–1130)		
Каликст II (1119–1124)			Балдуин II Иерусалимский (1118–1131) Завоевание Тира (1124)	Иоанн II Комнин (1118–1143)	Левон I (1129–1137)
		Вормсский конкордат (1122)			

Эти события привлекли внимание Иоанна Комнина, увидевшего в них собственную выгоду. На время прекратив войну против старого врага Константинополя в Малой Азии, тюркского султана Рум, Иоанн вторгся в Киликию и объявил западные территории этого христианского царства своими. После этого Левон и Боэмунд прекратили распрю и объединились против общего врага. Разразилась открытая война между крестоносцами и христианским императором Востока.

Но война оказалась короткой. Когда стало ясно, что византийская армия быстро расправится с Киликией, Боэмунд II вновь сменил сторону и согласился поклясться в верности Иоанну Комнину. Это оставило небольшую киликийскую армию в одиночестве, изолированной на оставшихся восточных территориях съжившейся страны. Без особых проблем византийские войска полностью захватили Киликию, Левон I и его семья попали в плен и были отправлены в Константинополь¹⁰.

Иоанн Комнин лично с триумфом вошел в Антиохию, Боэмунд II ехал рядом с ним. Император и провозгласил свою власть над Антиохией в качестве верховного повелителя. «Возрадуйтесь же, люди, любящие Христа, паломники и путники во имя Христа, — писал один из придворных поэтов. — Больше не бойтесь злодейских рук; император, любящий Христа, заковал их в оковы и разбил на осколки несправедный меч»¹¹.

Но эти злодейские руки сами принадлежали христианам, и пока Иоанн Комнин занимался врагами-крестоносцами, тюркский правитель Алеппо копил силы, чтобы напасть на христианского врага.

Глава 3

Анархия

Между 1120 и 1139 годами граф Анжуйский становится королем Иерусалима, императрица становится графиней Анжуйской и гражданская война раздирает Англию

В течение последних пяти лет своей жизни император Священной Римской империи Генрих V был готов стать самым могущественным монархом в мире. Матильда, дочь Генриха I Английского, провела четыре года, будучи обручена с Генрихом V. В три-

надцать лет ее наконец-то отправили в Майнц, где она вышла замуж за 28-летнего императора, с церемонией «роскошной, как и подобало» (Генрих из Хантингдона в 1129 году отмечал, что ее отец был вынужден наложить на англичан особый налог, чтобы оплатить церемонию).

Но шесть лет спустя разразилась катастрофа. Вильгельм, брат Матильды, на год младше ее, являвшийся наследником английского престола, напился с друзьями и приказал вывести в море корабль, чтобы покатать веселую компанию. Управление в состоянии алкогольного опьянения тогда было не менее опасным, чем сейчас; Уильям из Мальмсбери утверждает, что *«была уже ночь и стояла непроглядная тьма, когда эти юные горячие головы, пьяные и глупые, отчалили от берега. Корабль двинулся быстрее оперенной стрелы и... из-за небрежности пьяной команды врезался в камень, выступавший над поверхностью воды, недалеко от берега»*¹. Конец ноября был не лучшим временем для кораблекрушения в Ла-Манше, даже близко к берегу. Все юноши на борту утонули, кроме одного; большинство тел не были найдены.

Семнадцатилетний Вильгельм был единственным законным сыном Генриха, Матильда — единственной дочерью. Уильям из Мальмсбери восхищенно утверждает, что Генрих отдавался *«в объятия женского пола... из любви к рождению детей, а не для потакания страсти, так как он считал, что соглашаться на пустые наслаждения было ниже его достоинства, если королевское семя не могло послужить его природной цели»*. Это было патриотическим бредом — Генрих I стал рекордсменом, породив больше бастардов, чем любой другой английский король. Увы, его законные союзы были менее плодотворными. Он вновь женился сразу после смерти Вильгельма, надеясь родить еще одного сына, но ни один сын не родился. Матильда, жена императора, стала первой в очереди на трон Англии — а Генрих V получил шанс стать королем Англии, Германии и Италии, а вдобавок — императором Священной Римской империи².

Но вскоре Генрих V внезапно и очень сильно заболел — возможно, это была одна из форм рака. Он скончался в 1125 году, не дожив до своего сорокалетия. Незадолго до смерти мужа Матильда родила мертворожденного ребенка, но живых детей у нее так и не появилось. Со смертью Генриха V салической династии императоров пришел конец. Аристократы Германии собрались для того, чтобы избрать нового императора — впоследствии их выбор

пал на герцога Саксонского, ставшего Лотарем III. Ну а Матильда отправилась домой.

Генрих I, отчаявшись родить сына, решил поддержать претензии своей дочери на английскую корону. Через два года после смерти ее мужа он устроил для дочери новый брак с 15-летним Жоффруа Красивым; теперь Матильда оказалась старше жениха: ей было уже 25 лет.

Свадьба была разумной политически, но оказалась катастрофической в личном плане. Жоффруа был сыном графа Анжуйского — а область Анжу являлась краеугольным камнем в структуре власти Западной Франции*. Как и Германия, этот регион был осколком давно не существующей империи Карла Великого. Но в отличие от Германии, которая в 919 году под руководством Генриха Птицелова начала свой путь к национальной идентичности, Западная Франция осталась лоскутным государством. Собственно *Францией* считалось только кольцо территорий вокруг Парижа — Иль-де-Франс; западные же области расселения франков находились под властью местных феодалов, и страна слабо держалась вместе лишь благодаря личным клятвам верности королю из рода Капетингов**.

Граф Анжу был одним из этих правителей. Формально он был вассалом французского короля, но сам являлся королем в своих землях во всем, кроме титула. Он унаследовал крупные владения, которые граничили с нормандскими землями Генриха I с одной стороны и доменом короля Франции — с другой. Его власть была обусловлена в большой степени усилиями прадеда, Фулька Черного, воинственного полубезумного аристократа, который за измену сжег свою жену в свадебном платье, вел жестокую войну против собственного сына, а затем заставил побежденного юношу надеть уздечку и седло и ползать по земле в унижении; он грабил и разорял окружающие земли по своей прихоти. На старости лет, боясь заслуженного попадания в ад, Фульк совершил паломничество в Иерусалим, где, по слухам, собственными зубами откусил кусок камня от Гроба Господня — чтобы обзавестись драгоценной реликвией и принести ее домой³.

* Под Западной Францией (Western Francia) автор здесь и далее понимает все земли, заселенные западными франками. (*Прим. ред.*)

** Династия Капетингов правила в Париже в 987–1328 годах; она была основана Гуго Капетом, зятем Генриха Птицелова. Королем-Капетингом времен Матильды был Людовик VI, прозванный Людовиком Толстым (1108–1137). (*Прим. авт.*)

Нынешний граф Анжуйский, Фульк V, был более сдержан, чем его предок, но не менее амбициозен. Свадьба его младшего сына с будущей королевой Англии была полезна для Матильды, так как привлекала ресурсы наиболее могущественного региона Франции ей на помощь. С другой стороны, благодаря этому союзу внуки Фулька могли стать членами королевской семьи — а это обеспечило бы Анжу защиту английского короля.

Фульк V нуждался в этой защите для своего сына, так как он уже планировал оставить дом и занять другой престол. Во время паломничества в Святую землю в 1120 году он подружился с королем Иерусалима Балдуином II. У Балдуина было четыре дочери — но не было сыновей; он хотел обеспечить наследование престола Иерусалима одной из своих дочерей, Мелисентой. Фульк же был вдовцом. Как только Фульк обустроил свадьбу Жоффруа и Матильды, он передал титул графа Анжуйского своему сыну и отправился в Иерусалим. Вильгельм Тирский, знавший Фулька, пишет: «В течение нескольких дней после его прибытия в королевство король отдал ему в жены свою старшую дочь». Когда Балдуин II умер в 1131 году, Фульк и Мелисенда стали королем и королевой Иерусалима⁴.

Тем временем сын Фулька и его невестка поссорились и разошлись. Жоффруа возвысился в статусе, сделавшись графом в весьма юном возрасте; Матильда же, превратившись из императрицы в графиню, высокий статус потеряла. Будучи замужем за наиболее могущественным человеком Запада, Матильда когда-то правила Италией в отсутствие мужа; теперь она была привязана к подростку, ставшему рыцарем за неделю до свадьбы. Через год она покинула мужа-ребенка и отправилась домой. Причина ссоры неизвестна (Симеон Даремский утверждает, будто Жоффруа «отверг» Матильду «без уважения»), но в конце концов отец Матильды уговорил ее вернуться. Жоффруа и Матильда, должно быть, придумали какой-либо способ сосуществовать; в 1133 году Матильда родила своему юному мужу сына — ей был 31 год, а ему — 20; в последующие три года она родила ему еще двоих⁵.

В 1135 году Генрих I Английский находился в Нормандии, в собственных владениях, и нанес визит дочери — ведь земли Анжу граничили с ними. Он отложил свое возвращение в Англию, пишет английский историк Генри из Хантингтона, «из-за великой радости общения с внуками». Однажды он вернулся с охоты и принялся обедать миногами, «которых он обожал, несмотря на то что они ему не шли впрок... Это пиршество, вызвавшее прилив нездорово-

вых соков и сильных подобных симптомов, привело к неожиданному и сильному расстройству, из-за которого его престарелое тело погрузилось в смертельное оцепенение»⁶. Генрих умер в первый день декабря, в возрасте шестидесяти шести лет*.

Прежде чем Матильда смогла пересечь Ла-Манш и завладеть короной, дворяне Англии — которым претила как мысль о правлении королевы, так и французское влияние, несомненно связанное с нею, — собрались вместе и провозгласили королем Англии кузена Матильды, Стефана, внука Вильгельма Завоевателя.

Некоторое время правлению Стефана ничто не мешало. Но в течение первых четырех лет он становился все менее популярным. Часть земли досталась валлийцам; потомки римлян, ирландцев и коренных бриттов, валлийцы в IX веке создали отдельное королевство, в X веке платили дань английским королям, в XI веке сопротивлялись норманнскому влиянию. Стефан сражался с шотландцами — кельтами с далекого севера; шотландский верховный король Давид I некогда неохотно поклялся в верности Генриху I, но теперь отказался от союза и вторгся на север Англии. Стефан отразил вторжение шотландцев с поразительной свирепостью (одиннадцать тысяч погибших, по словам Генриха Хантингтонского), арестовал двух могущественных английских епископов и конфисковал их земли, после чего поссорился с архиепископом Кентерберийским. Его правление привело страну к бедствиям⁷.

В 1139 году, через четыре года после избрания Стефана, Матильда вторглась в Англию с войсками из Анжу и Нормандии. Армии Матильды и Стефана опустошили поля; ни король, ни королева не контролировали страну, и бароны Англии воспользовались возможностью для усиления собственной власти. Как отмечает «Англо-Саксонская хроника»,

«Каждый могущественный человек строил себе замки и охранял их. После этого владыки замков ночью и днем захватывали тех, кто, как им казалось, обладал каким-либо богатством, обычных мужчин и женщин, и отправляли их в тюрьмы, чтобы получить их золото и серебро, и пытали их... Бедные люди изнывали

* Автор путает два отдельных события — визит к дочери и смерть короля. В Нормандии Генрих пробыл всю осень, укрепляя южную границу своих владений, а в ноябре отправился на охоту в построенный для него замок Сен-Дени-ан-Лион (ныне Лион-ла-Фор в 34 км от Руана, столицы Нормандии). Именно там, а не в гостях у Матильды он заболел и через неделю, 1 декабря, умер. Общей границы с Нормандией графство Анжу не имело; расстояние между Руаном и его столицей составляет более 300 км. (Прим. ред.)

Карта 3.1. Англия и Франция во время Анархии

Хронологическая таблица 3

Италия и Папская область	Англия и Шотландия	Западная Франция	Священная Римская империя	Палестина	Византия и Киликийская Армения
			Генрих IV (1053–1105)		
	Вильгельм Завоеватель (1066–1087)				
Роберт Гвискар, герцог (1072–1085)					
Урбан II (1088–1099)	Вильгельм II (1087–1100)				Алексей Комнин (1081–1118)
	Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1093–1109)			Первый крестовый поход (1095–1099)	
Пасхалий II (1099–1118)			Генрих V (1099–1125)	Княжество Антиохийское и графство Эдесса (1098) Бозмунд I Антиохийский (1098–1111) Королевство Иерусалимское (1099)	

Италия и Папская область	Англия и Шотландия	Западная Франция	Священная Римская империя	Палестина	Византия и Католическая Армения
	Генрих I (1100–1135)				
	Лондонский конкордат (1107)	Фульк V, граф Анжу (1109–1129)		Завоевание Триполи (1109)	
Каликст II (1119–1124)				Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)	Иоанн II Комнин (1118–1143)
	Давид I (1124–1153)		Вормский конкордат (1122)	Завоевание Тира (1124)	
	Стефан (1135–1154)		Лотарь III (1133–1137)	Фульк Иерусалимский (1131–1143) Мелисенда Иерусалимская (1131–1153)	Левон I (1129–1137)
	Анархия (1139–1154)				

от голода; многие, даже некогда могущественные, были вынуждены просить милостыню; некоторые покинули землю... Земля не давала плодов, потому что была измучена войной»⁸.

Это было начало Анархии — пятнадцатилетней гражданской войны, которая уничтожила деревни, убила тысячи людей, разрушила английскую сельскую местность и привела жителей Англии в отчаяние. Итог ее подводится в «Хронике»: «И было сказано, что Христос и его святые спали».

Глава 4

Потерянная родина

Между 1127 и 1150 годами династию Сун прогоняет династия Цзинь, Дайвьет принимает Небесный Мандат, а царь кхмеров строит крупнейший в мире храм

В 1127 году поэтесса Ли Цин-чжао вместе с мужем покинула дом и бежала от наступавших войск чжурчжэней. Они отправились на юг с тележкой редких рукописей и антиквариатом из бронзы, бросив дома коллекцию книг и картин, которые собирали всю жизнь. Прежде чем они достигли города Нанкин* на юго-востоке, где собирались осесть, чжурчжэни сожгли их дом дотла. Династия Сун, с 960 года правившая в долине Желтой реки, была изгнана из своей столицы в Кайфыне; император Цзинь-Цзун попал в плен и был отправлен на север, где закончил свои дни в темнице. Эпоха Сун в Китае закончилась¹.

Ли Цин-чжао писала в тоске по пропавшему дому:

*Долгая ночь проходит медленно.
Мне снится столица,
я вижу дорогу, ведущую к ней...*

Но она так и не прошла по этой дороге; Кайфын был потерян навсегда².

* В действительности этот город, основанный в V веке до н. э., называется Наньцзин (Nanjing), но здесь и далее мы будем использовать написание, традиционное для современной отечественной традиции; в русскоязычной исторической литературе могут встречаться оба написания. (Прим. ред.)

Поражение династии Сун было неожиданным и постыдным. Правители Сун являлись наследниками 4000-летней имперской традиции Китая, обладателями древнего Небесного Мандата и наследниками легендарного Желтого Императора*. А захватчики-чжурчжэни еще в предыдущем поколении были кочевниками. Они начали свой путь к созданию национальной идентичности не более чем двенадцать лет назад, когда гениальный и амбициозный Агуда, правитель клана Вань-янь, взял себе китайское династическое имя («Император Цзинь»)** и начал планировать завоевание богатой империи к югу от своих владений.

Для династии Сун чжурчжэни были всего лишь варварами: «Наша огромная земля теперь пахнет козами и овцами», — жалуется поэт Чэнь Лян, которого вторжение чжурчжэней также вынудило бежать на юг. Но несмотря на презрение, которое династия Сун испытывала к северянам, чжурчжэни продолжали неумолимо продвигаться. Гао-Цзун, младший брат плененного императора Цзуна, бежал на юг и провозгласил себя следующим правителем династии Сун; но ему пришлось разместить свой двор в Линьяне, на дальнем берегу реки Янцзы, и даже там ему постоянно угрожали нападения чжурчжэней. Чжурчжэньские всадники продвигались все дальше по центральным равнинам, грабя и сжигая города, попадавшие им на пути. В 1129 году Янчжоу сдался захватчикам; в 1130 году чжурчжэни пересекли Янцзы и разграбили город Нинбо на южном побережье³.

Император Гао-Цзун, которому исполнилось двадцать лет, когда пал Кайфын, был вынужден переходить от укрытия к укрытию. Он впал в такое отчаяние, что отправил послов к предводителю чжурчжэней, предлагая стать его вассалом, если набеги прекратятся. Он писал: «Меня некому защитить, и мне некуда бежать»⁴.

Но чжурчжэни не нуждались в вассалах. Презрение династии Сун было обоснованным; чжурчжэни являлись кочевниками, не имевшими опыта в управлении государством, у них не было способов контролировать завоеванную страну. Они хотели завоевать Китай — но не править им. Поэтому просьба Гао-Цзуна осталась без ответа, и война продолжилась. Но это сыграло на руку дина-

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 74.

** Чжурчжэньскую династию Цзинь (1115–1234) не следует путать с существовавшей ранее династией Цзинь, правившей Китаем в 265–420 годах — или с Поздней династией Цзинь (936–947), правившей в период раздробленности, известный, как период Пяти Династий и Десяти Королевств. См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, главы 2 и 68. (Прим. авт.)

стии Сун. Пока битвы продолжались, северные воины изнывали от непривычной для них южной жары. Местность, пересеченная речками и оросительными каналами, была неудобна для лошадей. У чжурчжэней не было опыта в ведении боя на воде, а тут они столкнулись с преградой в виде реки Янцзы. Воины, обремененные награбленной добычей, не желали двигаться дальше. Постепенно династия Сун приспособилась к своему изгнанию, начала активно сопротивляться, используя речные суда⁵.

Династия Сун, как и другие династии до нее, всегда дополняла наземные войска флотом. Все больше военных судов строилось для действий на Янцзы. Река, как отметил один чиновник Сун, стала новой Великой Стеной, защищавшей от варваров. В 1132 году император повелел создать для управления флотом новый правительственный орган — имперское управление по контролю и организации прибрежных зон. Корабли династии Сун стали первым постоянным, контролируемым правительством флотом в мире⁶.

Флот вновь склонил чашу весов в сторону Сун. В течение десяти лет мощь сторон была равна и ни одна из них не могла пересечь Янцзы. Постепенно династия Сун смирилась со своим положением: север был потерян, во всяком случае на ближайшее время. В 1141 году император Гао-Цзун согласился подписать с чжурчжэнями мирное соглашение. Тринадцатилетняя война не оставила ему выбора. Он больше не мог позволить себе отправлять бесконечные военные экспедиции на север — пахотные земли на юге были заброшены, земледельцы призваны в армию. Без мира династию Сун ждали бедность и голод.

Шаосинский договор был унижительным. В нем чжурчжэни назывались «высшим государством», а династия Сун — «незначительной вотчиной», и Гао-Цзун был вынужден признать статус вассала чжурчжэней с выплатой ежегодной дани. Но договор на двадцать лет прекратил войну, и в съезжившихся владениях Сун, измученных войной, начала медленно зарождаться новая жизнь⁷.

* * *

Тем временем далеко на юге от Желтой реки в тени гиганта выросла группа мелких царств. Китайцы называли жителей этих южных земель просто юэ, что было общим названием для всех некитайцев, живших к югу от Янцзы. Тысячу лет назад самые северные из этих народов оказались под властью Китая. После втор-

жения войск династии Хань земли вокруг Тонкинского залива стали известны как *Аннам* — китайская провинция под контролем наместника из династии Хань⁸.

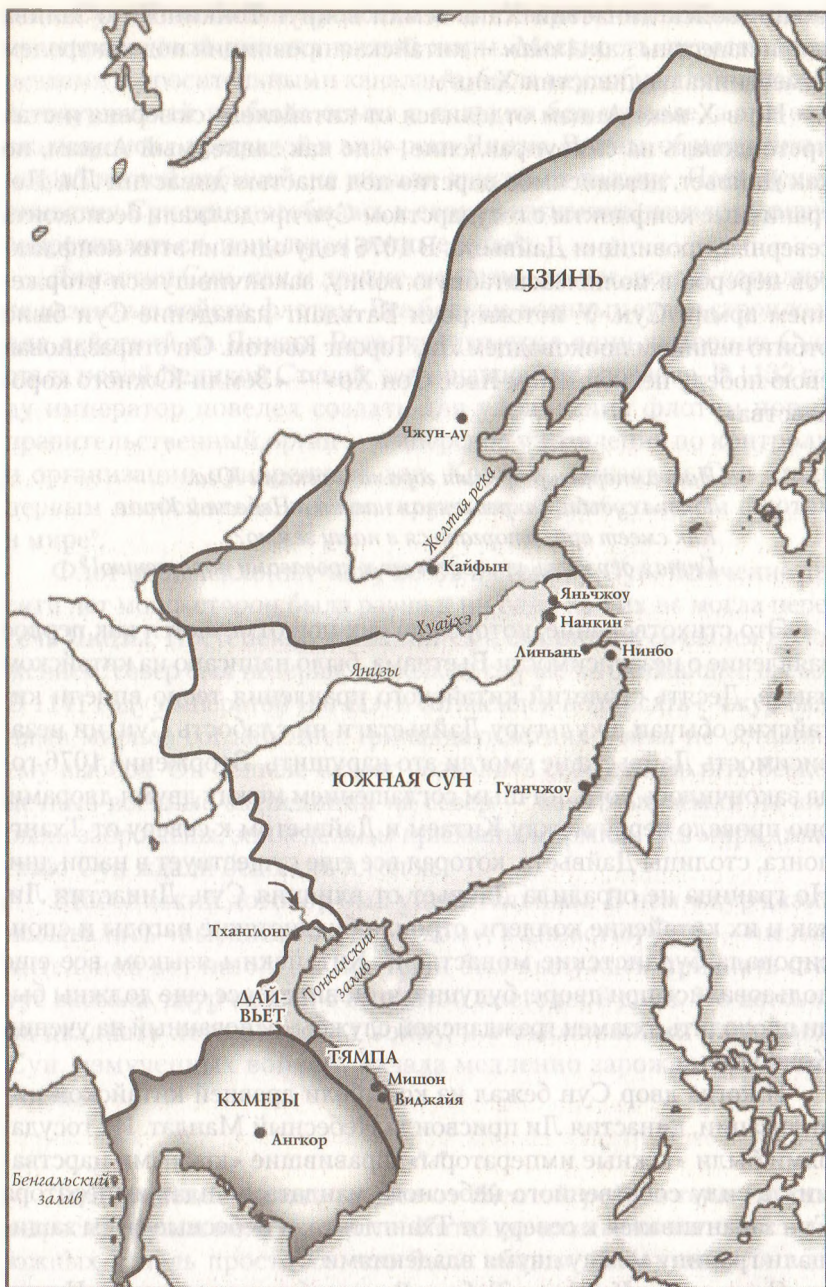
Но в X веке Аннам отделился от китайского сюзерена и стал претендовать на самоуправление — не как зависимый Аннам, но как Дайвьет, независимое царство под властью династии Ли. Пограничные конфликты с государством Сун продолжали беспокоить северные провинции Дайвьета. В 1076 году один из этих конфликтов перерос в полномасштабную войну, закончившуюся вторжением армии Сун. У истока реки Батъданг нападение Сун было отбито великим полководцем Ли, Торонг Кьетом. Он отпраздновал свою победу песней «Нам Квос Сон Хо» — «Земли Южного королевства»:

*Наш император правит горами и реками Юга.
Такова судьба, закреплённая навеки в Небесной Книге.
Как смеет враг вторгаться в нашу землю?
Глупая дерзость приведёт его к кровавому поражению!⁹*

Это стихотворение, которое до сих пор отмечается как первое заявление о независимости Вьетнама, было написано на китайском языке. Десять столетий китайского правления тесно вплели китайские обычаи в культуру Дайвьета, и ни слабость Сун, ни независимость Дайвьета не смогли это нарушить. Вторжение 1076 года закончилось пограничным соглашением между двумя дворами; оно провело черту между Китаем и Дайвьетом к северу от Тханглонга, столицы Дайвьета, которая все еще существует в наши дни. Но граница не оградила Дайвьет от влияния Сун. Династия Ли, как и их китайские коллеги, строила буддистские пагоды и спонсировала буддистские монастыри. Китайским языком все еще пользовались при дворе; будущие чиновники все еще должны были проходить экзамен гражданской службы, основанный на учении Конфуция.

И когда двор Сун бежал из колыбели древней китайской цивилизации, династия Ли присвоила Небесный Мандат. Их государями были «южные императоры», правившие «южными царствами» в силу собственного небесного мандата; мандат императора Сун заканчивался к северу от Тханглонга, и небесные силы защищали границу между двумя владениями¹⁰.

Сжавшись в Кайфыне, отбиваясь от набегов государства Цзинь, династия Сун не могла рассчитывать на процветание. В течение

Карта 4.1. Государства Китая и Юго-Восточной Азии

следующих двух столетий величайшая угроза власти Дайвьета приходила с юга. Два государства лежали южнее Дайвьета: Кхмерская империя и Тямпа, оба были сформированы благодаря торговле с Индией по ту сторону Бенгальского залива, а не китайскому влиянию с севера. Король кхмеров, Сурьяварман II, вззошел на престол в 1113 году, отразив интриги родственников. Его правление продолжилось так же, как и началось — войной. Сначала он пошел против собственного королевства. Под властью его предшественников кхмеры начали скатываться в анархию и раздробленность; в череде смертоносных междоусобиц Сурьяварман заставил мятежную знать подчиниться. Затем он обратил взор за пределы своей державы. «Он увидел королей других стран, которых желал покорить, — пишет современная ему хроника, — и сам отправился в страны своих врагов». Он считал своим долгом покорение земель. Как и его предшественники, Сурьяварман следовал индуистской *деварадже*, культу бога-царя; как владыка Кхмера, он был воплощением божества, единым с богом. Он являлся *чакравартином* — правителем Вселенной на земле¹¹.

Первой целью Сурьявармана стало прибрежное государство Тямпа, к востоку от его владений. Ряд набегов на Тямпу породил серьезные волнения у говоривших на санскрите жителей страны; многие из них бежали на север, в Дайвьет, предоставивший им убежище*. В 1128 году Сурьяварман воспользовался этим в качестве предлога к новому нападению — в этот раз на сам Дайвьет. Он отправил в страну 20 тысяч солдат, но это нападение было легко отражено¹².

Не устранившись, Сурьяварман принялся совершать регулярные набеги на соседей: он отправлял войска по суше и флотилии военных кораблей по воде. Но далеко пройти в Дайвьет не смог. В Тханглонге вззошел на престол новый король. Его звали Ли Тхан-Тонг, и хотя ему было всего двенадцать лет, у него были сильные генералы. Вновь и вновь силы кхмеров терпели поражение.

Тямпе же удача не улыбалась. Дайвьет в противостоянии с государством Сун был вынужден объединиться; князья Тямпы не пошли этим путем. В теории страной правил король с резиденцией в городе Виджайя — но в действительности это была неустой-

* Государство Тямпа представляло собой объединение пяти княжеств со сложным этнокультурным составом. Его основная народность, тямы — малайского происхождения; они говорили на своем языке, а санскрит был языком культуры. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 4

Папская область	Англия	Западная Франция	Священная Римская империя	Палестина	Государства Сун и Цзинь	Дайвьет, Тямпа и Кхмер
						Битва при Батъданге (1076)
					Ли Цин-чжао (1084–1151)	
Пасхалий II (1099–1118)	Генрих I (1100–1135)		Генрих V (1099–1125)	Бозмунд I Антиохийский (1098–1111) Королевство Иерусалимское (1099)		
	Лондонский конкордат (1107)	Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)		Завоевание Триполи (1109)		
				Бозмунд II Антиохийский (1111–1130)		
					Агуда (1115–1123)	Сурьяварман II (1113 – ок. 1150)

Папская область	Англия	Западная Франция	Священная Римская империя	Палестина	Государства Сун и Цзинь	Дайвьет, Тямпа и Кхмер
Каликст II (1119–1124)				Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)		
			Вормский конкордат (1122)	Завоевание Тира (1124)	Начало Южной Сун Сун Гао-Цзун (1127–1162) Создание флота Сун	Ли Тхан-Тонг (1127–1138)
			Лотарь III (1133–1137)	Фульк Иерусалимский (1131–1143) Мелисенда Иерусалимская (1131–1153)		
	Стефан (1135–1154)					
	Анархия (1139–1154)				Шоасинское соглашение (1141)	Джайя Индраварман III (1139–1145) Возвышение Ангкор-Вата

чивая конфедерация местных правителей, чьи земли разделялись рядом речных долин, простиравшихся с запада на восток. Зачастую эти князья друг к другу относились не менее враждебно, чем к кхмерским захватчикам¹³.

Князь Тямпы, Джайя Индраварман III, не обладал ни армией, ни ресурсами для защиты от Сурьявармана. В 1132 году в отчаянии он согласился стать союзником Сурьявармана в борьбе с Дайвьетом. Но даже объединенное войско Тямпы и Кхмера было разбито защитниками Дайвьета¹⁴.

Джайя Индраварман, вошедший в летописи как мягкий и не находчивый человек, решил, что он выбрал неправильную сторону. Теперь вместо союза с кхмерами он заключил мирное соглашение с Дайвьетом. Кхмеры совершили следующий набег на Дайвьет в одиночку. Столкнувшись с их войском, генерал Дайвьета До Ан Ву, как утверждают, презрительно фыркнул: «Воины Сына Небес подавляют восстание; они не предлагают сразиться на равных». После этого он вновь сокрушил кхмеров¹⁵.

Основатель империи, менее целеустремленный, чем Сурьяварман, сдался бы. Но взамен этого Сурьяварман обратился против Тямпы. В 1145 году кхмерское войско разграбило священный храмовый город Мишон. После этого Джайя Индраварман исчез из исторических летописей, и о нем больше никогда не упоминали. Сурьяварман присоединил север Тямпы к собственному королевству, а правителем ее сделал своего зятя¹⁶.

Это было его последней великой победой. В 1150 году очередное вторжение в Дайвьет провалилось — на этот раз из-за того, что кхмерскую армию на переходе через горы по направлению к Тханглонгу скосила лихорадка. К концу 1150 года Сурьяварман тоже исчез из летописей, его точная судьба неизвестна. Он оставил после себя утомленную от войны страну, тысячи тысяч трупов и самую величественную гробницу в Азии.

Столица Кхмерской империи, Ангкор, построенный в IX веке Джайяварманом II, великим предшественником Сурьявармана, за четыреста лет превратилась в огромный, сложно устроенный мегаполис. Лишенный стен и возведенный на болотистой местности, Ангкор раскинулся более чем на 125 кв. миль, или 320 кв. километров: он был крупнее любого другого города XII века — в пять раз больше современного Манхэттена. Его миллионное население зависело от огромной сети каналов и резервуаров с питьевой водой. Крупнейший резервуар, Западный Барай, был закончен в XI веке;

он имел восемь километров в длину и два в ширину и вмещал 70 миллионов кубометров воды — чего было бы достаточно для снабжения всей Флориды в течение недели¹⁷.

В перерывах между военными кампаниями Сурьяварман организовал в Ангкоре строительство храма Ангкор-Ват. Это сооружение размером с небольшой город и площадью почти в квадратную милю было лишь немногим меньше, чем средневековый Лондон. Ангкор-Ват должен был стать местом последнего упокоения Сурьявармана. Окруженный собственным рвом и защитной стеной, храм вздымался вверх серией концентрических прямоугольных строений, увенчанных высокими башнями. Это была каменная гора, созданная по образу мифической горы Меру — центра мира индуистских богов. Резные барельефы демонстрировали тысячи сцен войны, придворной жизни, религиозных ритуалов, сцен из индийского эпоса, изображений загробного мира с блаженствующими праведниками, разбитых мятежников; не забыт был и крупный портрет самого Сурьявармана. Ангкор-Ват был посвящен Вишну — богу, жившему в нем. Сурьяварман был богом на Земле; храм бога стал его гробницей, чтобы он вечно жил в нем¹⁸.

Ангкор-Ват требовал невообразимого количества денег и людей. Он разрабатывался и строился с чрезвычайной точностью: таким образом, чтобы в начале года Солнце освещало барельефы, изображавшие Сотворение мира, а ближе к концу года лучи падали на сцены конца света. Даже места для наблюдения будущих солнечных и лунных затмений были просчитаны и встроены в храм. Из карьера, располагавшегося более чем в тридцати двух километрах от стройки, понадобилось доставить более двух миллионов камней весом до восьми тонн. Строительство всего храма было закончено за тридцать пять лет — для сравнения, строительство собора Нотр-Дам-де-Пари, имеющего 128 метров в длину и 69 в высоту, заняло более ста лет¹⁹.

Кхмеры могли похвастаться наиболее величественным храмовым комплексом в мире. Но страну опустошили налоги, измотали постоянные требования военного времени и расточительного строительства. Преемники Сурьявармана отказались от его с трудом завоеванных земель в Тямпе и отступили, вернувшись в старые границы Кхмера; новое и вычурное начинание королевства практически сразу подошло к концу.

Глава 5

Новый крестовый поход

Между 1128 и 1149 годами мусульмане объединяются для успешного джихада, в ответ христиане объявляют о начале катастрофического крестового похода

Далеко на западе от Ангкор-Вата тюркский* правитель Алеппо постепенно шел к джихаду. Занги унаследовал власть над Алеппо в 1128 году. Ему было сорок три года; как утверждает мусульманский историк Имадуддин аль-Исфахани, он был амбициозным, энергичным и агрессивным тираном; согласно другому исламскому источнику, он был настолько несдержан, что мог распять своих людей, если те, сойдя с дороги, наступали на росшие у обочины злаки. Он был «не знающим покоя червем, — утверждает христианский летописец Гильом Тирский, — чрезмерно возгордившимся своими успехами»¹.

Теоретически Занги был союзником других тюркских государств. Пятьюдесятью годами ранее великий завоеватель Малик-шах создал Тюркскую империю, но после его смерти она практически сразу же распалась. К середине XII века тюркские султаны правили в Багдаде, Кермане, Сирии, Хорасане и Руме. Шестое тюркское государство создали Данишмендиды, отделившись от Рума. Независимые правители — *атабеки* — контролировали Дамаск и Алеппо.

Старший член наиболее важного тюркского клана, прямой потомок самого Малик-шаха, сохранил за собой титул «Великого сельджука» и претендовал на власть над остальными. Но его власть была всего лишь иллюзией, остальные тюркские правители подчинялись ему лишь на словах. Как только утихли страсти после Первого крестового похода, воины-мусульмане из Дамаска и Алеппо могли с равной вероятностью сплотиться против христиан — или сражаться на стороне крестоносцев против остальных султанов².

Но Занги планировал увеличить собственное могущество. Поначалу сохранять верность братьям-мусульманам в его планы не

* Здесь и далее автор использует слово *Turkish* (турецкий), а не *Turkic* (тюркский), именуя турками всех малоазийских мусульман тюркского происхождения — в отечественной литературе их принято объединять под общим именем сельджуков. В действительности турки как этнос сформировались заметно позднее, лишь в XV–XVI веках. (Прим. ред.)

входило. В 1130 году он стал нападать на земли, принадлежавшие Дамаску, находившемуся под властью других тюркских правителей; в 1137 году начал полномасштабную осаду самого Дамаска. Город пострадал, был ослаблен, но выдержал осаду, и Занги отступил, чтобы пересмотреть свою стратегию.

Затем, в октябре 1138 года, в районе Алеппо произошло землетрясение. Стены замка крестоносцев в Хареме потрескались; мусульманская крепость Атхареб рухнула, убив всех, кто был внутри; бастионы и стены Алеппо покосились. Дома рушились, камни сыпались дождем на паникующую толпу, высыпавшую на улицы, земля разверзлась. Ибн аль-Асир утверждает, что толчки, которых было не менее восьмидесяти, продолжались в течение двух недель. Современные историки называют ошеломляющее число погибших — 230 000 человек³.

Землетрясения в районе Алеппо, расположенного на тектоническом разломе, не были редкостью; в действительности все мусульманские земли были сейсмически активны. Как утверждалось, при рождении самого Мухаммеда сотрясся весь мир, и сура 99 Корана посвящена роли землетрясений в божественном порядке:

*Когда земля сотрясется своим сотрясением
и изведет земля свои мощи,
...В тот день выйдут люди толпами,
чтобы им показаны были их деяния...*⁴

Для мусульман, страдавших от землетрясений, они не были случайными событиями: дрожь земли воспринималась как знамение, приговор или обещание. После землетрясения в Алеппо в окружении Занги начала созреть риторика священной войны, превращая его личные амбиции в дело продвижения веры. Как писал Ибн аль-Асир: «Аллах не видел никого... кто мог бы лучше командовать... был бы целеустремленнее и решительнее... Боевой дух неверных ослаб, и они поняли, что в их землю пришло нечто, чего они не ожидали»⁵.

Новую войну Занги начал против христиан. К 1144 году он стал достаточно могущественным, чтобы взять в осаду христианский город Эдессу. Войска других христиан на помощь Эдессе не пришли. Король Фульк Иерусалимский (бывший граф Анжуйский) погиб, упав с лошади годом ранее, оставив Иерусалим в руках бессильного ребенка. Византийский император Иоанн Комнин только что скончался от старой раны, полученной на охоте, — а его сын и наследник Мануил был занят подавлением традиционных

заговоров и восстаний, всегда сопровождавших переход власти к новому императору. Раймунд, князь Антиохийский (франкский аристократ, получивший этот титул после женитьбы в возрасте 22 лет на 10-летней дочери Боэмунда II), отказался помочь своему брату-крестоносцу из-за того, что он с королем Эдессы был в состоянии «неутолимой ненависти»⁶.

Всего лишь через месяц Эдесса пала. Нападающие «предавали мечу всех, кого встречали» — мужчин, женщин и детей; многие из тех, кому удалось бежать, погибли под завалами, когда попытались скрыться в последней цитадели⁷.

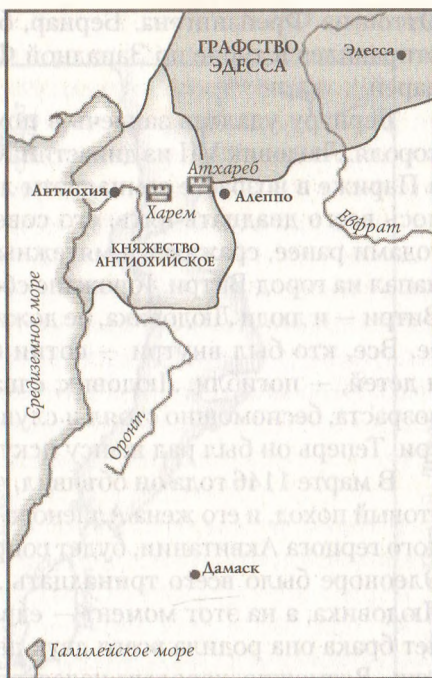
После захвата Эдессы риторика джихада — праведной и справедливой борьбы с несправедливым врагом — расцвела пышным цветом. Поэты воспевали Занги, впервые получившего титул монарха, как «украшение Ислама», «опору верующих», «владыку, которому помог Аллах». «Он завтра пойдет против Иерусалима!» — восклицал поэт Ибн Мунир, описывая надежды верующих⁸.

На Западе новость о падении Эдессы послужила толчком к новому крестовому походу. Изначальный призыв шел от папы Евгения III, издавшего указ (буллу) «*Quantum praedecessores*», который должен был напомнить о былой славе. «Как долго наши предшественники, римские понтифики, работали для освобождения Восточной церкви!» — такими словами начинался текст буллы, а далее в ней повторялись те же обещания, которые звучали и в призыве к Первому крестовому походу. Тем, кто отправится на Восток, чтобы вернуть Эдессу, обещалось прощение грехов, прощение прежних долгов и вечная слава⁹.

К этому времени Первый крестовый поход стал легендарным. Как пишет историк Томас Мэдден, *«целое поколение европейцев родилось и выросло на эпических историях о Первом крестовом походе... Едва ли можно было найти рыцаря-христианина... не мечтавшего о возможности повторить их подвиг»*. И вот наконец это стало возможным: рыцари, выросшие на историях о христианском героизме, могли подняться над междоусобицами и политическими интригами последних сорока лет, последовав своим героям¹⁰.

Евгений III не имел возможности покинуть Рим — здесь наступил очередной период волнений и хаоса, уже ставших почти регулярными. Он передал задачу проповедования нового похода Бернару, аббату монастыря Клерво, пожилому церковнику «почтенной жизни и доброго нрава, заметному в своем религиозном ордене, одаренному мудростью и эрудицией, знаменитому благодаря знакам и чудесам», — как характеризовал его современник,

**Карта 5.1. Алеппо
и государства
крестоносцев**

Карта 5.2. Королевство Людовика VII

Оттон из Фрейзингена. Бернар, будучи франком по рождению, отправился в турне по Западной Франции, привлекая к делу рыцарей¹¹.

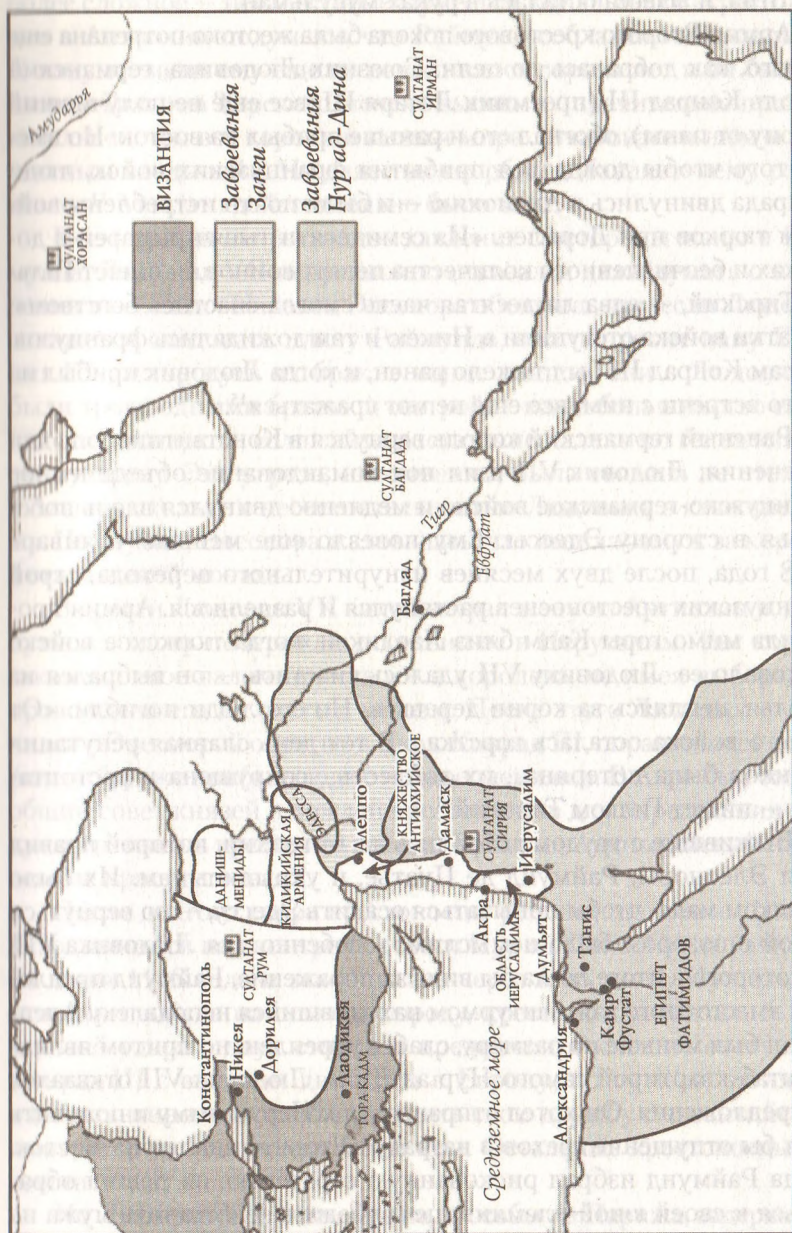
Бернару удалось завлечь в поход даже самого французского короля. Людовик VII из династии Капетингов унаследовал престол в Париже в возрасте семнадцати лет. Теперь, когда ему исполнилось всего двадцать пять, его совесть уже была нечиста. Пятью годами ранее, сражаясь с мятежным графом Шампани, Людовик напал на город Витри. Горожане сбежались в деревянную церковь Витри — и люди Людовика, не дожидаясь приказов короля, сожгли ее. Все, кто был внутри — сотни безоружных мужчин, женщин и детей, — погибли. Людовик, едва вышедший из подросткового возраста, беспомощно стоял и слушал крики, доносившиеся изнутри. Теперь он был рад шансу искупить свою вину¹².

В марте 1146 года он объявил, что намерен отправиться в крестовый поход, и его жена Алиенора (Элеонора), дочь могущественного герцога Аквитании, будет сопровождать его в Святую землю. Элеоноре было всего тринадцать лет, когда ее выдали замуж за Людовика, а на этот момент — едва ли больше двадцати. За семь лет брака она родила всего двух детей, из которых выжила лишь дочь. Возможно, королева надеялась, что паломничество разжалобит Бога, и тогда она сможет подарить супругу мальчика, наследника французского престола¹³.

Увы, виной неплодовитости королевы были, видимо, другие обстоятельства. Людовик VII воспитывался для священства, а не для короны. Неожданная смерть старшего брата вынудила его покинуть монастырь и взойти на трон, но раннее монастырское воспитание отпечаталось в его душе. Жизнь в церкви была лишена женщин; Людовика учили, что секс мог лишить мужчину праведности суждений и искривить его восприятие Бога. Даже с законной женой слишком увлеченные занятия любовью считались грехом. Чрезмерное увлечение удовольствиями брачного ложа могло «искалечить высшие мужские способности к разумному мышлению», — утверждали теологи¹⁴.

Во французской церкви XII века девственники находились на вершине моральной иерархии; и Людовик, попав в мир, где от него ожидали рождения детей, приступил к своим брачным обязанностям с великой неохотой. Это его предубеждение к сексу вскоре повлекло за собой международные последствия.

К тому времени, как Людовик и Элеонора в 1147 году прибыли в Константинополь, Занги уже был мертв: в сентябре 1146 года его

Карта 5.3. Завоевания Занги и Нур ад-Дина

заколол во сне один из его рабов. Но сын Занги, Нур ад-Дин, взял меч отца, и Эдесса осталась в руках мусульман.

Армия Второго крестового похода была жестоко потрепана еще до того, как добралась до цели. Союзник Людовика, германский король Конрад III (преемник Лотаря III, все еще не получивший корону от папы), обогнал его и раньше прибыл на восток. Но вместо того чтобы дожидаться прибытия французских войск, люди Конрада двинулись в Антиохию — и были почти истреблены войском тюрок при Дорилее. «Из семидесяти тысяч рыцарей в доспехах и бесчисленного количества пеших воинов, — пишет Гильом Тирский, — едва ли десятая часть смогла спастись бегством». Остатки войска отступили в Никею и там дожидались французов. Но сам Конрад III был тяжело ранен, и когда Людовик прибыл на место встречи с ним, все еще не мог сражаться¹⁵.

Раненый германский король вернулся в Константинополь для излечения; Людовик VII взял под командование объединенное французско-германское войско и медленно двинулся вдоль побережья в сторону Эдессы. Ему повезло еще меньше: к январю 1148 года, после двух месяцев изнурительного перехода, строй французских крестоносцев растянулся и разделился. Армия проходила мимо горы Кадм близ Лаодикеи, когда тюркское войско атаковало ее. Людовику VII удалось спастись — он выбрался из ущелья, цепляясь за корни деревьев. Но его люди погибли: «От нашего войска осталась горстка... В тот день славная репутация франков была потеряна... их доблесть... сокрушена и растоптана», — пишет Гильом Тирский¹⁶.

Выжившие с трудом добрались до Антиохии, которой правил дядя Элеоноры, Раймунд де Пуатье, и укрылись там. Их было слишком мало, чтобы попытаться осадить Эдессу, — но вернуться домой с позором было невыносимо, особенно для Людовика VII, на которого в итоге легла бы вина за поражение. Раймунд предложил вместо этого взять штурмом находившийся неподалеку Алеппо; он был меньше по размеру, слабее укреплен, но притом являлся штаб-квартирой самого Нур ад-Дина. Людовик VII отказался от предложения. Он хотел отправиться к Иерусалиму и получить хотя бы отпущение грехов в награду за то, что явился на Восток. Тогда Раймунд избрал рискованную стратегию: он решил обратиться к своей юной племяннице и убедить ее склонить мужа на его сторону. Элеонора быстро согласилась и сразу начала настаивать на точке зрения Раймунда.

Была ли это политическая хитрость с ее стороны или нечто более сложное — неизвестно. Разумеется, большинство крестоносцев в Антиохии подумали, что Раймунд соблазнил племянницу. К тому времени ему еще не исполнилось сорока лет и он был, по словам Гильома Тирского, «очень высоким... значительно привлекательнее, чем все короли и князья мира... очаровательным и элегантным владыкой». Но далее он скорбно добавляет: «ему редко везло»¹⁷. Увы, это действительно было так...

Несмотря на непрестанное давление со стороны жены и Раймунда, Людовик VII непреклонно отказался даже думать о нападении на Алеппо. Наконец Элеонора объявила, что, если Людовик откажется следовать плану Раймунда, она попросит папу Евгения III расторгнуть их брак: в конце концов, они с Людовиком были троюродными братом и сестрой — как и большинство европейских монархов, если зайти достаточно далеко по генеалогическому древу. Эта угроза, несомненно, была связана не столько с Алеппо, сколько с несостоятельностью Людовика в качестве мужа. По слухам, Элеонора жаловалась, что вышла замуж за короля, а стала женой монаха.

В ярости Людовик VII силой забрал жену из Антиохии и, двинувшись вдоль побережья, доставил ее в Иерусалим. Там король закончил свое паломничество — а королева, не имея выбора, сопровождала его по святым местам. После этого Людовик отправился с Элеонорой обратно в Акру. Конрад III, оправившись после ранений, тоже прибыл сюда с подкреплениями. В Акре был созван общий совет князей и вождей крестоносцев для определения следующего шага в крестовом походе. Раймунд Антиохийский на совете не присутствовал¹⁸.

После долгого спора крестоносцы решили атаковать Дамаск, находившийся под контролем тестя Нур ад-Дина. Осада началась 24 июля 1148 года и закончилась через пять дней. Нур ад-Дин отправил войска на помощь городу, крестоносцы оказались под угрозой удара с двух сторон и предпочли поспешно отступить. Конрад III с войском двинулся в Европу; по пути он заглянул в Константинополь, чтобы укрепить свою дружбу с византийским императором Мануилом Комнином. Остальные крестоносцы разошлись.

Но Людовик VII, несмотря на просьбы из Парижа, задержался в Иерусалиме до Пасхи 1149 года. Он не хотел возвращаться домой, где жена могла выполнить свою угрозу о расторжении брака.

Хронологическая таблица 5

Государства Сун и Цзинь	Дайвьет, Кхмер и Тямпа	Византия и Палестина	Папская область	Государства турок	Священная Римская империя и Западная Франция
	Битва при Батъ- даге (1076)			Малик-шах (1072–1092)	
Ли Цин-чжао (1084–1151)		Алексей Комнин (1081–1118)			
		Бозмунд I Антиохийский (1098–1111)			
		Королевство Иерусалимское (1099)	Пасхалий II (1099–1118)		Генрих V (1099–1125)
		Завоевание Триполи (1109)			Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)
		Бозмунд II Антио- хийский (1111–1130)			
Агула (1115–1123)	Сурьяварман II (1113 – ок. 1150)	Иоанн Комнин (1118–1143) Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)	Каликст II (1119–1124)		

Государства Сун и Цзинь	Дайвьет, Кхмер и Тямпа	Византия и Палестина	Палестина область	Государства тюрк	Самые Ранние Империя и Западная Франция
		Завоевание Тира (1124)			Вормсский конкордат (1122)
Зарождение Южной Сун Сун Гао-Цзун (1127-1162) Создание флота Сун	Ли Тхан Тонг (1127-1138)			Занги (1128-1146)	
		Фульк Иерусалимский (1131-1143) Мелисенда Иерусалимская (1131-1153)			Лотарь III (1133-1137)
		Раймунд Антиохийский (1136-1149)			Людовик VII (1137-1180)
Шаосинское соглашение (1141)	Джайя Индраварман III (1139-1145) Возвышение Ангор-Вага			Землетрясение в Алеппо (1138)	Конрад III (1138-1152)
		Мануил Комнин (1143-1180)		Падение Эдессы (1144)	Балдуин III Иерусалимский (1143-1153)
			Евгений III (1145-1153)	Нур ад-Дин (1146-1174)	Второй крестовый поход (1145-1145)

Но поводов дольше откладывать отъезд не осталось, и Людовик с Элеонорой отправились домой по морю — на разных кораблях.

Как только последние крестоносцы ушли, Нур ад-Дин вторгся в Антиохию. Раймунд со своей армией выступил, чтобы дать ему отпор. В последующей битве несчастливый Раймунд был убит. Как утверждает Гильом Тирский, Нур ад-Дин приказал отрубить голову Раймунда и отправить ее в Багдад в качестве трофея, по слухам — помещенную в серебряный ларец¹⁹.

Второй крестовый поход завершился позором. Бернард Клервоский, так уверявший, что Господь на стороне крестоносцев, обвинял их в отсутствии веры и решимости: впоследствии он написал: «Господь, раздраженный нашими грехами... не пощадил ни его народ, ни его имя... Как они могли продвинуться, [если] постоянно отступали, куда бы ни выдвигались?»

Но какова бы ни была причина поражения, результат оказался катастрофическим; Гильом Тирский с печалью отмечал тенденцию: «все меньше людей, да и те менее пылкие духом, совершали папничество с тех пор». Импульсу крестовых походов, уже и так ослабевшему, был нанесен смертельный удар²⁰.

Глава 6

Реконкиста и новое открытие

Между 1134 и 1146 годами христианские короли, альморавидские воины и альмохадские халифы сражаются на Пиренейском полуострове, в то время как все больше арабских книг приходит на Запад

В 1134 году испанский король Альфонсо Воитель умер, проведя всю жизнь на поле боя. Он сплотил четыре христианских королевства Испании — Арагон и Наварру, Леон и Кастилию — и правил ими вместе со своей женой, Уракой. Но юг Пиренейского полуострова никогда не был под его контролем. Более четырех сотен лет там правили мусульманские династии.

За полвека до этого североафриканская секта альморавидов пересекла Гибралтар и оказалась на Пиренейском полуострове*.

* Альморавиды (искаженное «аль-Мурабитун», можно перевести как «люди фронта») — исламское религиозное братство (орден), созданное в середине XI века среди кочевых берберских племен богословом Абдуллой

В течение трех лет юг Испании оказался под властью альморавидов. Христианские королевства севера сражались с захватчиками, превратив центр полуострова в поле боя. Их сопротивление набрало силы, когда в 1118 году собравшийся в Тулузе церковный совет присвоил этой борьбе статус крестового похода. Теперь вместо похода на Восток европейские феодалы со своими армиями могли проделать более короткое путешествие на Запад и получить такое же духовное вознаграждение. Военные ордена — монахи с мечами — также поддержали затею.

Но поле боя было велико, а враг — решительным. На Востоке продолжительность крестовых походов измерялась годами. Крестовый поход в Испании, Реконкиста, продолжался несколько столетий.

К 1134 году власть альморавидов в Испании ослабла. Их эмир Али ибн Юсуф, столица которого находилась в Северной Африке, был более обеспокоен своими африканскими территориями, чем землями по ту сторону Средиземного моря. Тем временем мощь христиан возрастала. Альфонсо Воитель, подтверждая свое положение, заставлял Альморавидов отступать все дальше и дальше.

Для Альфонсо Испания была не только политическим объектом. Это была священная земля, где христиане вели непрекращающуюся битву со злом. После смерти он оставил свое королевство тамплиерам, госпитальерам и рыцарям Гроба Господня — трем военным орденам, созданным для ведения священных войн.

Его подданные проигнорировали странное завещание. Четыре королевства разделились: Леон и Кастилия перешли к пасынку Воителя, Альфонсо VII*, Арагон достался брату Альфонсо Воителя, Рамиро II — монаху, который отказался от своих обетов, чтобы стать королем, так как посчитал, что быть одновременно королем и монахом невозможно. Наварра, находившаяся под контролем Арагона в течение почти шестидесяти лет, поддержала Гарсию

ибн Ясин аль-Гузули. К 1184 году альморавиды установили контроль над всей территорией Марокко и нынешней Западной Сахары, а затем пришли на помощь мусульманам Испании, теснимым христианскими армиями. К 1110 году альморавиды объединили под своей властью все мусульманские территории Испании, но уже в середине XII века на смену им пришло другое североафриканское религиозное братство — альмохады. (*Прим. ред.*)

* Леоном и Кастилией с 1109 года управляла Уррака; хотя это была часть объединенного королевства Альфонсо VI, супругов разделяло глубокое отчуждение. После смерти Урраки в 1126 году королем стал Альфонсо VII — ее сын от первого мужа, Раймунда Бургундского. Он все еще являлся вассалом своего отчима, Альфонсо Воителя. (*Прим. авт.*)

Рамиреса, внука легендарного христианского воина Эль Сиды: он правил независимой Наваррой в течение шестнадцати лет, заслужив титул «Восстановитель».

Разделение некогда сплоченных королевств давало альморавидам шанс вернуть часть потерянной земли — но гниль распространялась все дальше в их империи. Новое препятствие для власти альморавидов возникло в самой Африке. Североафриканский пророк ибн Тумарт, фанатичный мусульманин, покинувший родину для изучения своей веры в Багдаде, вернулся с откровением: конец света близок и ибн Тумарт призван очистить ислам и объединить верующих в его исповедании.

В возрасте 28 лет он был чрезвычайно харизматичен, убедителен и целеустремлен. Историк XIII века ибн аль-Марракуши утверждает, что по пути обратно в Северную Африку он так настойчиво проповедовал морякам, которым заплатил за место на их корабле, что они выбросили его за борт — он плыл вслед за кораблем, пока моряки не передумали и не вытащили его на палубу. До его безвременной смерти в 1130-м ибн Тумарту удалось привлечь многочисленных последователей, получивших название «Альмохады» — от *al-muwahhidun**, «объединенные»¹.

Один из сторонников ибн Тумарта, воин аль-Мумин, продолжил его теологическую работу и превратил религиозное движение в завоевательный поход. К 1134 году Альмохады начали продвигаться на территорию альморавидов в Северной Африке. По мнению Альмохадов, альморавиды были не меньшим врагом, чем христиане дальше на севере: хоть они и были мусульманами, но неочищенными, погрязшими во грехе.

Вынужденные сражаться на два фронта, альморавиды вскоре начали проигрывать на обоих. На Пиренейском полуострове христианский фронт продвигался к югу от Толедо. Сам Толедо, являясь спорной территорией, был настолько опасным местом, что Альфонсо VII специально сделал его губернатором аристократа, которому меньше всего доверял — все предыдущие губернаторы Толедо погибли в боях.

Располагавшийся рядом замок Ореха был оперативной базой альморавидов, и весной 1139 года Альфонсо VII осадил его. Как

* Арабское слово «аль-муваххидун» буквально означает «единобожники» — что являло собой противовес религиозной политике поздних альморавидских эмиров, нарушавших многие нормы ислама. По-русски названия обеих сект пишутся как со строчной буквы, так и с заглавной — если речь идет о принадлежащих к ним правящих династиях. (Прим. ред.)

утверждает «*Chronica Adefonsi Imperatoris*», официальная летопись правления Альфонсо:

«Замок был очень прочным, он был хорошо снабжен всеми видами оружия и арбалетов. Тем не менее император приказал своим инженерам соорудить осадные башни и построить множество осадных машин, а также разместить солдат вдоль реки, чтобы можно было заморить врага жаждой»².

Войско альморавидов прибыло из Марракеша, чтобы помочь разбить силы Альфонсо VII. Но осада продолжалась. Из Орехи в Марракеш поспешили гонцы с просьбами о новых подкреплениях. Они были, как сказано в «Хронике», «смущены, так как события разворачивались не по их плану». Марракеш не смог их обрадовать — новых подкреплений ждать не приходилось, гонцам пришлось вернуться в Ореху с посланием, гласящим, что они «должны забросить любую надежду и отдать замок императору»³.

Ореха сдалась в октябре 1139 года. Это была крупная победа Альфонсо VII, после этого положившего глаз на Кордову и Севилью.

Тем временем дальше на западе альморавиды потерпели еще одно серьезное поражение. Кузен Альфонсо VII, Афонсу Энрикеш, правивший провинцией Леона, известной как Португалия, сражался к югу от своих земель. В июле он одержал первую крупную победу против армии альморавидов в битве при Орике, на вершине холма недалеко от побережья.

Подробностей этого события практически не сохранились — кампания Энрикеша могла быть просто лишь крупномасштабным набегом на территорию альморавидов*. Но сразу после этого Афонсу Энрикеш при поддержке своих вассалов провозгласил себя королем Португалии. Это формально делало его независимым от кузена-короля и превращало Португалию в самостоятельное королевство.

Альфонсо VII отказался признать новый титул родича, но не стал сразу вторгаться в мятежную провинцию — король был слишком занят. В 1144 году его войска приближалась к Кордове и Се-

* В последующие годы битва при Орике становилась в глазах португальцев все масштабнее: количество убитых альморавидов росло, доблесть португальцев увеличивалась, победа разрасталась — пока к XVI веку не остановились на том, что Афонсу Энрикеш победил пять мусульманских королей, увидев, подобно Константину, явление Христа, обещавшего победу над язычниками. Но все эти подробности появились гораздо позднее. (Прим. авт.)

Хронологическая таблица 6

Альморавиды и Альмохады	Папская область и испанские королевства	Западная Франция	Византия и Свя- щенная Римская империя	Тюркские султанаты	Палестина
	Пасхалий II (1099–1118) Альфонсо Воитель из Арагона–Навар- ры (1104–1134)		Генрих V (1099–1125)		Бозмунд I Антио- хийский (1098–1111) Иерусалимское королевство (1099)
Али ибн Юсуф (1106–1142)	Уррака из Леона и Кастилии (1109–1126 как вассал)	Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)			Завоевание Триполи (1109) Бозмунд II Антио- хийский (1111–1130)
Ибн Тумарт (1118–1130)	Каликт II (1119–1124) Тулузский совет (1118)		Иоанн Комнин (1118–1143)		Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)
			Вормский конкордат (1122)		Завоевание Тира (1124)

Альморавиды и Альмохалды	Палпская область и испанские королевства	Западная Франция	Византия и Свя- щенная Римская империя	Тюркские султанаты	Палестина
Аль-Мумин (1130–1163)	Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1126–1134 — как вассальный правитель)	Фульк Иерусалим- ский (1131–1143) Мелисенда Иеру- салимская (1131–1153)		Занги (1127–1146)	
	Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1134–1157) Рамиро II Арагон- ский (1134–1157) Гарсиа Рамирес из Наварры (1134–1150)		Лотарь III (1133–1137)		
	Битва при Орике (1139) Афонсу Энрикеш Орике Португаль- ский (1139–1185)	Раймунд Антиохийский (1136–1149) Людовик VII (1137–1180)	Конрад III (1138–1152)	Землетрясение в Алеппо (1138)	
	Герард Кременский прибывает в Толе- до (ок. 1144) Евгений III (1145–1153)	Второй крестовый поход (1145–1149)	Мануил Комнин (1143–1180) Балдуин III Иерусалимский (1143–1153)	Падение Эдессы (1144) Нур ад-Дин (1146–1174)	

вилье. В «Хронике» говорится, что они уничтожили все виноградники, оливковые рощи и фиговые деревья.

«Они вырубили и сожгли все фруктовые сады, предали огню города, деревни и поселки, испепелили множество замков. Они взяли в плен множество мужчин, женщин и детей, захватили множество лошадей, верблюдов, мулов, ослов, быков, коров и другого скота, золота и серебра, и все ценности, которые были в домах... все королевство... было уничтожено»⁴.

Разрушительные победы еще сильнее закрепили Испанию в руках христиан.

Примерно в то же время итальянский ученый Герард Кремонский отправился на Пиренейский полуостров, надеясь найти в библиотеках Толедо копию греческого текста по астрономии II века, известного как Альмагест.

Он не был первым западным мыслителем, совершившим такое путешествие. Полтора столетия назад будущий папа Сильвестр II

отправился в монастырь возле границы христианских и мусульманских владений; там он научился использовать числовую систему арабов, заимствованную ими из Индии. В отличие от громоздкой римской системы, в этой системе (теперь известной как «индо-арабская») имела значение позиция цифры. («Индийцы обладали тончайшим талантом, — позднее, уже в X веке, удивлялся монах Вигила, — то видно из того, что по девяти цифрам они способны обозначить каждую степень каждого порядка»). За ним последовала целая череда европейцев, и том числе англичан; среди них были Роберт Кетонский и Герман Каринтийский, впервые переведший весь Коран на латынь, а также

Карта 6.1 Пиренейский полуостров в 1144 году

Платон из Тиволи, переведший арабские тексты по астрономии и математике⁵.

Но именно с Герарда Кремонского началось повторное открытие арабских текстов. В Толедо Герард обнаружил настоящую сокровищницу с книгами, о существовании которых не подозревал. Среди книг, найденных им в пыльных кладовых библиотек Толедо, были несколько томов, переведенных на арабский с греческого, но неизвестных на латинском Западе: «Физика» Аристотеля, содержавшая философские исследования бытия, которых не касались тексты Аристотеля о логике; «Элементы» Евклида; «Тайны» великого греческого врача Галена. Как написал позже один из учеников Герарда,

«Видя обилие книг на арабском языке по каждой теме, он выучил арабский язык, чтобы получить возможность переводить их... До конца своей жизни он продолжал передавать латинскому миру, как собственному любимому наследнику, лучшие, с его точки зрения, книги, так точно и так доступно, как только мог».

К моменту своей смерти, около тридцати лет спустя, Герард перевел как минимум семьдесят одну крупную работу по диалектике, астрономии, философии, математике и медицине. Стена между прошлым и настоящим пала, и все больше мыслителей начали выходить за ее развалины, перенимая новый образ мышления⁶.

Глава 7

Вопросы авторитета

Между 1135 и 1160 годами Пьер Абеляр показывает силу логики Аристотеля и зарождается систематическая теология

Около 1135 года богослов Пьер Абеляр дописал финальные строки своего новейшего труда: «*Theologia Scholarium*» — трактата о природе Бога.

Он дорабатывал и пересматривал «Теологию» в течение четырнадцати лет — с тех пор, как первая версия книги была осуждена как опасное заблуждение. Тогда церковный совет в Суассоне заставил Абеляра сжечь рукопись собственными руками. Теперь он надеялся защитить свою точку зрения. Но он опять столкнулся с еще одним церковным советом; и на этот раз наказание было более строгим.

В течение почти сорока лет Абеляр жил изучением языка. Он провел молодость, изучая в Париже работы Аристотеля и оттачивая свои навыки в словесности: «Я предпочитал диалектическое оружие всем философским учениям, — писал Абеляр о своей юности, — и, вооружившись, выбрал слова вместо военных трофеев».

В 1102 году, когда ему едва исполнилось двадцать лет, Абеляр основал во французском городе Мелюн собственную школу. Здесь он обучал и писал, спорил и дискутировал; его слава как мастера логики росла. К 1114 году он стал главой школы при соборе Нотр-Дам — наиболее престижного учебного заведения в Западной Франции¹.

Только одно отвлекало Пьера Абеляра от работы: Элоиза, прекрасная племянница парижского священника Фульбера. Продумав план по ее соблазнению, Абеляр снял комнату у дяди Элоизы и предложил стать ее учителем, чтобы отработать арендную плату. Как рассказывает он сам,

«И так, под предлогом уроков, мы полностью посвятили себя любви. Ее обучение позволяло нам уединяться, как того желала любовь... Мои руки чаще стремились к ее груди, чем к страницам... наша страсть не оставила без внимания ни один способ занятий любовью»².

Неизбежное случилось; Элоиза забеременела, и Абеляр отвез ее в Бретань к своей сестре, где она должна была оставаться до рождения ребенка.

Фульбер, все это время почему-то ничего не замечавший, был разъярен. Абеляр просил прощения, ползал на коленях, убеждал и делал все возможное, чтобы загладить вину перед властным арендодателем — но о самом прямолинейном решении, о браке, не могло быть и речи. Наставник соборной школы по определению был клириком, а целибат уже стал почти обязательным правилом для клириков. Брак разрушил бы карьеру Абеляра на корню.

Не в силах удовлетворить могущественного Фульбера, Абеляр в итоге предложил решение. Он возьмет в жены Элоизу — но брак останется в тайне, чтобы перспективы его карьеры в школе не были омрачены; Элоиза вернется домой, в Париж, и Абеляр найдет себе другое жилье. Фульбер согласился, но, когда Элоиза вернулась в дом своего дяди, оставив сына под опекой семьи Абеляра, Фульбер превратил ее жизнь в ад. По словам Абеляра, «в своем раздражении Фульбер постоянно осыпал ее оскорблениями...

Узнав об этом, я тотчас перевел ее в обитель к монахиням... под Парижем».

Монастырь служил местом, где Элоиза могла оставаться в безопасности, пока Абеляр мог продумать свой следующий шаг. Но монастыри также были традиционным местом для жен, от которых отреклись мужья, и Фулбер воспользовался этой ситуацией ради мести. Он нанял бандитов и поздней ночью отправил их в жилище Абеляра. Они связали и оскотили настоятеля; как написал Абеляр, «на следующее утро люди со всего города собрались под моим домом, и... истязали меня своими невыносимыми рыданиями и воплями»³.

Вероятно, на самом деле толпа была меньше, чем в воспоминаниях Абеляра, — но он был популярным учителем, и нападение на него вызвало много шума. Когда шумиха улеглась, Абеляр и Элоиза приняли монашество, Абеляр — в аббатстве Сен-Дени под Парижем, Элоиза — в монастыре Аржантей, двадцатью пятью милями дальше. В течение следующих двадцати лет они виделись от силы два раза, но постоянно переписывались; их брак держался только на словах.

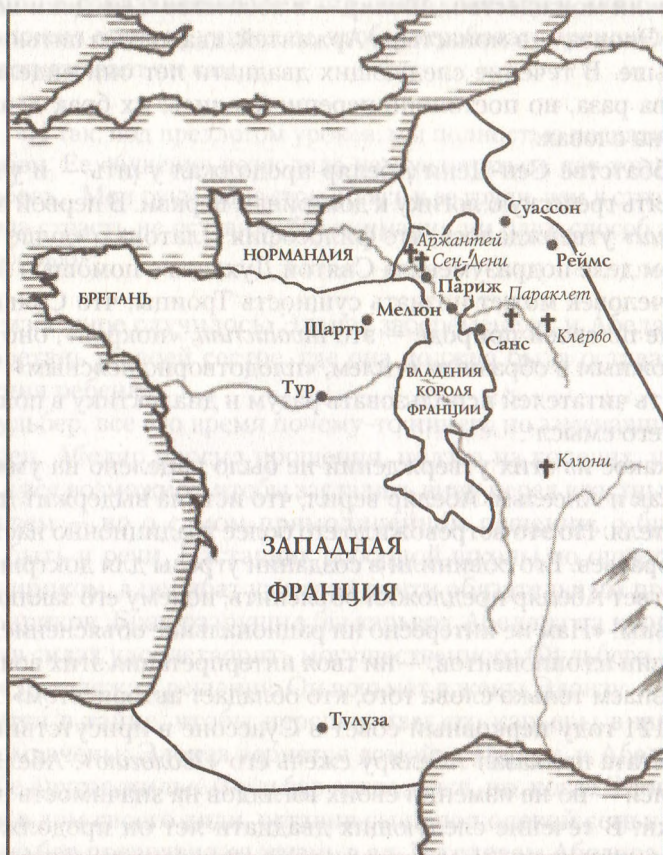
В аббатстве Сен-Дени Абеляр продолжал учить — и учиться применять греческую логику к доктринам церкви. В первой версии «Теологии» утверждалось, что философия Платона о «душе мира» на самом деле подразумевала Святой Дух; что с помощью логики любой человек может познать сущность Троицы; что Священное Писание по своей природе — это *involutum*, «покров»; оно написано сложным и образным стилем, «плодотворно неясным», чтобы заставить читателей использовать разум и диалектику в попытках понять его смысл⁴.

Никакое из этих утверждений не было нацелено на умаление веры. Как и Ансельм, Абеляр верил, что истина выдержит методы Аристотеля. Но это встревожило его более традиционно настроенных собратьев. Его обвинили в создании угрозы для доктрин Церкви, в ответ Абеляр предложил объяснить, почему его заключения правильны. «Нам не интересно ни рациональное объяснение, — ответил один из оппонентов, — ни твоя интерпретация этих вопросов; мы признаем только слова того, кто обладает авторитетом»⁵.

В 1121 году церковный совет в Суассоне в присутствии папского легата приказал Абеляру сжечь его «Теологию». Абеляр повиновался — но не изменил своих взглядов на значимость разума и логики. В течение следующих двадцати лет он продолжал отстаивать свои идеи, осмеливаясь даже критиковать слепое повиновение церкви банальным истинам. Он пересмотрел дважды «Тео-

логию», в 1135 году придав ей окончательную форму; он собрал целую коллекцию цитат отцов церкви, противоречивших друг другу, в работу под названием «*Sic et Non*» («Да и Нет»); он написал «*Collationes*» («Сравнения») — сборник диалогов об этике между христианином, иудеем и персонажем по прозвищу «Древний Философ», в которых последний демонстрирует наилучшее понимание Высшего Добра — несмотря на то, что руководствуется только естественным правом⁶.

Абеляра часто обвиняли в инакомыслии, потенциально опасном отклонении от общепринятого понимания христианской веры. Как минимум один раз его ненадолго посадили в тюрьму. Но помощь могущественных покровителей и энтузиазм многочисленных студентов уберегли его от полного осуждения Церковью — до

Карта 7.1. Франция времен Пьера Абеляра

1141 года, когда пересмотренная «Теология» привлекла внимание самого Бернара Клервоского: почтенного клирика, заметного ученого, провозвестника Второго крестового похода.

Эти двое людей были полными противоположностями: Абельяр стремился сплотить веру и логику, Бернар превозносил превыше всего власть Церкви. «Он презирал учителей, доверявших мирской мудрости и слишком активно занимавшихся человеческими спорами», — поясняет Оттон из Фрейзингена. Когда в 1140 году местный монах отправил Бернару письмо, освещающее последние доктринальные изыскания Абельяра, Бернар согласился, что вопрос нуждается во внимательном рассмотрении⁷.

Он попросил Абельяра прибыть и объяснить; Абельяр вместо этого обратился к епископу Санскому, а затем к папе. Возможно, он верил, что его навыки в аргументации помогут ему одержать победу. Но именно эти навыки пугали традиционно настроенных оппонентов. В собственном обращении к папе Бернар написал: «Пьер Абельяр верит, что может постичь все божественное человеческим разумом»⁸.

Дать Абельяру шанс — значило признать категории Аристотеля; а принятие логики Аристотеля могло поставить под сомнение всю систему христианской церкви, основанную на авторитетах. В 1141 году папский суд согласился с Бернаром. Абельяра должны были посадить в тюрьму и обречь на вечное молчание. Приговор предполагал, что остаток жизни Абельяр проведет без слов: он должен был находиться в монастыре, и ему запрещено было говорить — выражая свои потребности только жестами.

В глазах последователей Абельяра приговор стал молчаливым признанием силы и правдивости мысли Аристотеля. «Высшие священники и фарисеи созвали собрание, — писал его ученик, Беренгар из Пуатье, используя новозаветную метафору для Бернара и папского суда, — и сказали: что мы должны делать, если этот человек говорит о многих чудесных вещах? Если мы позволим ему продолжать, ему все поверят!» Но, по мнению Бернара Клервоского, авторитет Церкви был должным образом защищен: старые истины сохранялись, древние постулаты остались нерушимы⁹.

За соблюдением наказания не следили. Абельяр, уже страдавший от болезни, которая вскоре свела его в могилу, нашел убежище в монастыре Ключни, где писал пространную речь в собственную защиту. Закончить ее он не успел. Аббат Ключни, известный как Петр Достопочтенный, воспользовался властью, данной ему «за счет должности», и провозгласил прощение всех грехов Абельяра.

Он отправил гроб Абельяра Элоизе, ставшей аббатисой монастыря при Параклете. Она похоронила Абельяра там, и после ее смерти, приблизительно через двадцать лет, ее похоронили рядом¹⁰.

* * *

Бернар Клервоский и не подозревал, что сражается в арьергарде. В соборной школе Шартра настоятель Бернар Шартрский был в зените своей славы учителя, знакомя студентов с работами Платона и Аристотеля в качестве основы для их обучения христианским доктринам. Как писал учившийся там Иоанн из Солсбери,

«Бернар прилагал все усилия, чтобы заставить учеников повторять изречения [поэтов и ораторов], которых они изучали. Иногда он опирался на увещания, а порой... и на порку... [Он] сравнивал нас с карликами, сидящими на плечах у великанов. Он говорил, что мы видим острее и дальше, чем наши предшественники, — но не из-за того, что у нас более острое зрение или более высокий рост, но из-за того, что нас вознесли на их гигантские плечи»¹¹.

В Италии ученый-правовед Грациан уже применял логику к судебным процессам, связанным с Церковью. Он создал объемную коллекцию материалов по церковному праву, собрал воедино церковные прецеденты, противоречившие друг другу, и использовал диалектику, чтобы разобраться с этими противоречиями. Его шедевр, трактат *«Согласование противоречивых канонов»*, стал ключевым текстом католической церковной традиции и оставался частью церковного права до 1918 года. Но это стало триумфом древней философии, пусть даже *«Согласование»* имело чисто практическое назначение: по сути этот труд представлял собой рационализацию духовных решений. Они упорядочивались так, как если бы церковная власть являлась обычной человеческой администрацией¹².

А в Париже священник Петр Ломбардский уже работал не покладая рук над лекциями и сочинениями, разрабатывал систему богословия, которая станет его самой известной книгой — *«Сентенции»*. Петр Ломбардский был на двадцать лет моложе Абельяра; он пришел в соборную школу Реймса в 1136 году, с лестным рекомендательным письмом от самого Бернара Клервоского. В 1145 году, через пятнадцать лет, Петр Ломбардский уже стал учителем в школе при соборе Нотр-Дам, его *«Сентенции»* читали во всех престижных соборных школах¹³.

Хронологическая таблица 7

Испанские королевства	Альморавиды и Альмохады	Западная Франция	Папская область
Альфонсо Воитель из Наварры и Арагона (1104–1134)	Али ибн Юсуф (1106–1142)		
Уррака из Леона и Кастилии (1109–1126 как вассал)		Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)	
		Пьер Абеляр становится учителем в Нотр-Дам (1114)	
Тулузский совет (1118)	Ибн Тумант (1118–1130)	Работы Абеляра сжигают в Суассоне (1121)	Каликст II (1119–1124)
Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1126–1134 как вассальный правитель)			Гонорий II (1124–1130)
	Аль-Мумин (1130–1163)		Иннокентий II (1130–1143)
Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1134–1157) Рамиро II Арагонский (1134–1157) Гарсия Рамирес из Наварры (1134–1150)		«Theologia Scholarium» Абеляра (1135)	
Битва при Орике (1139)		Людовик VII (1137–1180)	
Герард Кремонский приезжает в Толедо (ок. 1144)		Осуждение Абеляра (1141) Петр Ломбардский преподает в школе Нотр-Дам (1145)	Евгений III (1145–1153)

«Превосходная работа», — писал современник Петра, Альберик из Труа-Фонтен; «разумное учение, восхваляемое всеми», — отметил историк Гильом Тирский, учившийся с Петром в течение шести лет. «Сентенции» были первой крупной попыткой западного богослова собрать все христианские учения в одно логическое целое. Сравнивая церковные тексты и высказывания Отцов Церкви, применяя логику и диалектику для согласования противоречивых утверждений, Петр Ломбардский создал богословские дисциплины: христологию, сотериологию, еkkлезиологию и эсхатологию*. «Сентенции» обеспечивали не только универсальную схему для организации богословия, но и методологию: как проводить обсуждение, дебаты, систематизацию.

Несомненно, не этого Бернар Клервоский ожидал от своего протеже. «Благочестивые веруют, — писал Бернар в своем осуждении Абеляра. — Они не рассуждают». Но работа Петра Ломбардского породила новое учение систематического богословия. В следующие сто лет «Сентенции» стали классическим текстом для учеников духовных дисциплин, сформировав новое поколение Церкви теми самыми инструментами, которых так опасался Бернар¹⁴.

Глава 8

Новые представители династии Сун

Между 1141 и 1165 годами императоры Сун приспособляются к изгнанию, пока вожди Цзинь пытаются править империей

За двадцать лет после Шаосинского соглашения могущество императора Гао-Цзуна из династии Сун почти не возросло: у него не прибавилось земель, он не вернул себе города, захваченные государством Цзинь, не заключил соглашений с другими странами. Его двор, теперь размещенный в Линьяне, постоянно сталкивался с проблемами**.

Первой из них стало то, что старший брат императора Сун Цинь-Цзун, попавший в плен в 1127 году и отправленный на север, все

* То есть учения о Христе, о спасении, о Церкви и о конце света. (Прим. авт.)

** В 1276 году, после вторжения монголов, Линьян был переименован в Ханчжоу; во многих более поздних источниках это имя используют и для периода Южной Сун. (Прим. авт.)

еще был жив и находился в руках Цзинь. Его существование означало, что власть Сун Гао-Цзуна могла быть в любой момент оспорена; Цзинь могли использовать Цинь-Цзуна как свой козырь, отправив его домой наносила смертельный удар вертикали власти Сун.

В итоге двор разделился во мнениях по поводу того, как действовать дальше. Многие из советников Сун Гао-Цзуна настаивали на полномасштабном нападении на север; другие рекомендовали мир и благоразумие. Но большинство просто критиковало действия императоров Сун, предшественников Гао-Цзуна, до потери Кайфына.

Сун Гао-Цзун нашел выход из этой сложной ситуации, поставив одну цель превыше остальных: безопасность и стабильность императорского двора. Он отказался провоцировать Цзинь. Он был консервативным, склонным к мирным решениям и осторожным, благодаря чему дожил до восьмидесяти лет — что было редкостью для императоров. Его политика изменила Сун. Новый мир Южной Сун был миром, где граждане не сражались, но занимались философией; писали картины и сочиняли стихи вместо интриг; торговали, а не вели войны; обращали внимание на события внутри страны, а не смотрели на окружающий мир. Южная Сун процветала без внешних побед¹.

Концентрация на внутренних делах создала экономический подъем Сун. В сельской местности выросли рынки и ярмарки. В активный оборот вошли бумажные деньги, впервые появившиеся столетием ранее. В городах на юге производилась особая гладкая ткань — атлас; ее название (*satın*), вошедшее в языки Европы, в действительности является искаженной французской формой слова *zaituni*, которым торговцы из Багдада называли Цюаньчжоу, город Южной Сун, где эту ткань производили.

Земледелие теперь развивалось более систематично, так как мыслители Сун обратили внимание на способы увеличения урожая. «Трактат о сельском хозяйстве» Чэнь Фу, законченный около 1149 года, излагал весьма эффективные правила использования земли, ротации культур и систематического удобрения. Император Гао-Цзун восстановил печи для обжига прекрасного фарфора-селадона Сун на окраинах Линьяна; они заменили утраченные императорские печи в Кайфыне².

Изобразительное искусство и поэзия при дворе Гао-Цзуна процветали — в частности, благодаря тому, что в 1144 году Гао-Цзун запретил написание частных, не спонсируемых государством исторических сочинений о прошлом, с целью устранить критику

того, как династия Сун не справилась с вторжением Цзинь. Но этот запрет остановил только критику в прозе. Живопись и поэзия вскоре стали самым безопасным и четким способом выражения инакомыслия³. Поэт Лу Ю писал, надеясь увидеть, как войска Сун вторгнутся на север и отвоюют его:

*Добрый меч под подушкой затворника
Слабо звенит всю ночь.
Он жаждет служить в дальних походах,
Я достаю вино и совершаю возлияние мечу:
Великое сокровище должно оставаться в тайне;
Есть те, кто знает, чего ты стоишь,
Когда время придет, они используют тебя.
В твоих ножнах скрыты большие возможности,
Зачем ты жалуешься?⁴*

Рисовать пейзажи было безопасно. Поэтому цветущие сливы, некогда бывшие символом весны и новых надежд, стали символизировать изгнание на Юг, неудачу и меланхолию изгнанных. Философы справлялись с потерей Севера по-другому; вместо протестов они искали примирения со сложившейся действительностью. Традиционное конфуцианство направляло последователей к добродетели путем упорядоченного выполнения обязанностей и ритуалов: «Характер устанавливается по правилам приличий», — как утверждает, говорил сам Конфуций. Конфуцианские академии учили правилам порядка, обязанностям каждого человека в его положении, важности формальных церемоний. Они давно использовались для подготовки и обучения государственных должностных лиц и в качестве инструмента для управления государством. Конфуцианство никогда не продвигалось далеко в решении более абстрактных идей*.

Теперь же философ Чжу Си начал превращать конфуцианство из инструмента бессильного государства в философию для каждого человека. Он привнес в конфуцианство рассмотрение высшей реальности; он говорил о взаимосвязи между сущностью материальных вещей (*ли*) и их физическим существованием (*ци*). *Ли* сама по себе не обладает формой, к которой можно прикоснуться; только *ци* придает форму *ли* — но в то же время скрывает ее. Сущность, *ли*, каждого человека по существу добрая; это добро просвечивает, когда *ци* рафинирована, очищена и доведена до прозрачного со-

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 68.

стояния. И эта очистка достигается не верной службой правительству, но личным созерцанием и индивидуальным обучением: по словам Чжу Си, «тихим заседанием» и «стремлением к исследованию и обучению»⁵.

«Начни с открытого разума, — сказал мудрец ученику, пытавшемуся найти истину, — затем прочитай одну теорию. Прочитай об одной точке зрения до того, как читать о другой. После того как ты прочитаешь их вновь и вновь, станет очевидным: что правильно, а что неправильно, что полезно и что бесполезно».

Далеко на западе Пьер Абеляр утверждал то же самое в отношении диалектических изысканий. Как писал он в «Сравнениях», *«ни одна теория не является настолько лживой, чтобы не содержать какой-нибудь элемент истины; ни один диспут не является настолько тривиальным, чтобы не содержать что-либо, достойное изучения»*.

Утверждения Абеляра основаны на изучении Аристотеля и порождены интеллектуальным трудом; учению Чжу Си положили начало политические факторы. Неоконфуцианство было адаптацией государственной религии к тому времени, когда государство застыло на месте; и оно распространилось по Южной Сун, став, возможно, доминирующим способом понимания мира для граждан Сун⁶.

Тем временем Цзинь также приспосабливались к своему новому состоянию. Племенной образ жизни чжурчженей, лучше всего подходивший воинам-кочевникам, был совершенно бесполезным для управления большим и сложным государством, заполненным завоеванными народами и древними городами. Чтобы уберечь свою новую империю от распада, правители Цзинь вынуждены были становиться все более похожими на поверженного ими врага на юге.

В 1149 году один из внуков Агуды устроил дворцовый переворот против правившего императора Цзинь — непопулярного пьяницы, параноика и развратника — и сам захватил престол. Летописи Цзинь отказываются давать ему императорское имя; он остался известен как принц Хайлин.

Хайлин был любителем культуры Сун: он изучал лирические поэмы, известные как *цы*, и сам был вдохновленным поэтом, любителем чая и игроком в шахматы. Как только власть оказалась в его руках, он отказался от почетных титулов, которыми владели главы кланов чжурчженей, и начал десятилетний процесс перемещения своей столицы из дальнего северного города Шанцзин, распо-

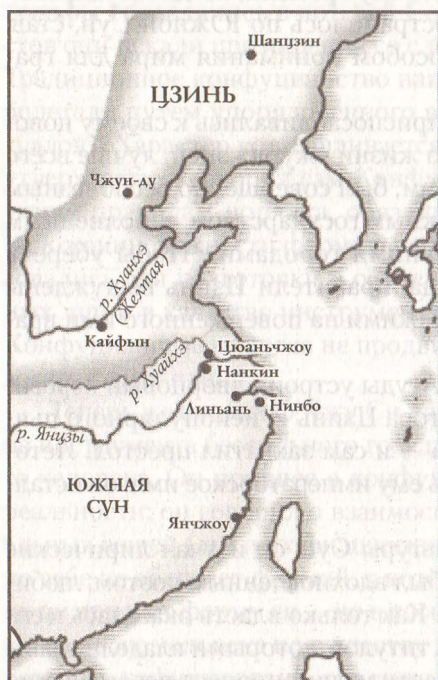
женного на родовой территории Цзинь, ближе к колыбели Древнего Китая — в старинный город Яньцзин, который он переименовал в Чжун-ду, «Центральную столицу». Завершив перемещение, принц, приказав стереть с лица земли старую племенную штаб-квартиру чжурчжэней в Шанцзине, а вместе с нею и прошлое⁷.

Однако нововведений в правительстве Цзинь по образу Сун принцу было недостаточно; он хотел не только походить на Сун, но и владеть им. К 1159 году, когда переезд в Чжун-ду почти завершился, он начал готовиться к крупному вторжению: собрал почти полмиллиона лошадей, завербовал в свое новое войско китайцев и чжурчжэней, сосредоточил флотилию барок для использования на Янцзы. Всех, кто критиковал его планы или ставил под сомнение разумность вторжения, казнили⁸.

Вторжение началось в сентябре 1161 года, но война сразу же пошла не так, как планировал Хайлин. Собранная с миру по нитке флотилия не смогла справиться с военным флотом Сун, состоявшим из небольших быстрых парусников — и крупных (до 110 м в длину), окованных железом галер с гребными колесами, которые

вращали сотни моряков. Войско Сун повергало противника в ужас, метая в него «громовые бомбы» из пороха и металлических шариков в корпусе из бумаги и бамбука. Попадая в суда Цзинь, они взрывались снопом пламени и осколков⁹.

После особенно неудачного боя на реке Янцзы возле Нанкина, в начале декабря, Хайлин отошел, чтобы подготовить новую кампанию. Но резкие перемены его политики, жестокое подавление инакомыслия и некомпетентность в качестве военачальника восстановили против него армейских командиров. 15 декабря 1161 года собственные генералы принца убили его в ставке. Власть

Карта 8.1. Сун и Цзинь в мире

Хронологическая таблица 8

Западная Франция	Панская область	Сун	Цзинь	Дайьет и Тяма	Кхмер
Пьер Абеляр становится учителем в Нотр-Дам (1114)			Агуда (1115–1123)		Сурьяварман II (1113 – ок.1150)
Работы Абеляра сжигают в Суассоне (1121)	Каликт II (1119–1124)				
	Гонорий II (1124–1130)	Начало Южной Сун Сун Гао-Цзун (1127–1162) Создание флота Сун		Ли Тхан Тонг (1127–1138)	
	Иннокентий II (1130–1143)				
«Theologia Scholarium» Абеляра (1135)					
Людвик VII (1137–1180)					
Осуждение Абеляра (1141)		Шаосинское соглашение (1141)		Джайя Индраварман III (1139–1145)	
Петр Ломбардский преподает в школе Нотр-Дам (1145)	Евгений III (1145–1153)				Возвышение Ангкор-Вата
		Чэнь Фу, «Трактат о сельском хозяйстве» (1149)	Принц Хайлин (1149–1161)		
		Сун Сяо-Цзун (1162–1189)			
		Лонсинское мирное соглашение (1165)			

в государстве Цзинь захватил его двоюродный брат Ши-Цзун, который немедленно начал мирные переговоры с Сун¹⁰.

Но вторжение укрепило милитаристскую фракцию при дворе Сун. Вместо заключения мира Гао-Цзун согласился уступить престол своему приемному сыну, Сяо-Цзуну. Новый правитель, которому было тридцать пять лет, начал подготовку к войне, и в 1163 году войско Сун вторглось на территорию противника. Однако новый правитель Цзинь отправил против него армию в сто тысяч человек, и солдаты Сун были вынуждены немедленно отступить.

Даже желающему войны было совершенно очевидно, что ни одна из империй не сможет одолеть другую. В 1165 года два императора подписали мирное соглашение в Лонсине, согласившись провести границу между государствами по реке Хуанхэ¹¹.

Неспокойное перемирие продолжалось в течение десятилетий; но чувство неудовлетворенности сохранялось у обеих сторон. Уже на смертном одре Лу Ю писал своему сыну:

«Будучи при смерти, я достаточно хорошо знаю, что все вещи оканчиваются пустотой. Но все же я печалюсь, что так и не увидел, как Девять провинций стали одной. В день, когда армии императора отправятся на север, чтобы захватить землю, не забудь дать знать об этом своему отцу на семейном жертвоприношении»¹².

Глава 9

Смута в годы Хэйдзи

Между 1142 и 1159 годами императоры Японии сражаются с кланом Фудзивара за власть, к борьбе присоединяются Таира и Минамото

В 1142 году императором Японии стал трехлетний мальчик. Его звали Коноэ, и никто не ожидал, что он действительно будет *править*; два предыдущих императора уже сражались за эту привилегию. В действительности Япония страдала от ничтожества императоров.

* * *

К концу XI века на высших позициях японского правительства прочно обосновались члены амбициозного и могущественного клана Фудзивара. Поколение за поколением имперские принцы же-

нились на невестах клана Фудзивара. Государственные министры Фудзивара, обычно близкие родственники правившей императрицы, подчиняли себе слабых или молодых правителей. Императоры один за другим получали корону — и уходили за кулисы, предаваться роскошной жизни, заниматься поэзией, политическими церемониями и ритуалами*.

В 1068 году Го-Сандзе, младший сводный брат тогдашнего императора, был неожиданно коронован после безвременной смерти старшего брата; он нарушил устоявшийся порядок.

В отличие от череды императоров до него, у Го-Сандзе не было матери из клана Фудзивара. Неприязнь к министрам Фудзивара копилась в течение многих десятилетий: они правили Японией, как будто вся страна была их собственностью, служащей для их удовольствия. Как объясняется в «Гукансе», японском историческом трактате XIII века,

«Правление императора Го-Сандзе пришлось на время резкого поворота в последний век... [Он] начал думать и чувствовать, что люди больше не будут жить в мире... если регенты и канцлеры продолжают править государством и если императоры будут заботиться только об изысканных вещах»¹.

Клан Фудзивара не был единственной угрозой для мира в Японии. За прошедшее столетие благородные семьи по всему центральному острову Хонсю наращивали собственное могущество. Клан Минамото на северо-востоке и клан Тайра на юго-западе собирали личные армии, отдавая земли солдатам в обмен на военную службу. Такие воины, связанные узами верности со своим землевладельцем, назывались самураями**.

* В 884 году чиновник Мотоцунэ из рода Фудзивара изобрел для себя должность *кампаку*, или «гражданского диктатора». *Кампаку* обладал такой же властью над взрослым императором, как регент (*сэссе*) — над ребенком-правителем. К XII веку титулы *сэссе* и *кампаку* стали взаимозаменяемыми, но наивысшую должность в правительстве — с властью над самим престолом — практически всегда занимал чиновник из клана Фудзивара. См., например, Ivan Morris, *The World of the Shining Prince: Court Life in Ancient Japan* (Alfred A. Knopf, 1964), pp. 48ff. («Мир Сияющего князя: придворная жизнь в Древней Японии»). (Прим. авт.)

** Стивен Тернбулл предлагает полезное определение: «Реальное определение самурая значительно изменилось с течением времени, поэтому читателю рекомендуется изначально рассматривать самураев как воинов высокого ранга на службе у хозяина. Удачной аналогией будет расценивать самураев как японских рыцарей». См. Stephen Turnbull, *The Samurai: A Military History* (1977), pp. ix и далее. (Прим. авт.)

К моменту коронации Го-Сандзе дружины самураев на местах стали достаточно сильны, чтобы противостоять любому войску, которое могло быть собрано по указу императора. Но имелась еще одна военная сила, способная присоединиться к схватке в любой момент. С X века богатые буддистские монастыри в городах Киото и Нара страдали от нападений местных военачальников, желавших пополнить свои карманы. В ответ монастыри начали рекрутировать монахов из бывших солдат-наемников или осужденных преступников. Такие монахи-воины, или *сохэи*, вступали на путь монастырской жизни только из-за того, что умели владеть оружием².

Осознавая, как много в стране вооруженных людей, император Го-Сандзе был вынужден осуществлять свои реформы осторожно. Он начал с создания нового правительственного учреждения под названием Управление отчетов, где все землевладельцы должны были зарегистрировать документы, доказывающие их право на владение землей. Это должно было помешать клану Фудзивара использовать общественные земли для найма себе самураев. (В «Гукансе» отмечается, что «вся страна» стала казаться поместьем канцлера Фудзивара.) Он начал раздавать высокие должности при дворе людям из клана Минамото. Также он сделал все, что было в его силах, для организации линии преемственности, которая предоставляла бы престол сыновьям, чьи матери происходили не из клана Фудзивара.

Сама императрица, мать старшего сына Го-Сандзе, имперского принца Сиракавы, тоже принадлежала к клану Фудзивара, но происходила из незначительного ответвления этой семьи. Зато младшей женой и матерью второго сына императора была одна из дочерей Минамото³.

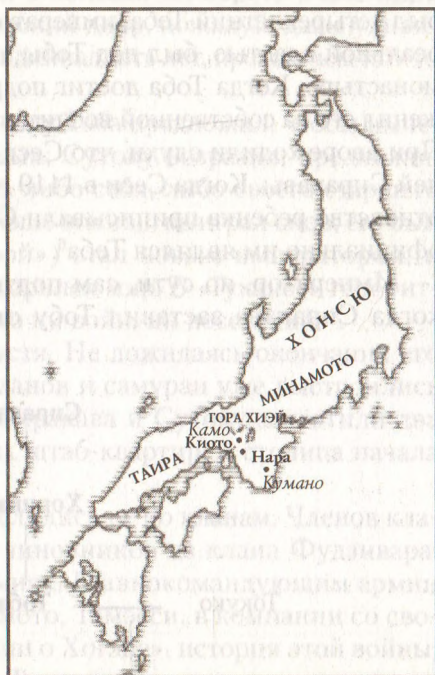
Го-Сандзе оставался у власти всего четыре года, после чего в возрасте 39 лет отрекся от престола. Однако он не собирался отрекаться от власти. Он женил старшего сына Сиракаву на невесте из клана Минамото, организовал его коронацию в возрасте двадцати одного года и впоследствии добился назначения своего второго сына, не имевшего родства с кланом Фудзивара, имперским принцем и наследником. После этого он оставался за кулисами, давая советы сыновьям и отвергая все попытки канцлера Фудзивара взять их под контроль*.

* Младший брат Сиракавы умер до того, как смог занять престол, и наследником стал сын Сиракавы; он занял престол в 1087 году как император Хорикава. Но, поскольку Хорикава был сыном женщины из рода Минамото, намерение Го-Сандзе осуществилось. Хорикава умер в 1107 году в возрасте

Ему удалось заниматься этим только в течение нескольких месяцев — смерть неожиданно настигла Го-Сандзе еще до его сорокового дня рождения. Но введенные им перемены в структуре японской власти сохранились. Сиракава последовал по стопам отца, отказываясь повиноваться своему канцлеру и благоволя придворным из кланов Минамото и Тайра чаще, чем клану Фудзивара. Как и его отец, он отрекся от престола на пике своей власти, в возрасте 33 лет, приняв монашеский обет. Но он продолжал активно править из монастыря, так же пристально контролируя своих преемников — сначала сына Хорикаву, а потом внука Тобу — как это делали раньше регенты из клана Фудзивара. По словам его подданных, покинувший престол император не мог контролировать только три вещи: наводнения на реке Камо, приносящих неприятности воинственных монахов, живших на горе Хиэй, и бросок игральной кости⁴.

Это положило начало двухсотлетней традиции императоров-затворников, согласно которой императоры отрекались от престола на пике своей власти, оставляя престол детям-наследникам, но продолжали править из-за кулис. Все знали, кому принадлежала власть: как утверждается в «Гакусе», «после отречения от престола Сиракавы государством долгое время правили ушедшие с престола императоры»⁵.

Эта система не была столь уж непрактичной. Режим императоров-затворников четко отделял отнимающие много времени ритуальные обязанности (важные в плане церемоний, но политически бессмысленные) от

Карта 9.1. Япония под властью императоров-затворников

28 лет — до того, как смог отречься от престола в пользу младшего сына, Тобы; поэтому когда Тоба был коронован, Сиракава продолжил служить как император-затворник. (Прим. авт.)

отнимавших не меньше времени обязанностей фактического правления. Монарх на престоле занимался ритуалами; правитель в монастыре — руководил государством.

Этот режим также сохранял видимость сотрудничества между якобы императором и его советником из клана Фудзивара — в то время как настоящая борьба за власть между правителем и кланом Фудзивара продолжалась, если так можно выразиться, в частном порядке.

Но система императоров-затворников также неизбежно усилила соперничество за власть в самой имперской семье.

* * *

Когда в 1142 году был коронован трехлетний император Коноэ, его владения раздирала нарастающая вражда. Эта вражда распространилась на три поколения. В 1107 году императором Японии был четырехлетний Тоба; императором-затворником, обладавшим реальной властью, был дед Тобы, долгожитель Сиракава в своем монастыре. Когда Тоба достиг подросткового возраста, Сиракава женил его на собственной воспитаннице — прекрасной юной Сеси. При дворе ходили слухи, что Сеси была больше чем воспитанницей Сиракавы. Когда Сеси в 1119 году родила сына и наследника, отцовство ребенка приписывали Сиракаве — несмотря на то, что официально им являлся Тоба⁶.

Император, по сути, сам подтвердил эти слухи в 1123 году, когда Сиракава заставил Тобу отречься от престола в пользу

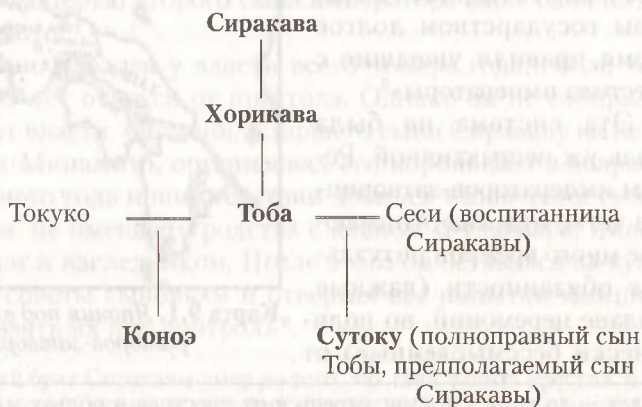

Иллюстрация 9.1. Генеалогическое древо Коноэ и Сутоку

четырёхлетнего мальчика, ставшего императором Сутоку. Это перевело Тобу, которому было всего двадцать три года, на позицию, совершенно лишённую власти: он стал императором-затворником, но был моложе своего энергичного деда и стоял ниже своего коронованного сына. Тоба погрузился в бессильную обиду, пока Сиракава наконец не умер в 1129 году.

Получив настоящую власть императора-затворника, Тоба позволил своему якобы сыну оставаться на престоле. Но в 1139 году любимая жена Тобы, Токуко, наконец, родила сына — Коноэ, действительно бывшего его плотью и кровью. Три года спустя Тоба заставил Сутоку отречься от престола в пользу Коноэ — так же, как он сам был вынужден отречься в пользу Сутоку двадцать лет назад.

Это поместило Сутоку точно на ту же позицию, которую занимал Тоба все эти годы: он стал младшим императором-затворником, бессильным и обиженным. Учитывая ненависть и амбиции, которыми был полон императорский двор, пожалуй, даже удивительно, что Коноэ продержался одиннадцать лет, прежде чем кто-то подмешал яд в его еду.

После смерти Коноэ в 1155 году Тоба предложил, чтобы императором стал его следующий сын; Сутоку возразил, предложив в качестве логичного кандидата либо себя, либо своего старшего сына. Тоба, у которого было больше воинов, выиграл спор; его сын Го-Сиракава («Сиракава Второй») стал новым императором, и в правящем доме ненадолго воцарился мир. В «Гукансе» говорится: «Пока Тоба был жив, не было ни войн, ни восстаний»⁷.

Но Тоба умер всего год спустя. Не дожидаясь окончания его похорон, придворные, главы кланов и самураи уже выстроились на братскими-соперниками, Го-Сиракава и Сутоку захватили два разных дворца в качестве своих штаб-квартир, и столица начала готовиться к войне.

Враждующие стороны разделились не по кланам. Членов кланов Тайра и Минамото, как и чиновников из клана Фудзивара, можно было найти в обеих армиях. Главнокомандующим армии Сутоку был глава клана Минамото, Тамэеси, в компании со своим сыном Тамэтомо. В «Сказании о Хогэне», истории этой войны, написанной в начале XIV века, Тамэтомо описывается как супергерой ростом более семи футов: *«Прирожденный лучник, крылья его лука были длиннее, чем руки, которыми он держал поводья своего коня... [и он использовал] лук, в котором было восемь с половиной футов длины»*. Однако умения Тамэтомо компенсировались присутствием на другой стороне конфликта его брата

Хронологическая таблица 9

Западная Франция	Папская область	Сун	Цзинь	Дайвьет	Япония
					Го-Сантзе (1068–1073)
				Битва при Батъданге (1076)	Сиракава (1073–1087)
		Ли Циньжао (1184–1151)			Хорикава (1087–1107)
Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)					Тоба (1107–1123)
Пьер Абеляр становится учителем в школе Нотр-Дам (1114)			Агуда (1115–1123)		
Сожжение работ Абеляра (1121)	Каликт II (1119–1124)				
	Гонорий II (1124–1130)				Сутоку (1123–1142)
	Иннокентий II (1130–1143)	Начало Южной Сун Сун Гао-Цзун (1127–1162) Создание флота Сун		Ли Тхан Тонг (1127–1138)	

Западная Франция	Папская область	Сун	Цзинь	Дайвьет	Япония
«Theologia Scholarium» Абеляра (1135)					
Людвик VII (1137)					
Осуждение Абеляра (1141)		Шаосинское соглашение (1141)			Коноэ (1142–1155)
Петр Ломбардский обучает в школе Нотр-Дам (1145)	Евгений III (1145–1153)		Принц Хайлин (1149–1161)		
		«Земледельческий Трактат» Чэнь Фу (1149)			Го-Сиракава (1155–1158)
					Смута годов Хогэн (1156)
					Нидзе (1158–1165)
		Сун Сяо-Цзун (1162–1189)			Смута годов Хайдзи (1159)
		Лоньсинское мирное соглашение (1165)			

Ёситомо — он стал одним из первых придворных, объявивших о своей поддержке Го-Сиракавы. Ёситомо предоставил в распоряжение императора отряд из четырехсот собственноручно отобранных самураев⁸.

В итоге обе стороны сошлись в битве ночью 29 июля 1156 года: это короткое и жестокое столкновение впоследствии было названо «смутой в годы Хогэн»*. Тамэтомо сразил многих вражеских воинов, но у его брата Ёситомо родилась блестящая идея — отправить диверсанта, чтобы поджечь штаб Сутоку. Когда люди императора-затворника стали разбегаться от огня, лучники Го-Сиракавы убивали их одного за другим. В «Сказании о Хогэне» говорится: *«Те, кто убоился стрел и бежал в ужасе от огня, во множестве пытались укрыться даже в колодцах. Но оказавшиеся внизу вскоре захлебнулись; тех, кто попал в середину, давили их товарищи, а верхние гибли от огня»*.

Силы Сутоку были разбиты, а сам император-затворник оказался пленен и отправлен в изгнание. Ёситомо казнил собственного отца — это было хладнокровное и жестокое решение, которое, как сказано в «Гукансе», вызвало «определенное волнение в стране». Тамэтомо оставили в живых — но подрезали ему сухожилия на руках, чтобы он больше не мог держать лук⁹.

Минамото Ёситомо считал себя творцом победы Го-Сиракавы — но когда в государстве возобновился нормальный ход дел, член клана Тайра по имени Киемори (который перешел на сторону императора *после* Ёситомо) смог занять более выгодную позицию при дворе и добиться расположения императора. Вскоре Ёситомо и Киемори стали соперниками; вражду между ними раздувал член клана Фудзивара по имени Нобуэри, тоже считавший, что император его недооценивал. В «Гукансе» объясняется: *«Заметив соперничество между Минамото Ёситомо и Тайра Киемори и предположив, что победитель в войне между ними захватит контроль над государством, он стал союзником Минамото Ёситомо... и немедленно начал планировать мятеж»*¹⁰.

Неизбежное столкновение — смута в годы Хэйдзи — случилось в 1159 году.

* Смута в годы Хогэн и смута в годы Хэйдзи, происшедшая через три года, получили название по эрам правления. В Японии приход новой эпохи, как правило, объявлялся в связи с коронацией нового императора: эпоха Хогэн началась с коронацией Го-Сиракавы; эпоха Хэйдзи — с императора Нидзе. Но имя новой эпохе также могли дать катастрофа, триумф или новое открытие. (Прим. авт.)

Го-Сиракава только недавно отрекся от престола в пользу своего сына-подростка, ставшего императором Нидзе. Ёситомо и Нобуэри подождали, пока их соперник, Тайра Кiemори, покинул столицу, Киото, ради паломничества к Кумано, священному месту почти в 175 милях от Киото по горной дороге. Когда Кiemори отъехал достаточно далеко, пятьсот самураев Минамото окружили дворец императора-затворника Го-Сиракавы, взяли его в плен и сожгли дворец. Другая группа воинов Минамото похитила юного императора.

Мятежники хотели заставить обоих правителей провозгласить отсутствовавшего Тайру Кiemори врагом государства — таким образом ввергнув в опалу весь клан Тайра. Но Кiemори, узнав о заговоре, вернулся в Киото во главе войска из тысячи наспех собранных самураев, лояльных клану Тайра. Войско Минамото Ёситомо и Фудзивары Нобуэри было разгромлено, молодой император Нидзе спасен, а императоры-затворники освобождены из плена.

Нобуэри попал в плен; Кiemори приказал отвести его к берегу близлежащей реки и там обезглавить. Ёситомо смог скрыться с поля боя и босиком бежал на юг со своим верным слугой Масакие. Но когда стало ясно, что ареста и казни не избежать, он попросил слугу обезглавить его. Масакие неохотно повиновался, после чего покончил с собой. Когда преследователи нашли их тела, они достали голову Ёситомо в Киото и повесили ее на дереве рядом с имперской тюрьмой¹¹.

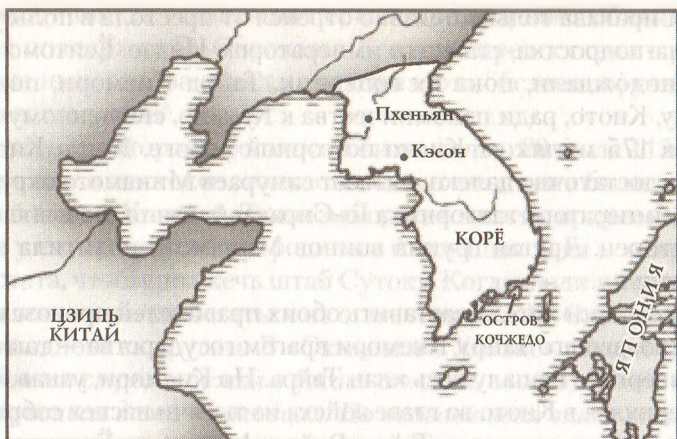
После смуты годов Хэйдзи Тайра Кiemори казнил или изгнал почти всех влиятельных членов обеих враждующих группировок. В течение двадцати лет власть Фудзивара рухнула. Теперь клан Тайра начал расцветать; но императоры-затворники все еще контролировали политику, и другие кланы ждали своей возможности возвыситься.

Глава 10

Гибель армии

Между 1146 и 1197 годами на Корейском полуострове король презирает армию, армия свергает короля и как армия, так и король подчиняются частной власти

На полуострове к востоку от Китая и к западу от Японии один король правил единым народом. В течение почти двух веков

Карта 10.1. *Коре*

Коре была объединена под властью одной династии. Ее народ говорил на одном и том же языке, молился в одних и тех же буддистских храмах, подчинялся одним и тем же законам.

Это не означало мирного сосуществования. В первые десятилетия XII века дворец сотрясли два крупных восстания; первое возглавил тесть короля, второе — мятежный монах-буддист, собравший армию сторонников и назвавший ее «Ниспосланным небесами войском верности и праведности». Оба восстания были подавлены правившим монархом, королем Инджоном — но они возникли из глубокого недовольства, на которое Инджон не обращал внимания¹.

Хоть Коре и была объединена, внутри нее оставалось много поводов для разногласий. Старые семьи, возвысившиеся еще до объединения, устраивали браки только между собой, самостоятельно правили своими поместьями, они же занимали большинство постов в гражданском правительстве. Как утверждал поэт XII века И Кю-бо, аристократа всегда можно было узнать по «официальной табличке, прикрепленной к его поясу»².

С другой стороны, военные играли все меньшую роль. Армия верно служила трону, подавляя восстания; регулярное войско было необходимо для защиты северной границы от кочевников. Но аристократия не желала давать военным больше власти. Чиновники Инджона даже решили устроить экзамены для офицеров, желающих занять важные гражданские должности. У командиров

больше не было возможности подняться в звании и обзавестись властью при дворе³.

Армия стала не единственной жертвой амбиций аристократии. С начала столетия распространение больших частных поместий, расширенных благодаря королевским дарам и конфискации земель бедняков, оставляло без имущества все больше крестьян; слишком многие из них бросали земледелие и становились разбойниками⁴.

После смерти Инджона в 1146 году был коронован его старший сын, Ыйджон — восемнадцатый король в династии, унаследовавший все проблемы предшественника. Для управления раздираемой противоречиями страной требовалось наличие такта и мудрости, но Ыйджон этими качествами не обладал. Его отец и мать открыто отдавали предпочтение второму сыну, младшему брату Ыйджона, Кену; они считали Ыйджона бездельником, неспособным править. Похоже, их низкое мнение о сыне разделяли и современные ему историки. Как утверждается в одной из хроник, Ыйджона больше интересовало разведение роскошных садов и сочинение стихов, а не управление государством. Он «весело проводил время с приближенными, обмениваясь поэмами и забывая о часах», — утверждается в летописи *«Кореса»*. В другой летописи говорится, что он «каждый день напивался с посетителями дворца и наслаждался собой»⁵.

Ыйджону было всего девятнадцать лет, когда он занял престол, и он знал, насколько его семья его недолюбливала. В 1151 году, через шесть лет после восхождения на престол, он ухватился за обосновательные придворные слухи о том, что его младший брат Кен планирует предательство, и использовал их в качестве повода для того, чтобы отобрать у Кена все титулы и убрать его ближайших друзей с официальных должностей. Но Кен остался на свободе и популярен при дворе, особенно в семье своей матери, поэтому Ыйджон боялся предательства. Еще шесть лет спустя, все еще обеспокоенный статусом младшего брата, Ыйджон окончательно изгнал Кена и его сторонников из столицы, Кэсона⁶.

После этого Кен и его сторонники исчезли из летописей. Но их действия, незаметные, как тени призраков в зеркалах, можно увидеть в событиях следующих десятилетий.

Неуважение к военным и презрение к солдатам в Коре нарастали. Ыйджон, демонстрируя себя как человека культурного и мирного, поощрял это пренебрежение. Он возводил буддистские храмы, давая им имена «Спокойствие» или «Радостное наслажде-

ние», обустроивал пруды с лилиями, путешествовал по красивым местам и раздавал милостыню беднякам.

Тем временем солдат заставляли копать каналы и строить стены для общественных зданий, а офицеров — служить в качестве церемониальных телохранителей при гражданских чиновниках. Жалование военных неожиданно пропадало, обещанные им земельные участки внезапно отдавались кому-либо другому. В походах солдатам приходилось страдать от голода и холода, пока сопровождаемых ими гражданских лиц кормили досыта⁷.

В 1167 году на королевском пиру молодой человек по имени Ким Тончун (сын королевского историка Ким Бусика, автора официальной летописи «Самгук Саги»), подражая своему государю, вздумал подшутить над начальником генерального штаба*, Чоном Чжунбу. Чон был профессиональным солдатом, ему было 60 с лишним лет, и он имел рост около двух метров. Ким Тончун, будучи пьяным, поджег свечой длинную седую бороду генерала. Чон Чжунбу был взбешен — но короля это лишь развеселило, на что, видимо, Ким и рассчитывал⁸.

Между тем Чон Чжунбу по линии жены состоял в родстве с двумя изгнанными друзьями принца Кена; вдобавок двое его молодых офицеров, Ли Го и Ли Ыйбан, происходили из того же клана, что и другой изгнанник. Шумный обед в 1167 году послужил катализатором недовольства, уже давно подспудно зреющего в элите страны. Теперь оно начало конденсироваться вокруг этих трех фигур.

Три года спустя произошел взрыв.

Гражданские и военные чиновники собрались на официальную церемонию, во время которой пропасть между ними стала очевидна. Один из офицеров Чона Чжунбу пожаловался ему: «Теперь гражданские чиновники надменны, пьяны и сыты, но военные голодны и обеспокоены. Как долго мы можем это терпеть?» Чон Чжунбу, все еще переживая оскорбление Ким Тончуна, согласился с офицером. «*Кореса*» заключает: «И так они начали планировать переворот»⁹.

Возможность подоспела быстро. На следующий день король организовал соревнование по кулачному бою, обещая победителю щедрые призы. Во время одного из поединков гражданский чиновник по имени Хон Ро начал дразнить проигрывавшего офицера и наконец свалил его на землю, чтобы продемонстрировать его слабость. «Король и его чиновники аплодировали и весело смеялись», — объясняется в «*Кореса*».

* Так у автора. (Прим. ред.)

Этот поединок стал искрой в большой бочке с порохом. На рассвете того же дня Чон Чжунбу во главе других заговорщиков ворвался в дворцовые ворота. Удивленные стражники не смогли ничего противопоставить мятежникам, которые ринулись во дворец, крича «Смерть всем, кто носит чиновничий головной убор!». Они убивали всех гражданских чиновников, что им попадались*. Хон Ро спрятался под королевской кроватью — но его вытащили и закололи насмерть вне покоев короля. Ким Тончун тоже погиб во время кровопролития¹⁰.

Когда все закончилось, целый слой правительства Коре был истреблен: «Их тела сложили в кучу размером с гору», говорится в «*Кореса*». Ёйджону сохранили жизнь — но заставили официально передать всю власть Чону Чжунбу и его офицерам. Король был отправлен в ссылку на изолированный остров Кочжедо, расположенный недалеко от южного побережья. Заговорщики короновали его младшего брата, Менджона. Почти сорокалетний, слабый и уступчивый Менджон просидел на троне Коре двадцать семь лет, не обладая никакой властью¹¹.

Не уважая солдат, отталкивая и унижая их, Коре попала под власть военных, которая продержалась почти сто лет**.

* Российский кореевед С. О. Курбанов так описывает эти события: «В 8-й месяц 1170 г. в то время, когда государь Ёйчжон вместе со свитой направлялся в загородную резиденцию, Чон Чжунбу, Ли Ёйбан, Ли Го и другие высокопоставленные военные сановники, находившиеся в составе свиты, на почве инцидента, разгоревшегося между гражданскими и военными, приказали войскам охраны убить гражданских сановников, сопровождавших короля». Другой источник утверждает, что заговорщики подделали королевский приказ и распорядились начать избиение на основе этой фальшивки. При этом не только была уничтожена практически вся бюрократическая верхушка, но также разграблены дворцовые сокровища и усадьбы аристократов. (Прим. ред.)

** Автор описывает события, опираясь на хроники, созданные при последующем военном режиме — то есть имевшие целью оправдать военный переворот. В любом государстве существуют недовольные, считающие, что их унижают и ущемляют — даже если эти недовольные принадлежат к элите общества. Военные всегда и везде считают, что на армию отпускается слишком мало средств; в мирное же время роль армии в обществе естественным образом снижается. Приведенный пример с генералом Чоном вполне может быть легендой, сочиненной официальными историками для оправдания действий генерала. Заметим, что описания правления Ёйджона, приведенные и выше, и ниже, вызывают лишь симпатию — страна жила в мире, ремесла и искусства в ней процветали, налоги снижались, у государства были средства на раздачу милостыни беднякам. Здесь автор демонстрирует нам, как легко даже непредвзятый историк поддается влиянию ангажированных источников информации — и начинает сочувствовать одной из сторон, подыскивая эмоциональные оправдания ее явно аморальным действиям. (Прим. ред.)

Эти годы не были мирными. Во-первых, у генерала Чона Чжунбу имелись соперники. Его младшие союзники, Ли Го и Ли Ыйбан, помогли ему создать новый орган управления государством — Чунбан, совет военачальников, перенявший функции прежнего Государственного совета. И Ли Го, и Ли Ыйбан, да и каждый офицер, вошедший в этот совет, хотели своей толики власти.

Кроме того, у изгнанного Ыйджона имелось много сторонников. Он плохо обращался с армией — но был верным последователем буддистских принципов и щедрым строителем храмов; он пытался понизить налоги; он подавал милостыню нищим¹².

В 1173 году офицер по имени Ким Бодан, чьи полки были расквартированы на северо-востоке страны*, смог собрать значительное войско из солдат и гражданских, которые сохранили верность свергнутому королю. У Ким Бодана не было личных связей в Совете, и хотя он имел военные заслуги, его понизили в звании после того, как к власти пришло правительство генерала Чона Чжунбу. Ему было лучше при старом режиме.

Мятеж окончился поражением, Ким Бодан был убит. Но, умирая, он прокричал: «Все гражданские управляющие на моей стороне!» Это обвинение положило начало другой катастрофической череде событий. Тысячи гражданских чиновников, которые уцелели в 1170 году, стали жертвами новой «чистки»; гражданские, ранее симпатизировавшие делу военных, начали восставать против нового режима.

На следующий год бывший гражданский чиновник из северного города Пхеньяна собрал еще большую армию и вновь попытался свергнуть власть Чон Чжунбу и его капитанов. Это восстание тоже провалилось, но война на севере Коре продолжалась более года, пока посланная из столицы армия не захватила в плен его лидера и не рассеяла войско повстанцев. К тому времени Ыйджона уже не было в живых: один из людей Ли Ыйбана убил его в тюрьме на Кочжедо¹³.

В совете Чунбан также шли склоки, началась пятнадцатилетняя череда убийств. Двое старших командиров поссорились друг с другом, и в 1174 году Ли Ыйбан убил своего соперника, Ли Го. Став первым советником генерала, он организовал брак своей дочери с наследником престола, сыном короля Менджона. Почувствовав в этом угрозу своим амбициям, генерал Чжунбу приказал

* Согласно О. Курбанову, Ким Бодан был губернатором Северо-Восточной провинции. (*Прим. ред.*)

убить Ли Ыйбана. В течение пяти лет после этого он единолично контролировал Совет, но железная рука генерала вскоре стала слишком тяжелой, и 1179 году младший офицер убил его самого*.

Хаос в стране царил до 1196 года, когда два брата из клана Чхве — Чхунхон и Чхунсу — убили Ли Ыймина, стоявшего на этот момент во главе Совета, и захватили контроль над Чунбаном.

Старшему из них, Чхунхону, на момент военного переворота едва исполнился 21 год. Теперь ему было 47 лет, он был главой своего клана, ветераном, пережившим четверть века гражданской войны. В отличие от его предшественников, у Чхунхона был долгосрочный план. Он не собирался править с помощью мятежных офицеров — ряд могил за стенами столицы Коре убедил его в бесполезности такой стратегии. Но он не собирался и примерять корону.

Если бы он посадил на престол Коре собственных сыновей, это развеяло бы мистический покров, созданный долговечностью династии Коре; такой ход мог снова воодушевить гражданскую часть общества на сопротивление военной диктатуре. Через год после захвата власти он предложил уже пожилому королю Менджону отречься от престола под предлогом слабого здоровья. Вероятно, Менджон почувствовал лишь облегчение и быстро согласился. Вместо него Чхунхон организовал коронацию его младшего брата, еще более податливого Синджона. В *«Коресе»* говорится, что *«Синджона посадил на трон Чхве Чхунхон, и все вопросы жизни и смерти, решения о принятии или отказе были в руках клана Чхве. Синджон стоял выше своих подданных, но обладал лишь видимостью власти. Увы, он был всего лишь марионеткой»*¹⁴.

Сразу после коронации Синджона младший брат и соправитель Чхунхона, Чхве Чхунсу, решил устроить брак своей дочери с сыном Синджона, теперь ставшим наследником. Старший брат категорически не согласился; считается, что он возразил: «Брат, хотя сейчас наша власть и может сотрясти страну, наш род изначально был скромным. Если мы выдадим твою дочь замуж за наследного принца, не вызовет ли это всеобщее недовольство?» Но Чхве Чхунсу проигнорировал его совет и продолжил свои шаги к организации этого брака. В итоге между братьями возник конфликт, перешедший в войну: их сторонники разделились и начали сражаться на улицах. В ходе этих беспорядков Чхунсу был убит¹⁵.

* Этого офицера звали Кен Дэсын, он правил страной вплоть до 1183 года, пока не «умер от болезней» — то есть, скорее всего, был отравлен. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 10

Сун	Цзинь	Дайвьет	Япония	Коре
			Тоба (1107–1123)	
	Агуда (1115–1123)			
		Ли Тхан Тонг (1127–1138)	Сутоку (1123–1142)	Инджон (1122–1146)
Возникновение Южной Сун Сун Гао-Цзун (1127–1162) Создание флота Сун				
Шаосинское соглашение (1141)			Коноэ (1142–1155)	
				Биджон (1146–1170)
Чань Фу. Трактат о сельском хозяйстве (1149)	Принц Хайлин (1149–1161)			
			Го-Сиракава (1155–1158)	
			Смута в годы Хогэн (1156)	
			Нидзэ (1158–1165)	
Сун Сяо-Цзун (1162–1189)				
Лоньсинское мирное соглашение (1165)				
				Военный переворот Чона Чжунбу (1170) Менджон (1170–1197)
				Мятеж Ким Бодана (1173)
				Убийство Чона Чжунбу (1179)
				Возвышение клана Чхве

Теперь Чхве Чхунхон обладал единоличным контролем над престолом, и его план стал очевидным. Вместо того чтобы стать главой армии или членом королевской семьи, он собирался править как частный гражданин. Его личные телохранители вместе с воинами, поклявшимися ему в верности, стали отдельной и независимой силой в государстве. Поначалу они только охраняли его дом. Со временем эту гвардию дополнили наемники, перебежчики из регулярной армии, к ней присоединялись новые союзники, пока под контролем Чхве Чхунхона не оказалось тридцать шесть отрядов хорошо подготовленных бойцов. В «*Кореса*» сказано, что «все храбрейшие бойцы принадлежали Чхве Чхунхону, [а] воины правительственной армии были тощими, слабыми и бесполезными»¹⁶.

За следующие десятилетия Чхве Чхунхон последовательно переводил все больше функций правительственной власти — включая сбор налогов и наказание преступников — под свой контроль. Но он сохранил престол Коре, традиционные правительственные должности и прежнюю структуру армии, не трогая существующих должностей, военных и гражданских. Совету Чунбан были оставлены его функции по проведению различных гражданских церемоний и важных буддистских ритуалов, он также отвечал за картографию — но больше не принимал какого-либо участия в управлении страной. Мятеж военных закончился уничтожением не только гражданской, но и военной власти¹⁷.

Глава 11

Первый Плантагенет

*Между 1147 и 1154 годами анархии в Англии приходит
конец*

Гражданская война в Англии продолжалась уже восемь лет. Стефан Блуаский оставался на троне. Но Матильда, дочь Генриха I, укрепилась на английской земле и настойчиво добивалась победы. Войска короля контролировали юго-восточные области Англии и столицу Лондон; наемники Матильды распоряжались на юго-западе. Ничейная земля между ними превратилась в пустыню: «Можно было проехать целый день, не встретив обитаемой деревни или возделанного поля», — отмечает «Англо-Саксонская хроника»¹.

В 1147 году Генрих, четырнадцатилетний сын Матильды, прервал свое обучение в Западной Франции (где его наставником был известный философ Гильом Конхезий, автор знаменитого трактата о совмещении греческой натурфилософии с догматами христианства)* и направился в Англию. По пути он набрал небольшой отряд солдат — вероятно, пообещав им долю военной добычи.

Не успел он высадиться в Англии, как поползли слухи: Генрих-де явился с целым войском, а то и с двумя, наверно, это король Франции следует за ним и они вот-вот сметут всех противников. Все это были пустые домыслы. Кучка авантюристов, приведенных Генрихом, проиграла первые несколько стычек с отрядами Стефана, и скоро солдатам стало ясно, что никакой добычи не будет. Они бросили четырнадцатилетнего подростка — одного, загнанного в угол на враждебной территории. Генрих направил отчаянное письмо матери, но она сама сидела без средств. Кончилось тем, что Стефан сам снабдил племянника деньгами и отправил домой².

Страдая от унижения, Генрих вернулся к своим занятиям. Однако вскоре судьба снова бросила его из стен школы в гущу войны. Через четыре года после неудачи в Англии его отец, Жоффруа Плантагенет, умер от лихорадки, и восемнадцатилетний Генрих стал сразу и графом Анжуйским, и герцогом Нормандским. За год его владения удвоились.

Сюзерен Генриха, король Людовик VII из династии Капетингов, незадолго перед тем вернулся из Второго крестового похода. На пути из Иерусалима он задержался в Италии, чтобы посоветоваться с папой: стоит ли ему аннулировать брак с Элеонорой Аквитанской. Но папа не только отказался даже слушать о разводе («запретил впредь упоминать об этом под страхом анафемы», — пишет Иоанн Солсберийский), но и повелел запереть рассорившихся супругов под замком в спальне, где имелась лишь одна кровать, «которую велел украсить бесценным пологом из собственного имущества»³.

Эта уловка удалась — Элеонора забеременела. Увы, ее вторым ребенком тоже оказалась девочка. Неспособность королевы произвести на свет сына заставила Людовика возобновить попытки

* Гильом Конхезий (William of Conches, ок. 1090 — после 1154) — философ, талантливый грамматист и богослов, родом из Нормандии. Обучался свободным искусствам в Шартре; являлся характерным представителем Шартрской школы философии. Стремился расширить рамки христианского гуманизма, изучая наследие Античности и развивая эмпирическую науку. Одним из первых в средневековой Европе использовал переведенные на латынь труды исламских ученых. (*Прим. ред.*)

расторжения этого брака. С помощью прославленного Бернара Клервоского (которому никогда не нравилась Элеонора) король вновь обратился к Риму с прошением о разводе. На этот раз папа уступил: 11 марта 1152 года было выдано разрешение на расторжение брака.

Элеоноре в этот момент было 28 лет; она поручила дочек заботам их отца и сразу же отбыла в свои владения — город Пуатье. Там к ней присоединился молодой граф Анжуйский, и 18 мая, спустя всего два месяца после развода с королем, Элеонора и Генрих обвенчались.

Многие современники-хронисты объясняли этот внезапный союз страстной влюбленностью. Генрих и Элеонора встретились впервые в начале того же года, когда Жоффруа Плантагенет с сыном прибыли ко французскому двору с визитом вежливости. Матильда, мать Генриха, была на десять лет старше Жоффруа, который умер в 39 лет; возможно, именно поэтому разница в возрасте не смутила юного графа. А если учесть, что в их браке за четырнадцать лет родилось восемь детей (тогда как за пятнадцать лет Элеонора подарила Людовику всего двоих), то можно констатировать — супруги явно испытывали влечение друг к другу. К тому же союз принес обоим большие выгоды: Генрих смог присоединить обширную и богатую Аквитанию к своим и без того немалым владениям, а Элеонора обрела в качестве защитника самого могущественного из сеньоров Западной Франции. Соответственно, позиции Людовика были ослаблены, поскольку половина его домена ушла к сопернику*.

* Жоффруа Плантагенет женился на Матильде Английской в 15 лет, он скоропостижно скончался в 1151 году. В течение одиннадцати лет Жоффруа планомерно подчинял себе Нормандию. В 1149 году, после пяти лет правления, Жоффруа и Матильда уступили герцогский престол Нормандии своему старшему сыну Генриху, а в 1150 году Людовик VII официально признал Генриха герцогом Нормандии. Именно этим, а не вежливостью объясняется упомянутый в тексте визит отца и сына к королю — Генрих должен был пригласить Людовика оммаж за Нормандию. Что касается описанного ранее, то до 1144 года Генрих вместе с матерью находился в Англии, где его начал обучать выдающийся английский ученый и путешественник Аделард Батский; лишь потом юный принц вернулся в Нормандию и продолжил образование под руководством Конхезия, при этом перемежая уроки философии с военными опытами. Отряд, с которым Генрих в 1147 году явился в Англию, состоял не из наемников, а из анжуйских и нормандских рыцарей — их снарядил и отправил его отец. После первого поражения Генрих предпринял новую попытку добиться английской короны в 1149 году, о чем автор даже не упоминает. Принц высадился в Северной Англии и связался с влиятельным привержен-

Карта 11.1. Анжу, Нормандия и Англия

Людовик, в равной степени обуреваемый гневом и материальными заботами («Он был весьма разгневан на герцога Генриха», — отмечает Роджер Вендоверский, явно преуменьшая эмоции Людовика), немедленно пошел войной против новоявленного графа Анжуйского. Но Генрих уже не был неопытным четырнадцатилетним мальчишкой 1147 года. Его солдаты отразили атаки королевских войск, а ответные набеги Генриха на территорию королевского домена заставили Людовика предложить перемирие: он признает притязания Генриха на Аквитанию, при условии, что Генрих принесет вассальную присягу французской короне⁴.

Генрих согласился. Он мог не опасаться за свою власть в Западной Франции — его земли в семь раз превосходили домен Людовика; теперь можно было заняться Англией. Матильда, изнуренная десятилетием распри, отступила в Нормандию — но ее сын намеревался продолжить борьбу. В январе 1153 года Генрих вновь высадился на английском берегу, во главе трехтысячного отряда. Почти сразу он отбил у людей Стефана замок Мальмсбери и использовал его как базу для продвижения в глубь страны. К началу августа войска Генриха вышли к Темзе⁵.

Всего через несколько дней, 17 августа, Евстафий Булонский, сын и наследник Стефана, внезапно скончался от приступа колик, не дожив до двадцати пяти лет. У Стефана пропало желание продол-

цем Матильды, шотландским королем Давидом I, который посвятил Генриха в рыцари. Эта экспедиция также провалилась: всю осень Генрих отступал и оборонялся от ударов короля Стефана. В январе 1150 года Генрих Плантагенет вновь вернулся в Нормандию. В ходе этих неудачных экспедиций он приобрел ценный военный опыт, который пригодился ему в борьбе с Людовиком. (Прим. ред.)

завести войну. Стефан предложил условия мира: он будет править как король Англии до конца жизни, а Генрих присягнет Стефану как своему сюзерену и будет объявлен наследником английской короны.

Стефану было за шестьдесят, Генриху едва исполнилось двадцать. Юноша принял условия дяди, и в январе 1154 года, спустя лишь год после прибытия Генриха в Англию, они подписали Уоллингфордский договор. Следующие десять месяцев Стефан царствовал спокойно: «В те дни, — пишет Уильям Ньюбургский, — он... правил так, словно только что вззошел на престол». Однако в октябре, председательствуя на церковном совете в Кенте, Стефан заболел; рассказывают о «коликах» и «воспалении геморроя» — возможно, речь идет об амебной дизентерии, постоянной опасности в мире, где было слишком много плохой воды и мало мыла.

Король слег и умер несколько дней спустя⁶. Генрих находился тогда в Нормандии, его возвращение задержали плохие дороги и ужасная погода; но 7 декабря он наконец-то ступил на английскую землю под приветственные возгласы уставшего от войны населения. «Народ много страдал в предыдущее царствование, при нем было сотворено так много зла, — замечает Уильям Ньюбургский, — и люди надеялись на лучшую жизнь при новом правителе». Генрих и Элеонора короновались 19 декабря в Вестминстерском аббатстве и стали королем и королевой Англии. Спустя неделю Генрих принялся стирать с лица страны пятна грязи, накопившейся за годы войны⁷.

По счастливой случайности нужды Англии соответствовали способностям монарха. Генрих по натуре был непоседлив. Его вторжение в Англию в возрасте четырнадцати лет было лишь намеком на избыток энергии, который до конца его дней изливался на всех окружающих. Как писал его секретарь Пьер де Блуа,

«Если король пообещал провести где-то день, можно было заранее сказать, что уедет он оттуда рано поутру... Люди метались туда-сюда, как безумные, выводили вьючных лошадей, повозки, выезжая, сталкивались, и вокруг царил сумятица... Он не может долго усидеть на одном месте, разве что в седле или за столом. Когда нужно, он за день проезжает путь, который другие проделают за четыре или пять... Он не сидит безвылазно в своем дворце, как другие короли, но, беспрестанно объезжая провинции, узнает, где что делается»⁸.

Король не ведал покоя. Мессу он слушал ежедневно, однако усидеть смирно не мог, нашептывал приказы служащим, а когда

Хронологическая таблица 11

Япония	Коре	Англия	Западная Франция
Тоба (1107–1123)		Генрих I (1100–1135) Лондонский конкордат (1107)	
Сутоку (1123–1142)	Инджон (1122–1146)		Пьер Абеляр начинает преподавать в школе Нотр-Дам (1114)
		Стефан (1135–1154)	Труды Абеляра сожжены в Суассоне (1121) «Teologia Scientium» Абеляра (1135)
Коноэ (1142–1155)		Анархия (1139–1154)	Людовик VII (1137–1180) Осуждение Абеляра (1141)
Го-Сиракава (1155–1158) Смута Хогэн (1156)	Ыйджон (1146–1170)		Петр Ломбардский преподает в школе Нотр-Дам (1145)
Нидзе (1158–1165) Смута годов Хэйдзи (1159)		Развод Людовика VII и Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152) Брак Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152) Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)	
	Вооруженный мятеж Чона Чжунбу (1170) Менджон (1170–1197)		
	Вооруженный мятеж Ким Бодана (1173)		
	Убийство Чона Чжунбу (1179)		

требовалось соблюдать тишину, чертил знаки. Из священников он больше всего любил тех, которые не затягивали службу, что позволяло ему перейти к следующему делу. Если же его намерениям что-то препятствовало, он мгновенно впадал в ужасную ярость; однажды он разорвал на себе одежды и расшвырял их по комнате из-за того, что констебль* допустил какую-то служебную оплошность.

Генрих постоянно находился в разъездах, часто один, без жены; тем не менее Элеонора еще до коронации подарила ему сына и снова была беременна. Лучшего издевательства над Людовиком VII нельзя было и придумать⁹.

В день Рождества, через неделю после коронации, Генрих издал указ об удалении из Англии всех наемников, которые наводнили страну в годы Анархии; он также приказал снести все замки, возведенные без позволения короля — их насчитывалось свыше тысячи. Оба этих декрета были направлены на решение самой острой проблемы молодого правителя: знать Англии, бароны, которые обладались замками и нанимали солдат, во время Анархии могуществом сравнялись с королем. Некоторые из баронов воспротивились намерению короля перехватить бразды правления. Генрих немедленно взял мятежников в осаду и конфисковал их замки. Столь быстрая реакция отбила у остальных охоту продолжать в том же духе. Бароны предпочли подчиниться королю из дома Плантагенетов; анархии пришел конец, и в Англию пришел мир — по крайней мере, на время¹⁰.

Глава 12

Фридрих Барбаросса

Между 1147 и 1177 годами император Священной Римской империи теряет Италию, но укрепляет свою власть в Германии

Вскоре после смерти Пьера Абеляра Церковь оказала поддержку другому делу: расширению власти Германии. В марте 1147 года Бернард Клервоский путешествовал по германским зем-

* В Англии и Шотландии в Средние века так именовался не низший полицейский чин, как в наши дни, а одна из высших придворных должностей. (Прим. ред.)

лям, пытаясь убедить местных рыцарей принять участие во Втором крестовом походе. Во Франкфурте его встретила делегация германских рыцарей с особой просьбой: они хотели соблюсти свои крестовые обеты, но не в Палестине. Вместо этого они предложили поспособствовать распространению власти Церкви, напав на славянские племена вендов*, живших к северу от германской границы.

В отличие от славянских племен более ранних времен, венды были оседлыми земледельцами — но в массе своей не являлись христианами. Присоединение их к христианскому королевству Германии казалось Бернарду логическим продолжением крестового похода — ведь он в течение нескольких месяцев проповедовал, что целью крестового похода является подчинение язычников власти Господа. Он согласился с германскими воинами: на вендов следовало напасть и война должна была продолжаться «до того, как, с Божьей помощью, они будут обращены или уничтожены». Папа Евгений III благословил эту затею, и Вендский крестовый поход начался¹.

Бернард ожидал, что германцы захватят всю вендскую территорию и поставят вендов перед выбором — крещение или смерть. Но у Вендского крестового похода не было явного предводителя: датчане, присоединившиеся к германским войскам, вскоре отделились для организации собственных набегов; сами германцы ожесточенно спорили насчет стратегии. В течение нескольких месяцев вся затея похода сошла на нет. За исключением небольшого количества награбленного, результаты были нулевыми. Ни один венд не был крещен².

В качестве священной войны крестовый поход против славян провалился. Но в качестве политического маневра он оказался более успешным. Одну из групп германских крестоносцев возглавлял восемнадцатилетний Генрих Лев, затаивший обиду на короля Германии. Отец Генриха, герцог Баварии и Саксонии, выступал против избрания Конрада III (в тот момент еще не вернувшегося из крестового похода на Востоке) — и Конрад III, как только надел германскую корону, наказал оппонента, захватив его родовые земли. После смерти свергнутого герцога Конрад III вернул молодому Генриху Льву Саксонию — но не вернул Баварию, и Генрих Лев хотел ее вернуть.

* Венды представляли собой союз из пяти племен: вагров, ободритов, полабов, ругов и лютичей. См. John France, *The Crusades and the Expansion of Catholic Christendom, 1000–1714* (Routledge, 2005), p. 111ff. (Прим. авт.)

В разгар крестового похода Генрих Лев сумел заключить договор с наиболее могущественным из вендских вождей*. Воодушевленный этим новым союзом, он вернулся домой и сразу же отвоевал герцогство Баварию, после чего его могущество продолжало расти, а союзники множились. К 1152 году Генрих Лев стал одним из наиболее могущественных князей Германии.

В этом году Конрад III скончался. Под предводительством Генриха Льва германские электоры отдали корону не шестилетнему сыну Конрада, но одному из кузенов Генриха, тридцатилетнему Фридриху Швабскому. Фридрих был, по словам Оттона Фрейзингенского, «любителем войны... известным благодаря расширению своего королевства и завоеванию народов». Будучи также умелым политиком, Фридрих честно отблагодарил своего кузена Генриха за поддержку, официально восстановив титул герцога Баварии.

Фридрих был скрупулезен в исполнении религиозных обрядов, жил умеренно, увлекался охотой; темно-рыжая борода принесла ему прозвище «Барбаросса» — «Рыжебородый». Он правил Германией почти пятьдесят лет; и почти половину этого времени ему пришлось бороться с Генрихом Львом³.

Фридрих начал свое правление с письма к папе Евгению III, объявив о своем избрании и отдельно указав, как будет разделена власть в его королевстве. «Есть две вещи, которые, главным образом, правят этим миром, — писал он, цитируя известные слова Геласия I, папы V века. — Это священный авторитет понтификов и королевская власть». Другими словами, империя была дана ему Богом, а не папой. Фридрих был рад сотрудничать с Церковью и даже защищать ее; но он собирался сам контролировать дела в собственных владениях. «Благодаря нашим тщательным усилиям, — заключил он, — католическая церковь обретет достойные ее привилегии, а величие Римской империи будет доведено, с божьей помощью, до первоначального совершенства»⁴.

* Отношения между племенами вендов (венедов, полабских славян) были иными, чем показывает автор. Ободриты (бодричи) представляли собой союз, в который входили вагры, полабы и руги, а лютичи были врагами ободритов. Только в начале XI века возникло общее венедское княжество, объединившее их всех. В крестовом походе против него, который продлился три месяца, кроме саксонских и датских феодалов, принимали участие польские и моравские князья — Сватоплук и Вратислав. Датчан вынудило вернуться домой нападение славян с острова Рюген, желавших оказать помощь соседям-бодричам. Упомянутый в тексте «вендский вождь», заключивший союз с немцами, — князь Прибыслав (1160–1178), он стал основателем мекленбургской княжеской и герцогской династии, которая правила до 1918 года. (Прим. ред.)

Евгений III вполне уловил смысл сообщения. Он пообещал короновать Фридриха в качестве императора Священной Римской империи — дав ему титул, который так и не достался Конраду. В обмен он хотел помощи Фридриха в решении нескольких досадных территориальных проблем: норманнское королевство Сицилии посягало на папские земли с юга, а светские власти Рима («Римская коммуна», сенаторы, управлявшие делами города) стремились к независимости от папской власти в самом городе⁵.

К тому моменту, как Фридрих прибыл в Рим во главе довольно крупной германской армии, Евгений III скончался. Его преемник, Адриан IV* (единственный англичанин, когда-либо занимавший папский престол), выполнил папскую сторону договора, и Фридрих Барбаросса был коронован как император Священной Римской империи в июне 1155 года. Но умиротворение Италии оказалось долгосрочной задачей. Жители Рима не были настроены признавать власть германского императора. По словам Оттона Фрейзингенского, они были «разъярены... из-за того, что он получил императорскую корону без их согласия». Сразу после коронации римляне устроили бунт; люди Барбароссы убили более тысячи человек на улицах города, пока с боем прорывались в свой лагерь⁶.

К северу от Папской области настроение населения было не более приветливым. Оттон Фрейзингенский с удивлением отмечает, что на севере Италии развился весьма специфический вид патриотизма. Вместо верности королю местные жители хранили верность своим городам. *«Практически вся эта земля разделена между городами... и на всей окружающей территории едва ли можно найти благородного или великого человека, который не признает власть своего города».*

Поэтому вместо покорения одной мятежной страны Фридрих Барбаросса оказался вынужден поочередно договариваться с каждым городом. Это оказалось трудной задачей: генуэзцы ответили строительством новых стен, а правитель Милана начал собирать среди других городов коалицию против императора. Видя общее отношение на полуострове к Барбароссе, папа Адриан IV изменил курс и заключил договор со своими норманнскими противниками на юге. Вскоре после этого он умер — прежде чем Барбаросса смог вернуться и наказать его. На смену Адриану были провозглашены сразу два папы: законный, Александр III, избранный

* Евгений III умер в 1153 году, его сменил Анастасий IV, который пробыл папой менее года до своей смерти; Адриан IV был избран 3 декабря 1154 года. (Прим. ред.)

Карта 12.1. Империя Фридриха Барбароссы

кардиналами в соответствии с надлежащей процедурой; и «антипапа» Виктор IV, назначенный Фридрихом Барбароссой и водворенный в Риме его солдатами. Александр III бежал в Западную Францию и отлучил антипапу Виктора IV, который не обратил на это внимания⁷.

В то же время Генрих Лев практически независимо правил на севере и востоке Германии, владея своим королевством внутри империи. В 1156 году он начал расширять свою власть дальше на восток, занимая славянские территории. В следующем году он основал на реке Изар город Мюнхен, чтобы получить контроль над путем торговли солью, пересекавшим реку в этом месте; в 1159 году он построил порт Любек для привлечения торговых судов*.

И все же Генрих оставался союзником Фридриха — он сопровождал своего кузена в Италию, помогал сражаться против мятежных итальянских территорий. В 1162 году с помощью Генриха Льва и армии Пизы (этот город решил, что сможет добиться большего, встав на сторону императора) Фридрих Барбаросса наконец-то завоевал упрямый Милан. Этот город враждовал с императором с момента его коронации, война с ним стоила Фридриху больших усилий, денег и потерь. Город находился в осаде почти восемь месяцев, и когда его голодающие жители в конце концов сдались, Барбаросса заставил несколько сотен представителей городской знати подойти к нему босиком, с головами, посыпанными пеплом, и поцеловать его ноги. После этого он позволил своим солдатам разграбить город, сжечь дома и обобрать церкви. Когда грабеж завершился, Милан прекратил свое существование. Все его жители были расселены по другим городам⁸.

Чтобы напомнить своим мятежным подданным, что императорскую корону дал ему Бог, Барбаросса перенес самые священные реликвии Милана — мощи волхвов, трех царей, которые, по преданию, принесли дары младенцу Иисусу после его рождения, — в немецкий город Кельн. Он разместил их в местном соборе как покровительствующие городу святыни: трое древних владык, преклонившихся перед Иисусом, как бы преклонялись и перед самим Фридрихом Барбароссой. Три года спустя он велел своему антипапе Пасхалию III, назначенному в 1164 году, после смерти Виктора IV, канонизировать Карла Великого. После этого

* Генрих Лев не был основателем этих городов как таковым: Мюнхен существовал под этим названием еще с VIII века; Любек как небольшое поселение возник в XII веке — но раньше, чем был построен порт. Однако Генрих оценил выгоды их положения и способствовал их развитию. (Прим. ред.)

Фридрих мог утверждать, что его власть является священной сразу в нескольких смыслах: она была дана Богом и впервые учреждена святым⁹.

Но никакие меры не помогли ему удержать итальянское королевство. Северные города слишком долго были независимыми, а старые символы имперской власти ничего не значили в глазах торговцев и членов ремесленных гильдий, купцов и художников Вероны и Пармы, Болоньи и Венеции. В 1167 году города Севера сплотились против Фридриха, сформировав Ломбардскую лигу.

Новое вторжение Фридриха было остановлено внезапной и губительной эпидемией малярии. *«Ветер пришел из южной области с громом и молнией, — поэтично писал итальянский летописец Годфредо из Витербо. — Все люди взмокли, а когда жар от солнца спал, они заболели ужасающей лихорадкой... воины страдали от головных болей... и болей во внутренних органах и ногах»*¹⁰.

Ослабленная императорская армия отступила, а Ломбардская лига укрепила свое влияние. Города Лиги совместно начали восстанавливать Милан, а также принялись за строительство нового города на пути, который германские армии использовали для спуска с гор в Италию. Этот город был назван Алессандрией — в честь изгнанного папы¹¹.

Малярию можно было счесть просто неудачей, но когда Фридрих вернулся в Италию со свежими силами, он обнаружил, что Ломбардская лига сильнее его. В 1176 году объединенные войска Лиги нанесли решительное поражение имперской армии при Леньяно — после чего Фридрих, будучи реалистом, решил отказаться от борьбы. В 1177 году в Венеции он заключил мир как с Лигой, так и с законным папой Александром III. Городам Лиги было предоставлено право самоуправления. Римский антипапа Пасхалий III скончался в 1168 году; Фридрих отказался поддерживать его преемника Калликста III и признал Александра III в качестве единственного владыки в Папской области.

Впрочем, у Фридриха были не только неудачи. Вернувшись в Германию, он конфисковал земли Генриха Льва, отказавшегося присоединиться к нему в Италии, и отправил своего кузена в изгнание. Владения Генриха, которые разрослись настолько, что заняли большую часть севера и востока страны, были распределены среди менее могущественных аристократов, обязанных Фридриху. Барбаросса потерял Северную Италию — но теперь его власть над Германией была крепка, как никогда.

Хронологическая таблица 12

Коре	Западная Франция	Англия	Италия и Папская область	Германия и Священная Римская империя
	«Theologia Scholarius» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)		Лотарь III (император, 1135–1137)
	Людвик VII (1137–1180)	Анархия (1139–1154)		Конрад III (1138–1152)
	Абеляр осужден (1141)			
Бйджон (1146–1170)	Петр Ломбардский обучает в школе Нотр-Дам (1145)		Евгений III (1145–1153)	Венедский крестовый поход (1147)
	Брак Элеоноры Аквитанской и Генриха Анжуйского (1152)		Анастасий IV (1153–1154)	Фридрих I (1152–1190)
		Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)	Адриан IV (1154–1159)	Фридрих I (император, 1155–1190)
			Александр III (1159–1181) Виктор IV – антипапа (1159–1164)	
			Завоевание Милана (1162)	
Вооруженный мятеж Чона Чжунбу (1170) Менджон (1170–1197)			Пасхалий III – антипапа (1164–1168)	
			Ломбардская лига (1167)	
Вооруженный мятеж Кима Болана (1173) Убийство (1173) Чона Чжунбу			Каликт III – антипапа (1168–1177)	
Возвышение клана Чхве (1196)				

Глава 13

Альмохады в Испании

Между 1147 и 1177 годами Альмохады уничтожают Альморавидов, но не могут захватить Пиренейский полуостров

К 1147 году Альфонсо VII из Леона и Кастилии продвинул южный фронт христианского завоевания более чем наполовину через старые земли Альморавидов. В том же году Альфонсо I из Португалии отвоевал Лиссабон у его жителей-мусульман, укрепив свои претензии на королевский титул. И в том же 1147 году в Марокко Альморавиды пали: Альмохады под предводительством аль-Мумина взяли штурмом Марракеш и положили конец их ослабленному правлению¹.

Остатки империи Альморавидов сохранились в Испании, отделившись от корней. Гранада, оказавшись независима от Марракеша, оставалась во власти мусульман — но начала вести свою собственную политику, делая попытки заключить союз с самим Альфонсо VII. Города Валенсия и Мурсия образовали небольшое царство, которым правил ибн Марданиш: он также был согласен заключить мир с христианским королем Леона и Кастилии и даже стать вассалом Альфонсо VII в обмен на мир².

Но эта независимость была недолговечной. *«Когда все провинции Марокко стали покорны аль-Мумину, — сообщает нам историк аль-Марракаши, — он отправил свою армию в восточные области Северной Африки, а затем — в Испанию»*. В 1155 году Гранада была вынуждена сдаться армии Альмохадов и признать власть аль-Мумина. Двумя годами позже Альмохады двинулись к северу от Гранады, выхватив Убеду, Баэсу и Альмерию прямо из рук Альфонсо³.

По пути домой после поражения при Альмерии Альфонсо VII заболел. Он скончался в августе 1157 года, оставив Кастилию и Леон в руках двух сыновей, Санчо и Фернандо.

Разделение королевства сделало двух братьев и их наследников противниками и уничтожило последние следы единства между четырьмя христианскими королевствами. Санчо умер после года правления, и трон Кастилии унаследовал его трехлетний сын Альфонсо VIII. Королевство погрузилось в пучину борьбы благородных семейств за регентство — а тем временем король Наварры, сын Гарсии Восстановителя, воспользовался слабостью Кастилии для захвата нескольких приграничных городов⁴.

Но у мусульман на юге дела обстояли не лучше, чем у христиан на севере. Испания имела второстепенное значение для халифа Альмохадов, который все еще укреплял свое влияние в Северной Африке. Гранада сдалась, но ибн Марданиш, правитель Валенсии и Мурсии, отказался подчиниться Альмохадам, вместо этого придерживаясь союза с христианами в Кастилии. Гранада тоже постоянно находилась на грани восстания против власти Альмохадов⁵.

Многие из людей, проживавших в спорных областях, погружившихся в хаос, бежали в другие страны. Среди них был и раввин Маймон бен Иосиф, покинувший полуостров в 1160 году вместе с женой и взрослыми детьми. Как и многие другие евреи, семья бен Иосифа жила в неуклонно ухудшавшихся условиях. Указ, изданный Альмохадами в 1146 году, предписывал как иудеям, так и христианам, живущим на мусульманских землях, принять ислам. Но даже обращенные евреи должны были носить особые черные туники и головные уборы, чтобы их можно было отличать от остальных. С усилением власти Альмохадов в Испании за исполнением указа следили все более тщательно. «Я будто тону, — писал Маймон бен Иосиф перед тем, как покинуть дом. — Мы почти полностью утонули... Нас со всех сторон унижают, обвиняют и презирают, море неволи окружает нас, и мы погружены в его глубины»⁶.

Карта 13.1. Королевства Испании

Условия в христианских королевствах были лишь немногим лучше; потому семья бен Иосифа, как и многие другие, переселилась на побережье Северной Африки и в конце концов добралась до Египта, где осела под более благосклонным правлением Саладина. Там старший сын бен Иосифа, Маймонид, начал карьеру врача, а также работу над 14-томным изложением еврейских законов — которое, как он надеялся,

могло дать рассеянным и потерявшим опору евреям руководство для жизни в трудные времена.

Тем временем контроль Альмохадов над Северной Африкой ужесточился.

Халиф Альмохадов, Абд аль-Мумин, подчинил себе всю Северную Африку: *«Его руками, — писал альмохадский историк аль-Марракаши, — Господь искоренил неверие в Ифрикии»*. Аль-Мумин планировал массовую переброску войск на Пиренейский полуостров, готовясь к полномасштабной кампании против христиан⁷.

Но в 1163 году он умер, так и не успев начать вторжение. У него осталось 15 сыновей — поэтому в течение нескольких лет его сыну и наследнику Юсуфу I пришлось большую часть усилий потратить на защиту своей власти от братских посягательств. Тем временем на Пиренейском полуострове продолжалась вялотекущая война: стычки небольших армий, пограничные конфликты и партизанские действия. Непокойные времена приносили процветание в основном наемникам и искателям приключений.

Одним из наиболее известных наемников был Жеральдо Бесстрашный — португальский солдат удачи, который собрал армию грабителей и начал безрассудную кампанию в области, известной как Эстремадура: за границами Португалии, далеко на территории Альмохадов. Около 1165 года он напал на город Эвора. Летописцы более позднего периода настаивают, что, когда его воины отказа-

Карта 13.2. Империя Альмохадов

Хронологическая таблица 13

Западная Франция	Англия	Германия и Священная Римская империя	Италия и Папская область	Испанские королевства	Альмохады
		Лотарь III (1133–1137)			аль-Мумин (1130–1163)
«Theologia Scholarium» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)			Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1134–1157) Рамиро II Арагонский (1134–1157) Гарсия Рамирес Наваррский (1134–1150)	
Людовик VII (1137–1180)	Анархия (1139–1154)	Конрад III (1138–1152)		Битва при Орике (1139) Афонсу Энрикеш Португальский (1139–1185)	
Осуждение Абеляра (1141)				Герард Кремонский прибывает в Толедо (1144)	
Петр Ломбардский преподает в школе Нотр-Дам (1145)		Вендский крестовый поход (1147)	Евгений III (1145–1153)	Португалия завоевывает Лиссабон (1147)	Альмохады уничтожают Альморавидов (1147)

Западная Франция	Англия	Германия и Священная Римская империя	Италия и Папская область	Испанские королевства	Альмохад
		Фридрих I (1152–1190)	Анастасий IV (1153–1154)	Санчо VI Гарсес Наваррский (1150–1194)	
Брак Элеоноры Аквитанской и Генриха Анжуйского (1152)	Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)		Адриан IV (1154–1159)		
				Санчо III Кастильский (1157–1158) Фернандо II Леонский (1157–1188)	
		Виктор IV – антипапа (1159–1164)	Александр III (1159–1181)	Альфонсо VIII Кастильский (1158–1214)	
			Завоевание Милана (1162)		Юсуф I (1163–1184)
		Пасхалий III – антипапа (1164–1168)			
		Каликст III – антипапа (1168–1177)	Ломбардская лига (1167)		
				Союз пяти христианских королевств (1177)	Битва при Уэте (1172)

лись выполнять приказ, Жеральдо сам полез на стену, вбивая между камнями дротики в качестве импровизированной лестницы, и вернулся с несколькими головами. Герб Эворы отражает эти события, как и эпическая поэма «Лузиада», написанная в XVI веке Луисом Камозэнсом:

Смотри, как он спускается по своему копыю
Обратно к осаждающим, с головами
Двух стражников, и так захватывает
Эвору — ловко и отважно⁸.

Захват Эворы был первым в серии побед Жеральдо Бесстрашного и его отряда, далее он захватил еще как минимум четыре города.

Его успехи встревожили Альмохадов, но еще сильнее обеспокоили христианских королей; казалось, что Жеральдо близок к созданию собственного независимого королевства. Когда Жеральдо в 1169 году осадил альмохадский город Бадахос, Афонсу Энрикеш из Португалии и Фердинанд II из Леона объединились, чтобы отогнать его.

Так Жеральдо лишился дома. Он попытался заключить мир с королем Португалии — но Афонсу Энрикеш, сломавший ногу в битве при Бадахосе и потерявший возможность ездить верхом без боли, не был склонен его простить. Поэтому в 1172 году Жеральдо предложил свою службу халифу Альмохадов, Юсуфу I.

Халиф принял предложение авантюриста и отправил его в Марокко. Это говорит, что он не испытывал большой веры в преданность Жеральдо — и действительно, через несколько месяцев тот начал второй раунд тайных переговоров с Афонсу Энрикешем, предлагая передать королю вверенную ему новую территорию, чтобы у португальцев появился собственный плацдарм в Африке, с которого можно было бы атаковать земли Альмохадов. Юсуф I, узнав о переговорах, отправил солдат для ареста Жеральдо; случайно или нет, но при аресте Жеральдо был убит⁹.

Осада Бадахоса временно поставила альмохадского правителя Бадахоса и двух христианских королей на одну сторону. Это обеспокоило Юсуфа I, и летом 1171 года он отправил двадцать тысяч солдат через Гибралтарский пролив, чтобы укрепить свой контроль на мусульманских территориях. В течение года он привел к покорности большинство мусульманских городов¹⁰.

В 1172 году Юсуф I совершил свой первый набег на христианские территории. Он осадил город Уэте — и потерпел поражение.

У поражения было несколько причин. По меньшей мере один из очевидцев сообщает, что Юсуф I недооценил своего врага — он не принимал особого участия в осаде и вместо того, чтобы присутствовать на поле боя, оставался в своем шатре, где и вел философские беседы с советниками.

Двадцать тысяч альмохадских воинов представляли собой сложную смесь из местных уроженцев, арабов и представителей североафриканских племен; у них были собственные командиры, и они испытывали трудности при организации взаимодействия. Солдаты Юсуфа были вынуждены добывать пищу путем захвата новых территорий. Тем временем в Уэте пришло сообщение от папы, обещающее защитникам города отпущение грехов за их усилия. Как бы в подтверждение папских обещаний, как только горожане начали страдать от жажды, прошел сильный ливень, пополнивший городские хранилища воды¹¹.

Вскоре до лагеря Альмохадов дошли новости о том, что к городу для снятия осады движется Альфонсо VIII Кастильский — ему уже исполнилось 18 лет, и он правил самостоятельно. Юсуф I вынужден был очистить свои позиции и отступить. Для него это поражение было унижительным, хотя и не фатальным, он вскоре восстановил силы и продолжил войну.

Но битва при Уэте стала поворотным моментом для христианских королевств, которые наконец-то начали сотрудничать между собой. К 1177 году все пять христианских королей заключили договоры или создали брачные союзы. Политическое единство Альфонсо Воителя стало единством цели; сеть преданности, сотканная христианами, оказалась почти непроницаемой для Альмохадов.

Глава 14

«Многочисленные народы»

В XII веке мусульманские государства занимают центр и восток Африканского континента; их вера мирно сосуществует с более древними традициями, пока между ними не начинаются конфликты

Империя Альмохадов, распространившаяся по всему северу Африки, была не единственным исламским государством на Африканском континенте. В центре Африки, к западу от озера

Чад, царь-мусульманин по имени Дунама правил государством Канем.

Канем был, по словам арабского географа X века аль-Мухаллаби, царством «многочисленных народов», смесью племен*. Кочевой народ загава, около четырехсот лет назад переселившийся на юг из все более непригодной для жизни пустыни Сахара, обосновался в районе озера Чад и перенял некоторые обычаи здешних сельских жителей; в Канеме земледельцы и полукочевые скотоводы, по всей видимости, существовали бок о бок. Их богатство, как отмечает аль-Мухаллаби, *«состоит из стад, — это овцы, крупный рогатый скот, верблюды и лошади, большую часть их урожая составляют сорго и горох-вигна, а также пшеница... средства к существованию дают им злаки и владение скотом»*¹.

В X веке Канем все еще придерживался старых обычаев: *«Их религией является поклонение царям, — пишет аль-Мухаллаби, — ибо они верят, что цари несут жизнь и смерть, болезни и здоровье»*. Но ко времени правления Дунамы берегов Чада достиг ислам. Хумая, отца Дунамы, обучал мусульманский ученый, который преподавал ему основы веры; в «Гиргаме», официальной хронике правителей Канема, говорится, что сам Дунама совершил два успешных хаджа — священных паломничества в Мекку.

Хроника Канема необычна. Устная традиция является нашим единственным источником по ранней истории большинства африканских государств — у большинства из них не было письменной истории до прибытия европейцев в XVI веке. Но «Гиргам», как и большинство списков царей, не является нейтральным документом. В нем сохранен, как представляется, значительно более старый устный список царей, насчитывающий по крайней мере одиннадцать поколений до обращения Хумая. Правда, среди этих царей

* Средневековая африканская история осложняется из-за наличия множества личностей наименований, которые может присвоить себе любой африканец. В этом повествовании я буду использовать термин «народ» как обозначение лингвистической группы (все представители народа загава говорят на одном языке; такую общность иногда называют «этносом» или «племенной идентичностью»); «племя» — для обозначения группы, объединенной, сколь угодно тесно, кровным родством; «клан» — для индивидуальной семейной группы; и «царство» — для политического объединения. Подданные царства Канем могли принадлежать к лингвистической группе загава или сао и при этом обладать отдельной племенной и клановой идентичностью. В африканской истории понятие «племя» определить особенно сложно; оно используется различными учеными для обозначения кровного родства, политического или лингвистического единства и т. д. В этой истории термин «племя» всегда будет обозначать кровное родство. (Прим. авт.)

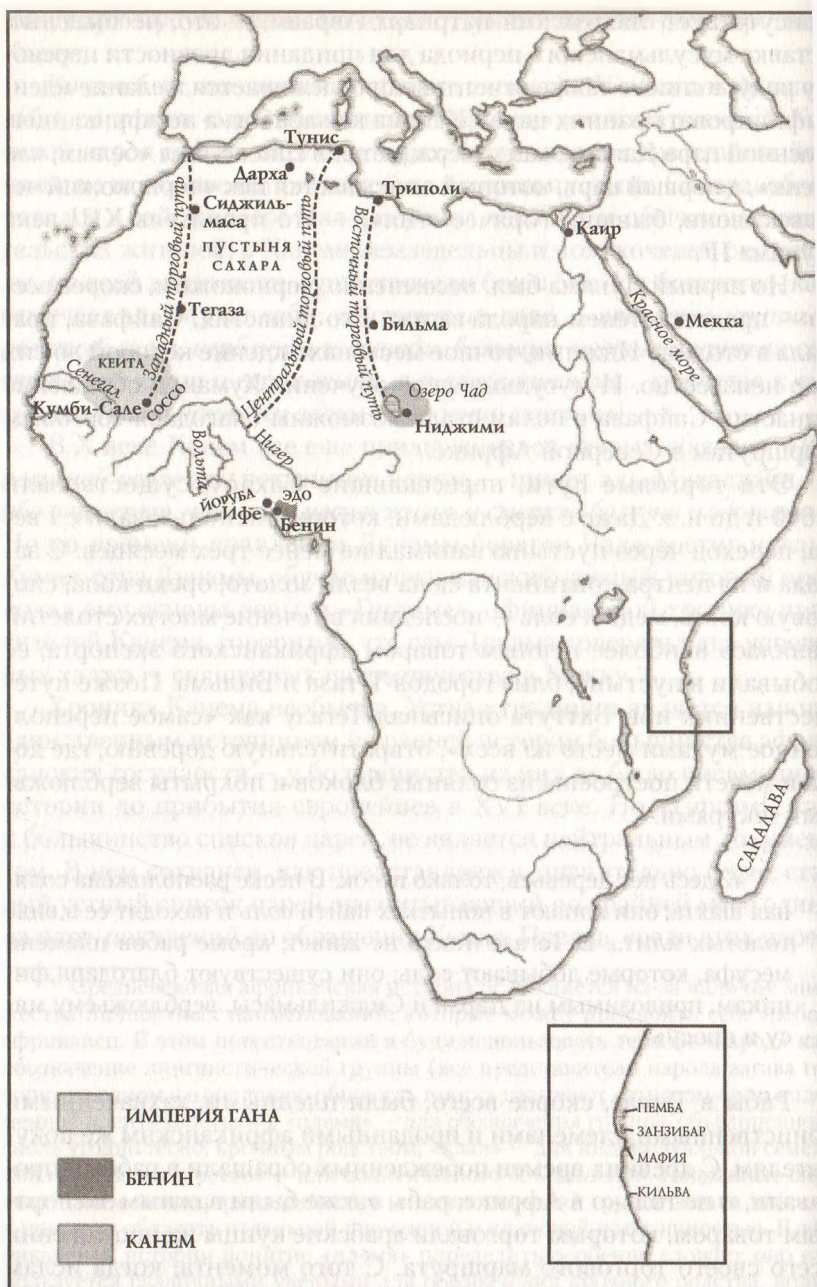
присутствует библейский патриарх Авраам, — это, несомненно, вставка мусульманского периода для придания древности царскому роду; в списке также отчетливо прослеживается желание идентифицировать ранних царей Канема как арабов, а не африканцев. Восьмой царь Канема, как утверждается в списке, был «белым, как шелк», а первый царь, который описывается как «чернокожий человек, воин, бывший горячее огня», — это правитель XIII века Дунама II².

Но первый Дунама был, несомненно, чернокожим, скорее всего — представителем народа загава. Его династия, Сайфава, правила в столице Нджими, точное местонахождение которой до сих пор неизвестно. И мусульманское обучение Хумая, и обращение династии Сайфава в ислам стали возможны благодаря торговым маршрутам в Северной Африке.

Эти торговые пути, пересекавшие Сахару, существовали с 600 г. до н. э. Даже с верблюдами, которых использовали с I века, переход через пустыню занимал не менее трех месяцев. С запада и из центра континента сюда везли золото, орехи кола, слоновую кость, медь и соль — последняя в течение многих столетий являлась наиболее ценным товаром африканского экспорта; ее добывали в пустыне, близ городов Тегаза и Бильма. Позже путешественник ибн Баттута описывал Тегазу как «самое переполненное мухами место из всех», отвратительную деревню, где дома и мечети построены из соляных блоков и покрыты верблюжьими шкурами.

«Здесь нет деревьев, только песок. В песке расположена соляная шахта; они копают в попытках найти соль и находят ее в виде толстых плит... В Тегазе никто не живет, кроме рабов племени месуфа, которые добывают соль; они существуют благодаря финникам, привозимым из Дарха и Сиджильмасы, верблюжьему мясу и просу»³.

Рабы в Тегазе, скорее всего, были пленными, захваченными единственными племенами и проданными африканским же покупателям. С древних времен побежденных обращали в рабов и продавали, и не только в Африке; рабы также были важным экспортным товаром, которым торговали арабские купцы на протяжении всего своего торгового маршрута. С того момента, когда ислам запретил рабство мусульман, африканские племена за пределами мусульманского мира стали ценным источником рабов⁴.

Карта 14.1. Многочисленные народы Африки

Купцы, торговавшие африканскими товарами и рабами, пользовались тремя основными путями. Западный путь проходил через Тегазу и вел к реке Нигер; центральный пролегал из Туниса на юг, по направлению к внутреннему изгибу Нигера. Восточный торговый путь, проходивший возле озера Чад, шел далее через Бильму и заканчивался в Триполи; именно его взял под контроль Канем в правление Дунамы I.

Транзитная торговля обогатила Канем, а Дунама I еще более приумножил свое состояние, ведя активную торговлю рабами. Такая торговля издавна была царской привилегией: *«Он обладает неограниченной властью над своими подданными, — писал аль-Бакри в XI веке, — и порабощает кого угодно из них по собственному желанию»*. Мусульманский правитель не мог порабощать подданных-мусульман — но, судя по всему, обращение Канема еще не дошло из дворца до крестьян; во власти Дунамы имелись не только мусульмане. Как сказано в «Гиргаме», во время своего первого и второго паломничества в Мекку он взял триста рабов для продажи в Каире. Он собирался поступить так же во время третьего паломничества, но погиб при переходе через Красное море, когда его судно затонуло⁵.

Канем полностью перешел в ислам лишь при власти Сальмамы I в конце столетия, три поколения спустя. К этому времени расположенное дальше на востоке островное государство Кильва было уже полностью мусульманским.

Как и Канем, Кильва обладает письменной хроникой царей. В соответствии с «Хроникой Кильвы» в X веке арабский принц по имени Али ибн аль-Хассан покинул свой дом в процветающем городе Шираз, к востоку от Персидского залива. Он прибыл в Кильву с шестью братьями и отцом, на семи кораблях. На острове и близлежащем побережье жил народ суахили; Али в обмен на ткани купил у местного правителя остров Кильва и поселился там как царь, основав династию Ширази⁶.

Невозможно определить, какая часть этого рассказа действительно берет начало в ранней истории Кильвы, так как самая старая сохранившаяся версия «Хроники» — перевод на португальский язык, сделанный исследователем Жуаном ди Баррушем в XVI веке. Нет никаких доказательств того, что Али ибн аль-Хассан, чьи монеты сохранились до сих пор, пришел на земли суахили извне — как нет и гарантии достоверности списка царей Канема. Вся эта история может основываться на убеждении арабов в том, что цивилизованное государство не могло быть основано коренными

жителями Африки. Археологические исследования позволяют предположить, что сам Али жил не в X веке, а ближе к XII веку. Но развалины мечетей и молельных комнат указывают на то, что к X веку арабские купцы не только торговали с деревнями суахили в Кильве и на побережье, но и селились там⁷.

Хотя хронологию султанов Ширази трудно отследить, около 1150 года Кильвой, вероятно, правил Дауд бен Сулейман, носивший титул «Повелитель торговли». Он владел территориями, охватывавшими, помимо Кильвы, острова Пемба, Занзибар и Мафия, а также часть материкового побережья.

Империя Кильва процветала благодаря торговле. Гончарные изделия, найденные вдоль побережья, свидетельствуют о торговых связях даже с китайской династией Сун; с юга на север через Кильву шла слоновая кость. Наибольшим достижением Дауда бен Сулеймана стало соглашение о монополии на транзитную торговлю золотом через город Софала. Начиная с середины XII века купцы, прибывавшие на восточное побережье Африки за золотом, осуществляли свои сделки в неуклонно богатеющих портовых городах Кильвы⁸.

* * *

На западе Африки другие династии правили царствами и племенами, еще не затронутыми исламом. Но из-за того, что письменные хроники пришли сюда только с исламом, известная нам история этих царств остается по большей части эпосом, переходящим в миф, и затем, незаметно, — в историю⁹.

К востоку от реки Вольта и к западу от реки Нигер лежал город Ифе — один из роскошнейших городов Африки. Ифе существовал на протяжении сотен лет, возможно, с IV века до н. э. Поначалу это был всего лишь скромный поселок, но около 700 года он начал расти. К IX веку Ифе уже стал городом, окруженным стенами, с дворцом и мощеными улицами, украшенными сложными скульптурами из терракоты и бронзы¹⁰. Народ йоруба считал Ифе местом происхождения не только своей цивилизации, но и всех народов мира. В устной традиции йоруба сохранилась легенда о сотворении людей: однажды бог-демиург Эледумаре взглянул с нижних небес на безбрежные воды под ним и решил создать землю. Он спустился к поверхности воды по цепи, неся с собой сосуд с землей и пятипалую курицу. Он высыпал землю в воду и поставил курицу сверху; курица, копаясь в пыли, разбросала ее по поверхности воды и так создала землю. Затем Эледумаре наделил силой создания

жизни другое божество — Обаталу (*оришу*, т.е. воплощение одной из сущностей самого Эледумаре). Обатала создал человека и дал ему власть над животными, а затем его шестнадцать сыновей расселились среди народов Земли и создали среди них шестнадцать царств¹¹.

Как и все мифы творения, эта легенда (у которой есть много вариантов) отражает мир, окружавший ее создателей. Народы йоруба, объединенные общим языком, никогда не были единым государством — у них было много правителей, много вождей, много центров власти. Ифе занимал почетное место среди всех городов йоруба, но никогда не господствовал над их политической жизнью.

На восточной стороне территорий йоруба разные племена слились и образовали страну Эдо: изначально охотники и земледельцы жили в небольших деревнях, которые начали расти и расширяться, сближаясь друг с другом, пока их стены не сошлись, образовав большой город-улей. Так возник Бенин, которым правил царь, именовавшийся *огисо*, а процветание городу принесла торговля тканями, солью, керамикой и медью. В устной традиции Эдо сохранились имена тридцати восьми *огисо*; последний царь, *огисо Оводо*, правил между 1100 и 1200 годами*. Его правление было катастрофическим, и после сорока одного года на престоле его изгнали из страны собственные подданные. В течение семидесяти или восьмидесяти лет Бенин распался на несколько мелких царств, которыми правила местная знать¹².

Наконец, пресытившись междоусобицей и тиранией своих повелителей, народ Бенина послал гонца в Ифе с просьбой, чтобы какой-нибудь из принцев народа йоруба прибыл и правил ими. На призыв ответил младший сын царя по имени Оранмиян; прибыв в Бенин, он женился на дочери одного из этих тиранов-аристократов, произвел на свет сына и пытался управлять городом. Но его усилия не увенчались успехом. Как утверждалось, в сердцах он воскликнул: «Эта земля досады!» На языке йоруба фраза звучит как *Ile-Ibinu*, и от этого якобы произошло название Бенина¹³.

* Раннюю историю Бенина точно датировать невозможно. Большинство реконструкций основаны на единственной работе бенинского историка Якоба Эгхаревба, собиравшего устные традиции и записывавшего их в XX веке — спустя слишком много лет после событий. Штефан Айзенхофер дает полезный обзор источников и обсуждение в статье: Stefan Eisenhofer, «The Benin Kinglist's: Some Questions of Chronology», *History of Africa* 24 (1997): 139–156. (Прим. авт.)

Хронологическая таблица 14

Германия и Свя- щенная Римская империя	Италия	Испанские королевства	Альмохады	Канем и Кильва	Соссо и Бенин
				Али ибн аль-Хас- сан (ок. 950?) Хумай (1087–1097)	
Генрих V (1099–1125)				Дунама I (1097–1150)	Огисо Оводо (ок. 1100 – ок. 1200)
		Альфонсо Воитель из Арагона и Наварры (1104–1134)			
Вормский конкордат (1122)					
			аль-Мумин (1130–1163)	Дауд бен Сулейман (1131–1170)	
Лотарь III (1135–1137)		Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1134–1157) Рашидо II Арагонский (1134–1157) Гарсия Рамирес Наварр- ский (1134–1150)			
Конрад III (1138–1152)		Битва при Орике (1139) Афонсу Энрикеш Порту- гальский (1139–1185)			

Германия и Свя- щенная Римская империя	Италия	Испанские королевства	Альмохады	Канем и Кидва	Соссо и Бенин
Вендский крестовый поход (1147)		Португалия завоевывает Лиссабон (1147)	Альмохады уничтожают Альморавидов (1147)		
Фридрих I (1152–1190)		Санчо VI Гарсес Наварр- ский (1150–1194)			
Фридрих I (император, 1155–1190)		Санчо III Кастильский (1157–1158) Фернандо II Леонский (1157–1188)			
	Завоевание Милана (1162)		Юсуф I (1163–1184)		
	Ломбардская лига (1167)				
			Битва при Уэте (1172)		Вторая династия Бенина (ок. 1170)
		Союз пяти христианских королевств (1177)			Диара Канте (1180–1200)
				Сальмама I (1194–1221)	
				Сумангуру Канте (1200–1235)	

Оранмиян объявил правителем Бенина своего сына Эвеку — и покинул город, вернувшись домой, в Ифе. Таким образом, кровь йоруба вошла в царскую линию Эдо, и Эвека стал основателем второй династии Бенина. Он сделал Бенин своей столицей и построил там дворец, присвоив себе новый царский титул — *оба*, то есть «царь, породненный с богами». Считается, что династия Эвеки продолжалась непрерывно, вплоть до нашего времени, и *оба* Бенина (на 2011 год — Эредиаува I, выпускник Кембриджа и в прошлом сотрудник «Галф Ойл», коронованный в 1979 году) утверждает, что представляет весь народ Эдо*.

* * *

Когда в Бенине начала править Вторая династия, царство Гана, родина народа сонинке, уже увядало.

У Ганы не осталось собственной письменной истории — но сообщения о ней просачивались на север по торговым путям, по крайней мере, с X века. В 1068 году кордовский ученый Абу Абдулла аль-Бакри собрал работы арабских географов и рассказы путешественников в свою «Книгу Дорог и Царств». Он описал Гану как царство, замершее на полпути между исламом и родными обычаями, где африканские мусульмане и традиционные жрецы существовали бок о бок:

«[Столица] Ганы [Кумби-Сале] состоит из двух городов, расположенных на равнине. Один из этих двух городов, населенный мусульманами, большой, в нем двенадцать мечетей, в одной из которых они собираются для пятничной молитвы. Тут есть получающие жалованье имамы и муэдзины, а также юристы и ученые... Царский город лежит в шести милях от первого... В царском городе расположены куполообразные здания и роши, где живут колдуны этого народа, исполняющие религиозные культы... Когда люди, исповедующие ту же религию, что и царь, приближаются к нему, они падают на колени и посыпают головы пылью, ибо это их способ приветствовать его. Что касается мусульман, они приветствуют царя, хлопая в ладоши»¹⁴.

* Королевство Бенин (Дагомея) было окончательно ликвидировано французами в конце XIX века, а в 1904 году его территория вошла в состав Французской Западной Африки. С 1946 года Дагомея становится заморской территорией Франции, а в 1960 году — независимой республикой. Монархия на этой территории никогда не восстанавливалась, поэтому упомянутый *оба*, несмотря на британское образование, является самозванцем. (Прим. ред.)

Но едва у Ганы началась письменная история, как в царстве наступили тяжелые времена. В 1076 году на страну напала армия Альморавидов, пытавшихся захватить контроль над прибыльным западным торговым путем. Чужаки заняли столицу Кумби-Сале; царь Ганы сначала потерял контроль над периферией империи, а потом и над ее сердцем. Народ сонинке начал мигрировать на окраины из занятого противником центра, и отдельные вожди создали собственные небольшие царства в дальних областях Ганы.

Одно из этих царств контролировал клан Соссо из племени малинке. Еще до падения Кумби-Сале этот клан сопротивлялся как исламу, так и центральной царской власти. Вторжение Альморавидов позволило Соссо провозгласить независимость, а затем установить контроль над соседними кланами к послушанию. К 1180 году Диара Канте, глава клана Соссо, собрал достаточно войск для вторжения в Кумби-Сале и изгнания Альморавидов. В 1200 году Диару Канте сменил его сын — Сумангуру Канте, продолживший завоевания отца¹⁵.

В следующем столетии Сумангуру станет ярким противником работорговли и ислама, почувствовав в них грядущую угрозу африканским традициям.

Глава 15

Последний халиф Фатимидов

*Между 1149 и 1171 годами Нур ад-Дин захватывает Египет,
но правит им Саладин*

Священная война христиан терпела поражение — а джихад набирал силу. Завладев большей частью территории Антиохии, Нур ад-Дин отправился дальше, к побережью, и окунулся в воды Средиземного моря. Это было символическое крещение, какое несколькими столетиями ранее осуществил ассирийский завоеватель Саргон. Оно должно было показать, что власть Нар ад-Дина — а теперь господство ислама — охватывало всю сирийскую землю, вплоть до выхода к морю¹.

В действительности Нур ад-Дин не контролировал всю Сирию; сам город Антиохия все еще не был захвачен, так же как Дамаск и Иерусалим. Но Нур ад-Дин в глазах единоверцев стал близок к осуществлению цели своего отца: он возглавил джихад, стал

Карта 15.1. Завоевания Нур ад-Дина

надеждой на будущее единство ислама, сделался тем, кто подарит миру надежду Пророка. Его последователи именовали его Поборником веры, Столпом ислама, Победителем мятежников².

Но не все мусульмане соглашались с этим мнением: Дамаск оставался в стороне от войны до 1154 года — к этому времени тесть Нур ад-Дина был пять лет как мертв, а зять Нур ад-Дина не сумел удержать город. Наконец, захватив Дамаск, Нур ад-Дин завладел всей землей на побережье; его владения теперь простирались от Эдессы до юга Сирии. Оставшуюся часть Антиохии в 1159 году взял под контроль византийский император Мануил I.

Но Иерусалимское королевство сопротивлялось.

Слабому ребенку, сменившему Фулька Анжуйского, исполнилось двадцать четыре года: Балдуин III Иерусалимский, сводный брат Матильды, держался за то место на земле, где он родился. Его отец, француз, давно умер, его мать была чужестранкой по крови, но коренной жительницей по рождению. Балдуин защищал единственный мир, с которым был знаком; Нур ад-Дин пытался найти лучший мир для себя и своего народа.

Ряд неудач помешал Нур ад-Дину бросить все свои силы против Иерусалима. Современник Ибн аль-Каланиси рассказывает, что «постоянные землетрясения и подземные толчки» беспокоили Сирию, уничтожали замки, крепости и дома; Нур ад-Дин, из воина превратившийся в правителя государства, был обязан направить большую часть своих усилий на восстановление жилищ и обеспечить «убежище для тех... кто уберет свои жизни»³.

А в 1157 году Нур ад-Дин внезапно заболел — настолько тяжело, что разделил свое царство между братьями и приготовился к смерти. Балдуин III воспользовался затишьем для заключения союза с византийским императором Мануилом I Комнином; он скрепил союз, женившись на тринадцатилетней племяннице Мануила. Однако Нур ад-Дин неожиданно выздоровел, хотя оставался слабым. Не будучи уверен в своем будущем, он приостановил военные действия для совершения священного паломничества в Мекку. Опасаясь столкновения с объединенными армиями Иерусалима и Константинополя, он решил начать собственные переговоры о перемирии с Мануилом.

Несмотря на слабость, Нур ад-Дин пережил Балдуина III — в 1162 году иерусалимского короля тоже поразила внезапная болезнь. Вильгельм (Гильом) Тирский уверяет, что Балдуин был отравлен каким-то врагом при дворе; но какой бы ни была причина, он «страдал от лихорадки и дизентерии», и пролежал в постели несколько месяцев, постепенно слабея⁴. Он скончался в феврале 1163 года, не оставив потомства, а королем Иерусалима стал его младший брат Амальрик (Амори).

Нур ад-Дин отказался воспользоваться случаем. *«Когда Нур ад-Дину намекнули, — пишет Вильгельм Тирский, — что пока мы были заняты похоронными церемониями, он мог вторгнуться и опустошить землю своих врагов, он, как говорят, ответил: „Мы должны соболезновать их горю и помиловать их из жалости“»*⁵. Болезнь изменила Нур ад-Дина; его безжалостность, пугавшая его собственных людей, исчезла.

Амальрик I, ставший королем Иерусалима в возрасте двадцати семи лет, немедленно принял меры для укрепления собственного могущества. Союз с императором Мануилом I обеспечивал ему поддержку с севера — но на востоке Нур ад-Дин был слишком силен, чтобы на него нападать. На западе находилось Средиземное море. Единственным направлением, в котором Амальрик мог продвигаться, был юг; таким образом, он устремил свой взгляд на Египет.

Крестоносцы подумывали о завоевании Египта в течение многих лет; Балдуин III даже совершил поход к Эль-Аришу, на восточной окраине владений Фатимидов, и вернулся в Иерусалим после того как Фатимиды предложили платить ему ежегодную дань. Теперь же, заявив, что Фатимиды не выплатили дань, Амальрик собрал войско, которое должно было двинуться на юг по суше и по морю. Для укрепления своего флота он нанял десять боевых галер в Пизе — в обмен передав пизанским купцам под факторию участок земли, расположенный чуть выше гавани Тира⁶.

Пред лицом предстоящей войны Фатимиды обратились за помощью к Нур ад-Дину. Это положило начало череде союзов, очень напоминавших те нестойкие коалиции, что последовали за Первым крестовым походом. Нур ад-Дин, не желая участвовать в длительной войне в Северной Африке, но при этом также не желая, чтобы Египет достался его врагам, отправил войска на помощь Шавару, визирю Фатимидов, в итоге вторжение крестоносцев так и не состоялось*.

Но Шавар вскоре обнаружил, что пригрел на груди змею. Командующим тюркским отрядом Нур ад-Дина был опытный курдский военачальник по имени Ширкух; он служил еще отцу Нур ад-Дина, Занги, и теперь увидел возможность новой карьеры. «Своими деяниями и, возможно, своими словами, — пишет Вильгельм Тирский, — он доказал, что если удача улыбнется ему, он может взять... царство под собственный контроль»⁷.

Поняв, что амбиции Ширкуха более опасны, чем армия крестоносцев, Шавар отправил посольство к Амальрику I, предлагая ему союз — если войска Иерусалима вернутся в Египет и помогут в борьбе против тюрок. Амальрик, только что вернувшийся в Иерусалим, отреагировал мгновенно, вновь направив войска в Египет, но на этот раз уже на помощь Фатимидам. Совместными усилиями мусульмане и крестоносцы заставили Ширкуха отступить.

Победа обеспечила Иерусалиму контроль над полосой земли, которая простиралась до Красного моря. Но Ширкух, вернувшись к Нур ад-Дину, не отчаивался. «После возвращения он продолжил

* В государстве Фатимидов реальной властью обладал именно визирь, а не подросток-халиф. Мы сознательно опускаем здесь рассказ о запутанных обстоятельствах внутренней борьбы между Шаваром и его соперником Диргамом, тоже претендовавшим на звание визиря. В итоге крестоносцы отступили, а Шавару пришлось разбираться с амбициями уже не Диргама, а Ширкуха. (Прим. авт.)

размышлять о вторжении в Египет, — говорится в „Хронике“ Ибн аль-Асира. — Он был помешан на этом».

В конце 1166 года, спустя почти три года после ухода из Египта, Ширкух вернулся — с неохотным благословением Нур ад-Дина, с многочисленной тюркской армией, а также с племянником Саладином*, который был его первым помощником⁸.

Амальрик и Шавар встретили Ширкуха в долине Нила в марте 1167 года — и потерпели поражение. Ширкух захватил Александрию и назначил Саладина ее правителем; франки и Фатимиды осадили город, но Саладин его удержал. Наконец, совместное посольство крестоносцев и мусульман договорилось о перемирии в обмен на крупную сумму денег. Экспансия тюрок на какое-то время остановилась в Александрии.

Амальрик вернулся в Иерусалим, где вновь решил поменять сторону. Опыт операций в Египте дал Амальрику понять, что он никогда не захватит Египет без внешней помощи; поэтому он предложил Мануилу I объединить войска Иерусалима и Византии, отправиться в Египет и изгнать как Фатимидов, так и тюрок**.

Однако и этот поход Амальрика провалился, как и первые два, а в отношениях христиан и мусульман появились новые линии разлома. В конце 1168 года объединенные силы византийцев и крестоносцев захватили восточный египетский город Танис — но Нур ад-Дин прислал крупные подкрепления и остановил христиан. В армии Фатимидов произошел раскол: часть ее поддержала Шавара в войне против христиан, другая присоединилась к христианам для сдерживания тюрок⁹. Но в итоге объединенная армия христиан была вынуждена отступить.

Теперь перед Шаваром встали две опасности — и крестоносцы, и тюрки, захватившие Египет. Он поссорился и с теми, и с другими. Его изначальный союз с Иерусалимом разгневал многих египтян (в частности, жителей Каира), а его сопротивление Ширкуху — теперь обосновавшемуся в Фустате под Каиром — сделало Шавара врагом Нур ад-Дина.

* Правильно — Салах ад-Дин. Но даже это — не имя, а почетное именование (*хитаб*), добавляемое к имени полководца и в данном случае означающее «благочестиво верующий»; настоящее имя Саладина было Юсуф ибн Айюб ад-Дауни. Он прибыл в Египет вместе с Ширкухом уже в 1164 году и сыграл важную роль в сражении у Бильбейса — которое обе стороны объявили своей победой. (*Прим. ред.*)

** Возможно, предложение исходило от Мануила — но Вильгельм Тирский был уверен, что изначальная идея принадлежала Амори; мы не можем это узнать наверняка. (*Прим. авт.*)

Хронологическая таблица 15

Испанские королевства	Альмохады	Канем и Кильва	Соссо и Бенни	Государства тюрок и Египет	Сирия
		Дунама I (1097–1150)	Огисо Оводо (ок.1100 — ок.1200)		Иерусалимское королевство (1099)
Альфонсо Воитель из Арагона и Наварры (1104–1134)					
					Бозмунд II Антиохийский (1111–1130)
					Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)
				Занги (1127–1146)	
	аль-Мумин (1130–1163)	Дауд бен Сулейман (1131–1170)		Фулк Иерусалимский (1131–1143) Мелисенда Иерусалимская (1131–1153)	
Альфонсо VII из Леона и Кастилии (1134–1157) Рамиро II Арагонский (1134–1157) Гарсия Рамирес Наваррский (1134–1150)					Раймунд Антиохийский (1136–1149)
Битва при Орике (1139) Афонсу Энрикеш Португальский (1139–1185)				Землетрясение в Алеппо (1138)	

Испанские королевства	Альмохады	Канем и Кильва	Соссо и Бенни	Государства пюрок и Египет	Сирия
Португалия завоевывает Лиссабон (1147)	Альмохады уничтожают Альморавидов (1147)			Второй крестовый поход (1145–1149) Нур ад-Дин (1146–1174)	Балдуин III Иерусалимский (1143–1153)
Санчо VI Гарсес Наваррский (1150–1194)	Юсуф I (1163–1184)			Шавар (визирь, 1162–1169)	Амальрик Иерусалимский (1163–1174)
Санчо III Кастильский (1157–1158) Фернандо II Леонский (1157–1188)				Завоевание Египта Ширкухом. Саладин становится правителем (1169)	
	Битва при Уэте (1172)		Вторая династия Бенниа (ок. 1170)	Конец династии Фатимидов (1171)	
Союз пяти христианских королевств (1177)			Диара Канте (1180–1200)		
		Сальмама I (1194–1221)			
		Сумантуру Канте (1200–1235)			

Шавар собирался пойти на обман: пригласить Ширкуха и его офицеров на праздник и там схватить их, а затем переманить их войска. Но его сын пригрозил, что расскажет Ширкуху об этом плане, если отец от него не откажется: *«Погибнуть, как мусульмане, когда земля находится во власти ислама, — сказал он, по словам Ибн аль-Асира, — лучше, чем быть убитыми после того, как земля достанется франкам; ибо стоит только франкам прослышать о том, что Ширкух схвачен, как они тут же вернутся»*¹⁰.

Поэтому Шавар не стал нарушать мир. 18 января 1169 года он направился в лагерь Ширкуха на переговоры. По пути его встретил Саладин с небольшим отрядом воинов; они отвели Шавара на могилу великого законодателя IX века, имама аль-Шафии, и там убили¹¹.

Теперь контроль над Египтом оказался в руках Ширкуха — хотя номинально он воздавал почести халифу Фатимидов Аль-Адиду, которому едва исполнилось 22 года, абсолютно бессильному в делах государства. На практике же Ширкух присоединил Египет к империи Нур ад-Дина. Два месяца спустя он внезапно умер, переев жирного мяса на пиру; солдат успел побыть правителем лишь в последний момент своей жизни. Его место в качестве правителя Египта занял племянник — Саладин.

Спустя семь месяцев армия крестоносцев и византийцев вернулась и взяла в осаду портовый город Думьят (Дамьетту), в ста двадцати милях к северу от Каира. Осада была последним жалким ходом в обреченной кампании. Византийские корабли, отправленные для поддержки сухопутных войск крестоносцев, были недостаточно подготовлены, вдобавок у них уже кончались припасы — а иерусалимская армия отказалась поделиться своей провизией. Тем временем Саладин не испытывал трудностей в снабжении Думьята оружием и припасами по Нилу. Он потратил, по словам Аль-Асира, «неисчислимые денежные суммы» на Думьят — понимая, что если город падет, христиане получают опорный пункт, который у них будет сложно отобрать.

Дождь несколько недель подряд заливал шатры крестоносцев; византийские генералы спорили с иерусалимскими командирами о дальнейшей стратегии; множество стоявших на якорях византийских кораблей было уничтожено, когда египтяне отправили в их сторону брандеры*. «Почти все ощущали, что наш тяжелый

* Было уничтожено шесть кораблей; кроме того, в ходе вылазки осажденным удалось сжечь часть осадных машин. Всего осада продолжалась с 25 октября по 19 декабря. (Прим. ред.)

труд был потрачен впустую», — писал Вильгельм Тирский. В итоге через пятьдесят дней христиане сняли осаду и двинулись домой, виня друг друга в поражении¹². Крестовый поход вновь закончился провалом.

К 1171 году Нур ад-Дин уже достаточно уверенно чувствовал себя в Египте, чтобы отдать распоряжение убрать имя молодого халифа из общественных молитв. Это было равноценно свержению династии Фатимидов. Но Саладин, на которого было возложено исполнение этого указа, опасался общественных протестов. Он тянул время, спорил и выжидал. Как раз когда Нур ад-Дин начал злиться на него, халиф заболел (судя по всему, по естественным причинам). Когда стало ясно, что болезнь серьезна, Саладин отправил письма с приказом об изменении в молитвах.

Никто в семье молодого халифа не сообщил ему, что де-факто он свергнут. «Говорили, если он поправится, тогда ему расскажут об этом, — пишет Ибн Аль-Асир, — но если ему суждено умереть, не стоит огорчать его таким известием перед смертью». Халиф умер в день Ашуры, то есть 13 сентября 1171 года, все еще находясь в неведении о своем статусе¹³.

Халифату Фатимидов, правившему в Северной Африке с 909 года, пришел конец. И хотя Египтом теперь владел Нур ад-Дин, его истинным правителем был Саладин. В последующие годы общее дело, которое должно было объединить мусульман, окажется еще более хрупким, чем единство веры между королевствами крестоносцев и Константинополем.

Глава 16

Монахи и брахманы

Между 1150 и 1189 годами царь Шри-Ланки берет под контроль свой остров и его монастыри, а индуистский пророк пытается дать людям новую власть

Совсем рядом с южной оконечностью Индостана был коронован буддистский герой.

Столетием ранее остров Шри-Ланка контролировала империя Чола: величайшая южная индийская империя из всех, когда-либо существовавших, богатое царство, которое пролегалось на восток вплоть до островов Ява и Суматра и на север до реки Нармада.

Царь Чола был преданным служителем индуистского бога Шивы; храмы Шивы и *лингамы* — монолитные колонны без каких-либо украшений, олицетворяющие всеобъемлющую трансцендентную сущность Шивы — усеивали обширные просторы земли Чола.

Эта держава достигла пика своего величия в конце XI века. А потом некоторые области начали отделяться. На южном побережье Шри-Ланки мятежник по имени Виджайя Баху провозгласил себя царем всего острова; войска Чола, переправившись по морю, смогли вернуть север — но Виджайя Баху удерживал юг до своей смерти.

После Виджайи Баху правили его дети и внуки, но остров остался разделенным даже после того, как Чола отказались от претензий на него. Древняя хроника царей Шри-Ланки, «Махаванса», сетует, что потомки Виджайи Баху «разделили землю между собой и завладели отдельными ее частями». Центром самого большого царства Шри-Ланки стала столица самого Виджайи Баху, Полоннарува; остальные царские родственники правили в Южном царстве и в небольшом государстве Рухуна¹.

Около середины столетия племянник правителя Рухуны начал терять покой. Его звали Паракрама Баху; он также был племянником правителя Южного царства и двоюродным братом царя Полоннарувы — и со временем имел шанс унаследовать одну из этих территорий. Но, как говорит нам «Махаванса», Паракрама был более амбициозен; мысль о господстве над всей Шри-Ланкой лишила его покоя, и он надеялся «сделать весь остров красивым, объединив его под властью одного владыки»².

Он плел интриги против одного дяди, сражался с другим и убедил двоюродного брата сделать его наследником. К 1153 году он наконец-то получил короны всех трех царств, и впервые за много сотен лет Шри-Ланка была объединена под властью единого правителя.

За тридцать без малого лет своего правления Паракраме удалось совместить тщательно обдуманную практическую реформу с осторожной религиозной реформой. Он снизил налоги (очень популярный ход) и занялся восстановлением ирригационной системы, что резко повысило урожайность («В такой стране, — как утверждалось, говорил он своим министрам, — даже одной капле дождя нельзя позволить утечь в океан без принесения пользы»).

Каналы и дамбы, со временем пришедшие в негодность, теперь были вычищены и восстановлены. Паракрама приказал увеличить

Карта 16.1. Остров Шри-Ланка

небольшое водохранилище на окраинах города и объединить его с другими водными резервуарами — создав водоем, названный «морем Паракрамы». На искусственном острове в его центре он построил прекрасный трехэтажный дворец, из окон которого были видны новые воды. Возле северного города Маннар он создал еще более крупное водохранилище — бассейн Великана, искусственное озеро, расположенное на покато́й равнине и удерживаемое специально возведенными насыпями. Его строительство стало настоящим инженерным подвигом. Бассейн Великана превратил сухой, засоленный север острова в область настолько плодородную, что ее до сих пор называют «Рисовой Миской»³.

Предпринятые Паракармой работы обходились недешево — но рост урожая возместил все расходы:

«Он осушил большие болота и топи, и заставил воду изливаться в реки, и создал рисовые поля, и собрал запас зерна. ... Так этот мудрый правитель добился того, чтобы доходы от одних только новых рисовых полей были выше, чем доходы от старых рисовых полей в [целом] царстве; и когда он добился этого, он привел страну к такому процветанию, что жители больше никогда не узнают тяготы голода»⁴.

Продолжение «Махавансы» приписывает Паракраме постройку или восстановление 165 дамб, около 4000 каналов и около 2500 водохранилищ⁵.

Однако его религиозные реформы были не менее энергичными. Предок Паракрамы, Виджайя Баху, прогнав индуистских захватчиков, правил как буддистский царь. В последующем столетии буддистские храмы и монастыри везде пришли на смену святилищам Шивы. Наиболее величественным из них был дом Зуба Будды. Этот зуб, который считался одной из семи несторевавших реликвий, переживших кремацию Будды, попал на остров в IV веке и скрывался от индуистских властей. Сам Паракрама сражался за зуб Будды, отобрал его у правителя-соперника в битве за объединение острова и поместил в своей столице⁶.

Но буддизм на острове все еще переплетался с индуизмом; монахи и жрецы были расколоты и конфликтовали. За господство в столице боролись три монашеских ордена — *никайи*. Они по-разному трактовали правила монашества, буддистские тексты, а также оспаривали контроль над храмами. Царство Паракрамы лишь начало свое существование как единая страна, и раскол среди клириков сразу на три течения неизбежно вбивал клинья в едва сросшиеся разломы между тремя отдельными народами.

В поисках помощи Паракрама Баху обратился к Махакашьяпе — главе ближайшего лесного монастыря. Такие монастыри сильно отличались от городских и деревенских: монахи в них были более простыми и менее заинтересованными в политических раздорах, они куда строже следовали обрядам. Лесные монастыри были местами тихой медитации, а не громких конфликтов; вдали от центров могущества монахи, как считалось, достигали отрешенности и ясности, отсутствовавшей в шумных и богатых городских монастырях⁷.

В 1165 году, действуя по совету Махакашьяпы, Паракрама Баху созвал глав всех трех *никайи* на совет. Там он провозгласил, что, являясь верховным царем, — а его священное право на власть бы-

до доказано победами над врагами и защитой зуба Будды — он отменяет все три монашеских ордена. Вместо этого будут существовать только два вида монахов: *гамавашин* и *араннавашин* — горные и лесные.

Для предотвращения раздоров Паракрама сам станет главой буддистской церкви в стране. Монахи больше не будут обсуждать толкование писаний — Паракрама и Махакашьяпа в качестве его главного советника примут решение о правильном способе толкования канонических законов. Вместе они создадут официальную *катикавату* — царский свод законов, излагающий, как именно следует отправлять религиозные обряды, и свод этот будет иметь такую же силу, как и божественные законы⁸.

Это было огромное отклонение от традиций прошлого. Цари-буддисты всегда выступали в качестве защитников и покровителей буддистских монастырей, предоставляли им земли и блага, заботились об их процветании. В буддистской традиции монарх был одновременно *чакравартином* — царем, с помощью которого *дхарма*, все доброе и правильное, распространяется по Вселенной, и *бодхисаттвой* — проявлением самого Будды, просветленным, решившим остаться в мире для того, чтобы принести миру спасение.

Но Паракрама Баху претендовал на более прагматичные права. Он изгнал многих монахов из монастырей вообще и объявил их мирянами. Затем он распорядился все рукоположения буддистского священства проводить в столице — таким образом, царь мог следить за клириками и препятствовать вступлению в монашество людей со слишком явными политическими амбициями. Наконец, он мог сам контролировать действия клириков⁹.

Разделенные и лишенные предводителя, монашеские ордена не могли сопротивляться водовороту реформ. За следующее десятилетие буддистское монашество сделалось мощной силой притяжения, способствующей сплочению страны, а не ее разделению. И сама практика буддизма стала частью структуры нового государства — превратившись, благодаря руководству царя, в светскую силу.

* * *

Пока Шри-Ланка превращалась в единую нацию, империя Чола распадалась на части. В течение как минимум тысячи лет Индия была землей многих мелких царств; все попытки собрать их в единое целое приносили лишь временное, иллюзорное единство, заканчивающееся распадом.

В XII веке огромное царство Чола на севере и востоке граничило с двумя родственными династиями, известными как Чалукья. Владения Восточной Чалукья были завоеваны и вынужденно стали частью империи двумя столетиями ранее; Западную Чалукья убедили вступить в союз переговорами и взятками. Но как раз во время восстания Виджайи Баху младший брат царя Западной Чалукья напал на старшего брата и силой отобрал его престол. Он немедленно нарушил традиционный союз и начал сражаться против Чола.

Последовавшие сто лет войны принесли сторонам лишь расходы и разорение, открыв брешы в стенах обеих империй. Несколько вассальных княжеств успешно провозгласили независимость, среди них были Хойсала и Сеуна, Какатия и Калачура.

В 1157 году Биджала II, царь Калачуры, одержал великую победу, захватив Каланьи, столицу Западной Чалукья, и вынудив ее правителя спастись бегством. Как и Паракрама Баху на юге, Биджала II внезапно оказался правителем раздробленного царства, охватывавшего огромное пространство. Но в отличие от Паракрамы он не мог использовать религию для его объединения.

Вскоре после завоевания Каланьи случилась беда: умер Баладева, доверенный первый министр Биджалы II. Следуя его посмертной рекомендации, царь назначил новым первым министром племянника Баладевы, которому не исполнилось еще и тридцати лет. Его звали Басава, и он уже имел репутацию умного и праведного человека. Басава не сразу принял предложение царя, но через некоторое время все же переехал в Кальяни¹⁰.

Биджала не представлял, какую бомбу подложил под свое государство. Согласно позднейшей биографии, «Басава пурано», Басава занял предложенный пост лишь из-за того, что это давало ему возможность распространять свои собственные идеи. Он был преданным служителем Шивы — не просто адептом, но религиозным фанатиком. Для него Шива был единственным богом, поддерживающим весь мир, вездесущим и в равной степени милостивым ко всем мужчинам и женщинам. Он организовал секту единомышленников, каждый из которых носил знак — небольшой лингам, подвешенный на шнурке вокруг шеи или левой руки. Прозванные *лингаятами*, то есть «носителями лингама», эти люди посвятили себя поискам большей любви к богу; для них весь их труд в мире был поклонением Шиве — который создал материальный мир и которого следовало почитать работой в нем.

Как писал один последователь,

*Пусть это лишь лист дерева,
Если он возвращен добросовестным трудом —
Он достоин подношения Линге...
Ведь работа есть поклонение, и
Бог есть в работе, которую мы выполняем¹¹.*

Хоть философия лингятов была простой, она опасно сталкивалась с политическими реалиями Индии XII столетия.

Как и буддистские монастыри Шри-Ланки, индуистские храмы Центральной Индии получали от царей и прямые денежные пожертвования, и освобождение от налогов. В обмен на это служившие в них жрецы-брахманы поддерживали политику власти. Их каста держалась особняком, брахманы женились только на женщинах своей касты, жреческие земли передавались по наследству.

Но могущество брахманов заключалось не только в их богатстве — его обеспечивала и сама служба в храмах. Они стояли во главе сложной и жесткой системы отправления индуистских об-

Карта 16.2. Разрушение Чола

Хронологическая таблица 16

Канем и Килва	Соссо и Бенин	Тюркские государства	Египет	Сирия	Шри Ланка и Южная Индия
					Виджайя Баху (1070–1110) Война между Чола и Чалукьей
Дунама I (1097–1150)	Отисо Оволо (ок. 1100 – ок. 1200)			Иерусалимское королевство (1099) Бозмунд II Антиохийский (1111–1130) Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)	
		Занги (1127–1146)	Фульк Иерусалимский (1131–1143) Мелисенда Иерусалимская (1131–1153)		Биджала II из Калачури (1130–1167) Развитие движения лингапта
Дауд бен Сулейман (1131–1170)				Раймунд Антиохийский (1136–1149)	
		Землетрясение в Алеппо (1138)			

Канем и Кильва	Сосо и Бенин	Тюркские государства Нур ад-Дин (1146–1174)	Египет Второй крестовый поход (1145–1149)	Сирия Балдуин III Иерусалимский (1143–1153) Паракрама Баху (1153–1172)	Шри Ланка и Южная Индия
			Шавар (визирь, 1162–1169) Завоевание Египта Ширкухом	Амальрик Иерусалимский (1163–1174)	
	Вторая династия Бенина (ок. 1170)		Саладин становится правителем (1169)		
			Конец династии Фатимидов (1171)		Сомешвара Калачурский (1172–1176) Санкама Калачурский (1176–1187)
	Диара Канте (1180–1200)				Сомешвара IV из Чалукьи (1183–1187)
Сальмама I (1194–1221)					
Сумангуру Канте (1200–1235)					Конец Чалукьи

рядов, и следование этой системе считалась единственным способом добиться милости богов. Без руководства брахманов индуисты не могли существовать¹².

В то же время философия Басава и других лингаятов устраивала брахманов. По их мнению, каждый верующий приходил к Шиве самостоятельно — в глубине своей души, на личной тайной встрече, для которой не требовались какие-либо храмы, жертвоприношения и жрецы. Единственным служением, которое требовал Шива, был целеустремленный ручной труд — тот род деятельности, которого брахманы по закону избегали.

Что беспокоило правителей еще сильнее — учение лингаята устраняло все остальные преграды и клановые барьеры в индуистском обществе. Женщинам и мужчинам были одинаково рады. В поклонении Шиве отрицались классовые или клановые привилегии. Нижние слои индийского общества — люди, занимающиеся физическим трудом — тоже могли осуществлять религиозные обряды.

Учение лингаята быстро распространилось по царству Биджалы; оно несло угрозу как статусу брахманов, так и власти монарха — укреплению которой брахманы занимались всю свою жизнь¹³.

Увы, Басава похоронил свой успех, весьма неосторожно поступив с царской казной. Он потратил значительную часть денег Биджалы на материальную поддержку и пропитание своих адептов. Около 1167 года Биджала II узнал о растрате. Он не нашел ничего лучшего, как ответить арестом и ослеплением двух наиболее известных лингаятов. Эта бессмысленная акция в конечном счете погубила и царя, и его первого министра.

Существуют как минимум четыре различных версии того, что произошло далее: судя по всему, Биджала был убит одним (или несколькими) возмущенными лингаятами; Басава бежал — но сын и наследник Биджалы, Сомешвара, отправил войска для его преследования. Басава был схвачен и казнен (или, по другой версии, случайно погиб, уходя от погони).

Однако секта лингаята выжила. Ее последователи стали известны как *вирашиваиты*, и на протяжении многих веков они бросали вызов традиционным кастам и обрядам индуизма.

* * *

Несмотря на религиозные реформ, ни одно царство не просуществовало долго.

В 1172 году Паракрама Баху умер после тридцати трех лет славного и успешного правления. Несколько его преемников в до-

вольно короткие сроки были, убиты, заключены в тюрьму, ослеплены или сосланы. Тщательно сконструированное Паракрамой единство распалось, и остров снова оказался беспомощен перед внешним завоеванием¹⁴.

Старшие сыновья Биджалы, Сомешвара и Санкама, правившие царством один за другим, сохраняли владения отца немного дольше. Но после смерти Санкамы в 1181 году к власти пришли два младших сына Биджалы; постепенно их неопытность катастрофически ослабила страну. Царь Западной Чалукьи Сомешвара IV вернул себе старую столицу — Каланьи. Царство Калачури тоже было поглощено Западной Чалукьей — но и ее дни оказались сочтены. В 1187 году Сомешвара IV был убит в войне против бывшего вассального царства Хойсала, а затем в течение двух лет Сеуна, Хойсала и Какатия разделили старые владения Чалукьи между собой¹⁵.

Глава 17

Завоевание Желających

*Между 1150 и 1202 годами индуистская династия Сена
свергает буддистское царство Пала и в своем рвении случай-
но открывает двери исламу*

В середине XII столетия вассальный князь Северо-Восточной Индии по имени Виджай Сен окончательно избавился от ограничений, введенных его сюзеренами*.

В этом не было ничего нового. В течение как минимум тысячи лет государства Индийского субконтинента развивались по удивительно схожей схеме. Воин покорял царство, силой заставляя подчиняться глав крупнейших племен и кланов; он основывал династию — после чего его дети и внуки правили лоскутным государством, постоянно подкрепляя свою власть: подкупом, угрозами, силой заставляя подчиняться никуда не девшихся местных вождей.

Царство расширялось; царь передавал все больше власти в отдаленных областях своим наместникам — в итоге кто-то из них неизбежно восставал против своего далекого правителя и в конце

* Это имя также пишется как Виджайясена; непосредственные преемники князя, Баллал Сен и Лакшман Сен, также известны как Баллалсена и Лакшманасена. (Прим. авт.)

концов основывал собственное царство, силой приводя к подчинению глав местных кланов и племен.

Довольно часто новая династия была родственна старой, поэтому иногда между ними сложно провести строгие разграничения. Чаше всего новое государство имело тот же язык, обычаи, религию и мифологию, что и его предшественники. Но Виджай Сен внес изменение в древние шаблоны.

Его сюзереном был Рамапала, царь империи Пала. Эта империя Пала владела восточной частью дельты Ганга (областью, которая часто именуется Бенгалией) с VIII столетия. Согласно традиционной мифологии Гопала, основатель династии, был избран своим народом, чтобы принести в дельту мир и справедливость. Как указывает надпись в память правления Гопалы, это было государство, подчинявшееся лишь «Закону рыб» — когда крупные и сильные пожирают слабых в море хаоса¹.

Гопала был преданным буддистом и провел значительную часть своего 25-летнего правления, строя храмы и учреждая религиозные школы для наставления своих людей на правильный путь. Однако буддизм Пала был широким и гибким. Как и классический буддизм более ранних столетий, он учил, что все физические вещи преходящи, и только просветление может раскрыть истину о нереальности и мимолетности мира*. Но жители Пала также исповедовали и разные последующие ответвления буддистской мысли, пользовались священными текстами на разных языках и даже заимствовали ритуалы индуизма — хотя и считали себя ортодоксальными буддистами².

Хотя цари Пала, следовавшие за Гопалой, чаще являлись индуистами, чем буддистами, их индуизм был таким же гибким, как буддизм Гопалы. Они продолжали строить буддистские храмы и предоставлять щедрые земельные и материальные дары буддист-

* К V веку буддизм разделился на две основные школы, известные как Теравада и Махаяна. Буддизм Теравада подчеркивал разум и мудрость, учил, что ритуалы менее важны, нежели индивидуальная медитация; он рассматривал монашество как высший путь веры. Буддизм Махаяна выше всего расценивал сострадание, придавал большое значение важности ритуалов и рассматривал просветление, как доступное для всех (в том числе мирян). Полезную информацию об их различиях можно найти в книге Huston Smith and Philip Novak, *Buddhism: A Concise Introduction* (Harper San-Francisco, 2003), pp. 63–73; см. также Bauer, *The History of the Medieval World*, pp. 98ff. Буддизм государства Пала был ближе к школе Теравада, но включал много других элементов. «Классический буддизм» является сокращенной фразой для обозначения элементов, содержащихся в целом в Тераваде, Махаяне и большинстве других буддистских практик. (Прим. авт.)

Карта 17.1. Продвижение Гуридов

ским монастырям. Для обучения в храмах Пала сюда прибывали монахи из Китая, с далекого южного острова Шри-Ланка и из горного королевства Непал. В монастыре Одантапури, построенном под покровительством Гопалы и его сына, имелась тысяча постоянных обитателей; по словам историка конца XVI века, в особых случаях здесь могли собраться около двенадцати тысяч монахов³. Царство Пала стало оазисом для индийского буддизма, который на протяжении последних столетий терял позиции в пользу традиционного индуизма*.

* Индуизм — понятие, охватывающее широкий спектр верований и практик, которые развивались в течение более чем пяти тысяч лет. Большинство разновидностей индуизма разделяют следующие положения: есть лишь одна божественная сущность — которая, однако, может проявляться многими способами, поэтому богов и богинь индуизма следует расценивать как разные лица одного божества; жизнь есть цикл, который повторяется вновь и вновь; люди — двойственные существа, содержащие как неизменную сущность божества (*атман*), так и собственную личность (*дживатман*), которая состоит из опыта, характера и всех вещей, которые отличают нас друг от друга. Личные действия *дживатмана* порождают *карму*: хорошие действия и намерения — хорошую, плохие действия — плохую. Индуисты стремятся обеспечить

Виджай Сен не последовал примеру своих сюзеренов из династии Пала. Его дед был суровым воином-индуистом с юга, на склоны не лет перебравшимся в дельту Ганга; его отец претендовал на право владеть небольшим княжеством, где обосновался старик. Сам Виджай Сен был поклонником Шивы и Вишну, посвятившим свою жизнь индуистским практикам и ритуалам, в которых был воспитан. Буддизм он считал ересью.

Он начал свою карьеру завоевателя будучи еще юношей, в самом начале XII века, используя владения отца в качестве базы. Поначалу он сохранял видимость преданности верховному царю, покоряя местных вождей во имя могущества Пала. Но когда в 1120 году скончался его повелитель Рамапала, Виджай Сен прекратил притворство. Опытный воин и монарх, Рамапала правил в течение 43 лет — но его преемники, слабые и бездеятельные, теряли все больше и больше территорий, которые доставались Виджай Сену.

К концу 1140-х годов Виджай Сену шел уже шестой десятой лет. Он провел всю жизнь на войне, и он мог претендовать на власть в царстве, которое сложилось в дельте. Его сын, Баллал Сен, являлся его наследником, его внук, Лакшман Сен, стал одним из его ведущих полководцев. В 1150 году Лакшман Сен во главе армии своего деда напал на столицу Пала, Гаур.

Войско Сена захватило город, а царь Маданапала бежал на север — на территорию, известную, как Бихар. В изгнании он продолжал звать себя царем Гаура и утверждать, что господствует над старой территорией Пала. Но большинство этой территории оказалось в руках Сена⁴.

Виджай Сен отметил свой триумф, построив великий храм Прадьюмнешвара и проведя в нем древний индуистский ритуал Великого Дара. Церемония Великого Дара была измененной фор-

себе хорошую карму, живя *дхармой* — добрым и правильным. Жизнь, проведенная в дхарме, порождает хорошую карму, и в результате в следующем цикле жизни верующий реинкарнируется в высшее и лучшее существо. В итоге каждый индуист надеется, что после многих реинкарнаций он доведет до совершенства умение жить по законам *дхармы*, и в результате будет освобожден от своей личности, *дживатмана*, и будет состоять только из *атмана*, божественной сущности. К этому моменту он станет единым с богом — «как река впадает в море» — он лишится всей человеческой индивидуальности и выйдет из цикла реинкарнаций. Превосходное введение в основы индуизма и его многочисленных вариаций для неспециалистов — книга Джанин Д. Фоулер «Индуизм: верования и практика»: Jeaneane D. Fowler. *Hinduism: Beliefs and Practices* (Sussex Academic Press, 1997). (Прим. авт.)

мой древней царской церемонии, в которой индуистские жрецы-брахманы освящали коня и на год отпускали его гулять на воле. По прошествии года царь должен был собственными руками убить коня, после чего царица возлегала с мертвым конем под золотое одеяло и изображала половой акт. Сила священного коня и царя сливалась воедино и переходила к царице, поэтому ее сыновья тоже наполнялись божественной силой⁵.

До XII века дошла только символика этого поразительного ритуала; Виджай Сен просто преподнес храму золотую лошадь и колесницу, сопроводив это должными молитвами и ритуалами. Он также подарил своим брахманам участки земли. Это действие было значительно менее пафосным, чем действие с конем и царицей — и куда менее интересным для зрителей; но значение обряда оставалось тем же.

Как индуистский царь, Виджай Сен находился в промежутке между небом и землей, и царские ритуалы, которыми он руководил, приносили божественное в мир людей. «Он никогда не устал совершать жертвоприношения, — сообщает одна из его надписей, — и его властью Дхарма [то есть космический порядок], хоть и стала с течением времени одноногой, может продвигаться по земле»⁶.

Это не был гибкий мир Пала. Это был мир жесткой иерархии, в котором царь занимал центральное и наиболее важное место; ниже него стояли брахманы, его жрецы; еще ниже них — воины и аристократы-землевладельцы; и под их контролем — крестьяне, возделывавшие землю.

Это распределение классов или каст было не таким жестким, как его описывают более поздние западные авторы*. Кастовая система была весьма далека от строгого разделения общества на

* Система каст чрезвычайно сложна, а вдобавок является предметом слишком многих подробных научных исследований, чтобы все здесь перечислить. Здесь я использовала позицию Бернарда С. Кона, утверждавшего, что, хотя касты всегда были важным элементом индуистской культуры, британцы в своих попытках понять странную и чуждую систему, «сократили очень сложные коды и ассоциированные с ними значения до нескольких метонимов». См. его книгу: Bernard S. Cohn, *Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India* (Princeton University Press, 1996), p. 162. Для наших целей достаточно отметить, что, хотя индийские касты были менее гибкими, чем европейские социально-экономические категории, переход от крестьянина к землевладельцу на севере Индии был не более сложным, чем, скажем, переход от крестьянина к рыцарю в Германии XII столетия. (Прим. авт.)

четыре класса — она включала десятки категорий и небольших групп, а границы между ними порой были весьма размытыми. К примеру, индуистские законы запрещали брахманам самим становиться за плуг, поэтому жрецы, получавшие от царя землю в дар, по необходимости становились помещиками, нанимая крестьян-арендаторов, которые занимались фактической работой. Было возможно и некоторое движение между кастами. Местный вождь мог быть ритуально переведен царем в более высокую касту, что увеличивало его власть; могли также появляться новые касты — как случилось несколькими столетиями ранее с *Каястхой*, классом профессиональных писарей, получивших почти столько же власти, как и жрецы⁷.

Но при всей своей гибкости кастовая система давала Виджай Сену и его наследнику Баллал Сену, унаследовавшему престол нового царства Сена в 1158 году, метод сохранения государственного порядка. Оба царя уделяли значительное внимание привилегиям и обязанностям каждого класса. Браки между представителями разных классов тщательно контролировались — естественно, в пользу монарха. Баллал Сен лично написал несколько трактатов на эту тему. Он принял закон, разрешающий брахманам, естественным союзникам престола, иметь более одной жены — тем самым увеличив количество брахманских детей.

Пала прежде вообще не обращала внимания на касты, а все изменения, внесенные династией Сена (включая внезапное прекращение покровительства буддизму), оказались для народа Бенгала слишком резкими. Презрение Виджай Сена к традиционной религии Пала, а также введение его сыном жесткой кастовой системы вызвало нарастание напряженности в царстве Сена. Когда же на западном горизонте появился новый завоеватель, это подлило масла в огонь.

* * *

Более чем столетием ранее мусульманское царство тюрок-Газневидов начало продвижение на восток. Газневиды с боями проникли через Хайберский проход в Индию, основав здесь свое государство. Затем они утратили свои владения на Ближнем Востоке, но их царство в Северной Индии процветало. В 1150 году им правил Беграм-Шах, занимавший свой престол вот уже три десятка лет. Он формально являлся вассалом тюркского султана Хорасана, Ахмада Санджара, к тому времени ставшего самым могущественным из тюрок — «Великим Сельджуком».

Беграм был покровителем поэтов, математиков и философов. При его дворе можно было увидеть поэта Фирдоуси, родом из Хорасана, занятого подготовкой своей эпической поэмы «Шах-намэ» (которая теперь считается национальным эпосом Ирана), или астронома Аль-Бируни, погруженного в работу над одной из своих 146 книг по астрономии и математике.

Но на границах царства Газневидов назревала гроза. Власть Великого Сельджука ослабевала, его господство над другими тюркскими султанами уже давно существовало только на словах. Началось возвышение одного из вассальных кланов — Гуридов.

Гуриды владели землями на западной границе государства Беграм-Шаха; он опасался их так же сильно, как и Великий Сельджук. Он пытался предотвратить конфликт, выдав свою дочь за одного из членов правящей семьи Гур — но когда до него дошли сведения, что зять планировал напасть на него, Беграм-Шах его отравил.

Это убийство лишь воспламенило вражду. Брат убитого, Алауддин Хусейн, задумал месть, отправив войско против Беграм-Шаха. Армия Газневидов попыталась противостоять натиску Гуридов, используя боевых слонов, но люди Хусейна одержали победу. В книге «Табакат-и-Насири», написанной персидским историком Минхаджем Джузджани, говорится о том, как Хусейн подготовил своих лучших воинов, поручив каждому убить одного слона. «Каждый из этих героев нападал на слона, — пишет Джузджани, — пробираясь под броню животного и своим кинжалом разрезал слону живот». Как минимум один из смельчаков был раздавлен своей рухнувшей жертвой — но следом шла пехота Гуридов, защищенная *карвахами* — огромными щитами, обшитыми бычьими шкурами и плотной тканью. «Когда пехотинец из Гура кладут такой щит на плечи, — сообщает нам „Табакат-и-Насири“, — он полностью прикрывает человека с головы до ног... как стена; и никакое оружие не может достать до него из-за толстого слоя ткани, которой он защищен»⁸.

Постоянно продвигаясь вперед, Гуриды заставили Газневидов отступить к самой столице Беграм-Шаха, а затем ворвались в нее. В течение семи дней Хусейн со своей армией занимался грабежами и разрушением. В качестве финального штриха он приказал вытащить тела предыдущих правителей Газневидов из гробниц и сжечь на улицах. Этот налет принес ему прозвище *Джеган-Суз* — Сжигатель Мира⁹.

Хусейн не планировал захватывать землю Газневидов — утолив чувство мести, он вернулся домой. Но Беграм-Шах не оправился

от нападения. Он прожил лишь чуть больше года и скончался в 1152 году.

Вторую кампанию Гуриды начали только после смерти Хусейна в 1163 году, но на это раз сделали первый шаг в обратном направлении — в сторону Хорасана. Войско вел другой представитель клана, Гияс ад-Дин Гури вместе со своим братом Мухаммедом. Они провели в боях около десяти лет, расширяя свои границы к западу от Гималаев, освобождаясь от контроля Великого Сельджука и постепенно отнимая землю, ранее принадлежавшую их сюзерену.

Наконец, в 1175 году Гуриды начали одиннадцатилетнюю кампанию против владений Газневидов в Северной Индии. Теперь армию вел Мухаммед, но действовал он именем своего брата Гияса. Султан Газневидов, Хосров Малик, внук Беграм-Шаха, год за годом был вынужден медленно отступать, пока его царство не превратилось в крохотный клочок земли вокруг города Лахор.

Мухаммед со своей армией, как говорится в «Табакат-и-Насири», *«каждый год продвигался из Газни и захватывал новые земли Инда и Синда, пока в 577 году Хиджры [1181 год]... он не подошел к воротам Лахора, потребовал у Хосрова Малика сына и слона, а затем ушел. Так дело продолжалось до 583 года [1187 год], когда он отправил армию в Лахор и уничтожил его»*. Хосров Малик был казнен вместе со своим сыном и наследником; царству Газневидов пришел конец¹⁰.

Гуриды победили своих единоверцев — но у султана Гияса и его брата Мухаммеда не было повода отказываться от дальнейшего завоевания Индии. После того как Лахор превратился в руины, они отправили своих солдат дальше на восток.

В Северной Индии существовало множество воинственных князей, каждый из которых правил собственным маленьким государством. Такие князья именовались раджпутами — «царскими сыновьями». Правители-раджпуты создали о себе чудесные мифы, где утверждалось, что их предки в древние времена родились в огненном котле, придя на смену расе воинов — которая стала испорченной и злой. На самом же деле они возникли на обломках государств, разгромленных Газневидами во время их первого похода на Индию 150 лет назад. Наиболее могущественными раджпутами были четыре клана: Парихара, Понвара, Соланка и Чаухана; при этом государство Чаухана, которым правил Притхви Радж, располагалось как раз на пути войска Гуридов¹¹.

В своем первом набеге на земли Чаухана в 1191 году Гияс ад-Дин Гури был разгромлен и спасся бегством. Притхви Радж,

воодушевленный легкой победой, не стал усиливать свою армию. Поддерживаемая еще двумя раджпутскими союзниками, она состояла из 300 000 всадников и 3000 слонов — это было в два раза больше армии Гуридов, поэтому Притхви Радж не волновался. Но годом позже Гияс вернулся — и, несмотря на отсутствие численного преимущества, разгромил раджпутов в битве при Тараори с помощью военной хитрости. Притхви Радж был взят в плен и казнен.

Индуистские историки списывали поражение на ярость мусульман; исламские историки утверждали, что соперничество между княжествами раджпутов привело к плохому взаимодействию их войск на поле боя. Возможно, сыграла свою роль и хорошо подготовленная кавалерия Гуридов, без труда одолевшая набранную из крестьян и слабо вооруженную чауханскую пехоту.

Когда армия Чаухана была разбита, княжества раджпутов внезапно обнаружили, что более не имеют защиты. Одно за другим они стали рушиться. В 1193 году Гуриды захватили Дели; в течение следующих четырехсот лет там не правил ни один царь-индуист. В 1199 году войско Гуридов достигло Бихара, где последний царь Пала все еще цеплялся за иллюзию власти, и уничтожило последние остатки этого государства¹². В 1202 году войско Гуридов достигло империи Сена.

Лакшман Сен, сын Баллала Сена и внук Виджай Сена, был коронован в 1179 году, в возрасте шестидесяти лет. Он провел всю жизнь, наблюдая, как его энергичный дед и отец правили царством Сена. Теперь же он столкнулся с угрозой, более значительной, чем все проблемы его предшественников.

Вдобавок Лакшман Сен унаследовал не только империю Сена, но и неприязнь своего народа. Недовольные жесткими рамками кастовой системы и оскорбленные пренебрежением властей к традиционным буддистским учреждениям, его подданные приветствовали Гуридов как своих спасителей¹³.

Войско Гуридов еще даже не достигло столицы страны, Гаура, а Лакшман Сен уже бежал на восток. Он обосновался в городе Викрампур и — точно так же, как Пала до него — продолжал звать себя царем, хотя его империя фактически прекратила свое существование.

Войско Гуридов с триумфом вошло в Гаур, провозгласив город владением султана Гияса. Захватчикам практически никто не противостоял: народ Бенгала мало знал об исламе, но слишком много — о жестком индуизме Сена; люди были готовы принять султана-мусульманина ради того, чтобы избавиться от царя-индуиста.

Хронологическая таблица 17

Тюркские царства	Египет	Сирия	Шри-Ланка	Южная Индия	Северная Индия
Малик-Шах (1072–1092)			Виджайя Баху (1070–1110)	Война между Чола и Чалукьей	
		Первый Крестовый поход (1095–1099)			Рамапала из Пала (1082–1144)
		Иерусалимское королевство (1099)			Виджай Сен из Сена (1096–1159)
		Бозмунд II Антиохийский (1111–1130)			
		Балдуин II Иерусалимский (1118–1131)			Бахрам-Шах Газневид (1118–1152)
Занги (1127–1146)					
	Фульк Иерусалимский (1131–1143) Мелисенда Иерусалимская (1131–1153)			Биджала II из Калачури (1130–1167). Подъем движения лингяатов	
Землетрясение в Алеппо (1138)		Раймунд Антиохийский (1136–1149)			
Нур ал-Дин (1146–1174)	Второй крестовый поход (1145–1149)	Балдуин III Иерусалимский (1143–1153)	Паракрама Баху (1153–1172)		Маданапала из Пала (1144–1162)
					Сена захватывают Пала (1150) Гуриды разграбляют Газни

Тюркские царства	Египет	Сирия	Шри-Ланка	Южная Индия	Северная Индия
					Баллал Сен из Сена (1160–1178)
	Шавар (визирь, 1162–1169)	Амальрик Иерусалимский (1163–1174)	Паракрама реформирует буддизм (1165)		Смерть Алауддина Хусейна (1163)
	Завоевание Египта Ширкухом. Саладин становится правителем Египта (1169)				
	Конец династии Фатимидов (1171)			Сомешвара Калачури (1172–1176)	
				Санкама Калачури (1176–1187)	Вторжение Гуридов на территорию Газневидов (1175–1187)
				Сомешвара IV из Чалукья (1183–1187)	Уничтожение Газневидов (1187)
				Конец Чалукья	Начало вторжения Гуридов на территорию государств раджпутов (1191)
					Гуриды уничтожают Пала (1199)
					Гуриды захватывают Сена (1202)

Глава 18

Смерть священника

Между 1154 и 1170 годами в Англии Генрих II устанавливает систему законов, а его архиепископ гибнет от рук убийц

В Англии Генрих II правил баронами и народом, почти не встречая сопротивления. А вот английская церковь была куда более неуживчивым подданным. В период Анархии функции правосудия постепенно перешли в руки церкви; церковные суды, подобно светским, имели в своем составе судей, писцов, архивариусов и приставов, — и все они были клириками. Такие суды действовали с 1072 года, когда Вильгельм Завоеватель даровал английской церкви право самостоятельно разбирать дела, касающиеся служителей церкви или нарушений церковных законов, сформулировав это так: «любые вопросы касательно управления душами». По делам гражданским можно было подавать апелляцию королю; те, кого осудил церковный суд, должны были взывать к папе. Высшей мерой наказания в суде церковном было отлучение, в светском суде — смерть¹.

«Управление душами» — выражение расплывчатое, и к концу периода Анархии в компетенцию церкви вошли все дела, связанные с моралью, нарушением клятв и безнравственным поведением, не говоря уже о внутрицерковных административных делах. Более того, все клирики, обвиненные в каких бы то ни было преступлениях, представляли только перед церковным судом. Насилие и убийство, за которые в королевском суде полагалась казнь, в суде церковном карались только тюремным заключением.

В результате количество граждан, причислявших себя к сословию клириков, резко возросло. Принадлежность к системе английский церкви еще не была формализована, испытания, присяга и соответствующие ритуалы еще не стали обязательными. Тот, кто умел читать и писать по-латыни, мог назваться «клириком»; выбрив себе tonsuru на макушке, можно было выдать себя за монаха. Достаточно было словесного утверждения о принадлежности к священству, чтобы выскользнуть из рук королевского правосудия².

В начале своего царствования Генрих II дважды получил отказ от церковных судов: первый раз — когда хотел обвинить архидьякона в шантаже, второй — пытаясь доказать, что другой архидьякон отравил своего начальника. Оба обвиняемых («преступные клирики», по словам Генриха) были оправданы церковным судом³.

Генрих не терпел, когда ему противоречили в любой ситуации. Умерив своими новыми законами власть баронов, он не мог смириться с тем, что целый класс английского общества неподвластен закону.

Для того чтобы ввести деятельность церковных судов в какие-то рамки, Генриху требовалось содействие архиепископа Кентерберийского. В 1161 году умер престарелый архиепископ Теобальд Бекский (избранный королем Стефаном еще в 1138 году). На его место Генрих решил поставить человека, которого он полагал надежным — своего канцлера Томаса Беккета, наставника его сына и наследника.

Беккету было в то время около сорока пяти лет, его политическая карьера достигла вершины*; однако изначально к служению церкви он не был подготовлен. Беккет происходил из семьи купца, но в юном возрасте один из друзей его отца представил молодого Томаса архиепископу Теобальду. Прелат, по утверждению современника, «увидев по лицу его, что он умен, принял его благосклонно и с почетом и предложил ему остаться». Несмотря на плохое знание латыни и никакое — канонического права, Беккет оказался трудолюбивым, надежным и энергичным. Архиепископ поручал ему все более ответственные задания, помог ему улучшить образование и в 1154 году назначил Беккета архидьяконом Кентерберийским⁴.

Официально архидьякон именовался *oculi episcopi*, «глазами епископа»; неофициально он был его сторожевым псом. Архидьякон являлся чиновником, который следил за исполнением приказов архиепископа. Это была должность не для священника, а для менеджера среднего звена, что полностью соответствовало дарованиям Беккета.

Вскоре после этого Генрих II назначил Беккета своим канцлером, и это также была должность исполнителя; Томас исполнял обязанности капеллана при короле, но основным его занятием было руководство канцелярией, где два десятка писцов составляли тексты указов и записывали распоряжения короля. Это был важный пост: канцлер хранил печать короля, присутствовал на всех заседаниях его совета, был посвящен в государственные секреты. Однако все это, как и должность архидьякона, не требовало ни богословских знаний, ни духовных убеждений.

* Томас Беккет родился в 1119 году, то есть на момент назначения ему было 43 года. (Прим. ред.)

В силу необходимости Генрих II проводил много времени в обществе канцлера, и он обнаружил, что ему нравится Беккет. Они вместе охотились, обедали, пили. Томас, впервые в жизни достигнув благосостояния, подражал королю в тратах — задавал обильные пиры, роскошно одевался и даже приобрел пару экзотических обезьянок в качестве домашних любимцев, а вместо охотничьих псов держал пару волков. У Генриха были все основания считать, что Беккет — преданный и (что куда важнее) аккуратный слуга. Потому король назначил его на освободившееся место архиепископа Кентерберийского, и 23 мая, спустя месяц после смерти Теобальда, собрание епископов и баронов в должном порядке послушно избрало Беккета. Канцлер стал архиепископом⁵.

После назначения на высшую церковную должность с Беккетом произошла резкая и неожиданная перемена. «Он словно сделался совсем другим человеком, — пишет один из его биографов, Уильям Кентерберийский, — стал гораздо сдержаннее и осмотрительнее, чаще молился, тщательно готовился к проповедям». Хотя Беккет никогда не приносил монашеских обетов, он начал носить власяницу — жесткую, колючую рубашку из козьей шерсти, кишашую паразитами, которая предназначалась для умерщвления плоти; носили ее на голом теле под священническим облачением. Архиепископ стал умерен в еде и питье, по вечерам допоздна молился и осуждал ту роскошь, которую прежде так ценил: «В своей келье он ежедневно, преклонив колени, омывал ноги тридцати нищим в память о Христе», — с благоговением замечает Херберт из Бошема⁶.

Современники-летописцы объясняли эту метаморфозу тем, что Беккет, подобно апостолу, внял гласу господню и сподобился благодати. Однако такое поведение не противоречит предыдущим двадцати годам службы Беккета. Он всегда был деятельным, ответственным и умел приспосабливаться к обстоятельствам; его новый облик полностью соответствовал роли архиепископа. Ведь быть архиепископом значило служить силе гораздо более высокой, не так, как архидьякон — епископу, или канцлер — королю.

Поначалу эти изменения не казались Генриху опасными. Он взялся за осуществление задуманных реформ. Епископам было объявлено, что по воле короля клирики, осужденные церковным трибуналом, автоматически будут лишены своих званий, становясь таким образом доступными светскому суду. Был подготовлен документ, в котором конкретизировалось, насколько далеко заходит «управление душами». Документ доставили Беккету для одобрения.

Этот документ, известный как «Кларендонские конституции» (от названия королевского дворца, где он был составлен), юридически закреплял верховенство короны над церковью. Король объявил себя верховным судьей по делам, рассматриваемым церковными судами. Клирики, представшие перед королевским судом, если вина их будет доказана, подлежали наказанию по светским законам. А епископы, напротив, теряли право вмешиваться в дела мирян. Никто из вассалов и чиновников короля не мог быть отлучен от церкви, если их вина не была доказана светским судом. Конфликты между клириками и мирянами должны были рассматриваться светскими, а не церковными судьями; апелляции на решения церковного суда следовало подавать королю, запрещалось, обойдя его, обращаться к папе.

Если бы эти постановления были навязаны церкви, церковные суды лишились бы всякой власти⁷. Но они не могли стать законом для духовенства без согласия архиепископа; и Беккет, не забывая, кому он теперь служит, отказался подписать их. Генрих, разумеется, разъярился. Беккет, почувяв, что его жизнь в опасности, под покровом ночи бежал из Англии. Он намеревался обратиться к папе, но вместо того, чтобы сразу отправиться в Рим, попросил убежища у Людовика VII во Франции.

Людовик, уже успевший жениться в третий раз*, обрадовался случаю доставить неприятности Генриху II; он обеспечил беглому архиепископу кров, средства и свое покровительство. Началась трехсторонняя переписка между королем, архиепископом и папой; дистанционная ссора тянулась более пяти лет.

На втором году изгнания Беккет писал своему королю:

«Я долго ждал, пока господь снизойдет к вам и вы перемените свое отношение. Вы — сын Церкви, но не ее руководитель; в делах церковных приличествует вам следовать за священниками, а не предшествовать им... И надлежало бы вам смиренно и незамедлительно отказаться от тех дел, в кои вы вмешались, идя против божественных установлений... А Высший судия натягивает свой лук, дабы открыто поразить того, кто не желает раскаяться»⁸.

* Людовик VII женился на Констанции Кастильской (ок. 1140–1160) сразу после развода с Элеонорой. Хотя формальной причиной разрыва первого брака считалось недопустимо близкое по законам церкви родство супругов, вторая жена приходилась королю еще более близкой родственницей. В 1158 году Констанция родила одну девочку, в 1160 году — другую и умерла родами. Людовик так отчаянно нуждался в сыне, что всего через полтора месяца взял третью жену — Адель Шампанскую (ок. 1140–1206), которая в 1165 году наконец-то родила наследника, Филиппа-Августа. (Прим. ред.)

Карта 18.1. Королевства Франции и Англии

Угроза божественной кары Генриха не смутила, и он не пожелал уступить. Тем более что реформа светского законодательства прошла куда проще. В 1166 году, спустя два года после бегства Беккета, Генрих издал еще один свод законов — их на этот раз обнародовав во время сессии уголовного суда в Кларендоне. Этот акт, получивший впоследствии название Кларендонских ассизов, определял процедуру расследования преступлений в королевских судах: «не менее двенадцати законопослушных лиц... с принесением присяги, что будут говорить правду»⁹.

Суд присяжных не был новинкой для Англии, но никогда прежде он не возводил-

ся в ранг общего закона, установленного королем и исполняемого его чиновниками. После Кларендонских ассизов изменилось отношение к преступным деяниям; из местных, частных обид они превратились в нарушение установленного королем мира и даже в оскорбление самого короля. Преступления более не считались внутренним делом приходов. Как указывалось в постановлении,

«Ежели какой-либо шериф известит другого шерифа, что из его графства в другое бежали люди, виновные в грабеже, воровстве либо убийстве... шериф, которого известили, должен схватить их... и держать под стражей»¹⁰.

Кларендонские ассизы стали фундаментом английского уголовного права, а их основные положения лежат в основе современного законодательства Европы и других регионов: мир в государстве сам по себе является сущностью, которая может потерпеть ущерб; преступление — это проблема не личная, а национальная.

Этот свод законов, изменивший жизнь всей страны, был блестящей находкой человека, чья неугасимая энергия позволяла ему выйти далеко за пределы своего столетия. Однако в конфликте с архиепископом прозорливость подводила Генриха. Принципиальная позиция Беккета все больше казалась королю личным оскорблением. В 1170 году долгие и трудные переговоры между ними завершились встречей на лугу близ французского города Фретваль, где Генриху и Беккету предстояла последняя попытка достичь компромисса. У обоих были припасены для этого козырные карты. Папа снабдил Беккета полномочиями подвергнуть всю Англию интердикту, если Генрих не позволит ему возвратиться. А Беккет желал принять участие в церемонии коронации пятнадцатилетнего принца Генриха, когда-то бывшего любимейшим учеником канцлера: король намеревался назначить своего старшего сына соправителем и наследником*.

Встреча прошла посреди лужайки, король и Беккет долго говорили наедине, о чем именно — никто не слышал. Но когда разговор завершился, Генрих объявил, что Беккет может без опаски вернуться в Англию и исполнять свою должность; Беккет, со своей стороны, проведет церемонию коронации, гарантируя право Генриха-младшего на трон. Кларендонские конституции даже не упоминались. Вопрос о верховенстве власти вообще не был затронут. Это соглашение оставило без ответа все основные проблемы — по-видимому, их и не обсуждали.

* К этому моменту Генрих II уже дал архиепископу Йоркскому разрешение короновать юного Генриха, и церемония была проведена в июне; Беккету дали шанс поучаствовать во второй коронации, которая будет считаться важнее первой — и наглядно подтвердит, что Беккет по-прежнему остается главою церкви в стране. (*Прим. авт.*)

Уточним: реальная угроза свободе и жизни Беккета возникла лишь спустя два года после его возведения в сан архиепископа, когда король, готовый на все ради мести, в октябре 1164 года по сфабрикованному уликам обвинил Беккета в злоупотреблении властью при разборе одного земельного конфликта и постановил отобрать у него все имущество. Беккета вызвали в Нортхемптон как ответчика; они с Генрихом даже не увиделись — их разместили в разных комнатах, а бароны и епископы сновали от одного к другому. Когда был вынесен приговор, Беккет отказался выслушать его, утверждая, что королевский совет не имел права судить архиепископа. В ту же ночь он бежал во Францию. Коронацию провел в Кентерберии архиепископ Йоркский 24 мая 1170 года, а встреча под Фретвалем произошла лишь 22 июля того же года. Решение повторить церемонию ради спасения престижа Беккета мало кому понравилось. Сам Генрих Молодой отказался увидеться с Беккетом, когда тот прибыл в Виндзор. (*Прим. ред.*)

Как и большинство неразрешенных конфликтов, дело закончилось катастрофой. Беккет вернулся в Англию не сразу. Пока он отсутствовал, его кентерберийскими поместьями управлял архидьякон, некий Ранульф де Брок. Беккет не хотел ехать домой, пока ему не будет возвращена его собственность: «Мы не намерены возвращаться к нему, пока он владеет хотя бы одним ярдом церковной земли», — писал Томас папе.

Тем временем Генрих позволял себе откровенно высказываться в присутствии придворных, не оставляя у них сомнений в том, как настроен король: соглашение, достигнутое в Фретвале, не удовлетворило его — он по-прежнему считал необходимым ввести Кларендонские конституции в состав английского права, а Беккет оставался его противником. Имея это в виду, Ранульф де Брок не спешил возвращать Беккету кентерберийские имения; вместо этого он послал своих людей, чтобы забрать с этих земель все полезное, прежде чем Беккет сможет вернуться. *«Когда люди архиепископа смогли прибыть, чтобы заняться наведением [порядка] в поместье, — отмечал один из биографов Беккета, — там уже ничего не осталось — ни быка, ни коровы, ни петуха либо курицы, лошадей, свиней, овец, ни хотя бы полного ларя с зерном»*¹¹.

Наконец Беккет решил, что лучше уж он сам займется этим делом. Он приплыл в Англию 1 декабря. Чуть ли не в тот же день он отлучил от церкви двух высших сановников короля, а также архиепископа Йоркского. Это было равнозначно объявлению войны. Отлучение королевских служащих категорически запрещалось Кларендонскими конституциями; Беккет недвусмысленно дал понять, что готов вновь вступить в битву.

Генрих II находился тогда в Нормандии, собираясь отпраздновать там Рождество. Когда пришло известие об отлучениях, с королем случился приступ неукротимого гнева. «Велики были ярость, горечь и страдания короля, — писал современник, летописец Уильям Фиц-Стефан, — это видно было по его искаженному лицу и жестам, и было нетрудно понять, чего он желает»¹².

Чего желал Генрих — на самом деле точно не знал никто; похоже, что ни один свидетель лично не слышал пресловутого риторического вопроса: «Кто избавит меня от этого упрямого попа?» Однако четверо весьма знатных лиц Англии (по словам Херберта из Бошема, который при этом присутствовал, «бароны его свиты, большие вельможи, выдающиеся даже среди ближайших друзей короля»), немедленно покинули Нормандию и направились в Англию. Они прибыли в имение Ранульфа де Брока, архидьякона,

который разграбил кентерберийские поместья Беккета (Беккет отлучил и его тоже), взяли у него вооруженный отряд и поехали в Кентербери, в резиденцию Беккета¹³.

О событиях, последовавших за этим, сохранились свидетельства ряда людей: служащих Беккета, его писцов, а также монахов, которые в тот час пели в соборе. Четверо баронов ворвались в покои Беккета и потребовали, чтобы архиепископ снял отлучения, признал верховенство короля и покинул страну. Беккет отказался, развернулся и направился в церковь — служить вечерню. В храме он занял свое место у колонны, между алтарями Девы Марии и святого Бенедикта. В соборе находился клирик из Кембриджа Эдвард Грим, ожидавший начала мессы. Впоследствии он писал:

«И тогда они святотатственно схватили его, и стали толкать и тащить, чтобы убить его вне стен церкви или увести в плен, как они позднее признавались. Но... он держался за колонну и не давал себя увести... Сложив руки, воздел их к небу и вручил себя и дело церкви Господу... Не успел он произнести сии слова, как свирепый рыцарь [Реджинальд Фиц-Урс, родственник короля], опасаясь, как бы к архиепископу на помощь не пришли люди и не спасли бы его, внезапно набросился на него и ранил... Затем ему нанесли второй удар по голове, но он все еще крепко стоял на ногах. От третьего удара он упал на колени и, опираясь локтями, принося свою жизнь в жертву, молвил тихо: „Во имя Иисуса и ради защиты церкви я готов принять смерть“. Тогда третий рыцарь нанес ему, лежащему, ужасную рану — от удара о каменный пол меч его сломался, а [у Беккета] часть темени с большой тонзурой отделилась от головы, так что кровь, смешанная с белым мозгом и мозг, смешанный с алой кровью, окрасили девственные стены матери-церкви... Для того, чтобы и пятого удара удостоился мученик, который и в делах своих был подобен Христу, пятый (не рыцарь, но тот клирик, который пришел с рыцарями) наступил ногою на шею святого епископа и пресветлого мученика, и, страшно сказать, размазал его мозги и кровь по плитам, после чего сказал остальным: „Пойдемте прочь, господа; он больше не встанет“»¹⁴.

Когда королю сообщили об убийстве, он заперся в своей комнате и три дня отказывался есть и разговаривать¹⁵. Четверо убийц остались безнаказанными — несмотря на то, что такое преступление подлежало наказанию по Кларендонским ассизам самого Генриха. Трудно усомниться в том, что Генрих знал об их замысле и молчаливо одобрил его.

Хронологическая таблица 18

Шри-Ланка	Южная Индия	Северная Индия	Западная Франция	Англия
Виджайя Баху (1070–1110)	Война между Чола и Чалукья			Вильгельм Завоеватель (1066–1087)
		Рамапала из Пала (1082–1124) Виджай Сен (1096–1159)		Вильгельм II (1087–1100)
			Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1093–1109)	
			Генрих I (1100–1135) Лондонский конкордат (1107)	
			Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)	
			Пьер Абеляр становится учителем при Нотр-Дам (1114)	
		Бахрам-шах Газневид (1118–1152)	Труды Абеляра сожжены в Суассоне (1121)	
	Биджала II из Калачури (1130–1167)			
	Подъем движения лингаята		«Theologia Scientiorum» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)
			Людвиг VII (1137–1180)	Теобальд из Бека, архиепи- скоп Кентерберийский (1138–1161)

Шри-Ланка	Южная Индия	Северная Индия	Западная Франция	Англия
		Маданапала из Пала (1144–1162)	Осуждение Абеляра (1141)	Анархия (1139–1154)
		Сена захватывает Пала (1150) Гуриды разграбляют Газни	Петр Ломбардский преподает в школе при Нотр-Дам (1145)	Уоллинфордский договор (1154)
Паракрама Баху (1153–1172)		Баллал Сен из Сена (1160–1178)	Брак Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152)	Генрих II (1154–1189)
		Смерть Алауддина Хусейна (1163)		Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)
Паракрама реформирует буддизм (1165)				Кларендонские ассизы (1166)
	Сомешвара из Калачури (1172–1176)			
	Санкама из Калачури (1176–1187)	Вторжение Гуридов на территории Газневидов (1175–1187)		
	Сомешвара IV из Чалукья (1183–1187)	Уничтожение Газневидов (1187)		

И все же причастность короля к убийству не означает, что горе его было притворным. В борьбе между божественным правом и мирской властью еще не было ясно, кто же из них окажется сильнее. Однако править совместно, бок о бок, они более не могли. Убийство старого друга Генриха стало неизбежным результатом курса, который он сам установил. При всей необходимости такого шага он не мог не горевать при мысли о том, какие силы заставили его сделать это, и осознавая, что пришел конец миру, где Бог и король могли мирно сосуществовать.

Глава 19

Международные отношения

Между 1157 и 1168 годами император Византии расширяет границы империи и освобождает Сербию

В 1157 году Великий Сельджук тюрков, душевно сломленный, скончался.

Ахмад Санджар начал свое правление в качестве верховного султана тюркских племен, имея под своей рукой огромное царство — самое большое, каким когда-либо владел мусульманский правитель со времен старого халифата Аббасидов*. К концу жизни от него отложились Гуриды, занявшиеся разграблением восточных областей, которыми Ахмад когда-то правил. Одновременно кочевые китайские племена, известные, как Западные Ляо, изгнали его войска из Трансоксании — территории к востоку от реки Оксус (нынешняя Амударья). Нур ад-Дин, формально покаявшийся Санджару в верности, фактически полновластно правил в средиземноморских землях.

* Халифат Аббасидов был создан в 750 г.н.э. Абу аль-Аббасом, халифом из клана самого Пророка — который был избран в противовес правившему тогда халифу, Марвану II. Марван принадлежал к арабскому клану Бану Умайя, из которого происходил спутник и родич Мухаммеда, Осман. После избрания Абу аль-Аббасу удалось уничтожить большинство оставшихся представителей клана Умайя, положив конец халифату Омейядов, правивших со времени смерти Пророка. На его месте он основал халифат Аббасидов. Подробнее см. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 48. Под властью халифа Фатимидов находились Египет и Иерусалим, и халиф Аббасидов, все еще правивший в Багдаде, враждовали между собой — однако оба они также были врагами Византии и христианских королевств. (Прим. авт.)

В последний год своей жизни Санджар попытался подавить восстание в самом Хорасане и потерпел поражение настолько серьезное, что повстанцы взяли его в плен и разграбили его столицу, Мерв. Величайшим достижением Санджара было строительство величественного мавзолея в городе Мерв, где он и упокоился¹.

Ахмад Санджар был последним Великим Сельджуком. Больше никто даже не пытался заговаривать о единстве тюркских земель. Хорасан стал ничьей землей, и от Амударьи до берегов Средиземного моря каждый тюркский султан действовал в собственных интересах².

Это изменение обстановки имело огромное значение для византийского императора. Первый крестовый поход случился из-за страха Константинополя перед объединенными тюркскими племенами. Теперь же перед Мануилом I лежала земля, раздираемая междоусобными войнами. Практически все восточные народы представляли собой угрозу для империи — но наиболее опасными врагами больше были не турки.

600 лет назад, во время своего расцвета под властью императора Юстиниана, Византия простиралась от края Пиренейского полуострова, вдоль побережья Средиземного моря через Северную Африку и Египет; занимала Малую Азию, Грецию и всю Италию. Со времен Юстиниана империя неуклонно уменьшалась. В 1143 году Мануил был коронован как император Греции, половины Малой Азии, а также западного и южного побережья Черного моря. И это было не так плохо — его дед Алексей унаследовал империю, в которой не имелось почти ничего за пределами Греции. Лишь бесконечные кампании Алексея и его сына Иоанна вернули империи земли, которыми теперь правил Мануил.

За первые полтора десятилетия своего правления Мануилу не удалось заметно укрепить свои позиции. Он напал на султанат Рум, находившийся к востоку от его владений в Малой Азии, но не приобрел каких-либо земель; он заставил князей Антиохии и Иерусалима принести ему вассальную присягу, но в реальности не контролировал их действия. В 1156 году его кампания против норманнов, захвативших Южную Италию («герцогства Апулии и Калабрии»), закончилась полным фиаско. Его генерал Иоанн Дука, пытаясь осадить прибрежный город Бриндизи, попал в ловушку, подготовленную норманнским флотом, и сам попал в плен, вместе с остатками византийского флота.

Воодушевленный поражением византийцев в Италии, князь Антиохии решил испытать собственную удачу против потрепан-

ных византийских войск. После того как Нур ад-Дин обезглавил Раймунда Антиохийского, причинившего ему столь много беспокойства, власть над Антиохией перешла к его молодой жене Констанции, внучке первого князя Антиохии — Боэмунда-разбойника. Констанции был двадцать один год, и она была матерью четырех детей. Она правила Антиохией по праву крови, но и ее кузен, король Иерусалима, и патриарх Антиохии (старший священнослужитель в городе), и ее сюзерен Мануил настаивали, чтобы она вышла замуж: каждый предлагал полезные (и гибкие) перспективы.

Констанция отвергла все предложения и вместо этого вышла замуж за французского крестоносца Рене де Шатильона, молодого авантюриста на два года старше нее, задержавшегося на Востоке после катастрофического завершения Второго крестового похода. Вероятно, это был первый взрослый выбор, который девушка имела возможность сделать — и он оказался неправильным. Рене, красивый и отважный, был также безрассудным, испорченным и не умел трезво оценивать свои шансы в бою. Он решил освободить Антиохию от контроля Мануила и предложил начать с нападения на остров Кипр — мирные и богатые византийские владения³.

Для подготовки к экспедиции он сначала приказал патриарху Антиохийскому, богатому франкскому аристократу по имени Эмери де Лимож, ведшему вполне светский образ жизни, выдать ему необходимую сумму. Эмери, с самого начала не одобрявший этот брак, отказался; поэтому Рене заставил своих приспешников схватить патриарха на улице и избить его.

После этого, как утверждает Гильом Тирский, Рене «заставил престарелого священника... почти беспомощного инвалида, сидеть под палящим солнцем на протяжении летнего дня, с непокрытой головой, смазанной медом». После нескольких часов, которые он провел на крыше Антиохийской цитадели, отмахиваясь от насекомых, патриарх выдал деньги⁴.

За этой ребяческой демонстрацией силы последовал более серьезный шаг: Рене связался с одним из злейших врагов Мануила и предложил заключить союз*.

* Дата рождения и даже имена родителей Рене точно неизвестны. До женитьбы на Констанции он состоял на службе у Мануила и воевал против Тороса. Патриарха Эмери он арестовал и подверг пытке в 1153 году — поскольку тот открыто выступал против его брака, а вовсе не из-за отказа финансировать набег; на тот момент Эмери было не более 43 лет. Авантюрный рейд на Кипр Рене осуществил только в 1155 году. Чтобы как-то оправдать свою затею, он заявил, будто император не отдал ему положенной платы за службу. (*Прим. ред.*)

Этим врагом был Торос II, изгнанный наследник престола Киликийской Армении. Владения его отца были захвачены отцом Мануила двадцатью годами ранее, и Торос II, тогда еще подросток, отправился в Константинополь в цепях вместе с царем и старшим братом. Оба в плену погибли; но Торос выжил — в 1142 году он неясным способом сбежал из тюрьмы и вернулся в свою захваченную страну. С тех пор он вел безнадежную партизанскую войну; его наибольшим успехом стало убийство византийского наместника в 1152 году.

По предложению Рене, они с Торосом II объединили свои усилия против Византии; используя деньги патриарха, они разграбили несколько форпостов, после чего направились к острову Кипр. Кипр, не привыкший к войне, был защищен лишь небольшим гарнизоном, который возглавлял племянник самого императора Мануила. Объединенное войско Антиохии и Армении разгромило гарнизон и, пользуясь свободой, предоставленной командирами, продолжило грабить и убивать по всему острову. Зерно сжигали, стада уводили; стариков и детей, попадавших им на пути, безжалостно убивали, женщин насиловали. Григорий Клирик пишет, что Рене, в знак насмешки, отрезал носы священникам и отправил их в Константинополь, в подарок императору⁵.

Мануил был разъярен. Норманны были сильным врагом; Рене — всего лишь раздражающей помехой. Мануил лично возглавил большую византийскую армию, прошел по Киликии и быстро вернул земли, которые захватил Торос; тот вовремя сбежал и спрятался в разрушенном замке глубоко в горах.

Рене не так повезло. Когда до него дошли вести о размере приближающейся армии, он осознал, что не сможет ее одолеть; его единственная надежда заключалась в смирении. Он оделся в мешковину и пошел в лагерь Мануила босиком. Там он бросился в пыль перед императором и просил о помиловании. «Он рыдал и просил о милосердии, — с неприязнью отмечает Гильом Тирский, — и рыдал так долго, что всех начало от этого тошнить». Мануил позволил ему порыдать некоторое время, прежде чем вообще снизошел до того, чтобы заметить его присутствие. Наконец он согласился помиловать Рене, с условием, что князь Антиохийский передаст Антиохийскую крепость под контроль империи и расквартирует в своем городе отряд византийской армии на неопределенное время⁶.

У Рене не было выбора, и он был вынужден согласиться. В 1159 году Мануил вошел в Антиохию как завоеватель, надев

императорскую диадему и свою пурпурную мантию (с кольчугой под ней), окруженный придворными, стражниками и слугами. Флаги императора вывесили на стенах Антиохии, а Рене с непокрытой головой был вынужден идти пешком у стремени императора. После шестидесяти лет борьбы Антиохия, наконец, оказалась в руках империи⁷.

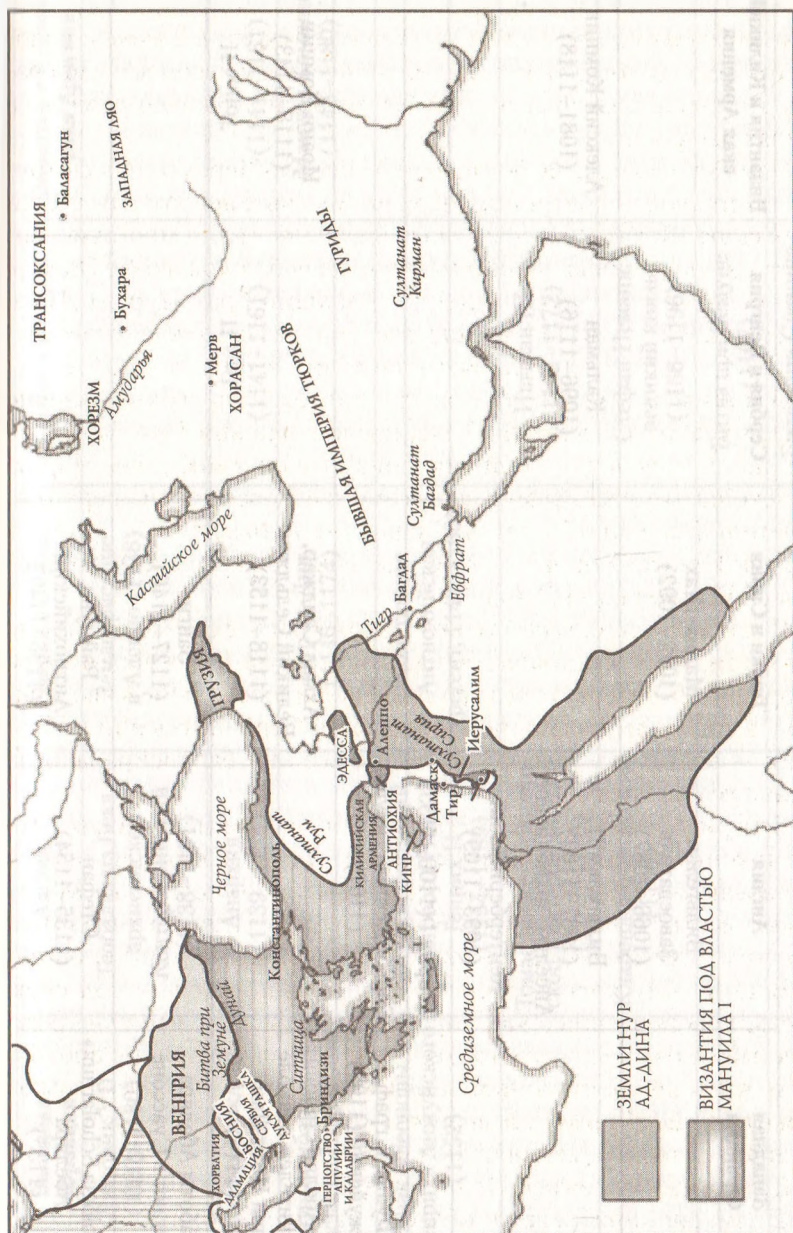
Сам Рене больше не беспокоил Мануила. Через год он с отрядом своих людей совершил набег на местных арабов для кражи у них скота. Когда Рене и его люди медленно гнали многочисленное стадо украденных лошадей, коров и верблюдов, возле Эдессы их перехватил правитель Алеппо, младший брат Нур ад-Дина. Рене оказался в темнице Алеппо, где и провел следующие шестнадцать лет — никто не предложил заплатить выкуп за него.

Тем временем его жена Констанция взяла на себя правление в Антиохии и на следующий год после пленения Рене достигла величайшего успеха в политике: она выдала свою дочь Марию (от покойного мужа Раймунда) за самого овдовевшего императора. 43-летний Мануил и 16-летняя Мария («красивая лицом, — пишет историк Никита Хониат, — и несравненно прекрасная») поженились на Рождество 1161 года⁸.

В оставшиеся годы своего правления Мануил сражался больше с Западом, чем с Востоком, больше с соседями-христианами, чем с тюрками. К северу от его границ находилось королевство Венгрия, к западу располагались территории Сербии, Боснии и Хорватии — всюду были спорные земли, все они балансировали на грани союза и вражды.

Венгрия, в конце IX века заселенная союзом мадьярских племен, к концу X христианизировалась и достигла стабильного существования под властью короля, признанного церковью. Младшая ветвь королевской семьи Венгрии провозгласила независимым царством Хорватию — часть старой римской провинции Иллирика. В 1102 году король Кальман Венгерский взял ее под свою власть, короновавшись как король Венгрии и *rex Croatiae*. Этот «личный союз» не превратил две страны в одну. Хорваты продолжили жить по собственным законам, говорить на своем языке, служить в своей армии, и верность одному монарху была единственной точкой, объединяющей их и венгров⁹.

Другие части прежней Иллирики теперь стали самостоятельными: Далмация, прибрежная область, раньше говорившая на собственном языке, к этому времени сделалась частью Хорватии, а царь Хорватии стал ее защитником и правителем; Босния, заселенная

Карта 19.1. Мир эпохи Мануила I

Хронологическая таблица 19

Западная Франция	Англия	Тюрки и Сирия	Сербия и Венгрия	Византия и Киликийская Армения
	Вильгельм Завоеватель (1066–1087)	Малик-Шах (1072–1092)		
	Вильгельм II (1087–1100) Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1093–1109)		Кальман (1096–1116)	Алексий Комнин (1081–1118)
	Генрих I (1100–1135)			
Фульк V, граф Анжуйский (1109)	Борьба за инвеституру (1107)			
Пьер Абеляр становится учителем в школе при Нотр-Дам (1114)		Ахмад Санджар, Великий Сельджук (1118–1153)		Иоанн Комнин (1118–1143)
Работы Абеляра сжигают в Суассоне (1121)		Заги (1127–1146)		
«Theologia Scholarium» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)	Раймунд Антиохийский (1136–1149)		

Западная Франция	Англия	Тюрки и Сирия	Сербия и Венгрия	Византия и Киликийская Армения
Людвик VII (1137–1180)	Теобальд из Бека, архиепископ Кентерберийский (1138–1161)	Землетрясение в Алеппо (1138)		
Абеляр осужден (1141)	Анархия (1139–1154)		Геза II (1141–1161)	Торос II (1141–1161)
Петр Ломбардский обучает в Нотр-Даме (1145)		Нур ад-Дин (1146–1174)		Мануил Комнин (1143–1180)
Брак Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152)	Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)	Констанция Антиохийская (регент, 1149–1160)		
	Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)		Иштван III (1162–1172)	
	Кларендонские ассизы (1166)		Стефан Неманя, великий князь (1166–1196)	
			Битва при Земуне (1167)	
			Битва при Сигиние (1168)	

другой волной славянских племен, находилась под венгерским контролем с 1137 года. Особняком стояла Сербия. Сербь, обладавшие общим языком и племенной идентичностью, разделились на две территории под правлением двух княжеских семей, которые иногда сотрудничали друг с другом, но чаще враждовали. Князь прибрежной Дукли был византийским вассалом; Рашка, внутренняя территория, также в большей или меньшей степени находилась под византийским контролем, так как Мануил отправил воинов, чтобы помочь младшему брату свергнуть старшего с престола.

В 1161 году могущественный и пожилой венгерский король Геза II умер. Его сменил молодой и неопытный Иштван III, которому едва исполнилось пятнадцать лет, когда он унаследовал корону отца. Мануил I, давно искавший возможность уменьшить силу Венгрии, решил ослабить своего северного соседа, вмешавшись в процесс наследования. Он отправил оружие и деньги двум дядям Иштвана, тоже претендовавшим на престол; а в 1164 году византийская армия пересекла Дунай для поддержки Белы, младшего брата Иштвана.

Разожженная Византией междоусобица продолжалась до 1167 года, когда византийское войско — усиленное тюркскими наемниками и варяжской стражей, личной гвардией императора — встретило крупную венгерскую армию у Земуна. Несмотря на письмо от императора, приказывающее отложить атаку из-за неблагоприятных астрологических знаков, византийский генерал Андроник атаковал врага и одержал ошеломляющую победу. Иштван III сохранил свой престол, но вынужден был принять условия мира, при которых контроль над Хорватией и Далмацией (а впоследствии и Боснией) переходил к Византии — как это и планировал Мануил¹⁰.

Но в триумфе Мануила имелась и ложка дегтя. Возмущенные венгры отправили войско в Сербию, чтобы помочь развивающемуся там движению за независимость. Это войско возглавил князь Рашки Стефан Неманя, брат поддерживаемого Византией правителя Рашки. С помощью Венгрии Стефан Неманя сверг своего брата и провозгласил себя великим князем всей Сербии.

В конце 1169 года Мануил послал армию, чтобы изгнать узурпатора — но войско Немани встретило византийцев на севере Сербии, возле реки Ситница. В последовавшей битве брат Немани утонул в Ситнице, но сербам удалось отбросить врага. Византийская армия отступила без победы, Мануил был вынужден отказаться от контроля над сербскими землями.

Стефан Неманя стало правителем независимой Сербии. Его династия Неманичей оставалась на сербском престоле в течение двух столетий. Территориальные захваты Мануила раздвинули византийские границы, но они же, пусть непреднамеренно, обеспечили независимость Сербии¹¹.

Глава 20

Венецианская проблема

*Между 1171 и 1185 годами Мануил I ссорится с Венецией
и зажигает фитиль в Константинополе*

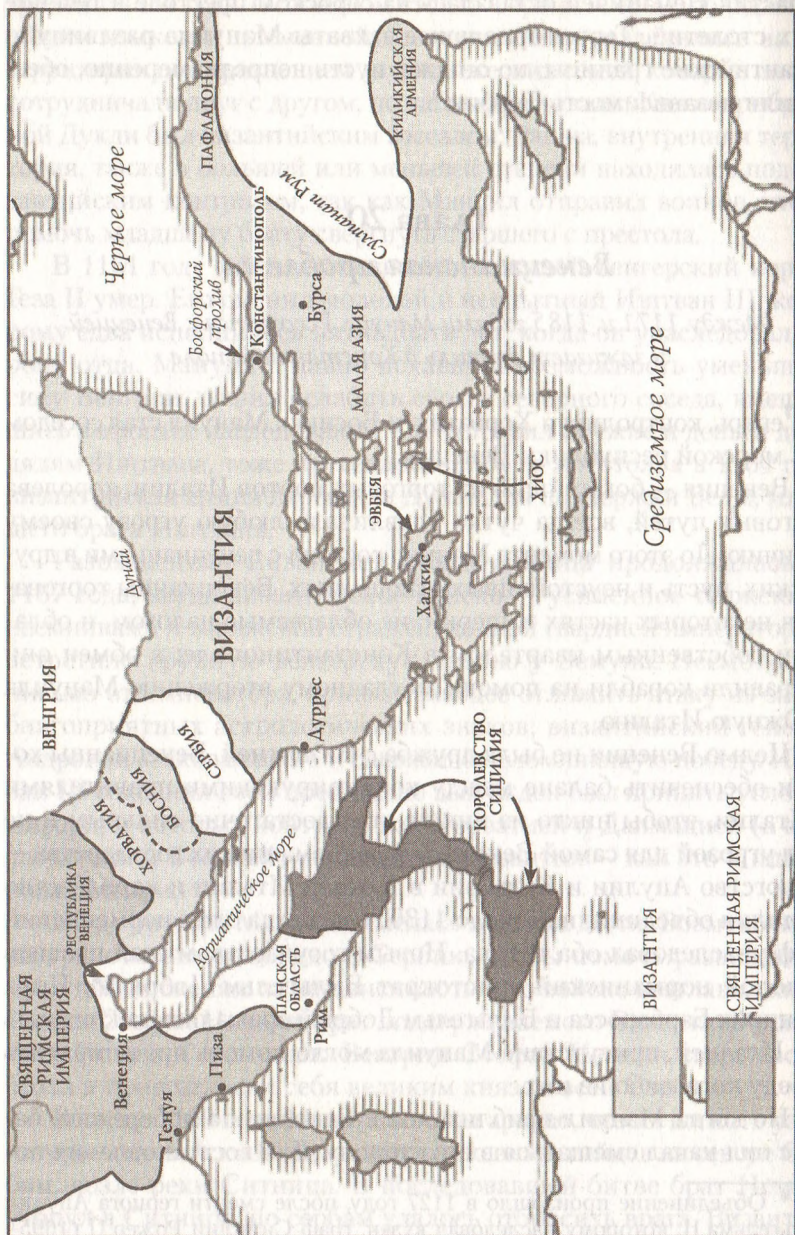
Теперь, контролируя Хорватию и Боснию, Мануил стал соседом морской республики Венеции.

Венеция — богатейший из торговых портов Италии, королева торговых путей, всегда чутко улавливала любую угрозу своему величию. До этого момента Мануил состоял с венецианцами в дружеских, пусть и неустойчивых отношениях. Венецианцы торговали в некоторых частях империи, не облагаемые налогом, и обладали собственным кварталом в Константинополе; в обмен они отправили корабли на помощь неудачному вторжению Мануила в Южную Италию.

Целью Венеции не была дружба с Византией. Венецианцы хотели обеспечить баланс между конкурирующими правителями в Италии, чтобы никто из них не стал достаточно сильным и не стал угрозой для самой Венеции. Два норманнских государства — герцогство Апулии и Калабрии в Южной Италии и королевство Сицилия объединились около 1130 года, когда один норманнский граф унаследовал оба титула. Новым государством стал править молодой норманнский аристократ Вильгельм Добрый*. Пока Фридрих Барбаросса и Вильгельм Добрый сражались за контроль над Италией, присутствие Мануила могло помочь предотвратить победу кого-либо из них.

Но когда Мануил приблизился к Венеции по побережью, баланс сил начал смещаться в его сторону. Для восстановления по-

* Объединение произошло в 1127 году, после смерти герцога Апулии Вильгельма II, которому наследовал кузен, граф Сицилии Рожер II (1095–1154). Вильгельм Добрый (1153–1189) был его внуком — и не просто «аристократом», а третьим королем нового королевства. (Прим. ред.)

Карта 20.1. Византия и Венеция

лезного напряжения, ограждавшего их независимость, венецианцы решили заключить союз с Венгрией, и дож Венеции — главный магистрат и князь города — предложил ратифицировать союз, женив обоих своих сыновей на венгерских принцессах. Когда Венгрия владела землями по соседству, венгерский король был врагом венецианцев; теперь же он стал полезным противовесом¹.

Уязвленный Мануил предпринял собственные ответные меры по обеспечению баланса. Он предоставил соперникам Венеции, пизанцам и генуэзцам, больше торговых привилегий и более крупные участки в самом Константинополе.

Равновесие было нарушено. Разъяренная толпа венецианцев напала на новый квартал генуэзцев и разграбила его, сорвав крыши, сломав стены и сделав его непригодным для жизни. Мануил отправил возмущенное письмо венецианскому дожу Витале Микелю, требуя, чтобы Венеция отстроила поселение и возместила Генуе убытки. Дож отказался — заявив, что во всем виновны жители Константинополя. Мануил ожидал этого отказа; он уже расслал тайные послания по всей Византии, приказывая своим подчиненным одновременно арестовать всех венецианских граждан на византийской земле. Для этого была назначена дата — 12 марта 1171 года.

Тем утром императорский указ был приведен в исполнение. Мужчин, женщин и детей взяли под стражу и посадили в темницы; все их имущество — дома, лавки, корабли, землю — конфисковали. В Константинополе арестованными венецианцами были переполнены все темницы, в качестве мест заключения пришлось использовать монастыри².

Это дало Мануилу более десяти тысяч заложников как гарантию от ответных действий Венеции. Но дож Витале Микель был вне себя от ярости — и все равно объявил войну. Венецианцы пропели четыре месяца, собирая военный флот для ответного удара, а затем атаковали византийскую территорию. Первым городом, который они посетили, был Халкис, столица греческого острова Эвбея. Венецианцы взяли город в осаду; тамошний византийский правитель, обеспокоенный размером флота и не желающий стать жертвой конфликта, предложил свое посредничество в переговорах с Мануилом, если венецианцы снимут осаду³.

Помня о заложниках, дож, лично возглавивший флот, согласился. Он выбрал двух своих людей для сопровождения византийских чиновников ко двору Мануила. Венецианский флот отошел к острову Хиос, где и остался в ожидании итога переговоров.

Несмотря на то что Мануил кормил венецианских пленников за свой счет, он решил потянуть время. Когда прибыли венецианские послы, император заявил, что занят и пока не может встретиться с ними — но что *другое* посольство точно будет удостоено его полного внимания. Послы вернулись на Хиос, затем снова прибыли в Константинополь. Эти перемещения туда-сюда заняли много времени и могли вызвать неприятности — но удача оказалась на стороне Мануила. Венецианский лагерь на Хиосе поразил чума; в одном описании современника говорится, что более тысячи человек умерли в первые несколько дней болезни.

Мануил продолжал тянуть время, а венецианцы продолжали умирать. В конце концов Витале Микель сдался пред лицом неизбежного. Он посадил выживших на свои корабли и поплелся домой. По словам личного секретаря Мануила, Иоанна Киннама, император отправил ему вслед издевательское письмо.

«Твой народ давно вел себя очень глупо. Некогда вы были бродягами, погрязшими в нищете. Потом вы просочились в Римскую империю. Вы относились к ней с величайшим презрением... Теперь, будучи законно осужденными и справедливо изгнанными из империи, вы имели наглость объявить ей войну — вы, некогда бывшие народом, даже не заслуживавшим имени, своим престижем обязанные лишь римлянам... вы выставили себя на посмешище. Ибо никто, даже самая могущественная сила мира, не может безнаказанно объявить войну Риму»⁴.

Как минимум по отношению к Витале Микелю это оказалось правдой: когда он прибыл в Венецию, разъяренные подданные убили его за такой провал.

Мануил одержал победу в первом раунде. Венеция была унижена, а Стефан Неманя, великий князь Сербии, потерял сильнейшего союзника. Мануил отправился в Сербию, захватило ее столицу и заставил Неманю вновь принести вассальную присягу. Венгрию он оставил в покое: теперь Византия контролировала прибрежные территории, и у нее не было никакой необходимости усугублять конфликт.

Но у Мануила все еще оставалась проблема: венецианские пленники в темницах и монастырях, которых надо было как минимум кормить. Он решил эту проблему, просто проигнорировал ее. В течение следующих нескольких лет, пока продолжались трудные и бесплодные переговоры с Венецией, венецианские заклю-

ченные понемногу выпускались из тюрем и кое-как возвращались домой.

* * *

Мануил умер в 1180 году, проведя на императорском престоле 37 лет. Он увеличил силу империи, но разрушил ее союзы; теперь у Византии осталось очень мало союзников на западе.

За его смертью последовали пять лет жестокого хаоса, еще сильнее ослабившего империю. Молодая жена Мануила, Мария Антиохийская, наконец-то родила сына и наследника — но к моменту смерти Мануила Алексею II было всего одиннадцать лет, и Мария стала регентом при нем.

Всего лишь за год Мария сделалась потрясающе непопулярной. Родившись на Западе, она была склонна предоставлять слишком много привилегий итальянским торговцам в Константинополе, и слишком мало — гражданам самой империи. Она сделала своим главным советником другого непопулярного чиновника, племянника Мануила, Алексея — бездельника, как характеризует его летописец Никита Хониат, «привыкшего проводить большую часть дня в постели, с закрытыми шторами, чтобы не видеть дневной свет... и обожавшего тереть свои гниющие зубы»⁵.

Услышав о недовольстве в Константинополе, сюда прибыл Андроник Комнин — племянник Мануила, несколькими годами ранее сосланный в Пафлагонию за противодействие Марии. Андроник всегда был самым популярным членом императорской семьи, и когда жители города услышали о его приближении, они подняли восстание. Увы, оно превратилось в кровавую баню: горожане бросились линчевать пизанцев, генуэзцев и всех оставшихся в городе венецианцев. К моменту прибытия Андроника погибли сотни людей.

Он вошел в город как спаситель. Оставшихся итальянцев собрали и продали в качестве рабов турецким торговцам; некомпетентного Алексея арестовали и ослепили; Марию и юного Алексея II Андроник заключил во дворец.

Марию вскоре нашли задушенной, а Андроник был коронован как соправитель юного Алексея. Совместное правление продолжалось менее года. Когда Андроник почувствовал, что его положение на троне в безопасности, он приказал задушить и 14-летнего Алексея⁶.

Его жестокое правление было коротким и закончилось так же, как и началось — убийством. Метод сохранения власти, принятый Андроником, заключался в устранении любого, кто представлял

Хронологическая таблица 20

Западная Франция	Англия	Сербия	Византия и Киликийская Армения	Венгрия	Италия
	Ансельм, архиепископ Кентерберийский (1093–1109) Генрих I (1100–1135) Борьба за инвести-туру (1107)			Кальман (1096–1116)	
Фульк V, граф Анжуйский (1109–1129)					
Пьер Абеляр становится магистром в школе при Нотр-Дам (1114)					
Работы Абеляра сжигают в Суассоне (1121)			Иоанн Комнин (1118–1143)		
«Theologia Scholasticum» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)				
Людовик VII (1137–1180)	Теобальд из Бека, архиепископ Кентерберийский (1138–1161)				Сицилия объеди-няется с герцогством Апулии и Калабрии (1130)
Осуждение Абеляра (1141)	Анархия (1139–1154)		Мануил Комнин (1143–1180)	Геза II (1141–1161)	

Западная Франция	Англия	Сербия	Византия и Киликийская Армения	Венгрия	Италия
Петр Ломбардский преподает в школе при Нотр-Дам (1145)			Торос II (1144–1169)		
Брак Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152)	Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)				
	Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)			Иштван III (1162–1172)	
	Кларендонские ассизы (1166)	Стефан Неманя великий князь (1166–1196)		Битва при Земуне (1167)	Вильгельм Добрый (1166–1189)
		Битва при Ситнице (1168)	Византийцы арестовывают всех венецианцев (1171)		
			Алексий II Комнин (1180–1183)		
			Андроник Комнин (1183–1185)		
			Исаак II Ангел (1185–1195)		

для него угрозу. Как отмечал один историк, *«Онотяготил лозы Бурсы не гроздями винограда, но телами повешенных; и запретил любому человеку снимать их для похорон, ибо хотел, чтобы тела высохли на солнце, а затем качались и трепетали... как пугала, которые вешают в садах для отпугивания птиц»*⁷.

Через два года подданные пресытились этим зрелищем. В 1185 году Андроник отправил чиновника для того, чтобы арестовать и казнить (без какой-либо убедительной причины) своего дальнего родственника, Исаака Ангела. Ангел, по всем свидетельствам, был человек мягкий — но, защищаясь, он убил своего палача. Моментально народ Константинополя прославил его, как героя, и толпа начала требовать, чтобы его провозгласили императором.

Андроник, находившийся в то время вне города, поспешил обратно, дабы восстановить порядок. Но Константинополь был уже запружен толпой, и даже стражники императора отказались сражаться с народом. Исаак Ангел был провозглашен императором; решив, что чувствам толпы нужно удовлетворение, он приказал отрубить правую руку Андроника и выколоть его правый глаз, после чего отдал предшественника толпе. Как пишет Никита Хониат:

«Увлеченные безрассудным гневом люди... причиняли Андронику зло всеми известными им способами. Его били по лицу, пинали по ягодицам, ему вырвали бороду и выбили зубы... Некоторые били его по голове дубинами, другие мазали ему ноздри коровьим навозом, а третьи, используя губки, брызгали коровьими и человеческими экскрементами в его глаза... Унижая и истязая Андроника таким образом, его на горбу верблюда отвезли в театр в сцене шутовского триумфа. Когда он спустился с верблюда, его тут же подвесили за ноги... Но даже после этого дурная толпа не оставила Андроника в покое и не пощадила его плоть, но с него сорвали рубашку и начали истязать его гениталии. Некий нечестивец засунул меч ему во внутренности через горло; какие-то люди латинской расы, собравшись вокруг него, вскинули мечи двумя руками над его ягодицами и отрубили их, обсуждая, чей удар был глубже»⁸.

По прошествии долгих часов агонии Андроник в конце концов умер. Его тело оставили висеть в течение нескольких дней, после чего выбросили в канаву. Династии Комнинов пришел конец. Византия — оставшаяся без союзников, раздираемая ненавистью, наполненная страхом — оказалась во власти Исаака Ангела.

Глава 21

Ссоры

Между 1171 и 1186 годами Генрих II Английский воюет с ирландцами, собственными сыновьями и с французами

К 1171 году чувство вины из-за убийства архиепископа Беккета отпустило Генриха II Английского — во всяком случае, настолько, что он занялся подготовкой вторжения в Ирландию. Ему поспособствовал ирландский король Диармайт Мак Мурхада, правитель восточного королевства Лейнстер. Как указывает историк XIII века Джеральд Уэльский, Лейнстер был «отделен от Англии только пространством моря», что делало его естественной мишенью для англичан.

Но Генрих пришел туда непрямым путем. Несколькими годами ранее Мак Мурхада опрометчиво нанес визит жене соседа, короля Миде, в отсутствие ее мужа; Джеральд уверяет нас, что она «давно испытывала страсть» к Мак Мурхада «и позволила себя похитить отнюдь не против своей воли». Но король Миде, вернувшись домой, этому не обрадовался. Он собрал своих людей и обратился к верховному королю Ирландии с просьбой помочь восстановить его честь¹.

Верховным королем Ирландии был Рори О'Коннор (по-ирландски Руайдри Уа Конхобайр), правитель Коннахта. На протяжении столетий титул верховного короля переходил от одного ирландского вождя к другому. Однако, как отмечали летописцы-современники, у избранного верховного короля всегда имелась *so fresabra*, оппозиция. Власть верховного короля постоянно оспаривали другие вожди — и Рори О'Коннор не был исключением. Ему уже не раз приходилось сражаться, чтобы отстоять свой статус; и теперь он решил поддержать короля Миде. Совместными усилиями они изгнали Диармайта Мак Мурхада из Лейнстера. Мак Мурхада, пользуясь попутным ветром, пересек Ирландское море и обратился за помощью к английскому королю.

В этот момент Генрих II находился в Западной Франции, занятый очередной войной с Людовиком VII за контроль над его тамошними землями. Но он понимал: все, что создает хаос в Ирландии, будет на руку англичанам. И он направил своим рыцарям послание, предписывающее помочь Диармайту Мак Мурхада вернуться на трон, взамен взяв с него обещание «милостей и прав»².

Наиболее выдающимся из рыцарей, откликнувшихся на этот призыв, был Ричард де Клер, сын графа Пемброка. За воинское

мастерство он получил прозвище Стронгбоу — Крепкий Лук. В ранней юности де Клер воевал на стороне короля Стефана против Матильды, матери Генриха; когда Генрих наконец обрел корону, он не позволил Ричарду унаследовать титул графа. Конфликт в Ирландии де Клер воспринял как шанс добыть собственную корону. Он согласился пойти в бой за Мак Мурхада — но при условии, что тот сделает его наследником трона Лейнстера. Старшая дочь Мак Мурхада, Аойфе, согласилась выйти замуж за англичанина, и сделка была заключена. Это соглашение принесло больше пользы Ричарду, чем его новоявленному тестю. К 1171 году английский лорд помог Диармайту вернуть свое королевство, но в ходе длительной борьбы погиб сын Диармайта, а сам Мак Мурхада заболел и умер в первую неделю мая, вскоре после своего шестидесяти первого дня рождения.

Стронгбоу и Аойфе могли наконец объявить себя королем и королевой Лейнстера — но тут вмешался Генрих II, возвратившийся из Западной Франции. Он не желал, чтобы один из его рыцарей создавал независимую монархию на соседнем берегу, и потому собрал войско в портовом городе Глостере, на западном побережье, чтобы отплыть Ирландию. Стронгбоу, все еще не закончивший войну с правителем Миде и верховным королем Ирландии, поспешил явиться в Глостер и заверить короля в своей лояльности. *«Ему в конце концов удалось... унять недовольство государя, — говорит Джеральд Уэльский, — на условиях, что он заново присягнет королю на верность и сдаст ему Дублин... вместе с городами на побережье и всеми крепостями»*. Ричард будет править Лейнстером как король — но только с позволения Генриха; а английский король сможет напрямую контролировать портовые города³.

Уладив эту проблему, Генрих со своим войском приплыл в Ирландию, чтобы помочь Ричарду окончательно разгромить верховного короля*. 18 октября 1171 года англичане высадились в пор-

* Еще в 1158 году Генрих получил у папы Адриана IV — англичанина по происхождению — буллу на завоевание Ирландии. Диармайду, чтобы попросить помощи у Генриха II, пришлось приехать к нему в Аквитанию. Английский король не обращался к своим рыцарям, а лишь выдал Диармайду грамоту, по которой тот получал право нанимать в Англии войска. С этой грамотой ирландский король вернулся в Англию. Войско, с которым Генрих II вторгся в Ирландию, было приведено им из Франции; оно собиралось в Глостершире, а отбывало морем из Милфолрд-Хэйвена. В нем насчитывалось 4000 солдат, в том числе 500 рыцарей; количество кораблей называется от 240 до 400 — по сути, это были просто лодки. Но по сравнению с разрозненными дружинами ирландских вождей армия Генриха представляла серьезную, а главное — организованную силу. (Прим. ред.)

ту Уотерфорд на южном берегу острова и двинулись на север, к Дублину. Они еще не добрались до цели, как большинство ирландских королей поспешили выйти навстречу и высказать свое почтение.

Ни одно из ирландских королевств поодиночке не могло собрать войско, способное противостоять английскому; им оставалось только объединиться, полностью подчинившись верховному королю — но мало кто из королей хотел этого. «Так поступили почти все вожди Ирландии, за исключением правителей Ольстера [на севере], — говорит Джеральд Уэльский, — Они покорились... и все стали вассалами короля Англии». В 1175 году Генрих и Рори О'Коннор заключили официальное соглашение — Виндзорский договор. Он разделил Ирландию на две сферы влияния: в одной напрямую распоряжался Генрих, в другой — верховный король в качестве вассала Генриха⁴.

С Ольстером получилось иначе. Правившие им потомки древнего и могущественного клана Уи Нил отказались покориться англичанам в какой бы то ни было форме; Северная Ирландия осталась вне досягаемости Генриха.

Тем временем дома у Генриха назревали неприятности. Элеоноре Аквитанской было уже под пятьдесят, она подарила мужу *восемь* детей, из них пять сыновей. Один мальчик умер, остальные выросли: Генриху Молодому еще не исполнилось двадцати; Ричард был двумя годами младше, Джеффри родился через год после Ричарда, а Джону на момент вторжения в Ирландию было всего пять лет*. Людовик VII, бывший муж Элеоноры, имел законные основания для беспокойства: власть Генриха росла, его владения расширялись, а земли английского монарха в Западной Франции граничили с доменом самого Людовика. Однако трудно поверить, что Людовик не чувствовал также личной обиды на человека, который преуспел там, где он потерпел неудачу.

Постоянные стычки между английским и французским королями на время утихли после достигнутого в 1169 году соглашения, по которому Генрих обещал разделить свои земли в Западной Франции между тремя старшими сыновьями. Генриху Молодому отходили Анжу и Мэн, Жоффруа получил Бретань, а Ричарду, лю-

* У английской знати норманнского происхождения не было «национальности» в современном смысле. Они владели землями по обе стороны Ла-Манша, и их имена имели два варианта произношения: английский и французский. Поэтому в русской традиции перевода сына Генриха именуют то Джеффри, то Жоффруа. Младший его сын также именуется двойко: принц Джон — но король Иоанн. (Прим. ред.)

Карта 21.1. Англия, Ирландия и Западная Франция

бимцу матери, досталось ее герцогство Аквитания. Джон ничего не получил — почему и был прозван в насмешку «Безземельным».

В результате единый английский фронт против Людовика перестал существовать. Но это его не успокоило — ведь Генрих по-прежнему крепко держал сыновей в узде. По словам Джеральда Уэльского, он был *«добрейшим из отцов... в годы их детства и отрочества, но по мере того, как они выросли, стал относиться к ним неприязненно... не в состоянии смириться с мыслью, что дети станут его преемниками»*. Номинально французские земли принадлежали юношам — но Генрих управлял их доменами сам⁵.

Людовик, который в рамках мирного договора обручил свою дочь от второго брака с Генрихом Молодым, несомненно, знал, как

обстоят дела; он сыграл на естественных чувствах наследника. В личной беседе французский король предложил юному Генриху потребовать у отца право независимо управлять частью своего домена, Нормандией или Анжу. А если это не выйдет — тогда просить у отца Англию⁶.

Генрих II отказал — резко и вполне резонно. И тогда Генрих Молодой сбежал из дома.

«Он кипел и возмущался поведением отца, — пишет Уильям из Ньюбурга, — и тайно укрылся у своего тестя, короля Франции, намереваясь доставить отцу неприятности». Когда Генрих II направил Людовiku VII послание, требуя, чтобы сын вернулся домой, Людовик VII ответил: «Король Англии находится здесь, и он не указывает мне, что делать»⁷.

Подобный ответ означал измену Генриха Молодого и объявление войны со стороны Людовика. Английским баронам пришлось выбирать, на чью сторону встать. Многие из них выбрали мятежного сына: чрезмерная властность и подозрительность Генриха создали ему немало врагов. Как сообщает современник, летописец Ральф из Дайсето, *«те, кто присоединились к сыну, сделали это не потому, что считали его дело правым, но из-за того, что отец... наступал на шеи гордых и высокомерных, сносил или присваивал их замки по всей стране»*⁸. Вскоре к Генриху Молодому присоединились его младшие братья — Джеффри и Ричард.

Когда начался мятеж, Элеонора находилась в Пуатье с сыновьями; похоже, что она поощряла их бунт против отца. Ее отношения с мужем становились все хуже после убийства Беккета; вдобавок Генрих завел по меньшей мере одну любовницу — прославленную своей красотой Розамунд Клиффорд. Уильям Ньюбургский оправдывает Генриха, уверяя, что тот оставался верным Элеоноре, пока она не вышла из детородного возраста*.

После того как Джеффри и Ричард благополучно присоединились к Генриху Молодому, Элеонора приготовилась бежать из Пу-

* На момент описываемых событий (1173 год) Элеоноре было 49 лет, Генриху II — 40. Но роман Генриха с Розамундой Клиффорд начался как минимум на семь лет раньше — в 1166 году король уже поселил ее в Вудстокском дворце. Более того, Розамунда не была первой любовницей Генриха II — Уильям Лонгслее, бастард короля от Иды де Тосни, супруги графа Роджера Биго, родился уже в 1161 году; Генрих признал его в 1188 году, за год до своей смерти. Всего историки насчитывают как минимум пять известных любовниц короля Генриха II; кроме того, в 1181 году Ричард Львиное Сердце обвинил отца в связи со своей невестой Элис, тоже дочерью Людовика VII, — мотивируя этим свой отказ жениться на ней; см. об этом примечание ниже. (Прим. ред.)

атье ко двору Людовика VII — обратно по тому пути, который она проделала двадцать лет назад, спеша из Парижа на встречу с женихом. Однако ей не удалось добраться до владений Людовика: люди, посланные вдогонку Генрихом II, перехватили беглую королеву, и Генрих приказал содержать ее под стражей в замке Шинон. Лишенная связи с сыновьями, Элеонора провела следующие пятнадцать лет под домашним арестом⁹.

Хотя восстание приобрело широкий размах, Генрих II справился с ним без особого труда. Последним серьезным столкновением стала осада войсками Людовика VII Руана в Нормандии, в августе 1174 года. Генрих прибыл под Руан с подкреплениями — в частности, он отправил в леса особый отряд валлийских наемников, чтобы перерезать пути снабжения французов. Валлийцы («ловкие и привычные к лесной местности», — как пишет Уильям Ньюбургский) напали на обоз с припасами, разграбили его, а затем снова исчезли в чаще. «Распространился слух, будто бы валлийцы так и кишат в здешних лесах», — рассказывает Уильям. Вскоре французы впали в уныние. Людовик VII, видя бесполезность войны, оставил свою армию и вернулся в столицу, откуда послал Генриху II предложение о переговорах. Джеффри и Генрих Молодой уже согласились помириться с отцом; лишь Ричард еще держался, осаждая отцовские замки в Пуату — вотчине своей матери.

Но когда и Людовик, и братья отказались от борьбы, у Ричарда осталась лишь горстка солдат¹⁰. Генрих явился с войском в Пуату, и младший сын был вынужден отступить. К концу сентября у Ричарда уже не осталось солдат. Он явился в лагерь отца с покаянием, упал перед ним ниц и разрыдался. Довольный победой, Генрих проявил относительное милосердие. Он вернул сыновьям почти все их владения в Западной Франции — но не отказался от контроля над ними. Знатные англичане, которые примкнули к мятежу, были почти все отпущены и прощены. Генриху Молодому пришлось принести оммаж отцу, и статус-кво был более-менее восстановлен. Однако вражда между королем и его сыновьями не прекратилась; конфликт с королем Франции также не был разрешен.

* * *

В 1180 году Людовик VII умер в Париже в возрасте шестидесяти лет. Корона перешла к его пятнадцатилетнему сыну от третьей жены, Адели Шампанской, — Филиппу II Августу, единственному сыну Людовика. Владения юного короля были со всех сторон

окружены доменами могущественных французских феодалов: герцогов Бургундии, графов Фландрии и Тулузы. Людовик VII являлся полновластным сувереном лишь на территориях, непосредственно примыкающих к Парижу — на землях Иль-де-Франс. В более отдаленных областях земли принадлежали знатным родам — они сами правили своими территориями, приносили оммаж французскому королю, но делали что хотели¹¹. Несмотря на свою юность (а может, именно вследствие юности), Филипп хотел большей власти.

Едва он приступил к делам, как герцог Бургундский попытался воспользоваться неопытностью короля и предложил ряду васалов французской короны перейти к нему. Филипп II немедленно организовал поход в Бургундию, напал на крепость Шатильон и захватил в плен старшего сына герцога, которого отпустил лишь когда герцог Бургундский пошел на попятный. Когда граф Фландрский вздумал предъявить права на земли, по праву наследования принадлежавшие Изабелле, жене Филиппа, король пошел на него войной и четыре года сражался за спорные территории¹².

Но войны стоили дорого, и Филипп, впервые проявив то бессердечие к своим подданным, от которого затем пострадала его репутация в веках, придумал новый способ добычи денег. В 1182 году он велел изгнать из Франции всех евреев: их имущество было конфисковано королем, синагоги захвачены, а тем, кто задолжал евреям, простили долги — при условии, что пятая часть суммы долга будет внесена в королевскую казну в качестве чрезвычайного займа¹³.

Евреи в ту эпоху являлись первыми кандидатами на роль жертвы. Европейские христиане издавна разделяли предубеждение христиан древних, считавших евреев виновными в распятии Христа. Во время Первого крестового похода это предубеждение переросло в открытую ненависть. Как писал в XI веке французский хронист Гвиберт из Ножана: *«Мы жаждем сокрушить врагов Господа на Востоке, куда ведет дальний путь. А между тем прямо рядом с нами живут евреи — и ни один народ не враждебен Господу так, как они. Это положение абсурдно»*¹⁴.

Под прямым контролем Филиппа находилась лишь малая часть Западной Франции, поэтому большинству изгнанных евреев не пришлось уезжать слишком далеко. Но декрет против них приоткрыл еще одну черту характера юного короля. Он был крайне упертым в вопросах религии, и его царствование было отмечено все более возрастающей строгостью законов против нарушения

Хронологическая таблица 21

Византия, Сербия и Венгрия	Италия	Западная Франция	Англия	Ирландия
	Присоединение Сицилии к герцогству Апулии и Калабрии (1130)			Диармайт Мак Мурха- да из Лейнстера (1126–1171)
		«Theologia Scientium» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)	
		Людвик VII (1137–1180)	Теобальд из Бека, архиепископ Кентербе- рийский (1138–1161)	
Геза II (1141–1161)		Осуждение Абеляра (1141)	Анархия (1139–1154)	
Мануил Комнин (1143–1180)		Петр Ломбардский преполагает в школе Нотр-Дам (1145)		
		Брак Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152)	Генрих II (1154–1189) Уоллингфордский договор (1154)	Рори О'Коннор из Коннахта (1156–1186)
Стефан III (1162–1172)			Томас Беккет, архиепи- скоп Кентерберийский (1162–1170)	

Византия, Сербия и Венгрия	Италия	Западная Франция	Англия	Ирландия
Стефан Неманя, великий князь (1166–1196)	Вильгельм Добрый (1166–1189)		Кларендонские ассизы (1166)	Рори О'Коннор – верховный король (с 1166)
Битва при Землине (1167)				
Битва при Ситнице (1168)				
Арест всех венециан- цев в Византии (1171)				Ричард Стронгбоу претендует на трон Лейнстера (1171)
			Мятеж сыновей Генриха II (1173)	Виндзорский договор (1175)
Алексий II Комнин (1180–1183)		Филипп II Август (1180–1223)		
Андроник Комнин (1183–1185)		Изгнание евреев (1182)		
Исаак II Ангел (1185–1195)				

религиозных правил в быту, кощунств, азартных игр и других осуждаемых церковью развлечений.

Через год после изгнания евреев Генрих Молодой заболел дизентерией и умер в 27 лет. Овдовевшая Маргарет — старшая сводная сестра Филиппа II — успела родить ему лишь одного ребенка, да и тот прожил лишь три дня.

В этой ситуации Филипп II увидел еще одну возможность пополнить казну и потребовал, чтобы Генрих II Английский возвратил французской короне все приданое Маргарет. Естественно, это привело к очередному конфликту, и к 1186 году все шло к открытой войне.

Глава 22

Саладин

Между 1171 и 1188 годами Саладин захватывает владения своего господина и отнимает Иерусалим у крестоносцев

Пока Нур ад-Дин почивал на лаврах объединителя мусульманских княжеств от Эдессы до Каира, Саладин укреплялся в Египте, где был назначен наместником.

Биограф Саладина Ибн Шаддад, желая изобразить султана идеальным мусульманским правителем, небрежными штрихами рисует нам портрет живого человека: истово верующего, но в то же время трезвомыслящего и расчетливого. Саладин изучал богословие, но «в исследованиях своих излишне не углублялся» и в непопулярных религиозных спорах не участвовал. Он соблюдал пост в месяц Рамадан — но если дела войны требовали всей его энергии, то «сокращал дни поста».

Государственные дела так и не позволили Саладину совершить хадж — паломничество в Мекку. «Он всегда намеревался совершить его, — поясняет ибн Шаддад, — но откладывал из-за отсутствия времени». Саладин искренне желал торжества ислама:

«Желание сражаться на пути Аллаха с иноземными захватчиками вынудило его расстаться с семьей, детьми, родиной, местом, где он жил, со всем, что у него было. Отказавшись от этих земных радостей, он довольствовался жизнью под сенью шатра, где сквозило из всех щелей»¹.

Но все это не мешало ему лелеять честолюбивые замыслы, которые стали очевидны Нур ад-Дину в октябре 1171 года. Саладин вторгся в пределы Иерусалимского королевства и осадил южный замок Монреаль. Когда казалось, что защитники крепости вот-вот сложат оружие, он узнал о приближении Нур ад-Дина — и, не достигнув успеха, снял осаду, оставив замок христианам. Ибн аль-Асир сообщает, что Саладин опасался открыть Нур ад-Дину путь в Египет: *«Если Нур ад-Дин придет сюда, — убеждал его один из военачальников, — ...то ты должен будешь подчиниться ему ... [И] если он пожелает, то изгонит тебя, и ты ничего не сможешь сделать»*.

Саладин вернулся в Египет и написал своему сюзерену письмо с извинениями, объяснив свой уход угрозой бунта в Египте. Нур ад-Дин не дал обмануть себя этими оправданиями. «Его мнение о Саладине ухудшилось, — пишет ибн аль-Асир, — и он решил отправиться в Египет и изгнать его»².

Однако жесточайшая ангина не позволила Нур ад-Дину выступить против своевольного вассала. Горловой абсцесс вызвал общее заражение организма, и атабек умер в Дамаске, отказавшись от лечения. («В шестьдесят лет кровь не пускают», — заявил он своему врачу). Власть наследовал его 11-летний сын аль-Салих Исмаил³.

Саладин немедленно перехватил инициативу. Он выступил на север и занял Дамаск, где объявил себя защитником аль-Салиха. *«Зная, что сын [Нур ад-Дина] — ребенок... неспособный защитить страну от врагов Аллаха, султан стал готовить поход в Сирию, сердце мусульманских земель»*⁴.

Около года Салах-ад Дин оставался регентом при аль-Салихе и командовал правительственными войсками. Его присутствие вызвало волнения в Сирии. Аль-Салих обратился к подданным, чтобы те изгнали узурпатора. («Этот нечестивец, пренебрегший милостью моего отца, пришел отобрать мои земли», — заявил он жителям Алеппо, которые немедленно подняли восстание.) Однако все выступления были подавлены египетскими войсками Саладина. В апреле 1175 года он одержал победу над объединенными силами эмиров Алеппо и Мосула и распорядился, чтобы в пятничном намазе поминали его, а не аль-Салиха. Имя молодого Зангида больше не чеканили на монетах. В мае аббасидский халиф в Багдаде, который находился под контролем Саладина, благоразумно признал его султаном Сирии и Египта. В письме к халифу личный секретарь Саладина Кади аль-Фадиль писал, что только его господин сможет отстоять завоевания Нур ад-Дина и что «единственная его цель» — это сплочение и укрепление мусульманского мира⁵.

Этой цели Саладин посвятил следующие несколько лет. Он женился на вдове Нур ад-Дина, которая была старше его на десять лет, и объявил о притязаниях на земли своего предшественника. Саладин одержал верх над мятежными эмирами; он противостоял натиску крестоносцев — но если политические обстоятельства того требовали, то заключал с ними союзы. Саладин учредил ведомство по делам военного флота и направил значительную часть доходов на строительство новых кораблей.

В 1181 года молодой аль-Салих умер от «неожиданного приступа колик» — очень удобное обозначение желудочного расстройства, вызванного как естественными, так и иными причинами. Саладин мог больше не беспокоиться о легитимности своей власти⁶.

Теперь он был готов помериться силами с крестоносцами — при условии, что они не объединятся друг с другом. Такая возможность выпала ему в 1187 году. За год до того умер 9-летний король Иерусалима Балдуин V. Так как прямых наследников у него не было, то претендентами на корону Иерусалима стали его мать Сибилла и опекун Раймунд, граф Триполи. Сибиллу поддержал старый смутьян Рене де Шатильон, бывший князь Антиохии, которого уже освободили из плена в Алеппо*. Он был на шестнадцать лет старше Саладина, но это не сделало его менее безрассудным, порочным и властолюбивым. Из-за его интриг Раймунд был вынужден покинуть Иерусалим, а трон получили Сибилла и ее непопулярный муж Ги де Лузиньян⁷.

Рассерженный Раймунд отправился к султану сарацин и предложил ему союз в обмен на военную поддержку, намереваясь с его помощью вернуть Иерусалим. Тем временем неуживчивый нрав Рене де Шатильона дал о себе знать — и он, рассорившись с Сибиллой и Ги, в гневе покинул Иерусалим. В начале 1187 года вместе со своими людьми Рене напал на богатый мусульманский караван, направлявшийся из Сирии в Египет. Караван находился под защитой Саладина**. Рене получил богатую добычу и пленил всех

* Рене вышел из плена в 1176 году и вскоре женился на графине Этьенне де Мильи, став владельцем Трансиордании — включая цепь мощных крепостей по самой границе крестоносных земель, откуда было удобно совершать набеги на торговый путь из Каира в Дамаск. (*Прим. ред.*)

** Дело было не в «защите»: в караване находилась сестра Саладина, которую пленил Рене; дальнейшая ее судьба неясна. Это было личное оскорбление — после которого Саладин объявил Рене де Шатильону персональный джихад. Заметим, что из общей массы франкских полководцев Рене сумел выделиться уже в 1182 году — когда построил у себя в Кераке (Крак-де-Мовав) пять галер, в разобранном виде доставил их на верблюдах в Айлу (Эйлат),

до «последнего человека». Султан потребовал освободить пленников и возместить убытки — в противном случае грозясь обрушиться на христиан войной. Король и королева, узрев в этом зловещие письма на стене, приказали Рене выполнить эти требования, но старик отказался. В ответ Саладин поклялся убить Рене, «как только тот окажется в его власти». Союз между крестоносцами распался — час Саладина настал⁸.

Как пишет ибн аль-Асир, *«султан разослал послания во все концы страны, призывая мусульман к джихаду. Он написал эмирам Мосула, Междуречья, Эрбиля и других городов на востоке, а также в Египет и Сирию»*. Когда огромная армия сарацин была собрана, Раймонд и Рене осознали масштабы нависшей над ними опасности и вместе с войсками поспешили в Иерусалим.

Объединенные силы крестоносцев (около 20 тысяч человек) собрались в Сефории — городе на севере Иерусалимского королевства, где имелись значительные запасы воды и продовольствия. Здесь они надеялись перекрыть дорогу мусульманам на Иерусалим. Но вместо того, чтобы атаковать непосредственно их, Саладин по главе 30-тысячной армии повернул в сторону Тиверии и разграбил город, а заодно запер в замке жену Раймунда и оставшихся защитников. *«Осадой Тиверии он хотел заставить франков покинуть выгодную позицию; [ведь] между Сефорией и Тиверией земли пустыньны и безводны»*⁹.

После недолгих споров крестоносцы все же решили пересечь пустыню и освободить Тиверию. В начале июля христианское войско отправилось в утомительный переход под палящим солнцем Палестины. Единственный водоем на их пути охраняли сарацины. С силами мусульман крестоносцы встретились на равнине, расположенной у подножия потухшего вулкана, известного как Рог Хаттина. К этому времени и люди, и кони были совершенно истощены зноем и жаждой.

Состоявшееся утром 4 июля сражение было проиграно христианами, превратившись в беспорядочное бегство. Согласно одному из франкских отчетов о Хаттинской битве, безжалостная бойня продолжалась шесть часов. И хотя Раймунд сумел ускользнуть, Рене де Шатильон, король Ги де Лузиньян, а также командиры тамплиеров и госпитальеров попали в плен.

а затем устроил пиратскую экспедицию по Красному морю. Окрыленный успехом, Рене сделал следующий шаг — попытался с небольшими отрядом добраться до Мекки и атаковать ее, но был разгромлен и чудом спасся, потеряв свое войско. (Прим. ред.)

Саладин приказал привести Ги и Рене к себе в шатер. Он предложил королю, *«испытывавшему крайнюю жажду»*¹⁰ по словам ибн аль-Асира, чашу с прохладным шербетом. Напившись, король передал чашу с остатками напитка Рене. По мусульманским же обычаям хозяин не мог причинить вреда гостю, если тот ел и пил в его доме. *«Не я позволил напиться этому треклятому грешнику, — тотчас же заявил султан, — а значит, не пользоваться ему моей защитой!»* С этими словами он встал и, взмахнув саблей, отрубил Рене голову¹¹.

После этого султан велел казнить всех пленных тамплиеров и госпитальеров. Эти ярые защитники святых мест представляли большую опасность для мусульман. В то же время короля и остальных пленников сытно кормили и содержали в комфортных условиях.

Мусульманская армия выступила на Акру и неделю спустя была под стенами беззащитного города, армия которого присоединились к крестоносцам в Сефории. Горожане, прознав о том, что Саладин милостиво обращается с пленными, выразили готовность сдать город в обмен на гарантии безопасности. Султан согласился и вступил в город через широко распахнутые ворота. Он отслужил молебен в старой мечети Акры, к которой после использования ее в качестве церкви вернулось прежнее культовое назначение.

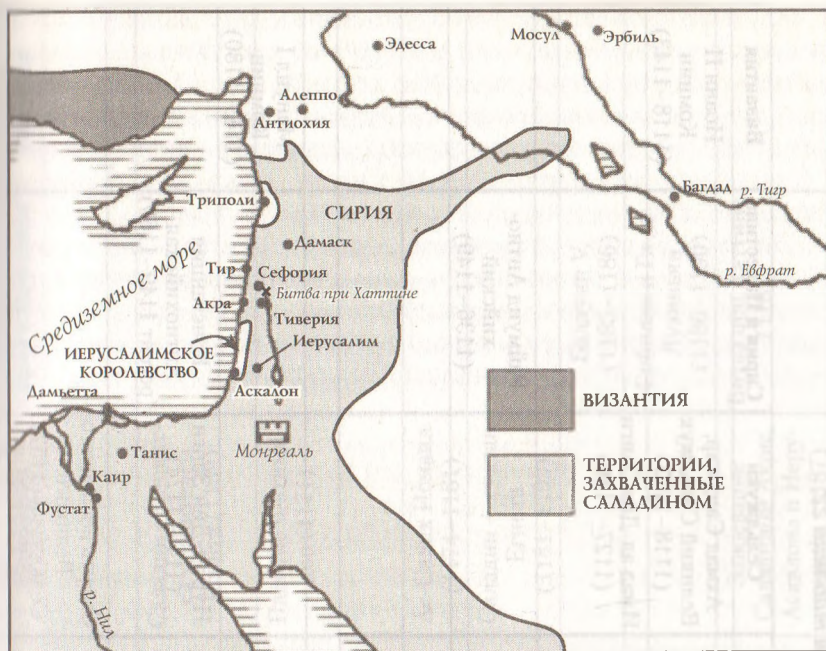
Теперь почти вся Святая земля принадлежала Саладину. Аскалон сдался 4 сентября, а Иерусалим — 2 октября. Святой город капитулировал на условии сохранения жизни проживавших в нем христиан. Тем, кто желал покинуть Иерусалим, разрешалось забрать свое имущество. Как писал ибн аль-Асир,

«Вершину Купола Скалы венчал огромный золоченый крест. После того, как в пятницу мусульмане заняли город, несколько человек взобрались на вершину Купола, чтобы свалить этот крест. Когда же он пал, все — и мусульмане, и франки — закричали как один. Мусульмане радостно восклицали „Аллах велик!“, а франки горестно стенали»¹².

* * *

Тем временем далеко за морем находившиеся в состоянии войны короли Англии и Франции провели переговоры в Жизоре, где гигантский вяз отмечал границу между нормандскими владениями Генриха I и королевским доменом Филиппа II Августа. Едва монархи прибыли на место встречи, как у них испросил аудиенции архиепископ Тирский*.

* Имеется в виду Иосия, архиепископ Тирский (1186–1202). (Прим. ред.)

Карта 22.1. Завоевания Саладина

Карта 22.2. Окрестности Жизора

Хронологическая таблица 22

Франция	Англия	Ирландия	Сельджуки	Сирия и Палестина	Византия
			Ахмад Санджар, Великий Сельджук (1118–1153)		Иоанн II Комнин (1118–1143)
		Диармайт Мак Мурхада, король Лейнстера (1126–1171)	Имад ад-Дин Занги (1127–1146)		
«Theologia Scholarium» Абеляра (1135)	Стефан (1135–1154)			Раймунд Антиохийский (1136–1149)	
Людвик VII (1137–1180)	Теобальд из Бека, архиепископ Кентерберийский (1138–1161)				
	Анархия (1139–1154)				
Осуждение Абеляра на Санском соборе (1141)					Мануил I Комнин (1143–1180)
Петр Ломбардский преподаёт в школе при Нотр-Дам (1145)			Нур ад-Дин Занги (1146–1174)	Констанция Антиохийская (регент 1149–1160)	
Брак Элеоноры Аквитанской и Генриха Анжуйского (1152)	Соглашение в Уоллингфорде (1154) Генрих II (1154–1189)	Рори О'Коннор, король Коннахта (1156–1186)	Смерть последнего Великого Сельджука (1157)		

Франция	Англия	Ирландия	Сельджуки	Сирия и Палестина	Византия
	Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)				
	Кларендонские ассизы Генриха II (1166)	Рори О'Коннор, верховный король Ирландии (с 1166)	Саладин становится правителем Египта (1169)		
	Сыновья Генриха II поднимают мятеж против отца (1173)	Ричард Стронгбоу объявляет о своих притязаниях на трон Лейнстера (1171)	Падение Фатимидов (1171)		
		Виндзорский договор (1175)	Ас-Салих Исмаил (1174–1181)		
Филипп II Август (1180–1223)			Саладин — султан Египта (1181–1193)		
Изгнание евреев (1182)				Балдуин V, (1185–1186)	
				Сибилла и Ги де Лузиньян (1186–1190)	
Жизорское перемирие (1188)			Завоевание Саладином Акры, Аскалона и Иерусалима (1187)	Битва при Хаттине (1187)	

Тир оказал ожесточенное сопротивление армии Саладина; на галере под черными парусами престарелый архиепископ покинул осажденный город, неся горестные вести на запад. Сейчас он заклинал обоих королей прекратить вражду и принять крест. Папа Григорий VIII уже санкционировал крестовый поход, объявив о семилетнем перемирии по всей Европе, чтобы короли могли направить свою энергию на отвоевание Иерусалима¹³.

Генрих и Филипп откликнулись на этот призыв. Старые разногласия были на время забыты, и начались приготовления к восточному походу. О своем намерении присоединиться к нему объявил также 70-летний германский император Фридрих Барбаросса. Казалось, что вся католическая Европа объединилась в едином порыве идти на восток.

«До Саладина дошли вести, что император Германии, король Франции и король Англии, а также все высшие бароны за морем приняли крест, чтобы идти против него. Это известие не принесло ему радости»¹⁴.

Глава 23

Война Гэмпэй

В Японии между 1179 и 1185 годами Минамото победили Тайра и началось правление сегунов

Следующие двадцать лет после смуты Хэйдзи были отмечены стремительным продвижением Тайра Киемори по службе при императорском дворе. В этом ему помогал император-отшельник Го-Сиракава, которому без самураев Киемори становилось все труднее держать в подчинении императора Нидзе. При содействии Го-Сиракавы Киемори поочередно занимал пост государственного советника, начальника дворцовой стражи, главы сысского ведомства и, наконец, главного министра страны. Его брат Ёримори был канцлером при императоре-отшельнике, а сын Сигэмори командовал столичными войсками.

Когда император Нидзе неожиданно скончался от болезни в возрасте двадцати двух лет, Киемори устроил брак между своей дочерью Токуко и наследником Нидзе, императором Такакуррой (младшим сводным братом Нидзе). Придворные должности одна за другой переходили в руки клана Тайра¹.

Но планы Тайра в конечном счете сработали с точностью до наоборот: к 1179 году Го-Сиракава осознал, что стремительно теряет власть. Чтобы обуздать амбициозный клан, император-отшельник решительно вмешался в дела Киемори, конфисковал захваченные им земли и вернул их законным владельцам — Фудзивара и Минамото.

Го-Сиракава ошибочно полагал, что настал подходящий момент покончить с зарвавшимся временщиком. Но Киемори по-прежнему мог собрать армию, превосходящую силы его врагов. Он привел тысячи преданных самураев в Киото и посадил Го-Сиракаву под домашний арест. Под его давлением император Такакура отрекся от трона в пользу своего сына Антоку, приходившегося внуком Киемори².

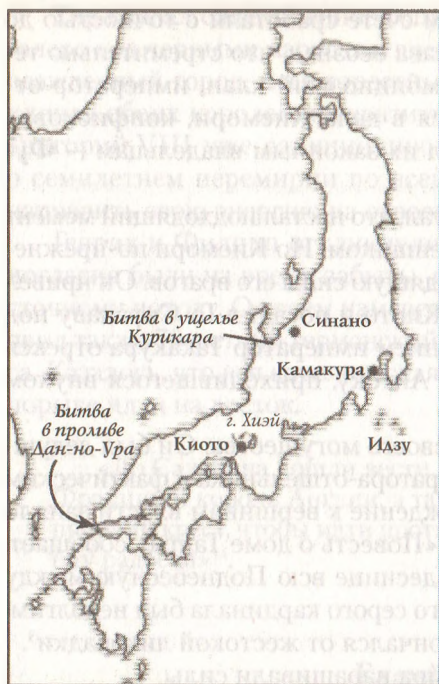
Киемори оказался на пике своего могущества. Он был дедушкой императора, хозяином императора-отшельника и фактическим правителем Японии. Его восхождение к вершинам власти заняло более двадцати лет. Эпическая «Повесть о доме Тайра» сообщает, что «Киемори сжимал в своей деснице всю Поднебесную между четырех морей». Но триумф этого серого кардинала был недолгим, так как в марте 1181 года он скончался от жестокой лихорадки³.

В это время противники Тайра наращивали силы.

Их лидером был Минамото Ёритомо, сын казненного Ёситомо. Он чудом пережил смуту Хэйдзи. Во время мятежа победители пощадили его, тринадцатилетнего мальчика, заменив ему казнь ссылкой. Теперь проявленное некогда милосердие обернулось катастрофой. Согласно «Запискам глупца» («Гукансё»), в изгнании Ёритомо «много размышлял о положении дел в мире». Ему было чуть больше тридцати, и все эти двадцать лет он искал союзников и вынашивал планы мести.

Свой путь Ёритомо начал в провинции Идзу, где жил после смерти отца. Так как это была исконная территория Минамото, то ему не стоило особого труда собрать здесь сторонников. Его армия постепенно крепла в мелких стычках, пока он не укрепился в прибрежном городе Камакура.

Тем временем Мунэмори, сын Киемори, также собирал войска в Киото. Однако решающая схватка откладывалась в связи с тем, что четырнадцать месяцев подряд на страну обрушивалось одно бедствие за другим: засухи сменялись наводнениями, а наводнения — страшным голодом и эпидемиями. За это время на сцене неожиданно появилась третья сила: двоюродный брат Ёритомо по имени Ёсинака, который был на семь лет младше его.

Карта 23.1. Война Гэмпэй

Это был честолюбивый и опытный военачальник, отец которого погиб в смутные 1150-е годы. Ёсинака не примкнул к армии своего родственника, а вел войну собственными силами^{4*}. Своей ставкой он сделал город в западной части провинции Синано и очень скоро числом приверженцев превзошел Ёритомо⁵.

Первым делом Мунэмори решил расправиться с численно превосходящим противником. Во главе огромной армии (современники оценивали ее в 100 тысяч человек) он выступил против Ёсинаки. Возможно, новый глава клана Тайра, не отличавшийся полководческим талантом, надеялся одержать победу за

счет численного превосходства — значительную часть его воинства составляли насильно завербованные крестьяне и дровосеки.

Когда противники встретились, самураи Минамото тянули время до ночи, вызывая оппонентов из императорского лагеря на поединок чести. С наступлением темноты Ёсинака приказал погнать на противника стадо быков с привязанными к рогам горящими факелами. Испугавшись, неопытные солдаты войска Тайра в панике стали отходить к близлежащему ущелью Курикара, где были окружены и перебиты. «Кровью заструились горные речки, горы трупов заполнили все ущелье», — гласит «Повесть о доме Тайра»⁶.

Узнав о поражении, члены клана Тайра вместе с императором поспешно бежали из города, который немедленно занял Ёсинака. Хитрый Го-Сиракава быстро сообразил, кто теперь его союзник, и приветствовал победителя.

Битва при Курикара подорвала могущество Тайра, и следующие два года стали временем их стремительного упадка. Ёсинака

* Отец Ёсинаки был убит братом Ёритомо. (Прим. ред.)

из Киото и Ёритомо из Камакуры устроили настоящую охоту на ненавистных Тайра, уничтожая их везде, где могли. Результатом пятилетней междоусобицы, известной как война Гэмпэй (1180–1185), стало практически полное уничтожение этого клана.

Решающее сражение войны Гэмпэй состоялось 25 апреля 1185 года. Флот Тайра, переправлявший восьмилетнего императора Антоку и его бабушку, попал в ловушку в проливе Дан-но-Ура и был наголову разгромлен флотом Минамото под командованием одного из братьев Ёритомо*. Окруженная со всех сторон врагами, вдова Киемори схватила внука на руки и вместе с ним бросилась в море. Их примеру последовали придворные и оставшиеся в живых самураи, которых тяжелые доспехи быстро увлекали на дно.

Тайра Мунэморы, на котором лежал позор за сокрушительное поражение в ущелье Курикара, сначала отказался прыгать, и один из придворных, возмущенный трусостью своего господина, толкнул его в воду. Но неудачливый полководец оказался хорошим пловцом: команда одного из кораблей Минамото подобрала и пленила его. Спустя несколько дней Тайра Мунэморы был обезглавлен в Камакуре.

Позже кто-то из выживших членов его семьи заявил, что в постыдном поведении Мунэморы не было ничего удивительного: в клане все знали, что он никогда не был настоящим Тайра. Уже после Курикары его мать как-то призналась, что ребенком купила Мунэморы у торговца зонтиками⁷.

Когда цвет Тайра нашел свой конец на дне морском, этот дом окончательно сошел с исторической арены Японии. У власти утвердился Минамото Ёритомо, который выбил двоюродного брата из Киото** и присвоил себе почетный титул *утайсе* — главы внутренней дворцовой стражи, этим званием награждались победоносные полководцы.

Новым императором стал трехлетний Го-Тоба, один из внуков Го-Сиракавы. Но Ёритомо контролировал армию, и отрекшийся император, чье чутье всегда безошибочно подсказывало правильную сторону в борьбе, признал его превосходство. Борьба за власть

* Флотом Минамото командовал Ёсицунэ — младший брат Ёритомо. В ходе войны он приобрел немалую славу, чем вызвал недовольство своего брата. Разногласия между ними привели к изгнанию и гибели Ёсицунэ в 1189 году. Через десять лет, в 1199 году, Ёритомо упал с лошади и вскоре скончался от полученной травмы. Возникла легенда, что коня испугал призрак Ёсицунэ. (Прим. ред.)

** Ёсиана покинул столицу до битвы при Дан-но-Ура и погиб в 1184 году в провинции Оми. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 23

Англия	Ирландия	Франция	Сельджуки	Византия, Сирия и Палестина	Япония
					Сутоку (1123–1142)
	Диармайт Мак Мурхада, король Лейнстера (1126–1171)		Имад ад-Дин Занги (1127–1146)		
Стефан (1135–1154)		«Theologia Scholarium» Пьера Абеляра (1135)		Раймунд Антиохийский (1136–1149)	
Теобальд из Бека, архиепископ Кентерберийский (1138–1161)		Людвиг VII (1137–1180)			
Анархия (1139–1154)		Осуждение Абелара на Санском соборе (1141)		Мануил I Комнин (1143–1180)	Коноэ (1142–1155)
		Петр Ломбардский преподает в школе при Нотр-Дам (1145)	Нур ад-Дин Занги (1146–1174)	Констанция Антиохийская (регент 1149–1160)	
		Брак Элеоноры Аквитанской и Генриха Анжуйского (1152)			
Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)					Ю-Сиракава (1155–1158).
	Рори О'Коннор, король Коннахта (1156–1186)		Смерть последнего Великого Сельджука (1157)		Смута годов Хогэн (1156)

Акт	История	События	Великие События и Падения	И
Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)				
Кларендонские ассизы (1166)	Рори О'Коннор, верховный король Ирландии (с 1166)	Саладин становится правителем Египта (1169)		Такакура (1165–1180)
Сыновья Генри- ха II поднимают мятеж против отца (1173)	Ричард Стронгбоу объявляет претен- зии на трон Лейнстера (1171)	Падение Фатими- дов (1171)		
	Виндзорский договор (1175)	Ас-Салих Исмаил (1174–1181)		
		Саладин (1181–1193)		Ангоку (1180–1185) Смерть Киемори (1181)
		Изгнание евреев (1182)		Война Гэмпэй Битва в устье Курикара (1183)
			Балдуин V (1185–1186)	Битва при Дан-но- Ура (1185) Го-Тоба, император (1185–1198)
			Сибилла и Ги де Лузиньян (1186–1190)	
	Жизорское переми- рие (1188)	Завоевание Саладином Акры, Аскалона, Иеруса- лима (1187)	Битва при Хатти- не (1187)	
				Минамото Ёритомо становится сёгуном (1192)

закончилась так же, как и началась: на троне сидел ребенок, в то время как фактическими хозяевами страны были другие⁸.

Семь лет спустя, в 1192 году, Ёритомо получил от молодого императора титул *сегуна* — верховного главнокомандующего*. Власть вновь перешла из рук в руки: на этот раз от императора-отшельника к военным. На протяжении следующих нескольких веков сегун будет править страной как второй император.

Глава 24

Крестовый поход королей

Между 1188 и 1199 годами три короля отправляются в Третий крестовый поход, а Ричарда Львиное Сердце неожиданно настигает смерть

Начало похода было назначено на Пасху 1189 года. Короли Англии, Франции и Германии намеревались отправиться в Святую землю, чтобы изгнать Саладина. «Да укрепятся сердца ваши в Господе, — писал Генрих II Английский обеспокоенным епископам Иерусалима и Антиохии. — Раньше, чем вы можете себе представить... несчетные множества верных придут вам на помощь по суше и по морю»¹. Он был опытным королем — но оказался плохим пророком.

Мир с Филиппом продлился едва полгода; в июле 1188 года Генрих был вынужден прервать приготовления к походу в Англии и вернуться во Францию, чтобы защитить свои тамошние земли. Его отношения с Филиппом осложнило непредвиденное обстоятельство. Ричард, старший из оставшихся в живых сыновей Генриха, подружился с врагом. Как пишет английский хронист Роджер из Ховдена, «*Ричард гостил у короля Франции, притом против воли отца своего, и король Франции проявлял к нему большое почтение, каждый день едали они за одним столом, с одного блюда, и ночью разделяли одно ложе*»². Историк Джон Гилингем отмечает, что эта фраза не обязательно намекает на сексуальную связь — Ральф из Дайсето в 1175 году употребляет то же выражение, опи-

* Хотя Минамото Ёритомо и был назначен сегуном, вряд ли в этот титул тогда вкладывали тот смысл, который он получил позднее. Поэтому в 1195 году Ёритомо спокойно ушел в отставку с поста сегуна, чтобы занять более престижный пост утайсе. (Прим. ред.)

сывая дружеские отношения Генриха-младшего с отцом*. Просто у Ричарда и Филиппа было много общего, и главная задача у них тоже была одна: добиться, чтобы Ричард унаследовал трон Англии.

После смерти Генриха Молодого Генрих II так и не назначил ни одного из оставшихся сыновей наследником. В 1186 году не стало и Джеффри — он погиб от несчастного случая на турнире. Теперь Ричард вышел на первое место, однако он по-прежнему горячо поддерживал Элеонору и выказывал враждебность к отцу; Генрих II не забыл, как долго не сдавался Ричард в Пуатье в 1174 году. С другой стороны, Джон в годы мятежа был совсем юн и ни в чем не провинился, поэтому мнение Генриха о нем, похоже, заметно улучшилось. Генрих уже даровал ему титул лорда Ирландии, намереваясь передать королевскую власть над всеми ирландскими землями.

Ричард, видя, как отец осыпает милостями Джона, понимал, что трон ускользает от него. Это не нравилось и Филиппу II, который хотел, чтобы областями на западе Франции, граничащими с его владениями, управлял дружественно настроенный король Англии, а не герцог, вынужденный подчиняться постановлениям младшего брата.

Осенью 1188 года Филипп и Ричард вместе вызвали Генриха на совещание в Бонмулене, на восточной границе Нормандии. Там они потребовали, чтобы король признал Ричарда своим наследником и велел баронам Англии сразу же присягнуть ему верность.

Генрих II отказался. Ему уже исполнилось пятьдесят шесть лет, из них тридцать пять он правил и Англией, и своей семьей, пресекая любые попытки сопротивления своей воле, сокрушая оппозицию, игнорируя угрозы. Его не могли запугать малолетний преемник Людовика и собственный сын.

По свидетельствам очевидцев, разговор вскоре перешел на повышенные тона, потом участники обнажили мечи. Правда, в ход они их так и не пустили — вместо этого Ричард повернулся спиной к отцу, опустился на колени перед Филиппом II и принес оммаж королю Франции. В ту же ночь он быстро собрался и уехал.

* Есть с одного блюда и спать в одной постели значило в те времена полностью доверять друг другу. На пирах тогда все гости ели по двое с одной тарелки, а спать вдвоем, втроем и даже вчетвером в одной кровати было обычной бытовой деталью. С другой стороны, поскольку гомосексуальные отношения считались смертным грехом и сурово карались, летописцы, не ставившие целью опорочить своих персонажей, не позволили бы себе подобные намеки. (*Прим. ред.*)

Генрих отправил вслед Ричарду английского рыцаря Уильяма Маршала, надеясь убедить сына вернуться в Англию. Но Ричарда найти не удалось. Зато Маршал сделал неожиданное открытие: выяснилось, что накануне Ричард разослал около двухсот писем, созывая своих сторонников. Сын Генриха готовился к борьбе и не намеревался мириться с отцом³.

Генрих II вернулся в Англию и, отказавшись от планов крестового похода, начал готовиться к полномасштабной войне. Однако после Рождества у него начались нелады со здоровьем. Хронисты упоминают лихорадку, боли в суставах и «фистулу» — вероятнее всего, имеется в виду абсцесс анального прохода, болезненный, хотя сам по себе безобидный. Однако в запущенном состоянии он привел к общему воспалению, которое поразило суставы короля. На протяжении следующих шести месяцев Генриху становилось все хуже, хотя он и пытался вести войну против сына. Тем временем Филипп и Ричард активно продвигались по землям, принадлежащим англичанам, одерживая победу за победой. В июле 1189 года Генрих II так ослабел, что двум рыцарям приходилось поддерживать его, чтобы он мог ехать верхом; он согласился встретиться с мятежными юношами и принять их требования. А требования ужесточились: Генрих не должен был теперь требовать подчинения у тех английских рыцарей, которые перешли на сторону Ричарда*.

Генрих едва мог стоять; он дал все требуемые клятвы, а затем подошел к Ричарду, чтобы совершить положенный по обычаю «поцелуй мира». Джеральд де Барри, секретарь и капеллан Генриха, сообщает, что король поцеловал воздух за ухом сына и шепнул ему: «Даст бог, я не умру, пока не отомщу тебе»⁴.

По возвращении в свою ставку в замке Шинон Генрих запросил тот самый список рыцарей, которые оставили его ради Ричарда. Первым в списке стояло имя принца Джона. До этого момента, говорит Роджер из Ховдена, Генрих не подозревал, что его люби-

* Другой давно назревшей проблемой была помолвка Ричарда со сводной сестрой Филиппа, Элис (*Alys*). Она была заключена в 1169 году, когда Элис было восемь, а Ричарду одиннадцать лет, в рамках мирных переговоров с Людовиком VII. По обычаю, Элис привезли к английскому двору, чтобы она там освоилась, пока дорастет до брачного возраста. Но Генрих так и не довел дело до свадьбы — ходили слухи, будто король соблазнил Элис, когда она выросла (хотя никаких доказательств этому нет), а сам Ричард явно был не в восторге от такой перспективы. Филипп II все же настаивал на свадьбе, и Ричард нехотя согласился. В договоре 1189 года Генрих дал согласие на свадьбу, но она так и не состоялась, а Элис вернулась на родину. В 1195 году она вышла замуж за знатного французского феодала. (Прим. авт.)

мый сын перешел в стан противника. «Безмерно пораженный этим, — добавляет Роджер, — он проклял день, когда тот родился».

Король уже не держался на ногах. На смертном одре Генрих II исповедался в последний раз; он умер 6 июля 1189 года, на тридцать пятом году правления⁵. Английский трон занял Ричард. Ему было тогда тридцать один год, он успел стать опытным воином и политиком, к тому же обладал впечатляющей внешностью — солдаты прозвали его «Львиное Сердце». Ричард был рослый, золотоволосый, «прекрасно сложенный», с «членами стройными и гибкими», а если верить безымянному восторженному автору «*Itinerarium Regis Ricardi*», то отвагой он равнялся Гектору, величием — Александру, а мужеством — Роланду. Он освободил Элеонору от ее долгого домашнего заточения, после чего сразу же объявил, что желает исполнить обет, данный отцом, и пойти в крестовый поход.⁶

Крестовые походы обходились недешево. Ричард выгреб всю казну, распродал государственные должности тем, кто заплатил больше, и велел собрать по всему королевству 10% товаров и денег в качестве «Саладиновой десятины». («Насильственное изъятие, — пишет Роджер из Вендовера, — скрывало под покровом благочестия грех стяжания».) 16 августа 1190 г. Ричард и Филипп, дав клятву делить между собой поровну все, что удастся завоевать, отплыли из Марселя в направлении Иерусалима⁷.

* * *

К этому времени Фридриха Барбароссы уже не было в живых. Он покинул Германию в апреле 1189 года, проплыл по Дунаю до Вены, а оттуда проделал долгий и трудный путь через Венгрию (где к нему присоединился брат короля Венгрии с двумя тысячами солдат) и далее по гористым областям Сербии и Боснии*.

Дойдя до границы Византийской империи, Барбаросса столкнулся с неожиданным препятствием. Исаак Ангел, который уже четыре года занимал трон Константинополя, изначально обещал крестоносцам свободный проход по своим землям — но прибли-

* Боснией в то время правил бан Кулин; ранее он считался вассалом Византии и был назначен на этот пост Мануилом I, но затем изгнал византийские гарнизоны из Боснии и стал править независимо. Король Бела III Венгерский заявил претензии на господство над Хорватией и Сербией около 1180 года — сразу после смерти Мануила I; Византия, не имея возможности собрать армию, оставила эти области. Как отмечает историк Джон Файн, империи было выгоднее, чтобы спорные территории принадлежали дружественной Венгрии, чем враждебной Венеции. См. John Van Antwerp Fine, *The Late Mediaeval Balkans: A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest* (University of Michigan Press, 1987), pp. 5–7. (Ипум. авт.)

Карта 24.1. Мир эпохи Третьего крестового похода

жение крупного германского войска, дополненного венгерскими, боснийскими и сербскими отрядами, заставило его призадуматься. Византия и Священная Римская империя соперничали уже много десятилетий; стоило ли впускать такое войско в свои владения?

Исаак Ангел не придумал ничего лучшего, как послать партизанские отряды, чтобы они затрудняли путь крестоносцам. Фридрих был возмущен:

«Как только мы достигли пределов августейшего брата нашего, императора Константинополя, мы потерпели немалый ущерб: наши обозы подвергались разграблению, наши люди были убиты; и достоверно известно, что эти нападения были подстроены самим императором».

Раздраженный, он отправил в Константинополь послов с претензией; Ангел посадил их в тюрьму. Напряжение росло, и наконец Фридрих отправил своему сыну Генриху VI, оставшемуся регентом в Германии, письмо, прося получить от папы позволение объявить крестовый поход против Византии, чтобы иметь возможность атаковать Константинополь⁸. Узнав о такой угрозе, Исаак Ангел согласился на проход армии Фридриха — но с условием, что крестоносцы изберут маршрут южнее, подальше от Константинополя*.

Весной 1190 года войска Фридриха Барбароссы наконец-то вступили в Малую Азию, переправившись у южной оконечности Мраморного моря. Далее последовал утомительный марш по владениям тюрок до христианских земель Армении, где крестоносцы могли подготовиться к войне против Саладина. Границ Армении они достигли в июне 1190 года. Когда Фридриху Барбароссе сообщили, что царь Армении явился лично приветствовать его и ждет на другом берегу мелкой реки Салеф**, император направил своего

* Помимо отправки «партизан», Исаак Ангел потребовал от Барбароссы заложников и обязательства уступить часть будущих завоеваний. Когда Фридрих узнал, что отправленные им с ответом к императору послы брошены в тюрьму, он прервал переговоры и двинул свою армию на Константинополь, предавая опустошению все на своем пути. Только после того, как крестоносцы взяли Адрианополь, Исаак возобновил переговоры. В январе 1190 года было заключено соглашение: Фридрих обещал не проходить через Константинополь, за что византийский император предоставил немцам продовольствие и обещал переправить их через Дарданеллы. (Прим. ред.)

** Река в то время называлась Каликадн, ныне это Гексу на юге Турции. Салеф (Селиф) — другое имя реки, происходящее от расположенного рядом города Селифке, бывшей Селевкии. Трагедия произошла 10 июня, когда еще не закончилось весеннее половодье. (Прим. ред.)

коня в реку, но тот вдруг остушился и упал. В потоке глубиной всего по пояс, окруженный своими соратниками, император захлебнулся и умер⁹.*

Оставшись без предводителя, германская армия разделилась. Часть крестоносцев решили прекратить поход и вернуться на родину, чтобы присягнуть новому императору — Генриху VI. Другие продолжили путь, но летний зной и болезни стали сокращать их число. «Болезнь и смерть настигали их, — пишет арабский хронист Ибн аль-Асир, — и в Антиохию они вошли, имея такой вид, будто восстали из могил». Князь** Антиохии Боэмунд III был не слишком рад видеть их. «Он посоветовал им присоединиться к франкам под Акрой... — говорит Ибн аль-Асир, — но смертность среди них была слишком высока, и их осталось едва около тысячи»¹⁰.

* Марш германского войска был «утомительным» не только из-за жары и гористого рельефа местности. (*«Всей армии Святого Креста пришлось шагать под палящим солнцем и обжигающим летним зноем по изнурительной дороге, которая петляла по скалистым склонам, где обитают только горные козлы и птицы», — отмечает летописец.*) Крестоносцы понесли большие потери в стычках с легкой мусульманской конницей. По пути они взяли приступом город Конью. Откуда у автора сведения о выехавшем навстречу царю, непонятно — летописи упоминают только об армянских проводниках, сопровождавших войско на территории Селевкии, а также о посланцах царя, прибывших для встречи с императором в Антиохию. Вновь приведем цитату (в переводе А. Кулакова): *«Июня 10 дня... император, который делил со всеми опасности, хотел как-то спастись от необычно сильной жары и избежать подъема на вершину горы. Поэтому он попытался переплыть очень быструю реку Каликадн... Все пытались остановить его, но он вошел в воду и погрузился в бурлящий поток. Тот, кто часто избегал серьезных опасностей, бесславно погиб»*. Гибель Фридриха видели многие, однако достоверного описания произошедшего нет. По одной из версий Барбаросса при переправе не справился с конем, и тот, упав, увлек за собой седока, по второй — Фридрих сам решил искупаться в реке уже после переправы и обеда на противоположном берегу, но сердце уже далеко не молодого человека не выдержало резкой смены температур.

Точное место, где захоронен Фридрих I Барбаросса, неизвестно. Летописец утверждает, что *«в Антиохии императору... устроили королевские похороны. После траурной церемонии останки его тела похоронили в соборе Святого Петра, предстоятеля апостолов»*. Согласно другим сведениям, в Селевкии останки императора забальзамировали и взяли с собой продолжавшие поход под предводительством Фридриха Швабского, старшего сына Барбароссы. Через три дня внутриности Барбароссы были захоронены в кафедральном соборе города Тарсуса — родины апостола Павла. Кости намеревались захоронить в Иерусалиме, но крестоносцы так и не добрались туда. (Прим. ред.)

** У автора — «король», это ошибка. Антиохия была лишь княжеством и, подобно другим владениям крестоносцев, формально подчинялась верховному монарху Палестины — королю Иерусалимскому. (Прим. ред.)

Те немногие, кто добрался до цели, застали Ги де Лузиньяна, бывшего короля Иерусалимского, в лагере под стенами Акры. Ги был отпущен Саладином зимой предыдущего года, дав клятву не сражаться против мусульман — но вскоре нарушил ее, взяв в осаду главную твердыню Саладина, город Акру. Осада длилась с августа 1189 года, и жалкие германские подкрепления не могли изменить баланс сил в пользу осаждающих — хотя город все еще оставался в осаде, когда в апреле 1191 года туда наконец прибыл король Франции Филипп II Август. Он критически отметил: «Если учесть, как много благородных особ участвовало в этой осаде, удивительно, почему они столь мало преуспели». Но немногие приведенные им корабли, — вместо великого множества, на которое надеялся Ги — тоже не помогли сокрушить Акру¹¹.

Тем временем Ричард, который тоже плыл через море, потерпел кораблекрушение у берегов Кипра. Там он задержался, чтобы захватить власть на острове и низложить византийского наместника; поэтому он появился под Акрой только в начале июня: 25 кораблей, нагруженных людьми и припасами. Для осаждающих это было подобно Второму пришествию Христа, они приветствовали Ричарда как спасителя крестового похода. Как сообщает *«Itinerarium Regis Ricardi»*

«Все люди пришли в восторг, раздавались приветственные возгласы, звучали трубы... велика была радость, ибо исполнились чаяния всех народов... Вряд ли нашелся бы хоть один человек, который не разделял бы всеобщего ликования»¹².

Короля Англии встречали как героя — а у короля Франции совсем испортилось настроение. Оно не стало лучше от того, что Ричард

Карта 24.2. Королевство Иерусалимское

отказался отдать ему половину Кипра — полагая, что крестовый поход начался только после высадки на Святой земле, а посему Кипр является его личным завоеванием. Вдобавок Ричард только что разорвал помолвку со сводной сестрой Филиппа — Элис.

Вдобавок ко всему Филипп отвратительно чувствовал себя с самого момента прибытия: его мучили лихорадки, сыпь и боли в желудке. Короля Франции тошнило от крестового похода, от Ричарда, от Акры. Отношения между двумя королями разладились настолько, что, когда Филипп вел переговоры о сдаче Акры с одной стороны крепостных стен, Ричард мог пойти на штурм с другой¹³.

Наконец, гарнизон Акры, с позволения Саладина, согласился на перемирие. Солдаты покинут город, им сохраняют жизнь — а Саладин отпустит всех имеющихся у него пленников, заплатит существенную сумму в возмещение военных расходов крестоносцев, а также возвратит реликвию: обломок Истинного креста, который был увезен из Иерусалима после захвата города.

Итак, город капитулировал. Но то ли Саладин, то ли Ричард (смотря по тому, чью летопись мы читаем) нарушили договоренность. Уже 20 августа Ричард велел вывести около трех тысяч пленных и перебить их напротив ставки Саладина*. После этого ни о каких переговорах речь идти уже не могла, и Саладин изготoвился к полномасштабной войне. Ричард взял на себя командование армией крестоносцев, а Филипп решил вернуться домой.

Роджер Ховденский, который проделал обратный путь с королем Франции (и скрупулезно фиксировал все географические подробности), сообщает, что Филипп по дороге заехал в Рим и «наговорил много злых слов про короля Англии» папе Целестину III. Он хотел, чтобы папа освободил его от договора о дружбе с Ричардом, поскольку задумал напасть на владения Ричарда, пока англий-

* Согласно Ибн аль-Асиру и Ибн Шаддаду, Ричард велел убить пленных раньше, чем Саладин смог выполнить свою часть обязательств; продолжатель хроники Уильяма Тирского утверждает, что Саладин несколько раз откладывал срок исполнения обязательств, а Роджер Ховденский обвиняет его в том, что он убил нескольких пленников прежде, чем Ричард расправился с гарнизоном Акры.

Вопреки обещаниям Саладина, ни 9, ни 10 августа пленные христиане не были отпущены, как не был доставлен выкуп за защитников Акры. Крестоносцы не получили и реликвии — куска Животворящего Креста (захваченного, кстати, не в Иерусалиме, а на поле битвы при Хаттине). Но Ричард не торопил противника, срок обмена был перенесен на 20 августа. Однако и в этот день Саладин не выполнил условий крестоносцев. Только тогда Ричард приказал казнить пленников, общим числом около 2700: «со связанными руками они были умерщвлены на виду у сарацин». (Прим. ред.)

ский король отсутствует. Целестин отказался*. Будучи связан клятвой, Филипп договорился с императором Священной Римской империи Генрихом VI, что тот «схватит короля, если оный появится в его владениях»¹⁴.

Еще не зная о кознях собратьев-христиан против него, Ричард двинулся на юг, к портовому городу Яффа — захват его обеспечивал бесперебойное снабжение крестоносной армии по морю. Саладин попытался блокировать силы Ричарда, и 7 сентября 1191 года оба войска сошлись к северу от Арсуфа. По-видимому, Саладин недооценил своего врага; Ричард тщательно спланировал сражение, и его конница пробила ряды противника в трех местах, что позволило пехотинцам врезаться в гущу мусульманского войска. Ибн Шаддад, лично участвовавший в битве, рассказывает, что фронт мусульман был «полностью смят... правоверные, по сути, превратились в беспорядочную толпу». Битва при Арсуфе стала сокрушительным поражением Саладина и поворотной точкой в ходе войны; Саладин более ни разу не сходил с Ричардом в больших сражениях¹⁵.

На протяжении следующего года оба вождя состязались в мелких уколах и торговались — каждый раз через посредников; когда Ричард предложил личную встречу, Саладин отказался под предлогом, что они не смогут как следует биться друг против друга, если будут близко знакомы. Обоим становилось все яснее, что победа не достанется никому. У Ричарда имелось достаточно сил, чтобы шанс Саладина на окончательную победу был минимален; военной мощи Саладина вполне хватало, чтобы отстоять Иерусалим.

Между тем из дому Ричард получал тревожные известия: Филипп II пытался уговорить его младшего брата, Джона, захватить английские владения Ричарда, сам же замыслил забрать под свою руку его земли в Западной Франции¹⁶.

После долгих переговоров представители обеих сторон, встретившись в городе Рамла, пришли к обоюдному соглашению. Договор был скреплен клятвами и вступил в силу 3 сентября 1192 года. Основным его пунктом было установление перемирия на три года. Ричард обещал вернуть Саладину часть захваченных земель; прибрежные владения христиан останутся неприкосновенными; христианских паломников будут беспрепятственно пропускать в Иерусалим и другие святы места. Изгнанного иерусалимского короля Ги де Лузиньяна Ричард поставил править на Кипре; Акра

* Нападение на владения феодала, находящегося в крестовом походе, считалось преступлением против Церкви и грозило интердиктом — что в итоге и случилось. (*Прим. ред.*)

была назначена новой столицей королевства Иерусалимского, от которого осталась лишь удерживаемая крестоносцами узкая полоска побережья — без самого города Иерусалима¹⁷.

Возвращаясь домой, Ричард оказался в большей опасности на христианских землях, чем при столкновении с войском мусульман. Его схватили на территории Священной Римской империи и держали под замком (согласно уговору Генриха VI с Филиппом) до февраля 1194 года. Но, вместо того, чтобы выдать Ричарда Филиппу, Генрих VI воспользовался случаем пополнить свою казну: он потребовал у Ричарда денег за свободу*. Требование выкупа упомянуто (весьма деликатно) в письме Ричарда к матери и вассалам, английским баронам:

«Мы продлим наше пребывание у императора, пока наше с ним дело не будет завершено и пока мы не уплатим ему семьдесят тысяч марок серебром**. Посему мы настоятельно просим вас... со всей серьезностью отнестись к сбору указанной суммы».

Королевская казна была пуста; Элеонора и английские бароны (которые надеялись на милость короля в награду за труды) набрали нужную сумму, отобрав у церквей золотую и серебряную утварь,

* К пленению Ричарда привел ряд неблагоприятных факторов, политических и природных. Из-за шторма на Средиземном море король потерял почти всех спутников, потерпел кораблекрушение вдали от дружественных портов, и ему пришлось в переодетом виде пробираться через земли своих врагов во владения родственника, Генриха Льва, герцога Саксонского. Перед Рождеством 1192 года неподалеку от Вены Ричард был опознан и задержан людьми Леопольда V, герцога Австрийского, своего злейшего личного врага. Пленника держали в австрийском замке Дюрнштайн, и только 28 марта 1193 года Ричарда привезли в Шпейер и передали императору Генриху VI, у которого были к нему претензии и без подстрекательства Филиппа Французского. На собрании высокопоставленных духовных и светских лиц Генрих VI огласил список обвинений, предъявляемых им Ричарду. По рассказу хрониста, Ричард, присутствовавший на собрании, отверг все обвинения столь убедительно, что «заслужил восхищение и уважение всех». Сам император «проникся к нему не только милосердием, но даже стал питать к нему дружбу». Однако Генрих VI, нуждавшийся в деньгах для большой военной кампании, не отпустил Ричарда. Требование выкупа было тогда общепринятым обычаем, но затребованная немецким императором сумма была беспрецедентно высокой. Кроме того, взятие в плен рыцаря-крестоносца было нарушением закона, и папа Целестин III отлучил от церкви и Леопольда V, и Генриха VI. (*Прим. ред.*)

** Найти точный эквивалент этому выкупу в современной валюте невозможно. Однако известно, что сумма равнялась примерно трем годовым доходам короля со своих земель собственного королевства, то есть была очень приблизительным аналогом 12 миллионов долларов США. (*Прим. авт.*)

конфисковав всю настриженную в тот год шерсть и потребовав налог в 25% с доходов всех англичан¹⁸.

Пока это продолжалось, Саладин скончался в Дамаске от лихорадки, а его сыновья перессорились между собою за власть над государством. В начале февраля 1194 года выкуп наконец-то был выплачен, Ричард вышел на свободу и взялся за подготовку к войне против Филиппа и брата Джона — который бежал из Англии и укрылся при французском дворе. «Берегись, — написал Филипп Джону, как только узнал об освобождении Ричарда, — ибо дьяволу вернули свободу»¹⁹.

Итак, Третий крестовый поход, начавшийся с очередного всплеска религиозного рвения, закончился политическим компромиссом между крестоносцами и их противниками, а затем конфликтом между людьми одной веры. Крестовые походы стали отныне лишь еще одной разновидностью войны, а их участникам теперь грозила смерть скорее от рук единоверцев, чем от «неверных».

Ричард умер в 1199 году — вскоре после того, как они с Филиппом договорились о перемирии на пять лет. Один из феодалов Аквитании, виконт Лиможский, нашел в своем поместье клад золота и серебра, некогда спрятанный предыдущим владельцем. Как порядочный вассал, он передал Ричарду часть находки, но Ричард потребовал отдать все. Виконт отказался. Ричард отреагировал с той же дикой яростью, которую проявил при Акре: он взял замок виконта в осаду, а когда рыцари, защищавшие его, сообщили, что готовы сдать крепость в обмен на сохранение жизни (такова была обычная практика войн того времени), Ричард заявил, что намерен штурмовать замок и повесить их всех. Он объезжал замок с целью разведки, когда один из лучников со стены выстрелил в него. Стрела попала в руку; Роджер Вендоверский пишет, что король «счел это ранение пустяком». Однако лекарь, извлекавший наконечник стрелы, допустил небрежность, и это привело к гангрене. Двенадцать дней спустя король, сорока двух лет от роду, умер в своем полевом лагере. Англия и владения в Западной Франции достались принцу Джону — последнему оставшемуся в живых сыну Генриха II. Ричард распорядился похоронить себя в ногах у отца, в аббатстве Фонтевро, родовой усыпальнице графов Анжуйских, «поскольку признал, что виновен в его гибели». Но сердце свое он завещал похоронить в Руане, а внутренности — в замке виконта Лиможского. «Он оставил [им] свои внутренности, — поясняет Роджер Вендоверский, — потому что считал их недостойными иных его частей»²⁰.

Хронологическая таблица 24

Япония	Государства тюрков, Сирия и Палестина	Византия	Англия	Священная Рим- ская империя	Западная Франция
					Людовик VII (1137–1180)
	Землетрясение в Алеппо (1138)		Анархия (1139–1154)	Конрад III (1138–1152)	
Коноз (1142–1155)		Мануил Комнин (1143–1180)			Осуждение Абеляра (1141)
	Нур ад-Дин (1146–1174)			Крестовый поход на вендов (1147)	Петр Ломбардский преподаёт в Нотр- Дам (1145)
	Констанция Антиохийская (регент 1149–1160)		Брак Элеоноры и Генриха Анжуй- ского (1152)		
Го-Сиракава (1155–1158)	Смерть последнего Великого Сельджу- ка (1153)		Уоллингфордский договор (1154) Генрих II (1154–1189)	Фридрих I (1155–1190)	
Смута Хогэн (1156)				Drang nach Osten (1156)	
	Бозмунд III Антиохийский (1163–1201)		Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)		

Япония	Государства тюрков, Сирия и Палестина	Византия	Англия	Священная Рим- ская империя	Западная Франция
Такакура (1165–1180)			Кларендонские ассизы (1166)		
	Саладин становит- ся наместником Египта (1169)				
	Конец династии Фатимидов (1171)	Арест всех венеци- анцев в Византии (1171)			
	Аль-Салих Исмаил (1174–1181)		Мятеж сыновей Генриха II (1173)		
Антоку (1181–1185) Смерть Киёмори (1181)	Саладин — прави- тель Египта (1181–1193)	Алексий II Комнин (1180–1183)			Филипп II Август (1180–1223)
Война Гэмпэй Битва при Курика- ра (1183)		Андроник Комнин (1183–1185)			Изгнание евреев (1182)
Битва при Дан-но- Ура (1185) Го-Тоба (1185–1198)	Балдуин V Иерусалимский (1185–1186)	Исаак II Ангел (1185–1195)			
	Сибилла и Ги Иерусалимские (1186–1190)				

Япония	Государства тюрков, Сирия и Палестина	Византия	Англия	Священная Рим- ская империя	Западная Франция
	Битва при Хаттине (1187) Падение Акры, Аскалона и Иерусалима (1187)		Совещание в Бон- мулене (1188)		
	Третий крестовый поход (1189–1191)		Ричард Львиное Сердце (1189–1199)	Генрих VI (1190–1197)	Переговоры в Жизоре (1188)
	Битва при Арсуфе (1191)				
Йоритоми стано- вится сегоном (1192)	Договор в Рамле (1192)				
	Смерть Саладина (1194)		Освобождение Ричарда из плена (1194) Иоанн (1199–1216)		

Глава 25

Разграбление Константинополя

*Между 1195 и 1204 годами крестоносцы служат самим себе
и захватывают Константинополь*

Последний крестовый поход XII столетия представлял собою унылый ряд захватнических операций, во время которых мало кто вспоминал о Святом Кресте. В 1195 году император Исаак Ангел потерял трон в результате мятежа, поднятого его старшим братом Алексием; Ангел стал непопулярен после ряда неудачных военных предприятий, и Алексию удалось заручиться поддержкой народа. Он заключил брата в темницу, велел ослепить его, а затем позволил искалеченному экс-императору жить в относительно комфортных условиях. Тринадцатилетнего сына Исаака, тоже Алексия, также содержали под стражей; но в 1201 году дядя-император решил позволить ему выходить в город. Согласно Никите Хониату, племянник, которому уже исполнилось девятнадцать, заплатил купцу из Пизы, чтобы тот тайно вывез его через Геллеспонт в Средиземное море¹.

Корабль доставил его на Сицилию. Оттуда юный Алексей добрался до королевского двора Германии. Император Священной Римской империи Генрих VI неожиданно скончался от малярии в 1197 году в возрасте тридцати двух лет. Германские князья избрали в качестве преемника его младшего брата Филиппа (хотя Филипп еще не получил имперскую корону из рук папы); Филипп был женат на сестре юного Алексия, Ирине, второй дочери Исаака Ангела. Прибытие Алексия во дворец его сестры в Германии стало толчком к организации Четвертого крестового похода.

Этот крестовый поход уже подкатывался, очень медленно, к землям Священной Римской империи. Папа Иннокентий III с августа 1198 года — в течение восьми месяцев с момента избрания — настойчиво добивался возобновления усилий по освобождению Святой земли. Он разослал письма всем государям Европы, уговаривая начать поход к марту 1199 года. За это предлагалась обычная награда — полное отпущение грехов и спасение души, плюс более прозаическое обещание отмены всех долгов.

Но в призыве папы к крестовому походу отчетливо слышались осуждающие интонации: *«Крест Господа нашего Иисуса Христа находится в руках врагов... [а между тем] наши государи... предаются прелюбодейству... и преследуют друг друга с неукротимой*

ненавистью». И в самом деле, Англия и Франция воевали между собою; короли христианской Испании тоже воевали друг с другом, забыв об Альмохадах; Филипп II Французский отправил свою супругу в монастырь, чтобы жениться на любимой женщине; Филипп Германский боролся с группой князей, которые в пику ему избрали другого короля, Оттона, второго сына Генриха Льва. У всех накопилось достаточно грехов, требовавших искупления³.

Однако все эти внутренние распри христиан означали, что ни один из королей не чувствовал себя в безопасности и не решался оставить трон без присмотра, чтобы отправиться в крестовый поход. К 1201 году из всех монархов на призыв папы откликнулся только король Венгрии Имре. К нему уже были готовы присоединиться бодрые отряды немецких баронов, французских и английских рыцарей. Энтузиазм народа по поводу нового крестового похода подогревал харизматичный французский проповедник по имени Фульк, который шел от деревни к деревне, призывая верных принять крест. Крестоносное воинство уже существовало — но без королей, без их флотилий, без их денег невозможно было преодолеть путь до Иерусалима.

Французский крестоносец Жоффруа де Виллардуэн, оставивший записки очевидца о Четвертом крестовом походе*, рассказывает, как крестоносцы пытались решить эту проблему. Шесть знатных французов отправились в Венецию (где увидели «больше кораблей, чем... в любом другом порту») и вступили в переговоры с дожем Венеции о предоставлении судов, способных перевезти их в Святую землю. Дожу Энрико Дандоло было уже девяносто лет, он почти ослеп, но расчетливости и ясности ума не утратил. В результате крестоносцы согласились заплатить 85 000 марок (более 20 тонн серебра)** — сумму, превышающую разорительный выкуп за Ричарда Львиное Сердце, за корабли и провиант³.

* Жоффруа де Виллардуэн (*Geoffroi de Villehardouin*, ок. 1150 — после 1212), автор хроники «Завоевание Константинополя», крупный феодал, вассал графов Шампанских и один из руководителей похода. Именно ему Тибо III Шампанский, которого выбрали предводителем всего войска, поручил вести переговоры с Венецией о перевозке крестоносцев через море. (Прим. ред.)

** Расчетливости дож Дандоло не утратил — но вот относительно ясности его ума возникают серьезные сомнения. Венецианцы на пустом месте поверили, что у крестоносцев есть деньги (а их не было) — и взялись строить корабли под заявленную им Виллардуэном армию из 33 500 человек (4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 пехотинцев), а также 4500 лошадей. Вдобавок они слупили с крестоносцев «наценку за опт»: по их расценкам перевозка одного человека обходилась дороже, чем готовы были брать генуэзцы или пизанцы; это объяснялось необходимостью строительства флота с нуля

Но когда в июне 1202 года крестоносцы, как и планировалось, собрались в Венеции, из ожидавшихся 30 тысяч воинов прибыло только 12 тысяч, и значительная часть их была слишком бедна, чтобы выплатить требуемую за перевоз сумму. Крестоносцам удалось собрать меньше четверти*. Флот был у них перед глазами, но оставался недоступным.

Энрико Дандоло дал им пострадать некоторое время, а потом сделал предложение: уже двадцать с лишним лет как Венеция утратила свой важный опорный пункт, портовый город Задар в Далмации, подвластный теперь венгерскому королю; если крестоносцы на своем пути в Святую землю немного задержатся и отвоюют его, флот будет к их услугам.

Часть крестоносцев возмутилась, но альтернатива была одна — с позором вернуться по домам, и в итоге крестоносное войско дало свое согласие. Дандоло, несмотря на дряхлость и слепоту, лично сопровождал их до Задара. Город был взят в жесткую осаду, хотя со стен раздавались крики о том, что крестоносцы штурмуют христианский город, принадлежащий королю, который сам принял крест (хотя Имре еще не двинулся на Восток)**.

Отчаявшись, защитники прибегли к последнему средству: они вывесили со стен распятия. Но крестоносцы, подстегиваемые Дандоло, не отступали до тех пор, пока город не сдался⁴.

и прекратить ради контракта с крестоносцами часть других проектов и торговых операций.

Естественно, что многие, собравшиеся в поход, решили сэкономить и направились в Палестину другим путем; Виллардуэн в своих мемуарах клеймит их «предателями» — хотя как раз эти люди, в отличие от него, выполнили свой обет. (*Прим. ред.*)

* В действительности было выплачено более половины: по Виллардуэну — 51 000 марок, по Роберу де Клари — 49 000 марок. Правда, для этого вождям похода пришлось продавать личное имущество и влезать в долги; отсюда возникло естественное стремление в будущем как-то возместить себе ущерб. (*Прим. ред.*)

** Имре I — король Венгрии и Сербии (с 1203) из династии Арпадов. Все его правление прошло в борьбе за власть с младшим братом. Их отец, умерший в 1196 году, завещал Имре свое королевство, а младший сын, Андраш, получил только несколько поместий — и большую сумму денег для организации крестового похода, во исполнение обязательства отца, которое тот не успел выполнить при жизни. Войско Андраш собрал — но не для крестового похода, а для войны со старшим братом-королем. В 1200 году папский легат Григорий помирил братьев; они даже взаимно объявили друг друга наследниками и собрались идти в крестовый поход вдвоем. Но со временем эмоции улеглись, и оба брата вновь начали откладывать выступление, а Имре вместо этого занялся укреплением своего влияния на Балканах. Он умер от неизвестной болезни в 1204 году. (*Прим. ред.*)

Но к этому времени уже настал декабрь, неподходящий сезон для морских путешествий, поэтому венецианцы и крестоносцы решили зимовать в Задаре. Они разделили город на две части и расселились в них. Задар стал теперь жилищем десяти с лишним тысяч скучающих вооруженных мужчин, и по меньшей мере одна яростная стычка между венецианцами и крестоносцами оставила трупы на улицах.

Тем временем Ирина, сестра юного Алексия, *«упросила своего мужа, Филиппа Германского, сделать все возможное для спасения ее отца... и помочь ее брату, который остался без страны и без дома и блуждал, как планета по небосводу»*. Филипп охотно согласился. Папа Иннокентий III отказался короновать Филиппа императором Священной Римской империи и подтвердил правомочность избрания его соперника Оттона. Теперь Филиппа попросили помочь в восстановлении прав другого христианского императора — устранение узурпатора с трона Константинополя должно было показать всем, что Филипп исполняет функции императора Священной Римской империи независимо от мнений папы⁵.

Не желая оставлять Германию на произвол Оттона, Филипп не мог сам отправиться в Иерусалим. Поэтому они с юным Алексием составили план: направить послов к крестоносцам в Задаре и попросить их помочь Алексию вернуть трон: *«Поскольку вы отправились в поход, служа Господу, за право и справедливость, ваш долг... восстановить владения тех, у кого они были отобраны насильственно»*. В письме были упомянуты и более конкретные детали: Алексей обещал десять тысяч солдат и 200 000 марок серебром, что должно было разрешить все финансовые проблемы Четвертого крестового похода⁶.

Крестоносцы не сразу решились на эту сделку; они разделились на три партии. Одна изъявляла готовность идти на Константинополь, поскольку это давало всему крестовому предприятию лучшие шансы на успех. Вторая группа настаивала на скорейшем отправлении в Святую землю. Третьи предлагали идти на Египет и напасть на султана, который держал контроль над Иерусалимом, прежде чем браться за сам город*.

В конечном счете «константинопольская» партия одержала верх. Но споры продолжались всю зиму. «Могу заверить вас, — пишет Виллардуэн, — что сердца наших людей не знали мира, ибо одна часть постоянно старалась расколоть войско, а другая — со-

* Собственно, это и предусматривалось изначальным планом похода — его целью была высадка в Александрии. (Прим. ред.)

хранить его в целости». Немалое количество рядовых крестоносцев покинуло армию. Вскоре после Пасхи 1203 года войско в конце концов отбыло на Корфу, где их должен был ждать Алексей; перед уходом крестоносцы полностью разрушили Задар⁷.

Только в конце июня крестоносный флот наконец добрался до Босфора. По-видимому, Алексею удалось убедить крестоносцев, что народ Константинополя немедленно присоединится к ним, и не нужно будет долго сражаться. Но город, напротив, закрыл перед ними ворота. Крестоносцы были вынуждены приступить к осаде.

Осада получилась сравнительно короткой. Штурм начался 5 июля. Спустя десять дней рыцарям-крестоносцам удалось взобраться на стены и проникнуть в город. Их вытеснили обратно, но тут начался второй штурм: с венецианских военных кораблей начали метать камни и стрелы, а к стенам приставили штурмовые лестницы. «Грохот стоял столь невероятный, — говорит Виллардуэн, — что казалось, будто рушатся и суша, и море». Наконец нападающие ворвались в город, гоня перепуганных жителей перед собою. Чтобы блокировать императорскую гвардию, они подожгли дома⁸. В ту же ночь император упаковал свои драгоценности и бежал из столицы. Сторонники слепого Исаака Ангела, имевшиеся в городе, выпустили его из тюрьмы, и уже утром он вернулся во дворец и воссел на своем троне.

Наступили недолгие дни ликования, в течение которых юного Алексея короновали как соправителя отца. Но затем планы крестового похода постоянно срывались. Алексей, понимая, что у его дяди еще остались сторонники в городе, опасался, что беглый узурпатор может вернуться, как только крестоносцы уйдут. Он предложил содержать армию крестоносцев, чтобы она не уходила до весны. Это вызвало новые разногласия среди крестоносцев. Кончилось тем, что они остались в Константинополе. Но опять между ними не было единства, они скучали, им нечем было заняться. Не удивительно, что они начали заирать местных жителей.

Второй пожар, возникший в результате поджога (виновник остался неизвестным), уничтожил еще несколько районов города, на этот раз — те, где проживали самые влиятельные и зажиточные горожане. Алексей, обнаружив, что императорскую казну кто-то основательно подчистил, мог выплатить обещанную сумму, только обложив население чрезвычайным налогом. Он даже рискнул вскрыть гробницы предыдущих императоров, чтобы вытащить захороненные с ними драгоценности — но даже так едва сумел наскрести половину требуемой суммы.

К январю Алексия возненавидели все. В конце концов его приближенный, офицер по имени Мурзуфл, в полночь ворвался со стражниками в спальню молодого императора и арестовал его. При полной поддержке византийской армии Мурзуфл объявил себя императором, приняв имя Алексей V Дука*. Старый император Исаак, впавший в старческое слабоумие, весьма кстати умер через несколько дней; молодого императора Алексия держали в плену несколько недель, пока новый император не приказал его задушить⁹.

Теперь крестоносцы поняли, что им не заплатят никогда; а они были слишком ослаблены, чтобы добраться до Иерусалима или Египта. Константинополь все еще оставался богатым городом — даже после грабежей Алексия IV Ангела. Алексей же V Дука был убийцей и узурпатором. В чем заключался долг воинства Христова, было вполне ясно. Им следовало захватить Константинополь и восстановить справедливость во дворце. Духовенство, сопровождавшее поход, убедило рыцарей, что возврат Константинополя под власть Римской церкви, после столь длительного раскола, можно считать достойной целью для крестоносцев и поводом для отпущения им грехов**. Византийская армия во главе с Алексием V

* На самом деле пожар в августе 1203 года возник из-за того, что «скупающие» крестоносцы надумали разграбить мусульманский квартал, что привело к стычкам с городскими дружинниками. В итоге за два дня был нанесен серьезный урон ремесленным кварталам, ипподрому и Большому дворцу. В декабре 1203 года ненависть между гражданами Константинополя и крестоносцами вырвалась наружу насилием. Разъяренные толпы хватали и жестоко убивали иностранцев. В конце января 1204 года оба соправителя были низложены горожанами в соборе Святой Софии. Узнав об этом, Алексей IV приготовился ввести войска латинян в свой дворец и хотел послать на переговоры с крестоносцами Алексия Дуку Мурзуфла, состоявшего в высокой должности — в том числе дававшей ему право неограниченного доступа в императорские покои. Мурзуфл, начав самостоятельную игру, объявил гвардию об изменнических планах императора и организовал ее неповиновение Алексею IV, а когда тот обратился к Мурзуфлу за защитой, обманом заточил в подземелье и его, и Исаака. Мурзуфл дважды пытался отравить Алексия, а затем приказал задушить его. Исаак (которому тогда было лишь немногим более 50 лет) умер, не выдержав известия о гибели сына. Алексей V Дука правил с 5 февраля по 12 апреля 1204 года, но кончил так же плохо, как и его предшественники. (*Прим. ред.*)

** Обратим внимание на важный момент: даже современный западный историк склонен считать «восстановление справедливости и законности» оправданием грабежа — хотя бы отчасти, хотя бы на тот момент, когда его грядущие масштабы не были столь очевидны. Между тем именно с позиции христианина XII века долг крестоносцев был вполне ясным и однозначным,

Дукой оказала сопротивление. Столкновения между крестоносцами и имперской армией начались 8 апреля 1204 года; спустя четыре дня войска Константинополя обратились в бегство. Поздней ночью 12 апреля сам Алексей V Дука бежал из города через Золотые ворота.

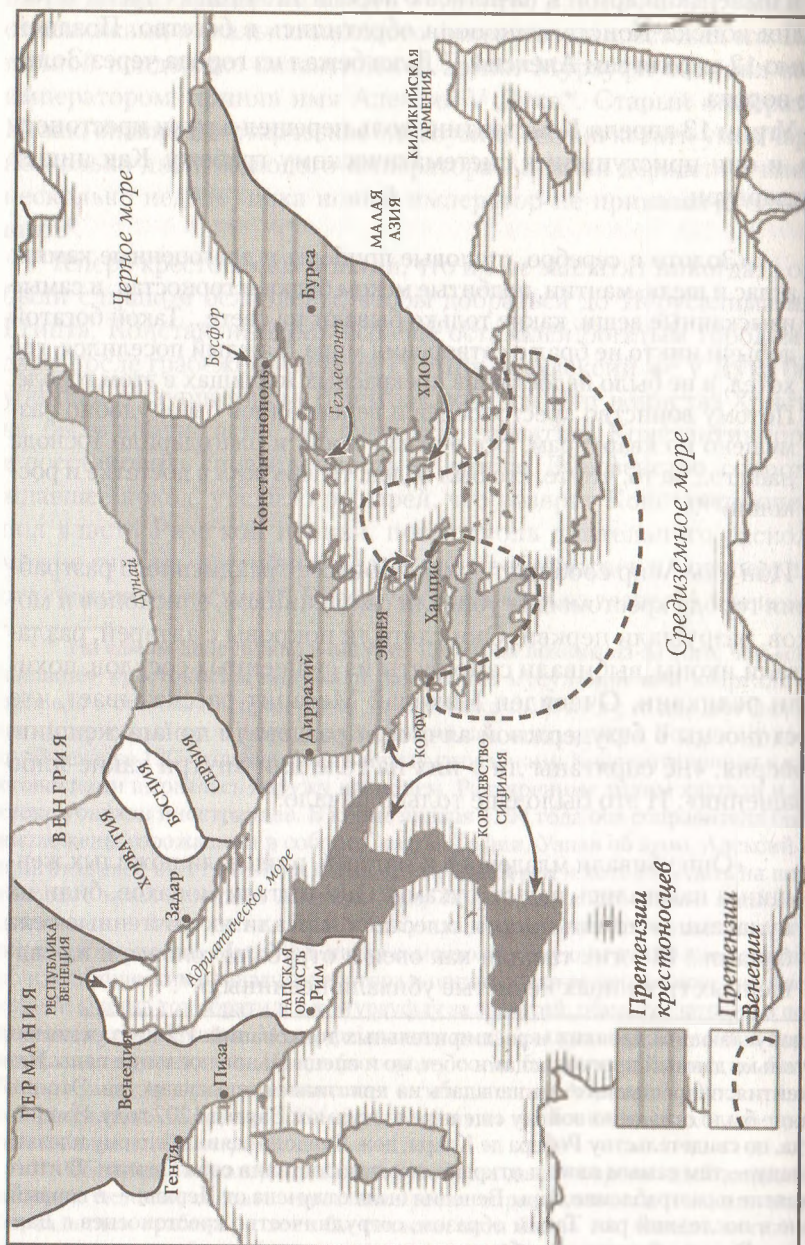
Утром 13 апреля Константинополь перешел в руки крестоносцев, и они приступили к систематическому грабежу. Как пишет Виллардуэн,

«Золото и серебро, столовые приборы и драгоценные камни, атлас и шелк, мантии, подбитые мехом белки и горноста, и самые изысканные вещи, какие только бывают на свете... Такой богатой добычи никто не брал с сотворения мира. Каждый поселился, где хотел, и не было неимущества в прекрасных жилищах в этом городе. Потому воинство крестоносцев и венецианцев было удобно размещено по квартирам. Все они ликовали и благодарили Господа нашего... за то, что те, кто был беден, теперь жил в достатке и роскоши»¹⁰.

Ибн аль-Асир сообщает, что в процессе трехдневного разграбления города крестоносцы убивали священников, епископов и монахов, разрушали церкви. Они сдирали покровы с алтарей, разламывали иконы, выбивали самоцветы из священных сосудов, похищали реликвии. Очевидец Николай Месарит рассказывает, что крестоносцы в безудержной алчности раздевали донага женщин, проверяя, «не спрятаны ли у них на теле или внутри какие-либо украшения». И это было еще только начало.

«Они убивали младенцев и матерей, раздевали пожилых женщин и издевались над старухами. Они пытали монахов, били их кулаками, топтали ногами, хлестали и рвали их почтенные тела бичами... Многих тащили как овец и отрубали головы, и на священных гробницах нечистые убивали невинных»¹¹.

не допускающим двояких и расширительных толкований. На него указывал не только данный крестоносцами обет, но и специальное послание папы Иннокентия, запрещающее им нападать на христианские государства. Это послание было оглашено войску еще перед штурмом Зары в 1202 году. Именно тогда, по свидетельству Робера де Клари, дож Дандоло заявил, что ему плевать на папу — тем самым явно и открыто противопоставив себя Церкви. В итоге за взятие и разграбление Зары Венеция была отлучена от Церкви — в первый, но не в последний раз. Таким образом, сотрудничество крестоносцев с Дандоло и Венецией само по себе стало великим грехом и уж точно не могло содействовать отпущению грехов. (*Прим. ред.*)

Карта 25.1. Завоевание Константинополя

Англия	Папство	Священная Римская империя и Венгрия	Западная Франция	Государства тюрок	Сирия и Палестина	Византия
		Крестовый поход на вендов (1147)		Нур ад-Дин (1146–1174)		
					Констанция Антиохийская (регент, 1149–1160)	
	Анастасий IV (1153–1154)		Брак Элеоноры и Генриха Анжуйского (1152)	Смерть последнего Великого Сельджука (1153)		
Генрих II (1154–1189)	Адриан IV (1154–1159)	Фридрих I (1155–1190)				
	Александр III (1159–1181) Виктор IV (антипапа, 1159–1164)					
Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)	Пасхалий III (антипапа, 1164–1168)				Бозмунд III Антиохийский (1163–1201)	

Англия	Папство	Священная Римская империя и Венгрия	Западная Франция	Государства тюрков	Сирия и Палестина	Византия
		Стефан (Иштван) III (1162 – 1172) Битва при Землине (1167)				
	Кларендонские ассизы (1166)			Саладин начинает править Египтом (1169)		
				Конец династии Фатимидов (1171)		Византийцы арестовывают всех венецианцев (1171)
	Мятеж сыновей Генриха II (1173)			Аль-Салих Исмаил (1174–1181)		
			Филипп II Август (1180–1223)	Саладин Египетский (1181–1193)		Алексий II Комнин (1180–1183)
		Имре I (1182–1204)	Изгнание евреев (1182)			Андроник Комнин (1183–1185)
					Балдуин V Иерусалимский (1185–1186)	Исаак II Ангел (1185–1195)
				Сарацины берут Акру, Аскалон, Иерусалим (1187)	Сибилла и Ги Иерусалимские (1186–1190)	

Англия	Папство	Священная Римская империя и Венгрия	Западная Франция	Государства тюрок	Сарацины в Палестине	Византия
Совещание в Бонмулене (1188)			Переговоры в Жизоре (1188)		Битва при Хаттине (1187)	
Ричард Львиное Сердце (1189–1199)					Третий крестовый поход (1189–1191)	
		Генрих VI (1190–1197)		Битва при Арсуфе (1191)		
				Договор в Рамле (1192)		
Освобождение Ричарда из плена (1194)				Смерть Саладина (1194)		Алексий III Ангел (1195–1203)
Иоанн (1199–1216)		Филипп (не коронован) (1198–1208)				
					Четвертый крестовый поход (1202–1204)	Исаак II и Алексий IV Ангел (1203–1204)
						Алексий V Дука (1204)
						Захват Константинополя крестоносцами (1204)

На второй день разгула многие крестоносцы, разграбив богатые винные погреба Константинополя, были пьяны до беспамятства. Подобно похотливым ослам, по словам Никиты Хониата, они вопили при виде женщин, и поветрие насилия охватило город. Не щадили никого: девственниц, замужних женщин, старух, даже монахинь насиловали прямо на улицах. Мужчин, которые пытались их остановить, пронзали мечами, обезглавливали или оставляли умирать на улице с отрубленными членами. Самому Никите Хониату удалось увести беременную жену из города, вымазав ей лицо грязью и прикрывая собственным телом¹².

Наконец, оргия грабежа и убийств утихла. Крестоносцы избрали одного из своих предводителей, графа Фландрского, новым императором под именем Балдуина I. Константинополь превратился в столицу нового государства крестоносцев, Латинской империи. На том и завершился крестовый поход. Ни один из крестоносцев не добрался до Египта — не говоря уже о Иерусалиме.

Иннокентий III, уstraшенный кровавым итогом его высокого замысла, направил из Рима суровое порицание: «Те, кто должен был служить Христу, а не самим себе... осквернили свои мечи, пролив кровь христиан»¹³.

Однако личное обогащение было одним из мотивов участия в крестовых предприятиях еще с тех времен, когда Боэмунд отказался отдать Антиохию. Внутренняя гниль, мало заметная после Первого крестового похода, созрела и вышла на поверхность; если крестовый поход давал возможность обрести власть и отхватить себе королевство — это дело отныне всегда будет важнее, чем дело Христа.

Часть вторая

ВТОРЖЕНИЯ, ЕРЕСИ И ВОССТАНИЯ

Глава 26

На Запад

Около 1200 года в Центральной Америке укрепляется империя майя, а инки уничтожают жителей долины Куско

По другую сторону Атлантического океана разворачивались два новых сюжета. Город Чичен-Ица на полуострове Юкатан, которым правили захватчики-тольтеки, в свою очередь подвергся вторжению*. Его правитель проводил кровавые жертвоприношения — священная жидкость, питающая землю, должна была оградить державу от бед. Но жертвы не помогли: около 1194 года Хунак Кеель, вождь народа майя, подступил под мощные стены Чичен-Ица. Чтобы одолеть могучего соседа, он усилил свою армию за счет семи отрядов наемников — свирепых воинов, завербованных в юго-восточной Мексике (в современном штате Табаско). С их помощью Хунак Кеель захватил Чичен-Ицу; город пал, по утверждению несколько более поздней хроники, «из-за предательства», то есть можно предположить, что успех обеспечила не только сила оружия.

Так или иначе, вторжение завершилось разгромом и сожжением Чичен-Ица, его священные рельефы были разбиты и опрокинуты, места поклонения богам разорены; население бежало и укрылось в других городах¹.

Но это было лишь началом большой кампании. На протяжении следующих десяти лет Хунак Кеель захватил почти весь полуостров Юкатан и сделал свой родной город, Майяпан, центром небольшой, но динамичной империи. Майяпан был меньше Чичен-Ицы, но хорошо укреплен и выгодно расположен: его было легко защищать и трудно осаждать².

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 75.

Потомки Хунак Кееля правили северной частью полуострова Юкатан в течение следующих двух веков. Империю удавалось сохранять так долго благодаря сильной централизации: контроль происходил из Майяпана; знать побежденных племен была обязана жить в столице под его присмотром, а их отдаленными владениями правили назначенные им управляющие. Режим был строгий и суровый — но эффективный; и империя процветала. Как пишет епископ Диего де Ланда, заставший империю Майяпана в последние годы ее существования:

«Туземцы проживали в городах, весьма хорошо устроенных. В центре города, посреди прекрасных площадей, располагались храмы, а вокруг храмов — дома вельмож и жрецов... Земли их были тщательно обработаны, засажены виноградными лозами, кроме того, они сеяли хлопок, перец и маис и старались держаться все вместе, ибо боялись врагов».

Хорошо охраняемые границы и сила оружия наконец-то обеспечили долгий период мира и благосостояния хотя бы одной из многих областей на этой территории³.

* * *

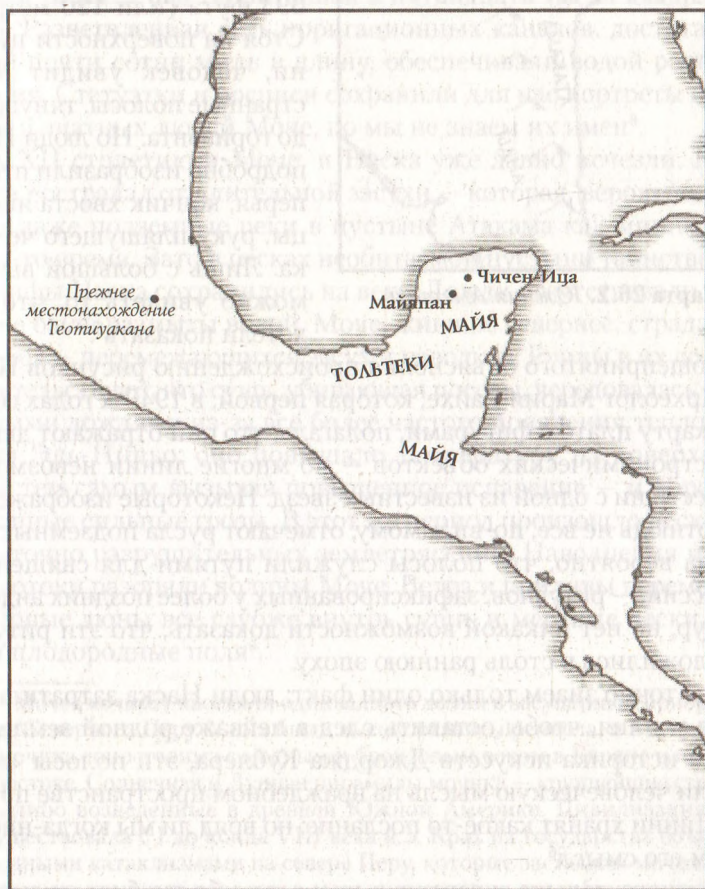
К XII веку в Месоамерике сложились мифы и ритуалы, которые, дойдя до нашего времени, дают представление о прошлом этого мира. Но Южная Америка остается почти безгласной. Руины свидетельствуют о том, что здесь, в отличие от Северной Америки, столь же молчаливой, не раз возникали большие империи; веками эти империи росли, достигали расцвета — и погибали, не оставив о себе ни единого слова. Зато загадками они нас снабдили щедро.

Горный хребет Анд тянется вдоль западного берега всего континента более чем на четыре тысячи миль (это самая длинная горная система в мире), ширина его составляет триста миль, а самый высокий пик возносится на двадцать три тысячи футов*. Южнее экватора горы образуют преграду, не пропускающую влажные ветры с востока, и за ними простирается зона пустынь. Западные

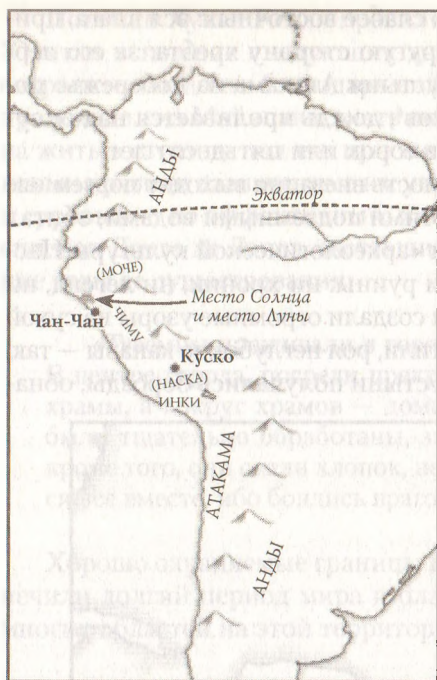
* Аконкагуа, высочайшая гора в Андах, имеет высоту 22 841 футов (6962 метра). Она занимает второе место среди «семи вершин», как называют самые высокие горы семи континентов; из них высочайшая в мире — Эверест (29 029 футов или 8848 метров). В Гималаях более сотни пиков превышают высоту Аконкагуа — но эта гора является самой высокой за пределами Азии. (Прим. авт.)

склоны увлажнены значительно слабее восточных: вся влага, принесенная ветрами, оседает по другую сторону хребта; за его вершины не попадает ни капли. Пустыня Атакама на побережье получает в год менее дюйма осадков⁴; дождь проливается над ее сухими песками не чаще, чем раз в сорок или пятьдесят лет.

Но то там, то здесь на поверхность внезапно выходят подземные реки. В оазисах, образованных этими подземными водами, обитал народ, известный под названием «археологической культуры Наска». От них осталась керамика и руины: ни хроник, ни легенд, ни перечня царей. Однако эти люди создали огромные узоры на сухой почве. Рисунки и линии они чертили, роя неглубокие канавы — так, чтобы на черной поверхности пустыни получались борозды, обна-

Карта 26.1. Центральная Америка

Карта 26.2. Южная Америка

жавшие лежащий ниже более светлый грунт. Эти борозды образуют спирали, решетки и фигуры животных: паука, летящая птица, рыба, обезьяна. Рисунки имеют гигантские размеры: колибри в 305 футов длиной, попугай с головой около 70 футов в поперечнике и 150-футовый паук; рисунок кондора от клюва до хвоста простирается почти на 393 фута (или 120 метров)! Стоя на поверхности пустыни, человек увидит лишь странные полосы, тянущиеся до горизонта. Но люди Наска подробно изобразили птичьи перья, кончик хвоста ящерицы, руку пляшущего человека. Лишь с большой высоты можно увидеть то, что они хотели показать⁵.

Общепринятого объяснения происхождению рисунков Наска нет. Археолог Мария Райхе, которая первой, в 1940-х годах составила карту плато с фигурами, полагала, что они отражают движение астрономических объектов — но многие линии невозможно соотнести ни с одной из известных звезд. Некоторые изображения, хотя отнюдь не все, по-видимому, отмечают русла подземных рек. Весьма вероятно, что полосы служили путями для священных процессий, — ритуалов, зафиксированных у более поздних андских культур, но нет никакой возможности доказать, что эти ритуалы уже сложились в столь раннюю эпоху.

Мы точно знаем только один факт: люди Наска затратили немалые усилия, чтобы оставить след в пейзаже родной земли. По словам историка искусств Джорджа Кублера, эти полосы «запечатлели человеческую мысль на враждебном пространстве природы». Линии хранят какое-то послание; но вряд ли мы когда-нибудь узнаем его смысл⁶.

Немного дальше к северу, в несколько более благоприятных условиях, народ Моче не чертил узоров в пустыне, а строил камен-

ные дома*. В северной долине, которая стала центром растущей империи, он создал на холмах два огромных комплекса храмов, дворцов, площадей, административных зданий и некрополей: «место Солнца» — Уака дель Соль, и «место Луны» — Уака де ла Луна; иногда их также называют «пирамидами». Для постройки этих комплексов местные мастера изготовили 143 тысячи сырцовых кирпичей, и каждый был помечен клеймом изготовителя⁷.

По мере того как народ Моче занимали окружающие холмы и долины, они создавали сеть широких, надежных дорог и сложную систему коммуникаций: гонцы бежали по дорогам от станции к станции, доставляя известия, записанные условными символами на бобовых стручках. В пору расцвета пирамиды Солнца и Луны господствовали над территорией в пятнадцать тысяч квадратных миль. Разветвленная сеть ирригационных каналов, достигавших порой почти сотни миль в длину, обеспечивали водой растущие селения. Статуэтки и росписи сохранили для нас портреты правителей и знатных людей Моче, но мы не знаем их имен⁸.

К XII столетию и Моче, и Наска уже давно исчезли. Народ Наска пострадал от длительной засухи — которая, вероятно, иссушила даже подземные реки в пустыне Атакама как минимум на какое-то время. Зато в песках необитаемой пустыни таинственные геоглифы Наска сохранились на века. Дожди отсутствовали, и линии не были размыты водой. Моче, жившие севернее, страдали от двух бед — перемежающихся засух и паводков. Руины в их долинах свидетельствуют, что сушь, убивающая посевы, чередовалась с проливными дождями из-за все более частого появления теплого течения Эль-Ниньо: оно повышало температуру на поверхности моря, тем самым вызывая повышенное испарение — и порождая внезапные сильные грозы. В этот же период произошло несколько достаточно разрушительных землетрясений. Наводнения и селевые потоки разоряли долины Моче. Ветра и приливы перемещали береговые дюны все глубже внутрь суши, и мертвые пески засыпали плодородные поля⁹.

* Моче (*мочика*) населяли одиннадцать долин в засушливой прибрежной полосе Северного Перу. У них были высокоразвиты ремесла, и в целом культура мочика сопоставима с медным и бронзовым веком в Европе и на Ближнем Востоке. Солнечная и Лунная пирамиды мочика — крупнейшие строения, когда-либо возведенные в древней Южной Америке. Цивилизация Моче просуществовала с I до конца VIII века н.э. Крах их государства объясняют природными катаклизмами на севере Перу, которые заставили мочика переселиться из крупных городов в меньшие селения в глубине континента. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 26

Священная Рим- ская империя	Франция	Англия	Государства тюрков и Палестина	Византия	Южная и Централь- ная Америка
		Вильгельм Завое- ватель (1066–1087)	Малик-шах (1072–1092)		Тольтеки основыва- ют Чичен-Ица
		Вильгельм II (1087–1100)	Первый крестовый поход (1095–1099)	Алексий Комнин (1081–1118)	
Генрих V (1099–1125)		Генрих I (1100–1135)			
				Иоанн II Комнин (1118–1143)	
Лотарь III (1133–1137)		Стефан (1135–1154)	Занги (1127–1146)		
Конрад III (1138–1152)	Людовик VII (1137–1180)	Анархия (1139–1154)	Нур ад-Дин (1146–1174)		Хунак Кеель завоевывает Чичен-Ица
Фридрих I (1155–1190)		Генрих II (1154–1189)	Смерть последнего Великого Сельджу- ка (1153)		Возвышение империи Майя (Майяпан)
		Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)	Бозмунд III Антиохийский (1163–1201)		
		Мятеж сыновей Генриха II (1173)	Конец династии Фатимидов (1171)		

Священная Рим- ская империя	Франция	Англия	Государства тюрок и Палестина	Византия	Южная и Централь- ная Америка
	Филипп II Август (1180–1223)			Алексий II Комнин (1180–1183)	Возвышение Наска и Моче
	Изгнание евреев (1182)		Саладин – прави- тель Египта (1181–1193)	Андроник Комнин (1183–1185)	
	Переговоры в Жизоре (1188)	Совещание в Бон- мулене (1188)		Исаак II Ангел (1185–1195)	Возвышение империи Чиму (Чан-Чан)
Генрих VI (1190–1197)		Ричард Львиное Сердце (1189–1199)	Третий крестовый поход (1189–1191)		Инки поселяются к югу от Чиму
		Освобождение Ричарда из плена (1194)	Смерть Саладина (1194)	Алексий III Ангел (1195–1203)	Манко Капак (ок. 1194 – ок. 1240)
Филипп (не коронован) (1198–1208)		Иоанн (1199–1216)	Четвертый кресто- вый поход (1202–1204)	Исаак II и Алек- сий IV Ангел (1203–1204)	
				Алексий V Дука (1204) Захват Константи- нополя крестонос- цами (1204)	

Пытаясь унять буйство паводков и гроз, племена Моче старались убожить божества, правящие небом и ветрами. На церемониальной площадке в храме Луны, на краю большого оползня, было найдено захоронение трех детей, принесенных в жертву одновременно. Над ними и в стороне от них были обнаружены жертвы еще по меньшей мере двух подобных церемоний.

Однако пролитие крови не укротило ярость природы, не остановило медленное и постепенное падение империи Моче. Пески уже доходили до окраин городов. Оросительные каналы, забитые глиной и поврежденные землетрясениями, были заброшены; цивилизация Моче угасла следом за Наска¹⁰.

Наследовавшие им несколько позднее племена назывались Чиму. Они возводили свои города, частично используя руины строений Моче, и не пытались расширить свою власть до размеров прежних империй. Их небольшое государство просуществовало до XV века — достаточно долго, чтобы создать устную историческую традицию. Позднее испанские хронисты записали рассказы, услышанные от покоренных людей Чиму: о бородатом человеке по имени Такайнамо, который прибыл морем к берегам Южной Америки. Он высадился со своего плота из бальсового дерева и поселился на прежних землях Моче. Его сын и внук завоевали одну за другой ближайшие речные долины и основали правящую династию¹¹.

В XII и XIII столетиях столица Чиму, Чан-Чан, занимала площадь около девяти квадратных миль и вмещала примерно 30 тысяч жителей. Такую плотность населения не назовешь высокой для настолько большого города (древний город Центральной Америки, Теотиуакан, при почти такой же площади, имел население более 200 тысяч); судя по руинам, Чан-Чан был скорее центром паломничества, чем реальным жилым местом¹².

Народ Чиму еще был силен, когда вскоре после 1200 года близ их южных границ поселилось не слишком большое племя Инка. Они начали строить деревушки, разбросанные по скалистым склонам центральных Анд. Даже самое значительное из этих селений, Куско, представляло собой жалкое скопище хижин, обитатели которых пасли лам и кое-как обеспечивали себе пропитание, трудясь на холодных высокогорных полях¹³.

Позднее инки утверждали, что именно в тот период в Куско возвысился их первый правитель, легендарный Манко Капак. Про него рассказывали (что характерно для мифических основателей), будто он был старшим из восьми братьев и сестер, не имевших

«никакого отца, ни матери». Все восемь появились из горы, покрытой золотом, и немедленно отправились завоевывать соседей: «Пойдемте искать плодородные земли, — сказали они друг другу, — и где найдем, там покорим народы, и заберем их земли, а на тех, кто не признает нашу власть, двинемся войной»¹⁴.

Несомненным фактом в этой истории является свойственная инкам жажда завоеваний: то место, на котором они построили Куско, также было отнято у прежних обитателей. При этом они проявили чрезвычайную свирепость: Манко Капак и его братья разрывали несчастных земледельцев на куски, съедали их сердца и легкие, вспарывали животы беременных женщин. Местные жители долины Куско, согласно легенде, «были полностью перебиты»¹⁵.

В захваченной таким образом долине инки оставались на протяжении следующих двух веков. Но вторжение в долину Куско было лишь первым актом их истории. Второй акт стал не менее кровопролитным.

Глава 27

Монгольская школа войны

Между 1201 и 1215 годами Чингисхан узнает, как воевать с цивилизованным миром

С 1165 года между царствами Цзинь на севере Китая и Сун на юге сохранялся непрочный мир. Но теперь из северных краев стали приходить первые тревожные известия. На бескрайних просторах северных степей кочевали племена, связанные некоторым родством и известные под общим названием «монголы». Они уже давно переместились к югу от *тайги*, холодных северных лесов; согласно легенде, сохранившейся в их собственной хронике, созданной в XIII веке («Тайная история монголов»*), их прародителями были лесная лань и хищный серо-голубой волк. У каждого монгольского племени был свой вождь, или *хан*; ханы и племена боролись между собою за власть. Но и внутри каждого племени постоянно соперничали отдельные роды и их вожди: они стремились приобрести больше лошадей, жен, добычи и возвыситься на первое место в племени¹.

* В отечественной литературе более известна как «Сокровенное сказание». (Прим. ред.)

Тэмучжин, сын Есугей-багатура, предводителя рода борджигинов, родился в окрестностях священной горы Бурхан-Халдун в 1167 году; в «Тайной истории» говорится, что новорожденный «сжимал в правой руке сгусток крови размером с костяшку пальца»*. В возрасте девяти лет отец, согласно обычаю, отвез его в дом к вождю рода унгират, десятилетняя дочь которого была предназначена Тэмучжину в жены. На обратном пути Есугей-багатур заболел (был отравлен на стоянке враждебного племени) и через несколько дней после возвращения домой умер. Мальчик сбежал от будущего тестя и вернулся к матери².

С этого началось его тяжелое отрочество. Семью Есугея покинули приверженцы его отца; глава клана тайчиутов, рассчитывая стать ханом племени, изгнал семью вместе со всеми детьми с привычного места, похитив весь принадлежавший ей скот. Несколько лет семья Есугея жила в полной нищете, скитаясь по холодным степям близ горной гряды Хентиль, питаясь кореньями, дичью и рыбой.

Затем вождь тайчиутов, опасаясь мести подрастающего соперника, стал преследовать Тэмучжина. Посланный им вооруженный отряд напал на стойбище семьи Есугея и взял Тэмучжина в плен. Несмотря на то что на шею пленнику надели деревянную колодку, он сумел бежать. К этому времени ему уже исполнилось шестнадцать и он был готов к любым испытаниям³.

Теперь Тэмучжин, по праву считавшийся главой своего клана, навестил семью своей невесты, Борте, и потребовал у ее отца исполнения прежнего уговора. Затем он подружился с ханом соседнего племени кераитов и заключил с ними союз**. Этот хан по имени Тогрул был опытным воином средних лет, с ним когда-то дружил отец Тэмучжина; но на него куда большее произвели впечатление дары, поднесенные Тэмучжином, чем обязательства старой дружбы.

Очень скоро Тэмучжину пришлось обратиться к обоим союзникам за помощью. Первыми серьезными противниками Тэмучжина оказались меркиты, действовавшие в союзе с тайчиутами. В от-

* Год рождения Тэмучжина точно не выяснен. По данным единственного прижизненного китайского источника (1221) и расчетам, сделанным арабским историком Рашид ад-Дином на основании подлинных документов из архивов монгольских ханов, Тэмучжин родился в 1155 году. В других источниках дается лишь длительность жизни Чингисхана — 66 лет: при отсчете от точной даты смерти получается год рождения 1162-й. Дата 1167 год, приводимая рядом ученых, наиболее сомнительна. (Прим. ред.)

** В отличие от остальных монгольских племен, кераиты были несториянами — это сыграло огромную роль в последующей истории монголов. (Прим. ред.)

сутствие Тэмучжина они напали на становище борджигинов и похитили Борте.

Похищение было у монголов вторым общепринятым способом женитьбы; мать Тэмучжина за много лет до того была также похищена у одного меркита. И вот теперь это послужило предлогом для набега меркитов, целью которого была попытка подорвать растущее влияние Тэмучжина.

Однако результат получился противоположным. Тэмучжин вместе с Тогрулом и своим другом детства Джамухой собрал большое войско (до десяти тысяч всадников), напал на стойбище меркитов и вырезал их. В «Тайной истории» содержится песня, прославляющая эту победу:

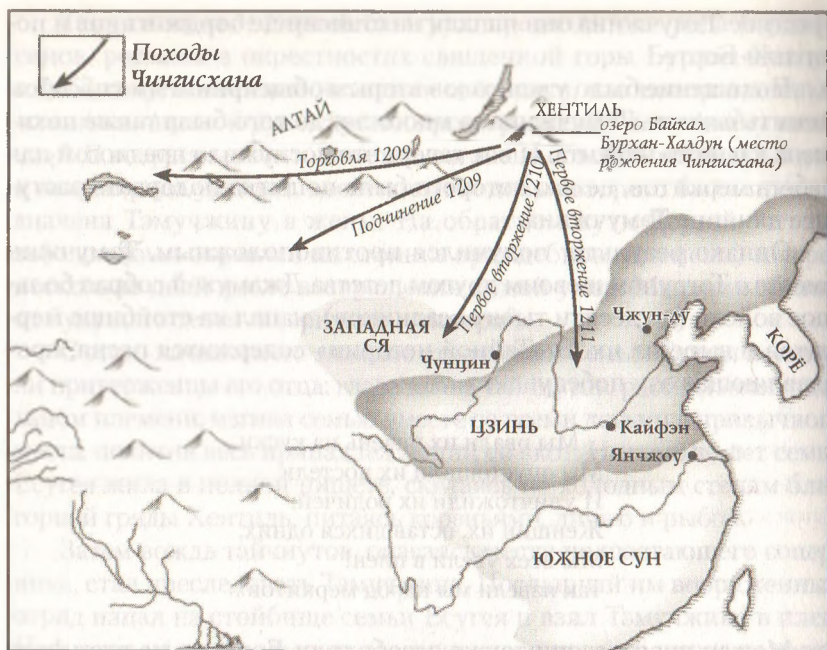
... Мы рвали их печень на куски.
Мы опустошили их постели
И уничтожили их родичей;
Женщин их, оставшихся одних,
Мы всех увели в плен!
Так извели мы народ меркитов⁴.

Между прочим, они также освободили Борте — но этот факт для «Тайной истории» менее важен, чем победа в битве.

Затем последовал ряд других побед. Звезда Тэмучжина восходила, и около 1200 года он уже рассчитывал быть избранным великим ханом — военным предводителем всей конфедерации монгольских племен. Однако в 1201 год — год Курицы по монгольскому календарю — все его противники сговорились и сделали ставку на Джамуху. На этом дружба между побратимами кончилась. Детская клятва верности была забыта, братство сменилось ненавистью. Между 1201 и 1204 годами монгольские племена разделились на два лагеря, пойдя за одним из двух вождей.

Но Тэмучжин, сочетая угрозы и завоевание, смог увеличить число своих сторонников; в сражениях он стремился щадить побежденных врагов — чтобы в дальнейшем привлечь их к себе на службу. В то же время лагерь Джамухи постепенно редел. Когда старый союзник Тэмучжина, Тогрул, заколебался, не зная, к кому примкнуть, Тэмучжин напал на племя кераитов и вынудил его подчиниться. Тогрул бежал на запад, на земли племени найманов, где его случайно убили дозорные. Джамуха, потерявший войско и поддержку, вскоре последовал за ним.

В 1204 году Тэмучжин отправился в погоню за старым другом на территорию найманов и наказал людей, которые предоставили

Карта 27.1. Продвижение монголов

убежище Джамухе: «Он полностью победил и завоевал народ найманов на южных склонах Алтая», — говорится в «Тайной истории». Джамуха бежал в горы и скрывался там, пока в конце концов не попал в руки людям Тэмучжина. Доставленный к Тэмучжину, он попросил у товарища детских игр лишь об одной милости: «Дай мне умереть быстро, — сказал он, — и твое сердце успокоится. ... Но пусть меня убьют без пролития крови». Умереть без пролития крови было привилегией уважаемых воинов, и Тэмучжин исполнил просьбу. «Как только Джамуха вышел от него, два телохранителя сломали пленнику шею»⁵.

Теперь у Тэмучжина не осталось соперников; ничто не мешало ему вернуться на исконно монгольские земли, к подножию горы Бурхан-Халдун, и объявить себя великим ханом. Но прежде чем повернуть обратно на восток, он направил своего полководца, Елюй Ахая, в набег на соседнее царство — Западную Ся* (иногда именуемую Си Ся), где жили тангуты.

* По-китайски — Си Ся; в транскрипции пиньинь это пишется как *Xi Xia*, в транскрипции Уэйда-Джайлса — как *Hsi Hsia*. Основным населением Западной Ся были тангуты. (Прим. авт.)

Население Западной Ся, как и население Цзинь, некогда было кочевым племенем, которое мечтало уподобиться царству Сун. Пока Цзинь и Сун воевали между собой, правитель Западной Ся Ли Жэнь-сяо строил школы, где преподавали учение Конфуция, одаривал буддистские храмы, вводил систему экзаменов для гражданских чиновников в духе Сун. При его правлении купцы Западной Ся начали использовать в торговле с Цзинь и Сун железные монеты. Ли Жэнь-сяо лично надзирал за переводом сотен томов канонических буддистских трактатов на тангутский язык, самый распространенный в государстве Ся. Он же приказал собрать все законы Западной Ся в двадцатитомный кодекс, записанный особым тангутским письмом, созданным на основе китайских иероглифов⁶.

В 1190 году, незадолго до смерти Ли Жэнь-сяо, ученые при его дворе составили тангутско-китайский словарь («Жемчужина на ладони»), представляющий собой самый ранний из известных полный двуязычный словарь в мире*.

Ли Жэнь-сяо умер в 1193 году, семидесяти лет от роду; на трон взошел его сын Вэймин Чунь-ю. Он не обратил особого внимания на набег монголов на свои владения. Между тем Ахай вернулся к Тэмучжину с множеством верблюдов и стадами скота, а также со сведениями о том, что в стране Ся имеются укрепленные города. У монголов не было опыта войны против городов.

Тэмучжин уяснил, что земли Западной Ся очень богаты — но не стал продолжать поход, а направился к себе на родину. Там в 1206 году он собрал все монгольские племена, чтобы они признали его великим ханом. Поскольку до того титул великого хана, *гур-хана*, носил Джамуха, и соперник не желал ему наследовать, монголы изобрели для Тэмучжина новый титул — *чингис-хан*.

До сих пор нет единого мнения о том, что означает слово «*чингис*»: приблизительно его можно перевести как «хан-океан», то есть «всеобщий повелитель». Этот новый титул как нельзя больше подходил человеку, который не вмещался в узкие рамки монгольского мира.

У Чингисхана уже выработалось представление о том, что хан — это нечто большее, чем предводитель набегов вооруженных

* Точнее, это «самый ранний в мире двуязычный словарь с указанием источников и пояснительными пометками на обоих языках» — см. Heming Jing and Yong Peng, *Chinese Lexicography: A History from 1046 BC to AD 1911* (2008), pp. 377–378. (Прим. авт.)

кочевников. Он реорганизовал свои войска и личную гвардию («тумен багатуров»), увеличив ее численность до десяти тысяч, установив в ней четкие ранги и должности. Центром создаваемой Чингисханом империи стал он сам и его тумен, следовавший за ним повсюду. Где они останавливались, там и находилось средоточие власти. Это было «государство в седле».

В ходе войны с найманами в плен к Чингисхану попал образованный человек, которого ранее найманы похитили у тюрков; после длительного разговора с этим ученым Чингисхан поручил ему создать алфавит, пригодный для записи монгольского языка в письменном виде. Затем этот алфавит впервые в истории монголов был использован для ведения государственной документации, для создания первого кодекса монгольских законов⁷.

Монголов с трех сторон горизонта окружали непокоренные народы и государства: Горе на востоке, Цзинь на юге, Ся на западе. Из этих трех стран Западная Ся являлась самой уязвимой. Эта держава была менее могущественной, чем Цзинь, до нее можно было добраться по открытым пространствам, не одолевая гористый перешеек Корейского полуострова. К этому времени Вэймин Чунь-ю был уже смещен, на троне сидел Ли Ань-чуань, его двоюродный брат, гораздо более агрессивный. Когда в 1209 году началось монгольское вторжение, Ли Ань-чуань собрал солидную армию и занял позицию на одном из горных перевалов к северу от Чунцина, столицы Ся. На некоторое время монголов удалось остановить. Тогда они прибегли к своей традиционной тактике: сделав вид, что уходят, они выманили войско Западной Ся с их укрепленной позиции, а когда те бросились в погоню, быстро сомкнули во круг них кольцо в степи, не давая войску Ся отступить к перевалу.

Но затем перед монголами встала совершенно непривычная задача: захватить укрепленный город. Чингисхан нашел оригинальное решение. Он приказал своим воинам перегородить плотиной расположенный неподалеку рукав реки Хуанхэ, рассчитывая, что столицу затопит.

Видя, как под стенами растет плотина, Ли Ань-чуань направил правителю Цзинь отчаянную просьбу о помощи. Но недавно коронованный император Цзинь, Вэй Шао-ван, был озабочен лишь признанием законности своей власти и на эту просьбу (несмотря на полвека дружественных отношений) лишь пожал плечами. «Моему государству выгодно, когда его враги нападают друг на друга, — сказал он своим советникам. — Зачем же нам беспокоиться?»⁸

Эксперимент Чингисхана не удался: город был лишь слегка подтоплен, а неумело сложенная плотина прорвалась, и вода залила монгольский лагерь. Тем не менее Ли Ань-чуань, не получив подкреплений от Цзинь, решил искать примирения с врагом. Он откупился от Чингисхана богатой данью и брачным союзом с одной из его дочерей⁹.

Чингисхан согласился на временное перемирие — и немедленно напал на Цзинь. Не слишком успешная кампания многому его научила. Он умел учиться.

Монголам потребовалось четыре года, чтобы пробиться к северной столице, Чжун-ду. Четыре года набегов и отступлений, перемен и реорганизации, скудного питания и кровопролитных битв — урок за уроком они учились вести войну с оседлым народом. Но монгольские воины были привычны к тяжелым условиям. Они всегда жили на ходу, они не знали покоя. Опыт, приобретенный при каждой вылазке, каждой осаде, учитывался в планах следующих кампаний. К 1214 году Чингисхан уже знал, как штурмовать стены городов, как отбивать атаки тяжеловооруженной пехоты, как сбить противника с укрепленных позиций.

Весной 1214 года Чингисхан дошел до Чжун-ду и приступил к осаде. Император Цзинь быстро ретировался на юг, в старую столицу Сун — город Кайфэн, поручив дела в Чжун-ду своему наместнику. Этот поступок не прибавил ему популярности, и войска Цзинь, расположенные вне города, оскорбленные эти трусливым бегством, стали дезертировать — переходить на сторону противника, обогащая его своим опытом регулярной войны.

Осада продлилась больше года. Жители Чжун-ду начали голодать. Они ели лошадей, собак и падаль; порой поедали и трупы умерших людей. Летом 1215 года отчаявшийся наместник принял яд, и оборона города рухнула.

Монголы ворвались в Чжун-ду, рассеялись по улицам, убивая, грабя и поджигая дома. Так они всегда поступали с побежденными племенами — но Чжун-ду был во много раз больше кочевого стойбища, и в нем было гораздо больше жителей и богатств, чем им доводилось видеть прежде. Они научились вести войну, но еще не знали, что такое победа над оседлым народом, и они разрушили Чжун-ду. Большая часть города сгорела. Тысячи людей были убиты, их тела сваливали грудami за стенами. В сочинении «Табакат-и-Насири» персидский историк XIII века, современник событий, рассказывает, что несколько лет спустя Баха ад-Дин, возглавлявший миссию хорезмского султана Мухаммада, проезжая мимо

Государства тюрков и Палестина	Византия	Центральная Америка	Южная Америка	Монголы, Сун, Цзинь и Западная Ся
Первый крестовый поход (1095–1099)	Иоанн II Комнин (1118–1143)			
Занги (1127–1146)				Начало Южной Сун (1127)
			Возвышение империи Чиму (Чан-Чан)	Сун Гао-цзун (1127–1162) Ли Жэнь-сяо (1139–1193)
Нур ад-Дин (1146–1174)				Хайлин-ван (1149–1161)
				Создание флота Сун
Смерть последнего Великого Сельджука (1153)				Договор в Шаосине (1141)
Бозмунд III Антиохий- ский (1163–1201)				Сун Сяо-цзун (1162–1189)
				Лунсинское соглашение (1165)
				Рождение Тэмучжина (1167)
Конец династии Фатимидов (1171)				

Государства тюрков и Палестина	Византия	Центральная Америка	Южная Америка	Монголы, Сун, Цзинь и Западная Ся
Саладин Египетский (1181–1193)	Алексий II Комнин (1180–1183)			
	Андроник Комнин (1183–1185)			
	Исаак II Ангел (1185–1195)			
Третий крестовый поход (1189–1191)			Инки поселяются южнее владений Чиму	«Жемчужина в руке» (1190)
Смерть Саладина (1194)	Алексий III Ангел (1195–1203)			
				Вэй-мин Чунь-ю (1193–1206)
	Манко Капак (ок. 1194 – ок. 1240)			Джамуха становится великим ханом (1201)
Четвертый крестовый поход (1202–1204)	Исаак II и Алексий IV Ангел (1203–1204)	Унак Кеель завоевы- вает Чичен-Ицу		
Крестоносцы захваты- вают Константинополь (1204)	Алексий V Дука (1204)			Тэмучжин становится великим ханом (1206)
		Возвышение импе- рии Майя (Майяпан)		Ли Ань-чуань (1206–1211)
				Вэй Шао-ван (1208–1213)
				Монголы захватывают Чжун-ду (1215)

Чжун-ду, увидел белый холм, и проводник ему объяснил, что холм сложен из костей убитых жителей столицы. В другом месте дорога на большом протяжении была скользкой от человеческого жира¹⁰.

Северные земли Цзинь послужили монголам школой военного искусства — но в процессе обучения были опустошены.

Глава 28

Иоанн Мягкий меч

Между 1203 и 1213 годами Иоанн, король Англии, потерял владения во Франции и приобрел многочисленных врагов

После смерти Ричарда Львиное Сердце английский трон унаследовал его младший брат, принц Джон — ставший королем Иоанном. Годы его правления оказались тяжелыми для страны. Сразу же произошел разрыв между ним и его прежним союзником Филиппом II Августом. Главной целью Филиппа было ослабление английской короны. Поэтому Иоанн в качестве противника Ричарда был желанным другом французского короля — но в качестве короля Англии превратился в его врага.

Старший брата Иоанна, Джеффри, умерший еще при жизни отца в 1186 году, оставил двух дочерей. Но спустя семь месяцев после смерти Джеффри его жена Констанция родила сына, которого нарекли Артуром. Когда Ричард умер, Филипп Август заявил, что именно Артур, а не Иоанн, является законным королем Англии. Он тепло приветствовал Констанцию и ее двенадцатилетнего сына при парижском дворе. Герцоги Анжу, Мэна и Тура, будучи вассалами английской короны, поддержали его и не признали Иоанна королем¹.

За этим последовало трехлетнее противостояние. Многочисленные сражения сменялись сложными переговорами, дважды заключалось перемирие. Иоанн использовал все доступные средства, в том числе и матримониальные. В 1199 году он развелся с первой женой, обвинив ее в бесплодии, а уже в 1200 году обратил внимание на молодую дочь графа Ангулемского. Изабелла Ангулемская, которой едва исполнилось двенадцать лет, была уже обручена с сыном графа де Ла Марша. В результате этого брака в самом сердце земель, которые Иоанн считал своими, образовался бы сильный профранцузский анклав. «Видя, что Иоанн, король Ан-

дни, влюблен в его дочь, — пишет Роджер их Ховдена, — отец... отдает ее в жены Иоанну». И хотя этим браком Иоанн снискал ненависть граф де Ла Марша, графский сын лишился Ангулема².

Увы, эта уловка не сработала. К апрелю 1203 года Иоанн потерял почти все свои французские владения. И все же на самом исходе июля удача неожиданно улыбнулась ему.

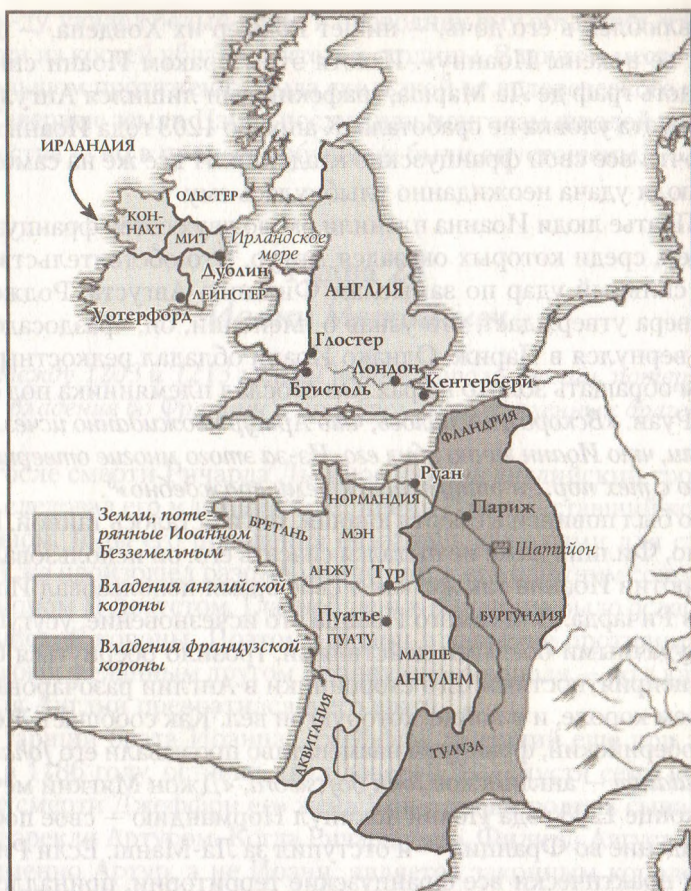
В Пуатье люди Иоанна пленили около двух сотен французских рыцарей, среди которых оказался Артур. Это обстоятельство нанесло сильный удар по замыслам Филиппа Августа. Роджер из Вендовера утверждает, что узнав о пленении, он, «раздосадованный», вернулся в Париж. Однако Иоанн обладал редкостным талантом обращать золото в прах. Он отослал племянника под стражей в Руан. *«Вскоре выяснилось, что Артур неожиданно исчез... Все считали, что Иоанн лично убил его. Из-за этого многие отвернулись от него с тех пор... и относились к нему враждебно»*³.

Кто был повинен в смерти юноши, так и осталось тайной. Естественно, Филипп даже не пытался спасти его: он использовал Артура против Иоанна так же, как в свое время использовал Иоанна против Ричарда. Для самого Иоанна это исчезновение, усугубленное неудачными боевыми действиями, грозило обернуться большими неприятностями. Его сторонники в Англии разочаровались и в своем короле, и в войне, которую он вел. Как сообщает Жервез Кентерберийский, французы насмешливо прозывали его *Johannem Mollegradium* — английское *John Softsword*, «Джон Мягкий меч»⁴.

В конце 1203 года Иоанн покинул Нормандию — свое последнее владение во Франции — и отступил за Ла-Манш. Если Ричард вернул практически все французские территории, принадлежавшие ранее его отцу, то Иоанн потерял их вновь⁵.

* * *

Следующие восемь лет французский и английский короли кружили друг вокруг друга, выжидая удобного момента для удара. Иоанн, у которого остались только Англия, Ирландия и родовые земли его матери в Аквитании, занимался пополнением истощенной войной казны. На своей коронации он принял немало взяток у лиц, которые уже занимали правительственные должности и надеялись удержать их при новой власти. В королевских финансовых отчетах («канцлерских свитках») перечисляются «дары», подносимые королю не только чиновниками, но и городами, которые сопровождали их просьбами о «доброй воле», «мире» и «милостивом отношении»⁶.

Карта 28.1. Территориальные потери Иоанна Безземельного на континенте

Также он активно пользовался королевским правом взимать с баронов так называемый *скутаж* (щитовые деньги), начало которому положил Генрих I. Этот сбор выплачивался вассалом в обмен на освобождение от военной службы сюзерену. Так как свое царствование Иоанн начал войной, то с 1199 года он менял ставку щитового сбора каждый год⁷.

Подобные меры не добавляли популярности Иоанну, а непомерный скутаж лишь усиливал возмущение английских баронов. Поэтому когда война завершилась, король не отважился продолжить сбор щитовых денег. Вместо этого в начале 1207 года он созвал епископов и аббатов на совет в Лондоне и сообщил им, что

все священнослужители в Англии должны платить налоги с прибылей, получаемых от церковных владений. Возмущенные священники отвергли это требование, заявив, что *«английская церковь ни при каких условиях не подчинится доселе неслыханным требованиям»*⁸.

Однако король ничуть не смутился и, воспользовавшись назначением в июне нового архиепископа Кентерберийского, попытался конфисковать земли, принадлежащие церкви.

На вакантную кафедру папой Иннокентием III был назначен английский священник Стефан Лэнгтон, получивший образование в Париже и незадолго до этого рукоположенный в кардиналы в Риме. Так как папа римский не испросил одобрения у Иоанна, тот притворился возмущенным. Он заявил папе, что знает о Лэнгтоне только то, что последний *«проживал среди его недругов»* и он, король, глубоко возмущен тем фактом, что Иннокентий не соизволил перед назначением спросить его разрешения. «Также он сказал, — повествует Роджер Вендоверский, — что станет на защиту прав своей короны, и, если на то будет необходимость, то положит за них жизнь свою». Он запретил Лэнгтону въезжать в Англию и конфисковал все кентерберийские поместья и доходы с них в свою пользу⁹.

Иннокентий III немедленно наложил на страну интердикт — что, впрочем, ничуть не обескуражило английского короля. Он продолжил секуляризацию церковной собственности — уже под предлогом того, что духовенство владело этой собственностью при условии отправления религиозных обрядов, в которых теперь отпала необходимость¹⁰.

Затянувшийся интердикт парализовал общественную жизнь. «Прекратились службы в церквях, тела умерших переполнили города и веси и их хоронили не отпетыми в придорожных канавах»¹¹.

Тем временем Иоанн продолжал пополнять королевскую казну. Его борьба с Филиппом позволила ему увеличить собственные доходы также за счет конфискации феодалов тех английских баронов, которых он подозревал в измене. Одним из них был Симон де Монфор, сын графа де Монфор-л'Амори. Родился он возле Парижа и унаследовал от своего дяди титул графа Лестерского. Зная, что Монфор связан вассальной клятвой с королем Франции, Иоанн, тем не менее, позволил ему наследовать титул — но в конце 1207 года отнял его земли, пополнив тем самым лагерь баронской оппозиции.

Следующие пять лет Иоанн душил подданных грабительскими налогами, отбирал деньги и имущество у церкви. В 1210 году он

Хронологическая таблица 28

Центральная и Южная Америка	Монголы	Южная Сун и Цзинь	Западная Ся	Англия	Священная Римская империя	Франция
Расцвет государства Чиму со столицей в Чан-Чане		Начало династии Южная Сун. Гао-цзун (1127–1162)				
		Создание военного флота		Стефан (1135–1154)	Лотарь III (1133–1137)	
		Шаосинский договор (1141)	Ли Жэнь-сяо — император (1139–1193)	Гражданская война (1139–1154)	Конрад III (1138–1152)	Людовик VII (1137–1180)
		Хайлин-ван (1149–1161)		Генрих II (1154–1189)	Фридрих I Барбаросса (1155–1190)	
		Сяо-цзун (1162–1189)		Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)		
Рождение Тэмучжина (1167)		Лунсинское соглашение (1165)				
				Сыновья Генриха II поднимают мятеж против отца (1173)		

Петраглия и Южная Америка	Монголы	Южная Сун и Цзинь	Давидовы Са	Англия	Самсон Роскош Восток	Филипп
Инки занимают южную часть Чиму				Переговоры в Бонмудене (1188)		Филипп II Август (1180-1223) Изгнание евреев (1182)
			Составлен тангутско-китай- ский словарь «Жемчужина на ладони» (1190)	Ричард I Львиное Сердце (1189-1199)	Генрих VI (1190-1197)	
Манко Капак — верховный Инка (ок. 1194 — ок. 1240)			Вэй-мин Чунь-ю (1193-1206)	Ричард I освобожден из плена (1194)		
Хунак Кеель завоевывает Чичен-Ица				Иоанн Беззе- мельный (1199-1216)	Филипп Шваб- ский (1198-1208, не коронован)	
Расцвет государ- ства майя (Майяпан)	Джамуха становится великим ханом (1201)			Восстание баронов (1200-1203)		
	Тэмучжин становится великим ханом (1206)	Вэй Шао-ван (1208-1213)	Ли Ань-чуань (1206-1211)	Папа накладыва- ет интердикт на Англию (1208)		
		Монголы захватывают Чжун-ду (1215)		Массовые аресты евреев (1210)		

последовал примеру Филиппа Августа и приказал арестовать всех евреев в королевстве, «чтобы распоряжаться их богатствами по своему усмотрению». Тех, кто осмеливался сопротивляться, жестоко наказывали. Так, например, раввину из Бристоля, отказавшемуся платить, каждое утро в течение недели выбивали по одному зубу, пока тот не отдал мучителям свое имущество. «Зерно, собранное духовенством, было закрыто на замок... для получения прибыли», — пишет Роджер Вендоверский. Повсеместно бароны были вынуждены платить штрафы за малейшие проступки — например, за ловлю рыбы в реке без специального королевского разрешения. Недовольство все нарастало и нарастало, пока не достигло своего пика в 1213 году.

Хотя король и понимал пагубность своей финансовой политики, он не спешил менять ее. По словам автора Барнуэллской хроники, Иоанн «сделался подозрителен, и везде следовал при оружии в сопровождении вооруженной стражи»¹².

Глава 29

Сундьята в Мали

Между 1203 и 1240 годами кланы малинке сражаются за власть над Ганой, а на севере процветает работоторговля

Вторжение Альморавидов и восстание вассального народа сосо на юге положило конец могуществу Ганы. Несколько лет спустя после отделения (около 1203 года) царь сосо по имени Сумангуру захватил и разграбил главный город Кумби-Сале. Овладев осколками Ганской империи, он стал полновластным хозяином страны.

Это, несомненно, была масштабная война — но ее участники не оставили ни строчки о сражениях, свидетелями которых они стали. Все, что мы знаем о Сумангуру, почерпнуто нами из «Песни о Сундьяте» — эпической поэмы, которую из века в век пересказывали профессиональные певцы — *гриоты*. Вот что она гласит:

Он был искусным воином,
его отец был джином,
его мать была смертной,
могучий царь, властью облеченный,
из кожи людей шляпы и сандалии он плел¹.

Из этого отталкивающего описания можно заключить, что Сумангуру ничем не отличался от таких своих современников, как Симон де Монфор или Чингисхан.

Земли в самом сердце Ганы были настоящей страной изобилия. По словам арабского географа аль-Идриси, их щедро орошали реки и речушки, изобиловавшие рыбой, по равнинам бродили многочисленные стада жирафов и слонов, а поля давали щедрый урожай риса и сорго. Ученый XIII века аль-Казвини утверждал, что Гана так богата золотом, что оно «растет на песке, как у нас морковь, и жители на рассвете собирают его».

Удержать завоеванное оказалось непростой задачей для Сумангуру. Вскоре после победы он столкнулся с новым противником в лице другого клана народа малинке — кейта, проживавшего на юго-востоке².

Кейта в отличие от сосо были мусульманами. По центральному караванному пути, соединявшему долину Нигера и Тунис, они издавна вели торговлю с севером, откуда вместе с товарами к ним проник ислам. Кейта не признавали власти Сумангуру и выступили против него, предводительствуемые царем по имени Наре Фа Маган. В итоге армия Сумангуру девять раз опустошала столицу кейта — однако всякий раз они собирались с силами и снова начинали войну³.

После смерти Наре Фа Магана (около 1217 года) царем кейта стал его старший сын. Он отказался от дальнейшей борьбы и заключил мир с воинственным соседом. Хотя этот мир и ставил кейта в подчиненное положение, их новый царь был готов заплатить такую цену. Более того, он даже выдал свою сестру замуж за Сумангуру. На короткое время сосо установили контроль практически над всей территорией Ганы⁴.

Но кейта так и остались непокоренными — вскоре стало ясно, что брак был лишь мошенническим трюком. «Песнь о Сундьяте» сообщает, что во время брачной ночи невеста Сумангуру принялась выведывать у мужа секрет его неуязвимости в бою. «Что может убить тебя? — спросила она, прежде чем рука царя легла на нее. — Ответь или не познаешь меня как жену». Мать Сумангуру, неожиданно оказавшаяся рядом, возразила: «Не стоит раскрывать свои тайны женщине на одну ночь». Однако Сумангуру успокоил ее, а жене пообещал рассказать все, как только мать уснет.

Как оказалось, источником силы Сумангуру было колдовство. Узнав необходимое, царевна заявила, что не может спать с женихом, сославшись на регулы. На следующее утро она бежала из

Хронологическая таблица 29

Южная Сун	Монголы	Цзинь и Западная Ся	Франция	Англия	Священная Римская империя	Канем и Килва	Сосо и Кейта
						Дауд бен Сулейман (1131–1170)	
Шаосинский договор (1141)		Ли Жэнь-сяо (1139–1193)		Гражданская война (1139–1154)			
		Хайлин-ван (1149–1161)					
				Генрих II Плантагенет (1154–1189)	Фридрих I Барбаросса (1155–1190)		
Сяо-цзун (1162–1189)				Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)			
Лунсинское соглашение (1165)	Рождение Тэмучжина (1167)						Наре Фа Маган (? – ок. 1218)
			Филипп II Август (1180–1223)	Сыновья Генриха II поднимают мятеж против отца (1173)			Диара Канте (1180–1200)
			Изгнание евреев (1182)	Переговоры в Бонмулене (1188)			

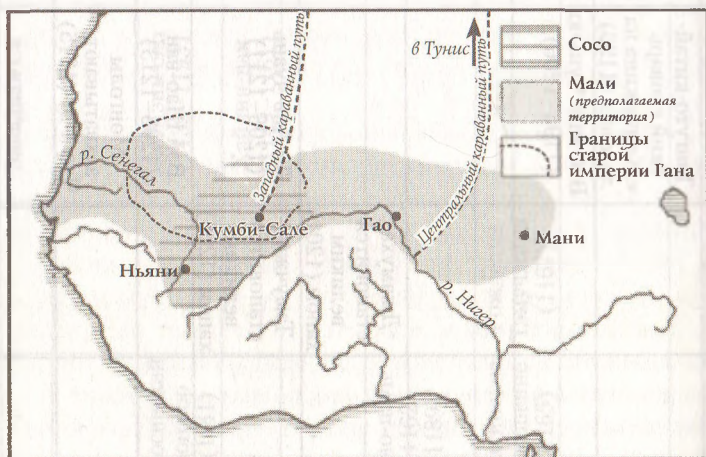
Южная Сун	Монголы	Цзинь и Западная Ся	Франция	Англия	Священная Римская империя	Китай и Кхита	Соседи Китая
		Тангутско-китайский словарь «Жемчужина на ладони» (1190)		Ричард I Львиное Сердце (1189–1199)	Генрих VI (1190–1197)		
		Вэй-мин Чунь-ю (1193–1206)		Ричард I освобожден из плена (1194)		Сальмама I (1194–1221)	
				Иоанн Безземельный (1199–1216)	Филипп Швабский (1198–1208, не коронован)		
	Джамуха становится великим ханом (1201)			Восстание против Иоанна Безземельного (1200–1203)			Сумангуру Канте (1200–1235)
	Тэмучжин становится великим ханом (1206)	Ли Ань-чуань (1206–1211)		Папа накладывает интердикт на Англию (1208)			
		Вэй Шао-ван (1208–1213)		Массовые аресты евреев (1210)			
		Монголы захватывают Чжун-ду (1215)					
							Сундьята (ок. 1218–1255)
							Война с Сосо (1235–1240)

дворца и рассказала братьям о своем открытии. Младший брат царя кейта по имени Сундьята, вооружившись наспех составленным заклинанием, отправился на смертный бой с Сумангуру⁵.

«Песнь о Сундьяте», которая до начала XX века была известна исключительно в устной передаче, отражает враждебное отношение мусульман-кейта к анимистам-сосо. Сумангуру изображен безжалостным врагом ислама: он запрещал подданным принимать эту религию, а попадавших к нему в руки мусульман казнил. Но была и другая причина противостояния двух народов. Ненависть царя сосо вызывала также и процветающая работорговля, в которой кейта принимали активное участие, продавая пленных мусульманским работорговцам на севере. Это не означало, что Сумангура был противником рабства и не обращал своих пленных в рабов. Но он боролся с установившейся традицией их продажи мусульманам и изгонял мусульманских купцов из всех земель, которые завоевывал⁶.

Однако это не способствовало росту его популярности, и Сундьята без проблем сплотил вокруг себя сторонников, готовых сражаться против тирана. «К нему примкнули все мятежные цари саванны, — гласит поэма. — Во всех концах страны города открывали перед Сундьятой ворота. И всюду Сундьята вербовал воинов».

Началась долгая и кровопролитная война. К 1230 году Сундьята унаследовал от брата титул царя, к 1235 году он отбросил противника к его столице, а к 1240 году Сумангуру был убит. Его империя распалась, а дворец был дотла сожжен победителями.

Карта 29.1. Государства Сосо и Мали

Так пало недолговечное царство Сосо. *«После разрушения столицы Сумангуру все признали Сундьяту единственным правителем»*. Его власть распространялась на земли древней Ганы, столицей стал Кумби-Сале, а основанная им империя стала известна как Мали⁷.

В «Песни о Сундьяте» царь кейта выступает как мусульманский герой, победивший жестокого язычника Сумангуру. «Подобно тому, как свет возвещает о появлении солнца, слава Сундьяты, преодолев горы, пролилась над всею долиной Нигера». Малинке провозгласили его «царем царей», и следующие два десятилетия Сундьята, следуя примеру своего противника, завоевывал соседние народы — пока территория Мали не вышла за пределы прежних границ Ганы.

Победа Сундьяты означала также и возобновление работоторговли. Задолго до Сумангуру в Кумби-Сале находился крупнейший невольничий рынок. При Сундьяте он не только ожил, но и значительно вырос в размерах. По центральному караванному пути работоторговцы стекались в новую столицу Сундьяты — Ньяни. Мали богатело все больше и больше на торговле живым товаром⁸.

Глава 30

Смута годов Дзекю

Между 1203 и 1242 годами борьба между императорским двором в Киото и правительством сегуна в Камакуре окончилась победой последнего

В 1203 году новый сегун был посажен под домашний арест. Ему был двадцать один год, и правил он меньше четырех лет.

Сам институт сегуната существовал всего одиннадцать лет. Его творцом был отец арестованного сегуна Минамото Ёритомо. К моменту смерти Ёритомо в 1199 году созданная им политическая система обладала сложной и тщательно сбалансированной структурой. Ставка сегуна находилась в восточном городе Камакура, который был центром притяжения для самураев, впервые получивших политическую власть. Уже в минувшем столетии рядовые самураи играли заметную роль в политической жизни Японии — но при этом были инструментом в руках министров, вождей кланов и честолюбивых сановников. И, несмотря на то что их участие

могло определить исход вооруженного конфликта, они никогда не поднимались достаточно высоко в иерархии японского общества, чтобы диктовать свою волю¹.

Ёритомо, сам человек военный, провел большую часть жизни в изгнании, вдали от придворной жизни. Так как он был изгоем, не обладавшим должным политическим весом, ему пришлось заново прокладывать дорогу к вершинам государственной иерархии. В начале восстания Ёритомо добивался поддержки восточных самураев, обещая наградить их поместьями, титулами и полномочиями, чем они еще не владели².

При этом Ёритомо не обладал ничем из обещанного и ничего не добился бы без поддержки самураев. На первых порах сегунат напоминал лотерею: Ёритомо убеждал самураев покупать себе места в правительстве и таким образом сумел создать пул должностей, которые затем распределял между сторонниками. То, что он делал, опиралось исключительно на родовое имя и, судя по всему, на необыкновенную харизму. Но оно навсегда изменило политический ландшафт Японии.

При Ёритомо самураи начали обретать долгожданное политическое могущество. Но у камакурского сегуната (или *бакуфу*, то есть правительства) не хватало сил, чтобы контролировать всю Японию. Для управления государством нужна была налаженная структура власти, которой Ёритомо не располагал. Даже его воины по-прежнему объединялись в неустойчивые группы и были связаны клятвой верности с разными феодалами, а обязательствами — с разными кланами. Не существовало ни общепринятой военной структуры, ни четкого порядка командования. Военное правительство в Камакуре не могло заменить освященной временем власти императора в Киото, и сегуну следовало воспользоваться этим³.

А это означало необходимость поддерживать дружественные отношения с киотским двором.

Ёритомо понимал это. В 1185 году, сразу же после одержанной победы, он добился у прагматичного Го-Сиракавы официального признания военного правительства на востоке. По имеющимся сведениям, он писал Го-Сиракаве: *«Ради процветания императорского дома я бескорыстно взялся разрешить проблемы государя. При... поддержке войск я смогу сокрушить врагов императора»*.

Сегун не претендовал на верховную власть над Японией. Напротив, сегунат станет одним из двух центров власти, вокруг которых японской политической элите предназначалось вращаться по нестабильной орбите. Действующий император сохранял риту-

альные функции, в руках императора-отшельника находилась административная власть, а в руках сегуна — военная⁴.

Одним из первых законодательных актов, принятых новым правительством в Камакуре, был свод законов под названием «*Госибай сикимоку*» («Список законов, определяющих, что хорошо, а что плохо»): «*Никому, даже наследственным вассалам сегуна, не разрешается собирать войска без высочайшего на то разрешения*»⁵. Следующие полтора столетия право на применение силы будет оставаться привилегией сегунов. Эта привилегия станет желанным призом в борьбе за власть, которым овладел дед нового сегуна — двадцатилетнего Минамото Ёриизэ, сына Ёритомо.

Ходзе Токимаса, отец бесстрашной вдовы Ёритомо, провозгласил себя регентом при внуке. Чтобы ограничить власть сегуна, в 1203 году Токимаса учредил совет из тринадцати человек. В качестве *сиккэна* (регента при сегуне) он присвоил себе неограниченные властные полномочия, заточив Ёриизэ в охраняемом горном монастыре, расположенном недалеко от побережья. Там, как утверждали, Ёриизэ «принял постриг», что было равнозначно домашнему аресту⁶.

Это только усложнило и без того запутанную систему государственного управления. В Киото реальная власть принадлежала императору-отшельнику, в то время как действующий император правил лишь номинально. Военный правитель в Камакуре был сегуном лишь по титулу: все решения за него принимал сиккэн. Так оба центра власти переродились в дуальные системы.

Ёриизэ, не желая быть покорной марионеткой, попытался организовать вооруженное выступление против дедушки. Тогда Токимаса распорядился убить его. В одной из хроник того времени говорится: «*Брат Ёриизэ... был убит в монастыре Сюдзэндзи. Рассказывают, что с ним непросто было совладать, потому убийцы ладушили и оскотили его*»⁷.

Токимаса посадил на престол младшего брата убитого сегуна — Санэтомо, сам продолжая оставаться регентом. На этот раз вдова Ёритомо, Ходзе Масако, выступила против отца. Эта энергичная и сильная для своего возраста женщина (ей было около пятидесяти лет) во всем поддерживала своего мужа, ела вместе с солдатами и живо интересовалась военными делами. Она подозревала, что Токимаса замышляет убийство Санэтомо, а потому сплотила вокруг себя его противников.

Среди них был ее старший брат Ёситоки, который также был позмущен злодейскими планами отца, направленными против

собственного внука. При поддержке вассалов брат и сестра арестовали Токимасу и сослали его в восточную провинцию Идзу. Ёситоки стал новым сиккэном и вместе с сестрой взял контроль над сегунатом. Как пишет придворный монах Дзиэн в истории Японии «Гукансе» (1219): *«В восточных провинциях Ёситоки и его сестра Масако управляли делами военного правительства... Теперь Япония превратилась в страну, где последнее слово остается за женщиной»*⁸.

Это спасло жизнь Санэтомо — но, увы, юноше, ставшему сегуном в двадцать один год, оставалось жить всего шесть лет. Он начал страдать от паранойи, и со временем его психическое здоровье только ухудшалось. Пытаясь избавиться от мучивших его страхов, молодой человек пристрастился к вину. В 1219 году Санэтомо был убит своим племянником, сыном Ёрииэ, который хотел таким образом отомстить за смерть отца.

Целых семь лет, пока пустовал пост сегуна, сиккэн и его сестра правили в восточной части страны. У императора-отшельника в Киото появился шанс расшатать существующую систему.

Го-Тоба был коронован в три года. Когда ему исполнилось двенадцать лет, умер Го-Сиракава, а Ёритомо стал сегуном. Еще шесть лет он будет править, а в шестнадцать у него родится сын. Все это время в Японии не было императора-отшельника. Этот факт произвел неприятное впечатление на Дзиэна, который был личным духовником Го-Тобы: *«В прежние времена государственными делами управлял Го-Сиракава. Странно ... что сейчас у нас нет ушедшего от дел императора, способного взяться за это»*⁹.

Наконец, в 1198 году Го-Тоба отказался от престола в пользу своего малолетнего сына. Он не рассматривал отречение как окончательный уход из политики. Как поясняет Дзиэн, «Го-Тоба сам хотел отречься, потому что желал править страной по собственному усмотрению». В роли императора-отшельника он стремился обладать таким же влиянием, как и его дед Го-Сиракава. Он контролировал назначения на должности, принимал или отклонял просьбы о новых чинах, решал внутренние проблемы и делал все возможное, чтобы именно его сын, а не будущий наследник правящего императора, получил титул наследного принца. Его личная печать — двойной цветок с шестнадцатью лепестками — позже была принята японским двором в качестве символа императорской власти. От нее и происходит наименование императорского престола — «хризантемовый трон»¹⁰.

Го-Тоба считал (и со временем уверенность его лишь крепла), что Ёситоки и Масако намерены разделить Японию так, чтобы в одной части страны правил император, а в другой сегун. Доходившие с востока вести наводили его на мысль о том, что самураи — особенно в западных провинциях — устали от власти Ходзе. Историческая хроника XIV века «Масукагами» («Чистое зеркало»), несмотря на изрядное количество художественного вымысла и поэтических вольностей, упоминает о подозрениях императора-отшельника и о его намерении выступить против сиккэна и его сторонников.

«Вся страна находилась под властью Ёситока, который в своем могуществе не уступал Ёритомо. Неудивительно, что его злоупотребления породили в душе Го-Тоба желание восстать. Высшая знать и придворные, приближенные к правителю, младшая северная стража, западная стража и другие тайные сторонники государя днем и ночью занимались военными приготовлениями... Несмотря на все попытки сохранить замыслы императора в тайне, о них стало известно в Камакуре и власти... приняли меры»¹¹.

Разоблаченный Го-Тоба приказал своим вассалам напасть на представителя сегуна в Киото. Беззащитный посланник, едва увидев продиравшихся к нему людей императора, покончил с собой. («Монашествующий император одобрил это славное начинание», — сообщает автор «Масукагами»)¹².

В ответ Ёситока собрал «неисчислимое воинство и отправил его на столицу». Го-Тоба приказал разрушить мосты на пути следования неприятеля — но наступление армии сегуна было быстрым и опустошительным. Она *«обрушилась на столицу подобно приливной волне на скалистый берег, сея неопишущие страх и смятение среди людей всех рангов... императорские войска, не оказав должного сопротивления, дрогнули и отступили»*¹³.

Пленного Го-Тобу мягко, но решительно отстранили от власти и сослали на отдаленный западный остров. Здесь за сочинением слезных стихов он и провел оставшиеся восемнадцать лет своей жизни. Его двадцатичетырехлетнего сына, правящего императора Дзюнтoku, сослали на другой остров.

Вместо них сиккэн и его сестра выбрали в качестве императора-отшельника сводного брата Го-Тобы — Го-Такакуру, несмотря на то, что он не был императором прежде. Хризантемовый трон занял его десятилетний сын Го-Хорикава. Чтобы контролировать

Хронологическая таблица 30

Англия	Священная Рим- ская империя	Франция	Канем и Килва	Сосо и Кейта	Япония
			Дауд бен Сулейман (1131–1170)		
Гражданская война (1139–1154)					
Генрих II Плантагенет (1154–1189)	Фридрих I Барба- росса (1155–1190)				Коноэ (1142–1155) Го-Сиракава (1155–1158)
					Смута годов Хогэн (1156) Нидзе (1158–1165)
					Смута годов Хэйдзи (1159) Такакура (1165–1180)
Томас Беккет, архи- епископ Кентерберий- ский (1162–1170)					
Сыновья Генриха II поднимают мятеж против отца (1173)				Наре Фа Маган (? – 1218)	
		Филипп II Август (1180–1223)		Диара Канте (1180–1200)	Антоку (1181–1185) Смерть Тайра Кiemори (1181) Смута годов Гэмпэй
		Изгнание евреев (1182)			Битва в ущелье Курикара (1183)
					Битва при Данноура (1185) Го-Тоба (1185–1198)

Англия	Священная Рим- ская империя	Франция	Канем и Кайва	Сосо и Кейта	Япония
Ричард I Львиное Сердце (1189–1199)	Генрих VI (1190–1197)				Минамото Ёритомо — сегун (1192–1199)
Ричард I освобожден из плена (1194)			Сальмама I (1194–1221)		
Иоанн Безземельный (1199–1216)	Филипп Швабский (1198–1208, не коронован)				
Восстание против Иоанна Безземельного (1200–1203)				Сумангуру Канте (1200–1235)	Минамото Ёринэ — сегун (1202–1203)
					Минамото Санэтомомо — сегун (1203–1219) Ходзе Токимаса — сиккэн (1203–1215)
					Ходзе Ёситоки — сиккэн (1205–1224)
Папа накладывает интердикт на Англию (1208)					
Массовые аресты евреев (1210)					Дзюнтoku (1210–1221)
				Сундьята (ок. 1218–1255)	Го-Хорикава (1221–1232) Смута годов Дзекю (1221)
					Ходзе Ясутоки — сиккэн (1224–1242)
				Война с Сосо (1235–1240)	Уложение «Госэйбай-сикки- моку» (1232)

все их действия, в Киото было восстановлено постоянное представительство сегуна. Также Ходзе конфисковали поместья бывших сторонников Го-Тобы и раздали их в качестве награды своим вассалам. Тем самым он подорвал могущество западных феодалов и усилил восточных¹⁴.

Скоротечный мятеж Го-Тобы получил громкое название «смута годов Дзекю» и привел к противоположным результатам. Его прямым следствием стало укрепление бакуфу в Камакура за счет ослабления императорского двора. Чаша весов склонилась в пользу сегуна.

Следующие двадцать лет влияние бакуфу будет только усиливаться. Ёситоки умер в 1224 году в возрасте шестидесяти одного года. Его сын Ясутоки стал полновластным правителем только после смерти бесстрашной Масако в следующем году. Третьему сиккэну было сорок два года. Он обладал военным опытом (возглавлял поход на Киото в 1221 году), пользовался почетом и уважением окружающих: «надежный и благоразумный, — сообщает один источник, — полный любви и сострадания к людям... он высоко ценил здравомыслие».

Вплоть до самой смерти в 1242 году Ясутоки работал над созданием административного аппарата, которого так не хватало сегунату: ввел новые должности для сановников, организовал иерархическую систему советов и комитетов, а также свел в единое уложение законы, которыми предстояло руководствоваться правительству в Камакура.

Это уложение получило название «Госэйбай-сикимоку» и состояло из пятидесяти одной статьи, не связанных между собой. Часть из этих положений существовала уже достаточно давно, но были введены и новые. Хотя своду и не хватало упорядоченности и практичности, которые так ценил Ясутоки, он стал отправной точкой для сегуната. В дальнейшем он будет постоянно редактироваться и дополняться. Свод заканчивается торжественным обещанием, которое повернуло сегунат от хаоса первых лет существования к более рациональному будущему:

«При решении вопросов правосудия членам Совета нельзя руководствоваться семейными связями, равно как и личными предпочтениями — но следовать туда, куда поведет здравый смысл, излагать свое мнение в соответствии со знаниями, сокрытыми глубоко в сердце, не испытывая страха перед другими судьями или могущественными семьями»¹⁵.

Глава 31

Обесцenenный трон

Между 1204 и 1225 годами Латинская империя с центром в Константинополе ведет борьбу с греками и болгарами

Как только над разграбленным Константинополем развеялся дым пожарищ, граф Фландрский вззошел на императорский трон. В древнем Константиновом дворце он облекся в шелка и, взяв в руки скипетр, посреди «великого ликования и празднования», встал во главе многовекового царства греков, а ныне — империи латинян на востоке¹.

Правда, на всю Византию его власть не распространялась. В марте, незадолго до решающего штурма города, вожди крестоносцев и венецианский дож условились разделить между участниками похода покоренные земли и всю добычу стоимостью более пяти су (примерный эквивалент 100 долларов США).

После коронации Балдуина этот раздел был официально закреплён пактом *«Partitio Terrarum Imperii Romaniae»* — «Раздел земель Римской империи». По его условиям Балдуин I получал всю причитавшуюся крестоносцам часть Константинополя (примерно $\frac{5}{8}$ города), а также Фракию, северо-запад Малой Азии и несколько прилегающих островов, то есть самое сердце империи. Венецианцы получили $\frac{3}{8}$ территории столицы вместе с островами, расположенными на пути из Венеции к Дарданеллам: достойная награда для нации мореходов.

И, наконец, третье государство было создано специально для Бонифация, маркграфа Монферратского. Он был одним из главных претендентов на титул императора. «Каждый из них [Балдуин и Бонифаций] пользовался поддержкой и одобрением, — пишет Гунтер Пэрисский, — и... нелегко было отдать предпочтение одному перед другим». По числу голосов Балдуин лишь незначительно превзошел своего соперника, и крестоносцы опасались, что в порыве гнева Бонифаций может уплыть домой вместе со своими людьми. Поэтому в качестве компенсации он получил собственное владение с центром в Фессалониках*. Формально связанный вас-

* Маркграф Монферратский состоял в родстве с византийскими императорами, а для подтверждения своих прав на константинопольский престол даже женился на Маргарите Венгерской — вдове умершего в тюрьме Исаака II Ангела. Однако против его кандидатуры выступили венецианцы, фактически управлявшие походом (ведь им принадлежал флот). В итоге Бонифаций по-

сальной клятвой с Балдуином, маркграф на деле был полновластным хозяином Фессалоникского принципата².

Еще одно обстоятельство создавало препятствия для власти Балдуина. В стране по-прежнему находились два низложенных императора. Одним был Алексей III, дядя покойного Алексея IV, который спровоцировал этот крестовый поход, отняв трон у Исаака Ангела, а в июле 1203 года бежал перед лицом приближающихся крестоносцев. Другим был узурпатор Алексей Мурзуфл, который убил юного императора, а вечером 12 апреля бросил осажденную столицу.

Мурзуфл, поскитавшись несколько месяцев вокруг города («не удалялся от Константинополя дальше четырех дней пути», — пишет Жоффруа де Виллардуэн, непосредственный свидетель первых годов существования Латинской империи), попытался объединить силы со своим предшественником. Но Алексей III, встретив изгнанника с притворным радушием, затем приказал ночью ослепить его. Некоторое время спустя незрячий Мурзуфл сумел бежать, но был схвачен людьми Балдуина.

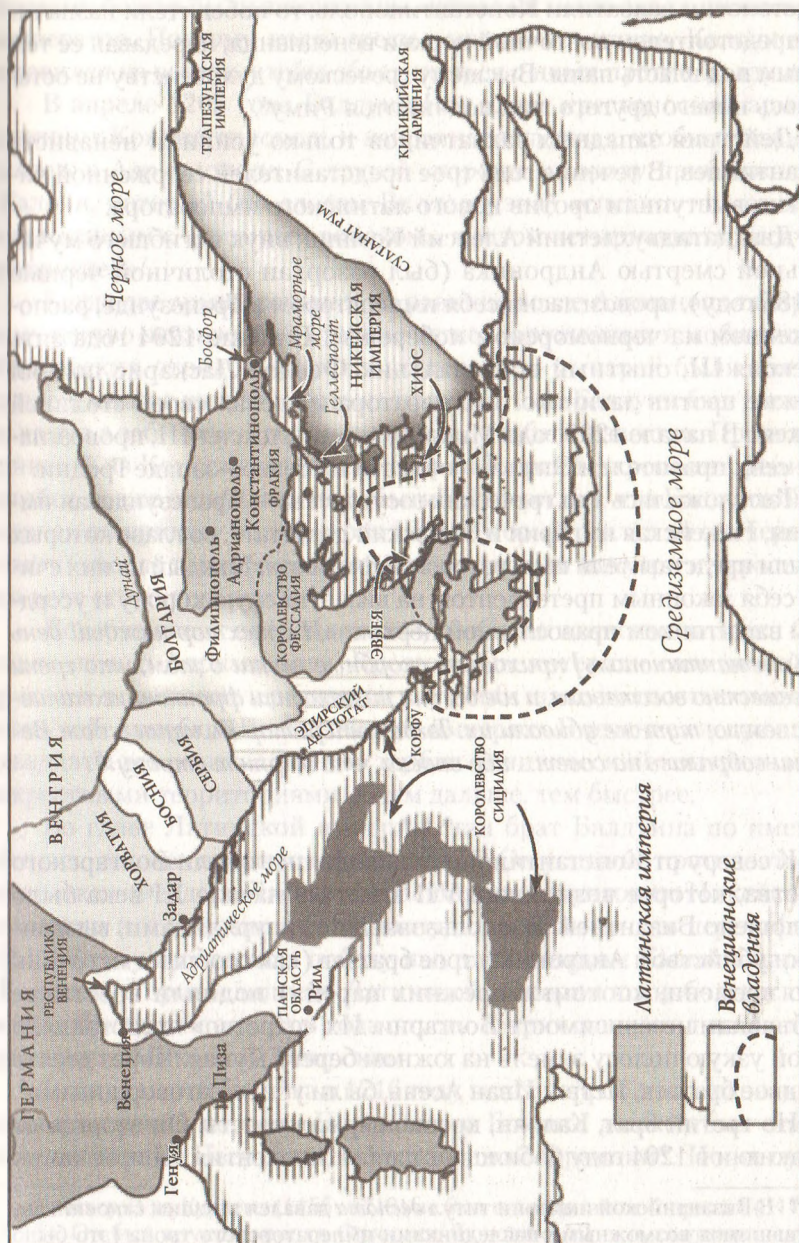
Так как Мурзуфл был цареубийцей и предателем, крестоносцы решили на его примере показать, что бывает с теми, кто осмелится поднять руку на Богом поставленного правителя. *«Посреди Константинополя стояла колонна, и была она одной из высочайших в мире. Возвели туда Мурзуфла и сбросили его вниз пред всем народом, ибо тот правый суд все должны были увидеть... И долетев до земли, он разлетелся на мелкие кусочки»*. Через несколько дней Бонифаций Монферратский пленил скрывавшегося в Фессалониках Алексея III³.

И все же власть Балдуина оставалась непрочной.

Византийцы, несмотря на потерю Константинополя, не собирались покоряться Балдуином I. Для жителей восточной империи крестоносцы были инородцами — латинянами, а не греками; они говорили на чужом языке и принадлежали к другой церкви*. С 1054 года восточные христиане признавали своим духовным главой патриарха Константинопольского — а новый латинский

лучил свое владение — но оно было названо «принципатом», чтобы не давать Бонифацию королевского титула. Принципат просуществовал всего 20 лет и в 1224 году был захвачен Михаилом Комниным Дукой, правителем Эпирского деспотата, провозгласившего создание Фессалоникской империи. Некоторое время эта империя соперничала с Никейской империей, но в начале 1240-х годов была ею поглощена. (Прим. ред.)

* О расколе христианской церкви в 1054 году см.. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 76.

Карта 31.1. Раздел Византийской империи

император подчинялся папе, сидящему в далеком Риме. Когда крестоносцы захватили Константинополь, то победители назначили предстоятелем восточной церкви венецианца, передавая ее тем самым под власть папы. Высшему греческому духовенству не оставалось ничего другого, как подчиниться Риму⁴.

Действия западных захватчиков только усилили ненависть византийцев. В течение года трое представителей сверженной династии выступили против нового латинского императора.

Двадцатидвухлетний Алексей Комнин, внук погибшего мучительной смертью Андроника (был разорван столичной чернью в 1185 году), провозгласил себя императором в Трапезунде, расположенном на черноморском побережье. В конце 1204 года зять Алексея III, опытный военачальник Феодор Ласкарис поднял оружие против латинского императора и сделал своей столицей Никею. В начале 1205 года Михаил, кузен Алексея III, провозгласил себя правителем Эпира — области на северо-западе Греции.

Так сложились три греческих государства — Трапезундская империя, Никейская империя и Эпирский деспотат*, во главе которых стояли представители императорской фамилии. Каждый из них считал себя законным претендентом на византийскую корону и усердным защитником православной церкви. *«И с тех пор каждый день [в Константинополь] приходили скорбные вести о том, что греки повсеместно восставали, и где бы они ни находили франков, захвативших землю, тут же убивали их. Тогда император Балдуин и дож Венеции собрались на совет... ибо видели, что теряют страну»*⁵.

* * *

К северу от Константинополя находились земли Болгарского царства, которое возникло в VII веке, а в начале XI века было поглощено Византией. Воспользовавшись неурядицами, вызванными убийством Андроника, трое братьев (как сообщает источник того времени, «потомки прежних царей») подняли восстание и объявили независимость Болгарии. Их «царство» представляло собой узкую полосу земель на южном берегу Дуная. Через десять лет двое братьев, Петр и Иван Асень, были убиты заговорщиками⁶.

Но третий брат, Калоян, крепко держал власть. Он вторгся во Фракию и в 1204 году добился от папы Иннокентия III признания

* В Византийской империи титул *деспота* давался высшим сановникам, считавшимся возможными наследниками императорского трона (это было некоторым аналогом французского дофина); деспотат — территория, управляемая таким наследником. (Прим. ред.)

его *базилевсом* (то есть императором) Болгарии. Хотя давними врагами болгар были византийцы, сейчас их место занял латинский император. Поэтому, когда греки подняли восстание, Калоян направился на восток, чтобы объединиться с ними против Балдуина.

В апреле 1205 года Балдуин I во главе крестоносной армии покинул Константинополь и направился на запад, чтобы подавить мятеж в Адрианополе. С другой стороны к городу приближался Калоян, который (по словам Виллардуэна) «спешил на помощь осажденным с огромным войском... числом четырнадцать тысяч... нехристей»⁷.

Когда две армии сошлись на равнине возле Адрианополя, преимущество оказалось на стороне легковооруженных и мобильных болгарских отрядов. Несколько десятков рыцарей были взяты в плен, многие нашли смерть на поле боя. Сам Балдуин был пленен и канул в забвение. Его доподлинная судьба неизвестна. Происходивший из Константинополя историк Георгий Акрополит, родившийся позже описываемых событий, утверждал, что Балдуин был казнен по приказу болгарского царя, который сделал из его черепа чашу («после того как ее полностью очистили изнутри и украсили со всех сторон снаружи»)⁸.

Потеряв своих предводителей, разбитое воинство латинян бежало из-под Адрианополя. Крестоносцы потеряли свое доминирующее положение в регионе и упустили шанс полностью подчинить себе древнюю Византийскую империю. В течение следующих двадцати лет они постепенно теряли политический контроль над окрестными территориями, и чем дальше, тем быстрее.

Во главе Латинской империи стал брат Балдуина по имени Генрих, человек энергичный и храбрый. Он успешно противостоял попыткам Феодора Ласкариса расширить территорию Никейской империи и, в конечном счете, вынудил его заключить перемирие. В 1208 году он одержал победу над племянником Калояна царем Борилом и присоединил к Латинской империи южноболгарский город Филиппополь. Три года спустя Генрих заключил также перемирие с Михаилом Эпирским.

После смерти Генриха в 1216 году встал вопрос о наследовании императорской короны. Преемнику Генриха должен был стать его племянник Пьер, живший в Западной Франции*. Но на пути

* Пьер II де Куртенэ (1155–1219) не был племянником Генриха I (1176–1216). Он был внуком короля Франции Людовика VI — и, соответственно, кузеном Филиппа II Августа, который был женат на старшей сестре Генриха и Балдуина, Изабелле. Другая их сестра, Иоланда, в 1193 году стала женой

Хронологическая таблица 31

Япония	Византия	Никейская империя	Трапезундская империя	Эпирский деспотат	Латинская империя	Болгария
Смерть Тайра Киемори (1181) Антоку (1181–1185)	Алексей II Комнин (1180–1183)					
Смута годов Гэмпэй Битва в ущелье Курикара (1183)	Андроник Комнин (1183–1185)					
Битва при Данноура (1185) Ю-Тоба (1185–1198)	Исаак II Ангел (1185–1195)					Петр IV (1185–1197)
Минамото Ёритомо – сегун (1192–1199)	Алексий III Ангел (1195–1203)					Иван Асень I (соправитель, 1189–1196)
Минамото Ёриэ – сегун (1202–1203)	Четвертый крестовый поход (1202–1204)					
Минамото Санатомо – сегун, (1203–1219) Ходэ Токимаса – сиккэн (1203–1205)	Исаак II и Алексий IV Ангелы (1203–1204)					

Япония	Византия	Никейская империя	Трапезундская империя	Эпирский деспотат	Латинская империя	Болгария
	Алексий V Дука (1204)					
Ходзе Ёситоки – сиккэн (1205–1224)	Крестоносцы захватывают Константинополь	Феодор Ласкарис (1204–1216)	Алексей Комнин (1204–1222)		Балдуин I (1204–1206)	Калоян (1204–1207)
Дзюнтoku (1210–1221)				Михаил Комнин (1205–1214)	Генрих I (1206–1216)	Борил (1207–1218)
				Феодор Комнин Дука (1216–1230)	Иоланда Дука (1217–1219)	
Смута годов Дзекю (1221)						
Го-Хорикава (1221–1232)		Иоанн III Ватац (1222–1254)			Роберт I (1221–1228)	
Ходзе Ясутоки – сиккэн (1224–1242)						
Уложение «Гос-эйбай-сикимоку» (1232)						

в новую столицу его подстерегала опасность. За год до этого молодой Михаил Эпирский умер, и деспотизмом правил его честлюбивый сводный брат Феодор Комнин Дука. Феодор боролся с Латинской империей за земли близ Черного моря; узнав, что путь нового императора латинян в Константинополь пролегает мимо его владений, он приказал захватить Пьера.

Как и в случае с Балдуином, попавшим в руки болгар, Пьер также сгинул без следа: нам ничего не известно об обстоятельствах его смерти. Его жена Иоланда, прибывшая раньше мужа, правила как регентша с титулом «латинской императрицы-супруги Константинополя» до самой своей смерти в 1219 году в возрасте сорока четырех лет. После себя эта женщина оставила десяти детей.

Никто не хотел становиться императором.

Уменьшившаяся в размерах, обезглавленная и окруженная со всех сторон врагами Латинская империя больше не представляла былой ценности. С тех пор, как девять веков назад Константин выбрал город над Босфором своей столицей, Константинополь оставался бесценным сокровищем: желанным, манящим и недоступным. Теперь же трудно было найти претендента на императорский трон. Филипп, старший сын Иоланды и Пьера, счастливо устроился в Западной Франции и отказался покидать ее. Второй их сын, Робер де Куртенэ, согласился только после двух лет колебаний. В свои новые владения он прибыл в 1221 году и не снискал расположения подданных. По словам Георгия Акрополита, «Робер занимался делами довольно неумело»⁹.

Тем временем Никейская империя процветала. Феодор Ласкарис отразил вторжение сельджуков и в решающей битве собственноручно сразил румского султана. Кроме того, он увеличил свои владения за счет Пафлагонии и части земель Трапезундской империи. Патриарх Никейский действовал как глава греческой церкви, рукоположив архиепископа сербского, что было прерогативой папы или патриарха. Казалось, что Никея становится средоточием того, что уцелело от греческой культуры. По словам современника, греческого монаха Михаила Акомината, она была новой *«столицей, вытесненной варварским нашествием из стен Византия на берега Азии... жалким обломком»*, который своим выживанием и процветанием был обязан Феодору Ласкарису. Как пишет Акоминат,

Пьера. Их родство этим и ограничивалось. Все владения Пьера находились в Бургундии, а Филиппа — на севере, на территории современной Бельгии. (Прим. ред.)

«Тебе надо было бы вовеки называться новым строителем и населителем града Константина... спасителем и общим освободителем... и, называя тебя так, потерпевшие крушение во всеобщем потоке прибегают под твою державу как в тихую гавань... Никого из царей, царствовавших над Константинополем, не считаю равным тебе»¹⁰.

В 1222 году, на второй год бесплодного царствования в Константинополе Робера де Куртенэ, Феодор Ласкарис умер, не дожив до пятидесяти лет. Он оставил расширившуюся Никейскую империю своему зятю Иоанну III Ватацу.

В лице Иоанна Никейское царство обрело второго Генриха: такого же энергичного и храброго воителя, блестящего стратега и честолюбца. В 1224 году он захватил большую часть земель Латинской империи к югу от Мраморного моря, после чего на следующий год Робер был вынужден запросить мира. По договору, заключенному двумя императорами, латиняне сохранили за собой только Константинополь.

Но Иоанн III только приступил к своим завоеваниям. В ближайшие десятилетия он будет воевать и с Латинской империей, и с Эпиром, и с Фессалониками. Однако, как и его тесть, он делал это все во имя истинного Константинополя. Отчеканенные при нем монеты дают ясно понять, каким он видел свое место в мире: фигура сидящего Иисуса Христа с одной стороны, а с другой — сам император рядом с Богородицей, сжимающей никейский скипетр в руке¹¹.

Глава 32

Первый Делийский султанат

Между 1206 и 1236 годами в Северной Индии в борьбе с индусами утвердилось мусульманское государство, которое, правда, не пережило правления женщины

В 1202 году в долину Ганга проникли мусульмане-гуриды, потеснившие династию Сена. Их появление было встречено с энтузиазмом всеми, кто был недоволен ортодоксальным индуизмом царей Сена. Однако у султана Гияс ад-Дин Гури был всего месяц, чтобы насладиться плодами своей победы. Он скоропостижно скон-

чался от болезни в Герате, по другую сторону Гималаев. После него новоявленную империю Гуридов возглавил его брат Мухаммад.

Мухаммад Гури, назначенный Гиясом наместником индийских земель, и прежде был верен старшему брату. Сейчас же наградой за верность стала корона. Это было досадным известием для сына Гияса, Махмуда, который готовился занять трон отца. Однако вместо трона он получил от дяди лишь должность наместника западных провинций. Отсутствие у Махмуда способностей к управлению и слабость, которую он питал к женщинам и вину, вынудили бездетного Мухаммада Гури пренебречь кровным родством ради государственных интересов.

«Табакат-и-Насири» сообщает, что султан «покупал тюркских рабов и так высоко ценил их, что оказывал им всяческое благодеяние». Рабы, которые проявили себя на военной службе, наделялись властными полномочиями на местах. Таким образом, под бдительным оком Мухаммада державой Гуридов управляли его племянники, двоюродные братья и тюркские воины, начавшие свою карьеру в качестве рабов — *мамлюков*¹.

«Один покорный раб стоит трех сотен сыновей: ведь те только и жаждут смерти отца, а раб печется о славе господина», — писал один из султанов XI века. В предшествующие десятилетия воины из числа тюркских рабов стали опорой мусульманских правителей. Из юношей, купленных на невольничьих рынках, формировались подразделения, где их обучали военному делу и вытрапливали память о прошлой жизни. Будущие гвардейцы получали новые имена и новые личности и связывали себя узами службы господину. Подобная зависимость гарантировала их преданность: ведь хозяин был для них работодателем, благодетелем и защитником².

Если мамлюк принимал ислам (что происходило часто и было логическим следствием жизни в мусульманском обществе), то он обретал свободу — ведь законы ислама запрещали держать единоверцев в рабстве. Но мамлюки как профессиональные солдаты продолжали служить бывшим хозяевам: это давало им уверенность в завтрашнем дне. Традиционно они служили в элите армии — кавалерии. Изобретение стремени превратило конного воина в самую грозную силу того времени. Кавалерийская атака стала решающим средством победы, а тюрки были прирожденными всадниками.

В завоеванных городах Мухаммад Гури ставил на высокие посты мамлюков, которые после его неожиданной смерти изменили облик Индии.

Усмирив в 1206 году мятежный Пенджаб, султан отправился в столицу Гуридов — город Лахор. Во время одного из привалов на берегах Инда он был зарезан во сне: убийца, который по некоторым сведениям пробрался под водой, также незаметно исчез под покровом ночи. Всего четыре года Мухаммад стоял во главе государства Гуридов. «Табакат-и-Насири» возлагает ответственность за убийство на последователя *мульхидитов*. Мульхидиты — это персидское наименование особой секты шиитского толка*, которой так боялись и неохотно восхищались крестоносцы, называвшие их *ассасинами*.

По сообщениям путешественников XII века, гнездом мульхидитов была неприступная горная твердыня Аламут, расположенная к югу от Каспийского моря. Они присягали на верность лидеру ордена, которого называли Старейшиной или Старцем. Когда Старец приказывал убить кого-то, фанатично преданные ему ассасины беспрекословно выполняли его волю. Как пишет участник крестовых походов Жан де Жуанвиль в своей «Хронике крестоносцев»,

«Они верят, что когда человек умирает за своего господина или во имя благого дела, то его душа переселяется в лучшее тело. По этой причине ассасины, выполняя приказы Старца Горы, не испытывают страха перед лицом смерти»³.

Это впечатляющее описание не совсем соответствует действительности. Мульхидиты, известные в западной исторической литературе как низариты, на исходе XI века объединились вокруг харизматического шиитского деятеля Хасана ибн Саббаха, кото-

* После смерти Мухаммеда в 632 году мусульманскую общину возглавил его старый соратник Абу Бакр, которого поддерживали многие последователи Пророка. Однако нашлись те, кто полагал, что наследником Мухаммеда должен стать его зять Али — как ближайший родственник по мужской линии. Хотя Али и признал главенство Абу Бакра, часть мусульман продолжали считать последнего узурпатором, а Али и его потомков — истинными последователями Аллаха. Со временем их стали называть «ши'итами» («партия Али»), а сторонников Абу Бакра — суннитами. Как подметил Фархад Дафтари в своем исследовании, посвященном секте исмаилитов, ранняя история шиизма «окутана тайной». Но уже в течение первого столетия шииты и сунниты выработали значительно отличающиеся друг от друга религиозные доктрины, традиции и законы. О событиях, происходивших после Абу Бакра, см. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 39; краткое, но исчерпывающее описание истории мульхидитов можно найти во второй главе работы Farhad Daftary, *The Assassin Legends: Myths of the Isma'ilis* (I. B. Tauris, 1995). (Прим. авт.)

Карта 32.1. Государство низаритов

рый надеялся возглавить мусульманскую оппозицию перед лицом надвигавшейся тюркской угрозы. Около 1090 года ибн Саббах захватил и укрепил Аламут, а затем овладел и близлежащими крепостями. Два преемника Саббаха продолжили его дело, и к 1150 году исмаилиты создали маленькое горное государство, которое решительно противостояло тюркским правителям*.

Одним из методов Саббаха было стратегическое убийство видных сельджукских лидеров. Проводниками его воли были молодые низариты, которых называли *фидайян* (единственное число — *фидави*). Эти наемные убийцы, которые ради исполнения смертного приговора были готовы заплатить собственной жизнью, часто действовали успешно и вселяли такой страх в сердца и суннитских, и сельджукских противников, что им приписывалось едва не каждое политическое убийство, произошедшее в XII веке.

Именно враждебно настроенные историки-сунниты впервые предположили, что фидайны, отправляясь на выполнение опасного задания, с которого могли не вернуться, одурманивали свой разум гашишем. Отсюда и уничижительное наименование *гашишин*, которым суннитские авторы окрестили фидайинов — хотя, скорее всего, никаких наркотиков они не употребляли. В сочине-

* Низариты — самая крупная и известная община, входящая в состав исмаилитов (совокупности религиозных движений в шиизме, объединенных верой в скорое пришествие Спасителя — «скрытого имама»). Низариты выделились из общей массы исмаилитов в конце XI века. Название этой секты связано с тем, что они считали «скрытым имамом» Низара, старшего сына халифа аль-Мустансира. (Прим. ред.)

ных крестоносцев это слово латинизировалось в *assassin*, от которого происходит обозначение политического убийства в англоязычной литературе — *assassination*⁴.

Весьма вероятно, что Мухаммад Гури пал от руки подосланного фидави, так как он провел по меньшей мере одну кампанию против горного государства низаритов. Правда, некоторые источники приписывают его смерть интригам кого-то из приближенных или же мести покоренных хокаров в Пенджабе. Кто бы это ни был, смерть Мухаммада означала конец молодой державы Гуридов. За короткое время огромное государство распалось из-за междоусобной борьбы. Племянник покойного объявил себя независимым правителем западных территорий, а трое наместников из числа тюркских рабов утвердились в Газни, Синде и Лахоре.

Самым сильным среди претендентов оказался правитель Лахора Кутб-ад-Дин, который провозгласил себя султаном Северной Индии. Хотя он правил всего четыре года (и погиб, упав с лошади по время игры в мяч), созданное им государство просуществовало более трех столетий. В своем коротком правлении Кутб-ад-Дин опирался на опыт, накопленный за двадцать лет службы в Северной Индии. Все это время он усердно помогал обоим братьям-Гуридам в утверждении на этих землях ислама. Под его властью страна исламизировалась, не теряя вместе с тем национальной идентичности: она освободилась от контроля центра, расположенного за горами, но старые религиозные традиции решительно искоренялись. Как пишет современник событий, персидский историк Хасан Низами, *«султан мечом очистил земли индийцев от языческой скверны и порока, вырвал с корнем сорняки многобожия, искоренил мерзость идолопоклонства. Перед решительностью и отвагой султана не устоял ни один храм»*⁵.

После смерти Кутб-ад-Дина следующим правителем Северной Индии стал его сын Арам-шах. Сразу же восстали южные города Гвалиор и Рантхамбор, а власть в Бенгалии захватил некий Али Мардан, поставленный там наместником при прежнем султane. Группа придворных, недовольных беспомощностью нового правителя, пригласила в Дели Илтумиша, одного из военачальников-гулямов Кутб-ад-Дина, принять участие в борьбе за трон⁶.

Илтумиш был не только верным полководцем прежнего султана, но также приходился ему зятем. Поскольку в правящей династии отсутствовала традиция организованной передачи власти от отца к сыну, он имел такое же право наследования, как и Арам-шах. Илтумиш принял приглашение, а когда Арам-шах подошел

Карта 32.2. Дели при Илтумише

к Дели с армией, намереваясь изгнать претендента, то Илтумиш встретил его за стенами города и в решающей битве убил шурина.

Следующую четверть века Илтумиш будет править из Дели, который при нем стал столицей султаната. Все это время он проведет в бесконечных войнах. Шесть лет заняла война с претендентами на трон в Газни и Синде, которых он подчинил в 1217 году. Лахор, по словам Низами «страдавший от бедствий, смены правителей, мятежей, раздоров и смут», продержался до 1228 года. Бенгалия окончательно покорилась в 1231 году⁷.

Одновременно Илтумиш прилагал все усилия, чтобы подчинить себе индуистские земли, сохранившие независимость от Гуридов. Царство Орисса на восточном побережье хоть и с трудом, но сдерживало захватчиков на северных границах. Потрепанными

пойной, но непокоренными остались несколько раджпутских княжеств в Центральной Индии. Самым сильным среди них был Мевар, расположенный на расстоянии примерно 280 миль от побережья. Илтумиш организовал крупный поход против местного раджи Джайтра Сингха — однако, несмотря на захват и разграбление города Агхаты, султан не добился окончательной победы над противником.

Отпор, который мусульмане получили от Мевара, был воспринят индусами как религиозная победа. Илтумиш был прежде всего мусульманским правителем, и в надписях он упоминается как «защитник земель Аллаха», строитель мечетей и минаретов. Его правление было признано в Багдаде халифом Аббасидов — чья власть была чисто номинальной. Халиф послал в дар делийскому султану почетные одежды и дал ему официальный титул «*султан-и-азам*» — «великий султан», законный правитель покоренных земель, поставленный Аллахом. Это давало Илтумишу и его наследникам право чеканить на монетах титул «помощника вожды всех правоверных». Торжественная надпись, прославляющая победы Джайтра Сингха, сообщает, что индусские боги «опьянели от крови» напавших на них мусульманских воинов. Успешная защита Джайтром Сингхом своих владений была также успехом всего индуистского мира в борьбе с мусульманским натиском⁸.

Однако по отношению к индуистскому населению, проживавшему на территории султаната, Илтумиш проводил осторожную политику. Он обещал индусам статус *зимми* — то есть немусульманских подданных, которым разрешалось владеть собственностью и отстаивать свои права, но при этом освобождавшихся от соблюдения требований и предписаний ислама. Этим они напоминают иностранцев-резидентов в юридической практике современных государств. Как и крестоносцам, Илтумишу хватило политического чутья, чтобы не перешагнуть грань религиозного фанатизма⁹.

Весной 1236 года Илтумиш выступил против мятежников, скрывавшихся в Соляных горах к северу от столицы. Однако в разгар похода он заболел так, что не мог держаться в седле. Больного султана привезли в Дели, где он и скончался в апреле, на двадцать шестом году правления¹⁰.

У Илтумиша было по меньшей мере четверо детей: трое сыновей и одна дочь. Старший сын, посаженный наместником в Бенгалии, безвременно скончался семью годами ранее, а двое младших в глазах султана были слишком слабы, чтобы управлять страной. Поэтому титул делийского султана он передал дочери Разийе,

Хронологическая таблица 32

Византия	Латинская империя	Никейская империя	Трапезундская империя	Эпирский деспотат	Болгарское царство	Делийский султанат
						Гияс-уд-Дин Гури (1157–1202)
Алексей II Комнин (1180–1183)						Гуриды вторгаются в государство Газневидов (1175–1187)
Андроник Комнин (1183–1185)						
Исаак II Ангел (1185–1195)					Петр IV (1185–1197)	Падение Газневидов (1187)
					Иван Асень I (1189–1196)	
Алексей III Ангел (1195–1203)						
Четвертый крестовый поход (1202–1204)						Падение династии Сена (1202) Мухаммад Гури (1202–1206)

Византия	Латинская империя	Никейская империя	Трапезундская империя	Эмирский деспотат	Болгарское царство	Делийский султанат
Исаак II и Алексий IV Ангелы (1203–1204)						
Алексий V Дука (1204) Крестоносцы захватывают Константинополь	Балдуин I (1204–1206)	Феодор Ласкарис (1204–1216)	Алексий Комнин (1204–1222)	Михаил Комнин (1205–1214)	Калоян (1204–1207)	
	Генрих I (1206–1216)				Борил (1207–1218)	Кутб ад-Дин Айбак в Лахоре (1206–1210) Арам-шах (1210–1211) Илтумиш (1211–1236) Джайтра Сингх – раджа Мевара (1213–1253)
	Иоланда Дука (1217–1219)			Феодор Комнин Дука (1216–1230)		
	Роберт I (1221–1228)	Иоанн III Вагаци (1222–1254)				
						Разийя (1236–1240)

которой исполнился двадцать один год, поразив этим своих подданных до глубины души. Как подметил историк Питер Джексон, Разийя обладала «всеми качествами и свойствами настоящего правителя, кроме одного — она не была мужчиной»¹¹.

Сторонники Разийи добились ее восхождения на престол, в то время как в лагере противников сделали ставку на ее брата Фируза — «безвольного и развратного царевича». Хотя Разийя и вышла победительницей в этой борьбе, она столкнулась с препятствиями, которые постоянно чинили ей как враги-индусы, так и собственные подданные, не желавшие признавать ее власти.

Все источники характеризуют Разийю как сильную, трезво мыслящую и наделенную военным талантом правительницу. Но все ее попытки доказать собственную значимость ношением мужской одежды и доспехов не спасли султанат от затяжного и жестокого кризиса. Разийя, выступая в роли защитницы ислама, тем не менее угрожала существованию Делийского султаната именно как мусульманского государства. И преодолеть эти противоречия было практически невозможно¹².

Глава 33

Ересь

Между 1209 и 1210 годами рыцари Альбигойского крестового похода нападают на христиан Южной Франции

Пока Иоанн Безземельный восполнял потери английской казны, Филипп II Август осторожно укреплял свою власть на недавно обретенных землях Западной Франции. Победа над Иоанном почти удвоила размеры его королевства. Теперь королю следовало заключить брачные союзы между своими родственниками и знатными семействами Западной Франции, раздать подарки (поместья и привилегии), а при случае — провести короткую и жесткую осаду замка непокорного феодала, чтобы напомнить новым вассалам о том, как полезно соблюдать присягу¹.

В 1209 году король столкнулся с новым кризисом — и на этот раз его соперник за Ла-Маншем был ни при чем. На юге Франции, между Роной и суровыми хребтами Пиренеев, религиозная ересь превратилась в образ жизни.

Ересь — это не просто опасное отклонение от догматов; тот, кто осмеливался мыслить иным образом, лишался возможности войти

в Царство Божие. Ересь была больше чем ошибка. Ошибка считалась заблуждением; но она становилась ересью, когда заблуждающийся, даже под угрозой осуждения церковью, отказывался испряться.

Разногласия по поводу христианских доктрин начались еще во времена апостолов, когда (согласно книге «Деяний») руководители христианской церкви собрались в Иерусалиме, чтобы установить, какие из еврейских законов должны соблюдать новообращенные язычники. Позднее сам апостол Павел использовал решения этого первого церковного собора, чтобы указать — и в довольно резкой форме — на ошибочное поведение своего собрата, апостола Петра относительно язычников*. Однако еретиком он Петра не назвал. Говорить о существовании *ереси* не как личного заблуждения, а как системы верований, выходящей за пределы христианского канона, можно лишь в случае, если эти пределы уже установлены.

Этой задачей озаботился император Константин еще в 325 году, когда он созвал всех христианских епископов в Никею, чтобы выработать символ веры — краткую формулировку основных христианских догматов. Никейский символ стал первой официальной оградой, возведенной вокруг христианской веры и позволявшей определить, кто внутри ее, а кто снаружи**. А поскольку Никейский символ веры был одобрен Константином, он также создавал возможность карать ересь мечом. До Никейского собора христиане могли сколько угодно обвинять друг друга в заблуждениях — но дискуссии и угроза отлучения были самым серьезным оружием в их распоряжении. После Никеи у епископов стало гораздо больше власти: они могли просить императора поддержать одобренное им вероисповедание политическими мерами.

Не всем это новшество понравилось — особенно тем, кто оказался вне круга веры. Августин, писавший почти на сто лет позднее, упоминает о жалобах донатистов, еретиков IV века н. э., на то, что «апостолы никогда не просили о такой помощи у царей земных». Но так было, добавляет Августин, лишь потому, что во дни апостолов цари не веровали в Христа. Теперь же царь-христианин может послужить богу, «вводя с приличествующей строгостью такие законы, которые указывают, что является праведным, а что

* См. «Деяния Апостолов» 15, рассказ о совещании в Иерусалиме, а также «Послания к Галатам» 2:11–16, где Павел исправляет ошибки Петра. (Прим. авт.)

** См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 1.

нет». В это определение входили не только неправильные поступки, но и неправильные мысли.

«Почему, — вопрошает Августин, — прелюбодеяние должно караться законом, а святотатство дозволяется? Неужели неверность души Господу — дело менее серьезное, нежели неверность женщины мужу? Конечно, когда люди... приходят к вере путем учения, это гораздо лучше, чем принуждение их страхом наказания или боли; но... многие видят преимущество (как мы убеждались не раз, и как доказывается ежедневно делами нашими) в том, чтобы действовать сперва страхом либо болью, а потом уже приступить к поучениям... Почему же, в таком случае, Церковь не должна применять силу, дабы принудить своих заблудших детей вернуться?»²

Страхом и болью еретиков Средневековья убеждали часто. Но мечом в прямом смысле слова их не карали*. В кодексе Феодосия от 438 года ересь квалифицировалась как преступление против императора — но наказание предусматривало в основном лишение еретиков собственности и некоторых прав; еретиков могли подвергнуть штрафу или изгнать, им запрещалось поступать на императорскую службу. И хотя тем из еретиков, которые упорствовали в собирании последователей и обучении их, угрожали «острые стрекала более суровой кары», это делалось крайне редко³.

Не знали предыдущие века также и масштабных мероприятий по преследованию и истреблению еретиков. Вероучители, публиковавшие свои сочинения и собиравшие учеников, такие как Пьер Абеляр, часто вызывали раздражение у коллег-клириков, — но, подобно Абеляру, обычно отделялись тюремным заключением и финансовыми потерями. До смерти, как правило, не доходило**.

* Первым христианским еретиком, преданным смерти, считают Присциллиана, епископа Галльского, казненного в 385 году за то, что обучал своих последователей магии. (Прим. авт.)

** Единичный случай казни еретиков имел место в 1022 году, когда в Орлеане была сожжена небольшая группа мужчин и женщин, претендующая на некое тайное знание, доступное лишь посвященным. Эта казнь произошла с одобрения Роберта Благочестивого, второго короля из династии Капетингов; но она стала первой казнью еретиков за почти семьсот лет. В 1028 году архиепископ Миланский предложил нескольким аскетам, не признававшим власти Церкви, выбор между публичным покаянием и смертью на костре; часть из них предпочла костер. Далее последовали еще два сожжения еретиков — в 1114 году в Суассоне и в 1143 году в Кельне; но в обоих случаях еретики, публично высказавшие свои неортодоксальные идеи, были брошены в костер возмущенными мирянами, без одобрения местным духовенством; это скорее был самосуд, чем казнь. (Прим. авт.)

Но в предыдущем столетии новые ереси начали возникать все чаще, особенно на юге Франции. Чаще всего эти учения создавались не учеными, не клириками, а харизматичными мирянами, вокруг которых собиралось все больше последователей из народа. Теории таких еретиков могли быть самыми различными, но в одном вопросе они сходились: Церковь как организация низко пала, развращена и не имеет ничего общего с подлинной духовностью. В Милане группа диссидентов утверждала, что Святой Дух посещает их ежедневно — а значит, отпадает необходимость в священниках и папе. В Кельне небольшая группа противников Римской курии начала проповедовать, что «тот, кто сидит на престоле святого Петра, утратил право повелевать», поскольку папство «развращено из-за вмешательства в мирские дела». В последней четверти XII века странствующий проповедник по имени Петр Вальдо увлек огромное количество последователей — он утверждал, что церковная иерархия прогнила, что священники должны отказаться от своих постов и трудиться ради пропитания, и что «основывать церкви и монастыри, одаривать их» — плохое дело. Его сторонники, получившие название вальденсов, странствовали по селениям Франции, проповедуя евангельскую простоту и покаяние: «Они говорят, — пишет хронист XIII века Рейнерий Сакко*, — что учения Христа самого по себе... достаточно для спасения, без всяких уставов церкви»⁴.

Обвиняемыми на Орлеанском процессе 1022 года были клирики храма Святого Креста, Стефан и Лизой. Оба пользовались влиянием в Париже. Лизой был знаком с Робертом Благочестивым, а Стефан являлся исповедником его жены. Обвинения в ереси противоречили репутации подсудимых, которые считались «образованнейшими и благочестивейшими» клириками. На процессе завязался спор между епископами и еретиками. Последние опровергали доктрину непорочного зачатия: по их мнению, она противоречила величию Бога, который не мог унизиться до материи — а с другой стороны, «все, что противоречит законам природы, находится вне гармонии с Богом», следовательно, вымышлено людьми. В ответ на теологические позражения епископов еретики заметили, что они «не были в Галилее и не видели своими глазами, что там произошло». Эта позиция еретиков побудила ряд исследователей отнести их к христианским дуалистам — единомышленникам богомилов и предшественникам катаров. Суд, возглавлявшийся самим королем, лишил их монашества, предал анафеме и приговорил к казни. (*Прим. ред.*)

* Рейнерий Сакко (*Reinerius Saccho*, ум. в 1259) был не хронистом, а сотрудником инквизиции. Его сочинение, дошедшее до нас, по сути является служебной справкой о верованиях катаров и вальденсов, знакомых ему понаслышке — он сам был катаром 17 лет, пока не раскаялся. (*Прим. ред.*)

Все эти новшества отнюдь не радовали папу, но до падения Константинополя внимание Рима было приковано к Востоку, а местные правители часто проявляли терпимость к еретикам. «Почему же вы не изгоняете этих людей и не избегаете общения с ними?» — спросил один священник в Южной Франции у местного рыцаря. «Мы не можем так поступить, — ответил рыцарь, — потому что мы росли вместе с ними, у нас есть родственники среди них, и мы видим, что они ведут честную и достойную жизнь»⁵.

Но после того как замысел крестового похода снова не удался, Иннокентий III решил присмотреться к тому, что творилось под боком у Рима. И выяснилось, что ересь на юге пустила глубокие корни и отличается гораздо большей радикальностью, чем все предыдущие. Ее сторонники называли себя катарами, «чистыми», от греческого *катарос*; они отрицали власть официальной церкви.

Верования катаров были сложными, и к этому времени их движение само раскололось на несколько сект*. Однако все катары были дуалистами, то есть подразделяли все сущее на злое и доброе, светлое и темное. Их современник, цистерцианский монах Пьер де Во-Серне, пишет, что они верили в существование двух создателей: «...один создал вещи невидимые, и его они называли милостивым Творцом, а другой — все вещи видимые, его они считали злым Творцом. Новый Завет они приписывали Творцу доброму, а Ветхий Завет отвергали как творение Творца злого»⁶.

Добиваясь чистоты духовной, катары старались максимально избегать взаимодействия с материальным миром: они постились, отказывались от сексуальных отношений, подвергали себя мучительным бдениям с молитвами и медитацией. Они также не признавали ортодоксальную доктрину Воплощения — поскольку она предполагала, что добрый Творец сам оказался подчинен низшему материальному миру, созданному злым Творцом. Все это делало катаризм опасной ересью; но еще опаснее, как подчеркива-

* Катарская ересь была тесно связана с более ранней системой, которую проповедовал в X веке в Болгарии священник по имени Богомил. Богомилство распространилось из Болгарии по Сербии, Боснии и восточнее, вплоть до Константинополя. Миссионеры богомилов бывали в Италии и Западной Франции — развитие ереси, вероятно, ускорило именно под их влиянием. Однако богомилство никогда не представляло серьезной политической угрозы царям Болгарии, а у патриарха Константинопольского не было ни власти, ни желания, чтобы организовать кампанию против последователей Богомила. Секта просуществовала до XIV столетия, а потом, по-видимому, рассеялась сама собой. Дмитрий Оболенский дает полезный и хорошо написанный обзор ситуации с восточной точки зрения в работе «The Bogomils», *Byzantium and the Slavs* (St. Vladimir's Seminary Press, 1994), chap. 10. (Прим. авт.)

от аббата де Во-Серне, было их отношение к власти церкви. «Они поносили, — писал аббат, — что Римская курия почти целиком является логовом воров, и что Церковь — та блудница, о коей мы читаем в Апокалипсисе»⁷.

Подобные верования, незаметно распространявшиеся по всему югу с 1140-х годов, нашли особенно радушный прием в южной области Лангедок, граничащей с Пиренеями и Средиземным морем*. Лангедок представлял собой относительно беззаконный кусок Западной Франции, где власть местных графов не была сильна, а местные священники были бедны, невежественны и суеверны**. Для народа Лангедока катаризм открывал новый путь: к власти, средоточием которой была их собственная душа, к возможности подняться от рядовых катаров до сияющих высот избранных — «совершенных».

Иннокентий III был осведомлен о возрастающем влиянии катаров. В 1203 году он направил своих представителей в Лангедок, чтобы они оценили степень серьезности ситуации, а в 1206 году разрешил одному священнику проповедовать в Лангедоке, с целью вернуть катаров на стезю католицизма.

Этот священник, Доминик де Гусман, пришел из-за гор — из Кастилии. Он верил, что катаров можно обратить в истинную религию, если они узнают, что служители церкви также могут вести аскетическую и чистую жизнь; эта мысль возникла у него после встречи с папскими легатами, инспектирующими Лангедок. Его поразили вид их процессии. По мнению Доминика, она свидетельствовала о чрезмерной гордости и тяге к роскоши. *«Еретики привлекают в свои ряды новых адептов не показной пышностью, не*

* Формально название Лангедок («Земля языка Ок») появилось лишь после 1271 года — именно для обозначения бывших владений графов Тулузских. (Прим. ред.)

** Очень странное утверждение. Именно Тулуза (и вся Южная Франция — Окситания), наряду с Италией, на тот момент была центром европейской культуры. Наследные графы Тулузы правили ей с конца IX века и были самыми могущественными феодалами Южной Франции, их владения простирались на площади в 50 тыс. км² и в конце XII века были одними из самых богатых земель Европы. Формально графы являлись вассалами французской короны — но постепенно Тулузе удалось добиться фактической независимости. Эпоха графа Раймонда V Тулузского (1148–1194) стала золотым веком окситанской литературы, при дворе графа собирались почти все знаменитые трубадуры того времени. Само слово «трубадур» возникло именно здесь и происходит из окситанского языка (*trobar* — сочинять). Вряд ли расцвет высокой, аристократической культуры, во многом основанной на меценатстве, вообще возможен в бедной «беззаконной» стране со слабой властью. Более того, чуть ниже сам автор пишет про Лангедок — «его замки были богаты». (Прим. ред.)

демонстрацией могущества и многочисленной свитой, не... богатыми одеждами, — сокрушался он. — Их сила — в усердной проповеди, в апостольском смирении, в воздержании... Усердие побеждается лишь усердием; фальшивая святость — истинной; лживая проповедь — проповедью истины». И Доминик обошел босиком весь Лангедок, вступая в споры с катарами один на один⁸.

Но этот смиренный поход не давал быстрых результатов, и катары по-прежнему процветали. Официальные посланцы папы тоже успеха не добились. Видя, что катары остаются глухи к их увещаниям, легаты прибыли в Тулузу и потребовали встречи с Раймондом VI, графом Тулузским, владельцем Лангедока.

Раймонд VI, верный католик, был одним из тех феодалов, чьи земли не входили в домен короля Франции и которые лишь формально являлись его вассалами. Граф, как и его предки, привык действовать независимо. Добившись аудиенции, папские посланники потребовали от графа предпринять меры против еретиков на его землях — но Раймонд, раздраженный их высокомерием, отказался их слушать. Тогда один из легатов, Пьер де Кастельно, немедленно отлучил графа от церкви. На том дискуссия и завершилась. Раймонд велел проводить послов вон из города и закрыть за ними ворота. Гильом Тудельский*, который знал обе стороны конфликта и описал последующие события, рассказывает, что послы отправились в обратный путь, и тут графский конюший, который *«сердцем злобу возлюбя, от графа милость ждал, предательски всадил свой острый кинжал в бок прелату и убил его... Можете не сомневаться, что папе это не понравилось»*⁹.

Действительно, Иннокентий III пришел в ярость. Прямых обвинений против графа Тулузского никто не выдвигал — но Раймонд, безусловно, не скорбел о гибели Пьера де Кастельно. Церковная проблема осталась нерешенной, и теперь к ней добавилась политическая.

Благодаря тому что крестоносное движение оживилось, у Иннокентия III нашлось решение. Он объявил крестовый поход — не

* Гильом Тудельский (ок. 1175 — после 1214) — клирик, с 1210 года состоявший на службе у Бодуэна, брата Раймонда VI, с которым тот враждовал. Он вряд ли присутствовал лично при встрече графа с легатами в 1208 году. Созданная Гильомом *«Cançon de la Crosada»*, эпическая поэма на окситанском языке об альбигойском походе, охватывает события 1210–1213 годов, причем автор стоит на позициях крестоносцев, на сторону которых перешел Бодуэн. После того, как в 1214 году Бодуэн был схвачен людьми Раймонда VI и казнен за измену, сведения о Гильоме исчезают. Его поэма была дописана другим автором. (Прим. ред.)

только против катаров, но и против Раймонда VI, католика. Всем подданным Раймонда было объявлено, что они освобождаются от присяги графу; любому, кто поднимет меч против графа Тулузского, обещали отпущение грехов и все обычные привилегии крестоносцев — хотя для этого не требовалось проделывать длинный и опасный путь, как до Иерусалима. Любому, кто захватит имущество или поместье катара, позволялось владеть им¹⁰.

В очередной раз рамки понятия *крестового похода* были расширены. Когда рыцари Северной Германии затеяли крестовый поход против соседних славянских племен, его обосновали тем, что негоже некрещеным язычникам проживать на землях христиан. Теперь было позволено идти войной не только против нарушителей христианских догматов, но и против вполне добропорядочных католиков — виновных лишь в том, что они не подчинились политическому диктату Рима. В прошлом папы пользовались в таких случаях духовным оружием — интердиктом. Теперь их арсенал пополнился мечом крестового похода.

Лангедок находился близко, его замки были богаты, и можно было рассчитывать на хорошую добычу. К середине 1209 года в Лионе собрались около десяти тысяч крестоносцев, готовых к выступлению на юг. Король Филипп II отказался участвовать в походе под предлогом, что ему следует оставаться в Париже и укреплять оборону от нападений Иоанна. Но среди крестоносцев, собравшихся в Лионе, присутствовал Симон де Монфор — несостоявшийся граф Лестерский. Изгнанный из Англии, он нашел себе новое дело в Западной Франции*.

Раймонд был упрям, но не глуп. Услышав о том, какая огромная сила выступила против него, он направил папе послание, выразив горячее раскаяние, и сам присоединился к крестовому походу**.

Так началась двадцатилетняя война. Она получила название Альбигойского крестового похода, по имени одной из катарских сект — альбигойцев (*Albigenses*), но направлена она была против всех: активных катаров, сочувствующих катарам, подозреваемых

* К чести Симона де Монфора, следует указать, что в 1202 году он отказался участвовать в штурме Зары и покинул лагерь крестоносцев. (*Прим. ред.*)

** В свете дальнейших событий «раскаяние» Раймонда VI выглядит великолепным тактическим ходом. Прослужив в крестоносном войске минимально необходимый срок, 40 дней, граф возвратился в Тулузу прежде, чем крестоносцы приступили к военным действиям. Тем самым он продемонстрировал лояльность церкви — и сумел спасти свой домен от угрозы нападения на несколько лет. (*Прим. ред.*)

в катарской ереси и просто местных жителей; это была неправедная, тотальная война.

Руководителем крестоносцев был на первых порах второй из папских легатов, Арно Амальрик, аббат Сито. Он привел их из Лиона к городу Безье, над рекой Эро. В Безье проживали и катары, и «добрые христиане», поэтому епископ Безье («муж превосходный», по словам Гильома Тудельского) отправился в лагерь крестоносцев на переговоры. Ему сказали, что если католики «покинут город и оставят там только еретиков», их пощадят. Но когда епископ передал горожанам Безье это сообщение, они отказались бросить свои дома. «Горожане в большинстве своем сказали... что не отдадут крестоносцам своего имущества ни на грош», — добавляет Гильом. Даже из-за каменной стены было ясно видно, что крестоносцы, рьяные защитники дела Церкви, целятся в первую очередь на богатства Лангедока¹¹.

Чтобы разрешить это небольшое затруднение, несколько французских рыцарей обратились за советом к аббату Сито. На вопрос, как же им различить христиан и еретиков (*bonos et malos*) во время осады, Арно Амальрик якобы ответил: «Убивайте всех, Господь своих опознает»¹².

В латинском источнике эта фраза выглядит так: «*Caedite eos, Novit enim Dominus qui sunt eius*». Она записана позднее в труде ученого монаха Цезария Хайстербахского «*Dialogus miraculorum*» («Беседа о чудесах») и вряд ли была реально произнесена аббатом — но последовавшая за этим резня в Безье свидетельствует о том, что идея носилась в воздухе*. Аббат де Во-Серне рассказывает, что после того как оборона города была взломана, «почти все» жители

* Цезарий из Хайстербаха (ок. 1180–1240), как и Арно Амальрик, был цистерцианцем, приором ныне не существующего (закрит в 1803 году) монастыря в Обердоллендорфе, недалеко от Кельна. Он не являлся очевидцем событий в Безье и лишь передал общее мнение об этих событиях. Вряд ли Амальрик отдавал приказ истреблять всех без разбора — разрушенный и разграбленный город ему был не нужен; из добычи, которую можно было взять в Безье, он рассчитывал оплатить расходы на содержание войска. Сам Амальрик в докладе папе оправдывался, что штурм был начат без его приказа. Однако сама форма организации крестового похода подразумевала, что к нему присоединятся в первую очередь желающие пограбить — чего Амальрик не мог не понимать; не мог он и не осознавать, во что выльется взятие города. Возможно, он сознательно спровоцировал резню для устрашения жителей других городов — дальнейшие действия Амальрика в ходе крестового похода демонстрируют прагматический расчет вкупе с жестокостью и неумным властолюбием, непристойным для клирика. В любом случае репутация, которую получил Амальрик, была им вполне заслужена. (Прим. ред.)

Карта 33.1. Альбигойский крестовый поход

были перебиты, «от малого до старого». «Убивали и тех, кто укрылся в церкви, — пишет Гильом Тудельский, — не спасали их ни крест, ни алтарь, ни распятие... убивали клириков, женщин и детей... Не бывало столь ужасной резни, не осмеливался никто на такое, я думаю, со времен сарацинов». В городе начались пожары, и многие уцелевшие погибли в пламени. Это было 22 июля 1209 года¹³.

Затем крестоносцы направились к городу Каркассону и 1 августа приступили к его осаде. Каркассон был уже переполнен беженцами, которые надеялись укрыться там от наступающего войска. В условиях летнего зноя, нехватки воды и продовольствия население сдалось всего через две недели.

Хронологическая таблица 33

Северная Индия	Англия	Священная Римская империя	Франция	Папство
	Генрих II (1154–1189)	Фридрих I (1155–1190)		
Гийас-уд-Дин Гури (1157–1202)				Александр III (1159–1181) Виктор IV (антипапа, (1159–1164)
	Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)		Петр Вальдо проповедует ересь	
	Мятеж сыновей Генриха II (1173)		Филипп II Август (1180–1223)	
Вторжение Гуридов во владения Газневидов (1175–1187) Гуриды уничтожают Газневидов (1187)	Ричард Львиное Сердце (1189–1199)	Генрих VI (1190–1197)	Изгнание евреев (1182)	
	Освобождение Ричарда из плена (1194)		Раймонд VI Тулузский (1194–1222)	

Северная Индия	Англия	Священная Римская империя	Франция	Папство
	Иоанн Безземельный (1199–1216)	Филипп (не коронован) (1198–1208)		Иннокентий III (1198–1216)
Вторжение Гуридов во владения Сена (1202) Мухаммад Гури (1202–1206)	Мятеж против Иоанна (1200–1203)			
Кутб-ут-дин в Лахоре (1206–1210)	Интердикт на Англию (1207)		Доминик де Гусман проповедует против катаров	
Арам-шах (1210–1211)	Арест евреев в Англии (1210)		Альбигойский крестовый поход (1209–1255)	
Илтумиш (1211–1236)				
Джайтра Сингх из Мевара (1213–1253)				
Разийя (1236–1240)				

После захвата Каркассона аббат Сито изъявил желание вернуться в свою обитель. Крестоносцам пришлось выбирать нового предводителя — и им стал Симон де Монфор, обладавший большим военным опытом и успевший отличиться в этом походе. Иннокентий III подтвердил их выбор, объявив Монфора не только главнокомандующим крестоносцами, но и правителем всех земель, «завоеванных ныне и впредь» во время крестового похода*.

Симону де Монфору было тогда сорок девять; после того, как король Иоанн отобрал английское наследство, владений у него осталось совсем мало. Он был «суровым воином», — пишет его современник Гильом Тудельский; Пьер де Во-Серне описывает его как высокого, широкоплечего и красивого человека, «весьма опытного в военном искусстве, неутомимого... и всецело преданного делу Господа». Монфор последовал за Филиппом Августом в Святую землю во время Третьего крестового похода (около 1198 года) и направился в Четвертый — но, когда венецианцы двинулись на завоевание Зары, поход потерял для него смысл, и он отказался участвовать в этом предприятии.

Теперь Монфор стал стратегом и движущей силой альбигойского крестового похода, и вскоре позволил себе действовать с необузданной жестокостью. Перезимовав в Лангедоке, в захваченных им владениях погибшего виконта Тренкавеля, правителя Безье и Каркассона, Монфор повел крестоносцев на запад, вглубь территории Южной Франции. Весной 1210 года он подошел к городку Брам, защищенному лишь невысокой стеной с единственными воротами. Жители Брама, католики и катары вместе, как и повсюду в Лангедоке, приготовились к сопротивлению. Всего через три дня Брам был взят, и тут Монфор впервые продемонстрировал ту мстительность, которой затем отличались все его поступки в этой кампании. В наказание за сопротивление войску божьему он приказал ослепить всех защитников Брама («числом более сотни», — отметил Пьер де Во-Серне) и отрезать им носы¹⁴.

В последующие месяцы крестоносцы захватили еще несколько городков и замков: Аларик, Терм Ластур и Минерв; в последнем

* На самом деле Монфор был выбран именно с подачи Амальрика, считавшего его своей креатурой. Сам Арно Амальрик отнюдь не удалился в свое аббатство — он продолжил активное участие в походе и в искоренении ереси до 1212 года, пока не был назначен архиепископом Нарбоннским. На этой должности в 1216 году он потребовал от жителей Нарбонна принесения ему вассальной присяги — то есть открыто посягнул на власть своего протеже Монфора. В ответ Монфор захватил Нарбонн — а Амальрик отлучил его от церкви. (*Прим. ред.*)

Монфор приказал сжечь живьем 140 взятых в плен еретиков-«совершенных», мужчин и женщин*. Наблюдая за тем, как Монфор и его товарищи захватывают одну область Лангедока за другой, Раймонд VI Тулузский уже не сомневался, что в конечном счете крестовый поход положит конец не только катарской ереси, но и его собственной власти.

Глава 34

Реконкиста и падение

*Между 1210 и 1213 годами Педро Католик торжествует
в Испании и терпит поражение во Франции*

На Пиренейском полуострове христианские короли также враждовали друг с другом. Тридцать лет назад пять королевств на севере и западе выступали единым фронтом, против мусульман-Альмохадов на юге. Но этот союз постепенно распадался. Португалия и Леон, Наварра и Кастилия были в ссоре. Санчо I, сын создателя Португалии Афонсо Энрикеша, вынужден был постоянно отражать атаки короля Леона Альфонсо IX на свои северные рубежи. В перерывах между нападениями на Португалию король Леона помогал королю Наварры, двухметровому великану Санчо Сильному, в его борьбе с Кастилией. Король Кастилии Альфонсо VIII приходился Санчо двоюродным братом — но это не уберегло его от вражды с Наваррой.

Пятым королевством был Арагон. Им правил Педро II, правнук Рамиро Монаха. В ноябре 1204 года, вскоре после падения Константинополя, он прибыл в Рим, где его короновал сам папа. До него ни один король Арагона не удостоивался такой чести — и в обмен Педро пообещал платить Иннокентию III и его преемникам ежегодную десятину в размере 250 золотых *мазмудинов*. Этот вид монеты был заимствован у Альмохадов; указанная сумма примерно равнялась доходу арагонского ремесленника за пятнадцать лет. Педро II также обещал защищать веру, преследовать ересь и пороки повсюду в Арагоне, чем заслужил прозвище «Педро Католик»¹.

Альбигойский крестовый поход поставил католика Педро в сложную ситуацию. Раймонд Тулузский был его зятем: Элеоно-

* Это приказал сделать не Монфор, а Арно Амальрик, продолжавший оставаться духовным главой похода. (Прим. ред.)

ра, старшая сестра Педро, вышла замуж за графа Тулузского в 1200 году (она была его шестой женой; три другие умерли, с двумя он развелся). Это обеспечило союз между их соседствующими государствами. Теперь же католический король наблюдал за тем, как его родственник и союзник вступил в борьбу не только с Синомом де Монфором, но заодно и с самим папой.

Педро решил попытаться стать посредником. В 1210 году он приехал во владения своего зятя, встретился с Монфором и предложил вождю крестоносцев перемирие. Одним из пунктов договора была помолвка его сына и наследника, трехлетнего Хайме, с младшей дочерью Монфора, Амицией. У Монфора появилась перспектива сделаться тестем короля Арагона, и он согласился*.

В знак своей доброй воли Педро отправил своего малолетнего сына пожить в семье будущей невесты. Затем он вернулся домой, где его ожидала новая кампания. По меньшей мере два года он собирал средства для массированного вторжения в южные области Пиренейского полуострова.

Халиф Альмохадов, Мухаммад аль-Насир, внук Абу-Якуб Юсуфа, тоже готовился к войне как минимум с 1207 года — хотя советникам, которых тревожила мощь христианских королевств, удавалось его сдерживать². Теперь Педро II счел, что настало время нарушить равновесие. Едва возвратившись в Арагон, он устроил пробный поход против Альмохадов — вторгся в мусульманское королевство Валенсию, напал на город Адамуз, а другой мусульманский город, Кастельфабиб, присоединил к собственному королевству.

Тем временем конфликт Раймонда Тулузского с поборниками католицизма обострялся все больше. Раймонд еще не исполнил все пункты покаяния, наложенного на него папой в 1209 году в качестве условия благосклонности Церкви — и не слишком торопился исполнять. В начале 1211 года граф получил еще одно послание

* У Педро II были свои интересы в Южной Франции — здесь находился ряд вассальных ему земель, которые он обязан был защищать. И самыми важными из них были Безье, Каркассон и Альби, принадлежавшие виконту Раймонду-Роже Тренкавелю. Сначала Педро держал нейтралитет по отношению к крестоносцам; когда они подступили к Каркассону, он попытался вступить за Тренкавеля — но ничего не добился. В 1211 году Педро даже принял от Монфора вассальную клятву за виконство, отнятое у Тренкавеля. Именно тогда он пообещал женить своего сына Хайме на дочери Монфора — и в залог этого отослал сына к Монфору. Но в 1212 году, уже после похода на мавров, Педро по просьбе Раймонда VI и горожан взял под свое покровительство Тулузу. В начале 1213 года он заступался за феодалов Тулузы перед церковным собором в Лаворе, но безуспешно. И тогда Педро II не оставалось ничего, кроме как поднять оружие в их защиту. (*Прим. ред.*)

из Рима, в котором содержалось требование немедленно покаяться по-настоящему и активно включиться в борьбу против собственных вассалов-еретиков. Поскольку его религиозное рвение оставалось под вопросом, от графа требовали также распустить солдат-наемников, заставить своих рыцарей снести укрепления их замков и крепостей да еще обеспечить духовенству истинной Церкви всю полноту власти «во всем, чего бы они ни потребовали»³.

Одним словом, чтобы угодить папе, сеньор Лангедока должен был всего лишь отдать свои владения в чужие руки. Естественно, Раймонд с негодованием отказался. Он отступил в пределы своего личного домена и засел в Тулузе; летом 1211 года Симон де Монфор приступил к осаде его столицы, предварительно разорив ее окрестности.

Педро II необходимо было выбрать, на чьей же он стороне — но в данный момент у него не было возможности примкнуть ни к Раймонду, ни к Монфору. Мухаммад аль-Насир собрал большую армию в Рабате (Северная Африка), и в мае 1211 года его отряды начали переправляться через Гибралтар⁴.

Альфонсо VIII Кастильский поспешил на выручку к Педро — но короли Леона, Португалии и Наварры отказались к ним присоединиться, а Санчо Сильный даже подумывал объединиться с мусульманами против своих соседей. Кастилии и Арагону предстояло в одиночку сразиться с надвигающейся грозой.

Войска аль-Насира вторглись в южные области Испании, они заставили сдаться кастильскую крепость Сальватьерра — гарнизон которой состоял из рыцарей ордена Калатравы, отборных воинов. А ведь окруженная со всех сторон мусульманскими землями, Сальватьерра была самым надежным форпостом Кастилии, символом могущества христиан; ее называли «правой рукой государя Кастилии». Встревоженный тем, с какой легкостью продвигаются вперед мусульмане, Педро II отправил послание в Рим, в котором сообщал содержание полученного им письма от аль-Насира. Предводитель мусульман угрожал: *«Ты причинил нам великий ущерб, и ты утверждаешь, что сделал это по приказу господина Рима. Как только мы покорим твои земли, мы пойдем на Рим и заставим его господина страдать»*⁵.

Угроза вторжения побудила Иннокентия III снова пустить в ход свое самое мощное оружие. В январе 1212 года он объявил новый крестовый поход. Как обычно, тем, кто пойдет на врага — в данном случае на Альмохадов, — обещалось отпущение грехов, прощение и вечная слава⁶.

Испытанная стратегия снова действовала. Санчо Наваррский отказался от намерения примкнуть к неверным и заключил союз с Кастилией и Арагоном. Ряд знатных французских рыцарей временно оставили поход на альбигойцев и отправились на восток, в Толедо, где был назначен сбор. В июне все было готово для нового крестового похода. Союзные войска испанских королей, подкрепленные отрядами крестоносцев, выступили из Толедо на юг; а войско Альмохадов, собравшееся в Кордове, двинулось на север под личным командованием аль-Насира.

Армии мусульман и христиан встретились 16 июля в местности Лас Навас, на крайнем юге Кастилии. Войско крестоносцев было разделено на три части, каждым крылом командовал один из королей. Оба крыла взяли в клещи центр мусульманского войска, а Санчо Сильный (судя по рассказам участников битвы, записанным впоследствии) прорвался сквозь заслон, охранявший личный шатер аль-Насира, и ворвался в лагерь врага. Аль-Насир, находившийся на противоположном краю лагеря, бежал с поля боя верхом на коне. Его войско, преследуемое испанской кавалерией, рассеялось. «Было всенародно объявлено, что в битве пало около 100 000 сарацин, — сообщает Гильом из Пюилорана, — после того как их царь позорно бежал». Ковер, который закрывал вход в шатер аль-Насира, был поднесен в дар монастырю Лас Уэльгас в Бургосе, где он висит до сих пор.

Аль-Насир переправился через пролив и добрался до Марракеша, не предпринимая никаких мер, чтобы подбодрить свое войско; по-видимому, он впал в депрессию и умер на следующий год*.

Победа в битве при Лас Навас де Толоса решительно склонила чашу весов в сторону христиан: мусульманам так и не удалось

* Сальватьерра пала в августе 1211 года, когда мавры вторглись на кастильские земли в ответ на предыдущую вылазку испанцев. Официального призыва к крестовому походу у папы Иннокентия III добились испанские епископы, а не Педро II напрямую. Но папа под страхом отлучения потребовал от всех королей полуострова поддержать кастильцев мечом. В результате собралась соединенная армия испанских и португальских феодалов, а также некоторое количество французских рыцарей. Король Альфонс оценивал силу своего войска в 2000 рыцарей, 10 000 всадников и 50 000 пехотинцев; с учетом союзников, численность могла быть и вдвое большей. Оценки численности противостоявшей армии халифа Мухаммада аль-Насира достигали 600 000 воинов — явно завешенная цифра. В целом данные источников о численности войска крайне противоречивы, но все они сходятся во мнении, что мавры вдвое превосходили христиан. Что касается трофея, взятого в тот день, который хранится в монастыре Лас Уэльгас, то ряд источников именуют его не ковром, а знаменем халифа. (*Прим. ред.*)

исправить ее последствия. Империя Альмохадов, уже пошатнувшаяся, вскоре начала утрачивать и другие владения мусульман в Испании. В Африке молодой наследник аль-Насира, Юсуф II, тоже терял одну область за другой — их правители откалывались, чтобы основать собственные династии⁷.

После битвы при Лас Навас короли Леона, Кастилии и Португалии заключили перемирие. Педро II провел несколько месяцев в Арагоне, улаживая внутренние дела, а в январе 1213 года снова проделал путь через Пиренеи, чтобы присоединиться к своему зятю, все еще находящемуся в осаде. Воодушевленный только что одержанной великой победой в Испании, он был твердо уверен, что теперь сможет решить и его проблему.

Карта 34.1. Битва при Лас Навас де Толоса

Хронологическая таблица 34

Англия	Папство	Священная Римская империя	Франция и Лангедок	Испанские королевства	Альмохады
				Санчо VI Гарсес Наваррский (1150–1194)	
Генрих II (1154–1189)		Фридрих I (1155–1190)		Санчо III Кастильский (1157–1158) Фернандо II Леонский (1157–1188)	
	Александр III (1159–1181) Виктор IV (анти-папа) (1159–1164)			Альфонсо VIII Кастильский (1158–1214)	
Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)					Юсуф I (1163–1184)
Мятеж сыновей Генриха II (1173)			Петр Вальдо проповедует ересь		Битва при Уэте (1172)
				Союз пяти христианских королевств (1177)	
			Филипп II Август (1180–1223)		

Англия	Палатство	Священная Римская империя	Франция и Лангедок	Испанские королевства	Альмохалы
			Изгнание евреев (1182)	Санчо I Португальский (1185–1212)	
Ричард Львиное Сердце (1189–1199)		Генрих VI (1190–1197)		Альфонсо IX Леонский (1188–1230)	
Освобождение Ричарда из плена (1194)			Раймонд VI Тулузский (1194–1222)	Санчо Сильный Наваррский (1194–1234)	
	Иннокентий III (1198–1216)	Филипп (не коронован) (1198–1208)		Педро II Арагонский (1196–1213)	Мухаммад аль-Насир (1198–1213)
Иоанн Безземельный (1199–1216)					
Мятеж против Иоанна (1200–1203)					
Отлучение Англии (1207)			Доминик де Гусман проповедует против катаров		
Арест евреев в Англии (1210)			Альбигойский крестовый поход (1209–1255)	Перемирие между Педро II и Симоном де Монфором (1210)	
			Симон де Монфор осаждает Тулузу (1211)	Битва при Лас Навас де Толоса (1212)	
				Хайме Арагонский (1213–1276)	Юсуф II (1213–1224)

Педро II попытался добиться мирного соглашения между Раймондом Тулузским и воинственным Симоном де Монфором; он даже попросил папу Иннокентия III приказать Монфору остановиться. Однако после девяти месяцев переписки, взаимных аргументов и угроз все вовлеченные в конфликт стороны разошлись еще дальше. Симон де Монфор игнорировал призывы с обеих сторон; Иннокентий III, получая противоречивые доклады от Педро II и своих легатов, несколько раз менял свою линию.

Тем временем население Тулузы страдало от голода и болезней: урожай этого года был погублен, скот уничтожен, деревни и поля сожжены. Осенью Педро и Раймонд решили, что следует нанести прямой удар по главной твердыне Монфора, замку Мюре, чей гарнизон, по словам Гильома из Пюилорана, «причинял большие затруднения городу Тулузе». Графа и короля поддержало «великое множество народу» из соседних областей. Действия Симона де Монфора, бесконечные военные столкновения и непрекращающееся насилие все меньше походили на служение церкви; это была уже служба самому себе, и местные сеньоры хотели, чтобы захватчик убрался подальше, сколько бы он ни называл свой поход крестовым⁸.

Сборное войско рыцарей Арагона и Тулузы атаковало Мюре 12 сентября. У Симона де Монфора было всего полторы тысячи человек, но он сумел одолеть противника, превосходящего его численностью. По словам анонимного автора дополнений к тексту Гильома Тудельского, король Арагона был «так жестоко изранен, что кровь его хлынула на землю и он рухнул ничком бездыханным». Его отряд рассеялся, многие утонули, пытаясь переправиться через Гаронну.

Граф Раймонд также был вынужден бежать. Симон де Монфор вошел в Тулузу и объявил ее своей собственностью. Теперь Монфор держал под контролем весь Лангедок — а Педро II, победитель мусульман, пал от руки своих христианских собратьев⁹.

Юный Хайме, его наследник, еще находился в доме Монфора. Сеньоры Арагона обратились к Иннокентию III с просьбой о помощи, и Монфор нехотя повиновался приказу. Ребенок вернулся на родину, но при пятилетнем короле на троне Арагон оставался в состоянии хаоса. «Счастлив был бы дон Педро, — сокрушался один кастильский хронист, — если бы жизнь его подошла к концу сразу же после славной победы в битве при Лас Навас де Толоса»¹⁰.

Глава 35

От Бувина до Великой Хартии

Между 1213 и 1217 годами английский король Иоанн Безземельный окончательно теряет свои владения во Франции, контроль над Англией, а потом и свою жизнь

В начале 1213 года Иннокентий III решил, что интердикт, наложенный на Англию, очевидно, не поможет уладить конфликт из-за назначения Стефана Ленгтона архиепископом Кентерберийским. И вновь он взялся за излюбленное оружие. «Будучи весьма удручен, — пишет Роджер Вендоверский, — он постановил, что Иоанна, короля Англии, следует лишить престола этого королевства».

Затем папа предпринял еще один шаг.

«Он написал могущественному Филиппу, королю французов, приказав ему, ради отпущения всех его грехов, взять это дело на себя, и пообещав, что после изгнания короля английского... ему и преемникам его будет отдано королевство Англия навеки. Кроме того, он направил послания всем благородным рыцарям, а также многим воинам в разных странах, приказав им принять крест и следовать за королем французов как за вождем своим, дабы свергнуть английского короля и тем самым отомстить за оскорбление, нанесенное истинной церкви».

Всякий, кто сам возьмется за меч либо пожертвует деньги для свержения Иоанна, обещал Иннокентий, будет пользоваться преимуществами участника крестовых походов, точно «как те, кто ходил ко Гробу Господню»¹.

Идеалы крестового похода уже были настолько размыты, что потеряли всякую определенность. Теперь можно было объявить крестовый поход против христианского короля, исповедующего никейский символ веры — или короля, который правил страной, издревле христианской, и сам был сыном и братом крестоносцев.

Филипп, разумеется, не мог упустить такой удобный случай. Он немедленно созвал экспедиционный корпус и поставил во главе него своего старшего сына Людовика — ему уже исполнилось двадцать пять. В случае успеха вторжения отец обещал ему корону Англии (и заодно заставил поклясться, что тот будет править Англией только по указаниям отца). К Людовику присоединилось

немало знатных сеньоров — но граф Фландрский красноречиво отсутствовал: он рассорился с Филиппом и отказался участвовать в его затее.

Король Иоаннотреагировал примерно так же, как Раймонд Тулузский четырьмя годами ранее: он решил наладить отношения с богом. В мае, еще до того, как флот Филиппа мог отплыть от французского берега, Иоанн вдруг «ощутил раскаяние». Он встретился в Лондоне с папским легатом, согласился на назначение Стефана Ленгтона и публично признал папу своим духовным наставником (к чему прилагался приятный подарок в виде тысячи фунтов серебра в качестве дани Риму). Затем легат направился прямо в Париж и запретил Филиппу нападать на покаявшегося брата во Христе².

Филиппа это сильно раздосадовало. Он жаловался, что успел потратить шестьдесят тысяч фунтов на снаряжение своего войска, повинувшись приказу папы, и теперь рассчитывал на «отпущение грехов». Но ни легат, ни Иннокентий III ему не посочувствовали. Если бы теперь Филипп напал на Иоанна, он оказался бы на неправильной стороне крестового похода.

К счастью для Иоанна, Филипп нашел другой объект для агрессии: графа Фландрского, который, отказавшись идти на Англию, нарушил свою вассальную присягу. Французские корабли и солдаты уже были готовы идти в поход; теперь Филипп рассчитывал использовать их, чтобы укрепить свой контроль над Фландрией. Он велел флотилии, выйдя из устья Сены, повернуть на восток и двигаться вдоль побережья Фландрии, а сам с сухопутными отрядами вторгся в южную часть графства.

Граф, «весьма озабоченный этим нападением», немедленно послал известие двум своим естественным союзникам: Иоанну Английскому, врагу Филиппа, и императору Священной Римской империи Оттону IV.

Оттон Брауншвейгский после долгой борьбы с Филиппом Швабским за право называться императором наконец-то добился этого титула, когда его соперник был убит в 1208 году полупьяным дальним родственником, у которого были к нему какие-то личные претензии (родственника вскоре обезглавили, так что причины убийства остались неясны)*. Оттона короновали в 1209 году,

* 21 июня 1208 года Филипп Швабский присутствовал в качестве гостя на свадьбе своей племянницы в городе Бамберг. После церемонии король удалился в свою комнату — где на него внезапно напал Оттон VIII, пфальцграф Баварский из рода Виттельсбахов, и зарубил мечом. Мотив убийства остался неизвестным. Возможно, толчком к этому послужило то, что Филипп

и вскоре он рассорился с Филиппом Французским, оспаривавшим его власть на континенте, и с Иннокентием III, который отлучил его от церкви через год после коронации, когда Оттон отказался отдать свои итальянские земли под контроль папства³.

Иоанн, тем временем, не мог упустить шанс отобрать Нормандию у Франции. Он согласился присоединиться к походу. Десятки тысяч солдат* — германских, фламандских, голландских, французских и английских — собрались в Балансьене, под личным командованием Оттона IV. Сам Иоанн, не обладавший талантами полководца, остался в Пуату, а во главе английских лучников поставил своего брата-бастарда Уильяма с красноречивым прозвищем Лонгсворд («длинный меч»).

Филипп II Французский, довольный тем, что он не занят в Лангедоке истреблением еретиков, приказал своим отрядам собраться в Турнэ. Ему составил компанию другой претендент на германский трон — Фридрих, король Сицилии, который надеялся заполучить и корону, и титул императора.

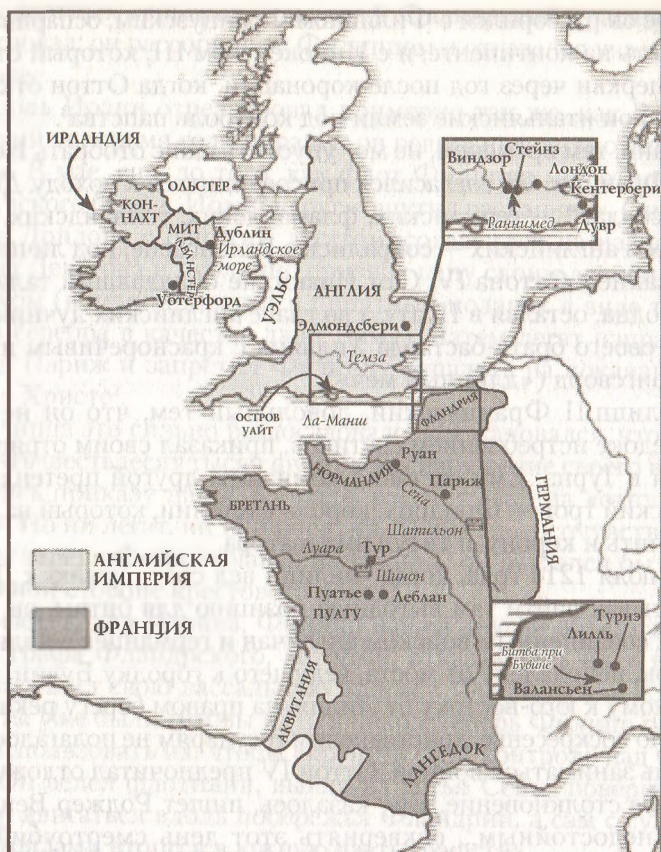
27 июля 1214 года, когда Филипп вел свою армию к Лиллю, рассчитывая найти там выгодную позицию для битвы, он столкнулся с соединенным войском англичан и германцев в долине реки Марк, неподалеку от моста, ведущего к городку Бувин, расположенному к юго-востоку от Лилля, на правом берегу реки.

Было воскресенье, христианским государям не полагалось в такой день заниматься войной. Оттон IV предпочитал отложить неизбежное столкновение. Ему казалось, пишет Роджер Вендоверский, «недостойным... осквернять этот день смертоубийством и пролитием крови человеческой». Однако, посоветовавшись с английскими баронами, он все-таки решил воспользоваться обстоятельствами⁴.

обещал Оттону руку своей дочери, но обещания не сдержал. Этот молодой человек (ему было менее 30 лет) был известен своей неуравновешенностью и склонностью к агрессии, из-за чего никто не хотел отдавать за него замуж дочерей. За это преступление Оттон VIII был объявлен вне закона и уже весной 1209 года был убит. Голова трупа была отрублена и сброшена в Дунай, а тело на протяжении многих лет хранилось в бочке — но в конце концов монахи из Индерсдорфа выкрали ее и похоронили его останки. Его крепости были разрушены, родовой замок Виттельсбах сровняли с землей.

* Историки расходятся в оценках численности войск, сражавшихся при Бувине; называют цифры от 20 000 до 80 000 и более. (*Прим. авт.*)

На самом деле оценка войска Оттона в 80 000 солдат взята из средневековых хроник; современные историки называют на порядок меньшие цифры. Тем не менее, имперское войско превосходило французское — пусть и не в три раза, как утверждал хронист Гильом Бретонский. (*Прим. ред.*)

Карта 35.1. Мир периода Великой Хартии

Видя, что противник готовится к бою, Филипп выстроил свои войска вдоль реки — причем приказал разрушить мост, чтобы у солдат не осталось иного пути, кроме как вперед, на врага. Он также, весьма кстати, напомнил, что Оттон и его союзники отлучены от церкви, а посему военные действия против них, несомненно, можно считать разновидностью крестового похода. Король не забыл и о чисто постановочных эффектах: облачившись в доспех, он отправился со своими баронами на мессу в близлежащей часовне. Выйдя из часовни, они развернули орифламму — алый шелковый стяг, символизирующий присутствие Сен-Дени, святого Дионисия, покровителя Франции, а значит, и благосклонность Бога⁵.

В знойный июльский день французы первые начали битву с кавалерийской атаки на тяжелую конницу фламандских рыцарей. Закипела яростная схватка, но постепенно лучше обученные и вооруженные французские солдаты склонили удачу на свою сторону. Англичане и германцы отступали медленно, но наконец их ряды дрогнули. Английский барон Хьюго де Бов, который настаивал на сражении в воскресенье, бежал с поля боя со своим отрядом. Несколько фламандских герцогов последовали за ним. Оттон IV продолжал биться, ему трижды пришлось менять убитых коней. Но вскоре стало ясно, что битва проиграна — и он тоже пустился в бегство, потеряв свое имперское знамя.

Молодой Фридрих преследовал Оттона до его родовых владений, а затем присвоил его титул: 25 июля он короновался в Ахене как Фридрих II, король Германии (хотя еще не как император). Граф Фландрский и Уильям Лонгсворд были взяты в плен во время сражения и привезены в Париж. Филипп согласился обменять Уильяма на одного из знатных французов, захваченного англичанами. Графу Фландрскому повезло меньше. Его продержали в заточении в Лувре целых 12 лет⁶.

Когда Иоанн получил известие о поражении, он воскликнул: «С тех пор как я примирился с Господом, беды преследуют меня; ничто не идет мне на пользу!»

В день 18 сентября, в большом замке Шинон на берегу Луары, Иоанн и Филипп договорились о перемирии на пять лет; Филипп наконец-то добился контроля над всеми землями, утраченными в 1206 году. Подписав унижительное соглашение, Иоанн Безземельный удалился воссояси за Ла-Манш. Он больше никогда не покидал Англию. Но возвращение домой не принесло ему радости.

«Около этого времени, — отмечает Роджер Вендоверский, — графы и бароны Англии собрались в Эдмондсбери... и тайно совещались; там им была показана хартия короля Генриха Первого... В конце концов они единодушно постановили, что после Рождества пойдут все вместе к королю и потребуют подтверждения всех указанных там вольностей».

В Хартии вольностей, послужившей Генриху I для укрепления своей позиции на троне, перечислялись четырнадцать прав церкви и баронов, которые король обязывался не нарушать. Но в тот момент важнее оказалась формулировка, содержавшаяся в начале документа: *«Все дурные обычаи, коими несправедливо была отягощена*

Англия, я устраню, и часть сих дурных обычаев я исправляю здесь». Это позволяло баронам использовать хартию как инструмент для устранения новых «дурных обычаев». И основным из них была установленная Иоанном система налогообложения.

Король потребовал дополнительного щитового сбора*, чтобы оплатить неудачную кампанию в Западной Франции, но большинство баронов отказалось подчиниться. Теперь война кончилась — но налога никто не отменял⁷.

Когда Иоанн возвратился в Англию, он пришел в ярость и потребовал немедленной выплаты скутагия. Это вынудило самых отважных из английских баронов собраться и потребовать, чтобы Иоанн подтвердил хартию — или готовился к войне. Король решил тянуть время и направил на переговоры с баронами Стефана Ленгтона, пообещав, что выслушает их, как только они изложат в письменном виде, что именно подразумевают под «дурными обычаями».

В январе 1215 года, спустя три месяца после возвращения в Англию, Иоанн встретился с лидерами оппозиции и получил от них документ, содержащий 12 параграфов — в дополнение к старой хартии вольностей. Первым пунктом стояло требование, чтобы король отказался от своего права «заточать человека без суда». Восьмым пунктом скутагий ограничивался «одной маркой серебра» с каждого барона (Иоанн перед тем требовал три марки), причем и эту сумму нельзя было взимать без согласия самих баронов⁸.

Согласие на сбор налогов, ограничение карательных функций короля... По словам современников «Хроники Мелроуза», это было «новшеством... для Англии; дело это было странным и неслыханным». Автор «Хроники» выражает удивление и недоверие: «Телу вздумалось управлять головой, и народ возжелал господствовать над королем!» Но Иоанн слишком сильно прижал своих баронов, а поражение при Бувине ослабило его настолько, что у баронов появился шанс расквитаться⁹.

* Щитовой сбор (*скутагий*, от латинского *scutum* — «щит») — вид денежного сбора в средневековой Англии, который взимался с держателей рыцарских феодалов взамен их личной службы в армии короля. Первоначально он носил характер феодальной повинности, позднее стал по сути налогом для покрытия военных расходов короля. Обычная ставка щитового сбора не превосходила одного фунта стерлингов (две марки) с лена, обязанного выставить одного рыцаря. Однако законодательно размеры не были фиксированы, что позволяло королям устанавливать ставки достаточно произвольно. При Иоанне Безземельном ставка щитового сбора резко возросла: король стал взыскивать 2,5–3 марки с рыцарского лена. Кроме того, налог стали собирать практически каждый год. (Прим. ред.)

На протяжении пяти месяцев Иоанн сдерживал свою знать обещаниями и запросами дополнительных уточнений. Число статей выросло до сорока девяти*. В последнюю неделю апреля 1215 года стало ясно, что король не намерен уступать. И 3 мая самые знатные бароны Англии заявили, что разрывают вассальную связь с короной Англии. Две недели спустя, воскресным утром, когда большинство жителей Лондона слушали в церкви мессу, группа мятежных рыцарей заняла столицу и поставила в качестве мэра города одного из своих сторонников.

«Затем они... разослали письма по всей Англии, — пишет Роджер Вендоверский, — тем графам, баронам и рыцарям, которые еще хранили верность королю... и посоветовали им... укрепиться духом и восстать против короля ради своих прав и ради мира... Большая часть из оных, получив послание от баронов, отправились в Лондон и присоединились к ним, полностью оставив короля»¹⁰.

Видя, что партия баронов растет изо дня на день, Иоанн решил пойти на переговоры. Ему нужны были деньги, он жестоко страдал от подагры — но не собирался исполнять обещания, которые дал под нажимом. Он отправил к мятежникам в качестве посла Уильяма Маршала, которому теперь было под семьдесят, и на службе английскому трону он состоял уже сорок пятый год. От него бароны узнали, что им предоставляется право определить время и место встречи.

Бароны выбрали заливной луг, расположенный на берегу Темзы между Стейнсом и Виндзором и называвшийся Раннимед. Здесь 15 июня на одном краю поля собралась «вся знать Англии... в бесчисленном количестве», а на другом — Иоанн, которого доста-

* Исходный список из двенадцати пунктов обычно называют «неизвестной хартией», а сорок девять параграфов известны как «Баронские статьи». (Прим. авт.)

Следует уточнить, что успеху баронского мятежа способствовала поддержка Лондона: тайные посланцы горожан предложили баронам идти в столицу, обещая, что встанут на их сторону. На основе Баронских статей с 15 по 19 июня 1215 года был выработан окончательный текст Великой Хартии вольностей. Хартия написана на латыни; текст документа не был разделен на пункты, его разбивку произвели позднейшие издатели — в результате чего число статей достигло 63. Они не расположены по какой-либо определенной системе; в литературе отмечалось, что Хартия носит следы поспешного составления: «ее статьи, очевидно, вписывались в нее по мере того, как каждая из них в отдельности приходила на ум людям, договаривавшимся с королем». Рукопись дошла до нас в четырех экземплярах. (Прим. ред.)

вили в носилках, обездвиженного подагрой, и немногие оставшиеся у него сторонники. «Наконец, — пишет Роджер Вендоверский, — король Иоанн, видя, что сил у него меньше, чем у баронов, без дальнейших пререканий подтвердил все записанные законы и вольности, и утвердил их своей хартией»¹¹.

Magna Carta, Великая Хартия, утвержденная Иоанном на Раннимеде, датирована 15 июня 1215 года; но на самом деле Иоанн и бароны торговались еще почти целую неделю, внося поправки и добавляя параграфы, прежде чем документ был торжественно утвержден. В окончательном виде *Magna Carta* обеспечивала баронам разностороннюю защиту от произвола короля; она защищала их имущество, их земли, их право наследования от прихотей Иоанна; окончательное решение по вопросам штрафов и щитовых сборов теперь оставалось за «общим советом нашего королевства», т. е. собранием церковников, графов и баронов. (Этот совет существовал под названием *Curia Regis* со времен Вильгельма Завоевателя, но теперь приобрел более широкие полномочия.) В статье 39 говорится*:

«Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных ему [его пэров] и по закону страны»¹².

Чтобы обеспечить соблюдение хартии, в документе предусматривалось создание комитета из двадцати пяти баронов, которые были вправе конфисковать королевские замки, земли и имущество в случае, если Иоанн откажется исполнять его условия**. Это было очень серьезное изменение в структуре власти — но Иоанн согла-

* Перевод Д. М. Петрушевского. (Прим. ред.)

** *Magna Carta* является одним из наиболее исследованных документов в западной литературе, и подробное ее рассмотрение не укладывается в рамки нашей книги. Для заинтересованного читателя рекомендуем работу J. C. Holt, *Magna Carta* (Cambridge University Press, 1965). «Неизвестная хартия», «Баронские статьи» и полный текст *Magna Carta* в полном объеме содержатся в издании *English Historical Documents*, vol. 3, 1189–1327, ed. Harry Rothwell (Eyre & Spottiswoode, 1975); подробное изложение событий, предшествовавших встрече на Раннимеде, можно найти в книге Danny Danziger & John Gillingham, «1215: The Year of Magna Carta» (Touchstone, 2005)». Обширная библиография лучших работ на эту тему приведена у Michael Van Cleave Alexander, *Three Crises in Early English History* (University Press of America, 1998), pp. 114–120. (Прим. авт.)

силса на него потому, что уже успел придумать способ, как избавиться от надзора. Прежде чем явиться на Раннимед, он написал Иннокентию III, что, если бароны лишат Иоанна королевского авторитета, они тем самым посягнут и на позиции Иннокентия в качестве церковного сюзерена Англии, которому Иоанн присягал как вассал, и на его духовный авторитет.

Иннокентий III, весьма озабоченный прочностью своей власти, отреагировал именно так, как рассчитывал Иоанн. 24 августа он объявил, что Великая Хартия аннулируется. *«Именем Бога всемогущего, отца, сына и святого духа, — значилось в его послании, доставленном в Англию, — ...а также собственной нашей властью... мы категорически отвергаем и осуждаем сей договор, и под угрозой отлучения приказываем королю не соблюдать его»*¹³.

Иоанн, который совсем недавно счастливо прожил пять лет под папским отлучением, теперь решил действовать благочестиво — подчиниться богу, а не людям. После Раннимеда он удалился на остров Уайт. Опираясь на приказ папы, он принялся набирать войско из иностранных солдат: наемников, аквитанцев, сторонников папы. Принятие Великой Хартии обошлось без крови — даже Лондон был взят баронами без боя. Но теперь началась война¹⁴.

Целью Великой Хартии вольностей не было установление демократии. Потому, когда дошло до схватки, бароны решили не избавиться от короля навсегда, а найти лучшего. По словам Роджера Вендоверского, они хотели *«избрать какого-нибудь могущественного мужа королем, дабы тот помог им сохранить их владения и бывшие вольности; и... они единодушно постановили призвать Людовика, сына Филиппа, короля французов, править ими, и возвести его на трон Англии»*¹⁵.

Филипп, не упускавший ни одного шанса досадить врагу, согласился на этот план. Людовику было тогда двадцать девять, он был женат на Бланке Кастильской; 21 мая 1216 года он высадился на английском берегу. Как отмечает «Хроника Мелроуза», *«как только Людовик прибыл в Англию, Уильям Лонгсворд, брат короля Англии, и многие другие покинули короля и перешли на сторону Людовика»*.

Людовик двинулся к Лондону, не встречая сопротивления; Иоанн, осознав, что нанятые им французские солдаты вряд ли выступят против собственного принца, укрылся в Кентерберии. Бароны устроили Людовику торжественную встречу в столице и там провозгласили его королем Англии¹⁶. Затем Людовик с боя-

Хронологическая таблица 35

Англия	Священная Рим- ская империя	Франция и Лангедок	Папство	Пиренейские королевства	Альмохады
Генрих II (1154–1189)	Фридрих I (1155–1190)			Санчо III Кастиль- ский (1157–1158) Фернандо II Леон- ский (1157–1188)	
			Александр III (1159–1181) Виктор IV (антипа- па) (1159–1164)	Альфонсо VIII Кастильский (1158–1214)	
Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170) Мятеж сыновей Генриха II (1173)					Юсуф I (1163–1184)
		Петр Вальдо проповедует ересь			Битва при Уэте (1172)
				Союз пяти христиан- ских королевств (1177)	
		Филипп II Август (1180–1223) Изгнание евреев (1182)			
				Санчо I Португаль- ский (1185–1212) Альфонсо IX Леон- ский (1188–1230)	
Ричард Львиное Сердце (1189–1199)	Генрих VI (1190–1197)				

Англия	Священная Рим- ская империя	Франция и Лангедок	Папство	Пиренейские королевства	Альмохад
Освобождение Ричарда из плена (1194)		Раймонд VI Тулузский (1194-1222)		Санчо Сильный Наваррский (1194-1234)	
	Филипп (не коронован) (1198-1208)			Педро II Арагонский (1196-1213)	Мухаммад аль-Насир (1198-1213)
Иоанн (1199-1216)			Иннокентий III (1198-1216)		
Мятеж против Иоанна (1200-1203)					
Интердикт на Англию (1207)		Доминик де Гусман проповедует против катаров			
Арест евреев в Англии (1210)		Альбигойский крестовый поход (1209-1255)		Перемирие между Педро II и Симоном де Монфором (1210)	
		Симон де Монфор осаждают Тулузу (1211)		Битва при Лас-На- вас-де-Толоса (1212)	
Великая Хартия (1215)		Битва при Бувине (1214)		Хайме I Арагонский (1213-1276)	Юсуф II (1213-1224)
Война баронов (1215-1217)	Фридрих II — король Германии (1215-1250)				
Генрих III (1216-1272)		Принц Людовик вторгается в Ан- глию (1216)			

ми прошел по югу Англии, взял в осаду и Дувр, и Виндзор, а Иоанна загнал на границу Уэльса.

Обе армии предавались «насилию и грабежу, и... разрушению имущества»; страну вновь охватила анархия. Война баронов, как когда-то распря между Стефаном и Матильдой, грозила затянуться до бесконечности. Однако в начале октября Иоанн после трудной поездки слег с лихорадкой. «Болезнь усугубилась из-за его пагубного обжорства, — пишет Роджер Вендоверский, — ибо тем вечером он объелся персиками и пил молодой сидр». Как и Стефана, за семьдесят пять лет до того, Иоанн умер от дизентерии — 18 октября 1216 года, в возрасте 49 лет; королем Англии он пробыл восемнадцать с половиной лет¹⁷.

Принц Людовик полагал, что вся Англия теперь у него в руках. Но Иоанна больше не было в живых, и Уильям Маршал, ставший регентом при его девятилетнем сыне, Генрихе, поклялся, что юный король будет соблюдать Великую Хартию вольностей.

А бароны тем временем уже сожалели о своем замысле. Появление войск Людовика не прибавило им популярности. Французы обращались с английской знатью дерзко и презрительно, а Людовик беззастенчиво объявлял своей личной собственностью замки и земли, захваченные в ходе военных действий против Иоанна. Мало-помалу бароны возвращали свои симпатии дому Плантагенетов. Следующим летом Людовику стало ясно, что его надежды на английскую корону напрасны. В сентябре он сдался и отправился домой («опозорившись навеки», — замечает Роджер Вендоверский). Позор был, возможно, слегка скрашен прощальным подарком: чтобы принц убрался поскорее, Уильям Маршал вручил ему из королевской казны десять тысяч марок серебром¹⁸.

Глава 36

Рождение инквизиции

Между 1215 и 1229 годами Четвертый Латеранский собор призывает к крестовому походу, альбигойские войны завершаются, ордена францисканцев и доминиканцев официально утверждаются, а совет в Тулузе организует новую форму сыска

В течение всего 1215 года священники и епископы съезжались в Рим — поодиночке, парами, группами; прибыв в великий

город, они расселялись по временным квартирам. Среди них был и недавно назначенный патриарх Константинопольский. Прибыли также высшие иерархи церкви из Акры и других владений крестоносцев на Ближнем Востоке. К ним присоединились послы от королей Франции, Англии, Германии и других монархов. Иннокентий III объявил о созыве церковного собора, и весь западный мир откликнулся.

Четвертый Латеранский собор начался 11 ноября*. Роджер Вендоверский утверждает, что присутствовало более восьмисот аббатов и приоров, свыше четырехсот епископов и архиепископов. Там были и Доминик де Гусман, безуспешно пытавшийся проповедью вернуть катаров в лоно церкви десятью годами ранее, и малоизвестный итальянский монах из Ассизи по имени Франциск. Вокруг последнего собралось некоторое количество благочестивых людей, которым пришлось по душе его идея строго следовать учению от Матфея 19:21 («Если хочешь быть совершенным, поди, продай имущество свое и раздай нищим»), и за пять лет до того Иннокентий III разрешил ему основать новый монашеский орден. Они назвались «меньшими братьями», но их прозвали францисканцами — по имени основателя¹.

Четвертый Латеранский собор, самое представительное собрание деятелей Церкви за столетие, по замыслу Иннокентия III, должен был рассмотреть вопросы соотношения между канонической доктриной и ересью. Но в повестке дня возникли изменения, потому что в Рим приехал находившийся в изгнании граф Раймонд Тулузский со своим сыном и несколькими сторонниками; он хотел добиться возврата своих владений, захваченных на тот момент Симоном де Монфором.

Согласно сообщениям современников, Иннокентий III склонился к тому, чтобы отдать Тулузу графу; Симон де Монфор оказался неподходящим правителем для завоеванных земель. Говорят, что Иннокентий жаловался своим легатам: «Он уничтожает не меньше католиков, чем еретиков, горькие жалобы и серьезные обвинения доходят до меня ежемесячно». Но большинство собравшихся священников были против, доказывая, что Раймонд снова

* «Латеранскими» назывались те соборы, которые проводились в самом Риме, в одном из залов Латеранского дворца. (Прим. авт.)

Латеранский дворец служил резиденцией римских пап с IV до начала XIV века — до так называемого Авиньонского пленения. Соборы католической церкви проходили не в нем, а в церкви (базилике), примыкавшей ко дворцу. (Прим. ред.)

предоставит убежище еретикам. В итоге Иннокентий III, приберегая порох для идеологических дискуссий, решил в этом вопросе уступить. Права Симона де Монфора на Тулузу были подтверждены, а из прежних владений Раймонда лишь его родовые поместья в Провансе были сохранены для его сына².

Разобравшись с Тулузой, Четвертый Латеранский собор приступил к делам более важным, — к рассмотрению семидесяти (I) канонов доктрины (все они, по словам Роджера Вендоверского, были зачитаны собранию вслух, «что показалось приятным одним и скучным другим») и провозглашению, в качестве рутинного пункта программы, очередного крестового похода в Святую землю*.

С точки зрения Иннокентия, Альбигойский крестовый поход завершился. Но обездоленный Раймонд VI Тулузский не смирился с уготованной ему участью. Разъяренный, он направился из Рима в город Авиньон в Лангедоке**, где начал собирать войско³.

Симона де Монфора к этому времени в Южной Франции не навидели столь сильно, что Раймонду удалось быстро собрать много сторонников. Он без затруднений занял земли к востоку от Роны: города один за другим с радостью открывали перед ним свои ворота. Обеспокоенный этим, Симон де Монфор дополнительно нанял отряд рыцарей из Франции («пообещав щедро им заплатить», — отметил Пьер де Во-Серне). Но Раймонд неуклонно шел вперед, а Монфору приходилось подавлять беспорядки то в одной части захваченного домена, то в другой; в июле 1217 года он воевал

* С IV Латеранским собором все было не так просто. Выработка 70 канонов представляла собой комплекс мер, которые должны были снять социальную напряженность, вызванную злоупотреблениями в ходе Альбигойской войны, переложить ответственность за насилие и преступления на светские власти и укрепить авторитет Церкви настолько, чтобы никакая оппозиция ей не могла противостоять. Например, было решено «не допускать евреев к общественным должностям; не позволять им показываться на улицах в дни страстной недели» и обязать их постоянно носить на одежде отличительный знак. Другим решением собора было принятие доктрины «пресуществления» в качестве официального церковного догмата. Этот догмат всего лишь провозглашал, что вино и хлеб в ходе католической мессы превращаются в кровь и плоть Иисуса — но на фоне предыдущего решения это не снимало напряженность, а вызывало эксцессы и погромы. В итоге постановления собора не привели к «очищению» католической церкви от мирских грехов и не предотвратили ее сползания в европейскую политическую борьбу. (*Прим. ред.*)

** Город Авиньон, расположенный на левом (восточном) берегу Роны, принадлежит к области Прованс и в описываемое время был столицей графства Прованского. Территория Лангедока (исконные владения графов Тулузских) начиналась на правом берегу. Но жители Прованса сочувствовали соседям и оказывали им моральную и материальную поддержку. (*Прим. ред.*)

сначала в области Корбьер, а затем перешел на левый берег Роны. Пользуясь отсутствием Монфора, жители Тулузы восстали и направили к графу Раймонду гонцов с просьбой вернуться и править ими. Триумфальный въезд Раймонда в Тулузу состоялся 1 октября 1217 года⁴.

Тем временем Иннокентий III, отправившийся в Перуджу (город в Центральной Италии), скоропостижно скончался 16 июля от эмболии, 56 лет от роду*. Конклав кардиналов, даже не позаботившись похоронить умершего, немедленно собрался в Риме, чтобы избрать его преемника; два дня спустя французский богослов Жак де Витри нашел в церкви Святого Лаврентия разлагающееся тело Иннокентия III, лишенное златотканых риз, похищенных ворами.

Избранный папой римлянин Гонорий III немедленно со всей энергией взялся за подготовку к объявленному крестовому походу в Палестину, а Лангедоку внимания почти не уделял — разве что дал разрешение Доминику де Гусману на организацию нового монашеского ордена. Этот орден проповедников, которых вскоре начали называть просто доминиканцами, возобновил начатые Домиником попытки победить ересь в Лангедоке путем увещевания, а не умерщвления его жителей⁵.

Симон де Монфор взял Тулузу в осаду, но рыцари Раймонда и горожане отбивали все его атаки на город; они сообща восставляли укрепления и управляли катапультами, с помощью которых нападающих обстреливали со стен большими камнями. *«Рыцари и горожане носили камни, — говорит тогдашняя „Песнь о Катарских войнах“, — и благородные дамы с дочерьми, юноши, девочки и мальчики, все до единого, большие и малые, и они пели песни и баллады за работой».*

На девятый месяц осады камень, выпущенный из катапульты, к которой были приставлены «девочки и замужние женщины», угодил Симону де Монфору между глаз и пробил череп. Находясь

* Весной 1216 года, после завершения собора, Иннокентий III приехал в Северную Италию, чтобы примирить враждующие торговые города — Пизу и Геную. Он намеревался заключить пакт с Генуей и вернуть в лоно церкви пизанцев, отлученных при его предшественнике Целестине III. Перуджа, будучи формально независимой, держала сторону Рима — в XIII веке папы в трудных обстоятельствах даже находили спасение в ее стенах. Видимо, именно поэтому Иннокентий использовал ее как свою базу. Конклав кардиналов-электоров собрался не в Риме, а в Перудже, уже 18 июля. Известный проповедник Жак де Витри прибыл сюда, чтобы принять посвящение в сан епископа — но ритуал провел уже новый папа, Гонорий III. (Прим. ред.)

шийся рядом рыцарь поспешно прикрыл тело плащом — но весть о гибели Монфора мгновенно распространилась, и его войско сразу же сняло осаду⁶.

Тулуза ликовала — но Гонорий III, услышав эту новость, объявил о возобновлении крестового похода против Лангедока. Чтобы подавить сопротивление южных провинций*, король Филипп II направил на поддержку Амори, 23-летнему сыну Монфора, многочисленные отряды лучников и рыцарей под командованием принца Людовика, только что возвратившегося из неудачной экспедиции на английский трон⁷.

Эта кампания потерпела катастрофический провал. Одним из первых «успехов» Людовика и Амори стали осада и захват городка Марманд**. Вероятно, рассчитывая устроить весь Лангедок и принудить к сдаче, предводители похода санкционировали поголовную резню населения Марманды. *«В живых никого не осталось, мужчин или женщин, старых или малых, — свидетельствует очевидец. — Отрубленные члены и тела, плоть и кровь, обрывки внутренностей валялись повсюду. И земля, и улицы... были красны от крови»*⁸.

Это деяние возымело обратное действие. Сопротивление усилилось. Принц Людовик привел свою армию под Тулузу и приступил к осаде — но через полтора месяца Людовик сообразил, что город слишком хорошо укреплен. Он снял осаду и отправился восвояси. «Он почти ничего не достиг», — резюмировал Гильом де Пюилоран. Папа Гонорий был того же мнения о походе Людовика: «Жалкое отступление», — писал он⁹.

Без Людовика у Амори де Монфора не осталось никаких надежд на возвращение того, что завоевал его отец. Когда Раймонд VI Тулузский умер в 1222 году, прожив почти семьдесят бурных, не-

* В строгом смысле термина южные области современной Франции — Аквитанию (юго-запад), Лангедок (юг) и Прованс (юго-восток) можно называть «провинциями» — либо уже исчезнувшей Римской империи, либо еще не сложившегося королевства Франции. Название *Прованс* происходит от латинского *Provincia* и первоначально означало первое римское владение за пределами Апеннин. Но в описываемый период все эти территории были самостоятельными и фактически независимыми графствами с разной степенью зависимости от разных монархов — к примеру, сам Прованс с 1032 года подчинялся Священной Римской империи. (Прим. ред.)

** Марманд был даже не городом, а бастидой — укрепленным поселением с регулярной планировкой. Его основал в 1195 году Ричард Львиное Сердце и даровал жителям широкие права самоуправления. Расположенный на берегу Гаронны, Марманд богател за счет взимания пошлин. Позднее он перешел во владение графов Тулузских. Во время Альбигойского крестового похода Марманд осаждали и брали трижды — но жестокую резню в 1219 году устроил только не слишком талантливый Амори. (Прим. ред.)

простых лет, графство перешло к его сыну, Раймонду VII. На следующий год не стало и Филиппа II Августа, короля Франции. Он правил более сорока двух лет, и за этот долгий срок удвоил территорию своей державы, поднял авторитет короны до неслыханной высоты, укротил своеволие своих герцогов, графов и баронов. Присоединение областей Западной Франции при Филиппе II стало началом создания государства Франции, какой мы ее знаем ныне.

Людовик VIII, унаследовавший трон, прожил после этого всего три года и умер от дизентерии в 38 лет. Его сын, Людовик IX, был коронован в 12 лет; королева-мать Бланка Кастильская стала при нем регентшей и фактически правила страной. Для того, чтобы восстановить мир на юге, Бланка предложила молодому Раймонду Тулузскому договор. Если бы он согласился скрыть недавно позведенные укрепления Тулузы, передать Франции несколько замков и поклялся бороться с катарской ересью, король Франции признал бы его права на Тулузу. Кроме того, Раймонда VII обязали выделить четыре тысячи марок серебром на организацию в Тулузе университета, где будут преподавать богословие установленного образца и правильные доктрины.

Раймонд VII принял эти условия, и договор был подписан в начале 1229 года в Париже*. Парижский договор укрепил контроль французского трона над Тулузой — но позволил установить мир в истощенных войной владениях графа. Доказывая свою готовность искоренить ересь, Раймонд разрешил провести в Тулузе церковный собор, который прошел в конце 1229 года. На соборе был решен вопрос с организацией университета в Тулузе и определена программа искоренения еретиков. Как значится в итоговом документе собора,

«Мы постановляем, что архиепископы и епископы должны привести к присяге по одному священнику и двух или трех мирян, пользующихся доброй славой... в каждом приходе... дабы они усердно, преданно и постоянно разыскивали еретиков в оных приходах».

* Парижский договор был гораздо выгоднее для Франции, чем для Лангедока — и как только эта земля оправилась от последствий вторжения, борьба возобновилась. Королева Бланка с дальним прицелом внесла в договор пункт о помолвке ее младшего сына Альфонса с единственной дочерью графа Раймонда, Жанной, причем девочку оставила при себе — по сути, заложницей. В 1249 году, когда граф умер, его владения по праву наследования перешли к Альфонсу и тем самым были присоединены к королевскому домену. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 36

Англия	Священная Римская империя и папство	Франция и Лангедок	Пиренейские королевства	Альмохады
Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)				Юсуф I (1163–1184)
Мятеж сыновей Генриха II (1173)		Петр Вальдо проповедует ересь		Битва при Уэте (1172)
			Союз пяти христианских королевств (1177)	
		Филипп II Август (1180–1223)		
		Изгнание евреев (1182)	Санчо I Португальский (1185–1212)	
Ричард Львиное Сердце (1189–1199)	Генрих VI (1190–1197)		Альфонсо IX Леонский (1188–1230)	
Освобождение Ричарда из плена (1194)		Раймонд VI Тулузский (1194–1222)	Санчо Сильный Наваррский (1194–1234)	
	Филипп (не коронован) (1198–1208)		Педро II Арагонский (1196–1213)	Мухаммад аль-Насир (1198–1213)
Иоанн (1199–1216)				
Мятеж против Иоанна (1200–1203)	Папа Иннокентий III (1198–1216)			

Англия	Священная Римская империя и папство	Франция и Лангедок	Пиренейские королевства	Альмохады
Интердикт на Англию (1207)		Доминик де Гусман проповедует против катаров		
Арест евреев в Англии (1210)	Оттон IV (1209–1215)	Альбигийский крестовый поход (1209–1249)	Перемирие между Педро II и Симоном де Монфором (1210)	
		Симон де Монфор осаждает Раймонда Тулузского (1211)	Битва при Лас Навас де Толоса (1212)	
		Битва при Бувине (1214)	Хайме I Арагонский (1213–1276)	Юсуф II (1213–1224)
Великая Хартия (1215) Война баронов (1215–1217)	Фридрих II как король Германии (1215–1250)	Принц Людовик вторгается в Англию (1216)		
Генрих III (1216–1272)		Раймонд VII Тулузский (1222–1249)		
		Людовик VIII (1223–1226)		
		Людовик IX (1226–1270)		
		Парижский договор (1229) Собор в Тулузе		

Карта 36.1. *Мир при создании инквизиции*

После выявления еретиков надлежало сжечь их дома; если они раскаивались «из страха смерти», то их следовало попросту изгнать и заставить носить на одежде кресты из цветной ткани¹⁰.

Назначение смешанных комитетов по борьбе с ересью обязывало теперь участвовать в охоте не только духовенство, но и обычных граждан: им вменялось доносить о своих соседях, отклонившихся от ортодоксии. Раймонд-младший положил конец Альбигойскому крестовому походу — но он не смог помешать Тулузскому собору учредить инквизицию*.

* Инквизиция, учрежденная в Лангедоке, была не первой в истории католической церкви. Исполком веку существовала инквизиция епископская — но она имела местный характер и не оказывала заметного влияния на жизнь общества. Расследование, неофициально начатое доминиканцами в начале XIII века, было затем официально утверждено: в 1233 году папа Григорий IX поручил доминиканцам-инквизиторам тотальное искоренение катарской ереси. К этой задаче подключились и францисканцы — однако именно последователи Доминика де Гусмана оставили по себе память настолько горькую, что она ощущается в Лангедоке до настоящего времени. До крестового похода, при графах Тулузских, этот регион был самым культур-

Глава 37

Буря с востока

Между 1215 и 1229 годами монголы обратили взор на земли, которые лежали к западу от реки Амударьи

Падение цзиньской столицы Чжун-ду открыло монголам дорогу к обладанию северной частью государства чжурчженей. Четырехлетнее пребывание в Китае (во время которого ряды приближенных Чингисхана значительно пополнились за счет цзиньских военачальников, чиновников и советников) показало монгольскому хану, что существуют другие пути строительства империи. Сложная военная кампания против чжурчженей, в которой осады будут сменяться рейдами и стычками, затянется еще на 19 лет. Чингисхан, твердо намеренный покорить Цзинь, в то же время отправляет войска на запад, в долину Амударьи. Но сначала он прибегнул к дипломатии, что было необычным и новаторским для монголов поступком.

За Амударьей раскинулся Хорезм, в прошлом находившийся в зависимости от сельджуков. Полстолетия назад Хорезм отложился от Хорасанского султаната, воспользовавшись смертью великого султана. Теперь государство возглавлял шах Ала ад-Дин Мухаммед II ибн Текеш, который взшел на трон в 1200 году. Он хотел захватить земли Великого Сельджука и тем самым превратиться из мелкого мусульманского правителя во влиятельную фигуру. В то время, когда Чингисхан воевал в Северном Китае, шах Ала ад-Дин вел армию на Багдад, надеясь получить там титул халифа¹.

ным в Европе: здесь высоко ценилась образованность, а грамотность была распространена настолько широко, что светская литература начала развиваться тут раньше, чем в других странах. Здесь возникли теория куртуазной любви и поэзия трубадуров, оказавшие длительное влияние на всю европейскую культуру. Религиозная терпимость на Юге была повсеместной. Евреи пользовались теми же гражданскими правами, что и христиане. Все это было уничтожено не столько крестоносцами, сколько инквизиторами-доминиканцами, усердно трудившимися вплоть до конца XIV века. От любительских попыток установления вины они перешли со временем к изощренной процедуре, гарантирующей обвинение. Вскоре инквизицию возненавидели не только евреи и катары, но и простые католики, даже и местные епископы: инквизиторы, подотчетные только папе, игнорировали светскую власть и часто действовали против интересов местных феодалов, городских советов и местных клириков. (Прим. ред.)

Узнав о появлении монголов, он был вынужден повернуть домой*. Вернувшегося шаха ждали три монгольских посла, которые поднесли ему в дар золото и камни, рог носорога и шкуру белого верблюда. Личный секретарь хорезмшаха Мухаммад ан-Насави так записал деликатное послание монгольского хана:

«Мне известно великолепие твоей державы, а также мне известно, что многие страны признают твою власть. Поэтому считаю своим долгом установить с тобой дружеские отношения... Знай же, что мои земли являются колыбелью воинов, изобилуют всевозможными товарами, а недра их богаты серебром. И если ты сочтешь возможным открыть путь для переговоров между нашими странами, то это было бы для всеобщего блага»².

Нет причин подозревать Чингисхана в нечестности. Размеры его владений уже превзошли самые смелые мечты любого монгольского хана. Соглашение с Хорезмом открывало новые торговые пути и давало возможность сказочно обогатиться. Но хорезмшах, видимо, настолько ожесточился за двадцать лет войны, что в этом обращении ему померещилась угроза. Он подкупил одного из послов и заставил его шпионить на себя. Когда же от хана прибыло новое посольство, Ала ад-Дин приказал арестовать его членов и казнить их. Ан-Насави пишет, что *«он пленил купцов, и они бесследно исчезли»*³. Так нередко поступают с теми, кого боятся**.

* Автор описывает поход 1217 года. Причиной, по которой хорезмшах прервал поход, стало не известие о появлении чужеземных послов, а сильный снегопад, в который хорезмийская армия попала на горных перевалах. Понеся большие потери, шах Мухаммед прекратил поход (это подробно описывает Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави в «Жизнеописании Джала ад-Дина Манкбурны»). (Прим. ред.)

** Тень в отношениях между Чингисханом и хорезмшахом легла уже после первого каравана с подарками. В сопроводительном письме, которое передали послы, Чингисхан назвал Мухаммеда «любимым сыном» — что в понятиях того времени было равнозначно объявить его, правителя крупного государства, своим вассалом. Естественно, Мухаммед II воспринял это как личное оскорбление. Когда в 1218 году прибыл новый караван, между его главой и правителем Отрара Кайир-ханом возник конфликт, который Рашид-ад-Дин более ста лет спустя описывал так: *«Когда послы и купцы прибыли в город Отрар, тамошним эмиром был некто по имени Иналчук... прозванный Кайир-хан. В группе купцов был один индус, который в прошлые дни имел с ним знакомство; Иналчук... приглашал его к себе, тот же, возгордившись величием своего хана... не проявлял к нему [должного] уважения. Кайир-хан на это сердился, да кроме того он позарился и на их [купцов] добро. Задержав их, он послал посла к султану в Ирак с уведомлением о [караване Чингисхана и о]*

Узнав о произошедшем, Чингисхан отправил Мухаммеду письмо, в котором потребовал выдать виновных, грозясь в противном случае объявить войну. Мухаммед II проигнорировал это требование. Расплата не заставила себя долго ждать.

«Этот шаг, принятый под влиянием сиюминутного гнева, — писал через несколько десятилетий ан-Насави, — принес смерть и разрушение в эти земли... И повсюду текли потоки чистой крови». Чингисхан лично возглавил двухсоттысячную армию, состоящую из монголов и представителей покоренных народов, и повел ее на запад. Они проделали долгий путь к границам Хорезма — сначала шли по иссохшим равнинам Гоби, затем обогнули Алтайские горы, прошли по скалистым землям, лежащим между Алтаем и Аральским морем. В 1219 года орда появилась под стенами пограничного города Отрар⁴.

Шах был уверен, что кочевники, представляющие серьезную угрозу только в открытом поле, не смогут взять штурмом укрепленные города. Поэтому он разделил свои войска между приграничными крепостями. Тогда великий хан оставил двух сыновей осаждать Отрар, вторую армию под командованием старшего сына Джучи отправил против соседнего города Ходжента, расположенного у реки, а сам во главе третьей армии выступил на Бухару — крупнейший и богатейший город севернее Амударьи⁵.

Все три города были уничтожены достаточно быстро. Правителю Отрара, отдавшему роковой приказ убить монгольских послов, в глазницы и в глотку залили расплавленное золото. Защитники Ходжента попытались под покровом ночи отступить по течению реки. Но люди Джучи бросились за ними в погоню, так что отступающие были вынуждены углубиться в пустыню, где погибли от монгольских стрел и истощения*. Жители Бухары не организовали сколько-нибудь серьезного сопротивления, но небольшой отряд дворцовой гвардии заперся в городской крепости, где приготовился дать отпор. Тогда Чингисхан бросил войска на штурм. Впереди

положении [купцов]. Хорезмшах, не послушавшись наставлений Чингисхана и не вникнув глубоко, отдал приказ, допускающий пролитие их крови и захват их имущества. Он не понял того, что с разрешением их убийства и [захвата] имущества станет запретной его собственная жизнь и жизнь его подданных. Кайир-хан, согласно приказу... умертвил их, но [тем самым] он разорил целый мир и обездолил целый народ». (см. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1, книга 2. М. — Л.: АН СССР, 1952, стр. 188—189). (Прим. ред.)

* Руководитель обороны Ходжента Темур-мелик не только ушел от монголов, но и сумел освободить от захватчиков город Яныкент, расположенный в нижнем течении Сырдарьи. (Прим. ред.)

себя монголы гнали горожан, которыми прикрывались как живым щитом. После двенадцати дней ожесточенных боев цитадель пала, а оставшиеся в живых защитники были казнены⁶.

Хорезмшах, получив ужасающие вести о потере приграничных областей, бежал на запад. В погоню за ним Чингисхан снарядил двух высокопоставленных военачальников: Джебе-нойона и Субудай-багатура. Но Ала-ад-Дин ускользнул от преследователей, переправившись на остров, лежащий в Каспийском море, где и умер год спустя. Его сын и наследник Джелал-ад-Дин вместе с пятью тысячами преданных людей отступил на восток, в Северную Индию, где надеялся найти убежище.

Джебэ и Субудай во главе 25-тысячной армии обогнули Каспийское море с юга и вторглись в пределы Грузинского царства.

В Грузии, где высокие горы соседствуют с глубокими долинами, издавна обитало множество племен и народов. В начале XII века энергичный царь Давид Строитель сумел объединить под своей властью пеструю смесь из коренных жителей гор, тюрок, киликийских беженцев и мусульман-поселенцев. В конце того же столетия его правнучка Тамара возглавила христианскую Грузию, которая уже занимала земли, бывшие сухопутным мостом между Черным и Каспийским морями⁷.

При ее сыне Георгии IV Грузинское царство было достаточно сильным, чтобы выставить против монголов большую армию. Но Джебэ и Субудай нанесли царю сокрушительное поражение в битве возле столицы Тбилиси. Во время сражения монголы обратились в притворное бегство, а когда ничего не подозревающий противник увлекся преследованием, то неожиданно обрушились на него и разгромили наголову. Тяжелораненый Георгий был вынужден сдать захватчикам юг страны⁸.

Тем временем Чингисхан и его сыновья захватили Самарканд и после короткого отдыха продолжили свой опустошительный поход по землям Хорезма. Население городов, которые не оказывали сопротивления, щадили: такие города монголы только грабили,

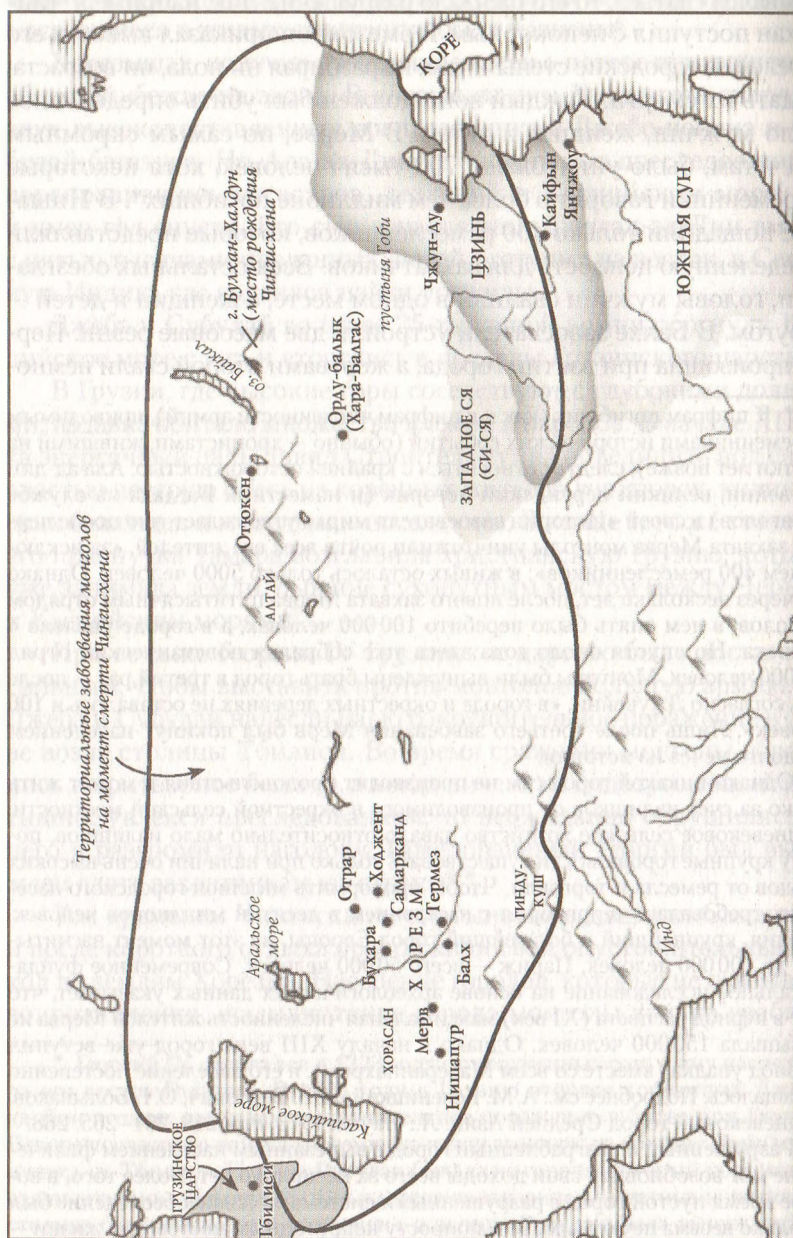
* Георгий IV скончался в 1223 году от полученных ран, и ему наследовала его сестра Русудан. В 1225 году в Грузию вторгся хорезмшах Джелал ад-Дин и нанес грузинам сокрушительное поражение в битве при Гаринси. Вскоре после этого войска хорезмшаха взяли армянскую столицу Двин и двинулись на Тбилиси. Царица Русудан бежала из города, который хорезмийцы взяли штурмом. Джелал ад-Дин жестоко расправился с местными жителями, столица была сожжена и разрушена, а царица Русудан была вынуждена обратиться за помощью к Конийскому султанату. Грузия утратила самостоятельность и к 1240 году была полностью завоевана монголами. (Прим. ред.)

а затем устанавливали здесь свою администрацию. Если город отказывался сдаться, то его ожидало разрушение. Так, например, Чингисхан поступил с непокорным Термезом: он приказал вывести его жителей за городские стены и там, не разбирая ни пола, ни возраста, предать их смерти. Каждый воин должен был убить определенное число мужчин, женщин и детей. В Мерве, по самым скромным подсчетам, было уничтожено 700 тысяч человек, хотя некоторые современники говорят о более чем миллионе погибших*. В Нишапуре пощадили только 400 ремесленников, которые представляли определенную ценность для захватчиков. Всех остальных обезглавили, головы мужчин свалили в одном месте, а женщин и детей — в другом. В Балхе завоеватели устроили две массовые резни. Первая произошла при взятии города, а жертвами второй стали немно-

* К цифрам погибших (как и к цифрам численности армий), приводимым современниками исторических событий (обычно — хронистами, жившими на десятки лет позже), следует относиться с крайней осторожностью. Ала ад-дин Джувейни, великий персидский историк (и наместник Багдада на службе у монголов) в своей «Истории завоевателя мира» утверждает, что после первого захвата Мерва монголы уничтожили почти всех его жителей, «за исключением 400 ремесленников»; в живых осталось только 5000 человек. Однако уже через несколько лет, после нового захвата Мерва пятитысячным отрядом монголов, в нем опять было перебито 100 000 человек, а в городе уцелело 4 человека. Но спустя около года здесь уже собрался повстанческий отряд в 10 000 человек. Монголы были вынуждены брать город в третий раз — после чего, согласно Джувейни, «в городе и окрестных деревнях не оставалось и 100 человек». Лишь после третьего завоевания Мерв был покинут населением и надолго исчез из истории.

Однако никакой город сам не производит продовольствия и может жить только за счет излишков от производимого в окрестной сельской местности. Средневековое сельское хозяйство давало относительно мало излишков, поэтому крупные города могли существовать только при наличии очень высоких доходов от ремесла и торговли. Чтобы прокормить миллион городского населения, требовалась территория с населением в десятки миллионов человек. Венеция, крупнейший и богатейший город Европы, на этот момент насчитывала до 100 000 человек, Париж — всего 50 000 человек. Современное фундаментальное исследование на основе археологических данных указывает, что даже в период расцвета (XI век) максимальная численность жителей Мерва не превышала 150 000 человек. Однако к началу XIII века город уже вступил в период упадка (вместе со всем Мавераннахром), и его население постепенно сокращалось. Подробнее см.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973, стр. 219, 261–265, 268.

Разрушенный и разграбленный город с вырезанным населением физически не мог возобновить свои доходы всего за несколько лет. Более того, в военное время пустой город с разрушенными системами жизнеобеспечения был не только весьма неудобным, но и попросту непригодным местом для жизни — вряд ли бы нашлось много желающих переселяться в него из окрестных деревень. (Прим. ред.)

Карта 37.1. Монгольская империя

гие уцелевшие, которые покинули свои укрытия после якобы ухода монголов. «И где бы ни оставалась стоять стена, — пишет историк XIII столетия Джувеини, — монголы разрушали ее, и во второй раз они стерли все следы процветания с этой земли»⁹.

Между тем Джелал ад-Дин провозгласил себя хорезмшахом и, собравшись с силами, ударил монголам в спину. Узнав об уничтожении хорезмийцами монгольского отряда, Чингисхан немедленно повернул в Индию. Владевшая им жажда мести была так сильна, что, по словам Джувеини, он скакал день и ночь, не останавливаясь даже для принятия пищи. Джелал ад-Дина он настиг на берегу Инда.

В состоявшемся сражении монголы загнали хорезмийцев в реку, где они в большинстве своем погибли от монгольских сабель. Воды реки, по утверждению Джувеини, «покраснели от крови убитых». Самому Джелал ад-Дину удалось с трудом выбраться на другой берег, после чего он покинул битву. Он оставил жену и детей, которые попали в плен. Всех его отпрысков мужского пола казнили¹⁰.

После сражения на Инде Чингисхан вернулся на родину. Кажалось, что своих целей он добился.

Однако на западе хан оставил значительный контингент войск, которым командовал его сын Джучи. Эта армия продолжила опустошительный поход вглубь территорий, лежащих к востоку от Черного моря. В конечном итоге доведенные до отчаяния грузины и проживающие в северных областях Грузии тюрки объединились с намерением остановить наступление захватчиков на Калке*.

* Здесь автор путает не только факты, но и хронологию событий. Разгромив Георгия IV, монголы не «продолжили опустошительный поход» в Грузию, ибо в том же 1222 году сами потерпели поражение в битве на Тереке от объединенных сил половцев, вайнахов, кософов и аланов. Из всех этих племен тюрками были лишь половцы (кипчаки); они жили не на землях Грузинского царства, а севернее Кавказского хребта — но часто нанимались к грузинам на военную службу.

В 1222 году монгольские командиры Джэбэ-нойон и Субудай пошли на хитрость и заключили с половцами мир. Когда же войско половцев вернулось к себе в причерноморские степи, монголы сначала нанесли удар по их союзникам и лишь затем в битве на Дону разбили самих половцев. После этого в начале 1223 году половецкий хан Котян обратился за помощью к своему дядю, галицкому князю Мстиславу Мстиславичу (деду Александра Невского) и к великому князю киевскому Мстиславу Романовичу. Князья согласились помочь половцам — опасаясь, что иначе они переметнутся на сторону монголов. Теперь уже монголы попытались договориться с русскими князьями — но те совершили ту же ошибку, что и хорезмшах, убив послов. Война стала неизбежна, но Грузия к ней никакого отношения не имела. (Прим. ред.)

Вскоре к ним присоединился великий князь Киевский, правивший Русью — государством, расположенным к юго-востоку от Балтийского моря¹¹.

Русь приняла христианство в X веке и с тех пор была сосредоточена главным образом на решении внутренних проблем. Во главе крупных городов стояли удельные князья, которые (как и сельджукские султаны) формально подчинялись великому князю, но на деле ревностно оберегали свою самостоятельность, нередко с оружием в руках. Сидящий в Киеве князь претендовал на то, чтобы именоваться великим, но последние полстолетия его авторитет оспаривали правители Новгорода.

Монголы, действовавшие далеко на юге, пока что не угрожали великому князю Мстиславу III Романовичу. Но победа над новым врагом должна была повысить престиж князя среди собственного народа. Он откликнулся на просьбы о помощи, исходившие от южных соседей, и призвал князей Галича, Чернигова и Смоленска. Во главе восьмидесятитысячной армии Мстислав Романович двинулся на Калку*.

В войсках союзников отсутствовала организация, а среди командования не было согласия. Прежде чем киевский князь понял, что битва началась, половина армии перешла в наступление против занявшего выжидательную позицию противника. Согласно Новгородской летописи, монголы без труда отразили первую атаку, обратив врага в паническое бегство. Часть русских войск бежала, часть — укрылась в лагере Мстислава, которому теперь предстояло в одиночку отбиваться от монголов. После трехдневной осады лагеря монголы сломили сопротивление оборонявшихся и захватили князя в плен**. Как сообщает «Новгородская летопись», победители положили пленных под доски, *«а сами сверху сели обедать, и так окончили они жизнь свою»*¹².

Полководцы Чингисхана бросились в погоню за отступающими на запад русичами, изматывая их постоянными атаками. Достигнув Днепра, они повернули на восток, готовясь отправиться домой. Данные им приказы они выполнили: покарали Хорезм и со-

* Сбор войска состоялся на острове Хортица на Днепре, сама река Калка (Кальчик) находится севернее современного Мариуполя. Современные оценки объединенного русско-половецкого войска колеблются от 15–18 до 40–45 тысяч человек; монголы имели около 20 тысяч. (Прим. ред.)

** Мстислав Романович согласился сдаться в обмен на обещание пленным жизни — скорее всего, это обещание звучало как *не проливать крови*. Казнь без пролития крови считалась у монголов почетной. (Прим. ред.)

Карта 37.2. Битва на Калке

вершили удачный поход на запад. Больше у Чингисхана не было планов в этом направлении.

Теперь его силы были направлены на уничтожение Западной Ся. Однако в самый разгар кампании Чингисхан умер. После падения с лошади на охоте в 1225 году он страдал от повторяющихся лихорадок и мышечных спазмов. Со временем его состояние только ухудшалось, пока в один из дней 1227 года Великий хан монголов не испустил дух в безымянном лагере к югу от гор Линянь. Умирая, он приказал не разглашать факт его смерти до тех пор, пока в сентябре 1227 года не пала последняя тангутская крепость¹³.

* * *

Сыновьям Чингисхана досталась в наследство огромная империя, простиравшаяся на западе до берегов Каспийского моря, а на юге — до отрогов Гиндукуша.

Так как Джучи, сын Чингисхана, скончался за несколько месяцев до смерти отца, то его удел — территории на западе, которые

Хронологическая таблица 37

Англия	Франция и Лангедок	Папство	Южная Сун, Цзинь и монголы	Грузия и Хорезм	Древняя Русь
Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (1162–1170)			Сяо-цзун (1162–1189)	Давид Строитель (1089–1125)	
			Лунсинское соглашение (1165)		
Сыновья Генриха II поднимают мятеж против отца (1173)	Пьер Вальдо проповедует ересь		Рождение Тэмучжина (1167)		
	Филипп II Август (1180–1223) Изгнание евреев (1182)				
Ричард I Львиное Сердце (1189–1199)				Тамара (1184–1213)	
Ричард I освобожден из плена (1194)	Раймунд VI Тулузский (1194–1222)				
Иоанн Безземельный (1199–1216)		Иннокентий III (1198–1216)			
Восстание против Иоанна Безземельного (1200–1203)			Джамуха становится великим ханом (1201)	Ала ал-Дин (1200–1220)	

Англия	Франция и Лангедок	Папство	Южная Сув. Цзинь и монголы	Грузия и Хорезм	Древняя Русь
Папа римский накладывает интердикт на Англию (1208)	Доменик де Гусман проповедует против катаров		Темучжин становится великим ханом (1206)		
	Альбитойский крестовый поход (1209–1255)		Вэй-шао-ван (1208–1213)		
Массовые аресты евреев (1210)	Симон де Монфор осаждает Тулузу (1211)				
Великая Хартия вольностей (1215) Первая война баронов (1215–1217)	Битва при Бувине (1214)	IV Латеранский собор (1215)	Монголы захватывают Чжун-ду (1215)	Георгий IV (1213–1223)	Мстислав Романович, великий князь Киевский (1212–1223)
Генрих III (1216–1272)	Высадка принца Людовика в Англии (1216)	Гонорий III (1216–1227)	Монголы нападают на Хорезм (1219)	Джесал ад-Дин (1220–1231)	
	Раймунд VII Тулузский (1222–1249)		Битва на Инде (1221)		Битва на Калке (1223)
	Людовик VIII (1223–1226)				
	Людовик IX (1226–1270)		Смерть Чингисхана (1227) Завершение завоевания Западного Ся		
	Парижский договор (1229) Тулузский собор (1229)		Угэдей (1229–1241)		

Джучи завоевал собственноручно — разделили между собой два сына*. Самый младший сын Чингисхана по имени Толуй получил родовые земли, второму сыну, Чагатаю, досталась Средняя Азия, а третий сын, Угэдэй, унаследовал титул Великого хана монголов.

Такова была воля Чингисхана. Он часто ссорился с Джучи, а Чагатая считал неподходящим на роль правителя. «Чингисхан потому не завещал ему власти, что ему был известен жестокий, кровожадный и тиранический нрав сына», — поясняет Джувейни¹⁴.

Сначала подобное решение породило раздоры, но к 1229 году монголы единодушно признали Угэдэя законным наследником Чингисхана. Первым делом новый хан отправил армию на запад. Если для Чингисхана страны, лежащие в той стороне, были объектом для набегов, то его сыновья поставили целью их завоевание. И благодаря науке отца они знали, как воевать с оседлыми народами Запада...

Глава 38

Южная Индия и Шри-Ланка

Между 1215 и 1283 годами индуистские и буддистские правители Шри-Ланки разделили остров между собой; на юге Индии Пандья положили конец правлению Чола

В 1215 году индусский феодал Магха отступал на юг вдоль восточного побережья страны. Теснимый с севера делийским султаном, он покинул свои владения в Ориссе и во главе армии отправился на поиски новой родины.

Властолюбивому полководцу было тесно в Ориссе, где правили всеильные потомки династии Чола. Не было ему места и в примыкающем с юга царстве Чола, которое после некоторого подъема в XII веке сейчас уменьшилось в размерах, но по-прежнему оставалось сильным. Поэтому Магха отправился дальше на юг и, переправившись через пролив Палк, высадился на берегах Шри-Ланки.

Своим процветанием этот остров был обязан титаническому труду царя Паракрама Баху. Созданная им ирригационная сеть снабжала водой всех его жителей, а поддерживаемый государством

* Бату (Батый) получил «правое крыло», западную часть Улуса Джучи, Орда-Эджен — «левое крыло», его восточную часть. (Прим. ред.)

буддизм сплотил общество. Такое царство было лакомой добычей для завоевателей.

Три года назад трон уже захватил один из южноиндийских феодалов. Хотя он и был захватчиком, но, по словам буддийских составителей «Чулавамсы» (царской хроники на палийском языке), правил как настоящий буддист, «не нарушая закона». Однако он не смог заручиться достаточной поддержкой в предстоящей борьбе с Магхой, который за счет южноиндийских наемников довел численность своей армии до 20 тысяч человек.

Магха со всей яростью обрушился на север страны. Он разрушал буддистские храмы, уничтожал священные тексты, насильно обращал покоренное население в индуизм, присваивал захваченные земли, отнимал хлеб, скот и имущество. По словам «Чулавамсы», это был *«человек, приверженный ложной вере. Его сердце радовалось дурному управлению. Подобно лесному пожару, он испепелял заросли леса добродетели»*. Захватив столицу, Полоннаруву, Магха частично предал ее огню, ослепил плененного царя и сам возшел на трон. Опираясь на многотысячную армию, новый царь силой подчинил себе местное население¹.

Но весь остров ему подчинить не удалось. «За годы чужеземного правления... добродетельные люди основали [поселения] на нескольких наиболее недоступных горных вершинах и, расселившись там, защищали мирян и Мировой Порядок, так что жили они в мире и согласии».

Перед лицом иноземного владычества коренные обитатели нашли убежище в горах южной части острова, где наемники Магхи не могли их легко найти. Один из таких беженцев взял царское имя Виджайя Баху III и объявил себя потомком знаменитого царя IV века Сирисамгхабодхи, почитаемого за высокие моральные качества. Это был удачный выбор: Сирисамгхабодха в свое время прославился тем, что разгромил мятежников и принес себя в жертву ради благополучия своего народа².

Виджайя Баху объединил разрозненные буддистские общины (*сангхи*), которые прятались в безопасных местах, сплотив тем самым вокруг себя уцелевших ланкийцев. Своей столицей он сделал горное селение Дамбадения, которое превратилось в центр сопротивления. Когда до царя дошли слухи, что несколько монахов, спасаясь из Полоннарувы, забрали с собой Зуб Будды, то он распорядился доставить священную реликвию к себе и учредил пышные празднования по случаю своей интронизации в качестве истинного царя Шри-Ланки. В результате на острове образова-

лось два царства: буддистская Дамбадения и индуистская Полоннарува³.

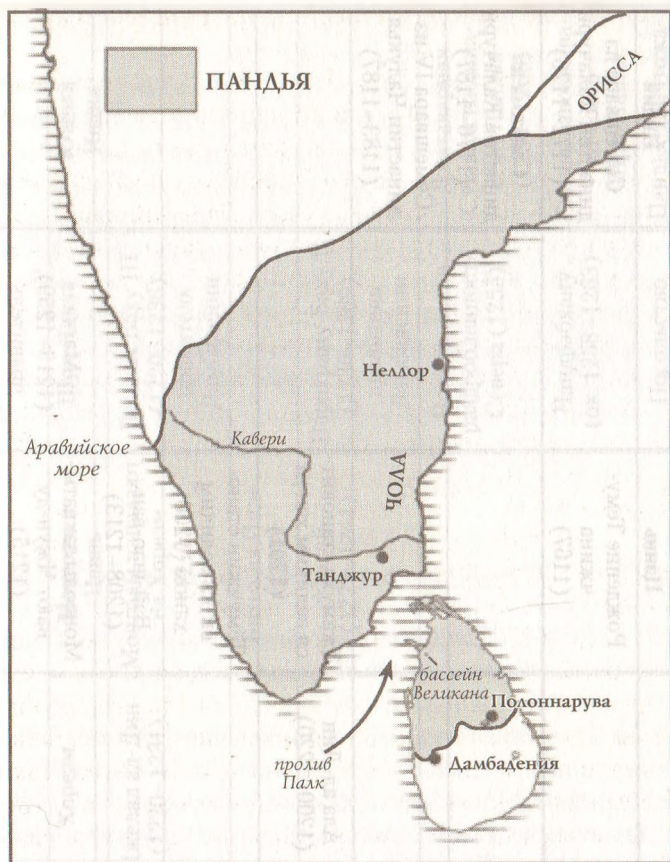
После смерти Виджайи Баху III в 1236 году на трон взошел его сын, который взял имя своего великого предшественника и правил как Паракрама Баху II. При нем мятежная Дамбадения превратилась в центр науки и ланкийского буддизма. Здесь нашли приют все, кто говорил и писал на языке пали. Ранее Виджайя Баху III распорядился, чтобы те, кто обладали «хорошей памятью» и «умели быстро и ясно излагать свои мысли на бумаге», записали по памяти содержание уничтоженных буддистских рукописей. Так была восстановлена огромная библиотека священных текстов. Паракрама Баху II с усердием продолжил это дело, прославившись своей ученостью. Как и Паракрама I, он «очистил Высшую общину Постигшего совершенное Просветление», изгнав недостойных монахов. Религиозная жизнь вернулась в прежнее русло: строились храмы и монастыри, были воскрешены забытые прежде крупные празднества, восстановлено отправление ритуалов. Немало глав в «Чулавамсе» посвящено описанию добродетелей и побед царя. Дамбадения достигла высот древнего царства Полоннарува⁴.

В 1255 году в Полоннаруве после сорока лет пребывания на троне скончался Магха. Столь долгий срок наводит на мысль, что в своем правлении он опирался не только на одну голую силу. Но буддистские хроники не жалеют для царя-индуса слов ненависти и презрения, и это мешает проследить его достижения. Также неизвестно, был ли у Магхи наследник — после его смерти трон Полоннарувы остался пуст, а север распался на удельные владения, управляемые князьками-*ванния*⁵.

В результате эта часть острова стала легкой добычей для искателей славы, которые буквально хлынули на Шри-Ланку. Под их натиском местные жители уходили все дальше и дальше на юг.

Одним из этих искателей славы был Чандрабхану — вероятно, прибывший из Юго-Восточной Азии. Согласно «Чулавамсе», он был «царем народа джавака» и высадился «с огромной армией джавака, вероломно назвав их последователями Будды». Но большинство других пришельцев были выходцами из Южной Индии, где Пандья сбросили владычество династии Чола⁶.

Незадолго до этого выдающийся правитель Джатаварман Сундара возродил мощь государства Пандья. Сейчас оно простиралось от приморского города Неллор далеко на юг к Индийскому океану. Следующей целью Джатавармана была Шри-Ланка, куда он вторгся в 1263 году и сверг «царя джаваков» Чандрабхану. В посвящен-

Карта 38.1. Расцвет государства Пандья

ных ему надписях Джатаварман именуется не иначе как «владыка трех миров». Его владения, кроме собственного царства, включали также западную часть государства Чола и северную Шри-Ланку⁷.

Династия Чола, власть которой теперь распространялась не далее прилегающих к Тханджавуру земель, вскоре сошла с исторической арены. После 1279 года ее цари больше не упоминаются в династических записях. Правителями Южной Индии стали Пандья.

Но ни чужеземная династия, ни тамильский язык ее царей не смогли пустить корни в Шри-Ланке. Дамбадения и язык пали выжили и в этих условиях.

В 1283 году правитель Дамбадени направил посольство в Египет с целью заключить торговое соглашение. «Послы прибыли

Хронологическая таблица 38

Древняя Русь	Грузия	Хорезм	Монголы и Цзинь	Шри-Ланка	Южная Индия
			Рождение Темучжина (1167)		Сомешвара из династии Калачури (1172–1176)
					Санкама из династии Калачури (1176–1187)
	Тамара (1184–1213)				Сомешвара IV из династии Чалукья (1183–1187)
		Ала ад-Дин (1200–1220)	Джамуха становится великим ханом (1201)		
			Темучжин становится великим ханом (1206)		
			Вэй-шао-ван (1208–1213)		
Мстислав Романович, великий князь Киевский (1212–1223)	Григорий IV (1213–1223)		Монголы захватывают Чжун-ду (1215)	Магха (1215–1259), правитель Полоннарувы	

Древняя Русь	Грузия	Хорезм Джелал ад-Дин (1220–1231)	Монголы и Цзинь Монголы нападают на Хорезм (1219)	Шри-Ланка Виджая Баху III (1220–1236), правитель Дамбадени	Южная Индия
Битва на Калке (1223)			Битва на Инде (1221)		
			Угэдей (1229–1241)	Паракрату Баху II (1236–1269), правитель Дамбадени	
				Политическая раздробленность Севера (1255)	Джагварман Сундара из династии Пандья (1250–1268)
				Чандрабахану (ок. 1258–1263)	Пандья завоёвывают север Шри-Ланки
				Посольство Дамбадени прибывает в Каир (1283)	Пандья уничтожают Чола (1279)

в портовый город Ормуз, — сообщает арабский источник, — затем по Евфрату направились в Багдад, а оттуда в Каир».

Преподнесенное султану письмо царя было заключено в позолоченную шкатулку. Шкатулка была обернута материалом, напоминающим кору дерева. На коре непонятными знаками был записан текст письма. Поскольку в Каире не нашлось человека, способного прочесть его, то посланец передал содержание словами. Он сообщил, что его повелитель владеет огромными запасами жемчуга, в его землях процветает рыбный промысел. А еще есть драгоценные камни, корабли, слоны, муслин и другие ткани, древесина бакама, корица и всем этим он готов торговать...⁸

Потомки Паракрама Баху продолжали править в Дамбадени и из-под тени Южной Индии протянули руку остальному миру.

Глава 39

Пятый крестовый поход

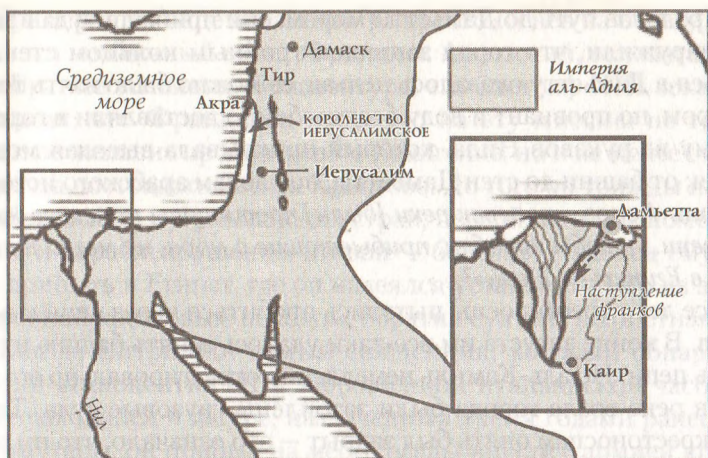
Между 1217 и 1221 годами еще один крестовый поход в Египет терпит поражение

Пока во Франции тянулась альбигойская трагедия, медленно приближаясь к финалу, крестовый поход, санкционированный Четвертым Латеранским собором, помаленьку добирался до Египта. Завоевание Египта было целью крестоносцев уже более половины столетия. Теперь Египтом правил аль-Адиль, брат Саладина — заняв трон Айюбидов, он прекратил распрю между сыновьями Саладина.

Египет все еще удерживал город Иерусалим. Аль-Адилию было семьдесят два, он был слаб здоровьем, но вполне способен организовать сопротивление. *«Воинство Господа собралось в большом числе в Акре, возглавляемое тремя королями: Иерусалима*, Венгрии и Кипра, — пишет Роджер Вендоверский. — Присутствовали также герцоги Австрии и Богемии, большой отряд рыцарей из королевства Германского, да еще несколько графов и высокородных особ».*

Однако правители важнейших держав Европы отсутствовали: короли Англии и Франции; король Германии и ждущий импера-

* Под «Иерусалимом» Роджер подразумевал остатки Иерусалимского королевства, центром которых была Акра; эту территорию все чаще называли королевством Акрским. (Прим. авт.)

Карта 39.1. Пятый крестовый поход

торской короны молодой Фридрих II (хотя он и обещал прибыть, как только укрепит свою власть в Германии); не явился ни один из христианских королей Пиренейского полуострова¹.

Андрей II Венгерский, самый могущественный из государей, взявших крест, сделал это неохотно, — лишь потому, что он дал обет двадцать лет назад и до сих пор не выполнил его. Да и пробыл он в крестовом походе недолго. Прибыв в Акру под конец лета 1217 года, он понял, что для достижения решительного успеха сил явно недостаточно, провел пару коротких рейдов на мусульманские территории, а затем объявил, что обет его исполнен, и отправился домой.

Оставшемуся, существенно ослабленному войску крестоносцев пришлось ждать до весны 1218 года; ведь Фридрих II Германский дал слово, что присоединится к ним. Только в апреле долгожданные немецкие крестоносцы наконец прибыли — хотя и без Фридриха. Он все еще не подавил сопротивления сторонников низложенного Оттона и просил принять его извинения.

Крестоносцы, возглавляемые иерусалимским королем Иоанном, он же Жан де Бриенн*, решили направиться в египетский порт Дамьетту, где был наместником аль-Камиль, старший сын аль-Адиля. Завоевав Дамьетту, они могли бы получить надежную базу для нападения на Каир, столицу Египта.

* Точнее, он был регентом при своей малолетней дочери Иоланде — но из оставшихся правителей был самым значительным. (Прим. авт.)

Проделав путь до Дамьетты морем, они прибыли туда в мае — и обнаружили, что город защищен тройным кольцом стен. Войти в Дамьетту оказалось нельзя; ее можно было взять только измором, но провиант и воду бесперебойно доставляли в город по одному из рукавов Нила, который прикрывала высокая мощная башня; от башни до стен Дамьетты, по словам арабского историка Ибн аль-Асира, *«поперек реки [были] протянуты толстые железные цепи... чтобы корабли, прибывающие с моря, не могли проникнуть в Египет по Нилу»*².

Все лето крестоносцы пытались пробиться через цепи и войти в Нил. В конце августа им все-таки удалось занять башню и перерезать цепи. Но аль-Камиль немедленно отреагировал: по его приказу в реке возле города были затоплены грузовые суда. Теперь путь крестоносцам опять был закрыт — это означало, что им предстоит провести зиму, прокладывая канал, чтобы обойти преграду. Задача была крайне трудной и неблагодарной, и крестоносное войско начало помаленьку таять; подкрепления же приходили весьма немногочисленные. Тем временем, говорит Ибн аль-Асир, Дамьетта *«постоянно получала подкрепления и провизию»*³ и стояла *«целая и неповрежденная, и ворота ее были открыты»*³.

Но тут крестоносцам неожиданно повезло. У старого султана случился удар, и он умер, оставив трон Айюбидов своему старшему сыну. Но один из вельмож в Каире пожелал узурпировать его власть и собрал вокруг себя противников аль-Камиля. Аль-Камиль, вынужден был покинуть Дамьетту и отправиться в Каир. Лишившись руководства, защитники города утратили энергию. К февралю крестоносцы сумели обойти преграду на Ниле и заблокировали пути снабжения Дамьетты. Этот успех позволял им надеяться, что город вот-вот падет — но Дамьетта держалась, хотя жители ее уже начали голодать*.

* После смерти в 1218 году султана Малик аль-Адиля владения Айюбидов были разделены на три части: аль-Камиль получил Египет, его брат аль-Муазам Иса — Палестину и Трансиорданию, третий брат, аль-Ашраф Муса, — Сирию и Джазиру. Младшие братья признали главенство аль-Камиля беспрекословно, что для этой династии было весьма необычно. Таким образом, аль-Камиль командовал обороной Дамьетты, уже будучи султаном, а не наместником. Но уже в 1219 году он оказался в сложном положении. Заговор, едва не стоивший ему престола, был организован эмиром Имад ад-Дином ибн аль-Маштубом, командиром курдского полка, с целью заменить его самым младшим братом, слабохарактерным аль-Фаизом Ибрагимом. Поэтому аль-Камиль был вынужден искать более надежной базы — не в Каире, а в Эль-Мансуре, крепости дальше вверх по Нилу. Вскоре брат аль-Муазам привел из Сирии подкрепления, и с заговором было быстро покончено. Еще до того,

Примерно в конце лета в лагере крестоносцев на берегу Нила появился необычный гость: Франциск Ассизский, основатель ордена Братьев меньших. Бонаventura, его биограф XIII века, рассказывает, что Франциска подвигло на эту миссию не только страстное желание проповедовать Евангелие, но и не менее страстная мечта пострадать во имя Христово. До того он трижды пытался добраться до мусульманских стран; первой попытке помешали шторм и кораблекрушение, второй — болезнь. Наконец ему удалось прибыть в Египет, где он надеялся установить мир на земле, разоренной крестовым походом, обратив султана в христианство.

Жак де Витри, тот самый священник, который обнаружил останки Иннокентия III в заброшенной итальянской часовне*, также находился в лагере; назначенный тремя годами ранее епископом Акры, он прибыл на место осады вместе с армией крестоносцев. В письме к своему клиру в Акре он рассказывает о визите Франциска Ассизского. *«Он пылает таким рвением, что не побоялся пройти сквозь ряды нашего противника. Несколько дней он проповедовал сарацинам слово Господне, однако преуспел мало».*

Далее Франциск Ассизский направился в Каир и даже был допущен на аудиенцию к аль-Камилю. К этому времени аль-Камиль уже справился с мятежом в столице благодаря помощи своего брата аль-Муазам. Он принял Франциска учтиво и выслушал его проповеди. *«Вообще-то сарацины охотно слушают, когда Меньшие братья рассуждают о Христе и учении евангельском — но лишь до тех пор, пока они не заводят речь о Магомете как лжеце и дурном человеке»*, — замечает Жак де Витри.) Переубедить нового султана не удалось, но он отпустил Франциска Ассизского не ме-

чтобы иметь полную свободу действий, братья предложили крестоносцам в обмен на их уход из Египта бывшие территории Иерусалимского королевства, кроме Трансиордании. Жан де Бриенн был готов согласиться, поскольку это и было целью Пятого крестового похода. Однако папский легат Пелагий отказался от заключения мирного договора. В 1221 году аль-Камиль снова предложил мир на тех же условиях, но вновь получил отказ. (Прим. ред.)

* Тело папы, подготовленное к погребению, было выставлено 16 июля 1216 года (в день смерти) не в «заброшенной часовне», а в кафедральном соборе Перуджи. Жак де Витри утверждал, что тело якобы было почти лишено одежды, в состоянии значительного разложения (что не удивительно в июльскую жару). Это зрелище заставило де Витри задуматься, сколь «кратко и тщетно обманчивое великолепие мира сего». Этим комментарием он подчеркнул важность этого папы, которого современники считали «славным во всем». Вскоре Иннокентий был с должным почтением похоронен в том же соборе — где и покоился, пока папа Лев XIII в декабре 1891 года не перенес его прах в Латеранский дворец. (Прим. ред.)

нее учтиво и обеспечил ему охрану, благополучно доставившую клирика в лагерь под Дамьеттой. Там Франциск Ассизский попытался отвлечь солдат от таких развлечений, как посещение борделей и азартные игры, но и в этом не преуспел⁴.

К концу октября на стенах Дамьетты не осталось защитников. 4 ноября крестоносцы взяли город штурмом, предвкушая богатую добычу и славу. Но нашли они лишь кладбище.

Две трети жителей умерли от голода и эпидемий. *«Не только улицы были полны мертвецов, — пишет Оливер фон Падерборн, находившийся с крестоносцами, — но и в домах, в спальнях, на ложах лежали тела... Дети просили хлеба, но никому было подать им его, младенцы на руках у мертвых матерей напрасно пытались извлечь молоко из их груди»**. Потрясенные увиденным, крестоносцы — Франциск Ассизский и Жак де Витри еще были среди них — воздержались от насилия, которым было отмечено завоевание Константинополя. Согласно всем современным источникам, крестоносцы позволили выжившим свободно уйти из города и даже пытались накормить (и окрестить) изголодавшихся детей⁵.

Завоевание Дамьетты стало вершиной Пятого крестового похода. Аль-Камиль, укрепив свою власть над всем султанатом, увеличил численность армии Айюбидов за счет отрядов своего брата. А крестоносцы никаких подкреплений не получили. Войско, занявшее Дамьетту, было слишком слабо для наступления на Каир. Весь следующий год крестоносцы оставались в городе, не желая оставить его и не имея возможности продолжать поход. Франциск Ассизский, который «не слишком преуспел» как в обращении египтян, так и в мученичестве, совершил паломничество в Вифлеем, после чего отбыл на родину. Жак де Витри занялся написанием всеобщей истории крестовых походов. Фридрих II так и не появился — хотя в 1220 году уговорил папу Гонория III короновать его императором Священной Римской империи именно под обещание немедленно после этого отправиться в крестовый поход.⁶

К июню 1221 года Дамьетта окончательно опротивела крестоносному войску. Вопреки советам опытных воинов, главный папский легат Пелагий, сопровождавший крестовый поход, уговорил большую часть армии оставить Дамьетту и идти на Каир.

* Оливер фон Падерборн (ок. 1170–1227) — католический церковный деятель, родом из Вестфалии. Он не только сопровождал отряд немецких и фризских крестоносцев и оставил ценные записки очевидца, но также принял непосредственное участие в осаде, предложив оригинальную конструкцию плавучей осадной машины. Именно благодаря этому устройству была взята башня, защищавшая русло реки. (Прим. ред.)

Долгий и трудный путь замедляли частые стычки с передовыми отрядами аль-Камиля. Крестоносцы зависели от поставок провианта, который везли на лодках из Дамьетты по Нилу — но чем ближе к Каиру, тем чаще речные суда аль-Камиля перерезали этот путь. К концу августа крестоносцы превратились в лишенную мужества толпу, страдающую от голода и жажды. Они решили возвратиться в Дамьетту, но аль-Камиль приказал открыть плотины, расположенные на пути отхода крестоносцев, и позволил Нилу разлиться. Крестоносцы попали в западню: единственную узкую дорогу, оставшуюся проходимой на затопленной равнине, блокировало войско аль-Камиля. Таков был финал Пятого крестового похода⁷.

Аль-Камиль мог бы перебить там крестоносцев всех до единого, но предпочел продиктовать им условия восьмилетнего мира. Крестоносцы их приняли. В обмен на свою жизнь они должны были вернуть Дамьетту, а чтобы гарантировать сдачу города, передали султану двадцать заложников (в том числе и папского легата Пелагия, чья популярность к тому моменту была основательно подорвана). Затем воины креста вернулись в Дамьетту, упаковали свой багаж и отправились по домам. В сентябре того же года Дамьетта, отвоеванная почти без боя, вновь принадлежала султану.

Винить в провале кампании можно было многих. Первое место в списке принадлежало Пелагию: как писал французский ученый Гильом де Клерк, подобной катастрофы следует ожидать, «когда клирик берется руководить рыцарями». Полководцев, которые пошли на поводу у Пелагия, постигло всеобщее осуждение; они же, в свою очередь, порицали папу — а Гонорий III винил Фридриха, который так и не объявился⁸.

Единственным светлым моментом во всей этой мрачной истории были слухи, привезенные Жаком де Витри, что в борьбе против непобедимых мусульман вот-вот наступит перелом. Де Витри объяснял, что до него дошли известия из Индии о христианском государе, который откуда-то из глубин этой таинственной земли идет войско к Багдаду, и оно сметает мусульман, попавшихся ему на пути. Его называли то царем Давидом, то пресвитером Иоанном, и считалось (как утверждал де Витри в письме к Гонорию III), что он, «подобно царю Давиду, святому царю Израильскому... избран полюю Провидения». Этот царь, якобы правивший огромным, но никому не известным христианским государством, имел под началом сотни тысяч воинов. Он уже покорил Хорезм и теперь спешил в Святую землю, на выручку ее святыням⁹.

Хронологическая таблица 39

Шри-Ланка и Южная Индия	Государства тюрок и Сирии	Священная Римская империя	Папство	Византия	Венгрия
Сомешвара IV из Чалукья (1183-1187)	Саладин в Египте (1181-1193)			Андроник Комнин (1183-1185) Исаак II Ангел (1185-1195)	Имре I (1182-1204)
	Третий крестовый поход (1189-1191) Смерть Саладина (1194) Война между сыновьями Саладина	Генрих VI (1190-1197)		Алексий III Ангел (1195-1203)	
		Филипп (не коронован) (1198-1208)	Иннокентий III (1198-1216)		
	Малекаль-Адиль (1200-1218)				
	Четвертый крестовый поход (1202-1204)			Исаак II и Алексий IV Ангелы (1203-1204) Алексий V Дука (1204)	
				Завоевание Константинополя крестоносцами (1204)	Андрей II (1205-1235)

Шри-Ланка и Южная Индия	Государства тюрок и Сирия	Священная Римская империя	Папство	Византия	Восточная
	Иоланда Иерусалимская (1212-1228)	Оттон IV (1209-1215)			
Магха (1215-1255) в Полоннарува	Пятый крестовый поход (1213-1221)	Фридрих II (1215-1250)	Четвертый Латеранский собор (1215) Гонорий III (1216-1227)		
Виджайя Баху III (1220-1236) в Дамбадени	Малек аль-Камиль (1218-1238)	Фридрих II (император, 1220-1250)			
Паракрама Баху II (1236-1269) в Дамбадени					
Джатаварман Сундара из Пандья (1250-1268)					
Раскол севера (1255)					
Чандрабахану (ок. 1258-1263) на севере					
Пандья завоевывает север Шри Ланки					
Пандья уничтожают Чола (1279)					
Посольство Дамбадени в Каире (1283)					

Однако никакого царя Давида, никакого христианского войска из Индии на горизонте так и не появилось. Слухи, дошедшие до Жака де Витри, были искаженными известиями о наступлении монголов с востока*. Великий хан приближался — но он не принес спасения христианству.

Глава 40

От Золотой буллы до Балтийского крестового похода

Между 1218 и 1233 годами король Венгрии вынужден признать права своей знати, а тевтонские рыцари берутся за завоевание Пруссии

Возвратившись на родину после мимолетного визита в Палестину, Андрей Венгерский обнаружил, что страна его находится в состоянии разброда. Что-то назревало еще до его отъезда в Святую землю.

Андрей правил как король уже тринадцать лет — но вззошел он на трон не самым достойным образом. Предполагалось, что он будет исполнять должность регента при законном наследнике, пятилетнем сыне его брата, короля Имре. Но Андрей захватил трон для себя. Его невестка, забрав ребенка, бежала в Австрию, а на следующий год конфликт разрешился сам собой: мальчик заболел и умер. Через три недели Андрей договорился с архиепископом Венгерским, чтобы тот короновал его как короля Венгрии. Желая уладить вопрос без проблем, он принялся щедро раздавать королевские

* Формально войско монголов можно действительно назвать христианским: у потомков Чингисхана и вообще высших монгольских командиров была традиция брать жен из несторианского племени кераитов. Таким образом, значительная часть монгольских командиров в самом деле была несторианами, а все чингизиды воспитывались в духе уважения к христианству (напротив, мусульман монголы недолюбливали). Но отношение монголов к христианству было очень своеобразным: они покровительствовали православию и несторианству, но настороженно (если не отрицательно) относились к католицизму — возможно, это было вызвано поведением крестоносцев, единственных католиков, с которыми столкнулись монголы на тот момент. Известно, что в 1258 году монголы потребовали от князя Боэмунда Антиохийского (принесшего вассальную присягу великому хану) изгнать из Антиохии католического патриарха и выписать из Никеи православного. За это Боэмунд VI был отлучен от церкви; интердикт сняли только в 1263 году. (Прим. ред.)

земли своим сторонникам. Деревни, поместья, замки, крепости — все, что входило в домен королей, становилось легкой добычей.

Ради порядка Андрей дал этим своим действиям название *novae institutiones* — «новое уложение», суть которого сводилась к праву монарха разбазаривать имущество, сколько ему вздумается. Однако его щедрость еще сильнее взбудоражила страну. Раздача земель не создавала системы связей; став на сторону Андрея и получив от него пожалование в обмен на верность, вы не были обязаны никакой службой королю, не должны были выплачивать ни десятину от урожая, ни какие-либо налоги, и ни перед кем не отвечали за благосостояние доставшихся вам крестьян, которые теперь зависели полностью от ваших прихотей.

Все это уже было достаточно плохо, но дары к тому же распределялись неравномерно. Налоги и военные обязанности теперь ложились тяжелым грузом на плечи венгерских герцогов и графов, которые не принадлежали к ближайшему окружению короля. Кроме того, Андрей вызвал у своих людей все возрастающее чувство обиды, благоприятствуя переселению в Венгрию большого числа германских рыцарей¹.

Появление немцев было связано с первым браком Андрея II. Его жена Гертруда была дочерью графа Баварского и вела свое происхождение прямоком от Карла Великого. Андрей заключил этот союз в 1205 году, стремясь упрочить свое положение на троне. Родство с германской знатью обеспечивало ему новых союзников — но оно же привело к переезду многочисленных аристократов со свитой и родственниками из Германии в Венгрию. В первые годы правления Андрея эти германские рыцари сделали владельцами венгерских замков и повелителями венгерских деревень, что отнюдь не прибавило им популярности.

Вторая волна германских рыцарей нахлынула на Венгрию в 1211 году. Тевтонский орден, в который входили германские рыцари-крестоносцы, был утвержден папой около 1200 года. Изначально назначением ордена была защита паломников, прибывающих из германских земель, и охрана их госпиталя Девы Марии в Иерусалиме; но госпиталь этот был разрушен Саладином в 1187 году, и рыцари остались не у дел*. Андрей пригласил их

* В 1190 году, в ходе Третьего крестового похода, немецкие паломники учредили близ крепости Акра госпиталь для больных и раненых соотечественников. Первое время госпиталь входил в структуру ордена госпитальеров, а его руководитель звался «магистром лазарета». Однако немцы с самого начала предпочитали держаться особняком, и вскоре больница попала под

в Венгрию для защиты границ королевства от вторжений куманов — кочевого союза тюрков, монголов и племен, происходивших из Северного Китая, которые медленно мигрировали, все дальше и дальше продвигаясь на запад. В обмен на эти услуги король предложил рыцарям территорию для поселения на восточной окраине Венгрии, в области, покрытой густыми лесами и потому прозванной Трансильванией — от латинского *Transsilvania*, что значит «За-лесье». Здесь тевтонским рыцарям было позволено жить, самостоятельно управлять — и вести крестовый поход против куманов*. От рыцарей требовалось хранить верность королю Андрею, но они не должны были ни платить налоги, ни приносить дань².

В 1219 году, через год после возвращения из Пятого крестового похода, Андрей объявил, что все земли короны, дарованные им, навсегда останутся в руках получателей и могут передаваться по наследству от отца к сыну. В результате Венгрия неизбежно превратилась бы в неуправляемый конгломерат княжеств, в том числе и под контролем немцев; на этом этапе терпение венгерских рыцарей и графов иссякло. Поощряемые Гонорием III (который считал, что Андрей недостаточно ревностно охраняет интересы Церкви в своей державе), они составили хартию, предназначенную защитить как их права, так и права христианского духовенства под властью Андрея II.

Поставленный перед угрозой массового восстания, опасаясь, как бы дворянство не надумало посадить вместо него на трон его сына-подростка Белу, Андрей был вынужден уступить. В 1222 году, в день Святого Георгия, он согласился подписать хартию, которая получила название Золотой Буллы, поскольку ее свиток был

патронаж церкви Святой Марии в Иерусалиме. В 1191 году папа Климент III учредил «Братство Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме» — которое в 1196 году герцог Фридрих Швабский преобразовал в духовно-рыцарский орден за доблесть, проявленную при штурме Акры. На церемонии реорганизации в храме Акры присутствовали магистры госпитальеров и тамплиеров. Позднее, 19 февраля 1199 года, Иннокентий III пожаловал обществу автономию с собственным уставом. Так возник монашеский рыцарский «орден дома Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме» (*Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum in Jerusalem*), задачами которого являлись защита немецких рыцарей, лечение больных, борьба с врагами католической церкви. (Прим. ред.)

* В русской традиции они именовались половцами, их самоназвание — кипчаки. Это было тюркское племя, родственное уйгурам, к XIII веку заселившее огромные степные территории от Алтая до Дуная; позднее, завоеванное монголами, оно составило основной субстрат населения Золотой Орды. Упомянутый ранее половецкий хан Котян Сутоевич сыграл важную роль в истории как Руси, так и Венгрии — см. также примечания к главе 37. (Прим. ред.)

креплен золотой печатью. Хартия начиналась с отрицательной характеристики: *«Вольности знати, равно как и народа сей державы... претерпели великий ущерб и нарушения из-за насилия некоторых королей, коих побуждали к этому их собственные дурные наклонности [и] ненасытная жажда обогащения»*³.

Золотая Булла, как и Великая Хартия вольностей, защищала права богатых и могущественных; простым людям она не давала ничего. Венгерская знать требовала, чтобы налоги не назначались произвольно, чтобы их не заставляли воевать на чужих землях, чтобы король не создавал новое дворянство, раздавая собственные владения. Однако в Золотой Булле содержались такие положения, которые могли пойти на пользу крестьянам. *«Никто не должен быть обвинен или арестован, приговорен или покаран за преступление, — значитсЯ во второй статье, — без предъявления законного ордера и надлежащего судебного разбирательства его дела»*. Кроме того, Золотая Булла, как и Великая Хартия вольностей, четко указывала, что закон стоит выше короля. Если бы Андрею вздумалось нарушить его, тогда *«епископы, равно как и бароны, и знатные люди королевства, по отдельности либо сообща... [могут] оказать нам сопротивление и говорить против нас и преемников наших, не будучи обвинены в измене»*⁴.

Через два года после принятия Золотой Буллы рыцари Тевтонского ордена — вероятно, полагая, что лишившийся поддержки венгерский король стал легко уязвим — попытались превратить свою трансильванскую территорию в независимое государство. Они направили Гонорию III петицию, прося принять их под власть Рима, так, чтобы они подчинялись только папе — и, соответственно, вышли из подчинения царей земных. Гонорий с радостью согласился, хотя не мог не понимать, что за этим демаршем кроется намерение узурпировать венгерскую землю и создать собственную державу.

Король Андрей вознегодовал. Тевтонские рыцари стали для короля, по словам его придворных хроник, «словно жжение в груди, мышЬ в кисете или змея за пазухой, такой неблагодарностью отплатили они ему за гостеприимство». Он собрал армию, пришел в Трансильванию и прогнал зарвавшихся рыцарей⁵.

Лишившись своего гнезда в Венгрии, тевтонский орден какое-то время оставался без работы. Но вскоре у рыцарей появилась новая цель: крестовый поход против язычников и иноверцев недалеко от дома. Новый призыв прозвучал весьма вовремя. Гонорий III, следуя примеру Иннокентия III, оказывал все больше

готовность признать достойными наименования *крестового похода* (со всеми сопутствующими наградами) военные действия против народов, вовсе не являющихся мусульманами. К северу от границ Венгрии и к западу от Руси жил народ, еще не принимавший почти никакого участия в схватках за власть между окружающими его странами. Поляне, западнославянское племя, в течение двух веков занимали пересеченную реками область между Карпатами и Балтийским морем. Их существование было впервые отмечено в анонимной летописи «*Gesta Principum Polonorum*» («Деяния князей польских»), написанной около 1115 года; там говорится, что ими правит династия Пястов, которая приняла христианство где-то в десятом столетии. В 992 году князь Болеслав Пяст короновался и стал первым королем полян — но это не обеспечило стране единства. Родичи Пяста боролись друг с другом за корону, а племенные вожди уворачивались от власти победителей*. Начало XIII столетия поляне встретили разделенными на ряд княжеств — небольших, но упорядоченных и процветающих: Малая Польша, Мазовия, Куявы, Великая Польша, Силезия⁶.

Полянский (польский) князь Конрад Мазовецкий, на севере, надеялся завоевать земли, непосредственно прилегающие к его владениям. Там проживали другие племена, названные по языку, на котором они говорили, литвинами (литовцами). Литовское население делилось на три группы, каждая со своим диалектом. Дальше

* В течение IX века в будущих польских землях возникли крупные союзы племен. Особое значение имели два княжества: вислян в Малой (Южной) Польше и полян — в Великой (Северной) Польше. Висляне в конце IX века оказались под властью Великой Моравии, а затем Чехии. Это определило лидирующую роль княжества полян в процессе объединения польских земель. Завершилось формирование раннего Польского государства в годы правления Мешко I (960–992) и его сына Болеслава I Храброго (992–1025). Усилиями этих князей были присоединены Силезия, Поморье, Малая Польша (в том числе Краков в 999 году). Датой создания первого Польского государства считается момент, когда Мешко I принял христианство в качестве государственной религии — не «где-то в десятом столетии», а конкретно в 966 году. Уже в 1000 году возникло самостоятельное польское архиепископство. Но первым в истории Польши королем Болеслав I стал только в 1025 году, а не в 992-м. Правители Польши активно контактировали с Русью, Чехией и Германией, вступали в военные и брачные союзы, ходили походами на саксов, были хорошо известны в Риме. В упомянутой хронике Галла Анонима «Деяния князей польских» содержится первое упоминание именно о Пясте, а не о народе полян. Старое западнославянское племенное название «поляне» (*Polans*) вышло из употребления уже к началу XIII века (в русских летописях оно последний раз упоминается в 1208 году), и ему на смену пришел национальный этноним «поляки» (*Poles*). (Прим. ред.)

всех к северу, у берегов холодного Балтийского моря, находились летты (латыши); с востока с ними граничила Русь. В бассейне реки Вислы жила вторая группа носителей литовского языка, известная под общим именем «прусы». Между ними располагалась более многочисленная группа, именовавшаяся просто литовцами⁷.

С точки зрения Западной Европы все эти народы жили на краю цивилизации. Согласно Оливеру Падерборнскому, они «поклонялись водам, деревьям, холмам и пещерам... и обожествляли всевозможных мифических существ». Как сообщает анонимная хроника XIII века *«Descriptiones Terrarum»* («Землеописание»), «они сжили своих покойников, вместе с конями, оружием и драгоценными тканями, ибо они верили, будто в потустороннем мире смогут пользоваться этими и другими сожженными предметами». Все это указывало на первобытное язычество, и Гонорий III уже не раз отправлял в литовские земли епископов-миссионеров для обращения их в христианство. Больших успехов они не достигли: «злая, грешная природа пруссов, — пишет немецкий историк Николаус фон Ерошин^{**}, — сделала их столь упрямыми, что никакая проповедь, ни увещевания либо благословения не могли отворотить их от заблуждений»⁸.

По некотором размышлении Николаус фон Ерошин добавляет, что одно хорошее качество у пруссов все-таки есть: они «жили в ми-

* Взаимоотношения между балтскими, славянскими и германскими народами были весьма сложны — однако точно известно, что летты, литовцы и пруссы были различным этносами и говорили на разных языках, хоть и восходящих к общему предку — прабалтийскому языку из индоевропейской семьи. Однако дифференциация между литовским и латышским языками началась около I века н. э., а уже к V–VII векам народы окончательно разделились. Летты изначально были лишь одним из восточнобалтийских племен; в V–VI веках предки латышей стали активно продвигаться на север, занимая территории, ранее заселенные финскими народами. Прусы к XIII веку населяли области в нижнем течении Вислы, на севере ареал расселения пруссов был ограничен линией водораздела рек Преголи и Немана. Литовцы же, подразделявшиеся на две основные группы — аукшайтов и жемайтов (жмудь), практически не покидали территорию, занимаемую ими с древнейших времен, примерно в границах нынешней Литвы. (Прим. ред.)

** Николаус фон Ерошин (*Nikolaus von Jeroschin*, ок. 1290–1341) — священник и историограф Тевтонского ордена в Пруссии. Его принятие в орден подтверждается сообщением Готфрида фон Хаймберга (комтур Кенигсберга в 1326–1329 годах). Состоял в должности капеллана, но в какой местности он нес службу — не указано; вероятнее всего в Кенигсберге. Занимался переводами на восточносредне немецкий язык (стихами) латинских исторических сочинений. В 1331–1335 годах создал «Хронику земли Прусской» (*Di Kronike von Pruzinlant*). (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 40

Тюркские государства, Сирия и Палестина	Византия	Папство	Священная Римская империя	Венгрия	Польша и Балтия
Саладин в Египте (1181-1193)	Андроник Комнин (1183-1185)			Имре I (1182-1204)	
	Исаак II Ангел (1185-1195)				
Третий крестовый поход (1189-1191)			Генрих VI (1190-1197)		
Смерть Саладина (1194) Война между сыновьями Саладина	Алексий III Ангел (1195-1203)				Конрад Мазовецкий (1194-1247)
		Иннокентий III (1198-1216)	Филипп (не коронован) (1198-1208)		
Аль-Адил в Египте (1200-1218)		Создание Тевтонского ордена (1199)			
Четвертый крестовый поход (1202-1204)	Исаак II и Алексий IV Ангелы (1203-1204) Алексий V Дука (1204)				

Тюркские государства, Сирия и Палестина	Византия	Папство	Священная Римская империя	Венгрия	Польша и Балтия
	Завоевание крестоносцами Константинополя (1204)			Андрей II (1205–1235)	
			Оттон IV (1209–1215)		
Иоланда Иерусалимская (1212–1228)				Тевтонские рыцари селятся в Венгрии (1211)	
Пятый крестовый поход (1213–1221)		Четвертый Латеранский собор (1215)	Фридрих II – король Германии (1215–1250)		
Аль-Камиль в Египте (1218–1238)		Гонорий III (1216–1227)	Фридрих II – император (1220–1250)	Золотая Булла (1222)	
				Изгнание Тевтонского ордена из Венгрии (1225)	
					Начало Балтийского крестового похода (1233)

ре с христианами, которые поселились по соседству с ними». Но миру вскоре настал конец. Поляне, ненамного опередившие литовские племена в государственном развитии, сочли их легкой добычей. Конрад Мазовецкий предложил рыцарям Тевтонского ордена новый предлог для крестового похода: они могли явиться в его княжество и победить врагов Христа, проживающих в долине Вислы. Взамен он пообещал им немалый кусок земли на севере своих владений в полную собственность, «на вечные времена... и к тому еще те земли, кои они сумеют завоевать с помощью божией»⁹.

Таким образом, за сравнительно небольшую цену Конрад получил хорошо вооруженную, активную и опытную пограничную стражу, а рыцари Тевтонского ордена — базу для своих операций, шанс завоевать новые земли и все выгоды священной войны: в 1226 году Гонорий III объявил борьбу против носителей литовского языка новым крестовым походом, а это значило, что всем участникам гарантировано полное отпущение грехов.

Рыцарям потребовалось некоторое время, чтобы собраться и обустроиться, но в 1233 году началось первое вторжение в Прус-

Карта 40.1. Балтийский крестовый поход

сию. За ним последовала война, затянувшаяся на десятилетия. То, что называли «Балтийским крестовым походом», обернулось отвратительной, кровавой, бесконечной схваткой, в которой (по словам историка Кеннета Сеттона) *«отсталые племена, не имеющие общей политической структуры, вынуждены были вести безнадежную борьбу за свою жизнь, свои поля, за свою независимость и верования, сопротивляясь превосходящей мощи Запада»*. К тому же вскоре война разделилась на два фронта: один против язычников-литовцев, другой против соседей-христиан, которые надеялись захватить часть территорий к востоку от Балтики¹⁰.

«Он не принес нам никакой радости, только множество тяжелых боев... это земля ужасов и дикости... [где] рыцарственный меч христианства без устали пожирал плоть грешников», — писал о новом крестовом походе Николаус фон Ерошин. На протяжении следующих 50 лет тевтонские рыцари опустошили земли Литвы — возможно, сражаясь за дело Христа, но рассчитывая заполучить государство для себя¹¹.

Глава 41

Среди гор, озер и холмов

В Африке между 1221 и 1290 годами потомок Соломона низложил потомка Моисея, мусульманский царь расширил границы, а цари Манунгубве переселились на холм

В 1221 году умер величайший строитель церквей в Африке. Восемь веков назад при содействии римского императора Константина восточноафриканский царь Эзана принял христианство*. С тех пор царство Аксум оставалось христианским, пока не распалось около середины X века. Немногое осталось после падения главного города империи: лишь монастыри да горстка христианизированных завоевателями народов, которые продолжали жить в тихой безвестности между горными верховьями Нила и берегами Красного моря¹.

Примерно в середине XII века местный вождь Марара присвоил себе царский титул, который носили прежние христианские властители. Он жил на юге древнего Аксума и принадлежал к народу агау, который девять веков находился в подчинении у аксумитов.

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 33.

Последнее обстоятельство не помешало ему объявить себя законным наследником аксумитского трона. Своей столицей Марара сделал небольшой южный город Адафу и подчинил своей власти потомков аксумитов. Цари основанной им династии Загве («тех, кто из агау») не оставили после себя ни хроник, ни надписей, ни даже отчеканенных монет².

Высеченные из скальных монолитов церкви — вот и все, что напоминает о них.

Наиболее плодовитым строителем был внучатый племянник Марары — Гебра Маскаль Лалибела. Себя он объявил потомком Моисея и его эфиопской жены*. Родословная, возведенная к почитаемому в христианской традиции патриарху, была весомым аргументом в пользу легитимности родственных связей с династией Аксума.

Этой цели служила и тщательно продуманная церемония коронации загвейских правителей, свидетелем которой был арабский путешественник Абу Салих. Будущего царя короновал священник под образом архангела Михаила в церкви, ему же посвященной. На его голову не возлагали корону, а выбривали макушку в знак духовного призвания и облекали в священнические одеяния³.

За первую четверть XIII века Лалибела построил около дюжины церквей, вырубленных в каменной толще красного вулканического туфа. Через его столицу протекала неширокая горная река, которая разветвлялась на ряд узких, но более глубоких рукотворных каналов. Реке было дано новое имя Йорданос — по аналогии с рекой Иордан в Палестине. Время превратило отвесные скалы по обоим берегам реки в гигантские валуны, а искусные руки царских каменщиков высекали из этих грубых глыб своды, колонны и арки церквей. На севере располагалась церковь Елеонской горы, а на юге — гора Преображения Господня. Так в африканских скалах, вдали от недостижимого евангельского Израиля, был высечен новый священный пейзаж⁴.

По имеющимся у нас скудным сведениям известно, что в 1270 году выходец из горной области по имени Йекуно Амиак женился на дочери последнего загвейского царя, после чего узурпировал трон своего тестя. Он также не имел реальных прав надевать мантию аксумских царей, так как принадлежал к амхара — со-

* «И упрекали Мариам и Аарон Моисея за жену эфиопянку, которую он взял, — ибо он взял за себя эфиопянку». (Прим. авт.) (Книга Чисел, 12:1). (Прим. авт.)

перенесенно другому народу. Но узурпатор прибег к проверенному способу и объявил себя потомком еще одного ветхозаветного персонажа — царя Соломона. Согласно легенде, постоянно обрастающей подробностями, правительница аравийского царства Саба посетила царя Соломона, чтобы своими глазами увидеть его благородство. Из этого путешествия она вернулась беременной и произвела на свет сына по имени Менелик, который похитил у Соломона Ковчег Завета и вывез его в Африку. Таким образом, как потомок царя и хранитель Ковчега (которого до сих пор никто не видел) Йекуно Амиак являлся достойным наследником аксумского трона⁵.

Кроме того, это гарантировало ему поддержку эфиопской церкви. Воспользовавшись тем, что она признала его право на власть, Амиак перенес столицу в Шеу. Отсюда его потомки из династии Соломонидов будут править страной следующие два с половиной века.

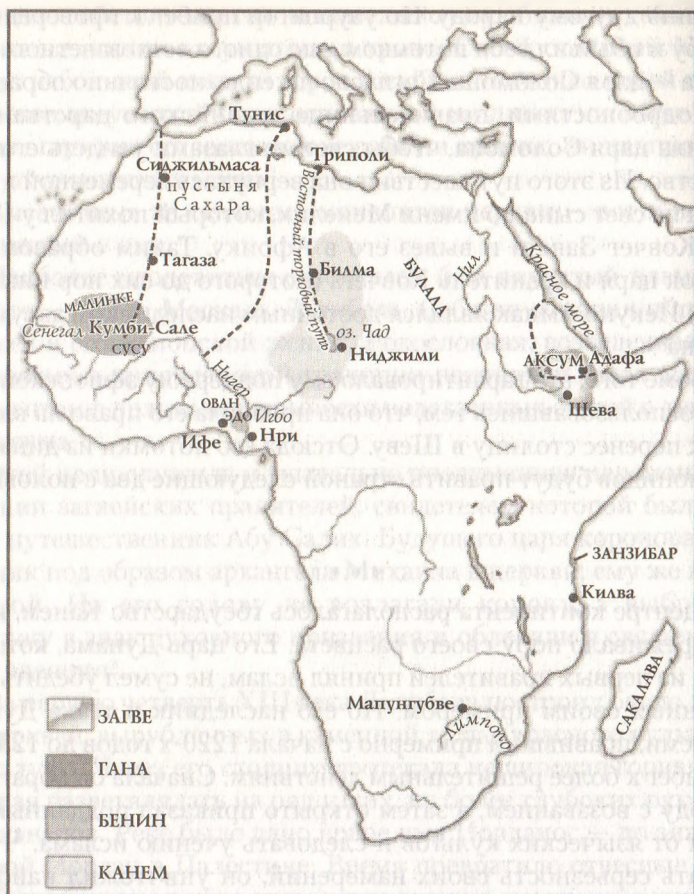
* * *

В центре континента располагалось государство Канем, которое переживало пору своего расцвета. Его царь Дунама, который одним из первых правителей принял ислам, не сумел убедить всех подданных своим примером. Но его наследник и тезка Дунама Дибалеми, правивший примерно с начала 1220-х годов до 1259 года, прибег к более решительным действиям. Сначала он обратился к народу с воззванием, а затем открыто приказал подданным отречься от языческих култов и следовать учению ислама. Чтобы показать серьезность своих намерений, он уничтожил наиболее почитаемую языческую реликвию Канема⁶.

Один из арабских авторов пишет:

«Правящий дом Сефува владел вещью, которую держали вдали от людских глаз, завернутой в материю. От нее зависела удача на поле битвы. Называли ее муне и никто не осмеливался раскрыть ее. Тогда султан Дунама... решил сорвать с нее покров. Подданные пытались отговорить его, но он отказался слушать их. Он развернул муне — и то, что было внутри, улетело прочь»⁷.

Истинная природа *муне* так и осталась тайной — но именно в этом и заключалась ее сила. Священная реликвия, лишившаяся ореола таинственности, переставала быть таковой. Дибалеми же сорвал с нее покров тайны.

Карта 41.1. Загве, Канем и Мапунгубе

Могущественный султан не нуждался в талисманах — и без них ему не было равных в ратном деле. Первые годы своего правления он посвятил организации кавалерии и мог выставить на поле боя сразу сорок тысяч конников. На северном берегу озера Чад воинственный султан построил огромный порт, откуда, по словам арабского географа Ибн Саида, часто отправлял корабли «против идолопоклонников, проживавших на берегах озера... нападал на их корабли, убивал их или обращал в плен»⁸.

За тридцать лет своего правления Дибалеми, опираясь на флот и конницу, расширил свои владения за счет областей вокруг озера

Чад. Благодаря этому он получил контроль над южной частью Восточного торгового пути, что гарантировало бесперебойную торговлю с северными регионами.

Последнее обстоятельство несколько поубавило рвение султана в деле распространения ислама. Да, он питал глубокую убежденность в истинности мусульманского вероучения, о чем свидетельствует отказ почитать тайну муне. Он соблюдал основные предписания ислама: дважды совершил хадж, раздавал милостыню бедным. По словам Ибн Саида, султан отличался «рвением в делах войны и милосердием к нуждающимся»⁹.

Но главным товаром в торговле с севером у Дибалеми, как и у его предшественников, были захваченные рабы-немусульмане, которых он обменивал на лошадей и дефицитные в Центральной Африке товары. Поэтому земли на юг от Чада остались немусульманскими, превратившись в охотничьи угодья для работорговцев — что не противоречило мусульманским законам¹⁰.

Быстрая и повальная ассимиляция соседних племен не принесла Канему долгожданного мира. В последние дни царствования перед Дибалеми серьезно встала проблема скрытого противодействия его правлению. Некоторые источники сообщают, что зачинщиками смуты были племена булала — сторонники старых традиций, которые сопротивлялись политике исламизации. Святотатственное обращение Дибалеми с *муне* поразило и возмутило их. Согласно другим сведениям, по мере территориального роста империи Дибалеми назначал наместниками приграничных районов своих сыновей, которые со временем все больше и больше стремились к независимости. «В разных областях сыновья правителя отделились», — сухо сообщают царские списки Канема¹¹.

Так или иначе, после себя Дибалеми оставил по-прежнему единую державу — самое могущественное мусульманское царство в Центральной Африке, мощь которого обеспечивала сильная армия. Однако при нем же были посеяны семена грядущей бури, которые начали давать всходы.

* * *

К югу от Канема и Загве, на берегах реки Лимпопо, располагалось другое государство, которое не было ни мусульманским, ни христианским. Незнакомое с традицией летописания, столь развитой у христиан и мусульман, царство Мапунгубве не оставило после себя даже списка царей. Единственными свидетельствами его существования служат золото, слоновая кость, стеклянные

Хронологическая таблица 41

Египет и крестоносцы	Священная Римская империя	Византия	Папство	Венгрия и Польша	Загве	Мапунгбве и Канем
Салах-ад-Дин (1181-1193)		Андроник Комнин (1183-1185) Исаак II Ангел (1185-1195)		Имре I (1182-1204)	Лалибела (ок. 1172-1225)	
Третий крестовый поход (1189-1191)	Генрих VI (1190-1197)				Скальные церкви Загве	
Смерть Салах-ад-Дина (1194). Борьба за власть между его сыновьями		Алексей III Ангел (1195-1203)		Конрад I, князь Мазовецкий (1194-1247)		
	Филипп Швабский — король (1198-1208)		Иннокентий III (1198-1216)			
Аль-Адил (1200-1218)			Признание Тевтонского ордена (1200)			

Египет и крестоносцы	Священная Римская империя	Византия	Папство	Венгрия и Польша	Загве	Мапунгубве и Канем
Четвертый крестовый поход (1202–1204)		Крестоносцы захватывают Константинополь (1204)		Андраши II (1205–1235)		
Иоланда Иерусалимская (1212–1228)	Оттон IV (1209–1215)			Тевтонский орден обособляется в Венгрии (1211)		
Пятый крестовый поход (1213–1221)	Фридрих II (1215–1250)		Четвертый Латеранский собор (1215)			Столица царей Мапунгубве на холмах
Аль-Камиль (1218–1238)			Тонорий III (1216–1227)			Дунама Дибалеми (ок. 1220–1259)
	Фридрих II (император, 1220–1250)			Золотая Булла (1222)		
				Начало Балтийского крестового похода (1233)		Разлив реки Лимпопо
					Йекуно Амиак (ок. 1270–1285)	Падение Мапунгубве

бусы и китайский фарфор, что указывает на масштабную торговлю, которую жители Мапунгубве вели даже с Восточной Азией.

Первоначально мапунгубве были группой земледельческих племен, которые кочевали в поисках плодородных земель. Два столетия назад они переселились в долину Лимпопо. С тех пор численность жителей в поселениях выросла до нескольких тысяч. Местное население выращивало множество культур — просо, фасоль, тыквы, дыни, а также разводило овец и крупный рогатый скот. Позже они начали охотиться на слонов и сбывать слоновую кость арабским купцам на побережье. Так сельское хозяйство и торговля слоновой костью стали основой их стремительно возросшего благополучия¹².

Представляется вероятным, что материальные ценности внутри общества распределялись неравномерно. Около 1220 года на близлежащем холме появился комплекс построек. Сам холм представлял собой возвышенность с крутыми склонами и плоской вершиной, на которую вели всего четыре слабо охраняемые дороги. Теперь здесь возвышался новый дворец, окруженный просторными домами. Примерно тридцать лет спустя вокруг поселения выросла массивная каменная стена. У подножия холма теснились лачуги, где ютились примерно пять тысяч царских подданных¹³.

Строительство дворцового комплекса на возвышенности не было продиктовано мерами предосторожности. В Мапунгубве не найдено следов военного вторжения. Здесь, вероятно, обосновались чиновники, судьи и сборщики податей; здесь же находились загоны для скота, мясо которого шло в пищу обитателям дворца. Купаясь в сказочной роскоши, царь в буквальном смысле этого слова возвысился над простонародьем.

Столь явное отмежевание элиты от остального населения было новым явлением в этой части Африки. Тем не менее, такая радикальная двухуровневая система процветала в Мапунгубве некоторое время. Следы поселения расположены на территории площадью 12 тысяч кв. миль (31 тыс. км²), которая буквально усыпана предметами торговли с Египтом, Индией и Китаем. Царские погребения на вершине холма заполнены золотыми украшениями. Тела правителей, облаченные в дорогие одежды и с золотыми браслетами на руках, хоронили в сидячей позе. Один из путей, ведущих на холм, заменила высеченная лестница, окруженная стеной с карнизом, предназначенная исключительно для царя и его придворных¹⁴.

Однако со временем Лимпопо стала ненадежной. Река то мелела, превращаясь в тонкий ручеек, то разливалась бурными потоками. Температура воздуха упала, а количество осадков сократилось. Жители холма начали постепенно покидать обжитые места. Большинство жителей Мапунгубве переселилось на северо-восток — в столицу Великого Зимбабве. В следующем столетии торговые пути также переместились в Зимбабве¹⁵.

Без простолюдинов внизу царь лишился всего: дани, налогов, продуктов питания и почетного места. Около 1290 года он также исчез, оставив заброшенным дворец на холме.

Глава 42

Крестовый поход императора

Между 1223 и 1229 годами император Фридрих II осуществил бескровный захват Иерусалима, получив в ответ черную неблагодарность

Ни венгерский король Андраш II, ни германский император Фридрих II не присутствовали при сдаче Дамьетты в 1221 году. Первый потому, что вернулся домой до окончания Пятого крестового похода, а второй потому, что даже не участвовал в нем.

Снова и снова обещая принять крест и привести с собой немецкие подкрепления, Фридрих II всякий раз находил предлог остаться в Германии. Теперь, когда крестовый поход завершился, император торжественно заявил, что выступит в поход, и священный обет еще предстояло выполнить. В 1223 году он заверил папу Горнория III, что отправится в Святую землю в 1225 году. Но как только пришло время выполнить обещанное, Фридрих перенес дату предприятия еще на два года¹.

Он только что женился, и его второй женой стала Иоланта де Бриенн. Но не радость супружества послужила причиной новой отсрочки: жениху был тридцать один год, невесте исполнилось четырнадцать, и брак между ними был заключен по доверенности. Иоланта была дочерью Иоанна (Жана) де Бриенна, короля Иерусалимского (его королевство более не включало в себя Иерусалим и управлялось из Акры), и законной наследницей короны. Иоанн, хотя и предпочитал зваться королем, был всего лишь регентом при ней. За два года он ни разу не побывал в Акре — зато разъезжал по

Франции, Англии, Испании и Германии, стараясь разжечь религиозный пыл и с его помощью вернуть себе Иерусалим*.

Поэтому, давая согласие на брак, Иоанн лелеял надежды, что новый зять даст ему армию. Но Фридрих только добавил титул короля Иерусалимского к череде своих почетных званий. Он заявил, что как муж Иоланты имеет больше прав на регентство, нежели ее отец.

Случившееся привело Иоанна в ярость — но он был бессилён что-либо предпринять, так как находился в Италии и не располагал армией, а Фридрих пользовался поддержкой Гонория III. Папа римский надеялся, что новый титул ускорит отплытие Фридриха на Святую землю, но, так и не дождавшись, скончался в марте 1227 года. В августе того же года Фридрих начал готовиться к походу. *«Он прибыл в порт с небольшой свитой и погрузился на корабль, — пишет Роджер Вендоверский. — Отплыв на Святую землю, император неожиданно разнемогся... по этой причине повернул назад и после трехдневного плавания вернулся в порт, из которого прежде отбыл»².*

Современникам оставалось только закрыть глаза на «внезапный» недуг императора**. Однако преемник Гонория, бывший итальянский кардинал, избранный под именем Григория IX, немедленно отлучил Фридриха от церкви за неисполнение обетов. Новый папа опасался, что его будут воспринимать как «пса, разучившегося лаять». Он хотел доказать католическому миру, что является папой не только по титулу — и донес весть об отлучении германского императора до двора каждого правителя в Европе³.

Так началась ожесточенная борьба между императором и папой римским, которая продлилась два десятилетия. По своей силе и накалу это противостояние напоминало дни правления грозного Генриха V. Фридрих был настроен решительно и не собирался поступать ни йотой прерогатив светского властителя, которые он цеп-

* Покойная мать Иоланты была внучкой короля Иерусалимского Амалика (1163–1174) и правнучкой Фулька Иерусалимского, отца Генриха Плантагенета и бывшего графа Анжуйского. Ее муж, Жан де Бриенн, был вторым сыном графа Бриеннского (Шампань). (Прим. авт.)

** Вопрос о том, не симулировал ли император свою болезнь, остается открытым. Такой авторитетный биограф Фридриха, как Давид Абулафия, указывает на тот факт, что в море заболел и даже скончался один из спутников Фридриха — ландграф Тюрингский (David Abulafia. *Frederick II: A Medieval Emperor*, pp. 165–166). Однако Григорий IX категорически отказывался верить в болезнь императора, и кажется вероятным, что многие разделяли его точку зрения. (Прим. авт.)

ко держал в руках. Его неповиновение папе было настолько дерзким и вызывающим, что многие считали его воплощением антихриста. Францисканец Салимбене (XIII век) писал о «некоем аббате ордена флорансов, человеке преклонных лет и праведного образа жизни», который спрятал все свои книги, опасаясь, чтобы Фридрих не предал всю округу огню и мечу. *«Он [т. е. аббат] считал, что душа императора вмещала все тайны зла и беззакония, поскольку он находился в непримиримом противоборстве с Церковью»*⁴.

Фридрих использовал весь арсенал прав, которые были объектом переговоров в прошлом. Он «назначал епископов, архиепископов и прочих прелатов, и смещал тех, которых назначал папа; облагал духовенство высокими налогами», — пишет итальянский хронист Джованни Виллани. Фридрих претендовал на прямое управление Италией. Вместо того, чтобы договариваться с Григорием IX, он разослал королям и князьям Европы памфлет, в котором обвинял католическую церковь в алчности и стяжательстве. По словам Роджера Вендоверского, этот памфлет должен был предупредить, что ради наживы папа по-прежнему будет лишать наследства «императоров, королей и князей». *«Свое письмо он завершил советом всем правителям мира остерегаться подобной вопиющей алчности: если запылает соседский дом, черед твоего наступит потом»*⁵.

Иоланта тем временем серьезно отнеслась к обязанностям супруги. В пятнадцать лет она родила первого ребенка — однако девочка умерла спустя девять месяцев. В это время Иоланта была уже вновь беременна, и в конце апреля 1228 года у нее рождается сын. Молодая мать не пережила вторых родов. Она умерла вскоре после своего семнадцатого дня рождения и была похоронена в соборе южноитальянского города Андрии. Смерть Иоланты поставила под сомнения притязания Фридриха на иерусалимскую корону. Как муж покойной наследницы, он имел прав на трон не больше, чем ее отец. Бесспорным претендентом на корону был его новорожденный сын Конрад. И в роли его опекуна выступал не Иоанн, а Фридрих⁶.

Теперь у Фридриха II появилось достаточно веских причин отправиться в Иерусалим. В начале сентября 1228 года император высадился в Акре всего с шестьюстами рыцарями. Так начался Шестой крестовый поход. Увы, Фридрих был отлучен от церкви, и едва ли весть о начале похода принесла радость папе римскому. Это обстоятельство так огорчило Григория IX, что он вторично отлучил императора. Он резко заявил, что крошечная армия Фрид-

риха больше походит на разбойничью шайку, нежели на императорскую рать⁷.

Ничуть не смутившись, Фридрих принялся за дело. Ему не нужна была огромная армия, чтобы воплотить в жизнь свою необычную стратегию.

Египетский султан аль-Камиль воевал со своим братом аль-Муаззамом, наместником Сирии, который поднял мятеж во вверенных ему землях. Ранее Фридрих уже обговаривал план действий с аль-Камилем. В обмен на Иерусалим он обещал выделить султану немецкие и итальянские отряды для подавления сирийской смуты. Но ко времени его прибытия ситуация изменилась. Арабский дипломат и историк Ибн-Уасиль, который находился на службе аль-Камиля, так описывает возникшую проблему:

«Прибытие императора в Акру озадачило аль-Малика аль-Камиля: ведь его брат аль-Малик аль-Муаззам, из-за которого он обратился к Фридриху за помощью, уже умер, а значит, султан более не нуждался в императоре. Но нельзя было прогнать его или обратить против него оружие, не нарушив заключенного прежде соглашения. Кроме того, это могло бы воспрепятствовать султану в достижении целей, которые он вынашивал в своем сердце. Поэтому султан заключил договор с Фридрихом и обращался с ним как с самым близким другом. О том, что за этим последовало, я поведаю позже, да будет на то воля Всевышнего... Император расположился в Акре и до конца года обменивался посольствами с аль-Маликом аль-Камилем»⁸.

Фридрих отказывался уходить, а султан не желал вступать в войну. В конце концов, оба правителя договорились о сдаче Иерусалима. Город лежал в руинах, так как городские укрепления были разрушены восставшим аль-Муаззамом, а большая часть населения бежала. Остались лишь горстка солдат, несколько чиновников, которые предпочли бы оказаться в каком-нибудь другом месте, да немногие смельчаки, не желавшие покинуть город. Передавая Иерусалим, аль-Камиль выдвинул ряд условий. Запрещалось восстанавливать городские стены и обращать в христианство население близлежащих окрестностей. Мусульмане сохраняли контроль над Храмовой Горой и Куполом Скалы (с правом посещения этих святынь христианами) и могли беспрепятственно отправлять в них свои обряды⁹.

Не вынимая меча из ножен, Фридрих добился главной цели всех предыдущих крестовых походов. Но при этом он так и остал-

ся отлученным от церкви и нераскаявшимся. Этот факт не позволял папе в полной мере насладиться победой христианского оружия.

На самом деле заключенное соглашение не устраивало всех. *«Эти новости быстро облетели мусульманский мир, — пишет Ибн-Уасиль, — который горько оплакивал потерю Иерусалима и решительно осуждал... бесчестный поступок аль-Камиля».* Историк Ибн аль-Асир горестно восклицает: *«В этот год франки (порази их Аллах!) приняли Иерусалим, как то было договорено. Да возвратит его Аллах быстрее в руки правоверных!»*

Такой же резкой была и реакция христиан. Фридрих II связал себя священными обязательствами с неверным, что не приличествовало христианскому правителю. Григорий IX, обладавший талантом отпускать едкие замечания, назвал это соглашение «согласием между Христом и Велиаром»^{*10}.

Фридрих проигнорировал гневные обвинения, и 18 марта 1229 года вступил в Иерусалим. Патриарх Иерусалимский попытался воспрепятствовать его визиту в Храм Гроба Господня, так как император оставался отлученным. Но Фридрих не придавал значения этому запрету. «Преисполненные благоговения, мы посетили усыпальницу Бога Живого, как то подобает католическому императору, — сообщал он в своих письмах. — На следующий воскресный день мы надели там венец во славу Всевышнего». Он подразумевал, что посетил храм всего лишь как император Священной Римской империи — но разгневанный патриарх не позволил ему узурпировать титул его же малолетнего сына и возложить на свое нечестивое чело корону Иерусалима. Слухи о произошедшем разошлись немедленно.

Фридрих не собирался надолго задерживаться в Иерусалиме. Назначив регентами Балиана Сидонского и Гарньера Немца, он вернулся в Акру и 1 мая взшел на борт своего корабля, готовясь отплыть домой. Хотя Фридрих II и вернул христианам Святой город, он не удостоился подобающих герою проводов. Слухи о самовольной коронации достигли Акры и вызвали такое негодование среди местных жителей, что они забросали императора потрохами и требухой, когда он выезжал из города¹¹.

* «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами?» (2 Кор. 6:14–16). (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 42

Венгрия	Польша	Загве, Канем и Мапунгубве	Египет и крестоносцы	Священная Римская империя	Папство
Имре I (1182–1204)		Лалибела (ок. 1172–1225)	Салах-ад-Дин (1181–1193)		
		Скальные церкви Загве	Третий крестовый поход (1189–1191)	Генрих VI (1190–1197)	
	Конрад I, князь Мазовецкий (1194–1247)		Смерть Салах-ад- Дина (1194). Борьба за власть между его сыновьями		
				Филипп Швабский (1198–1208)	Иннокентий III (1198–1216)
			Аль-Адиль (1200–1218)		Признание Тевтон- ского ордена (1200)
Андрей II (1205–1235)			Четвертый кресто- вый поход (1202–1204)		

Венгрия	Польша	Загве, Канем и Мапунгубве	Египет и крестоносцы	Священная Римская империя	Палатство
Тевтонский орден обосновывается в Венгрии (1211)		Столица царей Мапунгубве на холмах	Иоланта, королева Иерусалима (1212-1228)	Оттон IV (1209-1215)	
			Пятый крестовый поход (1213-1221)	Фридрих II (1215-1250)	Четвертый Латеранский собор (1215)
Золотая Булла (1222)		Дунама Дибалеми (ок. 1220-1259)	Аль-Камиль (1218-1238)	Фридрих II (император, 1220-1250)	Гонорий III (1216-1227)
Изгнание Тевтонского ордена (1225)		Разлив реки Лимпопо. Падение Мапунгубве	Смерть Иоланты (1228)		Григорий IX (1227-1241)
	Начало Балтийского крестового похода (1233)		Шестой крестовый поход (1228-1229)		
			Сдача мусульманами Иерусалима (1229)		
		Йекуно Амиак (ок. 1270-1285)			

Глава 43

Королевства Индокитай

Между 1224 и 1257 годами в Дайвьете правит новая королевская династия; от кхмеров отложилась новая народность и создала собственное государство; к господству стремятся южные соседи вьетов — чамы

Король Дайвьета был болезненным человеком. Вот уже четырнадцать лет на троне сидел Хюэ-тонг из династии Ли*. Он прошел тернистый путь к власти. Ему не было пятнадцати лет, когда в результате дворцового переворота свергли его отца Као-тонга. Королевская семья бежала в провинцию Намдинь, где нашла убежище у Чанов — самого богатого клана на побережье. Своим процветанием Чаны были обязаны рыболовному промыслу, которым они занимались издавна. В изгнании наследный принц Хюэ-тонг женился на молодой девушке из этого дома, что обеспечило ему безоговорочную поддержку Чанов. С помощью новых родичей Ли вернулись в столицу Тханглонг.

В 1210 году, когда умер Као-тонг, Хюэ-тонг взял бразды правления страной в свои руки. Семнадцатилетний монарх был полностью зависим от родственников жены и жаловал им высокие посты при дворе. Теперь, когда ему исполнилось тридцать, его окружали аристократы, министры и полководцы из клана Чан, интересам которых он был полностью подчинен.

Кроме того, у него не было наследника.

И без того меланхолический Хюэ-тонг все больше и больше погружался в бездну отчаяния. Его душевное состояние стало предметом дворцовых сплетен, которые со временем превратились в анекдотичные истории. «Немощный и трусливый, — гласит одна такая история, — король Ли Хюэ-тонг отрекся от престола и удалился в загородное поместье». Вместо себя он оставил семилетнюю дочь Тьеу-хоанг¹.

На самом деле Хюэ-тонг передал управление страной в руки Чанам, так как малолетняя Тьеу-хоанг не имела права голоса при дворе, а вместо нее в качестве регентов правили мать и родственники. Начальник дворцовой стражи Чан Тху-до, дядя маленькой

* В истории Вьетнама было две династии Ли. Первая правила в 544–602 годах, ее называют иногда Ранней. Вторая, или Поздняя, о которой идет речь, правила в 1009–1225 годах. (Прим. ред.)

королевы, устроил брак девочки с ее двоюродным братом Чан Канем, восьмилетним сыном другого дяди из Чанов. Когда отпраздновали свадьбу, Тьеу-хоанг безропотно передала права на верховную власть юному мужу. В декабре 1225 года Чан Кань был провозглашен императором Дайвьета².

Месяц спустя в буддистском храме скончался Хюэ-тонг. Как гласит традиция, Чан Тху-до явился к нему и заявил, что правление его дочери будет спокойным только в том случае, если Хюэ-тонг исключит любую попытку мятежа в пользу Ли. «Через несколько дней после этого разговора короля Ли Хюэ-тонга нашли повешенным в ветвях дерева»³.

Обстоятельства позволяют предположить, что Чан Тху-до пошел дальше, чем просто предложил покончить жизнь самоубийством. В любом случае, смерть Хюэ-тонга положила конец более чем двухсотлетнему правлению династии Ли. Дитя Чан Кань стал королем Дайвьета, а его дядя Чан Тху-до немедленно провозгласил себя великим канцлером.

Энергии и решительности Чан Тху-до было не занимать. В тридцать один год он стал фактическим правителем Дайвьета и основателем новой династии. В статусе «короля без короны» Чан Тху-до оставался вплоть до самой смерти, последовавшей в 1264 году. Он разработал хитроумный план по уничтожению оставшихся членов дома Ли. Один из хронистов-современников сообщает, что Чан Тху-до распорядился соорудить храм и вырыть в нем огромную яму. После под предлогом поминания предков он пригласил туда клан Ли. Когда они собрались, он приказал обрушить сооружение вместе с людьми в яму и похоронить их заживо. Другой источник XIII века под названием «Исторические записки Дайвьета» («Дайвьет шы ки») сообщает, что Чан Тху-до разослал по всей стране геомантов, чтобы те разыскивали вероятные места рождения будущего короля Дайвьета. Когда такие места были обнаружены (судя по всему, они служили вместилищем особой энергии, которую могли обнаружить только те, кто был обучен чувствовать токи земли), Чан Тху-до велел перестроить их или разрушить до основания⁴.

При Чан Тху-до и послушном ему Чан Кане (вошедшем в историю под посмертным именем Тхай-тонг) вся система государственного управления подверглась реорганизации. Страну разделили на двенадцать провинций, для содержания увеличившейся регулярной армии и финансирования ирригационных работ ввели новые налоги, провели тщательную перепись населения. По ки-

тайскому образцу была учреждена Государственная школа, где будущие чиновники получали классическое образование.

Но отдавая должное важности конфуцианского образования, Чаны не копировали слепо китайские образцы. Один из поздних императоров писал: «От самого основания династии наши предки создали собственное уложение законов, а не следовали законам и установлениям Сун»⁵.

Молодой король рано осознал, что он играет роль декорации. В 1236 году он попытался отречься от престола и бежать в монастырь — но Чан Тху-до задержал беглеца и вернул его во дворец. Превратившись в узника престола, Чан Кань посвятил себя целиком написанию трактатов по буддийской философии. Он писал, что тот, кто не отдает все свои силы самопознанию, подобен

Злополучному скитальцу на дороге жизни.

Все дальше невзгоды уводят его от отчего дома...

К чему уходить так далеко? Ведь можно уйти домой»⁶.

Рождение сына в 1240 году подарило Чан Каню надежду, что однажды он сможет променять скипетр на монашеские четки. Но пройдет еще двадцать лет, прежде чем он обретет желанное уединение.

Пока что он должен был исполнить долг государя и возглавить в 1252 году поход против южных соседей.

* * *

Кхмеры, грозные в прошлом враги Дайвьета, теперь израсходовали свой потенциал. У преемников воинственного Сурьявармана не хватило сил удержать приграничные области его державы. В 1238 году сократившееся в размерах Кхмерское государство потеряло территории на западе — плодородные равнины Чаопхраи (Менама), прорезанные сетью небольших рек и покрытые горами. Проживавшие здесь народы были известны кхмерам и чамам под названием «Сиам». На барельефах Ангкор-Вата мы видим сиамов в составе армии кхмерского короля, марширующих отдельно и носящих явно отличающиеся доспехи⁷.

Кхмерский правитель Индраварман II (загадочный король, практически не упоминаемый в источниках) пожаловал одному из тайских вождей Пха Мыонгу королевский титул и выдал за него свою дочь. Тем самым ему удалось на некоторое время удержать тайцев в верховьях реки. Но в 1238 году Пха Мыонг заключил союз с другим тайским вождем, сохранившим независимость от

кхмеров. Объединив усилия, они напали на кхмерские земли в Сукхотае, крупнейшем городе долины Чаопхраи, и изгнали оттуда кхмерских чиновников.

Вероятно осознавая, что нарушение клятвы верности, данной кхмерскому королю, подорвет его авторитет, Пха Мьюнг провозгласил правителем долины своего союзника Банг Кланг Тао. Это первое независимое королевство сиамов положило начало формированию тайской государственности⁸.

Тем временем на востоке кхмерское иго сбросила угнетенная Тямпа (Чампа). И хотя времена былого величия были позади, при Джайе Парамешварармане II страна вновь переживала подъем.

Он вззошел на трон в 1227 году и немедленно приступил к восстановлению разрушенных храмов, дворцов, дамб и портов. В поисках богатств и рабов тямы начали совершать пиратские налеты на побережье Дайвьета. В надписях времен правления Джайи Парамешварармана II мы читаем: *«Он восстановил все лингамы на юге... и все лингамы на севере. Он вновь правил своей страной как индуистский царь и покончил с притязаниями богоподобного правителя кхмеров, который был потрясен этим»*⁹.

Видимо, на время Тямпе удалось изменить баланс сил в свою пользу и превратиться в наиболее процветающее государство Юго-Востока. Тямские корабли поставляли в китайские порты алойное дерево*, слоновью кость и рог носорога, а домой возвращались груженные шелком и фарфором. Сам Джайя Парамешварарман скопил немало сокровищ, и, чтобы продемонстрировать свое величие, щеголял перед подданными в нарядах, украшенных золотом и камнями¹⁰.

Около 1252 года он потребовал у вьетов вернуть три пограничные провинции, захваченные еще при династии Ли. Эти провинции были яблоком раздора между двумя государствами, и у Чан Каня и его дяди появился удобный повод нанести ответный удар. Дайвьетская армия вторглась в северные пределы Тямпы. В решающем сражении Джайя Парамешварарман II пал, а его дочь, наследную принцессу Бо Да-ла, захватили в плен и увезли в Тхан-лонг.

Между четырьмя королевствами Индокитая установилось хрупкое перемирие. Притязания Тямпы были обузданы, сын Чан

* Алойное дерево (каламбак) имеет твердую, смолистую ароматическую древесину. Она считалась на Востоке очень дорогим лекарственным средством и весьма ценилась как курительное вещество для религиозных ритуалов. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 43

Загве, Мапунгубе и Канем	Египет и крестоносцы	Священная Римская империя	Дайвьет	Тямпа, Кхмер и Сиам
Лалибела (ок. 1172–1225)	Салах-ад-Дин (1181–1193)		Ли Као-тонг (1176–1210)	
Скальные церкви Загве	Третий крестовый поход (1189–1191)	Генрих VI (1190–1197)		
	Смерть Салах-ад-Дина (1194). Борьба за власть между его сыновьями	Филипп Швабский (1198–1208)		
	Аль-Адиль (1200–1218)			
	Четвертый крестовый поход (1202–1204)	Оттон IV (1209–1215)	Ли Хюэ-тонг (1210–1224)	
	Иоланта Иерусалим- ская (1212–1228)	Фридрих II (1215–1250)		Индраварман II (? — ок. 1243)
	Пятый крестовый поход (1213–1221)			
Столица царей Мапун- губе на холмах				

Загве, Мапунгубве и Канем	Египет и крестоносцы	Священная Римская империя	Дайвьет	Тямпа, Кхмер и Сиам
Дунама Дибалеми (ок. 1220–1259)	Аль-Камиль (1218–1238)	Фридрих II (император (1220–1250)		
			Ли Тьеу-хоанг (1224–1225)	
			Чан Кань (1225–1258)	
Разлив реки Лимпопо. Падение Мапунгубве	Смерть Иоланты Иерусалимской (1228) Шестой крестовый поход (1228–1229)			Джайя Парамешвара- арман II (ок. 1227–1252)
	Сдача мусульманами Иерусалима (1229)			
			Первое отречение Чан Каня (1236)	Пха Мьонг изгоняет кхмеров из Сукхотая (1238)
				Банг Кланг Тао (ок. 1238–1270)
Йекуно Амиак (ок. 1270–1285)				Вторжение вьетов в Тямпу (1252)

Карта 43.1. Четыре государства Индокитая

Каня должен был вступить во взрослую жизнь — то есть отречение короля было не за горами. Но прежде чем наследному принцу исполнилось восемнадцать лет, четыре королевства столкнулись с доселе невиданной опасностью.

С севера приближались монголы...

Глава 44

Молодые короли

Между 1227 и 1242 годами французский король Людовик IX побеждает английского короля Генриха III, а короли Леона-Кастилии и Арагона почти завершают реконкисту в Испании

Королевства Запада перешли в руки молодого поколения. Во Франции 12-летний Людовик IX и состоявшая при нем регентом мать, Бланка Кастильская, столкнулись с недовольством французских баронов, раздраженных потерей былых вольностей. Дед Людовика, Филипп Август, собрал под свою руку ряд почти независимых феодальных владений и превратил их во Францию — единое государство, управляемое королем. Франция стала больше,

богаче, сильнее, чем когда бы то ни было в период раздробленности. За эти достижения пришлось заплатить аристократам Франции: их могущество было подорвано.

Людовик VIII, сын Филиппа Августа, опытный военачальник, умер от дизентерии в 1226 году. Он правил всего три года, и его безвременная кончина дала французской знати шанс отыгаться. Рыцарь-крестоносец Жан де Жуанвиль, друг и биограф Людовика, сообщает:

«Поскольку бароны Франции знали, что король — еще дитя, а королева-мать — чужестранка, они сделали графа Булонского, дядю короля, своим вождем и считали, что он должен стать их государем. После коронации короля некоторые из баронов потребовали, чтобы королева пожаловала им большие фьефы; однако она отказалась, и потому все бароны собрались в Корбейле»¹.

Корбейль находился к югу от Парижа. В тот момент юный Людовик IX завершил коронационный тур: он знакомился со своими владениями, а подданные изъявляли ему свою преданность. Возвращаясь в Париж, он остановился на ночевку в Монлери, в нескольких милях западнее Корбейля. Рассерженные бароны, видимо, планировали похитить мальчика-короля — но Бланке стало известно об этом замысле. Она велела вооруженному эскورتу окружить кавалькаду короля и ехать в Париж как можно быстрее².

Неспровоцированный мятеж вассалов против законного короля был явлением новым и тревожным. Но вскоре пришли еще более неприятные известия: король Англии решил использовать мятеж баронов, чтобы попытаться вернуть французские земли, утраченные королем Иоанном. Генриху III уже исполнилось двадцать, и он был готов выйти из-под опеки регентов, 11 лет руководивших им. Старый Уильям Маршал умер в 1219 году — через три года после коронации малолетнего короля; его преемник, граф Кентский, был отправлен в отставку. Генрих активно занялся реорганизацией управления страной по-своему. Хотя у него не осталось владений во Франции, кроме южной Аквитании, но титулы герцога Нормандского и графа Анжуйского все еще принадлежали ему, и теперь он надеялся отобрать соответствующие территории. Чтобы поддержать восстание против юного Людовика, он направил французским баронам послание, в котором «обещал им многое, — сообщает Роджер Вендоверский, — если они примут его доброжелательно ... и признают своим законным властелином»³.

Первые попытки Генриха соблазнить французское дворянство провалились; Бланка Кастильская переменила тактику и стала раздавать лояльным баронам «многие поместья и замки из королевского домена». Ей удалось таким образом подкупить и переубедить большинство недовольных; дворянство присягнуло на верность ее сыну, и посланцы Генриха вернулись ни с чем.

Генрих III был весьма высокого мнения о своих королевских правах. Желавший править автократически, он считал необходимым устраивать пышные демонстрации собственного великолепия и напоминать о своих prerogatives. А потому он не собирался отказываться от прав на часть французских земель. Генрих сумел уговорить графа Бретонского отложиться от Людовика IX и присягнуть английскому трону, обещая за это титул графа Ричмонда и возможность сделать Бретань герцогством. Теперь у Генриха появилась дружественная база на берегу. В мае 1230 года он отплыл из Портсмута со своим войском и высадился в Сен-Мало, на побережье Бретани⁴.

Генрих мечтал о великой и славной войне против французов — но и спустя пять месяцев он все еще сидел в Бретани. Неопытность, пустые карманы, перспектива яростного сопротивления французов заставляли английскую армию держаться на южной границе. «Все это время король Англии пребывал в городе Нанте, — пишет Роджер Вендоверский, — и не делал ничего, только тратил свои деньги». В октябре, признав невозможность дальнейшего продвижения на потерянные земли, Генрих III отказался от этой идеи и вернулся восвояси. Вскоре после этого граф Бретонский передумал и сделался снова вассалом Людовика IX⁵.

Ни один из молодых королей не сумел отличиться. Генрих III провел следующие несколько лет в попытках утихомирить собственных баронов, которых раздражало и его своеволие (вернувшись в Лондон, он первым делом потребовал от них уплаты военного налога, чтобы покрыть расходы на проваленную кампанию), и его щедрые подачки французам. Но и Людовику IX также пришлось, полагаясь на дипломатические методы Бланки, удовлетворить почти все желания своих не менее недовольных баронов, дабы установить мир в стране.

* * *

Между тем на континенте, к югу от Англии и к западу от Франции, королям Испании везло гораздо больше.

Карта 44.1. Вторжения Генриха III

Хайме Арагонскому, к которому корона перешла, когда он был пятилетним заложником у Симона де Монфора, уже исполнилось 22 года. В течение следующих четырнадцати лет Арагон представлял собой бурлящий котел интриг и распрей: каждый знатный род пытался пробиться к власти, обойдя ребенка-короля. Как сам Хайме писал о своем царствовании, *«знать Арагона разделилась на союзы и партии... и мы не могли принимать никакие решения, и не было рядом никого, чтобы подать нам совет»*. Назначенный поначалу регент отказался от должности, когда Хайме было 10 лет — и мальчику пришлось править королевством, по сути, в одиночку; в результате он великолепно научился искусству

манипуляции, натравливая аристократов друг на друга, чтобы уцелеть самому⁶.

Детство Хайме было ужасным: в девять он впервые вступил в битву с оружием в руках; в одиннадцать руководил осадой; в двенадцать женился («Мы прожили с нею целый год, не имея возможности совершить то, что надлежит делать мужу с женою, ибо были слишком малы»). К девятнадцати годам, в 1227 году, ему удалось наконец добиться перемирия между всеми сцепившимися кланами: мир, заключенный в Алькале, позволил городам Арагона вздохнуть свободнее, починить разбитые стены и вновь наполнить казну⁷.

Хайме был честолюбив, хитер и умен: всем воинственным васалам он указал единую цель, обратив их внимание на земли мусульман. К этому времени халифат Альмохадов переместился в Северную Африку, оставив после себя в южных областях ряд независимых мини-королевств.

Одним из наиболее могущественных правителей был Ибн Худ, который начал свою карьеру как один из служащих Альмохадов в Мурсии и воспользовался их ослаблением в собственных целях. Историк XVI века аль-Макари, который пользовался современными источниками, ныне утерянными, пишет в своем труде о мусульманах Испании: *«Мало-помалу число сторонников Ибн Худа возросло — и наконец, увидев себя во главе немалых сил, он сумел сделать так, чтобы его люди признали его своим правителем»**. Ибн Худ присягнул на верность халифу Аббасидов в далеком Багдаде

* Его полное имя — Абу-Абдаллах Мухаммад ибн Юсуф ибн Худ аль-Юдами, прозванный аль-Мутаваккиль. Год его рождения и подробности биографии неизвестны. Он претендовал на происхождение из знатной династии Бану Худ, предки которой происходили из Йемена и появились на землях Испании во времена Первого арабского завоевания. Династия правила королевством Сарагоса с 1039 по 1131 год — но после того, как Сарагосу завоевали христиане, история рода обрывается, генеалогии не сохранились, поэтому неизвестно, насколько оправданными были претензии Ибн Худа на принадлежность к этому роду. Сам он при Альмохадах был наместником области Рикоте в Мурсии, но в 1228 году поднял мятеж, обещая изгнать мусульман от тирании и стремясь восстановить влияние своего рода. Происхождение, отвага и дипломатические способности привлекли к нему многих сторонников. Собравшись летом 1228 года в горах Альпухары, они провозгласили Ибн Худа эмиром всех мусульман, и вскоре почти все бывшие владения Альмохадов перешли в его руки. Однако спустя девять лет это блестящее восхождение оборвалось: в 1237 или в 1236 году, направляясь с войском в Валенсию, Ибн Худ был убит в Альмерии: по одним источникам — прямо у ворот города, по другим — ночью после пира, устроенного местным алькальдом. Его гибель повлекла крушение дела ислама в Испании. (Прим. ред.)

и взамен получил титул «предводителя правоверных»; вскоре под его контролем оказались также Севилья, Кордова и Гранада⁸.

Но вместо того, чтобы идти на юг против Ибн Худа, Хайме направился на остров Майорку, лежащий неподалеку от юго-восточного побережья Пиренейского полуострова и находившийся под властью мусульман. Он уговорил *кортесы*, законодательную ассамблею знати Арагона, ввести налог для покрытия военных расходов; ему удалось уговорить папского легата в Арагоне предоставить участникам экспедиции индульгенции*, полагающиеся участникам крестовых походов. В итоге он преодолел со своими кораблями губительный шторм и высадился на берегу Майорки. В декабре 1230 года Хайме занял столицу острова, город Пальма, и объявил себя хозяином Майорки. Это была его первая большая победа, и она обеспечила Арагону существенные преимущества в средиземноморской торговле⁹.

Западнее, в Кастилии, у короля Фердинанда III, дела также шли хорошо. Фердинанд, будучи сыном короля Леона от его второй жены, не считался прямым наследником трона. Однако в возрасте 18 лет он был коронован королем Кастилии — его мать, унаследовав право на это королевство от брата, сразу же передала его сыну. В 1230 году, когда Хайме направился домой после завоевания Майорки, король Леона умер. Фердинанд немедленно заявил свои права на трон Леона: старше в семье были только две его сводных сестры, а у них не было достаточно сил, чтобы противостоять брату, и они более-менее мирно договорились. Так Фердинанд стал повелителем объединенного королевства; в прошлом Леон и Кастилия несколько раз сходились и расходились, но это объединение было окончательным. На следующий год Фердинанд повел войска обоих королевств на юг, против Ибн Худа.

* Под «индульгенцией» подразумевалось официальное, основанное на авторитете папы, отпущение грехов, которое облегчало наказание, ожидающее грешника в загробной жизни. (Прим. авт.)

Согласно современному катехизису, индульгенция — это отпущение перед богом кары за грехи, вина за которые уже прощена в таинстве исповеди: *«Христианин получает отпущение... через действие Церкви, которая... раздает удовлетворения из сокровищницы заслуг Христа и святых и правомочно наделяет ими»*. Но данная концепция сложилась лишь в XIV веке, а всем известная практика продажи индульгенций за деньги распространилась раньше, в эпоху Возрождения — на основе ошибочного (зато весьма выгодного) представления о независимости индульгенции от исповеди. В описываемое время участие в крестовом походе воспринималось как покаяние, что и давало крестоносцам право надеяться на отпущение грехов (уже содеянных), но получить его они могли только от папы. (Прим. ред.)

Два года военных действий заставили Ибн Худа просить о мире — одновременно ему угрожал соперник-мусульманин Ибн аль-Ахмар, правитель Архоны.

Аль-Ахмар объявил себя королем Архоны в 1232 году, и к нему тотчас примкнули города Кордова и Хаон. «Пока вожди [мусульман] захватывали провинции Аль-Андалуса или шли войной друг на друга, — сокрушается аль-Макари, — христиане... яростно атаковали на владения ислама». Война на несколько фронтов ослабляла мусульманские королевства и предоставляла преимущества Фердинанду: он упорно продвигался в глубь исламских территорий, и к 1236 году овладел Кордовой¹⁰.

В конце 1237 году Ибн Худ, потерявший вместе с землями и большинство сторонников, был убит одним из своих подчиненных, губернатором Альмерии. Согласно аль-Макари*, причиной их вражды стало страстное увлечение обоих одной женщиной, пленницей-христианкой («одной из прекраснейших созданий, живших на земле»), и губернатор нанял четырех человек, чтобы задушить соперника подушкой, пока тот спал. Как только Ибн Худ сошел со сцены, Альмерию захватил аль-Ахмар. В 1238 году он провозгласил себя эмиром Гранады и приступил к постройке собственного укрепленного дворца, получившего название Альгамбра («красная») — по цвету кирпичей, из которых возводили его стены. Здание стало официальной резиденцией династии Насридов (потомков аль-Ахмара) и столицей Гранадского эмирата¹¹.

В течение следующих десяти лет Фердинанд Леон-и-Кастильский и Хайме Арагонский основательно продвинули дело реконкисты, захватив почти все оставшиеся владения мусульман. Хайме начал кампанию против Валенсии. Как сказал королю один из его рыцарей, *«теперь, когда Господь даровал вам победу на море, вам следовало бы также завоевать то, что лежит у врат вашего королевства. А эта земля — лучшая и прекраснейшая в мире»*. Решение этой задачи заняло 13 лет, но в 1245 году Хайме наконец захватил Валенсию. Двумя годами раньше Фердинанд взял Мурсию, в 1246 году — Хаэн, в 1248-м — Севилью. Только Гранада,

* Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Мохаммед аль-Маккари (ок. 1578–1632) — алжирский ученый начала XVII века; работа, на которую ссылается автор, создана в 1628–1629 годах — то есть спустя почти 400 лет после описываемых событий. Объяснение убийства политического лидера любовным соперничеством — распространенный пример псевдоисторической легенды, возникающей, когда подлинные факты забылись или слишком запутаны для понимания потомков. (Прим. ред.)

последний оплот мусульман в Испании, устояла под натиском христиан¹².

А вот Генриху III удача не сопутствовала. Он все еще не отказался от своего французского проекта. Возвратившись в Англию с позором, он принялся интриговать, переманивая на свою сторону вассалов Людовика IX. Его новым союзником стал Гуго де Лузиньян, правитель небольшого графства Марш, расположенного южнее Пуатье. За сорок лет до того Гуго был помолвлен с будущей матерью Генриха, Изабеллой Ангулемской. Король Иоанн, прибывший на свадьбу, похитил Изабеллу и женился на ней. Но в 1220 году, через четыре года после смерти Иоанна, Изабелла вернулась домой. При встрече Гуго был потрясен ее красотой, и разлученная пара наконец соединилась: Изабелле было тридцать два, Гуго около сорока. Иоанну она родила пятерых детей, а графу де Марш за 1221–1234 годы подарила девятерых — таким образом все они приходились сводными братьями и сестрами королю Англии.

Изабелла уговорила мужа перейти к другому сюжету (есть упоминания, что она отказывалась спать с ним, пока он не согласился), и в течение некоторого времени Гуго де Лузиньян, притворяясь верным вассалом Людовика, тайно собирал силы, чтобы восстать против короля Франции. В мае 1242 года Генрих III с тремя сотнями английских рыцарей переправился через Ла-Манш, чтобы присоединиться к своему отчиму. Он рассчитывал собрать куда большую армию — но бароны Англии отказались платить повышенный военный налог¹³. Реакция Людовика была соответствующей: он собрал тридцатитысячное войско и расположил

Карта 44.2. Пиренейский полуостров в 1248 году

Хронологическая таблица 44

Тямпа, Кхмер и Сиам	Дайвьет	Англия	Франция	Пиренейские королевства	Альмохады
				Санчо I Португаль- ский (1185–1212)	
		Ричард Львиное Сердце (1189–1199)		Альфонсо IX Леон- ский (1188–1230)	
		Освобождение Ричарда из плена (1194)	Раймонд VI Тулуз- ский (1194–1222)	Санчо Сильный Наваррский (1194–1234)	
		Иоанн (1199–1216)		Педро II Арагонский (1196–1213)	Мухаммад аль-На- сир (1198–1213)
		Мятеж против Иоанна (1200–1203)			
		Интердикт на Англию (1207)	Доминик де Гусман проповедует против катаров		
Ли Хюэ-тонг (1210–1224)		Арест евреев в Англии (1210)	Альбигойский крестовый поход (1209–1255)	Договор между Педро II и Симоном де Монфором (1210)	
			Симон де Монфор осаждает Тулузу (1211)	Битва при Лас-Навас- де-Голоса (1212)	
			Битва при Бувине (1214)	Хайме Арагонский (1213–1276)	Юсуф II (1213–1224)
		Великая Хартия (1215) Война баронов (1215–1217)			

Тямпа, Кхмер и Сиам	Дайвьет	Англия	Франция	Перевыборы королевства	Альмохад
		Генрих III (1216-1272)	Принц Людовик вторгается в Англию (1216)	Фердинанд III Леонский (1217-1252)	
		Смерть Уильяма Маршала (1219)	Раймонд VII Тулузский (1222-1249)		
	Ли Тьен Хоанг (1224-1225)		Людовик VIII (1223-1226)		
	Чан Кань (1225-1258)				
Джайя Парамешварман II (ок. 1227-1252) (Тямпа)			Людовик IX (1226-1270)	Мирный договор в Алькала (1227)	Упадок власти Альмохадов в Испании
Индраварман II (?-с. 1243) (Кхмер)		Вторжение в Бретань (1230)	Парижский договор (1229) Совет в Тулузе	Ибн Худ в Мурсии (1228-1237)	
				Фердинанд III, король Леона и Кастилии (1230-1252)	
Первое отречение Чан Каня (1236)					Ибн аль-Ахмар в Архоне (1232-1244)
Пха Мьонг изгоняет кхмеров из Сукхотая.					
Банг Кланг Тао (ок. 1238-1270) (Сиам)			Битва при Тайлебу-ре (1242)		
	Вторжение войск Дайвьет в Тямпа (1252)				Завоевание Севильи (1248)

его близ замка Тайлебур, к западу от Марша, на берегах реки Шаранты.

Генрих III снова продемонстрировал полное отсутствие стратегических способностей, как и при первом вторжении. Он расставил своих людей и отряд Лузиньяна — в общей сложности около двух тысяч человек — прямо напротив французов, на другом берегу реки. Переправиться через нее можно было только по узкому мосту; вероятно, Генрих полагал, что эта позиция несколько сгладит неравенство сил. Но у французов уже была заготовлена целая флотилия лодок для форсирования Шаранты.

Сражение началось 22 июля и закончилось быстро. Как писал Жан де Жуанвиль, *«у наших людей за спиной был замок, и они решительно двинулись вперед. Презирая опасность, они переправились через реку на лодках и по [понтонным] мостам и обрушились на англичан»*. Генрих III бежал; немногие сопровождавшие короля рыцари, среди которых был и Симон де Монфор-младший (сын пресловутого крестоносца), отчаянно бились, прикрывая его отход, но в конце концов были вынуждены бежать в разные стороны*. Гуго де Лузиньян и Изабелла попали в плен. Людовик IX милостиво выслушал их извинения, а затем отобрал у графа большую часть Марша и все деньги¹⁴.

* Сражение при Тайлебуре было событием гораздо более сложным и важным, чем показывает автор. Причиной его стали не только мечты Генриха III о реванше, но и стремление феодалов важнейшей провинции Пуату сохранить свою независимость. Они не желали подчиняться Альфонсу — 18-летнему брату Людовика IX, которому провинция была отдана в удел в 1240 году, хотя и принесли ему оммаж. Именно поэтому Ги (Гуго) де Лузиньян перешел на сторону английского короля. Кроме того, на помощь Генриха рассчитывал граф Раймонд VII Тулузский — тоже его близкий родственник, надевавшийся восстановить независимость своих земель. Война началась на Рождество 1241 года, когда Ги де Лузиньян, подстрекаемый Изабеллой, публично оскорбил Альфонса во время праздничного приема во дворце, отказавшись признать его сюзереном. Король Франции со своим войском — рыцари, пехотинцы, осадные машины — двинулся на Марш. 9 мая 1242 года он осадил и взял одну из крепостей Лузиньяна, затем замки других мятежников, и лишь после этого на место боевых действий прибыл Генрих III. Место это было стратегически очень важным: крепость Тайлебур, считавшаяся неприступной, прикрывала единственный удобный путь (по мосту) из Пуату в Аквитанию. Битва вовсе не была столь краткой, как пишет автор: она началась 19 июля и завершилась 21-го массированной атакой французских рыцарей. Англичане и их союзники отступили к городу Сэнт в 12 км от Тайлебура. Здесь их догнали французы, и 23–24 июля произошла вторая битва, после которой Генриху III осталось только вернуться на остров. (Прим. ред.)

Генрих III остановился в Бордо, но у него больше не осталось войск; Симон де Монфор в сердцах заявил королю, что его нужно было бы держать взаперти, как некогда Карла Простоватого, чтобы он не натворил еще каких-нибудь бед. Но беда уже случилась. Память о поражениях во Франции была мучительной; и в следующем столетии семена, посеянные Генрихом, проросли войной, длившейся сто лет¹⁵.

Глава 45

Монгольская орда

Между 1229 и 1248 годами монголы внушают ужас всему миру

Верховный хан умер, и завоеванные им земли были поделены между его сыновьями. Младший, Толуй, получил исконные монгольские территории — степь; второй, Чагатай, — области в Центральной Азии между рекой Амударья и северо-западной границей степи, двое сыновей умершего старшего сына Джучи — западные земли, за Аральским морем. Верховным правителем над всеми ними стал третий сын, Угэдей; в качестве великого хана он управлял (теоретически) всей империей из своей ставки в родных краях, на реке Керулен.

После смерти Чингисхана монгольские войска отошли с запада; небольшой корпус был оставлен севернее Каспийского моря, но основная часть монгольских сил теперь была обращена на восток. За пятнадцать лет до этого монголы без особого труда захватили северные провинции империи Цзинь. Но для покорения всего Китая требовались куда большие усилия. Императоры Цзинь перенесли столицу из разоренного в 1215 году Чжун-ду южнее, в Кайфын, и там восстановили свое правление. Их владения сильно сократились, сельскохозяйственные угодья оказались по большей части в руках врага; поэтому они начали устраивать набеги на земли соседней державы — Южной Сун.

Упрочив свое положение в качестве великого хана, Угэдей направил дополнительные силы для операции против Цзинь. Монголы были прекрасными бойцами — но победить их было можно: в 1230–1231 годах главный полководец Угэдея, Субудай-багатур, неоднократно терпел поражения от войск Цзинь. Пока он упорно

продвигался вперед, другое подразделение монголов, под командованием Сартака, направлялось в Коре*. Летом 1231 года они достигли реки Ялу и приготовились к атаке.

Это было уже не первое появление монголов на Ялу. Еще в 1218 году, когда Чингисхан продвигался на запад, один из его отрядов преследовал беглецов из степного племени киданей вплоть до границы Корейского полуострова. Когда кидани укрылись в принадлежащем Коре городе Кандонг, монголы обратились за поддержкой к военному диктатору Чхве Чхунхону**.

* Так у автора — *Sartaq*. Здесь и ниже он путает имена двух монгольских полководцев. Сартак (ок. 1208–1256) — старший сын Бату, внука Чингисхана, воевал на Западе (в частности, против Руси) и в Коре не бывал. Силами вторжения в Коре руководил полководец Саритай. (*Прим. ред.*)

** Географический масштаб и сложность событий, описанных в этой главе, настолько велики, что краткое изложение неизбежно приводит к неточностям и искажению фактов. Здесь и ниже мы попытаемся хотя бы отчасти исправить допущенные автором пропуски и погрешности.

Автор не различает два разных государства, которые были созданы киданями. Этот народ, родственник монголам, в описываемое время отнюдь не был «дикими степняками». Еще в 907 году вождем киданей Амбагаем было основано государство Ляо, которое охватывало просторы Северо-Восточного Китая (в частности, одна из его столиц располагалась на месте нынешнего Пекина) и просуществовало до мятежа чжурчженей в 1125 году. Могущество киданей было столь велико, что их племенным именем стали называть всю территорию страны — Китай. После падения Ляо киданьский принц Елюй Даши бежал в Среднюю Азию, где и обосновался, создав новую империю — Западную Ляо (иначе — Каракитайское ханство), которая занимала территорию от Амударьи и Балхаша до гор Куньлунь в Китае.

Однако конец киданьской государственности на новом месте был ускорен постоянными междоусобицами: в 1212 году Западная Ляо стала легкой добычей для монгольского племени найманов, а в 1218 году монголы Чингисхана вторглись сюда и разгромили найманов, давних врагов Тэмучжина. Однако упомянутые здесь беглецы происходили из государства, основанного Елюем Люге. Кидань по национальности, в империи Цзинь он служил пограничным тысячником; после ее падения, воспользовавшись случаем, выкроил из ее обломков собственную «карманную» империю и дал ей громкое название Ляо. Именно Елюю Люге, знакомому с местными условиями, монголы поручили ведение дел в Маньчжурии и в сопредельной с ней Корее.

Но затем державу Люге начали потрясать мятежи его соратников. Победенные на поле битвы мятежники бежали в Корею, оказавшуюся таким образом замешанной в чужом конфликте. Люге воспользовался этим предлогом для вторжения в Корею. С 1216 года корейцы два с половиной года терпели его набеги, но когда в 1218 году Елюй Люге вторгся в третий раз, они призвали монголов навести порядок. Таким образом, монголы преследовали не шайку разбойников, а своего вассала, вышедшего из-под контроля. Войско Елюя Люге было разбито ими в январе 1219 года, сам он убит. Затем монголы удалились, оставив в Корее своего посла со свитой — не 40 человек, но, по другим сведениям, около 300, начавших интенсивное изучение корейского языка.

Чхве Чхунхон из осторожности согласился; по выражению одного из подчиненных диктатора, монголы прослыли «самыми бесчеловечными из северных варваров». Другой советник, «распорядитель людей и лошадей», предостерег: «Если мы не проявим к ним уважения, то впоследствии пожалеем об этом». Чтобы избежать осложнений, Чхунхон предоставил монголам войска и провиант: тысячу солдат и тысячу мешков риса¹.

Расправившись с киданями, монголы потребовали уплаты дани в награду за избавление Коре, а потом ушли; впрочем, кое-кто остался. Согласно хронике «Коре-са», сорок один воин остался в пограничном городе Ыйджу. «Изучайте язык Коре, — было приказано им, — и дожидайтесь нашего возвращения»².

Теперь, в 1231 году, монголы вернулись. 26 августа Сартак приказал своим отрядам перейти Ялу; так началась война за покорение Коре. Чхве Чхунхон к 1231 году уже давно умер, и главой государства стал его сын Чхве У. Король Коджон для виду сидел на троне — однако за отражение монгольской угрозы отвечал Чхве У. По мере продвижения монголов города перед ними пустели, население либо бежало, либо сдавалось. Чхве У собрал регулярную армию Коре и повел навстречу врагу.

Корейцы оказали захватчикам яростное сопротивление. Перед лицом общей опасности даже многочисленные повстанцы, годами боровшиеся против центральной власти, решили встать на защиту родной земли. Пятитысячный отряд одного из мятежников, скрывавшийся в горах неподалеку от Ялу, присоединился к армии Чхве У.

Расположенный на северо-западе город Кучжу держался так упорно, что даже у монголов вызвал невольное уважение. Говорят, что Сартак позднее заметил: «Я привык видеть по всему миру, как мы побеждаем города — но никогда не видел, чтобы кто-либо отказывался сдаться под таким натиском»^{*}. Монголы применяли при

Демонстрации мощи войск Чингисхана хватило для того, чтобы корейцы добровольно признали свой вассалитет на условиях выплаты ежегодной дани. Однако для разоренной междоусобицами страны это было крайне тяжело. Не удивительно, что сразу после смерти в 1223 году Мухали, наместника Чингисхана в Китае, корейцы резко изменили свою политику в отношении монголов. В 1224 году монгольский посол был схвачен на пограничной реке Амноккан и убит — но лишь в 1230 году на всемонгольском курултае было решено отправить войска в Корею. (*Прим. ред.*)

^{*} Осад Кучжу было две. Первый раз (в конце октября 1231 года) монголы ушли сами, оставив крепость у себя в тылу. Вторая осада началась в декабре и продлилась почти пять месяцев. Из столицы пришлось долго уговаривать непримиримый гарнизон сдаться. (*Прим. ред.*)

Карта 45.1. Монгольские завоевания на Востоке

осаде Кучжу катапульты, осадные башни, подкопы, забрасывали на стены горящие вязанки хвороста, пропитанного человеческим жиром; но возглавившие оборону города губернатор Пак Со и полководец Ким Генсон открыли ворота лишь после того, как Чхве У велел сделать это. Восхищенный Сартак сохранил им жизнь³.

Монгольское вторжение проникало все глубже в северные области страны, приближаясь к столице, Кэсону — и в конце года Чхве У решил договориться о мире. Он сумел собрать огромную дань, чтобы откупиться от монголов: двадцать тысяч лошадей, десять тысяч рулонов шелка и множество других богатств. В итоге монгольское войско удалилось, оставив небольшие гарнизоны присматривать за захваченной территорией.

Предполагалось, что монгольские командиры будут поддерживать связь с королевским двором в Кэсоне. Однако король Коджон и Чхве У, не чувствуя себя в безопасности, вместе со всеми высшими чинами правительства тайно перебрались из Кэсона на остров Канхвадо в устье реки Ханган (на западном побережье современной Южной Кореи). Теперь между ними и землей Коре про-

легла водная преграда. Монголы потребовали, чтобы они вернулись — но корейцы не подчинились, имея возможность получать все необходимое морем с юга, из еще не завоеванных областей. У монгольских военачальников не было опыта войны на море; им пришлось ограничиться бесполезными угрозами и приказами, на которые король не реагировал⁴.

* * *

В течение нескольких лет Коре и монголы оставались в том же состоянии полувойны, полумира; оккупация то ли состоялась, то ли нет. Между тем в глубине континента монгольские завоевания успешно продолжались. Субудай со своим войском уже почти дошел до Кайфына, столицы Цзинь. Пройти по территории Цзинь им помогала Южная Сун. Субудай понимал, что империя Цзинь все еще обладает сильной армией и не пожалеет усилий на создание самой мощной обороны. Чтобы предотвратить нападение с севера, он договорился с Южной Сун о проходе через ее территорию и получил возможность обойти Кайфын с более уязвимой стороны.

Обходное движение массы войск вскоре привлекло внимание правительства Цзинь. Император Ай-цзун отправил послание правителю Сун, в котором напомнил о старинной китайской пословице: «Кто потеряет губы, у того вскоре замерзнут зубы». Монголы разорили «сорок государств», предупреждал он, и если Цзинь падет, Сун будет следующей⁵.

И все же Южная Сун не стала вмешиваться. Основная часть армии Цзинь, собранная на севере, в долине Хуанхэ, была спешно передислоцирована на южные подступы к столице. Но Субудай привел сюда менее половины своих сил — направив вторую половину с севера. Попавшая в ловушку армия Цзинь была уничтожена. Император Ай-цзун и сотни тысяч его подданных оказались блокированы в Кайфыне⁶.

Осада длилась более месяца. Стоял летний зной; осажденные сначала съели своих лошадей, потом ели траву, потом варили кожу с седел и военных барабанов. Вскоре им пришлось поедать умерших. Ослабленные голодом и начавшейся эпидемией, защитники наконец сдались. Когда воины Субудая ворвались в город, Айцзун покончил с собой⁷.

Субудай не сразу напал на Южную Сун. Угэдей вызвал его на север, чтобы отправить в другую сторону — за три тысячи миль, до самой западной границы монгольских владений.

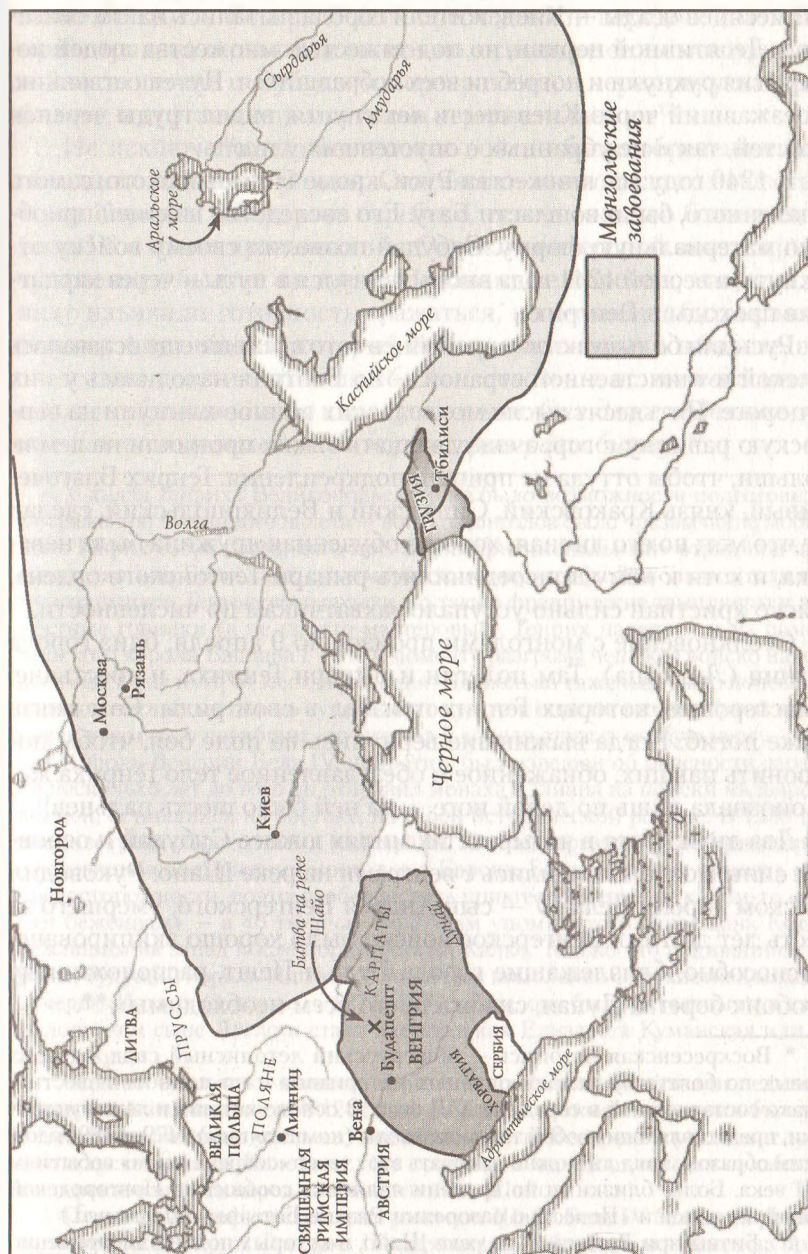
Эти земли достались в удел Бату и Орда-Эджену, сыновьям умершего Джучи. Старший, Орда-Эджен, получил уже завоеванную территорию в низовьях Сырдарьи, к югу от Аральского моря. Бату должен был стать правителем земель севернее Каспия, за Волгой. Это наследство еще предстояло добыть: монголы его пока не завоевали и не могли распоряжаться этими областями. Теперь великий хан вознамерился помочь племяннику захватить обещанное⁸.

Субудай, которому было тогда около пятидесяти пяти, служил ханам с семнадцати лет. У него уже был опыт сражений на Западе — в 1223 году он помогал Джучи сокрушить русских князей на Калке. Он усвоил уроки войны на Западе и применял их на Востоке. Теперь Субудай возвращался в Европу, находясь на вершине мастерства военачальника. Бату был лишь номинальным лидером кампании — на всех действиях монголов в Европе лежит отпечаток стиля Субудая*. Упорные осады, умелые маневры легкой, мобильной конницы, рассчитанная жестокость с целью устрасить следующего противника и принудить его к сдаче — все эти приемы, использованные в Коре и империи Цзинь, повторялись снова и снова, запечатлевая следы Субудая на европейских землях.

В конце 1237 года Субудай и Бату переправились через Волгу; монголы были привычны к холодам, снега и лед не представляли для них препятствия. Отдельный корпус под командованием удачливого Чормагана, повернул на юг, пересек горы Кавказа и вторгся в Грузию. Грузия уже понесла урон от монголов в 1219 году; теперь же она потеряла свою столицу, Тбилиси, и большую часть восточных областей; грузинские князья были вынуждены присоединиться к монгольскому войску⁹.

Между тем Субудай и Бату учинили устрашающий разгром первому городу Руси, который попался им на пути. Рязань была взята 21 декабря — перед самым началом рождественской службы. «Они сожгли город, — говорится в современной событиям Воскресенской летописи, — и убили князя со княгиней его, и схватили мужчин, и женщин, и детей, и иноков, и монахинь, и священников; одних мечами порубили, иных пронзили стрелами и в огонь по-

* В походе на Русь Джучи, старший сын Тэмучжина, не участвовал — хотя отец первоначально и давал ему такое поручение. Походом и битвой на Калке руководили Субудай и темник Джэбэ-нойон, один из лучших полководцев Чингисхана. Бату лично участвовал в походах 1237–1238 годов, в 1239 году ходил на Чернигов, а в 1240 году — на Киев. (*Прим. ред.*)

Карта 45.2. Монгольская империя

бросали»*. В 1238 году пала Москва, затем, после двух с половиной месяцев осады — Киев; жители города пытались найти спасение в Десятинной церкви, но под тяжестью множества людей перекрытия рухнули и погребли всех собравшихся. Путешественник, проезжавший через Киев шесть лет спустя, видел груды черепов и костей, так и не убранных с опустевших улиц¹⁰.

К 1240 году все княжества Руси, кроме Новгородского, самого отдаленного, были во власти Бату. Его наследство наконец приобрело материальную форму. Субудай позволил своему войску отдохнуть, а весной 1241 года вновь двинулся в путь — через карпатские проходы в Венгрию.

Русь для большинства европейцев того времени еще оставалась далекой и таинственной страной — но Венгрия находилась у них на пороге. Пятьдесят тысяч монгольских воинов хлынули на венгерскую равнину с гор, а еще двадцать тысяч проникли на земли Польши, чтобы оттуда не пришли подкрепления. Генрих Благочестивый, князь Краковский, Силезский и Великопольский, сделал все что мог; но его личная, хорошо обученная дружина была невелика, и хотя к нему присоединились рыцари Тевтонского ордена, войско христиан сильно уступало захватчикам по численности.

Столкновение с монголами произошло 9 апреля, близ города Легниц (Лигница). Там погибли и рыцари Генриха, и крестьяне, и мастеровые, которых Генрих призвал в свои ряды. Сам князь также погиб. Когда выжившие вернулись на поле боя, чтобы похоронить павших, обнаженное и обезглавленное тело Генриха жена опознала лишь по левой ноге — на ней было шесть пальцев¹¹.

Два дня спустя в четырехстах милях южнее Субудай и основные силы монголов сошлись с венграми на реке Шайо. Руководил войском король Бела IV — сын Андрея Венгерского, умершего за шесть лет до того. Венгерское войско было хорошо экипировано, боеспособно, близлежащие города Буда и Пешт, расположенные на обоих берегах Дуная, снабжали его всем необходимым**.

* Воскресенская летопись — общерусский летописный свод, один из первых по богатству использованных материалов и по полноте известий, однако составленный в середине XVI века. В основе летописи лежат источники, представляющие собой такие же своды (компиляции) 1479–1489 годов. Таким образом, вряд ли можно называть этот текст «современным» событиям XIII века. Более близкими по времени являются сообщения Новгородской первой летописи и «Повесть о разорении Рязани Батыем». (Прим. ред.)

** Битвы при Легнице и на реке Шайо, в которых почти одновременно были разгромлены армии двух больших европейских держав, также заслуживают более подробного рассказа.

После первого столкновения Субудай велел своим людям медленно отходить. Венгры 6 дней преследовали передовой монгольский отряд; на седьмой день, ночью, основные силы монгольского войска во главе с Субудаем переправились через реку на левом фланге, а другая часть монголов перехватила мост¹².

Не исключено, что венгерское войско было обречено еще до обходного маневра Субудая. Спасаясь от монгольского нашествия, через Карпаты в Венгрию перебиралось множество беженцев — и Бела IV охотно принимал их. Однако венгерской знати приток чужеземцев был не по душе. Призванные королем, вассалы для виду изъявили готовность сражаться, но очевидец битвы, монах Роджер Апулийский, который спасся, спрятавшись в болоте, впоследствии заметил, что они *«были недовольны, и... им не доставало столь необходимой воли и воодушевления. Они даже надеялись, что их влияние возрастет, если король проиграет битву»*¹³.

У князя Генриха Великопольского не было возможности подготовиться к отражению внезапного налета — войско монголов было чрезвычайно мобильным. Генрих собрал всех, кого мог. В «интернациональный» отряд под предводительством Болеслава, сына моравского маркграфа Дипольда, входили не только рыцари Тевтонского ордена, но также французские тамплиеры и даже местные горняки (а не просто мастеровые). Генрих надеялся и на помощь чешского короля Вацлава I — но к моменту разгрома чешское войско находилось еще в дне пути от места сражения. Насколько тяжелым было понесенное народом несчастье, можно судить по тому, что в церкви, воздвигнутой вдовой князя в память о погибших, до сих пор 9 апреля служат особую мессу.

Король Венгрии Бела IV, напротив, был извещен об опасности заранее. За несколько лет до того он отправил монаха Юлиана на поиски мадьярских племен, оставшихся на востоке, на своей исторической родине. В 1238 году, после встречи с восточными мадьярами, Юлиан вернулся и сообщил королю о готовящемся вторжении монголов в Европу. Бела IV решил принять меры предосторожности, поэтому обещал дать приют в Венгрии не каким-то «многим беженцам» — а 40 тысячам половцам упомянутого ранее хана Котяна, бежавшим на запад после поражения на Калке. Только что родившийся сын Белы, будущий король Иштван V, даже был помолвлен с двухлетней младшей дочерью Котяна (позднее, в 1272–1277 годах, она была регентом при своем малолетнем сыне Ласло и стала известна как Елизавета Куманская или Эржебет Кун).

Однако чужаки-кочевники, верные лично королю, вызвали недоверие венгерской знати, и весной 1241 года Котян со своими сыновьями был убит в Пеште; после этого часть его людей покинула Венгрию и ушла на службу к болгарскому царю Коломану. Это послужило одной из причин ослабления венгерского войска перед самой битвой на Шайо.

После катастрофического разгрома при Шайо Бела IV бежал в Братиславу, но герцог Штирии Фридрих II из династии Бабенбергов в обмен на приют захватил казну Белы и заставил его уступить три западные области своего королевства. (*Прим. ред.*)

Хронологическая таблица 45

Англия	Франция	Пиренейские государства	Монголы и их нашествия на		
			Южную Сун, Цзинь и Коре	Венгрию и Польшу	Грузию и Русь
Иоанн (1199-1216)			Чхве Чхун-хон (1197-1219)		
Мятеж против Иоанна (1200-1203)			Джамуха становится великим ханом (1201)		
Интердикт на Англию (1207)	Доминик де Гусман проповедует против катаров		Тэмучжин становится великим ханом (1206)		
	Альбигойский крестовый поход (1209-1255)		Вэй Шао-ван (1208-1213)		
Арест евреев в Англии (1210)	Симон де Монфор осаждает Тулузу (1211)	Битва Лас-Навас-де-Толоса (1212)			
		Хайме Арагонский (1213-1276)	Коджон (1213-1259)		Мстислав III Киевский (1212-1223)
Великая Хартия (1215)	Битва при Бувине (1214)		Монголы берут Чжун-ду (1215)		
Война баронов (1215-1217)					
Генрих III (1216-1272)	Принц Людовик вторгается в Англию (1216)	Фердинанд III Леонский (1217-1252)	Коре платит дань (1218)		
Смерть Уильяма Маршалла (1219)			Чхве У (1219-1249)		
	Раймонд VII Тулузский (1222-1249)				

Англия	Франция	Пиренейские государства	Монголы и их вассалы		
			Южную Сун, Цзинь и Коре	Венгрию и Польшу	Грузию и Русь
	Людовик VIII (1223-1226)		Айзун (1224-1234)		Битва на Калке (1223)
	Людовик IX (1226-1270)	Мирный договор в Алькала (1227)	Смерть Чингисхана (1227)		
Вторжение в Бретань (1230)	Парижский договор (1229)	Ибн Худ в Мурсии (1228-1237)	Окончательное завоевание Западной Ся		
	Совет в Тулузе	Фердинанд III, король Леона и Кастилии (1230-1252)	Угдей (1229-1241)		
		Ибн аль-Ахмар в Архоне (1232-1244)	Субудай покоряет Цзинь (1230-1231)		
			Коджон удаляется на о-в Канхва (1232)		
			Падение Кайфына (1234)	Бела IV (1235-1270)	Разорение Москвы (1237)
				Генрих Благочестивый Великопольский (1238-1241)	Завоевание Тбилиси (1237)
				Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.)	
				Битва на реке Шайо (11 апреля 1241 г.)	
	Битва при Тайлебуре (1242)	Смерть хана Угдея (1242)			
	Завоевание Севильи (1248)				

Напротив, у монголов воодушевления хватало. С окружающих холмов они неутомимо обстреливали венгерских арбалетчиков из луков и камнеметных машин, метали в ряды конных рыцарей китайские снаряды из пороха и горючей смолы. Считается, что на поле боя полегло шестьдесят тысяч венгерских воинов; так же как и в Киеве, проезжий путешественник несколько лет спустя описывает «поля, усеянные белеющими костями». Бела IV бежал, но Субудай послал ему вдогонку убийц во главе с чингизидом Каданом, младшим сыном самого Угэдея*. Кадан, участвовавший в битве с Генрихом в Польше, успел стремительным броском добраться до следующего поля боя и поучаствовать во второй битве¹⁴.

Отряд Кадана преследовал Белу IV по всему герцогству Австрийскому и затем по всей Хорватии — но отказался от погони, когда Бела укрылся на маленьком скалистом островке посреди Адриатического моря; монголы не любили плавать по морям, даже ради близкой добычи. Вместо этого Кадан вернулся к Субудая, и тот отправил разведывательную партию еще дальше на запад — к границам Священной Римской империи Фридриха.

Разведчики дошли до края империи, перед ними лежала Вена. Им предшествовали слухи о стремительно налетающих захватчиках, которые приводили в ужас всех и вся. Один венгерский священник прямо объявил, что монголы — не что иное, как воинство Антихриста. «Несчастье, издавна известное и предсказанное, постигло нас... со свирепостью, уже предуказанной в Священном Писании», — писал польский францисканец своим собратьям. «Они суть меч гнева господня за грехи народов христианских», — сокрушался пфальцграф Саксонии в письме к другу-герцогу¹⁵.

Казалось, что настал конец света. И внезапно, так же быстро, как грозовые тучи собрались, небо очистилось. Как раз в тот момент, когда разведчики Субудая издалека разглядывали башни и шпили Вены, умер хан Угэдей. Великий монгольский полководец занимался подготовкой похода на Священную Римскую империю, но тут пришло известие о смерти его старого друга и господина.

* Кадан был послан не Субудаем, а самим ханом Бату; его целью было не убить короля, а пленить его, и он шел не с отрядом, а с экспедиционным корпусом. Войско Кадана разорило Загреб и прошло побережьем Далмации. Спасаясь от него, Бела IV в конце концов перебрался на остров Трогир, откуда при необходимости мог бежать в Италию на корабле. Однако это не потребовалось: к тому времени у Кадана остался только один тумен (10 тысяч воинов), вдобавок монголы были слишком истощены боями с хорватами. Когда они ушли, Бела IV вернулся на родину и занялся восстановлением страны. (Прим. ред.)

Субудай немедленно собрал войска и направился домой. Бату остался на западе и правил завоеванными землями из Сарая, своей новой столицы в низовьях Волги; его государство получило название Золотая Орда*.

Далеко на востоке, в исконно монгольских краях, разгорелась семейная распря из-за наследования титула великого хана. Субудай непременно намеревался присутствовать при избрании нового верховного владыки монголов¹⁶.

На запад он больше не вернулся. В Каракоруме он застал монгольские кланы в состоянии междоусобицы; каждый поддерживал того или другого из внуков Чингисхана, и противостояние длилось четыре года. На некоторое время монгольские завоевательные походы приостановились.

Глава 46

Долг ненависти

Между 1229 и 1250 годами император Священной Римской империи Фридрих II помогает папе организовать инквизицию, после чего его отлучают от церкви и свергают

Фридрих II, император Священной Римской империи, покинул Иерусалим, уворачиваясь от града летящих ему вслед объединенных войск. Он вернулся в Италию в 1229 году, по докладам своих приближенных уже зная, что там застанет: империю, готовую к распаду. Священная Римская империя поддерживалась только мечтой о воскрешении Римской империи и постоянно балансировала на грани раскола. В Германии уже с X века существовало отчетливое национальное самосознание. Города Северной Италии, отделенные Альпами от германских княжеств, воссоздали Ломбардскую лигу, которая в XII веке боролась против деда Фридриха**. Сицилия,

* Государство именовалось Улусом Джучи и было основано еще в 1224 году. Бату лишь основал в низовьях Волги, на Ахтубе, его столицу — Сарай-Бату. Название «Золотая Орда» впервые появляется в 1566 году, уже после крушения этого государства; с XV века во внешних источниках оно именовалось просто Ордой, а до этого — по имени правителя («земля Узбекова»), Куманией или Тартарией. (Прим. ред.)

** Первоначально Ломбардская лига была создана в 1167 году на 20 лет. В 1198 году ее продлили еще на 10 лет. В 1226 году после многомесячных секретных переговоров делегаты восьми городов подписали соглашение об

ставшая частью империи лишь потому, что Фридрих II унаследовал ее от своей матери Констанции, на практике была отдельным государством.

В отсутствие Фридриха папа Григорий IX отомстил нераскаившемуся отлученному императору, углубив трещины, расколовшие империю. Он дал потерявшему свое королевство Жану де Бриенну, отцу Иоланты, покойной жены Фридриха, разрешение напасть на Сицилию, а также пообещал поддержку Ломбардской лиге. Но он пошел еще дальше. Как писал Фридрих ко двору аль-Камиля по возвращении в Италию,

«Папа... распространил ложное известие о нашей смерти и заставил кардиналов подтвердить его. Так, на основании клятвы этих людей... толпу черни и воров обвели вокруг пальца. По прибытии... мы обнаружили, что король Иоанн и ломбардцы совершали набеги на наши владения, и даже усомнились, истинно ли мы приехали, ибо кардиналы поклялись им»¹.

Когда ломбардцы и король Иоанн обнаружили, что сообщения о смерти Фридриха несколько преувеличены, они пали духом. Как только Фридрих во главе германской армии показался на горизонте, оба войска поспешно ретировались. Григорий IX, оставшийся без сторонников, был вынужден согласиться на перемирие. Он снял с императора отлучение — а Фридрих пообещал не мстить возмутителям спокойствия².

Другую проблему для Фридриха представляла сама Германия, основа его империи. Он не появлялся здесь более десяти лет. Страна была оставлена на попечение его юного сын Генриха, которого короновали в 1222 году как короля Германии — а это означало, что фактически дела правления почти все эти годы были в руках регентов при Генрихе. Однако за время отсутствия отца Генрих вырос. Ему уже исполнилось девятнадцать, и он отчаянно жаждал самостоятельности.

Понимая, что Генриха необходимо обуздать, Фридрих прислал ему в 1231 году приказ явиться на имперский гофтаг (съезд всех германских князей под председательством императора) в Равенну. Города Ломбардской лиги немедленно собрали силы и заблокиро-

очередном продлении союза еще на 11 лет. В историографии этот союз принято называть Второй Ломбардской лигой — хотя с юридической точки зрения она не являлась новым образованием. Лидером лиги был Милан, но ее состав не являлся постоянным. (*Прим. ред.*)

вали Генриху проход через Альпы. Без особого огорчения Генрих отправил отцу письмо с извинениями³.

Фридрих ответил резко. Его раздражали донесения о склонности Генриха к роскоши и о предпочтении, которое тот оказывает придворным советникам, враждебным императору. В 1232 году он приказал сыну прибыть на встречу на севере Италии. Одновременно он издал ряд указов, отменяющих принятые Генрихом решения⁴.

Генрих не стал сопротивляться — пока. Он встретился с Фридрихом и присягнул ему на верность. Но они остались чужими друг другу, и присяга была лишь пустым звуком.

Фридрих считал, что инцидент исчерпан. Он отправил Генриха обратно в Германию и стал готовиться к визиту на Сицилию — в третье из своих королевств и место, где он родился. Только в этой части империи он мог чувствовать себя как дома. Но прежде чем покинуть Италию, Фридрих осуществил еще один свой замысел, который должен был помочь в снятии напряжения. Он соответствовал и его собственным настроениям, и целям Григория IX, а значит, мог сблизить императора и папу.

Фридрих II всегда рассматривал ересь как серьезное преступление против империи. «Оскорбить божественное величие, — писал он еще в 1220 году, — это куда более серьезный проступок, чем оскорбление императора». Подразумевалось, что ересь более разрушительна и пагубна, а потому заслуживает не меньшего наказания, чем измена⁵.

В начале своего царствования он постановил, что его подданные, уличенные в ереси, должны быть изгнаны навечно, а все их имущество конфисковано; те же меры устанавливали и императоры-предшественники. Костры Альбигойского крестового похода, плававшие на юге Франции в первые десять лет правления Фридриха, подсказали ему другой способ расправы с еретиками.

Двумя годами ранее совет в Тулузе принял решение о создании в каждом приходе Лангедока комиссий, состоящих из мирян и клириков с целью выявления еретиков и передачи их светским властям для наказания. Действуя совместно, папа и император развили это достижение. Ордену проповедников, основанному Домиником де Гусманом для обращения еретиков Лангедока, теперь было поручено начать ту же охоту по всей Сицилии, Германии и в самой Италии. Папский указ «*Excommunicamus*», изданный в 1231 году, предписывал имперским властям брать под стражу всякого, кто был выявлен доминиканцами (то есть «передавать их в светские руки»), допросить и затем наказать, в соответствии

с «*animadversio debita*», — долгом ненависти. Так следовало относиться к тем, кто восстал не только против императора, но и против самого Бога⁶.

Григорий не уточнял, как именно следует исполнять «*animadversio debita*», но для раскаявшихся еретиков предусматривал пожизненное заключение. Еретики нераскаявшиеся, разумеется, заслуживали гораздо более суровой кары. В течение столетий сожжение на костре считалось в Германии законным видом казни, хотя прибегали к нему редко. Фридрих давно уже распространил его и на территорию ломбардских городов, входивших в состав империи. Теперь он снова подтвердил законность костра: первый параграф кодекса от 1231 года — первого письменного свода законов Сицилии — определял еретиков как изменников, подлежащих сожжению⁷.

Таким образом, во всех трех частях империи Фридриха еретиков полагалось преследовать, сажать в тюрьму, допрашивать и казнить. Совет в Тулузе учредил инквизицию — а Фридрих и Григорий IX снабдили ее мечом.

Сотрудничество между папой и императором активно развивалось все 1240-е годы. Они издали ряд декретов, расширяющих полномочия инквизиции, и все больше сближали свои политические планы. Обоим пугал призрак мятежей и хаоса в их владениях, и Григорий твердо веровал в то, что причина этих бедствий — сверхъестественная. В своем послании от 1233 года «*Vox in Rama*» он объясняет, что еретики обретают силу благодаря тайным ритуалам, во время которых они поклоняются черному коту и вызывают некую демоническую сущность, требующую от них подчинения — воплощение самого Люцифера, «проклятая тварь... нижняя часть коего покрыта кошачьей шерстью». «Кто не возмущился бы подобным падением и деяниями сынов падения? — писал папа в заключение. — Никакое отмщение не будет для них слишком жестоким»⁸.

И мщение было воистину жестоким. Еретиков сжигали в Вероне, в Милане, в самом Риме. Официальная летопись архиепископов Трирских отмечает:

«В году Господнем 1231-м началось преследование еретиков по всей Германии, и ...многих сожгли... Столь велико было всеобщее рвение, что ни от кого, даже просто подозреваемого, не принимали никаких объяснений или жалоб... не давали никакой возможности защититься... Требовали одного: признания вины»⁹.

Фридрих сумел пойти в ногу с Римом, пусть и ненадолго; но его конфликт с родным сыном продолжался. Где-то в конце декабря 1234 года Генрих открыто пошел войной на отца. Его ставка располагалась на берегу Рейна, к югу от города Кобленца. Но воевал он недолго. Фридрих, не вступая во враждебные ему итальянские области, высадился на северном побережье Адриатического моря, а затем прошел через лояльное ему княжество Каринтию. Герцоги Каринтии и Лотарингии присоединились к Фридриху, и вместе они направились к Вормсу.

Народ приветствовал возвращение императора после столь долгого отсутствия, будто это было Второе пришествие. К моменту прибытия в Вормс у Генриха не осталось сторонников. *«Император... велел схватить сына своего, короля Генриха с двумя его малолетними сыновьями, — писал флорентийский хронист Джованни Виллани, отнюдь не поклонник Фридриха, — и отправил их в Апулию, в тюрьму... а там его уморили голодом, и он умер в ужасных мучениях»**. На самом деле Генрих умер не от голода. Проведя почти восемь лет в заключении, он больше не смог это терпеть. В самом начале 1242 года, когда его конвоировали в новую тюрьму близ Мартирано, он погнал своего коня к крутому обрыву и разбился насмерть¹⁰.

* Генрих стал королем в возрасте 9 лет. Регенты не занимались воспитанием молодого короля, и он вырос порочным и распущенным, большую часть времени проводил в обществе собутыльников и любовниц. Когда Генрих все-таки занялся государственными делами, это пошло во вред политике его отца: он возобновил союз с французским королем, выступил против инквизитора Конрада Марбургского, чем оскорбил папу Григория IX.

Фридрих II нуждался в поддержке папы, поэтому резко отреагировал на самоуправство Генриха и в июле 1234 года подверг его опале. В ответ Генрих в декабре того же года заключил союз с ломбардскими городами: те признавали его своим королем и обещали помочь в войне против императора — а Генрих подтверждал их независимость. Затем Генрих созвал своих сторонников в городе Бошпард недалеко от Кобленца, где объявил об отложении от императора. Никаких военных действий он не предпринимал.

Но Генриха открыто поддержали только два духовных князя — епископы Вюрцбурга и Вормса, причем сам город Вормс остался верен императору. Покинутый сторонниками, 2 июля 1235 года Генрих сдался отцу в родовом замке Вимпфен, а спустя два дня на съезде в Вормсе Фридрих II лишил его германской короны. На этот момент старшему сыну Генриха было не более десяти лет, а младший был годовалым младенцем. Прямых указаний на то, что их отправили в заключение с отцом, нет. Голодом никого из них точно не морили — поскольку известно, что старший сын надолго пережил отца. (Прим. ред.)

Но Генрих был еще жив в 1235 году, когда Фридрих созвал в Майнце новый съезд, на котором добился избрания своего младшего сына, семилетнего Конрада, новым королем Германии. Два года спустя Фридрих короновал его. Уладив таким образом дела семейные, он начал готовиться к войне против Ломбардской лиги, полный решимости восстановить «единство Империи»¹¹.

Пока инквизиция разворачивала приданные ей новые крылья, Фридрих, вопреки неоднократным просьбам Григория IX соблюдать мир в Италии, вторгся в Ломбардию. Верона приветствовала его; Виченца оказала сопротивление и была разгромлена; Феррара сдалась, Мантуя пала. Миланцы сражались упорно, осада затянулась на несколько месяцев. Фридрих, немного отступив, сумел выманить их войско за стены, до Кортенуово к востоку от города, и там окружил его. Уже 27 ноября 1237 года армия императора одержала победу: более половины миланских солдат были убиты или взяты в плен, захвачено почти все воинское имущество — кони, повозки, провиант.

Уцелевшие бежали; Фридрих, воодушевленный победой, потребовал безусловной капитуляции. Миланцы отказались. «Мы страшимся твоей жестокости, — написали они в ответ, — с коей знакомы на опыте; мы предпочтем погибнуть со щитами в руках, от мечей, копий или дротиков, чем от предательства, голода и огня». Миланцы заперлись на зиму в своих стенах; их стойкость побудила другие ломбардские города возобновить борьбу¹².

Григорию IX становилось все яснее, что Фридрих в своих замыслах касательно Италии может дойти и до самого Рима. Примирение между ними было временным, непрочным; их связывала только совместная борьба против еретиков. Попытки Григория IX добиться мира между императором и ломбардцами были тщетными. Когда, в начале 1239 года, Фридрих с войском высадился на берегах острова Сардиния, который папа считал своей территорией, Григорий IX воспылал гневом и осудил амбиции императора. «Ненависть папы к императору раскрылась подобно застарелой ране, источающей гной», — отмечает летописец Матвей Парижский. В дни Великого поста Григорий IX объявил, что Фридрих II не только отлучен, но низложен¹³.

Теперь грязь полилась потоками. Папа и император посылали друг другу все более сердитые письма, причем Фридрих рассылал копии своих жалоб европейским венценосцам. «Народы ныне не желают уважать правителя Италии и скипетр империи!» — сокру-

Карта 46.1. Война Фридриха II в Италии

шался он, ловко объединяя свои разногласия с Григорием и намерение покорить мятежных ломбардцев.

Наконец Фридрих II, оставив свои войска продолжать войну в Ломбардии, двинулся на юг, по направлению к Риму. В августе 1241 года, когда он уже приблизился к стенам города, Григорий IX, которому было хорошо за семьдесят, умер — от того, что тяжело переносил зной римского лета¹⁴.

Фридрих немедленно отступил и благочестиво заявил о том, что ссорился он лишь с папой, а не с церковью. Преемнику Григория удалось побыть на троне всего семнадцать дней, после чего он заболел и умер, повергнув Рим в хаос. Только в 1243 году был наконец-то избран новый папа — гентузец, кардинал Синиальдо

Северная Италия	Венгрия	Папство	Священная Римская империя	Сирия и Палестина	Монголы и их завоевания			Грузия и Русь
					Цзинь	Коре	Польша	
					Джамуха становится великим ханом (1201)			
	Андрей II (1205–1235)							
					Тэмуджин становится великим ханом (1206)			
Возобновление Ломбардской лиги (1226)		Призвание Тевтонского ордена (1200)	Оттон IV (1209–1215)	Четвертый крестовый поход (1202–1204)	Вэй Шао-ван (1208–1213)			
			Фридрих II (1215–1250)		Монголы завоевывают Чжун-ду (1215)	Коджон (1213–1259)		Мстислав III Киевский (1212–1223)
		Четвертый Латеранский собор (1215)	Фридрих II (император, 1220–1250)	Пятый крестовый поход (1213–1221)		Коре платит дань (1218)		Битва на Калке (1223)
	Гонорий III (1216–1227)					Чхве У (1219–1249)		

Северная Италия	Венгрия	Папство	Священная Римская империя	Сирия и Палестина	Монголы и их завоевания		
					Цзинь	Коре	Польша
					Айцзун (1224-1234)		
				Шестой крестовый поход (1228-1229)		Смерть Чингисхана (1227)	
		Григорий IX (1227-1241)			Окончательное покорение Западной Ся		
						Угэдэй (1229-1241)	
		Совет в Тулузе (1229)		Сдача Иерусалима (1229)	Субудай терпит поражение в войне с Цзинь (1230-1231)		
Съезд в Равенне (1231)		«Excommuniatus» (1231)				Коджон удаляется на о-в Канхва (1232)	
	Бела IV (1235-1270)	«Vox in Rama» (1233)	Мятеж Генриха VII (1234)		Падение Кайфына (1234)		

Северная Италия	Венгрия	Папство	Священная Римская империя	Сирия и Палестина	Монголы и их завоевания		
					Цзинь	Коре	Польша Грузия и Русь
Фридрих II завоеватель Милан (1237)			Конрад IV (1237–1254)				Завоевание Тбилиси и разорение Москвы (1237)
			Низложение Фридриха II (1239)				Генрих Благочестивый (1238–1241)
							Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.) Битва на реке Шайо (11 апреля 1241 г.)
		Иннокентий IV (1243–1254)					Смерть хана Угэдэя (1242)
			Гражданская война в Германии (1246)				
Поражение Фридриха II при Шарме (1248)			Смерть Фридриха II (1250)				

Фиески, специалист по каноническому праву, принявший имя Иннокентия IV.

Фридрих поддерживал с кардиналом Фиески дружеские отношения, но безоговорочного доверия не испытывал. «Его избрание сильно повредит нам, — сказал император своим приближенным, — ибо он мог дружить с нами, будучи кардиналом, но, сделавшись папой, станет нашим врагом». Это предсказание вскоре сбылось¹⁵.

Иннокентий IV был юристом, и он задумал утвердить свою власть привычным способом — используя законы Священной Римской империи в сочетании с принципами канонического права. Церковный закон, по его мнению, стоял выше светского; между тем, согласно кодексам Священной Римской империи, государь стоит выше закона, а значит, папа точно так же стоит над церковным законом, не обязан его соблюдать, может его менять, отклоняться от него или даже аннулировать, если понадобится.

Идее абсолютной власти папы, ее разработке и защите Иннокентий IV посвятил много усилий в годы своего правления — и именно такая теория должна была довести императора до белого каления¹⁶.

Иннокентий IV начал с того, что приказал Фридриху отдать все территории, которые были им захвачены с тех пор, как Григорий IX отлучил его от церкви пятью годами ранее. Фридрих не подчинился; тогда Иннокентий IV отправился во Францию, в Лион — за пределы Италии, вне досягаемости императора. Там он повторно провел процедуру отлучения и призвал лишить Фридриха титула императора¹⁷. Это послужило началом новой войны по переписке: и папа, и император старались доказать миру свою правоту. «Корона дана мне самим Господом; ни папа, ни совет князей, ни дьявол не могут отнять ее у меня! — бушевал Фридрих. — Каких только козней не сотворит против всех государей столь обнаглевший папа?» Иннокентий IV в ответ демонстрировал строгость:

«Когда больного, которому не помогли более мягкие средства, подвергают хирургическому иссечению или прижиганию, в горечи душевной он восстает против лекаря... Если же Фридрих, бывший император, пытается обвинить... священного судию всеобщей Церкви... он ведет себя таким же образом»¹⁸.

Словесная перепалка, как и следовало ожидать, переросла в открытую войну. Иннокентий IV провозгласил королем Германии

одного из германских вассалов Фридриха, Генриха Распе, — вместо юного Конрада, которому уже исполнилось семнадцать*. Генрих пошел на Конрада войной, но вскоре умер, и тогда Иннокентий одарил своим вниманием другого кандидата — Вильгельма Голландского.

Пока Конрад сражался в Германии, Фридрих II начал терять опору в Италии. Епископы и кардиналы, преданные папе, проповедовали неповиновение подданным императора на Сицилии и в Ломбардии. В начале февраля 1248 года войско Фридриха, осаждавшее Парму, неожиданно потерпело поражение; император был вынужден бежать в Кремону, причем большая часть его казны и средств, которыми он финансировал кампанию, попали в руки ломбардцев. Миланцы, возглавлявшие Ломбардскую лигу, отбили Модену; пал оплот Комо. Наконец, в 1250 году, в разгар боев, Фридрих II заболел дизентерией — вечным бичом солдат в походе¹⁹.

«Фридрих, который был императором, умер... в Апулии, — писал францисканец Салимбене. — Из-за того, что от тела его исходило ужасное зловоние разложения, невозможно было доставить его для погребения в Палермо, где находятся гробницы королей Сицилии». Салимбене был уроженцем севера Италии, и тамошние жители охотно поверили в эту ужасную историю. На самом деле тело Фридриха забальзамировали, доставили кораблем на Сицилию, а затем с почетным эскортом пронесли по улицам Палермо и предали погребению в церкви Монреале.

На момент смерти императора Иннокентий IV все еще сидел в Лионе, Конрад, сын Фридриха воевал в Германии со своим соперником, Вильгельмом — а инквизиция, как сорная трава, прорастала по всей Европе²⁰.

* Генрих Распе (1204–1247) — крупный феодал, ландграф Тюрингии, единственный король в древнем роду Людовингеров. Фридрих II, видимо, считал Распе достаточно надежным, так как в 1242 году, после измены оставленного им наместника, именно Генриха назначил ему на смену при тогда еще малолетнем Конраде. Однако в 1245 году Распе переметнулся на сторону папы и уже в 1246 году был избран королем. Хотя за него голосовало меньшинство князей, поддержка архиепископов Майнца и Кельна оказалась решающей, что принесло Распе прозвище *rex clericorum* («поповский король»). В ходе военных действий против Конрада Распе был ранен и вскоре умер в своем родовом замке Вартбург. (Прим. ред.)

Глава 47

Тень Бога

Между 1236 и 1266 годами корона Дели переходит от рода Илтумиша к тюркскому рабу, который становится абсолютным монархом

Делийский султан Илтумиш скончался. Его сыновья «погрязли в радостях юности», никто из них не был достоин престола; поэтому Илтумиш оставил корону своей дочери Разийе. Как сообщает «Табакат-и-Насири»,

«[Она] была великой и прозорливой государыней — справедливой, благотворной... и не лишенной военного таланта; и она была наделена всеми восхитительными качествами и атрибутами, необходимыми для царей; но так как ей было не суждено, по воле Создателя, быть причисленной к мужчинам, какое преимущество могли ей предоставить все эти качества?»¹

Полководцы ее отца разделились. Визирь Дели и его сторонники, надеясь вместо Разийи возвести на престол одного из бесполезных сыновей султана, совершили нападение на дворец, в то время как несколько правителей из дальних провинций отправились со своими войсками в Дели для сражения на стороне Разийи. Сторонники султанши победили, изгнав недовольных из города.

Впрочем, сопротивление так и не угасло. Разийя назначила на должность главного конюшего (то есть командующего конницей и слонами) африканца по имени Малик Хакут, родившегося в горах Верхнего Нила. Сразу после этого среди ее тюркских недоброжелателей поползли слухи, что Малик Хакут наверняка является ее любовником — иначе зачем ей назначать кого-либо, кроме турка, на такую высокую должность?

Для того, чтобы остановить поток сплетен, Разийя отказалась от традиционной женской внешности; на выездах она использовала боевого слона, а не коня; носила мужскую одежду и головной убор².

Однако это не положило конец ее неприятностям. Она была вынуждена подавить серьезное восстание в Лахоре — а сразу после возвращения в Дели узнала, что ее доверенный подчиненный, Малик Алтуния, правитель южного города Бхатинды, также поднял восстание. Разийя не подозревала, что это второе восстание было

спланировано с участием ее собственных тюркских придворных. Она вновь оставила Дели и отправилась в Бхатинду — но как только она прибыла, ее собственный отряд присоединился к войску Малика Алтунии; главного конюшего убили, а Разийю взяли в плен.

Когда Разийя оказалась под стражей в бхатиндской крепости Кила Мубарак, ее ленивый брат Бахрам провозгласил себя царем в Дели, при поддержке сорока тюркских офицеров и чиновников. Однако Малик Алтуния сам намеревался захватить престол. Он составил брачное соглашение с Разийей (разумеется, не посоветовавшись с ней) — превратившись из мятежника в ее защитника, после чего привез ее в Дели, где атаковал людей Бахрама.

«Табакат-и-Насири» сообщает, что сорок сторонников Бахрама и их отряды быстро разгромили нападавших. 13 октября 1240 года Разийю и ее нового мужа взяли в плен; они оба были казнены на следующее утро. Разийя пробыла первой мусульманской правительницей Индии три года, шесть месяцев и шесть дней³.

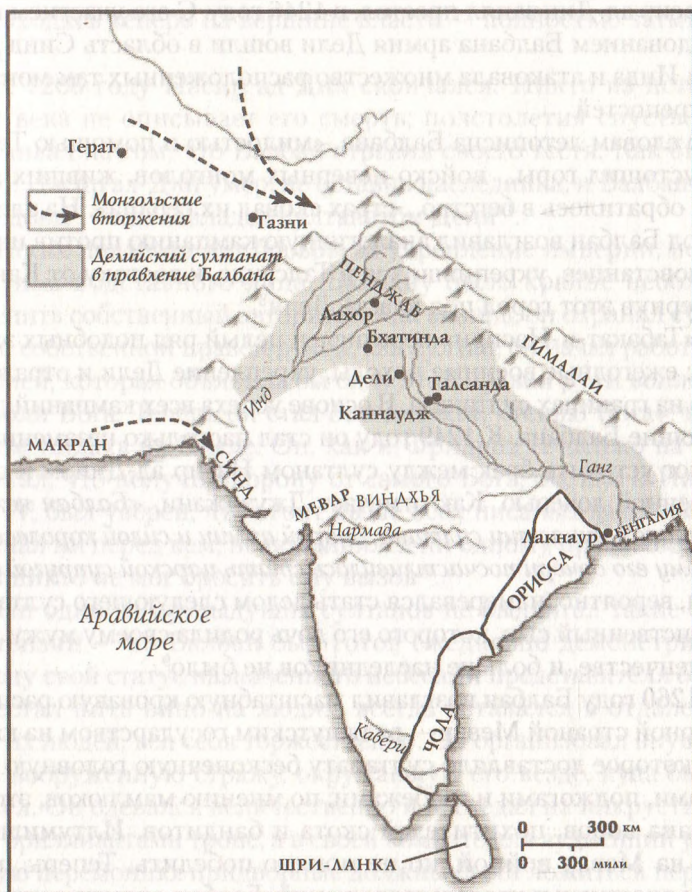
Бахрам продержался меньше — через два года он был убит собственными солдатами. В течение следующих нескольких лет «Сорок» — наиболее могущественные придворные и офицеры-мамлюки — боролись друг с другом за власть, формально подчиняясь марионеточному султану: сначала страдавшему алкоголизмом племяннику Разийи, потом — ее младшему брату, Насир ад-Дину⁴.

Насир ад-Дин стал султаном Дели в 1246 году, когда ему исполнилось двадцать лет. Он удержался на троне в течение двух десятилетий благодаря тому, что не пытался править. Как говорится в «Табакат-и-Насири», он посвятил свою жизнь посту, молитве и изучению Святого Слова; он был образцом всех добродетелей — кротости, сострадания, милосердия и смирения. Не причиняя никому вреда, он от него и не страдал. Он посвятил себя наукам и благотворительности, а правление султанатом передал своим тюркским чиновникам. *«Султан не выражал каких-либо мнений без их разрешения, — объясняет поэт и историк XIV века Исами, — он даже не шевелил руками и ногами без их приказа. Без их ведома он не мог ни выпить воды, ни лечь спать»*⁵.

Главным среди этих чиновников был канцлер Балбан. Попав еще юношей в плен во время монгольского набега на его племя, он был продан в рабство на багдадском рынке, а впоследствии, когда ему было уже за тридцать, куплен самим Илтумишем. Всю свою взрослую жизнь Балбан провел в качестве раба; однако в Дели это не было препятствием для карьерного роста. Своим трудом он

добился расположения Илтумиша, служил самой Разийе на должности главного егеря, а к 1246 году стал одним из наиболее опытных воинов и администраторов «Сорока». Насир ад-Дин назначил Балбана на должность визиря, сделав его фактически султаном Дели: по словам Исами, «царь жил во дворце, а Балбан правил империей»⁶.

Годы раздора в Дели угрожали безопасности султаната. На юго-востоке индуистский царь Ориссы, давно уже противостоявший продвижению мусульман, теперь перешел в наступление. Его звали Нарамасимба Дэва; он начал свою экспансию в 1238 году и захватил области Бенгала, некогда оказавшиеся во власти исла-

Карта 47.1. Войны Балбана

ма. Подчинявшийся Делийскому султанату город Лакнаур перешел к Нарамасимбе в 1243 году, а годом спустя крупная битва на берегах Ганга закончилась триумфом армии Ориссы. Надпись в Ориссе, отмечающая победу, гласит: «Сам Ганг почернел от потока слез, пролитых мусульманскими женщинами с севера и востока, чьи мужья пали под натиском армии Нарамасимбы»⁷.

А с севера грозили монголы. Лахор был razoren в 1241 году монголами, которые налетели, разграбили город, убили всех сопротивлявшихся, а затем ушли. Но это значило, что следовало ожидать более серьезных вторжений. Балбан отвечал на угрозу, организовывая ежегодные военные кампании против индийцев и монголов. Первая из этих кампаний состоялась сразу после того, как Насир ад-Дин занял престол, в 1246 году. С его участием и под командованием Балбана армия Дели вошла в область Синд в низовьях Инда и атаковала множество расположенных там монгольских крепостей.

По словам летописца Балбана, «милостью и помощью Творца он опустошил горы... войско неверных монголов, живших в тех краях, обратилось в бегство... страх сковал их сердца». На следующий год Балбан возглавил аналогичную кампанию против индийских повстанцев, укрепившихся в Талсанде, к востоку от Каннауджа, вернув этот город под власть Дели⁸.

В «Табакат-и-Насири» перечислен целый ряд подобных экспедиций: ежегодные военные походы, укрепление Дели и отражение врагов на границах султаната. В основе успеха всех кампаний лежало влияние Балбана. К 1249 году он стал настолько незаменимым, что смог устроить брак между султаном Насир ад-Дином и своей собственной дочерью. Как отмечает Джузджани, *«Балбан являлся защитником династии султана, опорой армии и силой королевства, а потому его дочери посчастливилось стать царской супругой»*.

Он, вероятно, намеревался стать дедом следующего султана — но единственный сын, которого его дочь родила своему мужу, умер в младенчестве, и больше наследников не было⁹.

В 1260 году Балбан возглавил масштабную кровавую расправу над горной страной Мевар — раджпутским государством на юге от Дели, которое доставляло султанату бесконечную головную боль налетами, поджогами и грабежами: по мнению мамлюков, это была страна воров, похитителей скота и бандитов. Илтумиш уже ходил на Мевар войной, но не мог его победить. Теперь, после череды яростных и кровавых сражений, Балбан сломил сопротивление Мевара. Тысячи меварских воинов погибли от меча или

были раздавлены слонами Балбана; мирные жители были перебиты, пленников свеживали заживо, после чего вешали на воротах сопротивлявшихся городов. Когда меварцы укрылись в лесах и начали партизанскую войну, Балбан снабдил свою армию топорами и приказал вырубить сто миль леса, обнажив землю: «Бессчетное количество индуистов пало от беспощадных мечей священных понпов», — говорится в «Табакат-и-Насири»¹⁰.

Это была наиболее впечатляющая победа Балбана. Запись о триумфе, датированном пятнадцатым годом правления султана Насир ад-Дина, завершает «Табакат»; Насир ад-Дин оставался на престоле Дели еще шесть лет, но историки хранят молчание о его достижениях. Очевидно, Балбан — отчаявшись дожидаться внука, но находясь теперь на вершине власти — полностью затмил султана.

К 1266 году Насир ад-Дин скончался. Никто из историков XIII века не описывает его смерть; столетия спустя Изами настаивал на том, что Балбан отравил своего тестя. Как бы то ни было, Насир ад-Дин умер, не оставив наследника, и Балбан — отец его вдовы — сам завладел султанатом Дели¹¹.

После двадцати лет борьбы за укрепление империи, под прикрытием подставного лица, Балбану было крайне необходимо укрепить собственный авторитет. Как визирь, он охранял султанат Дели собственной правой рукой; как султан, он начал работать над теорией, которая объявила бы силу этой правой руки воплощением воли Бога. Теперь он стал *Зил-и-ллахи*, «тенью Бога»: наместником Аллаха на Земле. Он, как и Фридрих II далеко на западе, полагал, что получил корону от самого Бога; он, как и Иннокентий IV, был уверен, что стоит выше всех писаных законов. Он не отвечал ни перед кем, не подчинялся ни одному правовому кодексу, и никто не мог бросить ему вызов¹².

Ни один из предыдущих султанов не выдвигал такие смелые претензии — но Балбан был готов ежедневно демонстрировать народу свой статус назначенного небесами представителя бога. Он перестал пить вино на людях, всегда оставался в отдалении от других людей, вел себя торжественно. Он организовал внушительную вооруженную стражу, окружавшую его везде, куда бы он ни пошел. Он одевался величественно и восседал на инкрустированном бриллиантами троне, а в своей комнате для аудиенций учредил новую церемонию: придворные должны были ложиться перед троном на живот и целовать его ноги. Им нельзя было смеяться в его присутствии¹³.

Хронологическая таблица 47

Северная Италия	Папство	Священная Римская империя	Сирия	Северная Индия
	Иннокентий III (1198–1216)	Филипп — король Германии (не королева) (1198–1208)		Гуриды уничтожают Газневидов (1187)
	Призвание Тевтонского ордена (1200)		Четвертый крестовый поход (1202–1204)	Гуриды вторгаются в земли Сена (1202) Мухаммад Гури (1202–1206)
				Кутб-ад-Дин в Лахоре (1206–1210)
		Оттон IV (1209–1215)		Арам-шах (1210–1211)
				Илтумиш (1211–1236)
	Четвертый Латеранский собор (1215)	Фридрих II (1215–1250)	Пятый крестовый поход (1213–1221)	Джайтра Сингх в Меваре (1213–1253)
	Гонорий III (1216–1227)			
	Григорий IX (1227–1241)			
Возобновление Ломбардской лиги (1226)	Совет в Тулузе (1229)	Фридрих II (император, 1220–1250)	Шестой крестовый поход (1228–1229)	
	«Excommunicatus» (1231)	Мятеж Генриха VII (1234)	Сдача Иерусалима (1229)	

Северная Италия	Папство	Священная Римская империя	Сирия	Северная Индия
Съезд в Равенне (1231)	«Vox in Rama» (1233)			
Фридрих II берет Милан (1237)		Конрад IV (1237–1254) Низложение Фридриха II (1239)		Разия (1236–1240) Нарамасимха Дэва (1238–1264) Бахрам (1240–1242) Монголы разоряют Лахор (1241) Масрул (1242–1246) Дэва побеждает Лакнаур (1243) Насир ад-Дин (1246–1266) при Балбане как визире
Поражение Фридриха II при Парме (1248)	Иннокентий IV (1243–1254)	В Германии начинается гражданская война (1246) Смерть Фридриха II (1250)		Войско Делийского султана атакует на монголов Делийский султанат завоевывает Мевар (1260) Балбан (1266–1287)

Он также ввел и несколько практических инноваций. Выжившие члены «Сорока» были отосланы со сложными поручениями подальше от Дели, в отдаленные уголки султаната, по возможности наиболее дикие и опасные; тех, кто выживал, выборочно про-реживали методом отравлений. Балбан имел сеть шпионов по всей империи, отправлявших постоянные доклады в столицу о поведении назначенных в дальние края чиновников. Один из этих шпионов, не представив свежей информации о действиях наместника провинции, был публично повешен на воротах города, за которым должен был присматривать¹⁴.

Как рассказывает биограф Балбана, Зия-уд-дин Барани, в бес-покойные годы после правления Илтумиша жители Дели «стали колебаться, стали непослушными и своевольными». Непреклонная рука Балбана, контролирующая Дели, восстановила мир:

«Достоинство и авторитет правительства были восстановлены. Ранее страх перед правящей властью, являющийся основой лю-бого хорошего правления... покинул сердца всех людей, и страна пришла в жалкое состояние. Но с самого начала правления Бал-бана народ стал управляемым, послушным и покорным».

Сельджукский раб, поднявшийся до власти над султанатом, довел свой народ до состояния, в котором сам некогда пребывал: состояния послушных и покорных рабов¹⁵.

Глава 48

Седьмой крестовый поход

Между 1244 и 1250 годами Египет переходит из рук в руки, а очередной крестовый поход терпит поражение

Декабрь в Париже, 1244 год. Близится Рождество. Король Лю-довик IX тяжело болен — он при смерти, не может ни гово-рить, ни двигаться. Его дыхание едва различимо. «Был он настоль-ко плох, — вспоминал его друг и биограф Жан де Жуанвиль, — что, как рассказывают, одна из женщин, ухаживавших за ним, хотела закрыть простыней его лицо, утверждая, будто он умер»¹.

Людовику IX было 30 лет. Он получил корону в двенадцать, а вышел из-под власти матери только после двадцати — незадолго

до того как справился со злополучным вторжением Генриха III во Францию. Теперь он был на высоте могущества, но не имел наследника мужского пола; его смерть повергла бы государство в кризис.

Во дворце все плакали. Врачи ушли; двери спальни открыли, чтобы впустить горюющих придворных; прибыли священники, чтобы «молиться за упокой его души». И вдруг король сделал глубокий вдох и открыл глаза².

Так он вышел из комы; а когда пришел в себя настолько, что мог сидеть и говорить, он объявил, что в благодарность за выздоровление примет крест — то есть отправится в крестовый поход. Все возликовали, кроме королевы-матери Бланки, которая пыталась отговорить сына и даже предлагала заплатить отряду наемников, чтобы пошли в поход вместо него. Но Людовик был непреклонен. Он дал священный обет, и он — не Фридрих II; он не отступит³.

Возможно, Людовик IX обдумывал идею крестового похода еще до болезни. А осенью 1244 года с востока пришло ужасное известие: Иерусалим вновь попал в руки мусульман.

К этому несчастью привела сложная цепочка событий, длившихся пять лет. Срок договора Фридриха с аль-Камилем истек в 1239 году: согласно исламскому праву, договор мусульман с неверными не мог длиться более десяти лет. В большинстве случаев договоры просто возобновляли каждые десять лет. Но аль-Камиль умер в 1238 году, и двое его сыновей вступили в борьбу за раздел его империи. Старший брат Айюб ас-Салих победил (и заточил соперника в тюрьму до конца его дней). Однако эта короткая и бурная гражданская война дала дяде Айюба, Исмаилу ас-Салиху, брату аль-Камиля и наместнику Дамаска, возможность поднять мятеж. Он объявил себя правителем Сирии (половины империи Айюбидов), расколов на две части державу Саладина. Таким образом, Исмаил стал и господином Иерусалима.

Тогда Айюб начал собирать войско, чтобы атаковать владения дяди в Сирии и занять их. Наиболее подходящими наемниками оказались уцелевшие и превратившиеся в бродячую шайку остатки армии тюркского государства Хорезм, разоренного Чингисханом в 1219 году. Когда Джелал ад-Дин, последний шах Хорезма, преследуемый нукерами Чингиса, бежал в Индию, его войско и семья были уничтожены, но сам он уцелел. Следующие десять лет он провел в партизанской войне с монгольскими завоевателями — пока не нашел конец от рук монголов во время отчаянной схватки

в горах в 1231 году*. Его воины, вместо того, чтобы разбежаться в разные стороны, образовали кочующие отряды и считали себя последними хранителями культуры Хорезма — хотя и занимались на службу к любому, кто мог заплатить⁴. Их прозвали «хорезмийцами», то есть хорезмийцами.

В 1244 году десять тысяч хорезмийцев, состоявших на службе у султана Египта, вторглись в Сирию. 11 августа они взяли штурмом Иерусалим. Они убивали на улицах и мусульман, и христиан, ворвались в храм Гроба Господня, выкинули из гробниц кости королей-крестоносцев Иерусалима. Айюб Египетский завладел городом — точнее, грудой развалин⁵.

Весть об этом падении вызвала на Западе скорбь — и призывы к новому крестовому походу для возвращения города. Теперь, выздоравливая от тяжелой болезни, Людовик IX был готов взяться за это дело.

Ему понадобилось три года, чтобы подготовиться как следует. Он собрал со своих подданных особый налог для оплаты похода, привлёк французских баронов и рыцарей. В городе Генуе он приобрел более 30 кораблей: двух- и трехпалубные парусники, транс-

* Этнос, населявший Хорезм и впоследствии ставший основой узбекской нации, имел сложный состав. Он возник в XI–XIII веках в результате смешения оседлого ираноязычного населения с кочевыми тюркскими племенами кипчаков, огузов, карлуков и др.; в нем присутствовал также и арабоязычный компонент. Сын последнего хорезмшаха, Джелал ад-Дин Менгуберди (1199–1231), сумел трижды разгромить монгольские войска, причем битва при Парване в 1220 году была единственным крупным поражением монголов за все время их боевых действий в Средней Азии. Военачальники разбитых хорезмийских отрядов, услышав об успехах своего правителя, стали собираться вокруг него, и вскоре под началом Джелал ад-Дина оказалось около 70 тысяч воинов. Тогда сам Чингисхан во главе главных монгольских сил двинулся на него. В сражении на берегу реки Инд 9 декабря 1221 года Джелал ад-Дин наконец-то потерпел поражение. То, чем он занимался после этого, трудно назвать «партизанской войной»: его активность, несомненно, мешала монголам — но он в первую очередь пытался собрать себе новое государство взамен утраченного. Три года Джелал ад-Дин воевал в Индии, предпринял поход в Месопотамию и опять покорил обширные области. В 1225 году он вторгся в пределы Северного Ирана, в том же году его войска захватили часть Грузии и Армении, разорив грузинскую столицу Тбилиси. Наместники Джелалад-Дина на завоеванных территориях требовали большую подать, в итоге население отвечало восстаниями против хорезмийцев. Монголы, узнав об ослаблении власти Джелал ад-Дина, в 1230 году направили против него 30-тысячное войско под предводительством Чормагана, которое легко нанесло ему поражение. В ходе отступления Джелал ад-Дин был убит неким курдом, предположительно нанятым тюрками-сельджуками, однако его войско сохранилось, и было готово наниматься к любому завоевателю. (*Прим. ред.*)

портные и боевые галеры. Он отправил запас продовольствия на Кипр, где намеревался встретиться с другими рыцарями-крестоносцами. *«Большие штабеля бочонков с вином, пшеница и ячмень... лежали горами на полях... из-за пролившихся дождей верхний слой зерна пророс»*, — говорит Жуанвиль, к моменту прибытия которого на Кипр королевская провизия уже была доставлена. Однако под зеленым покровом остальное зерно осталось сухим⁶.

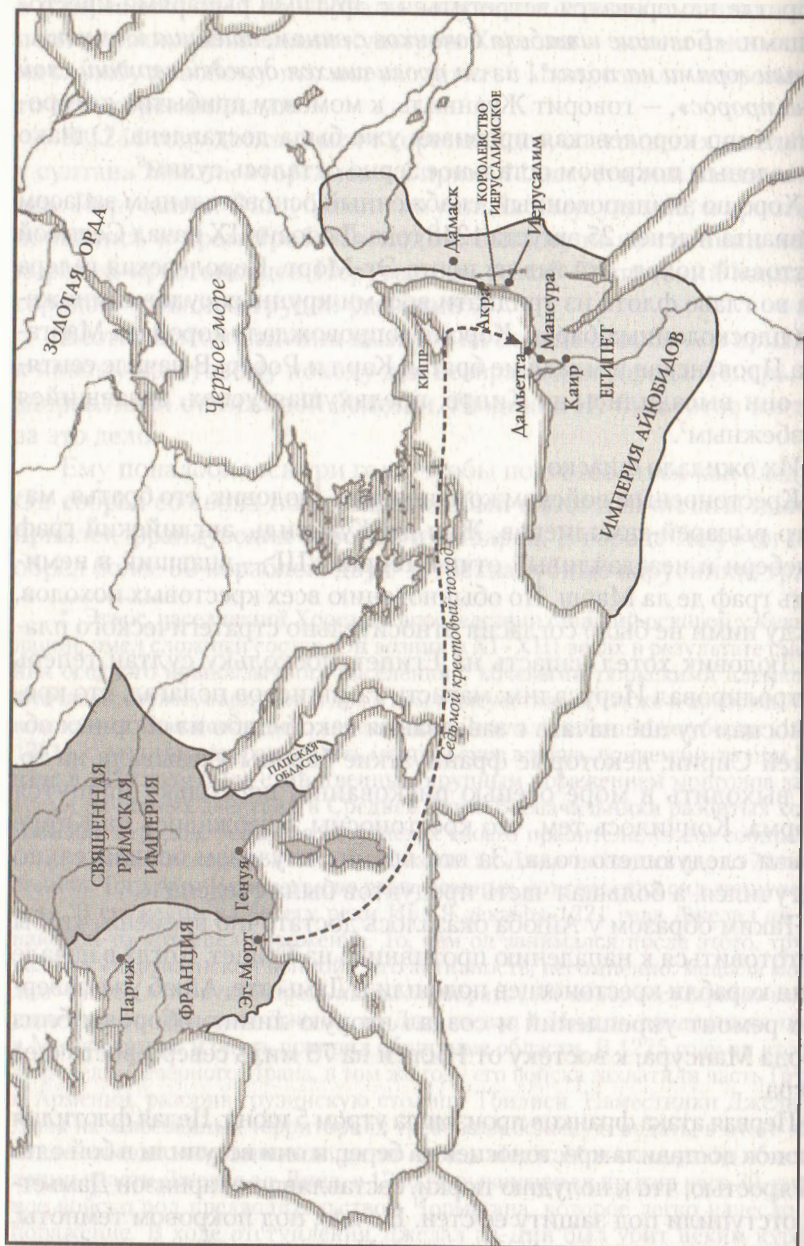
Хорошо экипированный, снабженный основательным запасом провианта и денег, 25 августа 1248 года Людовик IX начал Седьмой крестовый поход, отплыв из порта Эг-Морт. Королевская галера шла во главе флота из тридцати восьми крупных судов и множества плоскодонных барок. Короля сопровождала королева Маргарита Прованская и младшие братья Карл и Робер. В начале сентября они высадились на Кипре, предвкушая успех, казавшийся неизбежным⁷.

Их ожидало фиаско.

Крестоносным войском командовали Людовик, его братья, магистр рыцарей-тамплиеров, Жан де Жуанвиль, английский граф Солсбери и незадачливый отчим Генриха III — впавший в немилость граф де ла Марш. По обыкновению всех крестовых походов, между ними не было согласия относительно стратегического плана. Людовик хотел напасть на Египет, поскольку султан теперь контролировал Иерусалим; магистр тамплиеров полагал, что крестоносцам лучше начать с завоевания какой-либо из спорных областей Сирии; некоторые французские бароны указывали на то, что выходить в море осенью рискованно, поскольку начнутся шторма. Кончилось тем, что крестоносцы задержались на Кипре до мая следующего года. За это время энтузиазм основательно улетучился, а большая часть продуктов была съедена⁸.

Таким образом у Айюба оказалось достаточно времени, чтобы подготовиться к нападению противника на Египет. Когда в начале июня корабли крестоносцев подошли к Дамьетте, Айюб уже завершил ремонт укреплений и создал вторую линию обороны близ города Мансура, к востоку от Нила и на 75 миль северо-восточнее Каира.

Первая атака франков произошла утром 5 июня. Целая флотилия шлюпок доставила крестоносцев на берег, и они вступили в бой с такой яростью, что к полудню турки, составлявшие гарнизон Дамьеты, отступили под защиту ее стен. Ночью, под покровом темноты, они решили эвакуировать Дамьетту. Наутро крестоносцы обнаружили, что город практически пуст, и триумфально заняли его.

Карта 48.1. Седьмой крестовый поход

Айюб, разъяренный легкой победой врага, приказал казнить командиров, ответственных за сдачу Дамьетты. Он был нездоров, страдал от прогрессирующей гангрены и легко впадал в гнев. Он ожидал, что крестоносцы немедленно пойдут вперед — но близилось время разлива Нила, а Людовик усвоил уроки катастрофического Пятого крестового похода. Казначей короля Жан Сарражен писал во Францию: *«Мы твердо знали, что из-за половодья не оставим Дамьетту до праздника всех святых [1 ноября]... Никто не может попасть в Александрию, Вавилон или Каир, когда воды реки заливают всю землю Египетскую»*. Выжидая, когда Нил отступит, крестоносцы коротали время, занимаясь переоборудованием мечети в собор и возведением дополнительных укреплений⁹.

Осенью из Франции прибыл третий брат короля, Альфонс де Пуатье. Он доставил свежие подкрепления, и 20 ноября Людовик швел крестоносное воинство из Дамьетты, направляясь к лагерю султана под Мансурой. К моменту их подхода султан умер (44 лет от роду) после того, как ему ампутировали ногу в попытке спасти его от гангрены. Сын и наследник Айюба, аль-Муаззам Туран-шах поехал тогда в Сирии, и руководство обороной египтян взял на себя пожилой военачальник Фахр ад-Дин*. Крестоносцы стали лагерем за рекой напротив Мансуры и изготовились к атаке.

7 февраля Робер д'Артуа, брат Людовика, перешел реку вброд и нанес внезапный удар по лагерю мусульман вне городских стен. Крестоносцы достигли блестящего успеха — но затем Робер д'Артуа, вместо того чтобы дожидаться подкреплений, как это планировалось, решил сразу бросить своих рыцарей в Мансуру. Увы, здесь его передовой отряд столкнулся лицом к лицу с основными силами египетской армии и был уничтожен. Потеря же Робера и его бойцов слишком ослабила крестоносцев, и от взятия Мансуры пришлось отказаться. Крестоносцы стали лагерем под ее стенами. Вскоре неожиданно появился Туран-шах и отрезал им пути, по которым доставлялось снабжение из Дамьетты.

* Ас-Салих Айюб предпочитал держать Туран-шаха на безопасном расстоянии от Египта — в Ираке. Когда султан неожиданно умер, его любимая наложница Шаджар ад-Дурр и главный шейх скрыли факт смерти, тайно вызвали Туран-шаха с иракскими войсками и стали издавать указы от имени покойного султана. Одним из таких указов войскам было приказано принести присягу Туран-шаху как наследнику престола. Главнокомандующим войсками («атабеком») и регентом до прибытия Туран-шаха был назначен Фахр ад-Дин. Именно Фахр ад-Дин наголову разбил крестоносцев, но и сам погиб в этом сражении. (Прим. ред.)

Мало-помалу крестоносцы начали голодать. Гильом Тирский рассказывает, что люди сперва ели лошадей, ослов и мулов; потом «всякую гадость. Ежели кто находил собаку или кошку, то съедали их, будто лучший деликатес». За этим последовали болезни. По описанию де Жуанвиля,

«Тела наших людей, коих убили [египтяне], всплыли на поверхность воды... все русло было забито мертвецами от одного берега до другого... Поскольку местность там нездоровая... недуг путешественников поразил нас... плоть на ногах усыхла, а кожа становилась темной и пятнистой, как старый сапог; и у тех из нас, кого поражал сей недуг, начинали гнить десны»¹⁰.

К Пасхе даже Людовику стало ясно, что пора отступать. Он повел войско на север — но мусульмане беспрестанно нападали на голодное и ослабленное войско. Через три недели марша, видя, как умирают его люди, Людовик направил к Туран-шаху парламента с предложением сдаться¹¹. Туран-шах принял предложение и взял короля и его знатных спутников под стражу как заложников. Проявив неожиданную жестокость, он приказал перебить всех больных и раненых; Жуанвиль был потрясен этой расправой, но узнал от одного из охранников, что причиной был страх перед распространением эпидемии¹².

Дамьетта также была вынуждена открыть ворота. Во время отсутствия Людовика его жена Маргарита родила сына; в городе не нашлось ни одной повивальной бабки, и королеве пришлось просить принять ребенка одного старого рыцаря, восьмидесяти лет от роду. Прежде чем сдать Дамьетту, Маргариту с новорожденным вывезли в Акру, где она и осталась, дожидаясь вестей от мужа.

Туран-шах согласился освободить пленников в обмен на 800 000 «сарацинских безантов» — около 400 000 фунтов (то есть 180 тонн) золота, причем половину следовало уплатить сразу же, а кроме того, освободить всех взятых в плен мусульман. Правда, сделка чуть было не сорвалась, потому что Туран-шах неожиданно погиб при мятеже тюркских солдат, которые составляли значительную часть его войска.

Как и мусульманская династия Гуридов в Индии, Айюбиды в Египте издавна полагались на мамлюков — солдат, которых набирали из рабов-тюрков для укрепления надежности армии. В то время в продажу на невольничьи рынки поступило множество кипчаков, захваченных монголами. В результате до половины армии Фахр ад-Дина составляли мамлюки. Самым элитным подразделением египетской армии была тысяча мамлюков, известная под

названием «полк Бахри»; первоначально эта была личная гвардия султана Айюба. «Он приобрел больше турков-мамлюков, чем кто-либо из его родичей, — отмечает Ибн Уасиль, — так что они преобладали в его войске».

Но Туран-шах, прибыв из своего иракского удела в Египет, сразу начал расставлять на ключевые военные и административные должности своих фаворитов — в том числе вместо офицеров из полка Бахри, которым был обязан своим восхождением на престол. Более того, будучи пристрастен к выпивке, он как-то после попойки неосмотрительно заявил, что может уничтожить отцовских мамлюков так же легко, как срезать взмахом меча фитили ряда горящих свеч. Разгневанный такой наглостью, один из командиров полка Бахри, некий Бейбарс, составил заговор, и вскоре Туран-шах был убит*. Его правление продолжалось всего 40 дней¹³. В результате Египет остался без султана.

Туран-шах пробыл в Египте недолго, и при таком буйном нраве популярности не приобрел; его изрубленное тело три дня лежало на земле за пределами лагеря, разлагаясь, пока наконец кто-то озаботился похоронить его. Никаких репрессий не последовало. Бейбарс и его сообщники образовали в Каире военный комитет, поставив в качестве номинальной правительницы вдову Айюба — и благодарность за ее поддержку. Но все дела они вершили по своему усмотрению.

Поначалу мамлюки объявили о расторжении сделки, заключенной Туран-шахом — но потом все-таки решили соблюсти договор. 5 мая Людовик вручил им свою половину выкупа и был освобожден вместе с двумя своими уцелевшими братьями и большинством баронов. Он немедленно отплыл в Акру, куда прибыл 14 мая. «Процессия жителей всей Акры спустилась к морю, чтобы встретить его, с великой радостью», — пишет де Жуанвиль¹⁴.

Король выжил, но других причин для радости не было. Сотни рядовых крестоносцев остались пленниками в Египте, Людовик потратил все до последнего гроша — и должен был собрать еще огромную сумму для окончательного выкупа. Крестовый поход провалился: Иерусалим остался в руках мусульман.

* По одной версии Аз-Захир Бейбарс аль-Бундукдари (1225–1277) был турком из кипчакского племени Елборили и родился в Половецкой степи к северу от Черного моря, по другой — родился в степях Крыма. Во всяком случае известно, что, став султаном, он посылал богатые подарки в город Солхат (ныне Старый Крым), где по его заказу была построена мечеть. Руины этой старейшей в Крыму мечети, издревле называвшейся именем Бейбарса, сохранились по сей день. (*Прим. ред.*)

Северная Индия	Франция	Египет, Сирия и Палестина	Священная Римская империя	Папство
Гуриды вторгаются в земли Сена (1202) Мухамад Гури (1202–1206)		Четвертый крестовый поход (1202–1204)		
Кутб-ад-Дин в Лахоре (1206–1210)				
Арам-Шах (1210–1211)	Альбигойский кресто- вый поход (1209–1255)		Оттон IV (1209–1215)	
Илтумиш (1211–1236)				
Джайтра Сингх в Меваре (1213–1253)	Битва при Бувине (1214)	Пятый крестовый поход (1213–1221) Аль-Камиль в Египте (1218–1238)	Фридрих II (1215–1250)	Четвертый Латеран- ский собор (1215) Гонорий III (1216–1227)
	Людовик VIII (1223–1226)		Фридрих II (импера- тор, 1220–1250)	
	Людовик IX (1226–1270)	Шестой крестовый поход (1228–1229) Сдача мусульманами Иерусалима (1229)		Григорий IX (1227–1241) Совет в Тулузе (1229)
			Съезд в Равенне (1231)	«Excommunicamus» (1231)
			Мятеж Генриха VII (1234)	«Vox in Rama» (1233)

Северная Индия	Франция	Египет, Сирия и Палестина	Священная Римская империя	Папство
Разийя (1236–1240)			Конрад IV (1237–1254)	
Нарамасимха Дэва (1238–1264)		Гражданская война в Египте (1238–1242)	Низложение Фридриха II (1239)	
Бахрам (1240–1242)		Ас-Салих Айюб (1240–1249)		
Монголы разоряют Лахор (1241)		Ас-Салих Исмаил захватывает Сирию (1241)		
Масруд (1242–1246)	Битва при Тайлебурге (1242)			Иннокентий IV (1243–1254)
Дэва побеждает Лакнаур (1243)		Ас-Салих Айюб захватывает Иерусалим (1244)		
Насир ад-Дин (1246–1266) при Балбане как визире			Гражданская война в Германии (1246)	
Войска Делийского султанага нападают на монголов		Седьмой крестовый поход (1248–1254)		
	Людвиг IX вынужден сдаться (1250)	Туран-шах (1249–1250)	Смерть Фридриха II (1250)	
Делийский султанат завоевывает Мевар (1260)				
Балбан (1266–1287)				

Глава 49

Раскол ханства

Между 1246 и 1264 годами монголы распространяют свои завоевания с востока на запад, но затем их империя разделяется на четыре части

В 1246 году вожди монгольских кланов собрались в Сира-орду, в нескольких милях от Каракорума, чтобы наконец приветствовать Гуюка в качестве нового великого хана.

У Гуюка, старшего сына Угэдэя, ушло четыре года на то, чтобы достичь этой вершины. После смерти Угэдэя в 1242 году его вдова Дорегене* настояла на избрании Гуюка. Однако значительная часть монгольских правителей предпочитала другого внука Чингисхана — Мункэ, старшего отпрыска Толуя, младшего сына Чингиса. На тот момент все собственные дети Чингисхана были мертвы: Джучи умер раньше отца; Толуй погиб от пьянства в 1232 году; Чагатай умер всего за несколько месяцев до Угэдэя. Три внука стояли в очереди на наследство: Мунке, Гуюк — и Батый на западе, старший сын старшего сына.

Гуюк был очень непопулярен — в частности, из-за того, что сам отец не любил его и неоднократно утверждал, что не будет делать наследником. Но регентом до избрания нового хана стала его мать, Дорегене — и теперь она могла опираться на силу монгольского закона. Монголы, беспощадные в битве, были столь же непреклонны, когда дело доходило до их собственных правовых кодексов. Дорегене четыре года откладывала выборы, чтобы подкупить, убедить или запугать вождей кланов для поддержки ее сына¹.

Гуюк был провозглашен великим ханом 24 августа 1246 года. Он восседал в белом бархатном шатре, на троне из золота и слоновой кости, инкрустированном жемчугом, в окружении вождей кланов, опоясанных золотым оружием. На церемонии присутствовали делегации из Москвы, Каира, Коре, двора Сун, Багдада, Грузии, Киликийской Армении и Рима. Как утверждает римский дипломат, францисканский монах Джованни де Плано Карпини,

«Присутствовали более четырех тысяч послов... Послы принесли столько даров, что это зрелище захватывало дух — одежды

* В отечественной литературе более известна как Туракина-хатун (ок. 1185–1265). (Прим. ред.)

из шелка, бархата, парчи, кушаки из шелка с золотыми нитями, разнообразные меха... более пяти тысяч телег, заполненных золотом, серебром и шелковыми одеяниями»².

Дары были одновременно и данью, и знаком стремления к миру. Их присылали народы, попавшие под власть монголов — или отчаянно надеявшиеся не попасть под эту власть. Со своей стороны папа Иннокентий IV отправил не дары, а послание, которое Карпини передал новому великому хану. Иннокентий IV писал:

«[Мы] увещеваем, просим и искренне молим, чтобы в будущем вы удержались от нападений... и после стольких весьма тяжких преступлений вы умерили соответствующим покаянием гнев Божественного Величества... Признайте Иисуса Христа, истинного Сына Господнего, и поклоняйтесь Его славному имени, практикуя христианскую религию»³.

Ответ Гуюка был краток. Его послание гласило:

«Ты, великий папа, вместе со всеми государями, приходи лично, чтобы служить нам. Вечный Бог убил и уничтожил эти [завоеванные] земли и народы, ибо они не примкнули ни к Чингисхану, ни к великому хану, которые оба были рождены для того, чтобы сделать известными веления Господа... Откуда тебе знать, что слова твои звучат с позволения Господа? От восхода солнца до его заката, все земли подчиняются мне. Кто мог бы сделать это вопреки воле Бога?.. Приходи немедленно, чтобы служить и прислуживать нам! Тогда я признаю твое повиновение. Если ты не соблюдаешь веление Господа, и если проигнорируешь мое веление, я буду знать, что ты — мой враг»⁴.

Гуюк тоже решил играть в священную войну — любимую игру любого властелина. Проживая за пределами христианского мира, он был одним из немногих мировых правителей, чья власть безнаказанно позволяла ему поставить под вопрос авторитет папы.

На момент избрания Гуюку было 40 лет — но он преждевременно состарился из-за традиционного монгольского злоупотребления крепкими напитками. Карпини описывает следующие часы после коронации Гуюка так: «Тогда они начали пить, и, по традиции, пили без перерывов до вечера». В апреле 1248 года Гуюк умер в пути во время путешествия к землям Золотой Орды, где плани-

ровал встретиться со своим кузеном Батием* для того, чтобы сгладить некоторые разногласия⁵.

Впрочем, за два года своего правления Гуюк вновь направил монголов на путь к власти над миром. К 1248 году монгольские войска вернулись на запад. Они полностью покорили султанат Рум и последние сопротивлявшиеся земли в Грузии; Киликийская Армения стала вассалом Гуюка. Перед смертью он готовился к войне с Южной Сун, намереваясь поставить во главе кампании старика Субудая, но не успел сделать это.

После его смерти война вновь была приостановлена — пока кланы в течение трех лет спорили о его преемнике. Бату с Золотой Ордой отдал свой голос за Мункэ, и сын Толуя наконец-то получил давно ожидаемый титул великого хана. Он был провозглашен ханом 1 июля 1251 года на церемонии, которая была лишена чрезмерной величественности церемонии Гуюка; Бату сам созвал собрание, и когда противники Мункэ отказались явиться, Бату настоял на назначении Мункэ присутствовавшими вождями кланов⁶.

Впервые великий хан был избран всего лишь частью монгольских вождей. Мункэ продолжал полностью контролировать всю империю в течение девяти лет (чему способствовало отчасти то, что он беспощадно казнил своих противников и их сыновей), но частичная победа пошатнула фундамент империи монголов, и он начал трескаться на глазах⁷.

В свои сорок три года Мункэ был ветераном войн с династией Цзинь, русами, болгарами и другими народами. Строгая мать, обратившаяся в христианство, воспитала его в духе отвращения к алкоголю. Под руководством Мункэ монгольские завоевания возобновились. Он направил свои армии в две стороны света одновременно. Современный монголам историк Рашид ад-Дин пишет, что Мункэ приказал одному своему брату, Хубилаю, возглавить восточное войско, задачей которого было покорение Южной Сун; другому же брату, Хулагу, была поставлена задача возобновления войны на западе. Как объясняет Рашид ад-Дин, «оба они,

* В 1235 году Гуюк участвовал в походе на запад под верховным командованием Бату, и там между ними произошла ссора, после которой кузены сделались заклятыми врагами. Поэтому избрание Гуюка на ханство встретило жесткое противодействие со стороны Бату, не желавшего подчиняться младшему. Прежде чем затевать серьезные предприятия, новый хан должен был подчинить своего главного оппонента. В начале 1248 года армия во главе с Гуюком двинулась к владениям Бату — но тот, предупрежденный заранее, выступил навстречу со своим войском. Только благодаря смерти Гуюка первая гражданская война между Чингизидами не состоялась. (*Прим. ред.*)

со своими армиями, должны были стать его правым и левым крыльями»⁸.

С этого момента сложная и подробная история разных стран от востока до запада превратилась в единое повествование: историю монгольского завоевания.

Хубилай планировал вторгнуться в Сун с запада. Он отправил свое войско на юг, к границам небольшого государства Наньчжао.

Территория Наньчжао располагалась вокруг озера Эрхай. В VIII столетии его правители отразили нападение Тан, и царство оставалось независимым в течение трех последующих династий. Однако Хубилай, подойдя в 1253 году с неожиданного направления, загнал защитников Наньчжао в их столицу, Дали, и осадил ее. Когда Дали пал, единственными казненными пленниками были сам правитель и двое из его чиновников, убившие монгольского посла.

Хубилай, как говорят более поздние источники, изучал китайскую философию и взял себе в качестве девиза древний принцип конфуцианского учителя Мэн-цзы: тот, кто не наслаждается убийством людей, может объединить их под своим началом. Полное объединение Наньчжао под контролем монголов заняло два года — но как только власть монголов здесь упрочилась, Хубилай использовал его в качестве базы для наступления против Сун⁹.

Тм временем в Коре закончилось состояние полумира, полувойны, в котором находились двор на острове Канхва и монгольские захватчики на севере. В неоднократных нападениях монголов на независимый юг погибло бесчисленное множество людей. «Коресан» скорбно сообщает: *«Не менее 206 800 мужчин и женщин стали пленниками монгольских войск в этом [1254-м] году, а количество убитых невозможно подсчитать. Все провинции и области, которые мы проезжаем, были обращены в прах»*.

Наконец король Коджон организовал убийство Чхве-У, военного диктатора, ответственного за продолжающееся сопротивление. Сразу после его смерти он отправил собственного сына и наследника ко двору Мунке, чтобы предложить капитуляцию. В 1259 году капитуляция Коре была объявлена официально¹⁰.

Другую часть своего войска Хубилай отправил в царство Дайвьет. В 1257 году монголы захватили ее столицу Тханглонг — но после этого на некоторое время отступили. В это время королем Дайвьета был Чан Кань, из 40 лет жизни 33 года он провел на престоле. Теперь же он отрекся от власти и короновал своего восемнадцатилетнего сына, Чан Хоана. Официально смена власти предназна-

лась для предотвращения борьбы за наследство во время нового вторжения монголов. Сам Чан Кань получил наконец ту возможность, которой так давно ждал: он удалился в монастырь и отказался от государственных дел ради уединения и размышлений¹¹.

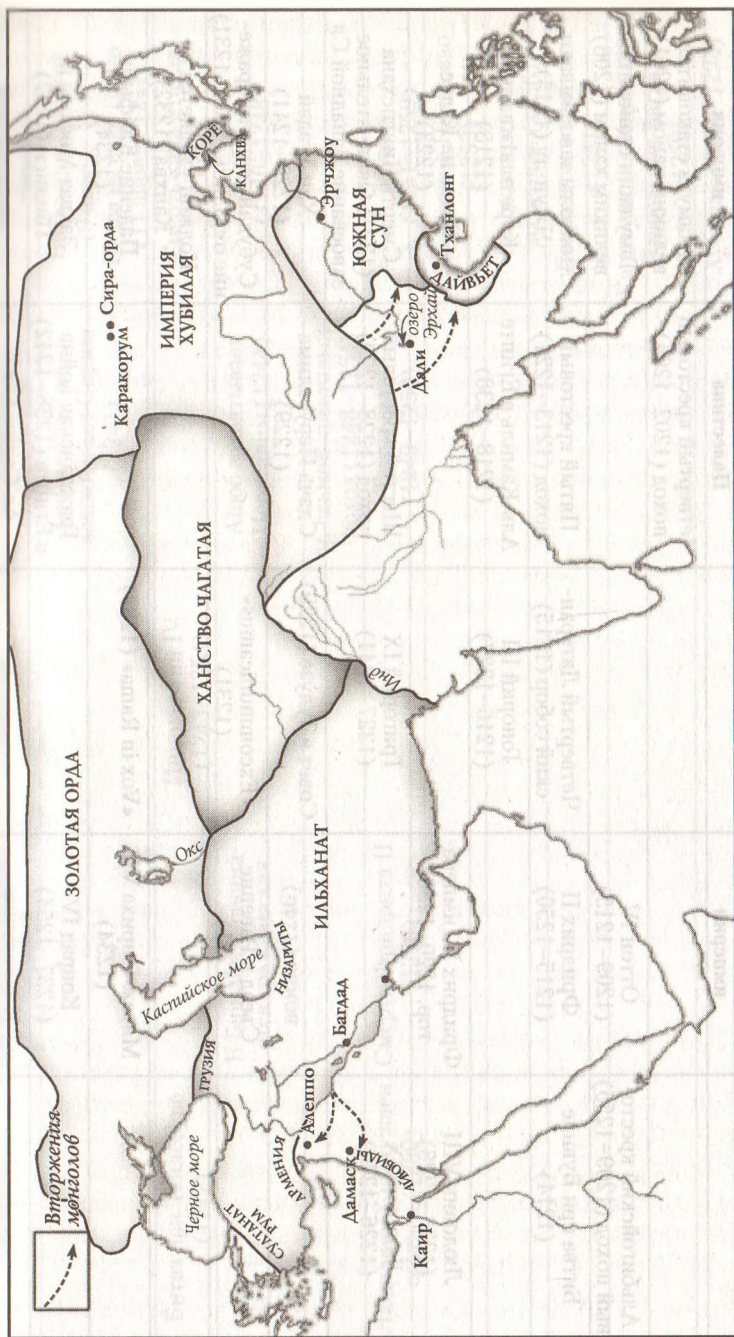
Тем временем Хулагу получил подкрепления от Батыя из земель Золотой Орды. Теперь он решил двинуться в направлении, куда монголы еще не ходили во время своих предыдущих завоеваний на Западе. Хулагу планировал дойти до Средиземного моря, после чего повернуть на юг, в Египет. В 1256 году он пересек Амударью и осадил свои первые цели: крепости «ассасинов» и все горное государство низаритов.

Низаритов возглавлял их вождь, Рукн ад-Дин, бывший их правителем всего лишь год к моменту прибытия Хулагу. Мусульманский ученый XIII века Абу-ль-Фарадж пишет об охватившей Рукн ад-Дина панике; он хотел сдаться, но другие низариты удержали его. Но воспользовавшись тем, что его людей отвлекало зрелище осадных машин, возводимых перед их укреплениями, ад-Дин выбрался наружу и сдался Хулагу — при условии, что ему позволять отправиться на восток и обратиться к самому великому хану*. Хулагу отправил своего пленника на восток, но когда тот прибыл в лагерь Мункэ, великий хан приказал его убить, не удостоив аудиенции¹².

Войско монголов быстро сровняло крепости низаритов с землей и продолжило непреклонное продвижение вперед, к владениям Айюбидов. В 1259 году Хулагу достиг Багдада и ворвался в него, казнив последнего халифа Аббасидов. В 1260 году он изгнал последних правителей Айюбидов из Дамаска и Алеппо**. Однако

* Хулагу, не полагаясь лишь на военную силу, начал и дипломатическое наступление, потребовав от имама низаритов Рукн ад-Дина Хуршаха капитуляции. Среди исмаилитов существовала промонгольская партия, под влиянием которой Хуршах согласился сдать крепости в обмен на сохранение жизни и владений. Однако как только Хулагу почувствовал, что Хуршах пытается выгадать время и затягивает переговоры, он начал штурм крепости, в которой находился имам. В итоге Хуршах вынужден был сдаться. Хулагу отправил его в Монголию, к Мункэ, который должен был решить судьбу Хуршаха. По дороге, в Средней Азии, Рукн ад-Дин Хуршах был убит — видимо, по тайному приказу Мункэ. (*Прим. ред.*)

** На самом деле Багдад был взят в феврале 1258 года, Алеппо — в январе 1260 года. В штурме последнего участвовали войска из Киликийской Армении, а также князь Боэмунд VI Антиохийский, зять армянского царя Гетума. После того, как Хулагу демонстративно пощадил защитников цитадели Алеппо во главе с амиром Туран-шахом (не путать с упомянутым ранее аль-Муаззамом Туран-шахом), Дамаск 1 марта 1260 года сдался монголам без боя. (*Прим. ред.*)

Карта 49.1. Четыре ханства

Хронологическая таблица 49

Франция	Священная Римская империя	Папство	Сирия и Палестина	Монгольская империя
Альбигойский крестовый поход (1209–1255)	Оттон IV (1209–1215)		Четвертый крестовый поход (1202–1204)	Джамуха становится великим ханом (1201)
Битва при Бувине (1214)	Фридрих II (1215–1250)	Четвертый Латеранский собор (1215)	Пятый крестовый поход (1213–1221)	Тэмуджин становится великим ханом (1206)
		Гонорий III (1216–1227)	Аль-Камиль в Египте (1218–1238)	Монголы завоевывают Чжун-ду (1215)
Людовик VIII (1223–1226)	Фридрих II (император, 1220–1250)			Коре платит дань (1218)
Людовик IX (1226–1270)		Григорий IX (1227–1241)	Шестой крестовый поход (1228–1229)	Битва на Калке (1223)
		Совет в Тулузе (1229)	Сдача Иерусалима (1229)	Смерть Чингисхана (1227) Окончательное завоевание Западной Ся
	Съезд в Равенне (1231)	«Excommunicatus» (1231)		Хан Угэдэй (1229–1241)
				Субудай терпит поражение от Цзинь (1230–1231)
	Мятеж Генриха VII (1234)	«Vox in Rama» (1233)		Коджон удаляется на Канхва (1232)
	Конрад IV (1237–1254)			Падение Кайфына (1234)
	Низложение Фридриха II (1239)		Гражданская война в Египте (1238–1242)	Захват Москвы и Тбилиси (1237)
			Ас-Салих Айюб (1240–1249)	

Франция	Священная Римская империя	Папство	Сирия и Палестина	Монгольская империя
Битва при Тайлебуре (1242)		Иннокентий IV (1243-1254)	Ас-Салих Исмаил захватывает Сирию (1241)	Битва при Легнице (9 апреля 1241) Битва на реке Шайо (11 апреля 1241) Смерть хана Угэдэя (1242) Гуюк (1246-1248)
	В Германии начинается гражданская война (1246)		Айюб захватывает Иерусалим (1244)	
Людвиг IX вынужден сдаться (1250)	Смерть Фридриха II (1250)		Седьмой крестовый поход (1248-1254) Туран-шах (1249-1250)	Мункэ (1251-1259) Завоевание Наньчжао (1253) Разгром крепостей ассасинов (1256) Вторжение в Дайвьет (1257) Капитуляция Коре (1259) Завоевание Багдада (1259) Хубилай (1260-1294) Ариг-Буга (1260-1264) Завоевание Дамаска и Алеппо (1260)

еще до того как Хулагу достиг Каира, до него дошли вести о смерти великого хана. Как и все монгольские полководцы до него, он немедленно отправился обратно в Каракорум, чтобы присутствовать при избрании нового верховного вождя монголов.

Мункэ-хан оставил на царстве самого младшего из своих братьев, Ариг-Бугу, и лично присоединился к кампании Хубилая против Южной Сун. В безжалостной августовской жаре Южного Китая Мункэ заболел дизентерией. Братья взяли в осаду юго-восточный город Эчжоу, но великий хан скончался 11 августа 1259 года.

Будучи старшим после Мункэ, Хубилай ожидал, что его провозгласят следующим великим ханом. Но он задержался во враждебных землях Сун, не желая прекращать осаду Эчжоу. Хулагу, оставив на охране новых границ минимальное войско из десяти тысяч бойцов, немедленно отправился домой. Но ему предстоял долгий путь. Тем временем Ариг-Буга заручился поддержкой наиболее консервативных монгольских вождей — тех, которым была подозрительна заинтересованность Хубилая в культуре Китая и не нравилось расширение империи до границ Египта. Ему удалось созвать *курултай* и получить звание великого хана до того, как его старшие братья успели вернуться домой.

Когда вести о перевороте младшего брата дошли до Хубилая, он созвал собственный курултай, состоявший из тех вождей, что были его сторонниками. Собрание утвердило его в качестве великого хана вместо брата. Но ни то, ни другое собрание не соответствовало законам монголов. Ариг-Буга не дал вождям всех кланов времени, чтобы прибыть на совет — а Хубилай созвал свое собрание не на монгольской земле, что сделало его неофициальным. Однако оба брата лишь следовали пути, проложенному Мункэ на его курултае: они использовали частичную поддержку в качестве достаточного обоснования для захвата единственного титула верховного хана¹³.

Их действия раскололи монгольскую империю. Понуждаемый своей женой, напоминавшей, что империя может ускользнуть из-под его власти, Хубилай оставил завоевание Сун и направился обратно в Каракорум со своими закаленными в боях войсками. В течение более двух лет Ариг-Буга противостоял армии брата. Однако Хубилай был значительно более опытным военачальником, и лучшие полководцы были на его стороне. Ариг-Буга, наконец, согласился сдаться 1 августа 1264 года.

Хубилай пощадил его жизнь (хотя казнил большинство сторонников Ариг-Буги, которых смог найти). Он стал великим ха-

ном. Но противники у него остались. Батый, преданный своему двоюродному брату Мункэ, умер в 1255 году; контроль над землями Золотой Орды перешел к его брату Берке — а тот не желал подчиняться клану Хубилая. В землях к востоку от Амударьи внук Чагатая Алгу — поддерживавший переворот Ариг-Буги — воспользовался возможностью объявить о независимости бывших владений Чагатая. Хулагу же, опасаясь выбрать сторону, предпочел продолжить завоевания в свою пользу, не вмешиваясь в интриги.

Хубилай продолжал править на востоке, но Золотая Орда и ханство Чагатая стали независимыми. Завоевания Хулагу, отделившегося от остальных земель монголов, положили начало Ильханату — отдельному монгольскому царству на Ближнем Востоке*. Империя, простиравшаяся от китайского побережья до Черного моря, раскололась на четверти, а затем и вовсе распалась.

Глава 50

Мамлюки Египта

Между 1250 и 1268 годами корпус бахритов захватывает Каир, а монголы испытывают первое поражение

В Египте страной правили мамлюки, а на престоле восседала женщина. После убийства Туран-шаха руководство корпуса Бахри захватило контроль над правительством Египта. Понимая, что у них нет законного права претендовать на власть, командиры бахритов последовали исламской традиции и признали в качестве нового султана вдову Айюба, Шаджар ад-Дурр; но государственная власть оставалась в их руках.

* *Ильхан* означает «младший хан» — правитель отдельного народа или улуса. Этот титул был дарован Хулагу самим великим ханом Хубилаем. Таким образом, уже по своему названию Ильханат не являлся независимым государством, но был вассальным ханством Монгольской империи. На протяжении второй половины XIII века монгольские государства могли воевать друг с другом, вести независимую внешнюю политику — но формально империя Юань считала их своими частями; более того, сами монголы того времени оценивали эти войны как гражданские (после победы на Тереке в 1263 году Берке несколько лицемерно обвинял Хулагу в развязывании кровопролития между монголами). В 1304 году между улусами был официально заключен договор о прекращении междоусобных войн, союзе и признании императора Юань (Туг-Тэмура) великим ханом при сохранении внутренней независимости каждого из государств. Иногда эта федерация именуется «Второй Монгольской империей». (Прим. ред.)

Шаджар ад-Дурр была одной из младших наложниц Айюба (мать Туран-шаха давно была мертва); она, видимо, стала одной из его любимых наложниц и позже — женой. Она родила ему единственного сына, Халила, который умер в младенчестве. В качестве султана Египта Шаджар ад-Дурр выпустила монеты со своим именем и в ее честь произносились пятничные молитвы, но в них звучало не только ее имя. Она всегда представлялась, как «Владычица мусульман и мать Халила». Она могла претендовать на престол только как мать сына Айюба¹.

Но даже этот политический ход был сомнительным. Услышав о перевороте и занятии престола Шаджар ад-Дурр, халиф Аббасидов в Багдаде отправил бахритам уничтожающее сообщение: «Если среди вас не осталось мужчин, дайте нам знать, и мы отправим вам мужчину». Корона Каира никогда не могла закрепиться надежно на голове женщины. Через два месяца после занятия престола Шаджар ад-Дурр попыталась защитить себя, выйдя замуж за командира мамлюков, Айбека, и передав ему титул султана².

Сам Айбек не принадлежал к корпусу бахритов, и выбор Шаджар ад-Дурр не пользовался популярностью. Айбек, как позже отметил один из бахритов, не был «правителем Египта»: *«Он был всего лишь одним из наших товарищей, которого мы назначили править нами, в то время, как среди нас были люди старше, опытнее, более умелые и в большей степени достойные стать султаном»*. Несколько таких командиров объединились для поддержки другого кандидата — шестилетнего потомка Айюбидов, аль-Малика аль-Ашрафа — внука младшего сына самого аль-Камиля. Они провозгласили его полноправным султаном Айюбидов³.

На некоторое время Айбек, отлично знавший о нелегитимности собственного положения, согласился принять аль-Ашрафа в качестве соправителя. Это решение не привело к миру; семь лет правления Айбека были отмечены бунтами и беспорядками в Каире, стычками с другими мамлюками и политическими убийствами. В 1254 году Айбек убил своего наиболее уважаемого соратника — командира корпуса бахритов Фарис ад-Дина Актая, который был основным организатором поражения Людовика и французской армии. Убийство, осуществленное Айбеком и его верным помощником Кутузом в крепости Каира, раскололо бахритов. Друзья Актая бежали на север, в погруженные в хаос земли Сирии; среди них был сам Бейбарс, убийца Туран-шаха. После этого Айбеку удалось избавиться от своего десятилетнего султана-напарника,

отправив мальчика в изгнание. Его сторонники отвезли его на север и нашли для него прибежище в Никейской империи⁴.

Эта временная победа над сопротивлением продлилась только до 1257 года. Шаджар ад-Дурр все сильнее разочаровывалась в своем муже; она надеялась, что брак поможет ей сохранить какую-нибудь власть — но Айбек стремился отстранить ее от власти. В апреле она приказала своим людям убить Айбека в купальне; беззащитный султан был задушен.

Султанский двор раскололся. Стража Айбека выступила против Шаджар ад-Дурр, загнала ее в южную часть дворца и схватила там*. Затем ее оттащили в покои Айбека, где (по словам Ибн Васира) жена Айбека была до смерти забита деревянными башмаками⁵.

После этого верные Айбеку мамлюки объявили султаном Египта его пятнадцатилетнего сына Аль-Мансура Али. Он тоже должен был стать марионеткой, призванной убедить народ Каира в преемственности власти — в то время как за его спиной мамлюки сражались между собой за власть.

Победителем в этой борьбе стал Кутуз — помощник Айбека и убийца Актая. Его провозгласили султаном 12 ноября 1259 года, и он сразу же мирно отправил юного Али в отставку. Вскоре после этого бахриты, бежавшие от Айбека, начали потихоньку возвращаться в Египет. Кутуз принял их радушно. Он нуждался в них для победы над монголами⁶.

Хулагу, временно забросивший свои завоевания, чтобы вернуться в Каракорум, оставил десятитысячную армию под командованием одного из своих генералов — Китбуги. Тот продолжил кампанию, возглавив захват Алеппо, Хомса, Хамы и Газы. К началу 1260 года фронт монголов продвинулся почти до реки Иордан; Китбугу отделяла от Египта лишь небольшая полоска земли⁷.

В конце августа Китбуга отправил послов в Каир, приказав Кутузу сдаться. Вместо этого новый султан казнил монгольских

* В действительности Шаджар ад-Дурр была женщиной властной, притирала своего супруга и как минимум часть власти над государством удерживала в своих руках. Ради брака с султаншей Айбек развелся с женой; его убийство, по-видимому, было вызвано тем, что он пожелал взять в жены другую женщину. После убийства Айбека собственное правление Шаджар ад-Дурр продлилось лишь 80 дней. История ее отстранения от власти неясна — но события происходили не так стремительно, как их описывает автор: сначала султаншу просто посадили под домашний арест, но спустя некоторое время первая жена Айбека пригласила ее в баню отдохнуть. Именно здесь служанки обиженной жены забили Шаджар ад-Дурр своими деревянными банными башмаками. (Прим. ред.)

посланцев и выставил их головы над воротами своего города. Таким образом он рассчитывал вызвать взрывную реакцию; Кутуз знал, что оставленное монгольским полководцем войско немногочисленно, и он был уверен, что Аллах поддерживает его стремление сокрушить монголов как врагов ислама: Китбуга, как и мать Хулагу, был христианином. Кутуз даже отправил послание в Акру, попросив тамошних крестоносцев присоединиться к нему. Учитывая, что резня в Дамьетте случилась всего десятилетием ранее, крестоносцы были несколько озадачены таким предложением; в итоге они решили отказать — но предложили египетской армии помощь с припасами, когда та отправилась против монголов⁸.

3 сентября 1260 года обе армии вошли в долину Айн-Джалут — «Источник Голиафа», место легендарного убийства гиганта Голиафа юным Давидом. И монголы впервые попали в ловушку, в которую так часто загоняли других. Войско Кутуза численностью превосходило армию Китбуги, но Кутуз скрыл большую часть своих людей в холмах вокруг Айн-Джалута и отправил навстречу монголам только небольшой отряд под командованием Бейбарса. Чувствуя легкую победу, Китбуга приказал атаковать; Бейбарс отошел и скрылся в холмах, а когда монголы последовали за ним, остальные мамлюки вышли из укрытия и окружили их⁹.

Свирепость монголов и тут показала себя: попавшая в ловушку армия чуть не вырвалась на свободу. Однако мамлюки были не менее умелыми конниками, чем монголы. Через несколько часов Китбуга пал*. Смерть командира обескуражила монгольскую армию; войско начало отступать, и отступление превратилось в бегство. У города Бисан, на расстоянии восьми миль, выжившие попытались развернуться и перегруппироваться. Мамлюки догнали их и перебили. Армия монголов впервые была разбита в сражении. Новости о победе мамлюков с триумфом дошли до Египта, вместе с головой Китбуги, насаженной на пику; новости о поражении монголов распространились во все стороны света. Как выяснилось, монголы все-таки не были неуязвимы. Их триумф не был неизбежен. Остальной мир мог дать им отпор¹⁰.

Сам Кутуз с триумфом отправился в Дамаск, изгнал монгольских захватчиков и вернул город Египту. В течение месяца он также вернул Алеппо, Хомс и Хаму. Египет и Сирия были полностью объединены под султанатом Каира. Теперь между арабской империей Каира и владениями монголов, в которых сказывалось влия-

* По общепринятой версии, под Китбугой был убит конь, он попал в плен и был казнен лично Кутузом. (Прим. ред.)

ние христианства, была проведена непреодолимая черта; сначала мать Хулагу, а теперь и его жена обратились в христианство¹¹.

Кутуз так и не вернулся в Каир, где народ готовился встретить его как героя-победителя. В полках бахритов не забыли о его участии в убийстве Фарис ад-Дина Актая, произошедшем шестью годами ранее. Возглавляемые Бейбарсом бахриты планировали хладнокровную месть. В октябре 1260 года, на обратном пути в Египет, Бейбарс и Кутуз отправились на соколиную охоту с небольшой группой спутников. Когда они стояли рядом, Бейбарс склонился, чтобы поцеловать султану руку. Это было сигналом для его сообщников; они окружили Кутуза и убили его. Оставив тело, они отправились обратно в лагерь и столкнулись с главным чиновником Кутуза, который ожидал султана. Оказавшись лицом к лицу с убийцами, он сдался. «Кто из вас убил его?» — спросил он. «Это сделал я», — ответил Бейбарс. «Тогда садись на престол вместо него», — сказал чиновник и отступил¹².

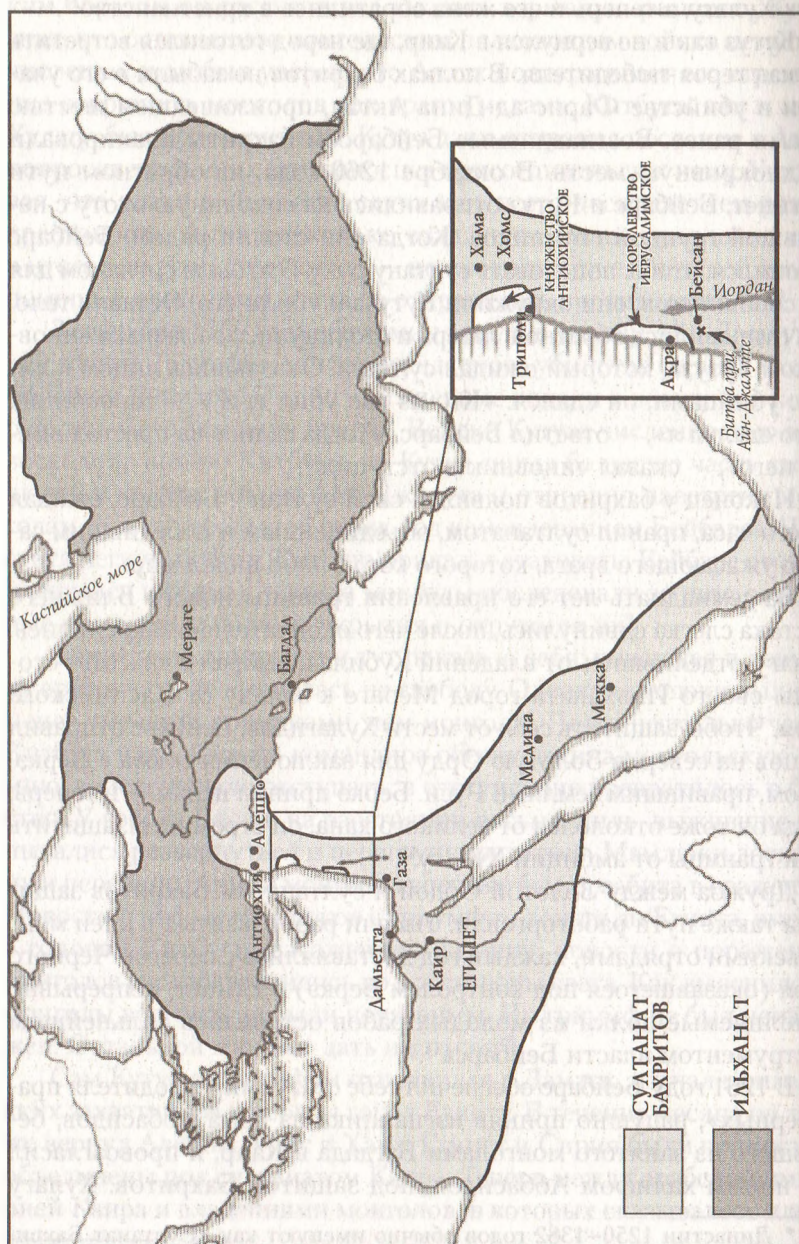
Наконец у бахритов появился свой султан*. Бейбарс, ожидая своего часа, правил султанатом, объединенным и победившим самого ужасающего врага, которого когда-либо видел мир.

За семнадцать лет его правления границы нового Ближнего Востока слегка сдвинулись, после чего окончательно закрепились. Хулагу, отделившись от владений Хубилая, выбрал в качестве столицы своего Ильханата город Мераге к западу от Каспийского моря. Чтобы защитить себя от мести Хулагидов, Бейбарс отправил гонцов на север, в Золотую Орду для заключения союза с Беркэ, ханом, правившим землями Руси. Беркэ принял ислам — и теперь, когда он тоже откололся от великого хана, он стремился защитить свои границы от амбиций Хулагу¹³.

Дружба между Золотой Ордой и султанатом Бахритов защитила также пути работоторговли. Тысячи рабов, взятых в плен монгольскими отрядами, каждый год доставлялись с берегов Черного моря (оказавшегося под контролем Беркэ) в Египет; непрерывно пополняемые полки из молодых рабов оставались сильнейшим инструментом власти Бейбарса¹⁴.

В 1261 году Бейбарс обеспечил себе статус «предводителя правоверных», радушно приняв изгнанника из дома Аббасидов, бежавшего из занятого монголами Багдада в Каир, и провозгласил его новым халифом Аббасидов, под защитой Бахритов. Хулагу

* Династии 1250–1382 годов обычно именуют как «Султанат Бахритов» — хотя первые пять султанов в действительности не принадлежали к корпусу Бахри. (Прим. авт.)

Карта 50.1. Султанат Бахритов

уничтожил древнее сердце ислама; теперь Бейбарс представлялся его восстановителем. Как пишет арабский историк XIV века Ибн Хальдун, «татары-язычники уничтожили пристанище Халифата и... поставили неверие на место веры». Но Бейбарс подхватил угасающий факел:

«По благоволению Господа он спас веру, оживив ее угасающее дыхание и восстановив единство мусульман в землях Египетских... Он сделал это, отправив мусульманам из этого тюркского народа и из других великих и многочисленных племен тех правителей, которые будут их защищать, и бесконечно преданных помощников, которые из Дома Войны перешли в Дом Ислама* под влиянием рабства. ... Некоторые из них были избраны, чтобы занять престол султанов и управлять делами мусульман — в соответствии с божественным провидением и Божьим милосердием»¹⁵.

Приятным следствием этого решения была присяга Каирскому султанату от шарифа Мекки, наиболее могущественного племенного вождя в этом священном городе. Для совершения хаджа, ритуального паломничества в Мекку, большая часть исламского мира должна была пройти через земли Бейбарса; теперь эти земли вошли в единое государство. Бейбарс сразу присвоил себе новый титул: Хадим аль-харамейн аль-шарифейн, «Служитель двух святынь», защитник Мекки и Медины. В следующие годы он оплатил восстановление мечети в Медине, которая носила имя Мухаммеда. Новый султан также строго следил за соблюдением законов ислама в своих землях — включая запрет на алкоголь для правоверных¹⁶.

Он также возобновил войну против государств крестоносцев, число которых уменьшилось до двух — королевства Иерусалимского с центром в Акре, все еще безнадежно цеплявшегося за побережье Средиземного моря, и княжества Антиохийского, которое с 1201 года также владело городом Триполи. Обойдя Акру, Бейбарс двинулся на север, к Антиохии, и осадил столицу княжества. Антиохия пала всего за четыре дня. Семнадцать тысяч ее защитников попали в плен, а всего в рабство были проданы более ста тысяч. Боэмунду VI остался только Триполи¹⁷.

* Дом Ислама (*Дар аль-Ислам*) — территория, полностью контролируемая мусульманами, на которой действуют все исламские законы; Дом Войны (*Дар аль-Харб*) — территория, неподконтрольная исламу и находящаяся под властью антиисламских сил. Обоих этих терминов нет в Коране, они появились позднее и не являются каноническими. (*Прим. ред.*)

Хронологическая таблица 50

Монгольская империя	Сирия и Палестина	Мамлюки в Египте
Тэмуджин становится великим ханом (1206)		
Монголы завоевывают Чжун-ду (1215)	Пятый крестовый поход (1213–1221)	
Коре платит дань (1218)		Аль-Камиль в Египте (1218–1238)
Битва на Калке (1223)		
Смерть Чингисхана (1227) Окончательное завоевание Западного Ся	Шестой крестовый поход (1228–1229)	
Угэдэй (1229–1241)	Сдача Иерусалима (1229)	
Цзинь наносит поражение Субудая (1230–1231)		
Коджон удаляется на остров Канхва (1232)		
Падение Кайфына (1234)		
Разорение Москвы и завоевание Тбилиси (1237)		Гражданская война в Египте (1238–1242)
Битва при Легнице (9 апреля 1241) Битва при реке Шайо (11 апреля 1241)	Ас-Салих Исмаил захватывает Сирию (1241)	Ас-Салих Айюб (1240–1249)

Монгольская империя		Сирия и Палестина	Мамлюки в Египте
Смерть хана Угэдэя (1242)		Айюб захватывает Иерусалим (1244)	
Гуюк (1246–1248)		Седьмой крестовый поход (1248–1254)	Туран-шах (1249–1250)
Мункэ (1251–1259)		Бозмунд VI Антиохийский (1251–1275)	Шаджар аль-Дурр (1250) Айбек (1250–1257) (+ Аль-Малик аль-Ашраф)
Завоевание Нанчао (1253)			
Разгром крепостей ассасинов (1256)			
Вторжение в Дайвьет (1257)			Аль-Мансур Али (1257–1259)
Капитуляция Коре (1259) Завоевание Багдада (1259)			Куруз (1259–1260)
Завоевание Дамаска и Алеппо (1260)			
Ариг-Бута (1260–1264) Хубилай (1260–1294)		Мамлюки отвоевывают Сирию	Битва при Айн-Джалуте (1260) Бейбарс (1260–1277)
Раскол Монгольской империи (ок. 1265)			
Золотая Орда	Ильханат	Улус Чагатай	Великое ханство
Хулагу	Беркэ	Альгу	Хубилай
		Бейбарс захватывает Антиохию (1268)	

Боэмунд не был в Антиохии во время осады, но Бейбарс предусмотрительно отправил ему письмо с ее описанием:

«Твои дома взяли штурмом грабители и разграбили мародеры, твоих женщин продавали по четыре одновременно... кресты в твоих церквях были разбиты, страницы ложных заветов разбросаны, гробницы патриархов перевернуты... твой мусульманский враг попирает то место, где ты отмечал мессу, перерезав глотки монахам, священникам и дьяконам на алтарях... Аллах, давший тебе Антиохию, вновь забрал ее; Владыка, подаривший тебе эту крепость, отнял ее, стерев ее с лица земли»¹⁸.

Теперь в руках крестоносцев оставались только два города: Триполи — последняя тень княжества Антиохийского, без Антиохии; Акра — как столица королевства Иерусалимского без Иерусалима. Бейбарс вернул доминирование мусульман к востоку от Средиземного моря, и эта власть сохранится в течение многих поколений. *«Таким образом, одно поглощение идет за другим, и поколения сменяют друг друга, — объясняет Ибн Хальдун, — и ислам радуется выгоде, получаемой от них, и ветви государства процветают со свежестью молодости»*¹⁹.

Глава 51

Людоевик Святой

Между 1250 и 1267 годами мятежники-пастушки нападают на Церковь, но король Франции остается всецело ей предан

Четыре года спустя после неудавшегося похода в Египет Людовик IX Французский все еще пребывал на востоке. Он прибыл в Акру в конце мая — сопровождаемый жалкой сотней соратников, которой удалось уцелеть. В начале июня он созвал их на совет и изложил свои сомнения.

«Королева, моя матушка, прислала мне письмо, и умоляет меня... возвратиться во Францию, ибо королевство мое в великой опасности, поскольку я не заключил ни мира, ни перемирия с королем Англии. Те жители [Акры], с коими я говорил, утверждают, что после нашего ухода земля эта будет потеряна... Поразмыслите об этом, а через восемь дней от сегодняшнего вы должны будете дать мне ответ согласно вашим мнениям»¹.

Эти восемь дней были тревожными. Большинство уцелевших баронов хотели, чтобы король вернулся во Францию, упрочил безопасность королевства, а затем, подготовившись как следует, возобновил крестовый поход. Закоренелые вояки, вроде Жана де Жуанвиля, не хотели прерывать крестовый поход и бросать оставшихся в Каире заложников.

Выслушав все доводы, Людовик решил остаться. Он считал, что у королевы Бланки, его матери и регентши, *«достаточно людей, чтобы защитить [Францию], но если я уйду отсюда, королевство Иерусалимское погибнет, ибо никто не отважится остаться после моего отъезда»*. Вместо себя он отправил домой двух своих уцелевших братьев, снабдив их письмом, в котором объяснял своим подданным, что намеревается пробыть еще некоторое время в Акре, чтобы добиться «освобождения пленников, сохранения замков королевства Иерусалимского и других выгод для христиан». Письмо завершалось уверенным и прямым призывом: крестовый поход не окончен, и рыцари Франции еще смогут сражаться за Святую землю.

«Идите же, рыцари Христовы, воины папы, служителя Бога живого, вооружитесь и не знайте усталости, отмщая за все обиды и оскорбления... Те из вас, кто придет или окажет действительную помощь нам либо самой Святой земле, пока мы еще здесь, заслужат, помимо отпущения грехов, обещанного всем взявшим крест, также почет и благодарность от Господа и от людей... Дело сие таково, что не терпит проволочек, и всякое промедление смерти подобно»².

Но его послание вызвало неожиданную реакцию. Пока Людовик занимался укреплением стен Акры, в Северной Франции объявился безумный монах-проповедник, якобы из Венгрии, который утверждал, будто ему дано откровение от Девы Марии: король Людовик будет освобожден не баронами и рыцарями, а простецами и беднотой.

Его речи всколыхнули глубокое чувство недовольства обладателями привилегий и власти — знатью и рыцарями. «Бедняки... платят за все войны своих господ, — за 10–15 лет до того писал нормандский клирик Гильом Леклерк, — и часто плачут они от этого и вздыхают»*.

* Биография Гильома Леклерка практически неизвестна. Считается, что он происходил из Англии или Шотландии, служил в Нормандии и писал на нормандском диалекте. Его перу принадлежат поэма в 3290 стихах «Божественный bestiарий», дидактический трактат «Безант Господень» и «Роман

Этих-то бедняков и земледельцев Учитель уверял, что им, пастухам и пахарям, «в силу их убогости и простоты, дарована небесами власть спасти Святую землю... ибо, как он говорил, гордыни французских рыцарей неугодна Богу». Такой взгляд на вещи находил живейший отклик в массах, и вскоре монах, именовавший себя «Учителем из Венгрии»*, оказался во главе тысяч последователей. Все они — фермеры, свинопасы, пастухи, а также немалое число воров и разбойников, — облачились в пастушескую одежду, отчего и были прозваны *Pastoureux* — «пастушками»³.

Поначалу их энтузиазм весьма приветствовался, и сама правящая королева-мать Бланка приветствовала их в столице и слушала проповедь «Учителя». Но потом начались осложнения. Очень скоро в проповеди «Учителя» зазвучали обвинения в адрес Церкви, еще более резкие, чем у вальденсов и катаров лет на пятьдесят ранее. «Он осуждал всех, кроме своей паствы, — пишет Матвей Парижский, — францисканцы-де бродяги, цистерцианцы алчны, священники и епископы лишь гоняются за деньгами». Его стараниями вскрылась издавна копившаяся залежь обид не только на богатых рыцарей, но и на всех, кто благоденствовал, когда беднота боролась за выживание. «Я охотно передумал бы знать и духовенство, всех до единого, — заявляет персонаж одной из французских сатир XIII века. — Им достается все, что есть вкусного и хорошего»⁴.

В январе 1251 года пастушки вступили в Орлеан, вооруженные «мечами, секирами, копьями, кинжалами и длинными ножами». «Казалось, что думают они больше о войне, чем о Христе», — замечает Матвей. Они наводнили весь город, избивая и убивая свя-

о Фергюсе» — сатира на тогдашнее шотландское общество. Творчество Гильома укладывается в период 1200–1240 годов. (Прим. ред.)

* О предводителе «пастушков» известно только, что его звали Жак (Иаков). Вряд ли он имел какое-то реальное отношение к Венгрии — которая для жителей Северной Франции была тогда синонимом далекой неведомой страны. Скорее всего, таким образом «учитель Жак» скрывал свое реальное происхождение и прошлое. Был ли он безумцем? Вряд ли — судя по поведению, он больше похож на обиженного духовенством честолюбца. Сперва в Амьене, а затем в Париже и Орлеане он явочным порядком присвоил себе неограниченную духовную власть, затем ухитрился обаять суровую королеву и яростно преследовал клириков. Его «воинство» оскверняло храмы и убивало монахов. Расправились с «пастушками» не столько солдаты короля, сколько ополчения, собранные горожанами, уставшими от их бесчинств. Лишь малая часть «пастушков» смогла спастись, переправившись через Ла-Манш. Там к ним начали было присоединяться английские простолюдины — но их марш на Лондон прервался, когда был убит вожак, а остальных приговорили к совершению паломничества в Святую землю. (Прим. ред.)

Карта 51.1. Движение пастушков

ценников, грабя и поджигая дома. Такие же орды штурмовали церкви в Туре и Бурже. Бланка немедленно отказалась от поддержки этого движения. Как объясняла она: *«Я верила, что им, по простоте и святости их, дано будет завоевать всю землю. Но, поскольку они оказались обманщиками, да будут они отлучены от церкви, схвачены и уничтожены»*. За пастушками началась охота.

В течение года пастушков рубили в рукопашных схватках, хватали и вешали, загоняли в реки и топили; их предводитель был зарублен воинственным парижским мясником, который «ударил его топором по голове и отправил его без мозгов в ад»⁵.

И тут Франция, пострадавшая от натиска англичан и внутреннего хаоса, осталась еще и без регента. В ноябре 1252 года, после непродолжительной болезни, Бланка (1188–1252), которой было уже далеко за 60, скончалась. Узнав о смерти матери, Людовик заперся в своей комнате, два дня ни с кем не разговаривал — а потом наконец-то начал готовиться к возвращению во Францию.

Король вернулся в Париж 7 сентября 1254 года. Он отсутствовал шесть лет; ему удалось освободить часть попавших в плен со-

ратников и построить новые укрепления вокруг христианских городов на востоке, но отбить Иерусалим он не смог. Провал Седьмого крестового похода изменил его. *«После того как король вернулся из-за моря, он так предался благочестию, что более никогда не носил ни мехов... ни алых одежд, ни золотых шпор»*, — пишет Жан де Жуанвиль. Король отказался от вина, перестал устраивать пышные празднества; он стал аскетичен в одежде, пище и питье, у него выработались новые привычки: все большую часть своих доходов он жертвовал на благотворительность, все дольше молился и до поздна зачитывался священными писаниями⁶.

Благочестие короля напрямую влияло на состояние дел во Франции; правосудие в государстве заботило Людовика не меньше собственных отношений с богом. За два года после возвращения он издал много указов, регулирующих поведение его слуг и чиновников. Им запрещалось браниться, посещать таверны; они должны были проявлять равное внимание к уроженцам Франции и чужестранцам; взятки и подарки запрещались, так же как неоправданные аресты, заключение в тюрьму без причины и насилие. Король запретил поединки как средство решения конфликтов, проституцию, азартные игры и богохульство в общественных местах⁷. Как и покойный Фридрих II, он сопротивлялся нажиму со стороны епископов Франции; но, в отличие от Фридриха, он поступал так из личного убеждения — считая, что король обязан быть слугою Церкви. На просьбы Церкви арестовать и удерживать людей, которые были под интердиктом, чтобы те поскорее раскаялись, Людовик отвечал отказом. Ведь может так случиться, объяснял он, что папа, рассмотрев то или иное дело, признает такого человека невиновными — а значит, светские власти Франции нельзя использовать для осуществления решений местных епископов, если те могут и ошибиться. Судить надлежало одному Богу — при посредстве папы⁸.

Представление о короле как слуге церкви сложилось у Людовика под воздействием взглядов ученого-доминиканца Фомы Аквинского. В то время ему едва исполнилось тридцать, незадолго до того он завершил первый этап своей преподавательской деятельности в Кельне. После приезда в Париж в 1252 году он продолжил писать книги и читать лекции. Подобно Ансельму в начале XII столетия, а позднее — Абеляру, Петру Ломбардскому и Бернару Шартрскому, Фома Аквинский углубился в изучение трудов греческих философов с целью срастить их учения с философией христианской. Его величайшие богословские сочинения еще были

делом будущего — но уже при жизни Людовика IX он сумел полностью согласовать аристотелевские идеи с христианским откровением⁹.

В «Политике» Аристотеля, уже переведенной на латынь, доказывалось, что справедливый государь трудится ради общего блага всех его подданных. «Общее благо» Аристотеля включало в себя справедливость и процветание для всех, и по этому определению Людовик действительно был добродетельным монархом: *«Король... более всего заботился о том, чтобы узнать, как управляют народом, защищены ли его права и интересы... Доброе правосудие преобладало повсюду... и дела пошли настолько лучше, что цены на товары, и на землю, и на все прочее удвоились»*, — пишет Жуан-виль¹⁰.

Фома Аквинский принял определение Аристотеля и расширил его. Короли обязаны обеспечивать правосудие и процветание своих подданных, но привести их к конечному спасению — выше возможностей монарха.

«Человек достигает своего высшего состояния, кое находится во власти Господа, не человеческой волей, но божественной. Следовательно, задача довести людей до сей конечной цели... была возложена не на мирских государей... но на верховного священника, наследника святого Петра и наместника Христова — римского понтифика».

По мнению Фомы Аквинского, никакого конфликта между королем и папой быть не может, их действия должны быть согласованы так же, как согласуются между собой закон природы и закон божественный, разум и откровение. Они идут рука об руку: король заботится о делах земных, папа — о небесных. Но вопрос о том, кто главнее, не ставится: «Римскому понтифику должны подчиняться все короли христианских народов, — утверждал Аквинат, — как самому господу нашему Иисусу Христу»¹¹.

Антиклерикализм пастушков сильно качнул маятник этих отношений в одну сторону; Людовик довел их до противоположной крайности. «Люби и почитай всех, кто служит святой Церкви», — поучал он своего сына под конец жизни, добавляя следующее наставление: даже если Церковь причинит королю обиду, ему следует промолчать. Поскольку «Господь даровал нам великие блага» — будет лучше отказаться от какой-либо королевской привилегии, чем бороться против власти, освященной Богом¹².

Хронологическая таблица 51

Палестина, Сирия и Египет	Франция	Папство	Священная Римская империя	Англия
	Альбитойский кресто- вый поход (1209–1255)		Оттон IV (1209–1215)	Арест евреев в Ан- глии (1210)
Пятый крестовый поход (1213–1221)	Битва при Бувине (1214)	Четвертый Латеран- ский собор (1215)	Фридрих II (1215–1250)	Великая Хартия (1215) Война баронов (1215)
Аль-Камиль в Египте (1218–1238)		Гонорий III (1216–1227)		Генрих III (1216–1272)
	Людвиг VIII (1223–1226)		Фридрих II (импера- тор, 1220–1250)	
	Людвиг IX (1226–1270)	Григорий IX (1227–1241)		
Шестой крестовый поход (1228–1229) Сдача Иерусалима (1229)		Совет в Тулузе (1229)		Вторжение в Бретань (1230)
		«Excommunicatus» (1231)	Съезд в Равенне (1231)	
		«Vox in Rama» (1233)	Мятеж Генриха VII (1234)	
Гражданская война в Египте (1238–1242)			Конрад IV (1237–1254)	
Ас-Салих Айюб (1240–1249)			Низложение Фридриха II (1239)	

Палестина, Сирия и Египет	Франция	Папство	Священная Римская империя	Англия
Ас-Салих Исмаил захватывает Сирию (1241)	Битва при Тайлебуре (1242)	Иннокентий IV (1243–1254)		
Айюб захватывает Иерусалим (1244)				
Седьмой крестовый поход (1248–1254)			Гражданская война в Германии (1246)	
Туран-шах (1249–1250) Шахар аль-Дурр (1250)	Капитуляция войска Людовика IX (1250)		Смерть Фридриха II (1250)	
Айбек (1250–1257) (+ Аль-Малик аль-Ашраф)				
Бозмунд VI Антиохий- ский (1251–1275)	Движение «пастуш- ков» (1251)			
	Смерть королевы Бланки (1252)			
Аль-Мансур Али (1257–1259)	Людовик IX возвра- щается во Францию (1254)			
Кутуз (1259–1260)				
Мамлюки отвоевывают Сирию				
Битва при Айн-Джалуте (1260)				
Бейбарс (1260–1277)				
Бейбарс захватывает Антиохию (1268)				

Глава 52

Логово льва

Между 1252 и 1273 годами папы стараются отделить Сицилию от империи, король Англии пытается справиться со своими баронами, а династия Фридриха II трагически прерывается

После смерти своего врага Фридриха II папа Иннокентий IV с триумфом вернулся в Рим. «Римскому понтифику обязаны подчиняться все короли христианских народов», — писал Фома Аквинский; и Иннокентий IV был с ним согласен: *«Те, кто стремятся избавиться от власти наместника Христова, тем самым подрывают власть Христа. Ведь Царь Царей... наделил нас всей полнотою власти»*¹.

И он сразу же использовал эту власть по двум направлениям. В 1252 году он издал буллу *«Ad Extirpanda»*, содержавшую тщательно проработанный устав инквизиции для Италии. Всем гражданским чиновникам было приказано учредить комиссии, уполномоченные выслеживать и арестовывать еретиков. И самим чиновникам было велено «принуждать» еретиков к признанию *citra membri diminutionem, et mortis periculum* — любыми мерами, за исключением смерти или непоправимых увечий. Выбор средств для допроса еретиков все же оставался широким (бичевание, голодовка, дыба); именно этот папа первым узаконил пытку как орудие инквизиции².

В то же время Иннокентий IV занимался ослаблением власти нового императора Священной Римской империи. Он давно уже мечтал оторвать Сицилию от двух других частей империи — Германии и Италии. Пока сын и наследник Фридриха II, Конрад, забился только о том, чтобы подавить своего соперника, Вильгельма Голландского, Иннокентий IV направил гонцов к Генриху III Английскому с предложением сделать его второго сына Эдмунда законным королем Сицилии.

Для Англии эта сделка была проигрышной. Иннокентий не мог предложить ничего, кроме пустого титула — а Генриху пришлось бы поклясться, под угрозой отлучения, что он заплатит кругленькую сумму Риму, а также отправит армию, чтобы отобрать у Конрада Сицилию. Тем не менее, Генрих III («ленивый, трусливый и глупый король», по словам Матвея Парижского) от имени девятилетнего Эдмунда принял предложение³.

Однако выяснилось, что сицилийская авантюра не вызвала энтузиазма в Англии, и сбор армии давался Генриху с великим трудом. Он все еще занимался этим, когда Конрад, воевавший в болотистой местности к югу от Апеннин, подхватил малярию и умер. Его сыну и наследнику Конрадину было два года; и Манфред, младший сводный брат Конрада, сразу же заявил о своем праве стать регентом при ребенке.

Он отправил младшего брата подрастать в безопасном месте в Баварии и вступил в переговоры с Иннокентием IV — очевидно, надеясь, что папа передумает и отдаст корону не Эдмунду, а ему самому. Но у него ничего не вышло. Тогда Манфред призвал сицилийцев восстать под его началом против папы, вознамерившегося отдать их во власть чужестранца. В декабре Манфред привел в Южную Италию свои войска, напал на папский гарнизон в Фоджии и без труда одержал победу⁴.

Иннокентий в то время находился в Неаполе, страдая от какой-то хронической болезни, которая постепенно его одолевала. Когда пришло известие о поражении, папе резко стало хуже. Он умер 7 декабря 1254 года. Вместо него кардиналы избрали Александра IV: «Добрый и набожный, — пишет Матвей Парижский, — усердствующий в молитвах и строгий в воздержании, но легко поддающийся на нашептывания льстецов».

Александр IV было уже за шестьдесят, у него были амбиции, но мало влияния. Он отлучил Манфреда от церкви и подтвердил права Эдмунда — однако войску папы было не сравниться с армией Манфреда, и Александр IV был вынужден отступить в Папскую область, оставив Сицилию в руках Манфреда. К 1258 году Манфред уже настолько уверился в лояльности сицилийцев, что короновался королем Сицилии, невзирая на отлучение⁵.

В то же время юный Конрадин потерял права на Германию. Соперник Конрада, Вильгельм Голландский, утонул, переправляясь через реку;* после смерти Конрада князья Германии собрались,

* Вильгельм II (1227–1256) — граф Голландии и Зеландии. Когда Вильгельму было всего семь лет, его отец погиб на турнире. В 1247 году Вильгельма избрали королем Германии. Это звание оставалось за ним до смерти — хотя, несмотря на отвагу и рыцарственный дух, он так и не смог утвердить свою власть за Рейном. Его резиденция Бинненхоф, возведенная вокруг охотничьего замка его отца, впоследствии стала ядром города Гааги. С 1254 года Вильгельм воевал с Западной Фризией, сохранявшей автономию более 300 лет и не желавшей становиться чьим-то вассалом. В ходе одного из сражений, 28 января 1256 года, Вильгельм потерпел поражение, отбился от своих войск и попытался в одиночку пересечь замерзшее озеро — но лед под копытами

чтобы решить, кто станет у них следующим королем. За Конради-на не проголосовал никто. Всем было ясно, что после десяти лет хаоса Германии нужен взрослый король — и предпочтительно со стороны, поскольку все германские кандидаты могли рассчитывать только на частичную и ненадежную поддержку.

Однако и вне страны однозначного выбора не было. Год прошел в пререканиях; половина выборщиков склонялась к тому, чтобы призвать Альфонсо X, короля Леона и Кастилии, опытного государственного деятеля — который очень кстати приходился внуком (со стороны матери) германскому барону Филиппу Швабскому. Другая половина отдавала предпочтение Ричарду Корнуоллскому — второму сыну Иоанна Безземельного, младшему брату Генриха III. Ричард ухитрился договориться с Александром IV и даже съездил в Германию, чтобы короноваться*. Но, поставленный перед необходимостью завоевать половину страны, чтобы реально править ею, он вскоре бросил все и отправился домой⁶.

Теперь августейшее семейство Англии ради эфемерной выгоды ввязалось уже в два международных конфликта — в Сицилии и в Германии. Генрих III, никогда не бывший популярным государем, одно за другим принимал неадекватные решения. Будучи женат на Элеоноре Прованской, король назначил слишком многих родственников жены на престижные придворные должности, отодвигая местных претендентов к их вящему неудовольствию. К неудовольствию всего народа он повысил налоги, пытаясь собрать установленный папой взнос за сицилийский трон.

Кроме того, проведя детство и юность под диктатом регента, Генрих вырос обидчивым и гневливым, любого советника он подозревал в стремлении его контролировать. Он ссорился со своими

коня проломился и фрисландцы, воспользовавшись беспомощным положением Вильгельма, убили его. Лишь спустя 26 лет его сын, Флорис V, окончательно покорил Фрисландию, вернул на родину тело отца и жестоко отомстил фрисландцам. (*Прим. ред.*)

* Ричард Корнуоллский (1209–1272), благодаря наличию в его владениях свинцовых и оловянных рудников, являлся одним из богатейших христианских князей своего времени. В 1252 году он отказался от короны Сицилии, предложенной ему папой Иннокентием IV. Но от германской короны, предложенной ему после смерти Вильгельма Голландского архиепископом Кельна (а не папой!), он отказываться не стал. Путем подкупа Ричард добился поддержки ряда курфюрстов (что избавило его от необходимости воевать) и был коронован 27 мая 1257 года в Ахене как «король римлян». С тех пор он несколько раз появлялся в Германии, издавал законы против разбойников, утвердил привилегии Страсбурга и других имперских городов. В последний раз Ричард был в Германии в 1268 году. (*Прим. ред.*)

приближенными; он испортил отношения с зятем — Симоном де Монфором-младшим. Когда ему требовалось одобрение *Curia Regis*, собрания клириков и землевладельцев, учрежденного согласно Хартии вольностей как «общий совет нашей державы», он призывал только тех, кто точно с ним согласится. Он затевал дорогостоящие и безуспешные кампании на французских землях, которые когда-то принадлежали Англии. «Он разорял собственных подданных и обогащал своих братьев, родичей и близких... по всему королевству... ширились подозрения и коварная измена», — подытожил Матвей Парижский⁷.

Генриху также угрожало отлучение. Ему так и не удалось собрать ни армию, ни средства, которые он поклялся предоставить Иннокентию. В марте 1258 года Александр IV направил ему последнее жесткое предупреждение: если деньги не поступят до 1 июня, он будет отлучен. У Генриха не осталось выбора. Для того, чтобы набрать необходимую сумму, ему нужно было добиться согласия полного состава *Curia Regis* на новый военный налог. Поэтому в начале апреля 1258 года он созвал духовенство и баронов Англии в Лондон и потребовал еще денег.

Затруднительное положение Генриха дало баронам Англии шанс отыграться за тридцать лет обид и унижений. Конечно же, король может получить деньги, сказали бароны Генриху, как только он исполнит их условия: изгонит из Англии большинство служащих ему французов; подтвердит все статьи Великой Хартии; а еще — передаст право утверждения политических решений комитету из двадцати четырех знатнейших баронов, из коих двенадцать выберет он сам, а другие двенадцать — Курия. «Более того, они настояли, чтобы король впредь часто советовался с ними и прислушивался к их мнениям», — добавляет Матвей Парижский⁸.

В отличие от Иоанна, Генрих не хотел рисковать отлучением. 11 июня 1258 года он согласился на все требования баронов и подписал договор, известный под названием «Оксфордские провизии». Первоначальные формулировки изменились: кроме уже упомянутого комитета двадцати четырех, король должен был признать еще и постоянно действующий совет из пятнадцати лордов, уполномоченных ратифицировать все его решения, а также третий комитет из двенадцати членов⁹.

И все же экспедиционный корпус для завоевания Сицилии, равно как и гонорар для папы, так и не стали реальностью. Англию поразила засуха, в стране возник дефицит продовольствия, что привело к голоду и эпидемии: «Мера зерна стоила до пятнадцати

шиллингов и более — и это в такое время, когда в стране совсем не осталось денег; бесчисленные мертвые тела лежали на улицах», — пишет Матвей.

Александр IV отсрочил платеж. Тем временем английские бароны переделали Оксфордские провизии и приняли новые, Вестминстерские, еще более ограничившие возможности Генриха добывать деньги¹⁰. Генрих III отказался от целого набора королевских привилегий, но ничего не получил взамен*.

Тут ему пригодился пример короля Иоанна: Генрих вступил в тайные переговоры с Александром IV и сообщил ему, что он мог бы собрать нужную сумму — но только если папа своим декретом освободит его от обязательства соблюдать Оксфордские провизии.

По-видимому, Александр согласился: 13 апреля 1261 года он издал буллу, освобождающую короля от соблюдения всех обязательств перед баронами, а 14 июня Генрих велел прочесть эту буллу вслух перед членами недавно сформированных советов, которые собрались в Винчестере¹¹.

Бароны под предводительством Симона де Монфора стали готовиться к войне. Однако сражения начались не сразу. Ни бароны, ни Генрих не были готовы начать полномасштабную гражданскую войну; за голодом 1258 года последовало несколько урожайных лет, благосостояние народа возрастало, а это значило, что англичане в целом не жаждали бунтовать. Поэтому почти три года тянулись переговоры, постепенно приобретающие все более напряженный характер. Александр IV умер вскоре после издания буллы, но его преемник Урбан IV подтвердил ее; Симон де Монфор остался самым нестигаемым врагом Генриха, но другие бароны вертелись, как флюгер, между преданностью общему делу и боязнью выступить против короля и папы. Старший сын и наследник Генриха, Эдуард, поначалу занял принципиально-благородную позицию несогласия с отцом (отказавшись, по словам Матвея Парижского, «утвердить это постановление или использовать его к своей выгоде») — но потом совершил крутой поворот, помирился с Генрихом III и возглавил королевскую армию¹².

* В выработке двух вариантов этого важнейшего документа принимали участие разные слои общества Англии. Первые провизии, которые должны были действовать 12 лет и обеспечивать осуществление реформ, подтвердило клятвой собрание высшей знати. Но горожане и мелкопоместные рыцари выступили против Оксфордских провизий — и в октябре 1259 года добились принятия Вестминстерских провизий, более отвечавших их интересам. (Прим. ред.)

Летом 1263 года Симон де Монфор начал открыто агитировать на вооруженное сопротивление. В марте 1264 года оба войска — бароны под руководством Монфора и сторонники короля во главе с принцем Эдуардом, — двинулись навстречу друг другу и остановились, когда между ними осталось всего девятнадцать миль. Начались рейды, стычки и грабеж близлежащих поместий*.

Только 14 мая войска наконец-то сошлись у города Льюис на южном побережье Англии. Эдуард, командовавший правым флангом, направил на отряд противника свою кавалерию, разбил его и преследовал четыре мили. Но при этом он оставил без поддержки отца — и к тому моменту, когда Эдуард вернулся, остальная часть роялистов была разбита. Генрих III сдался в плен после того, как под ним убили коня, а его силы рассеялись.

В итоге Эдуард также был вынужден сдаться — а Монфор, предводитель баронов, стал теперь самым могущественным человеком в Англии. Он держал Эдуарда и Генриха в лондонском Тауэре — под стражей, но в почетных условиях. «После этого он не оказывал склонности к мирным переговорам... ибо и король, и королевство были в его власти», — сообщает Матвей Парижский. На протяжении пятнадцати месяцев королевская власть пребывала в руках графа Лестерского¹³.

В начале 1265 года Эдуард сумел уговорить своих сторожей, чтобы ему позволили покататься верхом за стенами города, дабы размять тело. В этой прогулке он раззадорил их на состязание, быстро обогнал — и скрылся, найдя убежище в замке Уигмор, занятом сторонниками короля. За пределами Лондона у принца нашлось немало единомышленников: «Освободившись таким образом из заключения, — пишет Матвей, — Эдуард собрал большое войско, ибо люди толпами сходились к нему».

Война разгорелась вновь. Бои в июле и начале августа закончились поражением Симона де Монфора. В третьем столкновении,

* Непосредственным поводом к мятежу стал очередной непродуманный поступок Генриха III: не желая новых ограничений своей власти, он надумал обратиться к Людовику IX (который ему приходился родственником) и призвать его в качестве арбитра на переговорах. Представители обеих сторон конфликта собрались в Амьене. Ссылаясь на папское аннулирование, Генрих просил французского короля освободить его от соблюдения подписанных и признанных им до того провизий. Будучи сторонником абсолютной королевской власти, Людовик IX обнародовал 23 января 1264 года свое решение, полностью оправдывавшее Генриха и дававшее его противникам только амнистию. Это вызвало возмущение баронов и в итоге вылилось во Вторую баронскую войну. (Прим. ред.)

Карта 52.1. Битва при Ившеме

состоявшемся 4 августа на поле близ Ившема, войско Эдуарда уничтожило оппозицию в короткой (около двух часов) яростной схватке. Там погиб и сам Симон де Монфор¹⁴.

Битва при Ившеме положила конец и Второй баронской войне против короны, и власти Генриха III. Потребовалось еще два года, чтобы выработать окончательный вариант условий мира, а Генрих III пробыл на троне еще восемь лет. Однако сразу после победы при Ившеме реальным правителем Англии стал Эдуард. Ему уже было 26 лет, он имел рост шесть футов и два дюйма (на голову выше всех сверстников) и богатый опыт войны на стороне отца.

Тем временем сицилийский фитиль, из-за которого взорвался английский бочонок пороха, продолжал весело гореть — но его теперь повернули в ином направлении. Поскольку Генрих явно не собирался отбирать Сицилию у Манфреда, папа Урбан IV предложил сицилийскую корону Людовику IX. Людовик отказался из принципа: он не хотел быть узурпатором прав юного Конрадина.

Тогда Урбан IV нашел более сговорчивого кандидата — младшего брата Людовика, Карла Анжуйского.

Карлу уже исполнилось сорок, он принимал участие в провальном крестовом походе на Дамьетту, отличался беспокойным нравом, не одобрял щепетильности Людовика и лелеял честолюбивые мечты. Несмотря на возражения Людовика, он немедленно согласился и принять корону, и завоевать страну.

Точно так же, как Генрих III почти десятью годами ранее, он взял на себя тяжелые обязательства в обмен на пустой титул. Карл согласился отказаться от всякого влияния на дела духовенства Сицилии, обещал, что не будет претендовать на любые другие титулы в Италии, взялся уплатить долг Риму вместо англичан — да еще и предоставлять папе огромную ежегодную ренту. За все это он получал звание короля — и обещание папы обеспечить всех, кто выступит против Манфреда, духовными благами, причитающимися участникам крестового похода¹⁵.

К тому времени, когда Карл прибыл на Сицилию, Урбан IV тоже успел скончаться — обычай избирать на престол Святого Петра престарелых прелатов приводил к большой текучести кадров. Новым папой под именем Климента IV стал французский кардинал Ги Фулькау ле Гро*. Карл Анжуйский и его супруга были коронованы в Риме как король и королева Сицилии; обретя законный статус, Карл приготовился к нападению на Манфреда.

Карта 52.2. Сицилийское королевство

* Ги Фулькау ле Гро (ок. 1195–1268) был рыцарем-дворянином из Лангедока, участвовал в ряде военных походов, но потом стал юристом, сделавшись советником и секретарем Людовика IX. После смерти жены постригся в священники и быстро сделал карьеру. Он находился во Франции, когда узнал о своем избрании папой. Уже получив тиару, Ле Гро был вынужден пробираться в Рим, переодевшись монахом — поскольку Манфред Гогенштауфен блокировал все дороги, желая захватить в свои руки нового папу. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 52

Палестина, Сирия и Египет	Франция	Папство	Сицилийское королевство	Священная Римская империя	Англия
Пятый крестовый поход (1213–1221)	Битва при Бувине (1214)	Четвертый Латеранский собор (1215)		Фридрих II (1215–1250)	Великая Хартия (1215) Война баронов (1215)
Аль-Камиль в Египте (1218–1238)		Гонорий III (1216–1227)			Генрих III (1216–1272)
				Фридрих II (император, 1220–1250)	
	Людвиг VIII (1223–1226)				
	Людвиг IX (1226–1270)	Григорий IX (1227–1241)			
Шестой крестовый поход (1228–1229) Сдача Иерусалима (1229)		Совет в Тулузе (1229)			Вторжение в Бретань (1230)
		«Excommunicatus» (1231) «Vox in Rama» (1233)		Съезд в Равенне (1231)	
				Мятеж Генриха VII (1234)	
Гражданская война в Египте (1238–1242) Ас-Салих Айюб (1240–1249)				Конрад IV (1237–1254) Низложение Фридриха II (1239)	
Ас-Салих Исмаил захватывает Сирию (1241)	Битва при Тайде-буре (1242)	Иннокентий IV (1243–1254)			
Айюб захватывает Иерусалим (1244)				Гражданская война в Германии (1246)	

Палестина, Сирия и Египет	Фигуры	Власть	Самодержавие королевство	Саманта Рубина государя	Акт
Седьмой крестовый поход (1248–1254)					
Туран-шах (1249–1250)					
Шахар аль-Дурр (1250)	Капитуляция Лю- довика IX (1250)			Смерть Фридриха II (1250)	
Айбек (1250–1257) (+ Маликом аль-Ашраф)	Движение «пас- тушков» (1251)	«Ad extirpanda» (1252)			
Бозмунд VI Антиохий- ский (1251–1275)					
	Людовик IX возвращается во Францию (1254)	Александр IV (1254–1261)		Смерть Конрада IV (1254)	Эдмунд заявляет права на Сици- лию (1253)
Аль-Мансур Али (1257–1259)			Манфред Сицилийский (1258–1266)		Оксфордские провизии (1258)
Кутуз (1259–1260)					
Мамлюки завоевывают Сирию					
Битва при Айн-Джалуте (1260)		Урбан IV (1261–1264)	Карл Анжуйский (1266–1282)		
Бейбарс (1260–1277)		Клемент IV (1265–1268)			Вторая война баронов (1264–1267)
Бейбарс захватывает Антиохию (1268)		Битва при Талья- коццо (1268)		Казнь Конрадина (1269)	
				Рудольф Германский (1273–1291)	

Узнав о случившемся, Манфред высадился на побережье Южной Италии с многочисленным войском, намереваясь блокировать Карла в Риме и по-быстрому разделаться с ним: «Птичка залетела в клетку», — заметил он, услышав о приезде Карла¹⁶.

Но Карл опередил Манфреда — он вывел из Рима свою армию, набранную в южных провинциях Франции, и направился в южно-итальянские владения Манфреда, границей которых служила река Гарильяно. Французы отыскивали слабое место в пограничной обороне врага у городка Чепрано. Впоследствии ходили слухи, будто эту брешь устроили предатели из королевства Манфреда. Как писал позднее флорентийский поэт Данте в поэме «Ад»:

Доселе не собрали всех костей в Чепрано:

Случилась там измена,
Запятнавшая имя Апулии¹⁷.

Короли встретились возле Беневенто, и отряды Карла Анжуйского легко одолели сицилийцев. Три тысячи солдат Манфреда погибли; еще больше утонуло в реке при бегстве, а сам Манфред пал в гуще боя. Когда три дня спустя тело было найдено, Карл велел захоронить его в неосвященной земле рядом с полем битвы — ведь Манфред умер, будучи отлученным от церкви.

Данте описывает встречу с Манфредом в чистилище, где тот искупает свои грехи. Его тень жалуется:

Когда мне грудь пронзила вражья месть,
Я предался Тому в слезах страданий,
Кто всем прощает*¹⁸.

Захват Сицилийского королевства Карлом Анжуйским завершился кровавым и жестоким эпилогом. Когда города на севере Италии заявили о своей независимости, Конрадин, которому уже исполнилось четырнадцать, при поддержке германских войск своего дяди, герцога Баварского, попытался взять то, что оставалось от его наследства. Побуждаемый советниками, он перешел через Альпы и начал собирать союз ломбардских городов против Карла. Он даже дошел до Рима — говорят, что Климент IV, наблюдая с балкона своего дворца, как он проезжает мимо, полный надежд на победу и юношеского задора, пробормотал: «Влекут его злые люди, словно агнца на заклание»¹⁹.

Карл направился на север и одержал вторую победу, рассеяв сторонников Конрадина в битве при Тальякоццо 23 августа 1268 го-

* «Чистилище», песнь III, перевод Дм. Мина. (Прим. ред.)

да. «Лучшие силы противника сражены нашими мечами... их полегло столько, что даже виденное нами... на поле Бенеvento несравнимо с этим», — докладывал он Клименту IV. Конрадин был захвачен в плен, когда спасался бегством с поля боя. Карл продержал его год в заключении, а затем, в октябре 1269 года, приказал публично казнить юношу за измену²⁰.*

* * *

Тройному господству императоров Священной Римской империи настал конец, так же, как и династии Фридриха II. Карл утвердился в Сицилии и Южной Италии; города Ломбардии продолжали бунтовать; и наконец, спустя четыре года после гибели Конрадина, германские князья решили выбрать кого-то из своих — новым королем Германии стал граф Рудольф фон Габсбург.

Он благоразумно остался в Германии, довольствуясь титулом короля и не предпринимая никаких попыток вернуть себе империю. Чтобы обрести корону императора Священной Римской империи, ему пришлось бы ехать в Рим и обращаться к папе; он предпочел остаться дома. «Рим подобен львиному логову из басни, — объяснял король. — Можно увидеть следы многих, кто вошел в него, но ни один не вернулся назад»²¹.

Глава 53

Отвоевание Константинополя

Между 1254 и 1261 годами греки кладут конец Латинской империи и возрождают Византию

Полстолетия назад Византийская империя, распавшись на четыре царства, исчезает из поля зрения истории. Почти тысячу лет Константинополь был средоточием международной политики; теперь, подобно Киеву, Праге или Кракову он имел большое значение лишь для своих соседей, но не более того.

* Юный Конрадин попал в плен не во время «бегства с поля боя» (23 августа), а гораздо позже. Ему удалось спастись вместе с близким другом и соратником, Фридрихом Баденским (1249–1268); они скрывались в замке одного из союзников Конрадина, Джованни Франжипане, до 8 сентября 1268 года, когда тот предательски схватил их и выдал Карлу, Анжуйскому. Пленников доставили в Неаполь и содержали в суровых условиях. Оба были казнены в один день. (Прим. ред.)

Теперь Константинополь превратился в столицу крошечной и бедной Латинской «империи». При графе Фландрском, возглавившем империю вскоре после захвата города, она простиралась от столицы до южных берегов Греции, а на востоке включала в себя побережье Малой Азии. Но при его племяннике Балдуине II, наследовавшем власть в 1228 году в возрасте одиннадцати лет, Латинская империя сократилась в размерах. Ее западные границы постоянно тревожили болгары, возглавляемые честолюбивым царем Иваном Асенем II — а с востока неумолимо наступал никейский император Иоанн III Ватац.

Военные силы Балдуина были слабы, а на наемников не хватало денег. Францисканцы и доминиканцы, посетившие Константинополь в 1234 году, сообщали, что столица «полностью беззащитна», а у императора нет ни гроша:

«Все находившиеся на довольствии рыцари оставили его. Корабли венецианцев, пизанцев... и других народов готовы были покинуть город, а кто-то уже сделал это. Когда мы увидели заброшенную страну, то нас охватил страх, ибо враги были повсюду»¹.

Большую часть своего правления Балдуин провел вне Константинополя. Он путешествовал от одного европейского двора к другому, где умолял католических монархов помочь ему отстоять город, который некогда был жемчужиной в короне христианства на Востоке. Действительно, Людовик IX и Генрих III сделали кое-какие взносы в казну латинян — но без императора сам Константинополь ветшал и приходил в запустение. К 1254 году власть Балдуина не распространялась дальше городских стен. Он заложил большую часть городских сокровищ и священных реликвий: частицу Истинного Креста, Плат святой Вероники, которым Иисус Христос отирал лицо, когда шел на Голгофу, Копье, которым пронзили грудь распятого Спасителя, и даже Терновый венец. Большинство из них приобрел Людовик IX, который соорудил для их хранения часовню.

Суммы, занятые у венецианцев, были столь значительны, что Балдуин был вынужден заплатить свободой своего сына, которого он отослал в Венецию в качестве заложника. Он приказал содрать с куполов константинопольских церквей медное покрытие и переплавил его на монеты².

В то время как латинский Константинополь клонился к упадку, Никейская империя переживала стремительный взлет. Иоанн

Карта 53.1. Никейская империя

Ватац, объявивший себя императором в изгнании, почти все свое 33-летнее правление провел в войнах. Он поглотил земли Латинской империи, отнял Фракию у болгар и Фессалоники у третьего осколка Византийской державы — Эпирского деспотата. Четвертый осколок, Трапезундская империя, никогда не расширялась далее черноморского побережья Малой Азии. К 1254 году Никейская империя простиралась от Малой Азии до Греции и северной части Эгейского моря.

В один из февральских дней того же года, когда Иоанн Ватац находился в спальных покоях, с ним случился сильнейший эпилептический припадок. Выздоровление шло медленно, болезнь не отступала. «Припадки начали случаться у него более часто. Он продолжал худеть... и не знал покоя от недуга», — пишет византийский историк Георгий Акрополит, состоявший на службе при никейском дворе. В ноябре император скончался, и ему наследовал 33-летний сын Феодор³.

Но скоро и Феодор II стал жертвой той же болезни, от которой умер его отец. «Он сделался совершенным скелетом», — пишет

Акрополит. Феодор II процарствовал неполные четыре года и оставил после себя 8-летнего сына Иоанна⁴.

Очень скоро власть при императоре-мальчике захватил честолюбивый Михаил Палеолог. Авторитетный полководец и человек знатного происхождения, он приходился правнуком Алексию III Ангелу. Пользуясь поддержкой никейцев («...ибо, — по словам Георгия Акрополита, — они считали неподобающим, чтобы такая большая империя ромеев управлялась ребенком, годным только для сбора плодов или игры в бабки»), Михаил сперва объявил себя регентом, а потом со-императором под именем Михаила VIII⁵.

С момента захвата власти Михаил VIII направил все усилия на возвращение города своего венценосного прадеда. «Единственной его заботой и целью было вырвать город из рук латинян», — пишет Акрополит. Готовясь к войне с Латинской империей, Михаил VIII за первые два года правления постарался обезопасить собственные границы. Он заключил договоры с Болгарским царством и монгольским Ильханатом⁶.

Кроме того, у никейского императора появился новый союзник в лице генуэзских купцов, которые оказались на грани торговой катастрофы. В 1256 году генуэзцы и венецианцы вступили в ожесточенное противостояние за портовый район в Акре — последнем обломке Иерусалимского королевства. Так как обладание портом давало возможность доминировать в торговле Акры, обе морские республики хотели получить такое преимущество. Согласно хронике «Продолжение Ротелена» («*Rothelin Continuation*»), «христиане развязали постыдную и бесславную войну друг с другом, и обе стороны сражались с одинаковым остервенением»*. В первом же крупном морском сражении венецианский флот из 39 кораблей при поддержке пизанцев нанес сокрушительное поражение генуэзскому флоту из 50 кораблей.

В 1257–1258 годах конфликт приобрел такие масштабы, что Акра превратилась в арену кровопролитных боев:

«Весь тот год не менее шестидесяти осадных машин обстреливали дома, стены и башни города и разбили и сровняли с землею

* Полное название источника: «*La Continuation de Guillaume de Tyr de 1229 à 1261, dite du manuscrit de Rothelin*» [«Продолжение „Истории“ Гильома Тирского от 1229 до 1261 года, именуемое манускрипт Ротелена»]. Точные сведения о его авторе отсутствуют; текст написан вскоре после 1261 года — но, несомненно, по личным впечатлениям. Сохранился в единственной рукописи вместе с тринадцатью переводами Гильома на французский язык. Впервые был опубликован в 1858 году. (Прим. ред.)

все постройки, в которые они попадали, так как десять машин могли метать камни весом около 1500 фунтов... Почти все башни и прочные дома Акры были разрушены... с той и другой стороны было убито двадцать тысяч человек. Акра была полностью разорена, словно в войне между христианами и сарацинами»⁷.

Генуэзцы проиграли войну; к концу 1258 года их полностью вытеснили из Акры*. Старый генуэзский квартал был разрушен, а камни его домов венецианцы и пизанцы использовали для перестройки собственных факторий⁸.

Теперь Генуе нужно было искать новую торговую базу в Восточном Средиземноморье. На протяжении зимы 1260 года между генуэзским правителем Гульельмо Бокканегра и Михаилом VIII шли тщательно засекреченные переговоры, которые завершились в июле 1261 года утверждением Нимфейского договора. По его условиям генуэзцы получили свои кварталы в Константинополе, где могли вести беспопышную торговлю. Им оставалось только помочь императору вернуть столицу⁹.

Само отвоевание прошло с удивительной легкостью. Город был практически беззащитен, так как у Балдуина II не было достаточно сил для сопротивления. Сразу же после ратификации Нимфейского договора Михаил Палеолог отправил к Константинополю небольшой разведывательный отряд. К своему удивлению никейцы обнаружили, что Балдуин отправил всю свою армию для осады принадлежащего Никее острова у входа в пролив Босфор. Под покровом ночи никейцы проникли в город, быстро расправились с малочисленной стражей и открыли ворота. Крики нападавших достигли императорского дворца, нарушив сон Балдуина. Ему удалось бежать из города, где он оставил знаки императорской власти. Латинской империи более не существовало¹⁰.

* Эта война часто именуется Войной святого Саввы, так как одним из поводов к ней стал вопрос о контроле над монастырем святого Саввы в Акре, расположенным как раз между венецианским и генуэзским кварталами. На стороне Венеции выступили тамплиеры, на стороне Генуи — госпитальеры. В более глобальном масштабе война стала частью противостояния между гвельфами (сторонниками папы) и гибеллинами (сторонниками императора). На этот момент императора не было, но Венеция вместе с немецкими князьями выступала против папы, а Генуя поддерживала Рим; при этом сам Александр IV безуспешно пытался погасить конфликт. Исход противостояния в Акре решила морская победа венецианского флота над генуэзским 24 июня 1258 года, причем из генуэзского погибла половина — 24 корабля. После поражения генуэзцы отступили в Тир, владетель которого, Филипп де Монфор, был противником Венеции. (*Прим. ред.*)

Хронологическая таблица 53

Франция	Папство	Священная Римская империя	Англия	Латинская империя	Никейская империя	Трапезундская империя и Эпирский деспотат
				Крестоносцы захватывают Константинополь (1204)		
				Балдуин I (1204–1206)	Феодор Ласкарис (1204–1222)	Алексей Комнин (Трапезунд, 1204–1222)
Альбигойский крестовый поход (1209–1255)		Оттон IV (1209–1215)	Массовые аресты евреев (1210)	Генрих I (1206–1216)		Михаил Комнин (Эпир, 1205–1214)
Битва при Бувине (1214)	Четвертый Латеранский собор (1215)	Фридрих II – король Германии (1215–1220)	Великая Хартия (1215) Первая баронская война (1215–1217)			
	Гонорий III (1216–1227)		Генрих III (1216–1272)	Иоланда Дука (1217–1219)		Феодор Комнин Дука (Эпир, 1216–1230)
Людвиг VIII (1223–1226)		Фридрих II – император (1220–1250)		Роберт I (1221–1228)	Иоанн III Ватац (1222–1254)	
Людвиг IX (1226–1270)	Григорий IX (1227–1241)			Балдуин II (1228–1261)		

Франция	Папство	Священная Римская империя	Англия	Латвиская империя	Нидерландская империя	Греческая империя и Эфиопский деспотат
	Совет в Тулузе (1229)					
	«Excommunicatus» (1231)	Съезд в Равенне (1231)	Вторжение в Бретань (1230)			
	«Vox in Rama» (1233)	Мятеж Генриха VII (1234)				
		Конрад IV — король Германии (1237—1254)				
		Низложение Фридриха II (1239)				
Битва при Тайлебуре (1242)						
	Иннокентий IV (1243—1254)	Гражданская война в Германии (1246)				
Капитуляция Людовика IX (1250)		Смерть Фридриха II (1250)				
Движение «папушков» (1251)	«Ad extirpanda» (1252)					

Франция	Папство	Священная Римская империя	Англия	Латинская империя	Никейская империя	Трансзундская империя и Эпирский деспотат
Людвик IX возвращается во Францию (1254)	Александр IV (1254–1261)	Смерть Конрада IV (1254)	Эдмунд претендует на Сицилийское королевство (1253)		Феодор II Ласкарис (1254–1258)	
		Манфред Сицилийский (1258–1266)	Оксфордские провизии (1258)		Иоанн IV Ласкарис (1258–1261)	
	Урбан IV (1261–1264)				Михаил VIII Палеолог (1259–1261)	
				Падение Латинской империи (1261) Михаил VIII Палеолог — император Византии (1261–1282)		
	Клемент IV (1265–1268)	Карл I Анжуйский — король Сицилии (1266–1282)	Вторая баронская война (1264–1267)			
		Битва при Тальякоццо (1268)				
		Казнь Конрадина (1269)				
		Рудольф I Габсбург — король Германии (1273–1291)				

В это время Михаил VIII стоял лагерем к северу от Фиатиры. По словам Георгия Акрополита, когда вести о захвате Константинополя достигли лагеря, сестра Михаила вбежала к нему в шатер и принялась тормошить спящего брата:

— Вставай, государь! Христос подарил тебе Константинополь!

— Но как?... Я ведь я не послал туда большого войска? — таков был ответ императора¹¹.

Спустя три недели Михаил VIII прибыл к воротам Константинополя. Он вступил в город 14 августа как первый император возрожденной Византии. Там его ждал ужасающий беспорядок, «царство разрушения, полное руин и могил». Дворец требовалось очистить от грязи и копоти, прежде чем василевс мог вселиться туда¹².

Генуэзцы, напомнившие о награде, получили право на монопольную торговлю в Византии и выдвинулись на ведущие позиции в Средиземноморье. Балдуин II окончил свой земной путь в Италии, по-прежнему называясь латинским императором.

Юный Иоанн IV, соправитель Михаила Палеолога, остался в Никее. Но Михаил VIII собирался единолично править восстановленной Византией как основатель новой династии. Через четыре месяца он приказал ослепить мальчика и сослать его на остров в Мраморном море. Приговор исполнили на Рождество 1261 года — в одиннадцатый день рождения мальчика*.

Глава 54

Последние крестовые походы

Между 1270 и 1291 годами Людовик IX умирает во время крестового похода, княжество Антиохия и королевство Иерусалимское рушатся, эпоха крестовых походов подходит к концу

До сих пор Людовику IX не везло на стезе крестоносного движения. Однако 1 июля 1270 года он вновь отправился в кре-

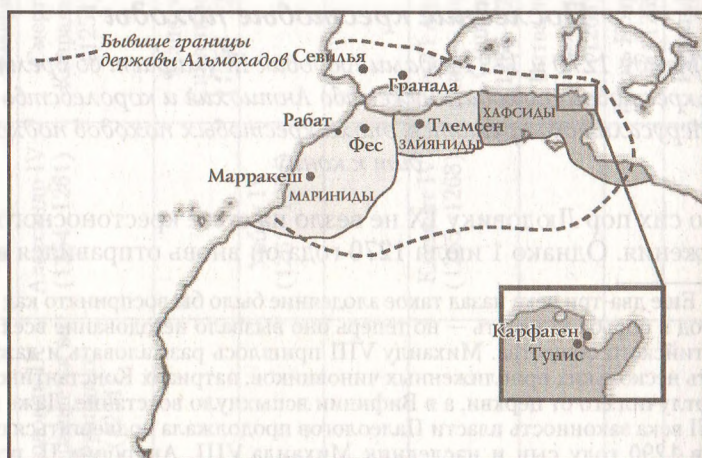
* Еще два-три века назад такое злодеяние было бы воспринято как обычный ход в борьбе за власть — но теперь оно вызвало негодование всех слоев византийского общества. Михаилу VIII пришлось разжаловать и даже арестовать нескольких приближенных чиновников, патриарх Константинопольский отлучил его от церкви, а в Вифинии вспыхнуло восстание. Даже в конце XIII века законность власти Палеологов продолжала подвергаться сомнению: в 1290 году сын и наследник Михаила VIII, Андроник II, посетил Иоанна (зрение которого частично восстановилось) с целью добиться у него подтверждения своих прав на престол. (Прим. ред.)

стовый поход. Покинув южную Францию, король снова вышел в Средиземное море и взял курс на Тунис.

Вслед за упадком власти Альмохадов на Пиренейском полуострове последовал и распад их империи в Северной Африке. В 1229 году бывший альмохадский губернатор Туниса объявил о своей самостоятельности, положив начало династии Хафсидов. Свои претензии на осколки державы Альмохадов предъявили и другие династии; в Тлемсене утвердились Зайяниды, в Фесе — Мариниды. Последний альмохадский халиф Идрис II реально правил только Марракешем и его окрестностями, пока в 1269 году город не захватили Мариниды.

Из трех новых царств самыми могущественными были Хафсиды. Тунис, отделенный от Средиземного моря водами озера, был конечным пунктом крупного торгового пути, который брал свое начало во внутренних районах Африки. Сюда стекались купцы со всего мусульманского мира — и под управлением Хафсидов город превратился во влиятельный политический центр. Правители из Египта, Западной Африки и даже далекой Норвегии отправляли в Тунис своих послов, а цари Канема держали там постоянное представительство. Так же действовал и Хайме Арагонский, которому удалось заключить с Хафсидами длительное перемирие.

Хафсиды гордились своим происхождением от последователей проповедника ибн Тумарта, который в XII веке положил начало движению альмохадов. Они объявили себя законными защитни-

Карта 54.1. Магриб после Альмохадов

ками ислама в Северной Африке. Их повелитель Абу Абдаллах аль-Мустансир, правивший с 1249 года, объявил себя халифом и именовался не иначе как «предводитель правоверных». При нем гордостью Туниса стала богословская школа Аль-Зайтуна, где учились студенты из Северной Африки и из Испании. В стенах доминиканской школы «*Studium Arabicum*» христианские миссионеры постигали тонкости мусульманского вероучения, чтобы в дальнейшем успешнее опровергать их. Подобная деятельность не вызывала возражений со стороны Аль-Мустансира. При нем доминиканцы и францисканцы свободно проповедовали в Тунисе, хотя и без особого успеха¹.

До конца не ясно, что побудило французского короля напасть на Хафсидов. Ведь в этой могущественной мусульманской державе не было святых мест. Первоначально Людовик принимал крест с намерением воевать против султана Бейбарса, в прошлом мамлюка-бахрита. Бейбарс, захватив Антиохию, теперь угрожал Акре. Вероятной причиной, по которой изменилась цель похода, стало участие младшего брата короля Карла Анжуйского. Карл, ставший королем Сицилии, хотел также захватить североафриканское побережье. Правда, Людовик IX не разделял амбициозных устремлений брата. Возможно, король полагал, что широкие взгляды аль-Мустансира станут залогом его перехода в христианство².

Какие бы мотивы ни двигали французским королем, в сердцах его рыцарей предстоящая кампания не нашла отклика. Жан де Жуанвиль сохранил слова одного из вассалов: *«Если мы не примем крест, то потеряем благорасположение короля. Но если мы примем крест, то от нас отвернется Господь потому, что мы сделали это не ради Него, но из-за страха перед королем»*. Хайме Арагонский отказался вступать в войну против союзника, и сам Жуанвиль отказался сопровождать своего короля. *«Они совершили страшный грех, посоветовав ему отправиться [в поход], так как... королевство было в ладу с собой и с соседями... но стоило ему уйти, как состояние королевства только ухудшается»*, — писал он³.

Несмотря на это, Людовику удалось заручиться определенной поддержкой. Теобальдо II, король Наварры, в 1255 году женился на Изабелле, дочери французского короля. Теперь он согласился сопровождать тестя. Присоединиться к французской армии в Северной Африке обещал также принц Эдуард Английский — который, правда, еще не пустился в путь.

Людовик вместе с тремя старшими сыновьями высадился 18 июля около Карфагена и повел свою армию на расположенный

в 15 милях Тунис. Крестоносцы осадили город, но через несколько недель король занемог. Поразивший его недуг Жуанвиль назвал «желудочной слабостью». В стане осаждающих вспыхнула эпидемия дизентерии. Флорентийский хронист Джованни Виллани сообщает о смерти королевского сына Жана-Тристана вместе с «неисчислимым количеством простого люда»⁴.

Спустя две недели, 25 августа, от болезни умер сам король. Когда в скором времени в лагерь прибыли Карл Анжуйский и принц Эдуард, то оказалось, что старший сын и наследник Людовика Филипп также болен дизентерией. Взятие Туниса стало совсем маловероятным. В итоге Карл Анжуйский заключил с аль-Мустансиром мирный договор, по условиям которого тунисский султан обязался заплатить выкуп, после чего деморализованные крестоносцы вернулись домой. Король Теобальдо Наваррский остановился на Сицилии, где также заболел и умер. Наваррский трон перешел в руки его младшего брата Энрике — который, судя по всему, был компетентным правителем. Из-за своей тучности он был прозван современниками «Толстым»; похоже, что четыре года спустя именно излишняя полнота свела Энрике в могилу, сделав наследницей его дочь Жанну.

Тем не менее, наследник Филипп выздоровел. Он привез во Францию гробы с телами отца и брата и начал править под именем Филиппа III. А вот принц Эдуард не пожелал прекращать поход. Он собрал своих людей, а также привлек дополнительных участников (среди которых был миланский священник Тебальдо Висконти, приглашенный покойным Людовиком IX) и отплыл в Святую землю.

К этому времени правитель Антиохии Боэмунд VI сдал египетскому султану Бейбарсу почти все свои владения, кроме Триполи. Бейбарс, который действовал методами устрашения, старался завершить завоевание. «Мы оставим тебя, но только для того, чтобы вернуться, — писал он Боэмунду. — Мы отложим твое полное уничтожение, но ненадолго».

Английский принц надеялся остановить этот натиск. У него было три сотни рыцарей и большое число кипрских наемников. Но его настоящей силой был союз, который он заключил с наследником Хулагу Абагой-ханом сразу же, как прибыл в Триполи. Столкнувшись с оборонительным союзом крестоносцев и монголов, Бейбарс согласился на перемирие, которое должно было защитить равнину Акры и дорогу на Назарет в течение десяти лет, десяти месяцев, десяти дней и десяти часов⁵.

После этого Эдуард не сразу отплыл домой. Он хотел остаться на Востоке — надеясь, что ему выпадет шанс совершить еще больше подвигов во славу Христа. Он помог отстроить несколько крепостей и пытался убедить Абагу-хана в необходимости уничтожения Египта.

В октябре 1271 года Теобальдо Висконти, который участвовал в провальной египетской кампании Эдуарда, узнал (к своему большому удивлению), что его избрали новым папой римским. После смерти Климента IV в 1268 году кардиналы собрались в городе Витербо севернее Рима. Собрание продолжалось три года, поскольку его участники не могли прийти к единому мнению о кандидатуре нового папы. Одни кардиналы желали видеть папой француза, который поддержал бы Карла Анжуйского, а другие — итальянца, который противодействовал бы ему. Все это время у католической церкви не было духовного главы.

Жители Витербо, сполна пресытившись всеми проволочками, заперли кардиналов во дворце, сняли с него крышу и пригрозили держать их на хлебе и воде, пока они не выберут нового папу. *«А так как они оказались неспособны прийти к согласию, кому из присутствующих там отдать предпочтение, то избрали Григория X, который тогда был легатом в Палестине»*, — сообщает Виллани. Кандидатура Висконти была компромиссной — он хотя и был итальянцем, но большую часть своей карьеры провел за пределами Италии и, таким образом, не был причастен к политическим интригам папского двора⁶.

Идеалист Висконти, который (как и принц Эдуард) руководствовался идеей освобождения Святой земли, весть об избрании встретил без удовольствия. Тем не менее, он вернулся в Рим. Но принц Эдуард не торопился с отплытием домой. В июне 1272 года на него было совершено покушение в собственных покоях. Но принцу удалось обезоружить нападавшего, вооруженного отравленным кинжалом, и убить его. Однако в пылу схватки он получил рану, которая начала гноиться. Только в сентябре принц окончательно оправился и покинул Палестину.

Он был еще в море, когда на пятьдесят шестом году правления скончался Генрих III, и Эдуард наследовал корону Англии⁷.

* * *

Эпоха крестовых походов завершилась.

Тунисская кампания Людовика IX и высадка принца Эдуарда в Акре не имели никакого отношения к освобождению Иерусалима.

ма и в военном отношении их значение было невелико. Позднее некоторые историки назовут их Восьмым и Девятым крестовым походами соответственно. Но в хрониках подобного наименования не встречается.

Но в эти предсмертные минуты идея несения креста обрела последнее дыхание, прежде чем окончательно угасла.

Вернувшийся из своего первого крестового похода, новый понтифик Григорий X все еще был сконцентрирован на освобождении Иерусалима. Частью подготовки христианского мира к новому крестовому походу стали организованные Григорием X переговоры с Михаилом Палеологом о церковной унии. Новый византийский император был политиком, а не богословом, и встретил эту идею с энтузиазмом. Планировалось созвать церковный собор в городе Лион на востоке Франции. Для участия во Втором Лионском соборе 1274 года Григорий X пригласил византийцев, чтобы обсудить возможность объединения церквей. Он пригласил также Фома Аквинского — надеясь, что авторитетный теолог сумеет опровергнуть все аргументы, выдвинутые византийцами. Но по дороге на собор Фома Аквинский заболел и умер. Он совсем немного не дожил до своего 50-летия.

Как выяснилось позднее, в его участии не было необходимости. Прибывшую в середине лета греческую делегацию возглавил Георгий Акрополит. Он привез с собой письмо от императора, в котором греки в угоду Риму уступали по большей части богословских расхождений*. По этому случаю состоялась торжественная месса с участием католического и православного духовенства, после чего участники собора перешли к решению других вопросов — в частности, о предоставлении военной помощи христианам на Востоке. Кроме того, на соборе присутствовали монгольские послы, направ-

* Одним из самых спорных вопросов было утверждение Западной церкви, что Дух Святой исходит или ниспосылается и от Бога-Отца, и от Бога-Сына. Восточная церковь отрицает подобную формулировку, известную как «филиокве» (лат. *filiusque* — «и от Сына»). Православные считают, что говорить о нисхождении Духа Святого «от Отца и от Сына» значит предполагать, что Бог-Отец и Бог-Сын суть две отдельные ипостаси, что противоречит догмату о единстве Божественной Троицы. Однако истинным камнем преткновения стало другое — вопрос о верховенстве власти: за папой или за патриархом остается последнее слово, которое определяет истинность того или иного христианского направления? Подробнее о сопутствующих богословских нюансах см.: Jaroslav Pelikan, *The Growth of Medieval Theology (600–1300)* (University of Chicago Press, 1978) — в частности, главу 5: «The One True Faith». О разделении христианской церкви на западную и восточную см. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 76.

ленные Абагой-ханом. Этим ильхан хотел продемонстрировать свою готовность воевать на стороне крестоносцев против египетских мамлюков⁸.

Однако по возвращении посланников в Константинополь оказалось, что горожане настроены враждебно по отношению к политически целесообразному объединению церквей. Монахи и священники протестовали; даже сестра Михаила VIII Евлогия осуждающе заявила: «Пусть лучше исчезнет империя моего брата, чем будет поправа чистота православной веры»⁹.

Михаил VIII попытался подавить выступление оппозиции. Всех тех, кто осмелился выступить против унии с католической церковью, бросали в тюрьмы, подвергали телесным наказаниям, отправляли в ссылку. В это время Григорий X, возвращавшийся в свою резиденцию, разнемогся и умер в пути 10 января 1276 года. Следующие три понтифика, избранные кардиналами, умирали в течение года после избрания, так и не успев реализовать сколь-нибудь значимую самостоятельную политику. Все попытки Григория X добиться объединения церквей оказались тщетными¹⁰.

Та же судьба постигла и планировавшийся крестовый поход.

Карта 54.2. Султанат Бахритов

Хронологическая таблица 54

Латинская империя, Никея и Византия	Пиренейский полуостров	Франция	Панство	Англия	Палестина	Северная Африка	Египет
Балдуин II (1228-1261)			Григорий IX (1227-1241)		Шестой крестовый поход (1228-1229)		
			Совет в Тулузе (1229)			Династия Хафсидов (1229)	
			«Excothunicatus» (1231)				
			«Vox in Rama» (1233)			Династия Зайянидов (1235)	Гражданская война в Египте (1238-1242)
		Битва при Тайлебуре (1242)					Аль-Салих Айюб (1240-1249)
			Иннокентий IV (1243-1254)			Династия Маринидов (1244)	

Латинская империя, Никея и Византия	Пиренейский полуостров	Франция	Папство	Англия	Палестина	Северная Африка	Египет
					Седьмой крестовый поход (1248–1254)		Туран-шах (1249–1250)
		Пастушки (1251)	«Ad extirpanda» (1252)		Бозмунд VI Антиохийский (1251–1275)		Айбек (1250–1257)
Феодор II Ласкарис (1254–1258)	Теобальдо II (1253–1270), король Наварры		Александр IV (1254–1261)				
Иоанн IV Ласкарис (1258–1261)				Оксфордские провизии (1258)			Аль-Мансур Али (1257–1259)
Михаил VIII Палеолог (1259–1261)							Кутуз (1259–1260)
Конец Латинской империи (1260)			Урбан IV (1261–1264)			Мамлюки завоевывают Сирию	Бейбарс (1260–1277)

Латинская империя, Никей и Византия	Пиренейский полуостров	Франция	Папство	Англия	Палестина	Северная Африка	Египет
Михаил VIII Палеолог (1261–1282)			Клемент IV (1265–1268)	Вторая баронская война (1264–1267)		Идрис II (1266–1269)	
	Энрике I Толстый (1270–1274), король Наварры	Филипп III (1270–1285)			Восьмой крестовый поход (1270)	Падение Альмохадов	
			Григорий X (1271–1276)	Эдуард I (1272–1307)	Девятый крестовый поход (1271–1272)		
		Второй Лионский собор (1274)					Калаун (1277–1290)
					Падение Антиохии (1289)		
					Падение Акры (1291)		Аль-Ашраф Халиль (1290–1293)

Крестоносцы так больше и не вернулись на Восток. После семнадцати лет триумфального правления скончался султан Бейбарс. Власть в Египте захватил Калаун, один из его влиятельных сподвижников-мамлюков. Он сместил сына Бейбарса и отправил его в ссылку. За полтора десятка лет правления Калаун медленно, но уверенно расширял границы своей державы. В апреле 1289 года бахриты захватили Триполи, покончив с княжеством Антиохийским.

На момент падения Триполи Калауну было около семидесяти лет. На следующий год он скончался в Каире, а его венец и сабля перешли к его сыну — аль-Ашрафу Халилю. В апреле 1291 года аль-Ашраф Халиль возглавил Бахритов в решающем натиске против Акры — последнего оплота Иерусалимского королевства.

Мамлюкская армия, по словам Виллани, была такой огромной, что «растянулась более чем на двенадцать миль». Египетские войска окружили Акру, засыпали рвы и принялись разрушать стены. Жители города, возглавляемые рыцарями-храмовниками, сопротивлялись несколько недель, бреши в стенах заполняли сначала камнями, затем досками, а в конце — мешками, набитыми шерстью и хлопком. В конечном счете, силы защитников иссякли и ворота пали. Сарацины ворвались в город. Как пишет Виллани:

«Убитых и плененных мужчин, женщин и детей было общим числом более чем 60 тысяч человек, а количество захваченного добра поражало воображение. И... они разрушили стены и укрепления, подожгли их, уничтожив весь город; посредством чего христианству был нанесен сокрушающей силы удар; так... в Святой земле у христиан не осталось ни одного города»¹¹.

Глава 55

Кубла-хан

В период с 1273 до 1294 года Хубилай завоевывает Китай, пытается покорить Тямпу, не может завоевать Дайвьет и становится первым императором Юань

Великий хан потерял три четверти своей империи — но и оставшаяся четверть была огромна. В нее входила сама родина монголов с Каракорумом в центре и огромными степными плато на севере и западе, а также земли, завоеванные у Западной Ся, Цзинь

и Коре. Монголы захватили весь север Сун, однако плодородные земли в долине реки Янцзы и территории южнее нее все еще были не завоеваны.

Эти южные земли, последние остатки Сун, пока подчинялись императору Сун Ду-цзуну. Мало кто мог бы спокойно править пред лицом безжалостной и пугающей монгольской агрессии. Сун Ду-цзун также не вынес напряжения: он предавался вину и пирам, развлекался гаремом наложниц и азартными играми, чтобы отвлечься от мыслей о неизбежном финале¹.

В течение пяти лет армии монголов осаждали двойной город Сян-ян/Фань-чэн на северном и южном берегах западной Янцзы — врата, ведущие на юг. В начале осады китайцам удавалось снабжать города по реке. Постепенно монгольская блокада окрепла; корабли Сун с припасами могли пробраться сквозь нее только с большими потерями. А в марте 1272 года сюда с запада прибыла команда военных инженеров, отправленная Хубилаем из Ильхана-та его племянником Абагой в качестве знака доброй воли. Возглавляемые Ала ад-Дином из Мосула, они привезли с собой новое оружие: противовесные требушеты для метания в стены Фань-чэна необычайно тяжелых камней.

Постепенно стены начали рушиться. К началу февраля 1273 года сопротивление защитников было сломлено: монголы ворвались в город и казнили более десяти тысяч его жителей — складывая тела так, чтобы защитники Сян-яна могли их видеть. Когда требушеты начали систематически обстреливать стены Сян-яна, комендант города капитулировал. Теперь весь бассейн реки оказался в руках Хубилая, ворота на юг были открыты².

Вскоре после захвата Сян-яна Хубилай объявил войну Ду-цзуну:

«Со времен Чингисхана мы вели переговоры с Сун... [прося о] прекращении военных действий и передышке для народа... Это могло обеспечить покой для всего человечества. Но [вы]... продолжали отправлять войска год за годом. Теперь мертвых и раненых становится все больше, а число пленников и заложников растет. Все это говорит о том, что династия Сун принесла опасность собственному народу»³.

Монголы, конечно же, воевали с Сун в течение сорока лет, и Хубилай сам уже провел четырнадцать лет, пытаясь завоевать юг. Но официальное объявление войны стало знаком больших изменений. Он больше не был ханом огромной, наспех сколочен-

ной империи кочевников, созданной на завоеванной территории — Хубилай стал государем, указывающим другому государю на недостатки его правления. Он упирал на легитимность своей экспансии. Он изменился.

Хубилай уже начал обозначать годы своего правления династическим титулом китайского образца. Он покинул монгольскую столицу Каракорум и построил себе две столицы в Китае — на севере и юге, подражая своим предшественникам. Северная столица была его летним домом; монголам она была известна как Шанду, «Верхняя Столица»; это был роскошный царский город. По словам анонимного путешественника,

«В Шанду Хубилай-хан построил величественный дворец, охватывающий своей стеной шестнадцать миль земли, внутри которой — плодородные луга, приятные источники, восхитительные ручьи, множество животных для погонь и охоты, и в самом центре роскошный дом удовольствия, который можно перевозить с места на место».

Через пятьсот лет английский поэт Сэмюэль Тейлор Кольридж, читая мемуары этого путешественника*, уснет наркотическим сном — и ему приснится Шанду; проснувшись, он напишет:

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла-хан:
Где Альф бежит, поток священный
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан... **⁴

Вторая столица Хубилая, в двухстах милях к югу, была построена рядом с руинами сожженного Чжун-ду. Он назвал этот город Даду, «Столица великого Хубилай-хана»; сегодня его руины все еще существуют в северном пригороде Пекина. Венецианский путешественник Марко Поло, посетивший Даду вскоре после

* Приведенный фрагмент, вдохновивший Кольриджа на знаменитое стихотворение, по его собственному признанию, был вычитан в недавно купленной им антикварной книге «Паломничества Пэрчеса». Этот четырехтомный сборник записок и воспоминаний о различных путешествиях, начиная с библейских времен, был опубликован английским клириком Сэмюэлем Пэрчесом в 1625 году — и следующий раз переиздан только в 1905–1907 годах. Третий том сборника посвящен сведениям о странах Севера и Востока — России, Тартарии и Китае. (Прим. ред.)

** Перевод К. Бальмонта.

1270 года и написавший о своем путешествии около тридцати лет спустя, описывает тщательно спланированный город: идеальный квадрат, окруженный белыми зубчатыми стенами, с идеально прямыми улицами и тщательно распланированными участками земли для каждой семьи и вождя клана: *«Таким образом, вся внутренняя часть города разделена на квадраты, напоминая шахматную доску, и спланирована с неописуемой точностью и красотой. В городской стене было двенадцать ворот, по три на каждой стороне квадрата... каждые ворота охраняла тысяча человек»*⁵.

Безопасность города отражала усиливающийся контроль Хубилай-хана над окружающими его землями. Теперь он полностью подчинил Коре; наследник, который сдался Мункэ в 1259 году, передал власть над Коре своему сыну, Чхуннелю, и Хубилай вынудил юношу принять титул короля, а не традиционный — императора Коре. Он также дал Чхуннелю в жены монгольскую принцессу. Это было меньшей привилегией, чем может показаться: у Хубилая, по словам Марко Поло, было двадцать два сына от четырех жен, еще двадцать пять — от наложниц (которых было не меньше сотни), а также бесчисленное количество дочерей; он использовал их, чтобы крепче привязать к себе вассалов⁶.

В 1274 году Хубилай потерпел неожиданное поражение. Восточнее Коре находился остров Япония, находившийся в то время под властью Камакурского сегуната, которым фактически правил сиккэн («регент сегуна») Ходзе Токимунэ. Несколькоими годами ранее Хубилай отправил сегуну Камакура немногословное послание с требованием дани и капитуляции; Ходзе Токимунэ проигнорировал послание, как и несколько последующих писем. Удостоверившись, что Коре прочно находится в его власти, Хубилай организовал армию вторжения из двух флотилий, одна отплыла с побережья Китая, вторая — с южного берега Коре, чтобы соединиться у Японии⁷.

Монголы не знали морского дела — но Хубилай имел возможность мобилизовать тысячи моряков и собрать сотни кораблей из Китая и Коре; его флот, предположительно, состоял из 300 кораблей, на которых разместилось чуть более 12 тысяч солдат — это был, скорее, разведывательный отряд, чем полноценный экспедиционный корпус. Флот прошел мимо малых островов, без особых трудностей высаживая на них свои гарнизоны, и 19 ноября прибыл в бухту Хаката на северной оконечности острова Кюсю⁸.

Местные самураи начали поспешно собираться, чтобы отразить вторжение — но корейские моряки почуяли приближение непого-

ды и уговорили монгольских командиров отступить после единственного дня сражения. Однако на обратном пути корабли попали в шторм, и около трети из них было потеряно.

Войскам в Китае повезло много больше. Война против Сун подходила к концу. Баян, полководец Хубилая, двинул свое войско вдоль реки Янцзы; города склонялись перед ним один за другим, и к концу 1275 года войско достигло Ханчжоу — столицы Южной Сун.

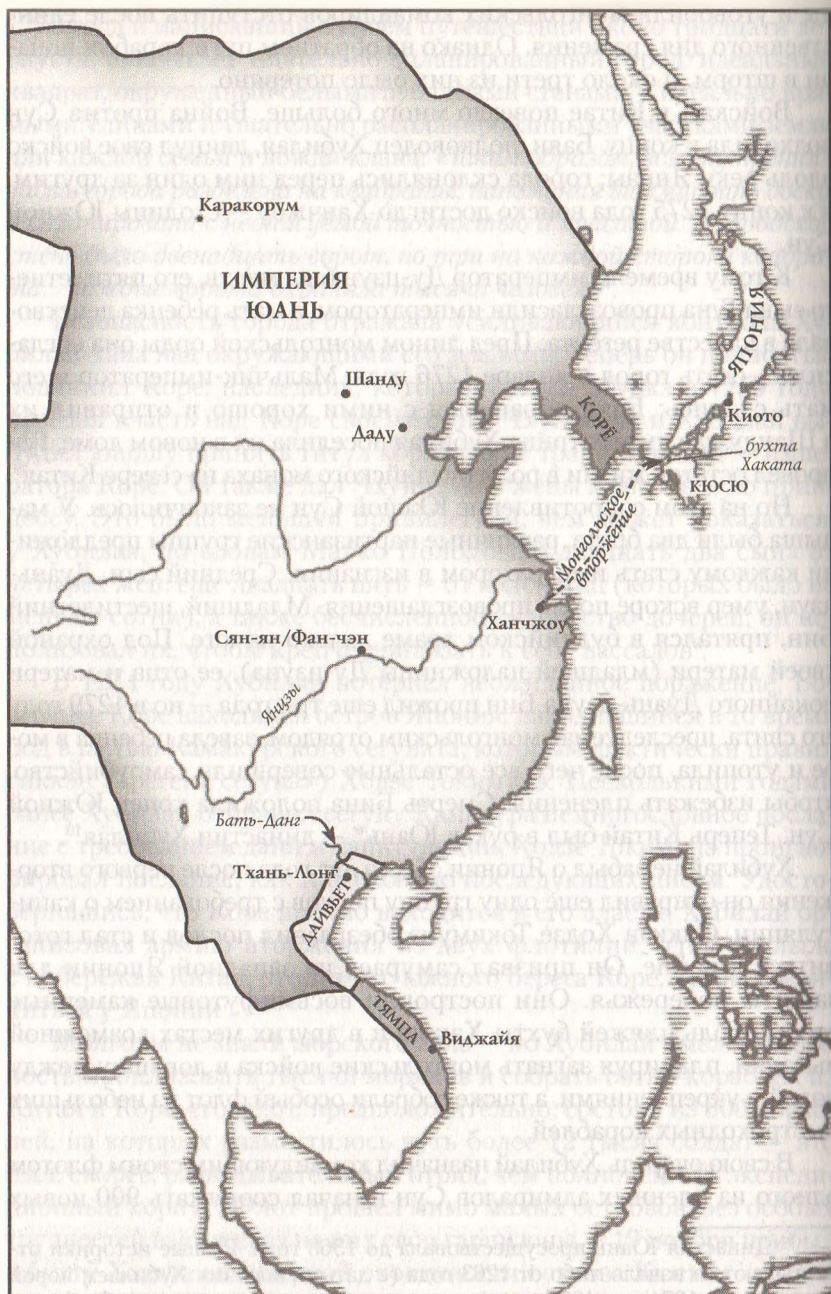
К тому времени император Ду-цзун был мертв, его пятилетнего сына Гуна провозгласили императором, а мать ребенка действовала в качестве регента. Пред лицом монгольской орды она согласилась сдать город в январе 1276 года. Мальчик-император и его мать сдались; Баян обращался с ними хорошо и отправил их в Шанду, где императрица Хубилая поселила их в новом доме; Гун провел остаток жизни в роли буддийского монаха на севере Китая⁹.

Но на этом сопротивление Южной Сун не закончилось. У малышки были два брата, различные партизанские группы предложили каждому стать императором в изгнании. Средний сын, Дуань-цзун, умер вскоре после провозглашения. Младший, шестилетний Бин, прятался в буддийском храме далеко на юге. Под охраной своей матери (младшей наложницы Ду-цзуна), ее отца и матери покойного Дуань-цзуна Бин прожил еще три года — но в 1279 году его свита, преследуемая монгольским отрядом, завела ребенка в море и утопила, после чего все остальные совершили самоубийство, чтобы избежать пленения. Смерть Бина положила конец Южной Сун. Теперь Китай был в руках Юань* — династии Хубилая¹⁰.

Хубилай не забыл о Японии. Через два года после первого вторжения он отправил еще одну группу послов с требованием о капитуляции. Сиккэн Ходзе Токимунэ обезглавил послов и стал готовиться к войне. Он призвал самураев из западной Японии для защиты побережья. Они построили восьмифутовые каменные стены вдоль пляжей бухты Хаката и в других местах возможной высадки, планируя загнать монгольские войска в ловушку между водой и укреплениями, а также собрали особый флот из небольших быстроходных кораблей.

В свою очередь Хубилай назначил командующим своим флотом одного из пленных адмиралов Сун и начал сооружать 900 новых

* Династия Юань просуществовала до 1368 года. Разные историки отсчитывают ее начало либо от 1263 года (с даты основания Хубилаем новой столицы), от 1271 или 1279 года (со смерти последнего наследника Сун), или от 1280 года. (Прим. авт.)

Карта 55.1. Империя Юань

военных кораблей. Вначале июня из Коре и с юго-восточного побережья Китая к Японии отплыли флотилии; последняя имела более 4000 кораблей, на которые было погружено 140 000 солдат¹¹.

Оборонявшиеся самураи значительно проигрывали в численности, но каменные стены временно задержали продвижение монголов. Первые высадившиеся на берег отряды не смогли прорвать японскую защиту, в то время как основная часть прибывшего флота еще стояла на якоре у Киото. Небольшие, но маневренные японские корабли постоянно совершали налеты, не давая захватчикам передышки. Собранные на борту в тесноте бойцы начали страдать от эпидемии, которая убила тысячи людей и ослабила еще большее количество. Оборона самураев продержалась семь недель. 15 августа на монгольский флот вновь обрушился тайфун. В течение целых двух дней он ломал стоявшие на якоре корабли. По некоторым данным, 90% флота пошло ко дну; около ста тысяч человек утонули. Тридцать тысяч бойцов, оставшихся на берегу, были перебиты¹².

Великий буддийский монах Эйсон, который провел дни вторжения, молясь в храме Отокояма близ Киото, приписал шторм божественному вмешательству — это был *камикадзе*, божественный ветер, посланный для защиты острова. Другие были менее уверены в чуде. Философ Нитирен Сенин, яростный критик правительств Японии, резко отметил: *«Осенний ветер уничтожил аражеские корабли... жрецы прикидываются, будто это было результатом эффективности их ритуалов. Спросите их, добыли ли они голову монгольского царя?»*¹³

Голова Хубилая все еще крепко держалась на плечах. Он задумывался о третьем вторжении — но потерял слишком много своих моряков из Коре; он решил вместо этого вновь обратить внимание на материк.

К югу от Сун перед монгольским фронтом оказались теперь открытыми Тямпа, Кхмер и Дайвьет. Царь кхмеров, Джайяварман VIII, решил действовать осторожно, а не отважно; он отправил Хубилаю дань и подчинился ему, как вассал, чтобы достичь мира. Царь Тямпы, Индраварман V, попытался выбрать средний путь. Он отправил посольство ко двору Хубилая, чтобы договориться о перемирии, надеясь избежать войны и подчинения.

Хубилай предпочел рассматривать послов как знак капитуляции и сразу назначил из Юань двух вице-регентов для управления Тямпой от его имени. Когда царь Тямпы отказался признать их власть, хан отправил по морю пятитысячное войско для нападения

Хронологическая таблица 55

Франция	Англия	Папство	Сирия, Палестина и Северная Африка	Египет	Монголы
			Начало династии Зайянидов (1235)	Гражданская война в Египте (1238–1242)	Разорение Москвы (1237) Завоевание Тбилиси (1237)
				Ас-Салих Айюб (1240–1249)	Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.) Битва на р. Шайо (11 апреля 1241 г.)
Битва при Тайлбуре (1242)		Иннокентий IV (1243–1254)	Начало династии Маринидов (1244)		Смерть Угэдэя (1242)
Движение «пастушков» (1251)		«Ad extirpanda» (1252)	Седьмой крестовый поход (1248–1254)	Туран-шах (1249–1250)	Гуюк (1246–1248)
			Бозмунд VI Антиохийский (1251–1275)	Айбек (1250–1257)	Мункэ (1251–1259)
		Александр IV (1254–1261)	Мамлюки завоевывают Сирию		Завоевание Нанчжао (1253)

Франция	Англия	Папство	Сирия, Палестина и Северная Африка	Египет	Монголы			
					Разгром ассасинов (1256)			
				Аль-Мансур Али (1257–1259)	Вторжение в Дайвьет (1257)			
	Оксфордские провинции (1258)			Кутуз (1259–1260)	Капитуляция Коре (1259) и завоевание Багдада (1259)			
				Бейбарс (1260–1277)	Завоевание Дамаска и Алеппо (1260)			
		Урбан IV (1261–1264)			Ариг-Буга (1260–1264) Хан Хубилай (1260–1294)			
	Вторая баронская война (1264–1267)				Империя Юань	Ильханат	Золотая Орда	Улус Чагатай
		Климент IV (1265–1268)	Идрис II (1266–1269)		Хубилай	Хулагу	Беркэ	Альгу
			Падение Альмохадов			Абага (1265–1282)		
Филипп III (1270–1285)			Восьмой крестовый поход (1270)		Марко Поло посещает Даду (1270)			

Франция	Англия	Папство	Сирия, Палестина и Северная Африка	Египет	Монголы
	Эдуард I (1272-1307)	Григорий X (1271-1276)	Девятый крестовый поход (1271-1272)		Завоевание Сян-яна (1273)
Лионский собор (1274)				Калаун аль-Мансур (1277-1290)	Сдача Сун Луна (1276)
					Конец Южной Сун (1279)
					Неудачное вторжение в Японию (1281)
					Подчинение Джайявармана VIII (1283)
			Падение княжества Антиохийского (1289)		Неудачное вторжение в Тямпу (1285) и поражение в Дайвьете (1285)
			Падение Акры (1291)	Аль-Ашраф Халил (1290-1293)	

на побережье Тямпы. Войско без труда достигло столицы страны, Виджайи; к этому времени Индраварман со своим двором отступил в горы. Оттуда он начал лесную партизанскую войну, с которой монголам было трудно справляться. Влажный и жаркий климат далекого юга был для них непривычен, болезни косили войско. Летом 1285 года неожиданным нападением тямы истребили почти всех оставшихся захватчиков¹⁴.

Удача не улыбнулась Хубилаю и в землях Дайвьета. В 1258 году монголы отступили из Дайвьета, не воспользовавшись своим захватом Тханглонга. В 1284 году, когда поход в Тямпу еще продолжался, Хубилай отправил по суше через север страны еще большую армию под командованием одного из своих сыновей — Тогона. Поначалу он добился победы и смог создать фронт близко к столице, Тхань-Лонгу. Но монголам вновь помешало партизанское войско, на сей раз возглавленное ярим патриотом, принцем Чан Куок Туаном, двоюродным братом правящего императора. Находящиеся под его командованием воины Дайвьета набили на руках татуировки «смерть монголам» и продолжили изнурительную борьбу с захватчиками.

Когда император спросил Чан Куок Туана, не лучше ли было бы сдаться и положить конец долгой и кровопролитной войне, тот, как утверждалось, ответил: «Ваше величество, если вы хотите сдаться, сначала отрубите мою голову, потому что пока она остается на моих плечах, королевство будет продолжать сопротивление». Его упорная борьба окупилась. В 1287 году принц Тогон был вынужден отправиться к отцу за подкреплениями. Когда он вернулся с огромной армией людей и судов, Чан Куок Туан заманил его в реку Бать-Данг, место великой победы Дайвьета над Сун в 1076 году. На этот раз армия Дайвьета подготовилась, установив на дне реки бронзовые шипы. Когда начался отлив, монгольские речные барки попали в ловушку. На реке было убито так много монголов, что вода покраснела¹⁵. Принц Тогон спасся бегством. Позднее герой сопротивления Чан Куок Туан был объявлен святым под своим посмертным именем — Чан Хын Дао.

Япония и юго-восточные области оставались непокоренными, когда Хубилай, последний великий хан и первый император китайской династии Юань, умер в 1294 году.

Он родился внуком кочевника — а закончил свою жизнь одним из величайших императоров мира. У него была личная стража из двенадцати тысяч всадников; он мог усадить на пиру сорок тысяч своих подчиненных и подать каждому еду в золотой и серебряной

посуде; он мог начать для своих друзей охоту с десятью тысячами сокольников и пятью тысячами гончих. Он выпускал собственные деньги, признанные торговцами от Шанду до Венеции; он мог отправлять послания с помощью сети почтовых станций и гонцов, которая охватывала все его царство. По словам Марко Поло, он радушно принимал при своем дворе «царей, полководцев, графов, астрологов, физиков и многих других правителей и вельмож» со всего света¹⁶.

Его внук унаследовал власть не как великий хан, но как император Чэн-цзун из династии Юань. Хубилай, последний великий хан, стал первым императором Юань.

Однако после десятилетий войны с монголами население империи, которой правила династия Юань, сократилось на пятьдесят миллионов. Могилы, груды тел и омытые речными водами скелеты отметили место рождения династии Юань.

Глава 56

Сицилийская вечерня

Между 1274 и 1288 годами разные части Священной Римской империи расходятся в разные стороны

Рудольф Габсбург, отныне король Германии, короновался в Ахене, но церемония получилась скромной. Обряд уже начался, когда обнаружилось, что королевские регалии, корона и скипетр Фридриха II, куда-то затерялись в предыдущее десятилетие анархии. Вынужденный импровизировать, Рудольф взял в руки стоявшее рядом распятие: «Сей символ искупления нашего открывает нам путь на небеса, — сказал он выборщикам, — так что уж кусок земли он точно для нас сохранит»¹.

Этот случай на церемонии был лишь предвестием прочих неприятностей. Положение Германии было катастрофическим. Казна опустела, крестьян терроризировали бродячие шайки разбойников, герцоги погрязли в междоусобицах. Один из самых могущественных князей-выборщиков, Пржемысл Оттокар II Богемский, открыто поднял мятеж. С самого начала столетия князь Богемии пользовались полученным от императора правом называться королями Богемии — что давало им статус второстепенных монархов, подчиненных германскому трону. Но это лишь усиливало их чувство

зависимости и желание избавиться от обязательств перед имперской властью. Вызванный в 1274 году на имперский сбор для принесения оммажа новому повелителю, король Богемии отказался ехать — и занялся укреплением своих границ, готовясь к войне.

На протяжении следующих четырех лет Рудольф был вынужден обороняться против Оттокара, одновременно уничтожая разбойничьи шайки, восстанавливая действие законов в Германии и производя реорганизацию королевства — которое мальчик-король и претендент на имперский трон оставили в полном хаосе. К 1278 году он сумел справиться со всеми тремя задачами. Оттокар в конце концов погиб, сражаясь со своим сюзереном на берегах Дуная. Рудольф приказал разрушить шестьдесят замков, где гнездились разбойники и воинственные бароны. Он также принудил к повиновению беспокойное королевство Моравию, добился брачного союза между сыном Оттокара Вацлавом и собственной дочерью, заключил договор с королем Венгрии. Рудольф восстановил законы Фридриха и многие месяцы разъезжал по Германии, навещая дворы местных феодалов. Его девизом стало латинское изречение «*Melius bene imperare, quam imperium ampliare*» — «Лучше хорошо управлять империей, чем расширять ее границы»².

Тем временем Карл Анжуйский правил двумя своими государствами, Неаполитанским королевством в Южной Италии и Сицилией (так называемое «королевство обеих Сицилий»). Однако Карла заботило в первую очередь укрепление своей власти.

В 1280 году, после скоропостижной смерти очередного папы (Николая III, который сумел протянуть на престоле понтификата целых три года), Карл напрямую вмешался в выборы папы. Он поддержал кандидатуру францисканца Симона де Бриона, уроженца Тура. Когда кардиналы-итальянцы стали возражать против избрания еще одного француза, Карл посадил двух из них под замок. Остальные, должным образом уstraшенные, отдали свои голоса за Бриона.

Новый французский папа, принявший имя Мартина IV, был настолько непопулярен в Италии, что не рискнул въехать в Рим; его посвящение пришлось провести в Орвьето, к северу от города святого Петра. В качестве верховного главы церкви Христовой Мартин IV руководствовался двумя важнейшими соображениями: какое еще изысканное блюдо отведать и как угодить Карлу Анжуйскому.

Обжорство папы было относительно безвредным — хотя Данте в «Божественной комедии» и помещает Мартина IV в чистилище, где тот искупает свое пристрастие к уграм и тонким мускатным

винам. А вот его готовность поддерживать любые амбиции Карла была гораздо более опасной. Он сделал Карла сенатором в Риме, выдвигал на ключевые должности французских священников — сторонников Анжу, и безоговорочно согласился с новейшим проектом Карла — завоевать Константинополь и воцариться в нем¹.

Ради этой затеи Карл обзавелся двумя союзниками. Дож Венеции, недовольный тем, что Генуя захватила монополию на торговлю с Константинополем, пообещал предоставить корабли; свергнутый император Балдуин, который нашел убежище в Италии после того, как бежал от Михаила VIII, надеялся вернуть свой трон под протекторатом Карла.

В 1282 году Карлу подвернулся отличный повод развязать войну против Византии. Михаил VIII, так и не сумевший усмирить противников церковного союза, умер; его сын Андроник II, горячий сторонник православия, вззошел на трон как второй император после реставрации. Он не позволил хоронить отца, изменившего византийской церкви, в освященной земле и сразу же разорвал Лионское соглашение, предполагавшее объединение Восточной и Западной церквей. При этом известии по всему Константинополю зазвонили колокола, и ликующие толпы заполнили улицы⁴.

Но прежде чем Карл собрался в поход на Константинополь, его планы были нарушены внутренней катастрофой. Ни одна из частей королевства Карла, разделенного Мессинским проливом и грубо скрепленного лишь его личной властью, так и не стала вполне профранцузской. Но на Сицилии тлеющее возмущение против засилья французов в сочетании с ненавистью, вызванной грабительской налоговой политикой Карла, создали взрывоопасную ситуацию. Пока Карл предвкушал захват Константинополя, сицилийский дворянин Джованни да Прочида совместно с противниками Анжуйского дома — военными и чиновниками — втайне готовился к восстанию.

У них имелся могущественный союзник — король Арагона. Хайме Арагонский, чье правление начиналось с ужасного хаоса, умер в 1276 году, в возрасте около семидесяти лет. Трон унаследовал его сын, Педро III, женатый на дочери Манфреда, убитого солдатами Карла Анжуйского при Беневенто. Это означало, что у Педро был косвенный, но совершенно законный повод претендовать на сицилийский трон. Он согласился помочь свергнуть Карла — в обмен на корону Сицилии.

Удобный случай представился внезапно, на пасхальной неделе 1282 года. Большинство заговорщиков съехались в Палермо для

участия в праздничных богослужениях, когда один французский солдат оскорбил сицилийскую женщину в присутствии ее мужа. *«Француз нагло приставал к женщине из Палермо с гнусными намерениями. Она стала кричать, и люди, давно уже обозленные, воспользовавшись поводом против французов... бросились на защиту этой женщины, отчего произошла яростная схватка между французами и сицилийцами»*, — пишет Виллани.

Восстание ширилось, повсюду раздавались крики «Смерть французам!». Здание королевской администрации в Палермо было быстро захвачено*. Заговорщики, воспользовавшись случаем, начали мятеж по всей Сицилии. «В каждом городе и области жители поступали так же, — говорит Виллани, — убивая всех французов, находившихся на острове»⁵.

Виллани утверждает, что жертвами резни, названной «сицилийской вечерней», стали более четырех тысяч французских солдат и мирного населения. Карл Анжуйский, на момент начала восстания находившийся в Италии, был вынужден осаждать собственную столицу с моря — но Педро Арагонский, ожидавший сигнала,

* Какие именно события привели к открытому конфликту, точно неизвестно — но ряд подробностей в различных источниках совпадает. В частности, несомненно, что начало беспорядков в понедельник 30 марта 1282 года совпало (случайно или нет) со звоном колоколов церкви Святого Духа за стенами Палермо, призывавших к вечерней молитве, с которой начиналось пасхальное бдение — от этого и пошло название восстания. Сколь-нибудь заметное сопротивление повстанцам было оказано лишь наместником короля, Жаном де Сен-Реми, который заперся в древнем дворце-крепости. Но и он был не в состоянии долго защищать здание, поскольку почти весь его гарнизон был отпущен в город по поводу праздника и оказался быстро перебит на улицах. О наличии предварительного заговора прямых свидетельств нет — но в действиях повстанцев видна подготовка и прекрасная координация. Захватив полный контроль над Палермо, они сразу же разослали гонцов по всем городам и селам Сицилии с призывом немедленно выступить, прежде чем угнетатели смогут ударить в ответ. Этот призыв нашел широчайший отклик в народе, и восстание мгновенно распространилось на весь остров.

Однако борьба не закончилась в один день, как может показаться из текста: бои шли в течение шести недель. Сицилийцы убивали всех французов, спастись удалось не многим — в основном тем, кому посчастливилось добраться до моря и попасть на суда в гавани. После того, как остров был очищен от чужеземцев, сицилийцы начали создавать собственную власть. В Палермо собрались представители всех районов и цехов, которые провозгласили город коммуной, избрав ее главой местного рыцаря Руджеро Мастранджело. Флаги Карла Анжуйского были везде сброшены и заменены имперским орлом — служившим гербом Палермо при Фридрихе II. К папе римскому были отправлены послы с письмом, в котором сицилийцы просили его взять новосозданную коммуну под свое покровительство. (Прим. ред.)

Война тянулась три года, но внезапно прекратилась, когда на протяжении 1285 года все основные действующие лица умерли один за другим: Карл — 7 января, папа — 28 марта, Филипп III — 5 октября и Педро — 11 ноября. Карлу Анжуйскому было около шестидесяти, его истощили долгие годы честолюбивой борьбы и тревоги за судьбу единственного сына, все еще пребывавшего в плену; он скоропостижно скончался в Италии. В его власти осталась лишь Южная Италия со столицей в Неаполе; титул короля Неаполя теперь достался сыну-пленнику*.

Как только известие о смерти Карла дошло до венецианцев, они немедленно вступили в мирные переговоры с Андроником II в Константинополе, решив добиваться торговых льгот на востоке мирным путем, а не силой оружия.

Со смертью Карла папа Мартин IV остался без поддержки. Опасаясь за свою жизнь, он бежал из Рима в Перуджу, где вскоре и умер, так и не отказавшись от угрей и вина. На его место кардиналы избрали 85-летнего римского священника Джакомо Савелли.

Тем временем французский король Филипп III с огромным войском двинулся через Лангедок на территорию Руссильона — восточной провинции Арагона; у него было более ста тысяч пехотинцев, кавалеристов и лучников, а также сотня вспомогательных судов, курсировавших близ побережья. Но арагонцы совместно с населением Руссильона оказали яростное сопротивление. Арагонский адмирал Руджеро де Лауриа разбил флот французов на море. Сухопутные войска, с боями пробиваясь вперед, как обычно, начали страдать от дизентерии. Сам Филипп III тоже заболел, как

* И опять все происходило не столь быстро. Для того чтобы собрать новый флот и армию, Карл I Анжуйский был вынужден покинуть Неаполь и отправиться в Париж, на переговоры с Филиппом III, а оттуда в Прованс. Наместником в Неаполе остался его старший сын и наследник Карл Хромой, он же Карл Салернский (1248–1309), наделенный полной властью на все время отсутствия отца. Он также набирал войска в своем королевстве. В конце мая 1284 года Карл I отплыл из Прованса. Но в июне сицилийцы под руководством адмирала Руджеро де Лауриа притворным отступлением выманили из Салерно неаполитанский флот во главе с принцем Карлом, не знавшим о скором подходе флота отца. В итоге неаполитанский флот был наголову разбит, а сам Карл Салернский попал в плен. Многие сицилийцы требовали казни принца, он был спасен только вмешательством Констанции, жены короля Педро. Но ни булла Мартина IV об отлучении, ни поход французов не смогли заставить Педро III освободить Карла. Только в 1288 году Хайме II, унаследовавший Сицилию после смерти Педро III, вернул Карлу-младшему свободу в обмен на заложников (трех его сыновей) и 30 тысяч марок серебра. (*Прим. ред.*)

Хронологическая таблица 56

Франция	Папство	Арагон	Византия	Священная Римская империя	Монголы
				Конрад IV — король Германии (1237–1254)	Разорение Москвы (1237) Завоевание Тбилиси (1237)
				Низложение Фридриха II (1239)	
Битва при Тайлербуре (1242)	Иннокентий IV (1243–1254)				Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.) Битва на р. Шайо (11 апреля 1241 г.) Смерть Угэдэя (1242)
Капитуляция Людовика IX (1250)				Гражданская война в Германии (1246)	Гюк (1246–1248)
Движение «пастушков» (1251)	«Ad extirpanda» (1252)			Смерть Фридриха II (1250)	Мункэ (1251–1259)
Людовик IX возвращается во Францию (1254)	Александр IV (1254–1261)			Оттокар II Богемский (1253–1278) Смерть Конрада IV (1254)	Завоевание Нанчжао (1253) Разгром ассасинов (1256)

Франция	Палство	Арагон	Бавария	Салинская империя	Маския
				Манфред Сицилийский (1258-1266)	Вторжение в Дайвбет (1257)
					Капитуляция Коре (1259) Завоевание Багада (1259)
	Урбан IV (1261-1264)		Михаил VIII Палеолог (1261-1282)		Завоевание Дамаска и Алеппо (1260) Ариг-Буга (1260-1264) Хубилай (1260-1294)
					Разделение империи на четыре части: Великое ханство (Юань), Ильханат, Золотую Орду и Улус Чагатай
	Климент IV (1265-1268)			Карл Анжуйский – король Сицилии (1266-1282)	Абага (1265-1282)
				Битва при Талья- коццо (1268)	

Франция	Папство	Арагон	Византия	Священная Римская империя	Монголы
Филипп III (1270–1285)				Казнь Конрадина (1269)	
				Восьмой крестовый поход (1270)	Марко Поло посещает Дадугу (1270)
	Григорий X (1271–1276)			Девятый крестовый поход (1271–1272)	
Лионский собор (1274)				Рудольф Германский (1273–1291)	Завоевание Сян-яна (1273)
		Педро III Арагонский (1276–1285)			Капитуляция Сун Гун (1276)
	Николай III (1277–1280)				Конец Южной Сун (1279)
Мартин IV (1281–1285)			Андроник II (1282–1328)	Сицилийская вечерня (1282)	Неудачное вторжение в Японию (1281)
					Подчинение Джаявармана VIII (1283)
Гонорий IV (1285–1287)		Альфонсо III Арагонский (1285–1291)		Хайме II Сицилийский (1285–1296)	Неудачное вторжение в Тямпу (1285) и поражение в Дайвьете (1285)
	Николай IV (1288–1292)				

уже случалось с ним в Тунисе, когда от той же болезни погиб его отец. Приближалась зима; холодные дожди заливали армию.

Наконец Филипп решил отступить. Но прежде чем он довел свои войска через Пиренеи до безопасных мест, арагонцы напали на усталых, больных, истощенных французов с тыла. Это столкновение, получившее название «битвы при перевале Паниссар», длилось два дня. Когда все закончилось, от королевского войска мало что осталось, кроме авангарда. Сам Филипп смог добраться только до Перпиньяна. Через четыре дня после гибели его армии, 9 октября, король умер там от дизентерии*.

Месяц спустя умер от лихорадки и Педро III Арагонский. Ему было 46 лет; корона Арагона перешла к его старшему сыну Альфонсо III, а трон Сицилии — ко второму сыну, Хайме.

* * *

Старший сын Карла Анжуйского, Карл Хромой, оставался в заключении на Сицилии.

Эта ситуация была неловкой. Юный Хайме хотел стать настоящим христианским монархом — но держать в тюрьме законного короля Неаполя, который к тому же приходился кузеном королю Франции, было как-то неловко для богобоязненного правителя. Да и поддерживать мир с Францией так было неудобно. Но освобождение Карла Хромого было процессом сложным и затяжным. Эдуард Английский взял на себя роль посредника (вероятно, в ка-

* Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть: Руссильон находится по французскую сторону гор. Зачем же королю понадобилось выводить в море флот, и как он мог отступать через Пиренеи? На самом деле в 1285 году Филипп III решил захватить не Руссильон, а саму Каталонию — рассчитывая сыграть на конфликте этой области с королем Арагона, а заодно воспользоваться папским интердиктом. Однако местное население выступило против захватчиков и оказало французам ожесточенное сопротивление. Французский флот осуществлял снабжение армии, опираясь на порты Эг-Морт и Нарбонну — других коммуникаций у армии Филиппа не было. Именно поэтому король Арагона приказал нанести удар на море. Бой состоялся у группы маленьких островков Формигас близ северо-восточного побережья Каталонии; разгром флота решил участь французского войска. Оно было вынуждено отходить через перевал Паниссар (330 м) — в то время главный проход через восточную часть Пиренеев. Поскольку при Филиппе III находились члены его семьи, в том числе сын, Карл Валуа, возможный наследник короны Арагона-Каталонии по линии его матери Изабеллы, Педро III пообещал свободный проход королю, его свите и гвардии — но отправил по следу французского арьергарда отряд легкой пехоты, который без труда расправился с ослабевшими от дизентерии солдатами. Таким образом, от огромной армии уцелел только авангард, которому было дано обещание свободного прохода. (Прим. ред.)

честве компенсации за свой отказ судить поединок между Карлом Анжуйским и Педро Арагонским). Он помог договориться об условиях. Карл Хромой должен был согласиться на мир с Сицилией и Арагоном, выплатить пятьдесят тысяч марок серебром в покрытие расходов на войну, развязанную его отцом, и признать, что Сицилия и Южная Италия являются отныне двумя отдельными королевствами, со столицами в Палермо и Неаполе соответственно⁷.

Карл принял все условия — но, вернувшись домой после подписания договоров, немедленно нарушил их. Престарелый Джакомо Савелли, единодушно избранный и ставший папой под именем Гонория IV, прожил еще лишь два года. Его преемник, Николай IV, был миролюбивым францисканцем. Однако, судя по его действиям, он чувствовал себя на папском престоле неуверенно. В 1288 году он согласился освободить Карла Хромого от всех обязательств по тщательно разработанному и продуманному договору — в обмен на обещание Карла признавать верховный и непреложный авторитет папы на Сицилии и в любых других землях, которыми он будет править.

Это решение папа обосновал тем, что нельзя требовать от любого государя соблюдения условий, навязанных ему при пребывании в плену; позиция, надо признать, вполне разумная. Но аннулирование этого договора привело к новой войне между Сицилией и Арагоном. И этой войне было суждено продлиться целых двадцать четыре года; она переползла в следующее столетие, до времени гораздо худшей катастрофы.

Глава 57

Войны Эдуарда I

Между 1275 и 1299 годами Эдуард I Английский захватывает Уэльс, шотландцы борются за независимость, а Филипп IV Французский тратит слишком много денег на войну

В 1275 году Эдуарду Плантагенету было тридцать шесть, шестой третий год его правления; он задумал пойти на запад и победить принца Уэльского.

В Уэльсе, в отличие от Шотландии, никогда не было верховного короля, который мог бы похвалиться, что ему присягнула вся страна. Здесь соперничали между собой вожди, правившие одним

или несколькими мелкими королевствами: Гвинед и Поуис, Дивед и Дехейбарт, Морганнуг и Кередигион. Это делало Уэльс уязвимым со стороны английских королей, если бы те вздумали пройти западнее Вала Оффы, разделявшего Поуис и английское графство Мерсия. Именно так поступил в 1247 году отец Эдуарда, Генрих III. Он захватил северную часть королевства Гвинед, которая называлась «Перфеддвлад» («Срединной землей»), и даровал ее Эдуарду, наследному принцу, в качестве его личного удела¹.

На тот момент королевством Гвинед никто не правил: король умер, не оставив наследника, и четверо сыновей его брата дрались между собой за власть. К 1255 году второй брат, Лливелин ап Грифид, сумел одержать верх. Но королевство Гвинед досталось ему в урезанном виде. Теперь же он хотел вернуть Срединную землю.

За год он выгнал англичан с этой территории. Но амбиции повели Лливелина дальше: ему понадобился весь Уэльс. Следующие двадцать лет прошли в сражениях: против английских форпостов в Уэльсе и против других валлийских вождей — которых он заставлял присягать себе, а не английскому королю.

Генрих III, запутавшийся в своей аванюре с Сицилией, занятый конфликтом с баронами, не мог подкрепить свои претензии в Уэльсе или хотя бы остановить наступление Лливелина. В 1267 году, за пять лет до смерти, Генриху пришлось признать новый титул Лливелина ап Грифида: он был объявлен принцем Уэльским — первым правителем этого края, который мог претендовать на что-то большее, чем власть в одной части страны*.

Эдуард I намеревался сделать этот титул пустым звуком и вернуть Срединную землю под свою руку. Через три года после воцарения он приказал Лливелину прибыть в Англию и принести ему вассальную присягу. Лливелин отказался, и Эдуард стал готовиться к походу на Гвинед.

Год ушел на то, чтобы собрать армию и необходимые средства. Замысел короля поддерживали лишь немногие из английских баронов — в расчете на получение поместий на завоеванных валлийских землях. Но когда дошло до активных военных действий, валлийские вожди, которых Лливелин подчинил силой, стали один за другим отходить от него, охотно предоставляя английскому королю возможность справиться с их надменным соплеменником. Его собственный младший брат Дафидд, давно уже мечтавший сам

* В соглашении также оговаривалось, что Лливелин будет платить Англии ежегодную дань в три тысячи марок — но он выполнял это условие только до 1270 года. (Прим. авт.)

стать правителем Уэльса, перешел на сторону Эдуарда. Вскоре Эдуард, лично возглавивший кампанию, оттеснил Лливелина к берегу моря и заблокировал пути отхода по суше².

В ноябре 1277 года Лливелин был вынужден согласиться на переговоры о мире. По договору в Аберконуи он потерял все, кроме изначального небольшого владения в северо-западной части Гвинед. Эдуард раздал земли Уэльса своим баронам, Перфеддвал присоединил к владениям короны, а Дафидду отдал тот остаток королевства Гвинед, который прежде принадлежал его брату.

Спустя пять лет это устройство дало трещину. Английские бароны вели себя по отношению к своим валлийским подданным пренебрежительно и слишком требовательно; английский шериф Реджинальд де Грей, поставленный надзирать за делами в Уэльсе, был груб и придирчив, он вытаскивал на суд дела десятилетней давности, а жалобщикам угрожал смертной казнью; сам Дафидд был вынужден подчиняться в своих владениях английским законам*.

«У всех христиан в их странах есть свои законы и обычаи. Да же для евреев в Англии имеются особые законы; и в наших землях были непреложные законы и обычаи, пока англичане не отобрали их», — жаловался один валлийский лорд³.

Накануне Пасхи 1282 года Дафидд созвал к себе валлийских вождей. Первым актом мятежа было внезапное нападение на занятый англичанами замок Хаварден в ночь на Вербное воскресенье. Через неделю Лливелин присоединился к брату (англичане

* Отношения Лливелина с английской короной в последние годы правления Генриха III можно охарактеризовать как вполне корректные и даже дружественные. Он регулярно выполнял платежи по договору (на момент смерти Генриха было выплачено более половины суммы долга), не совершал никаких враждебных действий. Хотя Генрих и поручил область Перфеддвала заботам своего сына, Эдуард I только раз побывал там и не отреагировал на жалобы валлийцев, возмущенных чуждыми методами управления королевского наместника. Захват «Срединной земли» Лливелин оправдывал как ответ на призыв дворянства Восточного Гвинед, которое поднялось против английского владычества. Ситуацию усугубило то, что в 1274 году родной брат Лливелина, Дафидд, вместе с правителем Поуиса, попытались убить его, — но, потерпев неудачу, переметнулись к англичанам. Эти события и послужили причиной отказа Лливелина от принесения присяги Эдуарду. Дополнительной провокацией для Эдуарда стала женитьба Лливелина на дочери Симона де Монфора, его злейшего врага. Война, объявленная в 1276 году, прошла в два этапа. Сначала английским войском командовали лорды: Мортимер, Ланкастер (брат короля) и Уильям де Бошан, граф Уорвик, а Лливелин не получил должной поддержки от соплеменников. Только позднее Эдуард I лично встал во главе армии численностью 15 500 человек, из которых 9000 составляли валлийцы. (Прим. ред.)

Карта 57.1. Войны в Шотландии и Уэльсе

были теперь большей угрозой, чем амбиции родственника), и почти вся страна восстала⁴.

На этот раз Эдуард привел больше людей. Сражения шли на севере и на юге Уэльса. В декабре чаша весов все еще склонялась попеременно то в одну, то в другую сторону. Но 11 декабря Лливелин попал в засаду, устроенную английскими солдатами на мосту через реку Ирфрон*.

«Лливелин ап Грифид мертв, — доносил командир отряда, — его войско побеждено, и лучший цвет его воинства уничтожен»⁵.

На самом деле при Лливелине был только небольшой отряд: но его гибель подорвала дух валлийского сопротивления. Дафидд немедленно провозгласил себя наследником Лливелина и принцем Уэльским; он продолжил борьбу, но в июне 1283 года был предан англичанам группой собственных соратников.

Эта война оказалась напряженной и дорогостоящей, поэтому Эдуард придумал для Дафидда особое наказание. Пленника протащили по улицам Лондона, привязанным к хвосту лошади, как предателя; растянули на дыбе, повесили как вора, не дав при этом задохнуться, выпотрошили еще живого и у него на глазах сожгли его внутренности на костре за «святотатственное совершение преступлений в неделю Страстей Христовых»**.

Затем его тело было разрублено на части «за умысел королевской смерти». Наконец, как сказано в современной «Хронике Ланеркоста», «тело его рассекли на четыре части в наказание за мятеж, и выставили на обозрение в четырех важных местах Англии». Правую руку отвезли в Йорк, левую в Бристоль, правую ногу — в Нортхэмптон, левую в Херефорд. Голову, окованную железом, чтобы не развалилась при разложении, водрузили на копье над лондонским Тауэром⁶.

Титул принца Уэльского Эдуард присвоил себе. По Рудланскому статуту 1284 года Уэльс был официально присоединен к английской империи, а Лливелин посмертно был прозван «Лливе-

* Точные обстоятельства смерти Лливелина неизвестны: существует два противоречащих друг другу рассказа. Они сходятся только в том, что его каким-то обманом вынудили оторваться от своего войска. Есть предположение, что убийцами были лорды Валлийской марки либо соперники Лливелина, правители Южного Поуиса. Следует учесть, что Оуайн, старший брат Лливелина и Дафидда, не питал родственной любви к младшему. Лливелину отрубили голову и отослали в Лондон. (Прим. ред.)

** Дафидд ап Грифид был казнен 3 октября 1283 года. Это случилось не в Лондоне, а в Шрусбери, где находился тогда король и созданный им парламент. (Прим. ред.)

лином Последним»; Уэльс больше никогда не имел независимого правителя.

* * *

За этим эпизодом сразу же последовали войны в Шотландии и Франции. Александр III, король скоттов с 1249 года, заключил союз с Генрихом III, женившись в 1251 году на его дочери Маргарет, младшей сестре Эдуарда I. Но после свадьбы он отказался принести Генриху III оммаж как своему сюзерену.

Почти четыре десятилетия Александр III защищал независимость своего королевства. Любимая им жена и все трое детей умерли при его жизни — детей он потерял в короткий промежуток от 1281 до 1284 года. Отчаянно нуждаясь в сыне-наследнике, в 1285 году он женился вторично — на молодой француженке по имени Йолета де Дрю*. Поздней ночью в конце марта король возвращался с совета; торопясь скорее добраться до ее спальни, он опередил своих спутников, сбился с пути и свалился вместе с конем с крутого обрыва. Он правил Шотландией 36 лет и 9 месяцев⁷.

Единственным прямым потомком Александра осталась теперь внучка Маргарет — дочка его покойной дочери Маргарет и ее мужа, короля Норвегии. Маргарет было всего три года, но зная Шотландии согласилась признать ее своей королевой. В надежде на установление прочного мира дворяне также согласились, в рамках Биргемского договора, обручить девочку с сыном Эдуарда. Таким образом возник бы родственный союз между королевствами Англии и Шотландии — при условии, что Шотландия навсегда сохранит независимость⁸.

Маргарет с большой пышностью доставили в Шотландию из Норвегии, но все планы расстроились, когда в 1290 году она умерла на Оркнейских островах, в возрасте 7 лет**.

* В этом имени (*Yoleta de Dru*) с некоторым трудом узнается Иоланда де Дре (1263–1322) — не какая-то «молодая француженка», а дочь графа Роберта IV де Дре и графини де Монфор. Ее отец был потомком короля Людовика VI Французского — таким образом, Иоланда принадлежала к младшей ветви дома Капетингов и имела могущественную родню. Кроме того, таким выбором невесты Александр III дистанцировался от английского короля и подчеркивал свою независимость от Англии. (Прим. ред.)

** В связи с малолетством Маргарет Шотландией правил совет регентов. Однако не все лорды были готовы признать власть Маргарет, и борьба за трон началась еще до завершения дипломатического процесса — в котором шотландцы первоначально вообще не были задействованы. Вопрос был поднят отцом Маргарет, королем Эриком, который в мае 1289 года направил к Эдуарду I послов с письмом, где Маргарет именуется «королевой». Но регенты,

Из старшей ветви королевского рода не осталось никого — по числу возможных претендентов на трон доходило до тринадцати. Лидерами среди них были Роберт Брюс Пятый, троюродный брат покойного короля, и Джон Баллиол, племянник Брюса и прапраправнук Давида I по материнской линии. У Роберта Брюса были, пожалуй, самые веские права на трон, а его сын, Роберт Брюс Шестой, был близко знаком с Эдуардом; они вместе участвовали в Девятом крестовом походе и воевали в Уэльсе. Но Роберту Пятому уже исполнилось восемьдесят, и Эдуард предпочел поддержать Джона Баллиола. Баллиол, землевладелец, разменявший пятый десяток, не имел воинского опыта — но он был женат на англичанке, владел английским поместьем и был должен денег английской короне⁹.*

В 1292 году собрание 104 шотландских аристократов дружно избрало Баллиола. «Его возвели на королевское место в Сконе под рукоплескания бесчисленного множества народа, в присутствии представителей короля Англии», — сообщает «Хроника Ланеркоста». Коронование шотландских королей производилось, по давней традиции, в аббатстве Сконе, в юго-восточной Шотландии. Здесь они усаживались на особый камень, блок песчаника — который, по преданию, был привезен в Шотландию легендарным Фергюсом, первым королем скоттов, за тысячу шестьсот лет до того¹⁰. Но присутствие на церемонии английских должностных лиц в традицию явно не входило. Это было знаком грядущих перемен.

Вскоре после коронации Баллиол согласился принести оммаж Эдуарду как своему сюзерену. Этот акт не прибавил ему популярности; Эдуард немедленно перестал скрывать свое желание вме-

опасаясь, что мир в стране будет нарушен враждующими кланами, постарались выбить какие-то преимущества для Шотландии, опираясь на законность прав Маргарет. Они участвовали в разработке и подписании двух договоров, в Солсбери (1289) и Биргеме (1290). Наконец, было договорено, что речь о браке не пойдет, пока Маргарет не прибудет в Шотландию, и крайней датой приезда назначили 1 ноября 1290 года. В случае брака Шотландия должна была остаться «обособленной и отделенной от Англии в соответствии с ее законными границами, свободной и никому не подчиненной». Но Маргарет не перенесла тяжести морского путешествия и умерла во время стоянки на Оркнейских островах 26 сентября 1290 года, так и не попав в Шотландию. (Прим. ред.)

* «Землевладелец» Джон Баллиол (1249–1314) был сыном английского барона; от своей матери, праправнучки короля Давида I, он унаследовал не только права на корону Шотландии, но и обширные владения в шотландской области Галоуэй. «Жена-англичанка» — это Изабелла де Варенн, дочь графа Суррея, одного из знатнейших и могущественнейших лордов Англии. (Прим. ред.)

шиваться в шотландские дела, а Баллиол не желал препятствовать ему. На протяжении двух лет им все-таки удавалось поддерживать шаткий мир — до тех пор, пока Эдуард и Филипп Французский не сцепились между собой, что дало скоттам шанс избавиться от слишком напористого господина с южной стороны.

* * *

Смерть французского короля Филиппа Смелого после неудачной кампании в Арагоне привела на трон его 17-летнего сына Филиппа IV. За год до того юношу женили на 10-летней королеве Жанне Наваррской; этот брак привел к объединению Наварры и Франции в рамках личной унии*.

Филипп восхищался своим героическим дедом Людовиком и мечтал стать таким же успешным правителем, как его прапрадед Филипп Август. Оба этих короля свято верили в свое божественное предназначение; у молодого Филиппа аналогичное настроение вылилось в желание утвердить свой авторитет среди своевольных герцогов, которые все еще распоряжались на значительной части королевства. А самым независимым из всех был Эдуард I — который по совместительству являлся не только королем Англии, но и герцогом Аквитанским. Аквитания, домен Элеоноры, жены Генриха II, матери Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного, по-прежнему оставалась под контролем англичан.

Таким образом, Филипп теоретически был феодальным сюзереном Эдуарда — так же как сам Эдуард был сюзереном Джона Баллиола. В 1294 году французский король приказал Эдуарду явиться к нему и держать ответ за инцидент, имевший место на побережье, в ходе которого нормандские моряки столкнулись с французскими. Когда Эдуард проигнорировал вызов, Филипп в наказание объявил, что конфискует у него Аквитанию.

Эдуард немедленно начал собирать союзников на континенте. Герцог Бретонский и граф Фландрии, надеясь ослабить власть Филиппа IV, согласились помочь ему. Эдуард также направил письмо Джону Баллиолу, приказывая ему прислать шотландские отряды во исполнение вассальных обязательств.

* Дата рождения Жанны известна точно: 17 апреля 1271 года. Таким образом, на момент брака (16 августа 1284 года) ей было 13 лет и 4 месяца. Поскольку по отцу Жанна принадлежала к Шампанской династии, которая правила Наваррой с 1234 года, а прямых потомков этой династии по мужской линии к этому времени в живых уже не осталось, девочка была провозглашена также графиней Шампани. Соответственно, этот брак дал Филиппу возможность присоединить к королевскому домену богатейшую Шампань. (Прим. ред.)

Баллиол ответил угодливо и пообещал прислать солдат — но для знати, отдавшей ему корону, это уже было слишком. В итоге лорды просто отобрали у него страну. Двенадцать из них образовали совет для управления государством. «Было постановлено, что король не может действовать самостоятельно», — говорится в «Хронике Ланеркоста». Теперь Баллиол стал лишь марионеткой, и за ним закрепилось презрительное прозвище «Тум Табард» — «Пустой герб».

От имени Шотландии двенадцать пэров обратились к Филиппу IV, предложив ему заключить договор против англичан. Парижский договор, подписанный в 1295 году, означал возникновение антианглийской коалиции и начало многолетней войны между Шотландией и Англией. Для английской стороны это были «Шотландские войны», для шотландской — «Война за независимость»¹¹.

Теперь перед Эдуардом встала необходимость воевать одновременно и во Франции, и в Шотландии; причем во Франции он являлся непокорным вассалом, а в Шотландии — сюзереном непокорного вассала. Поручив французскую кампанию своим полководцам, король лично повел войско на шотландский город Бервик, в то же время отправив флот, чтобы напасть на Шотландию с моря. Своему союзнику, Роберту Брюсу Шестому, он доверил северную крепость Карлайл, которая занимала ключевую позицию на границе с Шотландией, недалеко от Адрианова вала.

С Бервиком англичане расправились быстро и жестоко: *«Город был взят, и все были повержены; и вышеупомянутый король Англии, в тиранической ярости своей, не щадя ни возраста, ни пола, приказал зарубить 7500 душ, мужчин и женщин; на протяжении двух дней потоками струилась кровь убитых»*, — пишет шотландский хронист Джон из Фордена¹².

Шотландцев неуклонно оттесняли на север. Один за другим пали замки Данбар, Эдинбург, Стирлинг. В Монтрозе королю сдался Баллиол: он вышел из своего замка, сняв королевские одежды и размахивая белым жезлом.

Эдуард взял его в плен и провозгласил победу над Шотландией. На обратном пути в Англию он заехал в аббатство Сcone и забрал Сконский камень. Баллиол был заключен в лондонский Тауэр; камень поместили под сиденьем коронационного трона Англии, с тем, чтобы в будущем английские короли сразу короновались также как короли Шотландии. Эдуард назначил английских наместников и шерифов управлять от его имени покоренной страной. Он полагал, что Шотландия стала его собственностью, подобно Уэльсу.

Однако, в отличие от Уэльса, Шотландия привыкла объединяться под рукой сильного вождя.

Двенадцать лордов не сдались. *«Они построили замки, восстановили разрушенные, разместили надежные гарнизоны в самых важных местах и были готовы отважно противостоять незаконному узурпатору, самому бесчестному из королей Англии»*, — сообщает Джон из Фордена. Но ни один из двенадцати не возглавил восстание шотландцев. Это выпало на долю энергичному Уильяму Уоллесу, второму сыну мелкого землевладельца. Ему было двадцать пять, он имел шесть футов шесть дюймов роста и ненавидел англичан.

К этому времени Уоллес уже был объявлен вне закона из-за того, что убил оскорбивших его английских солдат. Он собрал отряд борцов за свободу (по мнению англичан — шайку разбойников), которые носились по Шотландии, нападая на английские гарнизоны и разоряя замки, принадлежащие англичанам. Согласно сочинению поэта, известного под именем Слепой Гарри*, написанному спустя полтора столетия с лишним лет, слава его неуклонно росла:

Он мчался вперед как завоеватель, убивая врагов,
Штурмовал и брал все их города¹³.

Судя по тому, что Эдуард не выслал против него войска, подвиги Уоллеса были не настолько масштабными. Но в 1297 году Уильям Уоллес начал настоящую войну.

Слепой Гарри рассказывает, что он полюбил Мэрион из Ланарка — прекрасную дочь местного землевладельца. Поскольку в Ланарке находилась штаб-квартира всевластного английского шерифа, изгнаннику Уоллесу пришлось заключить с любимой тайный брак. Когда его случайно застали в ее доме, он выбрался из Ланарка с боем, убив немало английских солдат. Шериф, сэр Уильям Хизелриг, в отместку велел казнить Мэрион. Обезумевший от горя Уоллес возвратился в Ланарк, ворвался ночью в замок Хизелрига и разрубил спящего шерифа на куски¹⁴.

Существование Мэрион доказать невозможно — но нападение Уоллеса и его отряда действительно имело место, как и убийство

* Слепой Гарри (ок. 1440–1492) был придворным певцом и поэтом короля Шотландии Якова IV; его имя встречается в платежных документах 1473–1492 годов. Его обширная поэма «Уоллес» (послужившая источником для многих художественных произведений, в том числе для фильма «Храброе сердце») создана через 172 года после гибели героя и основана исключительно на фольклорном материале. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 57

Англия	Шотландия и Уэльс	Франция	Папство	Священная Римская империя	Арагон	Византия
	Дафидд ап Лливелин (1240–1246)			Низложение Фридриха II (1239)		
		Битва при Тайлебуре (1242)	Иннокентий IV (1243–1254)			
Генрих III захватывает Перфеддвлад (1247)				Гражданская война в Герма- нии (1246)		
	Александр III (1249–1286)	Людовик IX вынужден сдаться (1250)		Смерть Фрид- риха II (1250)		
		Движение «пастушков» (1251)	«Ad extirpanda» (1252)			
Эдмунд претен- дует на Сици- лию (1253)				Оттокар II Богемский (1253–1278)		
	Лливелин ап Грифид (1255–1282)	Людовик IX возвращается во Францию (1254)	Александр IV (1254–1261)	Смерть Конра- да IV (1254)		

Англия	Шотландия и Уэльс	Франция	Папство	Священная Римская империя	Арагон	Византия
Оксфордские провизии (1258)			Урбан IV (1261–1264)	Манфред Сицилийский (1258–1266)		Михаил VIII Палеолог (1261–1282)
Вторая Барон- ская война (1264–1267)			Климент IV (1265–1268)	Карл Анжуй- ский – король Сицилии (1266–1282)		
				Битва при Тальякоццо (1268)		
				Казнь Конради- на (1269)		
		Филипп III (1270–1285)		Восьмой крестовый поход (1270)		
Эдуард I (1272–1307)			Григорий X (1271–1276)	Девятый кресто- вый поход (1271–1272)		
		Лионский собор (1274)		Рудольф Германский (1273–1291)		
			Николай III (1277–1280)		Педро III Арагонский (1276–1285)	

Англия	Шотландия и Уэльс	Франция	Папство	Священная Римская империя	Арагон	Византия
	Восстание Дафидда ап Грифида (1282)		Мартин IV (1281–1285)	Сицилийская вечерня (1282)		Андроник II (1282–1328)
	Рудланский статут (1284)		Гонорий IV (1285–1287)	Хайме II Сицилийский (1285–1296)	Альфонсо III Арагонский (1285–1291)	
	Биргемский договор (1289)		Николай IV (1288–1292)			
	Смерть Марга- рет (1290)					
	Джон Баллиол (1292–1296)					
	Парижский договор (1295)					
	Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)					
	Битва на Стирлинском мосту (1297)	Первая деваль- вация француз- ской валюты (1298)				

английского шерифа; это были первые эпизоды восстания, вспыхнувшего под руководством Уоллеса сразу по всей стране*. Как более сдержанно сообщает Джона из Фордена,

«Уильям Уоллес поднял голову, вышел из своего логова, и... к нему стали стекаться все те, у кого была тяжесть на сердце, кому нестерпимо было иго англичан, навязавших им свое деспотическое господство... И так Уоллес погнал англичан со всех сторон»¹⁵.

На это Эдуард уже не мог не отреагировать. Он отправил «большое войско, чтобы покарать Уильяма за такую дерзость». Уоллес пошел навстречу врагу и встретился с ним у Стирлингского моста через реку Форт. Здесь 11 сентября 1297 года его войско и разгромило англичан, командир которых был убит. Первая война за независимость Шотландии началась. Ей было суждено продолжиться тридцать два года.

Тем временем англичане сражались с французами в Аквитании. Эта война потребовала больших расходов, чем первоначально предполагал французский король Филипп IV. Он уже учредил особые поборы с евреев и крайне непопулярный налог на французскую церковь. А в 1298 году он впервые провел девальвацию валюты в своем королевстве: монеты изъяли, переплавили, а затем вновь пустили в оборот с тем же номиналом, но с меньшим содержанием серебра; таким образом король получил больше денег, не увеличив количества драгоценных металлов. Эта хитрость привела к нежелательным последствиям: новые монеты считались неполновесными, и началась инфляция¹⁶.

Сделавшись беднее, чем до войны, в 1299 году Филипп IV согласился приступить к мирным переговорам с Эдуардом I. Гарантией примирения должен был стать брак сестры Филиппа, Маргариты, с шестидесятилетним Эдуардом (чья первая жена, горячо

* Достоверных фактов об Уоллесе крайне мало. Точно неизвестно даже имя его отца и происхождение семьи. Год рождения (1270) определен предположительно. Предки Уоллеса были то ли мелкопоместными вассалами, то ли простыми арендаторами Стюартов. Сам Уоллес был возведен в рыцарское звание только после успешной кампании 1297 года. Считается, что он не мог достичь такого успеха, не имея некоторого военного опыта. Поскольку же на личной печати Уоллеса была изображена стрела, можно предположить, что он в качестве лучника участвовал в валлийских походах Эдуарда I — весьма неплохое начало карьеры для сына простого арендатора. Что касается жены героя, то в источниках называется даже ее полное имя («Мэрион Брейдфьюит, дочь сэра Хью де Брэйдфьюита, наследница Ламингтона») — но проверить эти сведения невозможно. (Прим. ред.)

любимая Элеонора Кастильская, умерла в 1290 году). Филипп IV был вдвое младше Эдуарда, а Маргарите едва исполнилось двадцать. Одновременно Филипп устроил помолвку своей пятилетней дочери Изабеллы с пятнадцатилетним принцем, будущим королем Эдуардом II Английским. В обмен на мир Филипп пообещал не оказывать больше никакой помощи шотландцам. Уоллес и его повстанцы остались одни, и Эдуард мог теперь заняться ими вплотную.

Глава 58

Второй Делийский султанат

Между 1287 и 1300 годами династия Хилджи захватывает престол Дели, и султан Ала ад-Дин отражает нападение монголов

В начале 1287 года умер султан Дели. Балбану было восемьдесят лет; он посвятил управлению Делийским султанатом половину своей жизни и двадцать лет провел в качестве коронованного султана, правой руки Аллаха.

Его любимый сын Мухаммад умер раньше него, а о своем втором сыне Бугра-хане он был низкого мнения и отправил с глаз долой наместником Бенгалии — восточной провинции в дельте Ганга. Но внуков своих Балбан вырастил при дворе. На смертном одре он приказал передать корону младшему ребенку, сыну покойного Мухаммада. Но вместо этого придворные возвели на престол его старшего внука Муизз ад-Дина, семнадцатилетнего сына Бугра-хана.

Государственный корабль Дели немедленно отклонился от курса. Как пишет Зиауддин Барани,

«Со дня смерти Балбана, отца своего народа, вся безопасность жизни и имущества была утрачена, и ни у кого не было уверенности в стабильности державы... Вожди и знать ссорились друг с другом; многие были убиты из-за подозрений и сомнений».

Четыре года правления Муизз ад-Дина фактически стали периодом междоусобицы; верховного властителя не было. Мальчик был добродушным и милосердным, утверждает Барани, но он вырос в строгости, всегда находясь под пристальным контролем учителей и стражников, ему не предоставляли свободу и не давали

развлекаться. Внезапно сделавшись султаном, он отреагировал, как любой подросток, вырвавшийся из-под замка и внезапно обретший крылья: «все, что он прочел, и услышал, и узнал, он немедленно забыл... и сразу предался удовольствиям и всевозможным развлечениям». Пока вожди и вельможи боролись за власть, Муизз ад-Дин выстроил для себя шикарный дворец с садом, пригласил друзей и проводил все свое время на пирхах¹.

Младший сын Балбана, Бугра-хан, правивший в Бенгалии, отказался подчиниться собственному сыну и провозгласил себя независимым султаном Гаура. Придворные тоже «наточили зубы в погоне за властью». Один из них, главный судья Низам ад-Дин придумал, как заставить Муизз ад-Дина устранить его соперников: он представился молодому султану, когда тот был пьян, и получил от него разрешение убивать любого, кого захочет. Одной из его первых жертв стал двоюродный брат Муизз ад-Дина, еще младенец. Затем последовали и многие другие, пока террор Низам ад-Дина не стал невыносимым. Один из придворных чиновников, усвоив правила игры главного судьи, убедил пьяного султана разрешить убийство Низам ад-Дина, после чего добавил яд в его вино².

Низам ад-Дин был безжалостен — но он также умел вести дела, и без него государственное управление совсем расстроилось. Султан поспешно отозвал одного из любимых рабов своего деда, Джалал ад-Дина Фируза Хилджи, с его должности правителя северного города Саманы, и поручил ему управление дворцовыми делами.

Джалал ад-Дин оказался настолько же эффективным и амбициозным, как и его предшественник. Вскоре молодого султана сразил таинственный паралич. Джалал ад-Дин обеспечил возведение на престол младенца-сына юноши в качестве нового султана, занял должность регента, а затем, с помощью своих сыновей, похитил младенца. В 1289 году он провозгласил себя султаном вместо ребенка. Барани не сообщает, что случилось с ребенком, который весьма удобным образом исчез*.

Это положило конец династии мамлюков Балбана и стало знаком рождения новой династии — Хилджи. Джалал ад-Дин был тюрком по происхождению, но семейство Хилджи за несколько поколений сблизилось с жителями Индии, и тюрки из Дели поначалу сопротивлялись его власти. Новый султан был вынужден разместить свою штаб-квартиру в Килу-Гхари, в нескольких милях от Дели, и в первые два года даже не пытался войти в столицу.

* Есть сведения, что и сын Муизз ад-Дина Кай-Кубада, и сам молодой султан были казнены по приказу Фируза Хилджи. (*Прим. ред.*)

Вместо этого он правил из пригорода, раздавал милостыню, собрал обширную армию, и в конце концов отправил своих сыновей с войском, чтобы устранить сопротивление в Дели перед его прибытием.

Его правление оказалось довольно коротким. Став султаном в возрасте более семидесяти лет, Джалал ад-Дин все еще проявлял энергичность, находчивость и осторожность, но не паранойю. Когда в его дворце был раскрыт заговор, он сжег предателей заживо и раздавил их предводителя слонем. Однако когда он получил доклад о том, что группа пьяных аристократов говорила «в свои кубки» о его убийстве, он попросту отметил: «люди часто выпивают слишком много и говорят глупости. Не докладывайте мне о пьяных историях»³.

Но он двигался к восьмидесяти годам и утерял хватку. Между тем, на престоле он находился без малейшей доли законности. И в итоге заговор созрел в стенах его собственного дома.

Главкомандующим войсками султана был его племянник Ала ад-Дин; Джалал ад-Дин привел мальчика в свой дом и женил на своей дочери. Он полностью доверял Ала ад-Дину, передал юноше власть над Карой, богатым городом недалеко к западу от Аллахабада, а также позволил ему оставить большую часть добычи и сокровищ, добытых при набегах на индуистские государства Деккана, расположенные в сухих землях к югу от реки Нармады. Без ведома своего дяди Ала ад-Дин накапливал эти сокровища и откладывал передачу принадлежавшей султану части, надеясь создать и вооружить собственную армию. Как говорит Барани, «с помощью Кары он собирался получить сам Дели»⁴.

Предупрежденный своими советниками о том, что Ала ад-Дин может планировать предательство, султан отказался слушать. «Что я сделал Ала ад-Дину, чтобы он отвернулся от меня?» — сказал он. Когда племянник вернулся из одного из своих набегов против богатого южного города Дэвагири, султан вышел встретить его в сопровождении небольшой свиты. Ала ад-Дин преклонил колени перед дядей в знак уважения, а султан приветственно поцеловал его и взял за руку. Но Ала ад-Дин приказал своим людям использовать этот знак привязанности в качестве сигнала к нападению. Один из них обнажил меч и ранил султана; когда старик попытался отступить к своим сопровождающим, второй охранник Ала ад-Дина обезглавил его. Люди султана тоже были убиты.

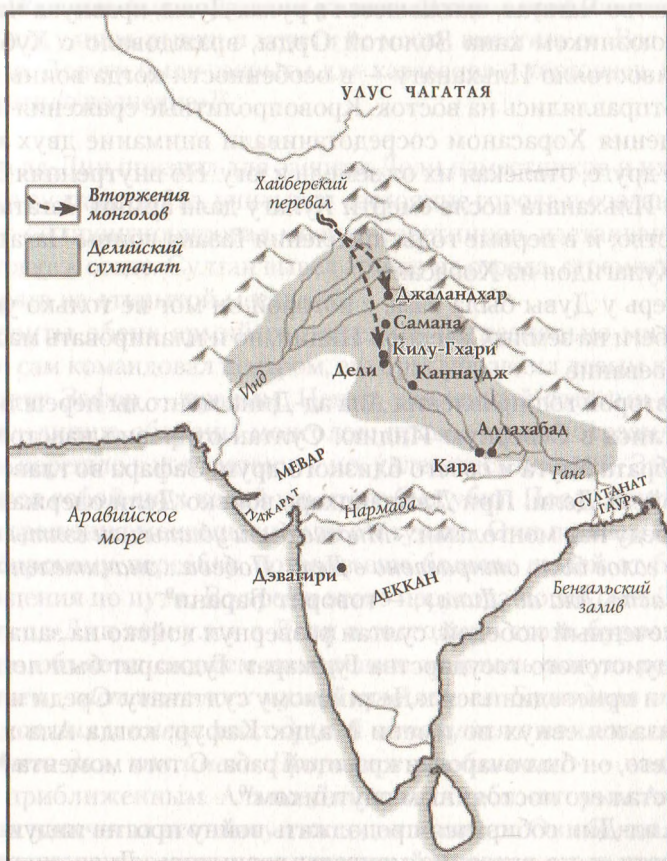
Ала ад-Дин вошел в Дели со своей армией и занял престол. Он сразу же начал раздавать должности и золото всем своим сторонникам: дары и почести обеспечили ему безопасность. Как пишет

Барани, «люди были настолько очарованы полученным золотом, что никто даже не упомянул об ужасном преступлении, совершенном султаном, и надежда на прибыль заглушила их мысли о чем-либо еще»⁵.

Голову дяди Ала ад-Дина насадили на пику и несли перед ним, когда он вступал в Дели. Так же, как и Михаил Палеолог в Константинополе, Ала ад-Дин приказал ослепить своего двоюродного брата, старшего сына Джалал ад-Дина, чтобы лишить его каких-либо претензий на престол⁶.

* * *

Ала ад-Дин едва закончил свой первый год правления, когда с гор пришли монголы.

Карта 58.1. Вторжение монголов в Дели

Вторжения монголов в Индию осуществлялись в течение десятилетий в виде набегов из Ильханата и земель Чагатая. Но ни одно из этих ханств не предприняло реальных усилий для завоевания Индии — они были слишком заняты войной друг с другом.

Ильханатом правил Газан, правнук Хулагу, основателя государства. Абага, сын и наследник Хулагу, придерживаясь давней монгольской традиции, умер от пьянства в 1282 году; двое его сыновей быстро захватили и потеряли власть, и в 1295 году ханом стал Газан — опытный и закаленный в битвах 24-летний воин. Как и его дед, он был врагом египетского султаната и Золотой Орды, земли которой лежали к северу от Черного моря; он стал союзником христиан, заключил союз с византийским императором Андроником II и поддерживал дружбу с дальним китайским ханством Хубилая⁷.

Ханство Чагатая, оказавшееся в руках Дувы, правнука Чагатая, было союзником хана Золотой Орды, враждовало с Хубилаем и противостояло Ильханату — в особенности когда воины Хулагидов отправлялись на восток. Кровавопролитные сражения за право владения Хорасаном сосредотачивали внимание двух ханств друг на друге, отвлекая их от земель к югу. Но внутренняя борьба за трон Ильханата после смерти Хулагу дала армии Чагатая преимущество, и в первые годы правления Газана воины Чагатая изгнали Хулагидов из Хорасана⁸.

Теперь у Дувы была база, с которой он мог не только устраивать набеги на земли Северной Индии, но и планировать масштабное завоевание.

Во второй год правления Ала ад-Дина монголы перешли горы и вторглись в Северную Индию. Султан отправил навстречу им своего брата Улуга и своего близкого друга Зафара во главе крупного войска Дели. При Джаландхаре войско Дели одержало легкую победу над монголами: *«Многие были убиты или взяты в плен, и много голов было отправлено в Дели. Победа... значительно укрепила власть Ала ад-Дина»*, — говорит Барани⁹.

Увлеченный победой, султан развернул войско на запад, против индуистского государства Гуджарат. Гуджарат был легко повержен и присоединился к Делийскому султанату. Среди пленников оказался евнух по имени Малик Кафур; когда Ала ад-Дин увидел его, он был очарован красотой раба. С того момента Малик Кафур стал его постоянным спутником¹⁰.

Ала ад-Дин собирался продолжать войну против индуистских государств — но внезапно монголы вернулись. Дува, новый хан улуса Чагатая, проверив силу врага, подготовил теперь полномас-

штабное вторжение. В 1299 году он отправил в Индию войско под командованием своего сына. По размерам оно было значительно больше армии 1296 года — современники утверждали, что в нем насчитывалось 200 тысяч всадников. Вместо разбойничьих налетов и борьбы с пограничными крепостями это войско, миновав все укрепления между горами и Дели, двинулось напрямик к столице¹¹.

Север страны охватила паника. Крестьяне, оказавшиеся на пути монголов, покидали свои дома и поля. Они бежали в Дели — но выяснилось, что город был в слишком плохом состоянии для того, чтобы укрыть всех беженцев.

«Старые укрепления не ремонтировались, и людей охватывал ужас, который ранее и представить нельзя было. Все люди, великие и малые, были охвачены ужасом. В город прибыла такая толпа, что улицы, рынки и мечети не могли вместить ее. Все вздорожало. Дороги были закрыты для караванов и торговцев, и народ охватило волнение»¹².

Ала ад-Дин призвал для защиты Дели наместников и их армии со всего султаната. Но, учитывая состояние города и создавшуюся панику, он проигнорировал мнение советников, настаивавших на подготовке к осаде. Султан вывел армию из города, стремясь встретить врага на открытой местности.

Фронты обеих армий растянулись на несколько миль. Ала ад-Дин сам командовал центром, его брат управлял левым крылом, а его друг Зафар — правым. Центр, усиленный сотнями слонов, прорвал линию обороны монголов; правое крыло отразило удар врага и перешло в контратаку — но, увлекшись погоней, Зафар потерял под собой двух коней и в итоге был убит. После почти целого дня сражения монголы начали отступать. Они прошли обратно к Хайберскому перевалу, потеряв еще больше людей от болезни и истощения по пути. Во время этого перехода погиб сын Дувы.

Ала ад-Дин вернулся в Дели в состоянии столь бурной радости, что объявил о своем намерении основать новую религию. *«Мой меч... заставит всех мужей принять ее. Благодаря этой религии мое имя и имена моих друзей останутся в памяти людей до последнего дня, как имена Пророка и его близких!»* — заявил он своим приближенным. Ала ад-Дин назвал себя «вторым Александром» и напечатал этот титул на своих монетах. Он объявил о своем намерении завоевать весь известный мир, как сделал это Александр Македонский¹³.

Хронологическая таблица 58

Уэльс	Англия	Шотландия	Северная Индия	Монголы
Дафидд ап Ливеллин (1240–1246)			Бахрам (1240–1242)	Разорение Москвы (1237) Завоевание Тбилиси (1237)
			Монголы разоряют Лахор (1241)	Битва при Легнице (9 апреля 1241 г.) Битва на р. Шайо (11 апреля 1241 г.)
			Масруд (1242–1246)	Смерть Угэдэя (1242)
			Дэва завоевывает Лакнаур (1243)	
	Генрих III захватывает Перфедд-влад (1247)	Александр III (1249–1286)	Насируддин (1246–1266) Балбан как визирь	Гуюк (1246–1248)
Ливеллин ап Грифид (1255–1282)	Эдмунд претендует на Сицилию (1253)			Мункэ (1251–1259)
	Оксфордские провизии (1258)		Дели атакует монголов	Завоевание Нанчао (1253) Уничтожение ассасинов (1256) Вторжение в Дайвьет (1257)
				Капитуляция Коре (1259) Завоевание Багдада (1259)
			Дели завоевывает Мевар (1260)	Завоевание Дамаска и Алеппо (1260) Ариг-Буга (1260–1264) Хубилай (1260–1294)
				Разделение Монгольской империи

Уэльс	Англия	Шотландия	Северная Италия	Монголы
	Вторая баронская война (1264–1267)		Балбан (1266–1287)	Абага (1265–1282)
				Марко Поло посещает Дадугу (1270)
	Эдуард I (1272–1307)			Завоевание Сян-яна (1273)
				Сдача Сун Гуна (1276)
				Конец Южной Сун (1279)
				Неудачное вторжение в Японию (1281)
Восстание Дафидда ап Грифида (1282)				Смерть Абаги (1282) Дува (1282–1307)
Рудланский статут (1284)				Подчинение Джаявармана VIII (1283)
		Биргемский договор (1289)	Муизз ад-Дин (1287–1290)	Бугра-хан — султан Гаура (1287–1291)
	Смерть Маргарет (1290) Джон Баллиол (1292–1296)		Джалал ад-Дин (1290–1296) Династия Хилджи (1290–1320)	
		Парижский договор (1295)		Газан (1295–1304)
		Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)	Ала ад-Дин (1296–1316)	
		Битва на Стирлингском мосту (1297)	Монголы нападают на Дели (1299)	

Но султан учитывал возможность возвращения монголов и решил, что защита Дели требует большой постоянной армии. Один из его историков отмечает, что султан собирал войска, пока численность его кавалерии не составила 475 000 человек. В отличие от многих правителей этой эпохи он регулярно платил жалованье своим солдатам — а чтобы они могли с комфортом жить на полученные деньги, ввел фиксированные цены на рынках Дели. Государство контролировало максимальную стоимость зерна, фруктов, сахара, масла, даже обуви и плащей. Торговцев, которые попадались на взвинчивании цен, арестовывали; если преступление было доказано, виновнику грозило суровое наказание — ему отрезали часть тела, равную по весу товару, проданному по ложной цене.

Чтобы направить средства на оборону, Ала ад-Дин также ограничил своих аристократов в роскоши. Теперь любой, кто хотел устроить большой пир или сделать крупную покупку, должен был получить (за деньги) разрешение у контролера рынка — эта новая должность была введена султаном. Ала ад-Дин отремонтировал все приграничные крепости, поставил в них хорошо обученные гарнизоны, приказал клеймить армейских лошадей — чтобы предотвратить их кражу или недозволенную продажу. Он учредил систему осведомителей, чтобы иметь информацию о перемещениях монголов, об уровне подготовки командиров крепостей, о недовольстве солдат и о возможных восстаниях. К концу XIII столетия монгольская угроза помогла превратить Делийский султанат в одну из наиболее эффективных, жестко контролируемых и могущественных империй в мире¹⁴.

Глава 59

Конец всевластия пап

Между 1301 и 1317 годами папа Бонифаций VIII уничтожает тамплиеров, приводит в ярость короля Франции и отправляет папство в изгнание

На переломе столетий папа Бонифаций VIII предпринял серьезную попытку восстановить былое могущество папства — то могущество, которым обладали папы во времена Иннокентия IV, более пятидесяти лет назад.

Но теперь стало очевидно, что Иннокентий, решая свои насущные задачи, невольно поставил предел власти наместников свято-

го Петра. Он отлучил от церкви Фридриха II, поощрял гражданскую войну в Священной Римской империи, способствовал расколу между Германией, Сицилией и Италией. Но тем самым он лишил папство сильнейшего из потенциальных союзников — императора Священной Римской империи, способного защитить интересы Церкви во всех этих странах. Теперь императора не было вообще. Сицилией управлял Хайме Арагонский; Южной Италией, «королевством Неаполитанским», — Карл Хромой, сын Карла Анжуйского; Германией — Альбрехт, сын Рудольфа Габсбурга. На троне Людовика IX сидел Филипп IV, прозванный «Филиппом Красивым» за красивую внешность; он гораздо менее благоволил привилегиям Церкви, чем его набожный дед.

В этих условиях ряд североитальянских городов был втянут в длительный и сложный конфликт между двумя политическими партиями — *гвельфами* и *гибеллинами*. Борьба эта началась еще в XII веке; первоначально противостояние шло между сторонниками двух соперничающих кандидатов на титул императора Священной Римской империи: Конрада Гогенштауфена (гибеллины) и Генриха Льва (гвельфы)*. Гогенштауфенам удалось заполучить титул — а это означало, что в Италии их сторонники гибеллины отстаивали право империи на власть над вечно бунтующими ломбардскими землями.

Столетие спустя и гибеллины, и гвельфы успели позабыть о своих про- и антиимперских пристрастиях. Но сами партии и враждебность между ними сохранились; теперь поводом для распри стал контроль над итальянскими городами к северу от Папской области. Никакого отношения к судьбам империи их борьба уже не имела: ставкой в ней были порты, торговые привилегии и налоговые льготы. Как всякая политическая партия, сумевшая просуществовать полтора столетия, гвельфы и гибеллины создали собственную культуру и образ жизни, забыв о своем первоначальном предназначении¹.

* Политическое течение, противостоявшее притязаниям императоров на власть в Италии, было названо по имени германо-итальянского дома Вельфов — гвельфами. Но противником Конрада Гогенштауфена (1093–1152) в этот момент был Лотарь Саксонский (1074–1137) — который не принадлежал к династии Вельфов. Сами Вельфы являлись ветвью итальянского дома Эсте, в силу того, что Аццо II д'Эсте (1021–1097) женился на дочери Вельфа II. Их сын, Вельф IV, стал родоначальником новой династии. Упомянутый Генрих Лев (1129–1195) был внуком Лотаря по линии матери и правнуком Аццо по отцу, но борьба партий началась еще до его рождения. (Прим. ред.)

Бонифацию VIII приходилось иметь дело со всеми противоборствующими силами, окружавшими его; эта задача была куда сложнее, чем просто взаимодействие с императорами Священной Римской империи, как у пап предыдущего периода. В Северной Италии папа решил опираться на гвельфов. Упорная и длительная борьба семейств гвельфов и гибеллинов (Канцельери и Панчиатики) переросла в еще более кровавый внутренний конфликт в самой партии гвельфов. Теперь уже две ветви рода Канцельери, «*Bianchi*» и «*Neri*» («белые» и «черные» гвельфы) яростно сражались друг с другом*. Не будучи в силах утихомирить оба клана, Бонифаций VIII пригласил Карла Валуа, младшего брата Филиппа IV, явиться в Италию и положить конец распре.

Карл прибыл в Северную Италию как раз в начале столетия; по словам Джованни Виллани, его воодушевила «надежда стать императором, поскольку это обещал ему папа». Его войско расположилось вокруг Флоренции, где война белых и черных создала невыносимую обстановку. Французский принц договорился с черными гвельфами, и в ноябре 1301 года, с одобрения папы, солдаты Карла Валуа помогли черным в решительном наступлении на их противников во Флоренции. Их целью было завершить конфликт, разделившись как с белыми гвельфами, так и с гибеллинами. Шесть дней они грабили и жгли, громили лавки и убивали сторонников белых. Великий поэт Данте Алигьери, приверженец белых гвельфов, потерял дом и все имущество и был вынужден бежать из города; остаток жизни он провел в изгнании. Не удивительно его гневное обращение к Карлу в «Божественной комедии»:²

Не землю он, а только грех и стыд
Приобретет, тем горший в час расплаты,
Что этот груз его не тяготит**

Карл злоупотребил поручением папы — «зачистка» Флоренции получилась куда более кровавой, чем рассчитывал Бонифаций. Король Филипп тоже был недоволен братом: у него кончились

* Конфликт между «черными» и «белыми» гвельфами никогда не был узкосемейным. Личные ссоры усугубляли его, но не создавали. Белые гвельфы были умеренными, склонными к примирению с гибеллинами, во главе их стоял Вьери де Черки, представлявший интересы верхушки торгово-ремесленных слоев Флоренции. Черные гвельфы — радикалы, во главе с Корсо Донати, опирались на городской нобилитет города и ярых сторонников папы римского. К «черным» также примкнули «тощие пополаны», беднота, враждебная торгово-ремесленной элите Флорентийской республики. (Прим. ред.)

** Песнь 20, перевод М. Лозинского. (Прим. ред.)

деньги, и Карлу пришлось вскоре возвратиться во Францию. Так или иначе, задание Бонифация было выполнено, и на некоторое время междоусобица в Северной Италии утихла.

Тем временем Бонифаций столкнулся с Филиппом IV по другому поводу. Филипп Красивый обложил налогом все церкви своего королевства, чтобы возместить расходы на бесконечные войны. Правда, он заключил непрочный мир с Эдуардом Английским — но война с графом Фландрским продолжалась. Она была весьма дорогостоящей, поэтому Филипп отказался прислушаться к протестам Бонифация. Он также настаивал на своем праве предавать клириков королевскому суду и контролировать назначение священников на должности в соборах: эти давние поводы для раздоров между королями и папой все еще не потеряли актуальности.

В декабре 1301 года Бонифаций направил королю послание, названное по первым словам «*Ausculta fili*» («Внемли, сын»), в котором повторял аргументы своих могущественных предшественников, начиная от Григория Великого:

«Господь поставил нас над государями и государствами... [Не] позволяй никому убедить себя в том, что нет высшего над тобою, что ты не подвластен главе церковной иерархии... Наши предшественники низложили трех королей Франции... и хотя мы недостойны даже ступать по следам оных предшественников, если некий король совершит те же преступления, что и другие до него, либо еще худшие, мы низложим его как негодного слугу, с печалью и превеликим огорчением».

Филипп IV прочел письмо — и бросил его в огонь³.

Этот жест поставил Филиппа под прямую угрозу отлучения; чтобы предотвратить неизбежно негативную реакцию общества, он сделал все возможное для сплочения своих сторонников. В апреле 1302 года он созвал в Париж представителей двух наиболее влиятельных групп в стране: крупнейших феодалов Франции и высших клириков. К ним впервые присоединилось третье сословие — «выборные от добрых горожан»: бургомистры, именитые горожане, зажиточные купцы из важнейших городов. Все собравшиеся единодушно согласились, что Бонифаций не прав, и поступок Филиппа был полностью одобрен⁴.

Одновременно с этими событиями разгоралась война во Фландрии. 11 июля 1302 года возле городка Куртрэ большая французская армия под командой прославленного Робера д'Артуа сошлась

с отрядами фламандских пехотинцев — и потерпела сокрушительное поражение. Поле боя, пересеченное рвами, загодя вырытыми фламандцами, стало ловушкой для французской конницы. Лошади спотыкались, падали в заполненные водой траншеи и сбрасывали седоков, а фламандцы методично добивали их. Командир ополчения, Ги де Намюр, приказал: «Убивайте всех, кто носит шпоры!»*

Через три часа «цвету французского рыцарства», элитной коннице, пришел конец. Погиб и сам Робер д'Артуа. После боя местные крестьяне очистили поле битвы, в частности, они сняли с убитых золотые шпоры — знак принадлежности к высшей аристократии. Более пятисот пар таких шпор принесли в Куртрэ и повесили в тамошней церкви Богоматери как трофеи⁵.

Осенью того же года Бонифаций прислал королю новое письмо, еще более угрожающее: *«Если власть преходящая заблуждается, она подлежит суду власти духовной... но если высшая духовная власть совершит ошибку, судить ее дано не людям, а одному лишь Богу»*. Папа мог осудить Филиппа — но Филипп не мог с ним расчитаться⁶.

Филиппа эта ситуация не устраивала. Когда осенью 1303 года Бонифаций наконец произнес формулу отлучения, король поручил Гильому де Ногарэ, своему хранителю печати, выкрасть папу из Ананьи. Люди Ногарэ ворвались в резиденцию понтифика в ночь на 7 сентября, за двенадцать часов до того, как Бонифаций должен был подписать буллу о низложении Филиппа, и увезли папу в ближайший замок⁷.

Вероятно, они рассчитывали заставить его отменить интердикт — но через три дня Бонифация VIII выручила группа его друзей из Рима. Папу увезли в Ватикан, где он и умер от последствий пережитого стресса месяц спустя, в возрасте шестидесяти восьми лет⁸.

С ним умер и древний идеал единовластия пап — духовных владык, стоящих выше закона Церкви. Бонифаций попытался вер-

* У французов было 2500 человек рыцарской конницы и 5500 человек пехоты. Фламандское войско состояло из хорошо экипированных и обученных ополчений нескольких городов: Брюгге, Ипра, Гента и других, общей численностью около 9000 человек. Все эти отряды 26 июня подошли к Куртрэ, и в начале июля под командой Ги де Намюра (1272–1311), сына графа Фландрского, захватили город и осадили замок, где укрылся большой французский гарнизон. До прихода французского войска фламандцы успели вырыть траншеи, заполненные водой, и подготовить замаскированные ловушки на поле боя, ограниченном рекой и несколькими ручьями. (Прим. ред.)

путь ту власть, которая когда-то принадлежала империи, но потерпел неудачу. Его преемник, Бенедикт XI, правил всего несколько месяцев; затем последовали длительные пререкания между французскими и итальянскими кардиналами, а папский престол оставался пустым.

У Филиппа же дела пошли в гору: он одержал ряд побед во Фландрии. Весной 1305 года ему удалось принудить фламандцев к сдаче на унижительных для них условиях. Одолев Фландрию, одолев папу, Филипп теперь мог доходчиво объяснить кардиналам, что лично ему в качестве преемника Бенедикта подходит француз Бертран, архиепископ Бордо.

Соответственно, Бертран и был избран 5 июня 1305 года. На церемонии в Лионе его объявили папой Климентом V, но поселился он не в Риме, а в Авиньоне: хотя формально этот город принадлежал Карлу Хрому, фактически его контролировал король Франции. В течение следующих семидесяти лет папство пребывало вне Рима, в руках французов. Так началось «авиньонское пленение пап». В благодарность за поддержку новый папа отменил отлучение Филиппа и пообещал отдавать ему десятину со всех церковных доходов⁹.

Филипп Красивый получил свою десятину и продолжил выколачивать деньги для оплаты военных долгов, не встречая возражений со стороны папы. В 1306 году он приказал изгнать из Франции всех евреев, чтобы конфисковать их имущество. На следующий год он надумал поживиться за счет тамплиеров — богатейшего рыцарского ордена Европы.

До тех пор тамплиеры были подотчетны только папе. Но Климент V, послушный Филиппу как комнатная собачка, быстро согласился лишить их своей защиты. Как только это было сделано, Филипп разослал во все концы Франции письма с приказом арестовать тамплиеров по обвинению в идолопоклонстве и прочих оккультных грехах. Они подлежали суду как еретики: *«Вы будете содержать их под стражей, ибо они должны предстать перед церковным судом, вы подвергнете аресту все их имущество, движимое и недвижимое, и обеспечите надежную охрану оною от нашего имени»*, — писал король главному инквизитору Парижа¹⁰.

Упомянутое имущество включало огромные сокровища, которые хранились в командорстве тамплиеров, — крепости за стенами Парижа. Инквизитор разослал по всей стране своих агентов, и повсюду тамплиеров внезапно арестовали и отправили в тюрьмы. Среди задержанных был и великий магистр ордена Жак де Моле.

Шестидесятилетний старик, страдая от жестоких условий заключения, от голода, под угрозой пытки признался, что за сорок два года до того, при поступлении в орден тамплиеров, от него потребовали плюнуть на крест и отрицать божественность Христа — и он это сделал, хотя и «против своего сердца»¹¹.

Впоследствии де Моле отказался от этих признаний, но уже ничего исправить было нельзя. Используя показания Великого магистра, следователи убедили других тамплиеров признаться в идолопоклонстве и всевозможных кощунствах, включая применение черной магии и ритуальную содомию*. В 1310 году Филипп IV приказал сжечь 54 тамплиера за стенами Парижа; 24 марта 1312 года Климент V официально распустил орден «с горечью и печалью душевной... сим декретом, неизменным и данным на веки веков». В 1314 году престарелого Великого магистра вывели из тюремной камеры и сожгли на островке посреди Сены¹².

Тем временем Климент V продолжал угождать королю. В 1308 году был убит Альбрехт I Габсбург; германские князья избрали новым королем Германии Генриха Люксембургского; он стал известен как Генрих VII. Этот король был воспитан во Франции; в рыцари его посвятил сам Филипп IV. У Генриха была мечта стать императором Священной Римской империи, и Климент V обеспечил ему этот титул. Сам он побоялся приехать в Рим, но направил туда кардиналов, которые могли короновать Генриха.

Чтобы достичь заветной цели, Генриху пришлось проделать долгое путешествие на юг; он вступил в пределы Италии осенью 1310 года. Там его приветствовали гибеллины. Гвельфы, доминировавшие во Флоренции благодаря поддержке «черных» Карлом Валуа, убедили гвельфов по всей Северной Италии препятствовать приезду Генриха. *«Флорентийцы, а также жители Болоньи, Лукки, Сиены, Пистойи, равно как и Вольтерры, и прочих гвельфских городов... собрались на совет и заключили договор, и создали союз рыцарей, и поклялись защищать друг друга и противиться императору»* — пишет Виллани¹³.

* Большинство недвижимости Ордена храма досталось госпитальерам, а пресловутые «сокровища» были сразу конфискованы в пользу короля — причем их оказалось меньше, чем рассчитывал Филипп, так как дела ордена последнее время шли плохо. Папа Климент V пытался проявить самостоятельность, создал собственную следственную комиссию, которой почти все опрошенные храмовники заявили, что их признания сделаны под пытками, и отреклись от них. Король настоял на том, что отрекшиеся от насильственных признаний «вторично впали в ересь» — именно за это они и были казнены. (Прим. ред.)

Карта 59.1. Расколотая империя

Генрих, надеясь заполучить всю территорию бывшей империи, провел почти все лето 1311 года, осаждая мятежную Брешию. В сентябре город наконец капитулировал. Генуя, относившаяся к императорам индифферентно, быстро согласилась дать Генриху клятву верности на 25 лет; Пиза, традиционно стоявшая за императоров, сразу стала на сторону Генриха, снабдила его отрядом из шестисот лучников и выделила тридцать судов для перевозки его войска до Рима по реке.

Генрих решил, что на данный момент побед с него достаточно, и отправился на коронацию. Однако римляне отнюдь не были рады его видеть и закрыли перед ним ворота. Генрих был вынужден про-

Хронологическая таблица 59

Франция	Папство	Италия	Арагон	Священная Римская империя и Германия	Византия	Монголы
Движение «папушков» (1251)	«Ad extirpanda» (1252)					Мункэ (1251–1259)
				Оттокар II Богемский (1253–1278)		Завоевание Нанчжао (1253)
Людвиг IX возвращается во Францию (1254)	Александр IV (1254–1261)			Смерть Конрада IV (1254)		Разгром ассасинов (1256)
		Манфред Сицилийский (1258–1266)				Вторжение в Дайвьет (1257)
						Капитуляция Коре (1259) Завоевание Багдада (1259)
	Урбан IV (1261–1264)					Завоевание Дамаска и Алеппо (1260) Ариг-Буга (1260–1264) Хубилай (1260–1294)
					Михаил VIII Палеолог (1261–1282)	Раскол Монгольской империи

Франция	Папство	Италия	Арагон	Самостоятельная Римская империя и Германия	Византизм	Монголы
	Климент IV (1265–1268)	Карл Анжуйский, король Сицилии (1266–1282)				Абага (1265–1282)
		Битва при Тальякоццо (1268)				
Филипп III (1270–1285)	Григорий X (1271–1276)	Казнь Конрадина (1269)		Восьмой кресто- вый поход (1270) Девятый кресто- вый поход (1271–1272)		Марко Поло посещает Даду (1270)
Лионский собор (1274)			Педро III Арагонский (1276–1285)	Рудольф Герман- ский (1273–1291)		Завоевание Сян-яна (1273)
	Николай III (1277–1280)					Слача Сун Гуна (1276)
	Мартин IV (1281–1285)					Конец Южной Сун (1279)
		Сицилийская вечерня (1282)			Андроник II (1282–1328)	Смерть Абаги Дува (1282–1307)
		Карл Хромой (1282–1285)	Альфонсо III Арагонский (1285–1291)			
Филипп IV (1285–1314)	Гонорий IV (1285–1287)	Хайме II Сици- лийский (1285–1296)				

Франция	Папство	Италия	Арагон	Священная Римская империя и Германия	Византия	Монголы
	Николай IV (1288–1292)					
Первая девальвация французской валюты	Бонифаций VIII (1294–1303)					Газан (1295–1304)
				Альбрехт Германский (1298–1308)		
Битва при Куртрэ (1302)	«Ausculca fili» (1301)	Разорение Флоренции (1301)				
	Похищение Бонифация VIII (1303) Бенедикт XI (1303–1304)			Генрих VII Германский (1303–1313)		
Уничтожение тамплиеров (1312)	Климент V (1305–1314)	Роберт Неаполитанский (1309–1343)		Генрих VII (1312–1313)		
Людовик X (1314–1316)				Начало гражданской войны в Германии (1313)		
Филипп V (1316–1322)						

нести коронацию в церкви Сан Джованни Латерано, вне пределов города. Как только церемония завершилась, — это было 29 июня 1312 года, — Генрих отправился обратно на север. Он намеревался поставить на колени оплот сопротивления — Флоренцию¹⁴.

Осада Флоренции началась в сентябре. Но город держался крепко, и в январе Генрих решил временно прекратить кампанию. Он ушел с войском в Пизу на отдых, одновременно запросив из Германии подкреплений.

Новые полки прибыли только к июлю: к этому времени Генрих уже серьезно страдал от малярийной лихорадки, которая началась у него еще предыдущей осенью. Он умер 24 августа 1313 года, проведя почти все свое царствование, за исключением лишь нескольких месяцев, вне пределов Германии¹⁵.

Германские князья собрались избирать нового короля — и немедленно раскололись на два лагеря. Одновременно были выдвинуты два кандидата: Людвиг Баварский и Фридрих Австрийский. Очень скоро вспыхнула гражданская война, а поскольку оба соперника были равны по числу сторонников, по размерам владений и численности войск, то запала хватило на целых десять лет.

Устав от требований Филиппа IV, лишившийся поддержки в Германии, Климент пошел на сближение с единственным государем в Италии, сохранившим сильную власть, — королем Неаполя. Карл Хромой умер за четыре года до того, в 1309 году, и Южной Италией правил теперь его сын Робер. Климент предложил Роберу пост наместника Италии, который предоставлял ему возможность править северными областями, хотя и при формальном подчинении папе. Для Робера это было выгодно, так как удваивало размеры его королевства; выгодно было и Клименту, поскольку Робер был обязан ему верностью за эту услугу¹⁶.

Этот ход стал последним в игре Климента. Он умер 20 апреля 1314 года в возрасте пятидесяти лет от болезни, которая вызвала язву у него на ногах. Тело перевезли в Узесте, где папа хотел быть похороненным, и приготовили к торжественному погребению. Внезапно, по словам итальянского хрониста Аньоло ди Тура, в помещении случился пожар, и нижняя часть тела сгорела. Было то брутальной шуткой судьбы или всего лишь народной легендой? Так или иначе, этой историей завершилась жизнь папы, чье катастрофическое правление погубило тамплиеров и привело папство к изгнанию¹⁷.

Семь месяцев спустя король Франции отправился охотиться на кабанов в лес Фонтенбло. Его лошадь споткнулась и упала, при-

чинив ему настолько серьезные травмы, что через несколько дней Филипп скончался. Ему было 46 лет. Новым королем Франции стал его старший сын Людовик, которому уже досталась корона Наварры после смерти в 1305 году его матери, королевы Жанны.

Однако ему довелось править всего полтора года — будучи двадцати семи лет от роду, он внезапно умер. В тот момент вторая жена Людовика вот-вот должна была родить, и королевский совет постановил считать его младшего брата Филиппа регентом в ожидании появления наследника. 15 ноября наследник родился — но прожил он всего шесть дней.

От первого брака у Людовика X осталась дочь, принцесса Жанна. Ее родственники попытались доказать, что именно она, как прямой потомок старшего сына, должна стать королевой Франции. Филипп тут же прибег к помощи законовевов, которые сумели выудить из архивов закон, много веков назад существовавший у варваров, салических франков. Те же законовевы убедительно доказали, что кодекс салического права всегда был неотъемлемой частью законов Франции — а поскольку по нему женщины не имели права наследовать власть, принцесса Жанна могла унаследовать от отца только корону Наварры. Французский трон должен был перейти к ближайшему родственнику по мужской линии — брату Людовика.

Французская знать в большинстве своем предпочитала в качестве сюзерена взрослого мужчину маленькой девочке. Филипп V было коронован 9 января 1317 года. Это была его личная победа — но последствия ее сотрясали Францию на протяжении следующих ста лет¹⁸.

Глава 60

Появление османов

В период с 1302 до 1347 года в Малой Азии появляются турки-османы, в Константинополь прибывает Каталанская компания, а императоры Византии приходят в состояние постоянной войны

Андроник II, второй император восстановленной Византии, столкнулся с новым мятежом. Пятью или шестью годами ранее его воцарения внезапно взбунтовался город Сегют. Она распо-

лагался в землях тюркского султаната Рум — но со времен его завоевания монголами в 1243 году султанат существовал только на словах, его султан был номинальным, реальной властью здесь обладали визири Ильханата. Однако постепенно среди тюрков Рума началось брожение.

Рум был родиной калейдоскопа тюркских племенных союзов: Эскендерум, Эскишехир, Кониали, — и все они были возможными соперниками для власти хулагидов. Сегют, находившийся в центре этих трех племенных территорий, являлся родиной небольшого тюркского племени, возглавляемого вождем Османом. И вскоре после 1290 года Осман внезапно начал завоевательные походы.

Письменной истории племени Османа, хотя бы близкой к годам его жизни, не существует; нет даже точной информации о том, были ли жители Сегюта в последнем десятилетии XIII века мусульманами. Но в более поздних легендах говорится о сне, который увидел Осман — об огромном дереве, тень от которого закрывала весь мир: Тигр, Евфрат, Нил и Дунай текли из-под его корней; под его ветвями прорастали тысячи городов, заполненных минаретами, куда правоверные приходили молиться; листья дерева были лезвиями мечей, и ветер, дувший на них, направлял их в сторону Константинополя, который лежал вдали «как бриллиант... драгоценный камень в кольце огромных владений, которые охватывали весь мир»¹.

С самого начала его завоеваний было ясно, что Осман положил глаз на Константинополь. Он покорил близлежащую сельскую местность, затем завоевал земли Эскендерума на севере, захватил территорию около Евфрата и Пергама, вторгся во Фригию. Газан, правитель Ильханата, занятый войной с династией Бахритов в Египте и озабоченный их стремлением к расширению, по-видимому, не обратил особого внимания на события к югу от Черного моря.

Говоря по справедливости, активность тюрков в Малой Азии не была чем-то новым и выдающимся; по словам хрониста Георгия Пахимера, турки буйствовали на границах Ильханата уже в течение десятилетий, опустошая земли между побережьем Черного моря и островом Родос на юге. Монгольские ханы обычно игнорировали тюрков, пока те не выходили за пределы племенных земель².

Но император Андроник не мог себе это позволить. Когда Осман встретился с войском Византии в Бафее, близ Никеи, и заставил византийцев отступить, Андроник обеспокоился. Он отправил

в Малую Азию своего сына и соимператора, 25-летнего Михаила IX, дав ему более крупное войско. Но обнаружилось, что войско Михаила все равно настолько проигрывает по численности противнику, что он отступил, не приняв бой. Для империи это стало неприятным предвестием. Натиск тюрок двумя столетиями ранее привел к началу Первого крестового похода, когда испуганный Алексей Комнин обратился к папе за помощью. Андроник II не совершил ту же ошибку. Вместо просьб о помощи он нанял помощников.

Капитаном наемников, согласившимся сражаться с тюрками, был Рожер де Флор, рыцарь-тамплиер, который (к счастью для него) был изгнан из ордена великим магистром Жаком де Моле за пиратство. Он собрал команду под названием «Каталанская компания», состоявшую преимущественно из арагонцев и выходцев из подконтрольного Арагону графства Каталония на восточном побережье Испании. Он только что отработал по найму у Хайме Арагонского, оказался не у дел и ожидал следующего выгодного приключения.

Рожер де Флор прибыл в сентябре 1302 года на генуэзских кораблях (он обманул их строителей, сделав Геную своим врагом) и восемью тысячами наемников (по пути они задержались, чтобы ограбить венецианский остров Кеос, сделав Венецию своим врагом). Высадившись в Малой Азии, Каталанская компания атаковала османские территории, причиняя местным тюркам значительный вред. Но Рожер де Флор продемонстрировал, что попутно готов ограбить и любое христианское поселение. Андроник многократно пожалел, что пригласил его — особенно когда Рожер де Флор потребовал больше денег и начал нападать на территорию Византии, не получив желаемого³.

Зимой 1304 года Каталанская компания отступила в Галлиполи, чтобы переждать холода. Пока солдаты находились там, Андроник нанял второй отряд наемных солдат — чтобы подстеречь Рожера де Флора во время запланированного визита к Михаилу IX в Адрианополе и убить его. В апреле 1305 года этот план удалось осуществить: по описанию Рамона Мунтанера, одного из наемников Каталанской компании, убийцы перебили Рожера де Флора «и всех, кто пришел... не более трех человек спаслись бегством». В то же время войско Византии взяло в осаду оставшуюся часть Каталанской компании в Галлиполи. *«Таким образом, они подстерегли нас, когда мы ослабили бдительность, и... убили более тысячи человек... Мы договорились... бросить вызов [императору] и свергнуть*

Карта 60.1. Османское вторжение

его за предательство и за то, что он сделал с нами», — пишет Мунтнер⁴.

Каталанская компания нанесла ответный удар, и ослабленной армии Андроника пришлось выдержать две отдельные кампании: одну вел против Компании его сын Михаил IX; другая велась в Малой Азии, против Османа. Поэтому император обратился за помощью к Ильханату, который пока не обращал особого внимания на Османа и его турков.

Хан Газан умер в 1304 году, не оставив наследников, правление страной он передал своему брату Олджейту. Андроник II предложил Олджейту в жены одну из своих дочерей в обмен на войска для войны с людьми Османа. Тот согласился. В 1308 году 30-тысячное войско Ильханата выступило против турок. Хотя хулагиды одержали победу, продвижение Османа не замедлилось. Он взял Эфес, вышел на побережье и совершил рейд против Родоса.

Лишь в 1315 году Каталанская компания покинула Галлиполи. «Мы находились в этой области [более] семи лет, и там ничего не осталось... мы совершили десять походов по всем направлениям, и этот край обезлюдел; мы разорили все население, так что взять

с них было нечего. Поэтому мы были вынуждены покинуть эту страну», — пишет Мунтанер. Наемники отправились в поисках других войн, оставив Михаила IX в покое — но деморализованного из-за того, что он не смог победить их⁵.

Михаил страдал от неизвестной болезни — возможно, усугубленной депрессией. В 1320 году он умер, оставив на престоле отца и своего 23-летнего сына Андроника III, который несколькими годами ранее был коронован как соимператор чтобы обеспечить преемственность власти. К сожалению, Андроник III погряз во всевозможных скандалах, в основном касавшихся азартных игр, проституток и горячительных напитков, и это все сильнее раздражало его деда. Незадолго до смерти Михаила IX молодой император, будучи женат, поверг свою семью в ужас, наняв убийц для преследования одной из своих любовниц, которую он подозревал в измене. Но хуже всего — он заказал убийство человека, с которым она спала. А это оказался сводный брат Андроника, Мануил, один из сыновей Михаила IX от второго брака. Он был убит ночью на улице Константинополя⁶.

Император поспешно лишил внука наследства; молодой Андроник, в свою очередь, объявил деду войну. Он собрал вокруг себя группу недовольных людей своего возраста; мятежники обосновались во Фракии. На смену проблеме наемников пришла гражданская война.

Тем временем за семь лет византийское войско не достигло особых успехов в отвоевании своих территорий у османов. Впрочем, и сам Осман не продвигался дальше — возможно, чувствуя предел своей силы. Его народ, турки, оставались на месте вплоть до его смерти в 1327 году, когда он оставил свои владения сыну Орхану. В память об отце тот назвал свои владения «Оттоманской империей»^{*}.

В мае следующего года Андроник III наконец-то добился победы над старым императором. Сидя во Фракии, он вел активную пропагандистскую кампанию, распространяя обещания уменьшить налоги и усилить противодействие туркам. Народ Византии, задавленный налогами из-за бесконечных войн, решил, что пора сменить власть. Вечером 23 мая 1328 года сторонники Андроника III в Константинополе открыли ворота и впустили в город его войска⁷.

^{*} Его подданные назывались «османлы» (*Osmanli*), то есть «потомки Османа» — в западных языках это превратилось в *Othmanli*, а потом в *Ottoman*. (Прим. авт.)

Андроник III проявил гуманность, позволив деду отречься от престола и удалиться в монастырь; старый император прожил там еще пять лет и мирно умер в возрасте 74 лет. Новому императору был 31 год, он был опытным воином и имел сильных сторонников, среди которых особенно выделялся его давний друг Иоанн Кантакузин, получивший титул *megas domestikos* — главнокомандующего. Он сразу же выступил против турок — но в лице Орхана столкнулся с не менее амбициозным и способным противником. В первом сражении вблизи Мраморного моря сам Андроник III был ранен, а его войска разбиты и обращены в бегство.

В 1331 году Орхан захватил Никею, затем продвинулся до Никомедии и осадил ее. В течение следующих шести лет византийское войско пыталось отбить это наступление. Византийцы дважды заставляли турок снять осаду Никомедии, но оба раза Орхан, отступив, впоследствии возвращался. К 1337 году все поля и фермы вокруг Никомедии были настолько опустошены, что город оказалось невозможно снабжать. Защитники были вынуждены открыть ворота, и Никомедия сдалась.

На следующий год турки переправились через Дарданеллы и атаковали Фракию. Тысячи греков попали в плен — по мнению современников, пленных было 300 тысяч; эта цифра явно преувеличена, но она хорошо демонстрирует панику, которую византийцы испытывали перед лицом неудержимо накатывающегося вала османов⁸.

У Андроника III оставалось мало времени для организации сопротивления. В 1341 году его внезапно сразила ужасная лихорадка, которая продолжалась четыре дня без перерывов. На четвертый день император скончался — за несколько месяцев до своего 45-летия. Он оставил византийский престол своему девятилетнему сыну Иоанну V⁹.

Андроник не успел оставить распоряжения на случай столь внезапной кончины, поэтому его главнокомандующий, Иоанн Кантакузин, стал регентом при ребенке. Большинство византийских придворных сочли это естественным. Как только дела в столице пришли в порядок, Кантакузин вывел войско из Константинополя для отражения угроз границам — что являлось важнейшей задачей регента.

В его отсутствие мать малолетнего Иоанна, императрица Анна, и патриарх Константинопольский (которому никогда не нравился Кантакузин) деньгами, обещаниями и лестью переманили на свою сторону достаточное количество придворных, чтобы провозгласить

Хронологическая таблица 60

Франция	Папство	Священная Римская империя, Италия и Германия	Византия и Балканы	Османь и Ильханат
Филипп III (1270–1285)		Восьмой крестовый поход (1270)	Михаил VIII Палеолог (1261–1282)	
Лионский собор (1274)	Григорий X (1271–1276)	Девятый крестовый поход (1271–1272)		
		Рудольф Германский (1273–1291)		
	Николай III (1277–1280)			
	Мартин IV (1281–1285)	Сицилийская вечерня (1282) Карл Хромой (1282–1285)	Андроник II (1282–1328)	
Филипп IV (1285–1314)	Гонорий IV (1285–1287)	Хайме II Сицилийский (1285–1296)		Осман (ок. 1290–1327)
Первая девальвация французской валюты	Николай IV (1288–1292)			Газан (1295–1304)
	Бонифаций VIII (1294–1303)			
		Альберт Германский (1298–1308)		
Битва при Куртрэ (1302)	«Ausculta fili» (1301)	Разорение Флоренции (1301)	Прибытие Каталонской компании (1302)	

Франция	Папство	Священная Римская империя, Италия и Германия	Византия и Балканы	Османская империя
	Похищение Бонифация VIII (1303) Бенедикт XI (1303–1304)	Генрих VII Германский (1303–1313)		Олджейту (1304–1316)
	Климент V (1305–1314)	Роберт Неаполитанский (1309–1343)		
Уничтожение тамплиеров (1312)		Генрих VII (император, 1312–1313)		
Людовик X (1314–1316)		Начало гражданской войны в Германии (1313)		
Филипп V (1316–1322)				
			Смерть Михаила IX (1320)	
			Андроник III (1328–1341)	Орхан (1327–1362)
			Падение Никеи (1331)	
			Сдача Никомедии (1337)	
			Иоанн V (1341–1357) Стефан Душан, король Сербии (1341–1355)	
			Иоанн VI (1347–1354)	

Анну регентом вместо Кантакузина. И вот главнокомандующий, готовясь к войне в далекой Фракии, получил известие, что городские ворота закрыты перед ним. После многих лет верной службы отцу юного Иоанна он был провозглашен врагом империи; его земли были захвачены, дом — разрушен, и даже его мать изгнали из города¹⁰.

Кантакузин, который был готов верно служить юному императору, не мог стерпеть такое оскорбление. Он решил с боем вернуться в Константинополь и силой получить не только регентство, но и корону соимператора. Вновь началась гражданская война.

* * *

Пока продолжалась война между регентами, король Сербии начал собственное восхождение к власти.

Стефан Душан был прапраправнуком Стефана Немани, великого князя Сербии, который смог освободить свою страну от византийского контроля. Душан, девятый царь в династии, с удивительной стабильностью просуществовавшей почти два столетия, был коронован в 1331 году. Его царство граничило на севере с Венгрией и Боснией (формально — венгерским вассалом); на востоке — с Болгарией, а на юге — с Византией. На протяжении десятилетий сербская знать ратовала за нападение на прилегающие византийские земли; отец Стефана Душана отказывался, но сын согласился¹¹.

Карта 60.2. Сербия под властью Стефана Душана

Пока Иоанн Кантакузин боролся с соперниками, Стефан Душан вторгся в страну. Города падали перед ним один за другим, пока он не дошел почти до Фессалоник. Как жаловался Кантакузин, чьи земли были захвачены византийскими соперниками, *«великий серб, как полноводная река, вышедшая из берегов, уже накрыл одну часть империи римлян своими волнами и теперь угрожает потопить остальную»*¹².

В пасхальное воскресенье 1346 года Стефан Душан сделал свои намерения кристально ясными. Он уже сообщил дожу Венеции, которого надеялся усмирить союзом, о своих претензиях на власть над всей Римской империей. Теперь же он был коронован как император римлян и царь сербов. Он видел, как трон Константинополя, словно мяч в воздухе, завис между двумя претендентами; и у него не было причин не считать себя третьим.

* * *

Но в конце концов Кантакузин опередил его. Чтобы положить конец гражданской войне, он обратился к сильнейшему из соперников — к Орхану. Кантакузин предложил ему в жены одну из своих дочерей. Если Орхан поможет ему вернуть Константинополь, предводитель османов станет зятем императора — статус, о котором предводитель турок не мог даже мечтать двумя десятилетиями ранее. Орхан был не только умелым полководцем, но и опытным политиком. Он согласился.

В 1347 году с тысячей своих бойцов и зная, что за спиной у него стоят значительно более крупные силы турок, Иоанн Кантакузин вошел в город через ворота, открытые изнутри его сторонниками. К этому моменту регентша Анна была полностью разорена — в качестве последнего средства она одолжила у банкиров Венеции тридцать тысяч дукатов под залог царских драгоценностей Константинополя. Она не могла организовать защиту. В то же время народ Константинополя был рад приветствовать куда более компетентного правителя.

В результате у Кантакузина не возникло сложностей при составлении договора о власти: он будет править с молодым Иоанном V как равный ему соимператор, приняв имя Иоанна VI. Все интриги, вражда и оскорбления предыдущих шести лет будут замечены под ковер амнистии. Так в столице воцарилась твердая власть. Но Стефан Душан все еще ждал за Фессалониками — а союз с турками, давший Кантакузину корону, едва пережил следующее десятилетие.

Глава 61

Падение Хальджи

Между 1303 и 1320 годами мусульманский султанат Дели расширяется на север, но династия Хальджи теряет контроль над престолом

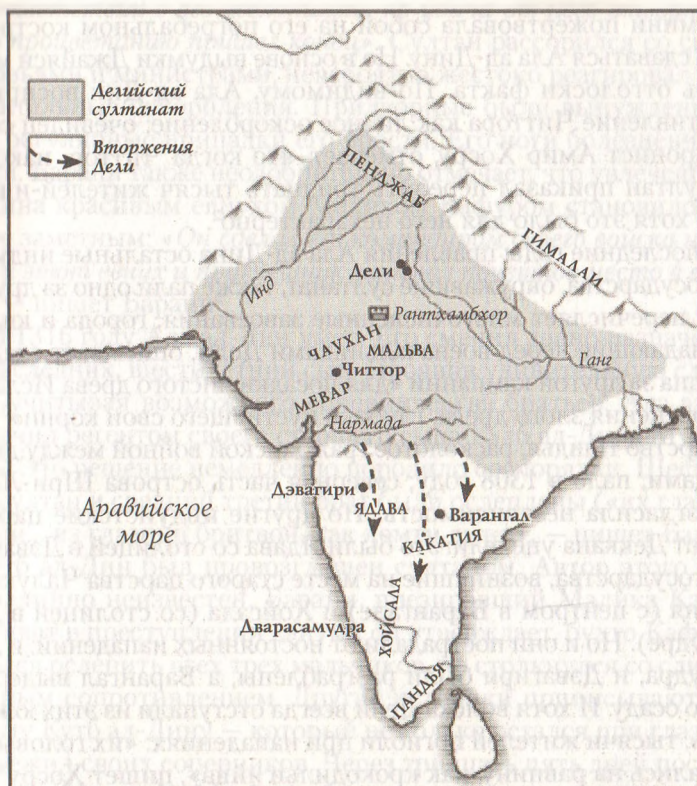
Под властью железной руки Ала ад-Дина границы султаната Дели расширялись за счет походов мусульманских армий, направленных на искоренение индуистских владений в Индии. Царства раджпутов — «царских сыновей», кланов воинов-индустов, — рушились одно за другим.

Гуджарат уже был захвачен. Вскоре та же участь постигла Мальву, государство клана Раджпут Парама, и Рантхамбхор, сильнейшую крепость клана Чуахан. В январе 1303 года султан обратил внимание на Мевар, царство Гухилов. Гухилы были наиболее могущественными из оставшихся раджпутов; в течение пяти сотен лет они успешно отражали мусульманские вторжения*.

В соответствии с более поздними летописями, Ала ад-Дин решил напасть на Мевар, потому что надеялся похитить прекрасную Падмини — жену шаха Раны Ратана Сингха. Он начал войну с обмана: посетил столицу Читтор, якобы с мирными намерениями, но его люди притаились за воротами. Когда в конце визита Рана Ратан Сингх любезно сопровождал гостя к воротам, люди Ала ад-Дина выскочили из засады, схватили владыку Мевара и оттащили в лагерь султана.

Чтобы спасти мужа, Падмини отправила султану послание, предложив обменять себя на мужа, если ей разрешат взять с собой

* Завоевание Мальвы было осуществлено уже *после* нападения на Мевар, в 1305 году. Раджпуты первоначально были сословной группой, аналогичной служилому дворянству Европы, в настоящее время они представляют собой своеобразный этнос, проживающий в Пакистане и Северной Индии. Общая их численность — 17 млн человек. Этническое происхождение раджпутов Индии до сих пор точно не установлено. Начиная с IX века ведущую роль в политической жизни Северной Индии играли раджпуты клана Пратихара. Остатки раджпутских владений в пустынях Раджастана и джунглях Центральной Индии оставались одним из препятствий на пути исламизации субконтинента. Раджпуты были воинственны и горды. В случаях, когда ситуация казалась безвыходной, они практиковали массовое самоубийство. Несмотря на старания делийских султанов, раджпуты оправилось от нанесенного им удара и смогли сохранить свою автономию на протяжении следующих столетий. Уже в начале XIX века раджпуты заключили договор с англичанами, соглашаясь с их контролем в обмен на местную автономию и защиту от набегов. (Прим. ред.)

Карта 61.1. Царства раджпутов

любимых служанок. Ала ад-Дин согласился, и на следующий день целая процессия занавешенных носилок, каждые из которых несли шесть рабов, отправилась к его лагерю. Однако рабы были воинами-раджпутами, и носилки были своеобразными троянскими конями: в них прятались воины в полном вооружении. Оказавшись в лагере, воины выскочили, перебили стражников, стороживших шатер, где держали Рану Ратана Сингха, спасли шаха и с боем вернулись в Читтор¹.

Вероятно, подробности этой неправдоподобной истории были придуманы Джайяси, поэтом XVI века, который стремился создать аллгорию, где Ала ад-Дин олицетворял похоть, Рана Ратан Сингх — любовь, а Падмини — мудрость. По словам Джайяси, когда Ала ад-Дин наконец-то завоевал Читтор (что ему удалось после восьмимесячной осады), Рана Ратан Сингх погиб, сражаясь,

а Падмини пожертвовала собой на его погребальном костре, не желая сдаваться Ала ад-Дину. Но в основе выдумки Джайяси могут лежать отголоски факта. По-видимому, Ала ад-Дин воспринял сопротивление Читтора как личное оскорбление: очевидец событий, хронист Амир Хосру, отмечает, что когда Читтор, наконец, пал, султан приказал перебить тридцать тысяч жителей-индустов*, хотя это было для него нехарактерно².

В последние годы правления Ала ад-Дина остальные индуистские государства, окружавшие султанат, также пали одно за другим. Хосру перечисляет многочисленные завоевания, города и княжества, падающие перед военачальниками Дели, описывает следующие одна за другой кампании «для посадки чистого древа Ислама... и искоренения злого древа, глубоко пустившего свои корни»³.

Царство Пандья, расколотое гражданской войной между двумя принцами, пало в 1308 году; северная часть острова Шри-Ланка провозгласила независимость. Но другие индуистские царства к югу от Деккана уцелели: это были Ядава со столицей в Дэвагири и два государства, возникшие на месте старого царства Чалукья — Какатия (с центром в Варангале) и Хойсала (со столицей в Дварасамудре). Но и они пострадали от постоянных нападений: и Дварасамудра, и Дэвагири были разграблены, а Варангал выдержал долгую осаду. И хотя войска Дели всегда отступали из этих южных земель, тысячи жителей погибли при нападениях: «их головы выкатывались на равнину, как крокодильи яйца», пишет Хосру⁴.

В ознаменование своих побед султан велел соорудить посередине Дели черный павильон, «подобный Каабе в лоне земли». Кааба в Мекке была самой сокровенной святыней ислама; в ней хранился Черный Камень — священный камень (возможно, метеорит), обращенный к востоку. Теперь же к ее подобию в Дели приходили «цари и князья Аравии и Персии», чтобы склониться не только перед аналогом Каабы, но и перед султаном. Дели, как заключает Амир Хосру, стал «городом ислама»⁵.

Однако, как пишет Барани, *«в конце правления Ала ад-Дина были достигнуты несколько важных побед, и дела государства шли*

* Здесь автор смещает факты. Резня имела место в другое время и по другим причинам. Ала ад-Дин не доверял «новым мусульманам» — монголам, принявшим ислам и поселившимся в Индии. Они были лишены привилегий и доступа к высоким должностям — и мстили за это восстаниями и заговорами. К концу правления Ала ад-Дина был раскрыт организованный ими заговор с целью убить султана. Последовал приказ уничтожить всех «новых мусульман». Было убито около 30 тысяч человек — как в Дели, так и провинциях. (Прим. ред.)

в соответствии с его желаниями, но удача от него отвернулась, и его процветанию пришел конец». Султан рассорился со своими сыновьями и министрами, невероятно жестоко реагировал на незначительные оскорбления. Придворные были вынуждены терпеть регулярные припадки его ярости. Его ноги болезненно распухли. Барани также неодобрительно отмечает, что увлечение Ала ад-Дина красивым евнухом Маликом Кафуром становилось все более заметным: *«Он сделал его командиром своего войска и визирем, и этот евнух и приспешник занимал почетное место в его душе»*, — пишет Барани⁶.

В 1316 году Ала ад-Дин умер. Его сменил давно назначенный им наследник, шестилетний сын. Проявив удивительную слепоту и не учитывая возможного соперничества братьев, Ала ад-Дин назначил регентом своего старшего сына Кутб ад-Дина Мубаракшаха. Это решение немедленно породило беспорядки. Шестилетний султан и средний третий брат были ослеплены («их глаза вырезали... из глазниц бритвой, как ломти дыни», — пишет Барани), и Кутб ад-Дин был провозглашен султаном. Автор этого плана доподлинно неизвестен. Барани, презиравший Малика Кафура, обвиняет в преступлении евнуха; он утверждает, будто Кафур собирался ослепить всех трех мальчиков, но столкнулся со слишком сильным сопротивлением. Другие историки приписывают идею самому Кутб ад-Дину — который не только остался при глазах, но и пережил своих соперников. Через тридцать пять дней после переворота Малик Кафур был обезглавлен в залах дворца придворными или, возможно, военными.

Юный Кутб ад-Дин стал султаном Дели и немедленно пошел по стопам отца. По словам Барани, ему «невероятно понравился» молодой пленный, индус из низшей касты, обратившийся в ислам; Кутб ад-Дин *«вознес его и дал ему титул Хосру-хана. Он настолько влюбился... что отдал армию... под командование этому юноше»*. Тем временем сам султан предавался вину, удовольствиям и чрезмерным тратам. Он пробыл на престоле четыре года — но лишь благодаря тому, что ублажал приближенных как только мог: султан устранил введенный Ала ад-Дином контроль цен, отменил налоговый кодекс, позволил аристократам наращивать собственную власть, поднял жалованье дворцовым слугам, бросался золотом направо и налево, чтобы купить преданность⁷.

Кутб ад-Дину повезло, что во время его правления султанат не страдал от серьезных вторжений или восстаний. Но, несмотря на щедрые дары, его некомпетентность не способствовала приобре-

Хронологическая таблица 61

Италия	Священная Римская империя и Германия	Византия	Османы и Ильханат	Северная Индия
	Восьмой крестовый поход (1270)	Михаил VIII Палеолог (1261–1282)		Балбан (1266–1287)
	Девятый крестовый поход (1271–1272)			
	Рудольф Германский (1273–1291)			
Сицилийская вечерня (1282) Карл Хромой (1282–1285)		Андроник II (1282–1328)		
Хайме II Сицилийский (1285–1296)				Муизз ад-Дин (1287–1290) Буга-хан, султан Гаура (1287–1291)
			Осман (ок. 1290–1327)	Династия Халджи (1290–1320) Джалал ад-Дин
			Газан (1295–1304)	Ала ад-Дин (1296–1316)
	Альбрехт Германский (1298–1308)			Монголы нападают на Дели (1299)

Италия	Священная Римская империя и Германия	Византия	Османь и Илдулук	Северная Италия
Разорение Флоренции (1301)	Генрих VII Германский (1303–1313)	Прибытие Каталанской компании (1302)	Олджейту (1304–1316)	Дели нападает на Мевар (1303)
Робер Неаполитанский (1309–1343)				Падение Пандья (1308)
	Генрих VII (император, 1312–1313)			
	Начало Гражданской войны в Германии (1313)			Кутб ад-Дин (1316–1320)
		Смерть Михаила IX (1320)		Хосру-хан (1320) Гияс ад-Дин (1320–1325)
		Андроник III (1328–1341)	Орхан (1327–1362)	
		Падение Никеи (1331)		
		Сдача Никомедии (1337)		
		Иоанн V (1341–1357) Стефан Душан, король Сербии (1341–1355)		
		Иоанн VI (1347–1354)		

тению друзей — и когда Хосру-хан начал планировать переворот, у бывшего раба нашлось множество сторонников.

Однажды ночью хорошо вооруженные заговорщики под предводительством Хосру-хана вошли в королевский дворец. Сам Хосру зашел в покои султана, пока остальные разбирались со стражниками во дворе. Покои султана охранялись — но стражники позволили любовнику султана войти. Когда Хосру закрыл за собой дверь, султан спросил его о причине шума. «Твои кони вырвались на свободу, — сказал раб, — и все сбежались во двор, пытаясь их поймать». К тому моменту люди Хосру уже подошли к султанским покоем. Когда они начали убивать стражников за дверью, молодой султан понял, что происходит. «Он надел свои сандалии, — рассказывает Барани, — и побежал в гарем. Предатель [то есть Хосру] понял, что если султан скроется в женских помещениях, выполнить план будет сложно». Он бросился за Кутб ад-Дином, схватил его за волосы и сбил с ног. Двое мужчин все еще боролись на полу, когда в помещение ворвались остальные заговорщики. Хосру прокричал им, чтобы они были осторожны, после чего один из вошедших пронзил султана копьем и оттащил в сторону⁸.

Обезглавленное и расчлененное тело Кутб ад-Дина было выброшено во двор. Хосру-хан и его люди осуществили чистку дворца, убив всех сторонников султана. После этого, в полночь, все оставшиеся придворные были собраны во дворе и при свете факелов признали Хосру новым султаном. «Хосру-хан одержал победу, — пишет Барани, — лицо мира изменилось, родился новый порядок вещей, и основание династии Ала ад-Дина было полностью уничтожено»⁹.

* * *

Правление Хосру-хана продержалось всего год. Если не принимать во внимание возмущение Барани, Хосру казался разумным правителем и воином, а сама система управления, организованная Ала ад-Дином, продолжала функционировать более-менее гладко. Но как только Хосру-хан укрепился на престоле, он отрекся от ислама и вернулся к индуизму. Покоренные индуисты возрадовались — особенно когда Хосру начал повышать в званиях офицеров и чиновников-индуистов.

Увы, устойчивость Делийского султаната была основана в первую очередь на том, что Ала ад-Дин создал империю как исламское государство, несущее истину язычникам. Ренегатство Хосру-хана быстро лишило его поддержки. Барани жалуется, что «*во дворце*

все было подготовлено для поклонения идолам, священные книги использовались в качестве сидений, а в нишах были установлены идолы». Вряд ли Хосру был так глуп, чтобы настолько открыто бросить вызов исламским обычаям, — но хроника Барани отражает возмущение, которое мусульмане Дели почувствовали после его отречения от ислама¹⁰.

Через два месяца после восхождения Хосру на трон правитель одной из дальних областей Пенджаба, Гази Малик Туглак, поднял против него восстание. В ожесточенной битве под стенами Дели войска ряда мусульманских правителей столкнулись с армией Хосру. Войско султана распалось и обратилось в бегство; сам Хосру спрятался в ближайшем саду, где его нашли и обезглавили на месте.

После этого мусульманские эмиры провозгласили Гази Малика новым султаном («Ты спас нас от индуистского ярма!» — восклицали они). Он принял титул Гияс ад-Дин, и, как заключает Барани, *«все отдали ему должное... За одну неделю дела государства пришли в порядок, беспокойство и зло, причиненное Хосру и его дьявольскими сторонниками, было исправлено»*. Две исламские династии Дели пали, к власти пришла третья. Династии могли исчезать — но сам султанат оставался нерушимым¹¹.

Глава 62

Триумф Брюса

Между 1304 и 1314 годами Эдуард I покоряет шотландцев, Эдуард II бежит от них, а Роберт Брюс становится их королем

Восемь лет отчаянной борьбы против англичан не принесли шотландцам серьезных успехов. После победы на Стирлингском мосту Уильям Уоллес осуществил вторжение на земли Англии и вернулся в Шотландию с богатой добычей, в ореоле славы. Но на следующий год англичане разбили войско Уоллеса в долине Форта, близ Фолкирка, и Уоллесу пришлось скрываться.

Следующие четыре года сражений не дали каких-либо реальных преимуществ ни одной из сторон, и никто из шотландских вождей не возглавил освободительное движение. Эдуард Английский, предвкушая победу (до которой еще было далеко), даровал своему старшему сыну, тоже Эдуарду, титул принца Уэльского — он стал первым из наследников английской короны, носивших этот титул.

В 1302 году было ненадолго объявлено перемирие. Однако девять месяцев спустя Эдуард снова вторгся в Шотландию. Без Уоллеса и без поддержки Франции шотландцы терпели одно поражение за другим. К Пасхе 1304 года Эдуард пробился к замку Стирлинг на реке Форт.

Замысел короля состоял в том, чтобы при штурме замка продемонстрировать всю мощь английского оружия; с этой целью он велел построить гигантский требушет, получивший прозвище «Вар-вольф» — «Волк войны». С начала осады пятеро мастеров-плотников с полусотней помощников трудились над его сборкой под стенами Стерлинга. Принцу Эдуарду, которому едва исполнилось двадцать, поручили направить солдат из его отряда, чтобы снять свинцовые скрепы с крыш близлежащих церквей для изготовления противовеса. Увидев эти приготовления, гарнизон замка попытался сдаться — но король не отвечал до тех пор, пока требушет не сделал первых выстрелов: *«Замок Стерлинг был готов сдаться королю без всяких условий в этот понедельник, на день святой Маргариты [20 июля] — но король желает, чтобы его люди вошли в замок лишь после того, как по нему ударит „Волк войны“»*, — писал домой один из его рыцарей. Только когда стены были разбиты вдребезги, он позволил гарнизону сдаться¹.

Казалось, что на этом все закончится. Как отмечал Джон из Фордена: *«И великие, и малые в королевстве Шотландия (кроме одного лишь Уильяма Уоллеса) выказали покорность; и после того, как все до единого шотландские уроженцы принесли присягу королю, он вместе с принцем Уэльским и всем своим войском возвратился в Англию»*. Эдуард назначил наместника с большими полномочиями и никогда больше не бывал в Шотландии².

Одиннадцать месяцев спустя Уильям Уоллес попал в плен к шотландскому рыцарю Джону Ментейсу, поставленному англичанами комендантом замка Дамбартон. Хронист XIV века Питер из Ленгтофта прямо утверждает, что Ментейс получил информацию о пребывании Уоллеса от своего слуги Джека Шорта, который имел к Уоллесу личный счет. Мятеежника «застали врасплох и захватили ночью». Это произошло 5 августа 1305 года в окрестностях Глазго, Уоллес был схвачен английскими солдатами, которых привел сам Джон Ментейс. Уоллеса отвезли в Лондон, где состоялся суд, в ходе которого обвиняемому зачитали список его преступлений и не дали никакой возможности защиты. По приговору его сначала повесили, потом сняли с виселицы живым, затем вырезали внутренности и сожгли у него на глазах, и лишь потом отруби-

ли голову. «Его тело разрубили на четыре части, чтобы повесить в четырех городах, — сообщает Ленгтофт, — голову оставили в Лондоне, а остальное развезли по всей Шотландии»³.

Для Эдуарда шотландский вопрос был закрыт; но шотландцам еще было что сказать. Роберт Брюс Шестой, некогда ходивший с Эдуардом в Шестой крестовый поход, сражался на стороне англичан с самого начала войны за независимость. Согласно шотландским источникам, он разочаровался в английских методах управления Шотландией («негодовал из-за жестокого порабощения королевства и бесконечных притеснений народа», — говорится в современной событиям «Хронике Пласкардена»). Однако у этого недовольства союзом с англичанами имелись и другие, более практические причины. Брюс затратил на шотландскую кампанию большие суммы из собственных средств — но компенсации из королевской казны не получил; Эдуард I вообще не считал нужным как-то вознаградить его за преданность. И вот, в марте 1306 года, Брюс внезапно возобновил войну, объявив себя королем шотландцев*, чего Эдуард совершенно не ожидал⁴.

Английская армия очередной раз двинулась в Шотландию. Как уже повелось в шотландских восстаниях, Брюсу почти сразу пришлось скрываться. Он дважды подряд проиграл сражения — в июне близ Перта и 11 августа при Далриге, в глубине шотландской территории**. Его люди были вынуждены рассеяться, а сам Брюс стал изгнанником. По словам «Хроники Пласкардена», он

* На самом деле Брюс изначально претендовал на шотландскую корону; другим претендентом был Джон Комин. Оба они были принуждены присягнуть Эдуарду I под страхом смертной казни — но ни один из них не отказался от мыслей о короне. Король на самом деле не оставил заслуги Брюса без внимания, назначив его членом регентского совета Шотландии. Однако уже в 1300 году Роберт Брюс был смещен из-за конфликтов с Джоном Комином, принадлежавшим к клану Мак-Дугалов — при этом сами Мак-Дугалы в 1296 году воевали на стороне шотландских патриотов. Однако в феврале 1306 года Брюс, восстав против Эдуарда I, убил Джона Комина перед алтарем церкви францисканцев в Дамфризе. Это привело к рокировке сил: 25 марта 1306 года Брюс короновался в Сcone, а Мак-Дугалы и другие семейства, родственные Баллиолам и Коминам, встали на сторону англичан. Коронация придала власти Брюса законный статус, но одновременно он ввязался в полномасштабную гражданскую войну, и позиция его была весьма шаткой. (*Прим. ред.*)

** Эдуард I направил в Шотландию корпус под командой Эмера де Валенса. К середине лета 1306 года он обустроил базу в Перте, где к нему присоединились сторонники Джона Комина. Битва между англичанами, Мак-Дугалами и Брюсом состоялась вскоре после этого — 19 июня, причем последний, рассчитывая на соблюдение рыцарских обычаев, даже не выставил на ночь дозорных. В итоге его армия подверглась ночному нападению и к утру

«прозябал в глухомани, порой по целым неделям питался лишь сырыми кореньями, водой и молоком... ходил босиком, когда башмаки его разваливались от ветхости; жил в одиночестве на островах; одинокий, безвестный, бежал от врагов; порой собственные слуги насмехались над ним, и он, всеми покинутый, жил изгоем вдали от всех друзей»⁵.

Тем не менее, в руки к англичанам Брюс не попал — а пока он оставался на свободе, шотландцы могли надеяться на победу.

Тем временем здоровье Эдуарда I пошатнулось. Он не появлялся на шотландском фронте после коронации Брюса, потому что страдал от болей в ногах и шее и не мог проезжать более двух миль в день. За зиму он отчасти поправился, но летом 1307 года болезнь вернулась. Эдуард все-таки отправился в Шотландию, но по дороге его свалила дизентерия; ослабевший от недуга, он скоропостижно скончался 6 июля — в момент, когда слуги помогали ему подняться с постели перед завтраком. Шел тридцать пятый год его правления Англией⁶.

Принца Уэльского короновали, он стал Эдуардом II; и почти сразу Брюс вышел из тени и начал собирать своих сторонников. У Шотландии внезапно появились шансы на успех: Эдуарда II гораздо меньше заботили дела Роберта Брюса, чем переустройство королевского двора по своему вкусу. Это был, согласно современной ему хронике «*Vita Edouardi Secundi*», «сильный молодой человек лет двадцати трех... [который] не последовал честолюбивым замыслом отца своего, ибо его привлекали другие дела»⁷.

Одним из первых его королевских деяний стало возвращение из ссылки друга юности, Пирса Гавестона. Гавестон и Эдуард II росли вместе и стали настолько неразлучны, что Эдуард-старший обеспокоился: «Он осознал, что его сын, принц Уэльский, увлечен неким гасконским рыцарем сверх всякой меры», — замечает автор XIV века в «*Annales Paulini*». Когда принц Уэльский потребовал, чтобы Гавестону отдали титул графа Понтье (это нормандское графство входило в личный удел самого Эдуарда I), король разъярился и выгнал Гавестона на родину — в Гасконь, юго-западную

была разгромлена. С остатками ее Брюс попытался уйти в горы, но ему преградил путь крупный (до 1000 человек) отряд Мак-Дугалов. Преследуемый по пятам англичанами, Брюс не смог увернуться от боя. Видимо, эта схватка произошла в конце июля — точная ее дата неизвестна. Известное нам место сражения именуется Далриг (от *Dail Righ*, «королевское поле» на гэльском), но не ясно, так ли оно называлось в то время, или было переименовано после битвы. (Прим. ред.)

область Франции, находившуюся под контролем английской короны⁸. Юного Эдуарда заставили поклясться, что он не будет «ни принимать, ни держать рядом с собою либо поблизости» изгнанного рыцаря, и Эдуард I на смертном одре просил графов Линкольна, Уорвика и Пемброка «не допустить, чтобы Пирс Гавестон вновь появился в Англии»⁸.

Вопреки настояниям баронов, Эдуард II вызвал Гавестона в Англию («а умершего короля еще не похоронили», — с упреком отмечает летописец Уолтер из Гисборо) и наделил его титулом графа Корнуоллского^{**}. А в 1308 году, когда Эдуард II поехал во Францию, чтобы справить давно обещанную и многократно отложенную свадьбу с Изабеллой, дочерью Филиппа IV Красивого, он назначил Гавестона регентом королевства на время своего отсутствия⁹.

Возвратившись, король обнаружил, что бароны сыты по горло его фаворитом. Гавестон, как говорится в хронике «*Vita Edouardi Secundi*», был бестактным регентом, «чрезвычайно гордым и с надменными повадками». При дворе ходили слухи, будто бы они с королем — любовники, но возмущение против Гавестона питалось не столько недоказанными сплетнями сексуального характера, сколько готовностью молодого короля осыпать своих личных друзей столь щедрыми дарами и превращать их во всесильных фаворитов. Как объясняет «*Vita Edouardi Secundi*», «*знатные люди ненавидели его, потому что король благосклонно относился только к нему одному и возвысил его над ними, словно второго короля*»¹⁰.

Почти единодушно бароны потребовали, чтобы Эдуард избавился от Гавестона. Король немного уступил: отправил Гавестона в Ирландию в качестве своего наместника; но дружная ненависть баронов начала его раздражать, и он исподволь стал готовиться к гражданской войне. «*Увидев, что бароны стоят против него стеной... король попытался разбить их союз и привлечь на свою сторону самых могущественных... дарами, обещаниями и лестью*», — повествует «*Vita Edouardi Secundi*». Таким образом он заручился

* Филипп IV Французский отказался от своих притязаний на Гасконь в 1303 году, согласно Парижскому договору. (Прим. авт.)

** Корнуолл вплоть до XI века был независимым королевством — поэтому титул графа Корнуоллского носили только представители высшей знати, родственники королей. Впервые он был пожалован Роберту де Мортену, брату и близкому соратнику Вильгельма Завоевателя. Наиболее известны такие носители титула, как принц Джон (Иоанн Безземельный) и его сын Ричард, один из крупнейших английских государственных деятелей середины XIII века. Отдать этот титул вместе с богатым поместьем просто за красивые глаза безродному дворянчику, тем более чужестранцу, для короля Англии было чистейшим безумием. (Прим. ред.)

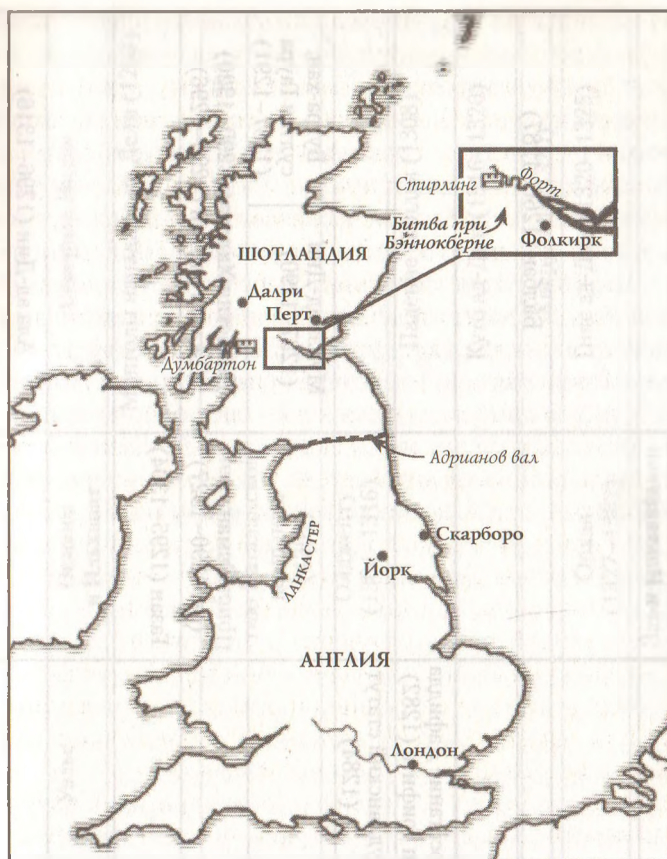
достаточной поддержкой, чтобы добиться возвращения Гавестона. Однако фаворит был принципиально неспособен аккуратно вписаться в дворцовую иерархию. Как только ему вернули прежнее положение, он «повел себя еще хуже»: обзывал своих врагов оскорбительными прозвищами и использовал свое влияние, чтобы обеспечить должностями и привилегиями собственных фаворитов¹¹.

Между тем Эдуард II наконец соизволил обратить внимание на Роберта Брюса. Осенью 1310 году он привел в Шотландию новую армию — но Брюс и его соратники избегали столкновений. Они выжидали в убежищах, потом нападали на лагерь англичан, грабили их, уничтожали отдельные разведывательные отряды — и вновь исчезали. Шли месяцы, кампания не приносила результатов, Брюс набирался сил, англичане теряли коней, людей и уверенность¹².

В начале 1312 года английская армия ушла на зимние квартиры у границы, а Эдуард вернулся в Англию. Бароны сочли этот момент удобным, чтобы договориться об убийстве Гавестона. Случай представился им в мае, когда неразлучные друзья ненадолго расстались: Гавестон находился в Скарборо, а Эдуард II — в Йорке. Недруги Гавестона во главе с графом Ланкастером окружили замок, где молодой рыцарь ночевал, и заставили его выйти. По словам автора «*Vita Edouardi Secundi*», они заранее решили что его следует умертвить «как дворянина и римского гражданина», а не как вора или изменника; соответственно, Гавестона вывезли во владения графа Ланкастера, где и обезглавили¹³.

Тело бросили на месте казни — но монахи из близлежащего доминиканского монастыря подобрали и его, и голову, а потом похоронили все вместе*.

* Автор опять ради краткости сильно искажает ситуацию. Война между баронами и королем уже шла, и Гавестон еще в марте 1312 года прибыл в Скарборо, чтобы руководить укреплением замка. Он находился в Англии, нарушив постановление, которое предписывало ему удалиться из владений английской короны. За это его отлучили от церкви. Собрание баронов постановило продолжать сопротивление королю, а графам Пемброку и Варенну было поручено захватить Гавестона. 4 мая, будучи в Ньюкасле, Эдуард и Гавестон чудом избежали стычки с отрядом Ланкастера. После этого Гавестон один вернулся в Скарборо, где и был осажден (а не просто остался на ночь) силами Пемброка, Варенна и других графов. Только 19 мая он сдался. Мятежные лорды взяли его под стражу и начали переговоры с королем. Гавестону было даже обещано, что ему позволят возвратиться в Скарборо, если до 1 августа соглашение не будет достигнуто. Но граф Уорвик, недовольный такими мягкими мерами, 9 июня похитил Гавестона из-под охраны Пемброка, увез в свой замок — и только там Гавестон был приговорен к смерти коллегией баронов за нарушение запретов. Казнь была совершена 19 июня, прямо на проезжей дороге. Таким образом, вся эта история заняла полтора месяца. (Прим. ред.)

Карта 62.1. *Битва при Бэннокберне*

У Эдуарда, потрясенного и горем, и гневом, не нашлось достаточной поддержки, чтобы расправиться с обидчиками. Он был вынужден примириться с ними — поскольку они утверждали, что действовали лишь в интересах сохранения власти короля, ради его добра. Но он их не простил.

Уже почти семь лет Эдуард сидел на троне, но ничего существенного не достиг. Летом 1314 года он попытался исправить ситуацию, возглавив поход в Шотландию со свежими силами, в надежде покончить с затянувшейся, выматывающей войной. Как и все прочие его предприятия, вторжение провалилось. Английская армия столкнулась с шотландцами при Бэннокберне. Преобладающую часть шотландского войска составляла пехота, которая сумела

Хронологическая таблица 62

Англия	Шотландия	Уэльс	Осман и Ильханат	Северная Индия
Вторая Баронская война (1264–1267)				
Эдуард I (1272–1307)				Балбан (1266–1287)
		Восстание Дафидла ап Грифита (1282)		
		Рудланский статут (1284)		
	Биргемский договор (1289)			Муизз ад-Дин (1287–1290) Бутра-хан, султан Гаура (1287–1291)
	Смерть Маргарет (1290)		Осман (ок. 1290–1327)	Династия Халджи (1290–1320) Джалал ад-Дин (1290–1296)
	Джон Баллиол (1292–1296)		Газан (1295–1304)	
	Парижский договор (1295)			
	Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)			Ала ад-Дин (1296–1316)

Англия	Шотландия	Уэльс	Османь и Ильханат	Северная Индия
	Битва на Стирлинг- ском мосту (1297)			Монголы нападают на Дели (1299)
	Смерть Уильяма Уоллеса (1305)		Прибытие в Визан- тию Католической компании (1302)	Дели нападает на Мевар (1303)
			Олджейту (1304-1316)	
Эдуард II (1307-1327)	Роберт Брюс (1306-1329)			Падение Пандья (1308)
Убийство Пирса Гавестона (1312)				Кутб ад-Дин (1316-1320)
				Хосру-хан (1320)
			Орхан (1327-1362)	Гияс ад-Дин (1320-1325)
			Завоевание Никси (1331)	
			Сдача Никомедии (1337)	

заманить английскую тяжелую кавалерию на скрытые ямы-ловушки. Лошади передовых всадников провалились, остальные в панике бежали. Эдуард, находившийся в арьергарде, развернулся и поскакал во весь опор под защиту стен ближнего замка Стирлинг.

«Начиная с этого дня, — подводит итог Джон из Фордена, — вся земля Шотландии... ликовала, празднуя победу над англичанами». Роберт Брюс больше не был мятежником: «После победы Роберта Брюса никто не называл иначе, как королем Шотландии», — говорится в «Ланеркостской хронике». Он сразу же развязал завоевательную войну, отправив корабли в Ирландию и организовав рейд через границу в Северную Англию, чтобы грабить и жечь¹⁴.

Тем временем Эдуарду пришлось возвращаться в Лондон с позором. «Если бы он прислушивался к советам баронов, то легко мог бы покорить шотландцев», — замечает «*Vita Edouardi Secundi*». Этот факт осознавали и сами бароны; открытый мятеж не вспыхнул лишь потому, что Англию постиг новый кризис.

1270-1271	1271-1272	1272-1273	1273-1274	1274-1275	1275-1276	1276-1277	1277-1278	1278-1279	1279-1280	1280-1281	1281-1282	1282-1283	1283-1284	1284-1285	1285-1286	1286-1287	1287-1288	1288-1289	1289-1290	1290-1291	1291-1292	1292-1293	1293-1294	1294-1295	1295-1296	1296-1297	1297-1298	1298-1299	1299-1300	1300-1301	1301-1302	1302-1303	1303-1304	1304-1305	1305-1306	1306-1307	1307-1308	1308-1309	1309-1310	1310-1311	1311-1312	1312-1313	1313-1314	1314-1315	1315-1316	1316-1317	1317-1318	1318-1319	1319-1320	1320-1321	1321-1322	1322-1323	1323-1324	1324-1325	1325-1326	1326-1327	1327-1328	1328-1329	1329-1330	1330-1331	1331-1332	1332-1333	1333-1334	1334-1335	1335-1336	1336-1337	1337-1338	1338-1339	1339-1340	1340-1341	1341-1342	1342-1343	1343-1344	1344-1345	1345-1346	1346-1347	1347-1348	1348-1349	1349-1350	1350-1351	1351-1352	1352-1353	1353-1354	1354-1355	1355-1356	1356-1357	1357-1358	1358-1359	1359-1360	1360-1361	1361-1362	1362-1363	1363-1364	1364-1365	1365-1366	1366-1367	1367-1368	1368-1369	1369-1370	1370-1371	1371-1372	1372-1373	1373-1374	1374-1375	1375-1376	1376-1377	1377-1378	1378-1379	1379-1380	1380-1381	1381-1382	1382-1383	1383-1384	1384-1385	1385-1386	1386-1387	1387-1388	1388-1389	1389-1390	1390-1391	1391-1392	1392-1393	1393-1394	1394-1395	1395-1396	1396-1397	1397-1398	1398-1399	1399-1400	1400-1401	1401-1402	1402-1403	1403-1404	1404-1405	1405-1406	1406-1407	1407-1408	1408-1409	1409-1410	1410-1411	1411-1412	1412-1413	1413-1414	1414-1415	1415-1416	1416-1417	1417-1418	1418-1419	1419-1420	1420-1421	1421-1422	1422-1423	1423-1424	1424-1425	1425-1426	1426-1427	1427-1428	1428-1429	1429-1430	1430-1431	1431-1432	1432-1433	1433-1434	1434-1435	1435-1436	1436-1437	1437-1438	1438-1439	1439-1440	1440-1441	1441-1442	1442-1443	1443-1444	1444-1445	1445-1446	1446-1447	1447-1448	1448-1449	1449-1450	1450-1451	1451-1452	1452-1453	1453-1454	1454-1455	1455-1456	1456-1457	1457-1458	1458-1459	1459-1460	1460-1461	1461-1462	1462-1463	1463-1464	1464-1465	1465-1466	1466-1467	1467-1468	1468-1469	1469-1470	1470-1471	1471-1472	1472-1473	1473-1474	1474-1475	1475-1476	1476-1477	1477-1478	1478-1479	1479-1480	1480-1481	1481-1482	1482-1483	1483-1484	1484-1485	1485-1486	1486-1487	1487-1488	1488-1489	1489-1490	1490-1491	1491-1492	1492-1493	1493-1494	1494-1495	1495-1496	1496-1497	1497-1498	1498-1499	1499-1500	1500-1501	1501-1502	1502-1503	1503-1504	1504-1505	1505-1506	1506-1507	1507-1508	1508-1509	1509-1510	1510-1511	1511-1512	1512-1513	1513-1514	1514-1515	1515-1516	1516-1517	1517-1518	1518-1519	1519-1520	1520-1521	1521-1522	1522-1523	1523-1524	1524-1525	1525-1526	1526-1527	1527-1528	1528-1529	1529-1530	1530-1531	1531-1532	1532-1533	1533-1534	1534-1535	1535-1536	1536-1537	1537-1538	1538-1539	1539-1540	1540-1541	1541-1542	1542-1543	1543-1544	1544-1545	1545-1546	1546-1547	1547-1548	1548-1549	1549-1550	1550-1551	1551-1552	1552-1553	1553-1554	1554-1555	1555-1556	1556-1557	1557-1558	1558-1559	1559-1560	1560-1561	1561-1562	1562-1563	1563-1564	1564-1565	1565-1566	1566-1567	1567-1568	1568-1569	1569-1570	1570-1571	1571-1572	1572-1573	1573-1574	1574-1575	1575-1576	1576-1577	1577-1578	1578-1579	1579-1580	1580-1581	1581-1582	1582-1583	1583-1584	1584-1585	1585-1586	1586-1587	1587-1588	1588-1589	1589-1590	1590-1591	1591-1592	1592-1593	1593-1594	1594-1595	1595-1596	1596-1597	1597-1598	1598-1599	1599-1600	1600-1601	1601-1602	1602-1603	1603-1604	1604-1605	1605-1606	1606-1607	1607-1608	1608-1609	1609-1610	1610-1611	1611-1612	1612-1613	1613-1614	1614-1615	1615-1616	1616-1617	1617-1618	1618-1619	1619-1620	1620-1621	1621-1622	1622-1623	1623-1624	1624-1625	1625-1626	1626-1627	1627-1628	1628-1629	1629-1630	1630-1631	1631-1632	1632-1633	1633-1634	1634-1635	1635-1636	1636-1637	1637-1638	1638-1639	1639-1640	1640-1641	1641-1642	1642-1643	1643-1644	1644-1645	1645-1646	1646-1647	1647-1648	1648-1649	1649-1650	1650-1651	1651-1652	1652-1653	1653-1654	1654-1655	1655-1656	1656-1657	1657-1658	1658-1659	1659-1660	1660-1661	1661-1662	1662-1663	1663-1664	1664-1665	1665-1666	1666-1667	1667-1668	1668-1669	1669-1670	1670-1671	1671-1672	1672-1673	1673-1674	1674-1675	1675-1676	1676-1677	1677-1678	1678-1679	1679-1680	1680-1681	1681-1682	1682-1683	1683-1684	1684-1685	1685-1686	1686-1687	1687-1688	1688-1689	1689-1690	1690-1691	1691-1692	1692-1693	1693-1694	1694-1695	1695-1696	1696-1697	1697-1698	1698-1699	1699-1700	1700-1701	1701-1702	1702-1703	1703-1704	1704-1705	1705-1706	1706-1707	1707-1708	1708-1709	1709-1710	1710-1711	1711-1712	1712-1713	1713-1714	1714-1715	1715-1716	1716-1717	1717-1718	1718-1719	1719-1720	1720-1721	1721-1722	1722-1723	1723-1724	1724-1725	1725-1726	1726-1727	1727-1728	1728-1729	1729-1730	1730-1731	1731-1732	1732-1733	1733-1734	1734-1735	1735-1736	1736-1737	1737-1738	1738-1739	1739-1740	1740-1741	1741-1742	1742-1743	1743-1744	1744-1745	1745-1746	1746-1747	1747-1748	1748-1749	1749-1750	1750-1751	1751-1752	1752-1753	1753-1754	1754-1755	1755-1756	1756-1757	1757-1758	1758-1759	1759-1760	1760-1761	1761-1762	1762-1763	1763-1764	1764-1765	1765-1766	1766-1767	1767-1768	1768-1769	1769-1770	1770-1771	1771-1772	1772-1773	1773-1774	1774-1775	1775-1776	1776-1777	1777-1778	1778-1779	1779-1780	1780-1781	1781-1782	1782-1783	1783-1784	1784-1785	1785-1786	1786-1787	1787-1788	1788-1789	1789-1790	1790-1791	1791-1792	1792-1793	1793-1794	1794-1795	1795-1796	1796-1797	1797-1798	1798-1799	1799-1800	1800-1801	1801-1802	1802-1803	1803-1804	1804-1805	1805-1806	1806-1807	1807-1808	1808-1809	1809-1810	1810-1811	1811-1812	1812-1813	1813-1814	1814-1815	1815-1816	1816-1817	1817-1818	1818-1819	1819-1820	1820-1821	1821-1822	1822-1823	1823-1824	1824-1825	1825-1826	1826-1827	1827-1828	1828-1829	1829-1830	1830-1831	1831-1832	1832-1833	1833-1834	1834-1835	1835-1836	1836-1837	1837-1838	1838-1839	1839-1840	1840-1841	1841-1842	1842-1843	1843-1844	1844-1845	1845-1846	1846-1847	1847-1848	1848-1849	1849-1850	1850-1851	1851-1852	1852-1853	1853-1854	1854-1855	1855-1856	1856-1857	1857-1858	1858-1859	1859-1860	1860-1861	1861-1862	1862-1863	1863-1864	1864-1865	1865-1866	1866-1867	1867-1868	1868-1869	1869-1870	1870-1871	1871-1872	1872-1873	1873-1874	1874-1875	1875-1876	1876-1877	1877-1878	1878-1879	1879-1880	1880-1881	1881-1882	1882-1883	1883-1884	1884-1885	1885-1886	1886-1887	1887-1888	1888-1889	1889-1890	1890-1891	1891-1892	1892-1893	1893-1894	1894-1895	1895-1896	1896-1897	1897-1898	1898-1899	1899-1900	1900-1901	1901-1902	1902-1903	1903-1904	1904-1905	1905-1906	1906-1907	1907-1908	1908-1909	1909-1910	1910-1911	1911-1912	1912-1913	1913-1914	1914-1915	1915-1916	1916-1917	1917-1918	1918-1919	1919-1920	1920-1921	1921-1922	1922-1923	1923-1924	1924-1925	1925-1926	1926-1927	1927-1928	1928-1929	1929-1930	1930-1931	1931-1932	1932-1933	1933-1934	1934-1935	1935-1936	1936-1937	1937-1938	1938-1939	1939-1940	1940-1941	1941-1942	1942-1943	1943-1944	1944-1945	1945-1946	1946-1947	1947-1948	1948-1949	1949-1950	1950-1951	1951-1952	1952-1953	1953-1954	1954-1955	1955-1956	1956-1957	1957-1958	1958-1959	1959-1960	1960-1961	1961-1962	1962-1963	1963-1964	1964-1965	1965-1966	1966-1967	1967-1968	1968-1969	1969-1970	1970-1971	1971-1972	1972-1973	1973-1974	1974-1975	1975-1976	1976-1977	1977-1978	1978-1979	1979-1980	1980-1981	1981-1982	1982-1983	1983-1984	1984-1985	1985-1986	1986-1987	1987-1988	1988-1989	1989-1990	1990-1991	1991-1992	1992-1993	1993-1994	1994-1995	1995-1996	1996-1997	1997-1998	1998-1999	1999-2000	2000-2001	2001-2002	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019	2019-2020	2020-2021	2021-2022	2022-2023	2023-2024	2024-2025	2025-2026	2026-2027	2027-2028	2028-2029	2029-2030	2030-2031	2031-2032	2032-2033	2033-2034	2034-2035	2035-2036	2036-2037	2037-2038	2038-2039	2039-2040	2040-2041	2041-2042	2042-2043	2043-2044	2044-2045	2045-2046	2046-2047	2047-2048	2048-2049	2049-2050	2050-2051	2051-2052	2052-2053	2053-2054	2054-2055	2055-2056	2056-2057	2057-2058	2058-2059	2059-2060	2060-2061	2061-2062	2062-2063	2063-2064	2064-2065	2065-2066	2066-2067	2067-2068	2068-2069	2069-2070	2070-2071	2071-2072	2072-2073	2073-2074	2074-2075	2075-2076	2076-2077	2077-2078	2078-2079	2079-2080	2080-2081	2081-2082	2082-2083	2083-2084	2084-2085	2085-2086	2086-2087	2087-2088	2088-2089	2089-2090	2090-2091	2091-2092	2092-2093	2093-2094	2094-2095	2095-2096	2096-2097	2097-2098	2098-2099	2099-2100	2100-2101	2101-2102	2102-2103	2103-2104	2104-2105	2105-2106	2106-2107	2107-2108	2108-2109	2109-2110	2110-2111	2111-2112	2112-2113	2113-2114	2114-2115	2115-
-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-----------	-------

Часть третья КАТАСТРОФЫ

Глава 63 Великий голод

*Между 1310 и 1321 годами страны Европы страдают
от наводнений, бурь, засух и голода*

Долгое время — как мы теперь знаем, более пятисот лет, — климат Европы был на несколько градусов теплее, чем в предыдущие тысячелетия. Во Франции приступали к полевым работам в марте; лето начиналось в первых числах июня и длилось до начала сентября. В Англии имелись селения по всей гряде высоких холмов Дартмура, в области северных Пеннинских болот существовали фермы, а виноградники плодоносили даже на севере вокруг Йорка. Медные рудники в Альпах, закрытые ледниками в последние века Римской империи, были открыты вновь. Ледовый покров северных океанов растаял, что позволило Лейфу Эрикссону пробиться на запад — создав у последующих мореплавателей ложное убеждение, что берега Гренландии пригодны для жизни. («Здесь никогда не бывает морозов, — восторгался один из них, — и трава лишь слегка увядает!»)

Мягкий климат с продолжительным вегетативным периодом, естественно, привел к быстрому росту населения. За два столетия численность англичан утроилась. Во Франции около 1100 года насчитывалось 6,2 млн человек, а в начале XIV века — по меньшей мере 17 миллионов¹.

Однако в масштабе тысячелетий теплые века были всего лишь мгновением. Пользуясь преимуществом накопленной ныне информации, климатологи дали этому мгновению имя: «средневековый теплый период», или «средневековый климатический оптимум»*.

* Благодаря глобальному потеплению существование средневекового климатического оптимума превратилось в объект для политического футбола; противники принятия закона о снижении уровня выбросов CO₂ в атмо-

Эта 500-летняя благодать закончилась не сразу. Но начиная примерно с 1310 года Европу постигают такие холода, каких не помнили многие поколения.

Процесс изменения климата сопровождался резкими перепадами температур, сильными бурями, чрезмерным выпадением осадков, наводнениями. Весной дожди заливали землю, зерно гнивало в полях. Французское войско, направлявшееся во Фландрию, так увязло в дорожной грязи, что вынуждено было возвратиться. «Около года 1310-го был голод великий и такая нехватка продовольствия в королевстве Шотландском... что люди ели коней и других нечистых животных», — сообщает «Хроника Пласскардена». В политически заостренной «Поэме о худых временах Эдуарда II» звучит тот же мотив: *«Недород и голод по всей земле, вот что довелось испытать беднякам, и скотина была не кормлена, и зерно было весьма дорого»*.

Затем пришла другая беда, поразившая всю страну:

«Не знали доселе зимы суровее... Скота падеж повсюду, и земля вдруг стала совсем голой, и никогда прежде не случалось подобной напасти в Англии, никогда не бывало людям так плохо»².

Лето 1314 года в Англии и северо-западной Европе выдалось одним из самых дождливых в истории. Лето 1315 года было еще хуже: ливни не утихали, низинные земли были сплошь затоплены. *«Луговые травы так долго пробыли под водой, что их нельзя было ни скосить, ни собрать, злаки не могли созреть... не питаемые жаром летнего солнца»*, — отмечал английский инок Джон Троkelоу из монастыря в Нортумберленде. На город Зальцбург в Австрии обрушилось столько воды, что «жителям казалось, будто настал Потоп»³.

Год 1316-й не принес улучшения. Козы и овцы умирали от печеночных паразитов и «мора» — этим общим термином в XIV веке обозначали эпидемии ящура, стрептококка и других заболеваний, усугубляемых сыростью. На юге Англии объем собранного урожая был вдвое меньше обычного, самый низкий за пятьдесят

сферу ссылаются на него как на доказательство того, что изменение климата не зависит от деятельности человека — а сторонники пытаются преуменьшить значимость теплого периода или вообще его отрицают. Цифровые данные можно найти в ряде научных работ, к примеру: Richard W. Battarbee et al., eds., *Past Climate Variability through Europe and Africa*, Vol. 6 (Springer, 2004). Более популярное и доступное изложение фактов см. в первой главе книги Brian Fagan, *The Little Ice Age: How Climate Made History, 1300–1850* (Basic Books, 2000), pp. 3–21. (Прим. авт.)

Карта 63.1. Наводнения и голод

Хронологическая таблица 63

Англия	Шотландия	Уэльс	Европа	Северная Индия
Вторая Баронская война (1264–1267)				Балбан (1266–1287)
Эдуард I (1272–1307)				
		Восстание Дафилда ап Гриффида (1282)		
		Рудланский статут (1284)		
	Биремский договор (1289)			Муиззат-Дин (1287–1290) Бугра-хан, султан Гаура (1287–1291)
	Смерть Маргарет (1290)			Династия Халджи (1290–1320) Джалал-ад-Дин (1290–1296)
	Джон Баллиол (1292–1296)			
	Парижский договор (1295)			

Англия	Шотландия	Уэльс	Европа	Северная Индия
	Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)			Ала ад-Дин (1296–1316)
	Битва на Стирлингском мосту (1297)			Монголы нападают на Дели (1299)
	Смерть Уильяма Уоллеса (1305)			Дели нападает на Мевар (1303)
Эдуард II (1307–1327)	Роберт Брюс (1306–1329)		Начало голода (1310)	Падение Пандья (1308)
Убийство Пирса Гавестона (1312)			Наводнения и дожди (1314–1316)	Кутб ад-Дин (1316–1320)
			Рекордно низкие температуры в Европе (1317–1318)	Хосру-хан (1320)
				Гияс ад-Дин (1320–1325)

лет. В Германии Нейштадтский виноградник дал «совсем немного вина». Во французском городе Ипре десятая часть жителей умерла от голода; в Турнэ, по словам очевидца, так много *«погибало ежедневно... мужчин и женщин, богатых и бедных, молодых и старых... что даже воздух пропитался вонью»*.

Вдобавок ко всему в течение этих двух лет в небе над почти всей Европой висела комета. Жоффруа де Мо, придворный врач короля Франции, по совместительству любитель-астроном, отметил, что она сияла так ярко, что видна была и ночью, и днем. Ученые XIV века единодушно полагали, что столь яркое небесное тело — предзнаменование недорода, времени разбоя и грабежей, затмения правды и правосудия, когда море поднимется и поглотит народы: «Весь мир был в смятении», — отмечал германский хронист в обзоре сообщений о погодной катастрофе от Балтийского моря до Средиземноморья⁴.

Наступил голод. Он затронул все слои населения — но аристократы, обладавшие большими запасами, страдали меньше. Масса крестьян, живших со дня на день, постоянно балансировала на грани голодной смерти. Они выживали, расходуя все, что обычно сохранялось на будущее: посевное зерно, запасы на зиму. Тягловых животных, без которых невозможно было бы распахать ставшие пока бесплодными поля, резали и съедали. Старики отказывались от пищи, чтобы поддержать жизнь внуков; молодым родителям приходилось выбирать между жизнью своей или детей — зная, что, если они умрут, то и детям не выжить.

«Великий голод был в стране...» — так начинается немецкая народная сказка «Гензель и Гретель», записанная братьями Гримм в XIX веке; в ней сохранился отголосок дней отчаяния, пережитых пятьсот лет назад. Не будучи в силах ни добровольно заморить самих себя голодом, ни решиться на детоубийство, родители отводили детей в лес и там оставляли, лишь бы не видеть, как они умирают. «Конечно, было бы лучше разделить с детьми последний кусок!» — обреченно думает отец; но мачеха, возможно желая спасти собственных отпрысков, отчаянно надеется выжить⁵.

Летом 1317 года стало немного суше, и изможденные крестьяне воспрянули духом. Однако в августе дожди возобновились, а в промежутке от октября 1317 года до Пасхи 1318 года были отмечены неслыханно низкие температуры. Северное море замерзло; в Кельне случилась метель 30 июня⁶.

К осени 1318 года худшее осталось позади; долгое лето вернулось еще на несколько десятилетий. Но погода сделалась непред-

сказуемой. Запись за 1319 год в нормандской «Хронике Сент-Эвру» свидетельствует: *«В этом году случилось удивительное возмущение стихий, причинившее великий ущерб. Ветра ураганной силы повалили множество деревьев»*. Через пять лет снова: *«Великий ущерб причинили грозы... сровняли с землей многие дома и повалили деревья»*.

Джон из Фордена сообщает: «В год 1321-й зима была весьма суровой, людям пришлось туго, а животные почти все пали». Снег, по словам нормандской хроники, повсюду был глубокий и прочный: в середине марта, во время Великого поста, он все еще лежал, «более плотный, чем где бы то ни было»⁷.

Великий голод погубил десятую часть населения Европы; в некоторых регионах умерло до четверти жителей. А дети, пережившие голод, навсегда остались искалеченными из-за последствий цинги и нарушений процесса роста: у них были плохие зубы и ослабленный иммунитет — им нечем было сопротивляться новой беде, которая вскоре обрушилась на них.

Глава 64

Султан и хан

Между 1310 и 1335 годами растет сила и богатство Египетской империи, но процветание Ильханата заканчивается

Халил, султан Египта, царствовал в финале существования последнего королевства крестоносцев — цели устремлений мусульманских военачальников со времен Саладина. Это не сделало его героем. Он был убит в 1293 году, в возрасте 29 лет, тремя офицерами собственной армии. За семнадцать дальнейших лет анархии в султанате четыре раза сменилась власть. Мамлюки Египта, поднимавшиеся из рабства на престол, не обладали традицией передачи власти от отца к сыну: скипетром султана мог завладеть лишь сильнейший. И хотя все кандидаты в правители были мамлюками, никто из них не принадлежал к полку Бахритов, некогда охранявших давно погибшего Айюба. Даже бахриты, бывшие юношами на момент восхождения мамлюков к власти, уже разменяли седьмой десяток; теперь следующее поколение стремилось урвать у судьбы свою долю¹.

Усложняло борьбу за власть на самом ее пике существование младшего сына Калауна, младшего брата Халила, аль-Насира Му-

хаммеда ибн Калауна. Аль-Насир, которому на момент убийства Халила было всего восемь лет, с 1293 до 1310 года возносился на престол султаната дважды, оба раза — как подставное лицо; власть всегда оставалась в руках амбициозного регента, и аль-Насир смог выжить, только смирившись с необходимостью во всем подчиняться кукловодам.

Но за эти годы покорное дитя стало мужчиной. Ему было около 24 лет, он провел большую часть жизни под домашним арестом — но уже некоторое время тихо строил планы стать султаном не только на словах, но и на деле.

Тем временем народ Египта устал от постоянного хаоса и «чисток» в султанском дворце. В 1310 году, когда Нил внезапно разлился, недовольство народа достигло пика, и аль-Насир воспользовался своим шансом. Он покинул замок Керак, где некоторое время жил в изгнании, и, собирая по пути сторонников, двинулся на Дамаск. К тому времени, когда он прибыл туда, правители мамлюкских городов Алеппо и Иерусалима решили присоединиться к нему.

К тому времени как аль-Насир приготовился отправиться из Дамаска в Каир, чтобы заполучить престол, большая часть империи уже перешла на его сторону. Тогдашний правитель Египта, офицер по имени Бейбарс, который провозгласил себя султаном двумя годами ранее, оказался в полном одиночестве. Он вышел навстречу аль-Насиру пешком, неся в руках погребальную одежду и таким образом демонстрируя, что готов умереть; аль-Насир, уже ставший умным политиком, великодушно простил его на глазах у народа — после чего велел негласно задушить его через несколько часов².

У аль-Насира были годы на то, чтобы спланировать свои действия после получения власти, и он сразу начал реорганизовывать пришедшие в беспорядок дела страны. Он осматривал земли империи, знакомился с ее владельцами, выяснял, какие налоги они платят, провел официальный аудит под названием *раук*; после этого он перераспределил земельные участки в пользу тех, кто проявил наибольшую лояльность. За время 30-летнего правления он сделает это еще трижды — каждый раз уделяя чрезвычайное внимание подробностям, лично контролируя работу писарей и проверяющих³.

Он стал султаном в удачное время; наиболее опасный враг египетского государства, монгольский Ильханат, находился в состоянии упадка. Хан хулагидов Олджейту женился на дочери византийского императора и стал союзником Византии против

мамлюков; в 1305 году он даже пытался убедить французского и английского королей присоединиться к нему в совместной экспедиции против Египта.

Но в отличие от своего брата и предшественника Газана, Олджейту не везло в сражениях. В 1312 году он организовал вторжение в Сирию через Евфрат — однако ему не удалось захватить ни одного города из находившихся под контролем мамлюков. В ответ аль-Насир отправил свою армию против Ильханата и захватил города Кахту, Гергер и Малатью.

Олджейту больше не пытался воевать с мамлюками; по-видимому, он потерял аппетит к войне, а вдобавок был нездоров. В 1316 году он скончался от кровотечения желудочной язвы, которая беспокоила его в течение нескольких лет. Ему было 36 лет, и его наследником был его десятилетний сын Абу Саид Бахадурхан. В качестве регента при ребенке встал один из наиболее выдающихся полководцев Олджейту, Чобан⁴.

Хотя Чобан провел всю жизнь в постоянных войнах, по характеру он был более склонен заключать мирные договоры и строить мосты. Когда Георгий V, вассальный царь Грузии (находившейся под полным контролем монголов с 1248 года), прибыл в Багдад для участия в коронации нового хана, Чобан наградил его, вернув полный контроль над юго-восточной частью Грузии — которой предыдущие ханы правили напрямую. Он начал договариваться о мире и с мамлюками; в итоге было заключено перемирие, ратифицированное в 1323 году молодым Абу Саидом и аль-Насиром. Оно превратило реку Евфрат в границу между Ильханатом и государством мамлюков. Эта граница стала чертой, которая пережила обе империи⁵.

В то же время аль-Насир принял меры предосторожности, укрепив союз с Золотой Ордой. Хан Узбек оставался враждебным к своим монгольским родичам — но согласился выдать одну из своих дочерей замуж за аль-Насира и закрепить союз⁶.

Египет стал единственной могущественной силой на территории между Марокко и Персидским заливом. В одном только Каире предположительно насчитывалось 600 000 жителей — то есть он был в четырнадцать раз больше Лондона того же столетия. Каир находился на пересечении путей торговли пряностями, которые шли от Красного моря по Нилу, а потом на запад Африки, и эффективное управление аль-Насира значило, что султанат Египта собирал долю прибыли с каждого торговца, проходившего через город.

Мусульманский путешественник Ибн Баттута, отправившийся из Танжера в Мекку для совершения хаджа, прибыл в Каир в 1325 году, в разгар правления аль-Насира. Он восхитился городом:

«Безгранично изобилие его народа, безупречны его красота и роскошь. Каир — перепутье торговцев, объединяющее слабых и могущественных... Говорят, что там двенадцать тысяч водоносов и тридцать тысяч мокари*»; тридцать шесть тысяч лодок на Ниле принадлежат султану и его подданным, они так и снуют туда-сюда, ... заполненные всевозможными товарами... От Александрии до Каира непрерывной чередой идут базары... Города и деревни непрерывно сменяют друг друга вдоль берегов Нила и не имеют равных в населенном мире, и неизвестна ни одна река, чей бассейн так же широко возделывается, как бассейн Нила»⁷.

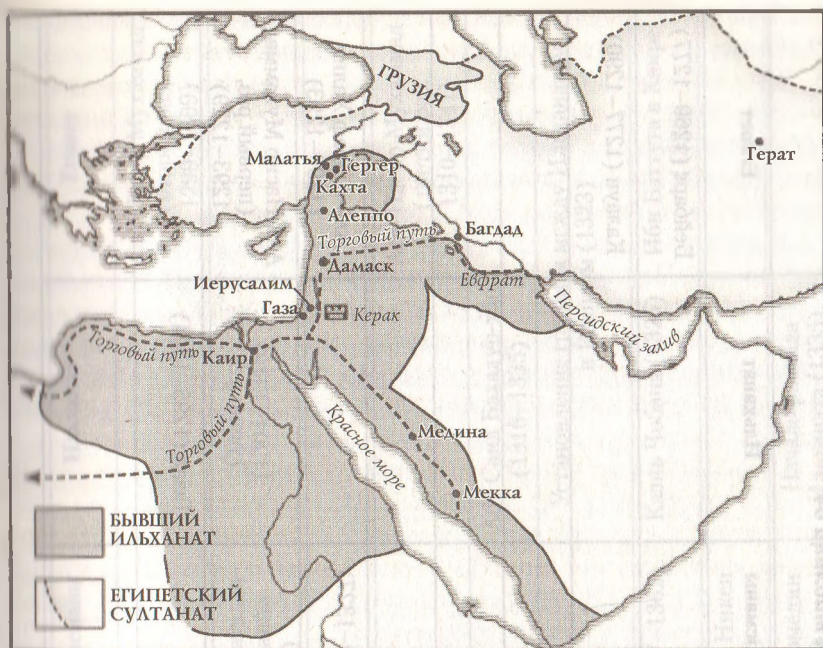
Значительную часть собранных налогов аль-Насир направлял на нужды Каира и окружающих городов. При нем было построено не менее тридцати мечетей и школ при них, выкопаны новые каналы и колодцы. Он приказал соорудить на Ниле мосты и водяные мельницы. Такими делами можно заниматься только в отсутствие войны, опустошающей казну государства.

* * *

Однако новый союзник аль-Насира на востоке не знал покоя. Абу Саид все еще был подростком, и ему все меньше нравилась его роль подставного лица. Чобан добился мира в Ильханате — но молодой хан, как и аль-Насир на полтора десятилетия ранее, постоянно находился в тени своего дельного и усердно трудившегося регента: «Чобан взял все владения... Абу Саида под свой контроль, крепкой хваткой», — пишет придворный историк Хафиз-и Аbru⁸.

Хан начал подозревать, что Чобан, и не думавший передавать ему полную власть, планировал сделать своим преемником собственного сына — как это делали сегуны в Японии. Но это полностью исключило бы Абу Саида из эшелонов власти. В 1325 году он испытал на прочность авторитет Чобана. Дочь Чобана, прославленная красавица Хатун, двумя годами ранее была выдана замуж за вельможу из Ильханата; теперь Абу Саид призвал ее отца и сам потребовал руки молодой женщины. «Традиция монгольского дома предписывала, что, если какая-либо женщина понравится правителю, ее муж должен будет уступить ее добровольно», — говорит Хафиз-и Аbru⁹.

* Владелец сдаваемых напрокат вьючных животных. (Прим. авт.)

Карта 64.1. Падение Ильханата

Абу Саид был красивым юношей («красивейшим из божьих созданий», утверждает Баттута, который, покинув Каир, побывал в Багдаде и увидел хана собственными глазами); придворный историк Аbru довольно романтично приписывает это требование влюбленности. «Когда сердце отдается томному взгляду фиалковых очей, — вздыхает он, — будь то сердце царя или раба, оно ускользает из-под контроля»¹⁰.

Но этот приказ, очевидно, был попыткой выяснить, насколько верен Чобан своему хану. Когда визирь отказался принудить свою дочь повиноваться, Абу Саид получил желаемый ответ. Он выждал, пока Чобан покинет Багдад — после чего приказал арестовать и казнить его старшего сына по обвинению в том, что молодой человек спал с одной из наложниц хана. Услышав эту новость, Чобан понял, что ему грозит. Он бежал в принадлежащий Хулагидам Герат, будучи уверен, что правитель города, его личный друг, вышугит его. Но правитель отказался бросить вызов хану; вместо этого он дал своему старому знакомому выбор между обезглавливанием и более почетной смертью от удушения.

Хронологическая таблица 64

Англия, Шотландия и Уэльс	Европа	Византия и османы	Ильханат	Египет
Вторая война баронов (1264–1267)				Бейбарс (1260–1277)
Эдуард I (1272–1307)				Калаун (1277–1290)
Восстание Дафидда ап Грифида (1282)				
Рудланский статут (1284)				
Биргемский договор (1289)				
Смерть Маргарет (1290)		Осман (1290–1327)		Аль-Ашраф Халил (1290–1293)
Джон Баллиол (1292–1296)				Аль-Насир Мухаммад (первый раз, 1293–1229)
Парижский договор (1295)			Газан (1295–1304)	
Первая война за независимость Шот- ландии (1296–1328)				

Англия, Шотландия и Уэльс	Европа	Византия и османы	Ильханат	Египет
Битва на Стерлинг- ском мосту (1297)				Аль-Насир Мухаммад (второй раз, 1299–1309)
Смерть Уильяма Уоллеса (1305)		Прибытие Каталан- ской компании (1302)	Олджейту (1304–1316)	
Роберт Брюс (1306–1329)				
Эдуард II (1307–1327)	Начало голода (1310)			Аль-Насир Мухаммад (третий раз, 1310–1341)
Убийство Пирса Гавестона (1312)	Наводнения и дожди (1314–1316)		Абу Саид Бахадур-хан (1316–1335)	
	Рекордно низкие температуры (1317–1318)		Установление границы между Ильханатом и Египтом (1323)	
		Орхан (1327–1362)	Казнь Чобана (1325)	Ибн Баттута в Каире (1325)
		Завоевание Никеи (1331)		
		Сдача Никомедии (1337)	Начало распада Ильханата (1335)	

Чобан выбрал удушение. После этого правитель отрезал один из его пальцев и отправил Абу Саиду в знак повиновения¹¹.

Второй сын Чобана бежал в Каир — но аль-Насир тоже не хотел оскорблять Абу Саида; он заточил юношу в тюрьму и на следующий год казнил. После этого Абу Саид заставил прекрасную Хатун развестись с мужем и сам женился на ней. В возрасте двадцати лет он получил полный контроль над Ильханатом.

В отличие от аль-Насира в Египте, Абу Саид не стал успешным правителем. На замену Чобану он назначил одного из своих фаворитов, министра Гията ад-Дина, хорошего человека «с ангельским нравом», как утверждает современная хроника, но некомпетентного. «Вместо наказания тех, кто совершал... преступления, он отвечал полным их прощением, возмещал их злые действия добром, и... доверял им наиболее важные дела», — говорит историк.

Ильханат начал клониться к упадку — но Абу Саид не дожид до того, чтобы стать его спасителем. Ибн Баттута, повторяя придворные слухи, утверждает, что около 1335 года у Абу Саида развилась «неукротимая страсть» к новой жене, и он забыл о дочери Чобана — Хатун. «Вследствие этого она стала ревновать и отравила его... Он умер, и род его прервался»¹².

Христианское царство Грузия сразу провозгласило свою независимость под властью Георгия V. А на остальной территории бывшего государства Хулагидов начали появляться мусульманские династии, правившие своими миниатюрными царствами: «Когда царь умер и не оставил наследника, — пишет Ибн Баттута, — каждый из правителей взял под свой контроль область, к которой ранее был назначен». Почти мгновенно великий Ильханат исчез без следа¹³.

Глава 65

Манса Муса из Мали

Между 1312 и 1360 годами внешний мир узнает о сокровищах Мали

В 1312 году правитель (манса) Мали отрекся от власти, передал престол своему троюродному брату и отправился в путешествие. Его звали Абубакар II; он был племянником Сундиаты, брата его матери, великого мусульманского завоевателя, основавшего Мали как независимое государство.

Державе Мали исполнилось уже сто лет. Она поглотила ближайшие города Гао и Мани на востоке; под ее контроль попала вся долина реки Сенегал; Мали растянулась до побережья западной Африки. За этим пределом находился океан.

Как объяснил позже его троюродный брат, *«царь, бывший моим предшественником, считал возможным открытие самой дальней границы океана и упорно желал достичь ее. Поэтому он заполнил 100 кораблей людьми и еще столько же — золотом, водой и провиантом, которого хватило бы на несколько лет»*. Абубакар отдал своему новому адмиралу строгий приказ: отправляться на запад и не возвращаться, пока не начнет кончаться пища и вода.

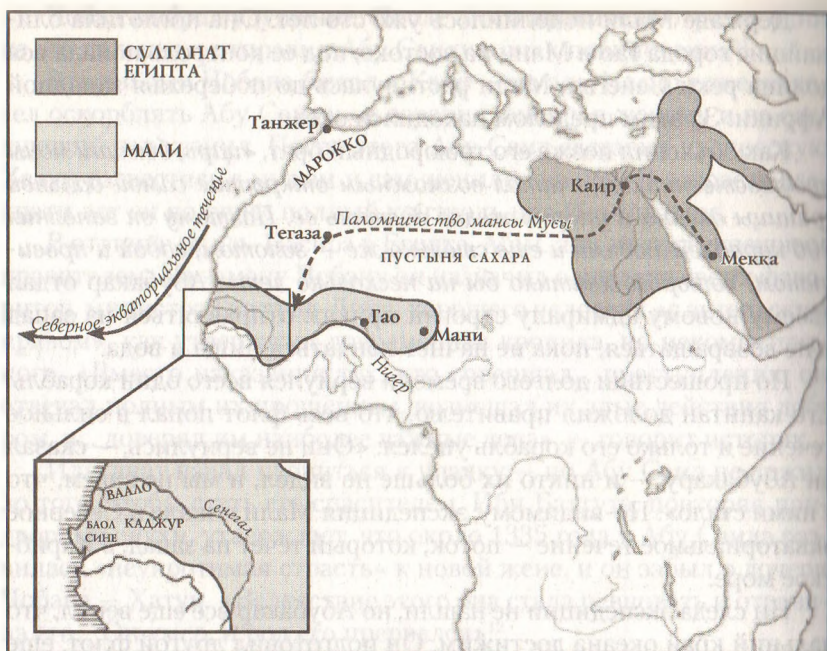
По прошествии долгого времени вернулся всего один корабль. Его капитан доложил правителю, что весь флот попал в сильное течение и только его корабль уцелел: «Они не вернулись, — сказал он Абубакару, — и никто их больше не видел, и мы не знаем, что с ними стало». По-видимому, экспедиция Мали попала в Северное экваториальное течение — поток, который течет на запад, в Карибское море.

Ни следа экспедиции не нашли, но Абубакар все еще верил, что дальний край океана достижим. Он подготовил другой флот, еще более крупный — две тысячи кораблей, половина из которых была нагружена исключительно провиантом — и сам возглавил его. «Больше мы не видели ни его, ни тех, кто уплыл с ним, и поэтому я стал полноправным царем», — рассказал его преемник¹.

Так манса Муса, брат и помощник Абубакара, стал правителем Мали. Он сконцентрировал свое внимание в другом направлении — не на неизведанный запад, а на восток, к Мекке. По словам человека, знавшего Мусу лично, он был «благочестивым и усердным в молитве, чтении Корана и поминании Бога»; его величайшим желанием было сотворение хаджа.

Его план, наконец, осуществился только через двадцать лет. В 1324 году, когда ибн Баттута начал свое путешествие по северным областям Африки, манса Муса тоже отправился к священному городу. С огромным караваном рабов, солдат, придворных и служанок своей жены (всего около пятисот человек) он отправился по долине реки Нигер, а затем на северо-восток, к Каиру, по пути пересекая торговые маршруты и пройдя Тегазу².

Мекка все еще находилась под защитой султана Бахритов, и Каир был обязательной остановкой на пути из Западной Африки в Аравию. Там манса Муса подружился с придворным ибн Амиром Хаджибом, правителем Старого Каира. Как пишет арабский историк

Карта 65.1. Мали времен расцвета

XIV века аль-Умари, «Муса сказал ему, что его страна очень обширна и соприкасается с океаном. Своим мечом и своими войсками он завоевал 24 города, каждый — с пригородами, деревнями и поместьями». Со всех завоеванных городов он требовал дань золотом³.

Что бы манса Муса ни сказал ему, правитель Каира вынес из их беседы уверенность в том, что золото в Африке росло из земли, на золотых растениях с золотыми корнями, которые нужно было просто вытянуть и потрясти. Возможно, его можно было простить за ошибку, поскольку поведение приезжих из Мали создавало впечатление, что золото в долине Нигера было вещью столь же обычной, как козье молоко.

Манса Муса привез с собой тысячи и тысячи золотых слитков: восемьдесят возов по 260 фунтов на каждом, по словам ибн Хальдуна, в целом более десяти тонн. Во время своего пребывания он раздавал золото настолько щедро, что стоимость его в Каире упала на четверть. «Этот человек волной излил свою щедрость на весь Каир, — отметил позднее тот же правитель. — Во всем султанате не было ни одного придворного или другого чиновника, который не получил бы от него подарка золотом»⁴.

Либо сам манса, либо его казначеи обсчитались: монарх Мали потратил большую часть своих денег по дороге в Мекку, а когда он вернулся в Каир после паломничества к Каабе, средства кончились совсем. Он был вынужден позаимствовать денег у каирских ростовщиков на путешествие обратно через пустыню в Мали, и ростовщики предъявили ему сложные счета — пришлось заплатить 233 процента за каждый позаимствованный динар⁵.

* * *

Страсть Абубакара к приключениям на западе подарила мансе Мусе престол; благодаря его собственному паломничеству на восток на европейских картах мира все чаще отмечалась страна Мали. «Каталонский Атлас», претендующая на полноту карта мира, созданная для Педро Арагонского еврейским картографом Авраамом Крескесом, изображает самого мансу Мусу на золотом престоле, с золотыми скипетром и державой в руках и золотой короной на голове.

В последующие годы правления мансы Мусы европейские торговцы и послы европейских государств вновь и вновь пересекали Сахару в поисках золота; они заключали договоры с правителем Мали, и после смерти Мусы в 1337 году Мали оставалась сильной. Но за пределами страны продолжали распространяться преувеличенные легенды о ее богатстве — о сокровищах, которые достаточно было лишь выдернуть из земли.

В самой Мали также начался политический раскол. Магхан, сын мансы Мусы, служивший регентом в период долгого отсутствия отца в стране, в итоге унаследовал его корону. Но он умер вскоре, после четырех лет правления, и престол занял его дядя, манса Сулейман. «Жадный и бесполезный человек» — так называет его ибн Баттута, прибывший в Мали в середине правления Сулеймана. Ибн Баттуте сообщили, что султан намерен одарить его, но дар оказался смехотворным: «три хлебных корки, кусок жареной рыбы и тарелка кислого молока». Будучи серьезно оскорбленным — он ожидал как минимум коня и шитую золотом мантию, а то и две, — он выразил султану свое возмущение в письменном виде — и был награжден домом и пропитанием на весь оставшийся период своего пребывания⁶.

У Сулеймана были причины относиться с подозрением к новым гостям его страны. После смерти мансы Мусы все больше людей извне попадали в Мали в поисках золотых растений, рассчитывая на легкое вероие малийцев. Правитель Старого Каира по-

Хронологическая таблица 65

Европа	Османы	Ильханат	Египет	Мали и империя Волоф
				Сундьята (ок. 1218–1255)
				Завоевание Сосо (1235–1240)
			Бейбарс (1260–1277)	Абубакар II (? – ок. 1312) Гражданская война в Мали (1359)
			Калаун (1277–1290)	
	Осман (1290–1327)		Аль-Ашраф Халил (1290–1293)	
		Газан (1295–1304)	Аль-Насир Мухаммад (первый раз, 1293–1299)	
			Аль-Насир Мухаммад (второй раз, 1299–1309)	
	Прибытие в Византию Каталанской компании (1302)	Олджейту (1304–1316)		
Начало голода (1310)			Аль-Насир Мухаммад (третий раз, 1310–1341)	

Европа	Османы	Ильханат	Египет	Малы и империя Волоф
Наводнения и дожди (1314–1316)				Манса Муса (ок. 1312–1337)
Рекордно низкие температуры (1317–1318)		Абу Саид Бахадур-хан (1316–1335)		
		Установление границы между Ильханатом и Египтом (1323)		
	Орхан (1327–1362)	Казнь Чобана (1325)	Ибн Баттута в Каире (1325)	Манса Муса совершает хадж (1324)
	Завоевание Никеи (1331)			
	Слава Никомедии (1337)	Начинается распад Ильханата (1335)		Магхан (1337–1341)
				Манса Сулейман (1341–1359)
				Ибн Баттута прибывает в Мали (1352)
				Мари Диата II (1360–1374)
				Основание империи Волоф под властью Ндиариане Н'Диайе (ок. 1370)

колением ранее отметил, что каирские торговцы радостно и беззаботно эксплуатировали караван Мусы. Как поведал он историку аль-Умари, *«торговцы... рассказали мне о доходах, которые получили от африканцев — утверждая, что те могли купить рубашку, или плащ, или мантию, или любое другое одеяние за пять динаров, когда та одежда не стоила и одного. Они были настолько просты и доверчивы, что их можно было всячески обманывать»*. Со вздохом он добавил: *«Позже у них сложилось наихудшее мнение о египтянах из-за очевидной лживости всего, что они говорили, и отвратительной жадности при назначении цен»*⁷.

По-видимому, Сулейман решил, что ибн Баттута безобиден и почести несколько смягчили оскорбленную честь путешественника. За те два месяца, что он оставался в Мали, ибн Баттута не только отдал должное условиям безопасности и делу правосудия в государстве: *«Путешественник может перемещаться сам, не страшась воров и грабителей»*, — отметил он. Он также восхвалял благочестие малийцев, отмечая, что для них было обычным делом запомнить наизусть весь Коран. По словам аль-Умари,

*«Их правителя сейчас зовут Сулейман, он является братом султана Мусы мансы. Он контролирует, находясь на земле Судана, те области, что его брат объединил завоеванием и присоединил к владениям ислама. Там он построил обычные и соборные мечети, минареты, и учредил пятничные бдения и общие молитвы, и призывы муэдзинов... Этот владыка — величайший из всех мусульманских владык Судана. Он правит самой обширной территорией, обладает крупнейшей армией, является храбрейшим, богатым, наиболее удачливым и одерживает больше всех побед над врагами»*⁸.

Все двадцать четыре года своего правления Сулеймана крепко держал Мали в узде. Его подданные, по словам ибн Баттуты, *«унижались... в присутствии своего короля»* больше, чем другие народы, простираясь перед ним и посыпая головы пылью. Сулейман окружил себя предметами, достойными императора: золотым оружием и доспехами; рядами придворных и тюркских мамлюков, рабами-воинами, купленными в Египте. Они должны были вести себя внимательно и осмотрительно в его присутствии: *«Того, кто чихал при короле, жестоко избивали»*, — указывает аль-Умари⁹.

Но после смерти Сулеймана в 1359 году политические фракции, подспудно развивавшиеся еще в период его правления (каж-

дая из них группировалась вокруг какого-либо потомка мансы Мусы), стали действовать открыто и в итоге разорвали страну.

Началась гражданская война между сторонниками сына Сулеймана, Фомбы, и одним из сыновей Магхана — Мари Диатой. После года сражений Фомба был убит, и его противник захватил престол как Мари Диата II. «Злейший правитель из всех из-за пыток, тирании и лишений, которым он подвергал подданных», — пишет про него летописец XIV века ибн Хальдун¹⁰.

После переворота часть Мали между реками Сенегалом и Гамбией подняла восстание. Выйдя из подчинения деспоту Мари Диате, три разных клана — Ваало, Баол и Каджур, говорившие на языке волоф, — основали конфедерацию. Сохранив внутреннюю независимость, они объединились под властью одного царя. Этого царя, как и германских вождей, избирал совет из представителей клановой знати, которые сходились для этой цели в условленном месте.

О первом избранном императоре государства Волоф известно лишь имя: Ндиадиане Н'Диайе. Более о нем мы не знаем почти ничего. Но в легендах передается как минимум одна деталь: Ндиадиане был магом, то есть не исламским царем, но традиционным африканским вождем. Короли Мали правили исламским государством — но под видимостью верности исламу выжили и сохранились древние традиции.

Глава 66

После голода

Между 1318 и 1330 годами Филипп V беспокоят пастушки и прокаженные, династия Капетингов уступает место Валуа, в то время как Эдуард II терпит поражение от жены и ее любовника и таинственным образом уходит из жизни

К 1318 году французский король Филипп V уже пятый год подряд обещал отправиться в крестовый поход. Это обещание стало частью рутинной риторики французских королей, знаком их преданности христианскому делу. В первый раз Филипп «принял крест» в 1313 году, вместе с отцом и братом; и с тех пор ежегодно подтверждал свое намерение отправиться на Восток и повоевать против мусульман — арабов, османов или мамлюков.

Возможно, Филипп V искренне собирался пойти в крестовый поход — и лишь ждал, пока во Франции установятся мир и процветание, его служащие станут послушны, народ будет доволен и не склонен к бунту. Но в 1318 году до выполнения этих условий было еще далеко. В 1319 году тоже не получилось, хотя Филипп даже собрал в Париже совет для обсуждения организации похода. Да и в 1320 году все оставалось по-прежнему.

Главной проблемой была логистика. Давно прошли те дни, когда у папы римского было достаточно власти, чтобы реально организовать крестовый поход. В 1316 году французский законодатель Жак д'Юэз стал папой Иоанном XXII — но он жил в Авиньоне, зависел от французского короля и был, по сути, изгнанником из Рима, неспособным повлиять на политику Германии и Италии. По зову из Авиньона в крестовый поход никто бы не поднялся. Если уж такой поход был нужен, то возглавить его следовало бы одному из монархов Европы¹.

Между тем Филиппа V, как и всех прочих европейских монархов, в первую очередь заботили внутренние дела. Его коронация совпала с последним годом холодов и голода; худшее осталось позади, но мир, в котором теперь существовали выжившие, оставался суровым и непрочным, его нарушали бури и паводки, засушливые месяцы и жестокие заморозки. Цены на зерно и соль то взлетали, то падали. Англия, как всегда, питала враждебные намерения. Фландрия, вынужденная покориться в 1305 году, вновь воспрянула духом при молодом графе Роберте III, поборнике независимости (его прозвали «Лев Фландрии»). К тому же по стране бродили хищные «пастушки»: это движение, успешно подавленное 70 лет назад, возникло опять. Как сообщает летописец Этьен Балюз, *«внезапно появилось сборище простого люда обоего пола, именующих себя пастушками, кои были преисполнены рвения и отваги, чтобы пересечь море и отвоевать Святую землю»*. Первое восстание было поднято единственным харизматическим проповедником, безумным «учителем из Венгрии», но второе даже не имело вождей; Балюз упоминает какого-то священника-расстригу и «бenedиктинского монаха-отступника», но не приводит имен, а другие летописцы, похоже, вообще не слыхали о каких-либо вождях².

Первые группировки пастухов и свинопасов спонтанно возникли в июне 1320 года; они просили подаяния на предполагаемый крестовый поход. Но, как и в предыдущем случае, к пастушкам вскоре присоединились шайки разбойников и бродяг. Сбор подая-

ния сменился грабежом, жертвами которого становились в первую очередь зажиточные священники и богатые монастыри.

Филиппа V больше заботили дела во Фландрии, и он ничего не сделал для прекращения разбоя; шайки становились все многочисленнее. «Они распространялись... словно моровое поветрие», — жаловался доминиканец-инквизитор Бернар Ги. Но по мере того, как движение перемещалось на юг, пастушки переключались с разбоя на прямое убийство евреев³.

Отец Филиппа еще в 1306 года повелел изгнать евреев из Франции — но часть из них осталась, а за прошедшие четырнадцать лет вернулись остальные. В Бордо, Альби, Тулузе и в ряде городков поменьше «пастушки» согнали евреев на площадь и поставили перед ними выбор: креститься или умереть. В Монклю было убито 337 человек; в Кастельсаррасене — 152. Королевские чиновники, наконец-то спохватившись, задержали двадцать четыре повозки мародеров и доставили их в Тулузу на суд. По словам современника, когда повозки въехали в город,

«пастушки, находившиеся на последних повозках, стали просить о помощи, уверяя, что их схватили из-за того, что они хотели отомстить за смерть Христа. В тулузской толпе нашлись сочувствующие, кто-то перерезал постромки повозок, и как только пастушки освободились, они стали кричать: „Смерть, смерть! Убивайте евреев!“»

В тот день в Тулузе погибло более 150 евреев⁴.

Папа Иоанн XXII, узнав у себя в Авиньоне о беспорядках, сразу направил во все крупные города Франции письма, осуждающие «пастушков» и призывающие христиан защитить евреев.

«Мы требуем от вас и призываем во имя Господа Иисуса Христа, — значилось в послании, — с готовностью оказывать помощь евреям, поодиночке и совместно... дабы никто из них не испытал урона ни в товарах, ни в имуществе, ни лично».

К середине июля письма разошлись по всей стране, и гражданские власти начали действовать. Тысячи пастушков, прибывших в порт Эг-Морт, были окружены солдатами из Каркассона и перебиты⁵.

Никем не руководимое движение очень быстро распалось — но голодная, обнищавшая французская деревня оставалась беспокойной. Весной 1321 года поползли неизвестно откуда слухи, будто

бы прокаженные отравляют колодцы по всей Франции, чтобы заразить весь народ. Вскоре из слухов стала формироваться теория заговора: прокаженные, евреи и мусульмане якобы сообща замыслили испортить «ядовитыми отварами» все «водоемы, источники, колодцы и другие места» во всех «королевствах, исповедующих веру Христову». Устрашенные поселяне стали хватать местных прокаженных и сжигать их живьем. Филипп V, вполне поверивший в реальность угрозы, приказал подвергнуть прокаженных карантину, а евреев изгнать; в который раз волна евреев-изгнанников хлынула прочь из Франции. Паника распространилась и на Арагон, где король Хайме II велел арестовать всех прокаженных и допросить под пыткой⁶.

Филипп V так никогда и не пошел в крестовый поход. В самый разгар психоза «отравителей» он захворал; у него обнаружилась хроническая изнуряющая дизентерия. В январе 1322 года он умер в 29 лет. У него осталась единственная дочь, которая не могла наследовать трон по тому самому «салическому праву», которое когда-то помогло Филиппу стать королем. Коронован был его брат Карл IV⁷.

* * *

Англия после голодных лет также испытывала проблемы, но по другим причинам. Как утверждает поэма-протест «Симония» (*«The Simonie»*).

Каждый бейлиф, каждый староста ищут ныне,
Как бы посильнее прижать бедняков.
Были раньше купцы, что покупали и продавали честно —
Но ныне забыт сей обычай, не блюдут его уж давно...
Земледельцы их клянут, вдовы плачут и зывают к Богу
об отмищении скорейшем,
Ибо виновны во всем лорды, допустившие безобразия эти⁸.

Фермеры и крестьяне Англии возлагали вину за свои бедствия на жадных торговцев и коррумпированных судей; торговцы и судьи — на английских баронов; бароны же обвиняли короля.

Эдуард II пробыл королем Англии уже пятнадцать лет — «неизменно трусливый и неудачливый в войне», как замечает «Ланеркостская хроника». «Он не мог сравниться со своим отцом в отваге и мудрости», — пишет Жан Фруассар. Эдуард потерял Шотландию; при нем разразился голод, сильнееший с незапамятных времен; он поставил себя в глупое положение с Пирсом Гавесто-

ном — а теперь, когда с Гавестоном было покончено, завел нового фаворита⁹.

Им стал Хью Диспенсер Младший, сын графа Винчестера;* это был высокий и привлекательный мужчина 36 лет, всего двумя годами младше короля. В 1318 году Эдуард назначил Хью своим канцлером — после чего в документах королевской казны регистрируются огромные суммы, выплаченные Хью Младшему: за различные материалы для его дома, за оружие для него самого и его замков, денежные дарения по всевозможным случаям, расходы на отделку новых покоев Хью в королевском замке в Винчестере. Большой военный корабль, построенный для королевского флота, окрестили «Диспенсер». «Уверенный в благосклонности короля, Диспенсер делал все, что вздумается, присваивал все, что пожелает и не подчинялся вообще никому», — говорится в «*Vita Eduardi Secundi*»¹⁰.

Бароны Англии возненавидели Диспенсера еще сильнее, чем Пирса Гавестона, но их попытки убедить Эдуарда, что его следует навсегда изгнать, успеха не имели. Наконец, Диспенсер позволил себе вмешиваться в семейные дела Эдуарда; Жан Фруассар пишет, что он «возбудил такой разлад между королем и королевой, что король отказался не только навещать супругу, но и видаться с нею», а «Ланеркостская хроника» предполагает, что Хью активно старался развести короля и королеву¹¹.

Изабелла была на 11 лет младше мужа и уже натерпелась достаточно унижений от его привязанности к Гавестону. Не желая снова оказаться в положении третьей лишней, она покинула Лондон и нашла себе убежище в Париже, у своего брата, недавно коронованного Карла IV.

В течение следующих трех лет тянулась сложная игра в кошки-мышки, где Эдуард был мышь, Изабелла — кошкой, а Карл — хозяином цирка, наблюдающим из-за кулис. Пока Изабелла находилась в Париже, французские войска, направленные Карлом IV, торглись в принадлежащее англичанам герцогство Гиень. После

* Хью Диспенсера (ок. 1287–1326) называли «Младшим» в отличие от его отца, тоже Хью Диспенсера (1261–1326) — барона, способного администратора и дипломата, который верно служил королю Эдуарду I, а затем стал одним из немногих баронов, принявших сторону Эдуарда II во время конфликта вокруг Пирса Гавестона. В итоге после казни Гавестона это принесло ему должность доверенного советника короля. За ним на сторону короля перешел и Хью Младший. К 1321 году бароны добились изгнания обоих Хью — однако уже через год они тайно возвратились. Титул графа Винчестера Хью Диспенсер Старший получил только в 1322 году, когда Диспенсеры уже обрели неограниченную власть. (Прим. ред.)

чего Изабелла возвратилась в Лондон и предложила Эдуарду свою помощь в заключении мира с ее братом. В 1325 году она наведалась в Париж вторично. Эдуард полагал, что она действует в качестве его посланницы, но на самом деле королева продвигала свой план свергнуть мужа и отдать трон сыну, юному принцу Уэльскому.

В Париже вокруг нее собралось влиятельное общество английских изгнанников — одним пришлось спастись из-за козней Хью Диспенсера, другие не поладили с королем. Среди них был и младший сводный брат короля Эдмунд Кентский, а также английский барон Роджер Мортимер, которого король в 1321 году посадил в тюрьму за вооруженную попытку изгнать Хью Диспенсера из Лондона. Мортимер ухитрился бежать из лондонского Тауэра и добрался до Франции. Встретившись в Париже, они с королевой стали любовниками¹².

К концу 1325 года король сообразил, что в Париже что-то неладно. *«Королева отправилась во Францию, чтобы добиться мира, — заявил он на собрании парламента 5 декабря. — И при ее отбытии никто не заметил, чтобы она была чем-то обижена... Но ныне кто-то изменил ее настроение. Кто-то подстрекает ее лживыми измышлениями»*¹³.

Изабелле было чуть больше тридцати, супруг годами не ночевал в ее постели, и она не нуждалась ни в каком подстрекательстве. Пользуясь услугами Мортимера и имея в своем распоряжении казну брата, она собрала армию; английские бароны согласились оказать королеве поддержку, если она приведет достаточно сильный отряд. В сентябре 1326 года Изабелла вышла в море с небольшим отрядом наемников из Фландрии, Германии и Богемии в дополнение к горстке англичан-эмигрантов. Завоевать Англию им удалось почти мгновенно. «Они взяли Англию без боя, — сообщает современник, сэр Томас Грей, — ибо все лорды и простолюдины поднялись вместе с ними против короля». Эдуард II и Хью Диспенсер попытались бежать по реке Уай — но их лодку выбросило на берег, и оба попали в плен¹⁴.

Эдуарда заключили в замке Беркли. Созванный заново парламент низложил короля «по общему согласию», отказался подчиняться ему и принес присягу на верность Эдуарду III. Его короновали в 1327 году, в возрасте 14 лет, но править он должен был при двух регентах — его матери Изабелле и ее любовнике Роджере Мортимере. Хью Диспенсер («которого не любили в тех краях», — замечает Фруассар) был приговорен «по единодушному решению баронов и рыцарей» к следующей каре:

«Прежде всего его протащили... по всем улицам Херфорда, под звуки рожков и труб, и доставили на главную площадь города... Там его привязали к длинной лестнице, чтобы все могли его видеть. Посередине площади развели большой костер. Когда Диспенсера привязали, его член и тестикулы отрезали, ибо был он еретиком и содомитом, и, как говорили, грешил даже с королем, и... отрезанные части бросили в огонь и сожгли; затем у него вырезали сердце и также сожгли... голову отрубили и отправили в Лондон. Тело разрезали на четыре части, которые отправили в четыре города Англии, важнейших после Лондона»¹⁵.

Что было в дальнейшем с Эдуардом II, как ни странно, осталось тайной. В конце сентября тюремщики короля сообщили, что он внезапно умер, «от естественных причин». Тело незамедлительно забальзамировали — и хотя многих рыцарей и клириков пригласили взглянуть на него издали, «близких друзей и родичей» умершего короля не допустили¹⁶.

На протяжении столетий большинство историков полагало, что король был убит: задушен в своей камере по приказу Роджера Мортимера. («Он умер, каким образом, никто не знает, но богу известно все», — пишет сэр Томас Грей)*. Однако в 1878 году в церковном архиве Монпелье, на юге Франции, было найдено письмо епископа XIV века Мануэля Фиески**. Судя по этому письму, Фиески лично знал Эдуарда II; король якобы бежал из замка Беркли, убив стражника, сперва в Ирландию, а оттуда в Италию¹⁷.

Англией теперь правил 14-летний Эдуард III — а это означало, что в следующие четыре года королем и королевой *de facto* будут Изабелла и Роджер Мортимер. Под руководством матери и ее лю-

* О том, что король убит по приказу Мортимера, судачили все. В конце 1330-х годов хронист Адам Мьюримут, королевский советник и каноник при соборе Святого Павла, сообщал, что «повсюду говорят», будто король убит из предосторожности, и даже называет имена убийц — Малтреверс и Герни, его охранники. Написанная тогда же хроника «Брут» излагает одну из версий убийства, снабжая ее красочными подробностями, позднее повторяющимися и в других хрониках. (Прим. ред.)

** В действительности Мануэле Фиески (?–1349), как это следует из подлинника к письму, на тот момент был нотарием при папе Иоанне XXII; епископом Верчелли он стал значительно позже. Письмо было написано в конце 1330-х годов и обращено лично к королю Эдуарду II, в Монпелье обнаружена лишь его копия. Сам Фиески до 1335 года служил в Англии, являлся архидиаконом в Ноттингеме и каноником собора в Солсбери, был знаком с Ричардом де Бери — наставником юного Эдуарда III. Из текста следует, что письмо было не первым; известно также, что в 1336 году родственник Фиески, кардинал Николино, был в Англии и встречался с Эдуардом III. (Прим. ред.)

тиммером сочли, что было бы логично отдать опустевший трон Эдуарду III. Они доказывали, что салическое право не позволяет женщинам только наследовать трон, но не препятствует *наследованию по женской линии*, при условии, что наследник — мужчина. Как сын Изабеллы, Эдуард был ближайшим из живущих мужчин — родственников французского королевского дома.

Однако английскому королю понадобились бы более весомые аргументы (и побольше мечей), чтобы убедить французских баронов признать его. Притязания Эдуарда на трон были отвергнуты. Французская знать предпочла Филиппа Валуа, графа Анжуйского, двоюродного брата трех умерших королей. Его короновали в 1328 году, и он стал первым королем династии Валуа; прямая линия потомков Гуго Капета, правивших Францией 340 лет, угасла.

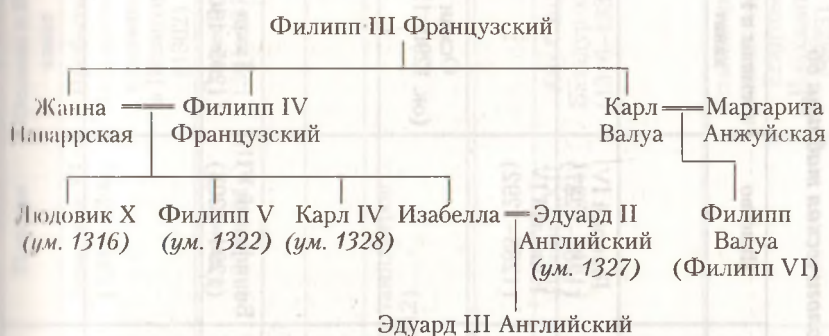

Схема 66.1. Генеалогия Филиппа VI и Эдуарда III.

Через год Филипп VI Французский призвал Эдуарда III явиться и принести оммаж за Гиень. Изабелла решила, что дипломатии ради сыну следует согласиться — и 17-летний король Англии смиренно совершил обряд подчинения: вложив свои руки в руки короля французского, он присягнул ему и поклялся соблюдать вассальную верность.

Но на этом послушание Эдуарда закончилось. Срок его совершеннолетия близился, и он был сыт по горло поучениями регентов. «Король возмужал и телом, и разумом, — замечает Грей, — и это подрывало власть королевы-матери»¹⁸.

Еще через год, в 1330-м, юному королю исполнилось восемнадцать. Не мешкая, он избавился от регентской опеки самым простым способом: отправил двух своих друзей с отрядом солдат арестовать Мортимера и королеву-мать посреди ночи.

Хронологическая таблица 66

Англия	Шотландия и Уэльс	Франция	Папство	Османь и Иль- ханат	Египет	Мали и Волоф
Вторая Барон- ская война (1264–1267)						
	Рудланский статут (1284)	Филипп IV (1285–1314)	Гонорий IV (1285–1287)			
	Биргемский договор (1289)		Николай IV (1288–1292)			
				Осман (ок. 1290–1327)	Аль-Ашраф Халил (1290–1293)	
	Джон Баллиол (1292–1296)				Аль-Насир Мухаммад (первый раз, 1293–1299)	
	Парижский договор (1295)		Бонифаций VIII (1294–1303)	Газан (1295–1304)		
	Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)				Аль-Насир Мухаммад (второй раз, 1299–1309)	Абубакар II (?– ок. 1312)
	Битва на Стирлингском мосту (1297)					

Англия	Шотландия и Уэльс	Франция	Папство	Османская Империя ханы	Египет	Малая Азия
		Битва при Куртрэ (1302)	Бенедикт XI (1303–1304)	Прибытие Каталонской компании в Византию (1302)		
	Смерть Уильяма Уоллеса (1305)	Роберт III Лев, граф Фландрский (1305–1322)	Климент V (1305–1314)	Олджейту (1304–1316)		
Эдуард II (1307–1327)	Роберт Брюс (1306–1329)					
Убийство Пирса Гавестона (1312)		Уничтожение тамплиеров (1312)			Аль-Насир Мухаммад (третий раз, 1310–1341)	Манса Муса (ок. 1312–1337)
		Людовик X (1314–1316)				
		Филипп V (1316–1322)	Иоанн XXII (1316–1334)	Абу Саид Бахадур-хан (1316–1335)		
		Новое появление «пастушков» (1320)				
		Карл IV (1322–1328)		Установление границы между Египтом и Илханатом (1323)		Манса Муса совершает хадж (1324)

Англия	Шотландия и Уэльс	Франция	Папство	Османы и Иль-ханат	Египет	Мали и Волоф
Эдуард III (1327–1377)		Филипп VI (1328–1350)		Казнь Чобана (1325) Орхан (1327–1362) Завоевание Никеи (1331) Начинается распад Ильхана- та (1335) Сдача Никоме- дии (1337)	Ибн Баттута в Каире (1325)	
						Магхан (1337–1341) Сулейман (1341–1359) Ибн Баттута в Мали (1352) Гражданская война в Мали (1359) Мари Диага II (1360–1374) Империя Волоф – Ндиан- лиане Н Диайе (ок. 1370)

Мортимера постигла та же участь, что и Хью Диспенсера. После скорого суда его четвертовали «по обвинению в причастности к смерти короля Эдуарда II». Изабеллу снисходительный сын поместил под домашний арест; ей предоставили комфортабельное жилище, приличное содержание, слуг и фрейлин — но раз и навсегда запретили появляться на людях¹⁹.

Глава 67

Северный и Южный дворы

Между 1318 и 1339 годами сегунов Минамото сменяют сегуны Асикага, а императорский двор разделяется

Оба монгольских вторжения в Японию окончились неудачей. Море надежно отделяло Японские острова от континента, став непреодолимым препятствием на пути юаньских солдат.

Однако сложная политическая система страны, представленная двумя центрами власти, оказалась чересчур хрупкой и после монгольских вторжений дала трещину.

На пике монгольской угрозы императорский двор в Киото разделился в вопросе наследования Хризантемового трона. Сложный спор между двумя братьями, один из которых приходился императору старшим сыном, а другой был его любимцем, разрешился компромиссным соглашением, по которому потомки старшего и младшего братьев будут сменяться на троне поочередно.

Как это часто свойственно компромиссам, обе стороны остались недовольны достигнутыми уступками. Отношения между двумя правящими ветвями стремительно ухудшались. Младшая ветвь императорской фамилии покровительствовала конфуцианству и китайской учености, а старшая отдавала предпочтение буддизму и традиционной литературе, написанной на японском языке. Внутри враждующих лагерей отдельные семьи боролись за право посадить на трон следующего императора¹.

Тем временем власть регента-сиккэна при сегуне, фактически возглавлявшего военное правительство в Камакуре, постепенно становилась тиранической. Когда военная угроза со стороны монголов была предотвращена, Ходзэ Токимунэ и его наследники начали проявлять все больше и больше самоуправства. Они раздавали правительственные должности друзьям и союзникам, награждали верных сторонников земельными наделами, ставили своих

родственников военными губернаторами (*сюго*) удаленных от Камакуры и Киото провинций².

На фоне ужесточения власти Ходзе происходило общее падение законности. Пышным цветом расцвела преступность. По дорогам страны бродили шайки разбойников-*акүто* («плохие отряды»); пираты нападали на порты и прибрежные селения. При решении возникших проблем Ходзе прибегали к силовым мерам, ужесточали законы и наказания. Для борьбы с преступностью приходилось усиливать армию сюго. Все корабли должны были проходить обязательную регистрацию с указанием имени владельца и порта назначения. Если раньше наказанием за сухопутный и морской разбой была ссылка в отдаленные районы, то теперь ее заменила смертная казнь. Скашивание злаков до жатвы отныне преследовалось как уголовное преступление³.

Несмотря на это, ситуация в стране стремительно ухудшалась. Пираты перебрались в западные воды, грабя население прибрежных районов Китая и Кореи. Численность разбойничьих отрядов росла из года в год, пока они не превратились в грозную силу. Вооруженные мечами и бамбуковыми копьями, бандиты грабили деревни и блокировали дороги. *«Они не обращали внимания на постановления бакуфу, а все попытки сюго разгромить их были тщетны. Поэтому их число увеличивалось с каждым днем»*, — сообщает живший в XIV веке монах из провинции Харима. Из отдаленных провинций поступали сообщения о совершаемых *акүто* ночных нападениях, грабежах и убийствах на дорогах, поджогах домов и похищении зерна. Храмы закрывались — монахи были слишком напуганы, чтобы оставаться в уединенных местах⁴.

* * *

В 1318 году император Ханадзоно объявил о своем отречении. Так как он принадлежал к старшей ветви императорской фамилии, власть перешла к его двоюродному брату из младшей ветви, который начал править под именем Го-Дайго.

Но его воцарение сопровождалось дополнительными условиями. Два года, предшествовавшие отречению Ханадзоно, прошли в ожесточенной борьбе между обоими семействами. Несмотря на то, что Го-Дайго наследовал престол согласно установленной очереди, большинство членов старшего двора отдавали предпочтение его племяннику Куниеси. Однако при существующем порядке чередования наследования далее трон должен был перейти к другой ветви, вычеркивая Куниеси из списка претендентов.

Чтобы избежать вооруженного конфликта в Киото, сиккэн предложил новый компромисс. Го-Дайго становится императором при условии, что его сыновья не станут наследными принцами. Куниеси наследует Го-Дайго, после чего корона перейдет к старшему дому. Кроме того, чтобы дать возможность почувствовать вкус власти большему количеству претендентов, все последующие императоры будут править не больше десяти лет⁵.

Го-Дайго был только 31 год. Вынужденный поставить крест на императорском будущем своих сыновей, он замыслил свергнуть вамакурский сегунат.

Его первой целью было вернуть себе больше властных полномочий. Императором-отшельником, теоретически даже более влиятельным, чем правящий монарх, был его отец Го-Уда (из-за частых отречений в стране было три отрекшихся императора, и Го-Уда был самым старшим из них). Но Го-Уда больше внимания уделял духовным, а не государственным вопросам. *«Я провел четыре года среди столичной пыли. Я потерял связь с распространением буддистского учения... Мои обязанности заставили меня свернуть с правильного пути. Все чаще меня посещают мысли об отречении»*, — позднее напишет он о своем коротком пребывании императором-отшельником.

Го-Дайго извлек пользу из настроений отца. В последний год его царствования он уговорил Го-Уду отказаться от законодательных полномочий, которыми пользовался император-отшельник, и передать их трону⁶.

Следующие несколько лет Го-Дайго правил лично: необычное положение вещей, с которым соперничающий клан мирился только потому, что скоро Го-Дайго должен был отречься, следуя установленному сиккэном порядку. Но в 1326 году назначенный наследным принцем Куниеси неожиданно заболел и спустя две недели умер. *«Его родственники обезумели от горя так, словно белый свет померк»*, — читаем мы в «Масукагами».

И действительно, очень скоро страну объяла тьма гражданской войны. Го-Дайго заявил, что поскольку согласно первоначальной договоренности наследником должен стать член младшей семьи, то титул наследного принца может получить один из его сыновей. Однако старшая ветвь потребовала немедленно вернуть этот титул ей. Спор затягивался, а оставшийся без наследника Го-Дайго правил уже больше оговоренного срока. В это же время он укреплял союз с печально известными монахами-воинами с горы Хиэй и от-

правил туда учиться двоих сыновей: одного на священника, другого на настоятеля⁷.

На этот раз бакуфу не спешило вмешиваться в ход событий. Ходзе Такатоки, ставший сиккэном в 1311 году в возрасте восьми лет, был молод. Предыдущий династический кризис разрешили его главный министр и сведущая бабушка. Но теперь Такатоки стал полноправным правителем — и, как обнаружилось, с трудом мог сосредоточиться на государственных делах.

Героическая повесть XIV века «*Тайхэйки*» («Повесть о великом мире») сообщает, что он заразился страстью к собачьим боям и вместо причитающихся налогов был готов принимать в дар собак. Собачьи бои устраивались каждый месяц и продолжались двенадцать дней.

«Собаку-победителя кормили рыбой и дичью, держали в клетке, украшенной золотом и серебром, а на прогулку выносили в паланкине. Когда достопочтенных животных проносили по людным улицам, то все... должны были спешиваться и падать ниц в почтении... Таким образом, город Камакура представлял собой поистине странное зрелище, где собаки были сыты и одеты в шелк и парчу, а общее число их составляло от четырех до пяти тысяч»⁸.

Такатоки был слишком занят своим досугом, чтобы обращать внимание на раздоры в Киото.

К 1331 году в старшем доме окончательно убедились, что Го-Дайго стремится к бессрочному правлению. Поэтому в Камакуру было отправлено настоятельное послание недвусмысленного содержания: *«В последнее время наибольшую опасность представляют мятежные устремления императора. Дайте распоряжение немедленно провести расследование, пока смута не причинила вред стране»*. По совету приближенных Такатоки отправил армию на императорскую столицу. В ответ Го-Дайго призвал к открытому выступлению против продажного и слабого сиккэна⁹.

В преддверии новой войны самураи разделились. Одни поддерживали императора, другие встали на сторону сиккэна, а третьи начали собственную игру, надеясь получить свой кусок от политического пирога. Самым известным среди самураев был Асикага Такаудзи, который в течение войны примыкал по очереди к каждой из трех сторон.

Клан Асикага был боковой ветвью некогда могущественных Минамото и происходил из восточной провинции Симоцукэ, которая была удалена и от императора, и от сегуна — так что этот

клан не чувствовал себя связанным с ними узами верности. Первые полгода войны Такаудзи поддерживал сегона, который оказался в очень выигрышном положении. Армия бакуфу оттеснила Го-Дайго и его самураев в горы возле Киото и блокировала их там, после чего Го-Дайго сдался с постыдной быстротой. Его доставили в Киото и поместили под арест в хижину за дворцом, откуда он был вынужден наблюдать за торжественной коронацией представителя старшего дома.

После этого Го-Дайго под охраной перевезли в гавань Ясуки, что к западу от столицы, а оттуда переправили на пустынный остров Оки — как гласит «Чистое зеркало»: *«Почти лишенный следов пребывания человека, лишь постройки вдали отмечали места, где рыбаки выпаривали из воды соль»*. Здесь ему предстояло прожить два года в самодельном жилище, пока император Когон правил в Киото, а Ходзе Такатоки наслаждался собачьими боями в Камакюре¹⁰.

Однако несостоятельность сиккэна не добавила ему новых друзей, а императора Когона многие считали марионеткой. Даже церемония его возведения на престол не прошла надлежащим образом, так как Го-Дайго отказался передавать сопернику знаки императорской власти. Находясь в ссылке, Го-Дайго мог спокойно вербовать сторонников среди самураев, рыбаков и пиратов — всех, кто хотел избавиться от правления Ходзе Такатоки. Зимой 1333 года небольшой отряд пиратов и рыбаков помог Го-Дайго бежать с острова. Император-изгнанник высадился в провинции Хоки, где его ожидала армия, которую он должен был возглавить¹¹.

Получив эти известия, Ходзе Такатоки отправил против мятежников армию, которую возглавили Асикага Такаудзи и Нитта Ёсисада (последний также являлся потомком Минамото). Но Асикага Такаудзи решил, что сиккэн не торопится наградить его по заслугам, и задумал сменить сторону в борьбе. С этой целью последний год он состоял в тайной переписке с Го-Дайго. Покинув Камакуру, Такаудзи перешел на сторону мятежников, поддержанный Ёсисадой и большинством солдат. Вместе они атаковали Ходзе с двух сторон. С частью войска Асикага Такаудзи направился в Киото и изгнал оттуда чиновников Ходзе. Одновременно Нитта Ёсисада повел свою часть армии на Камакуру¹².

Обе операции увенчались успехом. Император Когон и военный наместник Киото бежали на восток, но в скором времени были схвачены. Наместника без промедления казнили, а императора перенесли в столицу и заключили под стражу. Нитта Ёсисада пять дней сражался с силами Ходзе в битве при Камакюре. Теснимые

противником, осознавая неизбежность поражения, полководцы и чиновники Ходзе один за другим начали сводить счеты с жизнью. 5 июля 1333 года Ходзе Такатоки вместе с тремястами преданными воинами укрылся в камакурском храме, где были похоронены его предки. «Убивайте себя, сейчас же! — приказал он. — Я начну первым, чтобы подать пример».

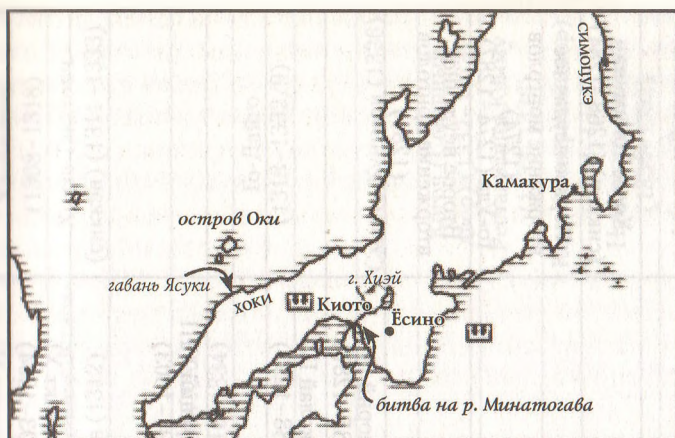
Он отпил от чаши с вином и передал ее ближайшему самураю, после чего *«вонзил короткий меч в бок и сделал длинный разрез слева направо, выпуская внутренности наружу, после чего упал лицом вниз»*. Самураи Ёсисады подожгли храм и у укрывшихся там не оставалось другого выхода, как последовать за своим господином. «Тайхэйки» сообщает, что в тот день около восьмисот воинов совершили самоубийство¹³.

Вернувшись в Киото, Го-Дайго заявил, что никогда не отрекался от власти и не признает правление Когона. События последующих трех лет получили название «Реставрация Кэмму». В это время Го-Дайго вновь попытался сконцентрировать власть в своих руках, словно и не было никакого изгнания. Однако Асикага Такаудзи намеревался получить освободившуюся должность сиккэна. Он уже занял ряд вакантных должностей в Киото и, подобно Ходзе, стал назначать военных губернаторов. Перебравшись в Камакуру (1335 год), он начал раздавать земельные пожалования.

До сих пор Такаудзи не объявил себя ни сегуном, ни сиккэном. Но Го-Дайго хотел избавиться от любых внешних ограничений, а не просто заменить одно властное лицо другим. Пока Такаудзи находился в Киото, император избегал прямого конфликта с бывшим союзником. Но стоило тому перебраться в Камакуру, как Го-Дайго немедленно объявил его «врагом трона». Новая война была неизбежна¹⁴.

Армия Такаудзи двинулась на Киото. Летом 1336 года на берегах реки Минато их встретили императорские силы, возглавляемые верным Ёсисадой. И снова решающее сражение разыгралось в июльскую жару. После ожесточенного боя, длившегося шесть часов, Нитта Ёсисада приказал одному из флангов отступить. Это оказалось роковой ошибкой, разделившей и ослабившей императорскую армию. Тысячи солдат в тот день полегли на поле боя¹⁵.

Вместе с остатками верных людей Го-Дайго бежал на юг, где нашел укрытие в горах и учредил новую столицу в провинции Ёсино. Такаудзи, захватив Киото, организовал военную ставку в районе Муромати. При этом он не делал попыток объявить себя императором, так как право императора на власть было неразрыв-

Карта 67.1. Северный и Южный дворы

но связано с принадлежностью к правящей династии. Поэтому новым императором был объявлен младший брат Когона по имени Ютахито¹⁶.

В 1338 году, полностью контролируя Киото, Асикага Такаудзи провозгласил себя сегуном. Теперь вместо сегуна и сиккэна в Камакуре, а также императора в Киото, в Японии были две императорские столицы, два императора — и один сегун, правивший без сиккэна. Так завершилась эпоха Камакурского сегуната и началось правление сегунов Асикага, которое продлится больше двух веков*.

Но Южный двор не сдавался. Хотя Го-Дайго умер в Ёсино в 1339 году в возрасте пятидесяти лет, борьбу продолжили его сыновья, укрепившиеся в горах. Начало правления Асикага совпало с началом эпохи *Намбокуте дзидай* или «Периода Южного и Северного дворов». Этот династический раскол продолжался почти шестьдесят лет (1336–1392). Затянувшееся противостояние между старшей и младшей ветвями привело к расколу страны: младшая ветвь правила на юге, а старшая на севере¹⁷.

Отсутствие единой верховной власти превратило Японию в военный лагерь, разбитый на враждующие между собой зоны. Асикага, в отличие от своих предшественников, не пользовались подавляющей поддержкой воинского сословия. Если камакурское бакуфу хотя бы пыталось поддерживать мир внутри император-

* Свое второе название, «Муромати-бакуфу», сегунат Асикага получил по району в Киото, где располагалась его ставка. (Прим. авт.)

Хронологическая таблица 67

Мали	Франция	Англия, Шотландия и Уэльс	Папство	Япония
		Вторая баронская война (1264–1267)		Ходзе Токимунэ (сиккэн) (1268–1284)
		Эдуард I (1272–1307)		Первое неудачное вторжение монголов (1274)
		Восстание Дафидда ап Грифида (1282)		Го-Уда (1274–1287)
	Филипп IV (1285–1314)	Рудланский статут (1284)	Гонорий IV (1285–1287)	Второе неудачное вторжение монголов (1281)
		Биргемское соглашение (1289)	Николай IV (1288–1292)	
		Джон Баллиол (1292–1296)		
		Первая война за независимость Шотландии (1296–1328) Битва на Стирлингском мосту (1297)	Бонифаций VIII (1294–1303)	
Абубакар II (? – ок. 1312)	Битва при Кургрэ (1302)		Бенедикт XI (1303–1304)	
	Роберт III Лев, граф Фландрский (1305–1322)	Роберт Брюс (1306–1329)	Клемент V (1305–1314)	

Мачи	Франция	Англия, Шотландия и Уэльс	Пиктское	Бретань
		Эдуард II (1307–1327)		Ханадоно (1308–1318)
Манса Муса (ок. 1312–1337)		Убийство Пирса Гавестона (1312)	Уничтожение тамплие- ров (1312)	Ходзе Такаоки (сиккэн) (1311–1333)
	Людовик X (1314–1316)			
	Филипп V (1316–1322)		Иоанн XXII (1316–1334)	
	Новое появление «пастушков» (1320)			Го-Дайго (1318–1332/9)
Манса Муса совершает хадж (1324)	Карл IV (1322–1328)			
	Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)		Смерть Куниеси (1326)
				Когон (Северный двор) (1332–1333)
				Реставрация Кэмму (1333–1336)
Магхан I (1337–1341)				Коме (Северный двор) (1336–1348) Намбокуте-дзидай (1336–1392)
Сулейман I (1341–1359)				Асикага Такаудзи (сегун) (1338–1358)

ского дома, то Асикага откровенно приняли сторону одной из ветвей династии. Очень скоро выяснилось, что Асикага контролируют только Киото и его окрестности — а контроль над удаленными провинциями переходил в руки наместников. Повсюду царил разруха и беззаконие¹⁸.

Как отмечал политический теоретик и сторонник Южного двора Китабатакэ Тикафуса,

«Со времен божественных прародителей династическое наследование в Японии никогда не прерывалось. Нашей страной непрерывно правят государи одной династии... Только в нашей стране с тех времен, когда боги разделили небо и землю и до наших дней, императоры наследуют друг другу в непрерывной последовательности... Это есть результат полномочий, данных Аматаэрасу, и по этой причине Япония отличается от других стран. Путь богов невозможно с легкостью постичь. Но если божественное основание вещей не понимают — подобная неосведомленность непременно порождает произвол»¹⁹.

Правление божественной династии императоров было тесно связано с мифом творения, с древней историей и с самой сущностью Японии. И хотя диктатор захватил Киото, военное правление всегда несло хаос.

Глава 68

Восстания

Между 1320 и 1351 годами Делийский султанат уменьшается из-за восстаний мусульманских и индуистских подданных

Делийским султанатом завладела еще одна династия. Гияс ад-Дин, владыка Пенджаба, спас его из рук индуиста Хосру хана и вернул на стезю ислама; его династия Туглак стала третьей тюркской династией, правившей в Дели. Но теперь правитель кожноиндийского королевства Какатия, Пратапа Рудра, воспринял смену династии, как шанс дать отпор захватчикам.

Он пытался противостоять Дели около десяти лет. В 1310 году Малик Кафур, полководец Ала ад-Дина, в течение месяца держал в осаде город Варангал, заставив Пратапу Рудру согласиться на внушительную ежегодную дань. «Верните его под [нашу] власть, —

указал Малик Кафур, — и восстановите его владения, дайте ему мантию, украшенную драгоценными камнями, и пообещайте ему зонт от моего имени». Мантия и зонт были символами того, что Пратапа Рудра с того момента должен был править «в тени» султана Дели. Он принял дары, но продолжал действовать независимо и часто медлил с отправкой дани в Дели. Он также укрепил Варангал, построив бастионы вдоль каменных стен, окружавших внешнюю границу города¹.

В условиях хаоса при правлении Хосру-хана Пратапа Рудра решил вовсе не отправлять дань. Но как только Гияс ад-Дин привел дела государства в порядок, он заметил недостачу. В 1321 году, через год после своей коронации, он отправил своего старшего сына и главного военачальника, Улуг-хана, на юг, чтобы затребовать из Варангала причитающиеся сокровища и слонов.

Первая осада провалилась; сперва Варангал был успешно взят в блокаду, но прежде чем город мог сдаться, из Дели пришли ложные известия о смерти Гияса ад-Дина, и его сын отступил. Когда он готовился уходить, прибыло второе послание: султан жив и здоров².

Улуг-хан осадил город во второй раз. Варангал уже страдал от голода и был ослаблен и на этот раз сдался в течение нескольких дней. Улуг-хан, подчиняясь инструкциям из Дели, опустошил город. Он позволил своим людям (численностью 63 тысячи, согласно одной записи) разграбить Варангал, уничтожил великий храм, где находились изображения индуистских божеств, которым поклонялся Пратапа Рудра, приказал переименовать город в Султанпур и начал строить рядом с разрушенным храмом огромную мечеть. Пратапу Рудру, взятого в плен, отправили в Дели в цепях; он умер по пути. В двух летописях несколько более позднего времени говорится, что Пратапа Рудра сам оборвал свою жизнь на берегах Нармады; когда его страна была стерта с карты и его город пропал, последний царь Какатии бросился в реку³.

Пока Улуг-хан подавлял восстание на юге, сам Гияс ад-Дин отправился на восток против султаната Бенгал, которым правил внук Бугра-хана. Правитель этот «оказал некоторое сопротивление», отмечает Барани, но повторное завоевание Бенгала прошло весьма легко; внук Бугра-хана был отправлен в Дели с веревкой на шее, и султан Дели собрался возвращаться домой.

По пути обратно в Дели Гияс ад-Дин остановился в шести милях к юго-востоку от Афганапура, чтобы показаться жителям этого города. Он наблюдал за парадом слонов из наспех сооруженного королевского павильона — и в этот момент павильон обрушил-

ся и похоронил султана под собой. Он пробыл на престоле всего пять лет⁴.

Улуг-хан, все еще находившийся в пути от Варангала, немедленно короновался прямо в походе, приняв имя Мухаммед бен Туглак. Он прибыл в Дели через сорок дней и взял город под контроль.

Улуг-хан унаследовал султанат на пике его расширения. Он оказался энергичным и амбициозным правителем. Но ему не хватало терпения, он был склонен к жестокости и зачастую действовал неосмотрительно. Как пишет Барани,

«Султан задумал три или четыре похода, которые должны были дать [ему] власть над всем обитаемым миром; но он никогда не обсуждал эти замыслы со своими советниками и друзьями. Что бы он ни задумывал, он все считал хорошей идеей, но в результате, торопясь осуществить свои планы, он потерял власть над территорией, которой владел, заработал презрение своего народа и опустошил сокровищницу... Каждый из его планов в итоге влек за собой зло и хаос»⁵.

Первым из этих катастрофических проектов было увеличение налогов, которое разъярило богатых и разорило бедных. Вторым было решение переместить столицу на семьсот миль к югу — в город Дэвагири, в попытке быть ближе к новой южной границе империи. К этому времени южнее реки Кришны только государство Хойсала продолжало сопротивляться султанату. Придворные и офицеры султана были не особо рады новшествам, и немалая их часть отказалась переезжать. Но Мухаммед бен Туглак был не тем человеком, которому можно было перечить. Он выбрал ряд лиц из индийской элиты и заставил этих людей переселить свои семьи в новую столицу, которую переименовал в Даулатабад⁶.

Переезд стал неудачей. Мухаммед не проследил за подготовкой города к приему новых жителей, и вскоре после их заселения начала ощущаться нехватка воды. Голод и жажда начали убивать горожан: «Повсюду вокруг Даулатабада... начали появляться кладбища», — пишет Барани⁷.

В 1330 году Мухаммед сдался и вернулся в Дели. Но долгое и тяжелое путешествие через Деккан и горный хребет Виндхья убило еще несколько тысяч человек. Три года спустя, когда путешественник Ибн Баттута вошел в Дели (его паломничество в Мекку превратилось в кругосветное путешествие), он увидел пустые улицы и заброшенный рынок: *«Это была почти пустыня. Значительных зданий было очень мало; и вообще город был совершенно*

пист, многие жилые дома заброшены... Величайший в мире город был самым малолюдным»⁸.

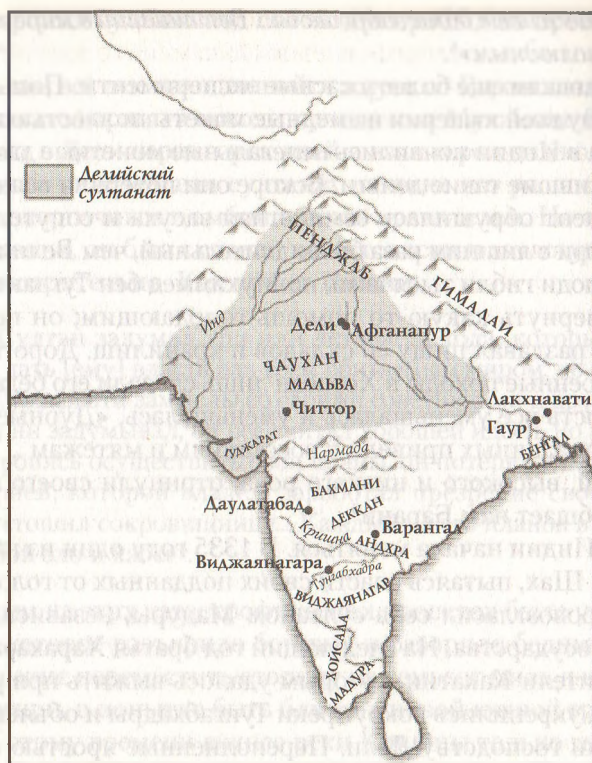
Последовали еще более ужасные эксперименты. Попытка сменить валюту всей империи на медные монеты полностью провалилась, когда в Индии появились нелегальные монетные дворы, массово чеканившие такие деньги. Вскоре они потеряли всякую цену. На континент обрушилась семилетняя засуха и сопутствующий голод — в три с лишним раза более длительный, чем Великий голод Европы. Люди гибли тысячами, но Мухаммед бен Туглак не попытался развернуть какую-то помощь голодающим; он не снизил налоги, не раздавал пищу со складов и хранилищ. Дорогие и бесплодные военные походы в Хорасан лишь сделали его беднее, и его популярность все уменьшалась и уменьшалась. «Дурные чувства среди его подданных привели к восстаниям и мятежам ... и сердца всех мужей, высокого и низкого рода, отрунули своего правителя», — сообщает нам Барани⁹.

Карта Индии начала меняться. В 1335 году один из наместников, Ахсан Шах, пытаясь спасти своих подданных от голода, отделился и провозгласил себя султаном Мадур, независимого исламского государства. На следующий год братья Харахара и Бука, бывшие жители Какатии, которым удалось выжить при разгроме Варангала, укрепились вокруг реки Тунгабхадры и объявили о неподчинении господству Дели. Переполненные яростью и возмущением от совершенных мусульманами разрушений, они объединились с другими индуистскими группировками, изгнанными на юг экспансией Дели, и решили основать индуистское государство на юге. Оно получило название Виджаянагар*.

Вскоре после этого коренные индийцы, остававшиеся в Варангале, тоже восстали против захватчиков из Дели. Индуистский вождь Капайя Наяка изгнал их и сам захватил город, объявив себя султаном страны Андхра¹⁰.

То же произошло и в других мусульманских султанатах: они поставали не против ислама, а против Мухаммеда. Офицер из Дели по имени Малик Хаджи Ильяс захватил бенгальский город Лакхнавати в Гауре и провозгласил себя султаном Шамс ад-Дином, основателем бенгальской династии Ильяс-Шахи. «Второй Алек-

* Братья Харихара и Бука Райя служили в молодости у владык Хойсалы, государства в Южной Индии, которое попало в зависимость от Делийского султаната. Виджаянагара первоначально была крепостью, построенной братьями. Они быстро подчинили себе весь юг Индии и стали основателями династии Сангама — первой в долгой истории империи Виджаянагар. (Прим. ред.)

Карта 68.1. Новые султанаты в Индии

сандр, — так он чеканил он на своих монетах, — правая рука халифата, защитник Повелителя правоверных»*.

В 1347 году в Даулатабаде мусульманский командир Хасан Гангу провозгласил себя султаном Деккана. Он поднялся из обычных солдат до командной должности — и вот теперь воспользовался своей властью, чтобы отколоться от правителя Дели, взяв себе новое имя: Ала ад-Дин Бахман. В итоге род Бахманов правил этим краем более ста лет¹¹.

Размах беспорядков обескуражил Мухаммеда. Его войска были рассредоточены; когда ему удавалось добиться победы, он пы-

* Гаур и Лакхнавати — два разных названия одного города, располагавшегося на территории Западной Бенгалии. В 1339 году власть в Лакхнавати захватил некто Али Мубарак; после его смерти в 1342 году султаном Лакхнавати провозгласил себя его сводный брат Шамс ад-Дин Ильяс-шах, начавший активно завоевывать окрестные земли. (Прим. ред.)

тася запугать оставшихся повстанцев невероятно жестокими наказаниями над попавшими в плен. Но чем более жестокими становились наказания, тем решительнее становилось сопротивление. На упреки своих советников султан отвечал так: *«Мой ответ повстанцам, мятежникам, оппонентам и недовольным — меч... Чем больше людей сопротивляется, тем больше будет наказаний»*¹².

В 1351 году Мухаммед бен Туглак вел кампанию на севере; здесь у него началась лихорадка и боли в животе. Барани связывает это с испорченной рыбой — но, судя по всему, султана сразила дизентерия. 20 марта 1351 года Мухаммед бен Туглак умер на берегах Инда.

Войско, пришедшее с ним, обратилось в бегство, пытаясь добраться обратно до Дели без приказа или плана. По пути оно подверглось нападению бандитов, но что еще хуже — без еды и припасов женщины и дети, сопровождавшие солдат, начали умирать. В отчаянии оставшиеся командиры умоляли сопровождавшего Туглака его племянника Фируз-шаха стать новым султаном: «Ради Бога, — говорили они, — спаси этих несчастных людей, взойди на престол и помоги нам и многим тысячам других!»¹³.

Фируз-шах отказывался. Он не хотел быть султаном; он планировал совершить хадж и не намеревался оставаться в Дели надолго. Несмотря на его возражения, люди провозгласили его своим правителем.

Его первой задачей было отвести людей домой; поэтому он снова превратил бредущую толпу в войско и направил его против бандитов. Под его руководством люди победили, и грабители обратились в бегство: «Это была первая победа правления султана Фируза, — пишет его биограф Шамс-и Сирадж, — и он продолжил путь в Дели среди общего ликования и похвал»¹⁴.

Одним из его действий стала компенсация ущерба всем наследникам людей, несправедливо убитых Мухаммедом бен Туглаком: «Те, кто остались в живых, но лишились конечности, носа, глаза, руки или ноги ...задобрены дарами», — писал сам новый султан. Он отменил целый ряд налогов, приказал построить новые больницы и приюты для бедняков, вернул конфискованные земли, отправил в отставку либо выгнал чиновников, принимавших участие в репрессиях Туглака¹⁵.

Распад султаната замедлился, границы стабилизировались, отделение завоеванных территорий прекратилось. Однако султан стал всего лишь одним из правителей, а царства Виджаянагары и Бахманитов уже превращались в империи.

Хронологическая таблица 68

Франция	Англия, Шотландия и Уэльс	Папство	Япония	Северная Индия	
				Муизз-ад-Дин (1287-1290)	Бугра-хан, султан Гаура (1287-1291)
Филипп IV (1285-1314)	Восстание Дафилда ап Гриффиды (1282)		Второе неудачное вторжение монголов (1281)		
	Рудланский статут (1284)	Гонорий IV (1285-1287)			
	Биргемское соглашение (1289)	Николай IV (1288-1292)			
	Джон Баллиол (1292-1296)			Династия Халджи (1290-1320) Джалал ад-Дин (1290-1296) Прагата Рудра из Какаты (1290-1320)	
	Первая война за независимость Шот- ландии (1296-1328)	Бонифаций VIII (1294-1303)		Ала ад-Дин (1296-1316)	
	Битва на Стирлинг- ском мосту (1297)				
Битва при Куртрэ (1302)		Бенедикт XI (1303-1304)		Нападение монголов на Дели (1299)	
Роберт III Лев, граф Фландрский (1305-1322)	Роберт Брюс (1306-1329)	Климент V (1305-1314)		Нападение Дели на Мевар (1303)	
	Эдуард II (1307-1327)		Ханалзоно (1308-1318)	Падение Пангья (1308)	

Франция	Англи, Шотландия и Уэльс	Правящие	Давление	Северная Италия
Людвиг X (1314–1316)	Убийство Пирса Гавестона (1312)	Уничтожение тамплиеров (1312)	Ходзе Такаоки (сиккэн) (1311–1333)	Кутб ад-Дин (1316–1320)
Филипп V (1316–1322)		Иоанн XXII (1316–1334)		Хосру-хан (1320)
Второй поход «пастушков» (1320)			Го-Дайго (1318–1332/9)	Гияс ад-Дин (1320–1325)
				Конец Какатыи (1321)
Карл IV (1322–1328)				Завоевание Бенгалии (1324)
Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)		Смерть Кунисси (1326)	Мухаммад бен Туглак (1325–1351)
			Когон (Северный двор) (1332–1333) Реставрация Кэмму (1333–1336)	Создание султаната Мадура (1335)
			Коме (Северный двор) (1336–1348) Ютахито (претен- дент) (1336–1348) Намбокуте-дзидай (1336–1392)	Создание Виджаянагары (1336)
			Асикага Такаудзи – сегун (1338–1358)	Начало династии Ильяс-Шахи в Бенгалии (1342)
				Создание султаната Деккан (1347)
				Фируз-шах (1351–1388)

Глава 69

Дать имя Возрождению

Между 1322 и 1341 годами Людвиг Баварский пытается вернуть древний титул императора Священной Римской империи, старые догматы Церкви ставятся под сомнение, а в Риме создается новая картина прошлого

В течение восьми лет Людвиг Баварский и Фридрих Габсбург оспаривали германскую корону. Их обоих избрали королями в 1314 году две разные группы князей; того и другого поддерживала часть могущественных германских герцогов.

И оба они находились на грани истощения. Ни один из них не мог себе позволить серьезную военную кампанию. Война была преимущественно «холодной» — а единственное реальное сражение в 1322 году, когда сторонники Людвига и Фридриха сошлись под Мюльдорфом в Баварии, длилось несколько часов и закончилось тем, что Фридриха взяли в плен.

После боя Людвиг велел подать обед обнищавшей баварской армии — но для этого не нашлось ничего кроме яиц, на более обильное угощение не было средств. Рыцарю, который проявил особую отвагу в битве, некоему Зигфриду Швепперману, он приказал выдать два яйца, и тот впоследствии украсил изображением яйца навершие своего герба в память о таком отличии¹.*

Людвиг и Фридрих были кузенами, они росли вместе и жили когда-то в одном доме; взяв соперника в плен, Людвиг хорошо обращался с ним, устроил его с относительным комфортом в замке

* В изложении автора битва при Мюльдорфе выглядит как нелепый анекдот. На самом деле это было серьезное столкновение; и его участники вовсе не были похожи на нищих. У Фридриха имелось 1400 человек тяжелой кавалерии, 5 тысяч конных наемников (венгров и команов), а также плюс большой отряд пехоты. В войске Людвига состояли 1800 человек тяжелой кавалерии, 4000 пехотинцев и контингент лучников. Король Богемии, его союзник, привел сюда отряды из Силезии и Рейнской области. Задействованы были и солдаты из Франконии и Швабии.

Зигфрид Швепперман командовал подразделением из 500 рыцарей бургграфа Фридриха Нюрнбергского и действительно отличился на поле боя. История о том, что у кайзера после победы нашлась для угощения только корзина яиц, впервые появился в сочинениях писателя Сигизмунда Майстерлина в 1488 году — то есть через 166 лет. И лишь после того, как она стала широко известна и превратилась в поговорку, потомки Швеппермана ввели изображение яйца в свой герб. Реальной же наградой герою стали несколько замков, пожалованных «неимущим» Людвигом. (Прим. ред.)

Траузниц. Теперь он мог приступить к осуществлению заветной цели: обрести титул императора Священной Римской империи.

Для этого было необходимо подчинить себе города Северной Италии, отличавшиеся гордостью и независимостью. Людвиг рассчитывал добиться этого, представившись другом и союзником. Поэтому в 1323 году он назначил графа Морштеттена «имперским наместником» и отправил его в Италию обхаживать ломбардские города — Милан и Феррару. Папе Иоанну XXII, сидевшему в своем дворце в Авиньоне, это не понравилось. Он настаивал на том, что в отсутствие коронованного императора протектором империи является папа, и только ему принадлежит право назначать «наместника» над Италией. Людвиг отказался уйти из Италии; тогда, 17 июля 1324 года, Иоанн XXII отлучил германского короля от церкви².

Возможно, Людвиг не ожидал, что папа-изгнанник станет столь энергично защищать свои права в Италии; в любом случае, отлучение его встревожило. Он все еще не добился прочной поддержки в Германии. Кое-кто из выборщиков откровенно надеялся сместить Людвигу — а те, что стояли на его стороне, оказались сами под угрозой отлучения, если бы остались союзниками короля, отставленного от христианской церкви. В попытке сохранить своих сторонников в Германии, не соглашаясь на требования Иоанна XXII, Людвиг отправился навестить Фридриха Красивого, все еще сидевшего в Траузнице, и предложил ему совместное правление. Его предложение было тщательно продумано: по нечетным дням государственные акты будет подписывать он, по четным — Фридрих; оба они примут оммаж от вассалов германской короны; если одному придется ехать в Италию, другой останется в Германии; имя Фридриха проставят на печати Людвигу, и наоборот³.

Фридрих согласился на этот сложный и непрактичный раздел власти (поскольку единственной альтернативой было неопределенно долгое прозябание в стенах Траузница). Но теперь заупрямились германские князья. Только *у них* было право избирать короля Германии, и никто из них не голосовал *за обоих* кандидатов*. Компромиссное решение могло основательно подорвать их авторитет⁴.

* Иоанн XXII отлучил Людвигу IV от церкви 23 марта 1324 года. Через год, 13 марта 1325 года, Людвиг IV подписал договор с пленным Фридрихом III, по которому тот получал свободу в обмен на отказ от притязаний на германский трон и клятву убедить своего брата Леопольда прекратить сопротивление Людвигу. Фридрих, однако, не сумел добиться последнего — и вернулся в Мюнхен в добровольный плен, хотя папа римский и освободил его от клятвы. Такое рыцарское поведение произвело большое впечатление на

Иоанн XXII также не признал претензий Фридриха на трон, осудив его за готовность сотрудничать с отлученным Людвигом. Но сам Иоанн XXII рисковал утратить свой имидж высокоморального понтифика. Становилось все очевиднее, даже для врагов Людвига, что декреты папы скрывают намерение сделать императором Священной Римской империи его патрона, короля Франции.

Авиньонское папство превратилось в орудие французской короны, а декреты Иоанна забили последний гвоздь в гроб идеи теократии, согласно которой любой папа стоит выше любого закона. *«Если следовать поучениям [Иоанна XXII] ...то нужно уничтожить все правительства. Он... лелеет лишь один замысел: обрести для себя возможность свергать, как ему вздумается, всякого правителя и тем самым обратить их в своих рабов»,* — писал итальянский ученый Марсилий Падуанский своем трактате *«Defensor Pacis»* («Защитник мира») в 1324 году.

Он был не первым: еще несколькими годами ранее поэт-изгнанник Данте Алигьери опубликовал резкую критику права папы назначать императоров Священной Римской империи; приводит цитаты из Библии, исторические и логические аргументы, Данте доказывал, что у Церкви никогда не было власти над мирскими государствами, и она не может наделять кого бы то ни было могуществом, которым не обладает сама*:

«Христос перед Пилатом отрицал свою причастность к земной власти, сказав: „Царствие мое не от мира сего“... Это не означает, что Христос, будучи Господом, не вершит судьбами бранных людей... но, являя собой образец для подражания Церкви, он не занимается делами государств»⁵.

Марсилий, который состоял при Людвиге Баварском в качестве личного врача, высказывался в том же духе, что и Данте: Христос «явился в сей мир не затем, чтобы править бранными народами

Людвига Баварского, что и побудило его вновь сблизиться с Фридрихом и договориться о совместном правлении в Германии. По настоянию папы и немецких князей 7 января 1326 года между Людвигом IV и Фридрихом III в Ульме был заключен договор, согласно которому Фридрих становился королем Германии, а Людвиг должен был короноваться императором Священной Римской империи в Италии. (Прим. ред.)

* Здесь автор цитирует политический трактат Данте «О монархии», написанный около 1313 года. Основное содержание его представляет собой философское обоснование всемирной монархии как блага человечества. Только одна часть посвящена проблеме соотношения теократии и монархии. (Прим. ред.)

ни или господствовать подобно королям», а римские епископы восседали такой власти в силу «извращенных наклонностей». Но он пошел еще дальше. Папа не является главою империи; в строгом смысле слова он не является даже главой Церкви. «Его можно считать наместником Бога на земле ничуть не больше, чем любого другого епископа, как мы уже не раз говорили и доказывали», — пишет он в заключение⁶.

Доказательства Марсилий приводит сложные и подробные, однако все они сходятся к одному главному постулату: «истинная церковь» не ограничивается пределами Рима, тем кругом, который папа признает христианским; истинная церковь состоит из всех людей, почитающих Христа, по всему миру, в любом месте или общине. И сообщество это — *ecclesia*, «невидимая церковь» — духовное, не мирское. Оно не имеет пределов ни во времени, ни в пространстве и потому не может иметь земного, смертного правителя. Христос, а не Петр является тем камнем, на котором зиждется церковь; у нее нет господина в человечестве⁷.

В пределах одного десятилетия Данте и Марсилий придали вербальную форму и интеллектуальное обоснование тому импульсу, который некогда побудил и вальденсов, и катаров, и пастушковых отвергать институт священничества и папу. Их сочинения сотрясли устой общества, пошатнули прежде незыблемые авторитеты.

Иоанн XXII, поглощенный своими политическими планами, не сразу обратил внимание на этот момент. Зато Людвиг Баварский отреагировал быстро. Вооруженный аргументами Марсилия, рассчитывая на добрую волю тех итальянцев, которые извлекли выгоду из появления имперского наместника, Людвиг прибыл в Италию, чтобы стать императором. На Троицын день 1327 года он короновался в Милане королем Италии. Железная корона лангобардов увенчала его голову. А 17 января 1328 года два епископа провели церемонию, в ходе которой итальянский дворянин Джакомо Скьяра Колонна, враг Иоанна XXII, возложил на голову Людвига также и корону императора Священной Римской империи.

Иоанн XXII начал проповедовать крестовый поход против Людвига еще до того, как узнал об узурпации своего права. Получив известие о коронации, 31 марта папа объявил ее недействительной; через месяц Людвиг, в свою очередь, объявил папу низложенным. Вместо него Людвиг водворил в базилике Святого Петра францисканца Пьетро Райнальдуччи, ставшего папой под именем Николая V⁸.

Однако вскоре популярность Людвига пошла на убыль. Приведенная им германская армия, не получив жалованья, занялась кражами и мародерством; Людвиг заставил Милан и близлежащие города выложить 200 000 флоринов (около 750 кг золота) для проведения задуманного им объединения империи; кроме того, он весьма неосмотрительно пригрозил казнь священникам, которые остались верными Иоанну XXII. И наконец он решил, что будет благоразумнее убраться из Рима⁹.

Николай V тоже бежал из города — понимая, что в отсутствие его покровителя добрые отношения с народом Рима не обеспечили бы ему признания христианской церкви по всей Италии, не говоря уж о всем мире. Поэтому он направился прямо в Авиньон и там попросил Иоанна XXII об отпущении грехов. Папа исполнил его просьбу, и благодарный Николай V исчез со сцены*.

До этого момента счет в состязании между папой и императором был примерно равным. Но тут Иоанн XXII допустил теологическую ошибку. 1 ноября 1331 года на проповеди в Авиньоне папа дал новую интерпретацию «блаженного лицемерия» — то есть непосредственной встречи с Богом, которую Он дарует умершим праведникам. По традиции считалось, что они удостоиваются этой чести немедленно. А папа утверждал, что праведники находятся в промежуточном состоянии: Христос их защищает, они избавлены от всех человеческих несчастий, однако лицемереть Бога им пока не дано. Только после Судного дня, когда в мире установится божественный порядок, верные смогут реально *увидеть* Его¹⁰.

Эта проповедь была приурочена ко дню Всех Святых, когда в церквях поминали тех, кто уже завершил свой земной путь и пребывал теперь по другую сторону. Утверждение, что и умершим праведникам приходится *ждать*, пока их допустят пред лицо Господа, выходило за рамки чисто богословских изысков. У христиан XIV века было много умерших близких, да и сами они жили в постоянном ожидании смерти — от случайной царяпины, от простуды, от малейшего ожога; для них эта новая трактовка была пугающей и болезненной.

* Николай V был отлучен от церкви Иоанном XXII в апреле 1329 года. Ему пришлось укрыться в замке одного из своих сторонников, откуда он отправил письмо папе и, получив гарантию прощения, сперва принес покаяние перед архиепископом Пизанским. Только 25 августа 1330 года он прибыл в Авиньон, и Иоанн XXII отпустил ему грехи. Остаток жизни антипапа провел в почетном заключении, в папском дворце, где и умер от старости в 1333 году. (Прим. ред.)

Карта 69.1. Земли, на которые претендовал Людвиг Баварский

Понадобилась некоторое время на то, чтобы дебаты об этой проповеди приобрели широкий размах — но к 1333 году Иоанн XXII уже был вынужден защищаться от обвинений в ереси, выдвинутых кардиналами. Людвиг IV ухватился за эту богословскую проблему и объявил о своем намерении провести совет, на котором против папы будет выдвинуто формальное обвинение в ереси.

Иоанну XXII шел восемьдесят пятый год; он сдался. Он был болен и устал от борьбы. В день 3 декабря 1334 года он отрекся от своей идеи о блаженном лицеизрении, признав ее ошибкой. А на следующий день, 4 декабря, папа умер в Авиньоне.

Его преемник, Бенедикт XII, был избран удивительно быстро, благодаря вмешательству Филиппа VI Французского. Людвиг

Хронологическая таблица 69

Япония	Папство	Италия	Германия	Северная Индия	
Второе неудачное вторжение монголов (1281)		Сицилийская вечерня (1282) Карл Хромой (1282–1285)		Муизз ад-Дин (1287–1290)	Бутра-хан – султан Гаура (1287–1291)
	Гонорий IV (1285–1287)	Хайме II Сицилийский (1285–1296)		Династия Халджи (1290–1320) Джалал ад-Дин (1290–1296)	
	Николай IV (1288–1292)			Пратана Рудра из Какаты (1290–1320)	
	Бонифаций VIII (1294–1303)			Ала ад-Дин (1296–1316)	
			Альбрехт (1298–1308)	Нападение монголов на Дели (1299)	
		Разорение Флоренции (1301)			
	Бенедикт XI (1303–1304)		Генрих VII (1303–1313)	Нападение Дели на Мевар (1303)	
Ханалзоно (1308–1318)	Климент V (1305–1314)	Роберт Неаполитанский (1309–1343)		Падение Пандья (1308)	
Холзе Такатоки – сиккэн (1311–1333)	Уничтожение тамплиеров (1312)		Генрих VII (император. 1312–1313)		

Япония	Палство	Италия	Германия	Средняя Азия
			В Германии начинается гражданская война (1313)	
Го-Дайго (1318-1332/9)	Иоанн XXII (1316-1334)			Кутб ад-Дин (1316-1320)
				Хосру-хан (1320) Гияс ад-Дин (1320-1325)
				Конец Какагьи (1321)
		«Defensor Pacis» (1324)	Людовиг Баварский (1322-1347)	Завоевание Бенгалии (1324)
Смерть Куниси (1326)	Николай V (антипапа) (1328-1330)	Людовиг Баварский (1327-1347)	Людовиг IV (император, 1328-1347)	Мухаммад бен Туглак (1325-1351)
Когон (Северный двор) (1332-1333)	Бенедикт XII (1334-1342)			
Рестаурация Кэмму (1333-1336)				Создание султаната Мадура (1335)
Ютахито - претендент (1336-1348) Намбокуте-дзидай (1336-1392)				Создание Виджаянагары (1336)
Асикага Такаудзи - сегун (1338-1358)				
		Петрарка увенчан как поэт-лауреат (1341)		Начало династии Ильяс-Шахи в Бенгалии (1342)
				Создание султаната Деккан (1347)
				Фируз-шах (1351-1388)

предложил новому папе встретиться, чтобы найти компромиссное решение — но Филипп VI потребовал, чтобы мирный договор с Францией был неременной частью любой договоренности между германским королем и Церковью, а на это Людвиг не согласился. Он так и остался отлученным императором Священной Римской империи — а папа остался в Авиньоне, на положении слуги французского короля¹¹.

* * *

Рим, оставшийся и без папы, и без императора, пребывал в обычном состоянии хаоса и брожения. Именно в этот момент итальянский поэт Петрарка был коронован в Риме в качестве поэта-лауреата: это почетное звание было присвоено ему первому с античных времен.

Петрарка довольно долго добивался этого титула, пустив в ход обаяние и хорошие манеры. Его отец был изгнан из Флоренции почти одновременно с Данте; Петрарка родился на чужбине, многие годы провел в Авиньоне*, трудясь над эпической поэмой о римском полководце Сципионе Африканском, время от времени путешествуя ради собственного удовольствия или исполняя тайные дипломатические поручения авиньонских пап.

Римский сенат, правильно поняв из различных косвенных намеков Петрарки, что он хочет корону, пригласил поэта в Рим на коронацию. Он выбрал для церемонии 18 апреля, пасхальное воскресенье 1341 года, и произнес перед собравшимися жителями и сенаторами Рима речь, в которой предсказывал, что восстановление звания поэта-лауреата откроет в Риме новую эпоху.

«Меня также вдохновляет надежда, что, если будет на то божья воля, мне удастся возродить в одряхлевшей республике прекрасный обычай ее цветущей юности... Может быть, чересчур дерзновенно, но, мне кажется, не с дурными намерениями я в отсутствие других не побоялся сам себя предложить водителем по трудной и для меня безусловно опасной дороге — в убеждении, что многие пойдут следом»**.

* И Данте, и отец Петрарки были изгнаны в 1302 году по политическим мотивам, но родился поэт в Италии (Ареццо, 1304 год); в Авиньон семейство переехало в 1312 году — его отец поступил на службу к папе Клименту V. В целом Петрарка прожил в этом городе меньше, чем в других местах. (Прим. ред.)

** Перевод В. В. Библихина, 1982. (Прим. ред.)

Он имел в виду творческий труд ученого и литератора, труд, направленный на восстановление истин прошлого, истории и литературы Рима времен его славы. Поэты и ученые, утверждал Петрарка, спасут Италию; поэты и ученые помогут итальянским городам восстановить мир и процветание¹².

Выбор даты торжества был не случаен. Петрарка мечтал о воспринятии столь любимого им Рима, о возврате тех дней, когда Римская империя была на вершине единения и могущества, когда ее не раздирали на части соперничающие правители и духовенство. Италия могла вновь обрести величие, вернувшись к Риму, каков он был до принятия христианства — к Риму золотого века Цинерона и Вергилия, к Риму между коронацией Ромула и правлением императора Тита.

По мнению поэта, то был «более счастливый век», и настала пора вспомнить о его идеалах. Между тем золотым периодом и настоящим лежала «середина», эпоха «несчастий и позора», столетия *tenebrae* — тьмы¹³. За классическим веком просвещения и учености следовали темные века, а вот теперь им пришел конец — началось *возрождение*. История подразделилась на три эпохи: античность, средневековье и современность.

Петрарка первый сформулировал схему, которой руководствовались исследователи на протяжении последующих шестисот лет. И эта формула свидетельствовала о том, что Возрождение, о котором мечтал поэт, на самом деле уже давно стало фактом. Оно было инициировано в XII столетии повторным открытием Аристотеля. Христианская церковь боролась с ним — но к пасхальному воскресенью 1341 года оно уже столь широко распространилось в умах общества XIV века, что Петрарка мог говорить о прошлом римской державы в твердой уверенности, что современники-римляне правильно поймут его.

Глава 70

Города на озере

Между 1325 и 1375 годами народ мешиков основал два города на озере Тескоко, избрал двух царей и стал называться ацтеками

Засуха изменила карту Центрально-Американского перешейка. В поисках воды и пригодных для обработки земель беженцы с северо-востока уходили все дальше и дальше на юг, в глубь пло-

дородных долин. В легендах, описывающих их скитания, проследживается определенное сходство: каждое племя покинуло свою родину по велению богов. Продвигаясь на юг, они сначала достигли руин полулегендарного города Толлан, сожженного в середине XI века и покинутого жителями. Хотя Толлан и был городом, которому покровительствовали боги, он не избежал гибели. Странники миновали его и продолжили свой путь в земли, где живут и по сей час¹.

Одним из таких кочевых племен были мешики. После утомительного перехода через разрушенный Толлан они прибыли в местность, которая в наши дни называется долиной Мехико. Свое происхождение мешики выводили из далекой страны под названием Ацтлан, откуда их вывел бог Уицлопочтли. Около столетия они кочевали с места на место, прежде чем осели в долине Мехико. Первые жилища мешики соорудили на вершине холма Чапультепек.

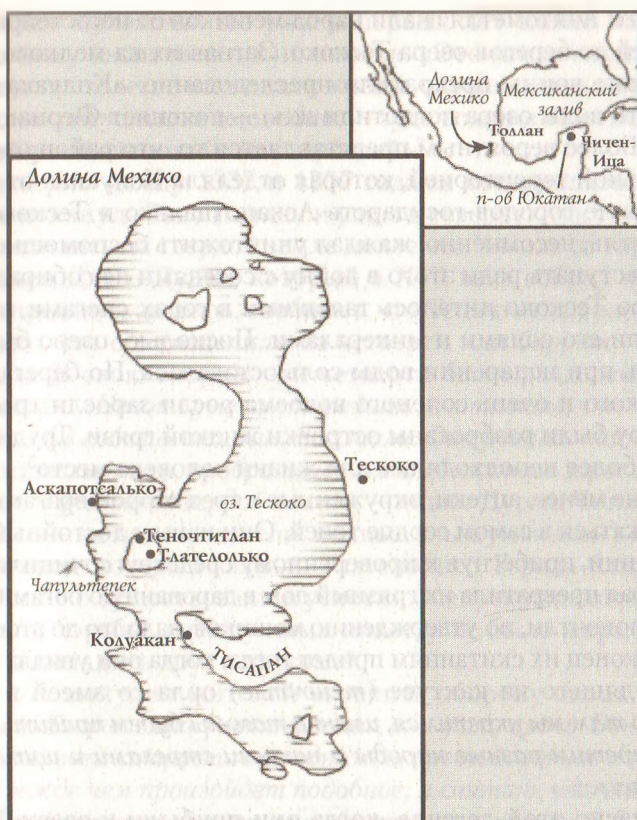
Местные племена встретили незваных пришельцев враждебно. В начавшейся войне мешики потерпели поражение и были обращены в рабов. Победители разделили между собой проигравших переселенцев. Самую многочисленную группу подчинил себе царь соседнего Колуакана. Мешики яростно сражались с врагами — поэтому новый господин поставил их в первых рядах своего войска.

Царь, безразличный к судьбе своих подданных, поселил их в Тисапане — бесплодной, скалистой местности на юге, единственными обитателями которой были ядовитые змеи. Но мешики были негибемы и сумели выжить даже в такой негостеприимной стране. Из года в год они служили царю Колуакана и накапливали силы, терпеливо ожидая своего часа².

Около 1325 года мешики совершили невероятно дерзкий поступок, который можно расценить только как демонстрацию непокорства. Они обратились к царственному властителю Ачитометлю с предложением сделать его дочь богиней. Для этого требовалось только прислать принцессу, дабы они могли провести соответствующие ритуалы.

Ничего не подозревающий царь согласился. Принцессу Колуакана со всеми почестями сопроводили на самое высокое место Тисапана. Что произошло дальше, повествует легенда, записанная в XVI веке испанским придворным Фернандо Альварадо Тесомоком:

Они убили принцессу и содрали с нее кожу, и, сделав это, надели кожу убитой на жреца.

Карта 70.1. Ацтеки

После этого мешики пригласили царя Ачитометля воздать почести дочери-богине. Отец прибыл с подношениями в виде цветов и яств и был препровожден в священный храм мешиков. В полумраке внутреннего помещения, куда его ввели, смутно виднелась чья-то фигура. Царь положил подношения, но по-прежнему не видел лица человека.

И возжег он благовония, и в ярком свете пламени узрел Ачитометль мужа, облаченного в кожу его дочери.

И был он поражен и охвачен ужасом.

Исторгнув плач, он воззвал к подданным...

«Они содрали кожу с моей дочери!

Они не останутся здесь, эти дьяволы!

Убьем, вырежем их всех! Этих злодеев

надо уничтожить здесь!»³

Воины Ачитометля гнали народ мешиков от негостеприимных пустошей до берегов озера Тескоко. Загнав их на мелководье, колуаканские воины прекратили преследование. «Колуаканцы решили, что воды озера поглотили их», — поясняет Фернандо Альварado. Более вероятным представляется то, что район озера был нейтральной территорией, которая отделяла Колуакан от равных ему по силе городов-государств Аскапотцалько и Тескоко. Царь Ачитометль, несомненно, жаждал уничтожить беспомощного врага — но вступать ради этого в войну с соседями не собирался⁴.

Озеро Тескоко питалось таявшими в горах снегами, которые насыщали его солями и минералами. Поскольку озеро было бессточным, при испарении воды соль оставалась. По берегам этого неглубокого и очень соленого водоема росли заросли тростника, а по озеру были разбросаны островки жидкой грязи. Трудно представить более неподходящее для жизни человека место⁵.

Тем не менее, ацтеки, окруженные с трех сторон врагами, сумели удержаться в самом сердце топей. Они нашли достойный выход из ситуации, прибегнув к проверенному средству: сочинили легенду, которая превратила их грязный дом в дарованную богами землю.

Уицлопочтли, по утверждению мешиков, задолго до этого предрек, что конец их скитаниям придет тогда, когда они увидят особый знак: сидящего на кактусе (*теночтле*) орла со змеей в клюве. *«Именно там мы укрепимся, именно там мы будем править, бдеть, там встретим разные народы и нашими стрелами и щитами повергнем их».*

Согласно этой легенде, когда они прибыли к озеру Тескоко и добрались до его середины, то неожиданно увидели орла из пророчества. Он *«сидел на кактусе и с наслаждением поедая добычу... И зарыдали они, восклицая: «Наконец-то мы достойны нашего бога, мы заслуженно вознаграждены; с изумлением мы взирали на это знамение: наш город будет сооружен здесь».* Это была прекрасная и очень полезная история, благодаря которой люди с радостью приняли неизбежное⁶.

Мешики начали строить дома на одном из крупнейших островов, где обнаружился твердый грунт — благодаря ему их дома не погрузились в окружающую трясины. По кактусу, упоминаемому в пророчестве, остров стал называться Теночтитлан. Мешики ловили рыбу и охотились на речную дичь. Они продавали добытое мясо жителям соседних городов в обмен на кирпич, древесину и предметы первой необходимости.

Постепенно Теночтитлан превратился из болотного лагеря беженцев в город, а мешики трансформировались в народ и стали

называться *ацтеками*. Но ужасы первых лет жизни на острове по-прежнему были свежи в их памяти. «Это место змеиного гнева, — спустя столетие возвещали жрецы, окунаясь в воды озера при ежегодном ритуальном омовении, — зуда водяного москита, полета дикой утки, шепота белых зарослей»⁷.

Примерно между 1337 и 1357 годами отколовшаяся группа ацтеков покинула Теночтитлан и ушла в северную часть озера, где они поселились на твердой земле менее чем в миле от города. Доминиканец Диего Дуран, который в XVI веке собрал и записал устные предания ацтеков, сообщает, что Теночтитлан расширился настолько, что его разделили на четверти или *барриос* — то есть кварталы. В свою очередь эти четверти были разделены между горожанами. «Некоторые из старейшин, считавшие, что заслуживают больше собственности... восстали. Они решили найти другое место жительства и, пробравшись сквозь болотные заросли, нашли крошечный участок твердой земли», — пишет Дуран. Четыре вождя («беспокойные подстрекатели, полные злых умыслов») основали второй город, который называли Тлателолько. Города-близнецы на острове Тескоко существовали в условиях непрекращающейся ожесточенной борьбы: «между ними никогда не было мира, и братья не могли поладить друг с другом»⁸.

Раскол вынудил жителей укрепить оборону своих городов. «[Люди из Тлателолько] покинули нас, они ушли прочь. Боюсь я, что благодаря своей хитрости они однажды превзойдут нас и подчинят нас... Прежде чем произойдет подобное, я считаю, что мы должны немедленно принять решение и избрать царя, который будет править и нами, и Тлателолько», — восклицает один из старейшин Теночтитлана⁹.

Избранного царя звали Акамачитли, что означает «Пучок стрел». Его отец был ацтеком, а мать уроженкой Колуакана. Став в 1375 году первым правителем Теночтитлана, он начал непростые переговоры с окружающими племенами. В свою очередь Тесосомоки, могущественного владыку города-государства Аскапотсалько на западной окраине хребта, окружающего долину, беспокоило стремительное усиление Теночтитлана. Он потребовал немедленно выплачивать дань: рыбой, лягушками, ивовой и кипарисовой древесиной, маисом, перцем, бобами, тыквами, а также и большими лепешками, изготовленными из красных земляных червей-*искаитли*. Последние служили важным источником протеина для озерных жителей.

Выплата дани подразумевала, что ацтеки признавали себя зависимыми от Аскапотсалько. Новый царь был «отважным юношей», но он поступил благоразумно, приказав подданным выпла-

Хронологическая таблица 70

Северная Индия	Папство	Итальянские государства	Германия	Центральная Америка
Муизз ад-Дин (1287–1290)	Бугра-хан – султан Гаура (1287–1291)	Николай IV (1288–1292)		Мешики: время скитаний (1168–1325)
Династия Халджи (1290–1320)				
Джалал ад-Дин (1290–1296)				
Прагата Рудра II из Какатии (1290–1320)				
Ала ад-Дин (1296–1316)	Бонифаций VIII (1294–1303)			
Нападение монголов на Дели (1299)			Альбрехт I Габсбург (1298–1308)	Мешики становятся вассалами царя Колуакана (ок.1299)
Нападение Дели на Мевар (1303)	Бенедикт XI (1303–1304)	Разорение Флоренции (1301)	Генрих VII Люксембургский (1303–1313)	
Падение Пандья (1308)	Клемент V (1305–1314)	Роберт Неаполитанский (1309–1343)		
	Уничтожение тамплиеров (1312)		Генрих VII (император, 1312–1313)	
Кутб ад-Дин (1316–1320)	Иоанн XXII (1316–1334)		Начало гражданской войны в Германии (1313)	
Хосру-хан (1320)				

Северная Индия	Пакистан	Итальянские государства	Германия	Центральная Азия
Тияс ад-Дин (1320–1325)				
Конец династии Какатиев (1321)				Ачитометль – царь Колуакана (?)
Завоевание Бенгалии (1324)		«Defensor Pacis» (1324)		
Мухаммад бин Туглак (1325–1351)				Изгнание мешиков (1325)
	Николай V – анти- папа (1328–1330)	Людвиг Баварский (король Италии, 1327–1347)	Людвиг IV Баварский (император, 1328–1347)	
Создание султаната Мадура (1335)	Бенедикт XII (1334–1342)			
Создание Виджаянагара (1336)				
Начало династии Ильяс-Шахи в Бенгалии (1342)		Петрарка увенчан как поэт-лауреат (1341)		
Создание султаната в Деккане (1347)				Основание Тлателоль- ко (ок. 1347)
Фируз-шах (1351–1388)				
				Акамачитли, царь Теночтитлана (1375–1395)
				Куауаупитцауак – царь Тлателолько (? – ок. 1407)

тить требуемую дань и жить в мире. Верховный жрец, как нельзя кстати, поддержал царя, заявив, что Уицлопочтли явился ему и пообещал процветание городу, если ацтеки подчинятся требованиям. И это пророчество сбылось. Как пишет Дуран,

«Ацтеки платили дань пятьдесят лет, не выказывая недовольства и демонстрируя всяческое повиновение, пока численность их росла и они становились сильнее. Акамапичтли царствовал сорок лет в Теночтитлане, правя в мире и согласии. Он расширил город, возвел его дома, прорыл каналы и проложил улицы... [и] добился прочих успехов для блага государства»¹⁰.

Вожди Тлателолько же проигнорировали выборы царя в Теночтитлане и избрали своего царя — Акамапичтли. Он был наполовину колуаканцем и сразу признал себя вассалом Аскапотсалько. Поэтому северный город попросил Тесосомока прислать к ним одного из своих сыновей в качестве правителя. Тесосомок согласился и направил самого младшего — царевича Куакуаупитцауака. Так жители Тлателолько стали подданными могущественного города — но статус их был выше, чем у соседей.

С первых дней своего существования оба ацтекских города были настроены враждебно друг к другу: Теночтитлан против Тлателолько, брат против брата, озерные Каин и Авель. Города-близнецы оказались соперниками в борьбе за благосклонность далекого и сурового Тесосомока. *«Всякое царство, разделившееся само в себе... не устоит**, — назидательно заключает Дуран. — *Но, невзирая на ужасающие разрушения, они продолжают воевать друг с другом, словно не замечая очевидного»*¹¹.

Глава 71

Столетняя война

Между 1329 и 1347 годами Эдуард III Английский воюет с Шотландией, пытается добыть трон Франции и развязывает Столетнюю войну

Роберт Брюс, король Шотландии, был болен. «Он состарился, — пишет Жап Фруассар, — страдал от проказы, она и должна была свести его в могилу». В действительности Брюсу было всего

* Евангелие от Матфея, 12:25. (Прим. авт.)

30 лет, но уже давно его одолевала некая «тяжкая хворь»; а «пропащей» в те годы называли самые различные хронические заболевания. Король умер 7 июня 1329 года, оставив трон Шотландии пятилетнему сыну Давиду¹.

Брюс сделал все возможное, чтобы упрочить положение своего сына. При подписании Эдинбург-Норхемптонского договора в 1328 году юный Давид был помолвлен с семилетней сестрой Эдуарда III; свадьбу сыграли в том же году, и девочку привезли на постоянное жительство во дворец шотландского короля. Регентом и опекуном Брюс назначил одного из своих родственников — Томаса Рэндольфа, графа Морэя, опытного воина, который командовал полком при Баннокберне и сражался на стороне Брюса во время войны за независимость. *«При коронации [Давида] было прилюдно объявлено, что право его на королевство Шотландию определено не наследованием, но, как и у его отца, только завоеванием»*, — говорится в «Ланеркостской хронике»².

Подобное утверждение звучало нелепо по отношению к малому ребенку — но граф Морэй знал, что у скоттов есть обычай следовать не за кровным сыном вождя, а за сильнейшим из вождей. Неудивительно, что вскоре власть Давида была оспорена Эдуардом Баллиолом, сыном низложенного Джона Баллиола — умершего во Франции около пятнадцати лет назад, после того, как его отпустили из лондонского Тауэра под условием, что он никогда не вернется в Шотландию. Эдуард Баллиол при поддержке нескольких английских баронов, желавших вернуть утраченные поместья на шотландской территории, снарядил корабли и в августе 1332 года с небольшим отрядом наемников высадился близ Кингхорна на восточном побережье Шотландии*.

* Хотя Эдуард III и подписал мирный договор 1328 года, он жаждал реванша и потому сразу тайно поддерживал Баллиола. Он не разрешил Баллиолу слишком открыто нарушать соглашение с Шотландией — но согласился закрыть глаза на вторжение в Шотландию с моря, дав понять, что если Баллиол и его люди потерпят неудачу, он конфискует все их английские владения. В этом предприятии союзниками Баллиола были не английские бароны, а так называемые «обездоленные». Эта группа дворян в Первой войне за независимость поддержала англичан, а после Баннокберна Роберт Брюс дал им год для того, чтобы вернуться в родную страну. Когда они отказались, он лишил их титулов и земель, раздав их своим соратникам. В октябре 1332 года Арчибальд Дуглас, избранный «стражем Шотландии», заключил с Баллиолом перемирие, — якобы для того, чтобы шотландский парламент мог собраться и решить, кто их истинный король. Ободренный перемирием, Баллиол распустил большую часть своих английских войск. Но в декабре Дуглас напал на замок Баллиола. Большинство людей Баллиола было убито, хотя сам он сумел бежать — в голом виде на коне. (Прим. ред.)

Граф Морэй выступил с войском, чтобы отразить вторжение, но в пути внезапно тяжело заболел и умер. Шотландские дворяне выбрали вместо него своим предводителем графа Мара. С помощью Роберта, сводного брата Давида (внебрачного сына Брюса), а также сына покойного графа Морэя, новый регент повел 30 тысяч шотландцев против малочисленной английской армии — и потерпел неожиданный и сокрушительный разгром. *«Главной причиной поражения шотландцев были действия английских лучников, которые беспрерывно пускали тучи стрел, ослепляя и ранив в лицо передовые части шотландцев, лишая их возможности поддерживать друг друга»*, — сообщает «Ланеркостская хроника». В сражении, получившем название битвы при Даплин-Муре, больше половины шотландцев погибли или попали в плен. В бою пали и граф Мар, пробывший регентом всего девять дней, и Роберт Брюс-младший, и сын графа Морэя³.

Эдуард Баллиол, торжествуя, направился в Сcone и там 4 октября велел короновать себя королем Шотландии. Но сторонников в Шотландии у него не было; через три месяца после коронации ему пришлось бежать оттуда под натиском вновь собранной армии Давида.

После этого оба короля Шотландии обратились за помощью к Эдуарду III. Посланцы Давида прибыли в Йорк, где находился тогда английский двор, с просьбой помочь юному собрату, «как подобает союзнику, тем паче, что сестра ваша у него в женах». Явившиеся одновременно представители Баллиола доказывали, что он лишь возвращает себе землю, ранее ему принадлежавшую.

Национальные интересы и расчет на обладание Шотландией взяли вверх над семейными узами: Эдуард решил поддержать Баллиола. «Королевский совет счел, что он не должен действовать против собственных подданных», — пишет Томас Грэй. Баллиол получил подкрепления английскими войсками, и в начале июля 1333 года объединенные силы Эдуарда Баллиола и Эдуарда III осадили приграничный город Бервик. Шотландский гарнизон не смог выстоять, и «там polegло множество баронов, рыцарей и простого народа». Бервик капитулировал, и Баллиол отправился в Сcone вторично⁴.

Видя, что обстоятельства складываются против Шотландии, новый опекун Давида организовал отправку короля и его девочки-жены Джоан во Францию, где Филипп VI согласился помочь им вернуть Шотландию — если Давид принесет оммаж престолу

Франции*. Тем временем Баллиол расплатился с Эдуардом III за оказанные услуги, отдав более половины Шотландии под прямой контроль английской короны⁵.

Однако война между Англией и Шотландией была лишь предпосылкой к гораздо более длительному и сложному конфликту между Англией и Францией. Этот конфликт отнюдь не был новым. Англия и Франция не дружили никогда — но отношения особенно осложнились, когда Генрих II, унаследовавший по линии отца графство Анжу, вассальное французской короне, стал по линии матери королем Англии. Согласно законам феодальной системы, высокий ранг не избавлял его от необходимости приносить оммаж королю Франции как сюзерену. И без того запутанные взаимосвязи между двумя монархами обострились еще более, когда Элеонора Аквитанская ушла от французского мужа к английскому, и, соответственно, ее родовые владения перешли под контроль короля Англии.

Тем не менее, назревший теперь конфликт был несколько иным. Война стал неизбежной, потому что 19 октября 1337 года Эдуард III отправил своему сопернику оскорбительное письмо:

«Эдуард, милостью Божией король Англии и Ирландии, — Филиппу Валуа... Мы являемся наследником державы и короны Франции, будучи намного ближе к королевской крови, чем ты, который завладел нашим наследством и удерживаешь его, и впредь желаешь удерживать его силой... Посему мы извещаем тебя, что намерены востребовать и завоевать наше наследие во Франции... ибо мы считаем тебя нашим врагом и противником»⁶.

Филипп VI отреагировал просто: «Это послание не требует ответа». Он не признал претензий Эдуарда, и с этого началась Столетняя война.

Сами военные действия не были непрерывными; этим названием, придуманным намного позже, обозначают ряд кампаний, имевших место между 1337 и 1453 годами. Первый поход Эдуар-

* Перевезти Давида II и его двор во Францию предложил французский король Филипп VI в начале 1334 года. В отсутствие Давида борьба продолжалась. К концу 1336 года шотландцы восстановили контроль над практически всей страной. Всего за девять лет королевство, с таким трудом отстоянное Робертом Брюсом, было уничтожено и возродилось снова. Многие из опытных дворян были мертвы, и экономика, которая едва начала оправляться от предыдущих войн, снова лежала в руинах. Страна нуждалась в мире и хорошем правительстве, и Давид II смог наконец вернуться в Шотландию в сентябре 1341 года. (*Прим. ред.*)

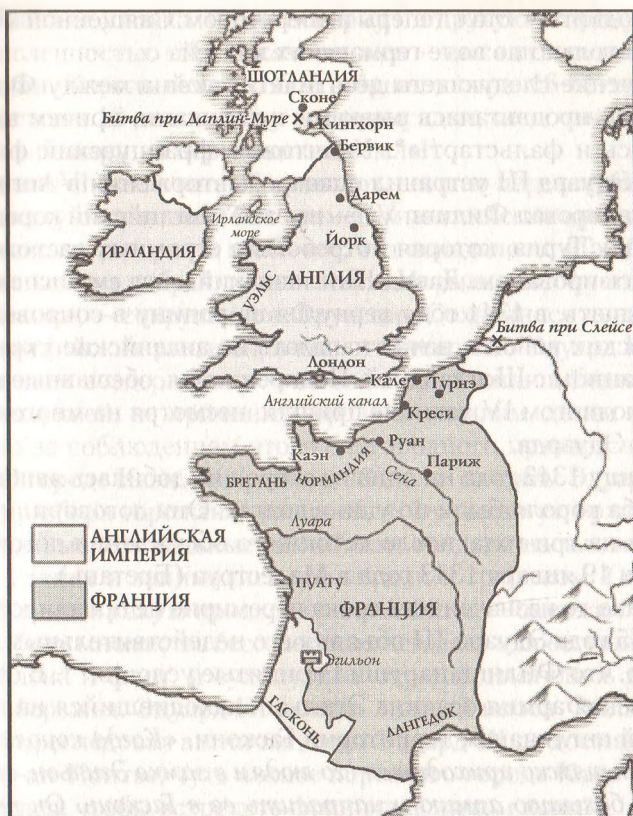
да — на северную область Гаскони — состоялся только в конце 1338 года, а первое серьезное столкновение французов и англичан произошло лишь 24 июня 1340 года, когда английский флот разгромил французов в битве при Слейсе*. Длительные периоды мира перемежались годами интенсивных боев. И летописцы-современники, вроде Фруассара, не видели ничего необычного в том, что Франция и Англия снова сцепились⁷.

Но то столетие с лишним, которое потребовалось, чтобы Франция и Англия разобрались между собой, характеризовалось конфликтом намного более глубоким, чем территориальный. «Король Англии, — пишет Жан Фруассар, — издавна искал случая утвердить свое право на корону Франции». Когда Филипп V воскресил древний салический закон, чтобы не допустить свою племянницу на трон Франции, он неосмотрительно снабдил короля английского обоснованием для его мечты. Интриги Филиппа V против племянницы привели к тому, что и для его родной дочери, единственной наследницы, путь к престолу Франции оказался перекрыт — а с заменой дома Капетингов на династию Валуа Эдуард III, сын сестры Филиппа, Изабеллы, остался единственным монархом, происходящим по прямой линии от Гуго Капета.

Готовясь к войне, Эдуард III нашел себе союзника — Людвига IV Германского. Людвиг согласился назначить Эдуарда III верховным наместником Священной Римской империи, «с тем, чтобы все люди империи были в его распоряжении». Таким образом, английский король мог получить право рекрутировать солдат по всей империи; но прежде чем Людвиг IV подтвердил свое решение, он должен был убедиться, что имеет право так поступить⁸.

Весной и летом 1338 года князья-выборщики Германии несколько раз собирались на совещания и почти единодушно (против был только Ян Богемский, давний недруг Людвига) постановили, что отныне имперская политика будет опираться на идеи Данте

* Эдуард III был заинтересован в обладании гаванью Слейса, так как через этот порт осуществлялась торговля города Брюгге, крупного экономического центра Европы. В июне 1340 года король собрался занять гавань — но неожиданно получил известие, что французы опередили его, захватив бухту и закрепившись там. Собрал флот (250 кораблей), 23 июня англичане подошли к бухте Слейса, где стоял французский флот численностью до 400 кораблей (боевыми из них были лишь 190) с генуэзскими арбалетчиками на борту. Битва продолжалась весь день и закончилась полным поражением французов вследствие большей маневренности и подвижности английских кораблей. В результате битвы при Слейсе англичане обеспечили себе полное превосходство на море, одновременно лишив французов возможности высаживать десант на территории Англии. (Прим. ред.)

Карта 71.1. Начало Столетней войны

Англьери и Марсилия Падуанского. Решение было оформлено в виде письменного документа. Императору Священной Римской империи не нужно будет спрашивать позволения у папы (который лично содействовал французскому трону); он получит власть из рук князей-выборщиков, представителей земель империи и ее народа, официально объединившихся в союз.

Если выборы проведены по всем правилам, ни один германский король не должен будет просить одобрения у папы. Более того, папе были отправлены тридцать шесть одинаковых писем, каждое от имени какого-либо германского города, и каждое обвиняло его в недостойной священника враждебности к их «родной стране». Впервые Священная Римская империя стала чисто политическим государством, полностью независимым от папства и основанным на земном, а не на небесном могуществе⁹.

А Людвиг IV стал теперь императором Священной Римской империи только по воле германских князей.

В течение следующего десятилетия война между Францией и Англией продвигалась рывками и толчками, причем зачастую случались и фальстарты*. Уничтожив французский флот при Слейсе, Эдуард III устранил опасность вторжения в Англию, которое планировал Филипп VI, — но затем английский король взялся за осаду Турнэ, которая потребовала огромных расходов и закончилась провалом. Давид Шотландский, едва ему исполнилось восемнадцать, в 1341 году вернулся на родину в сопровождении французских войск и начал нападать на английские укрепления вдоль границы с Шотландией. Подкрепления, обещанные императором Людвигом IV, так и не пришли, несмотря на многократные просьбы Эдуарда.

К концу 1342 года ни одна из сторон не добила явного перевеса, а оба короля были по уши в долгах. Они договорились о перемирии на три года; после дотошного обсуждения договор был подписан 19 января 1343 года в Малеструа (Бретань).

Однако до назначенного срока перемирие не продлилось. В апреле 1345 года Эдуард III объявил его недействительным, ссылаясь на то, что Филипп нарушил принятые условия**. В отместку французская армия осадила Эгильон, находившийся на подконтрольной англичанам территории Гаскони. *«Когда король Англии узнал, как тяжело приходится его людям в замке Эгильон, он решил собрать большую армию и направить ее в Гасконь. Он приказал произвести все приготовления, созвал людей своего королевства и нанял солдат в других странах»,* — пишет Фруассар¹⁰.

В июле 1346 года английское войско отплыло из Саутгемптона. Но Эдуард вовсе не намеревался идти на помощь Эгильону — это

* Каждая битва Столетней войны тщательно изучена; даже краткое описание основных сражений не уместится в рамки нашей книги. Содержательный общий обзор можно найти в работе Desmond Seward, *The Hundred Years War: The English in France, 1337–1453* (Penguin, 1999); намного более подробную информацию дает трехтомник Jonathan Sumption, *The Hundred Years War* (University of Pennsylvania Press, 1991–2009).

** Судя по другим источникам, перемирие (гарантом которого были папские легаты) было заключено на более короткий срок — до 29 сентября (восемь месяцев и десять дней). Уже в начале февраля Эдуард III приказал готовить к отправке войск в Портсмуте. Тем не менее, прямым нарушителем договора стал Филипп VI, который, вопреки условиям 2 августа, предал казни бретонского дворянина Оливье де Клиссона, а впоследствии еще 14 человек. Однако по экономическим причинам военные действия официально вновь начались только в 1345 году. — (Прим. ред.)

была обманная уловка. Флот повернул в другую сторону, и войско — численностью в 15 тысяч человек — высадилось на берегах Нормандии. Король взял с собой старшего сына, 16-летнего Эдуарда Вудстока; 18 июля, сразу после высадки, он посвятил юного Эдуарда в рыцари на нормандской земле¹¹.

Филипп VI, захваченный врасплох, спешно перенаправил свои силы к месту вторжения. Тем временем английская армия гуляла по Нормандии, разоряя и грабя все, что попадалось: «Так была разорена и сожжена добрая, тучная земля Нормандии, опустошенная англичанами», — сокрушается Фруассар. Сохранился дневник одного из английских рыцарей; в нем отмечено, что Эдуард III велел своим людям воздерживаться от сожжения жилищ бедняков, от грабежа церквей, не причинять вреда женщинам, детям и старикам — но за соблюдением этого благородного приказа никто не следил. В городе Каэн, разоренном 26 июля, солдаты Эдуарда убивали без разбора горожан и рыцарей, и Фруассар утверждает, что по меньшей мере отдельные английские солдаты насиловали женщин на улицах и занимались поджогами и грабежом. («В такой большой армии, какую привел король Англии, — замечает он, — не могло не быть множества бессовестных негодяев и преступников».)¹²

Из Каэна и флот, и сухопутные отряды двинулись на север вдоль побережья. Эдуард III послал личный вызов Филиппу VI, который преследовал англичан, пока Эдуард III не достиг местечка Креси-ан-Понтье, чуть южнее портового города Кале*. Там он остановился, чтобы встретить французов лицом к лицу.

Французская армия превосходила английскую по численности в три раза, и у Филиппа VI были все основания полагать, что он без труда сокрушит захватчиков. Но когда в субботу 25 августа началась битва, было уже четыре часа пополудни, солнце светило англичанам в спину и его свет бил французам прямо в глаза. Англичане применили ту же тактику, которая успешно послужила им против шотландцев при Даплин-Муре — поставили лучников в первый ряд. Под ошеломляющим градом стрел строй французов дрогнул и сломался. Как пишет Фруассар,

«Никто не смог бы ни вообразить, ни верно описать... всю сумятицу этого дня, особенно бессилие командования и смятение французов, гибнущих во множестве... Англичане продолжали ме-

* На самом деле расстояние от Креси-ан-Понтье до Кале составляет 107 км. Сражение произошло в поле неподалеку от Креси. Ближе всего к нему (20 км) расположен город Аббевиль. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 71

Папство	Италия	Германия и Свяц. Римская империя	Центральная Америка	Франция	Шотландия и Уэльс	Англия
	Хайме II Сицилийский (1285–1296)			Филип IV (1285–1314)	Рудланский статут (1284)	
Николай IV (1288–1292)					Биргемский договор (1289)	
Бонифаций VIII (1294–1303)					Джон Балиол (1292–1296)	
		Альбрехт Герман- ский (1298–1308)			Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)	
			Мешики стано- вятся вассалами царя Колуакана (ок. 1299)		Битва на Стирлингском мосту (1297)	
Бенедикт XI (1303–1304)	Разорение Флоренции (1301)	Генрих VII Германский (1303–1313)		Битва при Куртрэ (1302)		
Климент V (1305–1314)	Робер Неапо- литанский (1309–1343)			Роберт III Лев, граф Фландрский (1305–1322)	Роберт Брюс (1306–1329)	Эдуард II (1307–1327)
Уничтожение тамплиеров (1312)		Генрих VII (император, 1312–1313) Начало граждан- ской войны в Германии (1313)				Убийство Пирса Гавестона (1312)
				Людовик X (1314–1316)		

Восток	Запад	Сред. Европа империя	Восточная Азия	Юг	Север	в Европ.
			Ачитометль, царь Коуакана (?)	Пастушки (1320)		
	Defensor Pacis (1324)	Людовиг Баварский (без соперников, 1322–1347)	Проступок мешиков (1325)	Карл IV (1322–1328)		
Николай V (антипапа) (1328–1330)	Людовиг Баварский (1327–1347)	Людовик IV (император, 1328–1347)		Филипп VI (1328–1350)	Давид II (1329– 1333/1371)	Эдуард III (1327–1377)
Бенедикт XII (1334–1342)					Битва при Дап- лин-Мур (1332)	
				Начало Столет- ней войны (1337–1453)	Эдуард Балли- ол (претендент) (1333–1336)	Битва при Слейсе (1340)
Петрарка увенчан как поэт-лауреат (1341)						Договор Мале- струа (1343)
		Карл Баварский (1346–1378)	Основание Тлателдолько (ок. 1347)	Падение Кале (1347)		Битва при Креси (1346)
			Акамапичтли, царь Теночтитла- на (1375–1395)			
			Куакуаупитцауак, царь Тлателдолько (? – ок. 1407)			

тать стрелы в самую их гущу, и ни одну не потратили впустую. Они пронзали и ранили лошадей и всадников, которые, упав на землю, не могли подняться»¹³.

С наступлением ночи Филипп VI был вынужден начать отступление. Эдуард забрался на стоявшую поблизости ветряную мельницу, чтобы увидеть общую ситуацию на поле боя. Его сын еще находился в самой гуще сражения, но, когда явился офицер с просьбой о подкреплении, Эдуард ответил: «Пока мой сын жив, не зовите меня. Пусть мальчик заслужит свои шпоры».

В тот момент король был, по-видимому, уже совершенно уверен в победе. Погибли тысячи французских пехотинцев и большинство рыцарей Филиппа VI — достоверный источник приводит цифру 1291. Сам Филипп нашел убежище в Амьене; юный Эдуард, если верить сохранившемуся рассказу, получил в награду вороненую кирасу — откуда, возможно, и пошло его прозвище «Черный принц»¹⁴.

После победы Эдуарда при Креси его противников как будто поразила порча. Эдуард дошел до Кале, стратегически важного города, и осадил его. Защитники его продержались одиннадцать месяцев; Филипп, надеясь отвлечь силы врага, обратился к Давиду II Шотландскому с просьбой вторгнуться в пределы Англии с севера. Этот замысел привел к катастрофе. Давид повел свою армию к Дарему — но там неожиданно столкнулся с отрядом англичан, наспех собранным архиепископом Йоркским. И на этот раз исход дела решили английские лучники: «С английской стороны убитых было немного, — сказано в «Ланеркостской хронике», — но почти вся армия Шотландии либо полегла, либо попала в плен». Среди пленников оказался и сам Давид; его отвезли в Лондон, где он и оставался в плену в течение 11 лет¹⁵.

Тем временем Людвиг IV медлил с присылкой Эдуарду обещанных солдат. Он занялся дипломатическими переговорами с французским королем, а затем ввязался в ряд сложных конфликтов с вассалами по поводу наследств и брачных союзов. К 1346 году у него осталось мало друзей; а германские князья-выборщики, используя власть, которую сам же Людвиг им и обеспечил, избрали нового короля — Карла Богемского. Людвигу IV было тогда уже 62 года, но он отказался признать их выбор. Назревала гражданская война, но тут короля хватил удар прямо во время медвежьей охоты, когда он упал с коня и умер¹⁶.

В итоге Филипп VI потерял Кале, защитники которого сдались в августе 1347 года. Эдуард III сразу же учредил тут английскую

полонню, приказав переселить сюда 36 зажиточных английских семейств и триста «лиц низкого звания», одновременно побуждая французов покидать город: «Я желаю заселить Кале чистокровными англичанами», — заявил он¹⁷. А потом, как раз когда он намеревался пожать плоды своих побед, наступил конец света.

Глава 72

Конец света

Между 1338 и 1353 годами мир охватывает чума

Это началось к западу от Китая. Десятый император династии Юань, прапрапраправнук Хубилая, Тогон Тэмур, восседал на престоле Поднебесной. Он был коронован в 1333 году в возрасте 11 лет и уже 11 лет являлся номинальным правителем грузной, страдавшей от бюрократии и неравномерных налогов империи, которой в действительности управляли его советники¹.

Через пять лет после его коронации небольшая и незаметная деревня ниже озера Иссык-Куль начала умирать*. Нам это извест-

* Оценка смертей 1338/39 года в Центральной Азии как первого признака чумы признана широко, но не повсеместно. Точное происхождение «Черной Смерти» все еще оспаривается — как и точное название этого вида чумы. Мы в этой главе придерживаемся мнения большинства специалистов о том, что пандемия XIV века являлась бубонной чумой, вызванной бактерией *Yersinia pestis*, но часть ученых и историков продолжает настаивать на других причинах: они называют сибирскую язву, геморрагическую лихорадку, тиф или сочетание ряда инфекционных болезней.

Объем литературы по «Черной Смерти» огромен, а исследования обширны; для начального ознакомления лучшим является образцовое исследование Филиппа Зиглера (Philip Ziegler, *The Black Death*, John Day 1969; переиздание в мягкой обложке — Sutton Publishing, 1997). Полезную коллекцию первоисточников можно найти в Rosemary Horrox, trans. and ed., *The Black Death* (Manchester University Press, 1994). Об отличительных чертах чумы см. Graham Twigg, *The Black Death: A Biological Reappraisal* (Schocken Books, 1985), и Susan Scott and Christopher Duncan, *Biology of Plagues: Evidence from Historical Populations* (Cambridge University Press, 2001). Полезный анализ последствий чумы можно найти в таких изданиях как Samuel K. Cohn, *The Black Death Transformed* (Arnold Publishing, 2002) и David Herlihy, *The Black Death and the Transformation of the West* (Harvard University Press, 1997). (Прим. авт.)

По всей видимости, пандемия чумы началась в одном из природных очагов в пустыне Гоби, неподалеку от нынешней монголо-китайской границы. Процесс возник около 1320 года, а в районе озера Иссык-Куль болезнь проявилась в 1338–1339 годах. Данные об этом были получены русским ученым

но только по надгробиям, найденным на деревенском кладбище, сотни из них датируются 1338 и 1339 годами. «Это могила Кутлука, — гласит одно из них. — Он умер от чумы со своей женой»².

Современные эпохе источники не отслеживают распространение болезни в следующие шесть лет — но во многих летописях зарегистрированы другие катастрофы: засуха и голод в долине реки Хуайхэ, ливни и наводнения в провинциях Кантон и Хугуан, нашествие саранчи в провинции Хэнань, землетрясение, создавшее новое озеро в горной гряде Ки-Мин-шань.

А тем временем болезнь, по-видимому, незаметно отправилась на запад, вдоль торговых путей между городами империи Юань и рынками Индии. В 1344 году войско Делийского султаната, отправившееся на юг для подавления восстания в Маабаре, было уничтожено «мором»; арабский путешественник ибн Баттута, навещавший юго-восточный город Мадурай, обнаружил, что город атаковала смертельная инфекция. По его словам, «каждый, кто заболел, умирал на утро следующего дня»³.

К 1346 году западный мир уже знал, что нечто ужасное распространяется по Востоку; хронисты впервые начали отмечать симптомы болезни. Как писал арабский ученый Абу Хафс Умар ибн аль-Варди,

«Это началось на земле тьмы, [и] продолжалось пятнадцать лет... Чума восседала, как царь на престоле, и набирала силу, убивая каждый день тысячу человек или больше, постепенно прореживая население. Она уничтожала человечество своими пустулами... Как ужасающе она преследует людей в каждом доме! Один из них сильнее выводит кровь — и каждый рядом уверен в своей скорой смерти»⁴.

Смерть неуклонно продвигалась на запад: через Трансоксанию, в земли Руси и Золотой Орды, на юг через Сирию, к Египту. В 1347 году воины Золотой Орды, обложившие осадой город Кафу*, генуэзскую торговую колонию, начали заболеть и погибать. *«Тысячи и тысячи каждый день... погибали, как только на их телах*

Д. А. Хвольсоном (1819–1916), который в 1897 году заметил, что количество могильных камней в местной несторианской общине, датированных этими годами, оказалось катастрофически велико. Цитируемая выше автором надпись на одном из этих надгробий, существующих и поныне, у Хвольсона читается так: «Здесь покоится Кутлук. Он умер от чумы вместе с женой своей Магну-Келкой». Район Иссык-Куля считается тем ключевым пунктом, откуда чума начала путь на Запад. (Прим. перев.)

* Современная Феодосия. (Прим. ред.)

являлись признаки болезни: отеки в подмышках или паху, причиняемые скоплением жидкости, за которыми следовала гнилостная «хорадка», — пишет итальянский летописец Габриэль де Мусси⁵.

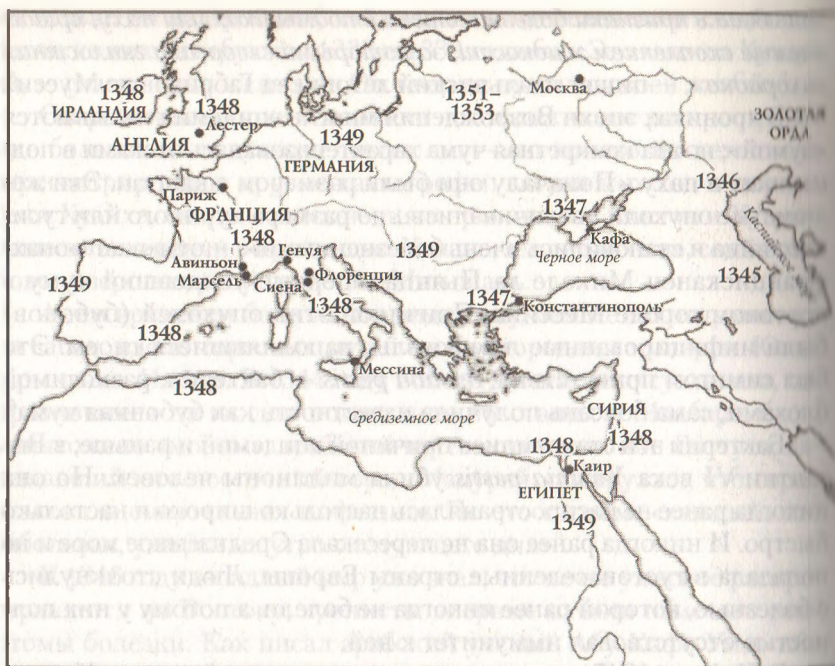
В хрониках эпохи Возрождения многие эпидемии называются «чумой»; но эта конкретная чума характеризовалась отеками в подмышках и паху. «Поначалу они были размером с каштан. Эти железистые опухоли увеличивались... до размера куриного или гусиного яйца и становились очень болезненными», — отмечает монах-францисканец Микеле да Пьяцца, впервые увидевший чуму в портовом городе Мессина. Причиной этих опухолей (бубонов) были инфицированные лимфоузлы, наполнявшиеся гноем. Это был симптом присутствия *Yersinia pestis* — бактерии, разносимой блохами; сама болезнь получила известность как бубонная чума⁶.

Бактерии эти становились причиной эпидемий и раньше; в Византии VI века *Yersinia pestis* убила миллионы человек. Но она никогда ранее не распространялась настолько широко и настолько быстро. И никогда ранее она не пересекала Средиземное море и не попадала в густонаселенные страны Европы. Люди столкнулись с болезнью, которой ранее никогда не болели, а потому у них полностью отсутствовал иммунитет к ней.

В Кафе, в 1347 году, чума сделала последний рывок. Пьяцца поясняет, что погибающие воины Золотой Орды перебрасывали тела своих погибших соратников через городские стены с помощью катапульт, надеясь убить защитников либо самой болезнью, либо запахом разлагающихся тел. Часть жителей бежали из города на корабле и добрались до Мессины; они погибли уже там. Это же произошло «со всеми... кто говорил с жертвами... всеми, кто покупал у них, прикасался к ним или как-либо взаимодействовал с ними»⁷.

С точки зрения Пьяццы чума была явлением демоническим, вторжением тьмы; его рассказ о поведении монголов указывает на языческий и безбожный народ как на виновников болезни. Но скорее всего, чума распространялась в Кафе и за ее пределами так же, как и везде: с черными крысами, которые жили в трюмах кораблей, заселяли города и расселялись из них по другим; они распространяли блох везде, где появлялись. В хаосе нарушенных природных циклов, перенаселенных городов, ослабленного населения, массы путешествующих в дальние края торговцев и солдат чума прошла по Европе так же, как по Азии, Индии или Сирии.

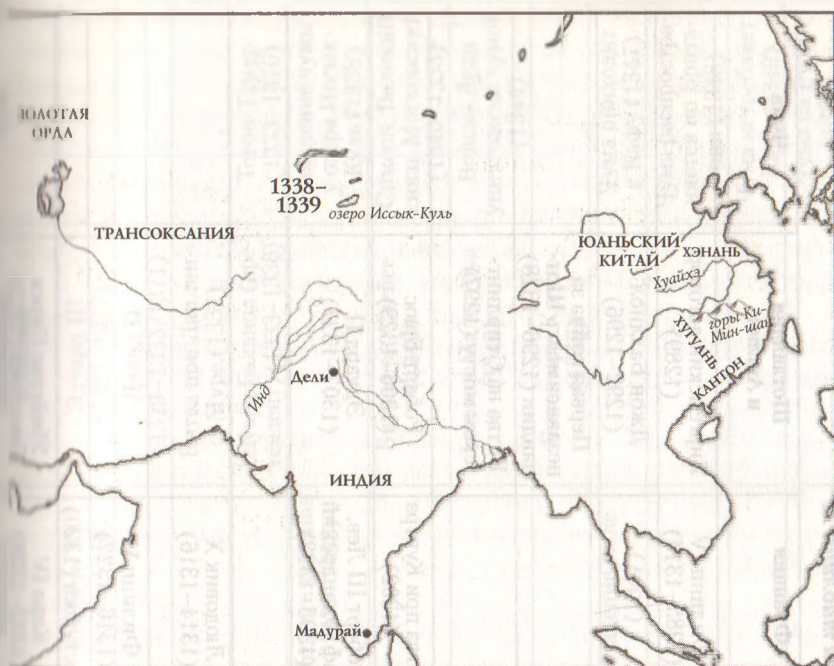
Миллионы людей умерли в муках от опухших бубонов, их кожа чернела от внутренних кровоизлияний, губы и носы поражала гангрена, их рвало кровью. Миллионы умирали, когда инфекция осе-

дала в легких и приводила к пневмонии, убивая настолько быстро — часто в течение двух суток, — что бубоны даже не успевали сформироваться: «Все, умиравшие так внезапно, страдали от инфекции легких и харкали кровью... Когда один инфицированный погибал, все, кто встречался с ним во время болезни, или навещал его, либо имел с ним какие-либо дела или просто нес его к могиле, погибали без исцеления», — пишет французский врач Луи Санктюс⁸.

В Константинополе погибла как минимум половина населения города; Иоанн Кантакузин был свидетелем смерти своего тринадцатилетнего сына. «Зло было настолько неизлечимым, что [никакая] сила тела не могла ему противостоять... На руках или ногах формировались большие нарывы, из которых, после надреза, выливалось много отвратительно пахнущего гноя... Ждать помощи было неоткуда, не осталось никакой надежды», — писал он⁹.

Во Флоренции поэт Джованни Боккаччо в потрясении наблюдал, как две свиньи на улице подобрали сброшенные тряпки одной из жертв чумы, после чего упали, задыхаясь, и умерли, будто отрав-

Карта 72.1. Распространение чумы

денные. Везде стояли пустые дома, целые семьи погибали за несколько часов. Мертвецов складывали на улицах, на церковных кладбищах рыли канавы, куда сваливали множество тел, «ряд на ряд», засыпая их лишь тонким слоем земли. В некоторых деревнях погибали все. Урожай не собирали, двери оставляли открытыми, церкви стояли заброшенными; коровы и овцы блуждали без присмотра.

В Марселе за один месяц умерли 56 тысяч человек. 800 человек умирали ежедневно в Париже; среди них была любимая жена короля Филиппа VI, Жанна. В Авиньоне папа Климент VI купил поле за городом и освятил его, чтобы там можно было похоронить 62 тысячи человек¹⁰.

В 1348 году чума перекинулась в Англию и Ирландию, распространяясь с юго-запада на север и по островам. Почти половина Англии вымерла. «Много деревень и поселков оказались заброшенными, ибо все, кто жили там, умерли, и многие из этих деревень больше никогда не были заселены», — отмечал лестерский священ-

Хронологическая таблица 72

Папство	Италия	Германия и Священная Римская империя	Франция	Шотландия и Англия	Чума
Николай IV (1288–1292)			Филипп IV (1285–1314)	Биргемский договор (1289)	
Бонифаций VIII (1294–1303)				Джон Балдиол (1292–1296)	
		Альбрехт Германский (1298–1308)		Первая война за независимость Шотландии (1296–1328)	
	Разорение Флоренции (1301)			Битва на Стирлингском мосту (1297)	
Бенедикт XI (1303–1304)		Генрих VII Германский (1303–1313)	Битва при Куртрэ (1302)	Роберт Брюс (1306–1329)	
Климент V (1305–1314)	Роберт Неаполитанский (1309–1343)		Роберт III Лев, граф Фландрский (1305–1322)	Эдуард II (1307–1327)	
Уничтожение тамплиеров (1312)		Генрих VII (император, 1312–1313)			
Иоанн XXII (1316–1334)		Начало гражданской войны в Германии (1313)	Людовик X (1314–1316)		
			Филипп V (1316–1322)		
			Пастушки (1320)		
Defensor Pacis (1324)	Людовик Баварский (1328–1347)	Людовик Баварский (без сана, 1328–1347)	Карл IV (1322–1328)	Убийство Пьера Баттона (1312)	

Рисунки вверху			
Николай V (анти-папа) (1328–1330)	Людвиг IV (император, 1328–1347)	Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)
			Давид II (1329–1333/1371)
			Битва при Дарлин-Муре (1332)
Бенедикт XII (1334–1342)			Эдуард Баллиол (претендент) (1333–1336)
		Столетняя война (1337–1453)	Появление чумы у озера Иссык-Куль (1338)
Петрарка становится поэтом-лауреатом (1341)			Битва при Слейсе (1340)
Климент VI (1342–1352)			Договор Малеструа (1343)
	Карл Баварский (1346–1378)		Битва при Креси (1346)
		Падение Кале (1347)	Чума приходит в Кафу (1347)
			Чума распространяется по Британии (1348)
			Чума истребляет Каир (1349)
			Чума на Руси (1353)

ник Генри Найтон. «*[Она] лишила деревни, города, замки и поселки жителей настолько тщательно, что едва ли кто-либо живой остался в них. Весь мир охвачен этим злом*», — записал ирландский монах Джон Клинн, оставшийся один в опустевшем монастыре. Чуть позже он добавлял: «*Ожидая среди мертвых прибытия смерти, я решил записать все, что я действительно слышал... Я оставляю манускрипт для продолжения работы, если кто-либо выживет в будущем*». Под этими последними словами добавлено почерком другого человека: «Похоже, автор этих строк умер»¹¹.

С октября 1348 до февраля 1349 года в одном лишь Каире умерли 100 тысяч египтян. Как сообщает арабский летописец Макризи,

«Каир стал мертвой пустыней, на улицах никого не было видно. Человек мог пройти от врат Зувейла до Баб аль-Наср и не встретить ни одной живой души... Груды тел лежали вдоль дороги, похоронные процессии шли одна за другой, и мертвых относили к могилам в спешке»¹².

Аньоло ди Тура из тосканского города Сиена сетовал:

«Никто ничего не контролирует, больше даже не звонят в церковные колокола. Выкапывают огромные ямы для множества тел и сотен людей, погибающих каждую ночь. И я... собственными руками похоронил пятерых сыновей... Каждый верит, что это конец света»¹³.

Но в конце концов смерть начала замедлять свой бег. К середине 1350 года количество смертей от чумы в Англии и в континентальной Европе значительно уменьшилось. Эпидемия, описав круг, вернулась в Великую Степь через земли Руси, где она продержалась до 1353 года, убив великого князя московского и всех семерых его детей. Но более никогда не пропадала полностью: по всему известному миру вспышки чумы происходили вновь и вновь¹⁴.

Выжившие оказались перед опустошенной сельской местностью, заброшенными деревнями, пустыми полями. «Следующей зимой была такая нехватка рабочих рук, — сокрушался Генри Найтон, — ...какой, возможно, никогда ранее не было». В Англии цены на жизненно необходимые товары возросли в три или четыре раза. Крестьяне, ставшие редкими, стали требовать чрезмерную плату за свой труд¹⁵. Как писал французский поэт Гийом де Машо,

Многие точно
Слышали, что говорилось повсюду:
Как в тысяча триста сорок девятом
Из сотни человек оставалось лишь девять.
Так произошло, что из-за отсутствия людей
Многие отличные уголья остались невспаханными,
Никто не возделывал поля,
Не собирал зерно и виноград,
Некоторые давали тройную плату...
Потому что так много людей погибло¹⁶.

Много людей погибло; и никто не мог дать исчерпывающее объяснение происшедшему. Ученые мужи не соглашались друг с другом. Факультет медицинской школы в Париже издал доклад, обвиняющий в чуме «сочетание трех планет в Водолее», которое привело к «смертельной порче воздуха». Король Англии Эдуард III, скорбя о смерти своей пятнадцатилетней дочери, обвинял во всем духовную озлобленность своего народа. *«Думали, что люди, которых Господь милостью своей сохранил, увидев уничтожение своих ближних... станут лучше, скромнее, благочестивее... преисполнятся любви и милосердия друг к другу. Но... произошло обратное»*, — писал флорентиец Маттео Виллани. В Германии и Франции евреев обвинили в отравлении колодцев; сотни людей были схвачены и убиты разъяренными толпами. В Авиньоне папа Климент VI осудил это насилие и служил мессу для изгнания чумы: *«О Господь, желающий не смерти, но покаяния грешникам, мы молим тебя милостиво обратись свой народ к себе... милосердно избавить его от твоего гнева»*¹⁷.

Поэт-лауреат Петрарка писал в письме другу:

«Мы потеряли почти все и не обрели покой... Последние потери невосполнимы, и эти смертельные ранения неизлечимы. Есть лишь одно утешение: что мы последуем за теми, кто ушел ранее... Наша жизнь — лишь сон; все, что мы делаем, снится нам. Только смерть нарушает сон и пробуждает нас ото сна. Я бы хотел проснуться до того, как все это случилось»¹⁸.

Часть четвертая

ПЕРЕГРУППИРОВКА

Глава 73

Жаждающие войны

Между 1349 и 1369 годами Карл Наваррский пытается захватить трон Франции, король Кастилии теряет популярность, французские крестьяне бунтуют, а Франция и Англия находят новые поводы для войны

Между октябрем 1349 и августом 1350 года три монарха умерли от чумы. Первой венценосной жертвой стала Жанна, королева Наварры. За тридцать два года до того ее не пустили на французский трон в соответствии с салическим законом, на который сослался ее дядя. Этот же закон привел к пресечению династии Капетингов и воцарению ее родственника — Филиппа VI Валуа. Спустя десять месяцев после смерти Жанны, 22 августа 1350 года, 52-летний Филипп VI Французский, недавно женившийся на ее 19-летней дочери, — также умер от чумы*.

К этому времени эпидемия уже унесла Альфонсо XI, короля Леона и Кастилии; он умер 27 марта в походном шатре близ Гибралтара. Христианские королевства — Португалия, Леон-Кастилия и Арагон — уже пробились к Средиземному морю. Однако последнее мусульманское государство, Гранада, где правил Юсуф I, все еще держалось на южном побережье. С ним и воевал Альфонсо на момент своей смерти. Трон Леона и Кастилии (теперь эту страну все чаще называли просто «Кастилией») перешел к Педро, 16-летнему сыну Альфонсо. Но вместо того, чтобы добивать Гранаду, Педро Кастильский ввязался в территориальный конфликт с королем соседнего Арагона, Педро IV.

* В источниках той эпохи просто констатируется, что он «покинул жизнь земную» — но это, скорее всего, лишь эвфемизм «Черной Смерти» — кончина от такой болезни была неприлична для монарха. (Прим авт.)

Тем временем во Франции был коронован старший сын Филиппа VI. Как пишет Фруассар, Иоанну II досталось наследство *«в весьма неудовлетворительном состоянии... Англичане захватили многие места, в частности Кале, что причиняло французам великое огорчение; более того, их казна была почти опустошена»*. Голод и засуха предшествующих десятилетий уже значительно ослабили Францию; нескончаемая война и бубонная чума усугубили это положение¹.

Именно в этот момент король Наварры надумал потребовать себе французский трон.

Карл Наваррский, сын и наследник Жанны, считал себя французом. От своего отца, графа Эвре, он унаследовал обширные поместья на севере Франции. Он женился на дочери Иоанна II и прожил большую часть жизни во Франции. Даже после коронации Наварра оставалась для него в основном источником дохода и солдат. В некотором смысле претензии Карла на французскую корону были более обоснованными, чем у Эдуарда III. Оба они опирались на факт безвременной смерти в 1316 году, в возрасте двадцати семи лет, Людовика X, не оставившего наследника мужского пола. И Эдуард, и Карл воспринимали передачу короны дому Валуа как несправедливость, как нарушение прав наличествующих Капетингов прямой линии. Но Эдуард приходился Людовику X всего лишь племянником, а Карл — внуком.

В течение первых пяти лет своего правления Карл Наваррский ограничивался тем, что собирал сторонников. Ассамблею представителей французской знати, духовенства и зажиточных горожан, впервые созванную Филиппом Красивым в 1302 году, несколько раз собирали и преемники Филиппа, в основном с целью одобрения новых налогов. В рамках этого представительного собрания, первого в истории французского народа, все три сословия (*«etats»* или «штаты») действовали как единое целое, что и определило его название — Генеральные штаты.

Однако у Генеральных штатов не было права ни принимать законы, ни заставлять короля сделать что-либо; они могли только обсуждать проблемы и давать советы. Все же во всех сословиях находились здравомыслящие люди, которые полагали, что их слово должно влиять на решения короля, особенно когда речь шла о налогах или о перевыпуске французской валюты (что неизбежно приводило к резкому подъему либо к падению цен).

Разруха, вызванная чумой, еще усилила необходимость реформ — и Карл Наваррский, создавая сложную сеть альянсов,

намекал на то, что может стать «королем-реформатором», который готов (буде окажется на троне) наделить Генеральные штаты большей властью. По описанию одного из современников, это был

«Человек невысокого роста, блестящего ума и с проницательным взглядом; он обладал непринужденным, естественным красноречием. Его удивительный разум и необычайное обаяние помогали ему заручиться такой поддержкой, какой не находил никто другой из принцев крови — и не только среди простого люда, но и среди особ знатных и могущественных»².

В то же самое время Эдуард Английский и Иоанн Французский завершили сложные переговоры о мире. Чума жестоко потрепала оба войска; оба противника были не в состоянии атаковать, и в апреле 1354 года Иоанн согласился отдать Эдуарду все французские земли южнее Нормандии (за исключением Бретани), а также официально сдать Кале. В обмен Эдуард III обещал отказаться от претензий на французскую корону³.

* * *

Год спустя Эдуард, набравшись сил, расторг договор. Но к этому моменту Иоанн II успел приобрести репутацию слабовольного государя. («Клянусь кровью Христовой, этот король — никчемный человек и дурной правитель!» — воскликнул один из его вассалов), и у Карла Наваррского появились шансы на успех. Вершиной его достижений стало вовлечение сына и наследника Иоанна, дофина Карла*, в заговор с целью свержения короля⁴.

Семнадцатилетний Карл, умный, но болезненный, легко поддавался на соблазнительные посулы красноречивого зятя своего отца. В апреле 1356 года они созвали на пир в Руане, столице Нормандии, около тридцати потенциальных союзников (дофин был также и герцогом Нормандским), но неожиданно туда явился Иоанн II, во главе отряда солдат и в полном вооружении. До него дошли слухи, будто бы Карл Наваррский замыслил похитить и убить его, и король решил избавиться от неуместного интригана**.

* Титул «дофин» происходит от названия провинции Дофине, которая назначалась наследнику в качестве личного удела. Карл был первым из наследников французского трона, получившим это пожалование. Взойдя на престол, он постановил, чтобы впредь все наследники короны получали такой титул. (Прим авт.)

** Шансы на французскую корону Карл II имел весьма значительные: он являлся Капетингом не только по линии матери, Жанны II Наваррской (единственной выжившей из детей Людовика X), но и по мужской линии —

Несмотря на бурные протесты дофина, Иоанн велел схватить и немедленно казнить четверых знатных нормандцев. Их вывели из города и обезглавили; поскольку палача-профессионала в спешке не нашли, за это дело, в обмен на помилование, взялся один из арестантов руанской тюрьмы. Не имея соответствующего опыта, он превратил казнь в кровавую и длительную расправу⁵.

Иоанн II пощадил своего зятя, но не преминул приказать, чтобы короля Наваррского заковали в кандалы. Далее его перевезли из одной тюрьмы в другую, в поисках более надежной, пока не оставили наконец в Арльской крепости, окруженной болотами.

Эти события позволили англичанам возобновить активные действия. Брат Карла Наваррского, 22-летний Филипп, призвал на помощь английского принца Джона Гонта, третьего сына Эдуарда III, предложив ему напасть на нормандские владения Иоанна II. Король Эдуард III выделил средства на снаряжение двадцати семи судов для этой экспедиции⁶.

Эдуард Черный принц в свои 26 мог считаться ветераном: уже десять лет он воевал с французами, базируясь на принадлежащей его отцу территории Гаскони. Он регулярно совершал набеги на Лангедок, грабя и убивая, сжигая французские деревни и города, в том числе Тулузу. В августе 1356 года, когда Иоанн сражался в Нормандии с наваррцами и англичанами, Эдуард направился из Гаскони в долину Луары с восьмитысячным отрядом⁷.

как праправнук Филиппа III Смелого; его отец Филипп д'Эвре был двоюродным братом короля Франции Филиппа VI. Его позиция была гораздо сильнее, чем у Эдуарда III. Но неясно, стоял ли действительно Карл Наваррский за попыткой дофина свергнуть отца. Титул герцога Нормандского Иоанн II даровал сыну уже *после* этого инцидента, в попытке примириться с ним. Незадолго до того у Карла II был конфликт с коннетаблем Франции, Карлом де ла Серда, фаворитом короля, которому Иоанн Добрый пожаловал графства Шампань, Бри и Ангулем. Эти территории ранее принадлежали матери Карла II, но она была вынуждена уступить их королю Франции, получив денежную компенсацию.

На Рождество 1353 года Карл II, завидовавший коннетаблю, поссорился с ним и вскоре организовал его убийство. Затем он удалился в свои ленные владения в Нормандии. Узнав, что там Карл Наваррский постоянно находится при новом герцоге (дофине), король Иоанн Добрый начал опасаться возможного *нового* заговора против короны. Не дожидаясь подтверждения, 5 апреля 1356 года Иоанн II прибыл в Руан под предлогом охоты и, ворвавшись в замок дофина во время пира, арестовал Карла II и заключил его в тюрьму. Четверо казненных нормандцев были главными сторонниками Карла (двое из них участвовали в убийстве де ла Серда). (Прим. ред.)

Карта 73.1. Поражения французов

Этот поход представлял собой очередной широкомасштабный рейд, в задачи которого не входило провоцировать Иоанна II на серьезное столкновение. Как писал сам Черный принц, «целью нашей было выступить против врагов на землях Франции... [чтобы] устроить население и разорить страну». Однако Иоанн II повернул навстречу Эдуарду, и две армии сошлись лицом к лицу близ Пуатье. У французов, хорошо отдохнувших и лучше организованных, были все основания рассчитывать на победу*.

И все же 19 сентября англичане обратили французское войско в бегство — такой итог уже становился привычным, и это все силь-

* Сражение произошло возле деревеньки Нуайе-Мопертуй, в 14 км от Пуатье. Перед боем папский легат, кардинал Талейран-Перигор, благоволивший англичанам, попытался договориться о перемирии, и битву отложили на 24 часа. (Прим. ред.)

ней обескураживало французов. По мнению Томаса Грэя, виноваты были французские военачальники, которые не смогли действовать согласованно из-за того, что «перессорились друг с другом». Другие современники полагали, что к катастрофе привело решение Иоанна II: он приказал рыцарям сойти с коней и драться пешими после начальной конной атаки*. Видимо, так король надеялся избежать смертоносного контакта с английскими лучниками⁸.

Независимо от причин, это поражение было особенно тяжелым, потому что король Иоанн попал в плен вместе со своим 14-летним сыном Филиппом. Черный принц обошелся с ними учтиво — но велел отправить их в Англию⁹.

Короля Иоанна не заперли в сырую темницу. В XIV столетии пленников брали в первую очередь ради выкупа — и для тех рыцарей, у которых было больше амбиций, чем денег, возможность захватить пленника была одним из главнейших мотивов участия в войне. Взять в плен богатого феодала и удерживать его до тех пор, пока не доставят солидный выкуп, — таков был рецепт быстрого пополнения опустевшей казны.

Как раз когда Иоанна II привезли в Виндзор, Давид Шотландский вернулся на родину, договорившись, наконец, об условиях своего освобождения. Ему уже исполнилось 33 года, из них почти 11 он просидел в плену в Англии. Теперь ему предстояло выплатить 100 000 марок (частями за 10 лет — Эдуард был реалистом). Сто тысяч шотландских марок были огромной суммой: рыцарю среднего ранга хватало 100 марок в год, чтобы поддерживать соответствующий уровень жизни¹⁰.

Эдуард III за прошедшие десять лет израсходовал огромные суммы на войну; между тем население страны уменьшилось, а с ним и доход от налогов. Поэтому захват Иоанна II предоставил англий-

* Малочисленному англо-гасконскому войску угрожало окружение и голод. Англичане даже сообщили, что готовы возвратить награбленное и не поднимать оружия против королевства Франции в течение семи лет. Но на королевском совете Иоанна II взяло верх мнение, что нужно воспользоваться ситуацией и разделаться с налетчиками раз и навсегда. Поэтому король потребовал, чтобы Черный принц сдался ему в плен. Наследник трона Англии согласиться на такое не мог — и был вынужден принять бой, поскольку путь отступления на юг, в Гиень, французы ему перекрыли.

Тактику боя Иоанну II продиктовал сильно пересеченный рельеф местности: конница в этой местности не могла развернуться. Было решено пробить центр вражеской позиции атакой конного клина, а затем спешиться и рубиться мечами. Но за 24 часа ожидания англичане успели перестроиться и подготовить ямы-ловушки для лошадей, что и решило исход битвы. (Прим. ред.)

скому королю шанс отчасти восполнить потери. Он назначил за французского короля выкуп в 3 миллиона крон, что по курсу доллара США на 2012 год соответствовало 500 миллионам долларов, свобода Давида Шотландского оценивалась всего в 65 миллионов*.

Пока Эдуард III пытался убедить Генеральные штаты Франции в необходимости сбора требуемого выкупа, Иоанна как ценного пленника устроили с подобающим комфортом: у него были свои апартаменты, слуги, время от времени он даже мог ездить на соколиную охоту. Между тем в Париже «состоялось много совещаний и было высказано много недовольства». По общему мнению, сыновья короля были слишком молоды и неопытны, чтобы править государством; англичане и наваррцы разоряли запад и юг, сея панику. Наконец, представители всех трех сословий согласились назначить комиссию по двенадцать «мудрейших от каждого из них, дабы они рассудили, как следует поступить». Образованный в итоге совет из тридцати шести членов взял страну под контроль, а юный дофин Карл, хоть и числился «регентом», практически не имел реальной власти¹⁰.

Но Франция, утомленная войной, измученная чумой, перегруженная, не смогла организовать устойчивое парламентское правительство. Карл Наваррский бежал из своей крепости в ноябре 1357 года и направился в Париж, где развернулась запутанная борьба за власть между его сторонниками (значительное число парижан было убеждено, что он действительно имеет право на французский трон), Генеральными штатами (во главе с влиятельным парижским торговцем Этьеном Марселем) и дофином.

В то время как богатые и влиятельные люди соперничали в Париже, в маленьком северном городке Сен-Ле-д'Эссеран на реке Уазе случился внезапный взрыв насилия. Он поднялся с самого дна французского общества, от крестьян, презрительно именуемых *Жак Бономм* — «Жак-простаки»**. Регулярно подвергавшиеся грабежам английских, французских и наваррских войск, задавленные постоянно увеличивавшимися налогами, страдающие от голода

* Сопоставление курсов средневековых и современных валют всегда затруднительно. Однако можно считать, что выкуп Давида Шотландского был примерно сравним с годовым доходом семейства Кардашьян на уровне 2012 года, а 500 млн Иоанна Французского в 2012 году хватило бы для того, чтобы оплатить четыре года обучения в Гарвардском университете около трех тысяч студентов. (Прим. авт.)

** Дословно выражение «бон омм» (*bon homme*) переводится как «славный малый», с покровительственно-презрительной ноткой, и в варианте устойчивейшей идиомы пишется слитно. (Прим. ред.)

и чумы, французские земледельцы дошли до точки кипения, за которой последовала вспышка.

Вероятно, последней каплей стало разрешение дофина своим командирам проводить произвольные конфискации, дабы восполнить скудное снабжение армии. «Мы были поражены не только мечами наших английских врагов, но и нашими собственными властителями», — жаловался писатель того времени Филипп де Метер¹¹.

В мае 1358 года возмущение переросло в вооруженное восстание. «Некоторые горожане стали объединяться... не имея предводителей, [и] говорили, что благородные господа, рыцари и землевладельцы — позор королевства Французского, и уничтожить их всех было бы делом праведным», — пишет об этом Фруассар. В течение двух недель группы крестьян и ремесленников — кузнецов, каменщиков, бондарей — с примкнувшими к ним мелкими чиновниками и даже сельскими священниками, вооруженные пиками и плужными лемехами, рыскали по Северной Франции, сжигая замки, убивая рыцарей, уничтожая их слуг и семьи. Фруассар описывает весьма изобретательные жестокости — например, поджаривание рыцаря на вертеле; но стоит иметь в виду, что этот автор путается в датах восстания и ошибается в численности восставших¹².

Восстание, получившее прозвище «Жакерия», продлилось едва три недели, после чего дофин и Карл Наваррский, действуя по отдельности, подавили его, перебив основные группировки «жаков». Всего через несколько недель в Париже был убит Этьен Марсель*.

* Название «Жакерия» появилось позже, современники называли это восстание «войной недворян против дворян», — социальный характер конфликта был очевиден всем. События начались 28 мая 1358 года, и лидеры у восстания все-таки были. Один из них, Гильом Каль, искал сильного союзника среди горожан и пытался установить связи с Этьеном Марселем, который в те дни был фактически диктатором столицы, — но существенной помощи не получил. Уже 8 июня Карл Наваррский с хорошо обученной армией в тысячу копий подошел к деревне, где расположились главные силы восставших. Поскольку, несмотря на значительное численное превосходство, крестьяне практически не имели шансов победить в открытом бою, Гильом Каль предложил отойти. Однако крестьяне не желали слушать своего вождя, уверенные, что они достаточно сильны.

В рядах восставших было немало людей, имевших военный опыт: Каль сформировал из них отряды лучников и арбалетчиков, расположил их за ограждением из повозок и клади, а другую часть войска удачно поставил на холме. Позиции восставших выглядели настолько внушительно, что Карл Наваррский неделю не решался атаковать их и в конце концов пошел на подлость. Он пригласил Каля на переговоры — а тот поверил его «рыцарскому слову» и не обеспечил свою безопасность заложниками. По прибытии на

Государство распадалось, а Иоанн II все торговался со своими пленителями. Наконец они пришли к соглашению; Иоанн II обязался отдать Аквитанию, Нормандию, Пуату и Турень — почти половину своего королевства. Еще ему предстояло собрать три миллиона крон выкупа — хотя Эдуард III милостиво разрешил платить его частями в течение шести лет. В качестве гарантии Людовика Анжуйского, второго сына Иоанна и младшего брата Карла, отправили в Кале, где он должен был оставаться заложником у англичан до полной выплаты всей суммы. Со своей стороны Эдуард III отказался от притязаний на Нормандию и обещал (по второму разу) не претендовать на французский трон — причем эта уступка распространялась также на его сына, Черного принца¹³.

Компромиссный договор, подписанный в Бретиныи 8 мая 1360 года, позволил Иоанну вернуться домой. После четырех лет заключения он въехал в Париж, радостно встреченный подданными. Надежды Карла Наваррского развеялись; видя, как редуют ряды его сторонников, он вынужден был сам отступить в Наварру¹⁴.

Однако причин для радости у Иоанна II по возвращении не было. Его вторая жена умерла незадолго до его приезда. Париж обнищал и страдал от внутренних распрей. Сельскую местность наводняли разбойники. Казна была пуста, и вставал вопрос: где взять эти три миллиона крон? Дофин Карл за несколько недель потерял из-за эпидемии двух дочерей и сам страдал таинственным недугом, от которого у него выпадали волосы и растрескивались ногти. Иоанн II не осмеливался заводить с Генеральными штатами разговор о новых налогах для выплаты выкупа; в итоге юный Людовик Анжуйский, устав дожидаться освобождения, сбежал из Кале и вернулся домой. Поэтому в январе 1364 года Иоанн объявил, что сам поедет в Англию, чтобы заново договориться об условиях. Дофина Карла он оставил регентом в Париже; младшему, любимому сыну Филиппу Смелому отдал Бургундию — и титул герцога Бургундского. Людовик Анжуйский не получил ничего.

Эдуард принял короля Франции как подобало, предоставил в его распоряжение Савойский дворец в Лондоне, резиденцию принца Джона Гонта. Но переговоры, согласно «Кентерберийской хронике», «...откладывались со дня на день; и королю Франции приходилось сидеть в том дворце, дожидаясь окончательного ре-

переговоры он тут же был схвачен и закован в цепи. Деморализованные крестьяне были быстро разбиты, далее началась расправа. До 24 июня было убито не менее 20 тысяч человек. Гильом Каль был казнен после жестоких пыток. Этьен Марсель был убит 31 июля. Но выступления крестьян продолжались до сентября. (Прим. ред.)

щения». В начале марта Иоанн слег. Характер его болезни неясен, но она была тяжелой и длительной. Спустя три месяца после приезда в Лондон, 8 апреля, он умер в Савойском дворце*. Ему было всего 45 лет¹⁵.

При этих известиях у Карла Наваррского, по словам Фруассара, «появилась надежда». Он направил в Нормандию войско под командованием наваррских и английских рыцарей. Неподражаемая Кристина Пизанская**, биограф Карла V, сообщает, что «трехтысячный отряд» был также послан в долину Сены, на перехват дофина, с большим кортежем ехавшего в Реймс, чтобы помешать его коронации. Но французское войско форсированным маршем двинулось навстречу противнику и столкнулось с ним близ селения Кошерель, к северу от Парижа. *«Много там было работы копьям и боевым секирам, — замечает Фруассар, — мало кому из наваррцев удалось уйти, остальные погибли или попали в плен»*. Три дня спустя дофин был коронован как Карл V Французский¹⁶.

Битва при Кошереле положила конец последней активной попытке Карла Наваррского получить французский трон. Следующие двадцать лет он неутомимо интриговал, стараясь причинить как можно больший ущерб французскому трону — но в итоге лишь потерял все свои владения, кроме Наварры. В 1387 году Карла Наваррского постигла ужасная смерть: с целью излечения от какого-то кожного заболевания его обертывали простынями, пропитанными коньяком; по неосторожности слуги простыня загорелась, король промучился от ожогов пятнадцать дней и умер после жестокой агонии¹⁷.***

* По договору, подписанному королем Иоанном в 1359 году, Англия получила бы почти весь западный регион Франции плюс 4 млн экю. Дофин отказался принять эти грабительские условия — и Эдуард использовал это как повод для нового вторжения. В марте он дошел до Парижа, но Карл запретил своим солдатам вступать в прямое столкновение с англичанами, надеясь на укрепления вокруг города, недавно возведенные по инициативе Оттена Марселя. Главным узлом обороны стала новая крепость — Бастилия. Разорив окрестности столицы, англичане так и не сумели спровоцировать французов на решающую битву, и Эдуарду пришлось пойти на уступки. (Прим. ред.)

** Кристина де Пизан (1365 — ок. 1430) — французская поэтесса, историк и публицист, автор множества любовных баллад, трактатов о равноправии женщин, а также биографий Карла V и Жанны д'Арк. (Прим. ред.)

*** Карл Наваррский, известный также как Карл Злой, умер 1 января 1387 года при весьма подозрительных обстоятельствах. Существовало множество версий о причинах его смерти, самая известная и эффектная из них приведена в тексте. Однако она слишком экзотична и, скорее всего, прикрывает какие-то неприглядные реальные факты. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 73

Папство	Италия	Германия и Свящ. Римская империя	Чума	Франция	Англия и Шотландия	Кастилия и Наварра
		Альбрехт Герман- ский (1298–1308)			Битва на Стирлинг- ском мосту (1297)	
	Разорение Флоренции (1301)					
Бенедикт XI (1303–1304)		Генрих VII Германский (1303–1313)		Битва при Куртрэ (1302)		
Климент V (1305–1314)				Роберт Лионский (1305–1322)	Роберт Брюс (1306–1329)	
	Роберт Неапо- литанский (1309–1343)				Эдуард II (1307–1327)	
Уничтоже- ние тамплис- ров (1312)		Генрих VII (император, 1312–1313)			Убийство Пирса Гавестона (1312)	Альфонсо XI (1312–1350)
		Начало граждан- ской войны в Германии (1313)		Людвиг X (1314–1316)		
Иоанн XXII (1316–1334)				Филипп V (1316–1322)		
				Пастушки (1320)		
Defensor Pacis (1324)		Людвиг Бавар- ский (без соперни- ков) (1322–1347)		Карл IV (1322–1328)	Эдуард III (1327–1377)	Жанна Наваррская (1328–1349)
Николай V (антипапа) (1328–1330)	Людвиг Баварский (1327–1347)	Людвиг IV (император, 1328–1347)		Филипп VI (1328–1350)	Давид II (1329– 1333/1371)	

Бенедикт XII

					Эдуард Баллювэ (претендент) (1333–1336)	
					Столетняя война (1337–1453)	
	Петрарка увенчан как поэт-лауреат (1341)			Симеон, великий князь Московский (1340–1353)	Битва при Слейсе (1340)	
Климент VI (1342–1352)			Войско Дели уничтожено чумой (1344)		Договор Малеструа (1343)	
		Карл Баварский (1346–1378)			Битва при Креси (1346)	
			Чума приходит в Кафу (1347)		Падение Кале (1347)	
			Чума в Британии (1348)			
			Чума истребляет Каир (1349)			Карл Наваррский (1349–1387)
				Иоанн II (1350–1364)	Педро Жестокий (1350–1369)	
			Чума на Руси (1353)	Жакерия (1358)		
				Договор в Бретиньи (1360)		
				Карл V (1364–1380)		Битва при Кампо-де-Монтель (1367)

Договор в Бретины, который позволил Иоанну Французскому хотя бы ненадолго вернуться на родину, должен был гарантировать, что ни Эдуард III, ни Черный принц не начнут новой кампании. Он предусматривал также выплату в рассрочку долгов по выкупу; сколько денег было реально выплачено в следующие десятилетия, неясно. Теоретически Англия и Франция примирились.

Но конструкция мира была слишком хрупкой и вскоре рухнула. Борьба возобновилась на Пиренейском полуострове.

Педро Кастильский, унаследовавший трон после безвременной смерти его отца от чумы, первые пятнадцать лет правления потратил на территориальный конфликт с Педро Арагонским. По словам Фруассара, он был «жестоким человеком... такого ужасного нраву, что все окружающие боялись его и не доверяли». На самом деле он был ничуть не хуже своих собратьев, королей Англии и Франции — но пятнадцать лет войны не повысили его популярность среди собственного народа, так же, как французы не полюбили Иоанна II¹⁸.

Сразу после коронации Карла V сводный брат Педро Кастильского, Энрике Трастамара, бросил вызов власти короля Кастилии: «короли Франции и Арагона вознамерились посадить Энрике на трон». С точки зрения Карла V Французского это был разумный ход: и союз с Арагоном, и король Кастилии, обязанный своей властью Франции, несомненно, обеспечили бы надежную защиту против угрозы, исходящей из Наварры. Объединенная франко-арагонская армия вторглась в Кастилию. Педро воззвал к своим баронам и рыцарям — но те тоже устали от войны и пострадали от эпидемии, в итоге «явились очень немногие».

Педро был вынужден бежать в Гасконь, где испросил аудиенции у Эдуарда — Черного принца. По словам «Кентерберийской хроники», он «умолял как можно скорее оказать ему военную помощь». В качестве обоснования он сослался на кровное родство между ними: прабабушкой Черного принца была Элеонора Кастильская, жена Эдуарда I; она приходилась Педро праправнучатой теткой и, соответственно, они были троюродными братьями¹⁹. Вообще-то в подобном родстве состояло большинство королевских семейств Европы* — но Черный принц сразу согласился.

* Элеонора Кастильская была родной сестрой короля Альфонса X; Черный принц, ее правнук, приходился четвероюродным братом Альфонсу XI — правнуку Альфонса X и отцу Педро Жестокоего. Более того, отец Элеоноры и Альфонса X, Фердинанд III, был правнуком знаменитой Элеоноры Акиен-

Подъ этот союз давал ему возможность вновь схватиться с французами, не нарушая договора в Бретиньи.

В 1367 году Педро Жестокий вернулся в Кастилию в сопровождении Черного принца и английского войска. Англо-кастильское войско разгромило франко-кастильское у приграничного городка Наваррете, и настал черед Энрике бежать из Кастилии — обратно во Францию. Но Карл V послал ему подкрепления, и при второй встрече братьев, в битве при Кампо-де-Монтель, франко-кастильские силы одержали победу, а Педро Жестокий попал в плен. Фруассар рассказывает, что Энрике Трастамара пришел в шатер, где содержали пленника, «между ними вспыхнула ссора, потом братья подрались, король Энрике выхватил свой кинжал и вонзил его в тело дона Педро»²⁰.

Итак, Энрике Трастамара был коронован королем Кастилии. Он был обязан тронот французам, а его коронация была победой французов над англичанами. Ободренный успехом, Карл V объявил: поскольку часть условий договора в Бретиньи все еще не выполнена англичанами, мирное соглашение между двумя странами разрывается. Летом 1369 года он сам начал готовиться вторжению в Англию: нанял солдат, собирал корабли. «И все королевство Английское весьма сему радовалось, ибо они были вполне готовы устроить французам достойный прием, как только те выйдутся», — замечает по этому поводу Фруассар.

Итак, жажда войны пережила четырех королей, три договора и бубонную чуму; силы обеих стран были подорваны, средства истощены — но короли рвались в бой²¹.

Глава 74

Белый Лотос, красная повязка

*В период с 1351 по 1382 год династия Юань рушится
и власть обретаёт династия Мин*

В то время как чума на Амударье попала во множество летописей, о чуме в Китае почти никто не писал. На ее жестокость указывают лишь числа: с начала до конца XIV века население Китая

танской и Генриха II, родоначальника английских Плантагенетов, предка Черного принца в шестом поколении. Так что родство с Капетингами и Валуа у английского принца было гораздо более близким. (Прим. ред.)

уменьшилось на 40 миллионов человек. Не все из этих смертей могут быть приписаны бубонной чуме. Предыдущее столетие началось с монгольского вторжения; создание династии Юань стоило миллионы жизней. Как и у остального мира, в Китае стояла исключительно нестабильная погода. Жара и засуха сменялись дождями и сыростью, периодически случались наводнения и ураганы — все это способствовало голоду, неурожаю, голодным смертям. Чума была лишь одним из пунктов в списке несчастий.

Беспрерывные бедствия привели к тому, что народ вновь обратился к старой форме религии — амидаизму, или буддизму Чистой Земли. Для всех, кто верил в Будду, амидаизм обещал возрождение в совершенном и неоскверненном мире — Западном Раю*. В XII веке харизматичный монах по имени Мао Циюань проповедовал, что Западного Рая можно достичь в этом мире — мистически, в разуме верующего, если тот сумеет непрерывно медитировать во имя Будды, концентрируя все мысли и волю на Чистой Земле. Его сторонники назвались обществом Белого Лотоса. К началу XIV века мистическое общество Белого Лотоса расцвело и разделилось на ряд школ, активно действующих по всему Китаю, подвластному династии Юань. Члены общества также надеялись на более достижимую и менее таинственную надежду: они надеялись, что Князь Света, воплощение Будды, появится в настоящем и принесет Чистую Землю в мир. Эти поклонники Белого Лотоса, стремясь к немедленному спасению, часто надевали красные повязки в знак своего единства¹.

Недовольной, беспокойной империей все еще правил прапраправнук Хубилая, Тогон-Тэмур, он же император Хуэй-цзун. Тогон-Тэмур был 31 год, и все 18 лет его пассивного правления во главе страны фактически стоял канцлер, воин и летописец Тогто.

В 1351 году Тогто руководил важным гидротехническим проектом в центре империи. Выход Желтой реки (Хуанхэ) к морю часто менялся — земля возле побережья была плоской, и накопление ила постоянно смещало русло реки то в одну, то в другую сторону. Мощные наводнения последних лет сместили его далеко на север, выше полуострова Шандун. Наводнение также заблокировало Великий Канал. В итоге зерно из богатой сельской местности в долине Янцзы в Южную Столицу, идеально квадратный город Хубилая Даду, можно было перевозить только по морю.

Воспользовавшись беспомощностью властей, пират по имени Фан Гуо-чжэнь собрал флот из преступников и двинулся вдоль

* См. Сьюзен Уайс Бауэр. *История Средневекового мира*, глава 3.

побережья, по пути грабя прибрежные города и перехватывая корабли с зерном, плывшие в Даду. Флот Юань не мог ни захватить его в плен, ни отогнать. Но перенос Желтой реки в старое русло сделал бы возможным прочистку и разблокирование Большого Канала. Тогда поставка зерна с юга на север могла бы продолжиться под защитой берега, недоступного Фан Гуо-чжэню и его бандитам².

Такой проект нуждался во множестве рук, поэтому Тогто мобилизовал на принудительные работы тысячи крестьян, вынужденных несколько месяцев в году без оплаты работать на Желтой реке. Труд по оброку был ужасающе непопулярен; пока рабочие раскапывали ил, их поля дома оставались заброшенными, и по возвращении они сталкивались с малым урожаем, но по-прежнему немалыми налогами. Однако Тогто заставил заниматься этим делом почти двести тысяч китайцев, живших в центральной части империи Юань³.

Тяжелая, удручающая работа стала искрой, от которой вспыхнуло пламя давно копившегося недовольства властью Юань. Среди рабочих, силой привлеченных к работе на Желтой реке, был сторонник Белого Лотоса по имени Хань Шань-тун. Отработав половину положенного срока, он объявил, что нашел в иле Желтой реки одноглазую статую, предсказывающую скорое прибытие Князя Света. Другие поклонники Белого Лотоса собрались к нему, надев красные повязки в знак сплоченности*. С их поддержкой Хань Шань-тун провозгласил себя законным правителем Китая,

* В 1334 году разлив разрушил давно не отремонтированные дамбы и изменил русло реки Хуанхэ. В результате был разрушен Великий канал, через который осуществлялось снабжение продовольствием не только столицы, но и северных провинций, что привело к голоду. В такой обстановке первый министр Тогто, вопреки советам сановников-китайцев, провел в 1350 году денежную реформу, вызвавшую сильное недовольство (современники именovali ее грабительской). На вырученные средства Тогто решил осуществить ирригационное строительство на Хуанхэ, куда были согнаны 150 тысяч рабочих и 20 тысяч солдат. Канал был построен — но множество людей погибло от тяжелых условий труда. Адепты Белого Лотоса воспользовались возмущением десятков тысяч голодных людей для проповеди своего учения и пропаганды восстания. Упомянутый выше одноглазый идол имел на спине надпись: «Это и есть каменный одноглазый человек. Когда его найдут, Поднебесная восстанет». Это потрясло суеверных крестьян, поскольку в народе уже давно ходила песня-предсказание: «Каменный одноглазый человек возмутит Хуанхэ, и Поднебесная восстанет». Судя по всему, «обнаружение» статуи было организовано членами Белого Лотоса, которые вскоре начали создавать из крестьян-строителей повстанческие отряды. В 1351 году началась очередная крестьянская война, направленная как против монгольских завоевателей, так и против китайских феодалов. (Прим. ред.)

потомком последнего императора Северной Сун, пришедшего, чтобы искоренить угнетателей, чуждых правителей Юань⁴.

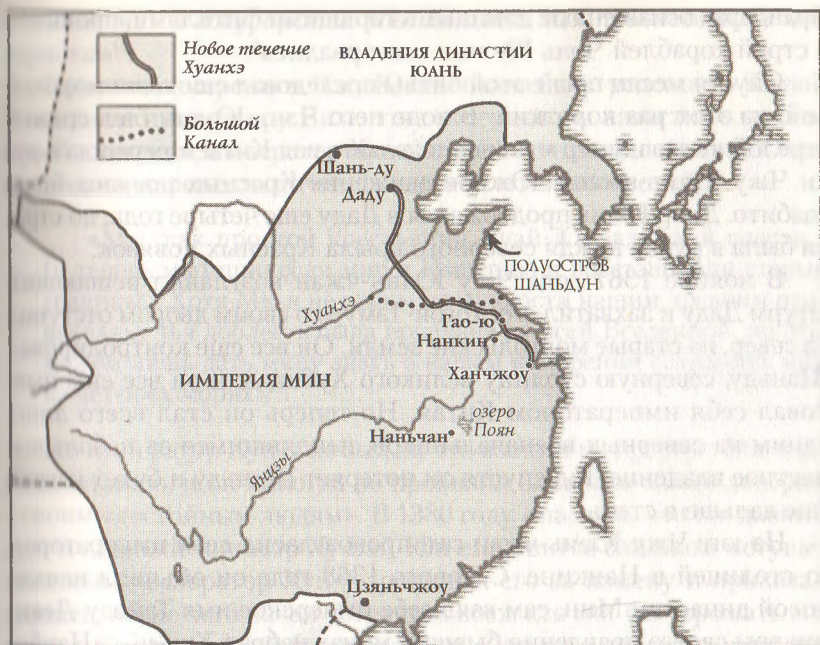
Это небольшое восстание было немедленно подавлено Тогто, который направил солдат, чтобы арестовать вожака. Хань Шань-тун был казнен; его сторонники рассеялись, а его сын, Хань Линь-эр, которого он провозгласил своим наследником, скрылся. Но Хань Шань-тун оказался всего лишь затравкой. Восстания Красных повязок начали происходить по всей территории державы Юань, их подпитывали ужасные условия жизни, возмущение произволом властей Юань и мессианские надежды. После Хань Шань-туна как минимум пять человек провозглашали себя новыми императорами Китая, появилось еще шесть или семь вождей без претензий на имперский титул⁵.

Тогто, руководивший напряженной и успешной защитой от повстанцев, пал жертвой некомпетентности императора. В 1354 году Тогон-Тэмур внезапно уволил своего канцлера. По-видимому, его разозлило то, что у Тогто между сражениями не нашлось времени организовать церемонию провозглашения его сына, Айюшридары, наследником престола. Это демонстрирует, насколько монгольский император был далек от реальности. Но Тогто, верный до конца, сразу подчинился ему. Он в это время занимался осадой захваченного повстанцами города Гао-ю; город был на грани капитуляции, но когда Тогто ушел, находившиеся в городе Красные повязки воспрянули духом⁶.

Неудавшаяся осада Гао-ю была признаком грядущих перемен. Тогто добровольно отправился в изгнание и умер год спустя (возможно, отравленный одним из союзников наследного принца). Армия Юань разделилась на части, ее генералы поссорились — каждый из них надеялся стать верховным командующим. Лишенная общего руководства и вынужденная сражаться сразу во многих местах с постоянно растущим числом повстанцев, имперская армия не могла искоренить крамолу.

К концу десятилетия император Тогон-Тэмур контролировал только территорию непосредственно вокруг Даду. Красные повязки разделились на два основных течения: на северо-востоке действовало сильное войско буддистского монаха Чжу Юань-чжана, который изначально был сторонником сына Хань Шань-туна; на юго-западе оперировали повстанцы под командованием бывшего провинциального чиновника по имени Чэнь Ю-лян.

Чэнь Ю-лян провозгласил себя императором Китая в Цзян-чжоу и назвал эру своего правления Да-хань, «Великая Хань». В то

Карта 74.1. Возвышение Мин

же время Чжу Юань-чжан захватил Нанкин и провозгласил себя основателем новой династии Ву. Тем временем пират Фан Гуо-чжэнь захватил южное побережье к югу от Ханчжоу⁷.

В 1363 году уже бывший монах Чжу Юань-чжан разгромил своего соперника на озере Поянху, возле южного побережья. Чэн Ю-лян первым вышел к этому озеру; хроника того времени описывает, как он со славой явился во главе флота из трехпалубных военных кораблей, покрашенных красным лаком, заполненных воинами и конями, с установленными на палубах боевыми башнями, обшитыми железом. Он собирался взять в осаду прибрежный город Наньчан, находившийся под контролем людей Юань-чжана. Чтобы отразить его, Чжу Юань-чжан отправил собственный флот из Нанкина; у него ушло девять дней на то, чтобы добраться до места.

30 августа две флотилии столкнулись на озере. В течение двух дней ни одна из сторон не могла добиться перевеса. На третий день Чжу Юань-чжан приказал отправить в сторону врага нагруженные порохом корабли с соломенными чучелами, одетыми как матросы.

Брандеры, оснащенные длинными горящими фитилями, проникли в строй кораблей Чэнь Ю-ляна и взорвались⁸.

Спустя месяц после этой битвы последовал еще один морской бой, на этот раз короткий. В ходе него Чэнь Ю-лян был сражен стрелой в глаз и умер мгновенно; власть над Китаем перешла в руки Чжу Юань-чжана. Южное движение Красных повязок было разбито. Двор Юань продержался в Даду еще четыре года, но страна была в руках вождя северного крыла Красных повязок.

В ноябре 1367 года Чжу Юань-чжан возглавил решающий штурм Даду и захватил его. Тогон-Тэмур со своим двором отступил на север, на старые монгольские земли. Он все еще контролировал Шаньду, северную столицу великого Хубилая; и он все еще именовал себя императором Китая. Но теперь он стал всего лишь одним из северных военачальников, цеплявшимся за небольшое местное владение. Год спустя он потеряет Шаньду и будет изгнан еще дальше в степь.

На юге Чжу Юань-чжан сам провозгласил себя императором со столицей в Нанкине. С нового 1368 года он объявил начало новой династии Мин, сам взяв себе имперское имя Тайцзу. Деви́зом эры своего правления бывший монах избрал *Хун-у* — «Наиболее воинственная». По названию этой эры его впоследствии часто именовали «императором Хун-у»⁹.

Чжу Юань-чжану было на этот момент 40 лет, и много воды утекло с того времени, как он был буддистским монахом. По словам одного источника, он стал отцом двадцати трех сыновей, которых разместил по своей империи как наместников в стратегически важных местах. Создание такой системы, несомненно, было довольно продолжительным процессом, который занял много лет, — но этот факт демонстрирует, насколько решительно новый правитель стремился к сохранению контроля над страной¹⁰.

И ему это удавалось в течение тридцати лет. Он оставался на престоле достаточно долго для того, чтобы изменить каждую часть своей державы. Он назначил комитет ученых для пересмотра, расширения и переиздания старого свода законов эпохи Тан, заменив им смесь старых традиций и обычаев кочевников, которым следовали правители Юань. Он вкладывал деньги в конфуцианские школы и восстановил старые конфуцианские экзамены для гражданской службы, объясняя, что таким способом можно выделить наиболее компетентных чиновников. Один из первых его указов гласил: *«Империя огромна, и поскольку я, конечно же, не могу править ею в одиночку, исключительно важно, чтобы все до*

стойные мужи государства объединились для привнесения в нее порядка»¹¹.

Главным намерением Чжу Юань-чжана было успокоить Китай. В письме к императору Византии, содержащем известие о начале новой династии, император Хун-у отметил, что под властью Юань его родина перенесла почти два десятилетия несчастий.

«Мы, как простой крестьянин Хуай-Ю, задумали спасти... [и теперь мы] принесли мир в Империю и восстановили старые границы... Хотя Мы и не равны по мудрости нашим древним правителям, чья доблесть была признана по всей Вселенной, но Мы можем лишь дать миру знать о нашем намерении сохранить мир на четырех морях»¹².

Но император Хун-у не забыл, что взошел на престол благодаря восстанию, и он никогда не проявлял слишком много доверия к своим «достойным людям». В 1380 году, опасаясь, что его давний друг и главный министр Ху Вэй-Юн становится слишком могущественным, император Хун-у арестовал его за измену и приказал казнить, после чего начал устранять всех, кто мог бы угрожать его власти. Тысячи людей были казнены. Два года спустя император создал тайную полицию — «Стражу в вышитых одеждах»; они были уполномочены арестовывать и содержать в тайных тюрьмах любого, кто мог угрожать безопасности и спокойствию государства.

Чтобы ликвидировать власть феодальных кланов, которые могли объединиться против него, император беспощадно изгнал их с родовых земель, конфисковал их владения и расселил их далеко друг от друга. В качестве ренты им теперь ежемесячно выдавалось определенное жалованье рисом и тканями; таким образом бывшие могущественные помещики теперь полностью зависели от императорского благорасположения¹³.

Поступки Чжу Юань-чжана можно считать параноидальными, но он не был лицемером и не стремился к земным благам. «Император должен подавлять свою личную заинтересованность и воздерживаться от материальных удовольствий, — объявил он. — Только когда владыка добродетелен и свободен от материальных желаний, он может править». Поэтому Чжу Юань-чжан отказался есть мясо, носил залатанные сорочки и приказал своему наследнику посадить собственный огород для экономии денег. Он был человеком железного самоконтроля, и его решимость была непоколебимой: в новой империи Мин должен воцариться мир, и он добьется этого любой ценой¹⁴.

Хронологическая таблица 74

Чума	Франция	Англия и Шотландия	Кастилия и Наварра	Китай
	Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)	Жанна Наваррская (1328–1349)	
		Давид II (1329– 1333/1371)		
		Битва при Дашлин- Муре (1332)		
		Эдуард Баллиол (претендент, 1333–1336)		Тогон-Тэмур (1333–1370)
Появление чумы у озера Иссык-Куль (1338)	Столетняя война (1337–1453)			
Симеон, Великий князь Московский (1340–1353)		Битва при Слейсе (1340)		
Войско Дели уничто- жено чумой (1344)		Договор Малеструа (1343)		
Чума приходит в Кафу (1347)	Падение Кале (1347)	Битва при Креси (1346)		
Чума распространяется по Британии (1348) Чума истребляет Каир (1349)			Карл (1349–1387)	

Чума	Франция	Англия и Шотландия	Кастилия и Наварра	Китай
Чума на Руси (1353)	Иоанн II (1350–1364)		Педро (1350–1369)	Мятеж Хань Шань-туна (1352)
				Чжу Юань-чжан провозглашен императором в Нанкине (1355)
				Смерть Токто (1356)
	Жакерия (1358)			Чэнь Ю-лян провозглашен императором в Цзянчжоу (1357)
	Договор Бретиньи (1360)			Битва на озере Поянху (1363)
	Карл V (1364–1380)		Битва при Кампо-де-Монтель (1367)	Основание династии Мин (1368–1644) Император Хун-у (1368–1398)
				Чистка в правительстве Мин (1380)
				Создание «Стражи в вышитых одеждах» (1382)

Глава 75

После монголов

Между 1351 и 1399 годами в Юго-Восточной Азии укореняется новый народ, а китайский полководец использует китайское оружие для изменения судьбы своей страны

Монголы отступили с юга Китая, но их вторжение изменило политический ландшафт всего региона.

Владыка кхмеров, еще до прибытия монголов измученный войной, согласился стать монгольским вассалом, чтобы купить мир. С тех пор власть Ангкор-Вата клонилась к упаду. Последние надписи, упоминающие о правлении в Ангкор-Вате смутной фигуры царя Джайявармапарамешвары, относятся к 1327 году; после него правители страны становятся безликими. Строительство практически прекратилось, рисовые поля заросли сорняками. А затем кхмеры столкнулись с новым врагом — врагом, который когда-то был подданным их государя¹.

Столетием ранее долина на западе, заселенная вассальным народом, который сами кхмеры называли *Сиам*, вышла из-под контроля Кхмерской империи; здесь возникло государство, центром которого стал город Сукхотай. Это королевство было первым независимым государством народа тай. Вскоре к нему присоединились несколько других небольших тайских анклавов, разбросанных между реками Иравади и Меконг.

Столицей первого тайского королевства был город Сукхотай, крупнейший в долине. Но к 1351 году влиятельный вождь У Тхонг из тайского города Лопбури стал правителем всего города, а утвердившись в нем, приступил к созданию еще более сильного королевства, способного соперничать с соседями.

В некоторых записях говорится, что этот амбициозный правитель был сыном китайского торговца — одного из многих переселенцев, обосновавшихся в долине Тай и ведших здесь прибыльную торговлю. Другие источники называют его коренным жителем Лопбури. Ранняя версия его собственной «Королевской хроники» гласит, что У Тхонг женился на представительнице богатого клана торговцев из другого тайского города-государства, Супханбури, и стал и его правителем. Каким бы ни было его происхождение, У Тхонг принял королевское имя Раматхибоди, и два города стали двойным ядром его новых владений².

Согласно «Королевской хронике», вскоре после этого эпидемия оспы изгнала короля Раматхибоди из его родного города Лопбури. Оставив власть военным, он переселил оставшееся население в сельскую местность, а затем нашел для него «круглый остров, гладкий, ровный и чистый» в месте слияния двух рукавов реки Чаунхраи с рекой Пасак. Здесь У Тхонг основал свою новую столицу — город Айюття. В летописи приводится точная датировка этого события: год 712, на шестой день пятого месяца, три *налика* и девять *бат* после восхода. Иными словами, это была пятница, 1 марта 1351 года, девять часов утра³.

Раматхибоди беспокоило возможное противодействие со стороны Кхмерской империи, и в 1352 году его новое королевство Айюття втянулось в первый полномасштабный конфликт с ослабшей державой кхмеров. Последовали более десяти лет затяжной и изнурительной войны. Победы уравнивались поражениями; собственный сын Раматхибоди, принц Рамесуан, был взят в плен кхмерами, и его пришлось спасать родному дяде. К моменту смерти Раматхибоди в 1369 году позиции Айютти прочно укрепились, но кхмерская угроза все еще оставалась актуальной⁴.

В тайских королевствах, как и в большинстве вновь созданных государств, еще не возникло традиции передачи власти от отца к сыну. Рамесуан добился короны, как преемник отца — но вскоре брат его матери, Бороммарача из города Супханбури, прибыл в Айюттию и предъявил претензии на престол.

Бороммарача было около 60 лет, был вспыльчив, но обладал воинским опытом и пользовался поддержкой почти во всем городе. Именно он в свое время спас униженного Рамесуана из кхмерского плена, а позднее добавил к этому подвигу впечатляющую (хотя и эфемерную) победу, одержанную под стенами самого Ангкор-Вата.

А принц Рамесуан не мог похвастать собственными победами. Видя популярность дяди, он оставил престол и отступил в Лопбури. После этого Бороммарача обратил свое внимание не на кхмеров, но на второе крупнейшее тайское королевство — Сукхотай.

Раматхибоди придерживался политики мира с тайскими соседями, но Бороммарача провел почти все восемнадцать лет своего правления, совершая нападения на границы Сукхотай. Один современник ему летописец именовал короля «Воинственный правитель, любитель оружия». Он умер в 1388 году, успев заставить короля Сукхотая принести ему вассальную присягу⁵.

Тем временем после 18-летнего перерыва Рамесуан вернулся, чтобы все-таки получить отцовский престол. Дядя удвоил размер его королевства; Рамесуан отплатил за это, убив своего юного двоюродного брата — Тхонг Лана, сына и наследника Бороммара чи. Это убийство было совершено традиционным образом: молодого человека поместили в бархатный мешок и забили до смерти⁶.

После этого Рамесуан начал вторую войну с Кхмерской империей. Его стратегия состояла не просто в завоевании страны: он стремился связать народ кхмеров с землей Тай. Взятые в плен кхмеры — в особенности если они были художниками, писателями, музыкантами или высокопоставленными чиновниками — депортировались в Айютию, где им давали возможность продолжать прежнюю деятельность.

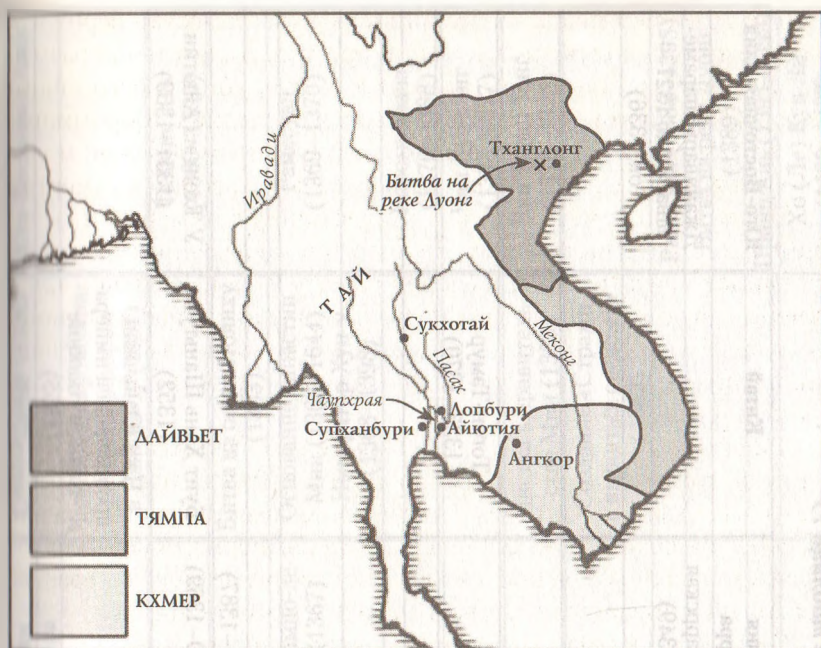
Тайская и кхмерская культуры взаимодействовали еще с того периода, когда Ангкор-Ват правил долиной Таф: ее народ уже использовал кхмерскую систему письма и позаимствовал кхмерские способы орошения урожая. Теперь, когда империя кхмеров находилась в упадке, обмен продолжался: культуры не только переплетались, но и смешивались, превращаясь в нечто новое⁷.

Однако два клана — родичи отца короля и торговое племя его матери — были менее всего склонны смешиваться. Пока Рамесуан занимал престол отца, семья его матери выжидала, готовясь впоследствии воспользоваться своей возможностью получить корону.

* * *

Тем временем на побережье Тихого океана Дайвьет и Тямпа отпраздновали уход монголов, ввязавшись в войну друг с другом. Десятилетия приграничных конфликтов около 1360 года вылились в полномасштабную войну. Армию Тямпы возглавлял воинственный Те Бонг Нга, известный в Дайвьете как Красный Король. Как и у тайского Раматхибоди, его прошлое окутано тайной; известно лишь, что к 1361 году он начал первую войну против Дайвьета. После ряда кампаний в 1369 году Те Бонг Нга сумел добиться от китайского императора официального дипломатического признания, и это придало еще больше энергии его попыткам завоевать Дайвьет.

В 1371 году Те Бонг Нга организовал атаку с моря на побережье Дайвьета. Его десант с боем прорвался в сердце страны и дошел до ее столицы Тханглонга — которую солдаты Тямпы разграбили и сожгли. Девушек и юношей захватывали в плен и отправляли в Тямпу в качестве рабов⁸.

Карта 75.1. Конфликт в Юго-Восточной Азии

Не в силах остановить набеги, король Дайвьета отрекся от престола и передал бразды правления своему брату, Чан Дуэ-тонгу. Но и тот, не сумев объединить всю страну против захватчиков, вскоре заработал себе репутацию трусливого и алчного правителя. Во время одного из вторжений он бежал из столицы на плоту и переждал на безопасном расстоянии, пока тямь не отступили; опасаясь дальнейших набегов, он перевез все свои сокровища в горы и укрыл их так, чтобы до них не смогли добраться ни тямь, ни его собственные подданные⁹.

Красный Король разграбил Тханглонг во второй раз, а затем и в третий. В общей сложности он возглавил не менее десяти кампаний против Дайвьета. Но несмотря на очевидную легкость захвата столицы, окончательно удержать ее он не мог. Постепенно у Дайвьета выдвинулся полководец Ле Куи Ли — по происхождению китаец, долго поднимавшийся в званиях и наконец ставший верховным командующим.

На протяжении многих лет Ле Куи Ли возглавлял сопротивление Тямпе, ценой огромных потерь вновь и вновь отражая армии

Хронологическая таблица 75

Франция	Англия и Шотландия	Кастилия и Наварра	Китай	Юго-Восточная Азия
Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)	Жанна Наваррская (1328–1349)		Джайвармапарамешвара (ок. 1327 – ок. 1336)
	Давид II (1329–1333/1371)			
	Битва при Даплин-Муре (1332)			
	Эдуард Баллиол (пре-тендент, 1333–1336)		Тогон-Тэмур (1333–1370)	
Столетняя война (1337–1453)				
	Битва при Слейсе (1340)			
	Договор Малеструа (1343)			
Потеря Кале (1347)	Битва при Креси (1346)			
Иоанн II (1350–1364)		Карл (1349–1387) Педро (1350–1369)	Бунт Хань Шаньгуна (1352)	У Тхонг из Айютии (1351–1369)
			Чжу Юаньчжан провозглашен импера- тором в Нанкине (1355)	

Формы	Анжия и Шогланция	Календарь и Назара	Год	Датум
Жакерия (1358)			Чэнь Юлян провозглашен императором в Цзянчжоу (1357)	Те Бонг Нга (1360-1390)
Договор Бретины (1360) Карл V (1364-1380)			Битва на озере Поянху (1363)	
		Битва при Кампо-де-Монтель (1367)	Основание династии Мин (1368-1644) Император Хун-у (1368-1398)	Рамесуан (1369-1370)
				Бороммарача (1370-1388)
				Чан Дуэ-тонг (1373-1377)
			Чистка в правительстве Мин (1380) Создание «Стражи в вышитых одеждах» (1382)	Чан Тхуан Тонг (1378-1395)
				Рамесуан (1388-1395)
				Битва на реке Луонг (1389)
				Принц Ань (1395-1399)
				Хо (Ле) Куи Ли (1400-1407)

захватчиков. В 1389 году он потерпел крупнейшее за свою карьеру поражение на реке Луонг: его армия была уничтожена, остатки ее обратились в бегство. Сам Ле Куи Ли был вынужден спастись в джунглях; сопровождавший его офицер простонал: «Враг сильнее нас, сопротивление бесполезно!»¹⁰

Но Ле Куи Ли набрал новую армию, переоснастив ее оружием, привезенным с его китайской родины. У солдат Дайвьета не было наименования для этого оружия, и они использовали термины из китайского языка. В следующем отчаянном сражении против Тямпы, состоявшемся в 1390 году, солдаты и речные корабли Дайвьета оказались вооружены *хуочонами* — небольшими пушками, которыми к этому времени активно торговал Китай.

Дезертир из войска Тямпы продал информацию, на каком из кораблей находился Красный Король. Как только флоты сблизились, воины Дайвьета открыли по этому судну огонь из всех стволов. В итоге Те Бонг Нга был убит, а его войско в панике отступило. По традиции Ле Куи Ли привез Те Бонг Нга в столицу. После гибели Красного Короля кратковременному возвышению Тямпы пришел конец¹¹.

Через девять лет Ле Куи Ли захватил престол Дайвьета. По-видимому, причиной переворота стало накопившееся разочарование. Более десяти лет он наблюдал за деградацией королевского семейства и трусостью правителей при нападениях Тямпы. Страна была разорена, народ деморализован; армия Тямпы «пересекала [страну], будто пустую землю», — писал один из хронистов, столицу грабили вновь и вновь¹².

Великий полководец выдал одну из своих дочерей замуж в королевскую семью, а в 1395 году убедил императора Чан Тхуан Тонга, своего зятя, передать трон принцу Ану, которому было три года — внуку генерала. После этого Ле Куи Ли казнил отрекшегося от престола императора и провозгласил себя регентом при внуке.

В 1399 году ребенок послушно отрекся от престола в возрасте семи лет, передав корону своему деду. Ле Куи Ли сменил свое имя на китайское имя Хо и начал утверждать, что является потомком легендарного Второго мудрого императора Юй. Он даже переименовал в его честь саму страну — вместо Дайвьета она стала называться Та Юй¹³. Китайская техника спасла его страну; теперь же китайская мудрость должна была ее изменить.

Турки и отчаявшийся император

Между 1352 и 1373 годами турки-османы приглашены пересечь Геллеспонт, а император Византии лишается практически всего

Два императора занимали дворец в Константинополе: двадцатилетний Иоанн V, сын Андроника Палеолога; и Иоанн VI, бывший регент Иоанн Кантакузин, которому было около шестидесяти лет*. Совместно они правили опустошенным чумой городом, вымирающей сельской местностью и трагически съжившейся империей: от славной Византии осталась лишь старая римская провинция Фракия, часть северных Эгейских островов и город Фессалоники на македонском побережье, окруженный территориями, которые завоевал сербский царь Стефан Душан¹.

Картина была мрачной, но молодой Иоанн V замечал лишь то, что ему не хватает собственной власти. Его властный соправитель, Иоанн VI, уже передал части империи своим двум выжившим сыновьям: дальний южный край греческого полуострова — младшему, стратегически важный город Адрианополь — Матвею, старшему².

Летом 1352 года Иоанн V с войском отправился на территорию Матвея и осадил. Матвей отправил отцу просьбу о помощи; чтобы усилить поредевшую византийскую армию, Иоанн VI попросил о помощи своего старого союзника — Орхана из рода Османов.

Орхан согласился и отправил в Византию целое турецкое войско под командованием своего старшего сына Сулеймана-паши. В ответ Иоанн-младший обратился за помощью к другому опасному врагу — Стефану Душану, попросив у него подкреплений. Душан направил ему четыре тысячи воинов, и византийско-османские войска, защищавшие Адрианополь, выстроились против византийско-сербских воинов, пытавшихся его захватить.

Сражение состоялось на берегах реки Марицы, неподалеку от степ Адрианополя. Османы сокрушили сербов, и союзники молодого Иоанна отступили. Сам Иоанн V был взят в плен; Иоанн-старший приказал отправить его в ссылку на Тенедос, остров в пятнадцать миль длиной, расположенный недалеко от побережья Малой Азии.

* Подробнее см. выше, главу 60. (Прим. авт.)

Утверждая, что он поступает так скорее из печали, чем из гнева, Иоанн VI провозгласил своего юного соправителя свергнутым и назначил вместо него императором своего сына Матвея. Но он и сам перешел черту. Приглашение турок для решения внутреннего конфликта не способствовало его популярности — особенно же, как указывает Никифор Григора, из-за того, что Иоанн VI забрал из церквей и монастырей Константинополя много золота и серебра, чтобы заплатить туркам. Когда после битвы турки двинулись восояси, попутно разграбив все деревни близ Адрианополя, все посчитали, что Иоанн дал им разрешение на это. Но что еще хуже — Сулейман-паша, сын Орхана, захватил Цимпу, крепость на побережье Фракии, — и отказался из нее уходить³.

250 лет назад Алексей Комнин пригласил крестоносцев на Восток для войны с сарацинами, тем самым сделав свою империю уязвимой для европейцев. Иоанн VI пригласил турок на запад для участия в гражданской войне — и дал им опору в своей империи. За это решение Константинополю тоже предстояло заплатить.

Иоанн VI становился все менее популярным, присутствие турок все более раздражало народ. Ситуацию усугубила катастрофа 1354 года. Утром 2 марта ужасное землетрясение сотрясло все побережье Эгейского моря; стены самого Константинополя накренились и потрескались. По всей Фракии рушились дома и замки, некоторые деревни полностью исчезли. Город Галлиполи, контролировавший переправу через Геллеспонт (Дарданеллы), был полностью разрушен. Тысячи людей погибли, выживших добывали ужасающие бури с чередующимися дождями и снегом⁴.

Иоанн VI отправил из Константинополя солдат для спасательных работ, но турки успели раньше. Сулейман-паша, услышав о разрушении Галлиполи, собрал огромную толпу турецких воинов и крестьян и явился к руинам. Его люди заняли разрушенные пустые дома, починили стены и объявили город турецким. Турки заполонили также и окружающую сельскую местность, занимая пустующие и разрушенные деревни. Это был тихий и эффективный способ: уходить они отказывались⁵.

Уцелевшие византийцы ожидали, что их император изгонит самозванных поселенцев — но Иоанн VI надеялся решить проблему с помощью дипломатии. В своих мемуарах он объяснял отказ сражаться:

«Умные люди не воюют, не взвесив силу собственных войск против войск врага. Эти варвары обладают большим опытом, боль-

шой численностью и большим энтузиазмом... В сравнении с ними наши ресурсы минимальны. Наше войско, некогда великолепное и победоносное, теперь бедное и жалкое; наши доходы скудны и незначительны»⁶.

Но, когда он обратился к Орхану, османский лидер не поспешил с ответом. Иоанн V не преминул воспользоваться ситуацией; в ноябре он сбежал со своего острова и вернулся в Константинополь. Граждане приветствовали молодого Иоанна, выкрикивая его имя на улицах и требуя возвращения его к власти.

Иоанн VI подчинился. 10 декабря он отрекся от звания соимператора Византии и передал всю власть молодому человеку. Отречение принесло ему облегчение; он правил империей более тридцати лет, и все это время неудачи преследовали его. Он удалился в монастырь святого Георгия в Константинополе и оставался там всю оставшуюся жизнь, умерев в возрасте 91 года⁷.

Константинополь, находившийся в худшем состоянии, чем когда-либо, оказался в руках 23-летнего Иоанна V. С востока ему, неопытному в военном деле, грозили турки, с запада — Стефан Душан. Сербский король уже подготовил нападение, но в декабре 1355 внезапно умер от сильного сердечного приступа. Ему было всего 47 лет, и он не назначил наследника. В результате его королевство немедленно раскололось на владения соперничающих преемников⁸.

Теперь основной проблемой Иоанна V остались Орхан и османы. Этой проблемой он и занимался следующие 17 лет своего правления.

В отличие от старшего Иоанна, он жаждал войны с турками — но вскоре понял, что в предупреждении свергнутого соимператора был смысл. Византийская армия оказалась совершенно неспособна изгнать турок с западного берега пролива. Поэтому, не выведя для себя никакого урока из истории, Иоанн V отправил просьбу о помощи папе римскому. Его письмо в Авиньон содержало предложение, которое не могло прийти в голову даже Алексию Комнину. В обмен на военную помощь и корабли Иоанн V предложил обратиться в католицизм и вернуть всю империю под власть католиков.

Климент VI, пережив чуму, умер в 1352 году после долгой болезни; его преемником в Авиньоне стал француз Иннокентий VI. Юрист по образованию, он сделал вежливый жест — отправил папского легата для обучения императора католической вере, но проигнорировал просьбу о солдатах. Иоанн V не проконсультиро-

вался предварительно со своими советниками, в то время как Иннокентий VI был реалистом: он понимал, насколько малы шансы на добровольный распад православной церкви⁹.

Потерпев неудачу с папой, Иоанн V попытался договориться с сербами (но они были слишком заняты гражданскими войнами), затем с Генуей и Венецией (которые не имели достаточного количества солдат), потом с королем Венгрии (который был слишком занят собственными войнами с Болгарией). Тем временем османская опасность нарастала. Авантюрист Сулейман-паша погиб в результате несчастного случая во время езды верхом в 1357 году (его лошадь казнили и похоронили рядом с ним на берегу Фракии), и Орхан отправил за Геллеспонт своего второго сына, Мурада, чтобы тот стал правителем Галлиполи и возглавил турецкую экспансию. *«Турецкие летописцы говорят, что принц Мурад... был наиболее могущественным из всего рода Османов, потому что не было никого, кто мог бы победить его в бою. Он всегда нападал первым»*, — отмечает греческий историк XVI века Феодор Спандунес¹⁰.

Под руководством Мурада постепенное проникновение превратилось в полномасштабное вторжение. Мурад осадил и взял

Карта 76.1. Османская империя

Дидимотихо, второй крупнейший город Византии, после чего захватил Адрианополь. Переименованный в Эдирне, он стал османской столицей во Фракии.

Его отец Орхан умер в конце 1361 или начале 1362 года (турецкая хронология не дает точной даты), и Мурад стал верховным вождем османов. В год своей смерти Орхан впервые взял себе титул султана; теперь его перенял Мурад¹¹.

Завоевание Фракии продолжилось.

* * *

Авиньонское папство внезапно пошатнулось.

Законовед Иннокентий VI умер в сентябре 1362 года, и совет кардиналов решил вознести на его место бенедиктинского монаха Пийльгельма Гримоарда. В то время Гримоард пребывал в Италии, исполняя поручение папы; услышав о смерти Иннокентия VI, он, как утверждалось, отреагировал бурно: «Если будет избран папа, который восстановит престол святого Петра в Италии, я умру довольным!» Вскоре после этого пришло известие о его собственном избрании¹².

После возвращения во Францию он принял имя Урбан V. По характеру он был аскетом, по воспитанию — строгим и благочестивым, роскошь, в которой жил Иннокентий VI, ему претила. Кроме того, Урбан V верил, что папство не может служить одновременно Богу и королю Франции, и с момента избрания он начал планировать возвращение в Рим.

Кардиналы, большинство из которых предпочитали Францию, возражали; но римский сенат присылал одобрительные послания, а поэт Петрарка (которому было теперь около шестидесяти лет) сочинил пространный и цветистый призыв. *«Пока вы спите на берегах Роны, под позолоченной крышей, Латеран лежит в руинах, мать Церквей открыта ветрам и дождю; церкви Апостолов — бесформенные груды камней»*¹³.

В апреле 1367 года Урбан V отплыл из Марселя и вернул папский двор на место его рождения — вместе с не желавшими переезжать кардиналами, которые всю дорогу жаловались на итальянские традиции, итальянские манеры и итальянскую пищу. Папский дворец действительно лежал в руинах, но Урбан V временно поселился возле Витербо. Именно туда двумя годами позже прибыл из Константинополя Иоанн V: в полном отчаянии, безнадежно пытаясь добиться помощи, он вновь обратился к Римской церкви. Уже понимая, что греческая церковь не сдастся папе, в качестве послед-

Хронологическая таблица 76

Китай	Юго-Восточная Азия	Османы	Византия и Сербия	Папство
	Джайявармапарамешвара (ок. 1327 — ок. 1336)	Орхан (1327–1362)	Андроник III (1328–1341)	
Тогон-Тэмур (1333–1370)		Завоевание Никеи (1331)		
		Сдача Никомедии (1337)		Бенедикт XII (1334–1342)
			Стефан Душан, король Сербии (1341–1355)	
			Иоанн V (1341–1357)	Климент VI (1342–1352)
Мятеж Хань Шань- туна (1352)	У Тхонг из Айютии (1351–1369)		Иоанн VI (1347–1354)	Иннокентий VI (1352–1362)
Чжу Юань-чжан провозглашен импера- тором в Нанкине (1355)			Эгейское землетрясение (1354) Отречение Иоанна VI (1354)	
Смерть Токто (1356)			Начало гражданской войны в Сербии (1355)	
Чэнь Юлян провозгла- шен императором в Цзиньчжоу (1357)		Смерть Сулеймана- паши (1357)		

Китай	Юго-Восточная Азия	Осман	Балканы и Сербия	Египет
	Те Бонг Нга (1360–1390)	Мурад (1361–1389)		Урбан V (1362–1370)
Битва на озере Поянху (1363)				
		Захват Адрианополя (1365)		
				Папский двор возвращается в Рим (1367)
Основание династии Мин (1368–1644) Император Хун-у (1368–1398)	Рамесуан (1369–1370)		Иоанн V обращается в католицизм (1369)	
	Бороммарача (1370–1388)			
	Чан Дуэ-тонг (1373–1377)		Иоанн V подчиняется Мураду (1373)	
Чистка в правительстве Мин (1380)	Чан Тхуан Тонг (1378–1395)			
Создание «Стражи в вышитых одеждах» (1382)				
	Рамесуан (1388–1395)			
	Битва на реке Луонг (1389)			
	Принц Ань (1395–1399)			
	Хо (Ле) Куи Ли (1400–1407)			

ней попытки заручиться поддержкой, он решил обратиться в католицизм сам, надеясь, что православные в Константинополе последуют его примеру.

Урбан V согласился принять императора обратно в ряды верных. В ходе торжественной церемонии, проведенной 21 октября 1369 года, Иоанн V поцеловал ноги, руки и губы папы и был принят в католическую веру¹⁴.

В ответ Урбан V предоставил ему триста солдат — для войны с османами этого было явно недостаточно. Но папа также издал официальную буллу, предписывающую всем христианским монархам Запада сделать все возможное для помощи императору, так как он стал их полноценным собратом по вере. Вооруженный этой уверенностью, Иоанн V попытался добиться поддержки от Генуи и Венеции — и в любом случае, у него не хватало средств, чтобы добраться домой без помощи. Однако, прибыв в Венецию, он обнаружил, что дож все еще начислял пеню на 30 000 дукатов, долга его матери Анны, неуплаченный со времен гражданской войны с Иоанном Кантакузином. Дож вежливо отказался простить долг, а у Иоанна V не осталось денег на путешествие — и император Византии застрял в Венеции, обремененный долгом и неспособный даже вернуться домой.

Со временем его старшему сыну Мануилу удалось собрать достаточно денег путем конфискации ценностей из церквей и монастырей в Фессалонике, правителем которой он являлся. Он приехал в Венецию, чтобы выкупить своего отца. Иоанн V, униженный, обращенный в католичество и разоренный, вернулся в свою столицу в октябре 1371 года. Там он узнал, что Мурад двинул османскую армию на сербов, продвинулся далеко на сербскую территорию и убил двух принцев, завладевших частями сербского королевства после смерти Стефана Душана. Теперь турки грозили Византии с двух сторон, отрезав остатки империи от остальной Европы: Иоанн мог вернуться домой только по морю¹⁵.

Император не выдержал.

В хрониках того времени не приводятся условия соглашения, но к 1373 году Иоанн V поклялся в вассальной верности Мураду и выполнял свои обязанности, сражаясь вместе с Мурадом против враждебных османам тюркских племен в Анатолии. Он отказался от своей веры и унизил себя в Венеции — но это оказалось впустую. Из православного императора Византии он превратился в католического турецкого вассала — и потерял все, кроме самого Константинополя¹⁶.

Уничтожение Дели

Между 1352 и 1388 годами султан Дели проявляет доброту, шах Бенгалии культивирует мистицизм, а правители юга проводят все время в сражениях

Фируз-шах Туглак уже около года без всякого удовольствия занимал престол Дели. Во время жестокого и некомпетентного правления его дяди держава катастрофически уменьшилась, а начало правления Фируз-шаха больше отягощали внутренние проблемы, чем враги за новыми границами султаната. Его биограф, Шамс-и Сирадж, говорит нам, что шах начал с предоставления народу огромных государственных займов, «с целью восстановления земель, деревень и зданий, которые были разрушены в дни голода», и затем простил долги¹.

Такая внутренняя политика оправдала себя, и подданные отдали Фирузу верностью; в течение всего его правления, как говорит Сирадж, «ни один листок владения не вздрогнул во дворце господства... У каждого было достаточно золота и серебра... Благотворство и изобилие было всеобщим. Вся держава Делийская была благословлена сокровищами Всемогущего... Эти факты говорят в славу его правления»².

Пока Фируз-шах восстанавливал государство, отколовшиеся при его предшественнике царства продолжали расширяться.

* * *

К востоку от Дели Бенгальский султанат под властью Шамс ад-Дина неуклонно отдалялся от прежних правителей. Шамс ад-Дин расширил свои владения, победив военачальников сопредельных индуистских областей, а по мере эгого его государство приобретало новый характер.

Как минимум с XI века по всему мусульманскому миру распространилась мистическая ветвь ислама, известная, как суфизм. Суфии концентрировали свои усилия на настоящем, а не на будущем; они стремились ко внутреннему очищению, усердно трудясь для того, чтобы возвыситься до все более высокого уровня благочестия. Они постились, медитировали, молились, давали милостыню; в духовном плане они поддерживали благодарность богу, пытались жить, постоянно памятуя о священной связи между богом

и верующим, стремились к сердечному подтверждению единения с божественным³.

В этом они были подобны мистикам по всему миру: монахам-созерцателям из Европы или искателям Белого Лотоса в Китае. Но суфии также были убеждены, что истинными правителями людей должны быть те, кто достиг внутренней чистоты — *аалин*, суфийские святые. Али Худжвири, суфийский ученый XI века, писал об этом так:

«У Бога есть святые, которых он особо отметил своей дружбой и которых избрал быть правителями Его Царства. [Он] очистил [их] от естественной порчи и избавил от подчинения их низшей душе и страсти, чтобы все их мысли были о Нем, и чтобы наедине они были лишь с Ним... Он сделал святых правителями Вселенной; они полностью посвятили себя Его делу... Их приход — благословение, из-за коего дождь падает с небес; чистота их жизни вызывает произрастание растений из земли; благодаря их духовному влиянию мусульмане побеждают неверных»⁴.

Али Худжвири, родившийся в Газни, долго путешествовал по старым персидским землям, где процветал суфизм; но потом поселился в североиндийском городе Лахоре и нашел благодарных слушателей среди мусульманских бедняков и индуистов низших каст. Услышать о том, что власть святого превышает могущество короля, получить шанс подняться с помощью духовной дисциплины из грязи их повседневной жизни до такого ослепительно высокого места в мире — это было редким и чудесным обещанием.

Султан Шамс ад-Дин был далеко не бессилён, но он принял суфизм, видя в нем еще один способ подчеркнуть свое отделение от Дели. Он стал покровителем и последователем суфийского учителя, шейха Ала аль-Хака, коренного бенгальца, достигшего святости в суфийской иерархии. «Он — путеводная звезда религии Славного, да продлится его благочестие», — объявил Шамс ад-Дин в сохранившейся до наших дней надписи на мечети. Суфизм помог Шамс ад-Дину размежеваться с его бывшим повелителем, а с поддержкой султана суфизм распространился по Бенгалии⁵.

Фируз-шах не смог вернуть Бенгалию ни в лоно веры, ни в состав Делийского султаната. После смерти Шамс ад-Дина в 1357 году Фируз-шах организовал поход, чтобы напасть на Сикандара, его сына и преемника. Но ему не хватало сил для подчинения бенгальского султана, и он был вынужден отступить после того, как Сикандар предложил ему лишь уплату небольшой дани⁶.

К югу от Дели отколовшиеся государства Виджайянагара и Бахмани были более обеспокоены друг другом, чем султаном, который правил ими ранее.

Харихара Райя I, первый правитель Виджайянагары, умер в 1356 году, — но успел завоевать территорию, простиравшуюся от реки Кавери до реки Кришны. Новым султаном стал его брат Букка Райя. Тем временем Бахман-шах (ранее делийский офицер Зафар-хан) также вел войну. Он перенес столицу в более безопасный город Гулбарга (Карнатака), в хорошо обеспеченной водой области, окруженной холмами, и построил там крупную крепость; она существует и по сей день. К моменту своей смерти в 1358 году он расширил королевство Бахманидов настолько, что оно простиралось от Бхонгира на востоке до Даулатабада на западе, и от реки Вайнганга на севере до реки Кришна на юге.

Река Кришна отмечала северную границу Виджайянагары, и Мухаммед-шах I, сын и наследник Бахман-шаха, начал войну с соседом за владение плодородной землей между Кришной и Тунгабахдрой. Это была первая из десяти яростных, но безрезультатных войн, которым предстояло занять оба царства более чем на сто лет⁷.

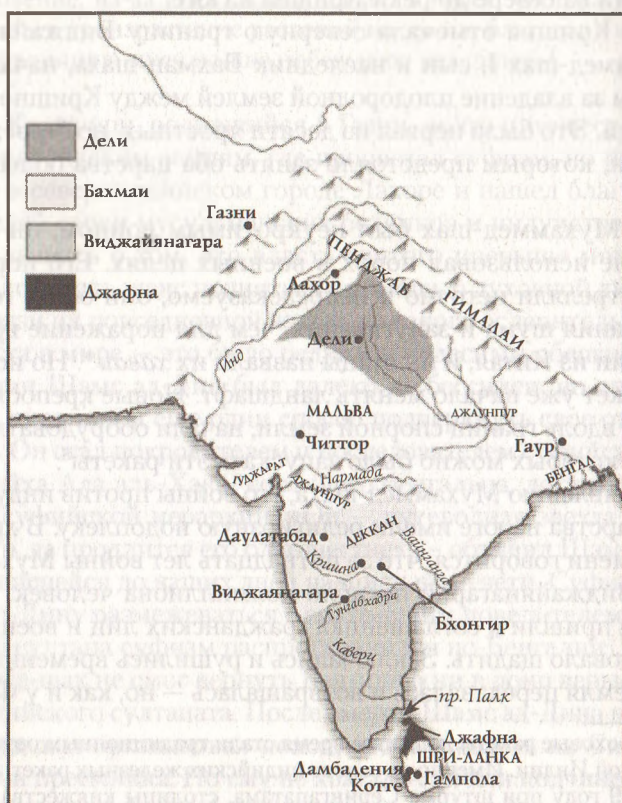
Сам Мухаммед-шах был неукротимым воином; он первым в Деккане использовал порох в военных целях. Его пороховые ракеты стреляли неточно и непредсказуемо, они более годились для создания шума и запугивания, чем для поражения врага. Их привозили из Китая, и индийцы называли их *хаван**. Но использование ракет уже начало менять ландшафт. Новые крепости, строившиеся вдоль границ спорной земли, начали оборудовать бойницами, из которых можно было запускать эти ракеты⁸.

По заявлению Мухаммед-шаха, его войны против индуистского государства на юге имели религиозную подоплеку. В хрониках того времени говорится, что за пятнадцать лет войны Мухаммеда-шаха с Виджайянагарой погибло полмиллиона человек. В итоге два шаха пришли к соглашению: гражданских лиц и военнопленных следовало щадить. Заключались и рушились временные перемирия; земля передавалась и возвращалась — но, как и у Франции

* Пороховые ракеты на долгое время стали традиционным оружием мусульманской Индии. Именно на основе индийских железных ракет, захваченных в 1799 году при штурме Серингапатама, столицы княжества Майсур, англичане создали ракету Конгрева — ставшую образцом для всех последующих типов твердотопливных европейских ракет XIX века. (Прим. ред.)

с Англией на западе, воля к войне держала оба королевства в напряжении⁹.

Столкнувшись с серьезным сопротивлением на северной границе, Харихара, сын и наследник Букка Райи, попытался обратиться на юг, отправив через пролив Палк на Шри-Ланку небольшой отряд. С момента распада царства Пандья в предыдущем столетии север Шри-Ланки был независимым со столицей в Джафне. Первым королем Джафны, судя по всему, был один из полководцев Пандьи, оставшийся на острове, когда его родная страна попала под власть Делийского султаната. Некоторое время королевство Джафны процветало. Ибн Баттута посетил его в 1340-х годах, и для него провели экскурсию по королевским жемчужным промыслам и рубиновым копям.

Карта 77.1. Расширение державы Бахманитов

Юг острова никогда не был под контролем Пандьи — но за несколько окутанных мраком десятилетий центр власти переместился из Дамбадени в город Гампола, немного дальше на юг, оттуда — в город-крепость Котте. С южных берегов торговцы из Шри-Ланки плавали в порты по всему северу Индийского океана, достигая даже Каира¹⁰.

Остров был соблазнительно богат, но неуязвим. Армия Викайянагары совершила несколько вторжений, но местные войска отбили все атаки на север острова, не позволив Харихаре пройти дальше; короли в Джаффне и Котте смогли откупиться от него значительной данью. С завоеванием Шри-Ланки пришлось поладить.

* * *

В 1388 году Фируз-шах умер. Ему был 81 год.

В свое время, убедившись в прочности своих позиций внутри страны, он начал совершать традиционные набеги против соседствующих государств. Они почти всегда оканчивались неудачами, но внутренняя политика все еще была успешной. «Благодаря вниманию, которое султан уделял управлению, — пишет Шамс-и Сириндж, — страна с каждым годом цвела все пышнее».

Сам Фируз-шах верил, что величайшими качествами его правления являлись правосудие и сострадание. Он писал:

«При предыдущих царях применялось великое разнообразие пыток. Орубание рук и ног, ушей и носов; выдавливание глаз, заливание расплавленного металла в горло, ломание костей рук и ног молотками, сжигание тела огнем, вонзание металлических гвоздей в руки, ноги и живот, перерезание сухожилий, распиливание человека живьем; практиковались эти и многие другие подобные пытки... Все это делалось для того, чтобы поселить страх и ужас в сердцах людей, и чтобы указы правительства должным образом выполнялись... [Но] путем милосердия, которое Аллах проявил ко мне, на смену этим ужасам и жестокости пришла нежность, доброта и милосердие. Таким образом страх и уважение прочнее завладели сердцами людей»¹¹.

Несмотря на военные неудачи, Делийский султанат не испытывал внешних проблем. Потеряна оказалась только одна провинция империи — Хандеш, наместник которой взбунтовался за шесть лет до смерти Фируз-шаха. В остальных местах царил покой. Фируз-шах не был полководцем, но он оказался хорошим администратором, энергичным строителем мечетей и садов, ком-

Хронологическая таблица 77

Юго-Восточная Азия	Государства Индии	Османь	Византия и Сербия	Папство
Джайвармапарамешвара (ок. 1327 — ок. 1336)	Мухаммад бен Туглак (1325–1351)	Орхан (1327–1362)	Андроник III (1328–1341)	
		Завоевание Никеи (1331)		
	Создание султаната Мадура (1335)	Сдача Никомедии (1337)		Бенедикт XII (1334–1342)
	Создание царства Виджаянагара (1336) Харихара Райя I (1336–1356)			
			Стефан Душан, король Сербии (1341–1355)	
	Начало династии Илья-Шахи в Бенгалии (1342) Шамс ад-Дин (1342–1357)		Иоанн V (1341–1357)	Климент VI (1342–1352)
У Тхонг из Айюттии (1351–1369)	Создание султаната Деккан (1347) Бахман-шах (1347–1358)		Иоанн VI (1347–1354)	
	Фируз-шах (1351–1388)			Иннокентий VI (1352–1362)
			Эгейское землетрясение (1354) Отречение Иоанна VI (1356)	

Юго-Восточная Азия	Государства Индонезии	Османская империя	Восточная Европа	Западная Европа
			Начало гражданской войны в Сербии (1355)	
	Букка Райя (1356–1377)	Смерть Сулеймана-паши (1357)		
Те Бонг Нга (1360–1390)	Мухаммад-шах I (1358–1375) Сикандар-шах (1358–1390)			
		Мурад (1361/2–1389)		Урбан V (1362–1370)
		Захват Адрианополя (1365)		Папский двор возвращается в Рим (1367)
Рамесуан (1369–1370)			Иоанн V обращается в католицизм (1369)	
Бороммарача (1370–1388)				
Чан Дуэ-тонг (1373–1377)			Иоанн V подчиняется Мураду (1373)	
Чан Тхуан Тонг (1378–1395)	Харихара Райя II (1377–1404)			
Рамесуан (1388–1395)	Мятеж в Хандеше (1382)			
Битва на реке Луонг (1389)				
Хо (Ле) Куи Ли (1400–1407)				

петентным руководителем финансами империи. Зерно в столице оставалось дешевым, солдатам и офицерам хорошо платили, налоги были умеренными².

Но после смерти Фируз-шаха единство страны рухнуло. Проводители Джаунпура, Малвы и Гуджарата, последовав примеру Бенгалии и Хандеша, провозгласили независимость, в то время как в самом Дели несколько претендентов начали борьбу за престол. Мягкость и доброта не восстановили величие империи, но они замедлили ее распад; теперь же гниение вновь ускорилось. «За сорок лет правления Фируза весь его народ был счастлив и доволен, — заключает Шамс-и Сирадж, — но когда он упокоился и территория Дели попала в другие руки, народ по воле судьбы рассеялся»¹³.

Глава 78

Кревская уния

Между 1364 и 1399 годами Венгрия и Польша ненадолго объединяются под одной короной, а затем Польша и Литва объединяются под другой

В 1364 году король Польши Казимир Великий созвал в своей столице Кракове съезд, который вполне можно назвать международным конгрессом. На нем присутствовали и недавно коронованный французский король Карл V, и император Священной Римской империи Карл IV, в 1346 году избранный королем Германии вместо ставшего непопулярным Людвига и коронованный как император в 1355 году — он только что женился на внучке Казимира, Елизавете. Прибыли также король Венгрии, германские герцоги и бароны, польские князья; завершали список гостей представители средиземноморских островов*.

Заявленной цели съезд в Кракове так и не достиг: Казимир Великий надеялся уговорить королей и князей на крестовый поход, теперь уже против новой угрозы — турок-османов. Но призывы к крестовому походу к этому времени уже воспринимались примерно как шляпа, пущенная по кругу на благотворительном

* Видимо, имеется в виду Пьер де Лузиньян, король Кипра, по совместительству носивший титул короля Иерусалимского (он был убит собственными рыцарями пять лет спустя). На съезде также присутствовал король Дании Вальдемар IV. (Прим. ред.)

Обеда: люди говорили прочувствованные речи, но когда доходило до дела, отводили взгляд. Благородные гости больше интересовались развлечениями. Французский поэт Гильом де Машо, который присутствовал на съезде, так описывает его обстановку:

Польский король, во владениях коего находится Краков...
Обещал, что поспособствует...
осуществлению святого Крестового похода, —
И все государи, бывшие там,
кто обещал, а кто и клялся,
что охотно примут участие,
сделают все, что в их силах.
Но тут герольды возвестили о
Предстоящих утехах — и все пожелали задержаться
ради состязаний и большого турнира.
Одним словом, они вместе сражались на игрищах¹.

Сражения более серьезные, чем турнир, королей не привлекали; гости разъехались по домам, на том все и кончилось. Тем не менее, истинная цель Краковского съезда была достигнута: мир унаследовал, что Польша вошла в число государств первого ранга.

Единство далось полякам нелегко. Первым королем Польши в XI столетии объявил себя князь Болеслав I Храбрый из рода Пястов. Он был коронован в 1025 году, но собрал под свою руку лишь несколько польских княжеств, и ни один из его преемников не сумел сделать сильно больше. Отец Казимира, малый ростом, но честолюбивый Владислав Локетек (из тех же Пястов) вновь попытался объединить все княжества — но области на севере и востоке Польши ему так и не подчинились.

Сразу после своей коронации в 1333 году Казимир приступил к завершению этой задачи. Тевтонский орден, обосновавшийся между его доменом и Балтийским морем, захватил большую часть Пруссии; Казимир заключил с орденом договор — и покончил с затяжным конфликтом на своей северной границе. Он откупился от короля Венгрии и взамен получил контроль над княжеством Мазовией. Он сумел силой оружия подчинить остальных князей и построил не менее полусотни новых замков по всей Польше для укрепления целостности новосозданной страны. Он основывал школы и добился у папы права на учреждение в Кракове университета. Он выделил средства на создание кодекса писаных законов, которого ранее у поляков не было — и лично следил за работой над ним. Самым любимым его занятием было обновление столицы — как говорит старая польская пословица, «он принял Польшу дере-

Карта 78.1. Польша при Казимире Великом

вянной, а оставил кирпичной»². *

Благодаря Краковскому конгрессу миру открылась новая Польша: выросшая на треть, мирная, процветающая и просвещенная. Но все же с одной задачей Казимир не справился: у него не было сыновей. Он трижды женился, у него было две любовницы и тайная связь с замужней женщиной из Праги — но законными его наследниками были только дочери.

В конце октября 1370 года 60-летний король во время охоты упал с коня, сильно расшибся и сломал ногу. Врачи рекомендовали покой и постельный режим, но он пренебрег их мнением и вскоре слег с лихорадкой и одышкой. Возможно, у него разви-

лась пневмония; на рассвете 5 ноября Казимир Великий умер³.

Похороны Казимира стали пышной и торжественной церемонией: процессия рыцарей и придворных растянулась на целую милю, народу раздавали серебряные монеты. После заупокойной мессы личный штандарт короля сломали. *«При этом среди собравшихся в храме поднялся такой стон, такая буря рыданий — старые и малые, знатные и простые, они долго не могли успокоиться. И не удивительно! Смерть миролюбивого государя породила у них страх, что мирной жизни, к которой они успели привыкнуть в его царствование, придет конец»*, — писал король Венгрии, прибывший на похороны⁴.

Король Венгрии, Людовик Анжуйский, приехал еще и затем, чтобы заявить о своих правах на польский трон. Он был ближай-

* Это выражение — не пословица, а цитата из сочинения Яна Длуги (1415–1480), польского историка и дипломата, католического иерарха, автора 12-томной «Истории Польши». В оригинале фраза звучит так: «Казимир нашел Краков деревянным, а оставил каменным». (Прим. ред.)

шим родственником покойного короля (его мать приходилась Казимиру сестрой), и сам Казимир обещал ему корону.

Вскоре Людовик сумел прийти к компромиссу с польскими князьями: они признают его как короля Польши, а он не будет вмешиваться в их внутренние дела. Он дополнительно подсластил им пилюлю, издав в 1374 году так называемую «Кошицкую привилегию», которая сводила обязанности шляхты перед короной к трем: уплата небольшого поземельного налога, военная служба — только на территории Польши, и содержание замков и фортификаций — только на восточной границе (с Русью). Людовик также раздал шляхте сотни акров королевской земли. После этого он редко показывался в Польше, и в течение 12 лет объединенные королевства Венгрии и Польши оставались единым государством лишь на бумаге⁵.

К сожалению, Людовику, как и его дяде, не удалось произвести на свет сына. До своей смерти в 1382 году он оставил распоряжение, согласно которому старшая из его дочерей, десятилетняя Мария, должна была стать королевой Венгрии и Польши; он также договорился о ее браке со вторым сыном императора Священной Римской империи Карла IV, подростком Сигизмундом.

Однако после похорон короля знать обеих стран воспротивилась правлению Марии. В Польше влиятельная партия князей выступала за избрание Ядвиги, младшей сестры Марии; это должно было привести к разрыву союза двух корон и вернуть Польше самостоятельность. В Венгрии оппозиционная партия дворян, в принципе не признающих женского наследования власти, пригласила на престол короля Неаполя — государства на юге Италии, в течение сотни лет существовавшей отдельно от Сицилии⁶.

Эти разногласия обошлись Венгрии большей кровью, чем Польше. Неаполитанский король Карл III прибыл в Венгрию в 1386 году. Месяц спустя он был убит наемниками Елизаветы, матери Марии, которая желала править как регент при своей юной дочери*. В отместку сторонники погибшего короля, похитив Ма-

* Карл III Неаполитанский и Людовик I Великий, король Венгрии, принадлежали к Анжуйской династии, оба были правнуками Карла II Неаполитанского и Марии Венгерской, сестры Стефана V — то есть имели равные права на венгерскую корону. Не имея наследника, Людовик сам пригласил Карла III в Венгрию, и тот приехал около 1364 года. Людовик назначил родственника наместником Славонии, Хорватии и Далмации, в 1371 году даровал титул герцога. Таким образом, на момент смерти Людовика I Карл III находился в Венгрии и сразу же заявил свои права на трон в качестве старшего мужчины Анжуйского дома, обойдя дочь Людовика Марию. Ему было не трудно добиться успеха благодаря поддержке хорватской знати и многим

рию вместе с матерью, отвезли их в Хорватию, в одну из горных крепостей, где Елизавету удавили на глазах у дочери⁷.

Сигизмунд, жених Марии, с помощью своего отца набрал отряд германских солдат, нанял венецианских моряков и прибыл в Венгрию через несколько месяцев*. Сочетая силу и уступки, он сумел добиться освобождения Марии и заодно — трона Венгрии для себя. Противники обеих королей, успокоенные обещанием Сигизмунда, что у Марии не будет доступа к реальной власти, в итоге признали его королем.

Мария, подозревая, что муж причастен к гибели ее матери, отказалась жить с ним. Он также не проявлял особой любви к ней: супруги жили раздельно до самой ее смерти в 1395 году из-за несчастного случая во время верховой езды. Ей было 24 года, и она была беременна их первым ребенком. После смерти Марии никто больше не мог оспорить корону у Сигизмунда, и с тех пор он единолично правил Венгрией.

Тем временем малышку Ядвигу, которой не исполнилось еще и 11 лет, короновали 16 октября 1384 года — не королевой, а королем. У поляков не было иного способа указать на то, что ей передается реальная власть: ведь прежде их королевы являлись не более чем женами королей. Однако замена титула не разрешила основной проблемы: во главе страны, лишь недавно разросшейся и обретшей могущество, оказался ребенок, и к тому же девочка. Ей требовалась поддержка, и польские князья обратились к своему естественному союзнику — великому князю Литовскому.

Рыцарей Тевтонского ордена изначально пригласили на земли Польши, чтобы они помогли *завоевать* Литву. Но завоевательная политика, проводимая орденом на территории соседствующего с Литвой балтского народа пруссов (впоследствии получившей

полезным связям, которые он завел, будучи герцогом Хорватии и Далмации) Марии I пришлось отречься в его пользу, и он короновался 31 декабря 1385 года. Но 7 февраля 1386 года юная королева и ее мать Елизавета пригласили Карла на праздник в свой замок — где не «наемник», а главный виночерпий Елизаветы в ее присутствии напал на короля и ранил его кинжалом. Свита его была перебита, сам он брошен в темницу, где и умер 24 февраля. (Прим. ред.)

* Здесь автор ошибается в хронологии. Елизавета и Мария были арестованы 25 июля, после чего отправлены в Новиград — одну из крепостей Славонии. Следствие длилось несколько месяцев. Вдова убитого настаивала на смертном приговоре, и он был вынесен уже после Рождества. К этому времени Сигизмунд собрал войско и в январе 1387 года привел его в Славонию, на выручку пленниц. Узнав о его приближении, тюремщики поторопились расправиться с Елизаветой. (Прим. ред.)

ование Пруссии), побудила разрозненные литовские племена к объединению; этот процесс завершился образованием Великого княжества Литовского со столицей в городе Вильнюсе.

Агрессия Тевтонского ордена убедила отца Казимира Великого в том, что союз с Литвой обеспечит надежную защиту как от германского натиска со стороны прусских земель, так и от возможной экспансии Золотой Орды. В 1325 году он устроил брак Казимира с дочерью великого князя, создав тем самым союз между двумя странами. Жена Казимира, Альдона, лишь перед свадьбой приняла христианство. Однако сама Литва оставалась непросто-только «языческой», традиционный культ божеств природы в ней не был отменен, а обращение пруссов посредством оружия не сделало христианство привлекательным в глазах литвинов.

Но теперь у польских князей имелось серьезное предложение правителю Литвы. Если бы он перешел в христианство и женился на Ядвиге, ему досталось бы объединенное королевство Польши и Литвы — сильная держава, которой не страшны ни орденские силы, ни монголы.

Великому князю Ягайле было около 25 лет, и он уже проявлял те политические способности, которыми отличался на протяжении всего дальнейшего царствования. В быту ему была свойственна умеренность: он не допускал излишеств в одежде и еде, не пил вина, а лучшим развлечением считал конную охоту. «Человек с простыми манерами, более пригодный для охоты, чем для управления государством», — презрительно отзывался о Ягайло летописец XV столетия Ян Длугош. Но Длугош был противником польско-литовской унии, и даже ему пришлось нехотя признать, что Ягайло был «искренним и честным, не знал вероломства»⁸.

Мать Ягайло, русская княжна, была православной христианкой, и христианская религия была ему знакома. Он принял условия, и 14 августа 1385 года регенты Ядвиги, встретившись с Ягайло в городке Крево, подписали официальное соглашение, получившее название Кревской унии. Это был личный союз государей двух стран во главе с великим князем*.

* Год и место рождения Ягайло, восьмого сына князя Ольгерда от второго брака (в 1350 году) с Юлианией Тверской, дочерью великого князя тверского Александра, точно не известны. Исследователи указывают даты от 1351 до 1362 года. Считается, что Ягайло с детства был крещен. Что касается врагов, то основной опасностью для князя Литовского были внутренние неурядицы. Браку с Ядвигой предшествовали годы междоусобиц. В сентябре 1380 года Ягайло отправился на соединение с Мамаем против московского князя Дми-

Писмо	Возврат, Польша и Литва	Земляки и Сербия	Освобождение	Мухаммад-шах
		Начало гражданской войны в Сербии (1355)	Смерть Сулеймана-пашы (1357)	Мухаммад-шах I (1358–1375) Сикандар-шах (1358–1390)
Урбан V (1362–1370)	Съезд в Кракове (1364)		Мурат (1361/2–1389)	
Писмо возвращается в Рим (1367)			Захват Адрианополя (1365)	
	Людовик Анжуйский, король Польши (1370–1382)	Иоанн V обращается в католицизм (1369)		
	Кошицкая привилегия (1374)	Иоанн V подчиняется Мурату (1373)		
	Ягайло — великий князь Литовский (1377–1434)			Харихара Райя II (1377–1404)
	Мария (1382–1385)			Мятеж в Хандеше (1382)
	Ядвига (1384–1399)			
	Кревская уния (1385)			
	Карл III Неаполитанский (1386)			
	Сигизмунд (1387–1437)			
	Ягайло — король Польши (1399–1434)			

Хронологическая таблица 78

Папство	Венгрия, Польша и Литва	Византия и Сербия	Османы	Государства Индии
		Андроник III (1328–1341)	Орхан (1327–1362)	Мухаммад бен Туғлак (1325–1351)
	Владислав Локетек (1320–1333)		Завоевание Никеи (1331)	
Бенедикт XII (1334–1342)	Казимир III (1333–1370)		Слача Никодемии (1337)	Создание султаната Мадура (1335)
	Брак Казимира и Альдоны Литовской (1335)			Создание царства Виджанатара (1336) Харихара Райя I (1336–1356)
		Стефан Душан, король Сербии (1341–1355)		
Климент VI (1342–1352)	Людовик Анжуйский, король Венгрии (1342–1382)	Иоанн V (1341–1357)		Начало династии Ильяс-Шахи в Бенга- лии (1342) Шамс ад-дин (1342–1357)
		Иоанн VI (1347–1354)		Создание султаната Декан (1347) Бахман-шах (1347–1358)
Иннокентий VI (1352–1362)				Фирруз-шах (1351–1388)
		Эрейское землетрясение (1354) Орхунские Иосифы VI		

Ядвига осталась королевой, но реальная власть перешла в руки Ягайлы. Источники единодушно утверждают, что он относился к Ядвиге хорошо. В 1399 году она наконец забеременела, родила дочь. Но девочка почти сразу умерла — а через неделю от послеродовой горячки скончалась и Ядвига. Таким образом, обе внучатые племянницы Казимира не дали потомства, и династия Пястов окончательно пресеклась. Однако Польша и Литва остались единым целым: один монарх, одна корона, две армии, две администрации — и одна религия, поскольку большинство жителей Литвы последовали примеру своего великого князя и стали католиками⁹.

Глава 79

Возрождение монгольской орды

Между 1367 и 1399 годами Железный Хромец уничтожает Золотую Орду, вторгается на запад и грабит Делийский султанат

В 1367 году один воин из Балха решил вернуть славные десятилетия монгольских завоеваний и давно ушедшие дни Чингис-хана, когда неукротимость монголов дала им власть над всем известным миром.

Ему было за тридцать лет, соратники прозвали его Тимур-Ленг. Железный Хромец — позднее в латинских хрониках появилась форма «Тамерлан». Это прозвище напоминало о битве, в которой он сражался до конца, несмотря на полученные раны на руках и ногах, из-за чего остался хромым навсегда.

Тимур-Ленг, сын Ивана Ивановича и поддержавшей его части литовско-русской знати — но, не дойдя до Дона, узнал о поражении Мамае в Куликовской битве и повернул назад. В октябре 1381 года Ягайлу сверг с престола его дядя Кейстут, считавший необходимым сближение с Москвой на антиордынском основании. Но уже в июле 1382 года Ягайло вернул себе великое княжение при военной помощи Тевтонского ордена и дипломатической поддержке Орды. 1384 год выдался бурным: Юлиания заключила с Москвой договор, по которому ее сын Ягайло должен был вступить в брак с дочерью Дмитрия Донского при условии подчинения Великого княжества Литовского верховной власти князя московского и признания православия государственной религией. Тогда же Витовт, двоюродный брат Ягайлы, сидевший со своим отцом Кейстутом в Кревском замке, бежал к великому магистру Тевтонского ордена. В союзе с немецкими рыцарями он начал борьбу против Ягайлы, вынудив его отказаться от Жемайтии и обязавшись принять в течение четырех лет католическую веру. В этих обстоятельствах предложение поляков было спасительным выходом. (Прим. ред.)

Он вырос в Чагатайском улусе к востоку от реки Окс (Аму-дарья) и в течение десяти лет служил своему зятю, эмиру Хусейну, правителю города Балха¹.

Эмир Хусейн теоретически был вассалом монгольского правителя, потомка Чингисхана. Но улус Чагатая так и не достиг той стабильности, какую, пусть и не всегда надолго, обрели три остальные части империи — Золотая Орда, Ильханат и государство Иран. Ханы улуса жили в его восточной части, в области, именуемой *Могулистан*, «земля монголов»; они не имели полной власти на западе улуса, в Трансоксании (землях к востоку от Окса). Здесь правили *эмиры* — вассальные монгольские вожди. Без них у ханов Чагатайского улуса не было шанса сохранить престол. Эмир Хусейн был одним из наиболее могущественных эмиров;* он лично организовал коронацию очередного хана, Кабул-шаха².

Тимуру едва исполнился двадцать один год — а он уже, как пишет один из его биографов, «очень хотел восстать против хана и подучить [его] власть». Но Тамерлан не был потомком дома Чингисхана (несмотря на утверждения более поздних придворных биографов), и он не стремился занять сам ханский престол. Он желал власти, а не титула; силы, а не ее видимости. Он хотел власти эмира Хусейна, а не пустой титул хана-марионетки³.

Как и сам великий Чингисхан, он был храбрым и харизматичным вождем. Историк и военачальник XV века Мирза Мухаммед Хайдар цитирует стихотворение, написанное в честь Тамерлана теми, кто видел его в бою:

Схватив свой меч, он заставил слететь с него такие искры,
что солнце в сравнении казалось тусклым.
Он напал, как рычащий лев⁴.

Боевая ярость привлекла на его сторону верных союзников из числа воинов эмира Хусейна. Их верность лишь возросла из-за его традиции раздавать войскам большую часть военных трофеев. Он

* Эмир Хусейн был внуком могущественного эмира Мавераннахра (западной части Чагатайского улуса), старым другом и товарищем Тимура. Однако он потерял свой престол, после чего перебрался в Балх, где к нему и присоединился Тимур. Они много воевали вместе, сначала неудачно. В 1356 году Тимур женился на сестре Хусейна, а в 1362 году Хусейн и Тимур с отрядом в 1000 всадников поступили на службу к одному из правителей Ирана. Через год в одном из сражений Тимур и получил те раны, из-за которых его прозвали «хромым» — не исключено, что ирангезированное имя Тимур Ленг в то время было оскорбительной кличкой. В 1364 году Тимуру и Хусейну удалось захватить Самарканд, и они совместно возвели на престол Кабул-шаха из рода Чагатая. Впоследствии друзья рассорились. (Прим. ред.)

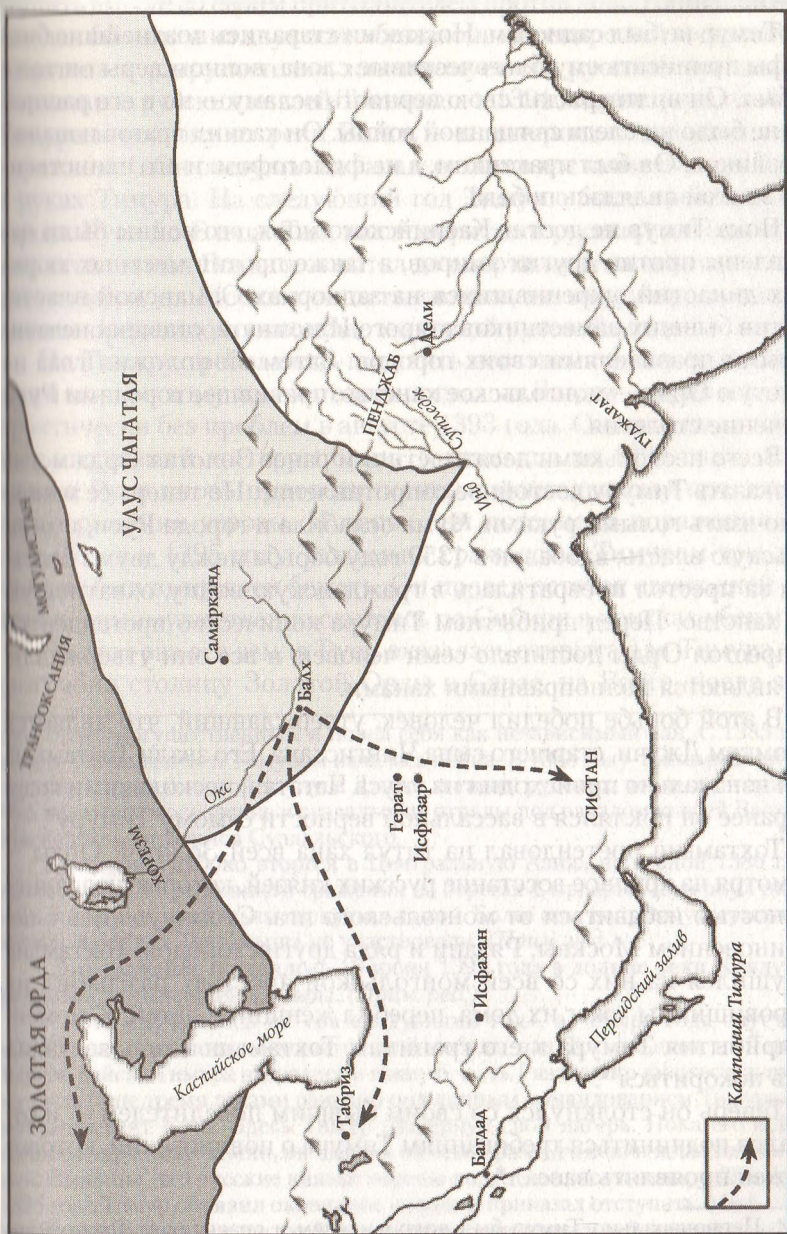
дарил своим воинам одежду, драгоценные камни, лошадей, оружие и пояса, и (но словам своего придворного историка Шараф ад-Дин на Али Язди) благодарил их за отвагу, передавая им «в золотых кубках вкуснейшие вина из рук самых красивых женщин в мире». Такую щедрость никогда не демонстрировал эмир Хусейн, скупой по природе⁵.

«По мере роста власти эмира Тимура начала увядать блаженная звезда эмира Хусейна», — пишет Хайдар. Почувствовав себя достаточно сильным, Тамерлан повернул оружие против друга. В начале 1357 года он обложил его осадой в его столице Балх. 10 апреля оборона города рухнула, и войско Тимура ворвалось в город. Тамерлан взял своего тестя в плен и позволил одному из своих солдат, кровному врагу Хусейна, убить его⁶.

С того времени Тимур правил вместо Хусейна как эмир Трансоксании, со столицей в Самарканде. Он правил от имени хана Чагатайского улуса — но его завоевания принадлежали только ему*. Семнадцать долгих лет военные кампании неуклонно продвигали его границу на запад: Хорезм, Исфахан, Табриз, земли к югу от Каспийского моря⁷.

Тимур был шагом назад в эволюции, атаквистической комбинацией монгольского кочевника и ассирийского царя. Он не был заинтересован в дипломатии и порицал своих офицеров за проявление излишней сдержанности: «Он был недоволен мягкостью своих генералов... по отношению к врагу, — отметил его придворный историк, — когда они удобряли пастбища вражды и воинственности миром». Тимур был более склонен удобрять их кровью, она убивала любые ростки сорняков мятежа. После захвата города Исфизара в 17 милях к югу от Герата он приказал положить защитников города друг на друга и замуровать в башни заживо. Когда пал Исфахан, он приказал казнить 70 тысяч пленных. На бывшей территории Ильханата он оставлял как знаки своего продвижения колонны из черепов. В Систане он приказал своим войскам разрушить все ирригационные сооружения, которые смог найти

* После захвата Балха Тимур созвал здесь курултай, в котором приняли участие чагатайские беки и эмиры, а также иные высокопоставленные вожди и чиновники улуса. Курултай избрал Тимура верховным эмиром Турана — так отныне стало называться его государство. Чтобы подкрепить свою власть, Тимур женился на пленной вдове эмира Хусейна, дочери чингизида Казан-хана. Это позволило ему прибавить к своему имени почетный титул «Гураган», то есть «ханский зять». На курултае Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра. Но, подобно своим предшественникам, ханского титула он себе не взял и довольствовался званием «великого эмира» — ханами (принтами улусов) могли быть только прямые потомки Чингисхана. (Прим. ред.)

Карта 79.1. Продвижение Тамерлана

таким образом уничтожив сельское хозяйство и волю народа к сопротивлению⁸.

Тимур не был садистом. Но, как ни старались позднейшие биографы приписать ему благочестивые слова, воином веры он тоже не был. Он подтверждал свою верность исламу — но в его расправах не было ни следа священной войны. Он казнил врагов и иудейских союзников. Он был практиком, а не философом, и его единственной этикой являлась победа.

Пока Тимур не достиг Каспийского моря, его войны были направлены против других эмиров, а также против местных тюрокских династий, укрепившихся на задворках Османской власти, против бывших наместников старого Ильханата, ставших независимыми правителями своих городов. Затем он положил глаз на Золотую Орду — монгольское ханство, правившее городами Руси в течение столетия.

Всего несколькими десятилетиями ранее Золотая Орда могла бы оказать Тимуру достойное сопротивление. Но теперь ее можно было взять голыми руками. Чума ослабила и города Руси, и монгольскую власть; вдобавок в 1359 году борьба между двумя братьями за престол превратилась в гражданскую войну, охватившую все ханство. Перед прибытием Тимура количество претендентов на престол Орды достигало семи человек, и все они утверждали, что являются полноправными ханами.

В этой борьбе победил человек, утверждавший, что является потомком Джучи, старшего сына Чингисхана. Его звали Тохтамыш, и он изначально происходил из улуса Чагатай; несколькими годами ранее он поклялся в вассальной верности самому Тимуру⁹.

Тохтамыш претендовал на титул хана всей Золотой Орды — несмотря на крупное восстание русских князей, которые надеялись полностью избавиться от монгольского ига. Столкнувшись с неповиновением Москвы, Рязани и ряда других городов, Тохтамыш обрушился на них со всей монгольской яростью, разграбил их сокровищницы, сжег их дома, перебил женщин и детей. К моменту прибытия Тимура к его границам Тохтамыш вновь заставил Русь покориться¹⁰.

Теперь он столкнулся со своим бывшим повелителем — и отдался подчиниться требованиям Тимура о повиновении, которое должен проявлять вассал*.

* Первоначально Тимур был покровителем и спасителем Тохтамыша, который при его поддержке смог захватить власть во всей Золотой Орде. Но через четыре года после того, как Тохтамыш вновь захватил Москву, он стал

Русские князья предпочли соблюсти вассальную верность и выступить вместе со своим притеснителем против нового врага. Тимур казался большим из двух зол: «беззаконный, свирепый и страшный мучитель и разрушитель», как именует его русский летописец. С помощью русских князей Тохтамыш в 1391 году встретил войско Тимура к востоку от реки Волги — и потерпел сокрушительное поражение*. Он отступил на запад, оставив восточную часть Орды в руках Тимура. На следующий год Тимур с боем прошел через города Руси до Ельца. Там, как говорится в русской летописи, он «захватил князя Ельца и запытал до смерти многих человек»**. За двести миль от Москвы он остановился, не желая продвигаться дальше пред лицом ужасающе холодной русской зимы¹¹.

Но Тимуру требовалось подавить восстания к югу от Каспийского моря; к тому же он положил глаз на Багдад — куда и вошел практически без проблем в августе 1393 года. Он не затевал крупных вторжений на территорию Тохтамыша до 1394 года, когда князья Руси вновь присоединились к монгольскому правителю для отражения угрозы. И вновь они потерпели поражение. На реке Терек в 1395 году Тохтамыш сражался с Тимуром три дня, пока не был вынужден бежать. Он провел остаток своих дней как беглец, преимущественно скитаясь по Сибири в поисках убежища.

На этот раз вся земля Руси оказалась открыта для Тимура. Он разграбил столицу Золотой Орды в Сарае, на Волге, после чего

сбы более могущественным и повел себя как независимый хан. С 1385 года между Тохтамышем и Тимуром началась война. В 1388 году Тохтамыш собрал огромную армию из войск улуса Джучи, а также русских, черкесов и аланов. Она включала московские и суздальские отряды под началом князей Василия Московского и Бориса Суздальского.

Тохтамыш глубоко вторгся в Центральную Азию, но весной 1389 года, после ничего не решившего сражения на берегах Сырдарьи, повернул назад, позволив русским князьям вернуться домой. Более они, вопреки утверждению автора, в войнах Тохтамыша не участвовали. (*Прим. ред.*)

* Это сражение состоялось 18 июня 1391 года в долине реки Кондурча, недалеко от нынешней Самары. (*Прим. ред.*)

** Это случилось не «на следующий год», а четыре года спустя — в 1395 году, уже после окончательной победы над Тохтамышем на Тереке. В поле войска Тимура вторглись в южную часть Рязанского княжества; именно тогда (а не тремя годами раньше) под личным командованием Тимура был захвачен Елец. Здесь Тимур развернул свой лагерь. Пока его войска прибили окрестные земли, он выслал на север разведчиков и ждал их донесений. Выяснив, что русские князья хорошо подготовились к отпору, 26 августа 1395 года Тимур объявил окончание похода и приказал отступать. Миф о том, что Тимур испугался русской зимы, не соответствует действительности — к зиме он уже отошел на Нижнюю Волгу, где сжег два главных центра Золотой Орды — Астрахань и Новый Сарай. (*Прим. ред.*)

провел восемь месяцев в землях Руси, уничтожая крепости и срашивая города с землей*. Как писал арабский путешественник Ибн Араб-шах, навестивший эти земли менее чем через десять лет и увидевший разрушение собственными глазами: *«Он покорял и подчинял своей воле всех без исключения... взял сокровища и разделил их, и позволил своим людям осквернять и брать пленников, и разрешил применять силу и жестокость, истребил племена и разрушил их крепости, и поменял все течение жизни»*¹².

Затем Тимур вернулся в Самарканд на отдых. Теперь он поставил себе другую цель.

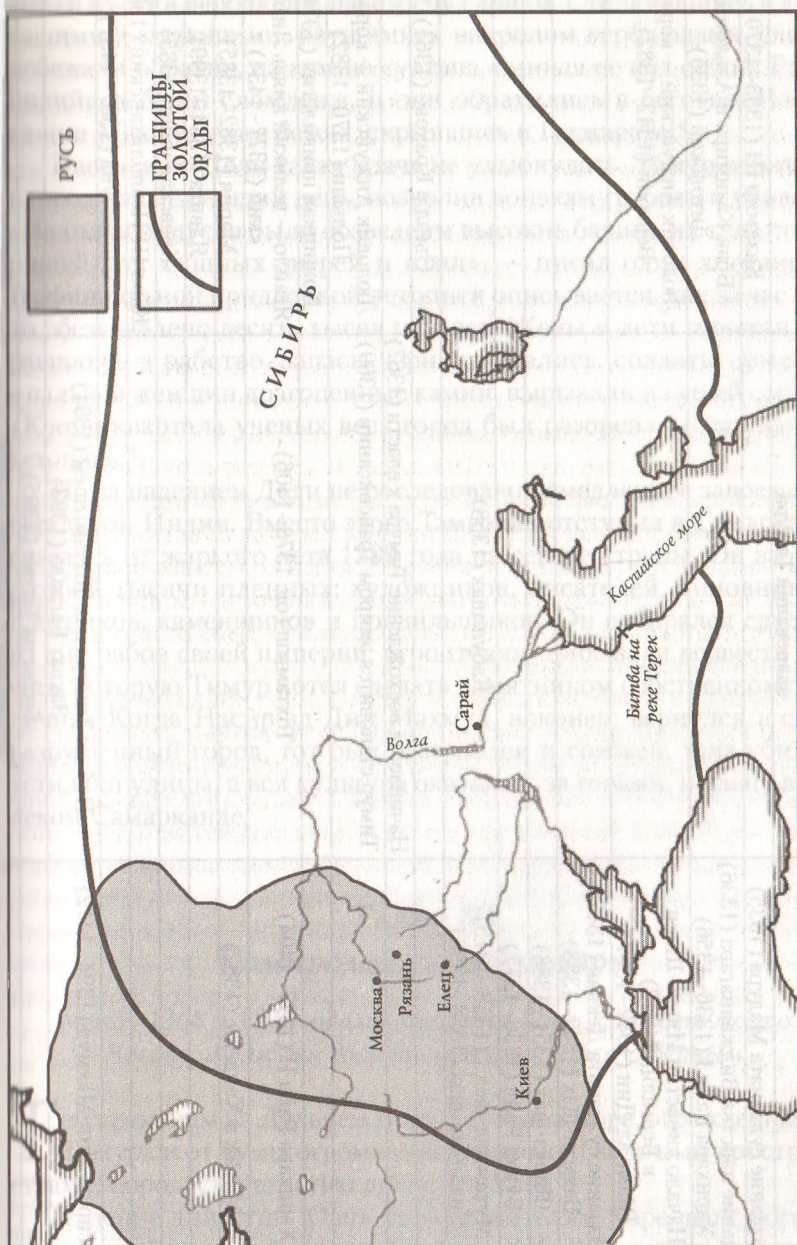
Он заранее отправил в Индию разведывательный корпус под предводительством своего внука Пир-Мухаммеда; корпус дошел до реки Сутледж, а потом отступил в горы. В апреле 1398 года после тщательной подготовки, Тимур отправился из Самарканда на юг, чтобы присоединиться к Пир-Мухаммеду.

Вместе они разграбили Пенджаб. К 20 сентября Тимур обосновался на берегах реки Инд, будучи готовым разорить сам Дели. Делийский султанат все еще находился под властью династии Туглака, но там сменилось множество мимолетных правителей. Город больше не был центром великой империи, им правил малоизвестный отпрыск дома Туглака, Насир ад-Дин Махмуд, но это все еще был ценный приз.

Незадолго до начала осады города Тимур приказал убить всех индийских пленников, находившихся в его лагере — опасаясь, что во время битвы они могут вырваться и присоединиться к защитникам Дели: «В великий день битвы, — сказал он своим офицерам, — пленных нельзя оставлять в обозе с пожитками. Нет иного выхода, кроме как предать их мечу». Каждому воину приказали убить определенное число пленных; в современных летописях говорится, что были убиты сто тысяч человек, их тела были сложены в кровавую кучу возле лагеря¹³.

Войско султана вышло навстречу Тимуру на следующий день, 17 декабря 1398 года. Оно включало 120 боевых слонов с отряпленными бивнями; это несколько обескуражило монгольскую армию — но Тимур уже выяснил, что слонов легко обратить в пани-

* Это было все тот же поход Тимура на Русь, что описан двумя абзацами выше, и длился он не восемь месяцев, а всего два. Война с Русью была невыгодна Тимуру, так как требовала ресурсов, нужных в других местах — но его хронисты сумели подать короткий рейд на южную окраину Рязанского княжества с захватом одной-единственной крепости как разорение всей Руси. (Прим. ред.)

Карта 79.2. Битва на реке Терек. Золотая Орда и Русь в конце XIV века

Хронологическая таблица 79

Государства Индии	Улус Чагатай, Золотая Орда и завоевания Тимура	Венгрия, Польша и Литва
Создание султаната Мадура (1335)		Казимир III (1333–1370)
Создание царства Вилкаянагара (1336) Харихара Райя I (1336–1356)		Брак Казимира и Альдоны Литовской (1335)
Начало династии Ильяс-Шахи в Бенгалии (1342) Шамс ад-Дин (1342–1357)		Людвик Анжуйский — король Венгрии (1342–1382)
Создание султаната Деккан (1347) Бахман-шах (1347–1358)		
Фируз-шах (1351–1388)		
Букка Райя (1356–1377)		
Мухаммад-шах I (1358–1375) Сикандар-шах (1358–1390)	Кабул-шах (1358)	
		Съезд в Кракове (1364)
	Начинается восхождение Тимура к власти (1367) Тимур становится эмиром Трансоксании (1369)	Людвик Анжуйский — король Польши (1370–1382)
Харихара Райя II (1377–1404)	Тохтамыш (ок. 1378–1406)	Кошицкая привилегия (1374) Ягайло — великий князь Литовский (1377–1434)
Мятеж в Хайдеше (1382)		Мария (1382–1385) Ядвига (1384–1399)
		Кресская уния (1385)
		Карл III Неаполитанский (1386)
		Сигизмунд (1387–1437)
Насир ад-Дин Махмуд (1394–1412)	Победа Тимура над Тохтамышем (1391) Захват Багдада (1393) Битва на Тарсе (1396)	

ку. Он приказал своим людям нагрузить верблюдов сеном, поджег сено и пустил верблюдов навстречу слонам. Столкнувшись с кричущими, пылающими, рвущимися напролом верблюдами, слоны побежали обратно, на армию султана, сминая ее под собой. Ряды индийцев были сломлены, и они обратились в бегство. Насир ад-Дин Махмуд тоже бежал, скрывшись в Гуджарате¹⁴.

Населению Дели такая удача не улыбнулась. Тимур ворвался в город на следующий день, позволив войскам грабить и убивать. «Из голов индусов были возведены высокие башни, их тела стали пищей для хищных зверей и птиц», — писал один летописец. По официальной придворной летописи описывается, как за час было обезглавлено десять тысяч человек. Жены и дети горожан обращались в рабство, запасы зерна сжигались, солдаты срывали с пальцев женщин драгоценные камни, вырывали из ушей серьги. «Кроме квартала ученых весь город был разорен», — заключает летопись¹⁵.

Но за падением Дели не последовало немедленное завоевание остальной Индии. Вместо этого Тамерлан отступил в Самарканд, спасаясь от жаркого лета 1399 года на севере страны. Он забрал с собой тысячи пленных: художников, писателей, чиновников, плотников, каменщиков и прядильщиков. Он собирался сделать из них рабов своей империи; строителям приказали возвести мечеть, которую Тимур хотел сделать памятником собственному величию. Когда Насир ад-Дин Махмуд, наконец, вернулся в свой разрушенный город, тот был разграблен и сожжен, тела убитых устилали улицы, а вся культура оказалась за горами, в плену в далеком Самарканде.

Глава 80

Компромиссы и договоры

Между 1368 и 1392 годами династия Коре уступает место Чосону, а Южный двор Японии сменяется Северным

Тем временем на Дальнем Востоке страна Коре, огражденная от Тимура и от чумы огромными земными и водными пространствами, боролась с властью династии Мин.

Падение династии Юань дало правителям Коре шанс восстановить свой прежний статус. Когда-то Хубилай заставил их заменить традиционный титул императоров на более низкий ранг вас-

сальных королей и связал королевское семейство со своим узам брака: одна из его многочисленных дочерей была отправлена в Коре в качестве королевской невесты. С тех пор короли Коре продолжали жениться на монгольских женщинах*.

Когда в период восстаний Красных повязок могущество Юань начало ослабевать, король Коре Конмин начал постепенно укреплять свою власть. Коронация императора Хун-у в 1368 году стала для него сигналом: Конмин немедленно отправил новому императору Мин послание с изъявлениями дружбы и уважения и в то же время назначил буддистского монаха Синдона на должность главного министра для помощи в очистке собственного правительства от монголов¹.

Освобождение Коре от монгольского влияния было непростым делом. Почти сто лет короли Коре не только женились на монгольских женщинах, но и отправлялись в юаньский Китай для обучения; Конмин сам провел годы, изучая искусство политики и конфуцианство в монгольской столице Даду. Но, по-видимому, после возвращения на родину Конмин попал в атмосферу неприязни, о чем свидетельствует современная летопись, сохранившая характерный эпизод. Когда Конмин с братом явились в покои своего отца-короля, чтобы приветствовать его, тот внезапно вышел из себя и воскликнул: *«Ваши родители — корейцы. Почему вы пришли на встречу со мной в монгольской одежде?... Как вам только хватает смелости встречаться с людьми? Переоденьтесь немедленно!»*²

Монгольские обычаи, вошедшие в повседневную жизнь Коре, казались Конмину постоянным унижением. Устранение монгольских чиновников вскоре переросло в общие репрессии против видных граждан Коре, которые сотрудничали с монголами. С одобрения короля главный министр Синдон даже создал новое ведомство — «Управление по учету земельных угодий и земледельцев». Его задача состояла в переписи собственности землевладельцев, являвшихся сторонниками Юань, с целью изъятия их земель, перераспределения имений и освобождения рабов³.

Но стремление Конмина к искоренению монгольского влияния из фундамента культуры Коре поддерживали не все из его придворных. Для многих корейцев традиции Юань уже стали их тра-

* По требованию монголов короли Коре были вынуждены употреблять в своем посмертном титуловании вместо слога *чжон*, что значит «великий предок», иероглиф *ван*, указывавший на вассальную зависимость. А перед посмертным храмовым именем их заставили обязательно писать иероглиф чхун — «преданный». (Прим. ред.)

аниями — а чужаком, которого следовало бояться, было государство Мин, агрессивная новая империя, которую никто не знал и не понимал.

И без того сложную обстановку усугубляли бесчинства японских пиратов — *воку*. Пользуясь ослаблением власти в Коре и гражданской войной у себя дома, они незаконно бороздили окрестные моря. Нападения на побережья Коре становились настолько жестокими, что Конмин приказал переместить склады, где хранился рис, собиравшийся в качестве официальных налогов, с побережья вглубь материка. Крестьяне, которые издавна обрабатывали плодородные земли вдоль побережья, вынуждены были бежать подальше от моря.

Конмин поручил защиту от пиратов своему военачальнику Ли Сон Ге, который славился своим искусством лучника. Однажды он лично метким выстрелом убил самого опасного из пиратов, ужасного Акибацу⁴.

Ваку собирались в отряды по много кораблей, порой в набегах участвовало до трех тысяч пиратов. Они были постоянной чумой не только для Коре, но и для побережья Мин. Сегунат Асикага был не в состоянии сдерживать и пиратов, и шайки сухопутных разбойников, что действовали вдалеке от Киото. Сама японская монархия была расколота: император из старшей ветви императорского рода правил в Киото, а император-соперник из младшей ветви держал свой двор в южных горах. Сегун Асикага связал свое благосостояние с императором в Киото — но и сфера влияния этого императора была узка и слаба.

В 1368 году новым сегуном был назначен 10-летний мальчик Асикага Ёсимицу, внук первого сегуна Асикага. Его поручили заботам очень способного и добросовестного регента Хосокавы Ёриюки, но вскоре политические соперники заставили Ёриюки оставить Киото. Япония оставалась разделенной на сражающиеся провинции, местные военачальники правили в них по собственному произволу, и ни один из правителей, ни гражданский, ни военный, не обладал достаточной мощностью, чтобы обеспечить мир на суше, а тем более — на кишашем пиратами дальнем побережье.

* * *

В 1371 году монах-чиновник и реформатор Синдон был убит — его энергичные действия по конфискации земель и освобождению рабов принесли ему много врагов в Коре. Но король Конмин упорно продолжал свою антиюаньскую и проминскую политику, уси-

ливая страхи тех, кто опасался растущей мощи державы Мин. Три года спустя король тоже был убит.

Организовал это убийство командующий королевскими войсками Юй Ин-Им, позиция которого была противоположна позиции короля: он был противником династии Мин и верил, что Коре получит независимость, только сопротивляясь всем требованиям Мин. Юй Ин-Им возвел на престол сына Конмина, 11-летнего У и взял правительство под контроль. Это оказалось несложно: новый король У был мал и находился в двойственном положении. Более поздние летописи дружно доказывают, что У вообще не был законным королем, поскольку на самом деле являлся не сыном Конмина, а незаконным отпрыском погибшего монаха Синдона, появившимся во дворце, потому что жена Конмина была бесплодна⁵.

Почти 14 лет сторонники и противники Мин боролись за власть над Коре. Юй Ин-Им сам пал в этом противостоянии. Одновременно в нем возвысился Ли Сон Ге — герой сопротивления японским пиратам. Он приобрел популярность и являлся сторонником сотрудничества с государством Мин. Как и покойный Конмин, он считал, что с политической точки зрения умиротворить власти Мин было бы более уместно, чем разозлить их.

Летом 1388 года конфликт дошел до точки, когда император Хун-у потребовал возвращения северных земель, некогда принадлежавших Юань. Под влиянием своих антимиинских советников король У приказал Ли Сон Ге возглавить нападение на ближайшие территории Мин. Ли Сон Ге возразил, что это очень плохая идея. Он направил молодому королю письмо с объяснениями:

«Во-первых, небольшому государству невыгодно нападать на более крупное. Во-вторых, неуместно производить массовую мобилизацию войска летом. В-третьих, есть вероятность вторжения японских пиратов на юг, если основные войска будут сконцентрированы на севере. В-четвертых, в летний период, с обилием дождей и высокой влажностью, нельзя будет использовать луки из-за размягчения тетивы, а воины будут страдать от различных болезней»⁶.

Король У отказался прислушаться. Взбешенный Ли Сон Ге отправился со своим войском в столицу и арестовал молодого короля и его антимиинских советников. Переворот был относительно мирным; с У обращались вежливо — но он был свергнут⁷.

Поначалу Ли Сон Ге и его сторонники возвели на престол нового марионеточного короля, но в апреле 1392 года Ли Сон Ге сам

Карта 80.1. Чосон и Япония

короновался как правитель Коре. Он сменил имя на Тхэджо и назвал следующий, 1393 год первым годом новой эры. Он также переименовал страну: с этого момента она будет называться Чосон; это же имя он дал своей династии.

Перемены прошли относительно мирно. Стремясь свести кровопролитие к минимуму, новый император Тхэджо приказал отстранить всех прежних чиновников от их должностей, лишить титулов и поместить под домашний арест; после этого он назначил новую администрацию. Он объявил о возведении новой столицы, города Хансон. Позднее она была переименована в Ханян, но чаще называлась просто *Сеул* — «столица».

Масштабное строительство с участием почти 20 тысяч рабочих началось зимой, когда рабочие руки не были востребованы в сельском хозяйстве. Вокруг города возвели новую королевскую стену с четырьмя воротами: Большие Восточные, Большие Западные, Большие Южные — и Сукчонмун, Северные ворота, которые были постоянно закрыты, так как их можно было использовать только в ритуальных целях.

Король Тхэджо также продолжал поддерживать хорошие отношения с империей Мин. По его мнению, Чосон была «небольшой нацией, служащей великой нации», и должное подчинение в этих условиях следовало считать не унижением, а добродетелью. Несмотря на долгие годы военной службы, Тхэджо был дипломатом до мозга костей. Когда император Мин потребовал от него дани, которую необходимо было платить каждые три года, король

Вещия, Подья и Тигра	Угус Чагатай, Золотая Орда и завоевания Тимура	Корс	История Улуса	Земля
Тимур станювится эмиром Трансоксании (1369)		Убийство Синдона (1371)	Основание династии Мин (1368-1644) Император Хун-у (1368-1398)	Асиката Есимичу (сегун, 1368-1394)
Людювик Анжуйский — король Польши (1370-1382)		У (1374-1388)		
Копицкая привилегия (1374)			Чистка в правительстве Мин (1380)	
Ягдло — великий князь Литовский (1377-1434)	Тохтамыш (ок. 1378-1406)		Создание «Спражи в вышитых одеждах» (1382)	Го-Камэяма (претендент) (1383-1392)
Мария (1382-1385)				
Давида (1384-1399)				
Кресская уния (1385)				
Карл III Неаполитанский (1386)				
Сигизмунд (1387-1437)		Низложение У (1388)		Конец эры Намбокуге (1392)
	Победа Тимура над Тохтамышем (1391)	Марионеточные короли Тхэджо (Ли Сон Ге) (1392-1408)		
	Захват Барлада (1393)			
	Битва на Терее (1395)			
Ягдло — король Польши (1399-1434)	Вторжение в Пенджаб (1398) Вторжение в Деги (1398)			

Хронологическая таблица 80

Венгрия, Польша и Литва	Улус Чагатай, Золотая Орда и завоевания Тимура	Коре	Империя Мин	Япония
Казимир III (1333-1370)				Когон (претендент) (1332-1333) Реставрация Кэму (1333-1336)
Брак Казимира и Альдоны Литовской (1335)				Югахито (претендент) (1336-1348) Эра Намбокуте (1336-1392)
Людвиг Анжуйский — король Венгрии (1342-1382)		Конмини (1351-1374)		Асикага Такаудзи (сегун)
			Матей Хань Шаньгуна (1352)	
	Кабул-шах (1358)		Чжу Юаньчжан провозглашен императором в Нанкине (1355)	
			Смерть Токто (1356)	
			Чань Юлян провозглашен императором в Цзинчжоу (1357)	
Съезд в Кракове (1364)			Битва на озере Поньху (1363)	
	Начинается восхождение Тимура к власти (1365)			

отправил встречное предложение: он будет отправлять дань три раза за год. В некотором удивлении император Хун-у согласился⁸.

Тхэджо не был чрезмерно обеспокоен собственным достоинством, беспокоясь лишь о благополучии своей страны и устойчивости престола. И в этом он преуспел. «Он достиг эры процветания... когда король наслаждается долголетием, а весь народ радуется», — писал поэт и придворный Чон До Чон, прославляя короля.

В 1395 году Тхэджо заказал резчикам по дереву изготовление карты звездного неба. На ней представлено небо с 1467 звездами, Млечным Путем и почти тремя сотнями созвездий. Основанная на оттиске давно утерянной карты I века н. э., эта звездная карта включала новый параметр: относительную яркость каждой звезды: тусклые звезды изображались мельче, более яркие — крупнее. Сама карта отражает картину неба в I века, но изображение звезд было основано исключительно на наблюдениях. Такую сложную и кропотливую задачу мог спонсировать только монарх, избравший путь мира и постижения окружающей действительности⁹.

* * *

Тем временем молодой сегун Асикага Ёсимицу постепенно завоевывал все большее уважение при дворе Киото; это уважение проявлялось в ряде церемониальных титулов, которыми его последовательно награждали. К 21 году он собрал все титулы его отца и деда; к 1380 году, в возрасте 23 лет, он стал левым министром, что было вторым по значимости постом при дворе¹⁰.

Мало-помалу он присваивал все больше ритуалов и символов суверенитета. В переписке с императором Мин он даже называл себя «владыкой Японии» — власти Мин не любили вести дела с низостоящими, и без такого титула Ёсимицу не смог бы обмениваться послами и договорами с императором Хун-у и его наследниками.

Тем временем Южный двор в Ёсино увядал. Южный император Го-Камэяма, внук Го-Дайго, владел священными регалиями японских императоров — но не мог похвастать чем-либо еще. В 1392 году Асикаге Ёсимицу удалось договориться о компромиссе: если Го-Камэяма отправится в Киото со священными регалиями и передаст их северному императору (что ритуально узаконит власть императора Киото), сегун обеспечит присуждение Го-Камэяме титула императора-отшельника. Он также пообещал, что следующий правящий император будет происходить из младшей линии и что у власти будут чередоваться императоры из старшей и младшей линии¹¹.

Точно такой же компромисс не удался шестьдесят лет назад. Но Го-Камэяма решил быть оптимистом. Он отправился в Киото и передал регалии.

В знак признательности Ёсимицу устроил трехдневный священный праздник в Киото. Ночные танцы, посвященные богам (*кагура*), отмечали духовный триумф воссоединения, радость окончания эры Намбокуте, завершения эпохи «Южного и Северного дворов»¹².

Но компромисс, в теории положивший конец борьбе Севера с Югом, не помог привести под контроль центральной власти разрозненные владения местных военных правителей зоны. Он не объединил стремившихся к независимости провинциальных вождей. Победные танцы оказались пустым ритуалом без твердых оснований.

Глава 81

Дом Висконти и Папская область

Между 1368 и 1390 годами папа пытается вернуться в Рим, Висконти захватывают север Италии, а папство доходит до раскола

Папа Урбан V вернулся в Рим — но, проведя год в Вечном городе, затосковал по Авиньону. Италия же тем временем закипала. К югу от Папской области находилось королевство Неаполитанское — дружественное папе, но раздираемое дворцовыми интригами и затяжной распрей с Сицилией. Само Папское государство было лишено верховного руководства в течение тех 65 лет, что папство пребывало в Авиньоне; подвластные ему города перешли к самоуправлению. Власть над Римом стала поводом яростных распрей между Сенатом и рядом соперничающих аристократических семейств.

На севере города Ломбардии восстановили былую независимость, и император Священной Римской империи Карл IV мало вмешивался в их дела. Карла гораздо больше интересовала Германия, чем старое *regnum Italicum* империи; отправившись в Рим на собственную коронацию, он прибыл утром, был коронован, после чего уехал, не оставшись даже на ночевку¹.

В образовавшемся вакууме власти сильно возвысился дом Висконти. Этот род выдвинулся в Милане еще семьдесят лет назад,

когда архиепископ Оттоне Висконти добился назначения своего племянника Маттео на должность *capitano del popolo* — представителя купцов и ремесленников при муниципалитете Милана. Тридцать лет спустя император Священной Римской империи Людвиг IV назначил внука Маттео пожизненным правителем Милана*. С этих пор дом Висконти доминировал в политике Миланской коммуны².

Милан проводил активную территориальную экспансию, подчинив своей власти близлежащие города — в частности, Павию и Геную. В 1356 году два брата, Джованни и Бернабе Висконти, поделили между собой подвластные Милану территории: Джованни правил из Милана, Бернабе — из Болоньи, которую он отобрал у Папской области.

Бернабе был опасным противником: безудержный развратник, отец семнадцати законных и около двадцати внебрачных детей; страстный охотник, содержавший пять тысяч охотничьих собак; жестокий и капризный правитель, который однажды приказал бросить пойманного браконьера на съедение своим псам и казнил некоего юношу за то, что тот признался, что «мечтал» убить одного из вепрей в лесу своего господина. Урбан V отлучил Висконти от церкви как тирана, посягнувшего на земли Папской области, и направил в Болонью двух легатов, чтобы вручить соответствующую буллу Бернабе лично. Бернабе выслушал, а затем заявил, что не отпустит легатов, пока те не съедят буллу — целиком, и пергамент, и шелковые шнуры, и свинцовые печати. Возмущенному Урбану Бернабе ответил: «Я хочу, чтобы ты знал, что в моих владениях я — папа, император и король. Даже сам Господь не может здесь сделать ничего против моей воли»³.

Такого самодурства Урбан V стерпеть уже не мог. Он обратился к императору Карлу IV, надеясь, что тот предоставит ему военную силу, достаточную, чтобы выгнать захватчика. Карл IV

* Оттоне Висконти (1207–1295) фактически был основателем этого миланского рода. После военной победы над его главным соперником, семейством Делла Торре, Оттоне получил контроль над городом и стал править единолично — ссылаясь на старинные права миланских архиепископов на светскую власть. В 1287 году он передал власть своему внучатому племяннику Маттео Висконти (1250–1322). Упомянутый в тексте внук звался Аццоне (1302–1339), от императора Людвига он получил только титул имперского викария (наместника), уплатив за него 125 тысяч флоринов. Лишь в 1330 году синьория Милана официально признала Аццоне правителем города. Детей Аццоне завести не успел. В августе 1339 года он скончался, и власть перешла к братьям его отца, Джованни и Лукино. (Прим. ред.)

согласился; в мае 1368 года он вступил в пределы Италии и пошел на Милан. Хотя в Италии его недолго любили, он легко мог поднять североитальянские города против Висконти; Флоренция, Падуя и Мантуя были обеспокоены растущим могуществом этого рода.

Однако император предпочел позволить братьям Висконти подкупить себя данью приличных размеров. Затем он попытался обосноваться в Лукке — но граждане Лукки, возмущенные его примирением с тиранами Висконти, отказались его принять⁴. Карл IV махнул рукой и отправился восвояси. Лишенный поддержки Карла, Урбан V растерялся: в Италии у него не было ни надежных союзников, ни реальной власти, и он затосковал об Авиньоне.

Кардиналы знали о желании папы уехать; знал это и весь Рим. Францисканская монахиня Биргитта Вадстенская*, известная своими мистическими откровениями, явилась ко двору папы и поведала, что с нею говорила сама Богоматерь. Дева Мария якобы сказала следующее: *«Я направила папу Урбана молитвой своей и силою Духа святого из Авиньона в Рим... А что он сделал? Он повернулся ко мне спиной... Причиной тому злой дух, приведший его в заблуждение. Работа ради Господа утомила его, и он жаждет лишь покоя для самого себя»*. Биргитта предсказывала, что если Урбан V уйдет в Авиньон, то умрет в том же году⁵.

Но папе было шестьдесят лет, он страдал от депрессии и переутомления, и вполне можно было предположить, что он скоро умрет. Урбан V вернулся в Авиньон в сентябре, а в ноябре скон-

* Бригитта Шведская (1303–1373) получила имя Вадстенской только при канонизации, через 18 лет после смерти. Она была фрейлиной при дворе шведского короля; в замужестве родила восемь детей. Но ее супруг, тяжело заболев, по совету жены удалился в монастырь, где и умер в 1344 году. После его смерти Бригитта также удалилась от мира и прославилась видениями, в значительной мере посвященными политическим событиям — к примеру, она гневно осуждала только что начавшуюся Столетнюю войну и пророчила ее тяжелые последствия. Откровения Бригитты излагались ярким эмоциональным языком и носили в основном пацифистский характер; они обрели широкую популярность, а в конце XV века были собраны и изданы на латыни в восьми томах. Одно из таких видений повелело ей основать новый монашеский орден. Шведский король Магнус Эрикссон поддержал идею и выделил в городе Вадстена землю для постройки орденского монастыря. Однако папа Климент VI не дал разрешение на создание ордена; это сделал лишь Урбан V незадолго до своей смерти в 1370 году. С 1350 года и до смерти Бригитта жила в Риме, а в Вадстене не бывала — однако построенный там в 1384 году монастырь стал духовной резиденцией ордена бригитток, позднее тело Бригитты было перезахоронено в нем. (Прим. ред.)

чался после короткой и серьезной болезни. Его преемником стал Григорий XI, племянник предшественника Урбана, Климента VI*.

Григорию XI было всего 42 года, он был энергичен и политически грамотен. Он понимал, что папство рискует потерять свои владения, если не утвердится вновь в Риме — но сознавал и то, что сил для обуздания Висконти у него не больше, чем было у Урбана. Поэтому, сидя в Авиньоне, он начал собирать лигу ломбардских городов против Висконти.

Этот план обернулся ужасной, катастрофической ошибкой. Григорий XI надеялся, что Флоренция присоединится к лиге противников Висконти — но легат, которого он послал завершить переговоры, переметнулся на их сторону. Флорентийцы, и без того подозревавшие папу в нечестной игре, подняли против него Сиену, Лукку и Пизу. Очень скоро конфликт перерос в схватку итальянцев с французами, в борьбу Италии против папы-чужестранца. За десять дней к антипапской коалиции присоединилось восемьдесят больших и малых итальянских городов⁶.

Это была скверная, запутанная и кровавая война; ее участники переходили из лагеря в лагерь — в частности, английский наемник Джон Хоквуд сражался поочередно за Флоренцию, Милан и Григория XI. Он состоял на службе у папы, когда повел свой отряд на штурм итальянского города Фаэнцы, где учинил резню мирных жителей, сопровождавшуюся тотальным грабежом и насилием над женщинами до шестидесяти лет включительно. В сиенской летописи рассказывается, что Хоквуд лично убил как минимум одну молодую женщину, а отрядный капеллан, стоя у ворот Фаэнцы, уговаривал жертвы насилия не сопротивляться, поскольку «это хорошо для армии»**.

Еще худшая история имела место год спустя в Чезене, где папский легат Роберт Женеvский возглавил штурм, в ходе которого были убиты как минимум четыре тысячи безоружных горожан: «женщины, старые и молодые, недужные, дети, беременные — все были изрублены ножами на куски». Во время расправы слышали,

* Автор допускает неточности: Урбан V прибыл в Авиньон 24 сентября 1370 года, а умер не в ноябре, а 19 декабря; его предшественником был Иннокентий VI (1352–1362), а Климент VI правил в 1342–1352 годах. (Прим. ред.)

** Перед этим Хоквуд взял штурмом другой город, Читта ди Кастелло — а в Фаэнцу, принадлежавшую папе, он прибыл 12 февраля 1376 года по приказу тамошнего коменданта, который опасался мятежа. Комендант открыл Хоквуду ворота, и тот сразу потребовал, чтобы жители сложили оружие. А поскольку папа задерживал наемникам жалованье, они разграбили принадлежащий ему город. (Прим. ред.)

Карта 81.1. Война в Италии

как Роберт вопил: «Мне нужно больше крови! Убивайте всех! Крови, крови!»⁷

К 1377 году и Григорий XI, и антипапская лига устали от войны и созрели для переговоров. Перемирие было объявлено 21 августа — а в марте следующего года, когда запутанные переговоры папы как с Флоренцией, так и с Бернабе Висконти были в самом разгаре, Григорий XI внезапно умер. Он приехал в Рим специально для переговоров — и там же скончался. Это наконец-то дало римским кардиналам шанс избрать папу-итальянца. Обойдя своих французских коллег, они возвели на папский престол кардинала Бартоломео Приньяно, принявшего имя Урбана VI.

Но правление нового папы оказалось настолько жестким, что спустя несколько месяцев французские кардиналы взбунтовались. Новый понтифик не пожелал даже навеститься в Авиньон, и его

Корь	Восток	Сред	Уз. Тюрк. Орда Тюрк. в Золотой Орда	Ближ. Восток область	Ближ. Восток империя
		Битва на озере Поанху (1363)	Начинается восхо- ждение Тимура к власти (1367)	Урбан V (1362–1370)	
	Асикага Ёсимицу (сегун, 1368–1394)	Основание династии Мин (1368–1644) Император Хун-у (1368–1398)	Тимур становится эмиром Трансоксании (1369)	Папство возвращает- ся в Рим (1367)	
Убийство Синдона (1371)				Григорий XI (1370–1378)	
У (1374–1388)		Чистка в правитель- стве Мин (1380)	Тоштамыш (ок. 1378–1406)	Урбан VI (1378–1389) Климент VII (антипа- па) (1378–1394)	
	Го-Камэяма (претендент) (1383–1392)	Создание «Стражи в вышитых оде- ждах» (1382)		Битва при Кюлджжи (1380)	
Низложение У (1388) Маринесточные короли Коре				Джан Галсаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)	
Тхэджо (Ли Сон Ёе) (1392–1408)	Конеч эры Намбо- куте (1392)		Победа Тимура над Тоштамышем (1391) Захват Багдада (1393)		
			Битва на Терек (1395)		
			Вторжение в Пенджаб (1398) Вторжение в Дели (1398)		

Хронологическая таблица 81

Коре	Япония	Китай	Улус Чататай, земли Тимура и Золотая Орда	Италия и Папская область	Германия и Священная Римская империя
				Николай V (антипапа) (1328–1330)	Людвиг IV (император, 1328–1347)
				Аппоне Висконти, правитель Милана (1329–1339)	
	Когон (претендент) (1332–1333)			Бенедикт XII (1334–1342)	
	Реставрация Камму (1333–1336)				
	Ютахито (претендент) (1336–1348) Эра Намбокуте (1336–1392)			Петрарка становится поэтом-лауреатом (1341)	
	Асикага Такаудзи (сегун)				
Конмин (1351–1374)		Мятеж Хань Шаньлуна (1352)		Климент VI (1342–1352) Иннокентий VI (1352–1362)	Карл Богемский (1346–1378)
		Чжу Юань-чжан провозглашен императором в Нанкине (1355)			Карл IV (император, 1355–1378)
		Смерть Токто (1356) Чань Ю-лян провоз-	Кабул-шах (1358)	Бернабе Висконти — правитель Милана (1356–1383)	

ужаснула роскошь кардинальского обихода; одним из первых его актов был декрет, запрещающий прелатам есть более одного блюда на обед. Французские кардиналы покинули Рим, собрались в Фонди, объявили Урбана VI низложенным и избрали антипапу — Роберта Женевского, заслужившего за резню в Чезене прозвище «мясника»⁸. Он принял имя Климента VII и вернулся в Авиньон. Теперь перенос папского престола во Францию стал не просто перемещением: произошел раскол и возникло два престола, в Риме и Авиньоне.

Так началась Великая схизма Западной церкви, которая длилась почти сорок лет. Как пишет Жан Фруассар,

«Король Франции Карл признал Климента истинным папой, так же как и король Испании, и граф Савойский, и герцог Миланский, и королева Неаполя, и вся Шотландия; но Германия, а также сеньор Людовик Фландрский взяли сторону Урбана... Таким образом, христианский мир разделился, и церковники враждовали между собою»⁹.

Между тем деятельность Урбана VI в Риме не принесла ему славы («нрава он гневливого и упрямого, и весьма высокомерен в обращении со служащими», — отмечал Фруассар). Папа низложил всех кардиналов, участвовавших в избрании Климента VII (для римского клира он был «антипапой») — а затем умудрился рассориться с теми, кто их заменил. Обвинив собственных кардиналов в заговоре, он велел их пытать и казнить; некоторых из них зашили в мешки и утопили¹⁰. Эти репрессии так увлекли Урбана, что он упустил из виду ситуацию в итальянских городах, и война на севере вспыхнула вновь.

Пока папа и германский король разбирались со своими внутренними делами, итальянские города яростно ссорились друг с другом. Генуя и Венеция, давние соперницы, возобновили активные боевые действия; в 1380 году венецианцы разгромили генуэзский флот в морском сражении при Кьодже; от этого удара Генуя так и не смогла полностью оправиться. В Милане Джан Галеаццо Висконти, племянник Бернабе Висконти, замыслил свергнуть дядю; в 1385 году он поднял вооруженный мятеж, захватил в плен Бернабе и обоих его сыновей, а себя объявил сеньором Милана. Как только он пообещал гражданам Милана резкое снижение налогов, они немедленно стали его сторонниками и забыли о Бернабе. Низвергнутый тиран умер спустя семь месяцев,

все еще пребывая под стражей, после обильного обеда, устроенного племянником¹¹.

Затем новый Висконти принялся лихорадочно сколачивать для себя королевство: в 1387 году он захватил Верону, в 1388 году — Падую. Венеция и Флоренция сохранили свободу, однако новая эпидемия чумы в 1390 году ослабила оба эти города. Они были не в состоянии организовать противодействие новому правителю Милана. Постепенно под контроль Джан Галеаццо Висконти перешли Болонья, Ассизи, Перуджа, Сиена, Пиза и Лукка¹².

Глава 82

Плохое начало

Между 1369 и 1381 годами короли Франции и Англии достигают совершеннолетия, а простой народ бунтует

Англичане и французы продолжали драться. Летом 1369 года французский король Карл V занялся собиранием судов и людей для вторжения в Англию. Эдуард III отреагировал немедленно. Его главный военачальник и старший сын Эдуард, Черный принц, страдал от хронической дизентерии, не мог ездить верхом (и даже долго ходить), поэтому Эдуард III послал своего третьего сына, Джона Гонта, с четырьмя тысячами солдат в набег на окрестности Кале.

Карл отложил вторжение и направил навстречу англичанам войско под командованием своего младшего брата, герцога Бургундского. На северо-восточном побережье развернулись бои. Первые схватки не дали выигрыша ни одной из сторон, но на помощь брату прибыл Черный принц — он передвигался, лежа на носилках. Вскоре он узнал, что принадлежавший англичанам город Лимож сдался французам без боя. Это, как пишет Фруассар, «сильно разозлило» принца, и он потребовал начать осаду, чтобы отбить Лимож.

Английские саперы прорыли под стенами ходы и без особого труда обрушили большую часть укреплений. Но из-за того, что горожане так легко открыли французам ворота, в Черном принце разыгралась злоба. «Печальное это было дело, — пишет Фруассар. — Люди всех сословий и возрастов, мужчины и женщины, пали на колени, моля принца о пощаде; однако он так был воспламенен жаждой мести, что не внял им: были убиты все, кого нашли»¹.

У Черного принца случались припадки беспричинной ярости и жутких галлюцинаций; в сочетании с симптомами дизентерии это позволяет предположить, что он страдал порфирией*. Но какова бы ни была причина его жестокости, от нее погибли три тысячи беззащитных горожан Лиможа.

Получив известие о резне, Карл V «глубоко опечалился» и тоже разозлился. Приняв во внимание всенародное возмущение против англичан, он назначил главнокомандующим французской армией профессионального военного Бертрана Дюеклена, даровав ему звание коннетабля Франции**. Обычно на этот пост назначали людей знатных, а не солдат низкого происхождения².

Теперь удача повернулась лицом к французам. Черный принц, быстро терявший силы, наконец отбыл в Англию. Эдуард III объявил, что намерен лично прибыть во Францию и возглавить английскую армию. Но он уже разменял шестой десяток и выказывал признаки преждевременной дряхлости; в итоге король так и не покинул берегов Англии.

В 1372 году английский флот был разбит при Ла-Рошели объединенным генуэзско-кастильским флотом под французским флагом; на следующий год коннетабль Дюеклен вернул Франции почти все земли между Луарой и областью Жиронды. В руках англичан остались лишь Бордо, Байонна и Кале. Их французские владения сократились теперь до границ 1337 года, как было до начала войны. Резко ослабевший, впавший в уныние, Эдуард III заключил с Карлом V перемирие на два года³.

«Во время перемирия, в воскресенье на Троицу 1376 года... наследник Англии Эдуард, принц Уэльский... покинул сей мир в Вестминстерском дворце», — пишет Фруассар. Черному принцу было 46 лет; хроническая болезнь, будь то дизентерия, дисфункция почек или порфирия, наконец доконала его.

* Порфирия — генетическое нарушение, которое вызывает дисбаланс биохимических процессов в организме. Симптомы заболевания — рвота, понос, желудочные спазмы, а также нервные припадки и возможные нарушения психики, такие как паранойя и галлюцинации. Другие члены английской королевской семьи, в особенности отдаленный родственник Эдуарда, король Георг III (1738–1820), по-видимому, также были поражены этой болезнью. (Прим. авт.)

** Бертран Дюеклен (*du Guesclin*, ок. 1320–1380) происходил из Бретани, имел свой герб и был старшим сыном знатного, хотя и небогатого дворянина. В рыцари он был посвящен на основании военных заслуг, однако довольно поздно — в 1357 году. Дюеклен был известен как военный, одержал ряд побед, и называть его «солдатом низкого происхождения» не слишком справедливо. (Прим. ред.)

Король Эдуард тоже был нездоров, и он сразу дал четко понять, что своим наследником считает девятилетнего сына Черного принца, Ричарда. На следующий год у Эдуарда III случилось несколько приступов болезни, и он умер. Как отмечает современная ему «*Chronica Maiora*» («Большая хроника»),

«Он был славным королем, доброжелательным, милостивым и щедрым... Следует сказать, что в начале его царствования ряд успехов принес ему и славу, и признание народа — однако по мере того, как он старел, солнце его стало клониться к закату... многие неудачи и несчастья затмили его»⁴.

Юного Ричарда с большими торжествами короновали в Лондоне; в Чипсайде в честь праздника устроили замок с башенками, из которых по желобам текло вино для простого народа. В столице поначалу побаивались, что старший из оставшихся сыновей короля, Джон Гонт, будет оспаривать право мальчика на трон — ведь Ричард II первым в английской истории унаследовал корону, будучи сыном не венчанного короля, а лишь наследника престола. Но Джон Гонт предпочел не возражать⁵.

Срок перемирия истекал, на троне Англии сидел ребенок, и Карл V наконец-то направил свой флот через Ла-Манш. Рейды французских кораблей по всему южному побережью продолжались в течение 1377–1380 годов: Сассекс, остров Уайт, Дартмут, Плимут, Саутгемптон и Дувр пострадали от нападений французов. И все же до решающей победы дело не дошло. Карл V также страдал какой-то хронической болезнью — вероятно, сердечной; Фруассар сообщает, что он почувствовал приближение смерти. Карлу было всего 42 года, его сыну и наследнику — 12; он созвал своих братьев и торжественно поручил им позаботиться о юном Карле VI. В день 16 сентября 1380 года король Франции умер.

Новому королю Франции было двенадцать, Ричарду II Английскому уже исполнилось тринадцать. Оба мальчика унаследовали страны в состоянии войны; у обоих не было мудрого советника, который мог бы помочь установить мир. В Париже четверо дядьев Карла VI (герцоги Анжу, Берри и Бургундии, младшие братья Карла V, и герцог де Бурбон, брат Жанны, матери Карла VI) после погребения короля оспаривали у друга право контролировать малолетнего племянника. В конце концов они согласились признать регентом старшего — Людовика, герцога Анжуйского.

Герцог Анжуйский мечтал стать королем Неаполя, и он немедленно воспользовался королевской казной, чтобы собрать армию для своих целей. Он уговорил антипапу Климента VII короновать его в Авиньоне, а потом направился в Италию, ведя с собой сорок тысяч всадников*. Суровая зима и нежелание итальянцев снабжать пришельцев фуражом привели к падежу лошадей; провианта не хватало; дизентерия косила солдат и офицеров. Папа Урбан VI объявил Людовика еретиком и провозгласил крестовый поход против него. В сентябре 1384 года эпидемия чумы настигла остатки войска, сам Людовик умер в походе⁶.

Другие дядья послужили молодому королю Франции не лучше. В качестве советников они рекомендовали поднять налоги в Париже; в результате возмущенные горожане восстали, и в Париже стало настолько опасно, что опекуны с мальчиком бежали в Мо.

Просвещенный герцог Беррийский без оглядки тратил королевские средства на приобретение редких манускриптов и произведений искусства для своей великолепной коллекции. Герцог Бургундский, разделявший политические устремления Людовика, предложил Карлу VI отправиться во Фландрию и подавить разрастающийся мятеж против графа Фландрского. По удивительному совпадению, он оказался тестем герцога Бургундского⁷.

Победа в этом конфликте принесла бы гораздо больше выгод им двоим, чем Карлу VI. Однако воинственно настроенный мальчик согласился и во главе своего войска направился во Фландрию. По пути его армия «основательно занялась грабежом» и добыла «сукно, льняное полотно, ножи, деньги золотые и серебряные, столовое серебро» — все это было отослано в королевскую казну.

* Герцог Людовик I Анжуйский, авантюрист и мошенник, сразу провозгласил себя единоличным регентом и так быстро наложил руку на королевскую казну, что пришлось отложить приготовления к коронации Карла VI. Общее количество украденного составляло порядка 17 млн франков. Не ограничиваясь этим, он присвоил часть драгоценностей короны, золотой и серебряной посуды, золота и серебра в слитках из неприкосновенного запаса государства. Лишь под давлением младших братьев он был вынужден удовлетвориться лишь председательством в Совете регентов. Тогда Людовик занялся «неаполитанским проектом». Поначалу он использовал политические средства: Джованна, королева Неаполя, усыновила его и объявила своим наследником, поскольку он приходился ей дальним родственником (его прабабка была сестрой ее прадеда). Условием усыновления было оказание помощи Джованне против папы Урбана VI, отлучившего ее от церкви. Но сторонники папы победили: в 1382 году Джованна была свергнута и задушена, а в Неаполе воцарился Карл III Дураццо, сын Луиджи Дураццо, убитого Джованной в 1362 году. (Прим. ред.)

Карта 82.1. Ричард II и Карл VI

Мятежные фламандцы сошлись с королевским войском у деревни Роозбек. В кровопролитной схватке французы, вооруженные длинными пиками, так нажали на фламандских пехотинцев, что ряды тех дрогнули, и началось бегство. Предводитель мятежников был найден мертвым во рву — у него не было ни одной раны, его просто сбили с ног, и он задохнулся под тяжестью бегущих⁸.

Торжествующий Карл возвратился в Париж. Горожане вышли к воротам встретить его с оружием в руках, чтобы продемонстрировать юному монарху свою силу; в ответ Карл приказал своим офицерам сломать все городские ворота и очистить улицы, так, чтобы вся его армия сразу вошла в столицу и пресекла всякие попытки бунта. Эта мера устрашения оказалась достаточно эффективной: парижане попрятались по домам, «ибо так убоялись кары, — пишет Фруассар, — что, когда король вступил в город, никто не отважился выйти за двери или хотя бы выглянуть из окна». В отместку Карл VI и его советники наложили тяжелые штрафы на тех, кто открыто выражал свое недовольство: «в наказание за их прежние проступки, и в качестве примера для других городов королевства Франции»⁹.

Ричарду II также неоткуда было получить разумные советы. Естественным кандидатом на роль регента при малолетнем короле был бы его дядя Джон Гонт, старший из живущих сыновей Эдуарда III. Но Джона при дворе недолюбливали — многие подозревали, что он замышляет сам сесть на английский трон. Поэтому было решено создать регентский совет; его состав менялся каждый год, по утверждению «*Chronica Maiora*», все они были «добрыми, разумными людьми с хорошей репутацией»¹⁰.

Быть может, они и были хорошими людьми, но решения принимали плохие. Для того, чтобы оплатить продолжающуюся войну с Францией, советники предложили королю ввести ряд новых налогов: «общее обложение, подушный налог» — то есть фиксированный платеж, обязательный для всех подданных. Первый, введенный в 1377 году, составлял один гроат (серебряная монета в 4 пенса) с каждого жителя Англии — эта сумма примерно соответствовала стоимости козы; духовенство платило несколько больше. Второй, проведенный в 1379 году, снова требовал один гроат с бедняков, рыцари и землевладельцы теперь должны были платить намного больше. Это была «такая невероятная повинность, о какой прежде и не слыхивал никто», — сердито комментирует автор анонимной хроники XIV века. Подушный налог в то время был мерой беспрецедентной и крайне непопулярной¹¹.

В декабре 1380 года назначили и третью «невероятную повинность»: по три гроата с каждого жителя Англии — всех мужчин и женщин старше пятнадцати лет. При этом крестьяне были обязаны заплатить ту же сумму, что и Джон Гонт, и мэр Лондона*.

Когда весной 1381 года начался сбор налога, сборщики обнаружили странное явление. По сравнению с 1377 годом около полумиллиона землепашцев, пастухов, фермеров как будто испарились из Англии. Особенно заметен был этот феномен пропажи крестьян в Девоне. Казалось, что население этого края за три года сократилось вдвое¹².

Масштаб этого тихого бунта против налогов свидетельствует о наличии обширной подпольной организации, а также о почти всеобщем согласии с тем, что так дальше продолжаться не может. Труженики Англии были сыты поборами по горло.

Широкую реку возмущения англичан подпитывали еще два источника, религиозный и мирской. Томас Уолсингэм сообщает в «*Chronica Maiora*»:

«В Оксфордском университете выдвинулся человек с севера, доктор богословия, которого звали мастер Джон Уиклиф. Он публично провозглашал ошибочные, еретические идеи, совершенно абсурдные... что якобы церковь Римская не главенствует над всеми церквями... что у папы в Риме не больше власти, чем у любого рукоположенного священника... что для жизненного наставления христианам достаточно одного Евангелия».

Идеи эти были отнюдь не новы и не удивительны; катары Лангедока, вальденсы, «пастушки» — все они призывали к упразднению римской церкви; и Данте, и Марсилиус уже выступали против претензий папства на исключительную власть. Но учение Уиклифа распространялось и в виде ученых трудов, и с кафедры. Он умел, в отличие от обычных оксфордских профессоров, находить простые и убедительные выражения — и, проповедуя в лондонских церквях, приобрел много сторонников.

Уиклиф осуждал богатство и привилегии английского духовенства; он доказывал, что спасение душ грешников нисходит непосредственно от Бога, и для обретения благодати нет нужды в «прелатах». По сути он предлагал лишить власти привилегиро-

* Предусматривалась возможность уплаты богатыми за бедняков, которые были просто неспособны уплатить сами — но по замыслу налог должен был стать всеобщим и равным. (Прим. авт.)

важное сословие и передать власть в руки мужчин и женщин, чье место — на церковных скамьях¹³.

В то же время по деревням странствовал «безумный клирик» Джон Болл, призывавший к радикальной реорганизации английского общества. Как рассказывает Жан Фруассар,

«Он имел обыкновение по воскресеньям, после мессы, когда люди выходили из церкви, собирать вокруг себя на рыночной площади толпу и произносить речи примерно в таком духе: „Друзья мои, в государстве английском не будет порядка, доколе все имущество не станет общим, и не исчезнут различия между богатыми и простолудинами, и не будем мы все как один. Почему те, кого мы зовем лордами, господствуют над нами? Чем заслужили они это право? Почему позволено им держать нас в рабстве? Все мы — потомки прародителей, Адама и Евы; как же могут они утверждать, будто рождены быть господами лишь потому, что заставляют нас гнуть спину, зарабатывая деньги, которые они тратят? Они одеваются в бархат и меха, мы — в простое сукно. У них — вино, и пряности, и белый хлеб, а у нас рожь и прелая солома, и пьем мы только воду. У них — прекрасные дома и усадьбы, а нас донимают ветер и дождь, когда мы трудимся в полях. Потом лица нашего добывается их высокое положение... Так давайте же пойдем к королю! Он молод, и мы откроем ему глаза на бедствия наши, мы скажем, что все это нужно изменить, иначе мы сами найдем способ помочь себе”»¹⁴.

Тем временем регентский совет назначил особых агентов для розыска пропавших крестьян, с полномочиями производить аресты и наказывать. В июне 1381 года хорошо вооружившиеся жители деревни Брентвуд встретили одного из таких агентов, некоего Томаса Бэмптона. Когда он приказал схватить неплательщиков, крестьяне силой оружия выгнали его из Брентвуда.

После этого восстание быстро распространилось по всем южным областям Англии. В отличие от Жакерии, это не был стихийный бунт разрозненных групп крестьян. Это была гражданская война. Тысячи рядовых англичан имели опыт сражений во Франции; они умели воевать. Во всех городах Эссекса и Кента они избирали предводителей, организовывались в полки и готовились идти на Лондон¹⁵.

К моменту, когда они достигли столицы и вошли в ее ворота, общая численность повстанческого войска составляла около десяти тысяч, и главным над ними был человек, о котором почти ничего не

известно — Уот Тайлер*. Возможно, он воевал во Франции; Уолсингем называет его «толковым парнем»; другой хронист добавляет: «человек сообразительный и наделенный большим разумом»¹⁶.

Поначалу восстание протекало относительно бескровно; поселения по пути в Лондон громили конторы, сжигая документацию землевладельцев, приходские регистрационные книги, но не брали в осаду замков и не нападали на их обитателей. Однако в Лондоне сдержанность им изменила. Роскошная резиденция непопулярного Джона Гонта, Савойский дворец, была сожжена (сам Джон находился в Шотландии, что спасло ему жизнь). Был разгромлен Темпл Бар — квартал, где практиковали лондонские законники. По всему Лондону полыхали пожары; архиепископа Кентерберийского, государственного казначея Англии и главного виновника новых налогов, а также двух его помощников вытащили из лондонского Тауэра, где они надеялись найти убежище, и казнили¹⁷.

Король Ричард со своими советниками также находился в Тауэре; они укрылись во внутренних помещениях королевской гардеробной и там очутились в ловушке. У них не оставалось иного выбора, кроме переговоров. Дважды, 14 и 15 июня, король выезжал на встречу с Уотом Тайлером. Тайлер предъявил ему список жестких требований. Законы, принятые при Эдуарде III, которые

* Недовольство народа вызывалось также действующим крепостным правом и местными судами, уже много лет произвольно назначавшими налоги и штрафы. При этом королевскими судьями были в основном крупные землевладельцы. Крестьяне отказывались работать на помещиков, жаловались на их судебные решения, обращаясь даже к королю. Некоторые начали выступать за создание сельских общин, независимых от правовой системы с центром в Лондоне. Уже в 1377 году по юго-востоку и юго-западу Англии прокатился ряд восстаний. Постепенно возмущение распространилось к северу, даже в Йорке произошли беспорядки в связи с введением новых налогов. 30 мая 1381 года большое восстание вспыхнуло в Кенте, а уже 7 июня на общем собрании в городе Мейдстон его предводителем был избран бывший солдат Уолтер Тайлер по прозвищу Уот. Повстанцы были вооружены дубинками, боевыми топорами, старыми мечами и луками. Перед походом перед толпой выступил сам Джон Болл, задавший людям риторический вопрос: «Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто был тогда дворянином?» Его проповедь легла в основу лозунга повстанцев: «За короля Ричарда и за сельскую общину без крепостного права». 10 июня Тайлер и кентские повстанцы без сопротивления вошли в Кентерберии. Они провозглашали отсутствовавшего архиепископа низложенным и заставили монахов присягнуть делу восставших. В поисках членов ненавидимого регентского совета они врываются в дома граждан, всех подозреваемых вытаскивали и казнили. Была открыта городская тюрьма и выпущены заключенные. Тайлер убедил около тысячи восставших покинуть Кентерберии и на следующее утро отправиться вместе с ним в Лондон. Там люди Тайлера рассеялись по городу, ища и убивая служащих Джона Гонта, иностранцев и королевских юристов. (Прим. ред.)

		Тимура и Золотая Орда		Рымская империя	Иоанн II (1350-1364)	
	Конмин (1351-1374)					
	Матей Хань Шань-гуна (1352)		Иннокентий VI (1352-1362)			
	Чжу Юань-чжан провозглашен импе- ратором в Нанкине (1355)			Карл IV (император, 1355-1378)		
	Смерть Токто (1356)		Бернабе Вис- conti — прави- тель Милана (1356-1385)			
	Чань Ю-лян провозглашен императором в Цзинчжоу (1357)	Кабул-шах (1358)			Жакерия (1358)	
	Битва на озере Полнху (1363)		Урбан V (1362-1370)		Договор Брет- ни (1360)	
Асиката Ёсимитсу (сегун, 1368-1394)	Основание династии Мин (1368-1644) Император Хун-у (1368-1398)	Восхождение Тимура к власти (1367)	Папство возвращается в Рим (1367)		Карл V (1364-1380)	
	Убийство Синдона (1371)		Григорий XI (1370-1378)		Разорение Диможа (1370)	
	У (1374-1388)	Тимур стано- вится эмиром Трансоксании (1369)			Битва при Ла-Рошели (1372)	

Хронологическая таблица 82

Япония	Китай и Коре	Улус Чагатай, владения Тимура и Золотая Орда	Италия и Папская область	Германия и Священная Римская империя	Франция	Англия и Шотландия
			Николай V (антипапа) (1328-1330)	Людвиг IV (император, 1328-1347)	Филипп VI (1328-1350)	Эдуард III (1327-1377)
			Аштон Висконти, правитель Милана (1329-1339)			Давид II (1329-1333/1371)
Котон (претендент) (1332-1333)						Битва при Далгин-Муре (1332)
Реставрация Камму (1333-1336)			Бенедикт XII (1334-1342)			Эдуард Баллиол (претендент) (1333-1336)
Ютахито (претендент) (1336-1348)					Начало Столетней войны (1337-1453)	
Эра Намбокутэ (1336-1392)						Битва при Слейсе (1340)
Асикага Такаудзи (сейун)			Петрарка становится поэтом-лауреатом (1341)			Договор Малеструа (1343)
			Климент VI (1342-1352)			

Канг Ботекстай

Потра Канг

Битва при

Япония	Китай и Коре	Улус Чагатай, владения Тимура и Золотая Орда	Италия и Папская область	Германия и Священная Римская империя	Франция	Англия и Шотландия
		Тохтамыш (ок. 1378–1406)	Урбан VI (1378–1389) Климент VII (антипапа) (1378–1394)			Смерть Черного принца (1376) Ричард II (1377–1399)
	Чистка в правительстве Мин (1380)		Битва при Кьодзиджи (1380)		Карл VI (1380–1422)	Крестьянское восстание (1381)
То-Камэяма (претендент) (1383–1392)	Создание «Стражи в вышитых одеждах» (1382)					
			Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)		Смерть Людовика Анжуйского (1384)	
	Низложение У (1388) Марионеточные короли Коре					
Конец эры Намбокуте (1392)	Тхэджо (Ли Сон Ге) (1392–1408)	Победа Тимура над Тохтамышем (1391) Захват Тимуром Багдада (1393)				
		Битва на Терек (1395) Вторжение в Персию (1396)				

укрепляли власть землевладельцев над земледельцами, должны быть отменены. Правовое понятие «вне закона» следует упразднить. Все богатства английской церкви нужно распределить между ирландцами; всех епископов лишить сана и возвести в этот ранг одного Джона Болла. Следовало ликвидировать все ранги и титулы английской аристократии. «И наконец, — сказал Тайлер напоследок, — да не будет более крепостных в Англии, пусть все станут свободны и равны». Фактически он потребовал от Ричарда II одним декретом уничтожить всю структуру общественных отношений, существовавшую в Англии со времен нормандского завоевания.

Ричард, «спасая суверенитет короны», согласился на все условия. Только у него во всем государстве должен был остаться титул¹⁸.

Однако у него не было ни власти, ни желания осуществлять подобные реформы. Не подозревая об этом, Тайлер, удовлетворенный, попросил кружку пива, чтобы выпить за успех соглашения. С того, что произошло дальше, хроники рассказывают по-разному: то ли Тайлер вытащил кинжал и напал на мэра Лондона, то ли мэр внезапно попытался арестовать Тайлера, то ли один из рыцарей Ричарда вздумал насмеяться над крестьянским вождем. Так или иначе, спустя десять минут Уот Тайлер уже упал наземь, смертельно раненный*.

Городская стража Лондона, которую незаметно подтянули к месту действия, немедленно окружила повстанцев. Жестокое кровопролитие казалось неизбежным, но юный Ричард сумел проявить находчивость, столь свойственную Плантагенетам; выпрямившись в седле, он крикнул крестьянам: «Я буду вашим королем, вашим предводителем и вождем, и исполню ваши пожелания!»

Напряжение сохранялось еще несколько мгновений, а потом повстанцы начали бросать оружие. Стража позволила им разойтись; в течение нескольких дней они мало-помалу возвращались по домам. Люди поверили молодому государю и ждали, когда же он исполнит обещанное. Довольно скоро стало ясно, что король не наме-

* По самой распространенной версии на Тайлера с кинжалом напал мэр Лондона Уильям Уолворт — а когда Тайлер отвлекся, его ударил в спину один из оруженосцев короля. Версия о том, что Тайлер сам затеял ссору, распространялась сторонниками короля, поскольку убийство во время переговоров требовало хоть какого-то оправдания. На известной миниатюре из «Хроники» Фруассара один из рыцарей атакует Тайлера сзади, когда тот отвлечен разговором с королем, а меч вождя повстанцев покоится в ножнах. Возможно, Ричард не имел отношения к подготовке убийства — но в награду он произвел мэра Уолворта в рыцарское достоинство. Раненого Тайлера отнесли в госпиталь Святого Варфоломея, где он умер. (Прим. ред.)

рен сдержать слово. Беспорядки вспыхнули вновь; но королевская армия был теперь полностью мобилизована, и начались репрессии. *«Король и лорды, преследуя бунтовщиков, велели одних привязывать к хвостам лошадей, других рубили мечами, вешали, а некоторых расчленяли, и так убивали они их тысячами»*, — сообщает Адам Уск, валлийский юрист XIV столетия. Ричард наделил мэра Лондона чрезвычайными полномочиями для поддержания порядка в столице. Джон Болл пытался укрыться в сельской местности — но был схвачен и привезен в Лондон, где его четвертовали¹⁹.

Ричард лично возглавил одну из карательных экспедиций в Эссексе; 22 июня делегация крестьян попросила у него аудиенции. Они спросили, рассказывает Уолсингем, как обстоит дело с исполнением его обещаний — с отменой крепостного права и установлением равенства с лордами. Ричард, «чрезвычайно изумленный такой дерзостью», ответил:

«Крестьянами вы были, крестьянами и останетесь. И сервами останетесь также, и не как прежде, но в положении гораздо худшем. Ибо, пока мы живы и милостью божией способны править сим королевством, мы используем весь наш разум, способности и владения для того, чтобы держать вас в ярме... дабы ныне и пришло людям, подобные вам, имели перед глазами пример ваших несчастий и проклинали вас за то, что вы ввергли их в эти бедствия, и страшились совершить такие же преступления»²⁰.

Глава 83

Блуждающая империя

Между 1370 и 1399 годами империи Канем наследует царство Борну, а семь государств на берегах Нигера отмечают новую границу

На протяжении ста с лишним лет воинствующая империя Канем возвышалась в центре Африки; ее основное ядро располагалось к востоку от большого озера Чад, а периферия постепенно расширялась в разные стороны. «Империя с египетской стороны начинается от города Зелла, а с другой стороны кончается у города Кака. Эти два города разделяют три месяца пути», — писал арабский историк XIV века аль-Умаи. Эти два города, находившиеся в северной Сахаре и далеко на юго-восточном краю озера Чад, разделяло около 1200 миль. Но Канем не был империей

европейского образца, с жесткими вассальными отношениями и обязательным сбором налогов, и царь Канема не контролировал сплошь всю эту территорию¹.

Более важной его задачей было поддержание порядка на торговых путях. Процветание Канема зависело от караванных дорог, проложенных через Сахару: восточной, которая вела в Триполи, и труднопроходимой, менее оживленной, но более прямой дороги в Египет. На север из рудников, лесов, с полей Канема везли соль, слоновую кость, страусиные перья и зерно, на юг отправляли боевых коней, шерсть, медь и железное оружие.

У монархов Канема не было необходимости принуждать племена северной Сахары к вассалитету — но они отчаянно нуждались в безопасности путей, ведущих к рынкам Средиземноморья. Границы Канема были понятием коммерческим, а не политическим; поэтому их было трудно определить и еще труднее охранять.

Где-то в начале XIV века восточную границу Канема начали тревожить набеги соседнего народа. Позднейшие летописцы знали их под именем «булала»; земледельцы и скотоводы, они перемещались на запад — возможно, из верховий Нила, уходя от экспансии арабов. Они придерживались своих традиционных верований, а их претензии к Канему, вероятно, были вызваны работоторговлей. Арабский ученый аль-Идриси пишет, что главными предметами экспорта из Канема были соль и квасцы, но на север также продавали рабов, захваченных в соседних землях. Хотя работоторговля составляла относительно небольшую часть товарооборота Канема, доход она приносила немалый. А так как закон запрещал мусульманам продавать единоверцев или владеть ими, единственным источником рабов для Канема оставались соседние языческие племена².

Короткие набеги продолжались десятилетиями, но к 1370 году действия народа булала приобрели характер открытой войны. Согласно летописям, последние шесть правителей Канема погибли в боях с войсками булала. Около 1380 года царь Омар ибн Идрис предпринял решительный шаг: он оставил земли к востоку от озера Чад, включая столицу Канема, город Нджими. Новая резиденция царя и столица империи народа находилось западнее озера Чад, которое теперь служило защитой от угрозы булала. Эта местность называлась Борну*. Вероятно, когда-то давно здесь суще-

* Помимо экспансии племен булала, причиной переселения стало истощение пастбищ Канема из-за их чрезмерной эксплуатации. К тому же из Борну легче было вести торговлю через Сахару. Установление связей с хауса дало доступ к лошадям и соли, а с другим народом этого региона, племенем канан, — к золоту. (Прим. ред.)

ствовало независимое царство; память о нем почти стерлась, но у царей Канема сохранился обычай именоваться как «царь Канема и владыка Борну»³.

Большинство подданных Омара ибн Идриса последовало за ним, стремясь уйти в безопасные земли. В течение нескольких десятилетий перемещенное царство боролось за свое существование. Кроме озера Чад, у Борну не было естественных границ. На юге его территория незаметно переходила в земли, которые занимали семь племен хауса. Эти маленькие государства впоследствии стали называть «царствами хауса». Их столицы были обнесены глинобитными стенами, и каждый из этих городов служил как убежищем для воинов, так и торговым пунктом. Вне стен располагались многочисленные деревни. Хауса торговали с Триполитанией: на север, к Средиземному морю, отправляли золото, слоновую кость, кожу и страусиные перья, а оттуда доставляли на юг бумагу, пергамент, оружие и доспехи*.

Семь царств хауса назывались Кано, Рано (в них производили индиго), Губир (оно славилось воинственностью), Зария (его богатство основывалось на работорговле), Бирам, Даура и Катсина. Они существовали в виде россыпи небольших поселений в широкой излучине реки Нигер, некоторым было уже много сотен лет. Согласно устным преданиям, в Кано первый правитель воцарился около 1000 года, а возведение стен вокруг столицы было завершено примерно в 1150 году. К концу столетия Кано уже пытался завоевать соседей и развязал войну против Зарии; Катсина в то время лишь появилась на сцене как небольшой незащищенный поселок⁴.

В поздней легенде о происхождении государств хауса сохранилось воспоминание о приходе их прародителя с востока. Рассказывалось, что Баяджид, сын «царя Багдада», поссорившись с отцом, ушел из дома. Он добрался до Борну, где и женился на местной царевне; затем он поссорился также со своим тестем и покинул его царство. Продолжив двигаться на запад, Баяджид пришел

* «Семь царств» по сути были империей народа хауса, в составе которой у каждого города были свои функции. На их обширных равнинах хорошо рос хлопок, поэтому хауса стали важнейшими производителями тканей, экспортируемых во многие страны. Центром политической власти был Бирам, а Катсина и Даура являлись главнейшими рынками, так как находились на караванных путях, идущих через пустыню с севера. Губир располагался на западе, и его основной задачей была защита страны от набегов соседей — Ганы и Сонгаи. (Прим. ред.)

в Дауру и обнаружил, что ее жители страдают от серьезной напасти: огромная змея поселилась в их колодце и позволяет людям набирать воду только по пятницам. Герой убил змею и женился на царице Дауры. Она родила ему семерых сыновей, которые разошлись в разные стороны и основали семь царств⁵.

Существует множество вариантов этой истории, иногда весьма красочных и записанных гораздо позже. В XIV веке ислам еще не проник в земли хауса, и происхождение Баяджида, очевидно, является позднейшей интерпретацией, имевшей целью вписать историю хауса в контекст общемусульманской цивилизации. Но во всех версиях легенды есть общее звено — утверждение о тесной связи между царствами хауса, объясняемой древним родством племен⁶.

Образ змеи в колодце вызывает другую ассоциацию. Жители Дауры пытались умиротворить чудовище, жертвуя ему черных кур, козлов, собак. Но его могли удерживать от пожирания жертв только пятница (священный день мусульман) и меч мусульманского царевича⁷. Когда царь Канема переселился на запад, он перенес туда и всю систему исламского государства: солдат и земледельцев, ученых и имамов. Впервые мусульманская культура в полном объеме укоренилась севернее обнесенных стенами городов хауса; теперь между ними, между приверженцами древних культов и людьми Пророка пролегла четкая граница.

Карта 83.1. Царства хауса

Италия и Папская область	Германия и Священная Римская империя	Франция	Англия и Шотландия	Испания, Калекс
Бернабе Висконти — правитель Милана (1356–1385)	Карл IV (император, 1355–1378)			
Урбан V (1362–1370)		Жакерия (1358) Договор Бретиньи (1360)		
Папство возвращается в Рим (1367)		Карл V (1364–1380)		
Григорий XI (1370–1378)		Разорение Лиможа (1370) Битва при Ла-Рошели (1372)		Война с булала (1370-е гг.)
Урбан VI (1378–1389) Климент VII (антипапа) (1378–1394)			Смерть Черного принца (1376) Ричард II (1377–1399)	Омар ибн Идрис (?–1388)
Битва при Кюлджии (1380)		Карл VI (1380–1422)	Крестьянское восстание (1381)	Переселение в Борну (1380)
Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)		Смерть Людовика Анжуйского (1384)		

Хронологическая таблица 83

Италия и Папская область	Германия и Священная Римская империя	Франция	Англия и Шотландия	Империя Канем
Николай V (антипапа) (1328–1330)	Людвиг IV (император, 1328–1347)	Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)	
Аццоне Висконти, правитель Милана (1329–1339)			Давид II (1329–1333/1371)	
			Битва при Даблин- Муре (1332)	
Бенедикт XII (1334–1342)			Эдуард Баллиол (претендент) (1333–1336)	
		Начало Столетней войны (1337–1453)		
Петрарка увенчан как поэт-лауреат (1341)			Битва при Слейсе (1340)	
Климент VI (1342–1352)			Договор Малеструа (1343)	
	Карл Ботемский (1346–1378)	Потера Кале (1347)	Битва при Креси (1346)	
		Иоанн II (1350–1364)		
Иннокентий VI (1352–1362)				

Глава 84

Безумие и узурпация

Между 1383 и 1401 годами Карл VI теряет рассудок, а Ричард II — свой трон

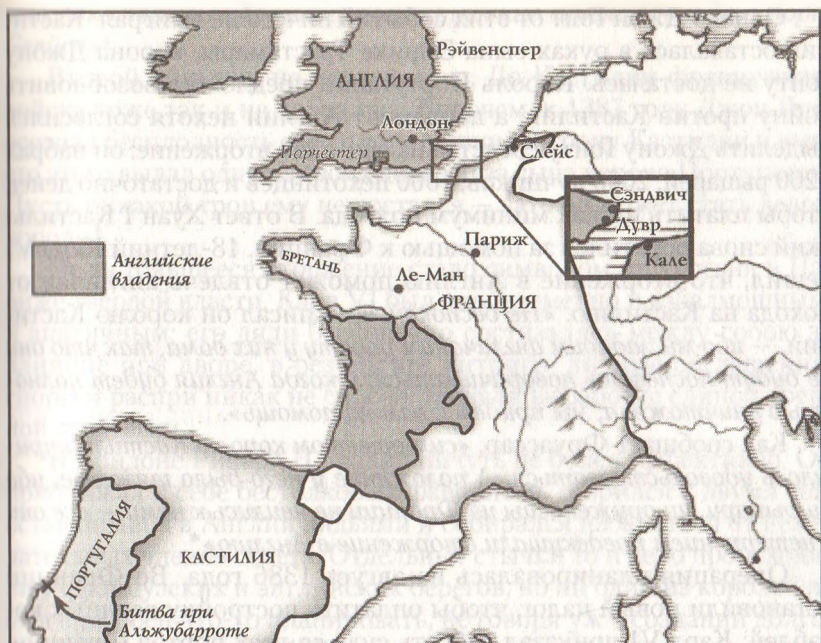
Из-за крестьянского восстания Джон Гонт потерял свой двор, но надежды на трон сохранил. Его первая жена Бланш, наследница дома Ланкастеров, принесла ему в приданое титул герцога Ланкастерского. Она умерла в возрасте 23 лет — родив Джону семерых детей, из которых выжило трое. После этого он женился на 17-летней Констанции Кастильской, дочери низложенного и убитого короля Кастилии, Педро Жестокого. Сводный брат Педро, Энрике де Трастамара, захватил трон Кастилии с помощью французов; он знал, что Джон Гонт надеется отобрать его, ссылаясь на права своей жены. Как пишет «*Chronica Maiora*»,

«Джон, герцог Ланкастерский, настоятельно потребовал, [чтобы] ему доверили большие деньги... утверждая, что использует их для обороны побережий Англии от врагов на протяжении целого года... Лорды согласились удовлетворить этот назойливый запрос, впрочем, нехотя... не без горечи душевной... Герцог обладал такой властью в королевстве, что было бы крайне неразумно идти против его желаний».

Организуемый им флот предназначался отнюдь не только для защиты от французов, и Энрике де Трастамара понимал это; известие о новом флоте Джона Ланкастера привело его в «великий ужас... Он считал, что герцог выйдет в море не только ради охраны своей страны, но и затем, чтобы покуситься на его королевство, как на наследство своей жены»¹.

Эти опасения оказались небеспочвенными. Джон Гонт намеревался захватить трон Кастилии и с этой целью заключил союз между Англией и королем Португалии. «Единственный удобный для нас путь в Кастилию лежит через Португалию», — заметил один из его советников; португальцы постоянно подозревали, что Кастилия снова попытается поглотить их страну, и война против Кастилии была бы для них войной за независимость².

Фактически война между двумя странами началась только в 1383 году; к этому времени Энрике де Трастамара уже умер, и на трон Кастилии взошел его сын Хуан. Союзное англо-португальское войско под командованием Джона Гонты и Жуана де Ависа, кото-

Карта 84.1. Битва при Альжубарроте

рый претендовал на португальский престол, выступило в поход. В ответ, как и прежде, на помощь Кастилии прибыло французское войско; во главе него стоял герцог де Бурбон, дядя юного Карла VI.

Война привела к подтверждению независимости Португалии от власти Кастилии и подкреплению права Жуана де Ависа суверенно управлять королевством вопреки кастильским амбициям. В августе 1385 года Жуан разбил французско-кастильские силы в битве при Альжубарроте, и это означало полное крушение притязаний Кастилии на португальские земли. Победа сделала Жуана героем в глазах его народа и укрепила его право на трон*.

* Жуан Добрый (1357–1433) был внебрачным сыном короля Педру I. После смерти в октябре 1383 года своего сводного брата Фернанду I, не оставившего наследника мужского пола, двор попытался передать власть его единственной дочери Беатрисе. Ее выдали замуж за Хуана Кастильского, но брак этот вызвал возмущение в народе, поскольку обеспечивал зависимость Португалии от Кастилии. В стране нарастали беспорядки, в ходе которых возвысился Жуан Ависский, назначенный регентом. 6 апреля 1385 года государственный совет избрал его королем. За этим последовала двухмесячная война с Кастилией, в ходе которой Жуан освободил почти все северные области Португалии.

Однако Джон Гонт от этих событий ничего не выиграл. Кастилия оставалась в руках сына Энрике Трастамары, корона Джону Гонту не досталась. Король Португалии предложил возобновить войну против Кастилии, а парламент Англии нехотя согласился выделить Джону Гонту средства на еще одно вторжение: он набрал 1200 рыцарей, 2000 лучников, 1000 пехотинцев и достаточно денег, чтобы платить им как минимум полгода. В ответ Хуан I Кастильский снова обратился за помощью к Франции. 18-летний Карл VI решил, что вторжение в Англию поможет отвлечь англичан от похода на Кастилию. *«Не беспокойся, — писал он королю Кастилии, — ибо мы зададим англичанам работу у них дома, так что они не будут поспевать поворачиваться; и когда Англия будет полностью уничтожена, мы придем к вам на помощь».*

Как сообщает Фруассар, *«сим ответом королю Кастилии пришлось удовольствоваться. А положение у него было тяжелое, ибо ни рыцари, ни оруженосцы из Франции не явились к нему — все они с нетерпением предвкушали вторжение в Англию»**.

Операция планировалась на август 1386 года. Во Франции установили новый налог, чтобы оплатить постройку военных кораблей; Карл VI приказал собрать суда со всех портов Франции. («От самого сотворения мира не видано было столько больших кораблей вместе», — замечает Фруассар.) Месяцы ушли на то, чтобы запастись сухари, солонину, яичный порошок — обычный корабельный провиант того времени. По Англии день ото дня расходились новые слухи: высадки французов ждали то в Дувре, то в Сэндвиче; флотилия вот-вот выйдет в море; сперва они окружат и осадят Кале; Карл лично возглавит экспедицию³.

Но этот великолепный план внезапно сорвался. Французский флот дождался попутного ветра только в конце октября. В канун Дня Всех Святых огромный флот вышел из гавани Слейса, где его собирали целый год. Как сообщает Уолсингэм, отойдя на двадцать миль от порта, *«они попали под противный ветер, который и загнал их всех обратно... при этом они сталкивались друг с другом так,*

Но летом Хуан I Кастильский при помощи отряда французских рыцарей перешел в контрнаступление. На стороне португальцев сражались 600 английских лучников — но сам Джон Гонт в этой кампании не участвовал. Видимо, автор спутал этот эпизод с кампанией следующего 1386 года, когда Гонт действительно высадился в Кастилии, о чем рассказывается чуть ниже. (Прим. ред.)

* Кампания Гонта 1386 года началась успешно, однако затем англичане начали нести потери, их войско страдало от голода и болезней. Заболел и сам Джон Гонт, после чего вынужден был отступить в английские владения в Аквитании. (Прим. ред.)

что некоторые суда потерпели крушение прямо у входа в порт Слейса»⁴.

Второй попытки не последовало. До Кастилии французские войска тоже так и не добрались. Впрочем, к 1387 году Джон Гонт осознал бесплодность своих устремлений к трону Кастилии и вместо этого выдал одну из своих дочерей за сына короля Португалии. Пусть никакой трон ему не достался — зато он может стать дедом короля*.

Несостоявшееся вторжение стало символом отсутствия в Париже твердой власти. Карл VI был одновременно и взбалмошным, и апатичным; его дяди бесконечно состязались между собою за влияние при дворе, в результате интриги, личные соглашения, споры и распри никак не способствовали выработке единой военной стратегии.

В Лондоне Ричард II правил ничуть не более эффективно. Он приближал к себе бестолковых фаворитов, ссорился с двумя еще оставшимися в Англии дядями и собирался избавиться от нежелательных членов совета. Отдельные стычки то и дело происходили у французских и английских берегов, но ни один из королей не был способен что-то планировать, не говоря уж о создании долгосрочной стратегии. В 1391 году член королевского совета Франции, камергер Бюро де ла Ривьер, выдвинул предложение о мирном договоре. *«Французы... хорошо знали, что у них не хватит сил завоевать Англию, а англичане неспособны покорить Францию, и что оба королевства обнищали из-за бесплодных битв»*, — пишет Уолсингэм⁵.

У дипломатов обеих стран имелся длинный список важных пунктов, которые следовало согласовать, прежде чем можно будет подписать договор; дискуссии затягивались. Они все еще кое-как продвигались летом следующего года, когда Карл VI заболел хронической лихорадкой. *«Его врачи и дядья порой замечали помутнение его рассудка, — пишет Фруассар, — но поделать с этим ничего не могли, так как он не желал прислушиваться к их предложениям»***.

* В 1388 году Гонт ухитрился заключить союз с королем Кастилии, выдав свою дочь Екатерину за его наследника и получив в возмещение своих прав большой денежный выкуп. Одновременно он породнился и с Жуаном I, который в 1387 году женился на другой дочери Джона, Филиппе. Так был создан альянс Англии и Португалии, который продлился до XX века. (Прим. ред.)

** Первые симптомы болезни короля стали проявляться в апреле 1392 года, когда Карл перенес, судя по описанию, тяжелую вирусную инфекцию. После нее у монарха появилась болезненная раздражительность, он выходил из себя от любого громкого или резкого звука. (Прим. ред.)

Несмотря на плохое самочувствие, в первые дни августа 1392 года 24-летний король настоял на том, что он лично возглавит карательную экспедицию против герцога Бретонского, который оскорбил коннетабля Франции*.

День был очень жаркий. По словам летописца, король был одет «в черную бархатную куртку, в которой вскоре покрылся потом, и ярко-алую шапку», а пажи, ехавшие рядом, были в блестящих шелках и доспехах из полированной стали; один из них вез коня короля. *«Так они ехали, и пажи, сущие дети по возрасту, ослабили внимание, перестали следить за лошадьми; тот, который вез коня, задремал ... и выронил коня так, что оно ударилось о шлем ехавшего впереди»*, — рассказывает Фруассар.

Громко лягнула сталь. Карл, испуганный этим звуком, внезапно вообразил, будто на них напали изменники. «Вперед, вперед!» — выкрикнул он, проткнул пажа и набросился на рыцарей свиты. Они в ужасе кинулись врассыпную. Однако Карл успел убить своего сводного брата де Полиньяка, ранил еще троих и наконец, пришпорив коня, погнался с обнаженным мечом за родным братом, 21-летним герцогом Людовиком Орлеанским. Герцог в смятении умчался в лес, после чего поехал по кругу так, чтобы оруженосцы и рыцари могли окружить короля. Карл, по-видимому, никого не узнавал. В течение часа он рыскал среди собственной армии; а люди кружили и уворачивались, пока он не выбился из сил и меч в его руке не сломался. Тогда кастелян двора Гийом Мартель бросился на круп лошади сзади, обхватив короля и прижав его руки. Карла повалили на землю. *«Трое его дядьев и братья приблизились к нему, однако он все позабыл, не выказал никаких признаков знакомства или привязанности, только вращал глазами и ничего не говорил»*, — пишет Фруассар.

Впавшего в забытье Карла доставили на носилках в близлежащий город Ле-Ман. Там он три дня пролежал в коме. Придя в со-

* Герцог Бретонский не оскорблял коннетабля Оливье де Клиссона; причиной конфликта был Пьер де Краон, родственник короля, который попытался убить Клиссона прямо на улице, наняв для лучшего успеха несколько бретеров. Коннетабль выжил, Краон был заочно приговорен к ссылке и лишению имущества. Он бежал в Бретань, где герцог его принял и отказался выдать — что было расценено уже как оскорбление самого короля. Узнав о готовящейся экспедиции, герцог Бретонский отправил королю письмо, в котором клялся, что Краон бежал из его владений, куда — он не знает, и был готов открыть перед королевскими войсками ворота своих городов, чтобы дознание было проведено на месте. Дяди Карла были склонны прервать поход, но коннетабль настоял на его продолжении. (Прим. ред.)

шание, он чувствовал некоторую слабость, но вел себя нормально, хотя начисто забыл все происшедшее⁶.

Но состояние Карла изменилось необратимо. У него начались внезапные приступы острой боли, как будто от укулов «тысяч игл». Иногда он переставал узнавать окружающих, набрасывался на друзей и родных, часами метался по дворцу, пока не падал от истощения. Эти припадки были непредсказуемыми — но всегда кратковременными, из-за чего нельзя было на законных основаниях передать власть постоянному регенту. Поэтому дяди короля обратились ко двору, и страна оказалась у них в руках⁷.

Безумие монарха еще больше замедлило мирные переговоры. Наконец, в марте 1396 года, были поставлены печати на документ, устанавливавший перемирие между двумя государствами на 28 лет. Договор гласил, что обе стороны прекратят враждебные действия и воздержатся от строительства новых замков вдоль существующих границ. Ричард II, которому уже исполнилось двадцать девять, согласился взять в жены шестилетнюю дочь Карла VI, Изабеллу; это должно было создать союз между королевскими домами — но с условием, что дети Изабеллы не будут претендовать на Францию.

Свадьбу сыграли в ноябре, девочке предоставили свиту и собственное хозяйство в замке Порчестер, в Южной Англии. Как пишет Уолсингэм: *«Королевство Английское могло бы наслаждаться периодом нерушимого покоя, благодаря женитьбе короля, богатствам, принесенным невестой, обещанию тридцати лет мира... Но неожиданно все это рухнуло из-за безрассудства короля»*⁸.

Без предупреждения Ричард II приказал схватить тех, кому он не доверял — графов Уорика и Арундела, а также собственного дядю Томаса, самого младшего брата Черного принца. Он обвинил всех троих в заговоре против себя*.

* «Дядя Томас» — Томас Вудсток (1355–1397), герцог Глостер. Репрессии не были неожиданностью: они стали логическим завершением длительного политического противостояния короля с высшей аристократией Англии. Первоначально в состав противостоящей коалиции (лордов-апеллянтов) входило пятеро лордов; позже двое из них перешли на сторону короля. Но ситуация усугублялась тем, что повзрослевший Ричард стал вести себя очень самоуверенно, капризно и эгоистично. При этом он не терпел никаких возражений, они приводили его в бешенство, и он начинал вести себя крайне оскорбительно, не гнушаясь брани. В феврале 1397 года отношения Глостера и Арундела с королем окончательно испортились; они отказались явиться на королевский совет. Ричард для расправы прибегнул к обману: 10 июля он пригласил Гло-

Убедительных доказательств измены не имелось, но Ричард твердо вознамерился избавиться от возможных соперников. Графа Уорика приговорили к пожизненному заключению, а Арундела обезглавили. Томас, родственник короля, скоропостижно скончался в тюрьме: Ричард нанял убийцу, и тот задушил его, не оставив следов. «Чего боялся король, неведомо», — замечает Уолсингем. Возможно, Ричард страдал паранойей — в дальнейшем его поведение тоже явно отклонялось от нормы. Например, он тревожился, как бы голова Арундела каким-то чудом не приросла к телу, и в четыре часа утра велел двум графам пойти и выкопать гроб, чтобы это проверить (голова оказалась отрезанной). К тому же он становился все более деспотичным; одалживал большие суммы денег у подданных, не считая нужным их возвращать; требовал, чтобы люди при виде его падали на колени; заставлял придворных ставить подпись и печать на чистые листы бумаги, куда он мог бы, когда вздумается, вписать нечто предосудительное — как предлог, чтобы избавиться от них. По словам Адама из Уска, он «безостановочно спешил к своему падению»⁹.

В 1398 году Ричард II приказал своему кузену Генри Болингброку покинуть Англию. Генри, старший сын Джона Гонта, был вспыльчив. Из-за какой-то неловкой реплики он вызвал герцога Норфолка на поединок. Чтобы избежать скандала, Ричард II выслал их обоих из страны. На следующий год Джон Гонт умер. Ему было 60 лет, он вернулся в Англию усталым и опустошенным, не протестовал даже против убийства младшего брата и изгнанного сына. После его смерти Ричард II конфисковал в пользу короны обширные поместья в Ланкастере, которые должны были перейти к изгнаннику Генри.

Генри находился в Париже. Получив известие об этом, он отправился домой. *«Он теперь осознал, что король чинит притеснения всем своим подданным, [и] стал показываться соотечественникам то в одной части королевства, то в другой, чтобы узнать, готовы ли они к сопротивлению»*, — пишет Уолсингем. Когда Генри высадился близ Рейвенспера, намереваясь громко заявить о себе,

стера, Арундела и Уорика на пир. Граф Арундел, который в 1394 году уже провел несколько месяцев в Тауэре, приглашение отклонил. Глостер поступил по его примеру, а Томас де Бошан, граф Уорик, пришел. После пира по приказу короля Уорика схватили и заключили в Тауэр. Уорик был приговорен к смерти, но король согласился заменить казнь на пожизненную ссылку на остров Мэн. Через пару недель настал черед Арундела, а герцог Глостер был вызван в Лондон на следующий день и отправлен в тюрьму в Кале. Как именно он умер, точно неизвестно. (Прим. ред.)

графы и герцоги поспешили к нему; всего за несколько дней он набрал шесть тысяч солдат, и их число все возрастало*.

Ричард II даже не попытался отбиться. Ему хватало рассудка, чтобы понимать, как сильно его не любят; он лишь старался держаться на расстоянии от Генри и его сторонников, уходя все дальше и дальше на север. В конце концов он сдался и направил к Генри гонца с предложением отдать корону в обмен на жизнь и «содержание, приличествующее его статусу»¹⁰.

Генри прибыл в Англию 4 июля; уже 29 сентября Ричард официально отрекся от престола на церемонии, проведенной в лондонском Тауэре. Он освободил всех своих подданных от присяги на верность и объявил, что желает передать трон новому герцогу Ланкастеру. Все это он произнес, по утверждению Уолсингэма, «с видным удовлетворением и веселым лицом».

На следующий день Генри принял корону, став королем Генрихом IV. *«Я беру это королевство, — сказал он собравшимся рыцарям, духовенству и графам, — по праву королевской крови, к коей я принадлежу... и ради правого дела, на которое сподобил меня Господь — спасения королевства... бывшего на грани распада, ибо им плохо управляли».* Говорил он по-английски — впервые со времен норманнского завоевания английский король воспользовался языком своего народа для коронационной речи¹¹.

Ричард высказался о происходящих переменах кратко. «После всего случившегося, — сказал он, — я надеюсь, что мой родственник станет хорошим господином и моим другом».

К февралю 1401 года низложенный король уже был мертв. Генрих IV заключил его в замок Понтефракт, далеко на севере, в Йоркшире; там, по рассказам современников, Ричард, будучи

* Ричард II отправился в Ирландию, где в тот момент начались беспорядки. Генри Болингброк находился в Париже вместе с архиепископом Арунделом, братом казенного графа, и Томасом Фицаланом, его же наследником. Узнав об отсутствии короля, в конце июня изгнанники быстро снарядили три корабля и отплыли в Англию, имея не более 300 соратников. Высадились они на землях Ланкастеров, где Болингброк мог рассчитывать на поддержку. Тут же к нему присоединились два могущественных северных барона — графы Нортумберленд и Уэстморленд. Под знамена Болингброка стекались и простолюдины. Изначально Болингброк желал лишь вернуть себе незаконно отобранное — но, оценив обстановку, изменил намерения. Узнав о его высадке, Ричард 27 июля отплыл из Ирландии и попытался организовать сопротивление. Несколько дней он пытался собрать армию, но безуспешно. У него оставались корабли, он мог вернуться в Ирландию или бежать во Францию. Однако король, не доверяя никому, остался в замке Коцуэй, где его и взяли в плен. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 84

Кастилия, Наварра и Португалия	Франция	Англия и Шотландия	Империя Канем
Жанна Наваррская (1328–1349)	Филипп VI (1328–1350)	Эдуард III (1327–1377)	
		Давид II (1329–1333/1371)	
		Битва при Дарлин-Муре (1332)	
		Эдуард Баллиол (претендент) (1333–1336)	
	Начало Столетней войны (1337–1453)		
		Битва при Слейсе (1340)	
		Договор Малеструа (1343)	
Карл Наваррский (1349–1387)	Потеря Кале (1347)	Битва при Креси (1346)	
Педро Кастильский (1350–1369)	Иоанн II (1350–1364)		
	Жакерия (1358)		
	Договор Бретиньи (1360)		
	Карл V (1364–1380)		
Энрике Трастамара (1369–1379)	Разорение Лиможа (1370)		
Джон Гонт берет в жены Констанцию Кастильскую (1371)	Битва при Ла-Рошели (1372)		Война с булала (1370-е гг.)
Хуан I Кастильский (1379–1390)		Смерть Черного принца (1376)	Омар ибн Идрис (?–1388)
		Ричард II (1377–1399)	
Битва при Альжубарроте (1385)	Карл VI (1380–1422)	Крестьянское восстание (1381)	Переселение в Борну (1380)
Жуан Ависский (1385–1433)	Смерть Людовика Анжуйского (1384)		
	Перемирие между Англией и Францией (1396)		
	Изгнание Генри Болонброка (1399)		

душевно неуравновешенным, впал в глубокое отчаяние и отказался принимать пищу. Этому поверили не все. «Все отлично понимали, что живым... он оттуда никогда не выйдет», — пишет Фруассар; и ходили слухи, будто Генрих IV подослал убийц, чтобы разделаться со своим предшественником. Историк XVI века Ральф Холиншед утверждал, что Ричарда зарубил некий рыцарь Питер Экстон — он услышал жалобу нового короля: «Неужели не найдется верного человека, который захочет избавить меня от этого живого страха?» и немедленно отправился совершать этот подвиг*. Однако слишком очевидное сходство с историей Генриха II и Бекета заставляет современных историков сомневаться в достоверности этого сообщения¹².

Так или иначе, Генрих сразу распорядился показать народу тело Ричарда. Его везли из Понтефракта в Лондон на катафалке, запряженной четверкой черных лошадей, так что у людей была возможность убедиться, что Ричард умер. Таким образом исключались всякие сомнения, слухи о чудесном спасении Ричарда, появление самозванцев. Ричард умер бездетным, на нем династия Плантагенетов пресеклась, и на троне Англии утвердился дом Ланкастеров**.

Глава 85

Битва при Никополе

Между 1385 и 1396 годами османы одерживают победу за победой

Иоанн V Палеолог сохранил трон, но заплатил за это собственной независимостью. Теперь он был вассалом Мурада I — а гарантией его покорности стала жизнь сына Мануила, который

* Точная дата и обстоятельства смерти Ричарда не установлены. Генрих понимал, что, получив свободу, Ричард начнет мстить. Доверять кузену он не мог. В январе 1400 года открылся заговор бывших соратников Ричарда, которые замыслили убить Генриха IV и его сыновей; заговорщиков схватили и казнили. Считается, что Ричард умер от голодовки: узнав о провале попытки его освободить, он лег, отвернулся к стене и отказался от еды. (Прим. ред.)

** Ричард II и Генрих IV были двоюродными братьями — но поскольку Джон Гонт, отец Генриха, был младшим сыном короля, Генриха IV считали членом другой семьи. Дом Ланкастеров был боковой ветвью Плантагенетов — как и все семьи, родоначальниками которых являлись младшие сыновья монарха либо патриарха. (Прим. авт.)

в качестве заложника находился при османском дворе. В своих действиях Мурад I следовал традиционной политике османов, направленной на ассимиляцию покоренных народов, подчинение соседних правителей и превращение их в своих вассалов¹.

Турецкий натиск на запад продолжался. Оставив Византию у себя в тылу, османы вторглись в Сербию и Болгарию. Раздробленное Сербское королевство потеряло все восточные области. В 1385 году пала София, на следующий год был захвачен Ниш, а в 1387 году — Фессалоники. Болгары предприняли отчаянную попытку сбросить османское владычество, но турецкие войска подавили выступление. Болгарский царь попал в плен и тоже был вынужден присягнуть на верность султану².

В начале лета 1389 года турки вторглись в ослабленную Сербию. Враждующих сербских феодалов объединил правитель Моравской области, князь Лазарь Хребелянович. Но сербские силы численно уступали османам, а самим сербам не хватало сплоченности. В решающей битве на Косовом поле, состоявшейся 15 июня 1389 года, погибли тысячи сербских воинов. Сам Лазарь был пленен и обезглавлен. Отныне Сербия принадлежала туркам. Завоеватели сохранили жизнь сыну Лазаря в обмен на признание верховной власти султана, выплату дани и военную помощь османам.

Единственным лучом надежды, проблеснувшим в эту ненастную пору, стала смерть Мурада, который также погиб в Косовской битве. Обстоятельства его гибели неясны: он или пал на поле боя, или стал жертвой предательства*. Однако и это происшествие обернулось выгодой для турок. Наследником Мурада стал Баязид, который вошел в историю под прозвищем «Йылдырым», то есть «Молниеносный». Новый султан немедленно распорядился задушить тетивой лука своего любимого брата и верного полководца

* Согласно сербской традиции, султан был убит Милошем Обиличем, одним из приближенных князя Сербии Лазаря Хребеляновича (некоторые легенды именуют его зятем князя). Однако это имя не упомянуто ни в одном из источников того времени и впервые появляется только сотню лет спустя. Первые сербские описания битвы утверждают, что султан был убит группой рыцарей, прорвавшихся к его шатру. По османским источникам начала XV века убийца был один: он притаился среди окровавленных трупов и напал на султана, когда тот объезжал поле битвы. Турецкая хроника «Дюстур-намэ» (1465) впервые называет имя убийцы: Милош-бан, приближенный князя Лазаря и бывший мусульманин, изъявивший желание вернуться в ислам и поцеловать руку султану. В «Записках янычара» Константина из Островицы (ок. 1497) убийца упомянут как Милош Кобица, и лишь затем появляются дальнейшие версии — Кобичич и Обилич. Милошем убийцу султана называет также манускрипт «Хюнер-намэ» — официальная история турецких султанов, созданная во второй половине XVI века. (Прим. ред.)

Якуба. Якуб храбро сражался на Косовом поле — но в будущем он мог стать помехой власти султана, и Баязид хотел предотвратить такую возможность³.

Баязид I начал проводить новую политику. Он собирался устранить вассальных правителей, а вместо них поставить преданных наместников. С этой целью султан вторгся в Болгарию и другие зависимые от османов территории. Себя Баязид провозгласил султаном Рума. Этим он хотел подчеркнуть, что его целью является не восстановление старого Румского султаната в Малой Азии, а завоевание второго Рима — Константинополя⁴.

В 1390 году турецкий султан обязал заложника Мануила участвовать в штурме Филадельфии, последнего греческого оплота в Малой Азии*. Когда византийский анклав сдался неприятелю, наследник византийской короны был первым, кто вступил в завоеванный турками город. Как едко заметил греческий историк XV века Лаоник Халкокондил, это было «высокой честью»⁵.

Встревоженный агрессивностью Баязида, Иоанн V приказал укрепить оборонительные сооружения столицы. Для этого использовались мраморные глыбы, снятые с обветшавших городских церквей. Подобные приготовления пришлось не по вкусу Баязиду, который, бряцая оружием, потребовал уничтожить все укрепления вместе с Золотыми воротами и оставить вход в город открытым. В противном случае он пригрозился ослепить Мануила, который по-прежнему был его заложником.

Иоанну V ничего не оставалось, как подчиниться требованиям султана. Это унижение оказалось роковым для императора. Он скрылся в своих покоях, отказался от еды и, не вставая с постели, ждал смерти, которая последовала в феврале 1391 года. Ему было 58 лет⁶.

Узнав о смерти отца, Мануил выбрался из султанского дворца и бежал в Константинополь. Позднее, как рассказывают, Баязид высказал сожаление, что не умертвил заложника, пока тот был в его власти**. Но теперь, когда новый император находился под

* На самом деле в Малой Азии оставался другой, куда более масштабный греческий анклав — Трапезундская империя. Постепенно она съежилась до двух городов, Трапезунда и Кесуната, но оба они продержались дольше Константинополя и были захвачены османами только в 1461 году. (Прим. ред.)

** Спустя некоторое время Баязид изменил первоначальное мнение. Когда после коронации Мануила II прошло три месяца, султан пригласил нового императора к себе, а потом отпустил в целости и сохранности. Мануил стремился отвратить неизбежное нападение османов на Константинополь, а потому демонстрировал покорность турецкому правителю. Он поддержал Бая-

защитой городских стен, турецкий султан вынужден был удовлетвориться посланием: «Если ты не хочешь исполнять мои приказы, затвори ворота Константинополя и царствуй внутри него. Все, что лежит вне города, принадлежит мне»⁷.

В это время Мануилу II было сорок лет. Ученый по призванию и полководец по необходимости, он участвовал во многих войнах. Мануил стремился удержать былую славу Константинополя. В начале 1392 года он женился на сербской принцессе Елене Драгаш. Свадебная церемония, состоявшаяся в духе старых традиций, должна была подчеркнуть имперское величие. Улицы города были убраны в шелка; торжественные празднования и шествия продолжались всю ночь, после чего увенчанные коронами и украшенные драгоценными камнями молодожены воссели на золотые троны и приветствовали собравшихся придворных*.

Но между тем настоящая императорская корона находилась в Венеции в качестве залога за непогашенный долг. После свадьбы венецианские гости, прежде чем покинуть византийский двор, напомнили императору, что он должен им денег.

От могущественной восточной империи теперь остался только один Константинополь. Земли за его стенами принадлежали туркам — а Баязид уже думал о том, что будет делать после падения остальных западных королевств. Как-то он сказал своим придворным, что только «после того, как будет уничтожен весь терновник, мой сын сможет танцевать на христианской земле, не боясь поранить себе ноги»⁸.

* * *

В 1394 году Баязид I осадил Константинополь. Его войска предали окрестности города огню и блокировали его с суши. Город спасло только то, что турки не смогли организовать морскую блокаду — их флот еще находился в зачаточном состоянии, а мореходные умения оставляли желать лучшего. Благодаря этому Константинополь выдержал осаду, получая припасы по морю. Однако лев

зида в новой кампании и провел семь месяцев в походе, прежде чем в январе 1392 года вернулся в свой город. Но после этого Мануил не покидал Константинополя, и Баязид начал готовиться к полномасштабной войне. (*Прим. авт.*)

* Побег Мануила состоялся в феврале 1391 года, появившись в Константинополе, он был коронован как Мануил II, а 10 февраля 1392 года женился на Елене Драгаш (1372–1450). В этом же году известие о том, что Мануил II служит вассалом Баязида и воюет против своих же соплеменников, достигло Москвы, относительно чего Василий I в 1393 году направил в Константинополь гневное письмо. (*Прим. ред.*)

Карта 85.1. Победы османов

и поля вокруг него оказались в руках турок. Жители города были вынуждены выращивать овощи на крошечных городских участках и разбирать постройки, чтобы получить древесину для очага⁹.

Мануил нуждался в поддержке извне. Помощь пришла от венгерского короля Сигизмунда I, который правил вместо своей молодой жены. Имея перед глазами пример Болгарии и Сербии, опустошенных турецкими набегами, Сигизмунд понимал, что его черед не за горами. Он призывал к крестовому походу, надеясь на отклик хоть кого-то из католических королей.

Но откликнулось очень мало желающих — хотя авиньонский папа (который с точки зрения его римского коллеги был антипапой) и обещал отпущение грехов всем участникам похода. На помощь Сигизмунду прибыл только небольшой английский отряд под командованием лиц некоролевской крови. Французский король Карл VI был не в состоянии участвовать в крестовом походе; его дядя, герцог Бургундский, пообещал заменить племянника — но в последний момент отказался и послал своего сына. Свои войска отправила также Венеция, которая стремилась защитить торговые пути через Черное море. Незначительные силы выделил орден госпитальеров¹⁰.

Франция	Англия	Кастель, Наварра и Португалия	Османская империя	Византия и Сербия	Венгрия	Польша
Договор Бретиньи (1360)			Мурад I (1361/2-1389)			Урбан V (1362-1370)
Карл V (1364-1380)			Захват Адрианополя (1365)			
						Папа возвращается в Рим (1367)
Разорение Лиможа (1370)		Битва при Кампо-де-Монтель (1369) Энрике II Траса-мара (1369-1379)		Иоанн V принимает католичество (1369)		Григорий XI (1370-1378)
Битва при Ла-Рошели (1372)		Джон Гонт берет в жены Констанцию Кастильскую (1371)		Иоанн V становится вассалом Мурада I (1373)		
	Смерть Черного принца (1376)					
	Ричард II (1377-1399)					Урбан VI (1378-1389) Климент VII (антипапа) (1378-1394)
Карл VI (1380-1422)		Хуан I (1379-1390)				

Хронологическая таблица 85

Франция	Англия	Кастилия, Наварра и Португалия	Османская империя	Византия и Сербия	Венгрия	Папство
Столетняя война (1337–1453)	Битва при Слейсе (1340)		Потеря Никомедии (1337)	Иоанн V (1341–1357) Стефан Душан (1341–1355)		
	Перемирие в Мадеструа (1343)				Людovic Анжуйский (1342–1382)	Клемент VI (1342–1352)
	Битва при Креси (1346)					Иннокентий VI (1352–1362)
Потеря Кале (1347)		Карл II Наваррский (1349–1387)		Иоанн VI (1347–1354)		
Иоанн II (1350–1364)		Педро I Кастильский (1350–1369)				
				Отречение Иоанна VI (1354)		
				Смута в Сербии (1355)		
Жакеeria (1358)			Смерть Сулеймана-пашы (1357)			

Франция	Англия	Кастилия, Наварра и Португалия	Османская империя	Византия и Сербия	Венгрия	Папство
	Крестьянское восстание (1381)				Мария Венгерская (1382-1385)	(1384-1385)
Смерть Людовика Анжуйского (1384)		Битва при Алжур-барроте (1385) Жуан I Ависский, (1385-1433)			Смерть Карла II Анжуйского (1386)	(1386-1387)
					Сигизмунд I (1387-1437)	
			Баязид I (1389-1402)	Битва на Косовом поле (1389)		
				Потеря Филлельфии (1390)		
				Мануил II (1391-1425)		
			Осада Константинополя (1394)			
Перемирие между Англией и Францией (1396)			Битва при Никополе (1396)			
	Изгнание Генри Боллингброка (1398)					
	Генрих IV (1399-1413)					

К концу сентября 1396 года армия крестоносцев собралась в Венгрии. Это было разнородное сборище, среди участников которого отсутствовало единое мнение о дальнейших действиях. Одни считали, что необходимо оставаться на месте и ждать прихода турок, другие, наоборот, предлагали выступить в поход. В конце концов, крестоносцы двинулись на Никополь. Грозную силу они стали представлять только после того, как Сигизмунд усилил их ряды венгерскими отрядами численностью 60 тысяч человек*.

Под Никополем 25 сентября 1396 года войско крестоносцев было наголову разгромлено Баязидом.

Спрятав большую часть армии за соседним холмом, султан выслал вперед небольшой отряд, который спровоцировал французских рыцарей, жаждавших присвоить себе заслугу первой атаки. Французы, бросившиеся в погоню за турками, были немедленно окружены и уничтожены. Затем османская армия атаковала остатки неприятельских войск**. Застигнутых врасплох крестоносцев безжалостно уничтожали. Лагерь христиан около Никополя был окружен, туркам досталась богатая добыча¹¹.

Сигизмунду и магистру госпитальеров удалось бежать, оставив в плену тысячи воинов, среди которых оказался сын герцога Бургундского. На следующий день после битвы Баязид приказал выстроить на поле всех пленных. По исламской традиции пленный принадлежал тому, кто захватил его, но султан мог претендовать на пятую часть добычи. Однако у Баязида был другой замысел. Среди пленных был бургундец, в прошлом служивший наемником у турок и знавший немного турецкий язык. Баязид приказал ему определить двадцать самых влиятельных пленников, за которых можно было бы получить богатый выкуп. В число счастливцев

* Эта фантастическая цифра взята из хроник того времени, имевших обычай завышать численность любого войска во много раз. Упомянутый ниже Иоганн Шильтбергер, очевидец сражения, называет совершенно иную цифру — всего 16 тысяч человек, а часть современных исследователей и вовсе снижает ее до 9–12 тысяч. Численность османского войска оценивается в 12–15 тысяч. (*Прим. ред.*)

** На самом деле все обстояло несколько иначе. Король Сигизмунд предложил встретить турок в обороне, его поддержали Ангерран де Куси и Жан де Вьен, адмирал Франции. Однако верховный командующий французским контингентом коннетабль Филипп д'Артуа заявил, что венгерский король не может получить себе все лавры победителя, и приказал своим войскам атаковать турок, уже построивших полевые укрепления. Рыцарская конница связала турецкую пехоту и дошла до вершины холма — но там была контратакована резервом Баязида и полностью разгромлена. (*Прим. ред.*)

попал и молодой наследник герцога Бургундского. Остальных Баязид приказал обезглавить.

Этот приказ противоречил и христианской, и исламской морали, но солдаты принялись послушно исполнять волю султана. Одним из переживших тот день был 16-летний немецкий пехотинец по имени Иоганн Шильтбергер, которого пощадили только из-за его юного возраста: «не убивали никого моложе двадцати лет», поясняет он. Далее Шильтбергер пишет:

«Затем я увидел Ханнсена Грайфа, знатного человека из Баварии, и с ним еще четырех. Они были связаны одной веревкой. Когда они поняли, какая жестокая расплата ждет их, то Ханнсен принялся громко подбадривать всадников и пехотинцев, ожидающих своей смерти. „Мужайтесь, — говорил он, — в этот день наша кровь прольется ради веры Христовой. По Божьей милости мы станем детьми небес“. Сказав так, он опустился на колени, и его обезглавили вместе с товарищами»¹².

Так или иначе, массовая казнь подошла к концу. Вряд ли солдатам Баязида пришлось по вкусу такое поручение, несмотря на их желание угодить грозному хозяину. Точное число убитых неизвестно: в своих сообщениях очевидцы называют разные цифры: от нескольких сотен до нескольких тысяч. Впрочем, на итоги сражения это не влияет. Константинополь по-прежнему был осажден, христиане бежали, а дорога на запад по-прежнему оставалась открытой перед Баязидом.

Смерть в крестовом походе была смертью мученика. В последние мгновения жизни Ханнсена Грайфа утешала мысль, что он сразу же предстанет перед богом. Но для Баязида эта война не была священной. Он создавал империю — и священные правила справедливой войны волновали его меньше всего.

Глава 86

Кальмарская уния: союз и распад

Между 1387 и 1449 годами Маргарита Датская объединяет все три скандинавских королевства, но конфедерация распадается почти сразу после ее смерти

Три скандинавских королевства, расположенных к северу от Балтийского моря, — Дания, Норвегия и Швеция — пока еще

не сыграли ведущей роли на мировой сцене. Скандинавы жили на холодных северных землях задолго до VIII века. Павел Диакон (ок. 720–799), историк эпохи Каролингов, указывает на стоявшую перед ними проблему: «Они стали столь многочисленны, что более не могли жить в одном месте». Некоторые из них отправились в Ломбардию Северной Италии, где их светловолосые и голубоглазые потомки смешались с итальянским населением. Другие пересекли Балтийское море и поселились на территории Руси, основывая свои торговые поселения по берегам рек. Третьи, получившие прозвище викингов, выходили в море и пиратствовали вдоль побережья Европы на землях франков и бриттов. Но многие остались на родных землях, где постепенно сложились королевства свеев, данов и хордов — Швеция, Дания и Норвегия. Около 900 года Харальд Прекрасноволосый объединил Норвегию, а впоследствии послал корабли на запад, чтобы колонизовать Исландию и Гренландию*.

Некоторое время даны владели частью Англии; шведы, устранившие данами, долго были союзниками датского и английского королевств. Дания и Швеция придерживались старого родоплеменного обычая избрания правителей, хотя кандидаты обычно происходили из королевских семей; только в Норвегии установилось наследование от отца к сыну.

Очень сходные между собою по образу жизни, языку и культуре, три скандинавских королевства то сближались, то расходились, подобно танцорам в хороводе. В 1319 году Швеция и Норвегия на короткий срок были связаны личным союзом, когда Магнус Эрикссон, избранный королем Швеции, от своего деда также уна-

* Германские племена, предки гетов и свеев, проникли на Скандинавский полуостров за две тысячи лет до нашей эры. Только их (и их потомков) можно называть «скандинавами». Ситуация, о которой упоминает Павел Диакон, относится к гораздо более позднему периоду и к другим племенам германцев, жившим к югу от Балтики: в Италию в VI веке пришли лангобарды — давние названые Ломбардии, но никогда не жившие в Скандинавии. На землях восточных славян (район Ладоги и реки Волхов) скандинавы появились в VIII веке. Викинги — не этнический, а социальный термин, в их состав входили и шведы, и даны, и норвежцы. Население Норвегии состояло из большого количества мелких племен, среди которых хорды были отнюдь не первостепенным; в объединенное Харальдом около 872 года государство их земли даже не вошли. Колонизировать Исландию, как повествуют саги, отправились не подданные короля, а изгнанные им разбойники-викинги. Сам Харальд совершил завоевательную экспедицию к берегам Шотландии, покорив Оркнейские и Шетландские острова. Гренландия была колонизирована в 982 году выходцами из Исландии (Эрик Рыжий). (Прим. ред.)

следовал Норвегию. Этот союз создал сложную ситуацию: ни шведам, ни норвежцам не нравился гнет двойной короны, и после ряда мятежей Магнус был вынужден в 1355 году передать трон Норвегии своему сыну Хакону. Затем, в 1364 году, он потерял и трон Швеции: шведская знать пригласила на его место Альбрехта Мекленбургского, который приходился Магнусу кузеном*.

Лишившись владений, Магнус Эрикссон укрылся у Хакона в Норвегии, а через десять лет утонул в море при кораблекрушении. Личный союз распался, но Хакон уже заложил основу для новой конфедерации: он женился на принцессе Маргарите, 11-летней дочери Вальдемара IV Датского (чей единственный сын умер ребенком). Маргарита родила Хакону одного сына, Олафа. Когда Вальдемар IV скончался в 1375 году, пятилетний Олаф стал королем Дании по воле *Данехофа*, собрания «лучших людей» страны, его мать-датчанка была назначена регентом. После безвременной смерти Хакона летом 1380 года десятилетний Олаф стал королем Норвегии по праву наследования.

Тройку королевств в очередной раз перетасовали. Швеция теперь существовала отдельно под властью Альбрехта, Дания и Норвегия были связаны личным союзом. Но Олаф, как и его отец, умер рано, еще подростком — поэтому в 1387 году его мать Маргарита (регентство которой не прекратилось) сделалась де-факто правительницей и Норвегии, и Дании.

В обеих странах не было никакого способа признать женщину сувереном. Но Маргарита поставила перед собой цель, на которую до тех пор не замахивался ни один король: объединить все три государства под одной короной. Властью в Норвегии и Дании она уже обладала; ей нужно было только добиться, чтобы эти страны согласились оставить ее на троне. Совет датской знати, собравшийся после смерти юного Олафа, решил оставить ее в должности регента; ведь она была единственным живым отпрыском Вальдемара IV, и желательно было сохранить преемственность королевского рода. Титула, подходящего для женщины на таком посту, не существовало, поэтому Маргарите присвоили единственно возможное в этой ситуации звание «могущественной госпожи и хозяйки страны»¹.

Норвегия с ее традицией наследования по кровному родству оказалась в раздумье. Для того чтобы придать своим намерениям

* Альбрехт был сыном герцога Мекленбургского и Эуфемии Эрикдоттер, сестры Магнуса Эрикссона — следовательно, приходился последнему не «кузеном», а племянником. (Прим. ред.)

законность, Маргарита усыновила пятилетнего Эрика, внука своей старшей умершей сестры, и назначила его наследником. Через год после признания Маргариты данами Норвегия также признала ее власть². Осталось только справиться со Швецией.

Альбрехт, хотя и был возведен на трон большинством членов совета, так и не сумел добиться полного согласия со знатью западных областей Швеции. Эти люди предпочитали Магнуса Эрикссона, а затем его сына Хакона и внука Олафа; теперь они готовы были присягнуть на верность Маргарите. Когда Альбрехт неосмотрительно вздумал конфисковать в свою пользу земли и замки местного дворянства, они окончательно повернулись против него.

Схема 86.1. Генеалогия Маргариты и Эрика

Согласно секретной договоренности, достигнутой в январе 1388 года, Маргарита должна была получить в пользование ряд замков и крепостей по всей Швеции, кроме того, королеву Норвегии и регентшу Дании обещали признать «могущественной госпожой и законной хозяйкой Швеции». Взамен Маргарита обещала выдать «права, свободы и привилегии», которыми обладала шведская знать «до прихода короля Альбрехта в Швецию» — и, что важнее всего, она пообещала восстановить прежние границы Швеции, отдав те земли, которые Дания и Норвегия успели отхватить за прошедшие десятилетия³.

Альбрехт относился к своей противнице весьма презрительно: он называл ее «бесштанной королевой». Но когда датские и нор-

вежские войска вошли в Швецию, в стране вспыхнула гражданская война. Автор стихотворной хроники сокрушается:

*Плохо стало в королевстве:
брат убивал брата,
сыновья шли против отца.
Никто не вспоминал о законе и праве,
ибо одни держали сторону короля,
а другие следовали за королевой⁴.*

Война была яростной, но короткой. В феврале 1389 года, на равнине к востоку от города Фальчепинг, произошло сражение между армиями Маргариты и Альбрехта. Альбрехт был разбит и попал в плен. Не будучи знаком с местностью, он выехал на замерзшее болото, и лед под ним проломился. Маргарита, которая

Карта 86.1. Скандинавские королевства

была не в восторге от данного ей прозвища, велела надеть ему на голову дурацкий колпак и отправить в датский замок Линдхольм; там он и просидел шесть лет.

Теперь почти вся страна была у Маргариты в руках — однако Стокгольм, где проживало много немцев, оставался верен Альбрехту и продержался до 1395 года. Когда город наконец сдался, Маргарита фактически стала правительницей всех трех скандинавских держав. Она намеревалась сблизить это единство и все в целости вручить Эрику; поэтому она велела подготовить проект документа, который бы формально утвердил их союз. Все три королевства должны «соединиться навеки» под властью одного короля, но каждое сохранит свои законы и обычаи; каждое должно будет воевать для защиты двух других; а международные союзы, заключенные одной державой, будут обязательны и для остальных⁵.

Эти конституционные статьи были подписаны 17 июня 1397 года представителями аристократии всех трех стран на церемонии в Кальмаре. Юный Эрик был коронован королем объединенной Скандинавии, но реальным сувереном была его внучатая тетка Маргарита. Ей было 45 лет, в 10 лет она вышла замуж за короля, а последние 10 лет правила двумя королевствами.

* * *

Пятнадцать лет спустя после смерти короля Олафа на территории Тевтонского ордена в Пруссии появился некий нищий странник, он поселился в деревушке близ Грауденца. Современный прусский историк Иоганн фон Посильге так рассказывает об этом:

«Здесь его обнаружили некие купцы, которые спросили, хорошо ли его знают в Дании, поскольку он был весьма похож на короля Олафа. Он сказал, что королем не является. Тогда они ушли, но затем привели других людей и обратились к нему как к своему повелителю, королю Дании и Норвегии»⁶.

Неясно, каким образом эти купцы через пятнадцать лет смогли определить, как должен выглядеть Олаф. Посильге ничего не поясняет — но, судя по дальнейшим действиям, «купцы» были местными авантюристами, пытавшимися подорвать власть Маргариты. Они перевезли бродягу в портовый город Данциг и «оказали ему великие почести»: дали ему особняк, свиту и даже изготовили для него печать. Таинственный странник (возможно, это был слабоумный) уверовал в свою новую личность и согласился отправить Маргарите письмо с требованием вернуть ему корону⁷.

Хронологическая таблица 86

Османская империя	Венгрия и Сербия	Византия	Папство	Швеция	Дания и Норвегия
Орхан (1327–1362)		Андроник III (1328–1341)		Магнус Эрикссон (1319–1364)	Магнус Эрикссон (1319–1343)
Сдача Никомедии (1337)					
	Стефан Душан (1341–1355) Людовик Анжуйский (1342–1382)	Иоанн V (1341–1357)	Климент VI (1342–1352)		Вальдемар IV (1340–1375)
		Иоанн VI (1347–1354) Отречение Иоанна VI (1354)	Иннокентий VI (1352–1362)		Хакон (1355–1380)
Смерть Сулеймана-паши (1357)					
Мурад (1361/2–1389)			Урбан V (1362–1370)		
Захват Адрианополя (1365)				Альбрехт (1364–1389)	
			Папство возвращается в Рим (1367)		

		Климент VII (1378–1394) Урбан VI (антипапа) (1378–1389)	Олаф (III) (1376–1387)
	Мария (1382–1385)		
	Карл II Неаполитанский (1386)		Олаф (V) (1380–1387)
	Сигизмунд (1387–1437)		
Баязид I (1389–1402)	Битва на Косовом поле (1389)	Сдача Филандельфии (1390) Мануил II (1391–1425)	Маргарита (как регент) (1387–1412)
Осада Константинополя (1394)			Сдача Стокгольма (1395)
Битва при Никополе (1396)			Кальмарская уния (1397)
			Эрик (1412–1438)
		Мятеж против Эрика (1434)	Мятеж против Эрика (1436)
			Кристофер (Дания с 1440)
		Кристофер (с 1441)	
			Кристофер (Новегия с 1442)
		Кристофер Баварский (до 1448)	
		Карл Кнутсен (1448–1457/ 1464–1465/1467/1470)	Христиан Ольденбургский (1448–1481)

Неизбежное разоблачение последовало, как только самозванца доставили к королеве. «Все в нем оказалось фальшивым, — объясняет Посильге, — поскольку он и не был уроженцем королевства и не говорил на их языке». Вообще-то конспираторы должны были бы учесть этот момент заранее! А теперь бродяге оставалось лишь признаться, что на самом деле он родом из северной Венгрии, а королем стать согласился потому, что жители Данцига осыпали его всяческими благами⁸.

Королева Маргарита приговорила самозванца к смерти. На рыночной площади в южной провинции Скания, где присутствовали торговцы из многих стран, его сожгли на костре, заставив держать в руках все письма, которые он присылал королеве.

Кальмарская уния связала три страны — но лист пергамента не мог перекрыть все расхождения между ними. Маргарита организовала даже заочную женитьбу своего подопечного: 8 декабря 1405 года Эрик был обвенчан в Вестминстерском аббатстве с дочерью Генриха IV Английского Филиппой. Невесте было 11 лет, жениху — 24. Эрик даже не присутствовал на церемонии, вместо него венчался особый заместитель.

Церковная церемония узаконила этот брак, но Филиппа оставалась в Англии до следующего лета. Она впервые увидела мужа, когда прибыла на свою новую родину; здесь их обвенчали повторно в Лундском соборе в Швеции 26 октября 1406 года. При этом присутствовала свита Филиппы — 204 человека, приехавшие из Англии, чтобы служить ей. Сохранилась опись ее приданного; в ней указано, что на отделку одежды ушло 23 762 беличьих шкурок⁹.

Союз с Англией должен был окончательно укрепить позицию Эрика как одного из самых великих монархов Европы. Но он не обладал ни энергией Маргариты, ни ее политическим чутьем. После ее смерти в 1412 году он стал повышать налоги, забросил государственные дела, в итоге его популярность в странах унии начала медленно, но неуклонно падать.

В 1434 году в Швеции разразился открытый мятеж; в 1436 году взялись за оружие люди в Норвегии. Эрику война была не по нутру. В 1438 году, забрав с собой королевскую казну, он бежал на остров Готланд и укрылся в тамошней крепости¹⁰.

В Дании избрали нового короля — сына сестры Эрика, Кристофера Баварского. Он был молод и неопытен, и его избрание означало, что реальный контроль над страной перешел в руки датской знати. Вскоре и Швеция согласилась признать его. Последней

дала согласие Норвегия. При этом сам Кристофер после коронации даже не появлялся в этой стране¹¹.

Правил он восемь лет, а затем умер, не оставив после себя ни сына, ни каких-либо выдающихся деяний. И уния рухнула. Швеция избрала представителя знати Карла Кнутсена, который когда-то возглавлял восстание против Эрика; датчане предпочли своего Христиана Ольденбургского. Норвежцы раскололись на три партии: одни хотели сделать королем кого-либо из потомков Хакона, другим нравился король Швеции, а третьим — датский правитель. В итоге датская партия победила, и Норвегия с Данией остались под одной короной. Однако шведы отделились и стали праждебны; великое достижение Маргариты просуществовало после ее смерти лишь одно поколение.

Глава 87

Восстание гуситов

Между 1388 и 1419 годами германские города восстают против своего короля, а в Богемии гуситы восстают против Церкви

Королю Германии Вацлаву IV было 27 лет; десятью годами ранее он унаследовал имперский трон от отца, императора Карла IV*. И почти все это время воевал с собственным народом. Чтобы гарантировать избрание сына, Карл IV незадолго до своей смерти в 1378 году раздал немалые денежные подарки князьям-выборщикам. Деньги на это Карл добыл, отдав в заклад ряд имперских городов в Швабии. Вацлав унаследовал и германскую корону, и недовольство горожан.

«Имперские» города основывались на землях, принадлежащих королям, либо вырастали вокруг имперских замков. Они напрямую подчинялись императорам Священной Римской империи, платили налоги прямо в королевскую казну, отчитывались только перед заместителями, которых назначал император, и присягали в верности одному императору. Никакие герцоги или курфюрсты не мог-

* Вацлав IV (1361–1419) из династии Люксембургов в качестве короля Германии (с 1376 года) носил имя Венцель, а в Чехии правил с 1378 года под именем Вацлава (Венцеслава). Поскольку в главе речь идет в основном о чешских делах, мы используем чешскую форму имени. (Прим. ред.)

ли потребовать от них налогов и подчинения, даже если город находился на их землях¹.

«Заложить» имперский город значило передать его под контроль другого лица за определенную плату; Карл IV продал право назначать членов магистрата и других гражданских чиновников крупному швабскому феодалу, графу Вюртембергскому — а это фактически отдавало заложенные города в полное подчинение графу². Город Ульм взбунтовался, к нему присоединились еще тринадцать городов. Они образовали Лигу — политический союз германских городов, с общей целью не допускать посторонних владетелей к своим делам и воспрепятствовать избранию молодого Вацлава императором.

Карл IV едва успел перед смертью в 1378 году начать борьбу с мятежным союзом; Вацлав провел следующие 10 лет, пытаясь принудить города к подчинению. Война со Швабской Лигой завершилась лишь в 1389 году весьма шатким соглашением, по которому Вацлав, в обмен на признание его власти и роспуск Лиги, согласился дать швабским городам ряд привилегий самоуправления — включая разрешение споров между «князьями и городами, участвующими в сем договоре» независимой комиссией*. По сути, «Земельный мир» (*Landfriede*), предложенный им, исключал образование новых союзов против императора: они объявлялись «противными самому Господу, империи и закону»³.

Швабские города, истощенные войной, согласились на эти условия. Но попытки Вацлава IV усмирить страну оказались в конечном счете бесплодными. Если первые десять лет правления он

* На самом деле войну со Швабской Лигой вел вовсе не император — напротив, перед смертью Карл VI де-факто оказался ее союзником. Главной целью Швабской Лиги (первоначально союз был заключен на 4 года) являлась борьба непосредственно с графом Ульрихом Вюртембергским, который был разбит армией Лиги при Ройтлингене в 1377 году. Победа эта высоко подняла престиж Лиги: Карл IV, прежде относившийся к ней враждебно, теперь завязал с ней контакты, а к Лиге начали присоединяться другие города. Когда в 1381 году ситуация вновь обострилась, новый король Вацлав IV встал на сторону городов — более того, в 1384 году Лига согласилась считать его своим номинальным главой. За это в 1387 году князья попытались низложить Вацлава и избрать другого короля. К 1388 году конфликт достиг пика, и 23 августа 1388 года произошло сражение при Деффингене, где против армии Лиги выступил Эберхард Вюртембергский, пфальцграф Рупрехт, бургграф Фридрих Нюрнбергский и другие крупные феодалы. Лига потерпела поражение, и теперь Вацлав выступил как инициатор примирения: он распустил Лигу и побудил большую часть ее членов принять участие в заключении мирного договора, который и был подписан 5 мая 1389 года. (*Прим. ред.*)

потратил на борьбу с имперскими городами, то второе десятилетие прошло в усмирении мятежей, поднятых германскими герцогами. Им не нравились способы, которыми король добывал деньги (например, признание Джан Галеаццо Висконти, сеньора Милана, герцогом в обмен на солидную взятку); их раздражало его обращение с духовенством (в ходе конфликта с архиепископом Пражским он бросил служащих архиепископа в тюрьму); они порицали его за неумеренное пьянство; они жаловались на то, что Вацлав развел бюрократию в управлении империей⁴. Одним словом, им решительно нужен был другой король. Как отмечал в XVI столетии политик и философ Макиавелли,

«Города Германии обладают обширными вольностями, они... подчиняются императору, когда пожелают, не боясь, что он или кто-то другой нападет на них, ибо города защищены стенами и глубокими рвами, снабжены артиллерией и припасами на год, так что осада их была бы делом долгим и мучительным».

Макиавелли не упомянул, что города привыкли сами распоряжаться своими делами и не были склонны подчиняться лишь потому, что так положено⁵.

Вацлав предоставил князьям повод выступить против него, когда попытался воссоединить расколотое напство. Раскол длился уже второе поколение: папа Бонифаций IX, уроженец Неаполя, сменил Урбана VI в Риме, а на престол в Авиньоне после Климента I взошел арагонец Бенедикт XIII. Религиозный конфликт дополнялся политическим: безумный король Франции поддерживал авиньонского папу, а германский король — римского.

В 1398 году Вацлав IV договорился о встрече с Карлом VI в Реймсе, традиционном месте коронации французских королей, чтобы найти компромисс. Накануне вечером он слишком много выпил, и наутро его пришлось расталкивать, чтобы он не опоздал на заседание; тем временем у Карла VI появились признаки приближения припадка. И все-таки похмельный германский король и рассеянный французский монарх нашли решение: они попросят обоих пап отречься, а затем будет избран новый, единственный.

Бонифаций IX нанес ответный удар. Он пообещал дать германским курфюрстам полномочия для низложения их короля, если они поддержат его самого на троне. Курфюрсты согласились. Им потребовалось некоторое время, чтобы подобрать преемника, но 20 августа 1400 года они собрались в замке Ланнек, где архиепи-

скоп Майнцский объявил, что Вацлав «бесплезен, ленив и лишен способностей», а посему более недостоин короны. Сразу же после этого собрание курфюрстов объявило новым королем Германии одного из их числа, пфальцграфа Рупрехта⁶.

Вацлав отказался признать себя низложенным, но в Германии у него оставалось мало сторонников, и он был вынужден переехать в Богемию. Там он продолжал править, однако за границы Богемии его власть не распространялась. В Германии же Рупрехт вскоре обнаружил, что унаследованные им проблемы не имеют готовых решений. После коронации в 1401 году он направился в Италию, чтобы укротить Джан Галеаццо Висконти, ныне герцога Миланского — но войска Висконти остановили имперскую армию в Брешии, и на следующий год Рупрехт ни с чем вернулся домой. Здесь его ждали те же мятежи, жалобы и интриги, что и его предшественника.

В то же время укрывшийся в Богемии Вацлав не успел еще опомниться от бунта имперских городов и козней герцогов, как на него обрушилась новая напасть: народное восстание в поддержку чешского священника Яна Гуса. И хотя у последователей Гуса было куда меньше сил, чем у герцогов Германии или имперских городов Швабии, гуситы оказались опаснее и тех, и других.

Яну Гусу, священнику и ученому, было чуть больше тридцати. Этот ректор Пражского университета и последователь Джона Уиклифа стал теперь духовным лидером широкого народного движения*. Сам Уиклиф ненадолго пережил крестьянское восстание 1381 года. В те годы он посвятил себя грандиозной задаче перевода Библии с латыни на английский язык. Этот труд имел отчетливую антицерковную направленность, которая проистекала из убеждения Уиклифа в том, что «никакой простой, но разумный человек не должен бояться изучать тексты Священного писания». Гордыня и алчность английского духовенства, доказывал Уиклиф, ослепляют клириков и не дают постичь истинный смысл слова божьего, однако Новый Завет «открыт для понимания простых людей»⁷.

Переводом Уиклиф занимался не в одиночку. Другие английские ученые, разделяющие радикальные взгляды Уиклифа, также участвовали в этой работе. Но и противников у них хватало. «Его

* В 1396 году Ян Гус получил степень магистра искусств и начал читать лекции. В 1400 году он принял священство и вскоре стал деканом философского факультета. Почти одновременно он начал проповедническую деятельность. Ректором Пражского университета он был в 1402–1403 и 1409–1410 годах. (Прим. ред.)

стараниями Писание стало общедоступным, теперь его проще читать мирянам, и даже женщинам, чем прежде клирикам, прошедшим основательное обучение... Таким образом, жемчуг Евангелия брошен под ноги свиньям... а сокровище духовенства превратилось в забаву профанов», — возмущался английский аббат Генри Найтон после публикации «Библии» Уиклифа⁸.

Уиклиф продолжал писать и проповедовать; между прочим, он утверждал, что учение церкви о пресуществлении (трансформации хлеба и вина при обряде причастия в тело и кровь Христову) не соответствует Писанию и является идолопоклонством. «Мы поклоняемся ложному богу в чаше... [ибо] сие таинство есть не более чем символ... события прошедшего либо грядущего», — писал он. Это был еще один камень в огород духовенства, которое претендовало на исключительность своего права обращаться со священным телом и кровью: согласно Уиклифу, к хлебу и вину, воспринимаемому как символ прошедшего события, мог быть причастен кто угодно. Уиклиф осуждал практику индульгенций как «огромное кощунство» — поскольку папа, обещая грешникам, что их проступки будут прощены, присваивал себе власть Христа⁹.

К моменту безвременной смерти проповедника от инсульта в 1384 году у него уже было много сторонников среди англичан, и не только бедноты, но и рыцарей. Их прозвали «лоллардами»; Томас Уолсингем, не являвшийся сторонником идей Уиклифа, называет их «ненасытными волками, которые заражают людей своим мерзким учением»^{*10}. В 1401 году Генрих IV одобрил постановление парламента, запрещающее английским подданным приобретать «Библию» Уиклифа, так как она «противоречит католической вере». Всякий, кто будет проповедовать, не имея на то разрешения Церкви, подлежал аресту и суду. Лолларды в документе не упоминались — но он по факту лишил их возможности высказывать свои убеждения под страхом смерти.

Идеи Уиклифа привели к расколу церкви и по другую сторону Ла-Манша. В 1403 году Пражский университет осудил его учение; когда Гус продолжил защищать Уиклифа и даже перевел часть его

* Движение лоллардов (от голландского «бормочущий») возникло из религиозно-благотворительных братств, появившихся в начале XIV века в Германии и Нидерландах. Большая группа фламандских ткачей-лоллардов укрылась от преследований в Англии, где они оказали влияние на движение Уиклифа и примкнули к восстанию Уота Тайлера. Их представителем был упоминавшийся выше Джон Болл. После подавления восстания лолларды подверглись преследованиям и вынуждены были бежать обратно на континент. (Прим. ред.)

Карта 87.1. Гуситские войны

труда для студентов университета, Гуса уволили с должности. В 1409 году «виклифизм» был окончательно осужден папской буллой — что подразумевало сожжение всех книг английского проповедника и запрещение всех его идей. Но правомочности самой этой буллы была сомнительной. Она была издана не в Риме и не в Авиньоне, а в Пизе, где наконец-то собралась коллегия кардиналов и решила низложить обоих соперничающих пап в пользу третьего, компромиссного кандидата — францисканца Александра V. Осуждение Уиклифа было одним из первых актов Александра V.

К сожалению, ни один из двух прежних пап не пожелал уйти со сцены. Так сложилась чрезвычайно неловкая ситуация: на западе было теперь *три* папы. Вацлав, все еще король Богемии, решил признать настоящим папой Александра V. Соответственно, булла

против виклифизма, обнародованная в Богемии в марте 1410 года, произвела в стране резкие изменения. Ян Гус вместе с несколькими другими последователями Уиклифа лично обратились к архиепископу Пражскому: они принесли свои экземпляры сочинений Уиклифа и заявили, что книги эти стоили им «великих трудов и денег», и в них содержится много ценных мыслей. Сжигать их нелено: «Так рассуждая, мы должны были бы сжечь и произведения Аристотеля, и комментарии Аверроэса, и сочинения Оригена». Архиепископ их обращение проигнорировал и велел развести костер. Было сожжено не менее двухсот книг, несмотря на протесты их владельцев; через два дня архиепископ отлучил от церкви и Гуса, и его коллег¹¹.

Самоуправство архиепископа не пришлось по душе большинству жителей Праги — особенно когда прошел слух, что он велел сжечь с наиболее ценных книг золотые оклады и застежки и присвоил их. На улицах пели:

*Епископ книги сжег, не зная,
что в них написано вообще!*

Группы горожан врывались в церкви и прогоняли священников от алтарей. Гус отнюдь не способствовал прекращению беспорядков, произнеся проповедь, в которой намекал, что в архиепископа вселился Антихрист. Вацлав IV попытался ослабить напряжение, приказав архиепископу возместить стоимость сожженных книг*. Тем временем Александр V, пробыв на своем посту всего 10 месяцев, скоропостижно скончался — что позволяло королю Богемии на некоторое время отойти в сторону, чтобы понять, куда дует ветер¹².

Ветер действительно переменялся. Преемник Александра V в Пизе, Иоанн XXIII, подтвердил отлучение Гуса и бестактно заявил, что вся Богемия «поражена ересью». Это огульное обвинение его королевства возмутило Вацлава. Он велел Гусу покинуть Прагу — но отказался применять против него какие-либо другие меры.

* Упомянутая булла была единственным серьезным актом папы Александра V (1339–1410). Но описанные здесь события произошли через два года после его смерти. Проповеди Гуса отвечали и требованиям бюргерства, стремившегося к «дешевой» церкви, и импонировали дворянству, недовольному немецким засильем в Богемии (Чехии). Поэтому сначала король Вацлав IV стал на сторону Гуса. Но когда в 1412 году Гус выступил против продажи папских индульгенций, Вацлав IV отказался дальше поддерживать опасного еретика, так как это наносило удар по его международному престижу, и без того слабому. (Прим. ред.)

В итоге Гус продолжил писать и проповедовать, живя вдали от столицы; он доказывал, что папа не является наследником святого Петра и осуждал индульгенции. Следующие два года число его сторонников неуклонно возрастало¹³.

Тем временем по другую сторону богемской границы тоже происходили перемены. Рупрехт, король Германии, умер в 1410 году, проведя на троне десять тяжелых и бесплодных лет. Курфюрсты пререкались из-за очередного кандидата до 1411 года, пока наконец остановились на Сигизмунде, короле Венгрии (после смерти его жены-королевы), уцелевшем в битве при Никополе в 1396 году. Сигизмунд был младшим сыном императора Карла IV и братом Вацлава IV, он уже давно продвигался ближе к центру международных интриг. Ему исполнилось 43 года. Хронист XV века Эней Сильвий, будущий папа Пий II, описывает его так:

«Высокий, ясноглазый, с широким лбом, приятным румянцем на щеках и с длинной густой бородой. У него был развитой ум, он строил много планов, но быстро их забывал... остроумный собеседник, любитель вина и женщин, о котором рассказывали тысячи любовных историй... Он давал много обещаний, но мало их исполнял и часто обманывал»¹⁴.

Рассчитывая одновременно вернуть Богемию, укротить Италию и и разрубить узел тройного папства, Сигизмунд использовал свой авторитет как короля Германии, чтобы собрать международное совещание служителей церкви. Для этого ему было достаточно заручиться согласием хотя бы одного папы. Иоанн XXIII одобрил идею — возможно, он надеялся, что Собор низложит обоих его конкурентов.

Организация Собора заняла несколько лет. Он собрался в германском городе Констанц в 1414 году, за два дня до праздника Всех Святых. Сюда прибыло около четырехсот высокопоставленных участников: архиепископы, аббаты, приоры и священники. Однако гораздо больше было университетских ученых, ректоров и послов от всех дворов Европы.

Собор должен был рассмотреть две основные проблемы: распространение ереси Уиклифа и скандальное троепапство. И то, и другое было как теологическим казусом, так и академической, и политической головоломкой. Констанц был переполнен — ведь кроме свиты прелатов, сюда слетелись сотни торговцев, шутов, жонглеров, фокусников, музыкантов, цирюльников и проституток.

На улицах царило веселье, далекое от церковного благочестия: «Швабы говорят, — ехидно заметил Ян Гус, — что на очистку Констанца от всех грехов потребуется лет тридцать». Один местный житель подсчитал, что во время заседаний Собора в городе набралось семьдесят тысяч приезжих¹⁵.

Первое же заседание было посвящено проблеме Яна Гуса. Его вызвали, чтобы он попробовал отстоять свои убеждения. Сам Гус, видимо, полагал, что участники Собора не одобряют его лишь потому, что неверно истолковали то, чему он учит. В этом его убедила и Сигизмунд, который от своего имени пообещал Гусу безопасность: приехав в Констанц, он сможет свободно уехать. *«Имея грамоту вашу и зная, что вашего величества защита мне предоставлена, [я] появлюсь на Соборе, — писал Гус в ответ королю. — И никогда не проповедовал втайне, всегда говорил открыто... посету я желаю быть услышанным не в узком кругу, а перед большим собранием... И бояться мне не придется»*¹⁶.

Гус прибыл в Констанц в начале ноября 1414 года; он сообщил друзьям в Богемию, что приняли его учтиво (но отметил, с долей беспокойства, что квартира и питание в Констанце гораздо дороже, чем он ожидал). Но, пока он готовился к выступлению, его дом был оцеплен солдатами. Коллегия кардиналов решила обращаться с ним не как с гостем, а как с еретиком¹⁷.

Его поместили в сырую камеру местного монастыря, рядом с отхожим местом, и вскоре у него началась тяжелая дизентерия. Сигизмунд, узнав о произведенном аресте, возмущен нарушением обещанной им защиты. Затем, однако, он понял, что освобождение Гуса обозлит многих прелатов. В итоге он решил пожертвовать Гусом ради дела более важного — завершения Великой схизмы западства.

Гус провел в заключении долгие месяцы. «Пожалуйста, добудьте для меня Библию, — писал он друзьям, — а еще перья и небольшую чернильницу... И передайте с посыльным чистую рубашку»*.

* Обман Сигизмунда вскрылся, когда Гус только прибыл в Констанц — оказалось, что ему дали не охранную, а обычную подорожную грамоту. Гус выступил на Соборе почти сразу после приезда, в присутствии папы Иоанна XXIII и членов Собора; тут же против него выдвинули обвинение в ереси. Но лишь через месяц, в декабре 1414 года он был арестован и заключен в одной из комнат местного дворца. На жалобы чехов папа ответил, что он лично ничего никому не обещал и не связан обещанием, которое дал император. Вскоре Иоанн XXIII бежал из Констанца, так как Собор потребовал его отречения. Это резко ухудшило положение Гуса: раньше он содержался относительно почетно как пленник папы, а теперь был передан констанцскому

Хронологическая таблица 87

Османь	Венгрия	Византия	Папство	Швеция, Дания и Норвегия	Германия и Священная Римская империя	Италия
	Людвиг Анжуйский (1342-1382)	Иоанн V (1341-1357)	Климент VI (1342-1352)	Вальдемар IV (1340-1375)		Петрарка увеенчан как поэт-лауреат (1341)
		Иоанн VI (1347-1354)			Карл Богемский (1346-1378)	
		Отречение Иоанна VI (1354)	Иннокентий VI (1352-1362)	Хакон (1355-1380)		Бернабе Вискон- ти, правитель Милана (1356-1385)
Смерть Сулей- ман-паши (1357)					Карл IV (император, 1355-1378)	
Мурад (1361/2-1389)			Урбан V (1362-1370)			
Захват Адриа- нополя (1365)				Альбрехт (1364-1389)		
			Папа возвра- щается в Рим (1367)			

Османь	Венгрия	Византия	Папство	Швеция, Дания и Норвегия	Германия и Священная Римская империя	Италия
		Иоанн V сдается Мураду (1373)	Григорий XI (1370–1378)			
			Климент VII (1378–1394) Урбан VI (антипапа) (1378–1389)	Олаф (II) (1376–1387)	Создание Швабской лиги (1376)	
	Мария (1382–1385)			Олаф (V) (1380–1387)	Венцель IV (1378–1400)	Битва при Кьодже (1380)
	Карл II Неапо- литанский (1386)					Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1401)
	Сигизмунд (1387–1437)			Маргарита (как регент) (1387–1412)		
Баязид I (1389–1402)		Слава Фила- дельфии (1390)		Маргарита (1389–1412)	«Земельный мир» (1389)	
		Мануил II (1391–1425)				
Осада Констан- тинополя (1394)				Слава Стокголь- ма (1395)		

Османы	Венгрия	Византия	Папство	Швеция, Дания и Норвегия	Германия и Священная Римская империя	Италия
Битва при Никополе (1396)				Кальмарская уния (1397)	Рупрехт (1400–1410)	
				Эрик (1412–1438)	Осуждение виклифизма (1409)	
					Сигизмунд (1411–1437)	
					Собор в Констанце (1413)	
				Мятеж против Эрика (1434)	Казнь Яна Гуса (1415)	
					Первая Пражская дефенестрация (1419)	
					Гуситские войны (1419–1434)	

Между тем Собор обратился к проблеме троепапства. Пизанский папа Иоанн XXIII, присутствовавший на съезде с самого начала, быстро понял, что духовенство настроено против него. В марте 1415 года он уехал; в отсутствие папы собравшиеся объявили его низложенным¹⁸.

Теперь нужно было разобраться с остальными двумя папами. Воинствующий римский папа Бонифаций IX умер девятью годами раньше, а его преемник Григорий XII всегда надеялся покончить со схизмой. На Соборе он сам предложил отречься — при условии, что одновременно отречется и папа в Авиньоне, Бенедикт XIII, после чего будет избран новый папа, которого признают все¹⁹.

Но Бенедикт наотрез отказался уходить. Сигизмунд вступил в переговоры со своими светскими союзниками, в первую очередь с королем Арагона, чтобы изыскать способы выдворить упряма из Авиньона. Но эта операция требовала времени и деликатности, а пока дело тянулось, Констанцкий собор вспомнил о Гусе. Продолжались дебаты и споры; только в июне Гусу позволили выступить. Но ни один из его аргументов не был признан. Ему предложили раскаяться — один раз, другой, — но он отказался. Наконец, 6 июля, Гуса привели в Констанцкий собор и осудили как еретика. Сразу же после этого Гуса доставили на площадку для казней, расположенную за стенами города. Там его приковали к столбу и обложили хворостом до самого подбородка. В последний момент Ян Гус крикнул: «Об истинах Евангелия я писал, учил и проповедовал! Ныне с радостью умру!» И тогда хворост подожгли. Никто из иерархов церкви на казни не присутствовал — они вернулись к своему главному занятию и возобновили дискуссию о папстве²⁰.

* * *

В конце концов Собору удалось ликвидировать раскол: король Арагона согласился поддержать низложение упорствующего авиньонского папы. В 1417 году кардиналы избрали единого папу, Мартина V, бывшего священником в Риме, и Собор одобрил его.

архиепископу, который посадил его на хлеб и воду. 12 мая сейм Чехии и Моравии направил Сигизмунду петицию с требованием освободить Гуса и дать ему слово на Соборе; позже такой же протест выразило чешское и польское дворянство, находившееся в Констанце. Чтобы удовлетворить их, Сигизмунд прямо на Соборе организовал слушание дела Гуса, которое проходило с 5 по 8 июня. Несмотря на вынесенный ему смертный приговор, 1 июля Ян Гус направил Собору послание, в котором окончательно отказался отречься от своих убеждений. Это предредило его судьбу. (Прим. ред.)

Завершив свои труды, участники съезда стали мало-помалу разъезжаться; послы, священники, профессора и проститутки возвращались по домам.

Но Яна Гуса не забыли. Узнав о гибели учителя, его последователи в Богемии начали вооружаться и собираться в отряды: это были уже не сторонники идей Уиклифа, а *гуситы* — движение, быстро набирающее силу и обретающее форму народной армии. В начале 1418 года новый папа Мартин V отлучил от церкви всех последователей Гуса и заставил короля Вацлава начать против них репрессии — угрожая при отказе объявить его противником истинной Церкви.

Вацлав решил арестовать тех пражских священников, которые допускали к евхаристии мирян, что соответствовало принятым гуситами радикальным идеям Уиклифа. Увы, с гуситами Вацлаву повезло ничуть не больше, чем с имперскими городами. Карательные меры привели к бунту: в июле 1419 года гуситы вышли на улицы Праги, ворвались в ратушу и потребовали от чиновников освобождения арестованных священников*.

Завязалась драка, в ходе которой гуситы выбросили из окон тринадцать служащих магистрата. Семеро из них были убиты внизу, на площади. Вскоре после этого король Вацлав умер — говорили, будто от потрясения, но вероятнее от острого алкогольного отравления. Его брат Сигизмунд по праву наследования тут же присоединил Богемию в качестве княжества к своей германско-венгерской империи. Затем он приступил к подавлению движения гуситов — но инцидент в ратуше (позднее названный «Первой Пражской дефенестрацией») оказался лишь первым актом долгой и кровавой борьбы между имперскими войсками и народным движением. Ожесточенные Гуситские войны продлятся двадцать лет, они станут явной демонстрацией того факта, что власть императора, короля, папы и Церкви более не свята²¹.

* Проведение обряда причастия и хлебом, и вином было важнейшим обрядом для гуситов. Король Вацлав разрешил проводить его в трех пражских костелах, и туда стали собираться гуситы со всей Чехии. Несколько из них участвовали в беспорядках на улицах Праги и были посажены в тюрьму по решению городского магистрата. После утренней мессы 30 июля 1419 года прихожане во главе с гуситскими священниками направились к Новоместской ратуше с требованием освободить арестованных. Когда процессия приблизилась к зданию, в Святые дары, находившиеся в процессии, попал брошенный из окна ратуши камень. Этот инцидент вполне мог быть случайностью — но очень уж он напоминает традиционную для нашего времени стрельбу «неизвестных снайперов» по и без того возбужденной демонстрации. (Прим ред.)

Глава 88

Завоевание Франции

Между 1401 и 1420 годами король Англии наконец завоевывает Францию

Генрих IV восседал на троне Англии. Свои права на английскую корону он доказывал всеми возможными способами, перечисляет Фруассар: *«во-первых, по праву завоевания, во-вторых, по праву наследования; и в-третьих, в силу того, что король Ричард искренне и добровольно отрекся от нее... К тому же парламент объявил, что желает видеть на троне именно его»*¹.

Эти настойчивые заявления создают ощущение неуверенности. Генрих унаследовал право на корону от отца — Джона Гонта, старшего из сыновей Эдуарда III, живших на момент смерти короля. Гонт мог заявить, что у него имеется преимущество перед Ричардом, сыном его умершего брата, однако он этого не сделал. Других правомочных претендентов на трон в Англии было достаточно, так как до зрелого возраста дожили пятеро сыновей Эдуарда III, и у всех имелось потомство. Самой сильной была позиция Эдмунда Мортимера, графа Марча: его мать Филиппа была единственной дочерью второго сына Эдуарда, Лионеля Антверпенского. Как и Черный принц, Лионель умер раньше отца — но Филиппа была старше Генриха IV. Она была наследницей Ричарда II, а после ее смерти в 1382 году право перешло к сыну.

В результате фактическое положение Генриха IV было шатким, несмотря на его популярность в народе. Первые же годы его правления выдались особенно бурными. Уэльс являлся частью английской империи уже более столетия — но теперь зажиточный валлийский фермер по имени Оуэн Глиндур, воспользовавшись слабостью позиции Генриха, призвал своих соплеменников к борьбе за независимость*. В начале 1401 года он стал нападать на англи-

* Оуэна Глиндура (Owain Glyndur, род. ок. 1349) вряд ли можно назвать «фермером». Он был сыном богатого землевладельца из знатного рода, потомка валлийских принцев. Оуэн получил хорошее образование, с 1384 года состоял на военной службе у короля Англии, участвовал в ряде важных событий, повидал мир и приобрел богатый опыт. Первоначальным поводом к восстанию была личная распря Оуэна с одним из английских лордов. Борьбой за независимость этот конфликт стал через год. О судьбе Оуэна после 1412 года точных сведений нет. От королевской амнистии он отказался. Несмотря на обещанную огромную награду, его никто не схватил и не выдал. (Прим. ред.)

чан, живущих на севере Уэльса. Генрих отправил туда карательный отряд во главе со своим старшим сыном, но Оуэн продолжал причинять англичанам «значительный ущерб»². А затем Генрих IV принял ряд ошибочных решений.

Несмотря на все усилия Генриха, по стране поползли слухи о том, что Ричард II жив. В противостоянии с валлийцами особых успехов не наблюдалось, и шотландцы решили, пользуясь случаем, начать вторжение на севере. Тем временем Эдмунд Мортимер, хотя вождественная корона ему и не досталась, честно сражался за английское дело против валлийцев. В одном из боев с войсками Оуэна Глиндур он попал в плен. Генри Перси, зять Мортимера, возглавлявший в тот момент борьбу с шотландцами, предложил королю выкупить Эдмунда из рук Оуэна. Но Генрих IV этого не позволил. Он решил, что предпочтительнее держать потенциального соперника подальше от английского двора. Это не могло не возмутить и Мортимера, и Генри Перси, которые до того были верными сторонниками Генриха IV.

Оуэн Глиндур великолепно сыграл на их чувствах. Он отпустил Мортимера на свободу, дал ему в жены свою дочь Кэтрин и заключил с Мортимером и Перси союз: они помогут ему добиться независимости от Англии, а он поспособствует Мортимеру в получении английского трона.

Ошибки Генриха IV привели к тому, что мятеж в Уэльсе перерос в гражданскую войну, не утихавшую еще десять лет. Генри Перси, прозванный «Хотспер» («Горячая шпора») за привычку сперва действовать, а потом думать, погиб почти сразу: в разгар отчаянной битвы с королевскими войсками при Шрусбери в июле 1403 года он приподнял забрало своего шлема, чтобы глотнуть свежего воздуха, и тут же чья-то стрела попала ему в рот. Мортимер дожил до 1409 года, когда королевские войска осадили его в замке Харлех; из-за нехватки еды в замке начался голод, и Эдмунд умер еще до завершения осады, в январе — от истощения, или же от чумы. Его жена, дочь Оуэна, и четверо детей также находились в Харлехе*. После того, как замок капитулировал, их всех увезли в лондонский Тауэр, где Кэтрин, ее единственный сын и двое дочерей умерли от некоей болезни³.

* Замок Харлех (Harlech) был построен в 1282–1289 годах во время вторжения Эдуарда I Английского в Уэльс. В 1294–1295 годах его гарнизон выдержал осаду в ходе мятежа Мадоба ап Ливеллина. В 1404 году Оуэн Глиндур взял Харлех и сделал его своей резиденцией и штаб-квартирой, пока англичане вновь не захватили Харлех в 1409 году. (*Прим. ред.*)

Восстание, начатое Оуэном Глиндуром, пережило их всех. Оно все еще не угасло, когда в марте 1413 года Генрих IV умер после пяти лет ужасной болезни, сопровождавшейся «гниением плоти, высыханием глаз и внутренних органов» — возможно, это была одна из форм проказы⁴.

* * *

Те же десять лет не принесли ничего хорошего и Карлу VI. Припадки безумия случались все чаще и длились дольше. Некому было держать любимых родственников в узде, и братец Людовик Орлеанский вовсю враждовал с дядюшкой, 70-летним герцогом Бургундским: каждый хотел управлять безумным королем и, соответственно, Францией.

В 1404 году герцог Бургундский умер, и вражда по наследству перешла к его сыну Жану, участнику битвы при Никополе, недавно выкупленному из турецкого плена. Новый герцог быстро приобрел и власть, и популярность. Он сумел устроить брак своей 11-летней дочери с юным дофином Людовиком, сыном и наследником Карла VI: несмотря на припадки, Карла женили в семнадцать лет, и к 1404 году его жена Изабо подарила ему восьмерых детей. *«В то время король и его парижские советники установили весьма тяжелый налог для всех жителей Франции, но герцог Бургундский был против этого, что принесло ему всеобщую признательность королевства»*, — пишет хронист Ангерран де Монстреле⁵.

Понятно, что эти демарши лишь распалили «глубокую ненависть» герцога Орлеанского к кузену, и в течение следующих трех лет они беспрестанно состязались за власть: подкупали граждан Парижа подачками на общественные нужды и снятием налогов, выпрашивали у короля особые привилегии, требовали поручить им командование различными экспедициями против врагов Франции.

23 ноября 1407 года, в день праздника святого Климента, поздно ночью на герцога Орлеанского, проезжавшего по улицам Парижа, напала шайка вооруженных людей. Его стащили с коня и забили до смерти с такой жестокостью, что наутро слугам пришлось соскребать с камней мостовой остатки мозгов, чтобы похоронить вместе с телом; они также нашли правую руку герцога, отрубленную убийцами⁶. Подослал их герцог Бургундский — как выяснилось вскоре, когда наемники вздумали похвастаться своим подвигом. «С этого начались ужасающие распри, — сообщает Монстреле, — длившиеся долго и приведшие королевство на грань полной гибели и распада». Опасаясь ареста, герцог Бургундский бежал из

Парижа в свои владения. Но даже когда обнаружилась правда о злодейском убийстве, это не поколебало его популярности. «Парижане невзлюбили герцога Орлеанского, ибо они знали, что именно он ввел те налоги, которые так их угнетали, и говорили между собою тайком: „Суковатую дубинку обтесали”», — добавляет Монстреле⁷.

Ранней весной герцог Бургундский дерзко вернулся в Париж и с помощью известного богослова Жеана Пети организовал публичное обоснование своего преступления. Расправа с родичем, хором доказывали оба Жана, была не преступлением, а устранением тирана, то есть деянием и этичным, и справедливым. В защиту этого толкования Жеан Пети прибег к силлогизму (на подробное доказательство которого потребовалось четыре часа).

Исходная посылка: убить тирана — дело допустимое и почетное.

Аргумент: герцог Орлеанский был тираном.

Вывод: следовательно, герцог Бургундский поступил хорошо, убив его⁸.

Логике Аристотеля нашлось новое применение.

Карл VI, стремясь сохранить мир в Париже, на следующий же день даровал кузену прощение. Возмущенные сторонники герцога Орлеанского, возглавляемые вдовой покойного, тут же образовали антибургундскую партию, которая сплотилась вокруг сына и наследника, 14-летнего Карла, нового герцога Орлеанского. И Орлеанский, и Бургундский дом изготовились к гражданской войне⁹.

В 1410 году юный Карл Орлеанский женился на дочери графа Арманьяка, и граф стал лидером антибургундской партии. С тех пор сторонников Орлеанского дома прозвали «арманьяками»; они представляли запад и юг страны, в их число входили герцоги Берри и Бурбон, а также коннетабль Франции. Бургундцев поддерживали на севере и востоке.

Силы обеих партий были равны, и обе рассчитывали на поддержку нового английского короля, чтобы равновесие нарушилось в их пользу.

* * *

Генрих V короновался в Вестминстере 9 апреля 1413 года, под аккомпанемент внезапно налетевшей бури, которая хоронила под снегом целые дома, губила животных и людей, захваченных врасплох. В Лондоне поговаривали, что это — знамение: новый король будет «деятельным, хладнокровным и суровым»¹⁰. Ему было двадцать семь; годы войны с Мортимерами и валлийцами наделили его

шрами от ран и богатым опытом. Почти одновременно к английскому двору прибыли два посольства, от арманьяков (к которым теперь принадлежал сам король Карл VI) и от герцога Бургундского: оба просили о «подкреплениях» в их борьбе с соперником¹¹.

Генрих V проявил желание помочь. Он предложил арманьякам сделку: он разобьет герцога Бургундского в обмен на корону Франции, руку дочери короля Екатерины и приданое в два миллиона крон. В то время годовой доход зажиточного рыцаря составлял около 150 крон — то есть затребованная сумма равнялась более чем 13 000 лет среднеобеспеченной жизни*.

По сути, это было не предложение помощи, а подстрекательство к войне. «Таким образом, надеждам на мир не суждено было сбыться», — пишет Томас Уолсингем в своей «Большой хронике». Родовая распря Валуа открыла путь английскому вторжению¹².

К лету 1415 года Генрих V собрал нужное количество судов, солдат, боевых машин, оружия и провианта, чтобы возобновить войну во Франции. Он высадился в Нормандии 15 августа, имея в своем распоряжении почти 1500 кораблей, больших и малых; они блокировали побережье, пока король на суше осаждал береговую крепость Арфлер. Его армия, по словам Монстреле, состояла из 6 тысяч пехотинцев и 23 тысяч лучников; по более реалистическим оценкам, последних было около 10 тысяч — но длинные боевые луки оставались самым грозным оружием, имевшимся в распоряжении английских королей.

Арфлер продержался месяц; но англичане обстреливали его стены из пушек днем и подкапывались под них по ночам, в конце концов город сдался. Однако к этому моменту в английских шатрах уже прочно обосновалась дизентерия. Тысячи умерли, многие были вынуждены возвратиться в Англию. Когда Генрих V принимал капитуляцию Арфлера, от его войска мало что осталось. Он решил увести в Кале 8 тысяч лучников и пехотинцев, «многие из коих [еще] не оправились от дизентерии»¹³.

Французы отреагировали не сразу: советники короля никак не могли договориться между собою, а бургиньоны и арманьяки не желали сражаться бок о бок. В результате то войско, которое наконец выступило навстречу англичанам, состояло почти исключительно из арманьяков; герцог Бургундский пообещал явиться, но

* При тогдашней средней продолжительности жизни рыцаря это означало пожизненное содержание для примерно 250 рыцарей, со всеми их семьями и домочадцами. В принципе, не так много — однако следует учесть, что сумма требовалась сразу же. (Прим. ред.)

Карта 88.1. Битва при Азенкуре

сдержать слово не спешил¹⁴. Обе армии сошлись 24 октября близ леса Азенкур. В ту ночь войска стали лагерем на расстоянии слышимости друг друга: французы «полные сил и сытые», немногочисленные англичане (как минимум один на три противника) — «изможденные, слабые, страдающие от голода и даже от нехватки питьевой воды»¹⁵.

Следующим утром французы предложили начать переговоры — но Генрих V приказал своим людям атаковать. Первый же залп английских лучников, отлично согласованный, смел передний ряд французов, как лавина; лошади из второго ряда, частично раненные и все испуганные, развернулись и врезались в плотные ряды солдат. Другие оскальзывались в грязи — поле было недавно вспахано под озимь — и сбрасывали своих всадников. Английские пехотинцы двинулись вперед, орудуя «мечами, секирами, клевцами и алебардами», убивая врагов тысячами. «Так почти полностью погиб лучший цвет французского рыцарства», — пишет Уолсингхем. Среди тех, кто остались живы, но попали в плен, был и сам герцог Орлеанский¹⁶.

При Азенкуре полегло около восьми тысяч французских солдат, если не больше. Английские хроники уверяли, будто Генрих V потерял всего 27 человек, Ангерран де Монстреле дает более прав

доподобную цифру — 1600. В любом случае, для французов это было сокрушительное поражение, для англичан — блестящая победа¹⁷.

Но как ни ярок был триумф при Азенкуре, французской короны он Генриху не принес. Продолжать кампанию с измотанным и ослабленным войском было невозможно, поэтому Генрих V, даже не попытавшись пойти на Париж, отвел своих солдат и пленников в Кале и отправился домой; в Лондоне его приветствовали как «короля Англии и Франции».

Накануне битвы при Азенкуре граф Арманьяк был пожалован званием коннетабля Франции — но его высокомерие и самодурство вызывало все большую неприязнь в Париже. Вскоре здесь начались беспорядки, в ходе которых поплатился жизнью и он сам, и десятки его приспешников. Тем временем герцог Бургундский вступил в тайные переговоры с английским королем, обсуждая идею замены беспомощного и безумного Карла VI королем из дома Ланкастеров. Однако переговоры по поводу соглашения с англичанами были прерваны убийством герцога наемниками арманьяков¹⁸.

В 1417 году Генрих V, собрав новое войско, вернулся для завоевания Нормандии. Руан пал 19 января 1419 года; он принадлежал Франции двести лет, со времен катастрофического правления короля Иоанна, и его потеря подорвала моральный дух французов¹⁹. В конце 1419 года новый герцог Бургундский, 23-летний Филипп Добрый, сумел убедить Карла VI в необходимости компромисса. Карл останется на троне Франции, но Генрих будет при нем регентом, и Генрих же, а не юный дофин, станет наследником короля. Английский король женится на принцессе Екатерине — тем самым гарантируя, что внуки Карла VI все-таки будут править Францией²⁰.

Карл VI, усталый, больной и плохо соображающий, согласился. В мае 1420 года в Труа был подписан договор, положивший конец «любым разногласиям и войнам» между двумя странами. Спустя две недели Генрих и Екатерина были обвенчаны здесь же. Их медовый месяц длился ровно сутки — после чего Генрих V вновь отправился на войну.

По договору в Труа была ему обещана Франция — однако после многих лет правления некомпетентных и алчных личностей Карл VI сохранил контроль лишь над небольшой частью своей державы. Он отдал страну сопернику, но теперь Генриху предстояло завоевать ее.

Хронологическая таблица 88

Франция	Англия и Уэльс	Германия и Священная Римская империя	Италия	Швеция, Норвегия, Дания
Иоанн II (1350–1364)				
Жакерия (1358)		Карл IV (император, 1355–1378)	Бернабе Висконти, правитель Милана (1356–1385)	Хакон (1355–1380)
Договор Бретиньи (1360)				
Карл V (1364–1380)				Альбрехт (1364–1389)
Разорение Лиможа (1370)				
Битва при Ла-Рошели (1372)				
	Смерть Черного принца (1376)	Создание Швабской лиги (1376)		Олаф (II) (1376–1387)
	Ричард II (1377–1399)			
Карл VI (1380–1422)	Крестьянское восстание (1381)	Венцель IV (1378–1400)	Битва при Кьодже (1380)	Олаф (V) (1380–1387)
Смерть Людовика Анжуйского (1384)			Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)	
				Маргарита (регент, 1387–1389)

Франция	Англия и Уэльс	Германия и Священная Римская империя	Италия	Швеция, Норвегия, Дания
Перемирие между Англией и Францией (1396)		«Земельный мир» (1389)		Маргарита (1389–1412)
	Изгнание Генриха Болингброка (1398)			Сдача Стокгольма (1395)
	Генрих IV (1399–1413)			Кальмарская уния (1397)
	Мятеж Оуэна Глиндурра (1401–1415)	Рупрехт (1400–1410)		
Убийство герцога Орлеанского (1407)		Осуждение виклифизма (1409)		Эрик (1412–1438)
Соперничество армян-яков с бургиньонами (с 1410)		Сигизмунд (1411–1437)		
		Собор в Констанце (1413)		
Битва при Азенкуре (1415)	Генрих V (1413–1422)	Казнь Яна Гуса (1415)		
Договор в Труа (1420)		Первая Пражская дефенестрация (1419)		
		Гуситские войны (1419–1434)		Мятеж против Эрика в Дании (1434)
				Мятеж против Эрика в Норвегии (1436)
				Кристофер (1440–1448)

Глава 89

После Тамерлана

Между 1401 и 1415 годами Тимур вновь завоевывает монгольскую империю, а его наследники раскалывают ее, в то время как османы не могут завоевать Константинополь

После разграбления Дели Тимур отступил в более прохладные объятия Самарканда, оставив разоренную сельскую местность Индии жариться под летним солнцем. Вскоре его посетили послы из Деккана. Султан Бахманидов, Фируз, был потрясен могуществом Тимура; его послы были еще сильнее поражены самим Самаркандом. Город некогда был разграблен Чингисханом, его население — перебито. Но он восстал из пепла и вернулся к процветанию. Тимур щадил архитекторов, художников и ремесленников, не казнил их и собирал в свою столицу для работы; в его руках Самарканд получил прозвище «Порог Рая».

Кастильский дипломат Руй Гонсалес де Клавихо, посетивший город к концу жизни Тамерлана, составил подробное описание его чудес: мечети и минареты, мощенные дворы и улицы, зеленые парки и мраморные дома. При Тимуре построили широкую торговую улицу, пересекавшую центр города, с рядами лавок по обеим сторонам. Каждая лавка была построена по единому образцу, с каменной скамьей для покупателей. Сама улица была крытой, и на ней устроили ряд фонтанов — это был первый в мире крытый торговый центр. На этой улице Гонсалес де Клавихо видел кожу и ткани из земель Руси, шелка и вышивки из Китая, рубины, бриллианты и жемчуг из Индии; мускатный орех, гвоздику и имбирь; дичь, птицу, хлеб и фрукты; коноплю и лен, серебро и медь, стекло и фарфор, ревень и мускус. Торговцев, приезжавших в город, было так много, что они разбивали лагерь вне стен, в палаточном городке на пятьдесят тысяч человек.

Дворец правителя Самарканда стоял внутри города, под двойной защитой его стен и реки, окружавшей город. Роскошный общественный сад был настолько огромным, что конь одного посла, сбежав там, блуждал в зарослях целых шесть недель, пока его не нашли¹.

Дипломаты Бахманидов, нагруженные дарами, умоляли монгольского воина об одолжении: не мог бы Фируз стать его вассалом? Тимур был удовлетворен. Он милостиво согласился и в ответ

отправил послание, что Фируз по его милости может править Мальвой и Гуджаратом.

Тимур не завоевал эти два небольших государства, которые провозгласили свою независимость после разрушения Дели. Фируз тоже их не завоевал — в действительности его соперник, султан Виджайянагары, на тот момент был занят созданием дипломатических отношений с обоими этими государствами. Но Фируз все равно согласился. Эти церемониальные танцы перед Тимуром на практике были бессмысленными — однако, подчинившись Тимуру, Бахманиды могли быть уверены, что он не двинется уничтожить их.

Тимур оставался вне Индии. В течение следующих нескольких десятилетий индийские государства будут вести бесконечные междоусобные войны за территорию, а султаны Дели будут продолжать свое призрачное существование в городе, который некогда был сердцем огромной империи².

* * *

Тимур вновь повернулся к западу, где две тюркских империи ждали встречи с ним: государство мамлюков в Египте и султанат тюрк-османовы.

После падения Ильханата султан Египта представлял главную власть на землях к востоку от Средиземного моря. Султанат Бахритов, созданный некогда воинами из гвардии правителя Айюбидов, уже увял; в 1390 году власть в Египте захватила новая династия мамлюков — Бурджиты. Они происходили из другого полка, изначально сформированного из кавказских черкесов*. Черкесские мамлюки давно смешались с тюрками, но сохранили собственное название. Аль-Захир Баркук, первый черкесский султан, правивший после Бахритов, устроил свою резиденцию в великой цитадели Каира, построенной еще при Саладине. Крепостные башни по-арабски называются «бурдж»; название династии Баркука произошло от этого слова — они стали Бурджитами, мамлюками Башни³.

* Черкесы (адыги) — группа народов Северного Кавказа, говорящих на разных диалектах адыгского языка (абхазо-адыгской группы). Сами себя именуют *адыгэ*, название «черкесы» («черкасы») — генуэзского происхождения и появилось в XIV веке; до этого на Руси, в Византии и Армении именовались *касогами*, в Европе с античных времен — *зихами*. Активно занимались торговлей рабами, в том числе из числа собственных соплеменников. Ислам запрещает обращать в рабство единоверцев; но поскольку среди черкесов он начал распространяться только в XIII–XIV веках, черкесские рабы-язычники широко использовались в тюркских и арабских государствах, особенно в Египте. (Прим. ред.)

Когда Баркук умер, власть формально перешла к его 11-летнему сыну Фараджу, за спиной которого правили его эмиры. Тимур отправил письмо в Каир, требуя, чтобы молодой султан отдал ему свои сирийские земли:

«Подумай о том, что ты и твои подданные должны выжить, иначе наши яростные солдаты обрушатся на народ Египта и Сирии, что приведет к беспощадной бойне, сжиганию и разрушению имущества. Если ты настолько упрям, чтобы отклонить мой совет, ты будешь нести ответственность за пролитие крови мусульман и полную потерю собственного государства»⁴.

Эмиры Фараджа отказались сдаться, более того — они усугубили проблему, разрубив посла Тимура пополам. В ответ Тимур двинулся к Алеппо. Воины из дюжины сирийских городов, подвластных Египту, поспешили в эту крепость, но Тимур сокрушил войско Бурджитов; его солдаты ворвались в город и устроили резню населения. После этого Тимур осадил Дамаск, где, застигнутый войной, оказался знаменитый путешественник и историк ибн Хальдун. Ему было около семидесяти лет; услышав, что он находится в городе, Тимур пожелал поговорить со знаменитостью. Защитники города не поверили обещанию Тимура, что его солдаты не ворвутся в город, если они откроют ворота, чтобы выпустить ибн Хальдуна. Вместо этого они спустили путешественника со стены в корзине.

Любопытство ибн Хальдуна привело его на встречу, но он не был спокоен: «Из-за страха, — писал он позже, — я заранее придумал слова, которые скажу, чтобы польстить ему, прославив его и его правление». Он ел и пил с великим человеком, восхваляя его, как «султана вселенной и правителя мира», и наблюдал, как слуги помогали Тимуру подойти к его коню; хромота вынуждала владельца подволакивать правую ногу, и он мог ходить только на небольшие расстояния⁵.

Ибн Хальдуну позволили покинуть Тимура с миром; впоследствии он вернулся в Каир. Дамаск же в конце концов сдался; Тимур ограбил город, после чего сжег его.

Однако вместо того, чтобы продвигаться дальше в Египет, он повернул в другую сторону и захватил Багдад; после чего отправился обратно на север, к землям османов.

* * *

Одержав победу при Никополе, Баязид все еще осаждал упрямое сопротивлявшийся Константинополь. Император Мануил сбегал из осажденного города по морю, оставив на время своего от-

сутствия племянника Иоанна VII в качестве регента; по мере приближения Тимура он отчаянно метался по странам Европы, умоляя дать ему людей, деньги и оказать помощь в противостоянии с турками. Но Мануилу не везло нигде. Великие короли были чем-то заняты, разорены, воевали в других местах или были безумцами.

Тимур сделал то, чего ранее не мог добиться никто: он спас Константинополь, заставив Баязида снять осаду. Вряд ли у Железного хромого были свои планы на Византию — он лишь стремился воссоздать старую империю монголов. Чингисхан и его преемники устрешили королей Европы, но они также установили монгольскую границу, за которую Тимур не собирался выходить. Он даже отправил к Иоанну VII двух послов (один был турок-мусульманин, другой — доминиканский священник), предупреждая, чтобы тот не заключал никаких перемирий с Баязидом, поскольку Тимур сам собирался напасть на османов с тыла⁶.

Войско Тимура прибыло на османскую территорию летом 1402 года и обложило осадой крепость Ангору (Анкару). К концу июля Баязид прибыл сюда со своим войском, чтобы отразить захватчиков. У Тимура было около 140 000 человек, у Баязида — около 85 000. На стороне Тимуридов сражалось множество тюркских племен, которых экспансия Османской империи вынудила покинуть родину и которые жаждали мести. На стороне османов находились сербские войска и вассал султана, король Стефан Лазаревич.

Тимур быстро доказал, что превосходит противника не только в численности армии, но и в стратегических талантах. Он разбил свой лагерь таким образом, чтобы не подпускать османов к ближайшим водоемам, в итоге солдатам султана пришлось идти в бой, страдая от жажды. Тимур планировал повторить огненную атаку, которая так хорошо сработала в Дели: у него имелось 32 специально обученных слона, со спин которых запускался «греческий огонь»* — струи горящей жидкости (вероятно, на основе серы), которые было невозможно погасить⁷.

Битва началась рано утром 28 июля и продолжалась весь день; к вечеру османские войска были разгромлены, а сам Баязид с двумя сыновьями взят в плен. Тимур сразу же отправил Иоанну

* В «классической» Византии «греческим огнем» именовалась нефть с добавлением особого загустителя, фактически — род напалма; его можно было метать с помощью медных пневматических устройств, по принципу действия аналогичных современным огнеметам. Однако со временем секрет загустителя был утрачен, а «греческим огнем» для солидности и устрашения врага стали называться любые зажигательные средства на основе нефти, включая метательные снаряды. (Прим. ред.)

в Константинополь другое послание: перекрой Босфорский пролив византийскими галерами, чтобы побежденные османские войска не смогли воспользоваться им для побега⁸.

Освободившись от турецкой угрозы, Мануил и Иоанн вздохнули с облегчением. За несколько недель Османская империя съежилась до исходных владений Османа, а остальные земли захватил Тимур. Баязид умер в плену примерно в 1403 году. Из шести его сыновей двое тоже оказались в плену, один бежал в Константинополь и крестился, сменив имя и став Деметрием, а остальные три боролись за титул отца между собой.

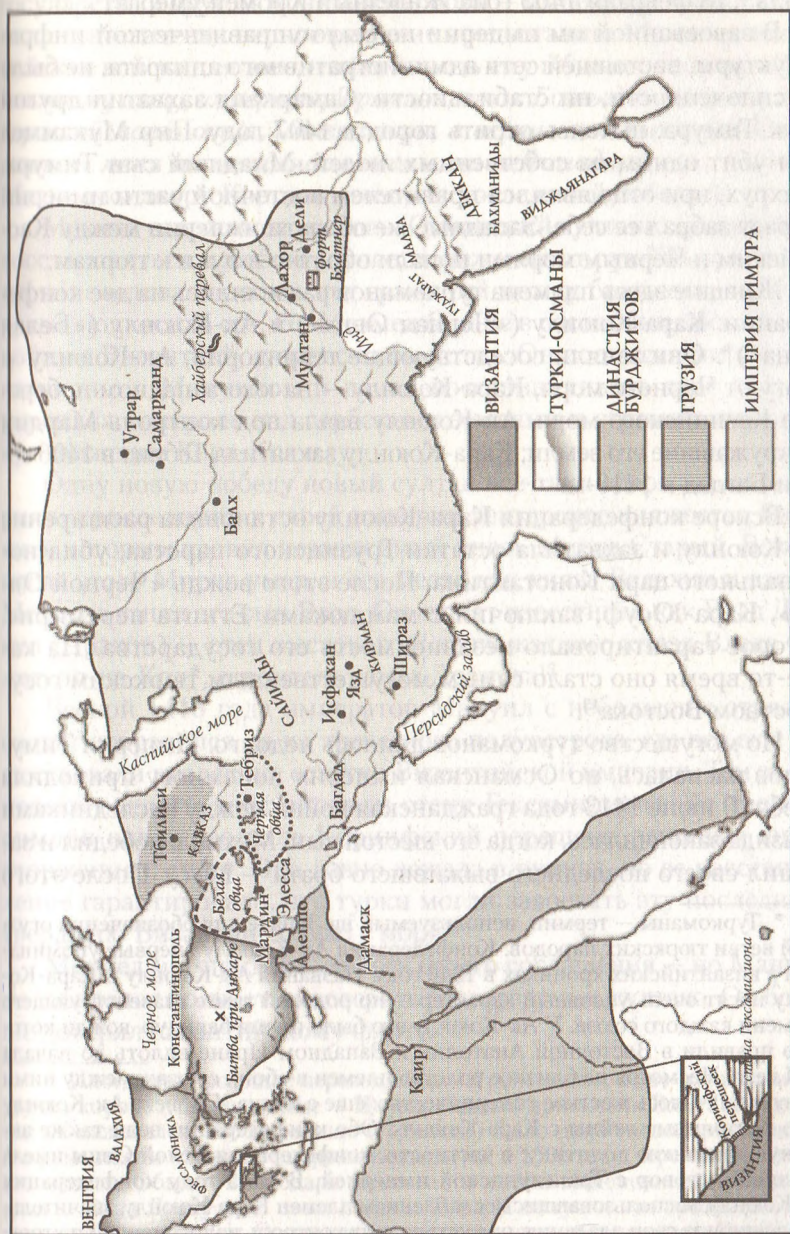
Раскол Османской империи продолжался двадцать лет. Третий сын Баязида, Сулейман, сумел захватить ее западные территории, но он освободил Мануила от статуса вассала и отдал ему Фессалонику. Другие два сына яростно сражались за старые Османские земли; борьба еще более ожесточилась, когда их старший брат, Муса, сбежал из плена и вернулся домой⁹.

Тем временем сам Тимур закончил покорение Грузии. Ранее он на время согласился позволить Георгию VI, сыну Георгия Блистательного, сохранить остатки власти в обмен на дань. Но сейчас он вернулся и, пройдя по стране, уничтожил несколько сотен деревень. Все церкви в Тбилиси были полностью разрушены¹⁰.

Весь западный мир затаил дыхание, ожидая, что Тимур продолжит продвижение на запад. Европейцы не понимали, что его конечная цель — лишь воссоздание монгольской империи. Сам Мануил был уверен, что цель Тимура состояла в разграблении Константинополя и последующем продвижении в Европу, подчинении всех христианских стран и убийстве всех христианских монархов.

Вместо этого завоеватель вновь отправился на восток, к Китаю. Он разграбил земли Золотой Орды и захватил территорию Ильханата. Он уже контролировал ханство Чагатай. Старые земли государства Юань были последней частью бывшей монгольской империи, все еще находившейся вне его власти. Он являлся ренкарнацией великого хана; повторное завоевание ханских земель для него было важнее, чем продвижение на Запад дальше, чем когда-либо заходил великий хан¹¹.

К тому же Тимуру было уже около семидесяти лет. К январю 1405 года он дошел до Утрара, лежащего в 250 милях к востоку от Самарканда. Будучи вынужден остановиться из-за чрезвычайных холодов и глубокого снега, он согрелся с помощью трехдневного пира, во время которого мало ел, но очень много пил. Он впал в кому, из которой вышел только для того, чтобы провозгласить,

Карта 89.1. Тимур против османов

что его внук, Пир Мухаммед, должен унаследовать престол Самарканда¹². 18 февраля 1405 года Железный Хромец умер.

В завоеванной им империи не было управленческой инфраструктуры, настоящей сети административного аппарата, не было ни сплоченности, ни стабильности. Самарканд захватил другой внук Тимура; пытаясь отбить город в 1407 году, Пир Мухаммед был убит одним из собственных людей. Младший сын Тимура, Шахрух, при отце являлся правителем восточной части империи и сразу забрал ее себе. Западные же области империи между Каспийским и Черным морями попали обратно в руки к тюркам.

Жившие здесь племена туркоманов разделились на две конфедерации: Кара-Коюнлу («Черная Овца») и Ак-Коюнлу («Белая Овца»)*. Они заняли соседствующие территории, Ак-Коюнлу — к югу от Черного моря, Кара-Коюнлу — на юго-западном побережье Каспийского моря. Ак-Коюнлу взяла под контроль Мардин и окружающие его земли; Кара-Коюнлу захватила Тебриз в 1406 году и Багдад в 1410-м.

Вскоре конфедерация Кара-Коюнлу остановила расширение Ак-Коюнлу и захватила остатки Грузинского царства, убив номинального царя Константина. После этого вождь «Черной Овцы», Кара-Юсуф, заключил с мамлюками Египта перемирие, которое гарантировало независимость его государства. На какое-то время оно стало самым могущественным тюркским государством Востока¹³.

Но могущество туркоманов длилось недолго. Империя Тимуридов распалась, но Османская империя понемногу приходила в себя. В июне 1413 года гражданская война между наследниками Баязида закончилась, когда его шестой сын, Мехмед, победил и задушил своего последнего выжившего брата — Мусу. После этого

* Туркоманы — термин, используемый на Западе для обозначения одной ветви тюркских народов. Конфедерация Ак-Коюнлу впервые упоминается в византийских хрониках в 1340 году. Названия Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу носят очень условный характер — по родовой тамге главенствующего племени каждого союза. У Ак-Коюнлу это было племя баяндур, вожди которого правили в Восточной Анатолии и Западном Иране вплоть до начала XVI века. Несмотря на близкое родство племен в обоих союзах, между ними сразу же началось жесткое соперничество: еще с конца XIV века Ак-Коюнлу вело постоянные войны с Кара-Коюнлу. Обе конфедерации вели также активную внешнюю политику: в частности, конфедерация Белой Овцы имела союзный договор с Трапезундской империей. В 1435 году конфедерация Ак-Коюнлу, воспользовавшись ослаблением племен Кара-Коюнлу, значительно расширила свои владения: она установила контроль над Арменией и вторглась во владения египетских мамлюков — это привело к войне с ранее дружественным Египетским султанатом. (Прим. ред.)

Мехмед провозгласил себя единовластным султаном Османского государства и другом Константинополя — император Мануил принял стратегически верное решение предоставить Мехмеду византийские войска для того, чтобы помочь ему в битве с братом. *«Скажи моему отцу, императору римлян, что с Божьей помощью и поддержкой моего отца, императора, я вернул мои владения. Он не сочтет меня ни невнимательным, ни неблагодарным»*, — писал Мехмед ко двору Константинополя после своей победы¹⁴.

Мехмед сдержал свое слово. Османский султанат должен был восстановиться в любом случае; поражение от рук Тимура, за которым следовали десять лет сражений между братьями, лишь на время подкосило его. Но Мехмед был не в состоянии продолжать войну с Византией, даже если бы хотел. Он подписал мирное соглашение с Мануилом и начал восстанавливать свое войско, укрепляя контроль над сербскими землями и стремясь отразить продвижение Кара-Коюнулу.

Одну новую победу новый султан все-таки одержал: он покорил и присоединил к своей империи венгерское княжество Валахию, которым правил независимый князь Мирча Старый. Вскоре после этого Мирча умер, и его место как князь Валахии и вассал Мехмеда занял его сын Влад. Он станет известным, как Влад Дракул (Дракон) — отец жестокого и кровожадного князя Влада Сажателя-на-Кол*, строитель замка Дракула¹⁵.

Весной 1415 года император Мануил с небольшим отрядом солдат отправился на юг греческого полуострова, где все еще существовали последние остатки Византийской империи. Там за две недели солдаты восстановили стену Гексамиллиона. Во времена римлян она пересекала Коринфский перешеек, защищая юг от вторжения с суши. Она давно лежала в руинах, но ее восстановление гарантировало, что турки могли завоевать эту последнюю твердыню Византии только с моря¹⁶.

Мехмед мог придерживаться своего соглашения — но Мануил не собирался полностью доверять благоразумию султана. Он больше доверял византийскому флоту.

* Иногда его прозвище переводят как «Пронзатель», но по-румынски оно звучит короче и благозвучнее — Цепеш. Однако при жизни Влад III никогда так не назывался: это прозвище (*Казыклы*) было дано господарю турками и в румынском переводе впервые появляется в 1506 году, через 30 лет после его смерти. Обычно господарь именовался слегка измененным прозвищем отца — Влад Дракула. В свою очередь Влад II получил это прозвище из-за членства в рыцарском Ордена дракона, созданном императором Сигизмундом I; знаком ордена был свернувшийся в кольцо дракон, которого молдавские господа позднее печатали на своих монетах. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 89

Германия и Священная Римская империя	Италия	Франция	Англия и Уэльс	Османь	Византия	Завоевания Тимура	Египет
Карл IV (император, 1355–1378)	Бернабе Висконти, правитель Милана (1356–1385)	Жакерия (1358)		Смерть Сулеймана- паши (1357)			
		Договор Брегитьи (1360)		Мурад (1361/2– 1389)			
				Захват Адрианополя (1365)		Тимур начина- ет восхождение к власти (1367)	
		Разорение Лиможа (1370)			Иоанн V сдается Мураду (1373)	Тимур стано- вится эмиром Трансоксании (1369)	
		Битва при Ла-Рошели (1372)					
Создание Швабской Лиги (1376)			Смерть Черного принца (1376)				
Венгел IV (1377–1395)			Регина II (1377–1395)				

Германия и Священная Римская империя	Италия	Франция	Англия и Уэльс	Османская	Византия	Золотая Орда Темур	Египет
	Битва при Кьодже (1380)	Карл VI (1380–1422)					
«Земельный мир» (1389)	Джан Галеац- цо Висконти, правитель Милана (1385–1402)		Крестьянское восстание (1381)	Баязид I (1389–1402)			Падение султаната Бахритов Осно- вание султаната Бурджитов (1390–1517) Аль-Захир Баржук (1390–1399)
					Мануил II (1391–1425)	Поражение Тохтамыша (1391)	
				Осада Константинополя (1394)		Захват Багдада (1393)	
		Перемирие между Англией и Францией (1396)		Битва при Никополе (1396)		Вторжение в Пенджаб (1398) и Дели (1398)	
			Изгнание Генри Болинг- брока (1398)				
			Генрих IV (1399–1413)				Фарадж (1399–1405)

Германия и Священная Римская империя	Италия	Франция	Англия и Уэльс	Османь	Византия	Завоевания Тимура	Египет
Рупрехт (1400–1410)			Восстание Оуэна Глиндура (1401–1415)	Битва при Анкаре (1402)			
Осуждение виклифизма (1409)				Сулейман борется за власть (1403–1411)		Смерть Тимура (1405)	
Сигизмунд (1411–1437)		Соперничество арманьяков и бургиньонов (с 1410)				Союзы турко- манов Ак-Ко- юнлы и Кара- юнлы	
Собор в Констанце (1413)			Генрих V (1413–1422)	Мехмед (1413–1421)			
Казнь Яна Гуса (1415)		Битва при Азенкуре (1415)			Восстановле- ние стены Гексамиллион (1415)		
Первая Пражская дефестра- ция (1419)							
Гуситские войны (1419–1434)		Договор в Труа (1420)					

Часть пятая

ЗАВЕРШЕНИЯ

Глава 90

Отступление империи Мин

Между 1405 и 1455 годами монголы на севере и Дайвьет на юге оказываются под контролем Мин, а большие корабли отправляются на запад — но затем победам и исследованиям приходит внезапный конец

Империя Мин родилась под властью императора Хун-у, сурового и аскетичного; в его руках внутренние механизмы управления Китаем были полностью изменены, сопротивление подавлено, остатки династии Юань тщательно искоренены.

Двор разбитого императора Юань, отступив на север, обосновался в старой монгольской столице Каракорум. Но безопасность священного места оказалась иллюзией. Войско Мин ворвалось в город, разграбило и сожгло его, взяв семьдесят тысяч пленников. Титул императора Юань сохранился, переходя ко все более дальним родственникам давно покойного Хубилая. Но после того, как самое сердце родины монголов было осквернено, имя Юань потеряло последние остатки притягательной силы. Монголы севера раскололись: наследники Юань отступили на последнюю оставшуюся у них территорию на северо-востоке, а западные монголы вернулись к прежним племенным структурам. Четыре из этих племен объединились в коалицию, получившую название Дербен-Ойрат*.

* Дербен-Ойрат (дословно означает «четыре ойрата»), или Ойратское ханство — феодальное кочевое государство, образовавшееся в 1399 году в результате падения империи Юань на стыке современных границ Синьцзяна, России, Казахстана и Западной Монголии. Ойраты — западная группа близкородственных монгольских племен периода Средневековья, известны с XIII века. (Прим. ред.)

Ни ханы ойратов, ни правители Мин точно не знали, где начинался Китай и заканчивались земли кочевников, что усложняло войну за границу. Император Хун-у, осторожный по характеру, опасался начинать ненужные войны. Но он также помнил (с почти патологическим упорством), что линия раздела между *Китаем* и *варварами* существует — даже если он не знал точно, где она проходила. Уже в самом начале своего правления он писал:

«Держава Юань была создана северными варварами, которые проникли в Китай и поселились здесь. Как варвары могут править китайцами? Я боюсь, что родина давно была запятнана смрадом баранины... Поэтому я отправил армии для полного очищения страны. Моя цель состоит в изгнании монгольских рабов... для очистки Китая от позора».

К концу его правления, в 1398 году, в степях был построен ряд крепостей — баз, откуда можно было совершать набеги на северные земли Юань и Дербен-Ойрата¹.

У Хун-у было много сыновей, но старший, назначенный наследником, умер раньше него; поэтому император избрал в качестве наследника внука Цзянь-вэня, его старшего сына. Когда внук был коронован в Нанкине, четвертый сын императора Хун-у, Чжу Ди, военный правитель старого монгольского города Даду, бросил ему вызов. Последовали более трех лет гражданской войны. В 1402 году Чжу Ди со своим войском отправился в Нанкин и seized имперский дворец молодого Цзянь-вэня. Как утверждалось, сам мальчик умер в огне, но слухи о его возвращении постоянно возникали в течение всего правления его дяди².

Чжу Ди назвал себя императором Юн-лэ и приказал стереть сведения о коротком правлении его племянника из официальных летописей Мин. Как и его отец-автократ, он подавил все возможное сопротивление немедленной чисткой: были убиты десятки тысяч сторонников Цзянь-вэня (или просто подозреваемых в нелояльности). Когда главный советник мальчика, Фан Ся, отказался признать нового императора Юн-лэ законным, он был приговорен к смерти через расчленение на глазах у публики*. Такая казнь *чжэ*, вариант четвертования, — могла длиться до трех дней³.

* Чжу Юнь-вэнь, он же Цзянь-вэнь (1377–1403), занял императорский трон в возрасте 16 лет. Чжу Ди, крупный военачальник, стоял в Пекине (Даду) со значительной армией и вел борьбу против монголов. Позднее хронисты нового императора оправдывали его действия тем, что Чжу Юнь-вэнь вел себя враждебно по отношению к своим дядям, не допустил Чжу Дина похоро-

Император Хун-у сражался на земле; император Юн-лэ обратился к морю. В период с 1405 до 1422 года он приказал подготовить шесть крупных морских экспедиций, которые отправились от побережья Китая в западные порты: сначала в Индию, а затем к берегам Южной Азии, в Шри-Ланку, на Мальдивы, в Аравию и, наконец, к восточной части Африканского континента. Командовал этими экспедициями главный евнух Чжэн Хэ, управляющий всеми евнухами императора; все подробности путешествий записывал географ Ма-Хуань, сопровождавший Чжэн Хэ начиная со второй экспедиции.

Как и его мусульманские коллеги-географы, Ма-Хуань фиксировал традиции народов, ландшафт, описывал пищу и напитки дожины различных стран. Но эти путешествия совершались не ради открытий. «Руководимые звездами плоты» Чжэн Хэ везли вооруженных солдат; его миссия состояла в сборе дани и покорении каждого встречного правителя. Его задачей было завоевание, а не дипломатия. Сам он обобщил данные ему инструкции такими словами: *«По прибытии в иностранные города захвати тех варварских царей, которые противостоят цивилизации и не проявляют уважения. Уничтожь тех бандитов, которые занимаются насилием и грабежами. Это сделает океанские пути более безопасными»*. И у него были все средства для подкрепления этих намерений: сотни девятимачтовых кораблей, тысячи бронзовых пушек на палубах, десятки тысяч моряков на борту.⁴

Пока Чэнь Хэ уводил флот все дальше за границу, император Юн-лэ лично провел пять кампаний против ойратов и Северной Юань. Он сражался на севере; Чэнь Хэ отплыл на запад; еще одно войско Мин было отправлено на юг.

Эта армия, насчитывавшая 500 тысяч человек*, была отправлена на юг для восстановления династии Чан на престоле Дайвьета и для устранения правителя-узурпатора Хо. Это моральное

роны и даже на поклонение могиле отца. Поскольку Цзянь-вэнь правил, следуя советам конфуцианских ученых, Чжу Ди, став императором, жестоко казнил четырех его главных советников. Фан Сяо-жу, ученый-историк, был казнен за отказ написать панегирик новому владыке, а род его «вырезан в десяти поколениях» — в состав десятого поколения входили также его ученики и учителя. Но Чжу Ди не жег императорский дворец лично, он загорелся вследствие паники при штурме Нанкина. На момент гибели Юнь-вэню было 26 лет, он был женат — вряд ли его можно называть «мальчиком». (Прим. ред.)

* По другим сведениям, в ней было 215 тысяч; в целом старинные хроники очень вольно обращаются с цифрами, предпочитая завышать любые числа, особенно же численность армий и количество жертв. (Прим. ред.)

обоснование было удобно с точки зрения конфуцианской философии: «праведная война» велась для восстановления надлежащего порядка. «Когда преступник [Хо] будет схвачен, мы выберем блестящего отпрыска семейства Чан в качестве короля. Мы поможем ему править, после чего отступим», — заявил Юн-лэ⁵.

Но как только войско Мин добилось своего (столица была взята в 1406 году, король-узурпатор Хо и его сын попали в плен в 1407 году), император Юн-лэ понял, что не хочет упускать хорошую добычу. Он назначил сюда свою администрацию и формально присоединил Дайвьет к Китаю как одну из провинций, переименовав ее в Цзяо-чжи — это было древнее название, которое страна носила под властью династии Тан*.

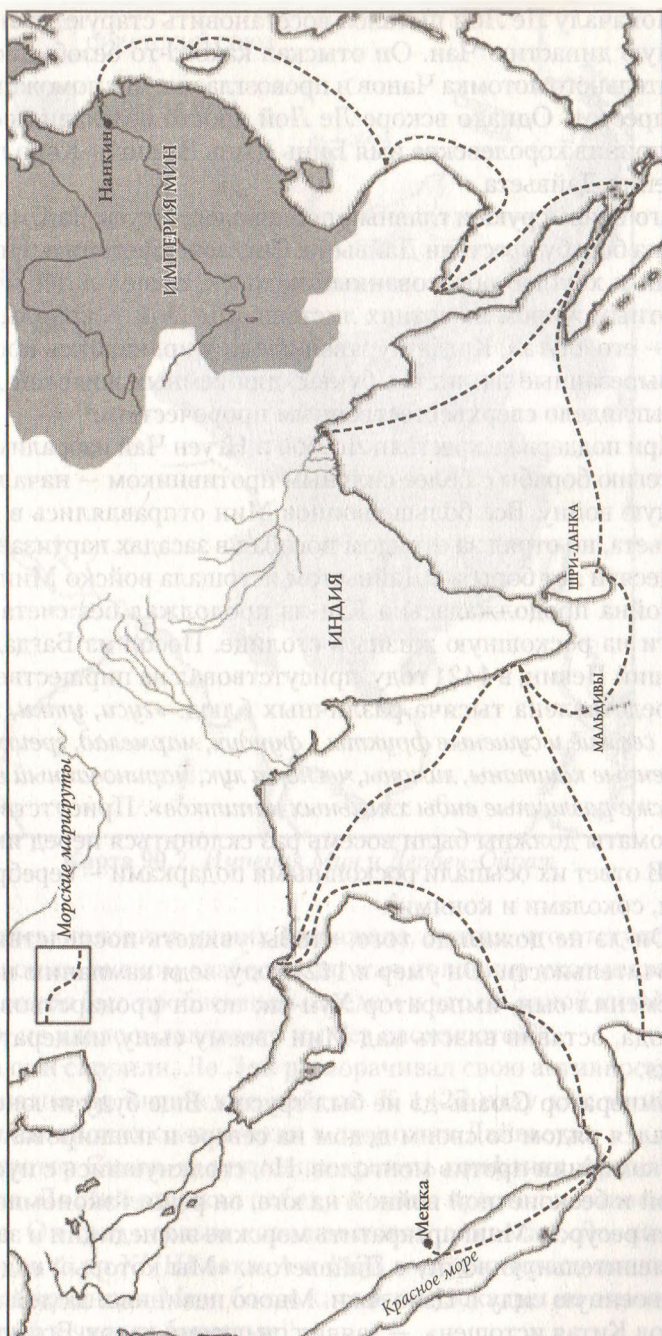
Теперь настал очередной период китайского господства. В течение двадцати лет владыка Мин правил Дайвьетом напрямую. Это было выгодное завоевание для Юн-лэ: трофеями оказались более четверти миллиона слонов, коней и голов скота, девять тысяч кораблей и почти четырнадцать миллионов «частей» зерна — около девятисот тысяч тонн⁶.

Тем временем на севере сражения продолжались. К моменту завершения последней экспедиции против Дербен-Ойрата император продвинул границу Мин до реки Амур, далеко за пределы прежних границ Юань. Он увеличил размер армии Мин — от сорока с небольшим тысяч всадников до полутора миллионов человек к исходу своего правления. Он начал широкомасштабную кампанию по восстановлению обветшавшей Великой Стены на севере. Он объявил старый Даду, южную столицу Юань, своей личной столицей. Переименованная в Пекин, она стала местом для возведения Запретного Города — исполинского дворца, города в городе, который строился несколько десятилетий; им мог пользоваться лишь император и его семейство⁷.

* * *

Ремонт стены, строительство дворца и расширение армии требовали огромных расходов, которые тяжким бременем легли на покоренные земли. Это бремя начало давать о себе знать уже в 1418 году, когда некто Ле Лой, аристократ из северного Дайвьета и младший из трех сыновей в своем роду, организовал сопротивление китайской оккупации.

* Известны три более ранних периода китайского господства над Дайвьетом: с 207 года до н.э. по 39 год н.э.; с 43 по 544 и с 602 по 905 год. (Прим. авт.)

Карта 90.1. Морские походы императора Юн-лэ

Поначалу Ле Лой пытался восстановить старую, давно исчезнувшую династию Чан. Он отыскал какого-то безобидного и нерешительного потомка Чанов и провозгласил, что поможет вернуть ему престол. Однако вскоре Ле Лой просто возглавил восстание сам, приняв королевское имя Бинь Дынь Вьонг — Король умиротворения Дайвьета.

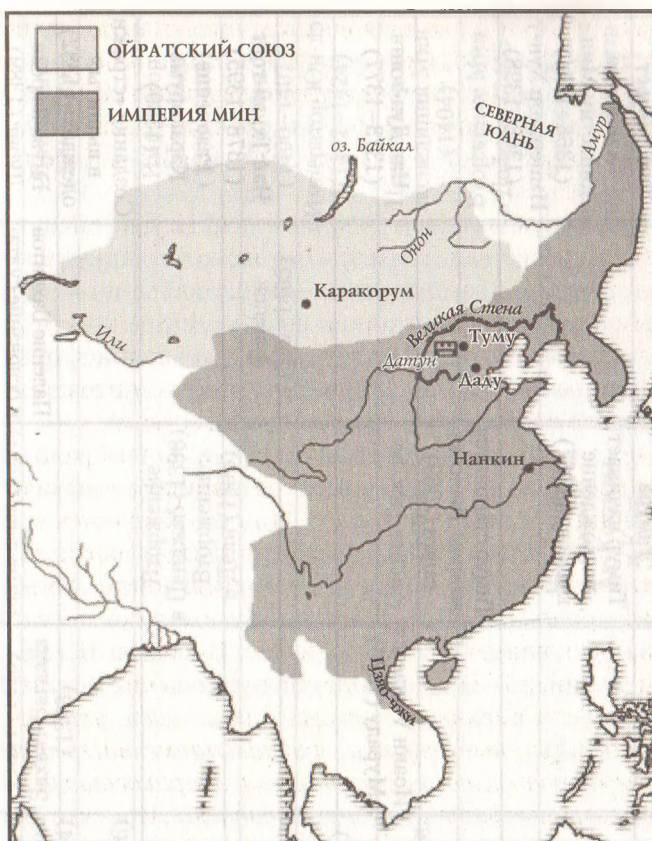
Его правая рука и главный полководец, Нгуен Чай, помог поднять на борьбу крестьян Дайвьета. Согласно преданию, Нгуен Чай, умный и хорошо образованный человек, пошел в лес и написал животным жиром на сотнях листьев: «Ле Лой — король, а Нгуен Чай — его слуга». Когда муравьи съели жир, надпись проявилась как вырезанные на листьях буквы, для темных жителей деревень это выглядело сверхъестественным пророчеством⁸.

При поддержке крестьян Ле Лой и Нгуен Чай избрали обычную стратегию борьбы с более сильным противником — начали партизанскую войну. Все больше воинов Мин отправлялись в джунгли Дайвьета, но отряд за отрядом погибал в засадах партизан. В течение десяти лет борьба с Дайвьетом истощала войско Мин.

Война продолжалась, а Юн-лэ продолжал без счета тратить деньги на роскошную жизнь в столице. Посол из Багдада, навестивший Пекин, в 1421 году, присутствовал на пиршестве, где была представлена тысяча различных блюд: *«гуся, утки, жареное мясо, свежие и сушеные фрукты... фундук, мармелад, грецкие орехи, очищенные каштаны, лимоны, чеснок и лук, маринованный в уксусе... а также различные виды хмельных напитков»*. Присутствовавшие дипломаты должны были восемь раз склониться перед императором. В ответ их осыпали роскошными подарками — серебром, оружием, соколами и конями⁹.

Юн-лэ не дожид до того, чтобы увидеть последствия своей расточительности. Он умер в 1424 году, ведя кампанию на севере. Его сменил сын, император Хун-си; но он процарствовал всего два года, оставив власть над Мин своему сыну, императору Сюань-дэ.

Император Сюань-дэ не был трусом. Еще будучи юношей, он сражался рядом со своим дедом на севере и планировал продолжать кампании против монголов. Но, столкнувшись с пустеющей казной и бесконечной войной на юге, он решил экономнее расходовать ресурсы Мин: прекратить морские экспедиции и закончить обременительную войну с Дайвьетом. «Мы который год исполняем военную силу в Цзяо-чжи. Много невинных людей погибло, а народ Китая истощен», — заявил он своему двору. Его советники

Карта 90.2. Империя Мин и Дербен-Ойрат

разделились: половина из них возражала, считая, что отступление будет опасным знаком слабости, другая половина указывала, что Дайвьет *всегда* был проблемным соседом и что ни одной китайской династии не удалось завладеть им без сложностей¹⁰.

Пока они спорили, Ле Лой разворачивал свою активность, все чаще нападая на китайские войска. К 1427 году как минимум 90 тысяч китайских солдат пали в джунглях Дайвьета.

Император Сюань-дэ решил прекратить конфликт. Армия Мин отступила, Ле Лой одержал победу и занял престол независимого Дайвьета. Он был первым королем новой династии, Ле, которая будет править до XVIII века. А в 1433 году вернулась последняя морская экспедиция Мин; более китайские эскадры не совершали экспедиций к чужим берегам¹¹.

Хронологическая таблица 90

Франция	Англия и Уэльс	Османы	Византия	Завоевания Тимура	Египет	Империя Мин и Дайвэт
				Тимур начинает восхождение к власти (1367)		Основание династии Мин (1368-1644) Император Хун-у (1368-1398)
Разорение Лиможа (1370)				Тимур становится эмиром Трансоксании (1369)		
Битва при Ла-Рошели (1372)			Иоанн V сдается Мураду (1373)			Чан Дуэ-тонг (1373-1377)
	Смерть Черного принца (1376)					
	Ричард II (1377-1399)					Чан Тхуан-тонг (1378-1395)
Карл VI (1380-1422)						Разорение Каракорума (1380)
	Крестьянское восстание (1381)					Создание «стражи в вышитых одеждах» (1382)
		Баязид I (1389-1402)			Падение Бахритов и основание султаната Бурджитов (1390-1517)	Битва на реке Луонг (1389)
					Аб-Замар Баграт (1380-1385)	

Франция	Англия и Уэльс	Османь	Византия	Завоевания Тимура	Евгуст	Империя Мин и Дайвьет
			Мануил II (1391–1425)	Поражение Тохтамыша (1391)		
		Осада Константинополя (1394)	Захват Багдада (1393)			Принц Ань (1395–1399)
Перемирие между Англией и Францией (1396)	Изгнание Генриха Болингброка (1398)	Битва при Никополе (1396)				
				Вторжение в Пенджаб (1398) Вторжение в Дели (1398)		Император Цзянь-вэнь (1398–1402)
	Генрих IV (1399–1413)				Фарадж (1399–1405)	Хо (Ле) Куи Ли (1400–1407)
	Восстание Оуэна Глиндурра (1401–1415)	Битва при Анкаре (1402)				Император Юн-лэ (1402–1424)
		Сулейман (с соперниками, 1403–1411)		Смерть Тимура (1405)		Первая морская экспедиция Мин (1404)
						Вторжение Мин в Дайвьет (1406–1407)
Соперничество армян-яков и бур-гиньонов (с 1410)				Возвышение союзов Ак-Коюнлы и Кара-Коюнлы		Четвертый период господства Китая в Дайвьете (1407–1427) Начало строительства Запретного города (1407)

Франция	Англия и Уэльс	Османы	Византия	Завоевания Тимура	Египет	Империя Мин и Дайвьет
Генрих V (1413–1422)		Мехмед (1413–1421)				
Битва при Азенкуре (1415)			Восстановление стены Гексампион (1415)			Восстание Ле Лоя (1418)
Договор в Труа (1420)						Император Хун-си (1424–1425)
						Император Сюань-дэ (1425–1435)
						Основание династии Ле (1428–1788) Ле Лой (1428–1433)
				Возвышение Эсен-тайши (1430-е)		Последняя морская экспедиция (1433)
						Император Чжен-тун (1435–1449)
						Император Цзин-тай (младший) (1449–1457)
				Убийство Эсен-тайши (1453)		Битва при Туму (1449)

Увы, несмотря на все старания Сюань-дэ укрепить северный фронт, ойраты одерживали все больше побед.

Новый хан ойратов по имени Эсен-тайши унаследовал лидерство над коалицией и оказался неожиданно хорошим политиком — он сумел присоединить к своему союзу соседние монгольские племена и мелкие государства. В то же время империя Мин страдала от отсутствия лидера. Осторожный Сюань-дэ умер после десяти лет правления, оставив престол своему семилетнему сыну, императору Чжен-туну. Управление империей перешло в руки советников, а они не могли сойтись во мнениях по поводу стратегии. Натиск ойратов усиливался, северная граница Мин неуклонно отодвигалась назад. Поспешное укрепление Великой Стены и строительство новых преград за ней — «внутренней Великой Стены» — не слишком помогли задержать ойратов. Когда юному императору исполнился 21 год, Эсен-тайши уже находился в двухстах милях от самого Пекина¹².

В 1449 году Чжен-тун по совету своего главного евнуха, Ван Чжена, решил лично возглавить поход против ойратов. Его советники вновь не сошлись во мнениях по поводу стратегии: *«Сын Неба, будучи наиболее вознесенным из людей, не должен лично участвовать в опасном предприятии, — тактично намекнул один из противников экспедиции. — Мы, чиновники, будучи глупейшими из людей, все же настаиваем, что это не должно случиться»*. Осторожность формулировки показывает, что Чжен-тун не воспринимал критику, а его действия свидетельствуют, что он находился во власти иллюзий, надеясь на великую победу. В знойный августовский день император выступил из Пекина с армией в полмиллиона солдат. Шел седьмой месяц китайского календаря — месяц Призраков, когда считалось, что врата ада открываются, чтобы мертвые могли ходить среди живых¹³.

Приближаясь к позициям ойратов, войска прошли мимо груд непогребенных тел китайских солдат, жертв нападения ойратов на ближайшую крепость Датун, совершенного двумя неделями ранее. Но они не увидели ни следа войска ойратов. Окрестности были подозрительно пусты, а груды тел становились все выше; в итоге перепуганный император решил вернуться в Пекин.

Но было слишком поздно. Эсен-тайши незаметно зашел в тыл китайскому войску, отрезав ему пути к отступлению. В первый день сентября он захлопнул ловушку. Когда войско Мин стало лагерем в Туму, ойраты внезапно атаковали лагерь. Сначала они выпустили тучу стрел, убив тысячи солдат; потом прямо по телам

двинулись в атаку на остальных. Евнух Ван Чжень погиб в бою — вероятно, убитый собственными испуганными и рассерженными людьми. Император Чжен-тун, признав поражение, сел на землю и тихо ждал, пока его возьмут в плен.

Эсен-тайши отправил требование о крупном выкупе в Пекин. Он ожидал, что придворные Мин без споров передадут деньги, чтобы спасти своего императора; вместо этого двор в Пекине просто провозгласил пленного Чжен-туна Великим старшим императором и короновал его младшего брата младшим императором¹⁴.

В отвращении Эсен-тайши освободил юного пленника — вероятно, он надеялся, что этот акт милосердия обеспечит ойратам опору в Пекине. Но Чжен-тун, вернувшись в столицу, обнаружил, что брат вовсе не рад его видеть, да и придворные не стремились отдавать ему полную власть. Он удалился в Запретный Город и провел остаток своих дней там в полном отшельничестве.

С государством Мин случилось то же, что и с императором.

Дни амбициозных военных кампаний, дальних морских путешествий и международной дипломатии завершились. Угроза со стороны ойратов тоже ослабла: Эсен-тайши был убит собственными людьми в 1455 году, в ходе напряженной борьбы за власть в коалиции. Крупные нападения на северные границы империи прекратились. Но император Мин не пытался вернуть утраченные владения, он не планировал ни новых кампаний, ни походов в чужие земли, ни дипломатических миссий с требованием дани. Теперь все доходы от налогов в оставшейся части империи полностью уходили на поддержку пассивной внутренней политики: укрепление пограничных стен и отхода в безопасные земли за ними¹⁵.

Глава 91

Крушение

Между 1412 и 1440 годами католическая церковь и христианские империи не могут обрести бывшее единство

Долгие годы «двоепапства» нанесли серьезный урон католической церкви; постепенно эти раны затянулись, но шрамы остались. Образ единой христианской империи все еще существовал, причем в двух вариантах — в виде Священной Римской империи

на западе и Византийской империи на востоке. Оба императора претендовали на древнюю священную корону Рима, которая должна была превратить *Pax Romana*, римский мир, в *Pax Christiana*, мир христианский. Но все эти идеалы старели — и один из них уже точно издавал предсмертный хрип.

* * *

Сигизмунд, король Германии и Венгрии, еще не был императором Рима. Италия и Богемия, территории старой империи, находились за пределами его власти. Джан Галеаццо Висконти — получивший от императора Венцеля IV титул герцога Миланского — до своей смерти от чумы в 1402 году претендовал почти на всю Северную Италию. Только Флоренция и Венеция оставались независимыми, а Генуя защитилась от власти императора лишь подчинившись власти короля Франции.

Но со смертью Висконти двое его сыновей (двенадцати и тринадцати лет) оказались беспомощными игрушками различных амбициозных миланских военных и политиков. Старший сын, Джан Мария, попал под контроль солдата удачи Фачино Кане и его хитрой жены Беатриче Ласкарис; в течение десяти лет эта властная пара правила Миланом с помощью герцога-марионетки, в то время как города и земли, ранее находившиеся под контролем Милана, один за другим уходили под власть других миланских капитанов и купцов.

В 1412 году, когда Фачино Кане умирал от лихорадки в Павии, группа его врагов в Милане убила герцога (которому тогда был 21 год). Герцогом Миланским стал его младший брат, Филиппо-Мария Висконти, которому на тот момент исполнилось 20 лет. Он прислушался к совету друзей и женился на вдове Фачино, Беатриче, которой было сорок. Дама охотно пошла на этот брак: она стала герцогиней Миланской, в то время как Филиппо Мария смог взять под контроль ее союзы и ее весьма обширные фамильные земли¹.

Но брак не был счастливым. Филиппо-Мария Висконти обладал странным и тяжелым характером: он был умным и хитрым манипулятором, но патологически боялся грозы, страдал от ожирения и настолько стеснялся своего лишнего веса и крючковатого носа, что жил в потайных комнатах, часто их меняя, укрывался от глаз своих подданных на улицах и не разрешал рисовать свой портрет. Беатриче в свою очередь была могущественной, богатой и уверенной в себе дамой. Они сосуществовали, враждуя друг с другом, до 1418 года, когда Филиппо-Мария обвинил жену в из-

мене и приказал ее обезглавить. В обвинения эти никто не поверил — но благоразумнее было не перечить герцогу Висконти².

Куда больше Филиппо-Марии везло с завоеваниями. Он нанял кондотьера Франческо Карманьола, чтобы тот возглавил миланское войско, и к 1421 году Карманьола отвоевал для Милана почти все потерянные территории герцогства. В качестве бонуса он присоединил Геную, которая предпочла Филиппо-Марию безумному королю Франции.

Завоеватели были яростны и беспощадны: в одной хронике говорится, что в городе Пьяченца миланцы убили так много горожан, что в его стенах остались в живых только три человека. Но это вознесло Филиппо-Марию на вершину власти в Италии. Как писал век спустя флорентиец Никколо Макиавелли в своей «Истории Флоренции»: «Став повелителем всей Ломбардии, [он] думал, что теперь способен почти на все». На словах Висконти был герцогом, подчинявшимся Священной Римской империи; но на деле он правил всем севером Италии, и его власть была близка к власти императора³.

* * *

Богемия являлась еще более острой проблемой империи. По документам она принадлежала Германии, но здесь бушевало восстание гуситов. Сигизмунд пообещал Яну Гусу безопасный проезд в Констанц на церковный Собор — а затем отказался от гарантий и позволил сжечь Гуса. Возмущение гуситов из-за такого предательства было повсеместным, и в итоге один из них открыто выступил против короля. Это был богемский рыцарь Ян Жижка, ветеран войн против Тевтонского ордена в Пруссии, бывший капитан покойного Вацлава IV. Он начал обучать крестьян воинскому искусству. Сельскохозяйственные цепи стали эффективным оружием, а телеги превратились как в транспортное, так и в оборонительное средство. Постепенно Жижка собрал эффективное войско. Сигизмунд, не отваживаясь сам приехать в Богемию, предвительно отправил сюда свою армию — но Жижка и его крестьяне отразили натиск германских солдат⁴.

Права, о которых первым заговорил Ян Гус в своих проповедях, предводители гуситов изложили в письменном виде и представили Сигизмунду — это были широко известные «Четыре пражские статьи». Статьи содержали требования к королю Германии: во-первых, разрешить открытое проповедование Евангелия без ограничений; во-вторых, позволить причащение мирян *sub utraque specie*,

«под обоими видами» — в чешских церквях с XII века сложилась практика подношения прихожанам хлеба, а причащение вином позволялось только рукоположенным священникам;* в-третьих, чтобы все духовенство дало обет бедности, отказавшись от права Церкви накапливать богатства; и, наконец, наказывать преступления «против священного закона» (*legi divinae contrariae*) открыто и без промедления. Были упомянуты конкретные грехи: пьянство и воровство, прелюбодеяние и распутство, неоправданные повышения налогов и процентных ставок, внезапные повышения феодальной ренты. Как и катары с вальденсами, гуситы выступали против привилегий правящих классов⁵.

Сигизмунд отказался принять статьи. Но постепенно в войне с гуситскими армиями** он терял все больше и больше территорий. Звуки гуситского боевого гимна «Кто же вы, божеи воины» чаще всего знаменовали поражение германцев.

*Благословен каждый, кто погибает за правду...
Посему лучники и копейщики,
Рыцарского звания воины,
Пикинеры и люди с цепями,
Из простого народа,
Помните Бога милосердного!..
Почувствуйте гордость оружия в своих руках..
И провозгласите — «Бог есть наш повелитель!»⁶*

В 1421 году, когда Сигизмунд находился вне Праги, Богемский сейм (собрание князей королевства) сместил его***. К 1427 году гуситы двинулись из Богемии в Германию, грабя и сжигая деревни, мстя за нападения немцев на их дома.

* Эта практика, которую отстаивали как Пьер Ломбардский, так и Фома Аквинский, по-видимому, исходила из доктрины пресуществления: если хлеб и вино символизируют плоть и кровь Христову, то даже потребление чего-то одного значит, что поклонник принял участие в поглощении Христа — поэтому поглощать сразу оба элемента необязательно. Но многие священники во Франции, Германии и Италии отказывались давать мирянам вино (возможно, из-за того, что оно было дороже). Это была широко распространенная, но не всеобщая практика; гуситы ее отвергли за то, что она проводила четкую границу привилегий между рукоположенными священниками и простыми верующими. (Прим. авт.)

** Ими руководил Жижка, а после его смерти от чумы — ученый и военный Прокоп Голый. (Прим. авт.)

*** Крестоносцы Сигизмунда дошли до Праги, но 14 июля 1420 года в сражении у Витковой горы были разгромлены гуситскими войсками под командованием Яна Жижки. Всеобщий земский сейм Чехии и Моравии состоялся в июне 1421 года. (Прим. ред.)

Реакция Сигизмунда на восстание гуситов могла быть более энергичной и эффективной, но его внимание оказалось отвлечено другими событиями: он часто посещал Венгрию и сэкономил силы для похода в Италию, где собирался убедить нового папу, Мартина V, короновать его как императора.

Первый предварительный шаг к имперской короне был сделан весной 1431 года, когда в германском городе Базеле собрался церковный собор — помимо прочих тем он должен был обсудить проблему гуситов. Но вскоре после начала собора папа Мартин V умер, и рассмотрение намеченных вопросов пришлось отложить. Кардиналы отвлеклись от гуситов, чтобы выбрать нового папу. Им стал венецианец Евгений IV. Тем временем Сигизмунд начал переговоры с Филиппо-Марией из Милана. Даже если бы король Германии убедил нового папу дать ему имперскую корону, он не мог отправиться через земли Ломбардии к Риму без соглашения с Филиппо или победы над ним.

В качестве стимула Сигизмунд предложил Филиппо-Марии союз против Флоренции и Венеции, а также имперских солдат для помощи Милану в его борьбе с этими двумя городами. Герцог Висконти схитрил и выбрал компромисс: он согласился, чтобы Сигизмунд прибыл в Милан и короновался железной короной лангобардов (это был промежуточный шаг к имперской власти) — но сам отказался встретиться с ним. Герцог удалился в один из своих замков вне Милана и отправил королю послание, объяснявшее, что он боится встретить Сигизмунда лицом к лицу, так как испытывает слишком сильные эмоции и опасается «умереть от радости»⁷.

Таким образом Филиппо-Мария умело избежал необходимости лично приветствовать нового короля Ломбардии — чего он делать не хотел. Эта уловка не обманула Сигизмунда, но так как у него не было мирного способа настоять на присутствии герцога, он принял отговорку. Получив корону 25 ноября 1431 года, король вновь отправился домой.

На подготовку имперской коронации в Риме ушло еще полтора года; папа Евгений IV постоянно ссорился с участниками собора, из-за чего его отъезд постоянно откладывался. Наконец, в мае 1433 года план Сигизмунда осуществился. Он отправился из Германии на юг через Ломбардию и 21 мая вступил в Рим под балдахин из золотой ткани, в сопровождении шестисот рыцарей и восьмисот пехотинцев. Через десять дней папа Евгений IV короновал его под куполом собора Святого Петра как императора Священной Римской империи⁸.

На радостях Сигизмунд завел себе новую печать: двуглавого орла, символизировавшего его двойное правление — как короля Германии и как римского императора. Позже в том же году он вернулся на собор, чтобы принять участие в его бесконечных дискуссиях и переговорах. Разговаривая с собравшимися священниками на латыни, он как-то использовал женский род для существительного среднего рода; когда ближайший каноник тактично исправил его, Сигизмунд ответил: «Я — император римлян, и стою выше грамматики» (*Ego Imperator Romanus sum, et super grammaticam*)⁹.

Его новый статус несколько оживил деятельность собора, и, наконец, 26 ноября было решено не осуждать гуситов как еретиков, позволить богемским мирянам получать вино на евхаристии и проповедовать каждому, кто был «уполномочен свыше». По двум другим пунктам собор колебался. Но предводители гуситов в Праге, получив эти новости из Базеля, были склонны принять частичную уступку. Богемия была небольшой страной; уже более десяти лет торговля, сельское хозяйство и сама нормальная жизнь этой земли были полностью нарушены войной; более ста тысяч человек погибли в сражениях, а вдобавок волны чумы вновь и вновь прокатывались по этой земле¹⁰.

Увы, движение гуситов выросло достаточно, чтобы разделиться на секты. И наиболее радикальные из них не соглашались ни на какие компромиссы.

Армия радикальных гуситов под предводительством Прокопа Гогого обложила осадой католический город Пльзень; в ответ умеренные гуситы объединились против них с ортодоксальными католиками. 30 мая 1434 года у города Липаны состоялась отчаянная битва между радикалами и коалицией умеренных гуситов с католиками, закончившаяся поражением радикалов. В итоге был достигнут компромисс, закрепленный соглашением 1436 года. «*Compactata*», изложение итогов собора в Базеле, содержало признание гуситов частью католической церкви, пусть и отличающейся практикой и верованиями: впервые западное христианство признало существование внутри христианства отдельной секты, лежащей вне чисто католической доктрины. Но таким образом бумажное единство церкви было восстановлено¹¹.

* * *

Базельские «Компактаты» помогли вернуть Богемию в руки империи, но торжество Сигизмунда было кратковременным. Про-

Карта 91.1. Империя Сигизмунда

ведя на имперском престоле лишь четыре года, он умер 9 декабря 1437 года — не дожив несколько месяцев до своего 70-летия. Видимо, он страдал диабетом; незадолго до того ему ампутировали пальцы на левой ноге. Чувствуя приближение конца, Сигизмунд приказал надеть себя в императорскую мантию и возшел на имперский престол, где и восседал в ожидании смерти¹².

Он не оставил сыновей, и все его титулы получил его зять Альбрехт, 40-летний герцог Австрии. Альбрехт легко возшел на престол Венгрии, а в марте 1438 года германские князья-электоры согласились признать его право на корону Германии. Но Бое-

мия отвергла Альбрехта, а враждующие партии гуситов спорили относительно того, кто должен быть королем.

Тем временем Базельский собор все еще продолжался. Он отчасти решил проблему гуситов — но перед ним стояло множество других вопросов, включая необходимость различных церковных реформ и возможность вновь взять греческую православную церковь Константинополя под власть Рима. Внутри собора тоже возникли отдельные фракции; он раскололся так же, как Богемия отделилась от Священной Римской империи. Папа Евгений IV со своими сторонниками настаивал на переносе собора во Флоренцию, где богатый банкир и политик Козимо Медичи обещал участникам теплый прием.

Упрямый собор остался на месте, настаивая, что папа действовал без должного одобрения участников. Он избрал ему замену, аристократа из Северной Италии, ставшего «антипапой» Феликсом V. В отличие от раскола XIV века, это разделение осталось просто эпизодом; Евгений IV направился во Флоренцию, и большинство христиан признало, что Базельский собор стал собором

Флорентийским. Но в течение следующих десяти лет упрямый Феликс V продолжал пользоваться титулом папы*.

* * *

В 1439 году император Константинополя прибыл во Флоренцию, готовый вновь обсуждать возможности объединения с Римом — не обращая внимания на то, что сам Рим все еще страдал от раскола.

Его вынуждала к этому изменившаяся ситуация в Османской империи. Дружественно относившийся к Мануилу султан Мехмед умер в январе 1421 года — от естественных причин, по словам придворного летописца; от яда, если верить слухам. А его сын, воинственный 18-летний Мурад II, немедленно обложил осадой Константинополь.

В 1424 году пожилой Мануил II откупился от нового султана, и тот временно снял осаду. Но вскоре после этого старый император умер, оставив своего сына Иоанна VIII лицом к лицу с новой османской угрозой. Император Иоанн VIII отправился в Италию, на собор во Флоренции, чтобы попросить христианский Запад объединиться против османского Востока ради спасения Константинополя. Это было повторение пройденного: эту мелодию не раз играли со времен призыва к Первому крестовому походу, но теперь первая скрипка была расстроена.

Но миссия императора провалилась.

Стратегия Иоанна заключалась в очередной попытке сгладить различия между Востоком и Западом; стереть почти пятьсот лет разнонаправленного развития мысли и теологии, различий в традициях и в культуре ради войны на одном локальном фронте. Но еще до прибытия императорской свиты (в которую входили семьсот священников, придворных, теологов и ученых) патриарха Константинополя разъярило послание, напоминавшее ему, что при представлении папе он должен будет поцеловать его стопу. Патриарх заявил, что намерен «обращаться с папой, как с отцом, если он старше меня; если мой ровесник — как с братом; если моложе — как с сыном»¹³.

Борьба за ранги продолжалась. Уже на соборе византийцы и европейцы спорили из-за лучших мест, из-за очередности принятия

* Собор сперва ненадолго перебрался из Базеля в Феррару, но затем полностью обосновался во Флоренции. Сейчас это событие чаще всего упоминается как собор Флорентийский, но термины «Базельский собор» и «Феррарский собор» тоже иногда используются. (Прим. авт.)

Хронологическая таблица 91

Империя Мин и Дайвэт	Завоевания Тимура и османы	Византия	Германия и Священная Римская империя	Папство	Италия	Венгрия
Чан Тхуан Тонг (1378–1395)			Вацлав IV (1378–1400)	Урбан VI (1378–1389) Климент VII (антипапа, 1378–1394)		
Разграбление Каракорума (1380)					Битва при Кьодже (1380)	
Создание «Стражи в вышитых одеждах» (1382)					Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)	Мария (1382–1385)
						Карл II Неаполитанский (1386)
Битва на реке Луонг (1389)	Баязид I (1389–1402)	Мануил II (1391–1425)	«Земельный мир» (1389)	Бонифаций IX (1389–1404)		Сигизмунд (1387–1437)
Принц Ань (1395–1399)	Битва при Никополе (1396)			Бенедикт XIII (антипапа) (1394–1423)		
Император Цзянь-вэнь (1398–1402)	Вторжение в Дели (1398)					

Империя Мин и Дайвьет	Завоевания Тимура и османы	Византия	Германия и Священная Римская империя	Папство	Италия	Венгрия
Хо (Ле) Куи Ли (1400–1407)			Рупрехт (1400–1410)			
Император Юн-лэ (1402–1424)	Битва при Анкаре (1402)				Джан Мария Висконти, правитель Милана (1402–1412)	
	Сулейман (с соперниками, 1403–1411)					
Первая морская экспедиция (1404)	Смерть Тимура (1405)					
Вторжение Мин в Дайвьет (1406–1407)				Григорий XII (1406–1415)		
Четвертый период господ- ства Китая (1407–1427)						
Начинается строительство Запретного Города (1407)			Осуждение виклифизма (1409)	Александр V (1409–1410)		

Империя Мин и Дайвьет	Завоевания Тимура и османы	Византия	Германия и Священная Римская империя	Папство	Италия	Венгрия
			Сигизмунд (1411-1437)	Иоанн XXIII (антипапа, 1410-1415)		
	Мехмед (1413-1421)		Собор в Кон-станце (1413)		Филиппо Мария Висконти, правитель Милана (1412-1447)	
	Возвышение союзов Ак-Коюндлы и Кара-Коюндлы	Восстановление стены Гексамиліона (1415)	Казнь Яна Гуса (1415)	Мартин V (1417-1431). Конец папского раскола		
Восстание Ле Лоя (1418)				Отлучение гуситов (1418)		
			Первая пражская дефестрация (1419). Гуситские войны (1419-1434)			
			Четыре Пражские статьи (1420)			

Империя Мин и Дайвьет	Завоевания Тимура и османы	Византия	Германия и Священная Римская империя	Папство	Италия	Венгрия
	Мурат II (1421–1444/ 1446–1451)		Богемский сейм (1421)			
Император Хун-си (1424–1425)						
Император Сюань-дэ (1425–1435)		Иоанн VIII (1425–1448)				
Династия Ле в Дайвьете (1428–1788) Ле Лой (1428–1433)			Базельский собор начинает- ся (1431)	Евгений IV (1431–1447)	Сигизмунд (1431–1437)	
Последняя морская экспе- диция (1433)	Возвышение Эсен-гайши (1430–е)		Сигизмунд (император, 1433–1437)			
Император Чжэн-тун (1435–1449)			Базельские «Компакты» (1436)			Альбрехт II (1437–1439)
		Провозглаше- ние унии (1439)	Альбрехт II (1438–1439)			
			Собор переби- рается во Флоренцию (1439)	Феликс V (антипапа) (1439–1449)		

пищи, из-за того, может ли патриарх украшать свой помост драпировками, как папа, где стоит осуществлять пасхальную службу — и лишь в самом конце вспомнили о церковных доктринах. С 4 июня 1438 года до 5 июля 1439 года ассамблея на непрерывных ежедневных заседаниях спорила о разделяющих ее теологических вопросах: как точно Святой Дух относился к остальным двум ипостасям Троицы, следует использовать для евхаристии квасной либо пресный хлеб, какова должна быть точная степень власти папы над греческой церковью? Множество связанных с этими проблемами мелочей громоздились друг на друга. Священники и теологи принимали компромиссные решения, слово за словом, предложение за предложением. В ходе переговоров патриарх умер от старости¹⁴.

Наконец, компромиссы были согласованы, изложены на бумаге, постановление о союзе прочитано вслух ко всеобщей радости и встречено хвалебными гимнами от греков и латинян — хотя из-за того, что священникам обеих сторон не нравились гимны другой стороны, они были вынуждены петь по очереди в центральном нефе собора Флоренции*.

Заручившись гарантией поддержки Западной церкви и обещанием, что папа Евгений отправит триста военных кораблей и 12 тысяч флоринов для помощи в защите Константинополя от турок, Иоанн VIII отправился домой. Он вернулся в начале февраля 1440 года; через несколько дней вслед за ним в столицу Византии прибыли обещанные войска и необходимые деньги.

Но объединение не произошло.

Народ на пристани Константинополя встретил священников вопросом: «Чем увенчались ваши усилия?.. Победили ли мы?» Клирики, сопровождавшие императора, ответили: «Мы продали нашу веру за море, мы обменяли благочестие на нечестие!»

Только самые высшие слои греческой церкви и двора были сторонниками компромисса; и священники, служившие в церквях Константинополя, и граждане города расценивали результат соглашений как продажу первородства, грубый обмен драгоценных священных сокровищ на эфемерный военный успех. Понимая настроения народа, Иоанн VIII медлил с обнародованием в Константинополе декрета об унии¹⁵.

* Базельский собор работал почти 15 лет (1431–1449). Всего состоялось 50 сессий, но официально церковь признает легитимными только 25 из них (до 1437 года). До середины 1443 года в соборе приняло участие в общей сложности около 3500 человек. Был принят ряд декретов по практическим проблемам реформы католической церкви — но папская булла об унии церквей издана так и не была. (*Прим. ред.*)

Задержка стала постоянной. Попытка вернуть церкви в единое лоно была не более успешной, чем объединение старой Священной Римской империи. Дорогое путешествие на запад, бессчетные часы споров, бесконечные переговоры — все это обеспечило Константинополю некоторую военную поддержку, но более ни к чему не привело. Да и эта поддержка окажется бесполезной против грядущего нападения.

Глава 92

Вечное рабство

Между 1415 и 1455 годами португальцы отправляют корабли в Западную Африку за рабами, а папа благословляет их на завоевания

Несколькими десятилетиями раньше война между Францией и Англией пустила ростки на Пиренейском полуострове; эти ростки укоренились и уже дали горькие плоды.

Жуан Ависский стал теперь зваться Жуаном I Португальским, а англичанка Филиппа, дочь Джона Гонта, стала его королевой. В Кастилии правил девятилетний правнук Энрике Трастамары, Хуан II. После победы португальцев при Альжубарроте обе страны продолжали воевать еще 26 лет; только в 1411 году они наконец заключили перемирие.

Теперь Кастилия и Португалия вели борьбу за новые рубежи: торговля, богатство — и острова, лежавшие на западе, в Атлантическом океане. В первом раунде выиграла Кастилия. В 1402 году французский авантюрист Жан де Бетанкур высадился на Канарских островах, «имея намерение завоевать острова и обратить туземцев в христианскую веру». Он жаждал славы, рыцарских подвигов и большой добычи; его экспедицию сопровождали два францисканских монаха-летописца. Первым их подвигом стал захват в плен тех самых туземцев из африканского племени гуанчей; их доставили в порт Кадис и там продали в рабство.

Затем Бетанкур, сообразив, что может добыть даже больше славы, чем предполагал, направился ко двору Кастилии и попросил отца юного Хуана II признать его королем Канарских островов и вассалом кастильской короны. Король согласился: *«Мы усматриваем весьма доброе намерение в том, что сей рыцарь явился*

принести мне оммаж за страну, которая, как я понял, расположена в двухстах лигах от нас и о которой я доселе не слыхал», — сказал он своим придворным¹.

Вскоре от племени гуанчей почти ничего не осталось, их обратили в рабство и вывезли в Европу; Канарские острова были заново заселены кастильскими крестьянами, которые стали распахать землю и ловить рыбу. А Кастилия могла теперь похвалиться новыми приобретениями в Атлантике. Разумеется, португальцы ревниво следившие за успехами соседа, вознамерились тоже расширить свои пределы².

Жуан I Португальский нашел подходящий объект: портовый город Сеута, лежащий на другой стороне Гибралтарского пролива. Сеута тогда принадлежала султану из североафриканской (берберской) династии Маринидов — одной из тех, что возникли на развалинах империи Альмохадов в конце XIII столетия. Борьба с Маринидами давала как минимум два преимущества. Во-первых, ее можно было представить как продолжение реконкисты — тогда как процесс возвращения христианскому миру завоеванных мусульманами территорий на самом Пиренейском полуострове приостановился из-за упорного сопротивления мусульманского королевства Гранада. Во-вторых, это предприятие было менее обременительным, чем война с христианским государством. Кроме того, этим делом можно было занять сыновей. У Жуана I имелось пять законных сыновей, в 1415 году им было от 13 до 24 лет; всю эту массу юношеской энергии и амбиций следовало направить в полезное русло.

Королева Филиппа умерла накануне отправки флота в поход. Королевский летописец португальского двора рассказывает, что почти перед самой смертью, услышав, как дует северный ветер, она приподнялась на постели и воскликнула: «Это ваш попутный ветер!» Месяц спустя португальские корабли, с тремя ее старшими сыновьями на борту, вошли в гавань Сеуты и атаковали крепость³. Уже на второй день Мариниды сдались. Жуан Португальский лично руководил штурмом вместе со своим старшим сыном и наследником Эдоардо; 20-летний Энрике и 22-летний Педро сражались на другом фланге. Когда город был взят, центральную мечеть Сеуты тщательно освободили, снабдили христианскими алтарями и распятиями, обрызгали освященной водой, и здесь король-отец посвятил в рыцари всех троих принцев. «Это было восхитительное зрелище, ибо все они были рослые, стройные, в чистых одеждах,

и опоясаны мечами», — пишет придворный историк Гомеш Эанеш де Зурара⁴.

Мариниды не слишком отчаянно сражались за Сеуту, но их все же беспокоил португальский плацдарм в их владениях, поэтому они постоянно нападали на захватчиков. Жуан I потратил огромные средства на защиту Сеуты, а в 1418 году был вынужден отправить войско под командованием своего третьего сына, Энрике, чтобы снять осаду города, организованную Маринидами. Через год король назначил Энрике постоянным губернатором Сеуты⁵.

Мало-помалу выяснилось, что Сеута была дорогостоящим и неудачным приобретением; сопротивление Маринидов не давало возможности использовать ее в качестве базы для продвижения во внутренние области Северной Африки. Поэтому Энрике поставил перед собой другую цель: сохранив Сеуту, начать поиск новых торговых путей на юг. По словам хрониста Зурары, он всегда мечтал *«разведать земли, лежавшие за Канарскими островами и мысом, именуемым Бохадор, ибо дотоле ни в письменах, ни в памяти людской не сохранилось достоверных сведений о природе земель за этим мысом»*⁶.

Он решил использовать Сеуту как базу на пути к мысу Бохадор. Но найти желающих пуститься в опасный путь оказалось не так-то просто.

«Он много раз посылал не только обычных людей, но и тех, кто имел большой опыт в делах войны и умело владел оружием; но не оказалось никого, кто посмел бы обогнуть мыс Бохадор и узнать о землях за его пределами, как хотел [принц Генрих]. И сказать по правде, это происходило не от трусости или от нежелания, а от новизны дела и широко распространенных древних легенд об этом мысе, которые испанские моряки рассказывали из поколения в поколение... что за пределами этого мыса «...не живет род человеческий и эти земли необитаемы... там нет ни воды, ни деревьев, ни зеленой травы, а море же так мелко, что на целую лигу от суши оно не глубже морской сажени; течения же там столь ужасны, что ни один корабль, пройдя этот мыс, не сможет вернуться домой»⁷.

В течение двенадцати лет Генрих отправлял корабли на юг. Португальские колонисты обосновались на острове Мадейра, португальские суда нападали на североафриканские гавани Маринидов. Однако, несмотря на обещанную Генрихом огромную награду, капитаны не хотели рисковать и двигаться дальше.

В 1433 году Жуан I умер, и королем Португалии стал Эдоарду, старший брат Генриха. В этом же году из Сеуты отплыл еще один португальский корабль, взявший курс на запад-юго-запад. Капитан Жиль Эанеш довел его до Канарских островов, но здесь «его одолел все тот же ужас», и он повернул на север. Генрих велел снабдить судно всем необходимым — и снова отправил в море. «Какие бы великие опасности ни встретились тебе, — сказал он Эанешу, — не менее великой должна быть твоя надежда на вознаграждение»⁸.

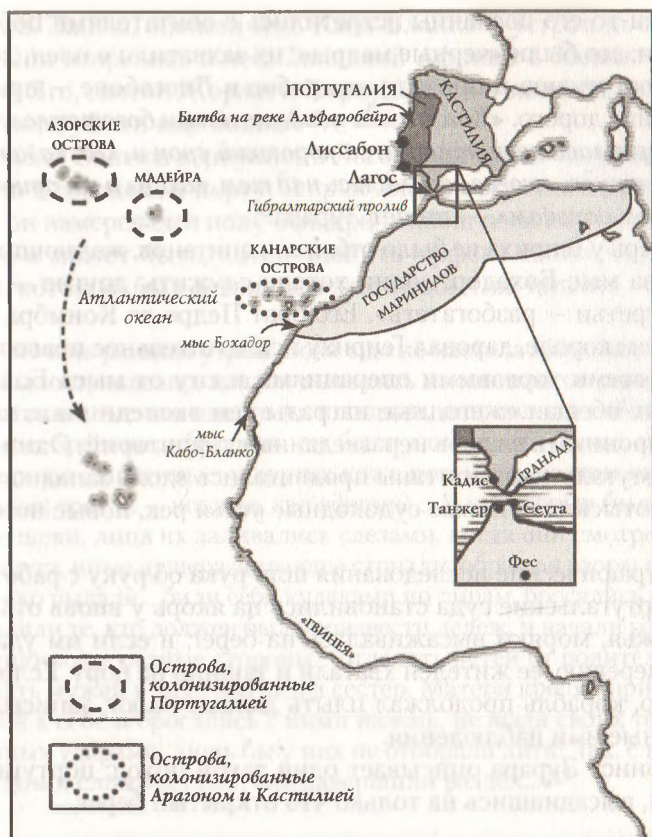
Ободренный этими обещаниями, Эанеш наконец-то обошел опасный мыс. Он вернулся с известием, что окутанная страхами земля совершенно не соответствует легендам: море там спокойно, побережье плодородно, а людей не видно вообще. Последующие экспедиции подтвердили его сообщения, хотя теперь были найдены следы людей и верблюдов. Генрих организовал еще одну экспедицию, на этот раз поручив ей высадиться на берег с лошадьми и проникнуть в глубь суши в поисках людей. Португальцы долго ехали, не встречая ни селений, ни признаков жилья, пока страх не заставил их повернуть обратно.

Политические проблемы на некоторое время приостановили отправку экспедиций принца Генриха. Его брат, король Португалии, объявил войну Маринидам, вопреки протестам кортесов — законодательного собрания королевства. Генрих отнесся к этой идее с большим энтузиазмом, чем кортесы, и взял на себя руководство рейдом на стратегически важный порт Танжер. С собой он взял брата Фердинанда, младшего из сыновей Жуана I, которому уже исполнилось тридцать пять.

По случайному совпадению губернатором Танжера был тот же человек, который когда-то правил Сеутой в момент ее захвата португальцами. Он учел опыт давнего поражения и приказал открыть ворота Танжера, чтобы заманить португальское войско внутрь, а потом своими войсками окружил город снаружи и запер врагов в ловушке⁹.

Вскоре султан прислал из Феса подкрепления, и Генриху пришлось сдаться. В обмен на капитуляцию Сеуты ему удалось выторговать свободу для большинства своих солдат — но в качестве залога за будущий выкуп он должен был оставить своего брата Фердинанда и двенадцать португальских рыцарей.

Однако кортесы не согласились на выплату обещанного магрибского выкупа. Фердинанд остался в плену; его держали в Фесе и обращались с ним сурово: по ночам держали прикованным в камере,

Карта 92.1. Открытия португальцев

и днем вместе с другими пленниками заставляли выполнять тяжелые работы.

Эдоарду умер одиннадцать месяцев спустя — по одним известиям, от чумы, по другим — от отчаяния и чувства вины за судьбу младшего брата. Королем Португалии стал его шестилетний сын Афонсу, при двух регентах — вдовствующей королеве Элеоноре и брате короля Педро де Коимбра, плохо ладивших между собой.

Генрих, возвратившись в Сеуту, так и не смог добиться освобождения Фердинанда. В 1443 году самый младший из португальских принцев умер в плену. К этому моменту экспедиции возобновились. Генрих организовал переселение португальских колонистов на Азорские острова, лежащие к западу от Португалии.

Наконец-то его посланцы встретились с обитателями побережья Африки: это были «черные мавры»; их захватили в плен, доставили в Португалию и продали как рабов в Лиссабоне — причем на удивление дорого. *«Когда люди увидели, каким богатством разжились мореплаватели, притом за короткий срок и, как казалось, без особого труда, многие задумались над тем, как бы и им приобщиться к этим доходам»,* — пишет Зурара¹⁰.

Теперь у Генриха не было отбоя от капитанов, желающих плыть на юг, за мыс Бохадор: «одни хотели служить, другие — добыть славу, третьи — разбогатеть». Его брат Педро де Коимбра, регент при юном короле, даровал Генриху исключительное право контроля над всеми торговыми операциями к югу от мыса Бохадор — а Генрих обещал ежегодные награды тем экспедициям, которые будут проникать в глубь неразведанных территорий. Один за другим португальские капитаны продвигались вдоль западного побережья, отыскивая новые судоходные устья рек, новые источники рабов.

Географические исследования шли рука об руку с работорговлей: португальские суда становились на якорь у вновь открытого побережья, моряки высаживались на берег, и если им удавалось найти деревню, ее жителей хватали и тащили на борт. Если людей не было, корабль продолжал плыть дальше на юг, записывая все сделанные ими наблюдения.

Хронист Зурара описывает один такой поход; португальские моряки, высадившись на только что открытый берег,

«увидели нескольких гвинейских женщин, собиравших крабов на мелководье в маленьком заливе. Они схватили женщину лет тридцати, с двухлетним сыном, и девочку четырнадцати лет. Женщина проявила невероятную силу: трое мужчин, захвативших ее, не смогли дотащить ее до шлюпки... Тогда один из матросов, видя, как им трудно... догадался взять ее ребенка и отнести в шлюпку; материнская любовь заставила женщину пойти за ним... С этого места они плыли еще некоторое время, пока не нашли устье реки, по которой можно было подняться на шлюпке. Там они нашли селение, схватили одну женщину и, доставив ее на каравеллу, вновь вернулись к реке»¹¹.

Человеческий товар поступал в Португалию небольшими партиями, но в 1444 году Генрих организовал показательную массовую доставку рабов в португальский город Лагос; этим шоу руководил капитан Ланзароте де Фрейтас. Шесть кораблей, один из которых

сел Жиль Эанеш, обошли мыс Кабо-Бланко и устроили охоту на рабов. Они вторглись в леса Западной Африки с боевым кличем «Святой Яго, святой Жоржи и Португалия!» и захватили не менее 250 рабов, а убили еще больше¹².

Корабли Эанеша вернулись в Лагос 8 августа и выгрузили толпу рабов в городском порту; Генрих лично встречал их верхом на коне — он намеревался получить причитающуюся ему пятую долю добычи, а может быть, хотел оценить эффект своего спектакля. Зурара, который был очевидцем этого события, пишет:

«Очень ранним утром, пока еще не настала жара, моряки, как им было приказано, начали выводить пленников со своих судов. Выставленные все вместе на площади, они являли собой потрясающее зрелище, ибо среди них были люди почти белые, красивые и хорошо сложенные; у других кожа потемнее, цветом как у леопардов; третьи — черные, как эфиопы... У некоторых были запавшие щеки, лица их заливались слезами, когда они смотрели друг на друга; иные душераздирающе стонали, обращая взоры в небеса, громко рыдали... били себя кулаками по лицам, бросались наземь... Пришли те, кто должен был произвести дележ, и начали разводить пленников в разные стороны... отделять детей от родителей, разлучать мужей и жен, братьев и сестер. Матери крепко прижимали детей к себе и бросались с ними наземь, не щадя своих тел, израненных ударами, лишь бы у них не отобрали дитя! Так, с великим трудом и сложностями, они завершили раздел...»¹³

Зурара, тронутый страданиями пленников, утешился тем соображением, что теперь им все-таки лучше, нежели раньше, когда они жили «не ведая спасения души... словно животные». Теперь, заключает он, их «одели... накормили... их любят и, желая им добра, обращают на путь к истинной Веры». Рабство привело их в христианскую страну, где их приобщат к Евангелию — а значит, все к лучшему¹⁴.

* * *

К 1452 году торговля рабами и другими диковинками Африки уже шла вовсю (*«ежегодно продают 3500 и более рабов, большое количество слоновой кости и золота, тонких хлопковых тканей и других разнообразных товаров»*), — писал несколько десятилетий спустя географ Дуарте Пачеко Перейра). И король Португалии решил защитить интересы своей державы в Африке, обратившись к авторитету папы¹⁵.

Хронологическая таблица 92

Империя Мин и Дайвьет	Германия, Венгрия и Священная Римская империя	Италия	Папство	Кастилия	Португалия и Марокко
	Карл II Неаполитанский (король Венгрии, 1386)	Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)		Битва при Альжубарроте (1385)	Жуан Ависский (1385–1433)
	Сигизмунд (король Венгрии, 1387–1437)				
Битва на реке Луонг (1389)	«Земельный мир» (1389)		Бонифаций IX (1389–1404)	Энрике III (1390–1406)	
Принц Ань (1395–1399)			Бенедикт XIII (антипапа) (1394–1423)		
Император Цзянь-вэнь (1398–1402)					Абу Саид Усман (1399–1420)*
Хо (Ле) Куи Ли (1400–1407)	Рупрехт (король Германии, 1400–1410)				
Император Юн-лэ (1402–1424)		Джан Мария Висконти, правитель Милана (1402–1412)		Кастилия получает права на Канарские острова (1402)	

* В тексте книги Абу Саид Усман III не упоминается. На самом деле он стал правителем Марокко 19 марта 1398 года, в возрасте 16 лет. В 1410 году Абу Саид Усман попытался отобрать у эмира Гранады Юсуфа III Гибралтар, но потерпел поражение и попал в плен, после чего признал себя вассалом Юсуфа — хотя формально считался султаном Марокко, то есть стоял выше своего сюзерена. В 1419 году после неудачной попытки отбить Сеуту окончательно утратил авторитет и был убит в следующем году.

Полное имя и Дайвэт	Города, Восток и Священная Римская империя	Италия	Восток	Босния	Босния и Марокко
Первая морская экспедиция Мин (1404)					
Вторжение Мин в Дайвэт (1406–1407)			Григорий XII (1406–1415)	Хуан II (1406–1454)	
Четвертый период господства Китая (1407–1427)					
Начинается строитель- ство Запретного Города (1407)	Осуждение викли- физма (1409)		Александр V (1409–1410)		
	Сигизмунд (король Германии, 1411–1437)	Филиппо Мария Висконти, прави- тель Милана (1412–1447)	Иоанн XXIII (антипапа, 1410–1415)	Перемирие с Португалией (1411)	
	Собор в Констанце (1413)				
	Казнь Яна Гуса (1415)		Мартин V (1417– 1431). Конец папского раскола		Захват Сеуты (1415)
Восстание Ле Лоя (1418)	Первая пражская дефенестрация (1419) Гуситские войны (1419–1434)		Отлучение гуситов (1418)		Генрих Морепла- ватель становит- ся наместником Сеуты (1419)
	Четыре Пражские статьи (1420)				
	Богемский сейм (1421)				

Империя Мин и Дайвьет	Германия, Венгрия и Священная Римская империя	Италия	Папство	Кастилия	Португалия и Марокко
Император Хун-си (1424-1425)					
Император Сюань-дэ 1425-1435)					
Династия Ле (1428-1788) Ле Лой (1428-1433)	Начало Базельского соборная (1431)	Сигизмунд (король Ломбардии 1431-1437)	Евгений IV (1431-1447)		
Последняя морская экспедиция Мин (1433)	Сигизмунд (импера- тор, 1433-1437)				Эдуарду (1433-1438)
Начало сопротивления Эсен-Тайши (1430-е гг.)					Жиль Эанеш огнибае мыс Бохадор (1434)
Император Чжэн-гун (1435-1449)	Базельские «Компакты» (1436)				
	Альбрехт II (король Германии, 1437-1439)				Неудачная атака Танжера (1437)
	Альбрехт II (король Венгрии, 1438-1439)				Афонсо V (1438-1477)
	Собор перебирается во Флоренцию (1439)	Феликс V (антипа- па) (1439-1449)			Смерть Ферди- нанда (1443)
			Николай V (1447-1455)		Продажа рабов на рынке в Лаго- се (1444)
			Булла Dum Diversas (1452)		

Афонсо V, достигший совершеннолетия за четыре года до того, оставил своего дядю и регента Педру де Коимбра сдать полномочия; когда Педру попытался сопротивляться, войско Афонсо одолело его в яростной битве на речке Альфаробейра, где Педру де Коимбра* погиб от стрелы, пронзившей его сердце¹⁶.

Утвердившись на троне, Афонсу V подтвердил право своего дяди Генриха контролировать работорговлю. Затем он обратился в Рим с просьбой признать, что Португалия ведет в Африке крестовый поход — священную войну против врагов церкви, борьбу с силами тьмы.

Евгений IV умер в 1447 году; на папском престоле сидел теперь итальянец Николай V. Недолго подумав, он решил удовлетворить просьбу Афонсу и 18 июня 1452 года издал буллу «*Dum Diversas*», которая давала королю Португалии «в силу апостольской власти полную свободу действий... вторгаться, разведывать, захватывать, побеждать и подчинять всевозможных сарацин и язычников, а также иных врагов Христа где бы то ни было, и... ввергать их в вечное рабство»¹⁷.

*In perpetuam servitutem...*** Булла скрепила печатью одобрения порабощение Африки. Очевидно, Николая V больше заботили турки, чем негры Западной Африки — поскольку он дал Афонсу право брать в рабство всех язычников и захватывать их земли. Но три года спустя, подтвердив буллу грамотой «*Romanus Pontifex*», папа уточнил географические границы региона, в котором Афонсу позволялось захватывать и подчинять. Поскольку короли Португалии потратили столь много «трудов, усилий и средств», направляя «быстрые корабли» в Африку, что позволило «начать среди тамошних жителей проповедь неведомого им, но священного име-

* Педру Португальский, герцог Коимбра (1392–1449) был истинным «человеком Возрождения», активным и любознательным. Он много путешествовал по Европе; в Венгрии встретился с императором Священной Римской империи и поступил к нему на службу, в составе императорской армии сражался против турок-османов и чехов-гуситов. Во Франции и Англии Педру де Коимбра посещал университеты Парижа и Оксфорда, провел два года при дворе герцога Бургундии Филиппа Доброго. Дож Венеции подарил ему копию известной книги Марко Поло — а Педру передал эту копию и карты венецианских торговых путей на Восток своему младшему брату Генриху Мореоплавателю. Педру был хорошо образован, переводил классиков с латыни, писал стихи. Действительно ли он желал присвоить себе корону, не доказано. Вероятно, племянник объявил его изменником лишь на основе ревнивых подозрений. Причины смерти Педру тоже неясны: некоторые исследователи полагают, что герцога убил один из его же приближенных. (Прим. ред.)

** В вечное рабство (лат.).

ни Христа», а также «добыть для Христа» такое множество душ, то все это португальское предприятие получило отныне покровительство церкви. Теперь лишь португальцам разрешалось плавать в Западную Африку, проповедовать там Евангелие и доставлять африканцев в Европу.

«Опасаясь, как бы посторонние лица, побуждаемые алчностью, не направились к этим местам, желая присвоить свершения, плоды и славу их трудов... либо вздумали обучить неверных искусству мореплавания, благодаря чему те могли бы стать более могущественными и упорными врагами короля... и привести к неудаче предприятие... [что] покрыло бы великим позором весь христианский мир; дабы не допустить этого и сохранить их права и владения... впредь никто, кроме [португальских] моряков и кораблей... предварительно получивших официальное разрешение упомянутого короля... да не смеет плавать в указанные провинции, торговать в их портах либо ловить рыбу в море... [Сии] острова, земли, гавани и моря... по праву принадлежат упомянутому королю Альфонсо и его наследникам... с тем, чтобы [они] могли с большим рвением продолжать сию... весьма благочестивую и благородную работу — ...спасение душ»¹⁸.

Завоевание Западной Африки было причислено к разряду священных деяний; порабощение ее народов объявили спасением, а продажу людей — долгом праведников. Более разрушительного толкования идеала крестовых походов история не знала.

Глава 93

Потеря Франции

Между 1422 и 1453 годами Жанна д'Арк помогает королю Франции вернуть свой трон и погибает, французы одерживают победу в Столетней войне, а оба короля-соперника теряют рассудок

Генрих V получил Францию; однако, за исключением Парижа и областей, непосредственно к нему прилегающих, его власть существовала лишь на бумаге. Его поддерживал герцог Бургундский — но арманьяки, противники бургундцев, сплотились вокруг лишенного наследства дофина.

Карл VII передал права дофина Генриху V, однако старый король еще был жив, и англичанам после битвы при Азенкуре пришлось воевать со сторонниками дофина. К 1422 году, согласно «Хронике» Уолсингэма, «большая часть» английского войска, «ослабленного боями и недостатком провианта... вернулась в Англию, отнюдь не собираясь вновь отправиться во Францию»¹.

Генрих не отступил — но, проведя все годы своей взрослой жизни на войне, он стал жертвой дизентерии, непременной спутницы всех тогдашних армий. Постепенно болезнь приобрела хронический характер, и король скоропостижно скончался 30 августа 1422 года, всего в четырех милях от Парижа, пробыв на троне чуть меньше десяти лет.

На родине у него остался девятимесячный сын, которого и провозгласили Генрихом VI, «королем Англии и Франции», правителем Англии и наследником трона в Париже. Через два месяца, в возрасте 54 лет, умер и безумец Карл VI. Он провел последние тридцать лет, борясь со своей болезнью; терпел регулярные кровопускания, целыми днями молился, ездил в паломничество по святым местам, принимал любого знахаря, обещавшего волшебное исцеление. По словам летописца Ангеррана де Монстреле, король уже некоторое время был «прикован недугом к постели»; и в час смерти рядом с ним почти никого не было. Похороны обставили великолепно — но *«ни один из французских принцев крови на похоронах не присутствовал... что наводит на печальные размышления, если вспомнить, каким великим могуществом и благосостоянием обладал сей государь в начале своего правления»*².

Однако он уже давно ничего не значил для судеб страны, и лишь сам его уход со сцены стал важным событием. Было неясно, кто станет преемником Карла: младенец Генрих VI, чьи интересы защищали бургундцы и англичане — или дофин Карл, подерживаемый арманьяками.

Дофин был самым младшим ребенком покойного короля; четверо его старших братьев по очереди носили титул дофина, и все умерли раньше отца. Других сыновей не осталось. В 1422 году дофину было девятнадцать. С четырнадцати лет он заменял Карла VI во многих делах: председательствовал на советах, подписывал указы, исполнял функции, обычно доверяемые взрослым мужчинам. От природы Карл VII было достаточно способным, но с детских лет ему пришлось претерпеть много обид и разочарований. Отец отнял у него титул и отдал врагу; ему постоянно чинили препятствия парижане, стоявшие на английской стороне; и теперь

при малейшем противодействии он быстро впадал в отчаяние и апатию. Тем не менее, дофин всегда был себе на уме: «Он охотно окружал себя людьми мудрыми и храбрыми, и позволял им руководить собою. Но, незаметно для них, он всегда задумывал что-то свое», — пишет его летописец Шателлен³.

Оба кандидата стали королями одновременно: младенец Генрих — в Париже, Карл VII — в замке Меэне около Буржа. В Париже также обосновался, в качестве регента при Генрихе VI, герцог Бедфорд*. Тем временем гражданская война разгорелась не на шутку: оба герцога сообща принялись расширять сферу своего влияния от Парижа до долины Луары и дальше на юг, а Карл VII с арманьяками окопались в Бурже и обеспечили себе подкрепления из мятежной Шотландии и верной французам Кастилии. «Война началась с легких стычек, — пишет английский хронист Рафаэль Холинshed, — но потом пошли настоящие сражения»⁴.

Первые шесть лет этой войны принесли сторонникам юного Генриха ряд побед. Регент, герцог Бедфорд, женился на сестре герцога Бургундского, что дополнительно скрепило англо-бургундский союз; силы же Карла VII были серьезно подорваны сражением в июле 1423 года, когда потери составили три тысячи шотландцев и столько же французов убитыми или взятыми в плен. Города Кузи, Мелан, Рамбуйе, Мен и Компьень один за другим пали по мере того, как англичане с союзниками продвигались на север и на юг. «Дофин был жестоко удручен, — пишет Холинshed, — ибо его вытеснили из всех графств, принадлежавших короне Франции». Двор теперь располагался в Пуатье, и оттуда Карл пытался править как король. Но его уже одолевало безразличие, он отгораживался от своих приближенных, запираясь во внутренних покоях в полном одиночестве⁵.

В октябре 1428 года герцог Бедфорд приступил к осаде Орлеана. Город продержался до конца зимы 1429 года, но жители начали голодать и отправили послов к герцогу Бургундскому с предложением

* Генрих стал королем Франции 21 октября 1422 года после смерти своего деда Карла VI, на основании договора в Труа, заключенного в 1420 году. Его матери, Екатерине Валуа, было 20 лет; она не пользовалась доверием английской знати, и потому главным регентом был назначен старший из живущих сыновей короля Генриха IV Джон, герцог Бедфорд, дядя ребенка. Генрих был коронован королем Англии 6 ноября 1429 года, за месяц до своего восьмилетия, а королем Франции — в соборе Парижской Богоматери 16 декабря 1431 года. «Младенцем» в этот момент его вряд ли уже можно было назвать. (Прим. ред.)

нием сдаться ему*. Дела французов были отчаянно плохи: если бы Орлеан пал, южные области стали бы легкой добычей англичан — а тогда Карлу VII пришлось бы оставить страну и бежать в Кастилию. Как отмечает Монстреле, «англичане продолжали осаду, и король Карл пребывал в глубокой печали; ибо почти все принцы и знатные люди, видя, насколько безвыходно положение и как все разваливается, покинули его»⁶.

Карл все сидел в Шиноне, не строя никаких планов и не рискуя действовать, когда вдруг к нему явилась неожиданная помощь в лице Жанны д'Арк — 17-летней дочери зажиточного фермера. Девушка «одевалась как мужчина», работала по дому, «не боялась гонять лошадей на водопой, а также исполнять другие дела, необычные для женщин»⁷.

С детских лет Жанне д'Арк, родившейся в городке Домреми на северо-востоке Франции, слышались голоса и являлись видения. Родители попытались выдать ее замуж за приличного молодого человека, но она отказалась, объяснив, что ее предназначение — спасти Францию от англичан и добиться коронации дофина как правомочного государя французского народа. В марте 1429 года она приехала в Шинон, чтобы открыть свою миссию будущему королю**.

* Герцог Бедфорд был главнокомандующим английской армией во Франции — а осадой Орлеана руководил граф Томас Солсбери. Он же командовал английскими войсками в битве при Краване 31 июля 1423 года, всколыхнув упомянутой автором выше. Эта битва стала одним из самых больших успехов англичан и их бургундских союзников: потери французских войск оцениваются в 3–4 тысячи шотландских стрелков и около 1200 французов, из них около 300 дворян. Поражение при Краване подорвало боевой дух французов и повлекло за собой еще несколько проигранных битв. Сама осада Орлеана началась 12 октября 1428 года, но уже в конце октября граф Солсбери был смертельно ранен осколками ядра и через неделю скончался. После него командование принял на себя Уильям де ла Поль, герцог Саффолк. (Прим. ред.)

** В этой книге мы можем привести лишь минимум подробностей короткой и яркой жизни Жанны д'Арк. Классические работы Режи́н Перну содержат гораздо больше материала, включая публикацию современных документов и полный обзор обвинений против Жанны, это: Regine Pernoud, *Joan of Arc: Her Story*, trans. Jeremy deQuesnay Adams (St. Martin's Press, 1998); *Joan of Arc: By Herself and Her Witnesses* trans. Edward Hyams (Macdonald, 1964); а также *The Retrial of Joan of Arc*, trans. J. M. Cohen (Harcourt, Brace, 1955). Подробное изложение событий с позиции сочувствия Карлу VII можно найти в книге Malcolm G. A. Vale, *Charles VII* (University of California Press, 1974). (Прим. авт.)

Автор приводит издания переводов работ Режи́н Перну на английский язык. Вот соответствующие названия оригиналов: *Vie et mort de Jeanne d'Arc*; *les témoignages du procès de rehabilitation 1450–1456*, Hachette, 1953; *Jeanne d'Arc par elle-même et par ses témoins*, Seuil, 1962; *Réhabilitation de Jeanne d'Arc*,

Карл согласился встретиться с нею; ведь в юности он видел не раз, как его отец принимал разных колдунов и гадалелей, обещающих чудесное исцеление. Позднее очевидцы свидетельствовали, что Жанна д'Арк сразу же распознала дофина, который, одетый в обычную одежду, стоял среди группы придворных, неотличимый от них. Само по себе это не могло убедить Карла в необходимости выслушать девушку — но сказанное ею игнорировать было нельзя; впоследствии Жанна показала это на суде, а ее исповедник Жан Паскерель записал ее слова.

«Когда [король] увидел ее, он спросил, как ее зовут, и она ответила: „Добрый дофин, я — Жанна Девственница, и Царь небесный повелел мне прийти, чтобы вы были помазаны и коронованы в городе Реймсе как наместник Его, который есть государь Франции”. И после того, как король задал ей еще несколько вопросов, Жанна снова ему сказала: „Я говорю тебе от имени Господа, что ты — истинный наследник Франции, сын короля, и Он прислал меня, чтобы привести тебя в Реймс, где ты будешь коронован и посвящен, если того пожелаешь”. Поняв это, король сказал своим придворным, что Жанна поведала ему некую тайну, которая не была и не могла быть известна никому, кроме Господа; и это вызвало у короля великое доверие к ней»⁸.

Дофин сам еще был молод — ему было лишь двадцать шесть; вероятно, он часто задумывался над тем, что его право на власть действительно являлось тайной, сокрытой даже от его отца, отдавшего корону чужому.

Реакцию армии на призыв Жанны д'Арк объяснить трудно. Впрочем, она не была первым в истории молодым харизматическим лидером, способным поднять боевой дух войска — но впервые этот подвиг удался семнадцатилетней девушке. Это вряд ли стало бы возможно, не обладай Жанна особыми личными свойствами: душевным магнетизмом и даром внушения. «*Великое множество людей, слышавших Деву, глубоко верили ее словам, и не сомневались, что она вдохновлена свыше, как она и утверждала*», — пишет Монстреле⁹.

Жанна оставалась в Шиноне с королем до апреля, разрабатывая план нападения на войска, ведущие осаду Орлеана; 27 апреля она направила герцогу Бедфорду письмо (которое тот проигнори-

reconquête de la France, Éd. du Rocher-J. — P. Bertrand, 1995. Один из ее трудов на ту же тему переведен на русский язык: Р. Перну, М. — В. Клэн. *Жанна д'Арк*. М.: Прогресс, 1992. Краткое, но емкое описание процесса Жанны д'Арк по французским первоисточникам, с разбором вариантов, трактовок и противоречий: В. И. Райцес. *Процесс Жанны д'Арк*. М. — Л.: Наука, 1964. (Прим. ред.)

ровал) с требованием отдать все захваченное им и покинуть Францию. Затем она выступила в поход на Орлеан во главе войска дофина. Два дня спустя они переправились через Луару. Энергия и убежденность Жанны передались рыцарям и командирам, которые уже устали от бездействия. Дофин был отстранен от непосредственного руководства войсками; три быстрых налета королевской армии на лагерь англичан и бургундцев заставили осаждающих сняться с места и в конце первой недели мая отступить. Этот успех стал первым в череде французских побед.

Подобно приободлившейся футбольной команде, войско дофина шло за «Орлеанской Девой» из боя в бой — и сражалось доблестно. Англичане и бургундцы пятились, отступали. Занятый англичанами Турнель сдался 8 мая; Жарго — в июне; Труа и Реймс — в июле; Сен-Дени — в августе. Получив наконец Реймс в свое распоряжение, дофин организовал в тамошнем соборе пышную коронационную церемонию, согласно традиции, установленной франкским королем Хлодвигом много веков назад.

Но коронованному и помазанному на царство Карлу сразу наскучило электризирующее присутствие Жанны д'Арк. Чтобы окончательно восстановить свое господство над Францией, ему следовало выдворить англичан из Парижа. Однако Карл не испытывал энтузиазма по поводу этого плана, а Жанна недооценила прочность английского влияния в Париже. Она предполагала, что народ перейдет на сторону законно коронованного государя Франции — но в столице было слишком много бургиньонов и сторонников англичан. После нескольких предварительных атак в конце августа 8 сентября 1429 года она сама возглавила штурм стен Парижа. Однако французская армия, ощутив разлад между предводителями, утратила боевой дух. Жанна была серьезно ранена стрелой в бедро. В конце концов королевская армия отступила. Настроение изменилось; рана превратила Жанну из ангела господня в обыкновенную уязвимую женщину¹⁰.

Мистический подъем, охвативший французское воинство, понемногу угас. В начале сентября Карл VII решил отступить за Луару, на зимние квартиры. К весне 1430 года он еще сидел в городке Сюлли, погруженный в апатию. Надеясь пробудить утраченную активность, Жанна д'Арк оставила короля и с отрядом в две тысячи верных солдат отправилась в Компьень. Этот город остался верным Карлу VII и не поддался англичанам; Жанна рассчитывала использовать его как базу для внезапного нападения на английские войска, расквартированные поблизости.

Карта 93.1. Дофин против англичан

Однако не успел ее отряд выйти из ворот, как на них напали солдаты герцога Бургундского. «В тот момент капитан [Компьяня], видя, что на мост надвигаются большие силы бургиньонов и англичан... велел поднять мост и закрыть ворота. Так Дева оказалась отрезана снаружи, лишь с горсткой своих людей», — писал впоследствии один из участников этого боя¹¹.

В более поздних сообщениях, в том числе и у Холиншеда, утверждается, что комендант Компьяня был подкуплен англичанами и что Жанне подстроили ловушку. Так или иначе, она попала в плен, и ее отвезли в лагерь герцога Бургундского в Мариньи.

Для англичан и бургундцев Жанна была той силой, что воскресила из мертвых армию Карла VII; им было недостаточно отстранить Деву от военных действий — ее требовалось дискредитировать. Поэтому с ней обращались не как с военнопленной, а как с еретичкой, виновной в «многочисленных преступлениях, колдовстве, идолопоклонстве, общении с демонами и других деяниях, касающихся веры и противных вере»¹².

Карл VII и не подумал о том, чтобы спасти Жанну. Ни один из современников не упоминает, как король воспринял случившееся: нет ничего, кроме красноречивого молчания. Возможно, он вел какую-то тайную, затяжную стратегическую игру, как случилось не раз в его царствование; а может, коронация была его единственной и конечной целью. Но не исключено, что короля одолел очередной приступ патологической апатии. Выяснить это теперь не представляется возможным.

В любом случае, Жанна, вытерпев долгое и мучительное заключение, в конце концов 21 февраля 1431 года предстала перед судом в Руане, в Нормандии (это был надежный тыл англичан), по обвинению в ереси. К этому моменту уже было ясно, что Карл решил держаться как можно дальше от всяких проявлений колдовства. Формально суд было призван решить богословскую проблему — но все отлично понимали, что осуждение Жанны имело военное значение. Девушку содержали в военной тюрьме, ей не предоставили законоведа-защитника и не допускали к ней женщин; все это было грубейшим нарушением законов церкви, существовавших для защиты женщин, обвиненных в ереси¹³.

Процедуру следствия существенно осложнило утверждение Жанны, что бог обращался к ней напрямую, без посредничества служителей церкви и вне стен храма (эта ересь расшатывала устои церковной организации уже в течение многих веков), и что он не одобряет договор в Труа (который предоставил Генриху V право

претендовать на корону Франции). Как сообщает латинский протокол суда,

«Спрошенная, ненавидит ли Бог англичан, она сказала, что ей ничего не известно касательно любви или ненависти Бога к англичанам, равно как и о том, что сделает он с их душами; однако она знает несомненно, что их изгонят из Франции, всех, кроме тех, кто останется и погибнет, и что Бог дарует французам победу над английским оружием»¹⁴.

Обвинением руководил Пьер Кошон, епископ Бовэ, обучавшийся в Париже каноническому праву. На протяжении трех месяцев на Жанну обрушили семьдесят различных обвинений. Судейская коллегия, состоявшая из юристов, священников и ученых (всего 131 человек), сочла, что двенадцать из них можно доказать. Тем временем Жанна (истощенная, всеми покинутая, голодная) впала в прострацию. В четверг 24 мая она не воспротивилась тому, что ее взяли за руку и велели поставить крест как подпись под обвинительным актом — тем самым признав свою вину, за которую ей предстояло расплатиться пожизненным заключением. Но в начале следующей недели искра упрямства вспыхнула в измученной душе Жанны, и когда члены суда пришли к ней, она отказалась от своих признаний*.

Жанну немедленно объявили нераскаявшейся еретичкой, а это означало неизбежную смерть на костре. Французский двор пред-

* На самом деле все обстояло ярче и трагичней. Доказать обвинения в ереси оказалось не так-то просто: Жанна д'Арк держалась с необыкновенным мужеством, демонстрировала остроту ума и уверенно опровергала обвинения одно за другим. Она с жаром говорила о «видениях» и о «любимой Франции» — но при этом вела себя не как средневековая крестьянка, а как человек эпохи рационализма. Поскольку загнать девушку в тупик и поймать ее на слове никак не удавалось, суд сконцентрировался на фактах, не требовавших добровольного признания, — например, на ношении мужской одежды, а также пытался доказать, что голоса, которые слышала Жанна, исходили от дьявола. Но осудить Жанну на смерть, не добившись признания вины, означало создать ей ореол мученицы. После долгих обсуждений было решено отказаться от применения пыток, «ибо это скомпрометирует безупречно проведенный процесс». И тогда мэтр Кошон прибегнул к психологической пытке: 24 мая он организовал инсценировку казни. Жанну подвели к костру, сложенному на площади, где уже собрались солдаты и горожане, и начали медленно, торжественно зачитывать длинный приговор. И Жанна сломалась: в конце чтения она согласилась отказаться от защиты своих «видений». Тут же ей была поднесена заранее заготовленная бумага с текстом отречения от «заблуждений» — по свидетельству всех очевидцев, 6–8 строк. Девушке обещали, что если она отречется, ее переведут в женскую тюрьму и снимут кандалы — это оказалось обманом.

индел такую развязку (а может, и рассчитывал на нее): приговор был приведен в исполнение незамедлительно. 30 мая 1431 года Деву вывели на рыночную площадь Руана, окруженную вооруженными людьми: охранять порядок во время казни отрядили восемьсот солдат. Исполнители торопились; священник, назначенный принять последнюю исповедь Жанны, позднее писал, что капитан охраны пытался подгонять его в ходе исповеди, поскольку его людям пора было обедать.

«С нетерпением, отбросив все формальности и юридические тонкости, они отправили ее на костер. Палачу было сказано: „Исполняй свою работу!“ Девушку втащили на помост и привязали к столбу, а она продолжала громко взывать к Господу и его святым; последними словами, которые она прокричала перед смертью высоким голосом, было „Иисус!“»¹⁵

* * *

Казнь Жанны, на первый взгляд, стала победой английской стороны. Но последствия ее оказались иными. Жители Руана видели и слышали, как Жанна умирала с именем Христа на устах, и все шире расходились разговоры о том, что она была мученицей. Даже палач вскоре пришел к священнику и умолял отпустить ему грех, говоря, что на нем лежит проклятие, поскольку он сжег святую женщину. Рассказывали, будто случилось чудо: сердце Девы нашли нетронутым среди пепла¹⁶.

После сожжения в Руане регент, герцог Бедфорд, организовал приезд юного Генриха VI, которому уже исполнилось десять лет, в Париж для коронации в соборе Нотр-Дам. Однако церемония прошла при угрюмом молчании народа; парижане выказали такую враждебность к юному английскому королю, что через несколько недель ему пришлось уехать в Нормандию.

Жанна подписала бумагу и повторила вслух ее содержание. Позднее бумага была подменена другой, объемом в пару рукописных страниц (50 строк); этот документ и был официально объявлен подписанным Жанной отречением.

Но через несколько дней Жанна снова надела мужскую одежду — таким образом, «впав в повторную ересь», что каралось смертью. Существует версия (изложенная судебным исполнителем Жаном Массье якобы со слов самой Жанны), что английские стражники попросту отобрали у нее женскую одежду; однако по другим описаниям Жанна сделала это сознательно, коря себя за слабость и ища смерти. «Я проклинаю себя за отречение», — заявила она суду на единственном допросе 28 мая. На следующий день трибунал приговорил ее к смерти («передаче в руки светских властей»), и утром 30 мая Жанна д'Арк была сожжена на площади Старого рынка в Руане. (*Прим. ред.*)

Положение англичан во Франции дополнительно осложнялось тем, что между регентом и его давним союзником, герцогом Бургундским, начался разлад. Власть Карла VII заметно укрепилась, и герцог Бургундский призадумался над тем, как бы ему помириться со своим королем. Когда его сестра, супруга герцога Бедфорда, умерла в 1432 году, и Бедфорд быстро женился снова, отчуждение между ними еще усилилось. «Англичане стали подозревать бургундцев, и настроились против них так же, как прежде — против французов... и они больше не доверяли друг другу», — пишет Монстреле¹⁷.

Англичан неуклонно вытесняли с французской земли, и в конце лета 1435 года лондонский совет Генриха VI согласился направить послов в Аррас, где они должны были встретиться с двумя кардиналами, присланными из Рима, чтобы посодействовать установлению мира между воюющими королями. Там же присутствовали герцог Бургундский и представители ряда французских областей; Карл VII прислал свою делегацию. Герцог Бедфорд не явился; вскоре стало ясно, что деловой разговор идет по сути только между герцогом Бургундским и посланцами Карла VII. Англичанам это не нравилось, «ибо они подозревали, что за их спиной заключают соглашение не в пользу их державы». Помимо тайных встреч между французскими делегатами, английских послов смущало требование французской стороны, чтобы Генрих VI отказался от претензий на корону Франции — за что ему обещали суверенитет над некоторыми французскими территориями. К началу сентября запас терпения у англичан иссяк. Они прервали переговоры и возвратились в Англию¹⁸.

Спустя всего несколько дней умер герцог Бедфорд, из-за болезни находившийся в Руане. Герцог Бургундский решил, что у него больше нет обязательств перед англичанами. 21 сентября он поставил свою подпись под Аррасским договором: этот документ не помог прекратить войну с англичанами, но теперь бургундская партия воссоединилась с королевской. Наконец-то настал конец расколу, который был основной причиной успешного вторжения англичан во Францию*.

* Конгресс открылся 5 августа 1435 года. На него прибыли также посланники герцогов Орлеанского, Бретонского и Алансонского, делегации 13 французских городов и Парижского университета. Герцог Бедфорд не явился, потому что лежал при смерти — но сформулированные им предложения англичане изложили 23 августа. Эти предложения не учитывали политических реалий, сложившихся на тот момент, и не могли быть основой для переговоров. 25 августа королевские войска под командованием Ла Гира провели во

Париж еще какое-то время сопротивлялся; в городе оставались бургиньоны, упорно не желавшие перейти за своим герцогом и подчинение французской короне; кроме того, в Бастилии располагался английский гарнизон. Наконец в начале 1436 года армия французского короля под командованием коннетабля Франции ворвалась в ворота столицы и окружила Бастилию; английский гарнизон был вынужден капитулировать.

Карл VII вступил в Париж 12 ноября 1437 года. Он не был в собственной столице девятнадцать лет, и дату выбрали не случайно: это было первое воскресенье рождественского поста, периода ожидания Мессии — день, когда короли торжественно вступают в свои города. Впрочем, для победного ликования обстановка во Франции не слишком подходила. Разруха, вызванная гражданской войной, продолжалась. Солдаты, прежде служившие Карлу VII, сбились в шайки, которые в народе прозвали *ecorcheurs* — «живодерами»; они бесчинствовали в сельской местности, и коннетаблю не скоро удалось искоренить бандитизм.

Беспокойство еще более усилилось из-за решения Карла VII реорганизовать армию. Заручившись поддержкой Генеральных штатов в Орлеане, он издал указ, согласно которому на защиту Франции должна была стать постоянная армия под контролем правительства, причем все командиры отныне становились офицерами, обязанными подчиняться королю, и ни один французский герцог не мог завести своего войска без позволения короля¹⁹. Так настал конец феодальным дружинам и личным армиям; это был тяжелый удар по одной из привилегий, наиболее ценимых французской аристократией.

Некоторые герцоги попытались сопротивляться. Объединившись с бандами «живодеров», они подняли вооруженный мятеж. Однако правительственная армия под руководством коннетабля Франции подавила очаги сопротивления прежде, чем они разрослись: такова была первая демонстрация возросшей военной мощи Французского королевства²⁰.

К этому времени англичане потеряли почти все свои французские владения. В 1444 году Генриху VI исполнилось двадцать три года, и он лично занимался делами правления; признав необходи-

мую демонстрацию: они форсировали Сомму и двинулись на Аррас. Это заставило Филиппа Бургундского сделать выбор, и 1 сентября он сообщил, что из-за непримиримой позиции Англии больше не может оставаться ее союзником. Англичане покинули конгресс 6 сентября. Бургундцы, французы и папский легат несколько ночей проводили тайные консультации, 11 сентября конгресс возобновил работу — а Джон Бедфорд умер 14-го. (Прим. ред.)

Хронологическая таблица 93

Империя Мин и Дайвэт	Германия и Священная Римская империя	Венгрия	Италия и папство	Кастилия и Марокко	Португалия	Франция	Англия и Уэльс
						Карл VI (1380–1422)	Крестьянское восстание (1381)
		Карл II Неаполитанский (1386)	Джан Галеаццо Висконти, правитель Милана (1385–1402)	Битва при Альжубарроте (1385)	Жуан Ависский (1385–1433)		
		Сигизмунд (1387–1437)					
Битва при реке Луонг (1389)	«Земельный мир» (1389)		Бонифаций IX (1389–1404)	Энрике III (1390–1406)			
Принц Ань (1395–1399)			Бенедикт XIII (антипапа) (1394–1423)			Перемирие между Англией и Францией (1396)	
Император Цзянь-вэнь (1398–1402)				Абу Саид Усман (1399–1420)			Изгнание Генри Болингброка (1398)
Хо (Ле) Куи Ли (1400–1407)	Рупрехт (1400–1410)						Генрих IV (1399–1413)
Император Юн-лэ (1402–1424)			Джан Мария Висконти, правитель	Кастилия получает права на			Восстание Оуэна Глиндур (1401–1405)

Империя Мин и Дайвьет	Германия и Свя- щенная Рим- ская империя	Венгрия	Италия и папство	Кастилия и Марокко	Португалия	Франция	Англия и Уэльс
Первая мор- ская экспеди- ция (1404)							
Вторжение Мин в Дайвьет (1406–1407) Четвертый период власти Китай (1407–1427)			Григорий XII (1406–1415)	Хуан II (1406–1454)			
Начинается строительство Запретного Города (1407)	Осуждение виклифизма (1409)		Александр V (1409–1410)			Соперниче- ство арманья- ков и бургунд- цев (с 1410)	
			Иоанн XXIII (антипапа, 1410–1415)				
	Сигизмунд (1411–1437)		Филиппо-Ма- рия Висконти, правитель Милана (1412–1447)	Перемирис Испании с Пор- тугалией (1411)			Генрих V (1413–1422)
	Собор в Кон- станце (1413) Казнь Яна Гуса (1415)					Битва при Азенкуре (1415)	
			Мартин V (1417–1431) Конец раскола папства		Захват Сеуты (1415)		

Империя Мин и Дайвьет	Германия и Свя- щенная Рим- ская империя	Венгрия	Италия и папство	Кастилия и Марокко	Португалия	Франция	Англия и Уэльс
Восстание Ле Лоя (1418)	Первая праж- ская дефен- страция (1419). Начало Гуситских войн (1419–1434)		Отлучение гуситов (1418)		Генрих Морецлава- тель становит- ся правителем Сеуты (1419)	Договор в Труа (1420)	
	Четыре Пражские статьи (1420)					Генрих VI (формально, 1422–1453)	Генрих VI (1422–1462 и 1470–1471)
Император Хун-си (1424–1425)	Богемский сейм (1421)						
Император Сюань-дэ (1425–1435)						Жанна д'Арк является к дофину (1429)	
Династия Ле (1428–1788) Ле Лой (1428–1433)	Базельский собор начина- ется (1431)		Сигизмунд (король Италии, 1431–1437) Евгений IV (1431–1447)			Казнь Жанны д'Арк (1431)	
Последняя морская экспедиция (1433)	Сигизмунд (император, 1433–1437)				Эдоарду (1433–1438)		
Начало сопротивления					Жиль Эанеш		

Империя Мин и Дайвьет	Германия и Священная Римская империя	Венгрия	Италия и папство	Кастилия и Марокко	Португалия	Франция	Англия и Уэльс
Император Чжэн-гун (1435–1449)	Базельские «Компакты» (1436)					Аррасский договор (1435)	
	Альбрехт II (1437–1439)				Неудачная атака Танжера (1437)	Карл VII (1437–1461)	
		Альбрехт II (1438–1439)			Афонсо V (1438–1477)		
	Всемирный Собор переезжает во Флоренцию (1439)		Феликс V (антипапа) (1439–1449)				
					Смерть Фердинанда (1443)		
			Николай V (1447–1455)		Продажа рабов на рынке в Лагосе (1444)		
			Булла «Dum Diversas» (1452)			Сдача Бордо (1452)	
			Булла «Romanus Pontifex» (1455)			Болезнь Карла VII (1453)	Безумие Генриха VI (1453)

мость временного перемирия, он согласился также жениться на Маргарите, племяннице Карла VII, и свадьба состоялась в 1445 году. Этот союз все же не спас положения англичан на континенте. В июне 1449 года Карл VII неожиданно обвинил их в том, что они нарушили условия перемирия и пытались склонить герцога Бретонского, племянника Карла, к мятежу против короны Франции.

В результате ряда кампаний в период от 31 июля 1449 года до 22 августа 1451 года французы отвоевали почти все крепости, города и стратегически важные пункты как в Нормандии, так и в Гаскони, принадлежавшей английской короне последние триста лет. Генрих VI пообещал прислать подкрепления, но его больше заботили домашние дела (дворцовые интриги и заговоры против него), и отправка обещанных кораблей не состоялась. Наконец, у англичан во Франции осталась лишь узкая полоска вокруг Кале и Гинна. *«Таким образом, англичане были изгнаны и потеряли все — области, города, замки и земли, которые являлись их собственностью в королевстве французском ... постоянно теряя и ничего не приобретаая»*, — сокрушается Холиншед²¹.

Не всем в Нормандии пришлось по душе правление Карла VII, особенно после введения новых налогов для компенсации военных расходов. В октябре 1452 года граждане Бордо («уже уставшие от французского гнета») позволили английскому корпусу численностью в пять тысяч, под командой Джона Тэлбота, сына графа Шрусбери, высадиться в своей гавани. Французское войско прибыло с пушками — тогда огнестрельная артиллерия только появилась на поле боя в Европе — и полностью разгромило десант. В ходе сражения погибло более тысячи солдат и сам Тэлбот; остальные англичане бежали. Это был предсмертный вздох Столетней войны²².

Между тем Карла VII одолевали странные недуги. У него тряслись руки — порой так сильно, что он не мог подписать официальные документы. Об этой болезни придворные упоминают туманно, но началась она где-то в конце 1453 года. Король был вынужден ходить с повязкой на ноге из-за незаживающей гнойной язвы; для своей больной ноги он заказывал особые чулки; пищу для него тщательно перетирали, поскольку язвы возникали и во рту. Есть версия, что Карл VII страдал от сифилиса — но возможно, он унаследовал какой-то генетический порок своего безумного отца. У сына его сестры замечали аналогичные симптомы.

В августе того же года внезапно впал в безумие и Генрих VI. *«Вследствие случайного и неожиданного испуга он сделался столь слаб здоровьем, что в течение полутора лет не владел ни природ*

ным рассудком, ни разумом, необходимым, чтобы управлять страной», — сообщает современная ему «Хроника Джайлса» [*Giles Chronicle*]; другой источник добавляет, что короля Англии «внезапно настигло и сокрушило помрачение рассудка». Точно то же самое произошло с его дедом Карлом VI летом 1392 года: было ясно, что Генрих унаследовал безумие королевского семейства Франции.

Со временем сознание вернулось к нему, король стал узнавать свою жену и детей — но психика его осталась неустойчивой, Генриха мучили звуковые и зрительные галлюцинации, приступы кататонии... Генрих VI пребывал теперь в воображаемом мире. Эта болезнь затем преследовала его потомков во многих поколениях. Таков оказался самый долговечный приз, который Генрих V выиграл при Азенкуре²³.

Глава 94

Падение

*Между 1430 и 1453 годами происходит триумф османов,
гибель идеи крестовых походов и падение Константинополя*

Взрелые годы Мурад II оставался таким же грозным правителем, каким был в юности. Он дважды осаждал Константинополь — и только когда византийцы откупались деньгами и землями, отступал от столичных стен. Он жестоко подавил всякие попытки мятежа в подконтрольных теперь Валахии и Сербии. У венгров султан отнял крупную крепость Голубац на берегах Дуная. В 1430 году турки завоевали Фессалоники и начали угрожать адриатическим владениям Венеции. В 1431 году турецкие войска разрушили Гексамилион — оборонительную стену, которую воздвиг Мануил на Коринфском перешейке в попытке остановить турецкую экспансию¹.

Из Рима, правда, доносились обнадеживающие слухи о новом крестовом походе, в котором должны были участвовать венгры, поляки и венецианцы; определенный интерес к походу проявлял и герцог Бургундский. Сербов также могли бы убедить присоединиться к нему.

Но христианам не хватало организованности. Переговоры все длились, но пока что лишь венгры были готовы выступить против Мурада.

Умершему в 1438 году императору Сигизмунду наследовал его зять Альбрехт II, ставший королем Венгрии и Германии.

Своим центром новый король сделал Секешфехервар — римский Альба Регия, один из крупнейших городов Венгрии. Первым делом он приложил все усилия, чтобы привести к покорности чехов, отказавшихся признать его власть. В первую зиму царствования Альбрехта его резиденцию посетил кастильский путешественник Перо Тафур. Короля он встретил в пограничном богемском городе Бреслау* «вместе с огромной армией». Галантность Альбрехта произвела на него хорошее впечатление («честный во всех отношениях... открытый и отважный рыцарь»). Но больше всего кастильца поразила холодная зима.

«В городе так холодно, что [король] и его двор перемещаются по городу в деревянных повозках, напоминающих молотильные салазки. Никто, неважно каких он средств, не ездит верхом из-за боязни упасть, так как по причине длительных морозов улицы города напоминают стекло. Здесь так холодно, что у меня зуб на зуб не попадает»².

Однако подчинить чехов оказалось не такой уж легкой задачей. Поэтому в 1439 году Альбрехт II поменял направление действий и организовал кампанию против турок в Сербии. По возвращении в Вену из небольшого похода король заболел и 27 октября скончался в венгерском городе Несмей. Венгерский престол он занимал меньше двух лет — а в Германии так и не был коронован и правил только как выборный король.

Его авантюрное предприятие против турок обернулось неожиданными последствиями. Чтобы помешать вероятному польско-венгерскому альянсу, Мурад II отправил посольство с дарами к польскому королю Владиславу III. Турки обещали помочь младшему брату короля, Казимиру, вырвать Чехию из-под влияния Германии и Венгрии и превратить ее в зависимое от Польши ко-

* Бреслау — немецкое название города Вроцлава; по-русски прежде он именовался Бреславль, а изначально назывался Вратислава. По легенде, город был основан чешским князем Вратиславом (правил в 915–924 годах), а с 1138 года являлся столицей польского княжества Силезия. С 1335 года город перешел под власть Чешского королевства, но по населению оставался преимущественно польским — хотя с 1259 года здесь начали появляться немецкие поселенцы. Чешским как таковым город никогда не был. (Прим. ред.)

Карта 94.1. Войны Мурада II

ролевство. Взамен польский король должен был пообещать не поддерживать венгров в войне против турок³.

15-летний Владислав III, находившийся под влиянием советников, принял условия турецкой стороны. Но не успело османское посольство покинуть Краков, как ко двору прибыло известие о смерти Альбрехта II вместе с предложением от венгерских магнатов признать Владислава королем Венгрии. Однако немецкие князья поддерживали кандидатуру двоюродного брата умершего короля, Фридриха Габсбурга. О нем Перо Тафур писал, что «он уступал Альбрехту в благородстве, но был очень богат... [и] он знал как удержать то, что имел». Но венгры решили, что лучшим выходом будет отделение от Германии и ее проблем с Чехией⁴.

К неудовольствию Мурада II, Владислав принял венгерскую корону. Когда его послы вернулись в Эдирне и сообщили, что Венгрия и Польша объединились под скипетром одного монарха, он аннулировал договор с Венгрией и начал готовиться к войне. Тем временем по прошествии четырех месяцев после смерти Альбрехта его вдова родила сына. Часть венгерских феодалов выступила в поддержку прав новорожденного в обход Владислава III. В стра-

не разразилась гражданская война, и Мураду оставалось надеяться, что внутренняя смута ослабит противника. В 1440 году он осадил Белград, который был «воротами» в Венгрию⁵.

Однако под стенами Белграда Мурада ждал неприятный сюрприз. Крепость, построенная в месте впадения Савы в Дунай, была дополнительно защищена двумя рядами стен и пятью фортами. Вход в гавань перекрывала цепь, натянутая между двумя мощными башнями. На вооружении у турок были камнемётные машины и бомбарды — однако они не помогли, и после нескольких месяцев безрезультатных обстрелов Мурад II приказал тайно подвести под крепостные стены туннель*. В целях предосторожности рыть его начали вдали, за высоким холмом. Но защитники города вовремя обнаружили его, заложили бочками с порохом и, дождавшись, когда проход заполнят османские солдаты, взорвали тоннель вместе со всеми, кто там находился. После этого Мурад был вынужден снять осаду, потеряв в ней около 15 тысяч человек⁶.

Хотя война за венгерское наследство продолжалась, продвижение турок было остановлено венгерским магнатом Яношем Хуньяди, уроженцем лесистой Трансильвании. В свое время Альбрехт II назначил его наместником области Серень на границе с Трансильванией. Теперь Янош Хуньяди предложил польскому королю союз.

Его полководческий талант стал серьезным препятствием на пути у Мурада. Хуньяди было около сорока лет, он был хорошо образован и отличился на службе у императора Сигизмунда. Поговаривали даже, что он приходился императору внебрачным сыном. Военному искусству Хуньяди обучался в Милане, а впоследствии участвовал в гуситских войнах. Теперь полученные опыт и знания, помноженные на природную хитрость, он применил на венгерской службе. В 1442 году он разгромил армию Мурада, которая попыталась вторгнуться в Трансильванию через узкое ущелье на Дунае под названием Железные ворота. После этого Янош перешел в наступление — и в 1443 году, перейдя через Балканские горы, вторгся в глубь турецких владений. Это дерзкое и решительное мероприятие получило название Долгого похода.

В результате венгерского наступления турки утратили ряд территорий, и в феврале 1444 года Мурад II был вынужден заключить перемирие с Владиславом III и Яношем Хуньяди сроком на десять лет. Неожиданная капитуляция султана была лишь частично об-

* Такой туннель назывался «сапа», отсюда пошло выражение «тихий сапой» и род войск — саперы. (Прим. ред.)

условлена победами Хуньяди. Его старший и самый любимый сын Лааддин скоропостижно скончался от болезни. Это происшествие подкосило Мурада. Ему было только сорок лет, из которых двадцать три он находился у власти, и все это время он провел в войнах. После подписания мира султан вызвал в Эдирне другого своего сына — 12-летнего Мехмеда. Там он объявил о своем отречении и передал власть сыну и визирю Халиль-паше⁷.

Со стороны этот шаг можно было расценить как признак слабости.

Неожиданно появилась возможность для проведения крестового похода, идея которого зрела и обсуждалась давно. Папа направил своего легата, чтобы освободить Владислава III и Яноша Хуньяди от уз соглашения с Мурадом, мотивируя это тем, что договор был заключен с иноверцами. Свои доводы он подкрепил обещанием признать Хуньяди королем Болгарии, если ему удастся освободить эту древнюю страну от турок. Уговоры и посулы сработали: оба честолюбца согласились нарушить условия перемирия и возглавить многонациональный поход против молодого султана⁸.

Этой идее они остались верны, даже когда другие потенциальные участники похода начали один за другим отказываться от участия. Иоанн Палеолог не отважился пойти на такой риск, опасаясь, что турки в отместку осадят Константинополь; сербский деспот, чья дочь была женой Мурада II, предпочел не портить отношения с родственниками; венецианцы так и не прислали обещанный флот. Поэтому когда подошло время выступать в дунайский поход против турок, ряды крестоносцев сильно поредели: остались только польско-венгерские войска, возглавляемые Владиславом III и Яношем Хуньяди, и валашские отряды под началом Влада II Дракула. Хотя валашский господарь и желал скрестить оружие с иноверцами, иллюзий относительно успеха кампании он не питал. «Охотничья свита султана превосходит размерами нашу армию», — заявил он своим соратникам⁹.

Но венгры слишком привыкли к победам, Янош был упрям, а Владислав молод и амбициозен. Они двинулись на принадлежавшую туркам Варну. В связи с угрозой вторжения визирь умолил Мурада возглавить армию против неверных. Тот согласился (к некоторому неудовольствию юного Мехмеда) и во главе стотысячной армии выступил к Варне.

Соотношение противоборствующих сторон было приблизительно три к одному в пользу турок. Сражение состоялось 10 ноября 1444 года. По словам очевидцев, Мурад приказал порвать до-

говор о перемирии и прибить клочки бумаги к верхушке боевого знамени¹⁰.

Венгерская армия была уничтожена в той битве. В бою погиб Владислав III, которому было всего двадцать лет. Тело короля так и не нашли, что породило слухи о его чудесном спасении. Он якобы под видом пилигрима странствовал по восточным странам в поисках Иерусалима. Янош Хуньяди и Влад Дракул бежали в Валахию, где между ними произошла ссора, после которой Хуньяди попал в тюрьму.

Битва при Варне стала последней попыткой христиан организовать крестовый поход против турок. Хотя Варненское побоище с трудом можно назвать крестовым походом, оно отбило всякую охоту использовать эту формулировку.

После этого сражения не один трон сменил владельца.

Мурад снова стал во главе Османской державы, низведя обиженного сына до положения наследника. В Венгрии в качестве компромисса королем был признан пятилетний Ладислав Постум. В Польше за гибелью Владислава последовал трехлетний период междуцарствия, который завершился избранием младшего брата погибшего короля — Казимира.

Германией по-прежнему управлял Фридрих III Габсбург. Идея Сигизмунда о союзе между Германией и ее соседями ушла в прошлое. Через восемь лет после битвы у Варны папа Николай V короновал Фридриха императором Священной Римской империи — хотя реально он уже не правил практически ничем, кроме Германии. Фридрих III будет последним императором, коронованным в Риме, но тогда ни он, ни папа римский об этом не догадывались.

* * *

Иоанн VIII, вынужденный поздравить своего повелителя Мурада с победой над неверными, умер в 1448 году в Константинополе. Несмотря на то, что он трижды состоял в браке, сыновей у него не было. Поэтому престол перешел к его младшему брату Константину.

К сорока пяти годам Константин XI Палеолог успел потерять двух жен. Теперь он возглавил жалкую, деморализованную и обнищавшую империю. Под его началом был небольшой столичный гарнизон численностью всего девять тысяч человек, половину из которых составляли наемники. Обветшавшие городские стены местами зияли прорехами. Новый император старался не проно-

цировать Мурада II — но когда султан умер от удара в 1451 году, оказалось, что его наследник намерен покончить с независимостью Константинополя.

Ранее Мехмед безропотно ушел в тень, ожидая смерти отца. Они никогда не любили друг друга. Любимцами Мурада были два старших сына, которые приходились Мехмеду сводными братьями. Но они оба умерли молодыми. Теперь Мехмед вернулся в Эдирне. В свои девятнадцать лет он был замкнут и осторожен, и единственным человеком, кто воспринимал его всерьез, был визирь Халиль-паша. Когда Константин XI осмелился поддержать другого претендента на турецкий трон, визирь раздраженно писал византийскому императору:

«Прежний султан был мягким и снисходительным другом тебе. Но нынешний султан не разделяет такого отношения. Даже если ты уйдешь от его карающей длани, то лишь потому, что Всевышний по-прежнему потворствует твоей хитрости и коварству. Если ты хочешь восстановить потерянные тобою владения, то осмелся сделать это... Но знай, что все твои достижения в итоге приведут к потере того немногого, чем ты владеешь»¹¹.

Халиль-паша, ожидая, что его отправят в отставку, поспешил привести все дела в порядок, Но Мехмед II не спешил избавиться от него. Визирь был искусственным царедворцем с налаженными связями, а кроме того, пользовался уважением окружающих. Молодому султану не хотелось держать при дворе доверенного человека своего отца — но он был способен обуздать личную неприязнь, если того требовали государственные интересы. С другой стороны, у Мехмеда был потенциальный противник в лице его сводного брата — младенца, рожденного последней, молодой женой султана*. По возвращении в Эдирне Мехмед пригласил мачеху в тронную комнату, где ласково принял ее. Когда же женщина вернулась в свои покои, то нашла своего маленького сына задушенным¹².

* Мехмед II Завоеватель (1432–1481) был четвертым сыном Мурада II и наложницы, вероятно, греческого происхождения. С шести лет был отправлен в одну из провинций империи в качестве ее номинального правителя. Сдать трон отцу и покинуть Эдирне его вынудили недовольные им янычары. В 1448–1450 годах по приказу отца участвовал в Албанской экспедиции. За 15 дней до смерти Мурада II Мехмед вернулся в Эдирне и во второй раз вышел на трон. Упомянутая выше жена султана, Мара-Султан, была родом из Сербии; когда она вернулась на родину, то сербы в порядке возмещения силой присвоили себе несколько турецких крепостей. (Прим. ред.)

Мехмед II предпочел не растрачивать силы на многочисленные войны. Он немедленно заключил перемирие с венграми, венецианцами, валахами и греческими городами на юге Пелопоннеса. Это позволило ему направить всю энергию на строительство на западном берегу Босфора, на византийской территории, новой крепости, которую называли Богаз-кесен, что означает «Сомкнувшаяся пасть» — имея в виду то, что она перехватила пролив. К строительству были привлечены все имеющиеся рабочие, что позволило возвести крепость меньше чем за двадцать недель. Богаз-кесен располагалась напротив старой крепости, воздвигнутой еще Базидом на турецком берегу. Она предназначалась в качестве опорного пункта в подготовке к штурму Константинополя.

На протяжении двадцати недель жители города со страхом наблюдали, как на их глазах неумолимо, камень за камнем, росла турецкая твердыня. Мехмед игнорировал дипломатические протесты Константина. Император не располагал никакой властью вне города — а султан был одержим идеей разрушить стены Константинополя и положить конец его существованию¹³.

В ноябре 1452 года Богаз-кесен взял свою первую жертву. Завершив строительство, Мехмед потребовал от всех кораблей, проходящих через пролив, платить таможенный сбор. Один из венецианских кораблей отказался подчиниться этим требованиям. Тогда турецкая артиллерия расстреляла его. Практически вся команда погибла, а капитана выловили из воды и тут же на берегу посадили на кол — в назидание всем, кто будет проплывать мимо¹⁴.

Тучи неумолимо сгущались над Константинополем. В последнюю зиму Константин XI приказал своим подданным готовить оружие, чинить стены и запастись провизией. В город прибыл венгерский военный инженер Урбан, который предложил императору свои услуги. Но они оказались слишком дорогими для Константина, который с сожалением был вынужден отказаться. Тогда Урбан отправился в Богаз-кесен — где его немедленно нанял Мехмед¹⁵.

В начале апреля султан начал стягивать войска. Он разбил лагерь под стенами, причем его шатер располагался напротив ворот Святого Романа. Монстреле оценивает численность турецкой армии в 200 тысяч человек. Венецианец Николо Барбаро, очевидец тех событий, сообщает о 160 тысячах человек, а Лаоник Халкокондил — о 400 тысячах. Среди них было не менее 16 тысяч лучников и 40 тысяч всадников. Часть пехотинцев была вооружена только оружием ближнего боя, но были и облаченные во французские кольчуги и железные шлемы.

Также, по словам Монстреле, «было очень много бомбард и кулеврин». У бомбард было широкое жерло, стреляли они гранитными ядрами, а небольшой размер кулеврины позволял держать ее в руках. Монстреле сообщает о сконструированной венгром-перебежчиком бомбарде, которая стреляла ядрами «весом в 1800 фунтов». Чтобы перевезти ее от кузницы в Эдирне к стенам столицы, понадобилось тридцать телег, запряженных шестьюдесятью быками. Два месяца строительные бригады трудились над укреплением мостов и дорог, по которым должен был пройти груженный транспорт. Артиллерию султан намеревался использовать для того, чтобы пробиться через тройной ряд стен с суши в западной части города. До сих пор этого не удавалось сделать никому — но никто и не использовал пушки, стреляющие семифунтовыми ядрами¹⁶.

Бомбардировка началась 4 апреля 1453 года и продолжалась 55 дней*. Каждый день на стены обрушивалось от 100 до 120 тяжелых каменных ядер. Барбаро, который в это время находился в городе, сообщает, что первую попытку штурма турки предприняли 18 апреля, ринувшись через бреши в стенах. Но защитники отбросили их и заложили проломы камнями¹⁷.

Самым уязвимым местом в обороне города был участок стены вдоль края бухты Золотой Рог — узкого залива, которым Босфор вдавался в сушу. Через вход в залив была протянута массивная цепь, которую поддерживали башни. Однако Мехмед нашел способ решить эту проблему. Усилиями его военных инженеров около 70 кораблей были поставлены на колеса. Поздним вечером 22 апреля

* Осада Константинополя является одним из самых изученных (и распространенных) сюжетов в западной историографии. Более подробные сведения можно найти в легко читаемой и богатой иллюстрациями книге D. Nicolle, J. Haldon, Stephen R. Turnbull, *The Fall of Constantinople: The Ottoman Conquest of Byzantium* (Osprey Publishing, 2007); более подробное описание дает R. Crowley, *Constantinople: The Last Great Siege* (Faber and Faber, 2005). В обстоятельной 800-страничной монографии Marois Philippides and Walter K. Hanak, *The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography and Military Studies* (Ashgate Publishing, 2011) содержится анализ существующих исследований и доступных источников. (Прим. авт.)

Существует русский перевод первой из указанных книг: Д. Николь, Дж. Халдон, С. Р. Тернбулл. *Падение Константинополя: последние дни Византии. Полумесяц над Босфором*. М.: Эксмо, 2008. Следует заметить, что богато иллюстрированные книги серий издательства «Оспрей пাবлিশинг» являются крайне сжатыми (в пределах сотни страниц) популярными описаниями тех или иных знаковых исторических событий; зачастую они весьма неаккуратны, содержат много ошибок или недопустимых упрощений. (Прим. ред.)

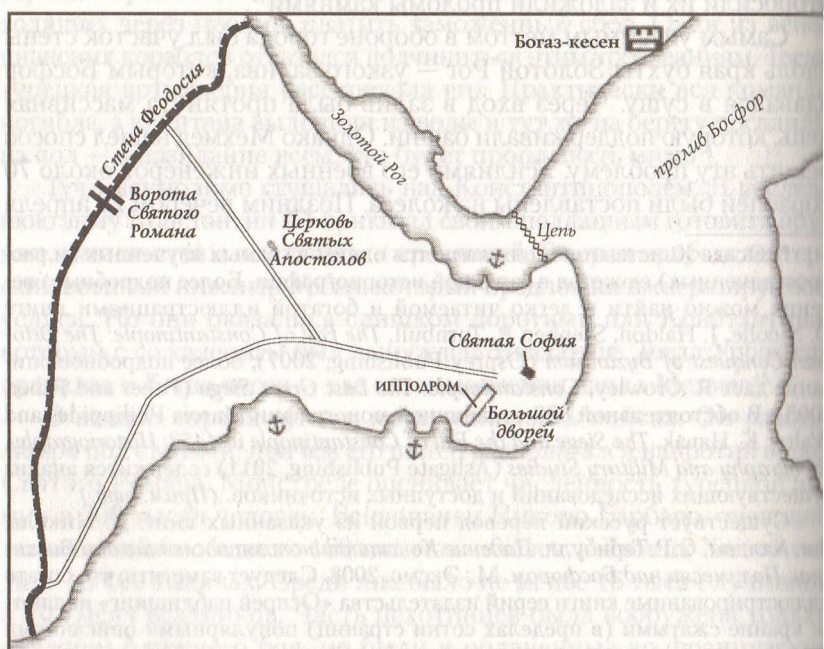
их перетаскивали через холмы в северной части Золотого Рога, в проход защитной цепи, и там снова спустили на воду. На рассвете 23 апреля бухта оказалась заполнена вражескими кораблями.

Теперь оборона города стала казаться все более и более безнадёжной.

17 и 18 мая турки вновь атаковали, пытаясь проникнуть через проломы в стенах. Но крошечный гарнизон города отбил все приступы. Константин XI, потеряв всякую надежду, отправил Мехмеда письмо с просьбой сообщить условия, на которых султан готов снять осаду. В ответном послании Мехмед заявил: *«Или я возьму этот город, или город заберет меня, живого или мертвого. Город вот все, что мне нужно, пусть даже он будет пуст»*¹⁸.

Неожиданно, 28 мая, пушки смолкли, и на город опустилась тишина. После полуночи турки пошли в последнее наступление. Мехмед бросил на штурм всех своих солдат: пехотинцев, лучников, всадников, пушкарей.

Константин лично с мечом в руках вышел на бой. Его тело потом так и не нашли: вероятно, погибшего императора похоронили в общей могиле вместе с тысячами других убитых. Как писал

Карта 94.2. Константинополь

Барбаро, трупов греков и турок было так много, что они всплывали в Мраморном море «как дыни в венецианских каналах».

К утру 29 мая Константинополь принадлежал туркам. Мехмед вступил в город через ворота Святого Романа и направился в Айя-Софию — грандиозный православный собор, — где сотворил мусульманские молитвы¹⁹.

На следующий день после захвата Мехмед приказал арестовать и казнить Халиль-пашу. Теперь он был достаточно силен и не нуждался в советах старика²⁰.

* * *

То, что турки называли Завоеванием, на Западе стало Падением. Не было больше императора на Востоке и христианской жемчужины на Черном море. Оборвалась нить, связующая XV век с мечтами и чаяниями Константина Великого. С точки зрения крестоносной идеи завоевание Константинополя стало эпилогом битвы при Варне; с точки зрения идеи священной империи это был просто конец. Разрушились старые торговые связи, умерли старые надежды, обесценились старые клятвы²¹.

Завоевание положило начало многому другому: мусульманскому натиску на Запад; новому подъему греческой мысли, которая вместе с византийскими учеными, бежавшими из погибшего города, нашла пристанище при дворах европейских владык; появлению новых народов и зарождению новых конфликтов.

Но конец было увидеть легче, чем начало. Даже для турок, которые рассматривали произошедшее как победу, а не гибель целого мира, разграбление города стало всего лишь промежуточным этапом, а не новой главой в книге истории. В единственном подробном османском источнике больше внимания уделяется пожарам, обгорелым и изувеченным телам, пеплу, смерти и разрушениям, чем радости триумфа.

«И вот, от глубоких низин у основания стен до самых высот, и от верхушек башен до самой земли закипел бой, рукопашная схватка в проломах, сотворенных пушками, при лязге клинков, мелькании пик и алебард; ...воистину то был разлив бедствий, гроза небесная, свершившаяся по воле Аллаха»²².

Кастилия	Порту- галия	Франция	Англия	Германия	Польша	Венгрия	Византия	Турция
Абу-Саид Усман (1399–1420)		Генрих IV (1399–1413)		Рупрехт (1400–1410)			Битва при Анкаре (1402)	
Кастилия получает права на Канарские острова (1402)							Сулейман (1403–1411)	
Хуан II (1406–1454)				Осуждение виклифизма (1409)				
Перемирис Испаний с Португалией (1411)		Соперничество Арманьяков и Бургунди (1410)		Сигизмунд (1411–1437)				
			Генрих V (1413–1422)	Собор в Кон- станце (1413)				Мехмед (1413–1421)
Захват Сеуты (1415)		Битва при Азенкуре (1415)		Казнь Яна Гуса (1415)			Перестройка стены (1415)	
Генрих Море- плаватель становится правителем Сеуты (1419)				Первая праж- ская дефене- страция (1419). Начало Гуситских войн (1419–1434)				
		Договор в Труа (1420)		Четыре Праж- ские статьи (1420)				

Кастилия	Порту- галия	Франция	Англия	Германия	Польша	Венгрия	Византия	Турция
		Генрих VI (1422–1453)		Богемский сейм (1421)				Мю- рад II (1421– 1444\ 1446– 1451)
			Генрих VI (1422– 1462/1470– 1471)				Иоанн VIII (1425–1448)	
		Жанна д'Арк. Начало борьбы (1429)						Захват Галубака (1428)
		Казнь Жанны д'Арк (1431)		Базельский собор начинает- ся (1431)				Захват Салоник (1430)
Эдоарду (1433–1438)					Сигизмунд (император, 1433–1437)			
Жиль Эанеш огибает мыс Бохадор (1434)					Влади- слав III (1434–1444)			
		Договор в Аррасе (1435)		Базельские «Компакты» (1436)				
Неудачная атака Танжера (1437)		Карл VII (1437–1462)				Альбрехт II (1437– 1439)		

Кастилия	Порту- галия	Франция	Англия	Германия	Польша	Венгрия	Византия	Турция
Афонсо V (1438-1477)				Альбрехт II (1438-1439) Всемирный Собор переезжа- ет во Флорен- цию (1439)				
				Фридрих IV (1440-1493)		Влади- слав III (1440- 1444)		
Смерть Ферди- нанда (1443)						Военная кампания (1443)		Мехмед II (1444- 1446\1451- 1481)
Продажа рабов на рынке в Лагосе (1444)						Ладислав (1444- 1457)		
						Битва при Варне (1444)		
		Слава Бордо (1452)		Император Фридрих (1452-1493)	Казимир (1447-1492)		Констан- тин IX (1449-1453)	
		Болезнь Карла VII (1453)	Сумасше- ствие Генриха VI (1453)				Падение Константи- нополя	

Примечания

Предисловие

1. Richard A. Fletcher, *Moorish Spain* (New York: Henry Holt & Co., 1992), p. 151.

Глава 1.

Логика и компромиссы

1. William of Malmesbury, *The Deeds of the Bishops of England (Gesta Pontificum Anglorum)*, trans. David Preest (2002), p. 575.
2. Guy Carleton Lee, *Source-book of English History* (1900), pp. 125–127; David Charles Douglas, *William the Conqueror: The Norman Impact upon England* (1964), pp. 265–266.
3. Douglas, pp. 273–274.
4. William of Malmesbury, *The Deeds of the Bishops of England*, p. 98.
5. Jaroslav Pelikan, *The Growth of Medieval Theology (600–1300)* (1978), p. 98.
6. William of Malmesbury, *The Deeds of the Bishops of England*, p. 26.
7. Saint Anselm, *Proslogion*, in *A Scholastic Miscellany: Anselm to Ockham*, ed. and trans. Eugene R. Fairweather (1956), p. 69.
8. Ibid., p. 100.
9. Uta-Renate Blumenthal, *The Investiture Controversy* (1988), p. 156.
10. William of Malmesbury, *Gesta Regum Anglorum (The History of the English Kings)*, trans. R. A. B. Mynors, R. M. Thomson, and Michael Winterbottom, vol. 1 (1998), p. 749.
11. Henry White, *History of Great Britain and Ireland* (1849), p. 114.
12. Gerd Tellenbach, *The Church in Western Europe from the Tenth to the Early Twelfth Century* (1993), p. 273.
13. Horst Fuhrmann, *Germany in the High Middle Ages, c. 1050–1200*, trans. Timothy Reuter (1986), p. 88.
14. Ibid., pp. 88–89; Karl F. Morrison, ed., *The Investiture Controversy* (1971), pp. 69–70.
15. Morrison, pp. 69–70.

Глава 2. Крестоносцы — враги

1. Anna Comnena, *The Alexiad of Anna Comnena*, trans. E. R. A. Sewter (1969), X. 9–10.
2. Ibid., X.11.
3. Ibid., XI.11–12.
4. The «Historia belli sacri (Tudebodus imitatus et continuatus)», cited by Aleksandr A. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire, 324–1453*, 2nd ed., vol. 2 (1952), p. 410.
5. George A. C. Sandeman, *Metternich* (1911), p. 168.
6. Christopher Duggan, *A Concise History of Italy* (1994), p. 40.
7. Thomas F. Madden, *Enrico Dandolo and the Rise of Venice* (2003), p. 8.
8. Vasiliev, p. 413; Frederic Chapin Lane, *Venice, a Maritime Republic* (1973), pp. 33–34.
9. Donald M. Nicol, *Byzantium and Venice* (1988), p. 79.
10. Simon Payaslian, *The History of Armenia* (2007), p. 82.
11. Из *Fontes rerum byzantinorum*, цит. в: Vasiliev, p. 416.

Глава 3. Анархия

1. Henry of Huntingdon, *The Chronicle of Henry of Huntingdon*, trans. Thomas Forester (1853), p. 244; William of Malmesbury, *Gesta Regum Anglorum*, pp. 761–763.
2. William of Malmesbury, *Gesta Regum Anglorum*, p. 745; Judith A. Green, *The Government of England under Henry I* (1986), p. 5.
3. T. A. Archer and Charles Lethbridge Kingsford, *The Crusades* (1914), p. 15; John Richard Green, *A Short History of the English People*, rev. ed. (1894) p. 99.
4. William of Tyre, *A History of Deeds Done beyond the Sea*, trans. and ed. Emily Atwater Babcock and A. C. Krey, vol. 2 (1976), bk. 14.2, p. 51.
5. Simeon of Durham, *The Historical Works of Simeon of Durham*, trans. Joseph Stevenson (1855), p. 617.
6. Henry of Huntingdon, *The Chronicle of Henry of Huntingdon*, trans. and ed. Thomas Forester (1853), bk. 7, pp. 259–260.
7. Ibid., pp. 269–271.
8. M. J. Swanton, trans. and ed., *The Anglo-Saxon Chronicle* (1998), pp. 264–265.

Глава 4. Потерянная родина

1. Li Qingzhao ji jiazhu, цит. по: Simon Leys, *The Hall of Uselessness* (2011), pp. 255–256.
2. Patricia Buckley Ebrey, ed., *Chinese Civilization*, 2nd ed. (1993), p. 169.

3. Ebrey, p. 171; Jacques Gernet, *A History of Chinese Civilization*, 2nd ed. (1996), p. 357.
4. Yuan-Kang Wang, *Harmony and War* (2001), p. 80.
5. Peter Allan Lorge, *War, Politics and Society in Early Modern China, 900–1795* (2005), p. 55.
6. Jung-Pang Lo, «The Emergence of China as a Sea Power during the Late Sung and Early Yuan Periods», *Far Eastern Quarterly* 14, no. 4 (1955): 502, 491.
7. Wang, p. 89.
8. Alexander Woodside, *Vietnam and the Chinese Model* (1971), pp. 7, 299.
9. James Anderson, *The Rebel Den of Nung Tru Cao* (2007), p. 143.
10. Michael E. Brown and Sumit Ganguly, *Fighting Words* (2003), p. 222; Nicholas Tarling, ed., *The Cambridge History of Southeast Asia*, vol. 1 (1999), pp. 147–148.
11. George Coedes, *The Indianized States of Southeast Asia*, ed. Walter F. Vella, trans. Sue Brown Cowing (1968), pp. 99–100, 159.
12. Georges Maspero, *Royaume de Champa*, цит. по: Coedes, *The Indianized States of Southeast Asia*, pp. 159–160.
13. Victor B. Lieberman, *Strange Parallels*, vol. 1 (2003), pp. 348–350.
14. Oscar Chapuis, *A History of Vietnam* (1995), p. 52.
15. John K. Whitmore, *Essays into Vietnamese Pasts* (1995), p. 65.
16. Chapuis, p. 42.
17. Milton Osborne, *The Mekong* (2000), p. 31.
18. Charles Higham, *The Civilization of Angkor* (2001), pp. 115–117.
19. Ian Shaw and Robert Jameson, *A Dictionary of Archaeology* (1999), p. 63.

Глава 5. Новый крестовый поход

1. Carole Hillenbrand, *The Crusades* (2000), p. 113; William of Tyre, p. 105.
2. Martin Sicker, *The Islamic World in Decline* (2001), p. 72.
3. Nicholas N. Ambraseys, «The 12th Century Seismic Paroxysm in the Middle East», *Annals of Geophysics* 47, nos. 2–3 (April–June 2004): 743–744; Ibn al-Athir, *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period*, trans. D. S. Richards (2006), pt. 1, p. 351.
4. Josef W. Meri, *Medieval Islamic Civilization* (2006), vol. 1, p. 219; *The Qur'an*, trans. Thomas Clancy (2004), p. 299.
5. Ibn al-Athir, pt. 1, p. 283; Jonathan C. Phillips and Martin Hoch, eds., *The Second Crusade* (2001), p. 126.
6. Christopher Tyerman, *God's War* (2006), p. 188.
7. William of Tyre, p. 143.
8. Hillenbrand, p. 115.
9. Jacques P. Migne, *Patrologia Cursus Completus* (1855), cols. 1064–1066.
10. Thomas F. Madden, *The New Concise History of the Crusades*, updated ed. (2005), p. 50.

11. Otto of Freising, *The Deeds of Frederick Barbarossa*, trans. Charles Christopher Mierow (2004), p. 70; Jonathan Phillips and Martin Hoch, eds., *The Second Crusade* (2001), p. 3.
12. Thomas F. Tout, *The Empire and the Papacy, 918–1273* (1899), p. 284.
13. Madden, *The New Concise History*, p. 52; Ralph V. Turner, *Eleanor of Aquitaine* (2009), pp. 66–67.
14. Michael Frassetto, ed., *Medieval Purity and Piety* (1998), pp. 118–119; Ralph V. Turner, *Eleanor of Aquitaine* (2009), p. 47.
15. William of Tyre, pp. 171–172; Madden, *The New Concise History*, p. 58.
16. William of Tyre, pp. 176–177.
17. Ibid., p. 80.
18. Turner, p. 93.
19. Thomas S. Asbridge, *The Crusades* (2010), p. 242.
20. Bernard of Clairvaux, *Five Books on Consideration*, trans. John Douglas Anderson and Elizabeth T. Kennan (1976), p. 49; William of Tyre, p. 193.

Глава 6.

Реконкиста и новое открытие

1. Roger Le Tourneau, *The Almohad Movement in North Africa in the Twelfth and Thirteenth Centuries* (1969), p. 25; Olivia Remie Constable, *Medieval Iberia* (1997), p. 186.
2. Donald J. Kagay and L. J. Andrew Villalon, eds., *The Circle of War in the Middle Ages* (1999), pp. 26–27; *Chronica Adefonsi Imperatoris*, II. 50, in *The World of El Cid*, trans. Simon Barton and Richard Fletcher (2000), p. 225.
3. *Chronica Adefonsi Imperatoris*, II. 58, in Barton and Fletcher, p. 228.
4. Ibid., II. 92, in Barton and Fletcher, p. 241.
5. Keith J. Devlin, *The Man of Numbers* (2011), p. 21; Chris Lowney, *A Vanished World* (2005), p. 149.
6. Edward Grant, *A Source Book in Medieval Science* (1974), p. 35; B. F. Reilly, *The Contest of Christian and Muslim Spain* (1992), pp. 127–128.

Глава 7.

Вопросы авторитета

1. Peter Abelard, *Historia Calamitatum*, in *The Letters of Abelard and Heloise*, trans. Betty Radice (1974), p. 3.
2. Ibid., 11.
3. James Burge, *Heloise and Abelard* (2003), pp. 127–131; Abelard, *Historia Calamitatum*, p. 17.
4. Gillian Rosemary Evans, ed., *The Medieval Theologians* (2001), pp. 109–110; Peter Godman, *The Silent Masters* (2000), pp. 67–68.
5. Abelard, *Historia Calamitatum*, 21.
6. Godman, 79–80.

7. Otto of Freising, p. 82.
8. Ibid., p. 84.
9. Heinrich Fichtenau, *Heretics and Scholars in the High Middle Ages, 1000–1200*, trans. Denise A. Kaiser (1998), pp. 297–298.
10. Radice, p. 228.
11. John of Salisbury, *The Metalogicon of John of Salisbury*, trans. Daniel D. McGarry (1955), pp. 68, 167.
12. R. N. Swanson, *The Twelfth-Century Renaissance* (1999), p. 74; Alan Charles Kors and Edward Peters, *Witchcraft in Europe, 400–1700* (2001), pp. 72–73.
13. Marcia L. Colish, *Peter Lombard*, vol. 1 (1994), pp. 16–17, 25,
14. Ibid., pp. 30–31, 77ff.; Evans, pp. 181–182.

Глава 8.

Новые представители династии Сун

1. Frederick W. Mote, *Imperial China, 900–1800* (1999), p. 298.
2. Helaine Selin, ed., *Encyclopedia of the History of Science, Technology, and Medicine in Non-Western Cultures* (2008), p. 959; Chen Kelun, *Chinese Porcelain* (2004), p. 13; Wenhua Li, *Agro-ecological Farming Systems in China* (2001), pp. 28–29.
3. Alfreda Murck, *Poetry and Painting in Song China* (2000), p. 219.
4. Yang Xianyi and Gladys Yang, trans., *Poetry and Prose of the Tang and Song* (1984), pp. 273–274.
5. Steven Shaw, *China Emerges: A Concise History of China from Its Origins to the Present* (1987), p. 60; P. J. Ivanhoe, *Confucian Moral Self-Cultivation* (2000), pp. 47–49.
6. Ebrey, p. 173; Godman, p. 80.
7. Mote, pp. 232–233; Herbert Franke and Denis Twitchett, eds., *The Cambridge History of China*, vol. 6 (2007), pp. 239–240.
8. Franke and Twitchett, pp. 240–241.
9. Harold Miles Tanner, *China* (2009), pp. 219–220.
10. Lorge, p. 63.
11. Yuan-Kang Wang, *Harmony and War* (2011), p. 92.
12. Lu Yu, «To Show to My Sons», trans. Burton Watson, in *The Shorter Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature*, ed. Victor H. Mair (2000), p. 124.

Глава 9.

Смута в годы Хэйдзи

1. George Sansom, *A History of Japan to 1334* (1958), p. 197; Delmer M. Brown and Ichiro Ishida, trans. and eds., *The Future and the Past* (1979), p. 72.
2. Reinhard Bendix, *Kings or People* (1978), pp. 76–77; Stephen R. Turnbull, *The Samurai* (1977), pp. 25–27.
3. Brown and Ishida, p. 78; John W. Hall, Jeffrey P. Mass, and David L. Davis, *Medieval Japan* (1974), pp. 69–70.

4. William Wayne Farris, *Japan to 1600* (2009), p. 86.
5. Brown and Ishida, p. 317.
6. Donald H. Shively and William H. McCullough, eds., *The Cambridge History of Japan*, vol. 2 (1999), p. 609.
7. Brown and Ishida, p. 99.
8. Wm. Theodore de Bary et al., eds., *Sources of Japanese Tradition*, 2nd ed., vol. 1 (2001), p. 269; Turnbull, *The Samurai*, pp. 34–35
9. De Bary, p. 275; Brown and Ishida, p. 104; Turnbull, *The Samurai*, p. 37.
10. Brown and Ishida, p. 107.
11. Ibid., pp. 115–116.

Глава 10. Гибель армии

1. Ki-baik Lee, *A New History of Korea*, trans. Edward W. Wagner with Edward J. Shultz (1984), p. 138
2. Martina Deuchler, *The Confucian Transformation of Korea* (1992), p. 32.
3. Edward J. Shultz, *Generals and Scholars* (2000), pp. 11–12.
4. Ki-baik Lee, p. 136.
5. Peter H. Lee, ed., *Sourcebook of Korean Civilization*, vol. 1 (1993), p. 332; Shultz, p. 16.
6. Shultz, pp. 13–14.
7. Ki-baik Lee, p. 139; Shultz, pp. 15, 17.
8. Michael J. Seth, *A History of Korea* (2011), p. 104.
9. Peter H. Lee, p. 332.
10. Ki-Baik Lee, p. 140.
11. Peter H. Lee, p. 334.
12. Shultz, pp. 20–21, 28–29.
13. Ki-baik Lee, p. 140; Shultz, p. 34.
14. Ki-baik Lee, p. 142.
15. Peter H. Lee, pp. 334–336.
16. Ki-baik Lee, p. 145; Peter H. Lee, p. 340.
17. Shultz, pp. 55–56; Seth, pp. 104–105.

Глава 11. Первый Плантагенет

1. Swanton, p. 264.
2. John D. Hosler, *Henry II* (2007), pp. 5–6; William of Newburgh, *Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I*, ed. Richard Howlett, vol. 3 (1886), p. xvii.
3. Malcolm Barber, *The Two Cities* (1992), p. 267.
4. Цит. по: Turner, p. 109.

5. Hosler, pp. 44–45.
6. William of Newburgh, *The History of English Affairs, Book I*, ed. P.G. Walsh and M.J. Kennedy (1988), p. 127
7. Ibid., p. 15.
8. Peter of Blois, *Epistolae*, ed. J. A. Giles (1847), pp. 50, 193–194.
9. Christopher Harper-Bill and Nicholas Vincent, eds., *Henry II* (2007), pp. 311–312; Rebecca Fraser, *The Story of Britain* (2006), pp. 128–129.
10. Hosler, p. 49.

Глава 12.

Фридрих Барбаросса

1. Eric Christiansen, *The Northern Crusades*, rev. ed. (1997), p. 53; Madden, *The New Concise History*, pp. 55–56.
2. France, pp. 132–133.
3. Otto of Freising, pp. 332–333.
4. Цит. по: Colin Morris, *The Papal Monarchy* (1989), pp. 188–189.
5. Ibid., p. 190.
6. Otto of Freising, pp. 150–152.
7. Ibid., p. 127.
8. Morris, p. 267.
9. Patrick J. Geary, *Living with the Dead in the Middle Ages* (1994), pp. 244–245.
10. Цит. по: Robert Sallares, *Malaria and Rome* (2002), p. 225.
11. Morris, p. 195.

Глава 13.

Альмохады в Испании

1. Kagay and Villalon, p. 27.
2. Joseph F. O'Callaghan, *A History of Medieval Spain* (1975), p. 232.
3. Michael Gerli, *Medieval Iberia* (2003), p. 82; David Luscombe and Jonathan Riley-Smith, eds., *New Cambridge Medieval History*, vol. 4 (2004), p. 615.
4. O'Callaghan, p. 236
5. Luscombe and Riley-Smith, p. 615.
6. Norman Roth, *Jews, Visigoths, and Muslims in Medieval Spain* (1994), p. 119
7. Jamil M. Abun-Nasr, *A History of the Maghrib in the Islamic Period* (1987), pp. 93–94.
8. Luis Vaz de Camxes, *The Lusiads*, trans. Landeg White (2002), p. 161 (canto 8, stanza 29).
9. H. P. Livermore, *A New History of Portugal* (1966), p. 64.
10. Luscombe and Riley-Smith, p. 617
11. Ibid., pp. 617–618; Uri Rubin and David J. Wasserstein, eds., *Dhimmis and Others* (1997), p. 166.

Глава 14.

«Многочисленные народы»

1. Nehemia Levtzion and Jay Spaulding, eds., *Medieval West Africa* (2003), p. 7; Muhammad Fasi and Ivan Hrbek, *Africa from the Seventh to the Eleventh Century* (1988), p. 449.
2. «The Bornu Girgam», translated in *Journal of the African Society* 12, no. 45 (Oct 1912): 75.
3. E. W. Bovill and Robin Hallett, *The Golden Trade of the Moors*, 2nd ed. (1995), pp. 160–161.
4. Paul E. Lovejoy, *Transformations in Slavery* (1983), pp. 15–16.
5. Levtzion and Spaulding, p. 7; Humphrey J. Fisher, *Slavery in the History of Muslim Black Africa* (2001), p. 238.
6. J. D. Fage and R. A. Oliver, eds., *Papers in African Prehistory* (1970), pp. 259–260.
7. Richard Gray, ed., *The Cambridge History of Africa*, vol. 4 (1975), pp. 202–203.
8. G. S. P. Freeman-Grenville, «Some Recent Archaeological Work on the Tanganyika Coast», *Man* 58 (July 1958): 106.
9. Ibid., pp. 107–108.
10. Elizabeth Allo Isichei, *A History of African Societies to 1870* (1997), p. 251.
11. Jeffrey Brodd, *Primary Source Readings in World Religions* (2009), pp. 34–35; Jacob Kehinde Olupona and Terry S. Reynolds, eds., *Trisa Devotion as World Religion* (2008), pp. 151–152.
12. Kevin Shillington, ed., *Encyclopedia of African History* (2005), pp. 226–227; Dmitri M. Bondarenko and Peter M. Roesse, «Between the Ogiso and Oba Dynasties: An Interpretation of Interregnum in the Benin Kingdom», *History in Africa* 31 (2004): 103–115.
13. Roger Blench and Matthew Spriggs, eds., *Archaeology and Language*, vol. 3 (1999), p. 313.
14. Nehemia Levtzion and J. F. P. Hopkins, eds., *Corpus of Early Arabic Sources for West African History*, trans. J. F. P. Hopkins (1981), pp. 79–80.
15. Djibril Tamsir Niane and Joseph Ki-Zerbo, *Africa from the Twelfth to the Sixteenth Centuries* (1997), pp. 124–125; Abiola Irele and Biodun Jeyifo, eds., *The Oxford Encyclopedia of African Thought*, vol. 1 (2010), pp. 406–407.

Глава 15.

Последний халиф Фатимидов

1. Asbridge, p. 242.
2. Maya Shatzmiller, *Crusaders and Muslims in Twelfth-Century Syria* (1993), p. 169.
3. H. A. R. Gibb, ed. and trans., *The Damascus Chronicle of the Crusades* (2002), p. 341.
4. William of Tyre, p. 293.
5. Ibid., p. 294.

6. William Heywood, *A History of Pisa, Eleventh and Twelfth Centuries* (2010), pp. 112–113.
7. William of Tyre, p. 305.
8. Ibn al-Athir, pt. 2, p. 163.
9. Ibid., p. 172.
10. Asbridge, p. 273; Ibn al-Athir, pt. 2, p. 174.
11. Ibn al-Athir, pt. 2, p. 175.
12. Ibid., p. 183; William of Tyre, pp. 367–368.
13. Ibn al-Athir, pt. 2, pp. 196–197.

Глава 16.

Монахи и брахманы

1. *The Mahavansa, Part II*, trans. L. C. Wijesinha (1889), p. 126; H. W. Codrington, *Short History of Ceylon* (1926), pp. 58–59.
2. Wijesinha, p. 59.
3. Ibid., p. 148; Joseph Needham, *Science and Civilisation in China*, vol. 4 (1954), p. 371.
4. Wijesinha, p. 149.
5. S. K. Verma, *Political History of Ancient India* (2010), p. 146.
6. Hannah Chapelle Wojciehowski, *Group Identity in the Renaissance World* (2011), p. 179.
7. Ilana Friedrich-Silber, *Virtuosity, Charisma, and Social Order* (1995), p. 113.
8. Ibid., p. 105; Heinz Bechert, «Theravada Buddhist Sangha», *Journal of Asian Studies* 29, no. 4 (Aug. 1970): 765.
9. Friedrich-Silber, pp. 84–85; Bechert, p. 766; Richard Francis Gombrich, *The-ravada Buddhism* (2006), p. 159.
10. J. F. Fleet, «Inscriptions at Ablur», in E. Hultzsch, ed., *Epigraphia Indica and Record of the Archeological Survey of India*, vol. 5 (1898–99), p. 240.
11. Bharati Ray, *Different Types of History* (2009), pp. 251–252; Dale Hoiberg and Indu Ramchandani, *Students' Britannica: India*, vol. 3 (2000), p. 286.
12. R. S. Sharma, *Early Medieval Indian Society* (2001), p. 195; Stanley Wolpert, *A New History of India* (2004), pp. 112–113; Ray, p. 251.
13. Ray, pp. 253–254.
14. Colin Metcalfe Enriquez, *Ceylon, Past and Present* (1927), pp. 40–41.
15. Hoiberg and Ramchandani, p. 163.

Глава 17.

Завоевание Желаящих

1. Hermann Kulke and Dietmar Rothermund, *A History of India*, 3rd ed. (1998), p. 111.
2. Tso-kha-pa Blo-bza-grags-pa and Gareth Sparham, *The Fulfillment of All Hopes* (1999), pp. 2–4.

3. Tansen Sen, *Buddhism, Diplomacy, and Trade* (2003), pp. 107–108.
4. Salahuddin Ahmed, *Bangladesh* (2004), p. 59.
5. Bauer, *The History of the Medieval World*, pp. 231–232.
6. Richard Maxwell Eaton, *The Rise of Islam and the Bengal Frontier, 1204–1760* (1993), pp. 16–17.
7. Sharma, pp. 102, 278, 283.
8. Minhaj Siraj Juzjani, *Tabakat-i-Nasiri*, trans. H. G. Raverty (1881), p. 352.
9. J. A. Boyle, ed., *The Cambridge History of Iran*, vol. 5 (1968), p. 160.
10. *Tabakat-i-Nasiri*, p. 115.
11. Sir William Wilson Hunter, *Imperial Gazetteer of India, 1833–1962*, vol. 2 (1909), p. 309; Bauer, *The History of the Medieval World*, pp. 554–555.
12. Raj Kumar, ed., *Essays on Medieval India* (2003), pp. 275, 277.
13. Ahmed, p. 59.

Глава 18.

Смерть священника

1. «Writ of William I», цит. по: Derek Baker, *England in the Early Middle Ages*, rev. ed. (1993), p. 173.
2. Fraser, p. 130.
3. Henry William Carless Davis, *England under the Normans and Angevins, 1066–1272* (1949), pp. 210–211.
4. Michael Staunton, *The Lives of Thomas Becket* (2001), p. 45.
5. Frank Barlow, *Thomas Becket* (1986), pp. 44–45; Staunton, pp. 52–53.
6. Fraser, p. 131; Staunton, pp. 67–68.
7. Ernest F. Henderson, ed. and trans., *Select Historical Documents of the Middle Ages* (1896), pp. 11–16; Fraser, p. 132.
8. Thomas Becket, «Letter 82», in *The Correspondence of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury 1162–1170*, ed. and trans. Anne J. Duggan, vol. 1 (2000), pp. 329, 333.
9. Henderson, pp. 16–20.
10. Ibid.
11. James J. Spigelman, *Becket & Henry* (2004), pp. 229–230.
12. Ibid., p. 251.
13. Ibid., p. 255; Fraser, p. 134.
14. Edward Potts Cheyney, *Readings in English History Drawn from the Original Sources* (1922), pp. 155–158.
15. Fraser, p. 135.

Глава 19.

Международные отношения

1. Svat Soucek, *A History of Inner Asia* (2000), pp. 98–99.
2. Sicker, p. 58.

3. Madden, *The New Concise History*, pp. 64–65; John Julius Norwich, *Byzantium* (1996), p. 120.
4. Norwich, *Byzantium*, p. 121; William of Tyre, p. 235.
5. Stephen Runciman, *A History of the Crusades*, vol. 2 (1951), p. 348.
6. Norwich, *Byzantium*, p. 122; Vasiliev, p. 426; Runciman, *A History of the Crusades*, vol. 2, p. 352.
7. Vasiliev, p. 427.
8. Alicia Simpson and Stephanos Efthymiadis, *Niketas Choniates* (2009), p. 113.
9. Pal Engel, *The Realm of St. Stephen*, trans. Tamas Palosfalvi, ed. Andrew Ayton (2005), p. 36.
10. Paul Magdalino, *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (1993), p. 7.
11. John Van Antwerp Fine, *The Late Medieval Balkans* (1987), pp. 2–4.

Глава 20.

Венецианская проблема

1. Nicol, *Byzantium and Venice*, p. 96.
2. Madden, *The New Concise History*, p. 54.
3. Ibid.
4. John Cinnamus, цит. по: Nicol, *Byzantium and Venice*, p. 99.
5. Norwich, *Byzantium*, pp. 140–141.
6. Fine (1987), p. 6; Nicol, *Byzantium and Venice*, p. 107.
7. Norwich, *Byzantium*, p. 144.
8. Nicetas Choniates, *O City of Byzantium*, trans. Harry J. Magoulias (1984), pp. 192–193.

Глава 21.

Ссоры

1. Gerald of Wales, «The History of the Conquest of Ireland», in *The Historical Works of Giraldus Cambrensis*, trans. Thomas Wright (1894), p. 184.
2. Ibid., p. 186; Ruth Dudley Edwards and Bridget Hourican, *An Atlas of Irish History* (1973), pp. 184–185.
3. Gerald of Wales, p. 227.
4. Sean Duffy, Ailbhe MacShamhrain, and James Moynes, *Medieval Ireland* (2005), pp. 30–31; Hosler, p. 72.
5. Hosler, p. 65; Gerald of Wales, pp. 252–253.
6. Turner, pp. 224–225.
7. William of Newburgh, *The History of English Affairs, Book II*, ed. and trans. P. G. Walsh and M. J. Kennedy (2007), p. 117.
8. Wilfred Lewis Warren, *Henry II* (1973), p. 124.
9. Turner, pp. 226–227.
10. William of Newburgh, *Book II*, p. 153; Warren, pp. 135–136; Hosler, pp. 217–218; John Gillingham, *Richard I* (1999), p. 50.

11. Robert Fawtier, *The Capetian Kings of France* (1966), p. 110.
12. W. H. Jervis, *A History of France* (1869), p. 143.
13. Jerome A. Chanes, *Antisemitism* (2004), p. 153.
14. Robert Chazan, *Medieval Stereotypes and Modern Antisemitism* (1997), p. 14; Jervis, p. 144.

Глава 22.

Саладин

1. Baha' al-Din ibn Shaddad, *The Rare and Excellent History of Saladin*, trans. D. S. Richards (2002), pp. 18–19, 28.
2. Ibn al-Athir, pt. 2, p. 199.
3. Ibid., p. 225.
4. Ibn Shaddad, p. 51.
5. Ibn al-Athir, pt. 2, p. 234; Yaacov Lev, *Saladin in Egypt* (1999), p. 105; Stanley Lane-Poole, *Saladin and the Fall of the Kingdom of Jerusalem* (1898), pp. 141–142.
6. Lane-Poole, *Saladin*, p. 372; Lev, p. 168; ibn Shaddad, p. 55.
7. Madden, *The New Concise History*, pp. 73–74.
8. Ibn al-Athir, pt. 2, pp. 316–317; Madden, *The New Concise History*, pp. 73–74.
9. Ibn al-Athir, pt. 2, p. 321.
10. Peter W. Edbury, trans., *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade* (1998), pp. 158–159.
11. Ibn al-Athir, pt. 2, pp. 323–324.
12. Ibid., pp. 324–325, 334; ibn Shaddad, p. 78.
13. Edbury, p. 73; Jervis, p. 144; Madden, *The New Concise History*, p. 79.
14. Edbury, p. 76.

Глава 23.

Война Гэмнэй

1. Jeffrey P. Mass, *Yoritomo and the Founding of the First Bakufu* (1999), pp. 19–21.
2. Shively and McCullough, p. 697.
3. Burton Watson, trans., *Tales of the Heike*, ed. Haruo Shirane (2006), p. 16.
4. Brown and Ishida, p. 129.
5. Turnbull, *The Samurai*, pp. 56–57.
6. Ibid., pp. 57, 59.
7. James Sequin De Benneville, *Saito Mussashi-bo Benkei (Tales of the Wars of the Gempei)* (1910), pp. 96, 166, 171.
8. Marius B. Jansen, ed., *Warrior Rule in Japan* (1995), p. 19.

Глава 24.

Крестовый поход королей

1. Roger of Hoveden, *The Annals of Roger de Hoveden*, trans. Henry T. Riley, vol. 2 (1853), p. 86.

2. Ibid., pp. 63–64; Gillingham, *Richard I*, p. 84.
3. Gillingham, *Richard I*, pp. 95, 98.
4. Ibid., pp. 98–99; Roger of Wendover, *Flowers of History*, trans. J. A. Giles, vol. 2 (1849), p. 75; Roger of Hoveden, p. 109.
5. Roger of Hoveden, pp. 110–111.
6. *Itinerarium Regis Ricardi*, in Thomas Andrew Archer, *The Crusade of Richard I, 1189–1192* (1888), p. 6.
7. Roger of Wendover, p. 87; Archer, p. 14.
8. Frederick I and Graham A. Loud, *The Crusade of Frederick Barbarossa* (2009), pp. 46–47; Vasiliev, pp. 446–447.
9. Edbury, p. 88.
10. Ibn al-Athir, pt. 2, pp. 375–376.
11. Edbury, p. 98; Madden, *The New Concise History*, pp. 83ff.; Ibn al-Athir, pt. 2, p. 386.
12. Archer, pp. 81–82.
13. Ibn al-Athir, pt. 2, p. 387; Jervis, p. 145; Edbury, p. 105.
14. Roger of Hoveden, p. 256.
15. Madden, *The New Concise History*, pp. 89–90; ibn Shaddad, p. 175; Roger of Wendover, p. 108.
16. Madden, *The New Concise History*, p. 94; Ibn al-Athir, pt. 2, pp. 401–402; ibn Shaddad, p. 195.
17. Madden, *The New Concise History*, pp. 94–95; ibn Shaddad, p. 231.
18. «The letter of Richard, King of England, to Queen Eleanor, his mother, and his justiciaries in England», in Roger of Hoveden, pp. 291–292.
19. Roger of Hoveden, p. 297.
20. Roger of Wendover, p. 178.

Глава 25.

Разграбление Константинополя

1. Nicetas Choniates, p. 294.
2. Innocent III, «Register 1:336, 15 August 1198», in Alfred J. Andrea and Brett E. Whale, *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*, rev. ed. (2008), pp. 11–12; Vasiliev, pp. 451–452.
3. Geoffroy de Villehardouin, «The Conquest of Constantinople», in *Joinville and Villehardouin: Chronicles of the Crusades*, trans. M. R. B. Shaw (1963), pp. 31–33.
4. Villehardouin, pp. 43ff.; Vasiliev, pp. 452–454.
5. Nicetas Choniates, p. 295.
6. Villehardouin, p. 50.
7. Ibid., p. 52.
8. Ibid., pp. 70–71.
9. Madden, *The New Concise History*, pp. 110–114; Vasiliev, pp. 459–461.

10. Villehardouin, pp. 92–93.
11. Ibn al-Athir, pt. 3, p. 76; Jonathan Phillips, *The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople* (2004), p. 267.
12. Phillips, *The Fourth Crusade*, pp. 265–267.
13. Madden, *The New Concise History*, p. 119.

Глава 26.

На Запад

1. Juan Jose Hoil, *The Book of Chilam Balam of Chumayel*, trans. Ralph Loveland Roys (1967), p. 129; Robert J. Sharer and Sylvanus G. Morley, *The Ancient Maya* (1994), p. 168.
2. Hanns J. Prem, *The Ancient Americas*, trans. Kornelia Kurbjuhn (1997), p. 23; Sharer and Morley, p. 169.
3. Hoil, p. 170; Richard E. W. Adams, *Prehistoric Mesoamerica*, rev. ed. (1991), p. 75.
4. Charles H. Southwick, *Global Ecology in Human Perspective* (1996), pp. 109–110.
5. Adams, pp. 108–109; Nicholas J. Saunders, *Ancient Americas: The Great Civilisations* (2004), p. 157; George Kubler, *The Art and Architecture of Ancient America* (1962), p. 421.
6. Kubler, p. 421; Saunders (2004), p. 157.
7. Saunders (2004), p. 138.
8. Adams (1997), p. 105; David Keys, *Catastrophe* (2000), p. 219.
9. Adams (1997), p. 111; Keys, p. 221.
10. Saunders (2004), pp. 145–146, 148.
11. Jacques Malengreau, *Societes des Andes* (1995), p. 85.
12. Adams (1997), p. 114; Saunders (2004), pp. 193–196.
13. Adams (1997), p. 118.
14. Pedro Sarmiento de Gamboa, Brian S. Bauer, and Vania Smith, *The History of the Incas* (2007), pp. 60–61.
15. Ibid., pp. 70–74.

Глава 27.

Монгольская школа войны

1. John Joseph Saunders, *The History of the Mongol Conquests* (1971), pp. 44–45, *The Secret History of the Mongols*, trans. Igor de Rachewiltz, vol. 1 (2004), p. 1.
2. Saunders, pp. 45–46; *The Secret History*, p. 13.
3. Saunders, p. 48; John Man, *Genghis Khan* (2005), pp. 73–74.
4. *The Secret History*, p. 43.
5. Ibid., pp. 122, 132–133.
6. Franke and Twitchett, pp. 199, 203; Man, pp. 119–120, 204.
7. Christopher I. Beckwith, *Empires of the Silk Road* (2009), p. 415, n. 45 (где описывается роль Чингисхана); Franke and Twitchett, p. 345; *The Secret History*,

- p. 155; David Christian, *A History of Russia, Central Asia, and Mongolia* (1998), pp. 398–399.
8. Alison Behnke, *The Conquests of Genghis Khan* (2008), p. 104.
9. Christian, p. 410.
10. Цит. по: Dinah Shelton, *Encyclopedia of Genocide and Crimes against Humanity*, vol. 2 (2005), p. 703.

Глава 28. Иоанн Мягкий меч

1. Roger of Wendover, p. 179.
2. Roger of Hoveden, p. 112.
3. Roger of Wendover, pp. 205–206.
4. Kate Norgate, *John Lackland* (1902), pp. 90–91; John Gillingham, *The Angevin Empire*, 2nd ed. (2001), pp. 92–93; Gervase of Canterbury, *The Historical Works of Gervase of Canterbury*, vol. 2 (1880), p. 93.
5. Jervis, pp. 150–151.
6. Norgate, pp. 123–124.
7. James Fosdick Baldwin, *The Scutage and Knight Service in England* (1897), pp. 4–5.
8. The Waverley Annals, приведено в: Norgate, p. 126.
9. Norgate, p. 127; Roger of Wendover, p. 241.
10. Norgate, pp. 129–131.
11. Gillingham, *The Angevin Empire*, p. 103.
12. Michael Van Cleave Alexander, *Three Crises in Early English History* (1998), pp. 84–85; Roger of Wendover, p. 247; Antonia Gransden, *Historical Writing in England* (1973), p. 343.

Глава 29. Сундьята в Мали

1. Gordon Innes, *Sunjata* (1974), p. 275.
2. Levzion and Hopkins, pp. 110, 117.
3. J. D. Fage with William Tordoff, *A History of Africa*, 4th ed. (2002), pp. 73–74; Niane and Ki-Zerbo, pp. 125–127.
4. Niane and Ki-Zerbo, p. 125;
5. Innes, pp. 218–219.
6. Niane and Ki-Zerbo, pp. 125–126; Fage and Oliver, pp. 351–352.
7. D. T. Niane, *Sundiata*, trans. G. D. Pickett (1965), pp. 54–55, 68–70; Junius P. Rodriguez, ed., *The Historical Encyclopedia of World Slavery*, vol. 2 (1997), p. 424.
8. Niane, p. 54.

Глава 30.

Смута годов Дзекю

1. Jansen, p. 1.
2. Mass, *Yoritomo*, pp. 72–73.
3. Jansen, pp. 6–7.
4. Brown and Ishida, p. 155.
5. Karl F. Friday, *Samurai, Warfare and the State in Early Medieval Japan* (2004), pp. 11, 25.
6. Brown and Ishida, p. 178.
7. Ibid., p. 179.
8. Ibid., p. 182.
9. Ibid., p. 156.
10. Ibid., p. 160; Peter Martin, *The Chrysanthemum Throne* (1997), p. 5.
11. Brown and Ishida, p. 194; George W. Perkins, trans. and ed., *The Clear Mirror* (1998), pp. 37–38, 50–51.
12. Perkins, p. 51.
13. Ibid., pp. 51, 53.
14. Jeffrey P. Mass, *The Development of Kamakura Rule, 1180–1250* (1979), p. xiv; Patricia B. Ebrey, Anne Walthall, and James B. Palais, *Pre-Modern East Asia to 1800* (2006), p. 185.
15. Цит. по: John S. Brownlee, *Political Thought in Japanese Historical Writing* (1991), p. 98.

Глава 31.

Обесцenenный трон

1. Jean de Joinville and Geoffrey de Villehardouin, *Chronicles of the Crusades*, trans. Frank T. Marzials (2007), p. 70.
2. Gunther of Pairis, *The Capture of Constantinople*, ed. and trans. Alfred J. Andrea (1997), pp. 111–112; R. W. Southern, *The Making of the Middle Ages* (1953), pp. 60–61; Phillips, *The Fourth Crusade*, p. 270.
3. Joinville and Villehardouin, p. 57.
4. J. M. Hussey and Andrew Louth, *The Orthodox Church in the Byzantine Empire* (2010), pp. 191–192.
5. Joinville and Villehardouin, pp. 62–63.
6. Istvan Vasary, *Cumans and Tatars* (2005), p. 34.
7. Joinville and Villehardouin, p. 65.
8. George Akropolites, *The History*, trans. and ed. Ruth Macrides (2007), pp. 139–140.
9. Donald MacGillivray Nicol, *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*, 2nd ed. (1993), pp. 12–13; Akropolites, p. 17.
10. Vasiliev, p. 517.
11. Warren T. Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (1997), p. 723.

Глава 32.

Первый Делийский султанат

1. *Tabakat-i-Nasiri*, pp. 402–405.
2. Carl F. Petry, ed., *The Cambridge History of Egypt*, vol. 1 (1998), pp. 245–249.
3. Farhad Daftary, *The Assassin Legends* (1995), pp. 67–70; Joinville and Villehardouin, pp. 129–130.
4. Daftary, pp. 31–37, 54–55.
5. Wolpert, p. 110; Hasan Nizami, *Taju-l Ma-asir*, in *The History of India, as Told by Its Own Historians*, ed. H. M. Elliot and John Dowson, vol. 2 (1869), p. 217.
6. Peter Jackson, *The Delhi Sultanate* (1999), p. 26.
7. Wolpert, p. 10; Jaswant Lal Mehta, *Advanced Study in the History of Medieval India*, vol. 1 (1979), p. 148; Nizami, p. 241.
8. *Journal of the Asiatic Society of Bengal* 55, pt. 1 (1887): 39–40.
9. Alain Danielou, *A Brief History of India*, trans. Kenneth Hurry (2003), pp. 202–203; Peter Jackson, *The Delhi Sultanate*, p. 45; Wolpert, p. 110.
10. Danielou, p. 203.
11. Peter Jackson, *The Delhi Sultanate*, p. 47.
12. Radhey Shyman Chaurasia, *History of Medieval India* (2002), pp. 11–12.

Глава 33.

Ересь

1. John W. Baldwin, *The Government of Philip Augustus* (1986), pp. 201–202.
2. Augustine of Hippo, *The Correction of the Donatists*, 5.19–20, 6.21, 23–24, in *A Select Library of the Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church*, vol. 4, ed. Philip Schaff (1887), pp. 633–651.
3. Clyde Pharr, *The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions* (1952), p. 450.
4. Jennifer Kolpacoff Deane, *A History of Medieval Heresy and Inquisition* (2011), pp. 28, 34–36; Edward Peters, ed., *Heresy and Authority in Medieval Europe* (1980), pp. 66ff.; Malcolm Lambert, *Medieval Heresy*, 3rd ed. (2002), pp. 23–24; Walter L. Wakefield and Austin P. Evans, *Heresies of the High Middle Ages* (1991), p. 130; Reinerius Saccho, «Of the Sects of Modern Heretics», in S. R. Maitland, *History of the Albigenses and Waldenses* (1832), pp. 407–413.
5. William of Puylaurens, *Chronica*, цит. по: Peters, p. 107.
6. Peters, p. 123; Deane, p. 39.
7. Peters, p. 124; Lambert, pp. 116–118.
8. Philip Smith, *The History of the Christian Church during the Middle Ages* (1885), pp. 372–373; Jervis, p. 152.
9. William of Tudela, *The Song of the Cathar Wars*, trans. Janet Shirley (1996), p. 13.
10. Jervis, pp. 151–152.
11. William of Tudela, pp. 18–19; Pierre des Vaux de Cernay, *The History of the Albigensian Crusade*, trans. W. A. Sibly and M. D. Sibly (1998), p. 50.

12. Caesarius of Heisterbach, *Dialogus Miraculorum* (1851), p. 302.
13. Pierre des Vaux de Cernay, p. 50; William of Tudela, pp. 21–22.
14. Pierre des Vaux de Cernay, pp. 78–79.

Глава 34. Реконкиста и падение

1. Damian J. Smith, *Innocent III and the Crown of Aragon* (2004), p. 44.
2. Ibid., pp. 84–85.
3. William of Tudela, pp. 38–39; William of Puylaurens, *The Chronicle of William of Puylaurens*, trans. W. A. Sibly and M. D. Sibly (2003), pp. 37–38.
4. Damian J. Smith, p. 98; O'Callaghan, p. 246.
5. *Continuatio Lambacensis*, цит. по: Damian J. Smith, p. 99, перевод мой.
6. Ibid., pp. 99–103; O'Callaghan, p. 246.
7. Harry W. Hazard, ed., *A History of the Crusades*, 2nd ed., vol. 3 (1975), pp. 423–424; O'Callaghan, pp. 248–249; Niane and Ki-Zerbo, pp. 53–54; William of Puylaurens, p. 43.
8. William of Puylaurens, p. 46.
9. Jervis, p. 153; William of Tudela, pp. 70–71.
10. O'Callaghan, p. 251.

Глава 35. От Бувина до Великой Хартии вольностей

1. Roger of Wendover, pp. 259–260.
2. John W. Baldwin, pp. 209–210; Jervis, p. 154; Roger of Wendover, pp. 259–260.
3. Christopher Harper-Bill and Ruth Harvey, *The Ideals and Practice of Medieval Knighthood* (1986), p. 119; Helena M. Chew and Lucy C. Latham, *Europe in the Middle Ages, 843–1494* (1936), p. 202.
4. John W. Baldwin, pp. 214–215; Matthew Bennett, *Fighting Techniques of the Medieval World* (2006), pp. 112–114; Roger of Wendover, pp. 299–300.
5. Roger of Wendover, p. 300; John W. Baldwin, pp. 216–271; Bennett, pp. 112–113; Robert W. Jones, *Bloodied Banners* (2010), pp. 51, 78.
6. Jones, p. 44; John W. Baldwin, pp. 218–220.
7. Roger of Wendover, p. 303; Alexander, pp. 97–98.
8. «The 'Unknown' Charter of Liberties», in Harry Rothwell, ed., *English Historical Documents*, vol. 3 (1975), pp. 301–302.
9. *The Chronicle of Melrose*, trans. Joseph Stevenson, in *The Church Historians of England*, vol. 4, pt. 1 (1856), p. 158.
10. Alexander, pp. 100–101; Roger of Wendover, p. 307–308.
11. Roger of Wendover, p. 309.
12. Alexander, pp. 108–109.

13. L. Elliott-Binns, *Innocent III* (1931), pp. 84–85; «Letter of Innocent III, 24 August 1215», in Rothwell, p. 317.
14. Roger of Wendover, pp. 335–336.
15. Ibid., pp. 357–358.
16. Stevenson, p. 162.
17. Roger of Wendover, p. 378.
18. John W. Baldwin, p. 334.

Глава 36.

Рождение инквизиции

1. Saint Bonaventure, *The Life of St. Francis* (2005), pp. 25, 29–31.
2. William of Tudela, p. 79; Elaine Graham-Leigh, *The Southern French Nobility and the Albigensian Crusade* (2005), pp. 44–45.
3. Roger of Wendover, pp. 344–345; William of Tudela, pp. 83–85.
4. Pierre des Vaux de Cernay, pp. 259, 270–271.
5. Jacques de Vitry, *The Exempla* (1890), p. xxviii.
6. William of Tudela, pp. 167, 172.
7. Jervis, p. 157.
8. Joseph R. Strayer, *The Albigensian Crusades* (1992), p. 118.
9. Puylaurens, p. 65; Strayer, p. 119.
10. Peters, p. 194.

Глава 37.

Буря с востока

1. Soucek, p. 100.
2. Scott C. Levi and Ron Sela, eds., *Islamic Central Asia* (2010), pp. 125–126.
3. Ibid., p. 126.
4. Ibid., p. 127.
5. Saunders, pp. 56–57.
6. Ibid., p. 57; 'Ala'-ad-Din Guwaini, John A. Boyle, and Muhammad Qazwini, *Genghis Khan* (1997), pp. 92–93; Boyle, pp. 307–308.
7. Ronald Grigor Suny, *The Making of the Georgian Nation* (1994), pp. 35–37;
8. Rene Grousset, *The Empire of the Steppes* (1970), pp. 245–246.
9. Boyle, pp. 313–315; Guwaini, Boyle, and Qazwini, pp. 96ff., 131.
10. Boyle, p. 320; Guwaini, Boyle, and Qazwini, pp. 131–135.
11. Peter Jackson, *The Mongols and the West, 1221–1410* (2005), p. 39.
12. Grousset, p. 246; *The Chronicle of Novgorod, 1016–1471*, trans. Robert Michell and Nevill Forbes (1914), p. 66.
13. George Vernadsky, *Kievan Russia* (1948), pp. 236–238; Franke and Twitchett, p. 365.
14. Levi and Sela, p. 136.

Глава 38.

Южная Индия и Шри-Ланка

1. Chelvadurai Manogaran, *Ethnic Conflict and Reconciliation in Sri Lanka* (1987), p. 25; John Clifford Holt, *Buddha in the Crown* (1991), p. 96; *Culavamsa*, trans. Wilhelm Geiger (1929), p. 132.
2. *Culavamsa*, p. 135; John Clifford Holt, ed., *The Sri Lanka Reader* (2011), pp. 42–43.
3. *Culavamsa*, pp. 138–139, 154.
4. Richard Gombrich and Gananath Obeyesekere, *Buddhism Transformed* (1988), pp. 137–138.
5. John Clifford Holt, *Buddha in the Crown*, p. 96.
6. *Culavamsa*, p. 151.
7. Hultzsch, p. 307.
8. C. Rasanayagam, *Ancient Jaffna* (1984), pp. 352–353.

Глава 39.

Пятый крестовый поход

1. Roger of Wendover, p. 383; Madden, *The New Concise History*, p. 145.
2. Francesco Gabrieli, ed. and trans., *Arab Historians of the Crusades* (1969), p. 256.
3. *Ibid.*, p. 257.
4. Bonaventure, pp. 98–101; Regis J. Armstrong, ed., *Francis of Assisi*, vol. 1 (1999), pp. 580, 584.
5. Gabrieli, pp. 258–259; Madden, *The New Concise History*, p. 151.
6. Bonaventure, p. 102; Armstrong, p. 581.
7. Jonathan P. Phillips, *Holy Warriors* (2010), p. 226.
8. *Ibid.*, p. 227.
9. L. N. Gumilev, *Searches for an Imaginary Kingdom*, trans. R. E. F. Smith (1967), p. 167.

Глава 40.

От Золотой буллы до Балтийского крестового похода

1. Engel, pp. 91–92; Miklys Molnar, *A Concise History of Hungary* (1991), p. 33.
2. Charles W. Ingrao and Franz A. J. Szabo, eds., *The Germans and the East* (2008), p. 37; Vasary, p. 28; Nicolaus von Jeroschin, *Chronicle of Prussia*, trans. Mary Fischer (2010), p. 29.
3. Цит. по: Rossiter Johnson, Charles Horne, and John Rudd, eds., *The Great Events by Famous Historians*, vol. 6 (1905), p. 194.
4. Engel, pp. 94–95; Johnson, Horne, and Rudd, p. 194.
5. David Abulafia, ed., *The New Cambridge Medieval History*, vol. 5 (2008), p. 744; Engel, p. 90.
6. Malcolm Barber, *The Two Cities*, p. 341.

7. T. Norus and Jona Zilius, *Lithuania's Case for Independence* (1918), p. 9.
8. Alan V. Murray, Anne Huijbers, and Elizabeth Wawrzyniak, *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier* (2009), pp. 29, 31; Nicolaus von Jeroschin, pp. 44, 47.
9. Jean W. Sedlar, *East Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500* (1994), p. 409.
10. Hazard, p. 570; Christiansen, pp. 102–103.
11. Nicolaus von Jeroschin, pp. 63, 76.

Глава 41.

Среди гор, озер и холмов

1. Roland A. Oliver and Anthony Atmore, *Medieval Africa, 1250–1800* (2002), p. 116.
2. Richard Pankhurst, *The Ethiopians* (2001), pp. 45–46.
3. Verena Boll, ed., *Studia Aethiopica* (2004), p. 179.
4. Stuart C. Munro-Hay, *Ethiopia* (2002), pp. 190–191.
5. Oliver and Atmore, p. 118.
6. Robert O. Collins and James McDonald Burns, *A History of Sub-Saharan Africa* (2007), p. 90.
7. Nehemiah Levtzion and Randall L. Pouwels, eds., *The History of Islam in Africa* (2000), p. 81.
8. Collins and Burns, p. 90; Levtzion and Hopkins, pp. 187–188.
9. Levtzion and Pouwels, p. 80; Levtzion and Hopkins, p. 188.
10. Levtzion and Pouwels, p. 5.
11. Niane and Ki-Zerbo, p. 101; Roland A. Oliver and Brian M. Fagan, *Africa in the Iron Age* (1975), p. 153.
12. Philip Harrison, *South Africa's Top Science Sites* (2004), p. 56; David Fleminger, *Mapungubwe Cultural Landscape* (2006), p. 24–25.
13. Fleminger, pp. 35–36.
14. Ibid., p. 40; Deborah Fahy Bryceson, Judith Okely, and Jonathan Webber, eds., *Identity and Networks* (2007), p. 165; Martin Hall, *Farmers, Kings, and Traders* (1990), p. 84.
15. Fleminger, p. 41.

Глава 42.

Крестовый поход императора

1. Rebecca Rist, *The Papacy and Crusading in Europe, 1198–1245* (2009), p. 98; David Abulafia, *Frederick II* (1992), p. 151.
2. Roger of Wendover, pp. 492–493.
3. Ibid., p. 499.
4. G. G. Coulton, *From St. Francis to Dante*, 2nd ed. (1907), p. 79.
5. Giovanni Villani, *Villani's Chronicle*, trans. Rose E. Selfe (1907), p. 130; Roger of Wendover, p. 505.

6. Abulafia, *Frederick II*, p. 172.
7. Archer and Kingsford, p. 381.
8. Gabrieli, pp. 268–269.
9. Ibn al-Athir, pt. 3, pp. 293–294; Karen Armstrong, *Jerusalem* (1996), p. 302; Gabrieli, pp. 269–270.
10. Ibn al-Athir, pt. 3, p. 293; Gabrieli, pp. 270–271; Abulafia, *Frederick II*, pp. 182–184; T.K. Kingston-Oliphant, *History of Frederick the Second*, vol.1 (1862) p. 330.
11. Kingston-Oliphant, p. 330.

Глава 43. Королевства Индокитая

1. Keat Gin Ooi, ed., *Southeast Asia* (2004), p. 801, собрано из Clotilde Chivas Baron, *Stories and Legends of Annam*, trans. E. M. Smith-Dampier (1920) pp. 175–176.
2. George Coedes, *The Making of South East Asia*, trans. H. M. Wright (1966), p. 80.
3. Chivas-Baron, p. 179.
4. Oscar Chapuis, *A History of Vietnam* (2000), p. 80; Walter H. Slote and George A. De Vos, eds., *Confucianism and the Family* (1998), pp. 151–152.
5. Chapuis, p. 80; Coedes, *The Making of South East Asia*, pp. 123–124; David C. Kang, *East Asia before the West* (2010), p. 39; Slote and De Vos, p. 95.
6. Tai T. Nguyen and Chi Minh, *History of Buddhism in Vietnam* (1992), pp. 132–134.
7. Coedes, *The Making of South East Asia*, p. 101.
8. Ibid., p. 125.
9. Kenneth R. Hall, *A History of Early Southeast Asia* (2011), p. 240.
10. Ibid., p. 241.

Глава 44. Молодые короли

1. Jean Sire de Joinville, *The History of St. Louis*, ed. Natalis de Wailly and trans. Joan Evans (1938), p. 22.
2. M. Guizot and Madame Guizot de Witt, *The History of France*, trans. Robert Black, vol. 1 (1884), pp. 426–427; Fawtier, p. 28.
3. Wilfred Lewis Warren, *The Governance of Norman and Angevin England, 1086–1272* (1987), pp. 174–176; Roger of Wendover, pp. 483–484, 487.
4. Michael Prestwich, *Plantagenet England, 1225–1360* (2005), pp. 294–295.
5. Roger of Wendover, p. 538.
6. Damian J. Smith, pp. 27, 33.
7. Ibid., p. 34; Francis Darwin Swift, *The Life and Times of James the First* (1894), p. 33.

8. Ahmad Ibn-Muhammad al-Maqqari, *The History of the Mohammedan Dynasties in Spain*, trans. Pascual de Gayangos, vol. 2 (1843), pp. 327–328.
9. O'Callaghan, p. 343.
10. Ibid.; al-Maqqari, p. 328.
11. O'Callaghan, p. 345; al-Maqqari, p. 337.
12. Hazard, pp. 428–430; Damian J. Smith, p. 137.
13. Prestwich, *Plantagenet England*, p. 295.
14. Joinville, pp. 31–32; Jervis, p. 166.
15. J. R. Maddicott, *Simon de Montfort* (1994), p. 32.

Глава 45.

Монгольская орда

1. William E. Henthorn, *Korea* (1963), p. 14.
2. Ibid., p. 22.
3. Ibid., pp. 62–63; Peter H. Lee, and Wm. Theodore de Bary, eds., *Sources of Korean Tradition* (1997), pp. 202–203.
4. Carter J. Eckert and Ki-baek Yi, *Korea, Old and New* (1990), p. 91; Andrew C. Nahm, *Korea* (1988), pp. 90–91.
5. Henry H. Howorth, *History of the Mongols* (1876), p. 124.
6. Richard A. Gabriel, *Subotai the Valiant* (2004), pp. 61–62. 65.
7. Ibid., p. 66; Howorth, p. 124.
8. Janet Martin, *Medieval Russia, 980–1584* (1995), p. 135.
9. Grousset, p. 263; David Christian, *A History of Russia, Central Asia, and Mongolia* (1998), p. 408.
10. Christian, p. 410; Janet Martin, pp. 138–139.
11. Man, p. 270.
12. Ibid., pp. 271–272.
13. Peter F. Sugar, ed., *A History of Hungary* (1994), p. 26.
14. Armin Vambery and Louis Heilprin, *The Story of Hungary* (1886), p. 142.
15. Matthew Paris, *Matthew Paris's English History*, trans. J. A. Giles, vol. 3 (1854), p. 450.
16. Janet Martin, p. 140.

Глава 46.

Долг ненависти

1. Gabrieli, pp. 281–282.
2. David G. Einstein, *Emperor Frederick II* (1949), p. 278; Abulafia, *Frederick II*, pp. 199–200; Hazard, p. 365.
3. Einstein, p. 279.
4. Ibid., pp. 280–281.
5. Elphege Vacandard, *The Inquisition*, trans. Bertrand L. Conway (1908), pp. 76–78.

6. Einstein, p. 284; Peters, pp. 178–179.
7. Vacandard, p. 80.
8. Alan Charles Kors and Edward Peters, eds., *Witchcraft in Europe, 400–1700*, 2nd ed. (2001), p. 116; Donald W. Engles, *Classical Cats* (1999), p. 186.
9. Scott L. Waugh and Peter Diehl, eds., *Christendom and Its Discontents* (1996), p. 47; Wakefield and Evans, p. 267.
10. Einstein, pp. 301–303; Villani, p. 133; Abulafia, *Frederick II*, p. 241.
11. Skinner, *The Renaissance* (1978), p. 5; Villani, p. 133.
12. Kington-Oliphant, pp. 55, 68; Einstein, p. 336.
13. Paris, vol. 3, p. 163.
14. Einstein, p. 365; Paris, vol. 3, p. 191.
15. Henry Hart Milman, *History of Latin Christianity*, vol. 6 (1883), p. 460.
16. Klaus Schatz, *Papal Primacy* (1996), pp. 93–94.
17. Einstein, pp. 377–378, 381–382.
18. Milman, vol. 6, p. 480; Brian Tierney, *The Crisis of Church & State, 1050–1300* (1964), p. 147.
19. Einstein, pp. 409–410; Skinner, p. 5; Kington-Oliphant, p. 461; Villani, p. 147.
20. James Bruce Ross and Mary Martin McLaughlin, eds., *The Portable Medieval Reader* (1977), p. 365; Villani, p. 152.

Глава 47. Тень Бога

1. *Tabakat-i-Nasiri*, pp. 637–638.
2. Ibid., pp. 642–643; Satish Chandra, *Medieval India* (1997), p. 49.
3. Chandra, p. 50; *Tabakat-i-Nasiri*, pp. 647–648; Mehta, p. 105.
4. Wolpert, p. 110. Мехта (см. выше) указывает, что Насир-ад-Дин, возможно, был посмертным ребенком старшего сына Илтумиша (умершего в 1229 году), признанного Илтумишем, чтобы поместить его в прямую линию наследования.
5. *Tabakat-i-Nasiri*, p. 674; Mehta, p. 107.
6. Radhey Shyman Chaurasia, *History of Medieval India* (2002), p. 15; Mehta, p. 107.
7. Несколько измененный текст из перевода Клюка и Роттермунда (Kulke and Rothermund, p. 173).
8. Цит. по: Agha Hussain Hamadani, *The Frontier Policy of the Delhi Sultans* (1986), p. 87; *Tabakat-i-Nasiri*, p. 679.
9. *Tabakat-i-Nasiri*, p. 685.
10. Shail Mayaram, *Against History, against State* (2003), pp. 80–82; *Tabakat-i-Nasiri*, p. 713.
11. Clifford E. Bosworth et al., eds., *The Encyclopedia of Islam*, vol. 6 (1986), p. 48.
12. Mehta, p. 116.
13. Ibid., p. 117; Chandra, pp. 53–54.

14. Mehta, pp. 119–120.
15. Chandra, pp. 55–56; Ziauddin Barani, *Tarikh-i Firoz Shahi*, in *The History of India, as Told by Its Own Historians*, ed. H. M. Elliot and John Dowson, vol. 2 (1871), pp. 99–100.

Глава 48. Седьмой крестовый поход

1. Joinville, p. 33.
2. Peter Jackson, *The Seventh Crusade, 1244–1254* (2007), pp. 18–19.
3. Ibid., p. 19.
4. Janet Martin, p. 39.
5. Stephen Runciman, *A History of the Crusades*, vol. 3 (1951), p. 225.
6. Abulafia, *The New Cambridge Medieval History*, p. 434; Joinville, p. 39.
7. Jervis, pp. 168–169.
8. Runciman, *A History of the Crusades*, vol. 3, pp. 259–261.
9. William of Tudela, p. 87.
10. Ibid., p. 99; Joinville, pp. 86–87.
11. Madden, pp. 174–175.
12. Ibid., p. 175; Joinville, p. 98.
13. Jervis, p. 169; Sherman A. Jackson, *Islamic Law and the State* (1996), pp. 42–43; Peter Jackson, *The Seventh Crusade*, p. 134.
14. Joinville, p. 121.

Глава 49. Раскол ханства

1. Saunders, p. 93; Robert Marshall, *Storm from the East* (1993), pp. 140–141.
2. Marshall, p. 149; цит. по: George Lane, *Genghis Khan and Mongol Rule* (2004), pp. 139–140.
3. Цит. по: Sangkeun Kim, *Strange Names of God* (2004), p. 133.
4. «Guyuk Khan's Letter to Pope Innocent IV (1246)», in Christopher Dawson, *Mission to Asia* (1980), pp. 85–86.
5. George Lane, p. 141; Marshall, p. 160.
6. Saunders, p. 99.
7. Ibid., p. 100.
8. Цит. по: Thomas T. Allsen, *Mongol Imperialism* (1987), p. 47; George Lane, pp. 49–50.
9. Mote, pp. 452–453.
10. Kang, p. 132.
11. Stephen R. Turnbull, *Genghis Khan and the Mongol Conquests* (2003), p. 83; Nhung Tuyet Tran and Anthony Reid, *Viet Nam* (2006), p. 48.
12. Daftary, p. 175.
13. Saunders, pp. 113–114.

Глава 50.

Мамлюки Египта

1. Nasser O. Rabbat, *The Citadel of Cairo* (1989), p. 90.
2. Sherman A. Jackson, p. 43.
3. Ibid., p. 45.
4. Ibid.; John Bagot Glubb, *Soldiers of Fortune* (1988), p. 50.
5. Rabbat, p. 95.
6. Peter M. Holt, Ann K. S. Lambton, and Bernard Lewis, eds., *The Cambridge History of Islam*, vol. 1A (1977), pp. 210–211.
7. Ibid., p. 212; Sherman A. Jackson, pp. 46–47.
8. Marshall, p. 192.
9. Ibid., pp. 192–193; Runciman, *A History of the Crusades*, vol. 3, pp. 312–313.
10. Marshall, p. 193.
11. Runciman, *A History of the Crusades*, vol. 3, p. 314.
12. Holt et al., p. 213.
13. Petry, p. 278.
14. Bertold Spuler, *A History of the Muslim World* (1994), p. 23.
15. Цит. по: Petry, pp. 242–243.
16. Holt et al., pp. 216–217; Sherman A. Jackson, p. 51.
17. Jervis, p. 172.
18. Gabrieli, pp. 311–312.
19. Цит. по: Petry, p. 243.

Глава 51.

Людовик Святой

1. Joinville and Villehardouin, p. 155.
2. Ibid., pp. 157–158; Jaroslav Folda, *Crusader Art in the Holy Land* (2005), p. 243.
3. Rodney Howard Hilton, *Bond Men Made Free* (1973), pp. 99–100; Mary Morton Wood, *The Spirit of Protest in Old French Literature* (1917), p. 20; Matthew Paris, *Matthew Paris's English History*, trans. J. A. Giles, vol. 2 (1853), p. 451.
4. *Le Roman de Renart*, цит. по: Norman R. C. Cohn, *The Pursuit of the Millennium*, rev. ed. (1970), p. 82; Paris, vol. 2, p. 453.
5. Norman R. C. Cohn, pp. 96–98; Paris, vol. 2, p. 455.
6. Joinville and Villehardouin, pp. 195–197; Jervis, p. 170.
7. Fawtier, pp. 32–33; Joinville and Villehardouin, pp. 221–223; Georges Duby, *France in the Middle Ages, 987–1460*, trans. Juliet Vale (1991), p. 251.
8. Joinville and Villehardouin, p. 216.
9. Mandell Creighton, *A History of the Papacy during the Period of the Reformation* (1882), vol. 1, pp. 29–30; Brian Davies, ed., *Thomas Aquinas* (2002), pp. 325–326.
10. Joinville and Villehardouin, pp. 341–342.

11. Saint Thomas Aquinas, *De Regimine Principum*, in *Main Currents of Western Thought*, ed. Franklin Le Van Baumer (1978), pp. 76–77.
12. Joinville and Villehardouin, p. 358.

Глава 52. Логово лъва

1. Innocent IV, *Eger cui levia*, in Bernard Guillemain, *The Later Middle Ages*, trans S. Taylor (1960), p. 38.
2. Vacandard, pp. 108–109.
3. David Carpenter, *The Reign of Henry III* (1996), p. 184.
4. Tout, *The Empire and the Papacy*, p. 480.
5. Paris, vol. 3, p. 102.
6. Tout, *The Empire and the Papacy*, p. 490.
7. R. F. Treharne, *The Baronial Plan of Reform, 1258–63* (1971), pp. 30–32; Paris, vol. 3, p. 136, 151.
8. Treharne, pp. 66–67; Paris, vol. 3, p. 286.
9. J. R. M. Butler, *A History of England* (1928), pp. 99–100.
10. Paris, vol. 3, p. 291.
11. Ibid., p. 333; Treharne, pp. 252–253
12. J. R. M. Butler, pp. 109–110; Paris, vol. 3, p. 336; Carpenter, pp. 270–271.
13. Paris, vol. 3, p. 350.
14. Ibid., p. 352.
15. Jervis, p. 171; Stephen Runciman, *The Sicilian Vespers* (1960), p. 70.
16. Runciman, *Sicilian Vespers*, p. 85.
17. Dante Alighieri, *The Divine Comedy of Dante Alighieri*, trans. Henry F. Cary (1909), «Hell», canto 28, p. 115.
18. Dante, «Purgatory», canto 3, p. 156.
19. Tout, *The Empire and the Papacy*, pp. 486–487; Richard H. Lansing and Teodolinda Barolini, *The Dante Encyclopedia* (2000), p. 439; Ugo Balzani, *The Popes and the Hohenstaufen* (1889), p. 252.
20. Katherine L. Jansen et al., eds., *Medieval Italy* (2009), pp. 136–137.
21. James Sime and Edward A. Freeman, *History of Germany* (1874), p. 99.

Глава 53. Отвоевание Константинополя

1. Robert Lee Wolff and Harry W. Hazard, eds., *A History of the Crusades*, 2nd ed., vol. 2 (1969), p. 218.
2. Edwin Pears, *The Destruction of the Greek Empire* (1903), p. 12.
3. Akropolites, p. 270.
4. Ibid., p. 336.
5. Ibid., p. 343.

6. Ibid., p. 367.
7. Janet Shirley, trans., *Crusader Syria in the Thirteenth Century* (1999), p. 117.
8. Ibid., p. 141.
9. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, p. 34; Abulafia, *The New Cambridge Medieval History*, p. 435.
10. Norwich, *Byzantium*, pp. 210–211.
11. Akropolites, p. 380.
12. Ibid., p. 386; George Ostrogorsky, *History of the Byzantine State* (1968), p. 581.

Глава 54.

Последние крестовые походы

1. Abun-Nasr, *A History of the Maghrib in the Islamic Period*, p. 121; Peter M. Holt, Ann K. S. Lambton, and Bernard Lewis, eds., *The Cambridge History of Islam*, vol. 2A (1977), pp. 230–231.
2. Norman Housley, *Contesting the Crusades* (2006), p. 73.
3. Joinville, pp. 221, 223.
4. Ibid., p. 223; Villani, p. 238.
5. Gabrieli, p. 310; George Hill, *A History of Cyprus*, vol. 2 (1948), p. 170.
6. Villani, pp. 251–252.
7. Michael Prestwich, *Edward I* (1988), p. 78.
8. Joseph F. Kelly, p. 96; Milman, pp. 406–407.
9. Jonathan Harris, *Byzantium and the Crusades* (2006), p. 180.
10. Milman, vol. 6, pp. 408–409.
11. Villani, pp. 295–296.

Глава 55.

Кубла-хан

1. Richard L. Davis, *Wind against the Mountain* (1996), p. 29.
2. Lorge, pp. 84–85; Michael E. Haskew et al., *Fighting Techniques of the Oriental World, AD 1200–1860* (2008), pp. 188–189.
3. Richard L. Davis, p. 30.
4. Mote, p. 457; Thomas De Quincey, *Confessions of an English Opium-Eater and Related Writings*, ed. Joel Faflak (2009), pp. 287–288.
5. Marco Polo, *The Travels of Marco Polo the Venetian*, trans. W. Marsden, rev. T. Wright and Peter Harrison (2008), pp. 123–124.
6. Ibid., p. 103.
7. De Bary, p. 280.
8. Sansom, p. 442.
9. Mote, p. 464.
10. Richard L. Davis, p. 2; Mote, p. 465.
11. Kozo Yamamura, ed., *The Cambridge History of Japan*, vol. 3 (1990), pp. 145–146.

12. Ebrey, Walthall, and Palais, pp. 192–193; de Bary, p. 281; Yamamura, p. 147; Sansom, pp. 149–150.
13. Junjiro Takakusu, Wing-tsit Chan, and Charles A. Moore, *The Essentials of Buddhist Philosophy* (1973), p. 191; Masaharu Anesaki, *Nichiren, the Buddhist Prophet* (1966), p. 127.
14. Sailendra N. Sen, *Ancient Indian History and Civilization* (1988), p. 531; Coedes, *The Making of South East Asia*, pp. 127–128.
15. Chapuis, pp. 83–84.
16. Polo, pp. 110–114.

Глава 56.

Сицилийская вечерня

1. Robert H. Vickers, *History of Bohemia* (1894), pp. 262–263.
2. Sime and Freeman, pp. 96–97; Elizabeth Peake, *History of the German Emperors and Their Contemporaries* (1874), pp. 131–133.
3. Dante, «Purgatory», canto 24, p. 242.
4. Harris, p. 181.
5. Villani, pp. 267–268.
6. Jervis, p. 176.
7. Milman, p. 448.

Глава 57.

Войны Эдуарда I

1. Prestwich, *Plantagenet England*, pp. 146–147.
2. John Edward Lloyd, *A History of Wales* (1911), pp. 268–269.
3. Prestwich, *Edward I*, p. 188.
4. Ibid., p. 182.
5. Ibid., p. 194.
6. *The Chronicle of Lanercost, 1272–1346*, trans. Herbert Maxwell (1913), p. 35.
7. Ibid., pp. 40–41.
8. William Ferguson, *Scotland's Relations with England* (1977), p. 23.
9. Prestwich, *Edward I*, p. 371.
10. *The Chronicle of Lanercost*, p. 86.
11. Ibid., p. 115; Magnus Magnusson, *Scotland* (2000), p. 119.
12. John of Fordun, *John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation*, trans. Felix J. H. Skene (1872), p. 318.
13. Magnusson, pp. 132–133; Henry the Minstrel and William Hamilton, *The History of the Life and Adventures and Heroic Actions of the Renowned Sir William Wallace* (1812), p. 63.
14. Magnusson, pp. 134–135; Henry and Hamilton, pp. 83–84.
15. John of Fordun, p. 321.
16. J. M. I. Weatherford, *The History of Money* (1997), p. 68.

Глава 58.

Второй Делийский султанат

1. Barani, pp. 125–126.
2. Ibid., pp. 132–133.
3. Ibid., pp. 146–147.
4. Ibid., p. 140; Chaurasia, p. 30.
5. Barani, p. 161.
6. Wolpert, p. 112; Ahmed, p. 60.
7. Spuler, p. 35.
8. Agha Hussain Hamadani, *The Frontier Policy of the Delhi Sultans* (1986), p. 120.
9. Barani, p. 162.
10. Ibid., p. 163.
11. Mehta, p. 161.
12. Barani, p. 166.
13. Ibid., pp. 168–169.
14. Kumar, p. 283; Chaurasia, p. 41.

Глава 59.

Конец всевластия пап

1. Morris, p. 185; Chew and Latham, p. 187; William Francis Thomas Butler, *The Lombard Communes* (1906), p. 341; Lansing and Barolini, p. 439.
2. Jean-Charles-Leonard Sismondi, *Italian Republics* (1841), pp. 85–87; Villani, p. 332; Dante, «Purgatory», canto 20, lines 71ff., p. 225.
3. Tierney, pp. 186–188; Charles William Previte-Orton, *The Shorter Cambridge Medieval History* (1952), p. 55.
4. Jean Brissaud, *A History of French Public Law*, trans. James W. Garner (1915), pp. 367–368; Justo L. Gonzalez, *The Story of Christianity*, vol. 1 (1984), p. 331.
5. J. F. Verbruggen, *The Battle of the Golden Spurs* (2002), pp. 243–244.
6. Jean Edme Auguste Gosselin, *The Power of the Pope during the Middle Ages*, trans. Matthew Kelly, vol. 2 (1853), pp. 233–234.
7. Jervis, p. 185; David Jayne Hill, *A History of Diplomacy in the International Development of Europe*, vol. 1 (1967), pp. 401–402.
8. Creighton, vol. 1, pp. 27–29.
9. Jervis, p. 186; Creighton, vol. 1, pp. 31–32.
10. Malcolm Barber and A. K. Bate, trans. and eds., *The Templars* (2002), pp. 246–247.
11. Weatherford, p. 69; Barber and Bate, p. 254.
12. Weatherford, pp. 70–71; Barber and Bate, p. 309.
13. Villani, p. 403.
14. Sismondi, pp. 115–116.
15. Skinner, p. 6.
16. Creighton, vol. 1, p. 33.

17. Sophia Menache, *Clement V* (1998), pp. 33–34.
18. Jervis, pp. 190–191.

Глава 60. Появление османов

1. H. A. Gibbons, *The Foundation of the Ottoman Empire* (1916), p. 24.
2. J. R. Tanner et al., eds., *The Cambridge Medieval History*, vol. 4 (1923), p. 655.
3. Ibid., p. 657.
4. Ramon Muntaner, *Chronicle*, trans. Lady Goodenough (2000), pp. 427–428.
5. Ibid., p. 460.
6. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, p. 153; Norwich, *Byzantium*, p. 276.
7. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, pp. 160–161.
8. J. L. Tanner et al., p. 662.
9. Norwich, *Byzantium*, p. 292.
10. Ibid., pp. 342–343.
11. Fine, p. 275.
12. Vasiliev, p. 617.

Глава 61. Падение Хальджи

1. Eva Ulian, *Rajput* (2010), pp. 19–20; Mehta, pp. 148–149.
2. Ronald S. McGregor, ed., *A History of Indian Literature* (1984), pp. 69–70; Amir Khusru, *Tarikh'i Alai*, in *The History of India, as Told by Its Own Historians*, ed. H. M. Elliot and John Dowson, vol. 3 (1871), pp. 76–77.
3. Khusru, p. 80.
4. Stewart Gordon, *When Asia Was the World* (2008), pp. 13–14; P.N. Chopra, T. K. Ravindran, and N. Subrahmanian, *History of South India* (1979), p. 89; Stanley Lane-Poole, *Medieval India under Mohammedan Rule, 712–1764* (1903), pp. 113–114; Wolpert, p. 115; Khusru, p. 81.
5. Khusru, pp. 84–85.
6. Barani, pp. 204–205.
7. Ibid., p. 213; Wolpert, p. 115.
8. Barani, pp. 222–223.
9. Ibid., p. 223.
10. Ibid., p. 224.
11. Ibid., pp. 228–229; Kumar, p. 285.

Глава 62. Триумф Брюса

1. Prestwich, *Edward I*, pp. 501–502; Ralph Payne-Gallway, *The Book of the Crossbow* (1995), p. 261.
2. John of Fordun, p. 329.

3. Peter Langtoft, *Peter of Langtoft's Chronicle*, vol. 2, in *The Works of Thomas Hearne*, vol. 4 (1810), pp. 329–330.
4. Felix J. H. Skene, ed., *The Historians of Scotland*, vol. 10 (1880), p. 172; Prestwich, *Edward I*, pp. 505–507.
5. Skene, pp. 178–179.
6. Preswitch, *Edward I*, pp. 556–557.
7. Wendy R. Childs, ed. and trans., *Vita Edwardi Secundi* (2005), p. 7.
8. Nigel Saul, ed., *Fourteenth Century England*, vol. 5 (2008), p. 40; Walter Phelps Dodge, *Piers Gaveston* (1971), pp. 38–40.
9. W.M. Ormrod, ed., *Fourteenth Century England*, vol. 3 (2004), p. 31.
10. Childs, pp. 5–7.
11. Ormrod, p. 32; Childs, p. 15.
12. Childs, pp. 23–25; Andy King and Michael A. Penman, *England and Scotland in the Fourteenth Century* (2007), p. 25.
13. Childs, pp. 44–49.
14. John of Fordun, p. 340; *The Chronicle of Lanercost*, pp. 212–213.

Глава 63. Великий голод

1. Brian Fagan, *The Little Ice Age* (2000), pp. 16–17; Bauer, *The History of the Medieval World*, pp. 431, 575; William Chester Jordan, *The Great Famine* (1996), p. 12.
2. Skene, p. 182; Thomas Wright, ed., *The Political Songs of England, from the Reign of John to That of Edward II* (1839), pp. 323, 342, перевод со среднеанглийского мой; Neville Brown, *History and Climate Change* (2001), p. 252.
3. John Aberth, *From the Brink of the Apocalypse* (2001), p. 34; John Kelly, *The Great Mortality* (2006), p. 58.
4. Lynn Thorndike, *A History of Magic and Experimental Science* (1934), pp. 285–286; Neville Brown, p. 253; Jordan, p. 18; Fagan, *The Little Ice Age*, pp. 39–40; F. Donald Logan, *A History of the Church in the Middle Ages* (2002), p. 276.
5. Jacob and Wilhelm Grimm, *Hansel and Gretel*, trans. Monique Felix (2001), n. p.
6. Wolfgang Behringer, *A Cultural History of Climate*, trans. Patrick Camiller (2010), p. 105.
7. Ordericus Vitalis, *The Ecclesiastical History of England and Normandy*, trans. Thomas Forester, vol. 4 (1856), pp. 264–265; John of Fordun, p. 341; Jordan, p. 19.

Глава 64. Султан и хан

1. Petry, p. 252; Glubb, p. 154.
2. Glubb, pp. 203–204.
3. Tsugitaka Sato, *State and Rural Society in Medieval Islam* (1997), pp. 140ff.

4. Meri, vol. 2, p. 573
5. D. M. Lang, «Georgia in the Reign of Giorgi the Brilliant (1314–1346)», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 17, no. 1 (1955): 75–76; Shai Har-El, *Struggle for Domination in the Middle East* (1995), pp. 33–34.
6. Petry, p. 277.
7. Ross E. Dunn, *The Adventures of Ibn Battuta, a Muslim Traveler of the Fourteenth Century* (2005), pp. 44–45; Andre Raymond, *Cairo*, trans. Willard Wood (2000) p. 120.
8. Arthur John Arberry, *Classical Persian Literature* (1958), p. 372.
9. Ibid.
10. Dunn, p. 98.
11. Boyle, p. 411
12. Ibid., p. 412; D. O. Morgan «Ibn Battuta and the Mongols», *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd ser., vol. 11, no. 1 (April 2001): 9–10.
13. Ibn Battuta, *The Travels of Ibn Battuta in the Near East, Asia & Africa, 1325–1354*, trans. Samuel Lee (2004), p. 40.

Глава 65.

Манса Муса из Мали

1. Levtzion and Hopkins, pp. 268–269; Ivan Van Sertima, ed., *African Presence in Early America* (1992), p. 171.
2. Levtzion and Hopkins, p. 211.
3. Ibid., p. 267.
4. Ibid., pp. 270, 335; Ghadah Hijjawi Qaddumi, *Book of Gifts and Rarities* (1996), pp. 197–198.
5. Levtzion and Hopkins, pp. 212–213.
6. Niane and Ki-Zerbo, pp. 147–148; Ibn Battuta, p. 239.
7. Levtzion and Hopkins, p. 271.
8. Ibid., p. 261.
9. Battuta, p. 240; Levtzion and Hopkins, pp. 265–266.
10. Niane and Ki-Zerbo, pp. 147–148; Levtzion and Hopkins, p. 335.

Глава 66.

После голода

1. Madden, *The New Concise History*, p. 192
2. Цит. по: John E. Weakland, «Pastorelli, Pope, and Persecution», *Jewish Social Studies* 38, no. 1 (Winter 1976): 73, перевод мой.
3. Gary Dixon, «Encounters in Medieval Revivalism», *Church History* 68, no. 2 (June 1999): 273.
4. Michael Goodich, ed., *Other Middle Ages* (1998), pp. 40, 47; Norman R. C. Cohn, p. 103.

5. Weakland, p. 75; Jervis, pp. 191–192.
6. Michael R. McVaugh, *Medicine before the Plague* (2002), p. 220; Elizabeth A. R. Brown, «Philip V, Charles IV, and the Jews of France», *Speculum* 66, no. 2 (April 1991): 301–302.
7. Jim Bradbury, *The Capetians* (2007), p. 283.
8. «The Simonie», lines 59, 73–74, in *Medieval English Political Writings*, ed. James M. Dean (1996), pp. 205–206, 211.
9. *The Chronicle of Lanercost*, p. 240; Jean Froissart, *Chronicles* (1978), p. 39.
10. T. F. Tout, *Chapters in the Administrative History of Mediaeval England*, vol. 2 (1928), p. 358; Childs, p. 108.
11. *The Chronicle of Lanercost*, p. 249; Froissart (1978), p. 40.
12. Alison Weir, *Queen Isabella* (2005), pp. 204ff.
13. *Ibid.*, p. 211.
14. Sir Thomas Gray, *Scalacronica*, trans. Herbert Maxwell (1907), pp. 93, 96.
15. Froissart (1978), p. 44.
16. Weir, pp. 320–321.
17. Gray, p. 74.
18. *Ibid.*, p. 108; Oliver J. Thatcher and Edgar H. McNeal, *A Source Book for Mediaeval History* (1905), p. 366.
19. Gray, p. 110; *The Chronicle of Lanercost*, p. 267; Weir, pp. 383–384.

Глава 67. Северный и Южный дворы

1. Marius B. Jansen, p. 83.
2. Ebrey, Walthall, and Palais, p. 193; Marius B. Jansen, p. 74.
3. Marius B. Jansen, p. 75.
4. Morten Oxenboell, «Images of 'Akuto'», *Monumenta Nipponica* 60, no. 2 (Summer 2005): 235, 247–248; Marius B. Jansen, p. xiii.
5. Marius B. Jansen, p. 85.
6. Perkins, p. 162; Andrew Edmund Goble, *Kenmu* (1996), p. 33.
7. Ebrey, Walthall, and Palais, p. 206; Marius B. Jansen, p. 85; Peter Martin, p. 87.
8. Frank Brinkley and Dairoku Kikuchi, *A History of the Japanese People from the Earliest Times to the End of the Meiji Era* (1915), p. 377.
9. *Ibid.*, p. 379; Helen Craig McCullough, trans. and ed., *The Taiheiki* (1959), p. 42.
10. Perkins, pp. 194–195; Friday, p. 54.
11. Pierre Francois Souyri, *The World Turned Upside Down*, trans. Kathe Roth (2001), p. 111.
12. Friday, p. 13; Marius B. Jansen, pp. 99–100.
13. Souyri, p. 111; Helen Craig McCullough, ed., *Classical Japanese Prose* (1990), p. 491.
14. Yamamura, p. 186.
15. Sansom, p. 52.

16. Milton W. Meyer, *Japan*, 3rd ed. (1993), p. 81.
17. Friday, p. 14.
18. Meyer, p. 81; Brownlee, p. 105.
19. Kitabatake Chikafusa, «Jinno Shotoki», in *Traditional Japanese Literature*, ed. Haruo Shirane (2007), p. 855.

Глава 68. Восстания

1. Richard Maxwell Eaton, *A Social History of the Deccan, 1300–1761* (2005), p. 18; Marika Sardar, «Golconda through Time» (Ph.D. diss., New York University, 2007), p. 26.
2. Barani, pp. 223–233.
3. Eaton, *A Social History*, pp. 20–21.
4. Kumar, pp. 285–286.
5. Henry Miers Elliot, *The History of India*, vol. 5 (1907), pp. 154–155.
6. Kumar, p. 286.
7. Elliot, p. 158.
8. Wolpert, p. 116; Ibn Battuta, p. 145.
9. Wolpert, p. 117; Elliot, p. 155.
10. Robert Sewell, Fercao Nunes, and Domingos Paes, *A Forgotten Empire (Vijayanagar)* (1972), p. 23.
11. Ahmed, p. 61.
12. Barani, p. 263.
13. Ibid., pp. 266–267.
14. Shams-i Siraj, *Tarikh-i Firoz Shahi*, in *The History of India As Told by Its Own Historians*, ed. H. M. Elliot and John Dowson, vol. 3 (1871), pp. 277–278.
15. Elliot, pp. 164ff.

Глава 69. Дать имя Возрождению

1. N. Robinson, ed., *A History of the World with All Its Great Sensations* (1887), p. 166; Michael Jones, ed., *The New Cambridge Medieval History*, vol. 6 (2000), pp. 537–538.
2. Michael Jones, pp. 539–540; Philippe Levillain, ed., *The Papacy* (2002), p. 850.
3. Henry Hart Milman, *History of Latin Christianity*, vol. 7 (1880), p. 86.
4. Michael Jones, p. 540; Milman, vol. 7, p. 87.
5. Marsilius of Padua, *Defensor Pacis*, trans. and ed. Alan Gewirth (2001), p. 354; Dante Alighieri, *De Monarchia*, trans. and ed. Aurelia Henry (1904), pp. 194–195.
6. Marsilius of Padua, pp. 135, 161, 502.
7. Irena Dorota Backus, *Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615)* (2003), pp. 26–27, 35.

8. Michael Jones, p. 541.
9. Milman, vol. 7, pp. 103–107.
10. Levillain, p. 850.
11. Michael Jones, p. 544.
12. Douglas Biow, *Doctors, Ambassadors, Secretaries* (2002), pp. 29–30; Victoria Kirkham and Armando Maggi, eds., *Petrarch* (2009), pp. 137–138.
13. Theodor E. Mommsen, «Petrarch's Conception of the 'Dark Ages'», *Speculum* 17, no. 2 (April 1942): 234, 240–241.

Глава 70. Города на озере

1. Prem, p. 28.
2. Ibid., p. 32; Donald E. Chipman, *Moctezuma's Children* (2005), p. 9; Adams, p. 82.
3. Miguel Leyn Portilla and Earl Shorris, eds., *In the Language of Kings* (2001), pp. 201–202.
4. Ibid., p. 202; Chipman, p. 10.
5. Exequiel Ezcurra, *The Basin of Mexico* (1999), pp. 10–12.
6. Prem, p. 32; Jacques Soustelle, *Daily Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest* (1970), pp. 2–3.
7. Soustelle, p. 4.
8. Diego Duran, *The History of the Indies of New Spain*, trans. and ed. Doris Heyden (1994), pp. 46–47.
9. Ibid., p. 48.
10. Ibid., pp. 56–58.
11. Ibid., p. 50.

Глава 71. Столетняя война

1. Froissart (1978), p. 46; Jean Froissart, *Chronicles of England, France, Spain and the Adjoining Countries*, trans. Thomas Johnes, rev. ed., vol. 1 (1901), p. 8.
2. *The Chronicle of Lanercost*, p. 268.
3. Ibid., pp. 269–270.
4. Gray, p. 121.
5. *The Chronicle of Lanercost*, pp. 286–287.
6. Froissart (1978), p. 60.
7. L. J. Andrew Villalon and Donald J. Kagay, eds., *The Hundred Years War (Part II)* (2008), pp. 4–5.
8. Michael Jones, p. 544; Gray, p. 133.
9. Sime and Freeman, p. 101; Michael Jones, p. 545; Ernst Cassirer, «Some Remarks on the Question of the Originality of the Renaissance», *Journal of the History of Ideas* 4, no. 1 (Jan. 1943): 52.
10. Froissart (1978), p. 68.

11. Nicholas Hooper and Matthew Bennet, *The Cambridge Illustrated Atlas of Warfare* (1996), pp. 117–118
12. Richard Barber, *The Life and Campaigns of the Black Prince* (1997), pp. 28–29; Froissart (1978), pp. 76–77.
13. Froissart (1901), vol. 1, p. 39; Froissart (1978), pp. 90–91.
14. Froissart (1978), pp. 94–95.
15. *The Chronicle of Lanercost*, p. 342.
16. Michael Jones, pp. 548, 551–552.
17. Froissart (1978), p. 111.

Глава 72. Конец света

1. Franke and Twitchett, pp. 561; Lorge, p. 94.
2. Susan Scott and Christopher Duncan, *Biology of Plagues* (2001), p. 82; Kelly, p. 8.
3. Kelly, pp. 4–5; Philip Ziegler, *The Black Death* (1997), pp. 3–4; H. A. R. Gibb, trans. and ed., *The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354*, vol. 3 (1971), p. 717; Dunn, p. 245.
4. John Aberth, *The Black Death* (2005), pp. 17–18.
5. Ole Jorgen Benedictow, *The Black Death, 1346–1353* (2004), p. 60; Rosemary Horrox, trans. and ed., *The Black Death* (1994), p. 17.
6. Scott and Duncan, pp. 62–63; Aberth, *The Black Death*, p. 30.
7. Aberth, *The Black Death*, p. 29.
8. Horrox, pp. 24–25; Aberth, *The Black Death*, p. 33.
9. Цит. по: Merry E. Wiesner et al., *Discovering the Global Past*, vol. 1 (2012), p. 389.
10. Ziegler, p. 46; Horrox, pp. 33, 43.
11. Kelly, p. 186; Horrox, pp. 80, 82–84.
12. Raymond, pp. 139–140.
13. Aberth, *The Black Death*, p. 81.
14. Benedictow, p. 214
15. Horrox, p. 80.
16. Цит. по: David Herlihy, *The Black Death and the Transformation of the West* (1997), p. 41.
17. Horrox, pp. 118, 122, 159; Herlihy, p. 65.
18. Horrox, pp. 248–249.

Глава 73. Жаждающие войны

1. Froissart (1901), vol. 1, pp. 50–51.
2. Lawrence Earp, *Guillaume de Machaut* (1995), pp. 34–35; Jonathan Sumption, *The Hundred Years War*, vol. 2 (1999), p. 107.

3. Sumption, vol. 2, p. 133.
4. Ibid., p. 198.
5. Ibid., pp. 205–206.
6. Ibid., pp. 208–209.
7. Herbert James Hewitt, *The Black Prince's Expedition of 1355–1357* (1958), pp. 3–4, 64ff.
8. Jervis, pp. 210–211; Gray, pp. 121–124; Hewitt, pp. 101, 126ff.
9. Gray, p. 125.
10. Froissart (1901), vol. 1, pp. 231–323.
11. Nicholas Wright, *Knights and Peasants* (1998), p. 56.
12. Froissart (1839), p. 240; de Vericour, «The Jacquerie», *Transactions of the Royal Historical Society* 1 (1872): 187–290, 304; Wright, p. 13.
13. Jervis, pp. 214–215.
14. Ibid.
15. *Chronicon Anonymi Cantuariensis*, ed. and trans. Charity Scott-Stokes and Chris Given-Wilson (2008), p. 133.
16. Froissart (1901), vol. 1, pp. 79, 83; Christine de Pisan, *Fais et Bonnes Meurs du Sage Roy Charles* (1819), pt. 2, chap. 4.
17. Jean Froissart, *Chronicles of England, France, Spain, and the Adjoining Countries*, trans. Thomas Johnes, vol. 1 (1839), p. 314.
18. Froissart (1901), vol. 1, p. 91.
19. *Chronicon Anonymi Cantuariensis*, p. 149; Froissart (1901), vol. 1, p. 93.
20. Froissart (1901), vol. 1, p. 113.
21. David Nicolle, *The Great Chevauchee* (2001), pp. 10–11; Froissart (1901), vol. 1, p. 123.

Глава 74.

Белый Лотос, красная повязка

1. Hubert Seiwert, *Popular Religious Movements and Heterodox Sects in Chinese History* (2003), pp. 179–180; B.J. Ter Haar, *The White Lotus Teachings in Chinese Religious History* (1999), pp. 115–116.
2. Harold Miles Tanner, p. 272.
3. Ibid., p. 273.
4. Frederick W. Mote and Denis Twitchett, eds., *The Cambridge History of China*, vol. 7, pt. 1 (1988), pp. 37–38; Haar, pp. 115–116.
5. Mote and Twitchett, pp. 19–20.
6. Franke and Twitchett, p. 580; Edward L. Dreyer, *Early Ming China* (1982), pp. 24–25.
7. Mote and Twitchett, pp. 37–38.
8. Stephen Turnbull, *Fighting Ships of the Far East*, vol. 1 (2002), pp. 37–38.
9. Mote and Twitchett, pp. 96–98.
10. Henry Miles Tanner, p. 287–288.

11. Mote, pp. 570–572.
12. Edward Luttwak, *The Grand Strategy of the Byzantine Empire* (2009), pp. 169–170.
13. Henry Miles Tanner, p. 286; Gernet, pp. 397–398; Kangying Li, *The Ming Maritime Trade Policy in Transition, 1368–1567* (2010), pp. 29–30.
14. Li, p. 40.

Глава 75. После монголов

1. Higham, p. 139.
2. David K. Wyatt, *Thailand*, 2nd ed. (2003), p. 54.
3. Ooi, p. 192; Wyatt, p. 54.
4. Timothy D. Hoare, *Thailand* (2004), pp. 31–32.
5. Tarling, p. 163; Wyatt, pp. 56–57.
6. Hoare, p. 33.
7. Charles F. Keyes, *The Golden Peninsula* (1995), pp. 75–76.
8. Coedes, *The Making of South East Asia*, p. 205.
9. Chapuis, p. 91.
10. Sun Laichen, «Chinese Military Technology and Dai Viet», ARI Working Paper, no. 11 (2003), p. 4, доступно по адресу: http://www.ari.nus.edu.sg/docs/wps/wps03_011.pdf.
11. Ibid., pp. 5–6.
12. Andrew Hardy et al., eds., *Champa and the Archaeology of My Son* (2009), p. 67.
13. Coedes, *The Making of South East Asia*, p. 206.

Глава 76. Турки и отчаявшийся император

1. Norwich, *Byzantium*, p. 309.
2. Ibid., p. 318; Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, p. 238.
3. Caroline Finkel, *Osman's Dream* (2005), p. 16; Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, p. 241; George Finlay, *History of the Byzantine and Greek Empires*, vol. 2 (1854), p. 562.
4. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, pp. 241–242.
5. Norwich, *Byzantium*, pp. 320–321.
6. Donald M. Nicol, *The Reluctant Emperor* (1996), p. 130.
7. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, pp. 245–246; Norwich, *Byzantium*, pp. 322–323.
8. Fine, pp. 334–335.
9. Diana Wood, *Clement VI* (1989), p. 120; Norwich, *Byzantium*, pp. 326–327; Nicol, *The Last Days of Byzantium*, pp. 260–261.
10. Theodore Spandounes, *On the Origin of the Ottoman Emperors*, trans. and ed. Donald M. Nicol (1997), p. 21.

11. Finkel, pp. 17–18; Michael Jones, pp. 849–850.
12. Milman, vol. 7, p. 209.
13. Ibid., p. 215.
14. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, pp. 272–273.
15. Norwich, *Byzantium*, pp. 334–335; Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, Michael Jones, p. 823; Finlay, p. 579.
16. Finkel, p. 18.

Глава 77. Уничтожение Дели

1. Shams-i Siraj, p. 287.
2. Ibid., pp. 289–290.
3. Jamil M. Abun-Nasr, *Muslim Communities of Grace* (2007), pp. 48–51.
4. Цит. по: Gustave E. von Grunebaum, *Medieval Islam*, 2nd ed. (1953), pp. 138–139.
5. Eaton, *The Rise of Islam*, pp. 85–86.
6. Kumar, p. 288.
7. Wolpert, p. 117.
8. Brenda J. Buchanan, ed., *Gunpowder, Explosives and the State* (2006), pp. 54–55.
9. George Michell and Mark Zebrowski, eds., *The New Cambridge History of India*, 1.7 (2008), p. 7; Kulke and Rothermund, p. 170.
10. Chelvadurai Manogaran, *Ethnic Conflict and Reconciliation in Sri Lanka* (1987), pp. 26–27; Ibn Battuta, pp. 185–188; Codrington, pp. 83–84.
11. Firoz Shah, «Futuhāt-i Firoz Shahi», in *The History of India As Told by Its Own Historians*, ed. H. M. Elliot and John Dowson, vol. 3 (1871), pp. 375–376.
12. Shams-i Siraj, pp. 344ff.
13. Ibid., p. 317; Wolpert, p. 119; Kumar, p. 7.

Глава 78. Кривская уния

1. Norman Davies, *God's Playground*, rev. ed., vol. 1 (2005), p. 82.
2. Ibid., pp. 77–78; F. W. Carter, *Trade and Urban Development in Poland* (1994), p. 154.
3. Frank N. Magill, *Great Lives from History: Ancient and Medieval Series*, vol. 1 (1988), p. 410.
4. Norman Davies, p. 84.
5. Natalia Nowakowska, *Church, State and Dynasty in Renaissance Poland* (2007), pp. 14–15; Norman Davies, pp. 89–90.
6. Sugar, p. 54.
7. Molnar, pp. 54–55.

8. Giedre Mickunaite, *Making a Great Ruler* (2006), pp. 125–126; Daniel Stone, *The Polish-Lithuanian State, 1386–1795*, vol. 4 (2001), p. 8; Andrzej Piotrowski, *Architecture of Thought* (2011), p. 288.
9. Stone, p. 8.

Глава 79.

Возрождение монгольской орды

1. Clifford E. Bosworth and Muhamed S. Asimov, *History of Civilizations of Central Asia*, vol. 4, pt. 2 (2000), p. 321
2. Peter Jackson, *The Mongols and the West*, p. 235; Mirza Muhammad Haidar Dughlat, *The Tarikhi-Rashidi* (1895), pp. 30–31.
3. Abu Talib Hussyny, *The Mulfuzat Timury*, trans. Charles Stewart (1830), p. 36. Хотя эта биография выдержана в стиле автобиографии, она написана уже после смерти Тимура.
4. Haidar, p. 34.
5. Justin Marozzi, *Tamerlane* (2006), p. 98.
6. Haidar, p. 34.
7. Bosworth and Asimov, p. 327.
8. *Zafar Nama*, цит. по: Haidar, p. 39; Peter Jackson and Laurence Lockhart, eds., *The Cambridge History of Iran*, vol. 6 (1986), pp. 50–51; Marozzi, pp. 96–97.
9. Janet Martin, p. 202.
10. Saunders, pp. 166–167.
11. *Beitrage zur «7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches»* (1995), pp. 268–269.
12. Levi and Sela, p. 171.
13. Sunil K. Saxena, *History of Medieval India* (2001), n. p.
14. Ibid.
15. N. Jayapalan, *History of India* (2001), pp. 50–51.

Глава 80.

Компромиссы и договоры

1. Nahm, p. 92.
2. David M. Robinson, *Empire's Twilight* (2009), pp. 107–108.
3. Kang, p. 167.
4. Ibid., pp. 167–168.
5. Ibid., p. 169.
6. Ibid., pp. 168–169.
7. Ki-baik Lee, pp. 163–164.
8. Kang, pp. 178–180.
9. Kim Dae-haeng, *Classical Poetic Songs of Korea* (2009), pp. 68–69; Changbom Park, *Astronomy*, trans. Yoon-jung Cho and Hyun-ju Park (2008), pp. 116–118.

10. Thomas Donald Conlan, *From Sovereign to Symbol* (2011), pp. 173–174.
11. Ebrey, Walthall, and Palais, p. 207.
12. Conlan, pp. 170–171.

Глава 81.

Дом Висконти и Папская область

1. Michael Jones, p. 553; Richard Lodge, *The Close of the Middle Ages, 1272–1494* (1906), pp. 185–186.
2. D. M. Bueno de Mesquita, *Giangaleazzo Visconti, Duke of Milan (1351–1402)* (1941), pp. 1–2.
3. Sismondi, pp. 156–159; *The History of St. Catherine of Siena and Her Companions*, 3rd ed., vol. 1 (1899), pp. 279–280.
4. George L. Williams, *Papal Genealogy* (1998), p. 34; Oscar Browning, *Guelphs and Ghibellines* (1893), pp. 149–150.
5. Denis Michael Searby, trans., *The Revelations of St. Birgitta of Sweden*, vol. 2 (2008), p. 249.
6. Sismondi, pp. 159–160.
7. William Caferro, *John Hawkwood* (2006), n. p.; Sismondi, pp. 160–161.
8. Creighton, vol. 1, p. 67.
9. Froissart (1901), vol. 1, pp. 165–166.
10. Sismondi, pp. 162–163; Froissart (1901), vol. 1, p. 165.
11. Sismondi, p. 177.
12. Ibid., pp. 188–193.

Глава 82.

Плохое начало

1. Froissart (1901), vol. 1, pp. 134–135.
2. Ibid., p. 135; Alan R. Rushton, *Royal Maladies* (2008), pp. 188–189.
3. Hooper and Bennett, p. 122.
4. Rushton, p. 87; Froissart (1901), vol. 1, pp. 148–149; Thomas Walsingham, *The Chronica Maiora of Thomas Walsingham, 1376–1422*, trans. David Preest (2005), pp. 32–33.
5. Walsingham, p. 39.
6. Creighton, vol. 1, pp. 85–89.
7. Duby, p. 286; Froissart (1901), vol. 1, pp. 232–233.
8. George M. Bussey, Thomas Gaspey, and Theodore Burette, *A History of France and of the French People* (1850), pp. 564–565; Froissart (1901), vol. 1, pp. 258–261.
9. Jervis, p. 226; Froissart (1901), vol. 1, pp. 264–266.
10. J. S. Hamilton, *The Plantagenets* (2010), p. 184; Walsingham, p. 44.
11. Hamilton, pp. 185–186; Mark O'Brien, *When Adam Delved and Eve Span* (2004), pp. 30–31.

12. O'Brien, p. 30.
13. Walsingham, p. 29; Ian Christopher Levy, ed., *A Companion to John Wyclif, Late Medieval Theologian* (2006), pp. 330ff.
14. Leonard W. Cowie, *The Black Death and Peasants' Revolt* (1972), pp. 79–80.
15. O'Brien, pp. 36–37; Anthony Goodman, *A History of England from Edward II to James I* (1977); Charles Oman, *The Great Revolt of 1381* (1906), pp. 180–181.
16. Walsingham, p. 124; O'Brien, pp. 36–37.
17. Walsingham, pp. 126–127.
18. O'Brien, pp. 60–61; Goodman, pp. 181–182; Hamilton, p. 189.
19. Adam Usk, *The Chronicle of Adam Usk*, trans. C. Given-Wilson (1997), p. 5.
20. Walsingham, p. 153.

Глава 83.

Блуждающая империя

1. Niane and Ki-Zerbo, p. 100.
2. Ibid., pp. 99–100.
3. Mark R. Lipschutz and R. Kent Rasmussen, *Dictionary of African Historical Biography*, 2nd ed. (1989), p. 240; Roland A. Oliver, ed., *The Cambridge History of Africa*, vol. 3 (1975), p. 312.
4. Lewis H. Gann and Peter Duignan, *African and the World* (2000), pp. 216–217.
5. Toyin Falola and Adebayo Oyeboade, *The Foundations of Nigeria* (2003), p. 594.
6. Dierk Lange, *Ancient Kingdoms of West Africa* (2004), pp. 157–158.
7. Bovill and Hallett (1995), pp. 225–226.

Глава 84.

Безумие и узурпация

1. Walsingham, p. 63.
2. Froissart (1901), vol. 1, p. 353.
3. Ibid., pp. 364–365; Livermore, pp. 102–103.
4. Froissart (1901), vol. 1, pp. 374–375; Walsingham, pp. 242–244.
5. Walsingham, pp. 278–279.
6. Froissart (1901), vol. 1, pp. 534–535.
7. John Ronald Moreton-Macdonald, *A History of France*, vol. 1 (1915), p. 268.
8. Walsingham, pp. 298–299.
9. Ibid., pp. 301, 306; John Julius Norwich, *Shakespeare's Kings* (1999), pp. 115–116; Usk, p. 49.
10. Norwich, *Shakespeare's Kings*, pp. 121–122; Walsingham, pp. 308–309.
11. Walsingham, p. 311.
12. Ibid., p. 317; Usk, pp. 89–91; Froissart (1901), vol. 2, pp. 214–215; Raphael Holinshed, *Chronicles of England, Scotland and Ireland*, vol. 3 (1808), p. 14.

Глава 85.

Битва при Никополе

1. Halil Inalcik, «Ottoman Methods of Conquest», *Studia Islamica*, no. 2 (1954): 103.
2. Nicol, *The Last Century of Byzantium*, pp. 285–289.
3. Ibid., pp. 289–291; Norwich, *Byzantium*, p. 345.
4. Inalcik, p. 120; Norwich, *Byzantium*, p. 345.
5. Nicol, *The Last Century of Byzantium*, pp. 292–293.
6. Norwich, *Byzantium*, p. 347.
7. Vasiliev, p. 629.
8. Ibid.
9. Norwich, *Byzantium*, p. 353.
10. France, pp. 276–277.
11. Norwich, *Byzantium*, p. 355.
12. David Nicolle, *Nicopolis* (1999), pp. 68–69.

Глава 86.

Кальмарская уния: союз и распад

1. Franklin Daniel Scott, *Sweden, the Nation's History* (1977), p. 81.
2. Vivian Etting, *Queen Margrete I, 1353–1412, and the Founding of the Nordic Union* (2004) p. 135.
3. Scott, pp. 81–82.
4. Ibid., p. 82; Hjalmar Hjorth Boyesen, *A History of Norway from the Earliest Times* (1900), p. 468.
5. Boyesen, pp. 468–470.
6. Etting, pp. 135–136.
7. Ibid.
8. Ibid., p. 136.
9. Ibid., pp. 142–144.
10. Boyesen, p. 473.
11. Lester B. Orfield, *The Growth of Scandinavian Law* (2002), p. 143.

Глава 87.

Восстание гуситов

1. Mogens Herman Hansen, ed., *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* (2000), pp. 22, 296.
2. Henry Smith Williams, ed., *The Historians' History of the World*, vol. 14 (1907), pp. 188–189.
3. Ibid., p. 192; Richard K. Emmerson and Sandra Clayton-Emmerson, eds., *Key Figures in Medieval Europe* (2006), p. 663; Thatcher and McNeal, p. 400.
4. Emmerson and Clayton-Emmerson, p. 663; Francis Dvornik, *The Slavs in European History and Civilization* (1962), p. 186; Hans Prutz, *The Age of the*

- Renaissance*, trans. John Henry Wright (1905), pp. 148–149; Michael Jones, pp. 559–560.
5. Niccolo Machiavelli, *The History of Florence and of the Affairs of Italy* (1891), pp. 438–439.
 6. Williams, p. 194.
 7. Philip Schaff and David Schley Schaff, *History of the Christian Church*, vol. 5, pt. 2 (1910), pp. 341–342.
 8. *Ibid.*, p. 343.
 9. John Wycliffe, *Writings of the Reverend and Learned John Wickliff* (1831), pp. 156, 162–163; Walsingham, pp. 259, 272; Peters, pp. 257–259.
 10. Henry Bettenson and Chris Maunder, eds., *Documents of the Christian Church*, 4th ed. (2011), pp. 192–193, Walsingham, p. 249.
 11. Jan Hus, *The Letters of John Hus* (1904), p. 26.
 12. *Ibid.*, p. 27.
 13. Dvornik, p. 193; Schaff and Schaff, p. 366.
 14. Creighton, vol. 2, p. 162.
 15. Williams, pp. 200–201; Prutz, p. 159.
 16. Hus, pp. 144–145.
 17. *Ibid.*, pp. 160–161, 167–168.
 18. *Ibid.*, p. 179; Schaff and Schaff, pp. 373–374.
 19. Prutz, p. 160.
 20. Schaff and Schaff, pp. 380–382; Hus, p. 279.
 21. Emerson and Clayton-Emmerson, p. 664.

Глава 88.

Завоевание Франции

1. Froissart (1901), vol. 2, p. 211.
2. Ramsay, p. 43; Usk, p. 145.
3. Jams Grant, *British Battles on Land and Sea*, vol. 1 (1897), pp. 76ff.
4. Usk, p. 243.
5. Enguerrand de Monstrelet, *The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet*, trans. Thomas Johnes, vol. 1 (1877), p. 34.
6. *Ibid.*, pp. 53–54.
7. *Ibid.*, pp. 53, 56.
8. Richard Vaughan, *John the Fearless* (2002), p. 70.
9. Moreton-Macdonald, p. 271; Vaughan, pp. 80–82.
10. Usk, p. 243; Walsingham, p. 389.
11. Moreton-Macdonald, pp. 272–273; Walsingham, p. 397.
12. Jervis, p. 238; Walsingham, p. 397.
13. Walsingham, pp. 407–409.
14. Jervis, p. 239.
15. Walsingham, p. 410.

16. Ibid., p. 412; Monstrelet, vol. 1, p. 342; Usk, p. 257.
17. Monstrelet, vol. 1, p. 343.
18. Moreton-Macdonald, p. 276; Ramsay, pp. 243–244.
19. Ramsay, pp. 267–270.
20. Moreton-Macdonald, pp. 280–281.

Глава 89. После Тамерлана

1. Brian M. Fagan, *From Stonehenge to Samarkand* (2006), p. 244; Ruy Gonzalez de Clavijo, *Embassy to Tamerlane, 1403–1406*, trans. Guy Le Strange (1928), pp. 146–152.
2. Kulke and Rothermund, p. 170.
3. Rabbat, pp. 16–17, 136–137; Nezar AlSayyad, *Cairo* (2011), pp. 122–123, 127.
4. Marozzi, pp. 291–292.
5. Levi and Sela, pp. 171–175.
6. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium*, p. 314.
7. Finkel, pp. 28–29.
8. Jackson, *The Mongols and the West*, p. 314; Finkel, p. 29.
9. Finkel, p. 31.
10. Grousset, p. 434.
11. Jackson, *The Mongols and the West*, p. 314.
12. Jackson and Lockhart, pp. 81–82.
13. Spuler, pp. 74–75; Ana Serrano et al., *Ibn Khaldun* (2006), pp. 110–111.
14. Norwich, *Byzantium*, p. 375.
15. Ibid., pp. 376–377; Finkel, pp. 35–36.
16. Norwich, *Byzantium*, pp. 376–377.

Глава 90. Отступление империи Мин

1. Kenneth Chase, *Firearms* (2003), p. 41.
2. Timothy Brook, *The Troubled Empire* (2010), pp. 90–91.
3. Ibid., pp. 91–92; Timothy Brook, Jerome Bourgon, and Gregory Blue, *Death by a Thousand Cuts* (2008), pp. 117–118.
4. Ma-Huan, *Ying-yai Sheng-lan*, trans. and ed. J. V. G. Mills (1970), pp. 6ff.; Brook, pp. 92–93; Chase, pp. 50–51.
5. Wang, pp. 153–154.
6. Ibid., pp. 155–156.
7. Gernet, p. 398; Denis Sinor, *Inner Asia* (1969), p. 205; Chase, pp. 46–47.
8. Chapuis, p. 101.
9. Julia Lovell, *The Great Wall* (2006), pp. 190–191.
10. Wang, p. 154.

11. Chase, p. 51.
12. Gernet, pp. 403–405; Chase, pp. 52–53.
13. Lovell, pp. 192–193.
14. Ibid., pp. 198–199.
15. Gernet, p. 405.

Глава 91. Крушение

1. Sismondi, p. 203.
2. John Addington Symonds, *Renaissance in Italy* (1883), pp. 152–153; Machiavelli, pp. 44–45.
3. Sismondi, pp. 210–211; Symonds, p. 152; Machiavelli, p. 159.
4. Creighton, vol. 2, pp. 40ff.
5. Robert Bideleux and Ian Jeffries, *A History of Eastern Europe*, 2nd ed. (2007), pp. 147–148; Emil Reich, *Select Documents Illustrating Medieval and Modern History* (1905), p. 630.
6. Bideleux and Jeffries, p. 150; Craig D. Atwood, *The Theology of the Czech Brethren from Hus to Comenius* (2009), p. 115.
7. Creighton, vol. 2, p. 69; Hans Ferdinand Helmolt, *The World's History* (1901), p. 199.
8. Creighton, vol. 2, pp. 81–82.
9. George Frederick Young, *The Medici*, vol. 1 (1911), p. 36.
10. Helmolt, p. 198; Creighton, vol. 2, pp. 105ff.
11. Hugh L. Agnew, *The Czechs and the Lands of the Bohemian Crown* (2004), pp. 49–59.
12. Creighton, vol. 2, p. 162.
13. Ibid., p. 176.
14. Ibid., pp. 179ff.
15. Kenneth Meyer Setton, *The Papacy and the Levant, 1204–1571*, vol. 2 (1978), pp. 65–66.

Глава 92. Вечное рабство

1. Pierre Bontier, Jean Le Verrier, and Richard Henry Major, *The Canarian, or Book of the Conquest and Conversion of the Canarians in the Year 1402* (1872), pp. 4, 41–44.
2. Felipe Fernandez-Armesto, *Before Columbus* (1994), pp. 181–182.
3. C. Raymond Beazley, *Prince Henry the Navigator* (1911), pp. 149–150.
4. Malyn Newitt, *The Portuguese in West Africa* (2010), pp. 26–27.
5. Bailey W. Diffie and George D. Vinius, *Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580* (1977), p. 55.

6. Gomes Eanes de Zurara, *The Chronicle of the Discovery and Conquest of Guinea*, trans. Charles Raymond Beazley and Edgar Prestage, vol. 1 (1896), p. 27; Malyn Newitt, *A History of Portuguese Overseas Expansion, 1400–1668* (2005), p. 19.
7. Zurara, pp. 30–31.
8. Ibid., pp. 33.
9. W. A. Salisbury *Portugal and Its People* (1893), pp. 98–99.
10. Zurara, pp. 40ff.; Newitt, *A History of Portuguese Overseas Expansion*, p. 24.
11. Diffie and Vinius, p. 79; Newitt, *The Portuguese in West Africa*, pp. 49–50.
12. Diffie and Vinius, pp. 80–81.
13. Arthur Helps, *The Conquerors of the New World and Their Bondsmen*, vol. 1 (1848), pp. 33–36.
14. Diffie and Vinius, p. 82; Newitt, *The Portuguese in West Africa*, p. 151.
15. Newitt, *The Portuguese in West Africa*, p. 44.
16. Salisbury, p. 105.
17. Stefan Goodwin, *Africa in Europe* (2009), p. 128; A. J. R. Russell-Wood, «Iberian Expansion and the Issue of Black Slavery», *American Historical Review* 83, no. 1 (Feb. 1978): 27–28.
18. Francis Gardiner Davenport, ed., *European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies to 1648* (1917): 22–23.

Глава 93. Потеря Франции

1. Walsingham, pp. 442–443.
2. Holinshed, p. 136; Rushton, p. 80; Enguerrand de Monstrelet, *The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet*, vol. 6, trans. Thomas Johnes (1810), pp. 3–4.
3. Malcolm G. A. Vale, *Charles VII* (1974), pp. 27, 35.
4. Holinshed, p. 137.
5. Ibid., p. 143; Vale, p. 33; Monstrelet, vol. 6, pp. 49–51;
6. Prutz, pp. 215–216; Monstrelet, vol. 6, p. 248.
7. Monstrelet, vol. 6, p. 254.
8. Regine Pernoud and Marie-Veronique Clin, *Joan of Arc*, trans. Jeremy duQuesnay Adams (1998), p. 23.
9. Monstrelet, vol. 6, p. 255.
10. Clayton J. Drees, *The Late Medieval Age of Crisis and Renewal, 1300–1500* (2001), p. 252.
11. Donald Spoto, *Joan* (2007), p. 111.
12. Ibid., p. 118; Holinshed, p. 170.
13. Spoto, pp. 121ff.
14. Daniel Hobbins, trans., *The Trial of Joan of Arc* (2007), p. 20.
15. Pernoud and Clin, p. 135.
16. Ibid., pp. 136–137.

17. Jervis, pp. 251–252; Enguerrand de Monstrelet, *The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet*, vol. 2, trans. Thomas Johnes (1853), p. 24.
18. Monstrelet, vol. 2, pp. 3–4, 6.
19. Ibid., pp. 28–29.
20. Jervis, pp. 253–254.
21. Vale, pp. 116–117; Holinshed, p. 229.
22. Holinshed, pp. 235–236; Hooper and Bennett, pp. 134–135.
23. Vale, pp. 173–175; Rushton, pp. 78–80.

Глава 94.

Падение

1. Finkel, pp. 41–42.
2. Pero Tafur, *Travels and Adventures, 1435–1439*, trans. Malcom H. I. Letts (1926), pp. 217–219.
3. Thomas Henry Dyer, *The History of Modern Europe*, vol. 1 (1861), pp. 14–15.
4. Tafur, p. 222.
5. Dyer, pp. 15–16.
6. Bertrand de la Brocquière, *The Travels of Bertandon de la Brocquière*, trans. Thomas Johnes (1807), pp. 281–282; Peter Purton, *A History of the Late Medieval Siege, 1200–1500* (2010), p. 245.
7. Stephen R. Turnbull, *The Ottoman Empire, 1326–1699* (2003), pp. 32–33; Finkel, pp. 44–45; Theoharis Stavrides, *The Sultan of Vezirs* (2001), pp. 53–54.
8. Hazard, pp. 655–656.
9. Turnbull, *The Ottoman Empire*, pp. 31–32.
10. Nicol, *The Last Century of Byzantium*, p. 363; Stavrides, p. 53; Dyer, pp. 17–18.
11. Norwich, *Byzantium*, pp. 414–415; Donald M. Nicol, *The Immortal Emperor* (1992), p. 52; Hazard, p. 657.
12. Norwich, *Byzantium*, p. 414.
13. Finkel, p. 49; Norwich, *Byzantium*, p. 415.
14. Nicol, *The Immortal Emperor*, p. 56; Norwich, *Byzantium*, p. 415.
15. Setton, p. 114.
16. Monstrelet, vol. 2, p. 229; Setton, p. 114; Nicol, *The Immortal Emperor*, pp. 64–65.
17. Monstrelet, vol. 2, p. 229; Setton, p. 116.
18. Nicol, *The Immortal Emperor*, p. 65.
19. Hazard, p. 659; Setton, p. 130.
20. Stavrides, p. 54.
21. Finkel, p. 49.
22. Ibid., p. 51.

Использованные источники

- Abelard, Peter. *Historia Calamitatum*. In *The Letters of Abelard and Heloise*, translated by Betty Radice. New York: Penguin Books, 1974.
- Aberth, John. *The Black Death: The Great Mortality of 1348–1350*. Boston: Bedford/St. Martin's, 2005.
- . *From the Brink of the Apocalypse: Confronting Famine, War, Plague, and Death in the Later Middle Ages*. London: Routledge, 2001.
- Abulafia, David. *Frederick II: A Medieval Emperor*. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- , ed. *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 5, C. 1198–c. 1300. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Abun-Nasr, Jamil M. *A History of the Maghrib in the Islamic Period*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- . *Muslim Communities of Grace: The Sufi Brotherhoods in Islamic Religious Life*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Adams, Richard E. W. *Prehistoric Mesoamerica*. Rev. ed. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
- Agnew, Hugh L. *The Czechs and the Lands of the Bohemian Crown*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2004.
- Ahmed, Salahuddin. *Bangladesh: Past and Present*. New Delhi: APH Publishing, 2004.
- Akropolites, George. *The History*. Translated and edited by Ruth Macrides. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Alexander, Michael Van Cleave. *Three Crises in Early English History: Personalities and Politics during the Norman Conquest, the Reign of King John, and the Wars of the Roses*. Lanham, Md.: University Press of America, 1998.
- Allsen, Thomas T. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Mongke*. Berkeley: University of California Press, 1987.
- al-Maqqari, Ahmad Ibn-Muhammad. *The History of the Mohammedan Dynasties in Spain*. Translated by Pascual de Gayangos. Vol. 2. London: Oriental Translation Fund, 1843.

- Al Sayyad, Nezar. *Cairo: Histories of a City*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011.
- Ambraseys, Nicholas N. «The 12th Century Seismic Paroxysm in the Middle East: A Historical Perspective». *Annals of Geophysics* 47, no. 2/3 (April/June 2004): 733–758.
- Anderson, James. *The Rebel Den of Nung Tru Cao: Loyalty and Identity along the Sino-Vietnamese Frontier*. Seattle: University of Washington Press, 2007.
- Andrea, Alfred J., and Brett E. Whale. *Contemporary Sources for the Fourth Crusade*. Rev. ed. Leiden: Brill, 2008.
- Anesaki, Masaharu. *Nichiren, the Buddhist Prophet*. Gloucester, Mass.: P. Smith, 1966.
- Anselm, Saint. *Proslogion*. In *A Scholastic Miscellany: Anselm to Ockham*, edited and translated by Eugene R. Fairweather. Philadelphia: Westminster Press, 1956.
- Aquinas, Saint Thomas. *De Regimine Principum*. In *Main Currents of Western Thought: Readings in Western European Intellectual History from the Middle Ages to the Present*, edited by Franklin Le Van Baumer. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1978.
- Arberry, Arthur John. *Classical Persian Literature*. London: G. Allen & Unwin, 1958.
- Archer, Thomas Andrew. *The Crusade of Richard I, 1189–1192: Extracts from the Itinerarium Ricardi, Bohadin, Ernoul, Roger of Howden, Richard of Devizes, Rigord, Ibn Alathir, Li Livres Eracles, & c.* London: G. P. Putnam's Sons, 1888.
- Archer, Thomas Andrew, and Charles Lethbridge Kingsford. *The Crusades: The Story of the Latin Kingdom of Jerusalem*. London: T. Fisher Unwin, 1914.
- Armstrong, Karen. *Jerusalem: One City, Three Faiths*. New York: Alfred A. Knopf, 1996.
- Armstrong, Regis J., ed. *Francis of Assisi: Early Documents*. Vol. 1. Hyde Park, N. Y.: New City Press, 1999.
- Asbridge, Thomas S. *The Crusades: The Authoritative History of the War for the Holy Land*. New York: Ecco Press, 2010.
- Atwood, Craig D. *The Theology of the Czech Brethren from Hus to Comenius*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2009.
- Augustine of Hippo. «The Correction of the Donatists». In *A Select Library of the Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church*. Vol. 4, *St. Augustin: The Writings against the Manichaens and against the Donatists*, edited by Philip Schaff. Edinburgh: T. & T. Clark, 1887.
- Backus, Irena Dorota. *Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615)*. Leiden: Brill, 2003.
- Baker, Dekker. *England in the Early Middle Ages*. Rev. ed. Dallas: Academia Press, 1993.
- Baldwin, James Fosdick. *The Scutage and Knight Service in England*. Chicago: University of Chicago Press, 1897.

- Baldwin, John W. *The Government of Philip Augustus: Foundations of French Royal Power in the Middle Ages*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Balzani, Ugo. *The Popes and the Hohenstaufen*. London: Longmans, Green, 1889.
- Barani, Ziauddin. *Tarikh-i Firoz Shahi*. In *The History of India, As Told by Its Own Historians*, edited by H. M. Elliot and John Dowson. Vol. 3. London: Trubner, 1871.
- Barber, Malcolm. *The Two Cities: Medieval Europe, 1050–1320*. New York: Routledge, 1992.
- Barber, Malcolm, and A. K. Bate, trans. and eds. *The Templars: Selected Sources*. Manchester: Manchester University Press, 2002.
- Barber, Richard. *The Life and Campaigns of the Black Prince: From Contemporary Letters*. Rochester, N. Y.: Boydell Press, 1997.
- Barlow, Frank. *Thomas Becket*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Barton, Simon, and Richard Fletcher, eds. *The World of El Cid: Chronicles of Spanish Reconquest*. New York: Manchester University Press, 2001.
- Battarbee, Richard W., et al., eds. *Past Climate Variability through Europe and Africa*. Vol. 6. Dordrecht: Springer, 2004.
- Bauer, Susan Wise. *The History of the Ancient World*. New York: W. W. Norton, 2007.
- . *The History of the Medieval World*. New York: W. W. Norton, 2010.
- Beazley, C. Raymond. *Prince Henry the Navigator: The Hero of Portugal and of Modern Discovery, 1394–1460 A.D.* New York: Putnam, 1911.
- Bechert, Heinz. «Theravada Buddhist Sangha: Some General Observations on Historical and Political Factors in its Development». *Journal of Asian Studies* 29, no. 4 (Aug. 1970): 761–778.
- Becket, Thomas. «Letter 82». In *The Correspondence of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury, 1162–1170*, edited and translated Anne J. Duggan. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 2000.
- Beckwith, Christopher I. *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009.
- Behnke, Alison. *The Conquests of Genghis Khan*. Minneapolis: Twenty-First Century Books, 2008.
- Behringer, Wolfgang. *A Cultural History of Climate*. Translated by Patrick Camiller. Cambridge: Polity, 2010.
- Beitrage zur «7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches»: Gesamtinhaltsverzeichnis Band 1–50*. Weisbaden, Germany: Harrassowitz Verlag, 1995.
- Benedictow, Ole Jorgen. *The Black Death, 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2004.
- Bendix, Reinhard. *Kings or People: Power and the Mandate to Rule*. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Bennett, Matthew. *Fighting Techniques of the Medieval World: Equipment, Combat Skills and Tactics*. New York: St. Martin's Press, 2006.

- Bernard of Clairvaux. *Five Books on Consideration: Advice to a Pope*. Translated by John Douglas Anderson and Elizabeth T. Kennan. Kalamazoo, Mich.: Cistercian Publications, 1976.
- Bettenson, Henry, and Chris Maunder, eds. *Documents of the Christian Church*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Bideleux, Robert, and Ian Jeffries. *A History of Eastern Europe: Crisis and Change*. 2nd ed. New York: Routledge, 2007.
- Biow, Douglas. *Doctors, Ambassadors, Secretaries: Humanism and Professions in Renaissance Italy*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
- Blench, Roger, and Matthew Spriggs, eds. *Archaeology and Language: Artifacts, Languages and Texts*. Vol. 3. London: Routledge, 1999.
- Blo-bza-grags-pa, Tso-kha-pa, and Gareth Sparham. *The Fulfillment of All Hopes: Guru Devotion in Tibetan Buddhism*. Boston: Wisdom, 1999.
- Blumenthal, Uta-Renate. *The Investiture Controversy: Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988.
- Boll, Verena, ed. *Studia Aethiopica*. Wiesbaden, Germany: Harrassowitz Verlag, 2004.
- Bonaventure, Saint. *The Life of St. Francis*. San Francisco: HarperOne, 2005.
- Bondarenko, Dmitri M., and Peter M. Roese. «Between the Ogiso and Oba Dynasties: An Interpretation of Interregnum in the Benin Kingdom». *History in Africa* 31 (2004): 103–115.
- Bontier, Pierre, Jean Le Verrier, and Richard Henry Major. *The Canarian, or Book of the Conquest and Conversion of the Canarians in the Year 1402*. London: Hakluyt Society, 1872.
- «The Bornu Girgam». Translated by H. R. Palmer. *Journal of the African Society* 12, no. 45 (Oct. 1912): 71–83.
- Bosworth, Clifford E., and Muhamed S. Asimov, eds. *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 4, pt. 2. Paris: UNESCO, 2000.
- Bosworth, Clifford E., et al., eds. *The Encyclopædia of Islam*. Vol. 6. Leiden: Brill, 1986.
- Bovill, E. W., and Robin Hallett. *The Golden Trade of the Moors: West African Kingdoms in the Fourteenth Century*. 2nd ed. Princeton, N.J.: Markus Wiener Publishers, 1995.
- Boyesen, Hjalmar Hjorth. *A History of Norway from the Earliest Times*. London: T. Fisher Unwin, 1900.
- Boyle, J. A., ed. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5, *The Saljuq and Mongol Periods*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Bradbury, Jim. *The Capetians: Kings of France, 987–1328*. London: Hambledon Continuum, 2007.
- Brinkley, Frank, and Dairoku Kikuchi. *A History of the Japanese People from the Earliest Times to the End of the Meiji Era*. New York: Encyclopaedia Britannica, 1915.

- Brissaud, Jean. *A History of French Public Law*. Translated by James W. Garner. Boston: Little, Brown, 1915.
- Brocquiere, Bertrandon de la. *The Travels of Bertrandon de la Brocquiere*. Translated by Thomas Johnes. Hafod, Wales: Hafod Press, 1807.
- Brodd, Jeffrey. *Primary Source Readings in World Religions*. Winona, Minn.: St. Mary's Press, 2009.
- Brook, Timothy. *The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010.
- Brook, Timothy, Jerome Bourgon, and Gregory Blue. *Death by a Thousand Cuts*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2008.
- Brown, Delmer M., and Ichirō Ishida, trans. and eds. *The Future and the Past: A Translation and Study of the Gukansho, an Interpretive History of Japan Written in 1219*. Berkeley: University of California Press, 1979.
- Brown, Elizabeth A. R. «Philip V, Charles IV, and the Jews of France: The Alleged Expulsion of 1322». *Speculum* 66, no. 2 (April 1991): 294–329.
- Brown, Michael E., and Sumit Ganguly. *Fighting Words: Language Policy and Ethnic Relations in Asia*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003.
- Brown, Neville. *History and Climate Change: A Eurocentric Perspective*. London: Routledge, 2001.
- Browning, Oscar. *Guelphs & Ghibellines: A Short History of Medieval Italy from 1250–1409*. London: Methuen, 1893.
- Brownlee, John S. *Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712)*. Ontario, Canada: Wilfrid Laurier University Press, 1991.
- Bryceson, Deborah Fahy, Judith Okely, and Jonathan Webber, eds. *Identity and Networks: Fashioning Gender and Ethnicity across Cultures*. New York: Berghahn Books, 2007.
- Buchanan, Brenda J., ed. *Gunpowder, Explosives and the State: A Technological History*. Aldershot, England: Ashgate, 2006.
- Bueno de Mesquita, D. M. *Gianguiseppe Visconti, Duke of Milan (1351–1402)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1941.
- Burge, James. *Heloise and Abelard: A New Biography*. New York: HarperCollins, 2003.
- Bussey, George M., Thomas Gaspey, and Theodose Burette. *A History of France and of the French People: From the Establishment of the Franks in Gaul, to the Period of the French Revolution*. London: W. S. Orr, 1850.
- Butler, J. R. M. *A History of England*. London: T. Butterworth, 1928.
- Butler, William Francis Thomas. *The Lombard Communes: A History of the Republics of North Italy*. London: T. F. Unwin, 1906.
- Caesarius of Heisterbach. *Dialogus Miraculorum*. Cologne: H. Lempertz, 1851.
- Caferro, William. *John Hawkwood: An English Mercenary in Fourteenth-Century Italy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006.

- Camxes, Luis Vas de. *The Lusiads*. Translated by Landeg White. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Carpenter, David. *The Reign of Henry III*. London: Hambledon Press, 1996.
- Carter, F.W. *Trade and Urban Development in Poland: An Economic Geography of Cracow, from Its Origins to 1795*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Cassirer, Ernst. «Some Remarks on the Question of the Originality of the Renaissance». *Journal of the History of Ideas* 4, no. 1 (Jan. 1943): 49–74.
- Chandra, Satish. *Medieval India: From Sultanat to the Mughals*. New Delhi: Har-Anand Publications, 1997.
- Chanes, Jerome A. *Antisemitism: A Reference Handbook*. Santa Barbara, Calif.: ABC–CLIO, 2004.
- Chapuis, Oscar. *A History of Vietnam: From Hong Bang to Tu Duc*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1995.
- Chase, Kenneth. *Firearms: A Global History to 1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Chaurasia, Radhey Shyman. *History of Medieval India: From 1000 AD to 1707 AD*. New Delhi: Atlantic, 2002.
- Chazan, Robert. *Medieval Stereotypes and Modern Antisemitism*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Cheyney, Edward Potts. *Readings in English History Drawn from the Original Sources*. New York: Ginn, 1922.
- Chew, Helena M., and Lucy C. Latham. *Europe in the Middle Ages, 843–1494*. London: G. G. Harrap, 1936.
- Chikafusa, Kitabatake. «Jinno Shotoki». In *Traditional Japanese Literature: An Anthology, Beginnings to 1600*, edited by Haruo Shirane. New York: Columbia University Press, 2007.
- Childs, Wendy R., ed. and trans. *Vita Edwardi Secundi: The Life of Edward the Second*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Chipman, Donald E. *Moctezuma's Children: Aztec Royalty under Spanish Rule, 1520–1700*. Austin: University of Texas Press, 2005.
- Chivas-Baron, Clotilde. *Stories and Legends of Annam*. Translated by E. M. Smith-Dampier. London: Andrew Melrose, 1920.
- Choniates, Nicetas. *O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates*. Translated by Harry J. Magoulas. Detroit: Wayne State University Press, 1984.
- Chopra, Pran N., T.K. Ravindran, and N. Subrahmanian. *History of South India*. New Delhi: S. Chand, 1979.
- Christian, David. *A History of Russia, Central Asia, and Mongolia*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Christiansen, Eric. *The Northern Crusades*. Rev. ed. New York: Penguin, 1997.
- Christine de Pisan. *Fais et Bonnes Meurs du Sage Roy Charles*. Paris: Foucault, 1819.
- Chronica Adefonsi Imperatoris*. Vol. 2, no. 50. In *The World of El Cid: Chronicles of the Spanish Reconquest*, trans. Simon Barton and Richard Fletcher. Manchester: Manchester University Press, 2000.

- The Chronicle of Lanercost, 1272–1346*. Translated by Herbert Maxwell. Glasgow: J. Maclehose, 1913.
- The Chronicle of Melrose*. Translated by Joseph Stevenson. In *The Church Historians of England*. Vol. 4, pt. 1. London: Seeleys, 1856.
- The Chronicle of Novgorod, 1016–1471*. Translated by Robert Michell and Nevill Forbes. London: Offices of the Society, 1914.
- Chronicon Anonymi Cantuariensis*. Edited and translated by Charity Scott-Stokes and Chris Given-Wilson. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Codrington, H. W. *Short History of Ceylon*. London: Macmillan, 1926.
- Coedes, George. *The Indianized States of Southeast Asia*. Edited by Walter F. Vella. Translated by Sue Brown Cowing. Honolulu: University of Hawaii Press, 1968.
- . *The Making of South East Asia*. Translated by H. M. Wright. Berkeley: University of California Press, 1966.
- Cohn, Bernard S. *Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996.
- Cohn, Norman R. C. *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages*. Rev. ed. New York: Oxford University Press, 1970.
- Cohn, Samuel K. *The Black Death Transformed: Disease and Culture in Early Renaissance Europe*. London: Arnold Publishing, 2002.
- Colish, Marcia L. *Peter Lombard*. Vol. 1. New York: Brill, 1994.
- Collins, Robert O., and James McDonald Burns. *A History of Sub-Saharan Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Comnena, Anna. *The Alexiad of Anna Comnena*. Translated by E. R. A. Sewter. Baltimore: Penguin, 1969.
- Conlan, Thomas Donald. *From Sovereign to Symbol: An Age of Ritual Determinism in Fourteenth-Century Japan*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Constable, Olivia Remie, ed. *Medieval Iberia: Readings from Christian, Muslim, and Jewish Sources*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997.
- Coulton, G. G. *From St. Francis to Dante: Translations from the Chronicle of the Franciscan Salimbene (1221–1288)*. 2nd ed. London: David Nutt, 1907.
- Cowie, Leonard W. *The Black Death and Peasants' Revolt*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1972.
- Creighton, Mandell. *A History of the Papacy during the Period of the Reformation*. Vols. 1–2. Boston: Houghton Mifflin, 1882.
- Culavamsa: Being the More Recent Part of the Mahavamsa*. Translated by Wilhelm Geiger. New Delhi: Asian Educational Services, 1929.
- Dae-haeng, Kim. *Classical Poetic Songs of Korea*. Seoul: Ewha Womans University Press, 2009.
- Daftary, Farhad. *The Assassin Legends: Myths of the Isma'ilis*. London: I. B. Tauris, 1995.

- Danielou, Alain. *A Brief History of India*. Translated by Kenneth Hurry. Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2003.
- Dante Alighieri. *De Monarchia*. Translated and edited by Aurelia Henry. Boston: Houghton Mifflin, 1904.
- . *The Divine Comedy of Dante Alighieri: Hell, Purgatory, Paradise*. Translated by Henry F. Cary. New York: P. F. Collier & Son, 1909.
- Danziger, Danny, and John Gillingham. *1215: The Year of Magna Carta*. New York: Touchstone, 2005.
- Davenport, Francis Gardiner, ed. *European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies to 1648*. Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington, 1917.
- Davies, Brian, ed. *Thomas Aquinas: Contemporary Philosophical Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Davies, Norman. *God's Playground: A History of Poland*. Rev. ed. Vol. 1, *The Origins to 1795*. New York: Columbia University Press, 2005.
- Davis, Henry William Carless. *England under the Normans and Angevins, 1066–1272*. London: Methuen, 1949.
- Davis, Richard L. *Wind against the Mountain: The Crisis of Politics and Culture in Thirteenth-Century China*. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, 1996.
- Dawson, Christopher. *Mission to Asia*. Toronto: Toronto University Press, 1980.
- Deane, Jennifer Kolpacoff. *A History of Medieval Heresy and Inquisition*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2011.
- de Bary, Wm. Theodore, et al., eds. *Sources of Japanese Tradition*. 2nd ed. Vol. 1. New York: Columbia University Press, 2001.
- De Benneville, James Sequin. *Saito Mussashi-bo Benkei (Tales of the Wars of the Gempei)*. Yokohama: The Author, 1910.
- De Quincy, Thomas. *Confessions of an English Opium-Eater and Related Writings*. Edited by Joel Faflak. Buffalo, N.Y.: Broadview Press, 2009.
- Deuchler, Martina. *The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology*. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1992.
- de Vericour, Louis Raymond. «The Jacquerie». *Transactions of the Royal Historical Society* 1 (1872): 296–310.
- Devlin, Keith J. *The Man of Numbers: Fibonacci's Arithmetic Revolution*. New York: Walker, 2011.
- Diffie, Bailey W., and George D. Vinius. *Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
- Dixon, Gary. «Encounters in Medieval Revivalism: Monks, Friars, and Popular Enthusiasts». *Church History* 68, no. 2 (June 1999): 265–293.
- Dodge, Walter Phelps. *Piers Gaveston: A Chapter of Early Constitutional History*. New York: B. Blom, 1971.

- Douglas, David Charles. *William the Conqueror: The Norman Impact upon England*. Berkeley: University of California Press, 1964.
- Dranc, Augusta Theodosia, *The History of St. Catherine of Siena and Her Companions*. 3rd ed. Vol. 1, London: Longmans, Green, 1899.
- Drees, Clayton J. *The Late Medieval Age of Crisis and Renewal, 1300–1500: A Biographical Dictionary*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2001.
- Dreyer, Edward L. *Early Ming China: A Political History, 1355–1435*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1982.
- Duby, Georges. *France in the Middle Ages, 987–1460*. Translated by Juliet Vale. Oxford: Blackwell, 1991.
- Duffy, Sean, Ailbhe MacShamhrain, and James Moynes. *Medieval Ireland: An Encyclopedia*. New York: Routledge, 2005.
- Duggan, Christopher. *A Concise History of Italy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Dunn, Ross E. *The Adventures of Ibn Battuta, a Muslim Traveler of the Fourteenth Century*. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Duran, Diego. *The History of the Indies of New Spain*. Translated and edited by Doris Heyden. Norman: University of Oklahoma Press, 1994.
- Dvornik, Francis. *The Slavs in European History and Civilization*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1962.
- Dyer, Thomas Henry. *The History of Modern Europe: From the Fall of Constantinople in 1453 to the War in the Crimea in 1857*. Vol. 1. London: John Murray, 1861.
- Earp, Lawrence. *Guillaume de Machaut: A Guide to Research*. New York: Garland, 1995.
- Eaton, Richard Maxwell. *The Rise of Islam and the Bengal Frontier, 1204–1760*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- . *A Social History of the Deccan, 1300–1761: Eight Indian Lives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- EBrey, Patricia Buckley, ed. *Chinese Civilization: A Sourcebook*. 2nd ed. New York: Free Press, 1993.
- EBrey, Patricia Buckley, Anne Walthall, and James B. Palais. *Pre-Modern East Asia: to 1800: A Cultural, Social, and Political History*. Boston: Houghton Mifflin, 2006.
- Eckert, Carter J., and Ki-baek Yi. *Korea, Old and New: A History*. Seoul: Published for the Korea Institute, Harvard University by Ilchokak, 1990.
- Edbury, Peter W., trans. *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade: Sources in Translation*. Aldershot, England: Ashgate, 1998.
- Edwards, Ruth Dudley, and Bridget Hourican. *An Atlas of Irish History*. London: Methuen, 1973.
- Einstein, David G. *Emperor Frederick II*. New York: Philosophical Library, 1949.
- Eisenhofer, Stefan. «The Benin Kinglist/s: Some Questions of Chronology». *History of Africa* 24 (1997): 139–156.

- Elliot, Henry Miers. *The History of India*. Vol. 5. London: Grolier Society, 1907.
- Elliott-Binns, L. *Innocent III*. London: Methuen, 1931.
- Emmerson, Richard K., and Sandra Clayton-Emmerson, eds. *Key Figures in Medieval Europe: An Encyclopedia*. New York: Routledge, 2006.
- Engel, Pal. *The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526*. Translated by Tamas Palosfalvi. English ed. edited by Andrew Ayton. London: I. Tauris, 2005.
- Engles, Donald W. *Classical Cats: The Rise and Fall of the Sacred Cat*. New York: Routledge, 1999.
- Enriquez, Colin Metcalfe. *Ceylon, Past and Present*. London: Hurst & Blackett, 1927.
- Etting, Vivian. *Queen Margrete I, 1353–1412, and the Founding of the Nordic Union*. Leiden: Brill, 2004.
- Evans, Gillian Rosemary, ed. *The Medieval Theologians*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2001.
- Ezcurra, Exequiel. *The Basin of Mexico: Critical Environmental Issues and Sustainability*. Tokyo: United Nations University Press, 1999.
- Fagan, Brian. *From Stonehenge to Samarkand: An Anthology of Archaeological Travel Writing*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- . *The Little Ice Age: How Climate Made History, 1300–1850*. New York: Basic Books, 2000.
- Fage, J. D., and R. A. Oliver, eds. *Papers in African Prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Fage, J. D., with William Tordoff. *A History of Africa*. 4th ed. London: Routledge, 2002.
- Falola, Toyin, and Adebayo Oyebadé. *The Foundations of Nigeria: Essays in Honor of Toyin Falola*. Trenton, N.J.: Africa World Press, 2003.
- Farris, William Wayne. *Japan to 1600: A Social and Economic History*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009.
- Fasi, Muhammad, and Ivan Hrbek, eds. *Africa from the Seventh to the Eleventh Century*. London: Heinemann, 1988.
- Fawtier, Robert. *The Capetian Kings of France: Monarchy & Nation (987–1328)*. New York: St. Martin's Press, 1966.
- Ferguson, William. *Scotland's Relations with England: A Survey to 1707*. Edinburgh: Donald, 1977.
- Fernandez-Armesto, Felipe. *Before Columbus: Exploration and Colonization from the Mediterranean to the Atlantic, 1229–1492*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994.
- Fichtenau, Heinrich. *Heretics and Scholars in the High Middle Ages, 1000–1200*. Translated by Denise A. Kaiser. University Park: Pennsylvania State University Press, 1998.

- Fine, John Van Antwerp. *The Late Medieval Balkans: A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1987.
- Finkel, Caroline. *Osman's Dream: The History of the Ottoman Empire*. New York: Basic Books, 2005.
- Finlay, George. *History of the Byzantine and Greek Empires*. Vol. 2. Edinburgh: William Blackwood & Sons, 1854.
- Firoz Shah. «Futuhāt-i Firoz Shahi». In *The History of India As Told by Its Own Historians*, edited by H. M. Elliot and John Dowson. Vol. 3. London: Trubner, 1871.
- Fisher, Humphrey J. *Slavery in the History of Muslim Black Africa*. New York: New York University Press, 2001.
- Fleet, J. F. «Inscriptions at Ablur». In E. Hultzsch, ed., *Epigraphia Indica and Record of the Archaeological Survey of India*. Vols. 5–6, 213–264. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1898–1901.
- Fleminger, David. *Mapungubwe Cultural Landscape*. Johannesburg, South Africa: South Publishers, 2006.
- Folda, Jaroslav. *Crusader Art in the Holy Land: From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187–1291*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Fowler, Jeaneane D. *Hinduism: Beliefs and Practices*. Brighton, England: Sussex Academic Press, 1997.
- France, John. *The Crusades and the Expansion of Catholic Christendom, 1000–1714*. New York: Routledge, 2005.
- Franke, Herbert, and Denis Twitchett, eds. *The Cambridge History of China*. Vol. 6, *Alien Regimes and Border States, 907–1368*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Fraser, Rebecca. *The Story of Britain: From the Romans to the Present: A Narrative History*. New York: W. W. Norton, 2006.
- Frassetto, Michael, ed. *Medieval Purity and Piety: Essays on Medieval Clerical Celibacy and Religious Reform*. New York: Garland, 1998.
- Frederick I and Graham A. Loud. *The Crusade of Frederick Barbarossa: The History of the Expedition of the Emperor Frederick and Related Texts*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2009.
- Freeman-Grenville, G. S. P. «Some Recent Archaeological Work on the Tanganyika Coast». *Man* 58 (July 1958): 106–112.
- Friday, Karl F. *Samurai, Warfare and the State in Early Medieval Japan*. New York: Routledge, 2004.
- Friedrich-Silber, Ilana. *Virtuosity, Charisma, and Social Order: A Comparative Sociological Study of Monasticism in Theravada Buddhism and Medieval Catholicism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Froissart, Jean. *Chronicles*. Translated by Geoffrey Brereton. New York: Penguin, 1978.

- . *Chronicles of England, France, Spain, and the Adjoining Countries*. Vol. 1. Translated by Thomas Johnes. London: William Smith, 1839.
- . *Chronicles of England, France, Spain and the Adjoining Countries*. Vols. 1–2. Rev. ed. Translated by Thomas Johnes. New York: P.F. Collier & Son, 1901.
- Fuhrmann, Horst. *Germany in the High Middle Ages, c. 1050–1200*. Translated by Timothy Reuter. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Gabriel, Richard A. *Subotai the Valiant: Genghis Khan's Greatest General*. Westport, Conn.: Praeger, 2004.
- Gabrieli, Francesco, ed. and trans. *Arab Historians of the Crusades*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Gann, Lewis H., and Peter Duignan. *Africa and the World: An Introduction to the History of Sub-Saharan Africa*. Lanham, Md.: University Press of America, 2000.
- Geary, Patrick J. *Living with the Dead in the Middle Ages*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.
- Gerald of Wales. «The History of the Conquest of Ireland». In *The Historical Works of Giraldus Cambrensis*, trans. Thomas Wright. London: George Bell & Sons, 1894.
- Gernet, Jacques. *A History of Chinese Civilization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Gervase of Canterbury. *The Historical Works of Gervase of Canterbury*. Vol. 2. London: Longmans, Green, 1880.
- Gibb, H. A. R., ed. and trans. *The Damascus Chronicle of the Crusades: Extracted and Translated from the Chronicle of Ibn Al-Qalanis*. Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2002.
- , trans. and ed. *The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Gibbons, H. A. *The Foundation of the Ottoman Empire*. New York: Century, 1916.
- Gillingham, John. *The Angevin Empire*. 2nd ed. London: Arnold, 2001.
- . *Richard I*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.
- Glubb, John Bagot. *Soldiers of Fortune: The Story of the Mamlukes*. New York: Dorset, 1988.
- Goble, Andrew Edmund. *Kenmu: Go-Daigo's Revolution*. Cambridge, Mass.: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1996.
- Godman, Peter. *The Silent Masters: Latin Literature and Its Censors in the High Middle Ages*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000.
- Gombrich, Richard Francis. *Theravada Buddhism: A Social History from Ancient Benares to Modern Colombo*. New York: Routledge, 2006.
- Gombrich, Richard Francis, and Gananath Obeyesekere. *Buddhism Transformed: Religious Change in Sri Lanka*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.
- Gonzalez, Justo L. *The Story of Christianity*. Vol. 1, *The Early Church to the Dawn of the Reformation*. New York: HarperCollins, 1984.

- Goodich, Michael, ed. *Other Middle Ages: Witnesses at the Margins of Medieval Society*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998.
- Goodman, Anthony. *A History of England from Edward II to James I*. New York: Longman, 1977.
- Goodwin, Stefan. *Africa in Europe: Antiquity into the Age of Global Expansion*. Lanham, Md.: Lexington Books, 2009.
- Gonzalez de Clavijo, Ruy. *Embassy to Tamerlane, 1403–1406*. Translated by Guy Le Strange. London: Routledge, 1928.
- Gordon, Stewart. *When Asia Was the World*. Cambridge, Mass.: Da Capo Press, 2008.
- Gosselin, Jean Edme Auguste. *The Power of the Pope during the Middle Ages*. Translated by Matthew Kelly. Vol. 2. Baltimore: J. Murphy, 1853.
- Graham-Leigh, Elaine. *The Southern French Nobility and the Albigensian Crusade*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2005.
- Gransden, Antonia. *Historical Writing in England: C. 550 to c. 1307*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1973.
- Grant, Edward, ed. *A Source Book in Medieval Science*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.
- Grant, James. *British Battles on Land and Sea*. Vol. 1. London: Cassell, Petter & Galpin, 1897.
- Gray, Richard, ed. *The Cambridge History of Africa*. Vol. 4, *From c. 1600 to c. 1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Gray, Thomas. *Scalacronica: The Reigns of Edward I, Edward II and Edward III*. Translated by Herbert Maxwell. Glasgow: James Maclehose & Sons, 1907.
- Green, John Richard. *A Short History of the English People*. Rev. ed. New York: Harper & Brothers, 1894.
- Green, Judith A. *The Government of England under Henry I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Grimm, Jacob and Wilhelm. *Hansel and Gretel*. Translated by Monique Felix. Mankato, Minn.: Creative Editions, 2001.
- Grousset, Rene. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1970.
- Grunebaum, Gustave E. von. *Medieval Islam: A Study in Cultural Orientation*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1953.
- Guizot, M., and Madame Guizot de Witt. *The History of France: From the Earliest Times to 1848*. Vol. 1. Translated by Robert Black. New York: John B. Alden, 1884.
- Gumilev, L. N. *Searches for an Imaginary Kingdom: The Legend of the Kingdom of Prester John*. Translated by R. E. F. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
- Guwaini, 'Ala'-ad-Din, John A. Boyle, and Muhammad Qazwini. *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*. Manchester: Manchester University Press, 1997.

- Haar, B.J. Ter. *The White Lotus Teachings in Chinese Religious History*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999.
- Haidar Dughlat, Mirza Muhammad. *The Tarikh-i-Rashidi: A History of the Moghuls of Central Asia*. Translated by E. Denison Ross. London: Sampson Low, Marson & Bol, 1895.
- Hall, John W., Jeffrey P. Mass, and David L. Davis. *Medieval Japan: Essays in Institutional History*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1974.
- Hall, Kenneth R. *A History of Early Southeast Asia: Maritime Trade and Societal Development, 100–1500*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2011.
- Hall, Martin. *Farmers, Kings, and Traders: The People of Southern Africa, 200–1860*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
- Hamadani, Agha Hussain. *The Frontier Policy of the Delhi Sultans*. Islamabad, Pakistan: National Institute of Historical and Cultural Research, 1986.
- Hamilton, J.S. *The Plantagenets: History of a Dynasty*. New York: Continuum, 2010.
- Hansen, Mogens Herman, ed. *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen: Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 2000.
- Har-El, Shai. *Struggle for Domination in the Middle East: The Ottoman Mamluk War, 1485–91*. Leiden: Brill, 1995.
- Hardy, Andrew, et al., eds. *Champa and the Archaeology of My Son*. Singapore: NUS Press, 2009.
- Harper-Bill, Christopher, and Nicholas Vincent, eds. *Henry II: New Interpretations*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2007.
- Harper-Bill, Christopher, and Ruth Harvey, eds. *The Ideals and Practice of Medieval Knighthood*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1986.
- Harris, Jonathan. *Byzantium and the Crusades*. London: Continuum, 2006.
- Harrison, Philip. *South Africa's Top Science Sites*. Kenilworth, South Africa: Spearhead, 2004.
- Haskew, Michael E., et al. *Fighting Techniques of the Oriental World, AD 1200–1860: Equipment, Combat Skills, and Tactics*. New York: Thomas Dunne Books, 2008.
- Hazard, Harry W. ed., *A History of the Crusades*. Vol. 3, *The Fourteenth and Fifteenth Centuries*. 2nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1975.
- Helmolt, Hans Ferdinand. *The World's History: Western Europe to 1800*. London: W. Heinemann, 1901.
- Helps, Arthur. *The Conquerors of the New World and Their Bondsmen*. Vol. 1. London: William Pickering, 1848.
- Henderson, Ernest F., ed. and trans. *Select Historical Documents of the Middle Ages*. London: George Bell and Sons, 1896.
- Henry of Huntingdon. *The Chronicle of Henry of Huntingdon*. Translated and edited by Thomas Forester. London: Henry G. Bohn, 1853.
- Henry the Minstrel and William Hamilton. *The History of the Life and Adventures and Heroic Actions of the Renowned Sir William Wallace*. Edinburgh: J. Ogle, 1812.
- Henthorn, William E. *Korea: The Mongol Invasions*. Leiden: Brill, 1963.

- Herlihy, David. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
- Hewitt, Herbert James. *The Black Prince's Expedition of 1355–1357*. Manchester: University of Manchester Press, 1958.
- Heywood, William. *A History of Pisa, Eleventh and Twelfth Centuries*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Higham, Charles. *The Civilization of Angkor*. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Hill, David Jayne. *A History of Diplomacy in the International Development of Europe*. Vol. 1. New York: H. Fertig, 1967.
- Hill, George. *A History of Cyprus*. Vol. 2, (1192–1432). Cambridge: Cambridge University Press, 1948.
- Hillenbrand, Carole. *The Crusades: Islamic Perspectives*. New York: Routledge, 2000.
- Hilton, Rodney Howard. *Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381*. New York: Viking Press, 1973.
- «Historia belli sacri (Tudebodus imitatus et continuatus)». In Aleksandr A. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire, 324–1453*. 2nd ed. Vol. 2. Madison: University of Wisconsin Press, 1952.
- Hoare, Timothy D. *Thailand: A Global Studies Handbook*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2004.
- Hobbins, Daniel, trans. *The Trial of Joan of Arc*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2007.
- Hoiberg, Dale, and Indu Ramchandani. *Students' Britannica: India*. Vol. 3, *Iblis to Mira Bai*. New Delhi: Encyclopaedia Britannica, 2000.
- Hoil, Juan Jose. *The Book of Chilam Balam of Chumayel*. Translated by Ralph Loveland Roys. Norman: Oklahoma University Press, 1967.
- Holinshed, Raphael. *Chronicles of England, Scotland and Ireland*. Vol. 3. London: J. Johnson, 1808.
- Holt, John Clifford. *Buddha in the Crown: Avalokiteśvara in the Buddhist Traditions of Sri Lanka*. New York: Oxford University Press, 1991.
- . *Magna Carta*. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
- , ed. *The Sri Lanka Reader: History, Culture, Politics*. Durham, N.C.: Duke University Press, 2011.
- Holt, Peter M., Ann K. S. Lambton, and Bernard Lewis, eds. *The Cambridge History of Islam*. Vol. 1A, *The Central Islamic Lands from Pre-Islamic Times to the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- . *The Cambridge History of Islam*. Vol. 2A, *The Indian Sub-Continent, South-East Asia, Africa and the Muslim West*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Hooper, Nicholas, and Matthew Bennett. *Cambridge Illustrated Atlas of Warfare: The Middle Ages, 768–1487*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Horrox, Rosemary, trans. and ed. *The Black Death*. Manchester: Manchester University Press, 1994.

- Hosler, John D. *Henry II: A Medieval Soldier at War, 1147–1189*. Leiden: Brill, 2007.
- Housley, Norman. *Contesting the Crusades*. Malden, Mass.: Blackwell, 2006.
- Howorth, Henry H. *History of the Mongols: From the 9th to the 19th Century*. London: Longmans, Green, 1876.
- Hunter, William Wilson. *Imperial Gazetteer of India, 1833–1962*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1909.
- Henry of Huntingdon. *The Chronicle of Henry of Huntingdon*. Trans. Thomas Forester. London: Henry G. Bohn, 1853.
- Hus, Jan. *The Letters of John Hus*. London: Hodder and Stoughton, 1904.
- Hussey, J. M., and Andrew Louth. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Hussyny, Abu Talib. *The Mulfuzat Timury*. Translated by Charles Stewart. London: J. Murray, 1830.
- Ibn al-Athir. *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period*. Translated by D. S. Richards. Pts. 1–3. Aldershot, England: Ashgate, 2006.
- Ibn Battuta. *The Travels of Ibn Battuta in the Near East, Asia & Africa, 1325–1354*. Translated by Samuel Lee. Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2004.
- Ibn Shaddad, Baha' al-Din. *The Rare and Excellent History of Saladin*. Translated by D. S. Richards. Aldershot, England: Ashgate, 2002.
- Inalcik, Halil. «Ottoman Methods of Conquest». *Studia Islamica*, no. 2 (1954): 103–129.
- Ingrao, Charles W., and Franz A.J. Szabo, eds. *The Germans and the East*. West Lafayette, Ind.: Purdue University Press, 2008.
- Innes, Gordon. *Sunjata: Three Mandinka Versions*. London: School of Oriental and African Studies, University of London, 1974.
- Innocent IV. *Eger cui levia*. In Bernard Guillemain, *The Later Middle Ages*, trans. S. Taylor. New York: Hawthorn Books, 1960.
- Irele, Abiola, and Biodun Jeyifo, eds. *The Oxford Encyclopedia of African Thought*. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 2010.
- Isichei, Elizabeth Allo. *A History of African Societies to 1870*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Ivanhoe, P.J. *Confucian Moral Self-Cultivation*. Indianapolis, Ind.: Hackett, 2000.
- Jackson, Peter. *The Delhi Sultanate: A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- . *The Mongols and the West, 1221–1410*. New York: Pearson Longman, 2005.
- . *The Seventh Crusade, 1244–1254: Sources and Documents*. Aldershot, England: Ashgate, 2007.
- Jackson, Peter, and Laurence Lockhart, eds. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 6, *The Timurid and Safavid Periods*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Jackson, Sherman A. *Islamic Law and the State: The Constitutional Jurisprudence of Shihab al-Din al-Qarafi*. Leiden: Brill, 1996.

- Jacques de Vitry. *The Exempla*. London: Folk-Lore Society, 1890.
- Jayapalan, N. *History of India*. New Delhi: Atlantic, 2001.
- Jansen, Katherine L., et al., eds. *Medieval Italy: Texts in Translation*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.
- Jansen, Marius B., ed. *Warrior Rule in Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Jervis, W. H. *A History of France: From the Earliest Times to the Establishment of the Second Empire in 1852*. New York: Harper & Brothers, 1869.
- John of Fordun. *John of Fordun's Chronicle of the Scottish Nation*. Translated by Felix J. H. Skene. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1872.
- John of Salisbury. *The Metalogicon of John of Salisbury: A Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium*. Translated by Daniel D. McGarry. Berkeley: University of California Press, 1955.
- Johnson, Rossiter, Charles Horne, and John Rudd, eds. *The Great Events by Famous Historians*. Vol. 6. New York: Famous Alumni, 1905.
- Joinville, Jean de, and Geoffrey de Villehardouin. *Chronicles of the Crusades*. Translated by Frank T. Marzials. Mineola, N. Y.: Dover Publications, 2007.
- Joinville, Jean Sire de. *The History of St. Louis*. Edited by Natalis de Wailly. Translated by Joan Evans. London: Oxford University Press, 1938.
- Jones, Michael, ed. *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 6, C, 1300–c. 1415. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Jones, Robert W. *Bloodied Banners: Martial Display on the Medieval Battlefield*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2010.
- Jordan, William Chester. *The Great Famine: Northern Europe in the Early Fourteenth Century*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996.
- Journal of the Asiatic Society of Bengal*. Vol. 55, pt. 1. Calcutta: Asiatic Society, 1887.
- Kagay, Donald J., and L. J. Andrew Villalon. *The Circle of War in the Middle Ages: Essays on Medieval Military and Naval History*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1999.
- Kang, David C. *East Asia before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. New York: Columbia University Press, 2010.
- Kelly, John. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death*. New York: Harper Perennial, 2006.
- Kelun, Chen. *Chinese Porcelain: Art, Elegance, and Appreciation*. San Francisco: Long River Press, 2004.
- Keyes, Charles F. *The Golden Peninsula: Culture and Adaptation in Mainland Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1995.
- Keys, David. *Catastrophe: An Investigation into the Origins of the Modern World*. New York: Ballantine, 2000.
- Kim, Sangkeun. *Strange Names of God: The Missionary Translation of the Divine Name*. New York: P. Lang, 2004.

- King, Andy, and Michael A. Penman, eds. *England and Scotland in the Fourteenth Century: New Perspectives*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2007.
- Kington-Oliphant, T. K. *History of Frederick the Second, Emperor of the Romans*. Vol. 1. London: Macmillan, 1862.
- Kirkham, Victoria, and Armando Maggi, eds. *Petrarch: A Critical Guide to the Complete Works*. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- Khusru, Amir. *Tarikh'i Alai*. In *The History of India, As Told by Its Own Historians*, ed. H. M. Elliot and John Dowson. Vol. 3. London: Trubner, 1871.
- Kors, Alan Charles, and Edward Peters, eds. *Witchcraft in Europe, 400–1700: A Documentary History*. 2nd ed. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.
- Kubler, George. *The Art and Architecture of Ancient America: The Mexican, Maya, and Andean Peoples*. Baltimore: Penguin Books, 1962.
- Kulke, Hermann, and Dietmar Rothermund. *A History of India*. 3rd ed. New York: Routledge, 1998.
- Kumar, Raj, ed. *Essays on Medieval India*. New Delhi: Discovery Pub. House, 2003.
- Laichen, Sun. «Chinese Military Technology and Dai Viet: C. 1390–1497». ARI Working Paper, no. 11 (2003), доступно по адресу: http://www.ari.nus.edu.sg/docs/wps/wps03_011.pdf.
- Lambert, Malcolm. *Medieval Heresy: Popular Movements from the Gregorian Reform to the Reformation*. 3rd ed. Oxford: Blackwell, 2002.
- Lane, Frederic Chapin. *Venice, a Maritime Republic*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.
- Lane, George. *Genghis Khan and Mongol Rule*. Indianapolis, Ind.: Hackett, 2004.
- Lane-Poole, Stanley. *Medieval India under Mohammedan Rule, 712–1764*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1903.
- . *Saladin and the Fall of the Kingdom of Jerusalem*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1898.
- Lang, D. M., «Georgia in the Reign of Giorgi the Brilliant (1314–1346)». *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 17, no. 1 (1955): 74–91.
- Lange, Dierk. *Ancient Kingdoms of West Africa: Africa-Centred and Canaanite-Israelite Perspectives*. Dettelbach, Germany: J. H. Rull, 2004.
- Langtoft, Peter. *Peter of Langtoft's Chronicle*. Vol. 2 In *The Works of Thomas Hearne*. Vol. 4. London: S. Bagster, 1810.
- Lansing, Richard H., and Teodolinda Barolini, eds. *The Dante Encyclopedia*. New York: Garland, 2000.
- Lee, Guy Carleton. *Source-book of English History*. New York: H. Holt, 1900.
- Lee, Ki-baik. *A New History of Korea*. Translated by Edward W. Wagner with Edward J. Shultz. Seoul: Ilchokak Publishers, 1984.
- Lee, Peter H., ed. *Sourcebook of Korean Civilization*. Vol. 1, *From Early Times to the Sixteenth Century*. New York: Columbia University Press, 1993.

- Lee, Peter H., and Wm. Theodore de Bary, eds. *Sources of Korean Tradition*. New York: Columbia University Press, 1997.
- Le Tourneau, Roger. *The Almohad Movement in North Africa in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1969.
- Lev, Yaacov. *Saladin in Egypt*. Leiden: Brill, 1999.
- Levi, Scott C., and Ron Sela, eds. *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources*. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
- Levillain, Philippe, ed. *The Papacy: An Encyclopedia*. Vol.2. New York: Routledge, 2002.
- Levtzion, Nehemia, and Jay Spaulding, eds. *Medieval West Africa: Views from Arab Scholars and Merchants*. Princeton, N.J.: Markus Wiener Publishers, 2003.
- Levtzion, Nehemia, and J. F. P. Hopkins, eds. *Corpus of Early Arabic Sources for West African History*. Translated by J. F. P. Hopkins. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Levtzion, Nehemia, and Randall L. Pouwels, eds. *The History of Islam in Africa*. Athens: Ohio University Press, 2000.
- Levy, Ian Christopher, ed. *A Companion to John Wyclif, Late Medieval Theologian*. Leiden: Brill, 2006.
- Li, Kangying. *The Ming Maritime Trade Policy in Transition, 1368–1567*. Wiesbaden, Germany: Harrassowitz Verlag, 2010.
- Li, Wenhua. *Agro-ecological Farming Systems in China*. New York: Parthenon, 2001.
- Lieberman, Victor B. *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Lipschutz, Mark R., and R. Kent Rasmussen. *Dictionary of African Historical Biography*. 2nd ed. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Li Qingzhao ji jiaozhu. In Simon Leys, *The Hall of Uselessness: Collected Essays*. Collingwood, Vic.: Black, 2011.
- Livemore, H. P. *A New History of Portugal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
- Lloyd, John Edward. *A History of Wales: From the Norman Invasion to the Edwardian Conquest*. London: Longmans, Green, 1911.
- Lodge, Richard. *The Close of the Middle Ages, 1272–1494*. New York: Macmillan, 1906.
- Logan, F. Donald. *A History of the Church in the Middle Ages*. New York: Routledge, 2002.
- Lorge, Peter Allan. *War, Politics and Society in Early Modern China, 900–1795*. New York: Routledge, 2005.
- Lovejoy, Paul E. *Transformations in Slavery: A History of Slavery in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Lovell, Julia. *The Great Wall: China against the World, 1000 BC – AD2000*. New York: Grove Press, 2006.
- Lowney, Chris. *A Vanished World: Medieval Spain's Golden Age of Enlightenment*. New York: Free Press, 2005.

- Luscombe, David, and Jonathan Riley-Smith, eds. *New Cambridge Medieval History*. Vol. 4, C. 1024 — c. 1198. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Luttwak, Edward. *The Grand Strategy of the Byzantine Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009.
- Machiavelli, Niccolo. *The History of Florence and of the Affairs of Italy: From the Earliest Times to the Death of Lorenzo the Magnificent*. London: George Bell & Sons, 1891.
- Madden, Thomas F. *Enrico Dandolo and the Rise of Venice*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003.
- . *The New Concise History of the Crusades*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2005.
- Maddicott, J. R. *Simon de Montfort*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Magill, Frank N. *Great Lives From History: Ancient and Medieval Series, Vol. 1*. Pasadena, Calif.: Salem Press, 1988.
- Magdalino, Paul. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Magnusson, Magnus. *Scotland: The Story of a Nation*. New York: Atlantic Monthly Press, 2000.
- Ma-Huan. *Ying-yai Sheng-lan: The Overall Survey of the Ocean's Shores*. Translated and edited by J. V. G. Mills. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Maitland, S. R. *History of the Albigenes and Waldenses*. London: C. J. G. and F. Rivington, 1832.
- Malengreau, Jacques. *Societes des Andes: Des empires aux voisinages*. Paris: Karthala, 1995.
- Man, John. *Genghis Khan: Life, Death, and Resurrection*. New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press, 2005.
- The Mahavansa, Part II*. Translated by L. C. Wijesinha. Colombo, Ceylon: G. J. A. Skeen. 1889.
- Manogaran, Chelvadurai. *Ethnic Conflict and Reconciliation in Sri Lanka*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987.
- Marozzi, Justin. *Tamerlane: Sword of Islam, Conqueror of the World*. New York: Da Capo Press, 2006.
- Marshall, Robert. *Storm from the East: From Genghis Khan to Khubilai Khan*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Marsilius of Padua. *Defensor Pacis*. Translated and edited by Alan Gewirth. New York: Columbia University Press, 2001.
- Martin, Janet. *Medieval Russia, 980–1584*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Martin, Peter. *The Chrysanthemum Throne: A History of the Emperors of Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997.
- Mass, Jeffrey P. *The Development of Kamakura Rule, 1180–1250: A History with Documents*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1979.

- . *Yoritomo and the Founding of the First Bakufu: The Origins of Dual Government in Japan*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999.
- Mayaram, Shail. *Against History, against State: Counterperspectives from the Margins*. New York: Columbia University Press, 2003.
- McCullough, Helen Craig, ed. *Classical Japanese Prose: An Anthology*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990.
- , trans. and ed. *The Taiheiki: A Chronicle of Medieval Japan*. Tokyo: Tuttle Publishing, 1959.
- McGregor, Ronald S., ed. *A History of Indian Literature: Hindi Literature from Its Beginnings to the Nineteenth Century*. Wiesbaden, Germany: Harrassowitz Verlag, 1984.
- McVaugh, Michael R. *Medicine before the Plague: Practitioners and Their Patients in the Crown of Aragon, 1285–1345*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Mehta, Jaswant Lal. *Advanced Study in the History of Medieval India*. Vol. 1. New Delhi: Sterling, 1979.
- Menache, Sophia. *Clement V*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Meri, Josef W., ed. *Medieval Islamic Civilization: An Encyclopedia*. 2 vols. New York: Routledge, 2006.
- Meyer, Milton W. *Japan: A Concise History*. 3rd ed. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1993.
- Michell, George, and Mark Zebrowski, eds. *The New Cambridge History of India: 1.7*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Mickunaite, Giedre. *Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania*. Budapest: Central European University Press, 2006.
- Migne, Jacques P. *Patrologiae Cursus Completus / Patrologia Latina: Sive Bibliotheca Universalis. . . Omnium Ss. Patrum, Doctorum Scriptorum Que Ecclesiasticorum Qui Ab Aevo Apostolico Ad Usque Innocentii III Tempora Floruerunt*. Paris: Migne, 1855.
- Milman, Henry Hart. *History of Latin Christianity: Including That of the Popes to the Pontificate of Nicholas V*. Vol. 6. London: J. Murray, 1883.
- . *History of Latin Christianity: Including That of the Popes to the Pontificate of Nicholas V*. Vol. 7. New York: A. C. Armstrong & Sons, 1880.
- Molnar, Miklys. *A Concise History of Hungary*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Mommsen, Theodor E. «Petrarch's Conception of the 'Dark Ages.'» *Speculum* 17, no. 2 (April 1942): 226–242.
- Monstrelet, Enguerrand de. *The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet*. Vol. 1. Translated by Thomas Johnes. London: George Routledge & Sons, 1877.
- . *The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet*. Vol. 2. Translated by Thomas Johnes. London: Henry G. Bohn, 1853.
- . *The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet*. Vol. 6. Translated by Thomas Johnes. London: George Routledge & Sons, 1810.

- Moreton-Macdonald, John Ronald. *A History of France*. Vol. 1. New York: Macmillan, 1915.
- Morgan, D. O. «Ibn Battuta and the Mongols». *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3rd ser., 11, no. 1 (April 2001): 1–11.
- Morris, Colin. *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*. New York: Oxford University Press, 1989.
- Morris, Ivan. *The World of the Shining Prince: Court Life in Ancient Japan*. New York: Alfred A. Knopf, 1964.
- Morrison, Karl F., ed. *The Investiture Controversy: Issues, Ideals, and Results*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
- Mote, Frederick W. *Imperial China, 900–1800*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
- Mote, Frederick W., and Denis Twitchett, eds. *The Cambridge History of China*. Vol. 7, *The Ming Dynasty: 1368–1644*. Pt. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Munro-Hay, Stuart C. *Ethiopia: The Unknown Land*. New York: St. Martin's Press, 2002.
- Muntaner, Ramon. *Chronicle*. Translated by Lady Goodenough. Cambridge, Ontario: In Parentheses Publications, 2000.
- Murck, Alfreda. *Poetry and Painting in Song China: The Subtle Art of Dissent*. Cambridge, Mass.: Harvard University Asia Center, 2000.
- Murray, Alan V., Anne Huijbers, and Elizabeth Wawrzyniak. *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*. Farnham, England: Ashgate, 2009.
- Nahm, Andrew C. *Korea, Tradition and Transformation: A History of the Korean People*. Elizabeth, N. J.: Hollyn, 1988.
- Needham, Joseph. *Science and Civilisation in China: Physics and Physical Technology*. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1954.
- Newitt, Malyn. *A History of Portuguese Overseas Expansion, 1400–1668*. New York: Routledge, 2005.
- . *The Portuguese in West Africa: A Documentary History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Nguy n Tai T., and Chi Minh. *History of Buddhism in Vietnam*. Hanoi: Social Sciences Pub. House, 1992.
- Niane, Djibril Tamsir. *Sundiata: An Epic of Old Mali*. Translated by G. D. Pickett. London: Longmans, Green, 1965.
- Niane, Djibril Tamsir, and Joseph Ki-Zerbo. *Africa from the Twelfth to the Sixteenth Centuries*. Oxford: J. Currey, 1997.
- Nicol, Donald MacGillivray. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- . *The Immortal Emperor: The Life and Legend of Constantine Palaiologos*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

- . *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- . *The Reluctant Emperor: A Biography of John Cantacuzene*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Nicolaus von Jeroschin. *Chronicle of Prussia: A History of the Teutonic Knights in Prussia, 1190–1331*. Translated by Mary Fischer. Farnham, England: Ashgate, 2010.
- Nicolle, David. *The Great Chevauchée: John of Gaunt's Raid on France, 1373*. Oxford: Osprey, 2001.
- . *Nicopolis: The Last Crusade*. Oxford: Osprey, 1999.
- Nizami, Hasan. *Tajū-l Ma-asir*. In *The History of India, as Told by Its Own Historians*, edited by H. M. Elliot and John Dowson. Vol. 2. London: Trubner, 1869.
- Norgate, Kate. *John Lackland*. London: Macmillan, 1902.
- Norus, T., and Jona Zilius. *Lithuania's Case for Independence*. Washington, D.C.: B. F. Johnson, 1918.
- Norwich, John Julius. *Byzantium: The Decline and Fall*. New York: Alfred A. Knopf, 1996.
- . *Shakespeare's Kings: The Great Plays and the History of England in the Middle Ages, 1337–1485*. New York: Touchstone, 1999.
- Nowakowska, Natalia. *Church, State and Dynasty in Renaissance Poland: The Career of Cardinal Fryderyk Jagiellon (1468–1503)*. Aldershot, England: Ashgate, 2007.
- Obolensky, Dimitri. *Byzantium and the Slavs*. Crestwood, N. Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1994.
- O'Brien, Mark. *When Adam Delved and Eve Span: A History of the Peasants' Revolt of 1381*. Cheltenham, England: New Clarion Press, 2004.
- O'Callaghan, Joseph F. *A History of Medieval Spain*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1975.
- Oliver, Roland A., ed. *The Cambridge History of Africa*. Vol. 4, *From c. 1050 to c. 1600*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Oliver, Roland A., and Anthony Atmore. *Medieval Africa, 1250–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Oliver, Roland A., and Brian M. Fagan. *Africa in the Iron Age, c. 500 B.C. to A.D. 1400*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Olupona, Jacob Kehinde, and Terry S. Reynolds, eds. *Transa Devotion as World Religion: The Globalization of Yoruba Religious Culture*. Madison: University of Wisconsin Press, 2008.
- Oman, Charles. *The Great Revolt of 1381*. Oxford: Clarendon Press, 1906.
- Ooi, Keat Gin, ed. *Southeast Asia: A Historical Encyclopedia from Angkor Watt to Timor*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2004.
- Ordericus Vitalis. *The Ecclesiastical History of England and Normandy*. Translated by Thomas Forester. Vol. 4. London: Henry G. Bohn, 1856.

- Orfield, Lester B. *The Growth of Scandinavian Law*. Union, N.J.: Lawbook Exchange, 2002.
- Ormrod, W. M., ed. *Fourteenth Century England*. Vol. 3. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2004.
- Osborne, Milton. *The Mekong: Turbulent Past, Uncertain Future*. New York: Atlantic Monthly Press, 2000.
- Ostrogorsky, George. *History of the Byzantine State*. Oxford: Oxford University Press, 1968.
- Otto of Freising. *The Deeds of Frederick Barbarossa*. Translated by Charles Christopher Mierow. New York: Columbia University Press, 2004.
- Oxenboell, Morten. «Images of 'Akuto.'» *Monumenta Nipponica* 60, no. 2 (Summer 2005): 235–262.
- Pairis, Gunther of. *The Capture of Constantinople: The Hystoria Constantinopolitana of Gunther of Pairis*. Edited and translated by Alfred J. Andrea. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997.
- Pankhurst, Richard. *The Ethiopians: A History*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Paris, Matthew. *Matthew Paris's English History: From the Year 1235–1273*. Translated by J. A. Giles. Vols. 2–3. London: Henry G. Bohn, 1853–1854.
- Park, Changbom. *Astronomy: Traditional Korean Science*. Translated by Yoon-jung Cho and Hyun-ju Park. Seoul: Ewha Womans University Press, 2008.
- Payaslian, Simon. *The History of Armenia: From the Origins to the Present*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Payne-Gallway, Ralph. *The Book of the Crossbow*. New York: Dover Publications, 1995.
- Peake, Elizabeth. *History of the German Emperors and Their Contemporaries*. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1874.
- Pears, Edwin. *The Destruction of the Greek Empire*. London: Longmans, Green, 1903.
- Pelikan, Jaroslav. *The Growth of Medieval Theology (600–1300)*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
- Perkins, George W., trans. and ed. *The Clear Mirror: A Chronicle of the Japanese Court during the Kamakura Period (1185–1333)*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998.
- Pernoud, Regine, and Marie-Veronique Clin. *Joan of Arc: Her Story*. Translated by Jeremy duQuesnay Adams. New York: St. Martin's Press, 1998.
- Peter of Blois. *Epistolae*. Edited by J. A. Giles. Oxford: I. H. Parker, 1847.
- Peters, Edward, ed. *Heresy and Authority in Medieval Europe: Documents in Translation*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980.
- Petry, Carl F., ed. *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 1, *Islamic Egypt, 640–1517*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Pharr, Clyde. *The Theodosian Code and Novels, and the Sirmondian Constitutions*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952.

- Phillips, Jonathan. *The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople*. New York: Viking, 2004.
- . *Holy Warriors: A Modern History of the Crusades*. New York: Random House, 2010.
- Phillips, Jonathan, and Martin Hoch, eds. *The Second Crusade: Scope and Consequences*. Manchester: Manchester University Press, 2001.
- Pierre des Vaux de Cernay. *The History of the Albigensian Crusade: Peter of les Vaux-de-Cernay's Historia Albigensis*. Translated by William A. Sibly and Michael D. Sibly. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1998.
- Piotrowski, Andrzej. *Architecture of Thought*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011.
- Plantinga, Alvin. *God and Other Minds: A Study of the Rational Justification of Belief in God*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1990.
- Polo, Marco. *The Travels of Marco Polo the Venetian*. Translated by W. Marsden. Revised by T. Wright and Peter Harrison. New York: Alfred A. Knopf, 2008.
- Portilla, Miguel Leyn, and Earl Shorris, eds. *In the Language of Kings: An Anthology of Mesoamerican Literature*. New York: W. W. Norton, 2001.
- Prem, Hanns J. *The Ancient Americas: A Brief History and Guide to Research*. Translated by Kornelia Kurbjuhn. Salt Lake City: University of Utah Press, 1997.
- Prestwich, Michael. *Edward I*. Berkeley: University of California Press, 1988.
- . *Plantagenet England, 1225–1360*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Previte-Orton, Charles William. *The Shorter Cambridge Medieval History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1952.
- Prutz, Hans. *The Age of the Renaissance*. Translated by John Henry Wright. Philadelphia: Lea Brothers, 1905.
- Purton, Peter. *A History of the Late Medieval Siege, 1200–1500*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2010.
- Qaddumi, Ghadah Hijjawi. *Book of Gifts and Rarities*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.
- The Qur'an: A New Translation*. Translated by Thomas Clancy. Chicago: Starlatch Press, 2004.
- Rabbat, Nasser O. *The Citadel of Cairo: A New Interpretation of Royal Mamluk Architecture*. Cairo: Aga Khan Trust for Culture, 1989.
- Radice, Betty, trans. *The Letters of Abelard and Heloise*. New York: Penguin Books, 1974.
- Ramsay, James H. *The Scholar's History of England: Lancaster and York*. Oxford: Clarendon Press, 1892.
- Rasanayagam, C. *Ancient Jaffna*. New Delhi: Asian Educational Services, 1984.
- Ray, Bharati. *Different Types of History*. Delhi: Pearson Longman, 2009.

- Raymond, Andre. *Cairo*. Translated by Willard Wood. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.
- Reich, Emil. *Select Documents Illustrating Medieval and Modern History*. London: P.S. King & Son, 1905.
- Reilly, B. F. *The Contest of Christian and Muslim Spain*. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Rist, Rebecca. *The Papacy and Crusading in Europe, 1198–1245*. New York: Continuum, 2009.
- Robinson, David M. *Empire's Twilight: Northeast Asia under the Mongols*. Cambridge, Mass.: Harvard-Yenching Institute, 2009.
- Robinson, N., ed. *A History of the World with All Its Great Sensations*. New York: P. F. Collier, 1887.
- Rodriguez, Junius P., ed. *The Historical Encyclopedia of World Slavery*. Vol. 2. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 1997.
- Roger of Hoveden. *The Annals of Roger de Hoveden*. Translated by Henry T. Riley. Vol. 2. London: H. G. Bohn, 1853.
- Roger of Wendover. *Flowers of History*. Translated by J. A. Giles. Vol. 2. London: Henry G. Bohn, 1849.
- Ross, James Bruce, and Mary Martin McLaughlin, eds. *The Portable Medieval Reader*. New York: Penguin, 1977.
- Roth, Norman. *Jews, Visigoths, and Muslims in Medieval Spain: Cooperation and Conflict*. Leiden: Brill, 1994.
- Rothwell, Harry, ed. *English Historical Documents*. Vol. 3, 1189–1327. London: Eyre & Spottiswoode, 1975.
- Rubin, Uri, and David J. Wasserstein, eds. *Dhimmis and Others: Jews, Christians, and the World of Classical Islam*. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 1997.
- Runciman, Stephen. *A History of the Crusades*. Vol. 2, *The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100–1187*. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- . *A History of the Crusades*. Vol. 3, *The Kingdom of Acre and the Later Crusades*. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- . *The Sicilian Vespers: A History of the Mediterranean World in the Later Thirteenth Century*. Harmondsworth, England: Penguin, 1960.
- Rushton, Alan R. *Royal Maladies: Inherited Diseases in the Ruling Houses of Europe*. Victoria, B.C.: Trafford Publishing, 2008.
- Russell-Wood, A. R. «Iberian Expansion and the Issue of Black Slavery: Changing Portuguese Attitudes, 1440–1770». *American Historical Review* 83, no. 1 (Feb. 1978): 16–42.
- Salisbury, W. A. *Portugal and Its People: A History*. London: T. Nelson & Sons, 1893.
- Sallares, Robert. *Malaria and Rome: A History of Malaria in Ancient Italy*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Sandeman, George A. C. *Metternich*. London: Methuen, 1911.

- Sansom, George. *A History of Japan to 1334*. London: Cresset Press, 1958.
- Sardar, Marika. «Golconda through Time». Ph.D. diss., New York University, 2007.
- Sarmiento de Gamboa, Pedro. *The History of the Incas*. Translated and edited by Brian S. Bauer and Vania Smith. Austin: University of Texas Press, 2007.
- Sato, Tsugitaka. *State and Rural Society in Medieval Islam: Sultans, Muqta's, and Fallahun*. Leiden: Brill, 1997.
- Saul, Nigel, ed. *Fourteenth Century England*. Vol. 5. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2008.
- Saunders, John Joseph. *The History of the Mongol Conquests*. London: Routledge & K. Paul, 1971.
- Saunders, Nicholas J. *Ancient Americas: The Great Civilisations*. Stroud, England: Sutton, 2004.
- Saxena, Sunil K. *History of Medieval India*. New Delhi: DPS Publishing House, 2001.
- Schaff, Philip, and David Schley Schaff. *History of the Christian Church*. Vol. 5, pt. 2, *The Middle Ages*. New York: Charles Scribner's Sons, 1910.
- Schatz, Klaus. *Papal Primacy: From Its Origins to the Present*. Collegeville, Minn.: Liturgical Press, 1996.
- Scott, Franklin Daniel. *Sweden, the Nation's History*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
- Scott, Susan, and Christopher Duncan. *Biology of Plagues: Evidence from Historical Populations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Searby, Denis Michael, trans. *Revelations of St. Birgitta of Sweden*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Translated by Igor de Rachewiltz. Vol. 1. Leiden: Brill, 2004.
- Sedlar, Jean W. *East Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500*. Seattle: University of Washington Press, 1994.
- Seiwert, Hubert. *Popular Religious Movements and Heterodox Sects in Chinese History*. Leiden: Brill, 2003.
- Selin, Helaine, ed. *Encyclopedia of the History of Science, Technology, and Medicine in Non-Western Cultures*. Berlin: Springer, 2008.
- Sen, Sailendra N. *Ancient Indian History and Civilization*. New Delhi: Wiley Eastern, 1988.
- Sen, Tansen. *Buddhism, Diplomacy, and Trade: The Realignment of Sino-Indian Relations*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003.
- Serrano, Ana, María J. Viguera, Jernimo Paez Lypez, and J. M. Cabeza Mendez. *Ibn Khaldun: The Mediterranean in the 14th Century: Rise and all of Empires*. Seville: Fundaciyn El Legado Andalush, 2006.
- Sertima, Ivan Van, ed. *African Presence in Early America*. Piscataway, N.J.: Transaction Publishers, 1992.
- Seth, Michael J. *A History of Korea: From Antiquity to the Present*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2011.

- Setton, Kenneth Meyer. *The Papacy and the Levant, 1204–1571*. Vol. 2, *The Fifteenth Century*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1978.
- Seward, Desmond. *The Hundred Years War: The English in France, 1337–1453*. New York: Penguin, 1999.
- Sewell, Robert, Fercao Nunes, and Domingos Paes. *A Forgotten Empire (Vijayanagar): A Contribution to the History of India*. Shannon: Irish University Press, 1972.
- Shams-i-Siraj. *Tarikh-i Firoz Shahi*. In *The History of India As Told by Its Own Historians*, edited by H. M. Elliot and John Dowson. Vol. 3. London: Trubner, 1871.
- Sharer, Robert J, and Sylvanus G. Morley. *The Ancient Maya*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1994.
- Sharma, R. S. *Early Medieval Indian Society: A Study in Feudalisation*. Hyderabad: Orient Longman, 2001.
- Shatzmiller, Maya, ed. *Crusaders and Muslims in Twelfth-Century Syria*. New York: Brill, 1993.
- Shaw, Ian, and Robert Jameson. *A Dictionary of Archaeology*. Oxford: Blackwell, 1999.
- Shelton, Dinah. *Encyclopedia of Genocide and Crimes against Humanity*. Vol. 2. London: Macmillan Reference, 2005.
- Shillington, Kevin, ed. *Encyclopedia of African History*. New York: Routledge, 2005.
- Shirley, Janet, trans. *Crusader Syria in the Thirteenth Century: The Rothelin Continuation of the History of William of Tyre, with Part of the Eracles or Acre Text*. Aldershot, England: Ashgate, 1999.
- Shively, Donald H., and William H. McCullough, eds. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 2, *Heian Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Shultz, Edward J. *Generals and Scholars: Military Rule in Medieval Korea*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.
- Sicker, Martin. *The Islamic World in Decline: From the Treaty of Karlowitz to the Disintegration of the Ottoman Empire*. Westport, Conn.: Praeger, 2001.
- Sime, James, and Edward A. Freeman. *History of Germany*. New York: H. Holt, 1874.
- Simeon of Durham. *The Historical Works of Simeon of Durham*. Translated by Joseph Stevenson. London: Seeleys, 1855.
- «The Simonie». In *Medieval English Political Writings*. Edited by James M. Dean. Kalamazoo, Mich.: Medieval Institute Publications, 1996.
- Simpson, Alicia, and Stephanos Efthymiadis. *Niketas Choniates: A Historian and Writer*. Geneva: La Pomme d'Or, 2009.
- Sinor, Denis. *Inner Asia: History, Civilization, Languages*. Bloomington: Indiana University, 1969.
- Sismondi, Jean-Charles-Leonard. *Italian Republics, or the Origin, Progress, and Fall of Italian Freedom*. Paris: A. and W. Galignani, 1841.
- Skinner, Quentin. *The Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Skene, Felix J. H., ed. *The Historians of Scotland*. Vol. 10, *The Book of Pluscarden*. Edinburgh: William Paterson, 1880.

- Slote, Walter H., and George A. De Vos, eds. *Confucianism and the Family*. Albany: State University of New York Press, 1998.
- Smith, Damian J. *Innocent III and the Crown of Aragon: The Limits of Papal Authority*. Aldershot, England: Ashgate, 2004.
- Smith, Huston, and Philip Novak. *Buddhism: A Concise Introduction*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 2003.
- Smith, Philip. *The History of the Christian Church during the Middle Ages, with a Summary of the Reformation*. New York: Harper & Brothers, 1885.
- Soucek, Svat. *A History of Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Soustelle, Jacques. *Daily Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1970.
- Southern, R. W. *The Making of the Middle Ages*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1953.
- Southwick, Charles H. *Global Ecology in Human Perspective*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Souyri, Pierre Francois. *The World Turned Upside Down: Medieval Japanese Society*. Translated by Kathe Roth. New York: Columbia University Press, 2001.
- Spandounes, Theodore. *On the Origin of the Ottoman Emperors*. Translated and edited by Donald M. Nicol. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Spigelman, James J. *Becket & Henry: The Becket Lectures*. Sydney, Australia: St. Thomas More Society, 2004.
- Spoto, Donald. *Joan: The Mysterious Life of the Heretic Who Became a Saint*. New York: HarperCollins, 2007.
- Spuler, Bertold. *A History of the Muslim World: The Mongol Period*. Princeton, N.J.: Markus Wiener Publishers, 1994.
- Stone, Daniel. *The Polish-Lithuanian State, 1386–1795*. Vol. 4. Seattle: University of Washington Press, 2001.
- Strayer, Joseph R. *The Albigensian Crusades*. With a new epilogue by Carol Lansing. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.
- Staunton, Michael. *The Lives of Thomas Becket*. Manchester: Manchester University Press, 2001.
- Stavrides, Theoharis. *The Sultan of Vezirs: The Life and Times of the Ottoman Grand Vezir Mahmud Pasha Angelovic (1453–1474)*. Leiden: Brill, 2001.
- Sugar, Peter F., ed. *A History of Hungary*. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- Sumption, Jonathan. *The Hundred Years War*. Vol. 1, *Trial by Battle*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992.
- . *The Hundred Years War*. Vol. 2, *Trial by Fire*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999.
- . *The Hundred Years War*. Vol. 3, *Divided Houses*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.
- Suny, Ronald Grigor. *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

- Swanson, R.N. *The Twelfth-Century Renaissance*. Manchester: Manchester University Press, 1999.
- Swanton, M. J., trans. and ed. *The Anglo-Saxon Chronicle*. New York: Routledge, 1998.
- Swift, Francis Darwin. *The Life and Times of James the First*. Oxford: Clarendon Press, 1894.
- Symonds, John Addington. *Renaissance in Italy: The Age of the Despots*. New York: Henry Holt, 1883.
- Tabakat-i-Nasiri*. Translated by H. G. Raverty. London: Gilbert & Rivington, 1881.
- Tafur, Pero. *Travels and Adventures 1435–1439*. Translated by Malcom H. I. Letts. London: Routledge, 1926.
- Takakusu, Junjiro, Wing-tsit Chan, and Charles A. Moore. *The Essentials of Buddhist Philosophy*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973.
- Tanner, Harold Miles. *China: A History*. Indianapolis: Hackett, 2009.
- Tanner, J. R., et al., eds. *The Cambridge Medieval History*. Vol. 4, *The Eastern Roman Empire, 717–1453*. Cambridge: Cambridge University Press, 1923.
- Tarling, Nicholas, ed. *The Cambridge History of Southeast Asia*. Vol. 1, *From Early Times to c. 1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Tellenbach, Gerd. *The Church in Western Europe from the Tenth to the Early Twelfth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Thatcher, Oliver J., and Edgar H. McNeal. *A Source Book for Mediaeval History: Selected Documents Illustrating the History of Europe in the Middle Age*. New York: C. Scribner's Sons, 1905.
- Thorndike, Lynn. *A History of Magic and Experimental Science: Fourteenth and Fifteenth Centuries*. New York: Columbia University Press, 1934.
- Tierney, Brian. *The Crisis of Church & State, 1050–1300: With Selected Documents*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.
- Tout, Thomas F. *Chapters in the Administrative History of Mediaeval England*. Vol. 2, *The Wardrobe, the Chamber, and the Small Seals*. Manchester: University of Manchester Press, 1928.
- . *The Empire and the Papacy, 918–1273*. New York: Macmillan, 1899.
- Tran, Nhung Tuyet, and Anthony Reid. *Viet Nam: Borderless Histories*. Madison: University of Wisconsin Press, 2006.
- Treadgold, Warren T. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997.
- Treharne, R. F. *The Baronial Plan of Reform, 1258–63*. Manchester: Manchester University Press, 1971.
- Turnbull, Stephen R. *Fighting Ships of the Far East*. Vol. 1, *China and Southeast Asia, 202 BC – AD 1419*. Oxford: Osprey, 2002.
- . *Genghis Khan and the Mongol Conquests, 1190–1400*. Oxford: Osprey, 2003.
- . *The Ottoman Empire, 1326–1699*. Oxford: Osprey, 2003.
- . *The Samurai: A Military History*. New York: Macmillan, 1977.

- Turner, Ralph V. *Eleanor of Aquitaine: Queen of France, Queen of England*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2009.
- Twigg, Graham. *The Black Death: A Biological Reappraisal*. New York: Schocken Books, 1985.
- Tyerman, Christopher. *God's War: A New History of the Crusades*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006.
- Ulian, Eva. *Rajput*. Bloomington, Ind.: Westbow Press, 2010.
- Usk, Adam. *The Chronicle of Adam Usk*. Translated by C. Given-Wilson. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Vacandard, Elphege. *The Inquisition: A Critical and Historical Study of the Coercive Power of the Church*. Translated by Bertrand L. Conway. New York: Longmans, Green, 1908.
- Vale, Malcolm G. A. *Charles VII*. Berkeley: University of California Press, 1974.
- Vambery, Armin, and Louis Heilprin. *The Story of Hungary*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1886.
- Vasary, Istvan. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Vasiliev, Aleksandr A. *History of the Byzantine Empire, 324–1453*. 2nd ed. Vol. 2. Madison: University of Wisconsin Press, 1952.
- Vaughan, Richard. *John the Fearless: The Growth of Burgundian Power*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2002.
- Verbruggen, J. F. *The Battle of the Golden Spurs (Courtrai, 11 July 1302): A Contribution to the History of Flanders' War of Liberation, 1297–1305*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2002.
- Verma, S. K. *Political History of Ancient India*. Delhi: Manglam Publications, 2010.
- Vernadsky, George. *Kievan Russia*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1948.
- Vickers, Robert H. *History of Bohemia*. Chicago: C. H. Sergel, 1894.
- Villalon, L. J. Andrew, and Donald J. Kagay, eds. *The Hundred Years War (Part II): Different Vistas*. Leiden: Brill, 2008.
- Villani, Giovanni. *Villani's Chronicle: Being Selections from the First Nine Books of the Croniche Fiorentine of Giovanni Villani*. Trans. Rose E. Selfe. New York: E. P. Dutton and Co., 1907.
- Villehardouin, Geoffroy de. «The Conquest of Constantinople». In *Joinville and Villehardouin: Chronicles of the Crusades*, trans. M. R. B. Shaw. New York: Penguin, 1963.
- Wakefield, Walter L., and Austin P. Evans. *Heresies of the High Middle Ages*. New York: Columbia University Press, 1991.
- Walsingham, Thomas. *The Chronica Maiora of Thomas Walsingham, 1376–1422*. Translated by David Preest. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2005.

- Wang, Yuan-Kang. *Harmony and War: Confucian Culture and Chinese Power Politics*. New York: Columbia University Press, 2011.
- Warren, Wilfred Lewis. *The Governance of Norman and Angevin England, 1086–1272*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987.
- . *Henry II*. Berkeley: University of California Press, 1973.
- Warshaw, Steven. *China Emerges: A Concise History of China from Its Origins to the Present*. Berkeley, Calif.: Diablo Press, 1987.
- Watson, Burton, trans. *Tales of the Heike*. Edited by Haruo Shirane. New York: Columbia University Press, 2006.
- Wagh, Scott L., and Peter Diehl, eds. *Christendom and Its Discontents: Exclusion, Persecution, and Rebellion, 1000–1500*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Weakland, John E. «Pastorelli, Pope, and Persecution: A Tragic Episode in 1320». *Jewish Social Studies* 38, no. 1 (Winter 1976): 73–76.
- Weatherford, J. M. I. *The History of Money: From Sandstone to Cyberspace*. New York: Crown Publishers, 1997.
- Weir, Alison. *Queen Isabella: Treachery, Adultery, and Murder in Medieval England*. New York: Ballantine Books, 2005.
- White, Henry. *History of Great Britain and Ireland*. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1849.
- Whitmore, John K. *Essays into Vietnamese Pasts*. Ithaca, N. Y.: Southeast Asia Program, Cornell University, 1995.
- Wiesner, Merry E., et al. *Discovering the Global Past*. Vol. 1. Boston: Wadsworth, 2012.
- Wijesinha, L. C., trans. *The Mahavansa, Part II*. Colombo, Ceylon: G. J. A. Skeen, 1889.
- William of Malmesbury. *The Deeds of the Bishops of England (Gesta Pontificum Anglorum)*. Translated by David Preest. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2002.
- . *Gesta Regum Anglorum (The History of the English Kings)*. Translated by R. A. B. Mynors, R. M. Thomson, and Michael Winterbottom. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- William of Newburgh. *Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I*. Edited by Richard Howlett. Vol. 3. London: Longman, 1886.
- . *The History of English Affairs, Book I*. Edited and translated by P. G. Walsh and M. J. Kennedy. Oxford: Oxbow Books, 1988.
- . *The History of English Affairs, Book II*. Edited and translated by P. G. Walsh and M. J. Kennedy. Oxford: Ais & Phillips, 2007.
- William of Puylaurens. *The Chronicle of William of Puylaurens: The Albigensian Crusade and Its Aftermath*. Translated by W. A. Sibly and M. D. Sibly. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2003.
- William of Tudela. *The Song of the Cathar Wars: A History of the Albigensian Crusade*. Translated by Janet Shirley. Ashgate, England: Scholar Press, 1996.

- William of Tyre. *A History of Deeds Done beyond the Sea*. Translated and edited by Emily Atwater Babcock and A. C. Krey. Vol. 2. New York: Octagon Books, 1976.
- Williams, George L. *Papal Genealogy: The Families and Descendants of the Popes*. Jefferson, N.C.: McFarland, 1998.
- Williams, Henry Smith, ed. *The Historians' History of the World*. Vol. 14, *The Netherlands (Concluded), the Germanic Empires*. London: History Association, 1907.
- Wojciehowski, Hannah Chapelle. *Group Identity in the Renaissance World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Wolff, Robert Lee, and Harry W. Hazard, eds. *A History of the Crusades*. Vol. 2, *The Later Crusades, 1189–1311*. 2nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1969.
- Wolpert, Stanley. *A New History of India*. New York: Oxford University Press, 2004.
- Wood, Diana. *Clement VI: The Pontificate and Ideas of an Avignon Pope*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Wood, Mary Morton. *The Spirit of Protest in Old French Literature*. New York: Columbia University Press, 1917.
- Woodside, Alexander. *Vietnam and the Chinese Model: A Comparative Study of Nguyen and Ch'ing Civil Government in the First Half of the Nineteenth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.
- Wright, Nicholas. *Knights and Peasants: The Hundred Years War in the French Countryside*. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1998.
- Wright, Thomas, ed. *The Political Songs of England, from the Reign of John to That of Edward II*. London: Camden Society, 1839.
- Wyatt, David K. *Thailand: A Short History*. 2nd ed. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.
- Wycliffe, John. *Writings of the Reverend and Learned John Wycliff*. London: Religious Tract Society, 1831.
- Yamamura, Kozo. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 3, *Medieval Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Yang, Xianyi, and Gladys Yang, trans. *Poetry and Prose of the T'ang and Song*. Beijing: Panda Books, 1984.
- Yong, Heming, and Jing Peng. *Chinese Lexicography: A History from 1046 BC to AD 1911*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Young, George Frederick. *The Medici*. Vol. 1. New York: E. P. Dutton, 1911.
- Yu, Lu. «To Show to My Sons». Translated by Burton Watson. In *The Shorter Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature*, ed. Victor H. Mair. New York: Columbia University Press, 2000.
- Ziegler, Philip. *The Black Death*. Gloucestershire, England: Sutton Publishing, 1997.
- Zurura, Gomes Eanes de. *The Chronicle of the Discovery and Conquest of Guinea*. Translated by Charles Raymond Beazley and Edgar Prestage. Vol. 1. London: Hakluyt Society, 1896.

Содержание

Благодарности	5
-------------------------	---

Предисловие	7
-----------------------	---

Часть первая. ВОЗРОЖДЕНИЕ БЫЛО НЕ ОДНО

Глава 1. Логика и компромиссы	11
Глава 2. Крестоносцы — враги	22
Глава 3. Анархия	28
Глава 4. Потерянная родина.	36
Глава 5. Новый крестовый поход	46
Глава 6. Реконкиста и новое открытие	56
Глава 7. Вопросы авторитета	63
Глава 8. Новые представители династии Сун.	70
Глава 9. Смута в годы Хэйдзи.	76
Глава 10. Гибель армии	85
Глава 11. Первый Плантагенет	93
Глава 12. Фридрих Барбаросса	99
Глава 13. Альмохады в Испании	107
Глава 14. «Многочисленные народы».	113
Глава 15. Последний халиф Фатимидов	123
Глава 16. Монахи и брахманы.	131
Глава 17. Завоевание Желаящих	141
Глава 18. Смерть священника.	152
Глава 19. Международные отношения	162
Глава 20. Венецианская проблема	171
Глава 21. Ссоры	179
Глава 22. Саладин	188
Глава 23. Война Гэмпэй.	196
Глава 24. Крестовый поход королей.	202
Глава 25. Разграбление Константинополя	217

Часть вторая. ВТОРЖЕНИЯ, ЕРЕСИ И ВОССТАНИЯ

Глава 26. На Запад	229
Глава 27. Монгольская школа войны	237
Глава 28. Иоанн Мягкий меч	246
Глава 29. Сундьята в Мали	252
Глава 30. Смута годов Дзекю	257
Глава 31. Обесцененный трон	265
Глава 32. Первый Делийский султанат	273
Глава 33. Ересь	282
Глава 34. Реконкиста и падение	295
Глава 35. От Бувина до Великой Хартии	303
Глава 36. Рождение инквизиции	314
Глава 37. Буря с востока	323
Глава 38. Южная Индия и Шри-Ланка	334
Глава 39. Пятый крестовый поход	340
Глава 40. От Золотой буллы до Балтийского крестового похода	348
Глава 41. Среди гор, озер и холмов	357
Глава 42. Крестовый поход императора	365
Глава 43. Королевства Индокитая	372
Глава 44. Молодые короли	378
Глава 45. Монгольская орда	389
Глава 46. Долг ненависти	401
Глава 47. Тень Бога	413
Глава 48. Седьмой крестовый поход	420
Глава 49. Раскол ханства	430
Глава 50. Мамлюки Египта	439
Глава 51. Людовик Святой	448
Глава 52. Логово льва	456
Глава 53. Отвоевание Константинополя	467
Глава 54. Последние крестовые походы	475
Глава 55. Кубла-хан	485
Глава 56. Сицилийская вечерня	496
Глава 57. Войны Эдуарда I	506
Глава 58. Второй Делийский султанат	520
Глава 59. Конец всевластия пап	528
Глава 60. Появление османов	540
Глава 61. Падение Хальджи	550
Глава 62. Триумф Брюса	557

Часть третья. КАТАСТРОФЫ

Глава 63. Великий голод	567
Глава 64. Султан и хан	573
Глава 65. Манса Муса из Мали.	580
Глава 66. После голода	587
Глава 67. Северный и Южный дворы	599
Глава 68. Восстания	608
Глава 69. Дать имя Возрождению	616
Глава 70. Города на озере.	625
Глава 71. Столетняя война.	632
Глава 72. Конец света	643

Часть четвертая. ПЕРЕГРУППИРОВКА

Глава 73. Жаждающие войны.	652
Глава 74. Белый Лотос, красная повязка.	665
Глава 75. После монголов	674
Глава 76. Турки и отчаявшийся император	681
Глава 77. Уничтожение Дели	689
Глава 78. Кревская уния	696
Глава 79. Возрождение монгольской орды.	704
Глава 80. Компромиссы и договоры.	713
Глава 81. Дом Висконти и Папская область.	721
Глава 82. Плохое начало	729
Глава 83. Блуждающая империя	742
Глава 84. Безумие и узурпация	748
Глава 85. Битва при Никополе	757
Глава 86. Кальмарская уния: союз и распад	766
Глава 87. Восстание гуситов.	775
Глава 88. Завоевание Франции.	789
Глава 89. После Тамерлана	798

Часть пятая. ЗАВЕРШЕНИЯ

Глава 90. Отступление империи Мин.	809
Глава 91. Крушение	820
Глава 92. Вечное рабство.	833
Глава 93. Потеря Франции	844
Глава 94. Падение	861
Примечания.	875
Использованные источники	924

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Бауэр Сьюзен Уайс

ИСТОРИЯ РЕНЕССАНСА

**От возвращения Аристотеля
до завоевания Константинополя**

Ответственный редактор *Н. Никитенко*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 04.06.18. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 60.
С.: История в одном томе. Тираж 2500 экз. Заказ № 5048/18.
С.: Страницы истории. Тираж 1500 экз. Заказ № 5049/18.

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

История мира Ренессанса с XII века до середины века XV — от возрождения интереса к Античности, от Первых крестовых походов до падения Константинополя и конца Византийской империи.

В этой книге Сьюзен Бауэр продолжает широкими мазками живописать историю западных и восточных цивилизаций, как делала это в «Истории Древнего мира» и «Истории Средневекового мира».

Ее книги — не просто сухие факты, но подробный и яркий рассказ о внешней и внутренней политике государств эпохи Возрождения, об их литературе, религии и мифологии, повседневной жизни и системе управления.

Результатом становится потрясающая мозаика событий, свидетельств и документов, в которой в равной степени важен каждый элемент.

ISBN 978-5-17-110845-8

